Евразийский юридический журнал

№ 7 (182) 2023

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)
АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)
БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)
БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)
БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)
ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан
КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)
КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)
КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)
ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)
МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)
МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)
РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)
СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)
СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)
ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)
ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)
ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)
ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.
С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по трем специальностям:
12.00.00 Юридические науки
08.00.00 Экономические науки
09.00.00 Философские науки
(список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве.
Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет.
Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в “Евразийском юридическом журнале”, может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2023

Подписано в печать 20.08.2023
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
https://eurasialaw-journal.ru/

Eurasian Law Journal

№ 7 (182) 2023

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENOV Erkin Ermanovich, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)
AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)
BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation
BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)
BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)
BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)
BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)
CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation).
FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)
FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)
ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan
KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)
KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)
KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPA under the President of the Russian Federation)
KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)
KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)
LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)
LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)
MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)
MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)
NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Bashkir State University)
RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"
RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)
SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)
RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)
SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)
SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia
SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)
SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)
TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))
TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)
YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

Journalis published withsupport of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.
No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2023

Signed for printing 20.08.2023
Format 62x84 1/8.
Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.
Head of the Internet projects – Dryakhlov S. P.
Desktop publishing – Brylev S. O.
Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034
Phone: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
https://eurasialaw-journal.ru/

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
EURASIAN LAW JOURNAL

Редакционная коллегия

Главный редактор
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии
заместитель главного редактора:
СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:
БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:
ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:
АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:
ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:
ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АЗАРХИН Алексей Владимирович, к.ю.н., доцент
АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.
ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, к.ю.н., доцент
ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент
ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент
ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.
ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент
ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент
МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.
ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент
ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент
САФРОНОВ Константин Юрьевич
СОДИКОВ Шарбатулло Джаборович, к.ю.н.
ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент
ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент
ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.
ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:
ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Editorial board

Editor-in-Chief
FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members
deputy Editor-in-Chief:
SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:
BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:
LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:
ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:
ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:
FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

AZARKHIN Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law
GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics
ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law
IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences, Associate Professor
MEHDIEV Elnur Tadzhaddinovich, Ph.D. in History
OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor
PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor
SAFRONOV Konstantin Yuryevich
SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law
TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor
FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law
SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor
VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

head of the internet-projects:
DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Учредитель:
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Founder:
FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

СОДЕРЖАНИЕ

PERSONA GRATA

А. С. Овчинский:
Об информации в мире цифровых данных
Интервью с Анатолием Семеновичем Овчинским, доктором технических наук, профессором, академиком РАЕН **14**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Баталов А. А.
Проблемы ответственности в международном воздушном праве в контексте регионального сотрудничества **20**

Смирных С. Е.
Международно-правовой статус детей и молодежи, лишенных свободы **29**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Лопатухин К. Д.
Правовое регулирование и практическое применение принципа конфиденциальности в международном коммерческом арбитраже **35**

Лопатухин К. Д.
Третьи лица в международном коммерческом арбитраже **37**

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Апольский Е. А., Бурьянова Е. И.
Категория «правосознание» в современном теоретико-правовом дискурсе: гносеологическое измерение **39**

Китаева А. В.
Понятие и особенности права общей собственности **42**

Михайлик А. А.
К вопросу о новых видах юридической ответственности **44**

Мохоров Д. А., Мохорова А. Ю., Демидов В. П., Долженкова Е.
Коррупция и лоббизм как атрибуты политических процессов **46**

Павлисова Т. Е., Шаповалов А. В.
Эволюция института банкротства по законодательству России и зарубежных стран **49**

Хут Д. Ш.
Уяснение права **52**

Мохоров Д. А., Минкина М. В.
Лоббизм как правовой феномен противодействия коррупции **55**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Буканова Р. Г., Байназаров И. Н.
Сибирь в эпоху Петра I **58**

Галиев Р. М., Байназаров И. Н.
Исторические традиции Южного Урала как основа формирования молодежной культуры **60**

Данилов В. Л.
Защита вероисповедания: между свободой выражения и ограничениями **62**

Егоров И. А.
Борьба с незаконными вооруженными формированиями на Северо-Западе РСФСР в 1920-е гг. **65**

Кузнецова Е. В.
Общественные движения в СССР в 90-е годы **68**

Недзелюк Т. Г.
Проблемы рецепции римского права российской правовой наукой: методические аспекты преподавания дисциплины **72**

Дорожко С. В.
Отражение особенностей японского менталитета в конституции Японии 1889 г. и 1947 г. **76**

Харитонова А. Н., Корчагина И. В.
Налоговые органы Астраханской губернии в период НЭП: правовые регуляторы деятельности, гарантии фискальной безопасности **80**

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Абдурахманова Э. Х., Саркарова Д. С.
Проблемы защиты права граждан на неприкосновенность частной жизни и персональных данных в России в условиях цифровизации **83**

Алиева Х. Т., Дибиров М. Т.
Политический плюрализм на примере формирования Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в период с 1993 по 2021 годы **85**

Барашева Е. В.
Гражданское общество в России как продукт реализации конституционных прав и свобод **88**

Белякова А. М.
Новая идеология современной России **91**

Иванова Л. А., Эктова В. А.
Дефиниция «конституционализации» в контексте правовой категории права на труд **94**

Магомедова З. Р., Рамазанова Э. Т.
Представительная демократия на местном уровне как форма народовластия в РФ **96**

Габиева С. М.
К вопросу о реализации Конституции Российской Федерации после внесения поправок 2020 ..... **98**

Яриков М. М., Раджабова Э. Ш.
Институт избирательных споров как средство реализации конституционных гарантий прав граждан на участие в управлении делами государства **101**

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Грунин А. Г.
Соотношение административных и уголовных наказаний в системе мер государственного принуждения **104**

Пестов Р. А., Савочкина Д. О., Габдуллин Т. Р.
Профилактика семейно-бытового насилия: междисциплинарный аспект **108**

Петровская М. И.
Основные подходы к административно-правовому регулированию государственного управления в сфере вынужденной миграции в России **111**

Семенов А. В.
Процесс доказывания при привлечении к административной ответственности в области дорожного движения **114**

Челпанова М. М., Понежина Л. Ю.
Органы внутренних дел, как субъект административно-правового противодействия нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных мероприятий **116**

Халилев Р. А.
Административно-правовые основы противодействия коррупции в образовании **119**

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Попова Ю. А., Передрий Т. Е.
Срок на обращение в суд как процессуальный инструмент защиты прав налогоплательщиков в современном российском административном судопроизводстве **121**

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Ивенская А. А.
Реализация принципа транспарентности арбитражного процесса в современном мире **126**

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Гадисов Д. Р., Ниматулаева Р. А.
Участие органов государственной власти в разрешении конфликтов и споров местного самоуправления **129**

Пивоварова И. В.
Аудит социальной политики предприятия **131**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
Алтынбаева Л. М.
Исполнение судебных решений судебными приставами: проблемы и возможные пути решения 133
Ананьева Е. О., Ивлиев П. В.
Актуальные проблемы правового регулирования рынка страхования в современной России 135
Антонов А. Г.
Проблемы оспаривания судебных актов в арбитражном процессе 138
Башилов Б. И., Олейник А. Д.
Стандарты доказывания при рассмотрении заявлений о принятии обеспечительных мер в делах о банкротстве 142
Боярская Ю. Н.
Проблемы правового регулирования воздушной перевозки в условиях цифровой трансформации транспорта 144
Буцан Е. Ю.
Генезис концепции злоупотребления правом: вещно-правовой аспект (на примере радикализации понятия права собственности) 148
Гайдай М. К., Герасимова Ю. Р.
Медиативная компетентность как условие бесконфликтной образовательной среды 150
Ермакова Е. П., Протопопова О. В.
Цифровые права и цифровые отношения 152
Корнакова С. В., Чигрина Е. В.
Российские законодательные инициативы как ответ на современные вызовы и угрозы: проблемные аспекты 156
Миронов Д. В.
Правовая природа баз данных, используемых в сфере государственного и муниципального управления 159
Пронина Ю. О., Петров Н. В., Павлов Д. И.
Фактические брачные отношения в семейном праве Российской Федерации и Республике Беларусь: перспективы правовой регламентации 162
Смирнов И. А.
Личностные особенности положительно характеризующихся осужденных к лишению свободы 165
Судакова О. В.
Коллизии и пробелы транспортного законодательства России как основание для его кодификации 168
Тарасова И. А.
Особенности заключения брака в зарубежных странах 171
Купчина Е. В.
NFT в авторском праве: новый инструмент защиты или предмет для спора? 173
Ястремский И. А.
Порядок признания недопустимыми условиями договора возмездного оказания медицинских услуг по профилю пластическая хирургия 177
Русакова Е. П., Хуззятов А. А.
Искусственный интеллект как механизм восполнения открытых условий договора 179
Алиев Г. А.
Правовой режим помещений как объекта гражданских прав 185
Ананьев О. Г., Ивлиев П. В.
К вопросу модернизации отечественной системы страхования как способа развития экономики России 187
Ананьева Е. О., Качмазова А. Ю.
Банкротство электросетевых компаний и снижение риска государственных компаний при организации новых сетевых компаний и гарантирующих поставщиков 190
Ивенская А. А.
Гарантии независимости адвокатской деятельности 193
Кудинова А. В.
Суррогатное материнство как правовой институт 195
Параскевиди М. А.
Совершение нотариальных действий удаленно: возможные пути развития в России 197
Сидоров С. С.
Роль цифрового рубля в модернизации национальной финансовой системы России 200
Шахназаров У. М.
Товарищество собственников жилья как форма управления общим имуществом в многоквартирном доме 203

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС
Параскевиди М. А.
Сущность кассационного производства в арбитражном процессе и развитие норм отечественного процессуального законодательства об основаниях для отмены судебного решения в кассационном производстве 206
Попова Ю. А., Коростелева Ю. А.
К вопросу об онлайн-урегулировании споров с участием потребителей 211
Русакова Е. П., Сергеев К. Б.
Зарубежный опыт применения цифровых технологий в гражданском судопроизводстве 214
Рязанцев М. Ю.
Сравнительный анализ подходов Арбитражных регламентов ICC, LCIA и HKIAC к рассмотрению дел с множественностью лиц 219

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО
Денисова Ю. В.
История развития медиации с XIX века по настоящее время 221
Пивченко С. В.
Призрение и социальная защита детей-сирот в ракурсе гуманистической философско-правовой парадигмы ценности человека 224

ТРУДОВОЕ ПРАВО
Газизова Л. М., Шагимуратова З. А.
Истоки создания и основы становления Социального фонда России 227
Хасанов А. О.
Правовое регулирование взаимодействия работодателей и профсоюзных органов в Российской Федерации и Республике Беларусь 229

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО
Алиева Э. Б., Омарова С. С.
Проблемы проведения налоговых проверок (на примере РД) 233
Конокин Д. В.
Регулирование BNPL финтех-сервисов в Российской Федерации и за рубежом 236
Алиева Э. Б., Межидов О. Д.
Проблемы правового регулирования банковской деятельности РФ 239

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
Федоров Е. П.
Принцип оплаты товара по факту реализации как экономически обусловленная практика делового оборота и противоречие законодательству 241

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
Бажанов С. А.
Получение микрозайма в микрофинансовой организации как способ ухода от принудительного выдворения за пределы Российской Федерации 243

Биченова А. Р., Дериглазова О. А.
Причины и условия преступлений, совершенных несовершеннолетними, связанные с террористической деятельностью 245
Волосюк П. В., Урусов М. М.
Характеристика объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ 247
Заказнова А. Н., Моргуленко Е. А.
Особенности детерминации насильственных преступлений против военной службы в условиях боевых действий 250
Зорина Н. С.
Причины и условия, способствующие совершению несовершеннолетними противоправных деяний и пути их решения 256
Исахов Ж. И.
Виктимиологические меры предупреждения доведения до самоубийства путем самосожжения: состояние и перспективы 258
Керефова Б. Р., Черноземова Я. В., Айрапетян Р. Г.
Актуальные вопросы противодействия коррупции в налоговых органах (на примере Санкт-Петербурга) 260
Князева О. В.
Программы и мероприятия по социальной поддержке и реабилитации семей с криминогенными дисфункциями для предотвращения преступности несовершеннолетних 263
Кулаков Н. А., Лиховенков С. И.
Справедливость и эффективность уголовного наказания за преступления террористической направленности 265
Новик Н. М.
Особенности квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершенного из хулиганских побуждений 267
Озерский С. В.
Исследование феномена роста преступности среди пожилых людей в 2012 – 2022 годах 269
Севостьянова А. Г., Чекмарева К. С.
Классификация уголовных наказаний по строгости согласно законодательству зарубежных стран 272
Суверов С. Е.
Определение стадии совершения преступления при незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов 274
Ступина С. А.
Содержание угрозы при шантаже как способе совершения преступления 277
Таилова А. Г., Гаирбегов Ш. А., Абакарова Б. Г.
Преступность в сфере профессионального спорта 280
Шаганова О. М.
Особенности квалификации незаконных распространения и публичной демонстрации порнографических материалов или материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» 284
Андериа Д. Г. К.
Исторические аспекты развития уголовной ответственности за действия, совершенные с использованием систем искусственного интеллекта 287
Воднева К. В.
Правовое регулирование отношений в процессе предупреждения преступлений в сфере высоких технологий 289
Вторушина В. В
Вооруженные нападения на образовательные учреждения в России: тенденции и актуальные вопросы скулшутинга 292
Керефова Б. Р., Михайлова Е. Н., Черноземова Я. В., Мельников С. В.
Особенности применения судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности 295
Кулик Т. Д
Освобождение от уголовной ответственности 298
Ужахов М. К.
Особенности международного сотрудничества России в борьбе с легализацией преступного дохода и финансированием терроризма 302

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Абдразяпов Р. Р.
Об отдельных аспектах организации хранения изъятого леса по уголовным делам 305
Гришин Д. А., Антипов А. Ю.
Зарубежный опыт цифровизации уголовного процесса 307
Исанбаев И. С.
О некоторых вопросах, возникающих при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании уголовного дела 310
Лантух Э. В., Лантух Н. В., Часовникова О. Г.
Вопросы реализации права освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия 312
Легостаев С. В.
Процессуальный статус оперативного сотрудника исправительного учреждения 314
Малкова Л. Л.
Государственно-общественные (общественно-государственные) объединения в пенитенциарной сфере 316
Серкеров С. Э., Марианов А. А., Ягадинов Я. Я.
Некоторые проблемы российского суда с участием присяжных заседателей 319
Таричко И. Ю.
Государственная идеология как основа формирования уголовно-процессуальной политики России 321
Исанбаев И. С.
Право адвоката присутствовать при проведении обыска в помещении организации или воля следователя 323
Кузнецов А. А.
Права защитника обвиняемого и их гарантии 325
Курлышев А. О.
О некоторых проблемах участия в уголовном процессе адвоката по назначению 328
Лантух Н. В., Лантух Э. В., Часовникова О. Г.
Педагог и психолог в уголовном процессе с участием несовершеннолетних 330
Новикова Л. В., Сулейманов Т. А.
Юридическая оценка института реабилитации в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации 332
Серкеров С. Э., Марианов А. А., Ягадинов Я. Я.
Несовершеннолетний как субъект уголовного процесса в современной России 334

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Минсафина С. Н.
О некоторых проблемных вопросах реализации правил внутреннего распорядка следственных изоляторов, исправительных учреждений и исправительных центров 336

КРИМИНАЛИСТИКА

Абаев Н. Б.
Актуальные проблемы криминалистического исследования цифровой информации 338

Галяутдинов Р. Р.
О противодействии раскрытию и расследованию должностных насильственных преступлений и криминалистических методах его нейтрализации 340
Данильян Э. С.
Консультант по расследованию неочевидных преступлений 343
Домовец С. С., Сычева А. В.
О некоторых особенностях совершения хищений в сфере доставки товаров и грузов 345
Имаева Ю. Б., Ермолаева Л. Н.
Особенности, связанные с криминалистическим исследованием компьютерной информации в целях раскрытия и расследования преступлений 347
Костюченко О. Г.
Особенности использования беспилотного летательного аппарата и тепловизионного прибора при осмотре места происшествия 349
Овсянникова Е. И.
Использование логистической регрессии и синтетического подхода, основанного на методе передискретизации меньшинства, для обнаружения мошенничества с кредитными картами 351
Печникова Р. Б.
Использование данных об электронных сообщениях в процессе допроса подозреваемого (обвиняемого) 354
Сысенко А. Р.
Подготовка электронных носителей информации для назначения судебных экспертиз по уголовным делам 357
Харитонов С. А.
Криминалистическая характеристика и модели механизмов расследования преступлений по «горячим следам» 359
Задорожный А. А.
Особенности производства осмотра места происшествия при раскрытии преступлений террористической направленности, совершенных с применением дистанционно-управляемых взрывных устройств 362
Дзюба А. О.
Особенности проведения осмотра, обыска и выемки при расследовании мошенничества в сфере кредитования 364
Карпинский Д. А.
Понятие и содержание методики расследования мошенничеств, связанных с оказанием паранормальных и оккультных услуг 366
Красников В. Н.
О взаимодействии розыскных подразделений ОВД с общественными формированиями при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести 370
Харитонов С. А,
Использование инновационных технологий в расследовании преступлений по «горячим следам» 372

КРИМИНОЛОГИЯ

Ардашев Р. Г.
Вера в сверхъестественное как непреходящий фактор мистицизма и мошенничества 375
Великанова Л. П., Подосинникова Е. А., Подосинников С. А., Тайсаева С. Б.
Когнитивные механизмы конструирования виктимного общества 378
Болобан М. Л., Уланов Н. Д., Петрова Е. С., Амирова Д. К.
Жертвы IT-преступлений: психологические и криминологические характеристики 381
Заказнова А. Н.
Криминологическая характеристика и типология личности преступника, совершившего насильственные преступления против военной службы 383
Назаров А. А.
О методических подходах и результатах изучения преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершаемыми военнослужащими при получении выплат 389
Рясов А. В.
О мерах по противодействию преступлениям, совершаемым в организованных формах 393
Стрижанов А. В., Гущин Д. Н., Мансурова З. Р., Валиева А. Р.
Криминологические характеристики преступности несовершеннолетних 395
Ступина С. А.
Групповая преступность в современных условиях 397
Таилова А. Г., Гасанов М. М., Абакарова Б. Г.
Особенности проявления государственно-корпоративной преступности в США 400
Тарасова Л. Я.
Причины неонатицида и вопросы предупреждения как криминологическая проблема 404
Шерстяных А. С.
Киберпреступность: современное состояние и направления противодействия 407
Воднева К. В.
Предупреждение преступлений в сфере информационных технологий как современные криминологические знания о предупреждении преступлений и ее профилактике 410

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Изюмов И. В.
Правовое регулирование органов прокуратуры по противодействию коррупции 412

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Иванченко Е. С., Бойко А. Д., Меньщиков М. П.
Некоторые проблемы профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников подразделений уголовного розыска в системе МВД России и пути их решений 414
Родионова О. Р.
Совершенствование правоотношений в области применения форм и методов государственного управления деятельности органов внутренних дел и их должностных лиц 416
Федина Л. М.
Этапы развития информационной инфраструктуры в органах внутренних дел Российской Федерации и влияние данного процесса на эффективность борьбы с преступностью 418
Филимонов Р. Н., Канзафаров М. А., Завирюха А. М.
Спортивный досуг обучающихся образовательных организаций МВД России как средство самостоятельной физической подготовки: актуальные проблемы и пути их решения 421
Урусов З. Х.
О путях реализации органами ГИБДД МВД России контрольных и надзорных функций 424
Самиулина Я. В.
К вопросу об определении понятия прокурорского надзора за административной деятельностью органов внутренних дел 426
Холопова Т. В.
Профилактика правонарушений органами внутренних дел 428
Штарев Д. О., Хаертдинов В. Ф., Овчинников Е. А.
Специальная профилактика преступности как часть оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел 430

БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО

Тарчоков Б. А.
Распространение экстремизма и терроризма в глобальном информационном пространстве 433

Мамонтов Д. Ю., Горбатенко С. А.
Актуальные проблемы противодействия оперативными подразделениями МВД России современным террористическим и экстремистским угрозам 435
Сухоруков В. А., Логинов С. Н.
Девиантное поведение среди молодежи в условиях городской среды и правовые последствия 437
Тарчоков Б. А.
Развитие экстремистских и террористических преступлений, совершаемых при помощи цифровых технологий 439
Шогенов Т. М., Федоренко С. П., Бураева Л. А.
Актуальные вопросы противодействия деятельности экстремистских организаций в сети интернет в условиях внешнеполитической нестабильности 441

ПЕДАГОГИКА И ПРАВО
Богатырёва Ю. О., Латыпова Э. Р.
Роль иностранного языка в формировании толерантности 443
Габдрашитова К. И., Якушев Э. В., Иващенко Н. Ю.
Основы физической подготовки в образовательных организациях МВД России 446
Зинченко Н. В., Водолацкий К. В., Кузнецов А. В.
Основные правила поведения при захвате в качестве заложника или нахождении в зоне террористического акта 449
Кашинцева И. Л., Ананьев О. Г.
Практическая подготовка при получении высшего образования 452
Носов И. А., Жабкин А. С., Хамитов А. Р., Хатуаев М. О.
Развитие профессиональной готовности сотрудников полиции к выполнению служебных задач в особых условиях 455
Носова Д. Х., Валиева А. Р., Жабкин А. С., Хатуаев М. О.
Формирование коммуникативной компетентности будущих сотрудников полиции 457

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО
Ковалев Т. В., Бурдинский И. А., Мансурова З. Р., Тукумбетов Р. А.
О роли морально-психологической подготовки в деятельности сотрудников полиции 459

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО
Бредихин А. В.
Исламский вектор внутренней политики Китая. Часть 2. Фактор Пакистана 461
Рахматуллина З. Б., Ковров В. Ф.
Проблемы интеграции и адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья в обществе 463

ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ
Иликбаева Е. С., Григорусь Л. Н.
Рыночный механизм на территории Российской Федерации 467
Калимуллина А. Р., Кантор О. Г.
Подходы к инновационному развитию закупочной деятельности предприятий топливно-энергетического комплекса Российской Федерации 469
Мусина Д. Р., Мусина А. Э.
Государственно-частное партнерство в развитии отраслевых цифровых платформ 471
Радченко Е. П., Вдовина А. Н.
Государственно-частное партнерство в пенитенциарной системе и трудовая занятость осужденных в зарубежных странах 474
Скворцова В. А.
Таможенный контроль после выпуска товаров: современное состояние и направления развития 476
Шалагинова Н. А., Рябошапка А. И., Паламарчук С. А.
Концепции построения налогового законодательства в различных государствах 478
Шильдт Л. А., Бикеева Н. Г., Байдуганова К. В.
Применение цифровизации, искусственного интеллекта и их российские реалии 482
Грецкий Г. В.
БРИКС и развивающиеся экономики. Сравнительные перспективы: особенности становления новой региональной экономической системы 485
Ширяев Р. С.
Изучение основных видов квазикорпоративных организационно-правовых объединений капиталов и их применение в современной экономике 488
У Минсюань
Роль финансов в современной экономике 491
Сунь Цзини
Сравнение китайского и российского опыта в построении цифрового правового пространства 493
Чжу Ичэнь
Направления развития цифровой экономики и цифровых технологий в России 496

ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ
Абдеев А. А.
Суффизм в понимании Шихабутдина Марджани (по материалам книги «Мукадима вафиййат аль-асляф») 498
Абрарова З. Ф., Маяцкая О. Б.
Социально-философский анализ коммуникационных технологий в оптимизации деятельности организации 500
Коноплева А. А., Криворучко А. А.
Культурный код патриотизма 503
Семкина Е. Н., Богатырева О. В., Зайцев Н. Н., Кононова С. В.
Особенности патриотизма в современной России: сущность, сравнительный анализ, состояние и проблемы формирования 506
Судакова Н. Е., Плинцовский А. С.
Социокультурные инклюзивные практики в современной России как предмет философского анализа 510
Степаненко А. С.
Нейронная сеть и искусственный интеллект как категория дуализма в философии сознания 515
Уланов А. А., Шарипова В. В.
Роль коммуникативного пространства в жизни общества 517
Фархитдинова О. М.
Философские основания определения новых видов проблем при проведении религиоведческой экспертизы 519
Бутенко А. К.
Проблемные вопросы изучения исторического сознания 523
Занделов В. В.
Сущность справедливого права в философии И. А. Ильина 525
Константинов А. Ю.
Феномен йоги в современном мире: эволюция йоги как дискурсивной практики под влиянием неолиберального этоса 527
Степаненко А. С.
Знание и информации искусственного интеллекта как новые категории философии права 532

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 534

CONTENTS

PERSONA GRATA

A. S. OVCHINSKIY:
About information in the world of digital data
Interview with Anatoliy Semyonovich Ovchinskiy, Ph.D. in technical sciences, professor, Academician of the Russian Academy of Sciences 14

INTERNATIONAL LAW

Batalov A. A.
Problems of responsibility in international air law in the context of regional cooperation 20
Smirnykh S. E.
International legal status of children and youth deprived of liberty 29

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Lopatukhin K. D.
Legal regulation and practical application of the principle of confidentiality in international commercial arbitration 35
Lopatukhin K. D.
Third parties in international commercial arbitration 37

THEORY OF STATE AND LAW

Apolsky E. A., Buryanova E. I.
The category of "legal consciousness" in modern theoretical and legal discourse: epistemological dimension 39
Kitaeva A. V.
The concept and features of the right of common ownership 42
Mikhaylik A. A.
On the issue of new types of legal liability 44
Mokhorov D. A., Mokhorova A. Yu., Demidov V. P., Dolzhenkova E.
Corruption and lobbying as attributes of political processes 46
Pavlisova T. E., Shapovalov A. V.
Evolution of the institution of bankruptcy under the legislation of Russia and foreign countries 49
Khut D. Sh.
Clarification of law 52
Mokhorov D. A., Minkina M. V.
Lobbyism as a legal phenomenon of anti-corruption 55

HISTORY OF STATE AND LAW

Bukanova R. G., Baynazarov I. N.
Siberia in the epoch of Peter I 58
Galiev R. M., Bainazarov I. N.
Historical traditions of the Southern Urals as a basis for forming youth culture 60
Danilov V. L.
Religious protection: between freedom of expression and restrictions 62
Egorov I. A.
The fight against illegal armed groups in the North-West of the RSFSR in the 1920s 65
Kuznetsova E. V.
Social movements in the USSR in the 90s 68
Nedzeluk T. G.
Problems of reception of Roman law by Russian legal science: methodological aspects of teaching the discipline 72
Dorozhko S. V.
Reflection of the peculiarities of the Japanese mentality in the constitution of Japan of 1889 and 1947 76
Kharitonova A. N., Korchagina I. V.
Tax authorities of the Astrakhan province during the NEP period: legal regulators of activity, guarantees of fiscal security 80

CONSTITUTIONAL LAW

Abdurakhmanova E. Kh., Sarkarova D. S.
Problems of protecting the right of citizens to privacy and personal data in Russia in the context of digitalization 83
Alieva Kh. T., Dibirov M. T.
Political pluralism on the example of the formation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the period from 1993 to 2021 85
Barasheva E. V.
Civil society in Russia as a product of the implementation of constitutional rights and freedoms 88
Belyakova A. M.
The new ideology of modern Russia 91
Ivanova L. A., Ektova V. A.
The definition of "constitutionalization" in the context of the legal category of the right to work 94
Magomedova Z. R., Ramazanova E. T.
Representative democracy at the local level as a form of Democracy in the Russian Federation 96
Gabieva S. M.
Problems of implementation of the Constitution of the Russian Federation after the adoption of amendments 2020 98
Yarikov M. M., Radzhabova E. Sh.
The institution of electoral disputes as a means of implementing constitutional guarantees of citizens' rights to participate in the management of State affairs 101

ADMINISTRATIVE LAW

Grunin A. G.
The ratio of administrative and criminal penalties in the system of state enforcement measures 104
Pestov R. A., Savochkina D. O., Gabdullin T. R.
Prevention of domestic violence: an interdisciplinary aspect 108
Petrovskaya M. I.
Basic approaches to administrative and legal regulation of public administration in the field of forced migration in Russia 111
Semenov A. V.
The process of proving when bringing to administrative responsibility in the field of traffic 114
Chelpanova M. M., Ponezhina L. Yu.
The internal affairs bodies as a subject of administrative and legal counteraction to violations that infringe on public order and public safety during public events 116
Khalilev R. A.
Administrative and legal framework for combating corruption in education 119

ADMINISTRATIVE JUDICIARY

Popova Yu. A., Peredriy T. E.
Term for applying to the court as a procedural instrument for protecting the rights of taxpayers in modern Russian administrative legal proceedings 121

ARBITRATION PROCESS

Ivenskaya A. A.
Implementation of the principle of transparency of the arbitration process in the modern world 126

MUNICIPAL LAW

Gadisov D. R., Nimatulaeva R. A.
Participation of public authorities in the resolution of conflicts and disputes of local self-government 129
Pivovarova I. V.
Audit of the company's social policy 131

CIVIL LAW
Altynbaeva L. M.
Execution of court decisions by bailiffs: problems and possible solutions ... 133
Ananjeva E. O., Ivliev P. V.
Actual problems of legal regulation of the insurance market in modern Russia ... 135
Antonov A. G.
Problems of challenging judicial acts in the arbitration process ... 138
Bashilov B. I., Oleynik A. D.
Standards of proof when considering applications for interim measures in bankruptcy cases ... 142
Boyarskaya Yu. N.
Problems of legal regulation of air transportation in the context of digital transformation of transport ... 144
Butsan E. Yu.
Genesis of the concept of abuse of rights: property law perspective (on the basis of radical legal traditions) ... 148
Gayday M. K., Gerasimova Yu. R.
Mediative competence as a condition of a conflict-free educational environment ... 150
Ermakova E. P., Protopopova O. V.
Digital rights and digital relations ... 152
Kornakova S. V., Chigrina E. V.
Russian legislative initiatives as a response to modern challenges and threats: problematic aspects ... 156
Mironov D. V.
The legal nature of databases used in the field of public and municipal administration ... 159
Pronina Yu. O., Petrov N. V., Pavlov D. I.
De facto marital relations in the Russian Federation and the Republic of Belarus: perspectives of legal regulation ... 162
Smirnov I. A.
Personal characteristics of positively characterized persons sentenced to imprisonment ... 165
Sudakova O. V.
Conflicts and gaps in Russian transport legislation as a basis for its codification ... 168
Tarasova I. A.
Features of marriage in foreign countries ... 171
Kupchina E. V.
NFT in copyright: a new tool of protection or a subject of dispute ... 173
Yastremskiy I. A.
The procedure for recognizing as unacceptable the terms of the contract for the provision of medical services in the field of plastic surgery ... 177
Rusakova E. P., Khuzziatov A. A.
Artificial intelligence as a mechanism for implementing the open terms of the contract ... 179
Aliev G. A.
Legal regime of premises as an object of civil rights ... 185
Ananjev O. G., Ivliev P. V.
On the issue of modernization of the domestic insurance system as a way to develop the Russian economy ... 187
Ananjeva E. O., Kachmazova A. Yu.
Bankruptcy of electric grid companies and reduction of the risk of state-owned companies in the organization of new grid companies and guaranteeing suppliers ... 190
Ivenskaya A. A.
Guarantees of the independence of advocacy ... 193
Kudinova A. V.
Surrogacy as a legal institution ... 195
Paraskevidi M. A.
Performing remote notarial actions: possible ways of development in Russia ... 197
Sidorov S. S.
The role of the digital ruble in the modernization of the national financial system of Russia ... 200
Shakhnazarov U. M.
Homeowners' association as a form of management of common property in an apartment building ... 203

CIVIL PROCESS
Paraskevidi M. A.
The essence of cassation proceedings in the arbitration process and the development of the norms of domestic procedural legislation on the grounds for the cancellation of a court decision in cassation proceedings ... 206
Popova Yu. A., Korosteleva Yu. A.
On the issue of online dispute resolution with the participation of consumers ... 211
Rusakova E. P., Sergeev K. B.
International experience in the application of digital technology in civil litigation ... 214
Ryazantsev M. Yu.
Comparative analysis of approaches of the ICC, LCIA and HKIAC Arbitration Rules to consideration of cases with multiple parties ... 219

FAMILY LAW
Denisova Yu. V.
The history of mediation development from the XIX century to the present ... 221
Pivchenko S. V.
Charity and social protection of orphans in the perspective of the humanist philosophical and legal paradigm of human values ... 224

LABOUR LAW
Gazizova L. M., Shagimuratova Z. A.
The origins of the creation and the foundations of the formation of the Social Fund of Russia ... 227
Khasanov A. O.
Legal regulation of interaction between employers and trade union bodies in the Russian Federation and the Republic of Belarus ... 229

FINANCIAL LAW
Alieva E. B., Omarova S. S.
Problems of conducting tax audits (on the example of RD) ... 233
Konokin D. V.
Regulation of BNP fintech services in the Russian Federation and abroad ... 236
Alieva E. B., Mezhidov O. J.
Problems of legal regulation of banking activities of the Russian Federation ... 239

ENTREPRENEURIAL LAW
Fedorov E. P.
The principle of payment for goods upon sale as an economically driven business practice and a contradiction to the law ... 241

CRIMINAL LAW
Bazhanov S. A.
Obtaining a microloan from a microfinance organization as a way to avoid forced deportation from the Russian Federation ... 243
Bichenova A. R., Deriglazova O. A.
Causes and conditions of crimes committed by minors related to terrorist activities ... 245
Volosyuk P. V., Urusov M. M.
Characteristics of the objective side of the corpus delicti provided for in article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation ... 247

Zakaznova A. N., Morgulenko E. A.
Features of determination of violent crimes against military service in combat conditions 250
Zorina N. S.
Causes and conditions that contribute to the commission of illegal acts by minors and ways to solve them 256
Isakhov J. I.
Victimological measures to prevent suicide by self-immolation: state and prospects 258
Kerefova B. R., Chernozemova Ya. V., Hayrapetyan R. G.
Actual questions of combating corruption in tax authorities (on the example of St. Petersburg) 260
Knyazeva O. V.
Programs and activities for social support and rehabilitation of families with criminogenic dysfunctions to prevent juvenile delinquency 263
Kulakov N. A., Likhovenkov S. I.
Fairness and effectiveness of criminal punishment for terrorist crimes 265
Novik N. M.
Specifics of qualifying a knowingly false report of an act of terrorism committed with hooligan motives 267
Ozerskiy S. V.
Investigation of the phenomenon of crime growth among the elderly in 2012-2022 269
Sevostyanova A. G., Chekmareva K. S.
Classification of criminal penalties by severity according to the legislation of foreign countries 272
Suverov S. E.
Determining the stage of the commission of a crime in the illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues 274
Stupina S. A.
The content of the threat of blackmail as a method of committing a crime 277
Tailova A. G., Gairbegov S. A., Abakarova B. G.
Crime in the field of professional sports 280
Shaganova O. M.
Features of the qualification of illegal distribution and public display of pornographic materials or materials with pornographic images of minors, committed using information and telecommunication networks, including the Internet 284
Anderia D. G. K.
Historical aspects of the development of criminal responsibility for actions performed with the use of artificial intelligence systems 287
Vodneva K. V.
Legal regulation of relations in process of preventing crimes in the field of high technology 289
Vtorushina V. V.
Armed attacks on educational institutions in Russia: trends and current issues of schoolshooting 292
Kerefova B. R., Mikhaylova E. N., Chernozemova Ya. V., Melnikov S. V.
Features of the application of judicial practice in criminal cases on crimes of extremism and terrorism 295
Kulik T. D.
Release from criminal responsibility 298
Uzhakhov M. K.
Features of Russia's international cooperation in the fight against the legalization of criminal income and the financing of terrorism 302

CRIMINAL PROCESS

Abdrazyapov R. R.
On certain aspects of the organization of the storage of seized timber in criminal cases 305
Grishin D. A., Antipov A. Yu.
Foreign experience of digitalization of the criminal process 307
Isanbaev I. S.
About some issues that arise when receiving information about connections between subscribers and (or) subscriber devices during the investigation of a criminal case 310
Lantukh E. V., Lantukh N. V., Chasovnikova O. G.
Problems of realization of the right to release minors from criminal liability with the use of coercive measures of educational influence 312
Legostaev S. V.
Procedural status of a correctional facility operative 314
Malkova L. L.
State-public (public-state) associations in the penitentiary sphere 316
Serkerov S. E., Marianov A. A., Yagadinov Ya. Ya.
Some problems of the Russian court with the participation of jurors 319
Tarichko I. Yu.
State ideology as the basis for the formation of the criminal procedure policy of Russia 321
Isanbaev I. S.
The right of the lawyer to be present during the search in the premises of the organization or the will of the investigator 323
Kuznetsov A. A.
The rights of the defender of the accused and their guarantees 325
Kurlyshev A. O.
About some problems of participation in the criminal process of a lawyer by appointment 328
Lantukh N. V., Lantukh E. V., Chasovnikova O. G.
Pedagogue and psychologist in criminal proceedings involving minors 330
Novikova L. V., Suleymanov T. A.
Legal assessment of the institute of rehabilitation in the criminal procedure legislation of the Russian Federation 332
Serkerov S. E., Marianov A. A., Yagadinov Ya. Ya.
A minor as a subject of criminal proceedings in modern Russia 334

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Minsafina S. N.
Some problematic issues of the implementation of the Internal Regulations of pre-trial detention centers, correctional institutions and correctional centers 336

CRIMINALISTICS

Abaev N. B.
Actual problems of forensic research of digital information 338
Galyautdinov R. R.
On countering the disclosure and investigation of official violent crimes and criminalistic methods of its neutralization 340
Danilyan E. S.
Consultant for the investigation of non-obvious crimes 343
Domovets S. S., Sycheva A. V.
About some features of committing theft in the field of delivery of goods and cargo 345
Imaeva Yu. B., Ermolaeva L. N.
Features related to the forensic study of computer information for the purpose of disclosure and investigation of crimes 347
Kostyuchenko O. G.
Features of the use of an unmanned aerial vehicle and a thermal imaging device when examining the scene of an accident 349
Ovsyannikova E. I.
Using logistic regression and a synthetic approach based on the minority resampling method to detect credit card fraud 351
Pechnikova R. B.
Aspects of using the information from digital messages in the interrogation of the suspect 354

Sysenko A. R.
Preparation of electronic media for the appointment of forensic examinations in criminal cases 357
Kharitonov S. A.
Criminalistics characteristics and models of mechanisms for investigating crimes in «hot pursuit» 359
Zadorozhniy A. A.
Features of conducting crime scene investigation in the disclosure of crimes of terrorist nature committed using remote-controlled explosive devices 362
Dzyuba A. O.
Features of inspection of the scene of the accident, search and seizure in the investigation of fraud in the field of lending 364
Karpinskiy D. A.
Preliminary investigation and initial stage of investigation of frauds related to paranormal and occult services 366
Krasnikov V. N.
On the interaction of the search units of the Internal Affairs Directorate with public formations in the implementation of the search for missing persons 370
Kharitonov S. A.
The use of innovative technologies in the investigation of crimes on "hot trails" 372

CRIMINOLOGY
Ardashev R. G.
Belief in the supernatural as an enduring factor of mysticism and fraud 375
Velikanova L. P., Podosinnikova E. A., Podosinnikov S. A., Taysaeva S. B.
Cognitive mechanisms of construction of a victimic society 378
Boloban M. L., Ulanov N. D., Petrova E. S., Amirova D. K.
Victims of IT crimes: psychological and criminological characteristics 381
Zakaznova A. N.
Criminal characteristic and the personality`s typology of criminal who have committed violent crimes against military service 383
Nazarov A. A.
On methodological approaches and results of the study of crimes related to fraudulent actions committed by military personnel when receiving payments 389
Ryasov A. V.
On measures to counteract crimes committed in organized forms 393
Strizhenov A. V., Gushchin D. N., Mansurova Z. R., Valieva A. R.
Criminological characteristics of juvenile delinquency 395
Stupina S. A.
Group crime in modern conditions 397
Tailova A. G., Gasanov M. M., Abakarova B. G.
Features of the manifestation of state-corporate crime in the United States 400
Tarasova L. Ya.
Causes of neonaticide and issues of prevention as a criminological problem 404
Sherstyanykh A. S.
Cybercrime: current state and directions of counteraction 407
Vodneva K. V.
Crime prevention in the field of information technology as modern criminological knowledge about crime prevention and prevention 410

PROSECUTOR'S ACTIVITIES
Izuymov I. V.
Legal regulation of anti-corruption prosecutor's offices 412

LAW ENFORCEMENT AGENCIES
Ivanchenko E. S., Boyko A. D., Menshchikov M. P.
Some problems of professional and applied physical training of employees of criminal investigation units in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and ways of their solutions 414
Rodionova O. R.
Improving legal relations in the field of application of forms and methods of public administration of the activities of internal affairs bodies and their officials 416
Fedina L. M.
Stages of development of information infrastructure in the internal affairs bodies of the Russian Federation and the impact of this process on the effectiveness of the fight against crime 418
Filimonov R. N., Kanzafarov M. A., Zaviryukha A. M.
Sports leisure for students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a means of independent physical training: current problems and ways to solve them 421
Urusov Z. Kh.
About ways of implementation of control and supervisory functions by the bodies of the traffic police of the Ministry of Internal Affairs of Russia 424
Samiulina Ya. V.
On the definition of the concept of prosecutorial supervision of the administrative activity of the internal affairs bodies 426
Kholopova T. V.
Prevention of offenses by the internal affairs bodies 428
Shtarev D. O., Khaertdinov V. F., Ovchinnikov E. A.
Special crime prevention as part of the operational investigative activities of the internal affairs bodies 430

SECURITY AND LAW
Tarchokov B. A.
The spread of extremism and terrorism in the global information space 433
Mamontov D. Yu., Gorbatenko S. A.
Actual problems of counteraction by operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia to modern terrorist and extremist threats 435
Sukhorukov V. A., Loginov S. N.
Deviant behavior among young people in an urban environment and legal consequences 437
Tarchokov B. A.
Development of extremist and terrorist crimes committed using digital technologies 439
Shogenov T. M., Fedorenko S. P., Buraeva L. A.
Topical issues of countering the activities of extremist organizations on the internet in conditions of foreign policy instability 441

PEDAGOGY AND LAW
Bogatyryova Yu.O., Malikov T.I.,
The role of a foreign language in the formation of tolerance 443
Gabdrashitova K. I., Yakushev E. V., Ivashchenko N. Yu.
Bases of teaching physical training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia 446
Zinchenko N. V., Vodolatskiy K. V., Kuznetsov A. V.
Basic rules of conduct when captured as a hostage or being in the zone of a terrorist act 449
Kashintseva I. L., Ananjev O. G.
Practical training in getting higher education 452
Nosov I. A., Zhabkin A. S., Khamitov A. R., Khatuaev M. O.
Development of professional readiness of police officers to perform official tasks in special conditions 455
Nosova D. Kh., Valieva A. R., Zhabkin A. S., Khatuaev M. O.
Development of communication skills of future police officers 457

PSYCHOLOGY AND LAW
Kovalev T. V., Burdinskiy I. A., Mansurova Z. R., Tukumnetov R. A.
On the role of moral and psychological training in the activities of police officers **459**

SOCIOLOGY AND LAW
Bredikhin A. V.
The Islamic vector of Chine's domestic policy. Part 2. The Pakistan factor **461**
Rakhmatullina Z. B., Kovrov V. F.
Problems of integration and adaptation of children with disabilities in society **463**

ECONOMY. LAW. SOCIETY
Ilikbaeva E. S., Grigorus L. N.
Market mechanism on the territory of the Russian Federation **467**
Kalimullina A. R., Kantor O. G.
Approaches to innovative development of procurement activities of enterprises of the fuel and energy complex of the Russian Federation **469**
Musina D.R., Musina A.E.
Public-private partnership in the development of industry digital platforms **471**
Radchenko E. P., Vdovina A. N.
Public-private partnership in the penitentiary system and employment of convicts in foreign countries **474**
Skvortsova V. A.
Customs control after the release of goods: current state and directions of development **476**
Shalaginova N. A., Ryaboshapka A. I., Palamarchuk S. A.
Concepts of the construction of tax legislation in various states **478**
Shildt L. A., Bikeeva N. G., Bayduganova K. V.
The use of digitalization, artificial intelligence and their Russian realities **482**
Gretskiy G. V.
BRICS and emerging economies. Comparative prospects: features of the formation of a new regional economic system **485**
Shiryaev R. S.
Study of the main types of quasi-corporate organizational-legal associations of capital and their application in the modern economy **488**
Wu Mingxuan
The role of finance in the modern economy **491**
Sun Jingyi
Comparison of Chinese and Russian experience in building a digital legal space **493**
Zhu Yichen
Directions of development of the digital economy and digital technologies in Russia **496**

PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY
Abdeev A. A.
Sufism in the understanding of Shigabutdin Marjani (based on the book «Mukadima wafiyyat al-aslyaf») **498**
Abrarova Z. F., Mayatskaya O. B.
Socio-philosophical analysis of communication technologies in the optimization of the organization's activities **500**
Konopleva* A. A., *Krivoruchko A. A.
Cultural code of patriotism **503**
Semkina E. N., Bogatyreva O. V., Zaytsev N. N., Kononova S. V.
Features of patriotism in modern Russia: essence, comparative analysis, state and problems of formation **506**
Sudakova N. E., Plintsovskiy A. S.
Sociocultural inclusive practices in modern Russia as a subject of philosophical analysis **510**
Stepanenko A. S.
Neural network and artificial intelligence as a category of dualism in the philosophy of consciousness **515**
Ulanov A. A., Sharipova V. V.
The role of communication space in society **517**
Farkhitdinova O. M.
Philosophical grounds for determining new types of problems during religious studies expertise **519**
Butenko A. K.
Problematic issues of the study of historical consciousness **523**
Zandelov V. V.
The essence of law equity in works by I. A. Ilyin **525**
Konstantinov A.Yu.
The phenomenon of Yoga in modern world – the evolution of Yoga as discursive practice under the neoliberal`s etos influence **527**
Stepanenko A. S.
Knowledge and information of Artificial Intelligence as new categories of Philosophy of Law **532**

INFORMATION FOR AUTHORS **534**

А. С. ОВЧИНСКИЙ: ОБ ИНФОРМАЦИИ В МИРЕ ЦИФРОВЫХ ДАННЫХ

Интервью с Анатолием Семеновичем Овчинским, доктором технических наук, профессором, академиком РАЕН.

A. S. OVCHINSKIY: ABOUT INFORMATION IN THE WORLD OF DIGITAL DATA

Interview with Anatoliy Semyonovich Ovchinskiy, Ph.D. in technical sciences, professor, Academician of the Russian Academy of Sciences.

Овчинский А. С.

Визитная карточка:

Овчинский Анатолий Семенович, *доктор технических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Полковник полиции в отставке. Область научных интересов: оперативно-разыскная аналитика, предиктивная криминология, информационное противоборство, имитационное моделирование. Опубликовано более 30-ти монографий и учебных пособий, получено 40 патентов на алгоритмы и программы интеграции оперативных данных.*

А. С. Овчинский родился в 1948 году в Москве. Окончил Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана. Более двадцати лет занимался созданием и исследованием высокопрочных композиционных материалов для авиационной и ракетно-космической техники. Работал в Институте металлургии им. А. А. Байкова АН СССР, в научных центрах Германии, Южной Кореи и США.

Развивая новые направления механики материалов, А. С. Овчинский разработал теоретические основы, создал математические модели и представил программные реализации метода структурно-имитационного моделирования на ЭВМ процессов разрушения неоднородных конструкционных материалов. В 1975 г. он защитил кандидатскую и 1984 г. докторскую диссертации. Им опубликовано более 100 работ по механике композитов, физике прочности, моделированию механизмов разрушения. В издательстве «Наука» вышли две его монографии по моделированию процессов разрушения конструкционных материалов. Под его руководством защищено 5 диссертаций на соискание ученой степени кандидата технических наук. Он является лауреатом премий Президиумов АН СССР и АН ГДР.

В 1994 г. А. С. Овчинский поступил на службу в органы внутренних дел начальником отдела ТСО Московского института МВД России. По его предложению была открыта подготовка специалистов, обладающих техническими знаниями и владеющих информационными технологиями, для оперативно-разыскных подразделений по борьбе с организованной преступностью. Созданный для этого Учебно-научный комплекс включал научно-исследовательский отдел, инженерно-техническое отделение, кафедру информационной безопасности и кафедру информатики (в Тверском филиале). Обучение офицеров слушателей опиралось на результаты исследований, научные семинары и конференции, взаимодействие с руководителями и сотрудниками оперативно-технических подразделений.

Исследования, которые проводил А. С. Овчинский совместно с научными сотрудниками, инженерами и преподавателями УНК, включали разработку: структурных моделей организованных преступных сообществ; схемотехнических методов получения оперативной информации; математического аппарата аналитической разведки; алгоритмов компьютерной разведки; мультимедийных программных средств очистки оперативных аудиозаписей и стеганографической защиты информации; приемов информационно-психологических воздействий в противодействии организованной преступности и обеспечении общественного порядка.

С образованием в 2002 г. Московского университета МВД России, полковник А. С. Овчинский был назначен начальником Факультета подготовки специалистов в области информационной безопасности и после 2003 г. стал начальником созданного УНК информационных технологий, который включал две кафедры: информационной безопасности и специальных информационных технологий. С 2015 г. он является профессором кафедры информационной безопасности.

На основе опыта преподавания ряда авторских учебных дисциплин научно-педагогическим коллективом УНК под руководством А.С. Овчинского был разработан стандарт концептуально новой специальности «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере». С 2011 года была открыта подготовка курсантов университета по двум специализациям: «Технологии защиты информации» и «Информационно-аналитическое обеспечение правоохранительной деятельности».

Теоретические основы инициативной оперативно-разыскной аналитики, разработанные А. С. Овчинским, и результаты совместных исследований сотрудников УНК ИТ и УОРИ МВД России нашли отражение в комплексе мероприятий по обеспечению безопасности Олимпийских игр в Сочи в 2014 году. Взаимодействие с руководителями ЦОРИ ГУ по Московской области позволило создать цифровую платформу предиктивной криминологии, интегрирующую программные сервисы получения и обработки поступающих сообщений и оперативных данных и позволяющую прогнозировать криминальные потенциалы определенных лиц. Функциональные возможности отдельных алгоритмов и программ были зафиксированы в более 40-а патентах.

За годы службы и работы в Московском университете МВД России им. В. Я. Кикотя А. С. Овчинским было опубликовано более 200 научных работ, издано более 30 монографий и учебно-методических пособий по информационно-аналитическому и информационно-психологическому обеспечению правоохранительной деятельности, по проблемам борьбы с организованной преступностью, по противодействию терроризму и экстремизму в информационных сферах. Он является соавтором фундаментального межотраслевого учебника «Оперативно-розыскная деятельность», который дополнялся и переиздавался 5 раз.

Осуществляя научно-организационную деятельность, профессор А. С. Овчинский входит в состав 3-х диссертационных советов, является членом Пленума ВАК, активно участвует в организации и проведении научно-практических конференций и семинаров. Его многолетняя служба в органах внутренних дел, достижения в научных исследованиях и подготовке высококвалифицированных специалистов были неоднократно отмечены поощрениями и грамотами руководителей университета, благодарностью Министра МВД России, ведомственными и правительственными наградами.

– Уважаемый Анатолий Семенович, чем сегодня обусловлена актуальность обращения к информации?

– Информация является наиболее емким понятием современности. Однако, несмотря на несметное количество публикаций, цифровая трансформация «загоняет» природу самой информации во все более глубокую тень. В первую очередь, это связано с технологиями воздействия и управления массовым сознанием. Так, когда создавалась атомная бомба, исчезли публикации по ядерной физике. Но, главное, раскрытие сущностных проявлений информации позволяет понять те ключевые явления и процессы нашей жизни, от которых зависит обеспечение безопасности социальных и духовных сфер современного общества.

Наши подходы к информации вывели на алгоритмы инициативной аналитики, когда ресурсы оперативно-разыскных данных не «лежат мертвым грузом», а по определенным алгоритмам выдают ту информацию, которая является целью оперативно-разыскного процесса. В развитии предиктивной криминологии открылась возможность оценивать криминальные потенциалы лиц, попадающих в поле зрения правоохранительных органов, и с применением искусственных нейросетей предсказывать вероятность совершения ими определенных преступлений. В обеспечении информационной и антикриминальной безопасности были сделаны акценты на противодействии деструктивным идеологиям и целенаправленным информационно-психологическим воздействиям в борьбе с организованной преступностью. Результаты, полученные во взаимодействии с сотрудниками Управления оперативно-разыскной информации МВД России, нашли отражение в комплексе мероприятий по обеспечению безопасности Олимпийских игр (Сочи, 2014 г.) и Чемпионата мира по футболу (2018 г.).

– В правовом поле под информацией принято понимать сведения и данные, независимо от формы их предоставления. Так ли это?

– Для решения весьма широкого круга задач такой подход уместен, например, когда речь идет о защите информационных ресурсов, систем управления и связи, объектов информации. Но, в целом, это очень грубое приближение, скажем, как механика твердого тела к физике элементарных частиц.

Если коснуться данных, то «информационный взрыв» оказался только предвестником такого феномена, когда накопление данных с течением времени принимает все более сингулярный характер, то есть эта функция неуклонно разворачивается в направлении бесконечности. Естественно, возникает вопрос о том, что же в такой ситуации является собственно информацией?

Ответ находили в самых разных «плоскостях». Так, повышение коммерческой ценности информационных ресурсов породило аналогию между данными с информацией и, например, сырой нефтью с высокооктановым бензином. В разведке весьма четко выделяют разведывательные сведения, разведданные и собственно информацию, а именно, лишь те разведданные, которые получили реализацию. В определенных направлениях аналитической работы информацией являются лишь те «золотые россыпи», которые позволяют найти решение проблемы после переработки «многих тонн руды», т.е. разнообразных данных.

В информационно-аналитическом обеспечении оперативно-разыскной деятельности данные, которые накапливаются, скажем, в автоматизированных информационно-поисковых системах, могут рассматриваться как потенциальная информация. В то же время актуальную оперативно-разыскную информацию получают после аналитической обработки накопленных и поступающих данных. Именно она позволяет непосредственно проводить мероприятия по профилактике и раскрытию преступлений, обеспечению антикриминальной безопасности.

Наконец, уже сегодня системы искусственного интеллекта могут выдавать информацию после «пережевывания» и «переваривания» огромных объемов данных. В недалекой перспективе «универсальный» или «сверхмощный» искусственный интеллект может стать «черной дырой», засасывающей все генерируемые данные для управления мировыми процессами. По мнению все большего количества исследователей, перспективы такого управления несут реальные угрозы нашей цивилизации, да и всему человечеству.

– Но ведь развивались и фундаментальные представления об информации?

– Действительно, развитие представлений об информации в прошлом веке уже прошло ряд этапов. Весьма условно их можно обозначить, как гуманитарный, кибернетический, философский.

Первые попытки осмысления информации были связаны с журналистикой, с формированием систем аналитического и психологического обеспечения процессов управления. Выделялись такие прагматичные свойства информации, как актуальность, своевременность, полнота, точность и т.д.

Появление вычислительной техники и комплекса новых научных направлений, интегрированных в кибернетике, качественно расширило представления об информации. Представ в качестве управляющих воздействий, она подверглась формализации в логико-математических моделях и теориях связи.

В философском осмыслении информации выделяются два направления: атрибутивное и функциональное. Информация рассматривается как атрибут мироздания наряду с материей и энергией, и как функция, возникающая, сопутствующая и обеспечивающая жизнь на всех ее уровнях.

На фоне инфотехнологической революции сама информация вначале ушла в тень, а потом вышла на «арену» как объект защиты, как цель получения и, главное, как инструмент воздействия на сознание людей и народов, как средство управления социально-политическими процессами.

– В развитие представлений об информации внесли вклад отечественные и зарубежные исследователи. Есть ли принципиальные отличия в их подходах?

– Среди сотен определений информации уместно вспомнить рассуждения «отца кибернетики» Норберта Винера, который высказался об информации как об «обозначении содержания сообщения» и, главное, добавил «такого сообщения, которое получено из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления наших чувств». Следует отметить проницательность этого известного ученого, который, создавая математический аппарат теории управления и связи, понимал, что сущность информации неизмеримо глубже ее роли в технических системах, да и в социальных процессах. Аналогичных взглядов

придерживались и советские специалисты, исследовавшие информационные взаимодействия в самых разнообразных сферах.

Принципиальное же отличие заключается в том, что в последние годы западные философы, социологи и разнообразные эксперты после многочисленных дискуссий выработали весьма консолидированное мнение о том, что в условиях всеобщей цифровизации «чтобы существовать, информация не нуждается в том, чтобы ее воспринимали, не нуждается в том, чтобы ее понимали, она не требует умственных усилий для своей интерпретации, ей не требуется иметь смысл, чтобы существовать».

– Что можно сказать об информации на основании Ваших исследований?

– Согласно результатам наших исследований информация в ее функциональном значении – это то, что позволяет адекватно реагировать на воздействия на всех уровнях организации живой природы (реактивная проекция информации). Она возникает в сознании человека как функция целевой интерпретации получаемых сообщений. Реактивная информация позволяет понимать смысл происходящих событий, оценивать прошлое, заглядывать в будущее. Получение именно реактивной информации является целью многих видов деятельности.

Важно то, что информация может фиксироваться, накапливаться и передаваться как на естественных, так и на искусственных носителях (ресурсная проекция информации). В таком качестве информация (биологическая, генетическая) является необходимым ресурсом эволюции природы и основным (социальная, духовная) ресурсом развития цивилизации.

Наконец, информация – это и то, что непосредственно отражает окружающую реальность (фоновая проекция информации). Именно отражение (в философском осмыслении) представляет атрибутивное проявление информации, ставит ее в один ряд с материей и энергией. Существенно то, что фоновая информация может оказывать воздействия, которые обходят защитные функции сознания.

– Для каждого человека информация – это то, что возникает в его сознании?

– Именно так. Необходимо представлять, что также как для поддержания физиологических процессов требуется энергия, которую организм получает с пищей, водой, воздухом, светом, для действий и поступков человеку нужна такая энергия, потенциалы которой накапливаются с помощью информации, возникающей в сознании людей. Психику человека принято рассматривать как свойство отражать объективную реальность, строить на основе отражения субъективные образы и на основе этих образов регулировать свое поведение и деятельность. Остается открытым вопрос о базовой единице психики. Ее можно выявить, анализируя блоки информации, из которых в сознании складываются модели мира, той информации, которая формирует наше отношение к окружающей реальности, обоснование права на те или иные действия и поступки.

– Но ведь информация может быть ложной?

– Информация, которая является ложью, противоестественна самой природе. Так, ошибки в распознавании угроз приводят к сбою в функционировании систем на всех уровнях жизни. Неадекватные реакции влекут гибель объектов живой природы. Но человек встал на путь познания и на этом пути ошибки стали естественной неизбежностью. Наряду с естественными ошибками на арену цивилизационного развития стала выходить и злонамеренная ложь – то, что принято обозначать дезинформацией.

Обман противника испокон веку применялся в военном деле. Древнекитайский мыслитель Сунь-Цзы (IV век до н.э.), ставший в наше время легендой информационных войн, оставил весьма внушительный свод наставлений по деструктивным воздействиям, основанным на злонамеренной лжи. При этом понятие самой информации, как некого разъяснения, стало входить в европейские языки лишь начиная с XIV века, а собственно дезинформация стала методом борьбы разведывательных и контрразведывательных органов лишь в последние века.

Сегодня можно встретить сотни публикаций с результатами обстоятельных фактологических исследований, в которых дезинформация рассматривается как основа гибридной войны. Наравне с информацией, которая сегодня вышла на мировую арену как инструмент воздействия на сознание людей и народов, как средство управления социально-политическими процессами и культурно-духовными сферами, не менее эффективным средством воздействия и управления стала целенаправленная изощренная ложь.

Заметим, что собственно ложь не вписывается ни в какие качественные или количественные теории информации: ни в атрибутивную, ни в функциональную концепции информации. Отрицание информации создает неопределенность, в каналах связи – это шум. Без информации нет ни реализации, ни отражения, ни «форм бытия объективной реальности», ни «текущих состояний материальных систем». Отсутствие социальной информации порождает хаос. В то же время именно тщательно сфабрикованная и системно транслируемая ложь может захватывать сознание человека. Она может заражать его вирусами деструктивных, человеконенавистнических идей.

– Как же уживаются в сознании человека ложь и правда, информация и дезинформация?

– Информация рождается в процессе интерпретации получаемых сообщений. Возникновение как истинных, так и ложных представлений об окружающем мире, о прошлом и будущем можно рассмотреть, используя образы квантовой механики.

Так, одним из весьма знаковых событий в формировании научных представлений о мироздании стали результаты опытов Томаса Юнга, проведенных в 1801 году, когда экспериментально была установлена волновая природа света. Последующее выявление двойственной корпускулярно-волновой природы явлений в мире элементарных частиц сначала разделило микромир с макромиром, а позже заставило задуматься, не проявляются ли эффекты квантовой механики и уже квантовой запутанности в психических явлениях, в работе мозга и, вообще, в жизни людей и сообществ, в отношениях между народами.

Пропуская световой поток через две щели, Томас Юнг обнаружил на экране не две четкие полосы, а картинку из нескольких размытых полосок. Оказалось, что, проходя через разные щели, потоки света, подобно расходящимся волнам,

в определенных местах усиливают друг друга, а в других ослабляют или, вообще, гасят, создавая интерференционную картинку.

Возникновение информации в сознании человека неизбежно связано с интерпретацией получаемых сообщений, сведений, данных. Однако эта интерпретация далеко не всегда представляет собой четкую целевую функцию, сформированную, скажем, личностными качествами или заданную извне. Зачастую интерпретация увиденного и услышанного становится теми «щелями» желаний, стремлений, жизненных установок, через которые (подобно пучкам света) проходит все то, что мы воспринимаем из внешнего мира. При этом может проявляться «эффект интерференции» возникающих мыслей и идей, планов и сомнений, отношений и оценок происходящего, прошлого и будущего. Не исключено, что сложность познания, контроля и управления психическими процессами связана с тем, что эти процессы не всегда подчиняются законам привычного нам макромира, а информационные потоки в сознании человека проявляют волновые свойства.

– Я понимаю: речь идет об информационных потоках новостных сообщений, о рекламе, о сетевом эфире. Но ведь, помимо этого, предпринимаются и попытки управления сознанием людей?

– Действительно, ситуация коренным образом меняется, когда блоки информации, отражающие в сознании человека «картины мира», образуются под действием внешних управляющих воздействий. В этом случае можно снова обратиться к результатам экспериментов в области квантовой механики, которые указывают на, пожалуй, самое удивительное явление микромира.

Если в ходе экспериментов с элементарными частицами в процесс тем или иным образом включался «наблюдатель», ситуация удивительным образом менялась. Например, когда исследователи пытались фиксировать и подсчитывать частицы, проходящие через ту или иную щель – они «прятали» свои волновые функции и начинали вести себя как корпускулы. Это явление по сей день вызывает жаркие споры в среде физиков.

Наиболее обсуждаемым, пожалуй, остается мысленный эксперимент, предложенный в 1935 году Эрвином Шредингером при обсуждении физического смысла волновой функции. В ходе такого эксперимента возникает суперпозиция живого и мёртвого кота, что выглядит абсурдно с точки зрения здравого смысла.

В процессе мысленного эксперимента в некую камеру были помещены живой кот вместе с ампулой, содержащей смертельно ядовитый газ. Дополнительно в камере находились радиоактивное вещество и механизм, разбивающий ампулу с газом. Ампула могла быть вскрыта в результате единичного акта радиоактивного распада, вероятность которого в течение часа составляла 50 %.

Таким образом, явление микромира, вероятность которого составляет 50 %, переносится на событие макромира, связанное с жизнью и смертью. Оказывается, и объект макромира (кот) может находиться в некой суперпозиции (то ли жив, то ли мертв), пока камера не будет открыта и не будет установлено, жив он или мертв на самом деле. Более того, активное вмешательство в эксперимент «наблюдателя» коренным образом меняет ситуацию. Например, вскрыв камеру, можно спасти кота, даже если ампула с ядом незадолго до этого была разбита.

Проблемная ситуация «кот Шредингера» породила несколько различных интерпретаций квантово-механических явлений и их связи с макромиром. Ее анализ также углубляет и понимание психических явлений, связанных с возникновением информации в сознании человека.

Основой психических явлений, приводящих людей к принятию решений, к действиям и поступкам, являются блоки информации, которые, в свою очередь, возникают в сознании человека в результате интерпретации получаемых сообщений и накопленных знаний. И если опыты по интерференции света порождают образ неких «щелей или фильер интерпретации», которые могут усиливать или ослаблять воздействие потоков разнообразных сведений и данных, то мысленный эксперимент с «котом» говорит об алгоритмах интерпретации, которые являются ключами к пониманию происходящего и адекватному реагированию, или ключами дезинформации с последующими ошибками и пагубными последствиями.

В любом случае блоки информации, которые возникают в сознании человека, определяются ключами интерпретации, которые или формируются естественным образом в процессе обучения, воспитания и образования, или вбрасываются в ходе целенаправленных информационно-психологических воздействий.

– Говоря о воздействиях на сознание людей, нельзя не отметить, что сегодня они являются оружием информационной войны, которая ведется против народов России?

– Важно различать те информационно-психологические акции по дестабилизации общественных отношений, которые осуществляются «здесь и сейчас», и пролонгированные, многоэтапные операции глубинной информационной войны.

В первом случае мы противостоим всей мощи западных массмедиа и сетевых ресурсов, использующих дезинформацию, фейки, провокационные вбросы, дипфейки, инсценировки. Это противостояние требует адекватного реагирования, применения специальных сил и средств, оперативных контрмер.

Но наибольшие угрозы безопасности таятся в глубинной многоплановой информационной войне. В такой войне, которая ведется годами, десятилетиями и даже веками, сегодня можно выделить ментальные, когнитивные и смысловые ключи интерпретации тех сведений и данных, которые «переваривает» сознание человека.

Ментальная война – это о чем будет думать человек, каким будет его мировоззрение, главное, каким будет его отношение к своей стране: как к родной, которую любишь и защищаешь, или как к чужой, которую бросаешь в поисках «лучшей жизни» и предаешь, поддавшись искушению и обману.

Когнитивная война – это как будет думать человек, в какой парадигме будет формироваться его сознание, и, главное, какое он получит образование, как освоит фундаментальные знания, научится мыслить или лишь овладеет теми или иными компетенциями, чтобы быть способным зарабатывать и потреблять.

Смысловая война – это чем должна наполняться жизнь человека: высокими идеалами, творчеством, любовью, духов-

ными стремлениями или, скажем, потребительством, получением удовольствий, уходом в мир иллюзий, наркотиков, игр, виртуальной реальности.

– В течение многих десятилетий основным театром глубиной информационной войны была борьба идеологий. Какова роль идеологии в современном мире электронных коммуникаций?

– Именно идеология в образах квантовой механики выполняет функции того «наблюдателя», который детерминирует возникновение блоков информации, определяющих наше отношение, скажем, к прошлому, настоящему и ожидаемому будущему. В реальном же мире общественных коммуникаций и межгосударственных отношений именно идеология обосновывает право человека на те или иные поступки, право государства, например, на освободительную или захватническую войну.

– Идеология раскрывается как система взглядов и идей, отражающих наше отношение к окружающей реальности. Она может оформляться в виде определенных руководящих документов, манифестов или доктрин. Можно ли выделить ее основное назначение?

– Идеология представляет собой некоторую глобальную матрицу обоснования права на определенные действия и поступки, на образ жизни и мыслей людей, на реализацию их чаяний и стремлений.

Можно обсуждать национальные, классовые, религиозные идеологии, угрозы деструктивных идеологий экстремизма и терроризма, угрозы криминальной идеологии, обосновывающей право на преступную деятельность, угрозы национализма, фашизма, сатанизма. Но, в основном, сознание сотен миллионов людей «блуждает в трех соснах» мировых идеологий: либеральной, консервативной, социалистической. Эти идеологии имеют глубокие исторические корни и накопили огромные потенциалы воздействия и управления сознанием людей, населяющих страны и регионы.

Либеральная идеология, которая провозгласила приоритетом права человека, успешно выполняла свою функцию обоснования права обогащаться и потреблять на этапах становления и развития капитализма. Но на его закате она стала проявлять все более деструктивный характер, оправдывая экспансию, агрессию в борьбе за мировое доминирование и настойчиво пропагандируя самые низменные человеческие пороки. Более того, современный нацизм набирает силу именно в русле деградирующего либерализма.

Консервативная идеология, обосновывая право на защиту традиционных ценностей, представала тормозом общественного прогресса. В то же время в работах русских философов не раз отмечалось, что умеренный, разумный консерватизм – это не препятствие движению вперед и вверх, а защита от отката назад, от падения вниз, от деградации и хаоса. Но, только защищаясь, сложно рассчитывать на большие успехи в борьбе за сознание, на победу в информационной ментально-когнитивной смысловой войне.

Социалистическая идеология, среди приоритетов которой отметим справедливость в отношениях между людьми и народами, не теряет своей привлекательности. Социальный прогресс в прошлом веке связывался с перспективами построения коммунистического общества, с идеологией, обосновавшей право на бескомпромиссную борьбу с капиталистической эксплуатацией, с колониализмом, со всем, что угнетает человечество, мешает движению вперед к «светлому будущему».

Нельзя не отметить, что, если для либерализма идеалом был человек-потребитель, консерватизму требуется человек-защитник, то идеология, которая являлась государственной в Советском Союзе, была направлена на воспитание человека-творца. Так и было обозначено в программных документах коммунистической партии: «приобщение широких масс населения к достижениям науки, ценностям культуры; формирование всесторонне развитой личности». И сложно отрицать, что творческий потенциал этой идеологии не находил реализацию в весьма эффективной системе образования, подготовке высококвалифицированных специалистов, в достижениях советских ученых.

– Естественно, что нам нужна идеология, но какая?

– Можно сказать, что в правовом поле России с идеологией сложилась парадоксальная ситуация. Конституция 1993 года запретила существование какой бы то ни было идеологии (ст. 13) и в то же время зафиксировала, что основной ценностью являются права и свободы граждан (ст. 2). Так, одновременно с отказом от государственной идеологии была сделана попытка закрепить в сознании граждан страны либеральную идеологию, нацеленную на создание общества потребления.

В «лихие девяностые» это привело к доминированию криминальной идеологии. Образование и медицина оказались сферами услуг, культура и искусство – сферами развлечений. Получили распространение деструктивные идеологии терроризма и экстремизма. При этом обострились угрозы сепаратизма, расчленения России на отдельные анклавы.

Сегодня идеология России как самобытной цивилизации, идеология борьбы за суверенитет, защиты традиционных ценностей, права распоряжаться своими ресурсами, строить справедливое общество, идеология гуманизма и человеколюбия складывается, выкристаллизовывается и набирает силу. В условиях ожесточенных сражений с возродившимся фашизмом идеология Победы требует скорейшего достойного оформления.

Создание «неразрушимой» идеологической базы, задающей ключи интерпретации потоков данных, сведений и сообщений, в настоящее время особенно необходимо в связи со стремительным расширением применения все более совершенных систем, производящих информацию с помощью технологий искусственного интеллекта (ИИ).

– Идеология требуется для противодействия угрозам расширяющееся применение систем искусственного интеллекта?

– Открывшиеся перспективы и возникшие опасения, связанные с применением все более «продвинутых» систем ИИ, требуют очередного переосмысления сущности информации на новой ступени развития цифровых технологий.

Прежде информационные взаимодействия так или иначе были связаны с живыми системами, с людьми, общественными коммуникациями, хотя обмен данными мог осуществляться и с автоматами, и между автоматами. Сегодня искусственные нейросети с функциями самообучения и распознавания образов применяются в самых разнообразных сферах. В то же время «переполох» с многочисленными заявлениями авторитетных ученых и экс-

пертов об угрозах ИИ вызван появлением «генеративного ИИ», таких программ, которые, перерабатывая огромные массивы данных, уже не просто выдают решения, а производят или, можно сказать, непосредственно создают новую информацию.

Это может быть реактивная информация в виде ленты подобранных и определенным образом прокомментированных новостных сообщений. Генеративный ИИ уже не хуже писателей, художников и композиторов производит информационные ресурсы в виде «рукописей», стихов, живописных пейзажей и картин на исторические и мифологические сюжеты, музыкальных произведений. Наконец, захватывая мир, разнообразные боты, трудно отличимые в социальных сетях от людей, создают все более плотный искусственный информационный фон. Так, массовое распространение получила одна из последних версий искусственной нейросети Chat GPT-3. После обнародования в ноябре 2022 года в течение первых 5-ти дней ее использовали более миллиона пользователей.

В эволюции человечества можно проследить три принципиальных информационных «перехода», выделивших человека из мира обитателей Земли. Первый переход был связан с реактивной информацией и непосредственно с развитием речевых коммуникаций, когда люди стали обсуждать, что было, есть и будет. Второй, уже можно сказать «революционный» переход, в становлении человека обозначился с началом использования ресурсной информации, когда произошел перенос содержимого сознания на внешние носители: появились наскальные рисунки древних людей, петроглифы, иероглифы и алфавитная письменность, стали применяться и совершенствоваться искусственные носители информации (вплоть до электронных), развиваться технологии фиксации, накопления и трансляции информационных ресурсов. К третьему этапу, заключающемуся в создании искусственного информационного фона, наша цивилизация шла веками. Прорыв произошел с появлением Интернета и сетевых коммуникаций. Сегодня в этот прорыв устремляется генеративный ИИ, производя в неограниченных объемах информацию и уплотняя «матрицу» искусственного информационного фона, в которую все глубже погружается сознание людей.

Угрозы очевидны, сотни уважаемых экспертов индивидуально и коллективно уже высказались за необходимость введения контроля и определенных ограничений в создании систем ИИ, что в условиях войны пока невозможно. В то же время важно представить, что нас ожидает с искусственной информацией и как ею управлять. Здесь опять применимы образы квантовой механики.

Производство новой искусственной информации может быть волновым процессом. Важно, что это происходит в результате интерференции потоков уже накопленных человечеством ресурсов социальной и духовной информации. Хотя ИИ и не имеет своего социального и духовного опыта, он быстро обучается, поэтому усиление информационного хаоса будет очередной «данью» за погружение в мир цифровых технологий.

Принципиально иная ситуация сложится, когда в процесс включится «наблюдатель», а именно – когда алгоритмы создания новой искусственной информации будут настроены на внедрение в массовое сознание определенных идеологических установок. Так, в русле глубинной многоплановой информационной войны против России будут сгенерированы «новые» данные как из давней, так и недавней истории, что выведет психо-историческую войну на новый уровень. Мощную искусственную информационную «подпитку» получат идеи гендерного разнообразия, свободы выбора и неоднократной смены половой принадлежности, что обострит демографическую войну, направленную на разрушение традиционных ценностей и сокращение населения сран и регионов. В целом, искусственная информация в мире, расколотом на враждебные лагери, заставит еще больше сконцентрировать интеллектуальные и технологические ресурсы на идеологической борьбе.

Открытым пока остается вопрос, сможет ли ИИ сам создавать мировоззренческие доктрины и идеологические установки? Если это произойдет, то человечеству придется потесниться в сферах рациональных информационных взаимодействий. Возможно, существование людей на Земле на этом и закончится...

– Уважаемый Анатолий Семенович. Благодарим Вас за столь актуальное и содержательное интервью. В завершение наш традиционный вопрос – что бы Вы пожелали читателям и редакции Евразийского юридического журнала?

– Авторам и читателям Евразийского юридического журнала желаю больше интересных тем для исследований, успешной реализации научных и творческих идей. Будем надеяться, что новейшие технологии в области больших данных и искусственного интеллекта будут помогать человеку, а не составят ему конуренцию.

Интервью брали:

Бондаренко Александр Викторович
заместитель главного редактора Евразийского юридического журнала, кандидат философских наук, доцент

Лукиянов Михаил Юрьевич
ответственный редактор Евразийского юридического журнала, кандидат политических наук, доцент

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-20-28

БАТАЛОВ Александр Александрович
*кандидат юридических наук, магистр международного воздушного и космического права (LL.M., Leiden University), заместитель Представителя Российской Федерации при Международной организации гражданской авиации (ИКАО)**

Баталов А. А.

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЗДУШНОМ ПРАВЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье исследуются проблемы международной ответственности государств и региональных международных организаций в связи с региональным сотрудничеством по различным вопросам, регулируемым международным воздушным правом, в особенности в таких сферах как обслуживание воздушного движения и контроль за обеспечением безопасности полетов. Делается вывод о том, что расширение договорных и институциональных форм регионального сотрудничества в международном воздушном праве приводит к появлению на уровне различных регионов специальных норм об ответственности государств и региональных международных организаций и даже автономных режимов ответственности. Развитие подобных специальных норм и автономных режимов международной ответственности несет в себе риск различного и противоречивого толкования и применения первичных норм международного воздушного права и, как следствие, риск его фрагментации. Кроме этого, в контексте вышеуказанного регионального сотрудничества возникает проблема с применением норм о международной ответственности в отношении третьих государств, не являющихся участниками региональных международных договоров и членами региональных международных организаций. В частности, при передаче одним государством региона другому государству или региональной международной организации определенных функций по обслуживанию воздушного движения или контролю за обеспечением безопасности полетов третье государство может столкнуться с невозможностью привлечь ни одно из этих государств, ни региональную международную организацию к международной ответственности, например, в связи с авиационным происшествием, возникшим по причине ненадлежащего выполнения переданных функций. Решению данной проблемы в долгосрочной перспективе могло бы способствовать внесение соответствующих поправок в Конвенцию о международной гражданской авиации 1944 года.

Ключевые слова: международная ответственность, обслуживание воздушного движения, обеспечение безопасности полетов, региональная международная организация, фрагментация международного воздушного права.

BATALOV Alexander Alexandrovich
*Ph.D. in Law, LL.M. in International Air and Space Law (Leiden University), Alternate Representative of the Russian Federation to the International Civil Aviation Organization (ICAO)***

PROBLEMS OF RESPONSIBILITY IN INTERNATIONAL AIR LAW IN THE CONTEXT OF REGIONAL COOPERATION

This article examines problems of responsibility of States and regional international organizations in view of regional cooperation in various fields governed by international air law, especially in such fields as air traffic services and aviation safety oversight. It is concluded that the expansion of contractual and institutional forms of regional cooperation in international air law leads to the development of special rules of responsibility of States and regional international organizations in different regions and even self-contained regimes. The development of such special rules and self-contained regimes poses the risk of diverse and controversial interpretation and application of primary rules of international air law and, eventually, the risk of its fragmentation. Moreover, the problem of application of rules on international responsibility with respect to third States, not parties to the regional agreements and not members of regional international organizations arises in the context of the regional cooperation mentioned above. In particular, in case of transfer of air traffic services or safety oversight functions by one State of the region to another State or regional international organization, a third State might face the impossibility of holding any of these States or regional international organization responsible, for example, in view of aviation accident resulting from improper fulfillment of the transferred functions. In the long-term perspective, this problem might be resolved by the adoption of the relevant amendments to the Convention on International Civil Aviation of 1944.

Keywords: international responsibility, air traffic services, flight safety, regional international organization, fragmentation of international air law.

В основе международно-правового сотрудничества государств в области авиации и использования воздушного пространства на универсальном уровне лежит Конвенция о международной гражданской авиации, подписанная в г. Чикаго (США) 7 декабря 1944 года (далее – «**Чикагская конвенция**»). Она регулирует широкий спектр вопросов международной аэронавигации и деятельности воздушного транспорта с тем, чтобы «международная гражданская авиация могла развиваться безопасным и упорядоченным образом, и чтобы международные воздушные сообщения могли устанавливаться на основе равенства возможностей и осуществляться рационально и экономично»[1]. Кроме этого, Чикагская конвенция содержит нормы, учреждающие Международную организацию гражданской авиации (ИКАО) – универсальную международную межправительственную организацию системы ООН. Чикагская конвенция также обязывает каждое участвующее в ней государство «сотрудничать в обеспечении максимально дости-

* В настоящей статье излагается исключительно личное мнение автора по исследуемым вопросам. Данное мнение и настоящая статья в целом никоим образом не должны рассматриваться в качестве отражения позиции любых учреждений и организаций, с которыми у автора существовали или существуют трудовые, договорные или иные отношения.

** his article contains exclusively personal opinion of the author. This opinion and this article as a whole, must not be attributed to any institutions and entities, with which the author was affiliated or is currently affiliated through any form of employment or other contractual relationships.

1 Преамбула Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (Документ ИКАО 7300/9. Издание девятое. 2006).

жимой степени единообразия правил, стандартов, процедур и организации, касающихся воздушных судов, персонала, воздушных трасс и вспомогательных служб, по всем вопросам, в которых такое единообразие будет содействовать аэронавигации и совершенствовать ее»[2]. С этой целью один из органов ИКАО – Совет - принимает и по мере необходимости время от времени изменяет международные стандарты и рекомендуемую практику, которые, в зависимости от регулируемых ими вопросов деятельности гражданской авиации, сгруппированы в 19 документах, именуемых Приложениями к Чикагской конвенции[3].

При этом почти одновременно с формированием на универсальном уровне международно-правовых основ сотрудничества в области гражданской авиации развивалось и региональное сотрудничество государств в данной области. В 50-70-е годы XX-го столетия были созданы региональные международные организации, основными задачами которых являлось решение широкого круга проблем функционирования воздушного транспорта и аэронавигации с учетом особенностей конкретных регионов (например, Европейская конференция гражданской авиации, Африканская комиссия гражданской авиации, Латиноамериканская комиссия гражданской авиации, Европейская организация по обеспечению безопасности аэронавигации (Евроконтроль), Агентство по обеспечению безопасности аэронавигации в Африке и на Мадагаскаре, Центральноамериканская организация по обслуживанию аэронавигации и др.). На современном этапе происходит дальнейший количественный и качественный рост региональных механизмов сотрудничества государств, в особенности, в таких сферах как контроль за обеспечением безопасности полетов и расследование авиационных происшествий[4]. В резолюциях Ассамблеи ИКАО государства настоятельно призываются и далее укреплять региональное и субрегиональное сотрудничество для того, чтобы содействовать достижению наивысшего уровня безопасности полетов, и признается значительный потенциал региональных и субрегиональных механизмов для оказания помощи государствам в выполнении ими своих обязательств по обеспечению безопасности полетов за счет эффекта масштаба и более высокого уровня согласованности[5]. Эффективность расширения регионального сотрудничества в сфере гражданской авиации подчеркивается также в доктрине международного воздушного права [6, p. 139], [15, p. 66].

Таким образом, межгосударственное сотрудничество в области правового регулирования деятельности международного воздушного транспорта и аэронавигации на универсальном уровне гармонично дополняется региональным сотрудничеством. Это позволяет государствам объединять их технические кадровые и экономические ресурсы, а также учитывать специфику функционирования гражданской авиации соответствующего региона и за счет этого более эффективно выполнять свои международно-правовые обязательства, вытекающие из Чикагской конвенции и их членства в ИКАО.

Вместе с тем, развитие договорных и институциональных форм регионального сотрудничества, в первую очередь, в таких сферах, как обслуживание воздушного движения (далее – «**ОВД**») и контроль за обеспечением безопасности полетов, во многих случаях приводит к появлению на региональном уровне отдельных режимов ответственности государств и международных организаций, что требует решения ряда доктринальных и практических проблем, связанных с правом международной ответственности.

Региональное сотрудничество в сфере ОВД

В рамках регионального сотрудничества в сфере ОВД государства передают друг другу или созданным ими региональным международным организациям свои функции по обеспечению ОВД в воздушном пространстве над своей территорией и прилежащими участками открытого моря. Среди возможных вариантов указываются (а) передача одним государством ответственности за организацию и обеспечение ОВД над своей территорией другому государству по обоюдному соглашению, и (б) при необходимости совместное создание единого поставщика ОВД, ответственного за обеспечение ОВД в воздушном пространстве над территориями двух или нескольких государств, либо над открытым морем. При этом возникает вопрос о том, освобождается ли государство, передающее свои функции по ОВД, от ответственности за нарушение своих международно-правовых обязательств в случае, когда государство или региональный орган, которому переданы эти функции, ненадлежащим образом обеспечивает ОВД, и в результате чего происходит авиационное происшествие или инцидент?

Приложение 11 к Чикагской конвенции содержит не совсем ясное положение, согласно которому государство, передающее другому государству ответственность за обеспечение ОВД над своей территорией, «делает это без ущерба своему национальному суверенитету»[6]. Кроме того, ответственность государства, обеспечивающего ОВД, «ограничивается техническими и эксплуатационными соображениями и не выходит за рамки соображений, относящихся к обеспечению безопасности и ускорению потока воздушных судов, использующих соответствующее воздушное пространство»[7]. Как отмечается в международно-правовой литературе, это положение нельзя рассматривать как полное освобождение государства от ответственности за обеспечения ОВД в своем воздушном пространстве, но в то же время любое перераспределение ответственности в отношении ОВД между государствами возможно только путем заключения между этими государствами соответствующего двустороннего или международного договора [8, p. 117]. Данный вывод косвенно подтверждается судебной практикой некоторых государств[8].

При этом в некоторых международных договорах, предусматривающих передачу государствами друг другу или региональной международной организации функций по ОВД, содержатся нормы, регулирующие, в том числе, и вопросы распределения международной ответственности.

2 Статья 37 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (Документ ИКАО 7300/9. Издание девятое. 2006).

3 Там же. Статья 54 конвенции.

4 Региональные организации и органы по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий созданы в Африке (например, Полномочные авиационные органы Африки и Мадагаскара, Агентство по расследованию авиационных происшествий государств-участников Банджульского договора и др.), Азиатско-Тихоокеанском регионе (Тихоокеанское бюро по обеспечению безопасности полетов), Центральной Америке и Карибском бассейне (Восточно-карибское ведомство гражданской авиации, Карибская система контроля за обеспечением безопасности полетов и авиационной безопасности и др.), а также в Европе (Агентство по безопасности полетов Европейского Союза, Совет по авиации и использованию воздушного пространства и его орган - Межгосударственный авиационный комитет).

5 См., например: резолюции Ассамблеи ИКАО A40-6 и A38-7 (ICAO Doc. 10140).

6 Приложение 11 к Конвенции о международной гражданской авиации «Обслуживание воздушного движения». Издание пятнадцатое. - ИКАО, 2018. - С. 2-1.

7 Там же.

8 Lake Constance Mid-Air Collision: Bashkirian Airlines v. Federal Republic of Germany // Air & Space Law. - 2007. - No. 1. - P. 78.

К таким договорам можно отнести, например, Международную конвенцию о сотрудничестве по обеспечению безопасности аэронавигации 1960 года, учреждающую Европейскую организацию по обеспечению безопасности аэронавигации (Евроконтроль)[9], а также Соглашение между Бельгией, Люксембургом, Нидерландами и ФРГ 1986 года[10], на основании которого Евроконтроль обеспечивает ОВД в верхнем воздушном пространстве указанных государств через созданный и эксплуатируемый им районный диспетчерский центр в Маастрихте (Maastricht Upper Area Control Centre). Эти договоры предусматривают, что Евроконтроль несет ответственность перед третьими лицами за вред, причиненный действиями его органов или служащих в пределах выполняемых ими должностных обязанностей по обеспечению ОВД. Если же причинение вреда явилось следствием действий самих государств-участников Соглашения 1986 года, то Евроконтроль, первоначально возместивший данный вред, вправе предъявить регрессные требования к этим государствам. Для целей разрешения споров между государствами-членами Евроконтроля, а также между самим Евроконтролем и его государствами-членами Международная конвенция 1960 года и Соглашение 1986 года предусматривают достаточно детальную процедуру третейского (арбитражного) разбирательства с вынесением обязательного для сторон решения.

Положения об ответственности, аналогичные тем, которые закреплены в вышеуказанных международных договорах о деятельности Евроконтроля, также содержатся в Конвенции 2010 года[11], регулирующей функционирование Агентства по обеспечению безопасности аэронавигации в Африке и на Мадагаскаре (АСЕКНА) – региональной международной организации, обеспечивающей ОВД в воздушном пространстве своих государств-членов. Кроме этого, Конвенция 2010 года предусматривает, что АСЕКНА может быть освобождено от ответственности, если причиненный им вред явился следствием обстоятельств непреодолимой силы или действий самой потерпевшей стороны.

Порядок разрешения споров между самими государствами-членами АСЕКНА, либо между АСЕКНА и государствами-членами подробно урегулирован Конвенцией 2010 года и состоит из двух основных этапов: 1) разрешение споров при посредничестве органов АСЕКНА; 2) при невозможности разрешения спора в рамках посреднических процедур он передается на рассмотрение арбитража, решение которого является обязательным для сторон.

Изложенные выше положения региональных международных договоров по поводу ОВД позволяют разрешить вопросы распределения ответственности. В отношениях между самими государствами-участниками указанных международных договоров, а равно между государствами-участниками и учрежденными ими региональными международными организациями эти положения об ответственности будут носить характер норм *lex specialis*, которые в соответствии статьей 55 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года (далее – «**Проект статей 2001 года**»)[12] и статьей 64 Проекта статей об ответственности международных организаций 2011 года (далее – «**Проект статей 2011 года**»)[13] исключают применение общих норм об ответственности государств и международных организаций, закрепленных в обоих проектах статей об ответственности, разработанных Комиссией международного права ООН. При этом положения Проекта статей 2001 года и Проекта статей 2011 года будут применяться в этих случаях в той мере, в какой условия международной ответственности не будут урегулированы региональными международными договорами по ОВД.

Когда государства одновременно являются участниками нескольких региональных международных договоров по ОВД, содержащих специальные нормы о международной ответственности, важно, чтобы эти нормы в различных международных договорах были единообразными или, как минимум, не противоречили друг другу. В противном случае применение специальных норм может привести к нежелательным коллизиям режимов ответственности государств и органов ОВД.

Более сложной представляется ситуация с применением норм о международной ответственности в контексте регионального сотрудничества в сфере ОВД, которая возникает в отношении третьих государств-членов ИКАО, не являющихся участниками таких региональных международных договоров по ОВД и членами региональных международных организаций по ОВД[14]. С одной стороны, в доктрине международного права широко распространена точка зрения о том, что государство, передающее свои функции по ОВД другому государству или региональной международной организации, должно продолжать соблюдать свои обязательства по обеспечению ОВД в пределах своего суверенного воздушного пространства и нести ответственность за их нарушение в отношении всех остальных государств-участников Чикагской конвенции [19, p. 63], [7, p. 287-288], [12, p. 117-118]. Эти обязательства базируются на универсальных нормах международного воздушного права, содержащихся в Чикагской конвенции и международных стандартах ИКАО, и по существу, являются обязательствами в отношении группы государств в целях защиты коллективного интереса этой группы, то есть *erga omnes partes*. На первый взгляд, подобная позиция может показаться достаточно обоснованной, во многом благодаря тому, что она базируется на основополагающем принципе международного воздушного права – принципе полного и исключительного суверенитета государства над своим воздушным пространством, согласно которому именно государство в силу суверенитета регулирует воздушное движение в своем воздушном пространстве.

Однако при попытке реализации международной ответственности любого из государств-участников регионального международного договора по ОВД или региональной международной организации по ОВД может возникнуть

9 "EUROCONTROL" International Convention relating to cooperation for the safety of air navigation (with annexes and Protocol of signature), signed at Brussels, on 13 December 1960 (United Nations Treaty Series. - Volume 523. - № 7557. - New York. 1966. - P. 119).

10 Agreement (with Annexes) relating to the Provision and Operation of Air Traffic Services and Facilities by EUROCONTROL at the Maastricht Area Control Centre between the Federal Republic of Germany, the Kingdom of Belgium, the Grand Duchy of Luxembourg, the Kingdom of the Netherlands and Eurocontrol, done at Brussels on 25 November 1986 (ICAO Registration № 3525).

11 Convention on the Agency for the Safety of Air Navigation in Africa and Madagascar (ASECNA), done in Libreville on 28 April 2010 (The Revised Dakar Convention adopted in Ouagadougou, Burkina Faso and endorsed in Libreville, Republic of Gabon. ASECNA. 2010).

12 Ответственность государств за международно-противоправные деяния (приложение к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/56/83 от 12 декабря 2001 года).

13 Ответственность международных организаций (приложение к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/66/100 от 9 декабря 2011 года).

14 С точки зрения принципа *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, отраженного в статье 34 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г., договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия (Ведомости Верховного Совета СССР. - 1986. - № 37. - Ст. 772). На основании данного принципа можно сделать вывод, что и правила о международной ответственности, закрепленные в региональных международных договорах, не будет распространяться на третьи государства.

практически неразрешаемая коллизия. Так, для привлечения государства А, передавшего свои функции по обеспечению ОВД в своем воздушном пространстве государству Б или региональной международной организации, к международной ответственности за нарушение его международно-правовых обязательств, вытекающих из Чикагской конвенции и международных стандартов ИКАО, потребуется, в первую очередь, доказать, так называемый, «элемент присвоения» противоправного поведения (attribution). Под этим понимается доказывание того, что приведшие к данному деянию действия органа ОВД или организации по аэронавигационному обслуживанию государства Б, фактически осуществлявших ОВД в воздушном пространстве государства А, могут быть присвоены последнему по международному праву. Очевидно, действия органа ОВД или организации по аэронавигационному обслуживанию государства Б могут быть присвоены самому государству Б в соответствии со статьями 4 или 8 Проекта статей 2001 года[15], но при этом эти действия не будут представлять собой нарушение международно-правового обязательства по отношению к третьим государствам, поскольку ни Чикагская конвенция, ни международные стандарты ИКАО не обязывают государство Б обеспечивать ОВД в воздушном пространстве государства А. Что касается государства А, то несмотря на сохранение за ним обязательств по обеспечению ОВД в своем суверенном воздушном пространстве по Чикагской конвенции, ему, по нашему мнению, вряд ли, могут быть присвоены действия иностранного государственного органа ОВД или иностранной организации по аэронавигационному обслуживанию, над которой государство А не осуществляет никакого контроля[16]. Единственным исключением, когда возможно присвоение государству А действий организации-поставщика аэронавигационного обслуживания, зарегистрированной и имеющей основное место деятельности в государстве Б, является случай, при котором государство А в силу, например, преобладающего участия в уставном капитале этой организации, может влиять на ее управление и принимаемые решения. Между тем, даже в условиях приватизации и коммерциализации поставщиков ОВД на сегодняшний день подобное трансграничное участие в их капитале является крайне редким.

Аналогичная проблема возникает, когда функции по ОВД в воздушном пространстве государства А выполняет региональная международная организация, которая сама не является носителем международно-правовых обязательств по Чикагской конвенции, а потому не будет их нарушителем по отношению к третьим государствам. При этом действия этой организации также будет сложно присвоить государству А[17].

В результате вышеуказанной коллизии третье государство может столкнуться с поистине «патовой» ситуацией - невозможностью при некоторых обстоятельствах привлечь ни государство А, ни государство Б, ни региональную международную организацию по ОВД к международной ответственности. Такая ситуация может возникнуть, например, в связи с авиационным происшествием, имевшим место на территории государства А по причине ненадлежащего выполнения функций по ОВД либо со стороны органа ОВД государства Б, либо со стороны региональной международной организации. Гипотетическим решением данной проблемы могло бы стать внесение поправок в Чикагскую конвенцию, прямо предусматривающих возможность договорной передачи государством своих обязательств по обеспечению ОВД другому государству или международной организации, либо возможность солидарной ответственности государства, передающего функции по ОВД, и государства или региональной международной организации, которым эти функции переданы. Однако на этом пути есть ряд препятствий. Во-первых, сама процедура внесения и вступления в силу таких поправок в Чикагскую конвенцию представляется очень трудоемкой и может занять не один десяток лет[18]. Во-вторых, подобные поправки потребуют концептуального пересмотра Чикагской конвенции посредством распространения части закрепленных в ней обязательств, изначально сформулированных исключительно для государств и основанных на принципе суверенитета над воздушным пространством, на региональные международные организации, а также предоставления права этим организациям участвовать в Чикагской конвенции[19]. Вместе с тем, нельзя полностью исключать вероятность того, что государства в будущем придут к пониманию необходимости указанного концептуального пересмотра Чикагской конвенции. Тем не менее, в ближайшей перспективе, ввиду отмеченных выше трудностей применения норм о международной ответственности государств и региональных международных организаций в контексте сотрудничества по ОВД, защита нарушенных прав и взыскание компенсаций при авиационных происшествиях, наиболее вероятно, будут происходить не в рамках международно-право-

15 Согласно статье 4 Проекта статей 2001 года, поведение любого органа государства рассматривается как деяние данного государства по международному праву независимо от того, осуществляет ли этот орган законодательные, исполнительные, судебные или какие-либо иные функции, независимо от положения, которое он занимает в системе государства, и независимо от того, является ли он органом центральной власти или административно-территориальной единицы государства.
Согласно статье 8 Проекта статей 2001 года, поведение лица или группы лиц рассматривается как деяние государства по международному праву, если это лицо или группа лиц фактически действует по указаниям либо под руководством или контролем этого государства при осуществлении такого поведения.

16 Вопрос о степени контроля со стороны государства, необходимой для присвоения ему того или иного поведения, рассматривался различными международными судебными органами. Так, например, в своем решении по делу Никарагуа против США Международный Суд использовал понятие «эффективного контроля» государства за действиями негосударственных образований: «...Для того чтобы такое поведение привело к юридической ответственности Соединенных Штатов, в принципе, должно быть доказано, что это государство осуществляло эффективный контроль над военными или полувоенными операциями, в ходе которых были совершены предполагаемые нарушения» (Military and Paramilitary Activities in und against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986. - Pp. 64-65).

17 Например, как отмечают С. Рингаерт и Х. Бюкэнен, общее международное право не содержит положений, подтверждавших бы, что государства могут нести ответственность за международно-противоправные деяния международной организации на основании лишь факта членства в ней этих государств [18, p. 138].

18 В соответствии со статьей 94 Чикагской конвенции любая предложенная к ней поправка должна быть одобрена 2/3 голосов Ассамблеи и затем вступает в силу в отношении государств, ратифицировавших такую поправку после того, как ее ратифицируют не менее 2/3 всех государств-участников Чикагской конвенции (то есть 129 государств). Процесс вступления в силу поправок к Чикагской конвенции может занимать 15-20 лет.

19 Например, А. А. Дементьев для решения проблемы передачи ответственности по обеспечению ОВД от одного государства другому государству или международной организации предлагает внесение поправок в Чикагскую конвенцию. Однако при этом он не учитывает, что для внесения таких поправок необходимо будет также дополнить Чикагскую конвенцию положениями, распространяющими содержащиеся в ней обязательства по обеспечению ОВД на международные организации, и обеспечить, чтобы последние надлежащим образом приняли на себя данные обязательства [2, с. 10].

вых, а национально-правовых (частноправовых) механизмов ответственности.

Специфика вопросов ответственности в региональных организациях в сфере контроля за обеспечением безопасности полетов

На сегодняшний день по всему миру создано уже более двадцати региональных международных межправительственных организаций и других механизмов сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности полетов, объединяющих в общей сложности около 130 государств. В рамках этих организаций государства передают им часть функций, которые государства обязаны выполнять на основе Чикагской конвенции и международных стандартов ИКАО (например, сертификация авиационной техники, освидетельствование авиационного персонала, проведение надзорных мероприятий в отношении объектов гражданской авиации и т.д.).

Одновременно некоторые международные договоры и иные акты, учреждающие региональные международные организации и международные органы по вопросам обеспечения безопасности полетов, содержат и достаточно детальные положения о международной ответственности.

При рассмотрении вопросов международной ответственности региональных международных организаций и их государств-членов в сфере контроля за обеспечением безопасности полетов важно разделять (а) региональные международные организации, создаваемые государствами специально для выполнения функций в указанной сфере, и (б) органы (агентства, институты), наделенные данными функциями, но при этом являющиеся частью внутриорганизационного механизма международных организаций (межгосударственных объединений) региональной экономической интеграции.. В последнем случае на отношения, возникающие в сфере контроля за обеспечением безопасности полетов, будут распространяться общие правила ответственности, действующие в рамках указанных международных организаций (межгосударственных объединений) региональной экономической интеграции (например, в рамках Европейского Союза), конечно, при условии, что такие правила созданы. Анализ различных международных договоров об учреждении региональных международных организаций по контролю за обеспечением безопасности полетов, а также международных договоров и правовых актов, регулирующих деятельность соответствующих органов (агентств, институтов) в рамках международных организаций региональной экономической интеграции, позволяет выделить следующие положения, характеризующие особенности режима международной ответственности самих международных организаций и их государств-членов[20].

Во-первых, это установление ответственности региональных международных организаций в виде полного возмещения вреда, причиненного ими любым лицам при выполнении своих функций, включая вред, причиненный их агентами и сотрудниками при исполнении своих обязанностей.

Во-вторых, органам региональных международных организаций предоставляется право применять санкции в отношении государств-членов, нарушающих свои обязательства по договорам об учреждении этих организаций, включая приостановление права голоса государства-нарушителя, а также другие меры ответственности по усмотрению данных органов.

В-третьих, устанавливаются особые процедуры (как правило, судебные) разрешения споров между государствами-членами региональных международных организаций, связанных с нарушениями обязательства по договорам об учреждении этих организаций, а органам региональных международных организаций предоставляется право применения санкций в отношении государств-членов, не выполняющих решения органа по разрешению указанных споров.

В отношениях между самими государствами-членами региональных международных организаций, а также между государствами-членами и этими организациями положения об ответственности будут носить характер *lex specialis*, исключающих применение общих норм об ответственности государств и международных организаций, закрепленных, в частности, в Проекте статей 2001 года и Проекте статей 2011 года. Однако в той мере, в какой какие-либо условия международной ответственности не урегулированы региональными международными договорами, в отношениях государств-членов региональных международных организаций и самих организаций, очевидно, будут применяться положения Проекта статей 2001 года и Проекта статей 2011 года.

Например, в рамках Европейского Союза (ЕС), где создано и действует Агентство по безопасности полетов (EACA)[21], сложилась собственная комплексная система средств защиты нарушенных прав, которая существенно отличается от традиционного режима международной ответственности, основанного на Проекте статей 2001 года и Проекте статей 2011 года, и которую можно характеризовать в качестве автономного (self-contained) режима, полностью исключающего применение положений обоих проектов статей об ответственности [21, p. 516-519]. Данная система включает в себя особый режим ответственности самого ЕС и его Агентства по безопасности полетов, а также государств-членов ЕС. Аналогичный автономный (self-contained) режим ответственности сформировался и в рамках Экономического и валютного сообщества Центральной Африки, где функционирует его специализированный институт – Агентство по контролю за обеспечением безопасности полетов в Центральной Африке (ACCA)[22].

Как и в случае сотрудничества в области ОВД, в контексте регионального сотрудничества государств по контролю за обеспечением безопасности полетов возникает проблема с применением норм о международной ответственности в отношении третьих государств-членов ИКАО, не являющихся членами соответствующих региональных международных организаций. Как уже отмечалось выше, универсальные нормы международного воздушного права, которые содержатся, прежде всего, в Чикагской конвенции и принимаемых в соот-

20 См., например: Articles 8, 27-30 Traite relative aux Autorites africaines et malgache de l'Aviation civile (AAMAC), 20 janvier 2012; Article 18, Banjul Accord Group Aviation Safety Oversight Organization Agreement of 30 June 2009; Article 18, Protocol on the Establishment of the East African Community Civil Aviation Safety and Security Oversight Agency of 18 April 2007 and Article 143, The Treaty for the Establishment of the East African Community signed on 30 November 1999 (EAC Publication, № 1).

21 Правовой основой функционирования Агентства по безопасности полетов Европейского Союза в настоящее время является Регламент (ЕС) Европейского Парламента и Совета № 2018/1139 от 4 июля 2018 года об общих правилах в сфере гражданской авиации и учреждении Агентства по безопасности полетов Европейского Союза (Official Journal of the European Union. - № L 212. - 22.08.2019).

22 Правовой основой создания и функционирования Агентства по контролю за обеспечением безопасности полетов в Центральной Африке являются Дополнительный акт Конференции глав государств СЕМАС № 15/07/СЕМАС-162-ССЕ-08 от 25 апреля 2007 года и Основной регламент Агентства по контролю за обеспечением безопасности полетов в Центральной Африке № 29/19-UE-AC-ASSA-AC-CM, принятый Советом министров СЕМАС 18 декабря 2019 года. Само СЕМАС функционирует на основании новой редакции Договора об Экономическом и валютном сообществе Центральной Африке (СЕМАС) от 30 января 2009 года.

ветствии с ней международных стандартах ИКАО, всегда основываются на сохранении обязательств по выполнению данных функций за самими государствами, даже в тех случаях, когда речь идет о передаче государствами функций по контролю за обеспечением безопасности полетов региональным международным организациям. На указанные особенности норм Чикагской конвенции и международных стандартов ИКАО неоднократно обращалось внимание как в международно-правовой доктрине[23], так и, в частности, в резолюциях Ассамблеи ИКАО[24], различных рекомендациях и инструктивном материале, касающихся применения международных стандартов ИКАО.

Например, как отмечается в Руководстве по организации контроля за обеспечением безопасности полетов ИКАО, согласно Чикагской конвенции, только само государство-участник этой конвенции несет ответственность за надзор за обеспечением безопасности полетов, и оно не может переложить эту ответственность на какой-либо региональный орган. Даже если государство делегирует региональной международной организации осуществление конкретных задач и функций по контролю за обеспечением безопасности полетов, например, проведение проверок для сертификации эксплуатанта, тем не менее «оно должно сохранять у себя минимальные возможности выполнять свои обязательства, предусмотренные Чикагской конвенцией»[25].

В качестве сравнения с вышеизложенными положениями следует отметить, что в отдельных случаях Чикагская конвенция прямо предусматривает возможность передачи государством некоторых функций в области обеспечения безопасности полетов и освобождение данного государства от ответственности в отношении этих функций. Так, согласно статье 83 *bis* Чикагской конвенции, если воздушное судно, зарегистрированное ее государством-участником, эксплуатируется в соответствии с договором аренды, фрахтования или взаимного обмена воздушными судами или в соответствии с любым подобным договором эксплуатантом, основное место деятельности которого находится на территории другого государства-участника Чикагской конвенции, государство регистрации может по соглашению с таким другим государством-участником передать ему все или часть своих функций и обязанностей как государства регистрации в отношении этого воздушного судна, предусмотренных статьями 12, 30, 31 и 32 а) Чикагской конвенции (а именно, обязанность обеспечивать соблюдение воздушным судном правил полетов; выдача разрешения на использование радиопередающей аппаратуры на борту воздушного судна; выдача удостоверения о годности воздушного судна к полетам; выдача удостоверений о квалификации и свидетельств членам летного экипажа воздушного судна); и при этом государство регистрации освобождается от ответственности в отношении переданных функций и обязанностей[26]. Однако, как видно из содержания статьи 83 *bis* Чикагской конвенции, она распространяется лишь на случаи, когда воздушное судно базируется и эксплуатируется вне территории государства его регистрации, и применяется к передаче функций от одного государства другому государству, но не региональной международной организации.

Вместе с тем, при попытке реализации международной ответственности региональной международной организации по контролю за обеспечением безопасности полетов и ее государств-членов, например, в связи с авиационным происшествием, возникшим по причине нарушений требований в области сертификации авиационной техники со стороны данной организации, третьи государства могут столкнуться с коллизией, аналогичной той, которая существует в контексте регионального сотрудничества по ОВД. Поскольку сама региональная международная организация, которой ее государства-члены передали функции по контролю за обеспечением безопасности полетов, не является участником Чикагской конвенции, то она и не может выступать нарушителем предусмотренных ею обязательств. Что касается самих государств-членов, передавших указанные функции региональной международной организации, то за ними, действительно, сохраняются соответствующие обязательства на основании Чикагской конвенции и международных стандартов ИКАО. Однако, по нашему мнению, присвоение действий этой региональной международной организации ее государствам-членам может оказаться довольно проблематичным. Лишь в том случае, когда сам учредительный или иной правовой акт, регулирующий создание и деятельность региональной международной организации, прямо предусматривает, что последняя действует от имени ее государств-членов, ответственность за ее действия может, быть возложена на соответствующее государство. Подобное положение содержится на сегодняшний день лишь в правовых актах Агентства по безопасности полетов Европейского Союза и Агентства по контролю за обеспечением безопасности полетов в Центральной Африке[27].

Проблемы ответственности в международном воздушном праве и право Европейского Союза

Рассмотренные выше проблемы ответственности в международном воздушном праве в контексте регионального сотрудничества хорошо видны на примере наиболее развитой на сегодняшний день системы правового регулирования деятельности воздушного транспорта и использования воздушного пространства на уровне Европейского Союза.

С одной стороны, как уже отмечалось выше, в рамках ЕС ввиду автономности его правопорядка сложилась собственная система средств защиты нарушенных прав, которая полностью исключает применение режима международной ответственности, основанного на Проекте статей 2001 года и Проекте статей 2011 года. Указанная система ответственности полностью применима и к отношениям внутри ЕС в сфере обеспечения безопасности полетов, ОВД и других вопросов деятельности воздушного транспорта и базируется, в частности, на следующих положениях[28]:

– компенсации причиненного вреда является одним из принципов права ЕС, и при этом согласно статье 340 Договора о функционировании Европейского Союза, договорная ответственность ЕС регулируется правом, подлежащим примене-

23 См., например: [5, p. 111-115].

24 Например, в своей резолюции A29-13 («Улучшение контроля в области безопасности») Ассамблея ИКАО подтвердила, что ответственность отдельно взятого государства в деле обеспечения контроля за безопасностью является одним из принципов Чикагской конвенции (ICAO Doc. 10184).

25 Руководство по организации контроля за обеспечением безопасности полетов, Часть B «Создание региональной организации по контролю за обеспечением безопасности полетов и управление этой организацией». Издание второе. ИКАО, 2011. - С. 2-3 (ICAO Doc. 9734 AN/959).

26 Статья 83 *bis* Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (Документ ИКАО 7300/9. Издание девятое. 2006).

27 Article 75, Regulation (EU) № 2018/1139 of the European Parliament and of the Council, 04.07.2018 (Official Journal of the European Union. - № L 212. - 22.08.2019).
Article 22, Reglement No. 29/19-UEAC-ASSA-AC-CM fixant les regles communes dans le domaine de l'aviation civile et reorganisant l'Agence pour la Supervision de la Securite Aerienne en Afrique Centrale (ASSA-AC), 18 decembre 2019.

28 По вопросам ответственности в праве Европейского Союза см., например: [4, с. 52-24].

нию к соответствующему договору, а в области внедоговорной ответственности Европейский Союз должен возмещать убытки, причиненные его институтами или сотрудниками при осуществлении своих функций (например, убытки, причиненные со стороны EACA) [9, p. 532-548];

– иски о возмещении убытков, а также требования об обжаловании актов и бездействий институтов и органов ЕС, включая EACA, могут быть предъявлены любым физическим или юридическим лицом, учрежденным как в государствах-членах ЕС, так и за пределами ЕС[29], а с 2021 года право на обжалование актов ЕС было признано Судом ЕС также за государствами, не являющимися членами ЕС[30];

– требования о возмещении убытков, вытекающие из внедоговорной ответственности, и предъявляемые к институтам ЕС и, например, к EACA, а также требования об обжаловании действий (бездействий) институтов и органов ЕС рассматриваются Судом ЕС;

– в случае неисполнения государствами-членами ЕС своих обязательств по праву ЕС Комиссия ЕС также вправе обратиться в Суд ЕС и потребовать, в том числе, возмещение материального ущерба, понесенного Европейским Союзом в результате такого неисполнения[31];

– требования физических и юридических лиц к государствам-членам ЕС о возмещении убытков, понесенных в результате неисполнения последними обязательств по праву ЕС, рассматриваются в национальных судах соответствующих государств-членов[32];

– Комиссия ЕС вправе налагать штрафные санкции на физических и юридических лиц, нарушающих правовые акты ЕС по вопросам безопасности полетов и деятельности EACA.

Однако с другой стороны, несмотря на передачу государствами-членами ЕС значительных полномочий в области регулирования вопросов деятельности воздушного транспорта, безопасности полетов и ОВД Европейскому Союзу, именно государства-члены ЕС, а не ЕС в целом, продолжают оставаться участниками Чикагской конвенции и нести все вытекающие из нее международно-правовые обязательства перед другими государствами, являющимися ее участниками и не входящими в ЕС. На данное обстоятельство обратил внимание Суд ЕС в своем решении от 21 декабря 2011 года, в котором он отказался признавать так называемое «функциональное правопреемство» по Чикагской конвенции в отношении ЕС[33].

Согласно концепция «функционального правопреемства», разработанной Судом ЕС без какой -либо ссылки на нормы международного права о правопреемстве, и основанной на немецкой доктрине *Funktionsnachfolge* (functional succession), в случае полной передачи государствами-членами ЕС своих полномочий, связанных с соответствующим международным договором, самому ЕС, данный международный договор порождает обязательства для ЕС в целом. Однако сохранение за государствами-членами ЕС хотя бы отдельных полномочий в сфере действия того или иного международного договора, например, Чикагской конвенции, является основанием для отказа Суда ЕС признать «функциональное правопреемство» ЕС по такому договору[34]. Так, на сегодняшний день именно сами государства-члены ЕС, а не ЕС в целом (например, в лице EACA), продолжают осуществлять ряд важных полномочий, основанных на Чикагской конвенции и касающихся обеспечения безопасности полетов и иных вопросов деятельности гражданской авиации (включая, в том числе, государственную регистрацию воздушных судов, выдачу сертификатов летной годности и свидетельств на каждого члена экипажа воздушного судна и др.). Кроме этого, государства-члены ЕС осуществляют закрепленные в Чикагской конвенции полномочия, которые непосредственно вытекают из принципа полного и исключительного суверенитета государства на воздушное пространство, включая полномочия по введению запретов или ограничений на использование суверенного воздушного пространства, обеспечение соблюдения всеми воздушными судами правил полетов в суверенном воздушном пространстве и т.д.

Следовательно, каждое из государств-членов ЕС как носитель международно-правовых обязательств по Чикагской конвенции будет нести международную ответственность в случае их нарушения перед другими государствами-участниками Чикагской конвенции, не являющимися членами ЕС. При этом международная ответственность государств-членов ЕС возникает даже, когда данные нарушения являются следствием выполнения ими своих обязательств, вытекающих из членства в ЕС (например, обязательств по соблюдению правовых актов, принятых каким-либо из институтов ЕС), на что, в частности, указывает практика международных судебных учреждений и иных органов по разрешению международных судебных споров с участием государств-членов ЕС[35].

29 Articles 263, 265, Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union.

30 В своем решении по спору между Боливарианской Республикой Венесуэла и Советом ЕС от 22 июня 2021 года Большая палата Суда ЕС, приравняв государство, не являющееся членом ЕС, к юридическому лицу с точки зрения применения статьи 263 Договора о функционировании Европейского Союза, признала за ним locus standi по обжалованию актов ЕС, адресатом которых оно является либо которые непосредственно и индивидуально его затрагивают (см.: Case C-872/19 P, Bolivarian Republic of Venezuela v. Council of the European Union (Appeal)). Более подробные научные комментарии по данному вопросу см. также: [13, p. 114].

31 См., например: Case C-391/17, European Commission v. UK.

32 Joint Cases C-6/90 and C-9/90, Andrea Francovich and Danila Bonifaci v. Italian Republic (European Court Reports 1991. - P. I-5403).

33 Case C-366/10, Air Transport Association of America, American Airlines Inc., Continental Airlines Inc., United Airlines Inc. v. Secretary of State for Energy and Climate Change (Reference for a preliminary ruling from the High Court of Justice of England and Wales, Queen's Bench Division).

34 Более подробно по поводу концепции «функционального правопреемства» (functional succession), в том числе в контексте вышеуказанного решения Суда ЕС от 21 декабря 2011 года см.: [3, с. 264], [14, p. 309-314], [10, p. 13-17], [17, p. 606-608].

35 Например, в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2005 года по спору компании «Босфорус эйруэйз» против Ирландии, которая является членом ЕС и участником Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. указано, во-первых, что несмотря на передачу государством-членом ЕС суверенных прав в сфере действия данной конвенции на уровень ЕС, последний не несет какой-либо ответственности по этой конвенции до тех пор, пока он не станет ее участником. Во-вторых, в указанном решении отмечается, что государство-член ЕС будет нести ответственность за действия, нарушающие Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., даже если эти действия являются следствием выполнения им каких-либо международно-правовых обязательств (то есть обязательств, вытекающих из членства в ЕС) (Application No. 45036/98, Bosphorus Hava Yollari Turizm Ve Ticaret Anonim Sirketi v. Ireland).
Подтверждением того, что государства-члены ЕС могут быть призваны к международной ответственности за нарушение своих обязательств по Чикагской конвенции, даже если данное нарушение связано с необходимостью соблюдения ими правовых актов ЕС, является также спор между США и 15 государствами-членами ЕС, который рассматривался Советом ИКАО в 2000-2003 гг. В данном споре США утверждали, что выполнение государствами-членами ЕС положений Регламента Совета ЕС № 925/1999, запрещавшего в рамках ЕС полеты воздушных судов с устройствами подавления шума, как не соответствующих стандартам по авиационному шуму, представляло собой нарушение государствами-членами ЕС статей 11, 15, 38, 82 и Приложения 16

Так, например, введение государствами-членами ЕС в феврале-марте 2022 года дискриминационных запретов на использование их воздушного пространства российскими авиапредприятиями, может рассматриваться в качестве нарушения статьи 9 Чикагской конвенции и вполне могло бы стать основанием для привлечения Российской Федерацией государств-членов ЕС к международной ответственности, несмотря на то, что данные запреты были введены во исполнение решения Совета ЕС[36].

Вместе с тем, поскольку многие полномочия по регулированию деятельности гражданской авиации все же осуществляются самим ЕС, который играет все более активную роль в этом регулировании, любые действия государств-членов ЕС, связанные с их возможным привлечением к международной ответственности за нарушения Чикагской конвенции, включая их участие в каких-либо процедурах разрешения споров с третьими государствами, по-видимому, должны координироваться (согласовываться) с Комиссией ЕС. В свою очередь, при необходимости Комиссия ЕС в той или иной форме может стать участником данных процедур в целях более эффективной защиты интересов государств-членов ЕС и ЕС в целом. Подобные требования о согласовании действий государств-членов ЕС в рамках международных договоров с третьими государствами существуют, например, в сфере инвестиционных соглашений, заключенных самостоятельно государствами-членами ЕС с третьими государствами[37].

Дополнительно к этому нужно принимать во внимание, что для выполнения ряда функций по обеспечению безопасности полетов и иным вопросам деятельности воздушного транспорта, которые переданы на уровень ЕС, зачастую необходимы совместные действия как ЕС в целом, так и его государств-членов. В силу этого нельзя исключать присвоение любых связанных с данными действиями нарушений международно-правовых обязательств по международному воздушному праву не только соответствующим государствам-членам ЕС, но и самому ЕС, в первую очередь, в ситуациях, когда государства действовали в порядке выполнения их обязательств по праву ЕС (например, имплементируя правовые акты, принятые на уровне Европейского Союза). В этом случае уже сложившаяся практика исходит из невозможности для потенциальных заявителей самостоятельно определить надлежащего ответчика и предоставления им права подавать требования о возмещении ущерба по выбору либо к государству-члену ЕС (сам ЕС автоматически становится соответчиком), либо непосредственно к Европейскому Союзу (тогда соответчиком будет государство-член ЕС). Ответственность ЕС и его государств-членов перед потерпевшими третьими государствами за подобные нарушения будет являться солидарной, подобно механизму, уже используемому в случае нарушений так называемых «смешанных» торговых соглашений, заключаемых совместно ЕС и государствами-членами ЕС [20, p. 139-178].

При этом, как, вполне обоснованно, по нашему мнению, отмечают специалисты в области права ЕС, указанная выше «внешняя» солидарная ответственность ЕС и его государств-членов перед третьими государствами будет регулироваться не нормами автономного правопорядка ЕС, а общими нормами права международной ответственности, закрепленными, в частности, в Проекте статей 2001 года и Проекте статей 2011 года [20, p. 292-297]. Так, например, в статье 16 Проекта статей 2011 года предусмотрена ответственность международной организации, принуждающей государство к совершению какого-либо международно-противоправного деяния. С учетом данного положения ЕС в целом может быть привлечен к международной ответственности наряду со своими государствами-членами, если совершаемое ими международно-противоправное деяние является следствием выполнения ими обязательных правовых актов ЕС, то есть фактически совершается вынужденно.

Общие выводы

Расширение договорных и институциональных форм регионального сотрудничества в международном воздушном праве, в частности, в сфере ОВД и контроля за обеспечением безопасности полетов приводит к появлению на уровне различных регионов специальных норм об ответственности государств и региональных международных организаций и даже автономных (self-contained) режимов ответственности (например, в рамках ЕС и Экономического и валютного сообщества Центральной Африки). С одной стороны, в отсутствие эффективных универсальных вторичных норм о международной ответственности, основанных на Чикагской конвенции, а также с учетом наметившейся в последние годы тенденции «размывания» первичных норм международного воздушного права в направлении переноса многих положений из юридически обязательных документов - международных стандартов ИКАО – в различные документы ИКАО[38] рекомендательного характера развитие подобных специальных норм и автономных режимов международной ответственности на региональном уровне несет в себе риск различного и противоречивого толкования и применения первичных норм международного воздушного права и, как следствие, риск его фрагментации. С сугубо практической точки зрения данная фрагментация международного воздушного права таит в себе еще большую опасность – нарушение единообразия международно-правового регулирования вопросов международной аэронавигации, безопасности полетов и деятельности международной гражданской авиации в целом.

С другой стороны, в контексте вышеуказанного регионального сотрудничества возникает проблема с применением норм о международной ответственности в отношении третьих государств-членов ИКАО, не являющихся участниками региональных международных договоров и членами региональ-

(Охрана окружающей среды) Чикагской конвенции. Несмотря на то, что Совет ИКАО не вынес решение по существу указанного спора, который был разрешен посредством переговоров сторон, тем не менее, он подтвердил свою юрисдикцию рассматривать данный спор (Summary of Decisions, Council of ICAO – 161st session (C-DEC 161/6, 21/11/2000)).

36 Council Decision (CFSP) № 2022/335 of 28 February 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilizing the situation in Ukraine (Official Journal of the European Union. - № L57. - 28.02.2022. - P. 4).
Статья 9 Чикагской конвенции предусматривает, что запреты на полеты воздушных судов, вводимые ее государствами-участниками в своем суверенном воздушном пространстве, не должны носить дискриминационного характера на основе национальной принадлежности воздушного судна. Интересно отметить, что на нарушение данной статьи Чикагской конвенции государства-участники (например, Индия, Великобритания, Катар) неоднократно ссылались в рамках межгосударственных споров, рассматриваемых в разное время Советом ИКАО. Несмотря на то, что Совет ИКАО не выносил решений, по существу, данных споров, во всех случаях он подтверждал свою юрисдикцию их рассматривать.

37 См., например: Regulation (EU) No. 1219/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 establishing transitional arrangements for bilateral investment agreements between Member States and third countries (Official Journal of the European Union. № L351. - 20.12.2012. - P. 40).

38 Более подробно о наметившейся в последние годы тенденции переноса положений из международных стандартов ИКАО в документы рекомендательного характера см.: [1, с. 64-80].

ных международных организаций. Так, при передаче одним государством региона другому государству или региональной международной организации определенных функций по ОВД или контролю за обеспечением безопасности полетов третье государство может столкнуться с невозможностью привлечь ни одно из этих государств, ни региональную международную организацию к международной ответственности, например, в связи с авиационным происшествием, возникшим по причине ненадлежащего выполнения переданных функций. Эти трудности с привлечением государств и региональных международных организаций к международной ответственности заставляют потерпевшую сторону отдавать преимущество национально-правовым средствам защиты прав и получения возмещения вреда от государства-нарушителя.

Представляется, что решению вышеуказанных проблем регионального сотрудничества могла бы способствовать реализация в ближнесрочной и долгосрочной перспективе следующих мер:

– посредством совершенствования процедур разработки и принятия международных стандартов и проведения более активной работы по их имплементации на национальном и региональном уровнях ИКАО должна стремиться сохранять и повышать единообразие применения универсальных первичных норм международного воздушного права с тем, чтобы данное единообразие не нарушалось из-за распространяющихся на региональном уровне различных специальных норм и режимов международной ответственности, применение которых может привести к появлению противоречащих друг другу решений региональных органов по разрешению споров;

– внесение поправок в Чикагскую конвенцию, направленных на распространение некоторых ее обязательств на региональные международные организации и предусматривающих возможность передачи государствами своих обязанностей и ответственности по обеспечению ОВД и контролю за обеспечением безопасности полетов другим государствам-членам ИКАО или региональным международным организациям, что должно помочь третьим государствам-членам ИКАО, не являющимся участниками региональных договоренностей, но пострадавшим от нарушения соответствующих международно-правовых обязательств, призывать нарушителей к международной ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Баталов А. А. Вспомогательные процессы образования норм международного воздушного права: актуальные вопросы теории и практики// Московский журнал международного права. - 2020. - № 4. - С. 64-80.
2. Дементьев А. А. Институт ответственности в международном воздушном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Москва. - 2016. - 27 с.
3. Исполинов А. С. Принцип автономности права Евросоюза, его внешнее измерение и роль в процессе конституционализации ЕС // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2022. - № 5. - С. 251-277.
4. Кадышева О. В. Сравнительно-правовая характеристика норм об ответственности и возмещении вреда в ВТО, ЕС и ЕАЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2022. - № 3. - С. 48-58.
5. Abeyratne R. Rulemaking in Air Transport. A Deconstructive Analysis. - Cham, Switzerland: Springer. - 2016. - 251 p.
6. Abeyratne R. Strategic Issues in Air Transport. Legal, Economic and Technical Aspects. - Cham, Switzerland: Springer. - 2012. - 424 p.
7. Andika Immanuel Simatupang State responsibility over safety and security on air navigation of civil aviation in international law // Indonesian Journal of International Law. - 2016. - № 2. - Pp. 275-295.
8. Van Antwerpen N. Cross-Border Provision of Air Navigation Services with Specific Reference to Europe: Safeguarding Transparent Lines of Responsibility and Liability. - The Hague, Netherlands: Kluwer Law International. - 2008. - 276 p.
9. Fink M. The Action for Damages as a Fundamental Rights Remedy: Holding Frontex Liable // German Law Journal. - 2020. - № 3. - Pp. 532-548.
10. Havel B.F. and Mulligan J.Q. The Triumph of Politics: Reflections on the Judgment of the Court of Justice of the European Union Validating the Inclusion of Non-EU Airlines in the Emissions Trading Scheme // Air & Space Law. - 2012. - № 1. - Pp. 3-33.
11. Huang J. Aviation Safety through the Rule of Law. ICAO's Mechanisms and Practices. - The Hague, Netherlands: Kluwer Law International. - 2009. - 256 p.
12. Jasiuk E., Konert A., Detyniecka A., Targonska E. The responsibility of a State in the shooting down of Malaysian Airlines flight MH17 // Transportation Research Procedia. - 2019. - № 43. - Pp. 113-118.
13. Luigi Lonardo and Elisabet Ruiz Cairo. The European Court of Justice Allows Third Countries to Challenge EU Restrictive Measures, Case C-872/19 P, Venezuela v Council // European Constitutional Law Review. - 2022. - № 1. - Pp. 114-131.
14. Manzini P. and Masutti A. The Application of the EU ETS System to the Aviation Sector: From Legal Disputes to International Retaliations? // Air & Space Law. - 2012. - № 4-5. - Pp. 307-324.
15. Behind and Beyond the Chicago Convention: The Evolution of Aerial Sovereignty / Edited by Mendes de Leon P. and Buissing N. - The Hague, Netherlands: Kluwer Law International. - 2019. - p. 446.
16. Nedeski N. Shared Obligations and the Responsibility of an International Organization and Its Member States (The Case of EU Mixed Agreements) // International Organizations Law Review. - 2021. - Vol. 18. - Issue 2. - Pp. 139-178.
17. Quenivet N. Binding the United Nations to Human Rights Norms by Way of the Laws of Treaties // George Washington International Law Review. - 2010. - Vol. 42. - Pp. 587-621.
18. Ryngaert C., Buchanan H. Member State responsibility for the acts of international organizations // Utrecht Law Review. - 2011. - Vol. 7. - Issue 1. - Pp. 131-146.
19. Schubert F. The liability of air navigation services in the Single European Sky // Annals of Air and Space Law. - 2003. - Vol. XXVIII. - Pp. 57-94.
20. Sehnalek D. The Responsibility of the European Union under International Law // Czech Yearbook of International Law. - 2018. - Vol. IX. - Pp. 289-312.
21. Simma B, Pulkowski D. Of Planets and the Universe: Self-contained Regimes in International Law // European Journal of International Law. - 2006. - Vol. 17. - № 3. - Pp. 483-529.

СМИРНЫХ Сергей Евгеньевич
кандидат юридических наук, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

Смирных С .Е.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

В статье рассматривается международно-правовой статус детей и молодёжи, лишенных свободы. Отмечается, что дети и молодёжь, лишенные свободы, оказываются в числе наиболее уязвимых групп населения. Дети и молодежь, лишенные свободы, помещаются в центры содержания под стражей, тюрьмы или другие учреждения, из которых они не могут выйти по собственному желанию. Дети и молодежь могут быть лишены свободы только в качестве крайней меры и на самые короткие периоды времени. Это основное положение международного права прав человека также предусматривает, что если, тем не менее, необходимо лишить ребенка его основного права на свободу, с ним следует обращаться гуманно и уважать его достоинство, присущее человеческой личности.

Ключевые слова: международно-правовой статус, дети и молодёжь, лишение свободы, наиболее уязвимые группы населения, международное право прав человека.

SMIRNYKH Sergey Evgenyevich
Ph.D. in Law, General Secretary of the Russian Association of International Law

INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF CHILDREN AND YOUTH DEPRIVED OF LIBERTY

The article deals with the international legal status of children and youth deprived of liberty. It is noted that children and youth deprived of liberty are among the most vulnerable groups. Children and youth deprived of liberty are placed in detention centers, prisons or other institutions from which they cannot leave at will. Children and young people may be deprived of their liberty only as a measure of last resort and for the shortest periods of time. This basic provision of international human rights law also provides that if it is nevertheless necessary to deprive a child of his or her fundamental right to liberty, he or she should be treated humanely and with respect for the inherent dignity of the human person.

Keywords: international legal status, children and youth, deprivation of liberty, most vulnerable groups, international human rights law.

Вступление мира в XXI век характеризуется существенными изменениями в международных отношениях, которые влияют на правовой статус детей и молодежи. Они становятся жертвами таких вызовов и угроз как международный терроризм, организованная преступность, региональные конфликты, незаконный оборот наркотиков, инфекционные заболевания, деградация окружающей среды, стихийные бедствия и т.д.

Значение для человечества детей и молодежи неуклонно возрастает. Так, Землю населяют более 2 миллиардов детей [1, с. 6]. По оценкам Организации Объединенных Наций в мире насчитывается 1,2 миллиарда молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, что составляет 16 процентов мирового населения. К 2030 г. - установленному сроку достижения целей в области устойчивого развития, которые входят в Повестку дня на период до 2030 г., численность молодых людей, по прогнозам, увеличится на 7 процентов и достигнет почти 1,3 миллиарда человек.

Классическое международное право и его основа в виде созданной после Второй мировой войны системы Организации Объединенных Наций испытывает всесторонний прессинг, включая международное право прав человека, международное гуманитарное право, право международной безопасности и международное уголовное право.

При этом возрастает значение развития многостороннего и двустороннего сотрудничества между государствами на основе соблюдения общепризнанных норм и принципов международного права [3, с. 14].

Согласно п. 9 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 [4] международно-правовая система подвергается испытанию на прочность. Осложняется выработка коллективных ответов на транснациональные вызовы и угрозы, такие как использование информационно-коммуникационных технологий в противоправных целях, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, транснациональная организованная преступность, нелегальная миграция и т.д.

В 2022 г. более 450 миллионов детей - или каждый шестой - жили в зонах вооруженных конфликтов, что является самым высоким показателем за последние 20 лет. Рекордные 36,5 миллионов детей были вынуждены покинуть свои дома в результате конфликтов, насилия и других кризисов. Конфликт на Украине заставил 2 миллиона детей покинуть свою страну, а около 3 миллионов были вынуждены покинуть свои дома [5].

Приступая к исследованию международно-правового статуса детей и молодежи, лишенных свободы, необходимо определить понятия «ребенок» и «молодежь». Так, понятие «ребенок» представляет собой динамичное биологическое, культурное, социальное, политическое и правовое состояние.

С биологической точки зрения ребенок - это человек, который не способен к репродукции и не достигший половой зрелости. Однако с точки зрения когнитивного и эмоционального развития, мозг человека полностью формируется к 25 годам. Благодаря развитию неврологии и науки о мозге мы теперь знаем, что взрослые люди (т.е. те, чей мозг полностью развит) в основном используют свой мозг примерно к 25 годам, т.е. те, чей мозг полностью развит для обработки информации в основном используют префронтальную кору головного мозга [6].

При этом международное сообщество далеко от единой позиции по вопросу о моменте, когда человеческие существа

приобретают статус детей и молодежи. Некоторые государства считают, что понятие ребенка включает в себя весь период с момента зачатия, другие ограничивают его определенным периодом внутри утробы матери [7].

Так, умерщвление плода в возрасте свыше 22 недель внутриутробного развития может расцениваться как преступление против жизни человека, ибо с юридической точки зрения начало жизни человека датируется рождением головного мозга [8].

Установление возраста детей и молодежи является крайне важным вопросом. При отсутствии документов, если есть сомнения в возрасте детей и молодежи, он должен быть определен на основании не только внешнего вида, но и психологической зрелости. Если это целесообразно, оценка должна быть проведена научным и безопасным способом, с уважением к человеческому достоинству, учитывающим гендерные и культурные особенности. Если остается неопределенность в отношении возраста, следует считать, что человек является ребенком, и с ним следует обращаться как с таковым [9].

Как отмечает Ю.М. Колосов, «одной из особенностей политики в деле обеспечения прав ребенка является постоянная и быстрая изменчивость состава субъектов прав. Если государства за один или два-три года не обеспечили условий для соблюдения прав тех, кому 15-17 лет, то через определенный период времени эта группа людей перейдет в статус взрослых и навсегда останется среди тех, чьи права были нарушены и уже нет возможности восстановить их. Поэтому дети не могут долго ждать осуществления их прав» [10, с. 83].

Религия может играть огромную роль в жизни детей и молодежи. Так, согласно ст. 7 Каирской Декларации о правах человека в исламе 1990 г. [11]. с момента рождения каждый ребенок имеет право на получение со стороны родителей, общества и государства надлежащего ухода, воспитания, а также материальной, физической и моральной поддержки. Родители и те, кто находится в аналогичном положении, имеют право выбирать для своих детей вид образования и по своему желанию, при этом они должны учитывать интересы и будущее детей в соответствии с этическими ценностями и принципами шариата.

Исламское право устанавливает, что возраст полового созревания знаменует конец пребывания человека в детстве. Абу Ханифа, основатель Ханафитского масхаба, заявлял, что возраст полового созревания составляет 18 лет для мальчиков и 17 лет для девочек, утверждая, что девочки физически и умственно созревают раньше, чем мальчики. Маликитский масхаб предлагает различные возрасты полового созревания, варьирующиеся от 16 до 19 лет. В результате, в исламском праве нет единого мнения о возрасте, в котором человек перестает быть ребенком.

После информационно-пропагандистской работы, проведенной Организацией Объединенных Наций в 2022 г., был опубликован кодекс практики по вопросам вербовки детей для участия в вооруженных конфликтах. Кодекс направлен на предотвращение призыва в воинские части мальчиков без признаков полового созревания и привел к освобождению сотен мальчиков из различных воинских частей в разных провинциях Афганистана. Однако этот кодекс практики не соответствует согласованному на международном уровне определению понятию ребенка, предусмотренному Конвенцией о правах ребенка 1989 г. Так, в Сомали в феврале 2022 г. нижняя палата парламента Сомалиленда приняла закон о правах ребенка. Несмотря на то, что Организация Объединенных Наций выступала за то, чтобы возраст совершеннолетия в новом законе был сохранен на уровне 18 лет, принятый закон предусматривает определение ребенка как любого лица, не достигшего 15-летнего возраста [12].

Определение понятия «ребенок» используется и в национальном законодательстве государств. Так, согласно ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. N 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [13] право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении или усыновлении детей, имеющих гражданство Российской Федерации, у следующих граждан Российской Федерации независимо от места их жительства: женщин, родивших (усыновивших) второго ребенка начиная с 1 января 2007 г.; мужчин, являющихся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2007 г.; женщин, родивших (усыновивших) первого ребенка начиная с 1 января 2020 г. и т.д.

В силу ст. 1 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [14] от 21 декабря 1996 г. N 159-ФЗ лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, - лица в возрасте от 18 до 23 лет, у которых, когда они находились в возрасте до 18 лет, умерли оба или единственный родитель, а также которые остались без попечения единственного или обоих родителей.

В силу ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступлений исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. К несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия либо им может быть назначено наказание. При освобождении от наказания судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

При этом период молодости определяется по-разному. Понятие «молодежь» определяется как включающее молодых людей в возрасте от 13 до 30 лет (Европейский Союз), от 10-12 до 30 лет (Совет Европы) и от 15 до 24 лет (Организация Объединенных Наций) [15, p. 6].

Всемирная программа действий Организации Объединенных Наций для молодежи 2010 г. установила возраст молодежи от 15 до 24 лет [16]. Резолюция 2250 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций о молодежи, мире и безопасности, определяет возрастные рамки молодости как 18-29 лет [17].

Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам, термин «молодежь» определяет как лиц в возрасте 15-32 лет [18]. Подобное разнообразие подходов способно вызвать проблемы, тем более что вызовы, стоящие перед лицами 15-летнего возраста, отличны от тех, с которыми сталкиваются 29-летние лица. Аналогичная ситуация наблюдается и на национальном уровне, а также различается в зависимости от стран и регионов. Например, Хартия африканской молодежи определяет молодежь как лиц в возрасте 15-35 лет [19]. Европейская комиссия относит к категории «молодежь» лиц в возрасте 15-29 лет. Иберо-американская конвенция о правах молодежи закрепляет права лиц в возрасте 15-24 лет.

В силу ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [20] молодежь, молодые граждане - это социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющие гражданство Российской Федерации. При этом численность молодежи в Российской Федерации достигает 41 млн. человек [21].

Миллионы детей и молодёжи лишены свободы, во всем мире [22, p. 58.]. Их содержат в полицейских участках, центрах содержания под стражей, тюрьмах, иммиграционных центрах, учреждениях социального обеспечения, психиатрических больницах, военных судах и других учреждениях.

Согласно п. 86 Глобального исследования по вопросу о положении детей, лишенных свободы 2019 г. в общей сложности ежегодно лишаются свободы как минимум 1,3–1,5 мил-

лиона детей. Большинство из них содержатся в специализированных учреждениях (430 000–680 000); другие оказываются в заключении при отправлении правосудия (410 000), по причине миграции (330 000), в ситуациях вооруженных конфликтов (35 000) и по соображениям национальной безопасности (1500). Еще 19 000 детей живут в тюрьмах вместе со своими основными попечителями. Несмотря на то, что эти цифры получены на основе научно обоснованных методологий, из-за нехватки официальных и надежных данных они остаются весьма заниженными. В частности, эти цифры не включают примерно 1 миллион детей, содержащихся под стражей в полиции, и еще большее число детей, фактически утративших свободу в специализированных учреждениях [23].

При этом около 5,4 млн. детей в настоящее время проживают в детских учреждениях по всему миру. Как подчеркивает Комитет Организации Объединенных Наций по правам человека, дети, помещенные в детские учреждения, фактически лишены свободы, поскольку им не разрешается покинуть эти учреждения по собственному желанию. Если de jure не менее 670 тыс. детей (12,4%) лишены свободы в учреждениях на основании судебного или административного решения, то число детей, де-факто лишенных свободы в государственных и частных учреждениях (включая детей-инвалидов, младенцев и других детей младшего возраста), составляет, таким образом, 5,4 млн. детей. Если к этому добавить только оценочное число детей, содержащихся под стражей в полиции, составляющее около 1 млн. человек в год, то реальное число детей, лишенных свободы, в мире превышает 7 млн. человек в год.

Дети и молодёжь, лишенные свободы, оказываются в крайне уязвимом положении. Лишение свободы означает, что дети и молодёжь помещены в центры содержания под стражей, тюрьмы или другие учреждения, из которых они не могут выйти по собственному желанию. Следовательно, дети и молодежь оказываются в условиях непрозрачного режима, что делает невозможным контроль за их содержанием со стороны членов семьи и общества в целом.

Статья 37 Конвенции о правах ребенка 1989 г. [24]. предусматривает, что дети могут быть лишены свободы только в качестве крайней меры и на самый короткий соответствующий период времени. Это основное положение международного права прав человека также предусматривает, что если, тем не менее, считается необходимым лишить ребенка его основного права на свободу, то с ним следует обращаться гуманно и уважать его достоинство, присущее человеческой личности, и таким образом, который учитывает потребности человека его возраста.

Вызывает интерес рассмотрение международно-правовых аспектов статуса детей и молодёжи, находящихся в различных ситуациях лишения свободы: детей и молодёжи, лишенных свободы при отправлении правосудия; детей и молодёжи, живущих в тюрьмах со своими опекунами; детей и молодёжи, лишенных свободы по причинам, связанным с миграцией; детей и молодёжи, лишенных свободы в контексте вооружённых конфликтов; детей и молодёжи, лишенных свободы по соображениям национальной безопасности и т.д.

В современном мире более 400 тыс. детей и подростков находится в тюрьмах или следственных изоляторах, где насилие является нормой, многие из них - по обвинению в прогулах, непослушании и потреблении алкоголя. Еще миллион содержатся в полицейских участках [25].

Это зачастую прямо противоречит международным и национальным стандартам и принципам в области уголовного правосудия и прав детей. Несмотря на то, что могут возникать ситуации, когда подростки создают особый риск для безопасности для себя или других, исследования показывают, что в целом количество арестов и число несовершеннолетних лиц, содержащихся под стражей, в целом не обязательно отражают уровень преступности.

Содержание детей и молодёжи под стражей в качестве наказания часто оказывается неэффективным по отношению к заявленным целям, а именно обеспечению их безопасности. Дети подвергаются высокому риску насилия с момента ареста, а также плохому обращению и неудовлетворительным условиям содержания под стражей.

Согласно ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [26]., каждый человек имеет право на свободу и безопасность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или задержанию или лишен свободы иначе как в соответствии с законом. Следовательно, государства должны находить решения, не связанные с лишением свободы, для обеспечения того, чтобы лишение свободы действительно было крайней мерой.

Наилучшие интересы должны быть главным соображением при принятии всех решений, касающихся детей и молодежи, включая вопрос о лишении свободы. Принцип наилучшего обеспечения интересов требует, чтобы при работе с детьми и молодежью, совершившими уголовные преступления, на первый план должны выходить подходы, способствующие реинтеграции детей и молодежи в общество.

Предварительное заключение под стражу детей и молодёжи может быть оправдано только на основании ограниченных и узко определенных оснований, имеющих четкую основу в национальном законодательстве, например, серьезный риск того, что ребенок-подозреваемый вновь совершит преступление или не явится в суд.

Решение о предварительном заключении под стражу детей и молодёжи должно приниматься только тогда, когда все другие доступные решения, не связанные с лишением свободы, были оценены как неприемлемые для решения конкретных проблем, которые могут оправдать заключение под стражу. Так, п. 4 ст. 40 Конвенции о правах ребенка 1989 г. устанавливает общее правило, согласно которому «различные меры, такие как распоряжения об уходе, руководстве и надзоре, консультирование, пробация, патронатное воспитание, программы образования и профессиональной подготовки и другие альтернативы учрежденческому уходу, должны быть доступны для обеспечения того, чтобы с детьми обращались в порядке, соответствующем их благополучию и соразмерном как обстоятельствам их жизни, так и правонарушению».

Пп. «с» п. 17.1 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил) 1985 г [27]. предусматривает, что несовершеннолетних правонарушителей не следует лишать личной свободы, если только они не признаны виновными в совершении серьезных деяний с применением насилия против других лиц или в неоднократном совершении других серьезных правонарушений, а также в отсутствие других соответствующих мер воздействия.

В тех редких случаях, когда можно доказать, что заключения под стражу детей и молодёжи избежать невозможно, лишение свободы, будь то на стадии предварительного следствия, судебного разбирательства или вынесения приговора, должно осуществляться в условиях и обстоятельствах, обеспечивающих соблюдение их прав.

Дети и молодёжь должны быть защищены от всех форм насилия и не должны подвергаться пыткам или другим формам жестокого обращения и наказания. Этот запрет включает телесные наказания, заключение или любое другое наказание, которое может подорвать их физическое или психическое здоровье, например, сокращение рациона питания, ограничение или отказ в контактах с семьей. Применение силы и спецсредств должно быть запрещено - за исключением исключительных обстоятельств, когда дети и молодежь представляют непосредственную угрозу причинения вреда себе или окружающим, и только тогда, когда все другие средства контроля исчерпаны.

Дети, находящиеся в системе правосудия, и особенно те, в отношении которых применяются меры пресечения в виде

заключения под стражу, находятся не только в состоянии особой уязвимости. Поэтому они нуждаются в обеспечении защитой, заботой и всей необходимой помощью – на индивидуальном уровне, социальном, образовательном, профессиональном, психологическом, медицинском и физическом уровнях. Им должны быть гарантированы содержательные мероприятия и программы, направленные на укрепление и поддержание их здоровья и самоуважения, для развития чувства ответственности и поощрения тех взглядов и навыков, которые помогут им в жизни.

Дети и молодёжь, лишенные свободы, имеют право обращаться с просьбами или жалобами в компетентные органы без цензуры по существу. Они также имеют право быть информированными об ответе на их просьбы и жалобы без задержки. Должен быть создан независимый механизм рассмотрения жалоб детей и молодежи, лишенных свободы. Этот механизм должен оперативно и беспристрастно расследовать жалобы, добиваясь при этом эффективных средств правовой защиты в случае нарушения прав детей и молодёжи.

Как правило, полиции разрешается арестовывать и задерживать детей и молодёжь, когда они застигнуты на месте совершения преступлений или при наличии достаточных оснований подозревать, что дети или молодёжь совершили преступления.

Насилие при содержании детей и молодёжи под стражей в полиции может быть приравнено к пыткам и привести к насильственной смерти детей [28, p. 21]. Места содержания под стражей в полиции существенно различаются, поскольку дети могут содержаться в полицейском автомобиле, в комнате ожидания, комнате для допросов или камере в полицейском участке.

Дети и молодежь часто не отделяются от взрослых из-за отсутствия достаточных ресурсов и инфраструктуры. Несмотря на многочисленные свидетельства того, что это ставит под угрозу их безопасность, благополучие и будущую способность не совершать преступлений.

Следует отметить, что чрезмерная продолжительность досудебного содержания детей под стражей является глобальной проблемой. Она не ограничивается отдельными регионами или странами мира. Использование досудебного содержания под стражей также не связано ни с социально-экономическим развитием страны, ни с ее приверженностью системе уголовного правосудия, ориентированной на соблюдение прав детей и молодёжи.

Дети и молодежь во всем мире, находящиеся в предварительном заключении, особенно уязвимы для нарушений их прав и часто сталкиваются с тем, что им отказывают в доступе к основным услугам, образованию и справедливому обращению в условиях заключения.

В местах лишения свободы им часто отказывают в доступе к основным услугам и образованию, а также в справедливом обращении. Во многих юрисдикциях права и доступ к таким услугам ограничены в силу характера и цели предварительного заключения, которое, как предполагается, рассчитано на очень короткий период.

Многие дети задерживаются за мелкие преступления, поэтому в итоге они проводят в следственных изоляторах больше времени, чем максимальный срок, предусмотренный законом за преступления, в которых они обвиняются.

Заключение под стражу в качестве меры наказания всегда должно рассматриваться как крайняя мера. Более того, главным принципом содержания под стражей должно быть обеспечение реабилитации и социальной реинтеграции.

Режимы, в соответствии с которыми дети и молодежь лишаются свободы, сильно различаются в разных странах мира. Некоторые страны утверждают, что применяют индивидуальный и реабилитационный подход, при котором дети проходят различные этапы ограничения свободы, в то время как в других странах содержание под стражей основано на карательном подходе. В таких случаях дети и молодежь большую часть времени находятся взаперти в камерах, что приводит к серьезным негативным последствиям для них.

Необходимо принять все возможные меры и стремиться свести содержание детей и молодежи под к абсолютному минимуму. В ситуациях, когда лишение свободы детей и молодежи все же неизбежно, соблюдение их прав остается первостепенным. Лечение детей и молодежи, лишенных свободы, должно быть индивидуальным и соответствовать потребностям, навыкам, социальным и привычным обстоятельствам. Очень важно, чтобы оно разрабатывалось совместно с ребенком как можно скорее после первой оценки, но при этом всегда оценивалось и, при необходимости, регулярно корректировалось в процессе содержания детей и молодежи под стражей. Соответствующая международным стандартам модель лечения и вмешательства для детей и молодежи, находящихся под стражей, должна быть междисциплинарной и целостной по своей природе. Важно отметить, что она всегда должна быть направлена на создание безопасной среды для детей и молодежи и одновременно учитывать различные аспекты его развития. Эти аспекты включают в себя учет психологического и эмоционального состояния детей и молодежи.

Несмотря на то, что в мире разработано несколько подходов к лечению детей и молодежи, лишенных свободы, некоторые из них заслуживают особого внимания в связи с тем, что они являются наиболее часто используемыми. В частности, когнитивно-поведенческая модель заключается в устранении факторов, способствовавших совершению преступлений детьми и молодежью.

При этом проводится целенаправленная работа над личностной устойчивостью детей и молодежи, а также укрепление эмоциональных связей и сетей поддержки. Этот метод используется для лечения детей, совершивших серьезные правонарушения, которые, как представляется, положительно реагируют на индивидуальную терапию и тренинги межличностных навыков, сочетающие в себе различные компоненты [29].

В качестве подхода рассматривается целостная личность ребенка, его потребности, сильные стороны и более широкий социально-семейный контекст и обстоятельства. Учет этих аспектов позволяет направлять детей на поиск значимых целей, что непосредственно способствует их реинтеграции в общество [30].

Международные стандарты в области прав человека свидетельствует о твердом обязательстве международного сообщества по ограничению и предотвращению лишения свободы детей и молодежи при отправлении правосудия. Однако в действительности системы зачастую не функционируют, что приводит к огромному разрыву между положениями закона и их реализацией на практике.

Лишение свободы оказывает существенное и потенциально необратимые негативные последствия для благополучия детей и молодежи и, следовательно, для общества в целом. Помещение детей и молодежи под стражу в качестве меры предупреждения преступности, снижения уровня преступности или обеспечения общественной безопасности в значительной степени неэффективно.

Репрессивные подходы к обеспечению правопорядка, направленные на борьбу с наркоманией, терроризмом, организованной преступностью и торговлей стрелковым оружием оказывают негативное влияние на профилактику детской и молодежной преступности и лишения свободы.

В некоторых странах сохраняются законодательство и практика, допускающие смертную казнь, пожизненное заключение и применение телесных наказаний в качестве меры наказания детей и молодежи. Это является прямым нарушением международных норм о правах детей и молодежи.

В теоретической литературе по международному праву «вопрос о смертной казни далек от своего решения» [31, с.

232]. В Соединенных Штатах Америки ведутся активные дебаты о моральности смертной казни и справедливости процесса вынесения приговоров. В настоящее время двадцать восемь штатов и федеральное правительство применяют смертную казнь; двадцать два штата и округ Колумбия не разрешают смертную казнь; а губернаторы трех штатов, в которых смертная казнь разрешена, наложили мораторий на исполнение смертных приговоров.

Согласно федеральному законодательству, смертная казнь в Соединенных Штатах Америки разрешена за некоторые преступления, в том числе за убийства, а также за различные другие насильственные преступления, такие как похищения детей и молодежи, поджоги, или угоны автомобилей, которые одновременно приводят к смерти; за измену, которая, согласно Конституции, состоит «в развязывании войны против Соединенных Штатов или в присоединении к ним».

В Соединенных Штатах Америки смертная казнь предусмотрена за убийства или, в некоторых ситуациях, причинение смерти при совершении других тяжких преступлений, таких как похищение людей. Во всех случаях суды или присяжные должны признать обстоятельства преступлений особенно чудовищными, а приговоры подлежат многоуровневому пересмотру в апелляционных судах. После завершения судебного рассмотрения федеральные законы и законы штатов предусматривают рассмотрение дел исполнительной властью (президентом или губернатором) до приведения в исполнение смертного приговора.

Федеральное правительство и двадцать восемь штатов, в которых разрешена смертная казнь, также разрешают, с учетом существенных ограничений смертную казнь, назначение вынесение пожизненных приговоров без права на условно-досрочное освобождение. Из двадцати двух штатов, которые не разрешают смертную казнь, двадцать один штат и округ Колумбия разрешают вынесение пожизненных приговоров без условно-досрочного освобождения. На Аляске не разрешена ни смертная казнь, ни пожизненное заключение без права на досрочное освобождение.

Обязательные пожизненные приговоры без условно-досрочного освобождения для несовершеннолетних являются неконституционными в Соединенных Штатах Америки после решения Верховного суда Соединенных Штатов Америки 2012 г. по делу «Миллер против Алабамы» [32].

В частности, в деле «Миллер против Алабамы» 14-летний подросток был признан виновным в убийстве и приговорен к обязательному сроку пожизненного заключения без возможности условно-досрочного освобождения. Высшие суды Алабамы и Арканзаса оставили приговоры в силе. Верховный суд отменил приговор. Восьмая поправка к Конституции Соединенных Штатов Америки запрещает схему вынесения приговоров, предусматривающую пожизненное заключение без возможности условно-досрочного освобождения для несовершеннолетних преступников, совершивших убийства. Дети существенно отличаются от взрослых в целях вынесения приговоров. Их незрелость и неразвитое чувство ответственности приводят к безрассудству, импульсивности и необдуманному риску. Они более уязвимы для негативных влияний и не имеют возможностей выбраться из ужасной, порождающей преступления обстановки. Действия детей и молодёжи с меньшей вероятностью будут свидетельствами безвозвратной испорченности. Схемы обязательных наказаний не позволяют судам, выносящим приговоры, рассматривать несовершеннолетних и оценивать, соразмерно ли наказывает несовершеннолетнего правонарушителя самый суровый срок заключения. Приговоры к пожизненному заключению без права досрочного освобождения имеют общие характеристики со смертными приговорами, требуя индивидуального вынесения приговоров. Суд отклонил довод штатов о том, что суды и прокуратура в достаточной мере учитывают возраст, биографию и обстоятельства преступления несовершеннолетнего при принятии решения о том, следует ли судить его как совершеннолетнего.

Следует отметить, что Верховный суд Соединенных Штатов Америки запрещает казни за преступления, совершенные в возрасте пятнадцати лет и младше. В девятнадцати штатах действуют законы, разрешающие казнь лиц, совершивших преступления в шестнадцать или семнадцать лет. С 1973 г. было вынесено 226 смертных приговоров несовершеннолетним. Двадцать два несовершеннолетних правонарушителя были казнены, и 82 человека остаются в камерах смертников [33].

Следует отметить, что возможность пребывания детей и молодежи в тюрьме с задержанным или находящимся в заключении основным опекуном, а также ограничения, накладываемые на эту практику в большинстве юрисдикций, представляют собой сложный вопрос, имеющий серьезные последствия для благополучия и развития детей и молодежи.

Решение о том, разрешить ли ребенку жить в тюрьме с матерью, включает в себя два варианта: разлучить ребенка с матерью или позволить ему жить в тюрьме с матерью. Применимые правила и соответствующая практика в отношении таких детей сильно различаются в разных странах и даже иногда в пределах одной страны.

В разных странах и даже в отдельных юрисдикциях применимые правила и соответствующая практика в отношении таких детей сильно различаются. Не существует универсального стандарта по применению и регулированию данной практики, а ее объем, масштабы, обоснование и возможные положительные или отрицательные последствия и возможные преимущества не имеют достаточного документального подтверждения.

Правовая база, касающаяся прав детей и молодежи, развивалась в течение последних десятилетий и предусматривает целый ряд принципов, норм, правил, стандартов и руководящих указаний, которые различным образом затрагивают положение детей и молодежи, рожденных от матерей, находящихся в заключении.

На национальном уровне необходимо гарантировать детям и молодёжи, лишенным свободы, правовой статус, который признает: что ребенок по-прежнему обладает всеми правами, предусмотренными международным правом прав человека; что пользование правами может быть ограничено только в том случае, если этого строго требуют цели состояния ребенка и только при соблюдении общих принципов Конвенции о правах ребенка 1989 г., в частности, наилучшего обеспечения интересов ребенка и права ребенка быть заслушанным и что ребенок имеет право на эффективное средство правовой защиты от незаконного или произвольного обращения.

Для улучшения положения детей и молодёжи, лишенных свободы, государствам необходимо защищать права детей и молодёжи путем сокращения числа детей и молодёжи, лишенных свободы, что может быть достигнуто путем применения к детям и молодежи мер, не связанных с лишением свободы.

Пристатейный библиографический список

1. Шамрин М. Ю. Институт детского омбутсмана в России, Шотландии и Ямайке: сравнительно-правовой анализ: монография / Под ред. Д. К. Нечевина. – Москва: Проспект, 2020. – 480 с.
2. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/

N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement (дата обращения: 8.09.2023).
3. Приветствие директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Т. Я. Хабриевой // Российский ежегодник международного права. 2022. ООО «КОНТРАСТ». – Санкт-Петербург, 2023. – С. 13-14.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586 (дата обращения: 8.09.2023).
5. Children affected by armed conflict and violence DELIVERED BY Assistant Secretary-General Ilze Brands Kehris AT High-level Conference on The Global State of Human Rights 15 July 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/en/speeches/2022/07/children-affected-armed-conflict-and-violence (дата обращения: 8.09.2023).
6. Mazurana D. Child marriage in armed conflict // International Review of the Red Cross. - 2019. - P. 101 (911). - 575-601.
7. Pilar Trinidad Núñez. Que es un nino? Una vision desde el derecho internacional publico // Revista Española de Educación Comparada. - 2003. - № 9.
8. Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве: Понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: дис. ... докт. юрид. наук / Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2006. – 418 с.
9. Inter-American Court of Human Rights Advisory Opinion OC-21/14 of August 19, 2014.
10. Колосов Ю.М. Что дала «перестройка» детям России // Московский журнал международного права. Специальный выпуск. - 1998. Декабрь. - С. 83-88.
11. Каирская Декларация о правах человека в исламе 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm (дата обращения: 8.09.2023).
12. Доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о детях и вооруженных конфликтах. Дети и вооруженные конфликты. Совет по правам человека 27 февраля - 31 марта 2023 г. A/HRC/52/60 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G22/619/14/PDF/G2261914.pdf?OpenElement (дата обращения: 8.09.2023).
13. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2007. - № 1 (часть I) ст. 19.
14. Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 52. - Ст.5880.
15. Follow-up of The Belgian EU Presidency-Youth Note of 2010. The European and International Policy Agendas on Children, Youth and Children's Rights. State of the Art – Update 2016.
16. Всемирная программа действий Организации Объединенных Наций для молодежи 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/wpay2010.pdf (дата обращения: 8.09.2023).
17. Резолюция 2250 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций о молодежи мире и безопасности 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/press/en/2015/sc12149.doc.htm (дата обращения: 8.09.2023).
18. Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам 2018 г. // Youth and human rights. Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights // UN Document A/HRC/39/33.
19. Хартия африканской молодежи 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/treaties/7789-treaty-0033_-_african_youth_charter_e.pdf (дата обращения: 8.09.2023).
20. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. - 2021. - 11 янв.
21. Замахина Т. Возраст молодежи повысили до 35 лет включительно // Российская газета. 2020. № 291.
22. Liefaard T. Access to Justice for Children Deprived of Their Liberty. In Protecting Children Against Torture in Detention: Global Solutions for a Global Problem. Washington D.C.: American University. Washington College of Law. 2017.
23. Глобальное исследование по вопросу о положении детей, лишенных свободы 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://defenceforchildren.org/wp-content/uploads/2019/08/Russian_Global-Study-on-Children-Deprived-of-Liberty.pdf (дата обращения: 30.08.2023).
24. Конвенция о правах ребенка 1989 г. // Ведомости Съезда НД СССР и ВС СССР. - 1990. - № 45. - Ст. 955.
25. Дети за решеткой: потерянное детство и будущее. Новое исследование ООН 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.un.org/ru/story/2019/11/1367321 (дата обращения: 30.08.2023).
26. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 30.08.2023).
27. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил) 1985 г. // Международные акты о правах человека, Сборник документов. М.: Изд. группа «НОРМА-ИНФРА-М», 1998.
28. IACtHR, Bulacio v. Argentina, Judgment, 18 September 2003; NGO Advisory Council for Follow-up to the UN Study on Violence against Children, Five Years On: A global update on violence against children, October 2011.
29. Francisco Legaz Cervantes, Juan José, Periago Morant & Amparo Pozo Martinez, 'Model of Psychosocial Intervention for Children Deprived of Liberty in a Juvenile Justice Framework: Efficiency Through International Standards', Protecting Children against Torture in Detention: Global Solutions for a Global Problem. - 2017. - Pp. 217-231.
30. Clare-Ann Fortune. The Good Lives Model: A strength-based approach for youth offenders // Aggression and Violent Behevior. - 2018. - Vol. 38.
31. Мезяев А.Б. Смертная казнь и современное международное право // Российский ежегодник международного права. 1998-1999. Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева». - Санкт-Петербург, 1999. - С. 231-243.
32. Решение Верховного суда Соединенных Штатов Америки 2012 г. по делу «Миллер против Алабамы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/567/460/ (дата обращения: 24.03.2023).
33. Juveniles and the Death Penalty. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.aclu.org/other/juveniles-and-death-penalty (дата обращения: 25.01.2023).

ЛОПАТУХИН Клим Дмитриевич
магистр права программы «Международное частное право» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Лопатухин К. Д.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

В данной статье проведено исследование важнейшего принципа и отличительной черты международного коммерческого арбитража – а именно, принципа конфиденциальности. Автором рассмотрены основные подходы к обеспечению конфиденциальности в международном коммерческом арбитраже, принятые как в нормативных правовых актах, так и применяемые исходя из сложившейся практики. Проведен анализ субъектов, а также материалов, которые подвержены воздействию требований конфиденциальности и приватности. Выделены основные проблемы в практической реализации данного института.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, прозрачность, конфиденциальность, раскрытие информации, приватность, институциональный арбитраж.

LOPATUKHIN Klim Dmitrievich
master of law of the program «Private International Law» of the National Research University «Higher School of Economics»

LEGAL REGULATION AND PRACTICAL APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF CONFIDENTIALITY IN INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION

This article examines the most important principle and distinctive feature of international commercial arbitration – namely, the principle of confidentiality. The author considers the main approaches to ensuring confidentiality in international commercial arbitration, adopted both in regulatory legal acts and applied based on established practice. The analysis of subjects, as well as materials that are affected by the requirements of confidentiality and privacy, is carried out. The main problems in the practical implementation of this institute are highlighted.

Keywords: international commercial arbitration, transparency, confidentiality, disclosure of information, privacy, institutional arbitration.

В ходе осуществления коммерческой деятельности субъектами предпринимательской и иной хозяйственной деятельности зачастую возникают обстоятельства, которые тем или иным образом способствуют нарушению одной из сторон своих обязательств. В подобных случаях споры в подавляющем большинстве случаев разрешаются в судебном порядке, однако иным распространенным и эффективным способом является также рассмотрение дела в рамках международного коммерческого арбитража.

Международный коммерческий арбитраж предлагает ряд преимуществ перед традиционной судебной системой:

• Гибкость: арбитражные процедуры могут быть более гибкими и адаптированными к специфическим потребностям сторон. Стороны могут выбирать язык процедуры, место разбирательства, квалификацию арбитров и процедурные правила.

• Специализация: арбитры, назначаемые в международных коммерческих спорах, обычно обладают экспертизой в соответствующей отрасли или области права. Это позволяет более глубоко понять специфику дела

• Конфиденциальность: в отличие от судебных процедур, арбитраж может быть более конфиденциальным. Стороны могут договориться о конфиденциальности дела и ограничить доступ к информации о споре.

• Быстрота: арбитражные процедуры обычно занимают меньше времени, чем судебные процессы. Это связано с отсутствием очередей в арбитражных судах и возможностью графически планировать процедуры.

• Международное признание и принудительное исполнение: В большинстве стран существуют международные договоры о признании и принудительном исполнении иностранных арбитражных решений. Это обеспечивает международное признание и возможность принудительного исполнения арбитражных решений.

Однако, важно отметить, что арбитраж также имеет свои недостатки и может быть дороже судебных процессов, особенно при участии высококвалифицированных арбитров [3].

Важнейшим преимуществом и яркой характерной чертой международного коммерческого арбитража является его конфиденциальность.

На практике чаще всего используют два схожих на первый взгляд термина, которые, однако, имеют существенные различия: конфиденциальность и приватность. По мнению английского исследователя A. C. Brown, приватность представляет собой право каждой стороны арбитража исключить или ограничить присутствие других лиц, кроме арбитров, участников дела, их представителей, свидетелей, в арбитражном процессе [5]. То есть приватная природа арбитража носит именно процессуальный характер и может быть сравнима с закрытыми судебными разбирательствами в государственных судах [6].

Понятие конфиденциальности, по мнению доктора Julian D. M. Lew, означает защиту информации, которая раскрывается или создается непосредственно в арбитражном процессе: документы, свидетельские показания, решения ар-

битража и иные[1]. Таким образом, в отличие от приватности, обязанность по сохранению конфиденциальности лежит, на сторонах арбитражного процесса [1].

На протяжении долгого времени принцип конфиденциальности не получал нормативного закрепления, так как предполагалось, что, если стороны сознательно обратились в международный коммерческий арбитраж, значит, они намеренно отказались от публичного слушания в пользу конфиденциальности [4]. Подобной позиции до сих пор придерживаются такие государства, как, к примеру, Франция, Англия и Швейцария, которые, исходя из позиции «предполагаемой конфиденциальности» не требуют прямого указания на данный принцип, предполагая, что он вытекает из самой природы арбитража.

Данный вывод также подтверждается и судебной практикой. В деле Dolling-Baker v Merrett (1990 г.) суд указал на то, что «арбитражным судам предполагается быть конфиденциальными в связи со своей природой»[2]. В другом деле Ali Shipping Corporation v Shipyard Trogir (1999 г.) суд также указал, что данное условие является «существенным следствием частного характера арбитражного разбирательства» и используется для целей арбитражного разбирательства, регулируемого по английскому праву»[3].

Противоположно другой подход существует в Швеции, США и Австралии, где, напротив, придерживаются позиции, что стороны должны прямо выразить свое волеизъявление на конфиденциальность их арбитражного разбирательства. По мнению Pieter Sanders, именно данный подход позволяет четко отграничить конфиденциальность от приватности [7]. Примером данного похода может послужить дело Esso Australia Resources Ltd v The Honorable Sidney James Plowman (1995 г.), в рамках которого Верховный суд Австралии постановил, что «конфиденциальность не является существенным атрибутом приватного характера арбитража»[4].

Важно отметить, что на практике прямое закрепление принципа конфиденциальности является скорее исключением, чем правилом. Большинство стран мира идут по одному из двух путей регулирования данного вопроса, а именно:

1. Сознательно уходят от прямого указания на конфиденциальность,

2. Устанавливают правило только для внутренних арбитражных споров.

Чаще встречается первый путь, так как во многих странах принят Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже, где вопрос конфиденциальности международного коммерческого арбитража не урегулирован [8].

Впоследствии в отдельные акты данные положения были включены. Так, к примеру, в разд.18 Закона «Об арбитраже» Гонконга указано, что стороны не имеют права раскрывать информацию, которая относится к самому арбитражному разбирательству или арбитражному решению [3]. В то же время стороны могут заключить дополнительное соглашение, в котором более четко опишут детали.

Таким образом, в регламентах и законах различных государств может указываться принцип конфиденциальности, однако это происходит с разной степенью детализации. К примеру, в ст. 46 Арбитражного регламента Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce указано на простую необходимость сохранять конфиденциальность[5]. В ст. 28 Правил экспертного определения The German Arbitration Institute данное положение подробно регламентируется.

Таким образом, несмотря на наличие или отсутствие прямого закрепления, принцип конфиденциальности играет крайне значимую роль в международном коммерческом арбитраже, так как обеспечивает доверительность и защиту интересов сторон, участвующих в арбитражном процессе. Среди основных причин, почему принцип конфиденциальности представляет собой столь значимый институт, можно выделить следующие:

- Коммерческая конфиденциальность
- Защита репутации
- Свобода в выборе арбитров
- Эффективность процесса, поскольку стороны могут быть более открытыми и сотрудничать друг с другом.

В целом, принцип конфиденциальности является важным аспектом международного коммерческого арбитража, так как он обеспечивает доверительность, защиту интересов сторон и эффективность процесса. Вместе с тем, как показывает практика, рассматриваемое преимущество является достаточно спорным и неоднозначным. Конфиденциальность арбитража зачастую вступает в противоречие с общественным интересом, так как принцип гласности и раскрытия информации является одной из гарантий обеспечения справедливости и открытости судопроизводства и обеспечения соблюдения прав и законных интересов населения. В таком случае, когда принцип конфиденциальности вступает в конфронтацию с публичным интересом, он ограничивается [2].

Пристатейный библиографический список

1. Грешников И. П. Особое мнение арбитра. В кн. Международный коммерческий арбитраж: Учебник; выпуск 9; 2-е изд., перераб. и доп.; отв. ред. Т. А. Лунаева; науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов. - М.: Статут, 2018.
2. Ерофеева Н. М. Приватность и конфиденциальность в международном коммерческом арбитраже // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 10. - С. 186-187.
3. Кузнецов В. А. Тенденции развития международного коммерческого арбитража. В кн. Международный коммерческий арбитраж: Учебник; выпуск 9; 2-е изд., перераб. и доп.; отв. ред. Т. А. Лунаева; науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов. - М.: Статут, 2018.
4. Лашков Н. С. Конфиденциальность арбитражного разбирательства. Понятие и пределы // Закон. - 2015. - № 10. - С. 48-58 @@ Ерофеева Н. М. Приватность и конфиденциальность в международном коммерческом арбитраже // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 10. - С. 186-187.
5. Alexis C. Brown, Presumption Meets Reality: An Exploration of the Confidentiality Obligation in International Commercial Arbitration. 16 AM. U. INT'L L. (2001).
6. Gu Weixia, Confidentiality Revisited: Blessing or Curse in International Commercial Arbitration? 15 AM. REV. INT'L ARB.
7. Pieter Sanders, Book Review: Quo Vadis Arbitration? Sixty Years of Arbitration Practice, 95 AM. J. INT'L L. (2001).
8. Smeureanu I. M. Confidentiality in International Commercial Arbitration // Kluwer Law International. - 2011. - P. 21.

1 Expert Report of Dr. Julian D. M. Lew in Esso/BHP v. Plowman. 11 ARB. INT'L (SPECIAL ISSUE) (1995).

2 Hew R. Dundas, «Confidentiality Rules OK? Recent Developments Affecting the Confidentiality of Arbitration», Transnational Dispute Management, volume 1, issue № 02, 2004.

3 Ali Shipping Corporation v Shipyard Trogir. Ali Shipping Corp. v. Shipyard Trogir, [1998] 2 All E.R; Dolling-Baker v Merret (1990).

4 Esso Australia Resources Ltd and Others v. Plowman (Minister for Energy and Minerals) and Others [1995] 128 ALR 391.

5 Регламенты ТПС // The Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sccinstitute.com/ru/разрешение-споров/регламенты-тпс/

ЛОПАТУХИН Клим Дмитриевич
магистр права программы «Международное частное право» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Лопатухин К. Д.

ТРЕТЬИ ЛИЦА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

В данной статье проведено исследование распространения арбитражного соглашения на третьих лиц. Изучены основные требования, которые предъявляются к привлечению дополнительной стороны в производство в рамках международного коммерческого арбитража. Несмотря на то, что стороны автономны в вопросах заключения арбитражного соглашения, национальное законодательство различных государств строится исходя из возможности распространения действия арбитражного соглашения на третьих лиц.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, третьи лица, арбитраж, арбитражная оговорка, арбитражное соглашение.

LOPATUKHIN Klim Dmitrievich
master of law of the program «Private International Law» of the National Research University «Higher School of Economics»

THIRD PARTIES IN INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION

In this article, a study of the extension of the arbitration agreement to third parties is carried out. The main requirements that apply to the involvement of an additional party in the proceedings within the framework of international commercial arbitration are studied. Despite the fact that the parties are autonomous in matters of concluding an arbitration agreement, the national legislation of various states is based on the possibility of extending the arbitration agreement to third parties.

Keywords: international commercial arbitration, third parties, arbitration, arbitration clause, arbitration agreement.

Международный коммерческий арбитраж (далее - МКА) является одним из основных способов разрешения споров в сфере международного бизнеса. Он представляет собой альтернативную форму разрешения споров, в которой конфликтные стороны обращаются к независимому третьему лицу (арбитру или арбитражной панели) для вынесения окончательного решения, которое обязательно для сторон.

МКА становится все более важным в условиях современной рыночной экономики по ряду причин [1]:

1. Международный характер: МКА позволяет решать споры между сторонами из разных стран, что особенно важно в условиях глобализации и интеграции рынков.

2. Эффективность: МКА предлагает быстрое и эффективное разрешение споров. В отличие от судебного процесса, арбитраж может быть проведен в кратчайшие сроки, и стороны имеют большую гибкость в выборе процедуры и расписания.

3. Специализация: МКА позволяет сторонам выбирать арбитров, обладающих специализированными знаниями и опытом в конкретной отрасли или области права. Это обеспечивает более качественное и экспертное разрешение спора.

4. Конфиденциальность: в отличие от судебного процесса в государственном суде, МКА обычно основан на конфиденциальности. Это позволяет сторонам сохранить коммерческую и деловую тайну, что может быть важным для поддержания имиджа и конкурентоспособности.

5. Международное признание и принудительное исполнение: решения, принятые в МКА, подлежат признанию и принудительному исполнению в большинстве стран в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Это обеспечивает сторонам возможность привести решение в исполнение в любой стране, где у них есть активы.

Таким образом, международный коммерческий арбитраж представляет собой эффективный и надежный механизм разрешения споров в современной рыночной экономике. Однако, при принятии решения о выборе МКА, стороны должны учитывать свои конкретные потребности, особенности дела и юрисдикцию, в которой они действуют.

Наиболее важную роль в арбитражном процессе играют стороны. В соответствии с Арбитражным регламентом (или ICC Rules of arbitration)[1] в 2012 году при Международной торговой палате, превалировала доктрина о том, что количество и состав лиц, участвующих в деле, определяется истцом.

Однако в дальнейшем были внесены изменения, в соответствии с которыми по заявлению одной из участвующих сторон в арбитражный процесс можно было привлечь дополнительные стороны. Однако важно отметить, что соответствующее заявление должно отвечать определенным правилам и требованиям, одним из которых является подача заявления в Секретариат Международной торговой палаты до назначения арбитра.

С развитием экономических отношений изменяется само понятие «сторона», в связи с чем появляется возможность распространять действие положений отдельных нормативных правовых актов, в том числе, и на третьих лиц, которые при этом также должны подчиняться принципам справедливости, добросовестности [3].

Очевидно, что привлечь к участию в процессе в рамках международного коммерческого арбитража можно не кого угодно, а только то лицо, которое отвечает

1 Арбитражный Регламент / Международная Торговая Палата. - 2012.

определенным критериям. Первую очередь, такое лицо должно быть тесно связано с соответствующим процессом. На практике проблема может заключаться в том, что остальные обязательные критерии не определены четко в Арбитражном регламенте, в связи с чем для регулирования данного вопроса необходимо обращаться к судебной практике и доктрине.

Так, важнейшим аспектом, в соответствии с которым можно привлечь другое лицо к арбитражному соглашению и, как следствие, к рассмотрению дела в рамках международного коммерческого арбитража, является подписание таким лицом самого арбитражного соглашения или договора, в котором содержится соответствующая оговорка.

Важно отметить, что «подписание арбитражного соглашения» подразумевает под собой не просто фактическую механическую подпись лица, а непосредственно его волеизъявление на то, чтобы возникший вопрос был передан на рассмотрение в международный коммерческий арбитраж.

Однако в то же время допускается присвоение статуса стороны тому лицу, которое не подписывало арбитражное соглашение. Среди подобных условий выделяют, к примеру, согласие лица на привлечение в качестве в качестве третьей стороны.

Однако из этого правила может быть исключение, связанное с тем, что суд по своему усмотрению может привлечь лицо, если оно принимало участие в заключении договора, либо же проявляла активную деятельность в процессе его исполнения и реализации [4].

Помимо этого, связь лица с конкретным договором может проявляться через тот факт, что лицо, хоть напрямую и не участвует в договоре непосредственно, не является субъектом исполнения обязательства, однако является выгодоприобретателем по данному договору, а, следовательно, заинтересовано в его надлежащем исполнении.

Третьим интересным случаем может являться отсутствие непосредственно в договоре арбитражной оговорки, но в то же время там присутствует отсылка к иному договору, в котором подобная оговорка присутствует.

В таком случае оба возникших спора могут рассматриваться вместе в рамках одного арбитража с участием непосредственно трех сторон.

В целом, важно отметить, что при принятии окончательного решения о привлечении к рассмотрению в рамках международного коммерческого арбитража третьих лиц арбитры должны руководствоваться принципами как правовой, так и экономической целесообразности.

Однако несмотря на наличие подобной практики, существует и обратная тенденция. В частности, в некоторых международных коммерческих трибуналах, а также в национальных судах арбитры отрицательно относятся к идее распространения положений арбитражного соглашения на третьих лиц.

К примеру, одним из таких государств, является и Российская Федерация. По мнению известного российского правоведа Б. Карабельникова, сущность и значение арбитражного разбирательства заключается в том, что участниками такого разбирательства могут быть только сами стороны, а участие каких бы то ни было третьих лиц может быть оспорено [2].

Однако даже в российском правопорядке существуют исключения, при которых арбитражная оговорка может распространять свое действие на третьих лиц.

Первым подобным основанием является цессия[2]. Это означает, что в случае перехода права требования одного лица к другому, положения арбитражного соглашения распространяются и на него, при этом заключения нового дополнительного или замещающего соглашения не требуется. Как указывал в своих решениях ВАС РФ: «условие о рассмотрении споров в третейском суде, достигнутое сторонами по основному договору, в полной мере распространяется на истца как на правопреемника кредитора по договору цессии»[3].

Вторым подобным основанием является тот случай, если третье лицо действовала от имени и по поручению стороны. К примеру, МКАС при ТПП РФ в решении от 04.03.2004 по делу N 45/2003 указал: «договоренность об избрании арбитража является добровольным соглашением сторон, и в силу общепринятых начал гражданского права такое соглашение может быть заключено также от имени другого лица, которым в Контракте назван Ответчиком 1. Сведения о том, что против такой формулировки Контракта Ответчик 1 возражал, отсутствуют [...] Иначе говоря, Ответчик 1 признал себя стороной по Контракту, заключенному от его имени Ответчиком 2 и содержащему арбитражную оговорку о разрешении споров в МКАС при ТПП РФ»[4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мировая практика об участии третьих лиц в разбирательствах в рамках международного коммерческого арбитража противоречива. Большинство международных коммерческих трибуналов не настаивают на соблюдении чисто формального требования согласия, их практика более либеральна и современна, так как соответствует быстроразвивающимся экономическим реалиям.

Постатейный библиографический список

1. Батыршина К. Теоретические аспекты «снятия корпоративной вуали»: познание правовой природы данного явления // Юрист. - 2016. - № 4. // СПС Консультант Плюс.
2. Карабельников Б. Третьи лица и третейский суд: российские проблемы // Арбитражная Ассоциация (РАА). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arbitrations.ru/userfiles/file/Publications/Publications/third%20parties%20in%20arbitration%20Karabelnikov.pdf.
3. A Guide to the ICC Rules of Arbitration 10 / Y. Derains, E.A. Schwartz. - 2005.
4. When are non-signatories bound by the arbitration agreement in international commercial arbitration? / University of Chile and University of Heidelberg, Master in International Law (LL.M.) // Investment, Trade and Arbitration. - 2012, March.

2 Решение МКАС при ТПП РФ от 07.04.2009 по делу N 32/2008 // Розенберг М., Из практики Международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате РФ за 20092011 годы // Хозяйство и право. - 2012. - № 11 // СПС Консультант Плюс.

3 Определение ВАС РФ от 14.02.2011 N ВАС-16822/10 по делу N А40-45179/10-25-296 // СПС Консультант Плюс.

4 Решение МКАС при ТПП РФ от 04.03.2004 по делу N 45/2003 // СПС Консультант Плюс.

АПОЛЬСКИЙ Евгений Александрович
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доцент кафедры гражданского права и процесса филиала Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону

БУРЬЯНОВА Евгения Ивановна
кандидат юридических наук, проректор по научной работе Невинномысского института экономики, управления и права

Апольский Е. А.

Бурьянова Е. И.

КАТЕГОРИЯ «ПРАВОСОЗНАНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Из всех значимых категорий теоретической юриспруденции особой актуальностью отличается правовое сознание, оказывающее влияние как на процесс восприятия правовой действительности практически всех без исключения индивидов, так и на сферы практической юриспруденции (правотворчество, правоприменение). Повышенный интерес к правосознанию сегодня обусловлен продолжающимся поиском самобытных оснований отечественного права, политики и смежных с ними явлений, разворотом к собственной парадигме политико-правового и идейно-теоретического развития. Авторы статьи с помощью общенаучных и специальных методов познания исследуют гносеологическое измерение правосознания в отечественном дискурсе, анализируют подходы к пониманию его сущности и структуры. Сформулирован вывод о том, что правосознание, как ключевая категория юридической науки, находится в процессе своего развития. Отмеченное в статье наличие конкурирующих подходов к пониманию сущности и набору ключевых элементов структуры исследуемого правового явления следует признать позитивным аспектом, открывающим эвристические перспективы в процессе познания закономерностей генезиса и эволюции правового сознания в российском обществе.

Ключевые слова: правовое сознание, правовая психология, правовая идеология, правовое познание, правовые ценности, правовая культура.

APOLSKY Evgeniy Alexandrovich
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Theory and history of state and law sub-faculty of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), associate professor of Civil law and process sub-faculty of the branch of the S. Yu. Witte Moscow University, in Rostov-on-Don

BURYANOVA Evgenia Ivanovna
Ph.D. in Law, Vice-Rector for Scientific Work of the Nevinnomyssk Institute of Economics, Management and Law

THE CATEGORY OF “LEGAL CONSCIOUSNESS” IN MODERN THEORETICAL AND LEGAL DISCOURSE: EPISTEMOLOGICAL DIMENSION

Of all the significant categories of theoretical jurisprudence, legal consciousness is particularly relevant, influencing both the process of perception of legal reality of almost all individuals without exception, and the spheres of practical jurisprudence (lawmaking, law enforcement). The increased interest in legal consciousness today is due to the ongoing search for the original foundations of domestic law, politics and related phenomena, and a turn towards our own paradigm of political, legal and ideological and theoretical development. The authors of the article, using general scientific and special methods of cognition, explore the epistemological dimension of legal consciousness in domestic discourse and analyze approaches to understanding its essence and structure. The conclusion is formulated that legal consciousness, as a key category of legal science, is in the process of its development. The presence of competing approaches to understanding the essence and set of key elements of the structure of the legal phenomenon under study, noted in the article, should be recognized as a positive aspect that opens up heuristic prospects in the process of understanding the patterns of genesis and evolution of legal consciousness in Russian society.

Keywords: legal consciousness, legal psychology, legal ideology, legal knowledge, legal values, legal culture.

Среди вечных вопросов правоведения и актуальных тем теоретико-правовых исследований применительно к отечественному дискурсу можно с уверенностью назвать учение о правосознании, которое привлекало к себе внимание практически всех заметных теоретиков права, независимо от их идейно-политических и философско-правовых предпочтений. Сегодня вполне очевидным и в общем-то бесспорным является понимание того факта, что общую теоретическую концепцию правосознания, включая его признаки, структуру и функции, разработали еще в дореволюционный период такие выдающиеся российские правоведы, как Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин. При этом, несмотря на серьезное влияние западноевропейской науки (в первую очередь, немецкой юриспруденции), в России появилась собственная уникальная теория правосознания, которая не теряет своего значения и по сей день. Можно

сказать даже больше: именно сегодня мы являемся свидетелями своего рода ренессанса учения о правовом сознании, поскольку новые вызовы, рискогенные факторы, изменение геополитической ситуации подталкивают к поиску исконных национальных основ правосознания и правовой культуры, к определению наиболее эффективных путей и способов достижения высокого уровня правовой грамотности и правовой активности российских граждан в целом, и молодого поколения, в частности.

Учение о правосознании в своем развитии прошло длительный путь, начиная с античного философско-правового познания (Демокрит, Гераклит, Сократ, Платон, Аристотель и др.) с его представлением о всеобщем естественном законе, о соотношении искусственных (человеческих) законов и законов природы, законов мироздания [1]. Феодальный период юридической рациональности (с попыткой создания Ф. Аквинским и А. Августином философской системы, объединяющей христианские принципы, церковные нормы и научные достижения), а затем эпоха Возрождения и Нового времени, по сути, принципиально ничего не меняли в гносеологическом плане: все те же попытки осмысления процесса преломления правовой действительности в сознании отдельного индивида предпринимались теперь мыслителями с учетом приоритета принципа антропоцентризма (Ш. Л. Монтескье, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гроций и др.). Здесь мы видим лишь различные акценты, расставляемые в процессе исследования сути правового сознания, при неизменном интересе к искомой теоретико-правовой и философско-правовой проблематике.

Неслучайно поэтому многие российские и зарубежные исследователи ставят проблему правосознания в один ряд с проблемой правопонимания и поиском справедливости в праве: эти направления правового познания невозможно анализировать изолированно. Изучение сущности правосознания всегда было сложным и многоэтапным процессом со множеством неизвестных (чего стоит категория «сознание», вокруг которой выстроено великое множество гипотез и концепций).

Вместе с тем, в процессе развития учения о правосознании можно выделить и этап своеобразной симплификации категории «правосознание», обусловленный, возможно, желанием сделать юриспрудценцию в целом и учение о праве, в частности, достоянием как можно более широких слоев населения. Так, например, в советском государстве, начиная приблизительно с 30-х гг. XX в., установилась точка зрения на структуру правосознания, которая предположительно состояла из двух элементов: правовой психологии и правовой идеологии. Первая считалась категорией индивидуального восприятия объективной правовой действительности, а вторая – категорией общего порядка, централизованной функцией государства по созданию нужного в определенный период времени мировоззрения, отношения советских граждан к действующему и желаемому праву.

Развитие советского учения о правосознании в какой-то степени подытожил ныне здравствующий профессор В. М. Сырых. По его мнению, правосознание есть система объективируемых знаний об истории становления и развития права как социального явления, его современном состоянии, а также совокупность объективируемых правовых оценок и конкретных предположений о путях, способах совершенствования, развития действующего права [10, с. 135]. Следует отдать должно великому советскому и российскому теоретику права, которые дополнил двухэлементную структуру правосознания и включил в него помимо правовой психологии и правовой идеологии также правовую науку, как это следует из предложенного определения [10, с. 135].

Новые методологические горизонты и перспективы, открывшиеся с переходом к демократическим принципам государственного строительства в современной России, тем не менее, не сразу повлияли на подход к пониманию сущности и структуры правосознания. Так, авторы весьма обстоятельного и пережившего несколько редакций учебника по Теории государства и права, В. Я. Любашиц, А. Ю. Мордовцев и А. Ю. Мамычев, призывая к обновленному подходу к изучению рассматриваемой в настоящей статье категории, все же предлагают аналогичное и неизменное в своей основе определение правосознания: это, по их мнению, есть некая совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных общностей (классов, наций, народа) к действующему и желаемому праву [4, с. 667].

С начала 10-х гг. XXI столетия, т.е. уже в настоящее время, в российской науке с новой силой возобновились исследования в области правового сознания, особенно это заметно на примере ростовской (южной) научной школы, а также исследований, проводимых в Северо-Кавказском федеральном университете. Так, заметным событием в этой области правового познания стал выход в свет двух томов интереснейшей монографии, посвященной перспективам развития правосознания обучающихся в России в условиях внедрения инфокоммуникационных технологий (2021 – 2022 гг.) [8] под общей редакцией профессора А. М. Дроздовой (г. Ставрополь). Одновременно с этим в Южном федеральном университете набирает обороты целое направление междисциплинарных научных исследований – правовая теология: активная теоретическая разработка различных аспектов влияния на современное национальное правосознание и правовую культуру (в том числе молодежи) религиозного правопонимания, религиозной философии права, юридического религиоведения, религиозной антропологии уже дает свои осязаемые результаты [3], [5], [6], [7].

Учитывая стремительные изменения в геополитике, развитие информационного общества, систем искусственного интеллекта, повышенную рискогенность принимаемых решений в большинстве сфер жизнедеятельности социума, следует согласиться с утверждением А. М. Дроздовой о том, что правосознание сегодня – это не просто ключевая часть общественного сознания, но и важнейший фактор самоорганизации личности, сознательного ее поведения в семье, обществе, стране [8, с. 3].

В чем же заключаются гносеологические основания учения о правосознании на сегодняшний день? По нашему мнению, это, в первую очередь, поиск адекватной современному уровню рациональности структуры правосознания. А она не может быть понята без учета социокультурных, правоментальных и теологических аспектов в жизни российского общества. Согласимся в этом плане с А. И. Овчинниковым, что в рамках постсекулярного мира именно теологические и правоментальные аспекты (в своей совокупности) позволяют открывать новые теоретические и практические закономерности в развитии правового сознания. Если понимать это еще более широко, то становится очевидно, что элиминация социокультурного, правоментального и теократического измерения права может привести к «технократической редукции правосознания», будет сопровождаться исчезновением понимания права как сферы осознанной нормативности [7, с. 8].

Именно такое, широкое понимание теоретических основ правосознания, на наш взгляд, составляет гносеологический базис в соответствующих теоретико-правовых исследованиях ближайших лет в Российской Федерации. Дело в том, что слепое следование западным моделям управления, навязанным понятиям о либерализме и правах человека – это путь к забвению национального правосознания. Сегодня внешние факторы, влияющие на внутреннюю политику России, подталкивают к возрождению искомого отечественного учения о правосознании, переосмыслению его структуры. А если так, то взамен советского догмата о двухэлементном составе правового сознания, необходимо принимать в расчет сложносоставной его характер. Анализ соответствующей литературы приводит к выявлению в российской юридической науке следующих подходов к пониманию набора элементов структуры правосознания: 1) правовая психология, правовая наука, правовая идеология (В. М. Сырых) [10]; 2) правовое отражение, правовое познание и правовое отношение (В. А. Рыбаков) [9]; 3) правовое знание, правовая идеология, правовая психология, правовые установки, индивидуальные знания о праве, общепризнанные ценности индивида, субъективная воля индивида [8, с. 36].

Таким образом, с учетом вышеизложенного можно сделать ряд выводов.

Во-первых, совершенно очевидным является тот факт, что правосознание, как ключевая категория правовой науки, находится в процессе своего развития, подвергается многочисленным исследованиям. В этом смысле наличие конкурирующих подходов как к пониманию сущности, так и к набору элементов структуры этого правового явления, следует признать позитивным моментом, поскольку до тех пор, пока сохраняется конструктивный научный поиск, есть вероятность открытия новых закономерностей в процессе генезиса и эволюции правового сознания в российском обществе. Отсюда бесспорным видится и тот факт, что в ходе научного исследования элементов правосознания следует учитывать не только социокультурные, но также правоментальные и теологические аспекты (в их взаимосвязи и взаимозависимости).

Во-вторых, научная разработка ключевых элементов правосознания должна способствовать поэтапному решению ключевых проблем в этой сфере, а именно: а) решению вопроса о расширении перечня источников права с включением в их число правового сознания; б) поиску эффективного выбора оптимальных методов формирования правосознания (в первую очередь среди российской молодежи, воспитывающейся в условиях отсутствия какой бы то ни было идеологии); в) нахождению баланса между демократическими принципами государственного строительства, закрепленными в отечественной Конституции, и соборностью российского общества, мало совместимой с западными стандартами либерализма и демократии (правосознание здесь может играть ключевую роль в определении вектора дальнейшего развития); в) разработке комплекса показателей эффективности государственной политики в сфере формирования правосознания российских граждан (тех узловых пунктов, которые будут вовремя сигнализировать об успешности или бесполезности принимаемых мер).

Правосознание сегодня представляется ключевой категорией правосознания, внимание к которой должно увеличиваться пропорционально той роли, которую оно играет в современном постсекулярном обществе с его атрибутами в виде процессов цифровизации и все более сложно контролируемой информатизации всех сфер жизнедеятельности социума.

Пристатейный библиографический список

1. Гусарова М. А. Проблема правосознания как социокультурного феномена // Манускрипт. – 2017. – № 9 (83). – С. 73-75.
2. Власова Г. Б., Дроздова А. М., Ковалев В. В., Мельникова О. В., Ряснянская Н. А. Исследование актуальных проблем уровня и формирования правосознания и правовой культуры современной студенческой молодежи: монография. Том 2 / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. М. Дроздовой. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 260 с.
3. Казачанская Е. А., Овчинников А. И., Оганесян А. К. Религиозное правосознание в условиях цифрового мира и европейский консерватизм // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 476. – С. 95-104.
4. Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права: учебник. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 700 с.
5. Овчинников А. И., Конопий А. С. Правосознание, социальный контроль и юридическая ответственность в цифровую эпоху: современные риски и вызовы // Юридическая орбита. – 2022. – № 2. – С. 64-68.
6. Оганесян А. К. Теократические идеи в государственно-правовых концепциях отечественных правоведов конца XIX – первой половины XX вв.: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2023. – 33 с.
7. Правовая теология в междисциплинарном дискурсе / Отв. ред. А. И. Овчинников. – М.: РГ-Пресс, 2023. – 544 с.
8. Волков А. А., Дроздова А. М., Ковалев В. В., Ряснянская Н. А., Чурсина П. В. Российское правосознание обучающихся в условиях внедрения инфокоммуникационных технологий. Том 1 / Под общ. ред. А. М. Дроздовой. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 211 с.
9. Рыбаков В. А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2015. – № 3 (44). – С. 23-28.
10. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник. – 3. изд-е, перераб. и доп – М., 2004. – 703 с.

КИТАЕВА Алина Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВА ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ

В данной статье рассматриваются вопросы понятия и особенностей права общей собственности. Обозначены различные точки зрения относительно определения права общей собственности, раскрыты особенности данного гражданско-правового института.

Ключевые слова: право общей собственности, долевая собственность, совместная собственность, сособственники, распоряжение общим имуществом.

KITAEVA Alina Vladimirovna
Ph.D. in Law, associate professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

THE CONCEPT AND FEATURES OF THE RIGHT OF COMMON OWNERSHIP

This article discusses the issues of the concept and features of the right of common ownership. Various points of view regarding the definition of the right of common ownership are indicated, the features of this civil law institution are disclosed.

Keyword: the right of common ownership, shared ownership, joint ownership, co-owners, disposal of common property.

Исторический и современный анализ общей собственности в гражданском праве раскрывается в работах современных ученых.

Согласно положениям современного гражданского права в отношении определенной вещи (имущества) может существовать только одно субъективное право собственности (право индивидуальной собственности). Однако из этого правила есть исключение – институт общей собственности.

В соответствии с п. 1 ст. 244 ГК РФ имущество может находиться в собственности двух или нескольких лиц, и тогда это имущество принадлежит им на праве общей собственности. Здесь нет никаких противоречий: просто с точки зрения правоотношения на стороне субъекта права собственности выступают несколько лиц (то есть наблюдается множественность лиц). Эти лица именуются участниками общей собственности или сособственниками. Отношения сособственников ко всем третьим лицам являются абсолютными, отношения сособственников между собой – относительными.

Как видим, п. 1 ст. 244 ГК РФ определяет понятие права общей собственности как субъективное вещное право с множественностью субъектов. Правомочия сособственников лишены какого-либо самостоятельного значения при отсутствии права общей собственности на имущество. Право общей собственности при этом не перестает быть наиболее полным вещным правом, а совокупность правомочий сособственников предполагается однородной [4, с. 308]. Закон устанавливает равные для сособственников правомочия по владению, пользованию и распоряжению при осуществлении единого права общей собственности. Одновременно необходимо отметить, что субъектами права общей собственности могут быть любые субъекты гражданского права и в любых сочетаниях.

Таким образом, право общей собственности представляет собой единое в отношении одного объекта право собственности, в качестве субъекта которого являются двое и более лиц (так называемые «сособственники»).

Законодатель предусматривает, что общая собственность бывает совместной и долевой. В науке гражданского права также выделяют следующие модели общей собственности: модель общей собственности с индивидуальным интересом, модель общей собственности с косвенным представительством, модель общей собственности с посредником. При этом стоит согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что правовая сущность общей собственности может быть понята при уяснении отношения каждого из сособственников отдельно к вещи, к доле, соотношения вещи и доли, права собственности в отдельности и вообще к вещи и доле [2, с. 236].

Главной особенностью права общей собственности выступает субъектный состав. Право общей собственности возможно в случае, если собственниками выступают два и (или) более лица. Получается, что множественность участников является определяющим признаком права общей собственности. Однако, не только множественность субъектов, но и единство объекта выступает в качестве важнейшего признака права общей собственности.

Вторая специфическая особенность выражается в необходимости осуществления управления единым объектом имущества различными субъектами. Получается, что множественные субъекты должны договориться по поводу порядка реализации права собственности в отношении общего имущества [5, с. 12-27].

Общая собственность может возникать в результате как естественных, так и специальных оснований. Естественные основания воплощаются в виду ситуации, когда в собственность нескольких лиц поступает единая неделимая вещь. В рамках нормы статьи 133 ГК РФ раскрывается режим неделимой вещи. Она реализуется в отношении вещей, чье разделение представляется невозможной либо это разделение приведет к тому, что вещь погибнет. Специфика неделимой вещи проявляется в следующем:

Во-первых, при замене какого-либо элемента в неделимой вещи новая неделимая вещь не возникает.

Во-вторых, обращение взыскания на неделимую вещь не может привести к выделу из нее доли по причине ее гибели. Раскроем специфику общей совместной собственности. Общая совместная собственность выражается в наличии собственности нескольких лиц на имущество при отсутствии долей. Притом, что совместная собственность носит ярко выраженный фидуциарный характер.

Отличие совместной собственности от долевой выражается в том, что изменение субъектного состава при совместной собственности не представляется возможным ввиду их фидуциарного характера. При долевой собственности изме-

нение субъектного состава собственников возможно по основаниям, предусмотренным в отечественном ГК РФ.

При этом, естественно, участник общей совместной собственности тоже не привязан к ней на всю жизнь, он может выйти из нее, получив определенную долю в имуществе, - в этом случае указанный правовой режим прекратит свое существование для данного субъекта (если имеет место выдел доли) или для всех субъектов (если имеет место раздел имущества на доли).

Как следует из п. 2 ст. 254 ГК РФ, распоряжение, т.е. определение юридической судьбы имущества, находящегося в общей совместной собственности, осуществляется по согласию всех участников. Законодатель устанавливает, что такое согласие предполагается (что опять же связано с лично-доверительным характером отношений между субъектами). Это правило восходит ко временам римской юриспруденции, полагавшей, что «молчание есть знак согласия» [4, с. 193]. Современное право различает соглашение, т.е. сделку, и согласие – юридический факт, который служит условием, при котором законодательство предоставляет определенному лицу возможность совершить сделку [1, с. 345]. Презумпция согласия обращена к третьим лицам, тем, кто не связан личными отношениями, для того чтобы они понимали, что представительство того или иного лица – участника совместной собственности является законным. Указанное правило обладает универсальностью: оно применимо к сделкам любого вида, независимо от того, в какой форме они совершаются и судьбу какого имущества определяют. Также действительность сделок данного вида не зависит от количественной характеристики их субъектного состава (безусловно, совершать их могут один, несколько или все участники общей совместной собственности – хотя последний вариант не представляется удобным). При этом презумпция согласия является оспоримой.

Сделки по распоряжению общим имуществом вправе совершать каждый из участников совместной собственности, если иное не вытекает из соглашения всех участников. Таким образом, законодатель допускает, что может существовать ситуация, при которой одни участники добровольно отказываются от своих полномочий по распоряжению в пользу других участников, в том числе в пользу единственного участника. Подобного рода самоограничение может иметь силу в отношении сделок определенного вида или определенной цены, оно может быть временным или постоянным, к нему применимы общие положения ГК РФ о сделках.

Необходимо иметь в виду, что речь здесь идет именно о договорном ограничении правомочий сособственника, в то время как ограничения, вытекающие из закона, ничем особенным применительно к режиму общей совместной собственности не выделяются. Если, к примеру, гражданин ограничен судом в дееспособности на основании п. 1 ст. 30 ГК РФ, то это ограничение, безусловно, более приоритетно, нежели распределение правомочий по распоряжению имуществом, установленное общим согласием собственников (аналогичный случай имеет место, если к лицу в соответствии со ст. 47 и статьями Особенной части УК РФ применена такая мера наказания, как лишение права заниматься определенной деятельностью). В гипотетической ситуации, когда действующее от имени всех участников общей совместной собственности лицо ограничивается решением суда в правоспособности (или дееспособности), суд может признать соглашение о прежнем порядке недействительным по мотивам существенно изменившихся обстоятельств (ст. 451 ГК РФ), мотивируя тем самым иных сособственников к заключению нового соглашения. В сравнительно редких случаях возможен и иной исход дела: суд самостоятельно утвердит новый порядок правомочий сособственников. Предположительно, это может иметь место в случае, если сособственниками являются лица, в силу возраста не обладающие полной дееспособностью, а единственный полностью дееспособный взрослый по закону ограничен возможностью распоряжаться общим имуществом. В таком случае суд, руководствуясь интересами наиболее незащищенной стороны спора, может определить, что правомочия собственника временно будут осуществляться конкретным лицом (например, опекуном). Соглашение, о котором речь шла выше, в данной ситуации не требуется.

Отметим, что правила о распоряжении имуществом, находящимся в совместной собственности, являются общими, а в том случае, если существует специальная норма (в ГК РФ или иных законах), будет применяться именно она. Это общее правило, известное со времен римской юриспруденции (lex specialis derogat generali). Однако для данного случая трудно сконструировать большое количество специальных норм. К таковым можно отнести правило п. 2 ст. 8 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», согласно которому распоряжение имуществом фермерского хозяйства осуществляется в интересах фермерского хозяйства главой фермерского хозяйства. В данном случае от субъекта сделки напрямую зависит ее свойство: если она совершена главой фермерского хозяйства, предполагается, что она совершена в интересах фермерского хозяйства, если иное не доказано. Примечательно, что данная норма п. 3 ст. 8 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» не содержит элемента диспозитивности, т.е. участники фермерского хозяйства не могут отменить или модифицировать ее своим соглашением.

Специальной нормой в указанном выше смысле выступает также положение ч. 3 ст. 35 СК РФ, о чем уже было упомянуто выше. Примечательный факт: судебная практика склоняется к приоритету ограничений, вытекающих из режима общей совместной собственности членов фермерского хозяйства, перед ограничениями, следующими из семейного законодательства.

Таким образом, в гражданском законодательстве установлены виды права общей собственности, которые отличаются друг от друга особенностями приобретения и распоряжения общей собственностью. Особенности права общей собственности проявляются в субъектном составе рассматриваемых гражданских правоотношений; в правовом режиме управления общим имуществом и др.

Пристатейный библиографический список

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. - М.: Статут, 2014. - 345 с.
2. Зинченко С. А., Галов В. В. Собственность и производные права (доктрина, законодательство, правоприменение). 2-е изд.. перераб. и доп. - Ростов н/Д: Профпресс., 2022. - 236 с.
3. Камышанский В. П. Право собственности: пределы и ограничения. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Закон и право, 2019. - 308 с.
4. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 7-е изд., перераб. - М.: Статут, 2016. - 193 с.
5. Слепко Г. Е., Стражевич Ю. Н., Ткачев А. И. Основания возникновения общей собственности и использование презумпции общности имущества применительно к супругам, один из которых является военнослужащим // ЭНИ «Военное право». - 2022. - № 2. - С. 12-27.

МИХАЙЛИК Анна Александровна
кандидат юридических наук доцент кафедры теории и истории государства и права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ВИДАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В данной статье проводится правовой анализ юридической ответственности и ее новых видов. Важным механизмом регулирования общественных отношений является институт юридической ответственности. С развитием общественных отношений выделяются новые виды юридической ответственности. Данная ситуация создает почву для дискуссий по указанному вопросу. Некоторые существенные мнения по этому вопросу приведены в научной работе. В рамках данной статьи отдельно рассматриваются «финансовая», «бюджетная», «налоговая» и др. виды юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, виды юридической ответственности, налоговая ответственность, финансовая ответственность, бюджетная ответственность.

MIKHAYLIK Anna Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

ON THE ISSUE OF NEW TYPES OF LEGAL LIABILITY

This article provides a legal analysis of legal liability and its new types. The institution of legal responsibility is an important mechanism for regulating public relations. With the development of social relations, new types of legal liability are identified. This situation creates the basis for discussions on this issue. Some significant opinions on this issue are given in scientific work. Within the framework of this article, «financial», «budgetary», «tax» and other types of legal liability are separately considered.

Keywords: legal liability, types of legal liability, tax liability, financial liability, budgetary liability.

Отражая одну из важных сторон воздействия права на общественные отношения, юридическая ответственность является фундаментальной правовой категорией. В теории права существуют различные дефиниции «юридической ответственности». Имеют место различные точки зрения. Так, Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева полагают, что юридическая ответственность воспринимается как обязанность лица претерпеть соответствующие ограничения за совершенное правонарушение [1], В. А. Козлов определяет как «ответственность юридических и физических лиц за соблюдение законов» [2, с. 517], А. В. Поляков – как принудительно исполняемую обязанность [3].

Юридическая ответственность, представляя собой сложный, системный институт, состоит из подсистем – отдельных видов юридической ответственности. Зражевская Т. Д. в своих исследованиях, определяла несколько уровней в системе юридической ответственности, в числе которых выделяется сложная совокупность всех видов ответственности, ответственность на уровне отрасли права, на уровне правового института и на уровне нормы права [4, с. 81].

Еще один уровень – ответственность на уровне санкции правовой нормы [5, с. 10], выделяет В. С. Епанешников. Юридическая ответственность всегда индивидуализирована и конкретна. Ответственность, по мнению профессора И. И. Веремеенко, – это «конкретизированная санкция» [6, с. 11].

Единого понимания «юридической ответственности» и ее классификации в теории права не существует. Вопрос о видах юридической ответственности остается дискуссионным.

Юридическая ответственность, посредством установленных санкций, блокирует противоправное поведение субъекта права. К лицу, совершившему правонарушение, применяется, установленная в законе, мера юридической ответственности, что соответствует постулату: там, где не предусмотрена юридическая ответственность, нет правонарушения.

Важно отметить, что применение конкретного вида юридической ответственности нельзя сводить исключительно к наказанию лица, совершившего правонарушение. Это связано с тем, что основной целью юридической ответственности выступает поддержание общественного порядка, что коррелируется с воспитательным ее значением.

Придерживаясь отраслевого критерия классификации юридической ответственности, выделяемого в теории права, рассмотрим юридическую ответственность как часть системы российского права.

Так, по мнению, А. В. Малько [7, с. 196], выделение отраслей права происходит на основе предмета и метода правового регулирования. Такое выделение можно считать первоначальным, наиболее общим.

Традиционно в теории права выделялось следующие виды юридической ответственности: уголовная, гражданская, административная и дисциплинарная. Следует отметить, что такие отрасли, например, как финансовое право, налоговое право, экологическое право в советский период в числе других отраслей права занимали скромное место, но на сегодняшний день требуется пересмотр «советской» доктрины права в соответствии с современными реалиями.

Так, М. Д. Шаргородский, О. С. Иоффе [8, с. 106] считали, что формирующиеся в процессе функционирования финансовой системы, бюджетно-финансовые отношения, регулируются не самостоятельной отраслью права, а государственным правом или административным правом [9, с. 25]. Такой позиции придерживается и О. В. Бойков [10, с. 23] и др. Можно установить, что в отечественной юридической науке, а точнее, в её постсоветский период развития, многие административисты и специалисты по конституционному праву считали финансовое право не самостоятельной отраслью, а частью административного права. Так, к примеру, И. С. Гуревич в качестве комплексной отрасли права рассматривал финансовое право. М. В. Карасева, Н. И. Химичева рассматривают финансовое право, как самостоятельную отрасль права.

Действительно, финансовая ответственность сформировалась в рамках административной, а ее выделение и обособление в самостоятельный вид становится закономерным явлением. В настоящее время продолжается процесс унифи-

кации российского законодательства, разрабатывается система мер новых видов ответственности, что позволяет говорить о том, что некоторые виды юридической ответственности находится еще в стадии формирования. Более детальное законодательное оформление и научное осмысление получают, например, налоговая, бюджетная, валютная, экологическая виды юридической ответственности.

С развитием общественных отношений наметилась тенденция выделения из ряда отраслей права подотраслей права и отпочкование в самостоятельные отрасли. Речь идет о таких, относительно новых видах ответственности, как: конституционная, финансовая (с подразделением на самостоятельные виды: бюджетная, валютная; налоговая), процессуальная, экологическая. Вместе с тем, В. С. Черников, Е. В. Черникова акцентируют внимание на том, в связи с выделением в теории права лишь гражданской, уголовной, административной и дисциплинарной видов ответственности, несостоятельны суждения об экологической, банковской, таможенной и других видах ответственности [11, с. 56]. Выделение новых видов ответственности, по мнению Е. В. Шевченко, надо рассматривать как следствие существования неразрешенных проблем в отраслевом законодательстве [12, с. 18]. Такая позиция имеет рациональное зерно.

И если вопрос о выделении новых видов ответственности – финансовой, экологической, бюджетной, налоговой остается дискуссионным, то вопрос о выделении конституционной ответственности, думается, разрешен, так как о ней говорят и пишут многие ученые конституционалисты: О. Е. Кутафин, М. В. Баглай, В. А. Туманов, Б. Н. Габричидзе и ряд других.

По мнению ряда ученых, одновременно с традиционными видами юридической ответственности, существуют и отраслевые виды юридической ответственности (например, семейно-правовая [13, с. 9], конституционно-правовая, природоохранительная и др.).

С помощью юридической ответственности решаются задачи обеспечения стабильности в государстве, охраны общества от различных видов правонарушений.

Думается, что ряд отраслей права не может существовать без собственного института юридической ответственности. Закономерным, в наше время, является появление новых видов юридической ответственности, так как многие отрасли развиваются и становятся самостоятельными, устанавливая свои виды ответственности за особый вид правонарушений. Так, например, произошло выделение финансовой ответственности, а затем в Бюджетном кодексе РФ, Налоговом кодексе РФ появились нормы, устанавливающие ответственность за нарушение бюджетного законодательства и налогового, соответственно.

Налоговая ответственность представляет собой особые негативные последствия для налогоплательщиков (юридических и физических лиц (в том числе ИП, самозанятых) за нарушение налогового законодательства. Так в Налоговом кодексе РФ, например, п. п. 1, 2 ст. 114 НК РФ предусмотрены особые меры ответственности за нарушение налогового законодательства – налоговая санкция в виде денежного штрафа.

Следует констатировать, что с развитием российского законодательства в правоприменительной практике все чаще употребляются как самостоятельные категории такие понятия, как «финансовая санкция» [14], «финансовая ответственность» [15], «меры финансовой ответственности», «финансовое правонарушение» [16, с. 67], «налоговая ответственность», «налоговое правонарушение», «ответственность в сфере охраны окружающей среды» [17, с. 105], «экологическая ответственность», что неоспоримо свидетельствует об обособлении, становлении, формировании новых и самостоятельных видов юридической ответственности.

Проблема последующей дифференциации юридической ответственности остаётся актуальной, так как в научной литературе все чаще встречаются «новые» виды юридической ответственности, не вписывающиеся в классические ее виды.

Таким образом, видовая дифференциация юридической ответственности имеет не только научное и важное практическое значение, что дает основание для дальнейшего исследования данного вопроса, с учетом анализа, в том числе зарубежного опыта, с потенциальной возможностью адаптации к российской правовой реальности.

Пристатейный библиографический список

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2011.
2. Козлов В. А. Теория государства и права. – Л., 1987. – С. 517.
3. Поляков А. В. Общая теория права. – СПб., 2006.
4. Зражевская Т. Д. Ответственность по советскому государственному праву // Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 81.
5. Епанешников В. С. Юридическая ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2000. – С. 10.
6. Веремеенко И. И. Административно-правовые санкции. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 11.
7. Малько А. В. Теория государства и права. – М., 2000. – С. 196.
8. Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Советское государство и право. – 1957. – № 6. – С. 106-109.
9. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. – М.: Юрид. лит., 1961. – С. 25.
10. Бойков О. Часть первая Налогового кодекса: новое для арбитражных судов // Вестник ВАС РФ. – 1998. – № 11. – С. 23.
11. Черников В. С., Черникова Е. В. Ответственность кредитных организаций за нарушение банковского законодательства // Современное право. – 2001. – № 4. – С. 56.
12. Шевченко Е. В. Ответственность за нарушение бюджетного законодательства // Налоги и финансовое право. – 2009. – № 3. – С. 18.
13. Турусова О. С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 9-10.
14. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 18. – Ст. 1720.
15. Решение Приморского УФАС России от 02.05.2023 № 025/10/18.1-520/2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://br.fas.gov.ru (дата обращения: 11.09.2023).
16. Гогин А. А. Налоговая ответственность в системе юридической ответственности // Вестник ВУиТ Сер. «Юриспруденция». Вып. 15. Тольятти. – 2001. – С. 67.
17. Боголюбов С. А. Особенности юридической ответственности в системе экологических правоотношений // Журнал российского права. – 2019. – № 4. – С. 105-119.

МОХОРОВ Дмитрий Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МОХОРОВА Анна Юрьевна
кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ДЕМИДОВ Владимир Павлович
кандидат философских наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ДОЛЖЕНКОВА Екатерина
кандидат политических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

КОРРУПЦИЯ И ЛОББИЗМ КАК АТРИБУТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Современным политическим процессам свойственна атрибутивность, в которой проявляются характерные черты явлений коррупции и лоббизма. Целью данного исследования выступает сравнение правовых черт коррупции и лоббизма в их взаимосвязи и различие, а также необходимость выработки объективно-взвешенной государственной политики, позитивно влияющей на правопорядок в рамках общественных отношений, свойственных российской государственности в настоящий период. Для этого используется комплекс разнообразных научных методов, в том числе: сравнительно-правовой, конструктивно-аналитический, формально-юридический и синергетический, что создает условия для всестороннего анализа сложившейся ситуации в Российской Федерации в вопросах противодействия коррупции, а также формирования эффективной модели использования лоббистской активности в контексте решения проблем и задач, свойственных ценностям и приоритетам разнообразных общественных формирований.

Ключевые слова: правовые черты коррупции, лоббизм, государственная политика.

MOKHOROV Dmitriy Anatoljevich
Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

MOKHOROVA Anna Yurjevna
Ph.D. in political sciences, associate professor of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

DEMIDOV Vladimir Pavlovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

DOLZHENKOVA Ekaterina
Ph.D. in political sciences, associate professor of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

CORRUPTION AND LOBBYING AS ATTRIBUTES OF POLITICAL PROCESSES

Modern political processes are characterized by attribution, in which the characteristic features of the phenomena of corruption and lobbying are manifested. The purpose of this study is to compare the legal features of corruption and lobbying in their relationship and difference, as well as the need to develop an objectively balanced state policy that positively affects the rule of law within the framework of social relations inherent in Russian statehood at the present time. For this, a complex of various scientific methods is used, including: comparative-legal, constructive-analytical, formal-legal and synergistic, which creates conditions for a comprehensive analysis of the current situation in the Russian Federation in matters of combating corruption, as well as the formation of an effective model for the use of lobbying activity in the context of solving problems and tasks inherent in the values and priorities of various social formations.

Keywords: legal features of corruption, lobbying, public policy.

В современном мире наблюдается значительное разнообразие политико-правовых явлений, отражающих специфические черты развития государственности в рамках формирования эффективных моделей демократических социально-ориентированных комплексов национальных государственных систем [1], [2]. Данная проблема возникла не в настоящий период исторического цикла движения человечества по пути социального прогресса, но она приобретает все большую остроту перед лицом новых вызовов, встающих перед обществом в эпоху бурного использования информационных технологий во всех сферах социально-политической активности различных наций и народов.

Для разработки актуальных сторон лоббистской и коррупционной деятельности в политико-правовом пространстве исследуются наиболее значимые элементы указанных явлений в контексте формирования здоровых основ государственности. При этом используются такие научные методы как сравнительно-правовой, конструктивно-аналитический, формально-юридический и синергетический, что позволяет в достаточной степени проанализировать глубину воздействия

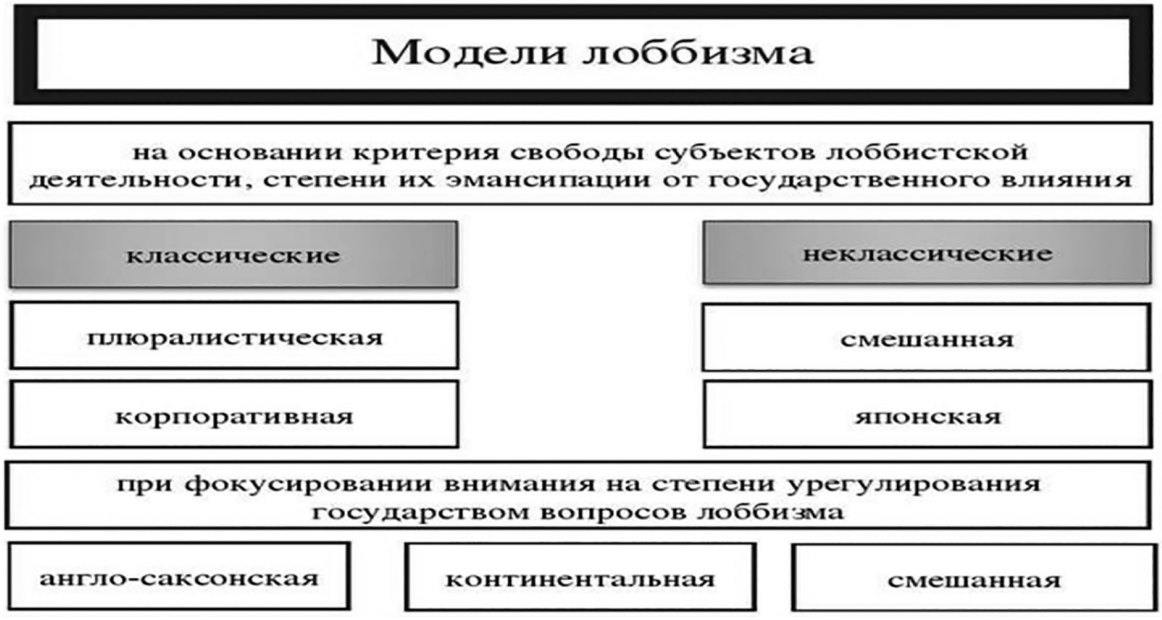


Рисунок 1. Модели лоббизма.

лоббистской и коррупционной активности на определяющие моменты эволюционного движения государственной вертикали власти для достижения ценностных ориентиров, приемлемых абсолютному большинству населения той или иной страны. Применяя сравнительно-правовые подходы, сопоставляются различные концепции, свойственные разным этапам развития национально-правовой системы РФ. В рамках исследования вопросов проявления лоббизма и коррупции в правовом пространстве, анализируются позитивные и отрицательные черты указанных факторов на конструктивные особенности социально-политической активности государства. Основываясь на формально-юридическом подходе к явлениям коррупции [3] и лоббизма, определяются их наиболее важные отличия. Использование синергетического метода позволяет связать закономерное и случайное в процессах коррупции и лоббизма, воплощающихся в разных формах сочетания их воздействия на отдельные стороны деятельности органов публичной власти. В качестве материалов использованы: результаты исследований в области правоприменительной деятельности правоохранительных органов, статистические данные анализа распространенности лоббистских и коррупционных явлений, социологические выводы о влиянии лоббизма и коррупции на эффективность процессов государственного и муниципального управления.

Политическая система общества испытывает разнообразное влияние со стороны элементов, свойственных этому сложному социальному образованию, которое, в результате трансформируется в неравновесную конструкцию, не вполне соответствующую условиям реальной действительности, сложившимся на определенном этапе существования государства. В рамках данного процесса следует отметить, что для развития государственности свойственно присутствие таких атрибутов как коррупция и лоббизм. Они, по своим характерным чертам, близки друг другу, но оказывают совершенно противоположное воздействие на реализацию здоровых тенденций в поле разнообразных общественных отношений.

Коррупция, возникая одновременно с институтами самых примитивных государств, исторически укоренилась в политико-правовом поле осуществления функций органами публичной власти и оказывает деструктивное влияние на разрешение проблем, актуальных для абсолютного большинства населения той или иной страны.

Лоббизм исторически сравнительно молодое явление, связанное с переходом к парламентским формам организации государственной власти, и он выступает в качестве своеобразного канала взаимодействия между государственной вертикалью власти и социально-активными общественными структурами, пытающимися в той или иной мере продвигать свои интересы и предпочтения, которые не противоречат в сущностном плане требованиям законодательства. Существуют различные модели лоббизма (рис. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigslide.ru/okruzhayuschiy-mir/50927-lobbizm.html).

Лоббистские действия часто лежат в контексте правовой активности представителей высших органов законодательной власти, и органически включаются в определенные грани разработки и принятия решений системой публичной власти.

Лоббистские структуры, которые так или иначе стремятся повлиять на процесс выработки решений органами публичной власти, по своей природе позитивно воздействуют на важнейшие аспекты действий, совершаемых представителями различных структур публичной власти [4]. Если их сравнивать с результатами влияния коррупционных элементов на аналогичные процессы, то становится отчетливо заметным, что лоббистская активность не деформирует в негативном плане функциональную сущность процессов управления. В то же время, попытки коррупционных структур добиться удовлетворения узкогрупповых эгоистических целей абсолютно противоречат интересам многомиллионного населения Российской Федерации [5]. Поэтому представляется крайне важным в рамках правовой активности органов государственной власти четко определить принципиальные различия с юридической точки зрения явлений лоббизма и коррупции. Такая определенность формирует предпосылки для укрепления основ правового государства [6], [7].

У членов Федерального Собрания РФ имеются потенциальные возможности продуктивно использовать опыт законодательной работы парламентов ведущих стран мира, чтобы перенести в политико-правовое пространство государства

приемы и способы, используемые в процессе регламентации лоббистской деятельности, применяемых в США, Великобритании, Германии как эффективный вариант постепенного внедрения на законных основаниях лоббизма в процедуры принятия актуальных решений органами публичной власти. Такой подход представляется конструктивным и в нем присутствуют научно-обоснованные черты применения сравнительно-правовых методов для совершенствования национально-правовой системы нашего государства в современных условиях.

Учитывая, что формирование депутатского корпуса высшего представительного органа законодательной власти в РФ до настоящего времени содержит в себе довольно большой элемент стихийности и непредсказуемости, это способствует вхождению в состав нижней палаты Федерального Собрания представителей населения, которые в силу своей профессиональной подготовленности не всегда могут отделить конструктивные правовые подходы от приемов и способов, содержащих в себе популистские элементы, что резко снижает эффективность принятия нормативно-правовых актов, призванных регулировать процессы коррупции и лоббизма в современном российском государстве.

Так как российская политическая система постоянно находится под влиянием разнообразных факторов, отражающих интересы многослойного национального социума, данное обстоятельство, с одной стороны, способствует продвижению вариантов законодательных актов, максимально учитывающих ценности и ориентиры различных социальных групп и слоев населения, с другой стороны, многовариантная политическая активность представителей разных социальных образований затрудняет достижение конкретных результатов в ходе разработки и принятия наиболее оптимальных с точки зрения российской правовой системы норм, которые бы скрупулёзно, детально воплотили в себя все палитру различия между объективно необходимым лоббистским влиянием на структуры государственной власти и крайне отрицательным противоправным воздействием коррупционной активности на результаты принятия решений органами публичной власти.

В последние десятилетия развития России высшие органы представительной власти приняли целый ряд программных документов, содержащих в себе систему разнообразных мер политико-правового воздействия на данное обширное проявление эгоистических интересов отдельных личностей или небольших по численности социально-агрессивных группировок, стремящихся улучшить свое имущественное и финансовое положение за счет результатов хозяйственно-экономической деятельности ведущих отраслей народного комплекса. Данный процесс противоречив по своей сущности, потому что он затрагивает взаимосвязанные интересы различных слоев, групп российского социума и, поэтому, ограничение и снижение уровня коррупционной зависимости процедур принятия важных государственных решений, выступает в качестве актуальной проблемы совершенствования деятельности всех звеньев государственного аппарата управления начиная с органов местного самоуправления и заканчивая высшими эшелонами государственного механизма.

Разработка законодательных актов, противодействующих коррупции, встречает явное или скрытое сопротивление со стороны представителей коррупционных структур, занимающих ответственные посты в Федеральном Собрании, Правительстве Российской Федерации, органах судебной власти и в руководящих звеньях многочисленных муниципальных образований. На процесс законотворчества, призванного сформировать систему нормативно-правовых актов, действенно препятствующих коррупционной активности, негативно влияют слабая профессиональная подготовленность депутатов различных представительных органов власти и местного самоуправления.

Любое правовое общество стремится пресечь разнообразные формы коррупционной активности. Для реализации этой цели необходимо разработать ряд мер, эффективно воздействующих на распространенность данного негативного явления, в рамках которых наиболее важное место занимает последовательность и целенаправленность осуществления федеральных программ противодействия коррупционному влиянию. Лоббизм, наоборот, требует выработки рычагов правового поощрения указанной формы влияния со стороны целого ряда общественных формирований на результаты государственно-властного управления обществом. Диалектика сочетания разнообразных подходов к коррупции и лоббизму объективно подтверждает зрелость демократических правовых институтов, свойственных высокоразвитым странам мира. Россия, как одна из динамично развивающихся стран, потенциально может использовать передовой правовой опыт ведущих государств мира в этой сфере, что позволит, с одной стороны, добиться совершенствования национальной правовой системы в некоторых ключевых аспектах, с другой стороны, выстроить социально-конструктивную модель общественных отношений, препятствующую расширению объемов коррупционного воздействия на ведущие институты политической власти.

Пристатейный библиографический список

1. Арутюнян А. С. Современный лоббизм: формы, методы, проявления // Социологические исследования. – 2014. – № 6 (362). – С. 60-68.
2. Захарцев С. И., Сальников В. П. Правовой прогресс и совершенствование правового регулирования и правотворчества в России в XXI веке // Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина). Сборник научных статей / Под ред. В. В. Лазарева. – М.: Норма, 2022. – С. 63-72.
3. Сальников В. П., Зекрист Р. И., Кэмпбелл Ян. Проблема генезиса коррупции как общественно-исторического феномена: социальные и этико-правовые аспекты // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 10. – С. 189-197.
4. Фельдман П. Я. Нужен ли в России закон о лоббизме? // Власть. – 2014. – № 2. – С. 119-122.
5. Вырва П. А. К вопросу об основных способах урегулирования лоббизма как мера безопасности против коррупционного лоббизма // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 473. – С. 211-217. – DOI 10.17223/15617793/473/26.
6. Хасанов Ш. К. Классификации коррупции и моделей противодействия коррупции // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2020. – № 3. – С. 202-207.
7. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П., Селиверстов И. Н. Суверенитет, государство и организованная преступность: аксиологический аспект // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 2 (39). – С. 13-20. EDN: KLSGBO.

ПАВЛИСОВА Татьяна Евгеньевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ШАПОВАЛОВ Анатолий Вячеславович
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

Павлисова Т. Е.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Статья посвящена анализу правового регулирования банкротства (несостоятельности) в российском и зарубежном праве. Институт банкротства является важнейшим элементом современной цивилистики. Для ее более успешного применения в отечественной практике представляется целесообразным обратиться к опыту других стран. Сравнительно-правовой анализ показывает, что правовое регулирование общественных отношений, связанных с банкротством, в разных странах имеет свои особенности, положительные стороны и недостатки, однако общие положения имеются в законодательстве практически всех стран.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, неплатежеспособность, законодательство о банкротстве, должник, кредитор.

PAVLISOVA Tatyana Evgenievna
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

SHAPOVALOV Anatoly Vyacheslavovich
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

Шаповалов А. В.

EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF BANKRUPTCY UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The article is devoted to the analysis of the legal regulation of bankruptcy (insolvency) in Russian and foreign law. The institution of bankruptcy is the most important element of modern civil law. For its more successful application in domestic practice, it seems advisable to turn to the experience of other countries. Comparative legal analysis shows that the legal regulation of public relations related to bankruptcy in different countries has its own characteristics, positive aspects and disadvantages, but there are general provisions in the legislation of almost all countries.

Keywords: bankruptcy, insolvency, insolvency, bankruptcy law, debtor, creditor.

Наиболее общепринятая теория происхождения слова «банкротство» происходит от смешения древних латинских слов bancus (скамья или стол) и ruptus (сломанный). Когда банкир, который первоначально проводил свои операции на публичном рынке на скамейке запасных, был не в состоянии продолжать кредитование и выполнять обязательства, его скамейка запасных была сломана в символической демонстрации неудачи и неспособности вести переговоры. В результате распространенности этой практики в средневековой Италии принято считать, что нынешний термин «банкрот» происходит именно от перевода banco rotto, что по-итальянски означает «разоренный банк».

Другие предполагают, что происхождение этого слова на самом деле происходит от французского выражения banque route – след за столом. Эта фраза относится к метафорической практике, когда на месте офиса банкира остается только вывеска.

Институт конкурсного производства по делам о несостоятельности сформировался в римском праве. Его основными правовыми средствами регулирования были предоставление кредиторам возможности вступить во владение имуществом должника-банкрота (missiones in possessionem) и продать это имущество (venditio bonorum) [1, с. 162-163].

Под термином «банкротство» сегодня понимается статус должника, признанного в судебном порядке неспособным оплатить свои долги.

Неплатежеспособность – финансовое состояние, при котором общие обязательства физического лица или предприятия превышают общую сумму активов, так что требования кредиторов не могут быть оплачены. По сути, существует два подхода к определению неплатежеспособности: неплатежеспособность с точки зрения собственного капитала и балансовый подход. Неплатежеспособность в смысле справедливости означает неспособность должника погасить свои долги по мере наступления сроков их погашения в ходе обычной деятельности. Неплатежеспособность согласно балансовому подходу означает, что общие обязательства должника превышают его общие активы.

Несостоятельность отличается от банкротства в том смысле, что банкротство означает особый правовой статус, который должен быть определен и объявлен судебным постановлением. Таким образом, прослеживается последовательная взаимосвязь всех определений, выступающих факторами и наличие которых является необходимым для определения банкротства.

Законы о банкротстве были приняты для обеспечения и регулирования упорядоченной и справедливой ликвида-

ции имущества несостоятельных должников. Это является важной задачей законодательства о банкротстве со времен Средневековья. В прошлом банкротство ассоциировалось с недобросовестностью и клеймило тех, кто объявлял себя банкротом, поскольку банкротство воспринималось как мошенничество и сопровождалось наказанием в виде лишения гражданских прав должника. Однако со временем законодательство о банкротстве было расширено и стало предусматривать процедуры реструктуризации долгов во избежание ликвидации, а также реабилитационные процедуры в отношении несостоятельных должников. В результате современное законодательство о банкротстве содержит подробные положения о различных видах предупредительных соглашений и корпоративных реорганизаций.

Современное законодательство о банкротстве сформировалось из ряда различных исторических направлений.

В древности по римскому праву кредитор, не оплаченный по решению суда, мог получить имущество должника (missio in bona) или имущество могло быть продано в пользу всех кредиторов (venditio bonorum). В то же время, чтобы избежать утраты гражданских прав, должникам предоставлялась возможность добровольно отказаться от своего имущества в пользу кредиторов, обратившись к мировой судье (cessio bonorum).

В средние века в итальянских городах были приняты законы, регламентирующие порядок взыскания и распределения имущества должников, особенно купцов, которые стали неплатежеспособны в результате бегства или мошенничества. Такие банкроты (rumpentes et Falliti) подвергались суровому наказанию, а их имущество конфисковывалось. Кроме того, средневековое испанское право возродило судебную sesio bonorum. Кодекс Siete Partidas [2], изданный королем Кастилии и Леона Доном Альфонсо X в конце XIII века, содержал подробные положения о должниках-банкротах, которые распространялись как на купцов, так и на некупеческих людей, и допускал добровольную, под судебным контролем, ликвидацию имущества. Кредиторы, не получившие возмещения, могли требовать возмещения или требовать, чтобы должник отказался от имущества в пользу всех кредиторов.

Законы, касающиеся имущества беглецов и мошенников, распространились по всей Западной Европе по образцу статутов средневековых итальянских городов. Подобные положения были приняты в торговых центрах Франции, Брабанта и Фландрии в XV-XVI веках.

В связи с тем, что законодательство о несостоятельности распространялось только на лиц, занимающихся коммерческой деятельностью, возникла необходимость в процедурах ликвидации, применимых к другим должникам. Как уже упоминалось выше, в Siete Partidas содержались положения о процедурах добровольной ликвидации, применимых ко всем должникам. Исходя из этого, испанский юрист XVII века Д. Сальгадо де Сомоса разработал подробные правила инициирования и проведения процедуры добровольной ликвидации, которые он назвал «Лабиринтом кредиторов» (Labyrinthus Creditorum). Его трактат повлиял на ход развития испанского права, а также оказал значительное влияние на обычное право немецких земель. В результате в испанском праве были разработаны два вида ликвидационных процедур – для купцов и для не купцов. В этом отношении испанское право стало образцом для права многих стран.

Тяжелые последствия банкротства для должника, такие как утрата и ликвидация его активов, тюремное заключение и утрата гражданских прав, привели к необходимости принятия процедур, позволяющих избежать таких санкций. Средство правовой защиты было найдено в праве достойного должника достичь соглашения о продлении или уменьшении своих долгов с большинством его кредиторов, которое было обязательным. Колыбелью этого института снова стали статуты средневековых городов.

В Англии первые официальные законы, касающиеся банкротства, были приняты в 1542 году при Генрихе VIII. В то время физическое лицо-банкрот считалось преступником и подлежало наказанию, варьирующемуся от заключения в долговую тюрьму вплоть до самого сурового приговора – смертной казни. В 16 веке испанский король Филипп II объявил о четырех отдельных государственных банкротствах в период с 1557 по 1596 год. Фактически Испания стала первым суверенным государством, объявившим о банкротстве. В начале восемнадцатого века появилась система дальновидного, позитивного подкрепления с введением Статута 4 Анны, гл. 17, который предусматривал, что неоплачиваемые долги будут погашаться в качестве вознаграждения тем должникам, которые согласятся заплатить столько, сколько смогут.

Во Франции национальные нормы о банкротстве и несостоятельности были включены в Торговый кодекс 1673 года. Торговый кодекс регулировал как добровольные уступки купцов кредиторам (ст. X), так и процедуры, и последствия, возникающие при банкротстве (ст. XI). Это было истолковано как ограничение процедуры банкротства только торговцами, и законодательство многих других стран последовало примеру Франции. В Испании, например, ограничение банкротства только купцами было закреплено в Ордонансе Бильбао 1737 г., который впоследствии был применен в Латинской Америке, в частности, в Аргентине.

В Соединенных Штатах ранние федеральные законы о банкротстве были временной реакцией на плохие экономические условия: Первый официальный закон о банкротстве был принят в 1800 году в ответ на спекуляцию землей и вскоре отменен в 1803 году. В ответ на панику 1837 года в 1841 году был принят второй закон о банкротстве. Этот закон был быстро отменен в 1843 году. Экономические потрясения Гражданской войны заставили Конгресс принять еще один закон о банкротстве в 1867 году, и этот закон был отменен в 1878 году. Каждый из этих законов содержал определенные льготы для погашения неоплаченных долгов. Первые два закона, принятые в 1800 и 1841 годах, допускали лишь минимальное погашение долгов; в то время как закон 1867 года был первым, который включал защиту корпораций. До 20-го века правила и практика, касающиеся банкротства, в целом благоприятствовали кредитору и были более жесткими по отношению к банкроту. Тогда основное внимание уделялось возврату инвестиций кредиторов, и, в отличие от сегодняшнего дня, почти все банкротства тогда были принудительными. Практика принудительных исков сохраняется и сегодня и может быть преобразована в добровольные, хотя это случается относительно редко.

Современное законодательство и практика банкротства в США направлены на реабилитацию (реорганизацию) проблемных должников, при этом ограниченное внимание уделяется наказанию должников. Закон о банкротстве 1898г. Впервые предоставил проблемным компаниям возможность получить защиту от своих кредиторов. В США эти положения приобрели более официальный характер и получили широкое распространение в 1930-х годах. Экономический кризис Великой депрессии привел к принятию дополнительных законов о банкротстве, в частности, Законов о банкротстве 1933 и 1934 годов; в решении Федерального Верховного суда от 1934 года суд указал, что основная цель закона о банкротстве – дать должникам «новый старт», освободив их от финансового бремени.

С XVIII века в Англии и с XIX века и в Соединенных Штатах была разработана законодательная концепция, которая касается отсутствия у должника ответственности за личное имущество в случае непреднамеренного банкротства. Однако в континентальной Европе практика и использование мировых соглашений расширились. По этой причине правовые задержки в погашении задолженности, а также в процедурах

взыскания или реструктуризации включены в законодательство.

Нормы, регулирующие вопросы несостоятельности в дореволюционной российской правовой системе, прошли длительную эволюцию, во многом схожую с развитием аналогичного законодательства на Западе. Зачатки норм о несостоятельности можно обнаружить еще в Русской Правде – законодательном документе, возникшем и действовавшем в Древней Руси в XI-XII веках[1].

В Русской Правде законодатель говорил о двух видах коммерческой несостоятельности, различая случайную (невиновную) несостоятельность, которая наступает не по вине должника, и злостную (виновную) несостоятельность, которая наступает в случаях легкомысленного поведения коммерсанта. Кроме того, в то время существовали также положения об установлении очередности удовлетворения требований кредиторов и процедуры, аналогичные процедуре банкротства.

Псковская судная грамота, появившаяся в 1467 году, освещает вопросы раздела имущества должника между кредиторами. Нормы о несостоятельности содержатся в Судебниках 1497 и 1550 года, Соборном уложении 1649 года.

Устав о несостоятельности (Банкротский устав) 1740 г. определял понятие несостоятельности как отсутствие у должника имущества для полного удовлетворения требований кредиторов. Он имел обратную силу действия, то есть мог применяться к правоотношениям, возникшим до его принятия.

Уставом о несостоятельности была введена норма, позволяющая производить отсрочку платежей. По единогласному решению всех кредиторов допускалась внесудебная сделка с должником о скидке с долга или отсрочке платежа [3, с. 473-478].

19 декабря 1800 года был принят Указ о банкротстве, который был разделен на две части: купеческое банкротство и дворянское банкротство (ст. 98-109 Указа). Таким образом, впервые в российской практике законодатель ввел раздельное регулирование двух видов банкротства:

– банкротства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности;

– банкротства, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности.

В 1832 году был принят «Устав о торговой несостоятельности». Юридически он заменил только первую часть закона о банкротах 1800 года, которая регулировала только банкротство купцов и мещан. Иными словами, он регулировал только банкротство купцов и буржуазии. Дела о «некоммерческой» несостоятельности были юридически переданы в ведение региональных комиссий, которые фактически не работали [4]. Данный Устав действовал вплоть до 1917 года.

Первым законом, регулирующим процесс несостоятельности в России после распада СССР, стал Федеральный закон РФ от 19 ноября 1992 года «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Как видно из названия, этот закон касался юридических лиц.

Следующим этапом в развитии правового регулирования несостоятельности в нашей стране стал вступивший в силу 1 марта 1998 года Закон № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в основу которого была положена идея отказа от принципа неисполнения обязательств при определении критериев банкротства и приоритета принципа неплатежеспособности.

Третий этап связан с действующим федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[2]. Сегодня Закон регулирует процедуру банкротства как юридических, так и физических лиц. Особо примечательным является тот факт, что стала возможной процедура банкротства физического лица во внесудебном порядке через заявление в многофункциональный центр. При этом сумма долга может варьироваться в пределах от 50 000 до 500 тысяч рублей.

Так, современное законодательство о банкротстве содержит подробные положения о различных видах превентивных урегулирований, соглашений и корпоративных реорганизаций. Действительно, основным направлением законодательства о несостоятельности является спасение компаний, оказавшихся в затруднительном финансовом положении.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что основное внимание современного законодательства о несостоятельности больше сосредоточено не на ликвидации и ликвидации неплатежеспособного имущества, а на ремоделировании финансовой и, при необходимости, организационной структуры должника, испытывающего экономические трудности, с тем, чтобы обеспечить возможность продолжения экономической деятельности. Процедуры заключения обязательных превентивных соглашений с кредиторами, требующих одобрения квалифицированным большинством и подтверждение судами, были предусмотрены законодательством ряда стран во второй половине XIX века. Экономические кризисы XX века привели к принятию дальнейших законодательных мер, предоставивших должнику «передышку» посредством отсрочки или сокращения его ответственности, в сочетании, при необходимости, со сменой собственника.

Пристатейный библиографический список

1. Покровский И. А. История римского права. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – С. 162-163.
2. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева, 2003.
3. Ромашова Т. В. Периодизация и тенденции развития института несостоятельности (банкротства). — Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 4 (84). – С. 473-478.
4. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 453 с.
5. Гришаев С. П., Овчинникова А. В. Эволюция правового регулирования института банкротства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/57623278/ (дата обращения: 19.09.2023 г.).

1 Гришаев С. П., Овчинникова А. В. Эволюция правового регулирования института банкротства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/57623278/ (дата обращения: 19.09.2023 г.).

2 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. 04.08.2023) О несостоятельности (банкротстве). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/ https://base.garant.ru/185181/ (дата обращения: 19.09.2023 г.).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-52-54

ХУТ Диана Шамсудиновна
аспирант кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

Хут Д. Ш.

УЯСНЕНИЕ ПРАВА

В статье автор дает определение категории «уяснение права», согласно которому уяснение права – это не просто мыслительная деятельность субъекта права, а интеллектуально-волевая деятельность, направленная на познание интерпретатором содержания нормативных предписаний, отражающих системные свойства права в целом и выраженного в них баланса индивидуальных, групповых и общечеловеческих интересов, для последующего использования на практике. В данной работе акцентируется внимание на том, что объектом уяснения права являются не только нормы права, но и сущность права в целом, представленная балансом личных, групповых и общечеловеческих интересов. В статье исследуются объект, признаки, особенности и значение уяснения права. Рассматриваются особенности уяснения права с точки зрения объективного и субъективного права.

Ключевые слова: уяснение права, баланс интересов.

KHUT Diana Shamsudinovna
postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty of the Saratov State Academy of Law

CLARIFICATION OF LAW

In the article the author defines the category of «clarification of law», according to which clarification of law is not just a mental activity of subjects of law, but an intellectual-volitional activity aimed at knowledge by the subject of law of the content of the rules of law that reflect the systemic properties of law as a whole and the balance of individual, group and universal interests, for later use in practice. The primary focus in this study is placed on the idea that the object clarification of law is not only the rules of law, but also the essence of law as a whole, represented by a balance of personal, group and universal interests. The article explores the object, characteristics, properties and meaning of clarification of law. It examines clarification of law from the viewpoint of objective and subjective law.

Keywords: clarification of law, balance of interests.

Право как один из самых сложных феноменов, направленный на урегулирование общественных отношений, подлежит уяснению – постижению его смысла «для себя». Без уяснения невозможна ни правореализационная, в том числе правоприменительная, ни правотворческая деятельности субъектов права. Следовательно, уяснение права – необходимый процесс, позволяющий праву развиваться и быть «живым», то есть применимым в практической деятельности.

В теории права уяснение права рассматривается исключительно как первый этап толкования права и зачастую особенности уяснения анализируются не в полной мере, а всего лишь относительно правоприменения путем описания двух этапов толкования – уяснения и разъяснения (доведения смысла нормы права до третьих заинтересованных лиц) в комплексе. Но уяснение и разъяснение имеют свою специфику, поэтому рассматривая толкование права как единый процесс, необходимо учитывать, что каждому этапу толкования присущи свои особенности, отличающиеся по содержанию, способам осуществления, целям и результатам. В процессе толкования права особое место занимает именно уяснение, так как без данного этапа переход к разъяснению вовсе невозможен. Так или иначе уясняется право всеми субъектами права, в связи с чем актуальность изучения процесса уяснения, его сущности, особенностей, форм, способов и приемов осуществления не вызывает сомнений. При этом, безусловно, умозаключение, к которому приходит субъект права в процессе уяснения, зависит от многих субъективных факторов, например, наличия у интерпретатора знаний в области юриспруденции, уровня его правосознания и так далее.

Для определения объекта уяснения права, необходимо дать ответ на вопрос, что́ есть право. В связи с тем, что в теории права нет единого подхода к правопониманию, в данной статье, не рассматривая вопрос об особенностях различных типов правопонимания, отметим следующее. На наш взгляд, бесспорным является то, что право, прежде всего, это совокупность норм права, установленных государством (позитивистский подход к пониманию права). В большей степени такой подход проявляется в деятельности юристов-практиков, которые занимаются уяснением норм права и содержания различных юридических документов, чаще всего, даже не задумываясь о сущностных свойствах права. Однако стоит отметить, что активно развивающийся интегративный подход к правопониманию позволяет комбинировать аспекты права, присущие различным типам правопонимания, объединив их положительные черты, при этом не отождествляя «право» и «закон», а также не ограничивая объект уяснения права исключительно нормой права, как это характерно для позитивистского типа правопонимания.

Объект уяснения права должен определяться исходя из сущности права, его главных, устойчивых свойств, из социального назначения, отражающегося в необходимости правового регулирования. Определение сущности и назначения

права возможно только с учетом исторического аспекта. Право появилось в ответ на усложняющиеся общественные отношения, когда действовавшие социальные нормы (обычаи, религия, мораль), не могли удовлетворить индивидуальные, коллективные интересы членов общества и обеспечить сбалансированное урегулирование общественных отношений с учетом интересов каждого. Яркий пример, иллюстрирующий необходимость паритета индивидуальных, групповых и общественных интересов, приводит В. Л. Кулапов в одной из своих работ: «Продавца и покупателя интегрирует прежде всего личный интерес, а не интересы общества, но удовлетворить его они могут, только выработав компромиссное решение. При этом установить и обеспечить сбалансированное решение может лишь публичная власть, представляющая всех и каждого» [1]. Таким образом, установление баланса интересов индивидуальных, общественных, государственных – одна из главных причин возникновения, существования и развития права. В свою очередь, существование каждого отдельного индивида обусловлено удовлетворением своих личных интересов и потребностей.

В философии под интересом понимается «причина действий индивидов, социальных общностей (класса, нации, профессиональной группы), определяющая их социальное положение» [2].

В юридической науке исследованием интереса занимались многие известные ученые, такие как Р. Иеринг, Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев, Л. И. Петражицкий, И. А. Покровский, Г. Ф. Шершеневич и многие другие.

Индивидуальный интерес – то, что побуждает отдельного субъекта права к действию. Любое правоотношение можно анализировать с точки зрения того, что каждый субъект права преследует свой интерес, например, в отношениях купли-продажи целью продавца является продажа товара, покупателя – приобретение товара; в трудовых правоотношениях цель работодателя – привлечение работника для выполнения определенной работы, а работника – получение от работодателя оплаты за свой труд. У каждого субъекта определенного правоотношения есть права и корреспондирующие им обязанности, направленные не только на удовлетворение личного интереса, но и на поддержание определенного баланса интересов субъектов правоотношения.

Право, прежде всего, выражает интересы самого общества, так как каждый индивид преследует личный субъективный интерес, который не всегда соответствует интересам общества. В. С. Соловьев отмечал, что «свобода одного лица ограничивается не частным, или субъективным, интересом другого лица, в отдельности взятым, а общим благом», под общим благом автор понимал «благо всех отдельных лиц без исключения, иначе оно было бы благом большинства» [3]. Именно общество в целом, а не каждый индивид в отдельности, способно задать вектор развития права. При этом стоит учесть, что интересы индивидуальные, групповые, общечеловеческие отличаются на каждом этапе исторического развития, поэтому содержание баланса интересов будет разным. Поддерживая точку зрения М. В. Шугурова, отметим, что «баланс должен пониматься не как неподвижное равновесие, а как подвижная согласованность, предполагающая прежде всего согласованность интересов и притязаний субъектов социальных отношений и далее, ввиду оформленности последних в правовые отношения, – согласованность прав и законных интересов субъектов и их притязаний» [4].

При исследовании баланса интересов особое внимание необходимо уделять государству как институту, представляющему интересы не только общества, но и каждого индивида в отдельности. Государство отражает интересы общества и обеспечивает баланс интересов путем правотворчества, осуществления контроля за соблюдением законности и при необходимости применения мер ответственности за нарушение норм права и т.д. Но, безусловно, право есть непрерывная работа и не только исключительная работа государственной власти, но и целого народа, – как отмечал Рудольф фон Иеринг [5].

Таким образом, право – это совокупность нормативных предписаний, выражающих баланс индивидуальных, групповых и общечеловеческих интересов. А объектом уяснения права является не только нормативное предписание, но и сущность права в целом, представленная балансом личных, групповых и общечеловеческих интересов. В связи с этим отметим, что используемые в теории права формулировки «уяснение норм права» и «уяснение права» не являются тождественными. Уяснение нормы права является частью более широкой категории «уяснение права».

Баланс интересов отражает сущность права и лежит в основе любого нормативного предписания. Процедуре разработки нормативного предписания предшествует возникновение систематически повторяющихся общественных отношений, которые подлежат правовому урегулированию, в связи с социальной значимостью и невозможностью урегулирования с помощью иных социальных норм. В свою очередь, до самих общественных отношений возникает именно интерес, побуждающий индивида к определенному действию. Каждый участник общественных отношений, неурегулированных правом, пытается удовлетворить свои личные интересы, не задумываясь о нарушении интересов другой стороны, соответственно, такая ситуация может способствовать возникновению дисбаланса интересов. Поэтому государство в лице законодательного органа является посредником, определяющим баланс личных, общественных и государственных интересов путем установления соответствующих прав и корреспондирующих им обязанностей для субъектов права.

На наш взгляд, следует выделить следующие признаки уяснения права:

– интеллектуально-волевая деятельность субъекта права, так как уяснение – мыслительная деятельность интерпретатора, осуществляющаяся исключительно по его воле. В данном случае воля рассматривается как «активная сторона сознания (наличие не только желания, но и стремление применить знания, совершить целенаправленное действие)» [6];

– познавательная деятельность, направленная на интерпретацию нормативного предписания;

– процесс, направленный на определение интересов участников правоотношений и выявление баланса интере-

сов, заложенного в нормативном предписании и отражающего системные свойства права в целом;

– имеет временный характер – осуществляется в течение определенного времени;

– направлено на разрешение конкретной жизненной ситуации при реализации права, а в процессе правотворчества – на качественное изложение абстрактной нормы права, подлежащей применению в определенных жизненных ситуациях.

Таким образом, уяснение права – это интеллектуально-волевая деятельность субъекта права, направленная на познание интерпретатором содержания нормативных предписаний, отражающих системные свойства права в целом и выраженного в них баланса индивидуальных, групповых и общечеловеческих интересов, для последующего использования на практике.

В связи с тем, что право может быть объективным (система нормативных предписаний, закрепленных в законодательстве) и субъективным (вид и мера возможного поведения субъекта права), уяснение объективного права и субъективного права будет различаться.

Уяснение права с точки зрения объективного права – познание интерпретатором норм права, обусловленных закономерностями общественного развития, особенностями исторического развития, национальной культуры, состоянием уровня законности и правопорядка. В данном случае в процессе уяснения приоритет получают объективные факторы, отражающие баланс индивидуальных, общественных и государственных интересов, и независящие от конкретного субъекта права.

Уяснение права с точки зрения субъективного права – познание особенностей реальной жизненной ситуации, личных интересов и вариантов поведения участников правоотношения.

Такое деление является важным, так как уяснение объективного права не будет иметь значения без возможности реализации субъективного права и его уяснения. Именно субъективное право дает возможность развития и совершенствования объективного права. Следовательно, уяснение объективного и субъективного права отражает различные аспекты назначения права, проявляющиеся по-разному, но дополняющие друг друга.

Уяснение права осуществляется всеми субъектами права, но на различном уровне. Уяснение, осуществляемое лицом на обыденном уровне, отличается от уяснения, осуществляемого квалифицированным юристом на профессиональном уровне. Профессиональное уяснение права может быть правореализационным, в том числе правоприменительным, и правотворческим. Субъекты права, осуществляющие уяснение права, отличаются квалификацией, методами ими используемыми, целями, результатом и иными характеристиками. Результат уяснения права независимо от вида его осуществления – умозаключение, не имеющее внешней формы выражения.

Уяснение права, в том числе определение баланса интересов на высоком уровне, позволяет поддерживать правопорядок и соблюдать законность на всех стадиях правореализационной и правотворческой деятельностях. Поэтому особое внимание следует уделять вопросам правовой природы, способам, средствам уяснения права в процессе обучения студентов юридического факультета, рассматривая с ними не только теоретические основы уяснения права, но и повышая их практические навыки в рамках изучения отраслевых дисциплин.

Таким образом, уяснение права – незаменимый основополагающий процесс, без которого существование и развитие права невозможно. В свою очередь, соблюдение и выявление баланса интересов индивидуальных, общественных, государственных – необходимое условие действия права, хотя следует иметь в виду, что достижение идеального баланса в праве является невозможным. Но стремление к поддержанию баланса интересов – одно из назначений права, позволяющих ему развиваться и совершенствоваться. Уяснение права, основанное на балансе интересов, способствует обеспечению стабильности, социальной действительности, соблюдению законности и правопорядка, а также повышению уровня правового сознания субъектов права.

Пристатейный библиографический список

1. Актуальные проблемы права: учебник для магистрантов / Под ред. В. Л. Кулапова. – Саратов, 2021. – С. 13.
2. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М., 2001. – С. 212.
3. Соловьев В. С. Оправдание добра. – М., 2012. – С. 532.
4. Шугуров М. В. Баланс и дисбаланс как категории правовой реальности: системно-синергетический подход // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1 (6). – С. 88-89.
5. Иеринг Р. Борьба за право. – М., 1874. – С. 12.
6. Лазарева О. В. Понятие и структура воли: правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 4 (129). – С. 46.
7. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник для вузов. – М., 2012. – С. 278.

МОХОРОВ Дмитрий Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент, директор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МИНКИНА Маргарита Валерьевна
преподаватель РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, полковник юстиции ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

ЛОББИЗМ КАК ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В статье раскрываются основные доктринальные подходы к правовому регулированию лоббизма в современной России, приводится ряд примеров к осуществлению такого правового регулирования. Авторы делают вывод о том, что лоббизм, являясь политико-правовым феноменом, по своей сущности во многом выражает степень экономических интересов, свойственных определенным социальным слоям, классам, группам населения. По мнению авторов, развитие форм и методов цивилизованного лоббизма, обеспечивающих легитимное взаимодействие структур гражданского общества и государства, способно в значительной степени нейтрализовать социальные предпосылки коррупции.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, проблемы, лоббизм, современность, Россия.

MOKHOROV Dmitriy Anatoljevich
Ph.D. in Law, director of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

MINKINA Margarita Valerjevna
lecturer of the RANEPA under the President of the Russian Federation, colonel of justice of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs for St. Petersburg and the Leningrad Region

LOBBYISM AS A LEGAL PHENOMENON OF ANTI-CORRUPTION

The article reveals the main doctrinal approaches to the legal regulation of lobbying in modern Russia, provides a number of examples of the implementation of such legal regulation. The authors conclude that lobbyism, being a political and legal phenomenon, in its essence largely expresses the degree of economic interests inherent in certain social strata, classes, and population groups. According to the authors, the development of forms and methods of civilized lobbying, which ensure legitimate interaction between the structures of civil society and the state, can largely neutralize the social preconditions for corruption.

Keywords: law, legal regulation, problems, lobbying, modernity, Russia.

В современных условиях особый акцент уделяется надлежащему функционированию государственных органов, в связи с чем актуальными являются практикоориентированные исследования, направленные на противодействие коррупции. Многочисленные научные статьи, диссертации предметом своего исследования ставят коррупцию как правовой феномен. Предлагаются многочисленные способы и варианты борьбы с данным асоциальным явлением, вплоть до введения смертной казни за совершения преступлений коррупционной направленности. В то же время история развития государственности говорит нам о том, что исключительно ужесточением карательных функций коррупцию победить нельзя. Финансовое наказание, такое как, штраф или конфискация имущества, полученного в ходе преступной деятельности тоже, не разрешает вопрос в целом. Как показывает международный опыт и научно-правовые изыскания противодействие коррупции — это комплексный общественно-государственный подход к системе борьбы с коррупцией. Комплексность подхода заключается в необходимости интегрального государственного взаимодействия в различных областях жизнедеятельности. Мы говорим о взаимосвязи формирования антикоррупционного мировоззрения (воспитание, образование, просвещение) с выверенной нормативно-правовой базой, системой мер ограничений и принуждений. Отдельно необходимо отметить и возможность нивелирования коррупциогенных проявлений путем легализации такого механизма как лоббизм, что однозначно даст возможность избежать многих проблем в государственном управлении и создаст предпосылки правового регулирования вопросов, разрешение которых в настоящее время (при существующем законодательстве) разрешить невозможно.

Определяя специфику и правовую основу формирования правового регулирования лоббизма в современной юридической доктрине и российском законодательстве, стоит отметить само определение лоббизма. При раскрытии термина «лоббизм» можно отметить его следующее определение: «лоббизм – это один из способов решения различных вопросов в пользу интересов групп через воздействие, давление на правительственные, законодательные органы, в целом органы государственной власти» [7], [8].

Лоббизм является достаточно частым и ярко выраженным явлением в современной системе формирования демократического общества и правового государства. Данный термин предполагает под собой не только оказание влияния на власть, но и отстаивание различными социальными группами субъектов определенных прав и

Рисунок 1. Правовое лоббирование в США.

интересов. Лоббизм предполагает ведение непрерывного диалога между обществом и государством, что в последующем формирует систему инструментов, позволяющих должным образом с правовой точки зрения регулировать данное явление. Также нельзя не сказать о том, что в современной системе российского законодательства именно лоббизм служит инструментом укрепления законности и общественного правопорядка, а также повышения уровня правового сознания и правовой культуры граждан и иных правовых субъектов [7].

Методологическую основу статьи составили общенаучные и частно-научные методы познания, которые включают в себя системный подход, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, анализ, синтез, дедукцию, индукцию, сравнительно-исторический метод, аналогию и другие методы научного познания.

Метод сравнения позволил установить основные аспекты, позволяющие сформировать систему правового регулирования лоббизма с научной точки зрения. Метод анализа установил особенности термина «лоббизм» и его трактовок различными учеными и правоведами. Основным правовым материалом для исследования темы настоящей работы выступает Конституция Российской Федерации.

Вопрос о правовом регулировании лоббизма на сегодняшний день достаточно остро обсуждается российскими исследователями и правоведами. В основном ученые приходят к выводам о том, что правовое регулирование лоббизма – это важная составляющая современного законодательства любого демократического государства. В рамках российского законодательства нет формально закрепленного определения лоббизма, однако лоббистская деятельность может быть обоснована путем исследования положений Конституции Российской Федерации [7].

Так, статья 33 данного правового акта устанавливает право граждан Российской Федерации на личное обращение, а также на правление индивидуальных или коллективных обращений в органы государственной власти и органы местного самоуправления [1]. В целом регулирование лоббизма находит свое отражение в ряде положений, закрепленных непосредственно Конституцией Российской Федерации. В этой связи исследование данных положений позволит сформировать основные аспекты осуществления правового регулирования лоббизма на уровне существующего на сегодняшний день российского законодательства.

Пункт 1 статьи 30 Конституции Российской Федерации устанавливает право граждан на объединение и на создание профессиональных союзов для осуществления защиты их интересов. Также в данной правовой норме содержится положение, согласно которому граждане имеют право на свободу деятельности сформировавшихся объединений. Нельзя не отметить пункт 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации. Данная правовая норма регламентирует право граждан на защиту прав и свобод всеми способами, не запрещенными действующим законодательством государства [1].

Помимо того, что правовое регулирование лоббизма отражено в данных аспектах, нельзя не отметить и то, что лоббизм находит свое отражение в правовых актах субъектов Федерации. Такое отражение возможно рассмотреть через призму правовых норм, регламентированных Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ. Положения данного правового акта устанавливают, что уполномоченные федеральные органы государственной власти обязаны осуществлять информационное взаимодействие с правотворческими органами субъектов Федерации с целью выражения интересов соответствующих организаций в процессе осуществления правотворчества в рамках конкретного субъекта Федерации [2].

Часть примеров, которые зачастую приводят исследователи в процессе рассмотрения лоббизма и его правового регулирования, приводят к выводу, что лоббистская деятельность представляет собой определенного рода проявление коррупции. Однако это вовсе не так. Именно поэтому исследование правовых факторов, влияющих на данную деятельность, возможно лишь путем должного формирования тех правовых основ, в связи с которыми регламентируются правовые инструменты для осуществле-

ния правового регулирования лоббизма и его проявления [3], [6].

Здесь необходимо обратиться к мировому опыту. Лоббизм давно существует во многих странах и наряду с позитивными тенденциями данного механизма имеются и проблемы, такие как «теневой лоббизм». Это неизбежный элемент соотношения лоббизм-коррупция и отличается от лоббизма тем, что уже входит в квалификацию коррупционной деятельности.

Детальная структура и профессионализация лоббирования сосуществуют со значительным сектором «теневого лоббирования». Стремление формализовать и институционализировать отношения бизнеса и власти в США вытекает из последней и носит реактивный характер [9], [5].

Для примера приводим статистику правового лоббирования в США и организации их осуществляющие (рис. 1) [9].

Необходимо отметить, что лоббирование носит законную деятельность, находящуюся под контролем государства и приносящую налоги.

Рассмотрев вопросы о правовом регулировании лоббизма, стоит ответить на вопрос – стоит ли осуществлять правовое регулирование лоббизма в России? Отвечая на этот вопрос, стоит сказать, что осуществление правового регулирования в современной России необходимо и неотъемлемо от современной системы российского общества.

Но осуществление правового регулирования лоббизма предполагает применение ряда инструментов, посредством которых возможно добиться развития законодательства в данной области. Прежде всего, правовое регулирование лоббизма предполагает под собой становление законодательства, регулирующего государственную службу. Через призму регулирования государственной службы возможно наладить систему осуществления правового регулирования лоббизма [4], [6], [7]. Многие правоведы выносят обоснованные предложение по необходимости издания закона о лоббизме.

Лоббизм, являясь политико-правовым феноменом, по своей сущности во многом выражает степень экономических интересов, свойственных определенным социальным слоям, классам, группам населения. Развитие форм и методов цивилизованного лоббизма, обеспечивающих легитимное взаимодействие структур гражданского общества и государства, способно в значительной степени нейтрализовать социальные предпосылки коррупции [8].

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144 (8198).
2. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 7. – Ст. 2876.
3. Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6.
4. Бятец М. В. Лоббизм в правотворческой деятельности // Правоведение. – 2022. - № 1. - С. 47–55.
5. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1 (64). – С. 13-15.
6. Сальников В. П. Коррупционные отношения: процесс институализации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2014. – С. 113-120.
7. Сальников В. П., Зекрист Р. И., Кэмпбелл Ян. Проблема генезиса коррупции как общественно- исторического феномена: социальные и этико-правовые аспекты // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 10. – С. 189-197.
8. Мохоров Д. А. Лоббизм как социально-правовой феномен современного общества // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 5. – С. 189-195.
9. Мурзабеков Р. А. Основные модели правового регулирования лоббизма и практика лоббирования в разных странах // Актуальные исследования. – 2023. – № 3 (133). – Ч. I. – С. 89-93 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://apni.ru/article/5427-osnovnie-modeli-pravovogo-regulirovaniya-lobb (дата обращения: 29.08.2023).

БУКАНОВА Роза Гафаровна
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России

БАЙНАЗАРОВ Ирандык Наилович
кандидат исторических наук, доцент кафедры физической культуры, заместитель декана мореходного факультета Камчатчатского государственного технического университета

СИБИРЬ В ЭПОХУ ПЕТРА I*

В данной статье авторы рассматривают историю административных преобразований в Сибири в эпоху Петра I. Отмечается, что попытка установления упорядоченной системы управления Сибирью преследовала своей целью оптимизацию налогообложения, включение обширных пространств Сибири в общероссийский хозяйственный оборот. Урбанистическая система и опора на служилую бюрократию, заложенные в основу губернской реформы Петра I, как в Сибири, так и в остальных регионах России, сохранились до наших дней. В этом, по мнению авторов, заключается актуальность данной темы. Отмечается, что при всем стремлении Петра установить тотальный контроль над новообразованными губерниями, Сибирь длительное время оставалась самоуправляемой территорией, административные реформы первой четверти XVIII века носили там незавершенный характер.

Ключевые слова: Сибирь, реформы, административный, территориальный, отечественный, население, регионы.

BUKANOVA Roza Gafarovna
Ph.D. in historical sciences, professor, professor of History and theory of state and law sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

BAYNAZAROV Irandyk Nailovich
Ph.D. in historical sciences, associate professor of Physical education sub-faculty Deputy Dean of the Nautical Faculty of the Kamchatka State Technical University

SIBERIA IN THE EPOCH OF PETER I**

In this article the authors consider the history of administrative transformations in Siberia in the era of Peter I. It is noted that the attempt to establish an orderly system of management of Siberia was aimed at optimizing taxation, the inclusion of the vast areas of Siberia in the all-Russian economic circulation. The urban system and reliance on bureaucracy, which formed the basis of the provincial reform of Peter I, both in Siberia and in the rest of Russia, have survived to this day. This, according to the authors, is the relevance of the topic. It is noted that despite Peter's desire to establish total control over the newly formed provinces, Siberia has long remained a self-governing territory, administrative reforms of the first quarter of the XVIII century were incomplete there.

Keywords: Siberia, reforms, administrative, territorial, domestic, population, regions.

Сибирь занимает особое место в российской истории. Несмотря на то, что сибиреведение является одним из важнейших и хорошо изученных направлений отечественной историографии, оно не всегда вписывается в общую палитру общероссийской истории. То есть, политические, экономические и социально-культурные реалии, активно внедряемые в Сибири с начала ее освоения, всегда отличались от аналогичных процессов в европейской части России. Ученые объясняют этот феномен природно-географическими и этносоциальными факторами: обширностью территории, удаленностью от центра и сложной этнической структурой населения, что, безусловно, нашло отражение в сохранении на протяжении столетий определенной автономии и разветвленной системы управления.

Россия вышла за пределы Волги и Урала в конце XVI в. Зримыми координатами дальнейшего продвижения на восток и юго-восток стали города-крепости Самара, Уфа и Тюмень, возведенные в 1586 г. – они фактически стали передовыми укрепленными пунктами, откуда началось усиление и расширение политического влияния России на Ногайскую орду, Башкирию и Сибирь.

В XVII веке шло интенсивное освоение Сибири. За время царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, было заселено русскими людьми более 150 тысяч кв. миль – все пространство от Уральских гор до Тихого океана. Однако на этом огромном пространстве, как заметил М. К. Любавский, было «разбросано только около 40 русских колоний, т.е. городков и острожков с окружающими их поселками» [1, с. 239]. Возникла необходимость установления элементарного правительственного надзора над обширной новоприобретенной территорией и организации управления разнородным населением. В этой ситуации, очевидно, естественным образом сложился особый статус Сибири как административной единицы с особым режимом управления. Административным центром Сибири стал основанный в 1587 г. Тобольск.

Впоследствии поступательное движение русских в Сибири приостановилось и возобновилось только в конце XVII столетия, при Петре I. В петровскую эпоху шло интенсивное расширение территории Российской империи не только на западном и южном направлениях, но и на дальнем Востоке. Был освоен южный берег Камчатки, в Восточной Сибири русские поселки охватили почти всю Томскую губернию и продвинулись до самого Иртыша на запад, – пишет указанный автор. В 1709 г. построен был Бийск, в 1714 г. – Ямышевская крепость, в 1716-1720 гг. воздвигнуты были Омская, Железинская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости на р. Иртыше [1, с. 241].

В связи с тем, что коренное население Сибири было разбросано по необъятному пространству Восточной Сибири и они, как пишет М. К. Любавский, «занимались такими промыслами, которые не позволяли им скучиваться» [1, с. 239], каких-либо внутренних границ, унаследованных от прежних правителей, не осталось, хотя у них существовала своя внутренняя система управления. До начала XVIII в. Сибирь управлялась исключительно через Сибирский приказ. В связи с делением Сибири на разряды и уезды, назначались разрядные и уездные воеводы, которые отчитывались перед Сибирским приказом. Четкого разграничения полномочий между ними не было. В отличие от европейской части России, воеводы имели неограниченные полномочия, включая и решение возникающих пограничных и внешнеполитических задач. Да и в самой России в допетровской время четкого разделения страны на административные округа не было. Уезды, представлявшие собой включенные в состав России исторически сложившиеся территории, отличались размерами,

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-49-720013 р_а_Тюменская область.
** The study was carried out within the framework of the grant RFI 20-49-720013r_a_ Tyumen region.

численностью и составом населения, и, соответственно, были трудноуправляемыми.

В результате петровских реформ в системе государственного управления – упразднения приказов и создания коллегий, а также административной реформы – начался новый импульс в развитии Сибири. Все земли к востоку от р. Волги, подведомственные приказу Казанского Дворца и Сибирскому приказу, ни в политико-правовом, ни в социально-экономическом отношениях еще не были интегрированы с общей системой государственно-бюрократического аппарата России. «Указ об учреждении губерний и о росписании к ним городов» от 18 декабря 1708 г. коренным образом изменил систему государственного управления на всей территории России, охватив своим действием и окраинные территории страны. В результате петровской реформы все это обширной пространство фактически было поделено между двумя губерниями: Казанской и Сибирской. Сибирская губерния оказалась самой обширной. Она включала в себя всю территорию Сибири вплоть до Дальнего Востока, Средний Урал, Зауралье и частично Вятские и Пермские земли. В начале XVIII в. к Сибирской губернии относились города: «Тоболескъ, Енисейскъ, Илимской, Тара, Березовъ, Сургутъ, Тюмень, Томской, Мангазея, Иркутской, Кузнецкой, Туринскъ, Нарымъ, Верхотурье, Якуцкой, Нерченской, Красной Яръ,Пелым, Кецкой» [2, с. 438].

Одновременно происходят изменения в управлении Сибирью. Сибирский приказ постепенно утрачивает свое значение, он был преобразован в Московскую канцелярию Сибирской губернии. Таким образом, уже в первые годы восемнадцатого столетия управленческие функции приказа перешли к сибирским властям, которые в основном занимались поставкой меха. В 1710 г. Сибирский приказ был упразднен. Общее управление всей территорией России было сосредоточено в Сенате.

Важным принципом нового административно-территориального устройства явилась опора на служилую бюрократию. Губернаторы были наделены чрезвычайными полномочиями: каждый из них не только имел административные, полицейские, финансовые и судебные функции, но и являлся командующим всех войск, расположенных в подведомственной ему губернии. При этом в управлении национальными окраинами (Прибалтика, Левобережная Украина, Башкирия, Сибирь и др.) были сохранены некоторые исторически сложившиеся элементы местного самоуправления [3, с. 4-6].

Следует отметить, что административно-территориальная реформа Петра I преследовала, прежде всего, следующие цели: укрепление аппарата государственной власти на местах, создание эффективной системы сбора налогов, расписание полков русской армии по губерниям для их содержания – словом, чтобы «о денежных сборах и о всяких делах присматриваться» [2, с. 436]. Восемь губернаторств в основном соответствовали старинным военным и финансовым округам.

На практике оказалось, что губернии слишком велики и неудобны для управления. При обширности территории страны и естественном разнообразии экономического уклада и этносословного состава населения петровская реформа не могла привести к ожидаемым результатам. Поэтому некоторые заложенные в основу губернской реформы принципы неоднократно пересматривались. Например, с 1715 г. все губернии должны были быть поделены на фискальные округа – доли под управлением ландратов. Впоследствии доли были заменены провинциями, а вместо уездов учреждались дистрикты. Это также диктовалось экономическим интересом: дистрикиты представляли собой фискальные округа, с которых собиралась подушная подать на содержание приписанных к губернии воинских частей. В Сибири же старая сеть уездов в целом сохранила свое положение [4, с. 29].

В 1719 г., в России вводится новое административное деление. По именному указу от 29 мая 1719 г. «Об устройстве губерний и об определении во оныя правителей» вместо 8 прежних губерний учреждается 10, определяется протяженность и местоположение губерний, и, в целях сбора податей, устанавливается количество в них посадских и крестьянских дворов [5, с. 701-709].

В Сибири эта очередная реформа, как можно судить по приведенному указу, носила незавершенный характер. Во-первых, в Сибирскую губернию были включены новые провинции: Вятская (г. Вятка с пригородами, Кай городок и Кунгур), а также Соликамская (г. Соль Камская, Пермь Великая и Чердынь), во-вторых, вся территория самой Сибири еще не была разделена на провинции. Просто перечислены сибирские города: Тобольск, Тюмень, Тара, Верхотурье, Туринск, Пелым, Березов, Сургут, Нарым, Кецк, Томск, Кузнецк, Енисейск, Красноярск, Мангазея, Илимск, Иркутской, Якуцк, Нерченск. Роспись сибирских городов по провинциям было поручено губернатору. «Той Сибирской Губернии велено Сибирскому губернатору Господину Князю Черкаскому росписать на три провинции» [5, с. 709]. И только к середине 20-х годов XVIII в. определяется структура собственно Сибирской губернии в составе трех провинций: Тобольской, Енисейской и Иркутской [6, с. 12].

В результате так называемой «второй областной реформы» Петра 1719 года Сибирская губерния была поделена на 5 провинций и 8 дистриктов. Это: новоприсоединенные Вятская и Соликамская провинции, а также три провинции самой Сибири – Тобольская, Енисейская и Иркутская. В провинциях было сосредоточено большинство местных учреждений. Общее руководство провинциями осуществляли воеводы, которые ведали всеми вопросами за исключением военных и апелляционных дел, по которым они подчинялись губернаторам. В подчинении воевод находились: Воеводская канцелярия, Камерирская контора, Крепостная контора, Магистрат, состоящий из бургомистров и ратманов, Таможня, Кабацкая контора, Конская изба и другие службы. В штате провинциальных канцелярий были такие чины как секретарь, канцеляристы, писари, копиисты, надзиратели, камериры, казначеи-рентмейстеры, земские комиссары, обер-ландрихтеры и ландрихтеры, фискалы, надсмотрщики, сторожи и др. В крупных провинциальных городах находились епархии. При архиерейских домах находились архиерейские дети боярские, разные церковные служители, а также были приписаны крестьянские и бобыльские дворы.

Главенствующую роль в Сибирской губернии играла Тобольская провинция. В 20-х гг. XVIII века кроме губернского города Тобольска на ее территории находились Верхотурье, Тюмень, Тара, Туринск, Пелым, Сургут, Березов, а также существовали Обдорский острожек, и новопостроенные крепости Омская, Железенская, Ямышевская, Семиполатная и Устькаменская.

В 1727 г. Вятская и Соликамская провинции из Сибирской губернии были переданы в состав Казанской губернии, но это почти не изменило особого положения Западной Сибири, которая имела огромное значение для проникновения русского торгового капитала в Сибирь и обеспечения торговли с Китаем [4, с. 28-29].

Таким образом, в первой четверти XVIII века впервые в России была создана упорядоченная система административно-территориального деления Сибири, основные принципы которого сохранились до наших дней. Впоследствии, по мере развития и расширения административных функций городских поселений, территории этих губерний неоднократно перекраивались вплоть до второй половины XIX века.

Пристатейный библиографический список

1. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. - СПб.: Издательство «Лань», 2000. - 304 с.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. / Под ред. М. М. Сперанского. - СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1830. - Т. IV. - № 2218.
3. Буканова Р. Г., Баранова Е. С. Феномен персистентности в проведении губернской реформы Петра I в Урало-Сибирском регионе // Аграрное и земельное право. - 2022. - № 10 (214). - С. 4-6.
4. Редин Д. А. Государственное управление на Урале в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.): автореф. дис. … докт. ист. наук: 07.00.01. - Екатеринбург, 2007. - 51 с.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. / Под ред. М. М. Сперанского. - СПб.: Тип. II Отд. Собств. ЕИВ Канцелярии, 1830. - Т. V. - № 3380.
6. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.) / Под ред. В. П. Петровой. - Тюмень: ООО «ТюменНИИГипрогаз», ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. - 304 с.

ГАЛИЕВ Радик Минигараевич
студент 1 курса Мореходного факультета Камчатчатского государственного технического университета

БАЙНАЗАРОВ Ирандык Наилович
кандидат исторических наук, доцент кафедры физической культуры, заместитель декана Мореходного факультета Камчатчатского государственного технического университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЮЖНОГО УРАЛА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

В традициях коренного народа Южного Урала – башкир, заложены все необходимые для воспитания молодежи основы и ценностные принципы, которые складывались на протяжении длительного исторического периода. В традиционной башкирской культуре есть устоявшиеся традиции, которые могут и должны быть задействованы сегодня в процессе формирования современной молодежной культуры. Одной из них является традиционная поясная борьба – корэш, корэш – является популярным видом состязаний сегодня не только у башкир и татар, но и у многих тюркских народов.

Ключевые слова: исторические традиции, башкиры, молодежная культура, поясная борьба, корэш.

GALIEV Radik Minigaraevich
student of the 1st course of the Nautical Faculty of the Kamchatka State Technical University

BAINAZAROV Irandyk Nailovich
Ph.D. in historical sciences, associate professor of Physical education sub-faculty Deputy Dean of the Nautical Faculty of the Kamchatka State Technical University

HISTORICAL TRADITIONS OF THE SOUTHERN URALS AS A BASIS FOR FORMING YOUTH CULTURE

In the traditions of the indigenous people of the Southern Urals – the Bashkirs, all the foundations and value principles necessary for the education of young people have been laid down.over a long historical period.In the traditional Bashkir culture, there are well-established traditions that can and should be involved today in the process of forming a modern youth culture. One of them is the traditional belt wrestling – koresh, koresh – is a popular type of competition today not only among the Bashkirs and Tatars, but also among many Turkic peoples.

Keywords: historical traditions, Bashkirs, youth culture, belt wrestling, Koresh.

В традициях башкирского народа Южного Урала – башкир заложены все необходимые для воспитания молодежи основы и ценностные принципы, поэтому исследователям так важно изучать их исторические традиции.

В традиционной башкирской культуре есть множество духовных ценностей и устоявших традиций, которые могут и должны быть задействованы в полной мере сегодня, когда речь идет о формировании современной молодежной культуры народа. Остановимся на одной из них – поясной борьбе корэш. Не только у башкир и татар, но и у многих тюркских народов, одним из самых популярных видов состязаний была и остается поясная борьба.

Этот вид спорта сегодня пользуется большой популярностью среди молодежи не только Республике Башкортостан, но и во всем тюркском мире. Он привлекателен для молодежи, формирует их ценностные устои, и является одним из наиболее действенных способов оказывать благотворное влияние на умы и сердца молодежи.

Известно, что поясная борьба, как и другие виды борьбы народов, в том числе сформировавшихся на просторах Южного Урала, имеет глубокие исторические традиции. Корэш переводится с башкирского языка как борьба, точно такое же обозначение оно имеет и в чувашском языке – «керешу», в казахском – «курес», в киргизском – «куреш», в тувинском – «хуреш», в турецком – «пореш», в туркменском «гореш», в узбекском – «кураш», в якутском – «курдацан тустуу» и т.п. - эти слова тюркского происхождения. Свое начало эти виды борьбы берут с древнетюркской борьбы. И каждый из народов в различные исторические эпохи приспособил состязания по борьбе к своим обычаям и традициям, при этом создавая и разрабатывая различные способы достижения победы над соперником.

В древнетюркском обществе это было не просто зрелищное состязание, но и боевое искусство, применительно для боевых действий [1, с. 141]. Со временем она видоизменилась и приобрела состязательный характер. Так как был введен запрет на применение боевых приемов, поэтому исчезла и надобность в некоторых функциях национальных видов борьбы, которые были свойственны в более ранний период.

Поясная борьба претерпела определенные изменения, связанные с техникой выполнения приемов, тактикой ведения поединка и, конечно же, самих правил проведения состязаний. Что же касается пояса, то он и сегодня, как и в старину, является элементом одежды борцов во многих видах национальной борьбы тюркских народов. Каждый из этих видов борьбы имеет свои правила, некоторые из них схожи, другие в процессе взаимодействия культур приобрели дополнительные правила, а также произошло дополнение существующих приемов, приобретение новых и т.п.

Остановимся на некоторых сведениях из истории и особенностях башкирского корэш. Согласно башкирскому устному народному творчеству, в древности борцы боролись с завязанными кушаками, с течением времени это правило изменилось. В работах авторов XVIII—XIX вв. отмечается тот факт, что борцы в борьбе корэш кушак не завязывают вокруг пояса, а накидывают на спину друг друга, от плечевого пояса до поясницы. Во время поединка нельзя было отпускать концы кушака, каждый из соперников концы своего кушака наматывал на свои руки. Запрещалось делать подножки, зацепы и подсечки. Эти основные правила борьбы корэш сохранились и до наших дней. Некоторые приемы, которые были присущи корэш в древности, не применяются в современном корэш, так как они запрещены правилами современного корэш и несовместимы со спортивной направленностью. Но,

между тем, спортивный корэш сохранил традиционность древнего борцовского башкирского искусства. И в древности для корэш были характерны приемы, связанные с отрывом противника от земли и с последующим тем или иным броском. Данные правила сохранились в современности, чистая победа засчитывается борцу, если он, оторвав противника от ковра, бросил его спиной (обеими лопатками) на ковер любым из разрешенных приемов.

В дореволюционное время состязания по борьбе корэш проводили башкиры на таких праздниках: как на йыйынах, майданах, сабантуях и поминальных торжествах [2, с. 342].

Большое внимание уделяется процессу развития и возрождения национальных видов спорта как в городах Башкортостана, так и на селе. В районах республики разрабатываются программы сабантуев, основу которых, как и в давние времена, составляют силовые и развлекательные игры. Советская эпоха наложила свой отпечаток на национальный башкирский праздник сабантуй. Сегодня, как и в советские времена проводятся состязания не только в национальных видах спорта и поясной борьбе корэш.

Поясная борьба корэш в 2013 году включена во второй раздел всероссийский реест видов спорта и стала общероссийским видом спорта. Развитием вида спорта корэш в России занимается Федерация корэш России. Победителям и призерам Чемпионатов России, Кубка мира, Чемпионатов мира присваивается звание кандидатов в мастера, мастеров, заслуженных мастеров спорта России.

По технике исполнения приемов и правилам проведения соревнований такие виды национальной борьбы, как башкирская по своим правилам близки к ним и некоторые виды национальной борьбы тюркских народов – это, прежде всего, казахский «курес», киргизская «куреш» (южный вариант), узбекский «кураш» (по ферганским правилам), а также национальная борьба калмыков «ноолдан».

С апреля 2003 года стал поворотным моментом в развитии поясных национальных видов борьбы.

18 апреля 2003 года в Москве состоялась учредительная конференция по созданию Всероссийской Федерации борьбы на поясах. Участие в Конференции приняли представители семи федеральных округов Российской Федерации. Президентом Всероссийской Федерации борьбы на поясах единогласным решением был избран мастер спорта международного класса, кандидат педагогических наук, заслуженный тренер России Риф Фаткылбаянович Гайнанов.

«Я (Р. Гайнанов - *прим. автора*) пытался объединить во Всероссийскую общественную организацию местные федерации борьбы, ведь необходимо систематизировать отношения между центрами, где культивируется этот вид спорта, наладить между ними связь. В России проживает более ста сорока национальностей, и у каждого народа есть свой вид борьбы. У народов Поволжья эта борьба называется башкиро-татарской. Она имеет глубокие корни, насчитывает боли двух тысяч лет истории. На сабантуях, праздниках плуга, после окончания весенних полевых работ проводились и проводятся состязания по борьбе на поясах. Похожая борьба есть на Кавказе, например, в Карачаево-Черкесии. Там она называется тутуш, у якутов - хапсагай, у алтайцев - куреш. Это национальная борьба тюркских народностей, проживающих по всей России и за ее пределами. Но уже сейчас она теряет национальные ограничения и становится межкультурным явлением».

В содержание борьбы на поясах входит проведение приемов из стойки (кроме переводов) с захватом за пояс. Цель - бросить, свалить соперника на ковер или накрыть его. Соревнования по поясной борьбе проводятся в двух стилях - классическом и вольном. Отличия вольного стиля от классического в том, что в первом случае разрешается проводить приемы ногами. В последующем была образована Международная федерация борьбы на поясах Алыш.

Международная федерация борьбы на поясах Алыш объединяет на добровольных принципах национальные федерации и спортивные объединения, которые культивируют народные виды борьбы, имеющие многовековые традиции в своем развитии.

Несмотря на некоторые различия в правилах соревнований в спортивной форме, члены МФБП Алыш на официальных соревнованиях выступают по единым правилам, которые наиболее приемлемы для всех членов федерации, входящих в ее состав. Сегодня более ста стран мира имеют свои народные виды борьбы, а по посещаемости они лидеры среди других видов спорта. Ярким примером являются соревнования, проводимые по народным видам борьбы в Австрии, Грузии, Иране, Киргизии, Узбекистане, Швейцарии, России, собирающие на трибунах десятки тысяч зрителей. Вместе с тем, надо отметить, что ряд представителей народных видов борьбы успешно выступают в олимпийских дисциплинах на официальных международных соревнованиях и завоевывают медали.

На соревнованиях, проводимых МФБПА, спортсмены выступают в единой форме, состоящей из куртки синего или зеленого цвета и брюк белого цвета. Поверх куртки повязывается пояс. Борцы захватывают в положении стоя друг друга за пояс окрестным захватом и из этого положения начинают борьбу. В борьбе на поясах разрешены все действия, способные перевести противника из положения стоя в положение лежа, при обязательном условии - борцы должны не отпускать захват. Борьба ведется только в положении стоя. Чистую победу одерживает тот спортсмен, который бросает своего соперника на большую часть спины.

В основу классического стиля поясной борьбы принята национально-башкирская борьба корэш, запрещается проводить приемы ногами (зацепы, подножки, подсечки). В вольном стиле принята казахская борьба в курес. Можно сказать, что башкирская и казахская поясная борьба корэш получила международное признание. Она прошла длительный путь в своем развитии, прежде чем вышла на международный уровень.

Таким образом, приведенные сведения о поясной борьбе башкир подтверждают тот факт, что ее сегодняшняя популярность, особенно среди молодежи, обусловлена историческими традициями народа. Ярким свидетельством тому являются знаменательные события из спортивной жизни Башкортостана. Прежде всего, корэш признаны международным спортивным сообществом. И только за последние десятилетия были проведены крупные международные соревнования, в которых активное участие приняли борцы субъектов Российской Федерации и стран ближнего зарубежья.

Пристатейный библиографический список

1. Байназаров И. Н., Сулейманова М. Н., Игдавлетов И. С., Фешкин В. Н. Общие и особенные правовые аспекты вхождения в состав Российского государства Башкортостана и Западного Казахстана // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 1. - С. 141-143.
2. Байназаров И. Н., Газизов Р. Р., Сулейманова М. Н., Фешкин В. Н. Формирование этноконфессионального состава населения Республики Башкортостан (некоторые аспекты проблемы) // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 3. - С. 342-344.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-62-64

ДАНИЛОВ Вячеслав Леонидович
кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии Факультета истории, теологии и международных отношений Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского

ЗАЩИТА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: МЕЖДУ СВОБОДОЙ ВЫРАЖЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯМИ

В статье проводится анализ правоприменительной практики последних лет по защите религиозных прав и свободы слова в России. Статья освещает проблемы, связанные с ограничением свободы слова верующих людей и конфликтом между ст. 29 «Гарантия свободы мысли и слова» и ст. 28 «Гарантия свободы совести и вероисповедания» действующей Конституции РФ. Автор анализирует историческое развитие законодательства, начиная с советской эпохи, и приводит примеры судебных прецедентов, которые имели влияние на изменение законодательства в отношении защиты религиозных прав и свободы вероисповедания. Особое внимание уделено изменениям в уголовном и административном законодательстве, которые усилили ответственность за оскорбление религиозных чувств. Данная статья критически оценивает последние изменения в законодательстве и указывает на расхождения с конституционными положениями и международными обязательствами, принятыми РФ. Заключение статьи определяет понятие «религиозные чувства» и их значение в контексте свободы вероисповедания.

Ключевые слова: религиозные права, свобода слова, ограничение прав, свобода вероисповедания, судебная практика, законодательство, религиозные чувства, оскорбление религиозных чувств, уголовный кодекс, административный кодекс, конституция.

DANILOV Vyacheslav Leonidovich
Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theology, philosophy and cultural studies sub-faculty of the Faculty of History, Theology and International Relations of the F. M. Dostoevsky Omsk State University

RELIGIOUS PROTECTION: BETWEEN FREEDOM OF EXPRESSION AND RESTRICTIONS

This scientific article analyzes the judicial practice of recent years on the protection of religious rights and freedom of speech in Russia. The article highlights the problems associated with the restriction of freedom of speech of believers and the conflict between Art. 29 "Guarantee of freedom of thought and speech" and Art. 28 "Guarantee of freedom of conscience and religion" of the current Constitution of the Russian Federation. The authors analyze the historical development of legislation since the Soviet era and give examples of judicial precedents that have had an impact on changing legislation in relation to the protection of religious rights and freedom of religion. Particular attention is paid to changes in the criminal and administrative codes, which increased the responsibility for insulting religious feelings and practicing religion. This article critically assesses recent changes in legislation and points out discrepancies with constitutional provisions and international obligations adopted by the Russian Federation. The conclusion of the article defines the concept of "religious feelings" and their meaning in the context of religious freedom.

Keywords: religious rights, freedom of speech, restriction of rights, freedom of religion, judicial practice, legislation, religious feelings, insult to religious feelings, criminal code, administrative code, constitution.

Судебная практика последних лет все чаще сталкивается с рассмотрением дел на предмет нарушения прав верующих людей и ограничением права свободы слова в рамках таких дел. Камнем преткновения в таких делах становятся диспозиции двух статей действующей Конституции РФ – ст. 29 «Гарантия свободы мысли и слова» и ст. 28 «Гарантия свободы совести и вероисповедания».

Высший закон страны в равной степени гарантирует гражданам (независимо от их статуса), как беспрепятственное формирование и выражение своих убеждений и мнений, так и свободу выбора и распространения своих религиозных убеждений [1].

Следует отметить, что советская судебная система не знала подобных практик, т.к. с 1917 г. церковь была отделена от государства, а с 1958 года по решению ЦК было развернуто активное пропагандистское наступление на религиозные пережитки советских людей [6].

Нападки на церковь прекратились лишь в 1990 г., когда появился закон «О свободе вероисповеданий», но до второго десятилетия XXI века в судебной практике прецедентов по защите прав верующих не имелось. В 1997 г. в РФ был принят Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», который был призван регулировать права граждан на свободу вероисповедания, а также особенности гражданско-правового положения религиозных объединений.

В 2013 году в российском административном и уголовном праве появилась ответственность за оскорбление религиозных чувств граждан [12]. Предпосылкой к изменениям в законодательстве явились события 2012 г, когда российская феминистская панк-рок-группа «Pussy Riot» организовала несанкционированную акцию в Храме «Христа Спасителя» под названием «панк-молебен» – «Богородица, Путина прогони!» [11]. Служители церкви и прихожане не позволили им реализовать свои цели. Все участницы группы были задержаны и признаны виновными по ст. 213 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) «Хулиганство». Данный случай породил моральный запрос общества на внесение в российское законодательство соответствующих изменений.

В УК РФ статья 148 «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания» была преобразована в «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», в которой под нарушением прав на свободу вероисповедания законодатель понимает публичные неува-

жительные действия, оскорбляющие религиозные чувства верующих [2].

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) были ужесточены наказания по ст. 5.26 за умышленное публичное осквернение, порчу или уничтожение религиозной атрибутики (литературы, предметы, знаки, эмблемы и т.д.), а также воспрепятствования реализации права на вероисповедание. Кроме того, в 2016 г. диспозиция данной статьи была расширены путем внесения в нее новых требований, затрагивающих ведения религиозной деятельности организации [3].

Принятия новых требований в законе по защите религиозных прав вызвало немало споров в научных кругах. Так, например, И. В. Понкин, указывает на то, что, защита религиозных чувств – это прямая обязанность современного правового демократического государства [10], А. А. Исаева отметила нецелесообразность изменений в законе, т.к. они противоречат конституционным положениям и международным обязательствам, принятых РФ [7].

На наш взгляд, защита религиозных прав является необходимостью в современной многонациональной России, однако принятые в законодательстве изменения не раскрывают такого понятия, как «религиозные чувства». В рамках православия к религиозным чувствам относится стремление человека к Богу. Религиозные чувства формируются и раскрываются в человеке в процессе религиозно-нравственной деятельности. С позиции философии, исследуемое понятие «религиозные чувства» рассматривается, как эмоциональное отношение верующих к Богу и связей с ним во всех их проявлениях [5]. Следовательно, к религиозным чувствам следует отнести: веру и любовь к Богу, надежду на Бога, благоговение, благодарность, преданность и почитание Бога, смирение перед Богом, и т.д.

В этом случае возникает двойственная ситуация. В случаях, когда верующего человека уличили в неблаговидном поступке, а по его личному убеждению, он действовал во имя Бога, можно ли будет утверждать, что его религиозное право было нарушено? Или как быть в том случае, если действия верующего по его вере являются традицией (обычаем), а за пределами его государства и в рамках другой веры – данный поступок является недопустимым или даже преступным. Например, в некоторых странах до настоящего времени существует обычаи выдачи девушек замуж в малолетнем возрасте. Другой пример – многоженство. Может ли мусульманин в России жениться сразу на 4-х женщинах? Ведь запрет на многоженство в России мусульмане могут расценить, как нарушение их религиозных прав.

В 2014 году протодиакон А. Кураев отмечал, что есть люди, которые считают оскорблением крестовину в раковине. По их понятиям на крест Спасителя смывается грязь, и делают эти крестовины враги Христа и слуги антихриста. Автор задается правомерным вопросом о том, как определить степень адекватности носителей «традиционной религии». Данный пример хорошо раскрывает проблему российского законодательства относительно религиозного права граждан. Имея порой чрезмерную зацикленность на своих религиозных чувствах и вероисповедании, носители религии могут буквально каждое действие подвести под оскорбления их веры. Короткая юбка на мимо проходящей девушке, наличие трех шестерок в цифровом коде, танцы на пилоне, костюм болеро и т.д. – все это верующим человеком может быть истолковано, как оскорбление его религиозных чувств и нарушение заповедей Божьих.

Поэтому, на наш взгляд существует необходимость в определении четких границ осуществления свободы вероисповедания, которая должна поспособствовать выявлению более ясного понимания понятия публичных неуважительных действий к верующим, а также обозначить четкие границы такого понятия, как «религиозные чувства».

Анализ юридических аспектов соотношений религиозных прав и права на свободу слова показал, что согласно действующим требованиям ст. 148 УК РФ уголовно-правовая защита распространяется лишь на общественные объединения, зарегистрированные в качестве юридического лица, и обряды (богослужения, крещение, венчание, причастие, исповедание и т.д.), которые не запрещены законом. Следовательно, различного рода негативные высказывания в адрес незарегистрированных религиозных объединений и относительно псевдорелигиозных обрядов, не подлежат преследованию со стороны закона.

В соответствии с требованиями статьи 5.26 КоАП административная ответственность возникает в том случае, когда человек словом (устно или письменно) осквернил объекты (предметы) религиозного почитания. Под «осквернением» следует понимать – унизительное отношение к предметам вероисповедания, подвергание их ругани, порочение, опозорение и т.д. [9].

Исследования А. А. Клишаса показали, что нередко интерпретация священных писаний и событий, носит оскорбительный характер для значительного числа граждан, придерживающихся классических религиозных догматов, что и разрушает сложившийся в правовой системе баланс между свободой слова и конфессиональной свободой [8].

Автор данного подхода, считает, что злоупотребления правом на свободу слова порождает нарушения религиозного права. Этим высказыванием автор устанавливает границу дозволенности свободы слова, которая указывает на то, что свобода слова относительно религии допустима ровно до того момента, пока его использование (в любой форме) не унижает достоинство носителей религии: как верующего человека, так и религиозных предметов. И причиной тому является не ограничение по религиозным признакам, а факт сам осквернения.

На наш взгляд, в понятии «оскорбление чувств верующих» ключевым термином является – оскорбление, которое согласно ст. 5.61 КоАП РФ следует рассматривать, как «унижение чести и достоинства» личности другого человека, а оскорбление чувств верующих, следует рассматривать, как оскорбление по признакам вероисповедания.

Оскорбление человека в РФ – это правонарушение, за которое предусмотрена ответственность независимо от религиозной принадлежности, что свидетельствует о равноправии граждан России. Однако санкции, которые применяются по ст.ст. 5.26 и ст. 5.61 КоАП РФ – заметно разнятся. Так, например, за публичное осквернение религиозной или богослужебной атрибутики, предусмотрен административный штраф от 30 000 до 50 000 рублей. За публичное оскорбление граждан, не принадлежащих и не относящих себя к религиозным объединениям, предусмотрено наказание от 5000 рублей до 10 000 рублей, что на наш взгляд не соразмерно, т.к.

значимость религиозных предметов поставлена выше достоинства человека, без участия которого не может состояться ни одна религия.

Интересно и другое, что практика Европейского суда по правам человека (далее – СПЧ) тоже не имеет единой концепции относительно соотношения между свободой слова и религиозным правом. Так, например, одна датская программа после интервью с тремя молодыми людьми смонтировала материал так, что в нем появились высказывания расистского характера: «Дания для датчан!», «Быть расистом – это нормально» и т.д. Вскоре в отношении журналиста было возбуждено преследование за выпуск в СМИ расистского материала, сеющего раздор в обществе. Все судебные инстанции Дании признали журналиста винновым по инкриминируемой ему статье. Однако ЕСПЧ не согласился с судебной системой Дании и указал на нарушения права журналиста на свободу мысли и выражение его профессионального мнения. По мнению судей ЕСПЧ, свобода слова, представленная журналистам, является одной из основ демократии общества, и гарантией этой свободы [4].

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно констатировать, что исследуемая проблематика по защите вероисповедания во многом носит этнический характер и обусловлена этнокультурной парадигмой общества, которая находится на стыке религиозной морали и юридической основы. Именно данный факт порождает необходимость в уравновешивании прав между защитой религиозных чувств и свободой слова. Проблемы соотношения религиозного права и права на свободу слова сегодня рассматривается не только с позиции юриспруденции, но и с позиции культурологии, философии, психологии, этики, социологии, истории и смежных с ними наук. Однако в ходе исследования нами не было выявлено единой концепции к исследуемой проблематике, что и не позволяет дать научное обоснование понятийному аппарату в области религиозного права и свободы слова.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.08.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.08.2023).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.08.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.08.2023).
4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 сентября 1994 года по «Делу «Йерсилд против Дании» (жалоба № 15890/89). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/jersild-protiv-danii-postanovlenie-evropejskogo-suda/ (дата обращения: 22.08.2023).
5. Гуревич П. С. Философия: учебник для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 462 с.
6. Емельянов Н. Е., Хайлова О. И. Гонения на Русскую православную церковь (1917 – 1950-е годы) // Россия и современный мир. – 2008. – № 4. – С. 111-128.
7. Исаева А. А. Запрет оскорбления религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 4. – С. 37-42.
8. Клишас А. А. Свобода слова и защита чувств верующих: в поиске баланса [Электронный ресурс]. 2018. – Режим доступа: http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/98327/ (дата обращения: 22.08.2023).
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. − 4-е изд., доп. − Москва: Азбуковник, 2000. – 940 с.
10. Понкин И. В. Человеческое достоинство верующих. Вопросы правовой защиты // Журнал Московской Патриархии. – 2013. – № 9. – С. 39-45.
11. Устюжанинова Е. А., Пибаев М. А. Развитие законодательства о защите религиозных чувств граждан в свете конституционного принципа светскости государства и права на свободу вероисповедания в России и Италии // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 1. – С. 201-208.
12. Шилин Д. В. Уголовная и административная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания: проблемы разграничения // Журнал российского права. – 2016. – № 5. – 81-90.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-65-67

ЕГОРОВ Игорь Андреевич
младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета

БОРЬБА С НЕЗАКОННЫМИ ВООРУЖЕННЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РСФСР В 1920-Е ГГ.

В статье рассматриваются особенности пограничной ситуации, сложившейся на псковском участке государственной границы и в прилегающих к нему районах после завершения открытой фазы гражданской войны в России, исследуются причины, пути и способы ее стабилизации в 1920-е гг. Отдельно анализируются действия незаконных вооруженных формирований, действовавших на Северо-Западе РСФСР с территории Прибалтики.

Ключевые слова: безопасность, государственная граница, гражданская война, бандитизм, вооруженные формирования, мятеж, диверсия, стабилизация.

EGOROV Igor Andreevich
junior researcher of the research laboratory "Center for Comprehensive Study of Regional Security Problems" of the Pskov State University

THE FIGHT AGAINST ILLEGAL ARMED GROUPS IN THE NORTH-WEST OF THE RSFSR IN THE 1920S

The article considers the peculiarities of the border situation that developed on the Pskov section of the state border and in the areas adjacent to it after the end of the open phase of the civil war in Russia, analyzes the causes, ways and methods of its stabilization in the 1920s. Separately, analyzes the actions of illegal armed groups operating in the North-West of the RSFSR from the Baltic territory.

Keywords: security, state border, civil war, banditry, armed formations, rebellion, sabotage, stabilization.

Весьма нежелательным для государства фактором, который может серьезно дестабилизировать приграничную обстановку, являются незаконные вооруженные формирования. Их существование ослабляет позиции официальных властных структур и облегчает вмешательство во внутренние дела страны иностранных держав, преследующих собственные цели. В определенных исторических условиях подобные формирования могут складываться в довольно короткие сроки. Однако бороться с ними достаточно сложно [6, с. 84]. При этом, как показывает исторический опыт, зачастую проигрывают все конфликтующие стороны вовлеченного в гражданское противостояние общества, и наносится серьезный ущерб интересам и безопасности государства [12, с. 112].

В этой связи исключительно большой интерес представляют события, разворачивавшиеся на территории Северо-Запада РСФСР на рубеже 1920-х гг. [15]. Предпосылкой послужили события революции и гражданской войны в России. Поражение и отступление в Прибалтику белогвардейских сил не привели к одномоментному прекращению вооруженных столкновений в приграничной зоне на данном направлении [13, с. 22]. В частности, южная часть Псковской губернии оказалась охвачена разветвленной сетью достаточно хорошо организованных групп эсеровского толка, полностью нейтрализовать деятельность которых советским властям удалось лишь к середине 1920-х гг.

Незаконные вооруженные формирования, действовавшие в пограничных районах, по своему составу, целям и методам делились на две основные категории. К первой относились местные шайки, включавшие в свой состав частично лиц, не принявших политику советской власти, а зачастую и обычные уголовные элементы. Они не представляли особой опасности для регулярных воинских подразделений, являлись относительно неустойчивыми и разваливались после первых серьезных ударов со стороны силовых структур советского государства [4, с. 93].

Гораздо более опасными для местных органов власти являлись банды, целенаправленно готовившиеся за рубежом на сопредельных с Северо-Западом РСФСР территориях[1]. Они состояли из антисоветски настроенных элементов, которые были более хорошо обеспечены в военно-техническом и материальном отношении, имели больше возможностей для переформирования в случае серьезных потерь. Указанные группы действовали относительно автономно, но при этом стремились к общей цели – подрыву пограничного режима, дезорганизации работы и провоцирование недоверчивого отношения со стороны населения к официальным органам власти на местах [4, с. 95]. Одним из средств для дестабилизации обстановки в пограничных районах рассматривалось терроризирование советских учреждений, а в некоторых случаях и мирного населения, сохранявшего лояльность в отношении последних. Их трансграничные операции, осуществлявшиеся путем рейдов на советскую территорию, облегчались в начале 1920-х гг. негласной помощью со стороны зарубежных центров [10]. Нередко бандформирования пропускались пограничной стражей соседних государств через границу на советскую территорию и обратно беспрепятственно, а в случае разгрома сопредельная сторона могла оказать им силовую защиту, в том числе огневое прикрытие от преследователей. Наличие таких групп в советском приграничье было особенно опасно в условиях советско-польской войны и продолжавшейся в дальнейшем конфронтации со странами так называемого «санитарного кордона», инициированного ведущими правительствами Запада [16, с. 9].

Одним из катализаторов для формирования указанной сети на территории Псковской, Витебской и частично Смоленской губерний являлся мятеж пограничных частей в Орше и Сенно еще летом 1918 г. [3, с. 83]. И хотя он достаточно быстро был подавлен, остатки рассеянных мятежников образовали первичное ядро т.н. «зеленых» отрядов в пограничных районах Северо-Запада. Во главе них встали бывшие

1 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. 198. – Оп. 6. – Д. 38.

офицеры: братья Жигаловы, Воронов, Анущенко, Кулешов. Не следует забывать, что революционные события были тесно связаны с последствиями Первой мировой войны [14, с. 76]. После объявления мобилизации в Красную Армию и взятия на воинский учет всех бывших унтер-офицеров, ряды этих отрядов значительно пополнились за счет дезертиров из числа местных жителей. Данные группы отличались относительно стройной внутренней организацией. Их участники распределялись по ротам, взводам и отделениям. При этом привлеченным к сотрудничеству крестьянам разрешалось находиться дома до особого распоряжения своих непосредственных полевых командиров [3, с. 84]. Таким образом, по позднейшим показаниям вокруг каждого из последних концентрировалось от 200 до 1000 человек.

Осенью 1918 г. эти отряды захватили Поречье и Велиж. Здесь к ним присоединился милицейский отряд с тремя пулеметами и несколько сот крестьян. Всего через несколько дней они были выбиты из населенных пунктов красноармейцами. Большое значение в этом сыграло, по-видимому, своевременная организация местного военного управления [11, с. 146]. Основная масса рядовых участников незаконных вооруженных формирований отступила зимовать в леса. Братья Жигаловы и Воронов укрылись у родных на территории Псковского края. Кулешов перебрался в Торопецкий уезд. Анущенко бежал в Вологду, а оттуда – в Пермь [3, с. 85].

Однако уже весной 1919 г. полевые командиры начали возвращаться к своим людям. Вскоре им были образованы три т.н. «боевых» района: Велижский, Сурожский и Невельский [3, с. 86]. Они послужили основной базой для нового вооруженного выступления «зеленых» с целью захвата власти на местах. Каждый из полевых командиров отвечал за контроль над вверенной ему волостью. В целях конспирации отдельные банды поддерживали связь друг с другом только через руководителей боевого района. После проведения той или иной операции участники незаконных вооруженных формирований рассредоточивались в ожидании приказа своих главарей о сроке и месте следующей акции. Все вместе это придавало данным группам относительно высокую мобильность и скрытность, а, следовательно, крайне затрудняло борьбу с ними [9, с. 179].

Активность мятежников несколько ослабла лишь после убедительных побед Красной Армии и вызванных ими колебаний среди местного населения. Сокращение социальной базы обусловило снижение эффективности действий незаконных вооруженных формирований. Определенную дезорганизацию в их деятельность внесла и гибель двух из трех братьев Жигаловых, принявших участие в восстании дезертиров в окрестностях Рудни Смоленской губернии[2].

К началу 1920-х гг. часть боевиков ушла на контролируемую Польшей территорию или в Прибалтику. Но некоторые продолжали подрывную деятельность. Особой непримиримостью отличался Михаил Анущенко, скрывавший свою личность за псевдонимом «Оберон». В начале 1920-х гг. он объединил вокруг себя Велижско-Усвятскую группировку и перешел к целой серии террористических актов. Постепенно его деятельность стала приобретать все более криминальный характер [5, с. 874]. И все же постепенно к середине 1920-х гг. подобные проявления пошли на спад в результате совершенствования организации противодействия им со стороны органов советской власти.

Летом 1920 г. в результате действий двух крупных бандформирований в составе 300 и 200 человек соответственно серьезно осложнилась обстановка на территории Слободской, Прихабской и Томсинской волостей. Одну из этих вооруженных групп возглавлял отставной офицер царской армии Бойков, а во главе другой стоял некий авантюрист по фамилии Петров. Только в августе они совместными усилиями совершили семь вооруженных налетов на малочисленные воинские гарнизоны, в результате которых погибли несколько военнослужащих. После начала их систематического преследования и последовавшего затем разгрома, оставшиеся в живых боевики бежали в Латвию, где частично поступили на службу в армию, а частично – в органы латвийской разведки. Некоторые из них поодиночке пытались вернуться в родные места, но в основном были выявлены при содействии местного населения и привлечены к суду за совершенные преступления [4, с. 95].

В первой половине 1920-х гг. на северо-западном участке государственной границы на постоянной основе была развернута борьба с незаконными вооруженными формированиями, наиболее активные участники которых были выдавлены за рубеж и совершали налеты и диверсии в пограничных районах РСФСР с территории сопредельных государств [4, с. 94]. Так, достаточно долгое время на одном из участков северо-западной границы велась борьба с себежской бандой, созданной в конце 1919 г. неким Сергученко, которая включала более 200 человек. Данная группа первоначально оперировала в пределах Непоротовской волости, а затем попыталась поднять крестьянское восстание, в ходе которого сумела разрушить железнодорожную станцию Идрица. Однако не получив массовой поддержки со стороны населения, банда была разгромлена оперативно прибывшим в район мятежа красноармейским подразделением. Верхушке себежской группировки удалось уйти за границу на территории Латвии. На сопредельной с РСФСР территории Сергученко нашел единомышленников и принял участие в формировании новых вооруженных отрядов, общая численность которых на данном направлении в начале 1920-х гг. достигла примерно 2 тыс. человек. Координацию их деятельности осуществлял белогвардейский полковник Архангельский. При этом контрреволюционные вооруженные формирования планировалось использовать для проникновения на территорию Северо-Запада РСФСР для организации восстаний и проведения террористических актов с целью подрыва позиций советской власти. В целях конспирации заброска боевиков через границу проводилась малыми группами по 10-15 человек без серьезных средств обеспечения, в расчете на получение ими таких средств на месте. Однако проводившиеся советским государством мероприятия по налаживанию доброжелательных отношений между приграничными органами власти и гражданским населением в целом лишили такие группы массовой социальной поддержки [2, с. 131]. В результате бандиты добывали средства к существованию путем грабежей и убийств, что еще больше отталкивало от них местных жителей [7, с. 72].

Оказавшись в зависимом положении от зарубежных кураторов, перебрасывавшиеся через границу группы пытались также выполнять задания сопредельных иностранных разведок – военного, экономического и политического характера [1, с. 21]. Однако, как представляется, эти действия не отличались особой эффективностью. До середины 1922 г. ушедшие в Прибалтику через псковский участок государственной границы банды занимались главным образом подготовкой к активным антисоветским мероприятиям. В конце весны этого года их ру-

2 Псковский областной центр архивных документов партий и общественных движений (ПОЦАДПОД). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 213.

ководство на своем совещании определилось с началом нового выступления и в июне начало переброску на советскую территорию его предполагаемых организаторов. Однако данный план оказался крайне нереалистичным: многие из его участников погибли в нескольких вооруженных стычках на границе, сумевшие проникнуть вглубь советской территории были выявлены и арестованы, а еще остававшиеся на свободе все больше трансформировались в обычных грабителей [4, с. 96].

Тем не менее, даже в 1926 г. после двухлетнего перерыва вновь активизировалась банда Сергученко и несколько более мелких групп, пытавшихся действовать с территории сопредельной Латвии. Таким образом, вплоть до второй половины 1920-х гг. на территории, в частности, Псковской губернии, фиксировались попытки прорыва через государственную границу незаконных вооруженных формирований со стороны Прибалтики и контрабандистов в противоположном направлении [8, с. 57]. С учетом этого в начале 1925 г. на базе небольших по численности пограничных застав здесь были созданы ударно-опорные подразделения пограничников, призванные прикрыть наиболее уязвимые для действий крупных вооруженных банд участки государственной границы. В результате данных мероприятий только на участке Себежского пограничного отряда было раскрыто и ликвидировано 10 подобных банд. В результате к концу 1926 г. заново вспыхнувший было трансграничный бандитизм на псковском участке северо-западной границы РСФСР заметно ослаб и пограничная обстановка стабилизировалась.

Пристатейный библиографический список

1. Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. – М.: Политиздат, 1986. – 400 с.
2. Дюллен С. Уплотнение границ: К истокам советской политики. 1920-1940-е / Пер. с франц. Э. Кустовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 416 с.
3. Егоров А. Мятеж // Родина. – 2006. – № 1. – С. 83-86.
4. Егоров А. На ближнем пограничье // Родина. – 2008. – № 7. – С. 93-96.
5. Егоров А. М. Борьба Советской милиции с хулиганством на территории Псковского края в 1920-е годы // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы XIX международной научно-теоретической конференции: в 2 ч., Санкт-Петербург, 28-29 апреля 2022 года. Том Часть 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 874-883.
6. Егоров А. М. Иррегулярные формирования в истории правоохранительной деятельности // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия: Материалы научно-практической конференции с международным участием, Псков, 11-12 ноября 2021 года. – Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. – С. 84-88.
7. Егоров А. М. Контрабандизм и борьба с ним на Северо-Западе России как атрибуты социальной реальности 20-х годов XX века // Общество. Среда. Развитие. – 2008. – № 3 (8). – С. 67-73.
8. Егоров А. М. Массовый контрабандизм среди населения Северо-Запада РСФСР в условиях гражданской войны, иностранной интервенции и послевоенной разрухи начала 1920-х гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): сборник материалов международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16-18 марта 2017 года. – Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2017. – С. 56-62.
9. Егоров А. М., Никитина Н. П. Необъявленная пограничная война на территории Псковской губернии в начале 1920-х гг. // Дихотомия войны и мира: приграничные регионы в переломные исторические эпохи: Сборник материалов Всероссийской научно-практической онлайн-конференции, Псков, 03-04 декабря 2020 года. – Псков: Псковский государственный университет; ООО «ПолиАрт Студио», 2020. – С. 178-182.
10. Егоров А. М., Егоров И. А. Особенности взаимодействия отечественных спецслужб на северо-западе Российской империи в условиях Первой мировой войны // Метаморфозы истории. – 2023. – № 28. – DOI 10.37490/S230861810025513-4.
11. Егоров А. М., Сковорода Е. В. Особенности организации и деятельности военных комиссариатов в период утверждения Советской власти: по материалам северо-западного пограничья России (1918-1924 гг.) // Исторический бюллетень. – 2021. – Т. 4. № 1. – С. 146-151.
12. Егоров А. М., Егоров И. А. Правовая культура пограничного региона накануне распада Советского Союза: по материалам работы судебных учреждений Псковской области (историко-правовой аспект) // Социокультурная среда: системная организация, антропологическое измерение, пограничная специфика: Материалы международной заочной научно-практической конференции, Витебск, 16 ноября 2018 года / Витебский государственный университет им. П. М. Машерова. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2018. – С. 112-115.
13. Егоров А. М. Псковские пограничные районы в 1920-1930-е гг. (Ист. уроки развития): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Санкт-Петербург, 1998. – 218 с.
14. Егоров И. А. Организация противодействия шпионажу на территории Псковской губернии в период Первой мировой войны // XVI Машеровские чтения: Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 2-х томах, Витебск, 21 октября 2022 года / Редколлегия: Е. Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. Том 2. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2022. – С. 74-76.
15. Егоров А. М., Егоров И. А. Проблема сохранения исторической памяти в контексте современности // Метаморфозы истории. – 2022. – № 25. – DOI 10.37490/S230861810023274-1.
16. Почс К. Я. «Санитарный кордон»: прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921 – 1929 гг.). – Рига, 1985. – 192 с.

КУЗНЕЦОВА Елена Вячеславовна
кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения Астраханского государственного технического университета

Кузнецова Е. В.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СССР В 90-Е ГОДЫ

В статье рассмотрены процессы развития общественного движения СССР, расширение географии, факторы, способствовшие формированию самодеятельного неформального движения и выделение основных структурных подразделений: 1. народные фронты, интерфронты, объединенный фронт трудящихся; 2. гражданские инициативные объединения и общественные политические клубы; 3. самодеятельные политические объединения и партии; 4. экологическое и национально-культурное движение. Как в политическую жизнь страны вовлекалось всё большее число граждан, которых называли «новыми политиками». Ими становились люди разных профессий и возрастных групп, молодёжь, пенсионеры, верующие. Это, как правило, были люди, которые занимали активную жизненную позицию и способные найти «общий язык» с различными слоями общества.

Ключевые слова: народные фронты, интерфронт, объединенный фронт трудовых коллективов (ОФТК), политическая платформа, программные установки, демократическая платформа, национальные интересы, партия, многопартийная система, многоукладная экономика, «новые политики», политические группы.

KUZNETSOVA Elena Vyacheslavovna
Ph.D. in historical sciences, lecturer of legal studies sub-faculty of the Astrakhan State Technical University

SOCIAL MOVEMENTS IN THE USSR IN THE 90S

The article considers the processes of development of the social movement of the USSR, the expansion of geography, the factors that contributed to the formation of an amateur informal movement and the allocation of the main structural divisions: 1. popular fronts, interfronts, the united front of workers; 2. civil initiative associations and public political clubs; 3. amateur political associations and parties; 4. ecological and national-cultural movement. How an increasing number of citizens, who were called "new politicians", were involved in the political life of the country. They were people of different professions and age groups, youth, pensioners, believers. These, as a rule, were people who took an active life position and were able to find a "common language" with various strata of society.

Keywords: popular fronts, interfront, united front of labor collectives, political platform, program settings, democratic platform, national interests, party, multi-party system, multi-structural economy, "new politicians", political groups.

История политических партий России эпохи демократического кризиса 1990-х годов есть история не просто становления демократии и либерализма в рамках конкретных партийных проектов, но и поиск альтернативных авторитаризму форм политического устройства. Многие истории политических партий тех лет писались под сильным воздействием борьбы политических интересов и идей, и поэтому не могут претендовать на объективность и непредвзятость [1].

Народные фронты – это, по сути, ассоциации неформальных групп и клубов, ставящих своей целью формирование массового общественного движения для оказания содействия усилиям высшего политического руководства страны, народных депутатов СССР по углублению процесса перестройки, повышению уровня эффективности проводимых реформ. В стране насчитывалось около 140 народных фронтов и организаций, сформировавшихся с очень сильной национальной компонентой. Народно-фронтовое движение имело и региональный характер. Существовало около полусотни организаций данного типа. Большинство из них ориентировалась на идеалы «демократического социализма», парламентаризм в системе организации государственной власти, многопартийность в политической системе, многосекторную экономику. Наряду с народнофронтовым движением существовало и образование интерфронт, особенно в республиках Прибалтики и Молдавии, включавшие в основном русскоязычное население – рабочих и служащих промышленных предприятий союзного значения. Этот фактор служил основой для совместной деятельности групп российского патриотического направления по защите гражданских прав русскоязычного населения в национально-республиканских регионах. Объединенные фронты трудящихся (ОФТ) пытались выступить в качестве альтернативной силы по отношению к тем, кто ориентировался на «демократический социализм», парламентаризм, ценности буржуазной либеральной демократии «капиталистического свободного рынка». Численность ОФТ вместе с интердвижениями составляло более миллиона.

В политическую жизнь страны вовлекалось все большее число граждан, которых называли «новыми политиками». Ими становились люди разных профессий и возрастных групп, молодежь, пенсионеры, верующие. Это, как правило, были люди, которые занимали активную жизненную позицию и способны были найти «общий язык» с различными слоями общества. Они – прекрасные специалисты, и кроме того, пропагандисты, живо разъясняющие цели и задачи, стоявшие перед общественно-политическими организация-

ми. Гражданские инициативы и общественно-политические клубы - в 90-е годы в СССР насчитывалось около 3 тысяч таких объединений, как демократические клубы, рабочие клубы, политические группы, ассоциации, общая идеология которых – поддержка радикальных реформ в политической, экономической и социально-культурной сферах. Спектр деятельности этих неформальных политизированных групп был довольно широк. И всё же, по наблюдениям политологов, они выражали единую идеологическую направленность – восстановление роли человека как субъекта политики. Эти массовые общественные движения превратились в реальный фактор общественно-политической жизни страны. Общественное движение «Гражданское действие» дата образования 27 января 1990 года. На заседании Московской трибуны была принята декларация нового демократического движения «Гражданское действие». Среди инициаторов его создания – народные депутаты, общество «Мемориал», комитет «Апрель» [2].

Гражданское действие вдохновлялось идеями «Гражданина Мира А. Д. Сахарова» и намерено было активно противодействовать реакционным акциям и решениям, организуя митинги, демонстрации, сбор подписей и даже политические забастовки. Цель движения выражалась в готовности обратить внимание в первую очередь на проблемы России: «Россия может стать действительно суверенной и процветающей, лишь, идя навстречу стремлениям всех народов СССР к национальному возрождению и сотрудничеству с ними». Программа «Гражданское действие»: заключение Союзного договора, предусматривающее свободное объединение суверенных государств и народов; создание розничной рыночной экономики; предоставление земли в наследственное владение или собственность тем, кто хочет на ней работать; отделение КПСС и партийной идеологии от государства и экономики; обеспечение многообразия форм духовной и общественной жизни; демократическая реформа армии.

Гражданское объединение «Россы» (Ленинград) дата образования 1989 год, возникло как движение по возрождению России. В Обращении лейтмотивом стали слова: «О неприкаянности – к России!», здесь же разъяснялось, что целью создания объединения стала идея возрождения России и русских, что отнюдь не означало ущемление национальных и других интересов наций и народностей Союза ССР и России (РСФСР), а являлось гарантом их собственного возраждения. Петербург-Петроград-Ленинград многонациональный по сотаву и культуре, по истории – русский город. Расположенный на русской территории России, а по тому его судьба неотделима от судеб России и русских. Программные установки «Россов» - соблюдение принципа национального равноправия, осуществление права русских на самостоятельную государственность (например, создание республики Русь на территории нынешней РСФСР, за вычетом национальных автономий, не пожелавших войти в состав вновь возникающей республики), постепенное приведение государственного устройства в соответствие с потребностями гражданского общества: не народ для государства, а государство для народа. Духовное национальное возраждение. Обеспечение главнейшего положения культуры в общественном устройстве как системы духовного производства общества. Узаконивание двух видов собственности: собственности трудовых коллективов и личной (часной). Превоочередными задачами провозглашалось: принятие 1 съездом программ по борьбе со СПИДом, экологическими преступлениями, мафией и коррупцией, по преодолению алкоголизма и наркомании.

Комитет «Апрель»: писатели в поддержку перестройки дата образования март 1989 года. На учредительном собрании «независимое» общественное формирование при Московской писательской организации СП РСФСР определило себя как Комитет «Апрель»: писатели, выступившие в поддержку перестройки. Целями «Апреля» было: подъём авторитета писателя, утерянный в годы сталинизма и застоя, выражение писательского общественного мнения, стремление стать «писательским народным фронтом», правозащитная деятельность в отношении писателей и работников прессы, преследуемых «консервативными и бюрократическими силами». Программа: участие в создании общественных и правовых гарантий перестройки, поддержка демократизации и гласности, организация митингов и встреч писателей «Открытый микрофон», подготовка и выпуск публицистики и эссестики, участие в разработке «правовых мер по ограждению писателя от фактов явного и скрытого цензурного произвола, рабочие контакты с органами массовой информации. Структура комитета – рабочие группы: группа быстрого реагирования, группа прав и обязанностей, группа творческого резерва, группа казначейства, группа сотрудничества, пресс-центр. Временный совет комитета состоял из 15 человек. Председателем «Апреля» избрали А. Приставкин.

Демократическая платформа КП Латвии «Третий путь» был образован 24 марта 1990 года. В Коммунистической партии Латвии возникла инициативная группа «Демократическая платформа «Третий путь»», которая претендовалап на роль политического центра, призванного противодействовать расколу внутри КПЛ, способствовать сплочению коммунистов и единству партии, особенно накануне проведения XXV съезда КПЛ. Идейная основа партии – творческое критическое развитие марксизма. КПЛ выступала за политическую и экономическую стабильность, за создание независимой Латвии по пути, поддержанному большинством населения республики, за сохранение и развитие связей с Западом, закрепление и углубление связей с Востоком, за равноправное сотрудничество с идеологическими единомышленниками: коммунистическими, социалистическими партиями, за создание Союза коммунистических партий советских республик на принципах паритета. Конкретные политические шаги: существенно сократить количество освобождённых партийных работников, сократить размеры партийных взносов, передать часть партийного имущества в инфраструктуры государства. Координаторами платформы были: К. Виллеруш, А. Воронцов, В. Земниекс.

Российский союз молодых демократов (РСМД) был образован 20-21 мая 1989 года. На учредительной конференции присутствовало 19 делегатов из Москвы, Ленинграда и других городов. Согласно Уставу – Российский союз молодых демократов – «независимая общественно-политическая организация молодёжи Российской Федерации, которая призва-

на содействовать утверждению в нашей стране принципов свободы, демократии и гуманизма». Политическая платформа: деятельность РСМД основана на международных пактах и правах человека и Конституции СССР в той части, которая не противоречит им. Организация отвергает принцип демократического централизма и строится по конфедеративному принципу. Цели: участие в движении за демократическое преобразование общества, борьбе молодёжи за свои права. Негативизм по отношению к КПСС и ВЛКСМ объединяли теми доводами, что эти партийные органы «отражая интересы узкого аппаратного слоя не в состоянии защитить наши права от администрации и ведомственного произвола». Активисты Союза планировали ежемесячный выпуск журнала «Воля» (1-й номер вышел 500 экз.), проведение съезда РСДМ.

Активно растущими структурными формированиями являлись самодеятельные политические объединения и партии, задавашие тон в общественно-политической жизни страны. Наиболее значительными являлись так называемая «Большая тройка»: социал-демократы, социалисты и демократический союз. Большинство партий возникло в Москве и Ленинграде. По экспертным оценкам, в РСФСР действовало около 400 организаций, претендующих на роль партий. Эти организации распространили своё влияние и на Украину и Белоруссию, последовавших примеру РСФСР. В союзных республиках, особенно прибалтийских, существовал целый букет партий : социал-демократические, христианско-демократические, демократические рабочие союзы, национальные, независимые.

Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) дата образования 13 декабря 1989 года. Либерально-демократическая партия организационно сложилась из групп единомышленников, возникших в Москве, Поволжье, на Урале, в Сибири, средней полосе России. Такие организации были зафиксированны в Казахстане, Киргизии, Закавказье, на Украине и в Прибалтике. В состав ЛДП входило около 3 тыс. человек. Принципиальные установки: правовое государство, многопартийная система, многоукладная экономика, президентская форма правления, деидеологизация всех государственных и общественных институтов. Программа в области государственного строительства преобладающие право принадлежит законодательству, президентский режим, постоянно работающий парламент, кабинет министров. В основе экономики – территориальная экономическая целесообразность. Принцип комплектования армии – добровольный. Экономическая программа – рыночная экономика, полная свобода предпринимательства, привлечение инстранного капитала и рабочей силы. Национальный вопрос – национальность в документах указывается по желанию; свобода передвижения по стране; выдача заграничных паспортов всем желающим; отмена выездной визы [3]. Председатель ЛДП – В. Жириновский. Печатный орган партии – газета «Речь». В 1990 году состоялся I Всесоюзный съезд партии.

Эстонская либерально-демократическая партия (ЭЛДП) дата образования 9 марта 1990 года. Учредительный съезд принял декларацию об учреждении эстонской либерально-демократической партии, утвердил устав и программу, в которой отмечалось, что ближайшая и основная цель партии – восстановление свободного и самодостаточного Эстонского государства. Лишь после достижения этой цели станут возможными программные положения и установки. Партия добивается равных возможностей, но не уравниловки. Свобода личности и её отношения с государством изложены в программе. Регулирующая роль государства ограничивается защитой личности и её инициативы. Культура и образование стоят в документе перед экономической и социальной политикой. Ведь духовность нельзя приносить в жертву иным целям, поскольку богатство без духовности бессмысленно. Председатель ЭЛДП – П. – Э. Руммо.

Социал-демократическая партия Грузии (СДПГ) возрождена 24 февраля 1990 года. В Тбилиси состоялся V съезд социал-демократической партии Грузии (СДПГ), на котором была провозглашена декларация о возрождении партии, приняты устав и программа. Председателем партии был избран доктор исторических наук, профессор Гурам Мучаидзе. Основополагающие принципы партии: национальная свобода, политический плюрализм, экономическое самоуправление, социальная справедливость, экологическая безопасность, демографическое равновесие. Внешняя открытость. Программа: деидеологизированная экономика и свободное предпринимательство, разработка системы социальныз гарантий.

Латвийская социал-демократическая рабочая партия дата создания 1989-1990 гг. Одна из старейших в Европе – социал-демократическая рабочая партия Латвии. Идеологическая платформа партии: она не выступает против коммунистической идеологии, однако КПСС считалась в Латвии чужой структурой. В дискуссиях, возникающих внутри партии по вопросу отношения к коммунистам и компартии в целом, преобладало два подхода. Одна точка зрения – ДСДРП считает возможным диалог с независимой от Москвы компартией Латвии, но не собирается вступать к какие-либо контакты с латвийским филиалом КПСС. Другая точка зрения – прокоммунистическое направление ЛСДРП – контакт возможен. Исходя из каждого конкретного случая.

Христианско-демократический союз России (ХДСР) дата образования 5 августа 1989 года. Христианско-демократический союз России (ХДСР) – «политическая организация, опирающаяся в своей деятельности на мировозрение и нравственно-этический фундамет, заложенный в Евангелии». С сентября 1989 года – официальный член международного интернационала христианской демократии». ХДСР управляется координационно-политическим советом. Программа: духовное возрождение России, построение правового государства, исходя из принципов христианской демократии. К таким принципам относятся – деидеологизация государства, равноправие всех идеологий, кроме призывающих к насилию, приоритет прав личности над государственными интересами, обеспечение гражданских свобод. ХДСР выступает за свободный рынок, против экспансии в политической и военной сферах, за создание суверенной парламентской России, за конструктивное сотрудничество со всеми христианскими и демократическими силами в СССР и за рубежом.

Активизация движения за создание партии «зелёных» отмечена датой: апрель 1989 года. Осознание навозможности

экологических побед без политических изменений вызывает настоятельную необходимость в создании партии «зелёных» которая, по сути, - результат постиндустриального общества. В СССР существовало около 20 всесоюзных экологических организаций. Самая крупная из них – Социально-экологический союз. Партия зелёных объединяла более 300 клубов и объединений страны. Программа: практически полезная природоохранная деятельность.На учредительном съезде, принимало участие около 150 делегатов-сторонников партии «зелёных». Цель партии – радикализация экологического движения.

Всесоюзное общество «Мемориал» дата образования 28-29 января 1989 года. В работе учредительной конференции приняли участие 462 делегата из 103 городов страны. К началу работы конференции был приурочен выпуск первого номера бюллетеня «Мемориал» (тир. 5 тыс.). Общество издавало двухтомный альманах «Мемориал», которое выходило в издательстве «Книга». В движение вовлечено было несколько тысяч граждан. Праграмма деятельности: сохранение и увековечивание памяти о жертвах сталинизма, оказание помощи лицам, пострадавшим от репрессий, содействие по созданию на территории СССР мемориальных комплексов и памятников жертвам сталинизма, активное участие в демократических преобразованиях страны, содействовать формированию гражданского и политического сознания в духе осуждения террористических методов политической деятельности. Руководящие органы – общественный совет фонда Мемориал; правление и коллегия, осуществляющая повседневную работу.

Общество татарской культуры им. Марджани дата образования 1989 год. Целью создания Общества татарской культуры им. Марджани, по словам президента Р. Хамидуллина, была идея «сохранить и развить татарскую культуру на принципах равноправия всех народов ССР». Сторонников этой идеи вдохновлял только культурный аспект; политических задач общество перед собой не ставило. Это движение насчитывало около 30 тысяч человек. Организация действовала в рамках Татарского республиканского отделения Всероссийского фонда культуры. Филиалы общества были в Москве, Таллине, Ижевске, Омске, Новосибирски, Челябинске; устанавливались контакты с соотечесвенниками из Финляндии, США, Канады и Турции. При обществе был организован ансамбль татарской музыки, песни и танца, театр, группа художников. Были марийская, удмуртская, чувашская секции. В деятельности Общества активно участвовало мусульманское духовенство. Многие в его составе – верующие, члены правления мусульманских общин, а вице-президент – мам-хатиб соборной мечете Марджани Г.Яруллин. Формы работы – организация народных праздников, исторических и фольклорных фестивалей, участие в экспедициях.

Мир культуры, дата образования ассоциации 1989 год. Объединяла около 100 человек, представителей творческой интеллигенции, объединивших под эгидой «МИР КУЛЬТУРЫ». Коллективными членами ассоциации были: Московская консерватория, журнал «Иностранныя литература», журнал «Театр», один из заводов Донбасса. Ассоциация издавала календарь-ежегодник «Круг чтения», альманах «Премьера». Президент ассоциации – писатель Николай Самвелян.

Экология и журналистика (ЭКОЖ) дата образования 13 мая 1989 год. Учредители ассоциации ЭКОЖ –Экологический фонд СССР. Союз журналистов СССР, Союз писателей СССР. Программа деятельности ЭКОЖ предусматривала: сбор и распространение объективной информации о состоянии окружающей среды, проведение экологических экспертиз. Природоохранные задачи возлагались и на информационный банк «тревожной информации», призванный оперативно реагировать на экологические неблагоприятные факторы. В программу ЭКОЖ включались и разнообразные виды информационно-издательской деятельности, цель которых была формировать экологическую культуру в общественном сознании.

Таким образом, партийное строительство в России 1990-х гг. носило неконструктивный характер: отсутствовала как реальная партийная оппозиция, так и сама конструктивность в рядах т.н. «партий власти»; новым феноменом этого периода развития российской политической партийной системы стало появление и постоянное воспроизводство т.н. «партии власти» (ДВР, НДР и т.д.), которую в целом можно считать «российской разработкой» 1990-х гг., более или менее удачной попыткой исполнительной власти адекватно приспособиться к условиям незрелой российской демократии; партийные элиты испытывали свою невостребованность во властных структурах государства, что делало их идеологически и административно уязвимыми в противостоянии с элитой исполнительной власти. Развитие институтов гражданского общества, идеологическая умеренность (отсутствие деструктивности) и прозрачность деятельности самих партийных элит не оказали существенного влияния на динамику развития политических партий всего этого исторического периода; политические партии в 1990-е г. так и не стали самодостаточной силой, способной быть не только самой активной частью политической системы российского государства, но и представлять интересы его гражданского общества («гражданского мира»); региональные партийные организации практически не имели никакого политического веса и влияния на региональные органы политической власти и представляли собой видимость российской многопартийности и формальность демократии.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамов Ю. К., Головина Т. Ю. Политические партии и движения России. – М., 1996.
2. Современная Россия. Информационно-аналитический портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/oborg/2_16/t1/index.htm (дата обращения: 11.07.2023).
3. Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В. Политология. Учебник. – М.: Юристъ, 2002. – 511 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-72-75

НЕДЗЕЛЮК Татьяна Геннадьевна
доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Недзелюк Т. Г.

ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКОЙ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Тема рецепции римского права в российской правовой системе на протяжении многих лет является дискуссионной. Вопрос о степени воздействия римского права на русское законодательство время от времени актуализируется и неизменно становится предметом обсуждения. Классики российской цивилистики сформулировали магистральные направления в дискуссии о целесообразности/допустимости/недопустимости заимствований правовых конструкций римской правовой науки отечественными законодателями. В настоящей статье проанализированы актуальные тенденции современного нам научного дискурса, в том числе исследованы публикации в научных журналах и рукописи защищенных недавно диссертаций по юридическим наукам, а также раскрыты методические аспекты преподавания.

Ключевые слова: римское право, рецепция римского права, многозначность термина «рецепция», академический дискурс, методические аспекты преподавания дисциплины «Римское право».

NEDZELYUK Tatyana Gennadyevn
Doctor of Historical Sciences, professor of department of theory and history of state and law Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

PROBLEMS OF RECEPTION OF ROMAN LAW BY RUSSIAN LEGAL SCIENCE: METHODOLOGICAL ASPECTS OF TEACHING THE DISCIPLINE

The topic of the reception of Roman law in the Russian legal system has been controversial for many years. The question of the degree of influence of Roman law on Russian legislation is updated from time to time and invariably becomes the subject of discussion. The classics of Russian civil law formulated the main directions in the discussion on the expediency /permissibility /inadmissibility of borrowing legal constructions of Roman legal science by domestic legislators. In this article, the current trends of the modern scientific discourse are analyzed, including publications in scientific journals and manuscripts of recently defended dissertations on legal sciences, as well as methodological aspects of teaching are disclosed.

Keywords: Roman law, reception of Roman law, ambiguity of the term “reception”, academic discourse, methodological aspects of teaching the discipline “Roman law”.

Традиция преподавания дисциплины Римское право в высшей школе России имеет долгую и неоднозначно трактуемую историю. Извечный спор славянофилов и западников о нужности/ненужности доктрины римского права для русской науки гражданского права, начавшись в XIX столетии, по существу, продолжается и сегодня. Дискуссия о степени и методах заимствования и использования римского права в правовой системе нашей страны, разгоревшись в стенах российских университетов около двух столетий назад, не утихает и в настоящее время. Спор имеет не только философские, но и патриотические грани. В период своего наивысшего расцвета Римская империя распространила сферу своего влияния, и соответственно, свое право, на все завоеванные земли. Россия никогда не входила в число завоеванных Римом территорий. Правомерно ли говорить о факте рецепции римского права в России? Каковы причины использования норм римского права русскими юристами? Насколько глубоки заимствования? Ответы на эти вопросы мы постараемся дать в своем исследовании.

Методология.

В целях максимально объективного подхода к нарративному материалу нами были использован историко-генетический метод, позволивший проследить историческую динамику становления оппозиционных мнений в историко-правовой науке. При помощи сравнительно-правового метода нам удалось выявить контекстные различия термина «рецепция». Юридическая компаративистика как методологический подход позволила очертить спектр исследовательских мнений, выявить своеобразие и оригинальность точек зрения значительного числа участников дискурса.

Мнения в дореволюционной российской юридической литературе.

Сложились три основных направления в дискуссии. Последователи первого из них отрицают сам факт рецепции. Приверженцы второго, напротив, отстаивают мнение о достаточно полном рецепировании, вплоть до инкорпорирования. Сторонники третьего направления склонны признавать ограниченный, в сравнении со странами Запада, характер рецепции.

К первому направлению принадлежал, например, профессор Московского университета Алексей Михайлович Гуляев, изучавший римское право в Берлинском университете в восьмидесятых годах девятнадцатого века. Он утверждал, что между правом русским и правом римским нет никакой преемственности. В частности, Гуляев писал: «Римское право никогда не было практическим элементом нашего правосознания» [4, с. 127-128]. Выпускник Русского института римского права при Берлинском университете (курс обучения

продолжался три года, с октября 1887 по август 1890 гг.), Гуляев пронес искреннее уважение к римской юридической науке через всю свою профессиональную карьеру. Начиная новый курс лекций в императорском Училище правоведения, 12 января 1909 г. Гуляев произнес следующие слова: «Мне придется излагать перед вами историю того права, где индивидуальность ценилась не в пример выше, чем ценится она в наше время. Высокая оценка личности обнаруживается у римлян на каждом шагу, во всех областях права» [4, с. 121]. Отдавая дань авторитету классического права, лектор отметил объективные причины обращения к римским истокам: «Существуют более постоянные мотивы, которые делают для нас, юристов, изучение римского права настоятельно необходимым; мотивы эти троякого рода – исторические, практические и теоретические» [4, с. 122-123].

Магистр римского права, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права в Киевском университете (с 1894 г.) Алексей Михайлович Гуляев восторгался принципом самодержавности в римском праве [4, с. 127-128]. Гуляев утверждал, что: «Римская familia построена на самодержавном начале; на самодержавном же начале построены и отдельные области в res publica» [4, с. 122].

Тем не менее, профессор Киевского университета Гуляев был убежден в верховенстве национальных начал над античным правовым наследием. Свою точку зрения Гуляев пояснял следующим образом, он говорил: «…рецепция римского права разделила судьбу увлечения классическими идеями; национальные идеи повсеместно вступили в борьбу с заимствованными идеями древности, и под этим влиянием сложилась борьба между классицизмом и национализмом, борьба, везде окончившаяся торжеством национальных идей» [4, с. 124].

Идеи Гуляева активно транслировались в социум: с 1893 г. Алексей Михайлович являлся редактором «Ученых записок Юрьевского университета», с 1896 г. – членом Киевского окружного суда, с 1903 г. – членом Киевской судебной палаты, а также был избран секретарем Киевского юридического общества, что давало ему возможность популяризации своих идей.

Профессор Гуляев настаивал: «У нас римское право никогда не имело того значения, каким пользовалось оно в Западной Европе; между нашим правом и римскими источниками нет преемственной исторической связи, у нас римское право никогда не было практическим элементом нашего правосознания» [4, с. 126]. Русь, в отличие от стран Европы, никогда не была покорена Римом и не являлась частью «римского мира». Стремясь подчеркнуть этот факт и гордясь этим, русские правоведы и государственные деятели вслед за Гуляевым настаивали на самобытном, отличном от римского, пути развития русского права.

Противоположной точки зрения придерживался известный цивилист, профессор Казанского университета Габриэль Феликсович Шершеневич (1863-1912 гг.). Рассмотрим важный для Шершеневича, принесший ему академическую славу, труд, а именно «Авторское право на литературные произведения» [20]. В главе третьей «История авторского права» Шершеневич рассуждает об исторических предпосылках, именуя их «Наличность условий в Риме, благоприятных для возникновения этого института» [20, с. 75]. Анализируя юридическую природу авторских прав на произведение, Шершеневич отмечает недостаточную разработанность этого института в римском праве и призывает не отвергать его, но идти дальше и «копать глубже»: «Необходимо поэтому отрешиться от римских традиций, идти в ногу с новыми явлениями и создать систему гражданского права, обнимающую все частные права» [20, с. 71]. Цивилист Шершеневич вовсе не призывает, как это может показаться на первый взгляд, отказаться от опыта римского права; напротив, он отмечает важность изучения системы римского частного права: «Знакомство с системою для юриста представляется весьма важным, потому что правильная классификация дает отчетливое представление о природе и конструкции каждого права и наоборот, неправильная система способна возбудить ложное представление о характере института и вызвать неверные выводы из его природы, как это и случалось не раз с тем же авторским правом» [20, с. 71]. Эту мысль Габриэль Феликсович Шершеневич красной нитью провел через свой основной труд – «Учебник русского гражданского права» [21].

Шершеневич констатировал, что: «…система наших гражданских законов представляет близкое воспроизведение институциональной системы» [21, с. 42]. Необходимо заметить, что Габриэль Феликсович был не только академическим ученым, автором ста семидесяти публикаций, но и практиком; в 1901 г. он был избран членом Казанской городской Думы и как признанный специалист в сфере гражданского права входил в состав юридической комиссии, таким образом способствовал правовому просвещению и распространению юридических знаний. Правовое наследие Г.Ф. Шершеневича не утрачивает своей актуальности.

Приверженец третьей точки зрения, будущий профессор Санкт-Петербургского университета, Леон Иосифович Петражицкий в своей магистерской диссертации «О распределении доходов при переходе права пользования по римскому праву» и далее, в сформулированной им психологической теории права, утверждает, что рецепция не может быть полномасштабной [14]. Особенное значение в формировании правовой культуры юриста он уделял знанию латинских крылатых выражений, образующих, по его мнению, базис юридического образования. Кроме того, латинские пословицы, фразеологизмы и высказывания знаменитых ораторов Петражицкий относил к категории правовых источников для романо-германской правовой семьи. В период своей магистратуры в Берлине «для подготовки к кафедре римского права» Леон Петражицкий глубоко изучил европейское законодательство и пришел к выводу о том, что не только русский, но и французский, и немецкий законодатели не вполне компетентно используют римский правовой материал. Суть его критики в том, что: «…материал для копирования берется из вторых рук. Компиляция происходит не по оригиналу, а по учебникам римского права» [15, с. 313]. Более того, Петражицкий призывал национальных законодателей обращать внимание на «народную психологию», а именно обратиться к «научному, критическому изучению цивильно-политического значения институтов и положений римского права, т.е. их влияния на народную экономию и этику, вообще на культуру народа и её элементы» [15, с. 313].

Современный дискурс в российской юридической литературе.

Как и сто лет назад, дискуссия о степени и методах рецепирования римского права в России не утрачивает актуальности. Термин «рецепция» достаточно многозначен. Содержание латинского термина «receptio» толкуется как «принятие», «заимствование», «инкорпорация», а также использование чужих социокультурных и правовых норм.

Сегодня идеи профессора Гуляева разделяет Сергей Витальевич Ткаченко. В своей работе он утверждает: «Само по себе римское право юристам интересно так же, как законодательство Ману и Хаммурапи. Интересно, любопытно, но – не более» [17]. Однако в своем диссертационном исследовании он не столь категоричен и отмечает, что: «…римское право продолжает оказывать существенное влияние на развитие современного частного права». В числе положений, выносимых на защиту, С. В. Ткаченко выделил две модели рецепции – добровольную и недобровольную, а именно колониальную и оккупационную. Модель, реализованную в России, он назвал добровольной и непосредственной, а путь её осуществления – опосредованным. Диссертант Ткаченко осветил процесс

формирования негативных и позитивных стереотипов отношения к римскому праву в российской цивилистике, отметил устойчивость этих стереотипов, призвал не ограничивать содержание понятия «римское право» временными рамками существования древнеримского государства и экстраполировать его на «дальнейшее развитие греко-римского частного права» [17, с. 17].

Петражицкому вторит Валерий Алексеевич Летяев. Он утверждает, что римское наследственное право является базисом становления наследственного права в России, видит преемственность и аналогию в юридической природе договорных обязательств [12].

От анализа диссертационных исследований перейдем к контент-анализу научных журнальных публикаций. Разделяя точку зрения дореволюционного юриста Гуляева и диссертанта Ткаченко, Т. Л. Калачева и Н. С. Махарадзе в своей статье «Влияние римского частного права на реформирование современного гражданского права» отметили, что римское право пришло в Россию академическим путем, через церковные суды и Кодекс Наполеона, благодаря преподаванию латыни, а не путем практических заимствований. Хотя сегодня, отмечают эти же авторы, Гражданский кодекс Российской Федерации «содержит значительное число правовых институтов, юридических конструкций, заимствованных из римского права … к их числу относится институт договорного права, а также залог, цессия, эмансипация и др.» [9, с. 123-124].

Никто, однако, не подвергает сомнению важность влияния римского права на развитие юридического образования в Российской империи, о чем напомнил Д. А. Пашенцев [13, с. 133-138].

Ольга Константиновна Лещенко полагает, что российское гражданское право лишь частично коррелирует с требованиями римского права, «так как и в римском, и в современном российском праве все нормы четко делятся на право писаное и неписаное, а последнее имеет внешнее выражение в виде обычаев» [11, с. 135]. Далее она отмечает, что изучение римского права имеет огромное учебно-методическое значение, но нельзя использовать римские конструкции буквально, так как организация общественного устройства в Риме и России различны, различается также соотношение понятий «источник» и «форма» права.

Разделяя точку зрения Шершеневича, А. А. Иванов и Т. Л. Матиенко проводят аналогии между институтами вещного и обязательственного права в римском и российском праве, апеллируют к морально-нравственной стороне римской правовой науки. «Осмысление значения римского частного права в современных социально-экономических условиях, – пишут они, – позволяет использовать его для устойчивого, стабильного развития государства на основе правовых норм, объединяющих право и справедливость» [7, с. 15].

Специального исследовательского внимания Д. Р. Шавалиевой удостоились отдельные этапы становления и развития залогового и ипотечного права в римском и русском праве [19, с. 479-487]. Статья в журнале «Право и практика» И. К. Воронина посвящена характеристике особенностей статуса объектов регистрации и субъектов её осуществления, автор предпринял широкий теоретико-правовой экскурс в римское право [3, с. 6-10].

Бесспорно также адекватное заимствование из римского права понятия «гражданская дееспособность», о чем напомнила О. А. Владычкина [2, с. 52-62].

Более всего последователей сегодня у концепции Л. И. Петражицкого. В аналитической публикации «Развитие института наследования в римском частном праве и его рецепция в наследственном праве России» А. И. Бортнев и О. А. Сергачева отметили, что практическая ценность разработок римских юристов в дореволюционной российской цивилистике признавалась немногими, однако сегодня «…многие институты возрожденного римского права стали неотъемлемой частью гражданского права России … в полной мере это относится к развитию правового регулирования наследственных отношений» [1, с. 76].

Елена Александровна Рыбалка и Екатерина Валентиновна Казанцева провели параллели в правовом регулировании институтов опеки и попечительства как в римском праве, так и в современной России и пришли к выводу, что право римлян было ориентировано в первую очередь на сохранность имущества, принадлежащего подопечному, в то время как современное российское право «охватывает куда больший круг обязанностей и полномочий опекуна … и гармоничное развитие личности, и воспитание подопечного» [16, с. 28]. Публикация в журнале «Юридический факт» Д. М. Дзуцева и Э. С. Бутаевой продолжает дискуссию о степени влияния римского права на современные наследственные правоотношения. Авторы замечают, что «в целом» в третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации нашли свое место римские основные понятия и термины из сферы правопреемства: «наследование по закону и по завещанию», «очередность призвания наследников к наследованию по закону», «необходимое наследование и др.» [6, с. 7-8].

Иван Александрович Демидов, исследуя аналогию квазиделиктных обязательств в римском частном и современном российском гражданском праве, отмечает схожесть правовых конструкций, не означающую, однако, их полное тождество [5, с. 107].

Характеризуя институт защиты прав потребителей в римском праве, Т. М. Иванова заметила, что понятие «потребитель» возникло только в XX веке, однако римское частное право достаточно детально регламентировало права покупателя и обязанности продавца [8, с. 74-77].

К. В. Крупейников исследует цивилистические представления о презумпциях, восходящие к римскому праву и настаивает, что именно в римском праве происходил процесс становления правовых понятий, являющихся сегодня «основой категориального аппарата современной юриспруденции, в том числе и правовых презумпций» [10, с. 86].

Статья в журнале «Академическая публицистика» А. С. Юрченковой посвящена углубленному анализу категории «вина» в римской и русской цивилистике, в результате которого исследовательница пришла к выводу о том, что «… значение римского термина не в полной мере соответствует современному значению», и сегодня римский термин используется с учетом современных цивилистических реалий и современной практики [23, с. 431-434].

Александр Николаевич Чашин убедительно продемонстрировал на примере деятельности российских, украинских, армянских органов правосудия факты применения отдельных общеизвестных норм римского права, не нашедших закрепления в национальных системах законодательства. Автором приведены примеры судебных актов, в обоснование которых положено коллизионное правило: «последующий закон отменяет предыдущий», являющееся частью доктрины римского права [18, с. 77-81].

Нижегородские авторы Л.М. Элькинбард и Т.С. Гирина настаивают, что: «Вклад римских юристов сегодня явно недооценивается» [22, с. 43]. Отраслевое законодательство не имеет, по их мнению, узко-национальной специфики. Более того, названные авторы полагают возможным использования опыта римских юристов в качестве одного из источников современного транспортного права, так как: «нормативно-правовые акты, регулирующие транспортную деятельность, писались не с чистого листа, а естественно разрабатывались на базе имеющегося российского и мирового опыта» [22, с. 49].

Методические аспекты преподавания.

С точки зрения компетентностного подхода данная учебная дисциплина поистине универсальна. Помимо зна-

ний об исках, лицах, вещах и обязательствах, студент в процессе обучения получает навыки применения норм права при решении задач-казусов, тренируется составлять исковые заявления и выносить судебные решения, научается классифицировать юридические факты. Владение юридической терминологией, навыками анализа различных правовых источников приобретается в процессе изучения Римского права, как никакой другой учебной дисциплины. За четверть века практики его преподавания мы, лекторы, оценили дидактический потенциал римской правовой доктрины.

Нужны ли латынь и римское право в магистратуре? С точки зрения формирования общекультурных и общепрофессиональных компетенций – безусловно, нужны. Оценить влияние рецепции римского права на становление разнородных правовых систем, блеснуть эрудицией перед коллегами в декламации латинских крылатых выражений, возможно, и неплохо. Как представляется, одно не отменяет другого. Изучение этих классических дисциплин в самом начале профессионального становления в качестве пропедевтических курсов создает представление о содержании и глубине юридической профессии, задает высокую планку для дальнейшего изучения иных учебных дисциплин по профилю подготовки.

Фактически, преподавание дисциплины Римское право на этапе бакалавриата и в магистратуре преследует различные дидактические цели: для бакалавров это хорошая возможность формирования профессиональных компетенций, надежного фундамента теоретических знаний и практических навыков; для магистрантов – исследовательское поле, метод и инструмент формирования компетенций общекультурных.

Пристатейный библиографический список

1. Бортнев А. И., Сергачева О. А. Развитие института наследования в римском частном праве и его рецепция в наследственном праве России // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. – 2016. – № 1. – С. 75-79.
2. Владычкина О. А. О гражданской дееспособности в римском и гражданском праве Российской Федерации // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2018. – № 55. – С. 52-62.
3. Воронин И. К. Особенности статуса объектов регистрации и субъектов её осуществления: теоретико-правовой экскурс в римское право // Право и практика. – 2019. – № 2. – С. 6-10.
4. Гуляев А. М. Современные задачи преподавания римского права // Журнал Министерства юстиции. – Санкт-Петербург, 1909. – № 2 (Февраль). – С. 119-130.
5. Демидов И. А. О квазиделиктных обязательствах в римском частном и современном российском гражданском праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 6 (125). – С. 106-113.
6. Дзуцев Д. М., Бутаева Э. С. Преемственность концепций наследования по закону римского права в современном гражданском праве // Юридический факт. – 2018. – № 24. – С. 6-9.
7. Иванов А. А., Матиенко Т. Л. Вещное и обязательственное право в римском и российском праве // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 12. – С. 15-18.
8. Иванова Т. М. Институт защиты прав потребителей в римском праве // Альманах мировой науки. – 2019. – № 6 (32). – С. 74-77.
9. Калачева Т. Л., Махарадзе Н. С. Влияние римского частного права на реформирование современного гражданского права // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. – 2014. – № 1. – С. 123-125.
10. Крупейников К. В. Историко-правовой анализ вины в римском частном праве и современном российском гражданском праве // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 4 (160). – С. 86-90.
11. Лещенко О. К. Источники римского права: историко-диалектический анализ и взаимосвязь с современными источниками российского гражданского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 4 (129). – С. 128-136.
12. Летяев В. А. Рецепция римского права в России XIX – начала XX в. (историко-правовой аспект). – Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2001. – 244 с.
13. Пашенцев Д. А. Влияние римского права на развитие юридического образования в Российской империи // Государство и право. – 2018. – № 7. – С. 133-138.
14. Петражицкий Л. И. О распределении доходов при переходе права пользования по римскому праву // Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. – Санкт-Петербург: Б. и., 1902. – С. 94-124.
15. Петражицкий Л. И. Общие замечания об отношении новых гражданских уложений к римскому праву // Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. – Москва: Статут, 2002. – С. 312-321.
16. Рыбалка Е. А., Казанцева Е. В. Правовое регулирование институтов опеки и попечительства в римском праве и современной России // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 4 (91). – С. 25-29.
17. Ткаченко С. В. Правовые реформы в России: проблемы рецепции Западного права // Все о праве. Компас в мире юриспруденции. – Самара, 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.allpravo.ru/library/doc108p0/instrum6743/item6756.html (дата обращения: 07.09.2022).
18. Чашин А. Н. Римская доктрина как форма права в правовых системах СНГ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 77-81.
19. Шавалиева Д. Р. Отдельные этапы становления и развития залогового и ипотечного права в римском и русском праве // Общественные науки. – 2017. – № 6. – С. 479-487.
20. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. – Казань: Тип. Императорского ун-та, 1891. – 313 с.
21. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). – Москва: Спарк, 1995. – 556 с.
22. Элькинбард Л. М., Гирина Т. С. Римское право как источник современного транспортного права // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2013. – № 36. – С. 43-49.
23. Юрченкова А. С. Развитие положений римского частного права о вине в российском гражданском праве // Академическая публицистика. – 2019. – № 5. – С. 431-434.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-76-79

ДОРОЖКО София Владиславовна
студент 2 курса группы 22.Б14-ю Направления: Юриспруденция (с углубленным изучением японского языка и права Японии) (код 40.03.01) Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Дорожко С. В.

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯПОНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В КОНСТИТУЦИИ ЯПОНИИ 1889 Г. И 1947 Г.

Конституция Японии 1947 г. является предметом многочисленных споров. Это неудивительно, ведь сам процесс ее создания признается достаточно неоднозначным ввиду происходивших в то время исторических событий. Целью оккупационной политики США, проводимой по отношению к Японии, была полная демилитаризация и попытка устранения любого шанса на восстановление военной мощи. Это привело к созданию достаточно обсуждаемой главы 2. В ней провозглашается отказ от войны как способа решения конфликта с иными странами. Однако, США повлияли не только на создание данной главы, но и Конституции в целом, которая теперь уже достаточно сильно напоминает аналогичный американский документ. Это порождает рассуждения о том, является ли конституция Японии действительно «японской». К подобным спорам добавляется еще один весьма интересный факт: с самого момента ее создания Конституция Японии ни разу не была изменена. Такой стабильностью не может похвастаться даже сама Конституция США, которая, казалось бы, должна быть эталоном конституционного строя для Японии.

Целью данной работы является анализ и сравнение Конституции Японии 1889 г. и Конституции Японии 1947 г.

Объектом исследования являются нормы Конституции Японии 1889 г. и Конституции Японии 1947 г.

Предмет исследования – отражение японского правосознания в Конституции 1889 г. и его изменение в Конституции 1947 г.

Теоретическая значимость работы: обоснованный вывод в рассуждении о подлинно японском характере Конституции Японии 1947 г., сформулированный с учётом исторического развития правосознания японцев.

Возможность практического применения – результаты проведенного исследования помогут сформировать представление о том, в каком случае при радикальном изменении законодательства сохраняется правовая идентичность страны.

Ключевые слова: японское право, правосознание, менталитет, конституционное право, история государства и права, Конституция Японии.

DOROZHKO Sofiya Vladislavovna
student of the 2nd course, Group 22.B14-yu, Direction: Law (with in-depth study of the Japanese language and Japanese law) (code 40.03.01) of the Faculty Law of the St. Petersburg State University

REFLECTION OF THE PECULIARITIES OF THE JAPANESE MENTALITY IN THE CONSTITUTION OF JAPAN OF 1889 AND 1947

The Constitution of Japan of 1947 is the subject of numerous disputes. This is not surprising, because the very process of its creation is recognized as rather ambiguous due to the historical events that took place at that time. The goal of the US occupation policy towards Japan was complete demilitarization and an attempt to eliminate any chance of restoring military power. This led to the creation of a rather discussed chapter 2. It proclaims the rejection of war as a way to resolve the conflict with other countries. However, the United States influenced not only the creation of this chapter, but also the Constitution as a whole, which now strongly resembles a similar American document. This gives rise to arguments about whether the constitution of Japan is really "Japanese". One more very interesting fact is added to such disputes: from the very moment of its creation, the Constitution of Japan has never been changed. Even the US Constitution itself cannot boast of such stability, which, it would seem, should be the standard of the constitutional system for Japan.

The purpose of this work is to analyze and compare the Constitution of Japan of 1889 and the Constitution of Japan of 1947.

The object of the study is the norms of the Constitution of Japan of 1889. And the Constitution of Japan 1947.

The subject of the study is the reflection of the Japanese legal consciousness in the Constitution of 1889 and its amendment in the Constitution of 1947.

Theoretical significance of the work: a reasoned conclusion in the discussion about the truly Japanese character of the 1947 Constitution of Japan, formulated taking into account the historical development of the legal consciousness of the Japanese.

The possibility of practical application – the results of the study will help to form an idea of in which case, with a radical change in legislation, the legal identity of the country is preserved.

Keywords: Japanese law, legal consciousness, mentality, constitutional law, history of state and law, Constitution of Japan.

Введение

Как известно, законодательство играет важную роль в регулировании общественных отношений: созданное государством, оно, вместе с тем, стремится выражать интересы и обеспечивать защиту как всего общества в целом, так и отдельных индивидов. Другими словами, законодательство – основа и регулятор всего общества, предоставляющий нам гарантии защиты в правовых отношениях. В каждом государстве эта основа была создана в соответствии с национальным менталитетом. В противном случае, её функционирование было бы весьма ограничено, либо же и вовсе бы стояло под вопросом. Так в своей работе «О сущности Конституции»

Фердинанд Лассаль говорил о безусловной необходимости соответствия конституции «писаной» и конституции «реальной».

Правосознание в каждой стране имеет существенные различия. Причина этому заключается не столько в отличных друг от друга правовых семьях, сколько в истории становления права и отношения граждан к нему. Актуальность темы исследования японского правосознания неоспорима, так как, анализируя характерные черты японского менталитета, в том числе проявляющиеся в правовой сфере, можно было бы сделать обоснованный вывод о том, действительно ли вестернизация оказала столь весомое влияние на законодательство Японии, а именно – на действующую Конституцию.

Создание Конституции Японии 1889 г.

Для того, чтобы в полной мере понять, насколько «западной» является действующая Конституция Японии, необходимо обратиться к истории создания первой японской конституции и событий, предшествовавших этому. На протяжении долгого периода времени Япония являлась во всех аспектах закрытой страной: она не осуществляла торговлю с иными государствами, разве что за редким исключением в виде Голландии и Китая [3, с. 264]. Разумеется, в таком случае о зарождении конституционализма не может идти и речи: страна не могла получать информацию о зарубежных правовых инновациях. Но, миссия Командора Перри по заключению торгового договора привела к открытию Японии и принудила её к выходу на международную арену. Приезд американской делегации и излишняя настойчивость командора привели к укреплению неприязни к иностранцам, что впоследствии нашло всё большее отражение в идеологии «кокутай» [8, с. 383], которая будет иметь серьёзное влияние на правовую систему Японии.

Данный термин зародился на закате эпохи Токугава в ходе попытки народа противостоять действующей власти [3, с. 275]. Опасения граждан заключались в том, что иностранные государства могут разрушить «подлинный» характер японской нации, который нашёл отражение в термине «кокутай», что по иероглифам можно дословно перевести как «государственное тело» [9, с. 298]. Данная идеология оспаривала в том числе и необходимость в китайском влиянии, превознося синтоизм над конфуцианством. Также, последователи этой идеи утверждали о неоспоримости нахождения власти в руках императора, так как, по их мнению, именно это отражает японскую национальную идентичность. Важно отметить, что на момент зарождения идеологии страной управлял сёгунат, в то время как императору не позволялось принимать участие в государственных делах.

Впрочем, расцвет кокутай пришёл на период реставрации Мейдзи (устранение сёгуната и передача государственной власти императору). Интересно, что в свержении сёгуната активно принимали участие (будучи на разных сторонах конфликта) те самые «варвары», а именно Англия и Франция, что утихомирило ненависть к иностранцам [3, с. 290]. С воцарением императора возникла необходимость объяснить народу надобность столь радикальных перемен. Именно поэтому в основу государственной идеологии был взят кокутай, уже к тому моменту имевший идею о передаче власти монарху. В 1868 году император Мейдзи получил путём переворота неограниченную власть и вновь объединил Японию.

Так как к этому моменту Япония уже более не являлась закрытой страной, она активно смотрела в сторону своих западных коллег. Опыт иностранных государств повлиял даже на создание неслыханной японцу ранее Конституции.

В 1871 году осуществилась миссия Ивакура, нацеленная на пересмотр торговых договоров с 15 государствами [9, с. 311], с которыми на тот момент Япония уже имела дипломатические отношения. Однако, этого она добиться не смогла ввиду статуса «развивающейся страны». Для того, чтобы на равных войти в мировое сообщество, необходимо было изменить свои внутренние законы и устои до такой степени, чтобы они удовлетворяли европейских партнеров. Именно это послужило причиной для изучения особенностей правовых систем, мер наказания и конституции [5, с. 312].

Также, создания Конституции требовала внутренняя политическая обстановка. Народ устал от «непоследовательных» действий правительства и требовал своего представительства в государстве. Итагаки Сайсуке создал движение, выступавшее за принятие Конституции. Однако необходимо отметить, что он вовсе не поддерживал свержение монархии аналогично Европе. Ему и его соратникам куда больше была привлекательна идея конституционной монархии, так как она наиболее чётко выражала желанную связь между народом и главой государства.

В 1889 году была принята первая Конституция Японии, основанная на Конституции Пруссии 1850 г. и Конституции Бельгии 1831 г., относящихся к романо-германской правовой семье [6, с. 650]. То есть, уже на тот момент Япония осуществляла рецепцию права [5, с. 274]. Составление текста нового документа являлось не самой простой задачей. В западных странах конституционные зачатки появились ещё на этапе древности, поэтому принятие Конституции было вполне естественным [3, с. 330]. Япония же была насильно интегрирована в международное сообщество, и действия по соответствию требованиям равной иностранным государствам действительно сложно назвать непринуждёнными. Ито Хиробуми, председатель Тайного Совета и по совместительству один из архитекторов конституции, также отмечал огромное влияние христианства на различные сферы общества. В Японии подобную силу могла иметь только императорская фамилия, ведь религия не имела столь сильного воздействия на японское сознание, поэтому уже даже на законодательной основе был закреплён статус династии императора как обладателя «вечной власти». Это отражается в статье 1: «Японская империя должна управляться и над нею должна царствовать непрерывная во веки веков линия императоров» [1, с. 530]; и в статье 3: «Император есть лицо священное и неприкосновенное» [1, с. 530]. Подобное обожествление императора позже имело сильное влияние не только на общество Японии, но и на всю мировую историю.

В отличие от многих европейских государств, принятие Конституции не было осуществлено потом и кровью граждан, требующих перемен [3, с. 332]. Наоборот, Конституция была подарком единственного, по мнению японского сознания, божественного создания во плоти. Именно поэтому вторая глава Конституции была посвящена правам и обязанностям граждан Японии, ведь таким образом даже на законодательном уровне был закреплён факт заботы императора о своих поданных. Что касается содержания главы 2, то, согласно статье 28, японцам предоставляется свобода вероисповедания [1, с. 531]. Интересно, что для мирового сообщества эта норма являлась достаточно прогрессивной, в то время как для японцев она была правовым закреплением уже действовавшего религиозного многообразия. На протяжении всей истории в Японии проповедовались несколько разных рели-

гий, а именно: буддизм, синтоизм и конфуцианство. Японцы могли примкнуть к любой из этих вер, и государство никак их в этом не ограничивало. Даже несмотря на признание синтоизма государственной религией осуществлялись лишь попытки ограничения влияния иного вероисповедания, а не его окончательного искоренения. Это объяснимо тем, что в основе своей синтоизм подразумевает существование нескольких богов и право выбора молиться любому из них.

Конституция Японии 1947 г.

Вопреки расхожему мнению, идеи о демократизации Японии появились ещё до Второй Мировой Войны. В 1930-х годах многие преподаватели, писатели говорили об этом [8, с. 417]. Общество уже на тот момент требовало изменений, и так как уже почти век Япония являлась открытой страной, она активно наблюдала за практикой в Западной Европе. Однако, несмотря на это, государственной идеологией всё ещё был кокутай. На тот период времени он приобрёл националистический характер, и государство стремилось устранить всех несогласных с его политикой. Главной целью было воспитать молодёжь как орудие воли императора, выраженной в законах и действиях правительства. Поэтому, демократические идеи были забыты вплоть до конца Второй Мировой Войны.

В Потсдамской декларации 1945 г., подписанной главами США, СССР и Великобритании, были поставлены основные задачи оккупационной политики в Японии: демилитаризация страны, демобилизация японских вооруженных сил, наказание всех военных преступников. Изначально планировалось упразднить институт императора, но эту задачу изменила личная встреча Хирохито (действовавший на тот момент император) и Генерала Дугласа Макартура. Генерал отозвался об императоре как о «первом джентльмене Японии» и в служебной записке в Вашингтон заявил о вероятном провале оккупационной политики в случае упразднения данного института [3, с. 475]. К тому же, в Японии уже была практика существования монарха лишь как символа государства во времена сёгуната. Поэтому, вызывать слишком уж сильные потрясения не было необходимости.

Тем не менее, для выполнения поставленных задач было необходимо переделать правовую систему Японии так, чтобы не разрушить основы её функционирования. Начать решили с создания новой Конституции. Первые два проекта, в том числе под авторством юриста Мацумото, были отклонены ввиду недостаточной радикальности изменений [3, с. 476]. Для уточнения, перед японским правительством стояла непростая задача адаптировать существующие основы предыдущей конституции, относящейся к романо-германской правовой семье, под действительность, находящейся под сильным влиянием американского права, которое в свою очередь, относится к англо-американской правовой семье.

С самой первой страницы несложно увидеть яркое отличие от предыдущей Конституции, заключающееся в наличии преамбулы. Она провозглашает Японию как страну, политическим режимом в которой является демократия. Фраза «Мы, японский народ» [2, с. 1] по своей структуре повторяет начальную фразу из Конституции США «Мы, народ Соединённых Штатов». Подобное сходство объясняется участием США в написании Конституции и проведением политики демократизации. Дело в том, что данная формулировка имеет перед собой весьма существенною цель: обозначить народ как источник суверенной власти, подтвердить законность принятия данного документа, а также решимость народа в решении поставленных им задач. Из преамбулы Конституции Японии следует признание верховенства принципов народного суверенитета, пацифизма и прав граждан. Заканчивается она словами о стремлении японского народа к достижению установленных в преамбуле высоких идеалов.

Как и в Конституции 1889 года, первая глава полностью посвящена императору. Для этого было несколько причин. Во-первых, фигура императора всё ещё имела немаловажное значение для японцев, ведь уже на протяжении многих десятилетий она была символом единства народа. Несмотря на то, что у императора отняли политическую власть, умаление его ценности для японского сознания, даже через определение порядка глав, признавалось бесчестием в соответствии с нормами Гири. Во-вторых, переход от монархии к демократии являлся довольно важным изменением в правовой системе, поэтому его необходимо было обозначить в первую очередь.

В статье 1 главы 1 признаётся ценность императора для духа японцев [2, с. 1], однако сразу же после этого говорится о суверенной народной власти. Подобное построение предложения говорит об изменившемся правосознании, так как раньше Конституция воспринималась как подарок от великого императора, и народ, как почтенный слуга, обязан был его принять. Теперь же японцы хоть и отдают дань уважения императорской семье, но сразу после этого утверждают о своей суверенной власти. Также, уважение к истории императорской семьи проявляется в статьях 6 и 7 [2, с. 2], посвящённым обязанностям императора в государственных делах. Разумеется, все эти полномочия имеют формальный характер [6, с. 564]. Однако, их соблюдение важно в угоду традиции, которая находит выражение в тексте Конституции. Немаловажным для изменения японского правосознания также являлась «Нингэн-сэнгэн» – декларация императора о его человеческой природе [7, с. 676]. В ней император объявил концепцию «Императора, произошедшего от Бога» ложной, тем самым радикально повлияв на мнение народа о месте императора в системе государственной власти.

Глава 2 имеет статус самой обсуждаемой главы с момента публикации. Она говорит о пацифизме [2, с. 3], суть закрепления которого была в предотвращении возрождения японского милитаризма. Но вместе с этим она порождает некоторые проблемы, например, невозможность осуществления некоторых своих обязанностей как члена ООН. Хотя формально «средства войны» в соответствии с Конституцией недопустимы, Япония всё же обладает силами самообороны. Это не противоречит Конституции, так как в 1950 году было опубликовано официальное разъяснение данной статьи, в котором говорилось об ограничении военных расходов в рамках 1% от ВНП [6, с. 556]. Однако, разговоры об изменении данной главы не утихают до сих пор даже с учётом такой характерной японской черты как стремление к стабильности во всех аспектах. Тем не менее, нельзя утверждать, что при принятии в том числе и данной статьи Конституции имел место лишь факт настойчивости с американской стороны. Вероятно, японцы, будучи на стороне проигравшей, восприняли данное условие как свою обязанность перед победителем. К тому же, в отличие от упразднения института императора, данный факт был возможен для восприятия японским сознанием, поэтому статья 9 [2, с. 3] вошла в Конституцию в таком виде, в котором мы можем лицезреть её сейчас.

Глава 3 посвящена правам и обязанностям народа. Ярко выражено заимствование концепции прав и свобод человека из западноевропейской теории естественного права. Так,

в статье 13 провозглашается уважение каждого человека как личности [2, с. 3], что чётко говорит о том, что это его неотъемлемое право от рождения. Однако, в статье 12 говорится о недопустимости злоупотребления этими правами [2, с. 3], что сразу пресекает возможную вседозволенность. В Конституции Японии 1947 года присутствуют все группы прав и свобод граждан: личные, политические и экономические, социальные и культурные.

Хотелось бы отметить, что формулировка названия 3 главы включает в себя не «права и свободы» граждан, а «права и обязанности» граждан [2, с. 3]. Здесь мы видим чёткое отличие японского правосознания от европейского. Конституция в Европе выступала как защитник от государства, поэтому там воспеваются права и свободы, а обязанности уходят на второй план. Японский менталитет долгое время включал в себя исключительную обязанность перед государством за те блага, что оно даровало народу. Японцы никогда не боролись за Конституцию, изначально она была создана самим государством в лице императора Мейдзи. Поэтому, они воспринимают права и обязанности как неотчуждаемые друг от друга понятия. Так, в статье 27 провозглашается право и обязанность японских граждан трудиться. Это весьма нехарактерно для демократической Конституции, но ввиду особенностей японского менталитета, невозможно представить иную формулировку данной статьи. Работающий японец относится к своей деятельности как к обязанности, которую он должен выполнить максимально качественно, что в свою очередь породило культуру труда [10, с. 275]. В этом проявляются не потерявшие свою актуальность и по сей день нормы Гири: обязательство и долг выполнения этого обязательства [4, с. 109]. Именно поэтому данная характерная черта менталитета перешла в текст Конституции.

Глава 8 Конституции Японии посвящена органам местного самоуправления (МСУ) [2, с. 15]. Фактически, они были созданы ещё в эпоху сёгуната Токугава в лице деревенских старост, сельских депутатов, городских старейшин, глав городских районов [3, с. 97]. Во времена реставрации Мейдзи 1968 г. органы МСУ получили правовое регулирование. Учитывая эти факты, несложно определить, по какой причине данный конституционный принцип приобрёл успех в реализации.

Глава 9, состоящая из одной статьи, посвящена поправкам [2, с. 16]. Однако, Конституция Японии славится тем, что с самого момента её принятия она не была подвержена изменениям. В статье 97 следующей главы говорится, что данный документ составлялся с надеждой на то, что права в нём «на вечные времена останутся нерушимыми». Стремление к стабильности и чёткое следование правилам весьма характерно для японского менталитета [4, с. 119].

Завершается текст Конституции комментарием Хирохито, действующего императора Японии на момент подписания данного документа. Однако, этот комментарий имеет весьма спорный характер, так как согласно ему действующая Конституция является поправкой к предыдущей: «…настоящее одобрение и промульгация поправок к японской императорской Конституции осуществляется с получением консультации Тайного совета и по решению Парламента Империи…» [2, с. 17]. Официальное одобрение со стороны императора было необходимым, так как именно он являлся символом государства и единства народа. Очевидно, что правосознание одномоментно не меняется, это требует кропотливых и долгих изменений. На тот момент граждане Японии уже долгое время доверяли абсолютному титулу императора, и, разумеется, они примут документ, подтверждённый им.

Заключение

Конституция является основным документом для законодательства любой страны, в которой она существует. Поэтому, для Японии заимствование в правовой сфере не являлось чем-то необычным даже в период после конца Второй Мировой войны. Их самая первая конституция, созданная в момент распространения националистической идеологии «кокутай», была основана на Конституции Пруссии. Иными словами, само зарождение японского конституционализма уже было результатом заимствования норм у других государств. В результате анализа действующей Конституции Японии с точки зрения менталитета граждан этой страны, можно сделать вывод, что, несмотря на сильное влияние американцев на создание данного документа, Конституция действительно отражает правосознание японцев. Японская правовая система является исключительной ввиду достаточно большого количества заимствований правовых норм на протяжении всей истории. Рецепция права в Японии действительно происходит в куда большем объёме по сравнению с европейскими государствами. Однако, это является неотъемлемой чертой их правосознания, благодаря чему Конституция Японии 1947 г. уже более полувека неизменно продолжает своё действие.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Японской Империи: от 11 февраля 1899 года / Пер. М. А. Шрейдер, С. Г. Займовский // Японцы о Японии. – СПб., 1906.
2. Конституция Японии: от 3 мая 1947 года // Правовая библиотека «legalns.com». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf (дата обращения: 05.04.2023).
3. История Японии: учебник / под редакцией Д. В. Стрельцова; Ассоциация японоведов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Институт востоковедения РАН. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2018.
4. Японцы (этнопсихологические очерки) / Пропников В. А.; Ладанов И. Д. – 2-е изд, испр. и доп. – Москва: Наука, 1985.
5. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / О. В. Афанасьева, Е. В. Колесников, Г. Н. Комкова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023.
6. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д.ю.н., проф. Ю. И. Лейбо и д.ю.н., проф. Л. М. Энтина. – М.: Норма, 2004.
7. Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II / Dower, John W. – New York: W.W. Norton & Co., 1999.
8. Краткая история Японии / Ричард Г. П. Мейсон, Джон Г. Кайгер; [пер. с англ. В. В. Степановой]. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022.
9. Япония. История и культура: от самураев до манги / Нэнси Сталкер; Пер. с англ. – Москва: Альпина нонфикшн, 2020.
10. История Востока. В 2 томах. Т. 2. В 2 книгах. Кн. 2: учебник для вузов / Л. С. Васильев. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023.

ХАРИТОНОВА Анна Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

КОРЧАГИНА Ирина Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

Харитонова А. Н.

НАЛОГОВЫЕ ОРГАНЫ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД НЭП: ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ГАРАНТИИ ФИСКАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются тенденции развития новой экономической политики. Одним из основных условий существования любого государства является формирование и функционирование налоговой системы, которая во многом базируется на территориальных источниках доходов. Астраханская губерния не стала исключением, и именно исследование правового регулирования деятельности налогового аппарата Астраханской губернии делает тему весьма актуальной и востребованной.

Ключевые слова: налоговые органы, налоги, фискальная безопасность, закон, новая экономическая политика.

KHARITONOVA Anna Nikolaevna
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Theory and history of state and law sub-faculty of the V. N. Tatishchev Astrakhan State University

KORCHAGINA Irina Vyacheslavovna
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law sub-faculty of the V. N. Tatishchev Astrakhan State University

Корчагина И. В.

TAX AUTHORITIES OF THE ASTRAKHAN PROVINCE DURING THE NEP PERIOD: LEGAL REGULATORS OF ACTIVITY, GUARANTEES OF FISCAL SECURITY

The article discusses the trends in the development of the new economic policy. One of the main conditions for the existence of any state is the formation and functioning of the tax system, which is largely based on territorial sources of income. Astrakhan province was no exception, and it is the study of the legal regulation of the activities of the tax apparatus of the Astrakhan province that makes the topic very relevant and in demand.

Keywords: tax authorities, taxes, fiscal security, law, new economic policy.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что исторически можно провести параллели становления Советского государства в 20-е годы прошлого столетия и ситуации спустя век после событий того времени. Сегодня мы наблюдаем повторение истории в части введения запретов и санкций на международные отношения России с другими государствами в сфере политики, экономики, культуры и др. Эти события диктуют необходимость нахождения и мобилизации внутренних ресурсов страны на решения вопросов социально-экономического развития государства. Именно это заставляет обратить внимание на опыт формирования и деятельности налоговой системы в нашей стране вековой давности. Следует отметить изменение экономических и других условий жизнедеятельности страны, но тем не менее, как нам представляется, интерес могут представлять именно подходы к решению возникших проблем того времени, положительный опыт и неудачные решения.

Конституционный характер постановлений Всероссийского съезда Советов определялся его статусом верховного органа власти, что позволяло ему, в период межу съездами делегировать свои функции Всероссийскому центральному исполнительному комитету (ВЦИК), в том числе в налоговой сфере. Совет народных комиссаров также обладал правом издавать декреты, в том числе и по вопросам касающихся формирования налоговой политики.

Механизм формирования законодательной базы регулирования налоговых отношений заключался в совместном принятии решений ВЦИК и СНК. Первоначальное обсуждение и принятие законопроекта происходило в СНК, затем следовало утверждение ВЦИК.

Необходимо также отметить многоступенчатость законодательной деятельности, так на верхнем уровне она осуществлялась наркоматами (например, Наркоматом финансов), на местном – местные советы, исполкомы, органы городского самоуправления и т.д. Простор деятельности местной власти подчеркивает их возможность принятия своих законом на местах, которые согласуются с государственной политикой в той-или иной сфере деятельности. В частности, была возможность установления собственных налогов, доходы от которых шли на покрытие местных расходов.

В октябре 1917 г. На II Всероссийском съезде Советов был утвержден центральный орган управления финансами – Народный комиссариат финансов (НКФ). Его задачи заключались в восстановлении экономики и финансов государства, в том числе, в формировании налоговой политики.

Проводником налоговой политики на местах являлись финансовые отделы, которые имели непосредственное подчинение НКФ. Астраханский губернский финансовый отдел

(АГФО) был именно таким структурным подразделением, которому было поручено без промедления начать реорганизацию налогового аппарата и начать исполнение: «Правила взимания промыслового налога и инструкции об органах взимания промыслового налога»[1].

В период проведения политики военного коммунизма происходило директивное закрытие финансовых ведомств и, соответственно сокращение штата сотрудников. Это повлекло за собой сложности в налоговой работе, связанные с нехваткой кадров, что особенно наглядно было видно в первые годы НЭПа в Астраханской губернии. Решение данной проблемы было начато в сентябре 1921 г. в Наркомфине с организации новой должности финансовых инспекторов (фининспекторов), которые являлись непосредственными сотрудниками губфинотделов и действовали под его непосредственным руководством и наблюдением. Поскольку исчисление и сбор налогов являлось главной задачей ведомства, то в обязанности фининспекторов входило непосредственное курирование этого вопроса.

Приоритетность проведения налоговой кампании для губернских властей была очевидной, поэтому для ее осуществления спешно подбирался штат сотрудников. Городничев Павел Александрович – заведующий астраханским губернским финансовым отделом отмечал: «сначала была проделана работа по организации взимания налогов, как самая важная и необходимая, другая же работа практически не производилась… Прежде всего был оборудован штат внешнего надзора налогового аппарата. Постепенно увеличивался штат финансовых агентов и канцелярии финансовых инспекторов. Аппарат косвенного налога начал функционировать с марта-апреля»[2]. В связи с тем, что единственным финансовым источником являлся фискальный, то он по полному использовался для главной задачи, сформулированной властями.

На основании изложенного выше, штат финансовых инспекторов формировался особым образом. Предполагалось, согласно инструкции, разосланной на места, заменить городских и уездных податных инструкторов, созданием финансового отдела.

Изменение их подчинения от местных властей к губернским имело своей целью повысить фискальную дисциплину. Их задачей была правильность и целостность взимания налогов в бюджет. Финансовые инспектора подчинялись непосредственно губфинотделу и распределялись по уездам губернии и являлись председателями комиссий. Состав штата губфинотделов варьировался от 4 до 8 единиц, в зависимости от налоговой базы уезда. Например, в г. Саратове было 3 инспектора и по 1 в каждом из уездных городов[3]. Губфинотделы отвечали за обеспечение жильем, средствами на транспортные расходы, на одежду, канцелярские товары и суточные. Все мероприятия по финансированию проходили в условиях усеченного финансирования, и как следствие нехватки средств.

Ответственность и большая важность работы заставляла предъявлять высокие требования к кандидату на вакансию финансового инспектора. В анкете подробно описывался трудовой опыт, а также личные качества претендента, прилагалась характеристика заведующего губфинотделом, в которой подробно характеризовались не только профессиональные, но и моральные и идейные качества. Для тех кандидатов, кто имел опыт работы податным инспектором, сдать экзамен в ГФО по программе установленной НКФ. Безусловно в НКФ давали себе отчет в том, что наберется крайне ограниченное и недостаточное число специалистов полностью соответствующее предъявляемым требованиям: «в числе таких лиц повсюду окажется, по всей видимости, недостаточным даже для назначения по одному инспектору на уезд»[4], но выход из данной ситуации им виделся довольно ясный: «можно ожидать, что податные инспекции, пожелают возвратиться добровольно к прежней работе и пополнение состава фининспекторов, следует надеяться, не встретит больших препятствий»[5].

Образовалась непростая ситуация при которой местные финансовые отделы, с одной стороны, не в состоянии найти кандидатуру, соответствующую всем требованиям центра, а с другой – необходимостью исполнения планового объема работ. Во спасение ситуации местные власти были вынуждены выстраивать коммуникации со штатом сотрудников, персонально с каждым инспектором, объясняя его уникальную роль в деле спасения страны. Бюро комячеек разрабатывало специальные обращения к сотрудникам, например в виде 11 непременных заповедей: «11 заповедей Торговому работнику Астраханского губернского финансового отдела на ноябрь 1922 г.» [1, с. 116], которые заключались в том, что необходимо: отчет за предыдущий день; помнить об их миссии спасителей финансового положения Советской республики; взыскать государственных прямых и косвенных налогов минимум 758.000 руб. знаками 1922 г.; об остатке сбора налогов; отчет о проделанной работе; об их миссии сохранения государственного бюджета; об их вкладе в сохранение крупной государственной промышленности; об их ответственности за выпуск новых дензнаков; об укреплении курса рубля; о вкладе в празднование годовщины Октябрьской революции.[6]

В прочем не только на моральные, но и материальные стимулы возлагали надежды на мотивирование сотрудников, заявляя: «По практическим результатом оценивается работа каждого и его отношение к Советской власти…»[7].

«В целях снижения огромной нагрузки на финансовых инспекторов в их подчинение были назначены финансовые агенты, в обязанности последних входила: работа по надзору и выявлению объектов обложения»[8]. Назначение агентов не самым благоприятным образом сказалось на работе ведомства и авторитете властей в целом. Зачастую происходило дублирование обязанностей инспекторов и противоречие в предписаниях, когда агент облагал предприятие одной ставкой, а инспектор, такое же предприятие – меньшей.

Кроме всего прочего ситуация усугублялась тем, что наряду с объективно имеющимися трудностями, оборот набирали поборы со стороны фининспекторов, которые носили массовый характер и превратились в систему, которая охватывало все ведомство, работающее с финансами, и затрагивало все уровни управления. На практике это проявлялось следующим образом. Происходило занижение разрядов предприятий города, а именно, вместо полагающихся в соответствии с требованиями промысловых патентов высших разрядов, огромное число торговых предприятий было наделено промысловыми патентами низших разрядов, что приводило к занижению налогооблагаемой базы. Так, например: «…мясные лавки вместо третьего разряда имеют второй, торговцы старым железом, продающие товар со столов, ларей и сундуков имеют первый разряд вместо второго, киоски размером более 1 кв. саж. – второй разряд, а не третий»[9].

Решение проблемы по «неправильно» начисленному налогу многие искали «теневым путем» во взаимодействии с финансовым инспектором. Существовала и другая схема решения проблемы, в обход финансовых инспекторов. Сначала неправильно начислялась ставка налога, затем, для её снижения плательщик налога был вынужден «оплатить услуги» на всех уровнях управления финансового ведомства для положительного решения при рассмотрении его прошения о снижении ставки. Взятки получали следующие лица: «Инспектор, за то, чтобы тот или дал заключение об ошибочности произведенных расчетов,

1 Государственный архив Астраханской области. – Ф. 338. – О. 1. – Д. 102. – Л.2.

2 Государственный архив Астраханской области. – Ф. 338. – О. 1. – Д. 277. – Л. 28.

3 Государственный архив Астраханской области. – Ф. 338. – О. 1. – Д. 995. – Л. 6 об.

4 Государственный архив Астраханской области. – Ф. 338. – О. 1. – Д. 102. – Л. 3.

5 Государственный архив Астраханской области. – Ф. 338. – О. 1. – Д. 102. – Л. 6.

6 Государственный архив Астраханской области. – Ф. 338. – О. 1. – Д. 102а. Л. 183.

7 Государственный архив Астраханской области. – Ф. 338. – О. 1. – Д. 102а. – Л. 183.

8 Государственный архив Астраханской области. – Ф. 338. – О. 1. – Д. 102. – Л. 6.

9 Государственный архив Астраханской области. – Ф. 338. – О. 1. – Д. 102а. – Л. 175.

или, если заключение уже дано, то, чтобы о том же заявил при рассмотрении жалобы в налоговой комиссии, или, по крайней мере, воздержался от поддержания своего заключения».

Инструкторам, дающим заключение по жалобе от имени налогового подотдела и иногда являющимися докладчиками в налоговой комиссии. Консультанту, возглавляющему инструкторский состав и являвшегося в то же время заместителем заведующего налогового подотдела и представителем финансового отдела в губернской налоговой комиссии. Ревизору, если таковому поручается налоговым подотделом или губналогокомиссией проверить книги. Эксперту-бухгалтеру за то, чтобы он вопреки заключению инспектора, признал книги годными для целей налогового обложения. Председателю и членам Губернской налоговой комиссии, от которой и зависело окончательное разрешение вопроса» [2, с. 12].

С помощью «оплаты услуг» решались многие вопросы помимо уменьшения налоговой ставки. Так фининспектор Семиков указывал на то, что ещё в 1923 году подобными услугами финработников пользовались многие представители бизнеса, получая от них сведения о заключении инспекторов, информацию о состоянии налоговых дел, и другие всевозможные сведения [3, с. 11].

Ограниченное финансирование являлось огромной проблемой при организации работы финансовых отделов. При существующем распределении обязанностей по материально-техническому обеспечению рабочего процесса финансовых инспекторов, губернские власти занимались решением данной задачи в условиях тотального недофинансирования. На деле происходило перекладывание обязанностей с финотделов на уездные власти. Финансовые структуры не имели транспортных средств, соответствующей охраны, задержка получения заработной платы в связи непонятной ведомственной принадлежностью работников.

Процесс формирования административных учреждений и выстраивание системы их взаимодействия требовало особого внимания для налаживания работы в самих учреждениях и контроля за её качеством.

Отслеживать качество работы всех звеньев госучреждений предполагалось путем улучшения функции контроля за работой ведомств посредством введения обязательных ежемесячных отчетов. «Только строгий учет, сравнение с прошлым и сравнение с планом – могут дать возможность чувствовать биение жизни, ее темп, уклон в развитии того или иного дела. Своевременно и правильно поставленная отчетность подскажет необходимость тех или иных мероприятий» [4, с. 3]. Применительно к финансовым отделам было принято циркулярное распоряжение НКФ от 16 апреля 1922 г.[10] о предоставлении ежемесячных сведений о деятельности финансовых учреждений. Однако данная мера не сильно меняла положение вещей со сбором налоговых платежей. Одной из центральных проблем, с которой вынуждены были столкнуться налоговые органы была проблема недоимок, т.е. налогов неуплаченных государству.

Главными неплательщиками являлись государственные предприятия, которые находились на хозрасчете, что являлось существенной проблемой в погашении долгов. И это объяснялось следующими обстоятельствами. Учреждения финансировались по сметам и не имели кредитов; отсутствовали оборотные средства, безответственное отношение со стороны Администраций учреждений и предприятий к срокам уплаты платежей, а также множественные хищения.

Ситуация с государственными предприятиями и организациями осложнялась тем, что бороться с положением дел по сбору налогов было практически невозможно, что влекло за собой безнаказанность нарушителей пред фискальными органами. Оставалось два пути: арест имущества и привлечение к суду виновных, что было зачастую невозможно в силу некомпетентности сотрудников судебных органов на местах (отказывали в возбуждении подобных дел). Заведующий Управления Акцизов Сорокин в мае 1922 г. в своей ежемесячной записке описал создавшееся положение вещей следующим образом: «…на искоренение (нарушение директив) было обращено самое пристальное внимание, возбуждено уже несколько судебных дел, как против частных лиц, так и некоторых предприятий, но, к сожалению, развитие этой стороны деятельности акцизного управления тормозилось неопытностью чинов уголовного розыска и милиции, возбуждающих судебные дела по нарушениям акцизных декретов и недостаточной осведомленностью Народных судов, с порядком возбуждения таких дел, в силу чего управление акцизов вынуждено было просить местный отдел Юстиции, преподать надлежащие указания судебным органам губернии, о порядке возбуждения указанных дел»[11].

Вплоть до 1924 года работа по взысканию задолженностей по налогам не приносила значимых улучшений и наблюдался разброс результатов в положительную и отрицательную сторону, и в основном она сводилась к напоминаниям учреждениям об уплате своих недоимок. Позитивным трендом было то, что развитие товарно-денежных отношений положительно влияло на увеличение налогооблагаемой базы и как следствие – увеличение налоговых поступлений. Еще одним положительным процессом было укомплектование опытными сотрудниками штата налоговых ведомств к концу 1920-х гг. В целях оптимизации налогообложения и усиления контроля 1 октября 1926 г. было принято Положение о наружном налоговом надзоре[12]. Произошло реформирование ведомств путем их замены, финансовые инспекции – на инспекции по прямым налогам, а финансовых инспекторов и финансовых агентов – на инспекторов и агентов по прямым налогам.

Далее 8 января 1926 г. произошло объединение комиссий в единые, в состав которых входили плательщики подоходного и промыслового налога (Положение о налоговых комиссиях). До этого момента комиссии действовали на основе их разделения по виду налога.

Подводя итог, можно сделать вывод, о том, что в первой половине 1920-х гг., несмотря на кадровые, материально-технические, финансовые, коррупционные, организационные и другие проблемы, была полностью сформирована налоговая система советского государства. Было определено приоритетное направление – пополнение государственного бюджета прямыми и косвенными налогами, принимая во снимание их ключевую роль в этом. Несмотря на то, что основные декреты и инструкции были разработаны и опубликованы в 1921 – 1922 гг., на протяжении всего периода проведения новой экономической политики, издавались уточняющие или корректирующие курс налоговой политики правовые акты. Основное место в формировании правого поля отводилось декретам ВЦИК и СНК, дополнение, уточнение, конкретизация деталей и порядка взимания налогов и сборов отводилась актам этих ведомств в форме инструкций и положений.

Пристатейный библиографический список

1. Волосухина Н. И. Финансовая политика советского государства в условиях проведения денежной реформы 1922 – 1924 гг.: на материалах Нижнего Поволжья: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Астрахань, 2012. – 180 с.
2. Обвинительное заключение о служащих Астраханского финансового и торгового отделов Центрального рабочего кооператива… – Астрахань, 1929. – С. 12.
3. Обвинительное заключение о служащих Астраханского финансового и торгового отделов Центрального рабочего кооператива… – Астрахань, 1929. – С. 11.
4. Порох В. Путем учета своего опыта (Вынужденное предисловие к обзору экономики Астраханской губернии за 1922-23 бюджетный год) // Наш край. – 1924. – № 2. – С. 3.

10 Государственный архив Астраханской области. – Ф. 338. – О. 1. – Д. 138. – Л. 45.

11 Государственный архив Астраханской области. – Ф. 338. – О. 1. – Д. 170. – Л. 2.

12 Положение о наружном налоговом надзоре // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25712#02421771207133605 (дата обращения: 5.07.2023).

АБДУРАХМАНОВА Элина Халидовна
магистрант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

САРКАРОВА Джамиля Салиховна
кандидат политических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА ГРАЖДАН НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Внедрение в повседневную жизнь информационных технологий привело не только к ее упрощению, но и к совершенствованию способов совершения уже известных человечеству преступлений, а также породило условия для совершения ранее неизвестных деяний, предметом которых являются компьютерная информация, компьютерные устройства, информационно-коммуникационные сети и т.д. Настоящая статья посвящена анализу существующих проблем в сфере защиты права граждан на неприкосновенность частной жизни и персональных данных в России в условиях цифровизации.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, персональные данные, цифровизация, кибервымогательство, информационная безопасность, кибератака.

ABDURAKHMANOVA Elina Khalidovna
magister student of Constitutional and international Law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

SARKAROVA Jamilya Salikhovna
Ph.D. in political sciences, associate professor of Constitutional and international Law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHT OF CITIZENS TO PRIVACY AND PERSONAL DATA IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

The introduction of information technologies into everyday life has led not only to its simplification, but also to the improvement of ways of committing crimes already known to mankind, and has also created conditions for the commission of previously unknown acts, the subject of which is computer information, computer devices, information and communication networks, etc. This article is devoted to the analysis of existing problems in the field of protection of the right of citizens to privacy and personal data in Russia in the context of digitalization.

Keywords: privacy, personal data, digitalization, cyber extortion, information security, cyber-attack.

В последнее десятилетие информационные технологии активно внедряются во все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства. О важности информационных технологий не раз говорил президент Российской Федерации В. В. Путин в посланиях Федеральному Собранию РФ, на различных совещаниях и форумах. Несомненно, использование результатов научно-технического прогресса гораздо упрощает многие управленческие процессы, оказание государственных и муниципальных услуг [1, с. 39].

Так, одним из важнейших шагов по внедрению информационных технологий в правоприменительную деятельность стал запуск Единого портала государственных и муниципальных услуг. Он позволяет обеспечить доступность, простоту и удобство при получении государственных и муниципальных услуг.

Особое значение информационные технологии приобрели в то время, когда наша страна переживала не самые простые времена, вызванные пандемией коронавируса. Использование информационных технологий для электронной подачи документов (исков, заявлений, жалоб) обеспечивало безопасность населения и позволило минимизировать риски заболеваний. Однако, несмотря на большое количество преимуществ, внедрение информационных технологий сопряжено с риском утечки информации, персональных данных граждан Российской Федерации, что, как правило, бывает сопряжено с нарушением права личности на неприкосновенность частной жизни.

В связи с этим приобретают актуальность направления деятельности государства по обеспечению информационной безопасности. Так, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646, в числе основных информационных угроз упоминаются компьютерные преступления в кредитно-финансовой сфере, связанные с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий.

Наиболее ярким примером подобного рода нарушений может служить кибервымогательство, которое как правило квалифицируется по статье 163 УК РФ, однако, для того, чтобы совершить это преступление злоумышленникам предварительно необходимо получить доступ к персональным данным жертвы, ее личной информации, каким-либо сведениям компрометирующего характера и т.д. [2, с. 294], что безусловно будет квалифицироваться либо по статье 272, либо по статье 273 УК РФ.

Подобный случай имел место в практике Ленинского районного суда г. Ярославля, которым было рассмотрено уголовное дело по обвинению Самойлова С. И. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 272, ч. 1 ст. 163 УК РФ.

Подсудимый обвинялся в совершении указанных деяний при следующих обстоятельствах. Являясь активным пользователем сети Интернет, Самойлов посредством использования электронного сервиса в сети Интернет, предназначенного для хранения, резервного копирования и редактирования информации с устройств, закрыл доступ и исключил для потерпевшего возможность осуществлять требуемые операции над компьютерной информацией на его мобильном телефоне и полностью удалил, то есть стер всю имеющуюся на

мобильном устройстве информацию, в числе которой были фото, видео материалы, телефонные контакты, личную переписку и т.д. Кроме того, в результате действий подсудимого телефон утратил свое хозяйственное назначение и не мог быть использован собственником.

После этого, подсудимый в социальных сетях связался с потерпевшим и предложил ему перевести на электронный счет подсудимого денежную сумму в размере 10000 рублей взамен на восстановление утраченной компьютерной информации, а также разблокировку телефонного устройства. Потерпевший, опасаясь полной утраты, принадлежащей ему информации и мобильного устройства, перевел подсудимому 10000 рублей, после чего доступ к телефону подсудимым был восстановлен с последующим восстановлением всей компьютерной информации.

Судом было установлено, что подсудимым было совершено несколько аналогичных преступлений в отношении разных людей, с которых он требовал деньги за разблокировку телефона и восстановление утраченной информации [3].

На сегодняшний день имеет место проблема стабильно низкой раскрываемости компьютерных преступлений. Она давно находится на контроле у государства и руководителей ведущих силовых структур, однако статистика неумолимо иллюстрирует наличие серьезных пробелов в деятельности органов расследования. Каждая совершенная кибератака на российские учреждения и предприятия сопровождается не только причинением значительного материального ущерба, но и массовыми утечками персональных данных, что недопустимо особенно в условиях нестабильной внешнеполитической обстановки.

По данным компании StormWall в I полугодии 2022 года количество DDoS-атак на российские компании увеличилось в 15 раз по сравнению с аналогичным периодом 2021 года. Самыми атакуемыми отраслями в 1 половине 2022 года стали финансовый сектор (32% от общего числа атак), ритейл (14% от общего числа атак), логистическая сфера (10% от общего числа атак), страховая отрасль (8%) и государственный сектор (18% от общего числа атак). Также DDoS-атакам подверглись образовательный сектор (7%), сфера развлечений (5%), туристическая индустрия (4%) и другие отрасли (2%). В качестве основной причины повышенной активности хакеров специалисты называют нестабильную политическую обстановку, обусловленную проведением властями Российской Федерации специальной военной операции на Украине.

На необходимость повышения уровня раскрываемости компьютерных преступлений обратил внимание в своем недавнем выступлении секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев. Он также отметил, что на сегодняшний день перед российским государством стоят важнейшие задачи по повышению устойчивости и безопасности функционирования информационной инфраструктуры, а также по противодействию информационным угрозам и компьютерным атакам.

Важнейшими шагами на пути к реализации указанных задач должны стать «подключение информационных ресурсов к государственной системе обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и перевод на отечественное программное обеспечение всей критической информационной инфраструктуры».

На наш взгляд, помимо мер технического характера, направленных на пресечение противоправных деяний в сфере информационно-коммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации, необходимо качественно повышать уровень подготовки квалифицированных сотрудников органов предварительного следствия, привлекать для расследования преступлений экспертов специализированных компаний, обладающих специальными навыками и оборудованием, необходимыми для установления лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние.

С развитием информационных технологий, компьютеризацией общественной жизни, неминуемо встает проблема информационной безопасности. В первую очередь это касается персональных данных социальных сетей, а с появлением системы клиент-банк и распространением услуги «Мобильный банк», денежных средств, принадлежащих конкретным гражданам [4, с. 1]. Иными словами, под угрозу ставится безопасность не только персональных данных конкретного лица, но и его материальное положение, что не может не вызывать беспокойства, как общественности, так и правоохранительных органов [5, с. 95].

Анализ структуры компьютерной преступности в России показал, что основную массу компьютерных преступлений составляют хищения, в частности кражи, мошенничество и его отдельные разновидности. По данным информационного агентства «ТАСС» в 2021 году ущерб от дистанционного телефонного мошенничества в России составил 45 миллиардов рублей. Информационные технологии настолько быстро и активно внедряются во все сферы жизнедеятельности, что преступники с каждым годом только совершенствуют способы совершения корыстных преступлений.

Так, одной из наиболее распространенных «схем» является взлом аккаунтов граждан в социальных сетях, таких как «ВКонтакте» или «Инстаграм». Взламывая страницы, злоумышленники получают доступ к личным перепискам жертвы, зачастую в которых могут содержаться фото и видео материалы личного характера, публикация которых может нанести ущерб чести и достоинству человека. Под угрозой распространения указанных медиафайлов преступники начинают шантажировать жертву, требуя предоставления взамен определенной денежной суммы. Причем никто не гарантирует, что после ее перечисления преступникам шантаж и вымогательство прекратятся.

Таким образом, мы приходим к выводу, что с учетом активизации использования компьютерных технологий для совершения преступлений в отношении граждан и организаций возникает необходимость усиления работы соответствующих государственных органов по раннему выявлению и предупреждению правонарушений и преступлений в этой сфере. Кроме того, имеется потребность в проведении всестороннего анализа правовых механизмов исполнения нормативно-правовых актов, которые должны, с одной стороны, обеспечивать ход процесса цифровизации, но в то же время и сохранять конфиденциальность данных граждан, автономию их личности. Существующие недостатки в этой сфере требуют законодательных изменений.

Пристатейный библиографический список

1. Пашенцев Д. А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. № 1. – С. 35-49.
2. Чурсина А. Д. Кибервымогательство и угрозы в социальных сетях // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – С. 294-296.
3. Постановление Ленинского районного суда г. Ярославля от 27.09.2018 по делу № 1-136/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/WJycucYBNSYK/.
4. Шляпников Ю. В., Лаврушкина А. А. Способ совершения мошенничества как основной элемент механизма совершения преступлений с использованием сети Интернет и средств мобильной связи // Контентус. – 2017. – № 10 (63). – С. 1-8.
5. Северухин В. А. Проблемы защиты права на неприкосновенность личной жизни в контексте цифровизации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 2 (38). – С. 85-98.

АЛИЕВА Халиса Тельмановна
магистрант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ДИБИРОВ Магомед Тагирович
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Дагестанского государственного университета

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД С 1993 ПО 2021 ГОДЫ

Одним из важнейших достижений Конституции 1993 года стало провозглашение идеологического и политического многообразия. О фундаментальном характере указанных преобразований свидетельствует их расположение в тексте Основного закона страны, а именно, в главе I «Основы конституционного строя», которые, как известно, представляют собой базовые принципы, отражающие ценности общественно-государственного строя. Для Российской Федерации, как для правопреемницы Советского Союза, отход от модели однопартийного государства, построенного на общеобязательной моноидеологии, стал поистине революционным событием и огромным шагом в направлении построения демократического и правового государства. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать реализацию конституционных положений о политическом многообразии на выборах в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Ключевые слова: плюрализм, политическое многообразие, многопартийность, выборы, Государственная Дума, идеологическое многообразие.

ALIEVA Khalisa Telmanovna
magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

Dibirov Magomed Tagirovich
Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

POLITICAL PLURALISM ON THE EXAMPLE OF THE FORMATION OF THE STATE DUMA OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PERIOD FROM 1993 TO 2021

One of the most important achievements of the 1993 Constitution was the proclamation of ideological and political diversity. The fundamental nature of these transformations is evidenced by their location in the text of the Basic Law of the country, namely, in chapter I "Fundamentals of the constitutional system", which, as is known, represent the basic principles reflecting the values of the social and state system. For the Russian Federation, as the legal successor of the Soviet Union, the departure from the model of a one-party state based on a generally binding monoideology was a truly revolutionary event and a huge step towards building a democratic and rule-of-law state. This article attempts to analyze the implementation of the constitutional provisions on political diversity in the elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Keywords: pluralism, political diversity, multiparty system, elections, State Duma, ideological diversity.

Наряду с принципом идеологического многообразия статья 13 Конституции РФ закрепила принцип политического многообразия. Необходимость обстоятельного исследования политического многообразия обусловлена его ролью в достижении целей и задач, закрепленных в Основном законе РФ, а именно, в формировании демократического правового государства и эффективной партийной системы, обеспечивающей учет интересов различных социальных групп [1, с. 28]. Рассмотрим насколько эффективно реализуется указанный конституционный принцип на примере выборов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Прежде чем перейти к рассмотрению предмета настоящего исследования и дать оценку эффективности положений статьи 13 Конституции Российской Федерации, необходимо выяснить что вообще следует понимать под политическим многообразием и плюрализмом.

Обзор научной литературы по вопросам понятия и содержания теории политического плюрализма показал, что большинство работ имеют фрагментарный характер и не создают целостного представления о самой сущности политического плюрализма, а лишь сводятся к критике современной отечественной партийной системы и ее застойности. Отсутствие «солидной теоретической основы» [2, с. 34] категории политического плюрализма проявляется прежде всего в том, что отсутствует четкое разграничение между терминами «плюрализм», «многообразие» и «многопартийность», которые зачастую используются как равнозначные, хотя это в корне не соответствует действительности.

Что же такое «политический плюрализм» и каковы его основные характеристики? Автором одной из основополагающих идей политической теории – политического плюрализма принято считать немецкого философа Х. Вольфа, который, будучи приверженцем естественно-правовой концепции, использовал термин политический плюрализм для обозначения «принципа устройства правового общества, утверждающего необходимость многообразия субъектов экономической, политической и культурной жизни общества» [3, с. 324].

Позднее о сущности плюрализма высказался американский философ В. Джеймс, который охарактеризовал его следующим образом, «плюралистический мир более похож на федеративную республику, чем на империю или королевство» [4, с. 172], поскольку в его внутреннем содержании имеется множество автономных элементов, которые сохраняют свою независимость безотносительно влияния внешних факторов.

Как отмечает А. В. Павроз, идеи плюралистической теории имели универсальный характер, что способствовало формированию множества его направлений, в том числе и политического [5, с. 130-131]. Схожего мнения придерживается Ю. В. Тумутолова, говоря, что «Деятельность современного конституционного государства основывается на плюрализме во всех областях его социального бытия – эта неоспоримая истина известна абсолютно всем» [6, с. 122]. Если рассматривать это утверждение, как характеризующее качества любого конституционного государства, то с ним можно согласиться. К современной России данное утверждение неприменимо, поскольку во многих областях жизни все еще господствует монистическое направление.

Теория политического плюрализма зиждется на представлении об обществе, как совокупности множества автономных, взаимодействующих между собой социальных групп. Все эти группы в силу неоднородности самого общества формируются по признаку интересов, которые могут отличаться в зависимости от пола, национальности, возраста и других факторов. Именно интерес, по мнению идеологов плюрализма, является связующим звеном, направляющим деятельность автономных социальных групп. Идея общего блага и единой воли народа отвергается теорией плюрализма в силу того, что они, итак, достигаются путем согласования коллективных интересов.

Следует подчеркнуть, что плюрализм — это не количественная характеристика, а качественная, предполагающая не просто номинальное существование множества политико-социальных групп, различной направленности, но и их свободную конкуренцию в борьбе за политическую власть и реализацию собственных интересов [7, с. 275].

Сторонники концепции политического плюрализма сравнивают политический процесс с явлениями экономического порядка, конкуренцией, равновесием между спросом и предложением, рынком и т.д. В такой интерпретации государство предстает в качестве «политического рынка», основная функция которого сводится к регуляции деятельности соперничающих субъектов. В условиях свободной конкуренции различных социальных групп достигается компромисс и вырабатываются наиболее оптимальные решения. Преимущество такой системы состоит в ее способности к саморегуляции. Лишь в процессе политической борьбы и отстаивания интересов формируется эффективная государственная политика, которая является не продуктом деятельности политической элиты, а результатом взаимного согласия, консенсуса. Движущей силой плюралистического общества является его конфликтный характер, способствующий достижению социально-общественной стабильности.

Власть, в государстве, где господствует политический плюрализм, характеризуется динамичностью, соревновательностью и неиерархичностью, распределенностью между всеми участниками политического процесса. В связи с этим отсутствует потребность в таком субъекте, как политическая элита, считающая власть своей исключительной прерогативой.

В отечественной доктрине конституционного права политический плюрализм понимается несколько иначе. Так, по мнению С. А. Авакьяна, «политический плюрализм – это состояние в обществе и государстве никакая идеология не получает юридического статуса официальной государственной идеологии, а для выражения и воплощения различных политических взглядов могут создаваться партии и иные общественные объединения, и все они действуют с соблюдением закона и равны перед ним» [8, с. 8]. Учитывая, приведенную выше характеристику теории политического плюрализма, мы не можем согласиться с данным определением, поскольку оно сводится к возможности существования различных идеологий и общественных объединений, то есть к простому множеству.

По мнению Ю. В. Мухиной, принципы политического плюрализма и народовластия являются «стержнем демократизации государства» [9, с. 85]. Основной упор в раскрытии сущности политического плюрализма делается автором на деятельности политических партий, выдвигается предположение, о том, что слабость оппозиционных партий и потеря ими голосов избирателей может быть связана с неэффективной политикой, которую они реализуют. В то же время Мухина не отрицает отсутствие в России механизма реализации принципа политического многообразия и обусловленность результатов выборов поддержкой членами политической элиты конкретной партии.

Современная политическая система общества вызывает опасения и у В. А. Лебедева, который призывает не игнорировать уроки прошлого [10, с. 23-27].

С тезиса о господстве в России партии «Единая Россия» начинает свое исследование политического плюрализма Р. М. Дзидзоев. Под политическим плюрализмом он понимает конкуренцию политических сил и политических партий, направленную на завоевание публичной власти [11, с. 11]. В качестве одной из важнейших характеристик реального плюрализма автор называет сменяемость правящих партий и политических лидеров. В борьбе с монопартийностью Р. М. Дзидзоев предлагает смену формы правления, что автоматически повлечет смену политического режима.

Несмотря на то, что с момента модернизации политической системы общества прошло достаточное количество времени, достигнуть поставленных целей – формирования многопартийной системы, так и не получилось. Многообразие политических партий, которое наблюдается в настоящее время, имеет чисто формальный, арифметический характер. Проблема в том, что отечественная партийная система возникла не так давно в отличие от партийных система таких стран, как США или Великобритания, где основные партии имеют многовековую историю. Как известно, партийные системы этих государств имеют дуалистический характер,

но эти государства никто не обвиняет в отсутствии политического плюрализма, потому что между двумя основными партиями существует реальная конкуренция и политическая борьба за каждый голос избирателя, потому что даже он может иметь решающее значение в процессе выборов.

Потенциал принципа политического многообразия и многопартийности не раскрыт в нашей стране, даже формальное наличие относительного множества политических партий не создает конкурентной среды, а результаты каждой избирательной кампании довольно легко предсказать. В таких условиях невозможен поиск оптимальных путей развития государства, ведь он происходит в процессе соперничества равных субъектов, преследующих обособленные интересы.

Если проанализировать результаты выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, начиная с 1993 года, то можно заметить преимущественное положение одной политической партии. Победу в 1993, 1995 и 1999 годах партий ЛДПР и КПРФ можно считать скорее исключением, поскольку в последующем по завершении каждой избирательной кампании большинство мандатов распределялось между членами партии «Единая Россия».

С 2003 по 2021 год указанное политическое объединение является безусловным победителем при проведении выборов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Аналогичная ситуация наблюдается на выборах в законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации. Возникает обоснованный вопрос: действительно ли в нашей стране обеспечивается реализация принципа политического плюрализма?

Обратим внимание, что в п. 2 ст. 13 федеральной Конституции закреплен принцип политического многообразия, а не плюрализма, в ее тексте вообще не используется слово «плюрализм». Историко-правовой анализ показал, что в проекте Конституции, подготовленном Конституционной комиссией в соответствии с постановлением Съезда народных депутатов РСФСР, статья 5, посвященная идеологическому и политическому многообразию, называлась «политический плюрализм», но этот проект не был одобрен Конституционным совещанием. Все это еще раз иллюстрирует принципиальную важность понятийно-категориального аппарата в юридической технике. Вопрос использования тех или иных терминов в нормативных правовых актах лежит не только в теоретической, но и практической плоскостях.

Рассмотрев конституционное отражение политического плюрализма, а также его реализацию на примере выборов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, мы пришли к выводу, что, закрепленный в п. 2 ст. 13 Конституции России принцип политического многообразия лишь отчасти фиксирует идеи теории политического плюрализма, который по своему содержанию шире, чем политическое многообразие и представляет собой принцип общественно-политического и социального развития, основанный на множественности идей, убеждений, концепций, взглядов различных социальных групп, в процессе свободного соперничества которых достигается согласование их противоречивых интересов.

Пристатейный библиографический список

1. Назаров Д. А. Конституционно-правовые принципы идеологического и политического многообразия о политических партиях // Закон и власть. – 2017. – № 2. – С. 28.
2. Старостенко К. В. Политический плюрализм и политическое многообразие: некоторые проблемы политической теории // Социум и власть. – 2010. – № 1. – С. 34.
3. Хоруженко К. М. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. – С. 324.
4. Момджян А. В. Плюрализм: истоки и сущность: Критический анализ философских основ. – М.: Наука, 1983. – С. 172.
5. Павроз А. В. Теория политического плюрализма и процесс формирования государственной политики // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 2. – С. 130-131.
6. Тумутолова Ю. В. Реализация принципа идеологического и политического многообразия (плюрализма) в России // Проблемы и перспективы развития гуманитарных и социально-экономических наук: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, 2017. – С. 122.
7. Гетманский Д. О. Проблемы реализации в Российской Федерации конституционных принципов идеологического и политического многообразия в сфере информационных // Молодой ученый. – 2019. – № 25 (263). – С. 275.
8. Авакьян С. А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. – М.: Рос. Юрид. Изд. Дом, 1996. – С. 8.
9. Мухина Ю. В. Конституционные принципы народовластия и политического плюрализма как выражение демократии // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы III Международной научно-практической конференции, 2019. – С. 85.
10. Лебедев В. А. Конституционный идеал и политическая реальность: парадоксы российской многопартийности // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 8. – С. 23-27.
11. Дзидзоев Р. М. Политический плюрализм как конституционный принцип // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 11.

БАРАШЕВА Елена Викторовна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ КАК ПРОДУКТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД

После распада Советского Союза Россия пережила не демократический переход, а временное ослабление государства и его действующего потенциала. Об этом свидетельствует отсутствие ротации элит и сохранение того же типа формальных и неформальных институтов, которые характеризовали политическую систему России в прошлом. Соответственно, последующее становление гражданского общества как продукта реализации конституционных прав и свобод в условиях российской политики было лишь вопросом времени.

Ключевые слова: конституционное право, гражданское общество, реформирование политической системы, история России.

BARASHEVA Elena Viktorovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of General theoretical and state-legal disciplines sub-faculty of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice

CIVIL SOCIETY IN RUSSIA AS A PRODUCT OF THE IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS

After the collapse of the Soviet Union, Russia experienced not a democratic transition, but a temporary weakening of the state and its operational potential. This is evidenced by the lack of rotation of elites and the preservation of the same type of formal and informal institutions that characterized the Russian political system in the past. Accordingly, the subsequent formation of civil society as a product of the implementation of constitutional rights and freedoms in the conditions of Russian politics was only a matter of time.

Keywords: constitutional law, civil society, reform of the political system, history of Russia.

Гражданское общество является неотъемлемой частью демократической системы и играет ключевую роль в защите прав и свобод граждан. В России, как и во многих других странах, гражданское общество развивается и совершенствуется в контексте конституционных принципов и гарантий.

Советский Союз распался в 1991 году, но никакого реального демократического перехода не произошло. Вместо этого прежняя коммунистическая система осталась на месте, и лишь несколько внешних проявлений изменились. Правящие группы и институты советской эпохи в значительной степени сохранились на вершине российской политики. Единственным исключением была, рыночная экономика.

Временное ослабление авторитарного режима иногда можно отождествить с демократическим переходом. Переходный период, однако, требует фундаментальных, системных изменений в данном государстве.

Демократический переход означает институционализацию новых правил, таких как терпимость к оппозиции, торг и компромисс между различными политическими силами, плюралистические структуры и процедуры конкуренции, а также мирная, законная передача власти в соответствии с результатами выборов.

При переходе от авторитаризма к демократии политические элиты играют решающую роль: они устанавливают структурные условия, способствующие институционализации новых правил. Низкий уровень ротации элит, как правило, способствует устойчивости авторитарных режимов. Демократический переход происходит только тогда, когда авторитарное правительство уступает власть новому [1].

Институционализация новых демократических правил успешна только тогда, когда новые люди берут на себя ответственность за ключевые посты. С этой точки зрения, старая элита, которая держится и даже воспроизводит себя, задушит рост контрэлит и дестабилизирует новый режим. Смена режима будет более эффективной, когда члены новой элиты займут жизненно важные рабочие места и смогут продвигать институциональные изменения без необходимости идти на разрушительные компромиссы с оставшимися автократическими лидерами.

Этот последний сценарий согласуется с опытом посткоммунистических стран. Там присутствие «демократов у власти» наверху сильно коррелировало с успехом переходного периода. От стран Балтии до Чешской Республики люди, верные либеральным принципам, активно институционализировали демократические преобразования и способствовали успеху демократической консолидации. Чешский диссидент, ставший президентом, Вацлав Гавел был, пожалуй, самым известным среди них. Сильные демократические контрэлиты, конечно, существовали не в вакууме. Они, скорее всего, будут присутствовать и оказывать сильное воздействие, когда гражданская традиция страны

и потенциал самоорганизации также будут мощными. Можно сказать, что чем выше рейтинг той или иной страны по всем этим аспектам (сильная гражданская традиция, потенциал самоорганизации и контрэлиты), тем больше у нее шансов сохранить стабильную демократию [2].

В отличие от этого, в странах, которые были лишены мощных демократов в переходный период, бывшие советские республики Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан попали в этот класс — демократические практики практически не получили поддержки, в то время как автократическая реконсолидация была быстрой. На всем постсоветском пространстве, чем больше вероятность того, что страна изберет членов или соратников старой советской номенклатуры на посткоммунистические должности, тем больше вероятность того, что она также испытает разворот любого движения к демократии [3].

Как крупнейшее постсоветское государство – Российская Федерация – вписывается в эту картину. Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) никогда не была политической партией в каком-либо обычном смысле. КПСС была органом государственной власти, стержневым механизмом административно-командной системы. От ЦК в Москве до районных и городских комитетов на местах бюрократические структуры КПСС были реальными руководящими органами советского государства. Для обеспечения централизованного контроля над этими органами и их решениями большевики разработали номенклатуру, в которой перечислялись все отдаленно значимые чиновничьи и управленческие должности в органах власти и государственных предприятиях. Работа на руководящих должностях в культурной, медийной, образовательной и других сферах требовала одобрения ЦК КПСС. Лица, занимавшие эти должности, составляли номенклатуру. Они составляли крошечную часть всего населения СССР. На пике своего развития номенклатура насчитывала не более трех миллионов человек, включая членов семей. На момент распада СССР его население приближалось к тремстам миллионам. То есть номенклатура составляла от 1 до 3% населения Советского Союза [4].

К концу 1980-х годов советские правители осознали необходимость изменения системы. Наверху СССР превратился в геронтократию. Занимать свой пост до самой смерти стало нормой для престарелых и больных лидеров, таких как Леонид Брежнев, Юрий Андропов и Константин Черненко, в то время как младшие и средние бюрократы раздражались из-за своих заблокированных карьерных перспектив. Геронтократическая система препятствовала карьерному росту и давала мало возможностей для социальной мобильности или процветания. В 1986 году, через год после того, как Михаил Горбачев стал генеральным секретарем КПСС, средний возраст членов Политбюро достиг 68 лет [5].

Обвал цен на нефть в середине 1980-х годов усугубил хронические проблемы в плановой советской экономике. Нехватка продовольствия и сбои с поставками зерна распространились по всей стране, включая даже столицу страны Москву. В начале 1990-х годов номенклатурные реформисты во главе с Борисом Ельциным, бывшим членом Политбюро ЦК КПСС и бывшим первым секретарем Свердловской области на Урале, боролись с большинством членов КПСС, которые выступали против реформ [6].

Экономический кризис и внезапный распад СССР в конце 1991 года сначала лишили политическое руководство России организации и финансов, необходимых для концентрации политического контроля. В начале 1990-х годов центральное правительство не могло позволить себе зарплату своим агентам безопасности и солдатам, не говоря уже о гражданских бюрократах и региональных администраторах. Задержки с выплатой заработной платы стали обычным делом. Неспособность сохранить контроль над аппаратом безопасности России подорвала репрессивные функции государственной машины и подпитывала кризис государственной легитимности. Например, в октябре 1993 года президент Ельцин едва смог убедить военных вступить в бой во время его конфронтации с контролируемым коммунистами Верховным Советом.

По мере того, как кризис ослаблял контроль Кремля над российским обществом, множились альтернативные центры силы. Например, чтобы выиграть битву с Горбачевым и парламентом, Ельцин пошел на многочисленные уступки региональным элитам. В период с 1994 по 1998 год он подписал договоры о разделении власти и различные связанные с ними соглашения с 46 субъектами России, часто предлагая особые прерогативы отдельным регионам. Экономические реформы, которые сократили роль центрального правительства в экономике, еще больше расширили пространство для появления независимых региональных игроков [7].

Несмотря на частичное отступление федерального центра, изменения внутри государственных структур оставались в лучшем случае ограниченными. Политбюро КПСС исчезло, и небольшая группа экономических реформаторов приобрела новое влияние, но на большинстве уровней правительства и общественных институтов номенклатурные группы среднего и низшего звена держались за власть и не проявляли особого интереса к каким-либо реформам. Организационная структура и бюрократия советской эпохи были полностью реформированы в постсоветской России.

Переход от Ельцина к Путину не оказал негативного влияния на трансформацию политического режима в сторону усиления реализации конституционных прав и свобод.

Мало того, эта тенденция только усилилась с приходом к власти Владимира Путина. В начале 2000-х годов экономический рост и рост цен на нефть улучшили государственные финансы и организационный потенциал, а общественная поддержка Кремля возросла [8].

Большинство российских элит приветствовали это, приняв конец кажущегося хаоса ельцинской эпохи и становления гражданского общества в стране [9].

Стоит подчеркнуть несколько следствий становления гражданского общество в России как продукта реализации конституционных прав и свобод:

1. Для того, чтобы лучше понимать переходы, мы должны придать элитному составу больший вес. Распространение в последние годы наборов данных, ориентированных на элиту, облегчило эту задачу и позволяет более надежно предсказать, будет ли успешным тот или иной демократический переход в будущем.

2. Справедливости ради следует отметить, что некоторый перенос бывших элит на вершину новых властных структур неизбежен, к тому же они весьма эффективно справляются со своими полномочиями. Полное исключение таких элит было бы контрпродуктивным: они стали бы разгневанными спойлерами, которые могли бы возглавить полномасштабную антидемократическую реакцию.

3. Номенклатурное сохранение на вершине российской политики является эпифеноменальным по отношению к другим характеристикам российского общества. Посткоммунистическим странам, в которых были сильные гражданские движения и докоммунистические либеральные традиции, было легче добиться становления гражданского общества. Постсоветской России не хватало этого, так же как ей не хватало уровня развития и традиций государственного строительства. Более того, семьдесят лет коммунистического правления гомогенизировали российское общество. В нем в значительной степени отсутствовали социальные группы (такие как частные землевладельцы, капиталисты, крестьяне, объединенные в профсоюзы рабочие и священнослужители), которые способствовали переходу от авторитаризма и обеспечили основу для демократической политики.

Таким образом, для укрепления гражданского общества в России и обеспечения эффективной реализации конституционных прав и свобод, уместно выдвинуть следующие рекомендации:

Во-первых, необходимо обеспечить юридическую защиту гражданских организаций и их членов. Государство должно признать и уважать роль гражданского общества и предоставить им свободу действия без преследования и ограничений.

Во-вторых, важно развивать поддержку и финансирование для гражданских организаций. Государство может предоставлять гранты и субсидии, чтобы помочь организациям осуществлять свою деятельность и защищать права граждан.

В-третьих, необходимо укреплять сотрудничество между гражданским обществом и государством. Диалог и сотрудничество могут помочь решить сложные вопросы и достичь компромисса, способствуя развитию демократии и защите прав граждан.

Гражданское общество в России играет важную роль в реализации конституционных прав и свобод граждан. Несмотря на существующие вызовы и преграды, гражданское общество продолжает работу для защиты прав и свобод граждан и участия граждан в принятии решений. Укрепление гражданского общества требует поддержки со стороны государства и общественности, чтобы развивать демократию и гарантировать защиту прав и свобод каждого гражданина.

Пристатейный библиографический список

1. Бочарникова Е. Л. Гражданское общество в России: состояние и особенности развития // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. - 2020. - № 1. - С. 26-40.
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1993. - № 49. - Ст. 4696.
3. Марченко Н. Н. Роль гражданского общества в обеспечении конституционных прав и свобод в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2018. - Т. 8. - № 1. - С. 109-114.
4. Мыллыара С.А. Гражданское общество и его роль в конституционной системе России // Правоведение. - 2015. - № 4. - С. 56-63.
5. Рапп В. Е. Гражданское общество в России: проблемы развития // Полис. Политические исследования. - 2014. - № 5. - С. 139-153.
6. Регионы России: социально-экономические показатели. 2021 / Росстат. Москва, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140080765391 (дата обращения: 01.04.2022).
7. Смирнов А. К. Гражданское общество в России: проблемы и перспективы // Этика и экономика. - 2016. - № 2. - С. 61-66.
8. Содратьев В. В., Зверева О. В. Общественные организации – ключевые институты гражданского общества в Российской Федерации // Юриспруденция. - 2020. - № 11. - С. 107-110.
9. Третьяков Е. С. Права и свободы человека в конституционном правовом пространстве России // Российская юстиция. - 2017. - № 4. - С. 20-24.

БЕЛЯКОВА Анастасия Михайловна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Дзержинского филиала Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Данная статья посвящена вопросам формирования новой идеологии России на основе политической философии неоевразийства и Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В статье рассматриваются евразийские взгляды Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Н. Я. Данилевского, А. Г. Дугина. Методологической основой исследования выступают общенаучные методы. Делается вывод, что Россия как самостоятельная цивилизация противостоит западному и американскому глобализму, либеральной системе ценностей.

Ключевые слова: идеология, либерализм, евразийство, неоевразийство, А. Г. Дугин, глобализация, Конституция РФ, СВО, традиционные ценности.

BELYAKOVA Anastasiya Mikhaylovna
Ph.D. in Law, associate professor of Humanitarian and legal disciplines sub-faculty of the Dzerzhinsky branch of the N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

THE NEW IDEOLOGY OF MODERN RUSSIA

This article is devoted to the formation of a new ideology of Russia based on the political philosophy of neo-Eurasianism and the Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 № 809 «On the approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values». The article discusses the Eurasian views of N. S. Trubetskoy, P. N. Savitsky, N. Ya. Danilevsky, A. G. Dugin. The methodological basis of the research is general scientific and general historical methods. It is concluded that Russia as an independent civilization opposes Western and American globalism, a liberal system of values.

Keywords: ideology, liberalism, Eurasianism, neo-Eurasianism, A. G. Dugin, globalization, the Constitution of the Russian Federation, SVO, traditional values.

В настоящее время в связи с проведением специальной военной операции проблема формирования новой идеологии для России как никогда остра и актуальна. Существует множество разных интерпретаций понятия «идеология». В данной статье идеология понимается как система взглядов, идей и ценностей, разделяемых всем обществом или его частью. Правильно выбранная идеология защищает общество и государство от внешних угроз и саморазрушения. Без идеологического фундамента не может существовать ни одно государство. «Любая конституция сама есть результат определенной идеологии» [10]. По мнению В. С. Нерсесянца, «по своему духовному смыслу Конституция Российской Федерации – это официально признанные, общеобязательные в стране, обществе и государстве социальные, политические, экономические, правовые, общегосударственные ценности, выражающие идейное содержание и цели российской конституционно-правовой государственности» [12, с. 6].

Поправки, внесенные в Конституцию РФ 1 июля 2020 года, являются очень важными и значимыми для формирования новой идеологии, но эти поправки не касались положений главы 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя». Согласно ст. 135 Конституции РФ обновление положений глав 1, 2 и 9 возможно только через принятие новой Конституции Конституционным Собранием либо всенародным голосованием.

Неизменным остался запрет на государственную идеологию, установленный ч. 2 ст. 13 Конституции РФ: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [1]. Вместе с тем Конституция РФ содержит скрытую либеральную идеологию. Либеральная идеология содержится в статье 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». В этой статье заложена идея приоритета личности над коллективом.

В настоящее время в России неофициально существует несколько идеологий. Однако все эти годы (1993-2022) в российском обществе все же доминировала либеральная идеология. После распада СССР на смену коммунистической идеологии пришла либеральная идеология. В XX веке либерализм победил все другие идеологии: марксизм, национализм и фашизм. Целое поколение россиян было воспитано в соответствии с либеральной системой ценностей.

По мнению российского общественного деятеля, философа, политолога, социолога А. Г. Дугина, новая идеология необходима для победы России в специальной военной операции. Доминирование в общественном сознании новой консервативной, нелиберальной идеологии необходимо для того, чтобы сплотить наше общество.

Специальная военная операция – это борьба не только с украинским нацизмом, но и с западным либерализмом. В чем опасность этого либерализма? Суть либерализма состоит в освобождении индивидуума от всех форм коллективной идентичности: власти государства, класса, сословий, нации, расы, религии, гендера, человечности. Современный либерализм размывает грань между грехом и добродетелью, добром и злом и предполагает саморегулирование и отсутствие традиционных духовно-нравственных ограничений [11, с. 143-159]. Сегодня идеология либерализма зашла в тупик, что мы и наблюдаем в Европе и Америке. Необходимо создание другой идеологии для современной России.

По мнению А. Г. Дугина, такой идеологией может стать евразийство [13]. Евразийство как идейное движение возникло в среде русской эмиграции в 20-е гг. XX века в трудах таких ученых и мыслителей как Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Н. Н. Алексеев, Г. В. Вернадский, В. Ильин, Г. В. Флоровский, П. П. Сувчинский, Л. Н. Гумилев, Я. Бромберг, Э. Хара-Даван и т.д. Евразийство своими корнями уходит славянофильство.

Евразийство возникло как реакция на гибель Российской Империи. В основе философии евразийства лежит идея о том, что Россия – это уникальная не западноевропейская цивилизация, отдельный культурно-исторический тип, у которого есть свой путь и свои цели. Из-за своего географического положения Россия, расположенная на границе двух миров – восточного и западного, – в историческом и геополитическом смысле объединяет эти два мира.

Основы евразийства были заложены Н. С. Трубецким. По мнению Н. С. Трубецкого, евразия – это «замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, которое отличается как от собственно Европы, так и от собственно Азии» [19, с. 282-285]. Народам, живущим на территории Евразии, необходимо объединиться в одно государство, союз государств и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом [16, с. 256]. Проживающие на евразийском пространстве народы гораздо ближе друг другу, чем народам, представляющим другие цивилизации. Эти народы, исходя из исторического, геополитического, культурного, этнографического единства, должны взаимодействовать и объединяться.

Империя Чингисхана, Московское государство, Российская Империя, СССР – это предшествующие формы евразийских союзов.

Именно Н. С. Трубецкой ввел термин «идеократия» [18, с. 445]. Учение об идеократии занимает большое место в концепциях евразийцев. Идеократия – это тип государственного правления, при котором главным принципом формирования правящей элиты является «служение определенной идее», «идее-правительнице», организационной идее. Идеей-правительницей российского государства может быть только благо народов России-Евразии. Правящая элита должна служить этой идее [17, с. 34]. Россия исторически сложилась как идеократическое государство. На наш взгляд, такой идеей-правительницей России-Евразии может стать сохранение традиций и культур народов Евразии. Традиции в данном контексте понимаются как ценности, накопленные тем или иным народом за всю историю его развития.

Россия – это не провинция Европы, а самостоятельная цивилизация. Россия должна освободиться от западных стереотипов и вернуться к своим духовным корням, традициям. Слияние с западным миром приведет Россию к гибели.

По мнению евразийцев, не существует высших и низших рас и народов. История человечества – это история отдельных культурно-исторических типов, цивилизаций. Согласно Н. Я. Данилевскому, «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа...» [6, с. 123]. Евразийцы вслед за Н. Я. Данилевским считали, что «общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать... Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошлом, настоящем и будущем» [6, с. 167]. Научно-технический прогресс не тождественен культуре как системе ценностей. Евразийская концепция знаменует собой решительный отказ от культурно-исторического «европоцентризма».

Евразийцы придерживались цивилизационного подхода, согласно которому не существует единого для всех народов исторического пути и прогресса, а существует множество народов и культур, с уникальным, неповторимым историческим путем. Сформулированная евразийцами концепция признавала историческое влияние на русскую культуру, как Запада, так и Востока. Россия представлялась как срединный мир, ставший синтезом культурных и государственно-правовых традиций Востока и Запада [14, с. 65]. Россия – это не часть Западной Европы, а самостоятельный мир, во многом связанный с Востоком Турана.

Евразийство предполагает диалог и уважение других культур и не навязывает никому свою систему ценностей. Россия как особая цивилизация противостоит западному и американскому глобализму, либеральной системе ценностей. Речь идет о создании братства народов, обладающих различными культурами, на едином общеевразийском пространстве. В этом братстве у каждого народа есть право быть самим собой и право выбора своего исторического пути [8, с. 142-152]. Евразийство основано на принципе сохранения национальных, этнических, религиозных, культурных традиций и цивилизационного многообразия.

Таким образом, евразийцы рассматривали Россию как уникальное географическое, цивилизационное и историческое формирование. Русский народ, согласно евразийской концепции, включает в себя славян, а также этнически сходных с ними народов Евразии (прежде всего, тюркские и угро-финские племена), образуя единую, многонародную евразийскую нацию. Евразийское пространство – это особая географическая и социокультурная целостность тюркских, финно-угорских, славянских, монгольских народов. Евразийская цивилизация сложилась в ходе более чем тысячелетнего опыта взаимодействия народов, населяющих евразийское пространство.

Евразийство выступает альтернативой однополярному миру и предполагает существование многополярного мира [7], [9, с. 1-10].

Ядро евразийства – Россия, а ядро России – Православие, которое несет в себе дух евразийской византийской культуры [15, с. 81-98]. Отцы-основатели евразийства признавали огромную роль православия в истории России-Евразии. Однако представители всех религий достойны уважения, их культура и традиции охраняются. Евразийство связано с консервативной идеологией.

Евразийство отвергает колониальную политику России по отношению к народам России-Евразии. Отцы-основатели евразийства и неоевразийцы не считают нужным русифицировать все народы и тем самым обезличивать их. Каждый народ Евразии сохраняет свою индивидуальную национальную культуру как частицу общей наднациональной евразийской культуры – чем из более разнообразных цветов будет составлен букет, тем он будет пышнее и ароматнее [20, с. 453]. Идея евразийства предполагает многоцветие культур народов Евразии, принятие и сохранение культурной идентичности каждого народа. Необходимо сохранить собственную культурную самобытность и традиции и уважать чужую культурную самобытность и традиции.

После распада СССР концепция евразийцев оказалась очень востребованной и нашла своё отражение в региональной политике государств постсоветского пространства. Политическая теория евразийцев оказалась способной объяснить специфику географического, геополитического и культурно-цивилизационного развития региона [5, с. 77]. С распадом СССР количество интерпретаций идеи евразийства увеличилось. Идея евразийства получила дальнейшее развитие на территориях бывших советских республик, например, в Казахстане.

Неоевразийство как философское учение стало складываться с конца 80-х годов XX века в трудах А. Г. Дугина, А. С. Панарина, В. Я. Пащенко с целью сформулировать и четко определить путь развития постсоветской России, основываясь на философии отцов-основателей евразийства. Так возникло неоевразийство русского философа, социолога и политолога А. Г. Дугина, который стал основателем и лидером «Международного Евразийского Движения». А. Г. Дугин ввел понятие «Россия – Евразия», согласно которому из-за своего особого исторического и культурного развития Россия не принадлежит ни западному, ни восточному миру, а при-

надлежит отдельному миру – Евразии, «серединному пространству» между Западом и Востоком [5, с. 74].

Идея евразийства предполагает многополярность и противостоит процессу насильственной однополярной глобализации, навязывающей другим народам и государствам свои собственные либеральные ценности [5, с. 74].

В настоящее время уже предприняты определенные шаги для создания союза государств на евразийском пространстве, например, в 2014 году был создан Евразийский экономический союз.

У России-Евразии, как особой самобытной цивилизации, есть право иметь свои собственные ценности, то есть свою идеологию. В этом отношении большую роль сыграл Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2]. Согласно данному Указу, к этим ценностям относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Традиционные ценности всегда противопоставлены антитрадиционным либеральным ценностям. Традиционные ценности должны стать новой идеологией российского общества. Данный Указ Президента РФ был принят в целях реализации Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 [3] и является следствием поправок, внесенных в Конституцию РФ 01.07.2020 г. Ряд поправок, внесенных Конституцию РФ 01.07.2020 г., также касался традиционных российских ценностей.

Таким образом, ценности, указанные в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2], требуют осмысления и реализации. Эти ценности должны быть воплощены в государственно-правовых, образовательных, культурных программах и институтах России. Необходимо следовать этим ценностям, претворять их в жизнь, в том числе в образовательном процессе.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета – Федеральный выпуск № 144 (8198).
2. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС КонсультантПлюс.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Бабурин С. Н. Россия между Римом и Цинь: О духовно-нравственной трансформации государств // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2022. – Volume 17. – № 1. – С. 57-76.
5. Вэй Ч. Н. Евразийство: глобальные вызовы и новый миропорядок в политической философии А. Г. Дугина // Мировая политика. – 2021. – № 2. - С. 71-80. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36039DOI: 10.25136/2409-8671.2021.2.36039.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 704 с.
7. Дугин А. Г. Евразийский взгляд. Око планеты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: oko-planet.su/politik/politiklist/102168-aleksandr-dugin-evraziyskiy-vzglyad.html (дата обращения: 18.08.2023).
8. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук Интервью с Александром Гельевичем Дугиным, доктором политических наук, доктором социологических наук, профессором, лидером Международного Евразийского движения // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2022. – Vol. 22. – № 1. – С. 142-152.
9. Исаева О. С. Модификация философских идей классического евразийства в творческом наследии А. Г. Дугина // Философская мысль. – 2019. – № 7. – С. 1-10.
10. Михайлов В. В. Деидеологизация как негативное социальное ограничение (на примере Конституции РФ) // Государственная идеология и современная Россия. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Москва, 28.03. 2014 г. – М.: Наука и политика, 2014.
11. Нарочницкая Н. А. Современная Россия: православие и либерализм // Обновление России: трудный поиск решений. Выпуск 4. – М., 1996. – С. 143-159.
12. Нерсесянц В. С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации. – 2000. – С. 5-7.
13. Основы Евразийства. – Москва, «АрктогеяЦентр», 2002. – 800 с.
14. Прокуденкова О. В. Россия как особый культурный мир в концепции евразийцев // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – С. 92-100.
15. Савицкий П. Н. Евразийство // Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М., 1997. С. 81-98.
16. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с запада, а с востока // «Основы Евразийства». – Москва, «АрктогеяЦентр», 2002. – С. 256.
17. Трубецкой Н. С. Об идее-правительнице // Евразийская хроника. Вып. 11. – Берлин, 1935. – С. 34.
18. Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления // Трубецкой Н.С. Избранное. – М., 2010. – С. 445.
19. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М., 1999. – 554 с.
20. Хара-Даван Э. Евразийство с точки зрения монгола // Основы Евразийства. – Москва, «АрктогеяЦентр», 2002. – С. 453.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-94-95

ИВАНОВА Людмила Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Института экономики и права Астраханского государственного технического университета

ЭКТОВА Виктория Александровна
магистрант Астраханского государственного технического университета

ДЕФИНИЦИЯ «КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ» В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ ПРАВА НА ТРУД

Статья посвящена раскрытию дефиниции правового явления «конституционализации» в рамках категории конституционного права на труд. Выявлены специфические черты, сопровождающие проявление некоторых аспектов конституционализации, определены критерии нетождественности трудового права и права на труд в контексте доказанного надотраслевого характера конституционного права на труд. Представленные аналитические мероприятия позволили сконструировать авторскую характеристику дефиниции «конституционализация» права на труд. Выявлено влияние Конституционного Суда РФ на реализацию правового явления конституционализации права на труд.

Ключевые слова: Конституция РФ, право на труд, Конституционный Суд РФ, конституционализация, конституционное право, трудовое право, защита права на труд, конституционные права человека и гражданина.

IVANOVA Lyudmila Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Legal science sub-faculty of the Institute of Economics and Law of the Astrakhan State Technical University

EKTOVA Viktoriya Alexandrovna
magister student of the Astrakhan State Technical University

THE DEFINITION OF "CONSTITUTIONALIZATION" IN THE CONTEXT OF THE LEGAL CATEGORY OF THE RIGHT TO WORK

The article is devoted to revealing the definition of the legal phenomenon of "constitutionalization" within the category of the constitutional right to work. Specific features accompanying the manifestation of certain aspects of constitutionalization are identified, criteria for the non-identity of labor law and the right to work are determined in the context of the proven supra-sectoral nature of the constitutional right to work. The presented analytical activities made it possible to construct the author's description of the definition of "constitutionalization" of the right to work. The influence of the Constitutional Court of the Russian Federation on the implementation of the legal phenomenon of constitutionalization of the right to work has been revealed.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, right to work, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutionalization, constitutional law, labor law, protection of the right to work, constitutional rights of man and citizen.

Установленные в нормах Конституции правовые категории относительно комплекса национальных отраслевых проявлений нормативных положений являются идеальными, закрепляющими фундаментальные принципы реализации права. Право на труд, зафиксированное в конституционных нормах, отражает специфику формирования отраслевого законодательства, целью которого, прежде всего, является формирование государственных гарантий на возможность осуществления трудовой деятельности с позиции наличия конституционного права на нее.

В представленном контексте и с учетом важности социально-трудовой сферы для жизнедеятельности всего населения России правовое явление конституционализации права на труд имеет ключевое значение не только в рамках конституционного права, но и в качестве основы отраслевой детализации представленных правовых конструкций. Именно процесс конституционализации позволяет определить конституционно-целостную ориентацию отрасли трудового права в современном правовом пространстве, использования конституционно-правового инструментария в правореализационном поле трудового права.

Актуальность выбранного вектора исследования объясняется необходимостью внедрения аналитического подхода к вопросам определения дефинитивных особенностей правового явления «конституционализации» в контексте категории права на труд. Необходимым представляется раскрытие возможностей конституционного права на труд в трудоправовых отношениях через призму эксплуатации конституционных принципов и характеристики представленного явления как комплексной правовой категории конституционализации права на труд.

Право на труд в современной правовой действительности относится к конституционно-закрепленным правам, раскрывающимся в отраслевом законодательстве и детализирующимся в специальных правовых установлениях. Процесс конституционализации права на труд многоаспектен. Очевидно, что формальное отражение права на труд в нормах Конституции РФ [1] не определяет рассматриваемого процесса. Для утверждения наличия конституционализации необходим комплексный подход к процессу, отраженный рядом специфичных форм проявлений.

Для раскрытия заявленного тезиса необходимо определиться с тем, что право на труд и трудовое право не являются тождественными понятиями. Право на труд, его реализация и защита представляют собой лишь часть регулируемой трудовым правом сферы. Трудовое право представляет собой комплексную отрасль права, тогда, как право на труд есть элемент правовой категории прав и свобод человека. Следует отметить, что указанные характеристики права на труд выходят за пределы национального законодательства и закреплены на международном уровне Всеобщей декларацией ООН [2]. Именно международно-правовое влияние позволило запустить процесс конституционализации права на труд и эксплуатировать полученный результат в праве России.

Кроме того, центральным критерием детождественности представленных правовых конструкций можно считать

соответствующие сферы «покрытия» общественных отношений: в условиях функционирования трудового права – это социально-правовая экономико-обеспеченная сфера, тогда как право на труд носит конституционно-правовой характер.

В качестве обоснованности представленной авторской гипотезы необходимо представить способы разрешения спорных вопросов защиты прав: в случае, когда речь идет о функционировании трудового права, то есть разрешении конкретных трудовых споров, закон предусматривает возможность досудебного и судебного (в судах общей юрисдикции) урегулирования споров, однако, когда речь идет о защите конституционного права на труд, то вопросами конституционности положений (то есть соответствия их в части реализации права на труд нормам Конституции РФ), судопроизводство осуществляется Конституционным Судом РФ [7, с. 52-56].

Следует отметить, что длительность фиксации конституционного права на труд не сбавляет интенсивности производства Конституционным Судом РФ проверок соответствия Конституции РФ принятых положений в области зафиксированного права на труд. Практика иллюстрирует довольно живой «диалог» Конституционного Суда РФ по представленным вопросам, выраженный в Постановлениях и Определениях [3, 4, 5].

Выходя за пределы практикоориентированных аспектов доказательственной базы обособленности правового явления конституционализации права на труд, необходимо рассмотреть научную составляющую, иллюстрирующую разнонаправленные точки зрения о формировании рассматриваемого процесса. Так, В.Н. Коншаков в диссертации акцентирует внимание на том, что представлены мнения об отнесении права на труд к естественным правам, тогда как сам автор настаивает на процессе социализации в рамках реализации права на труд [6].

Автор представленной научной статьи акцентирует внимание на том, что конституционализация права на труд связана с установлением значимости представленного права, возможности конституционной его защиты и приоритетности в процессе праворегулирования, надотраслевым характером правового явления.

Надотраслевой характер проявляется в проверке правовых установлений на соответствие норм Конституции о праве на труд и принятых праворегуляторов иных отраслей права. Данный процесс, кроме того, позволяет проиллюстрировать и еще один критерий конституционализации права на труд – рассмотрения Конституционным Судом РФ вопросов соответствия и вынесения единственно верного решения, которое позволяет модернизировать нормы отраслевого законодательства в части приведения их в соответствии с Конституцией РФ.

Представленное позволяет констатировать наличие следующих признаков конституционализации права на труд:

- непосредственная фиксация в нормах Конституции РФ;
- надотраслевой характер функционирования права;
- рассмотрение Конституционным Судом РФ вопросов соответствия принимаемых норм установленным конституционным правоположениям о праве на труд.

На основании выделенных признаков конституционализации права на труд, представляется возможным сформулировать авторскую дефиницию рассматриваемого правового явления: «Конституционализация права на труд представляет собой целенаправленный практикоориентированный процесс влияния фиксированного конституционного права на труд на развитие отраслевого законодательства, через призму выявления соответствия принятых норм конституционным правоположениям Конституционным Судом РФ».

Таким образом, необходимо констатировать, что конституционализация права на труд является надотраслевым, конституционно-регулируемым правовым явлением, аналитическая составляющая которого реализуется через призму функционирования Конституционного Суда РФ, влияющего на трансформацию правовых конструкций, регламентирующих осуществление права на труд, в комплексном и детализированном проявлении практикоориентированных инструментариев и реализационных элементов рассматриваемой правовой категории права на труд.

Сформированное важное научное направление научной статьи позволяет конкретизировать дефиницию «конституционализации» права на труд, определить важность рассмотренного правового явления, выдвинуть гипотезу о том, что конституционализация представляет собой динамичный процесс при наличии статичных правовых конструкций права на труд. Подвижность рассматриваемого правового явления представлена значительным влиянием Постановлений Конституционного Суда РФ не только на процессы восприятия норм трудового законодательства в части реализации права на труд, но и на возможность их трансформации в современном правовом пространстве.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием) от 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 04.07.2020 г. № 144.
2. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. // Российская газета. 1998. 10 декабря.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2022 № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. Н. Елисеева». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.09.2023).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2022 № 29-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 3 и 4 статьи 29 и пункта 7 части 1 статьи 33 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Л.В. Зарубиной» // Собрание законодательства РФ. 18.07.2022. – № 29 (часть III). – Ст. 5560.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2023 № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Царегородской» // Собрание законодательства РФ. – 26.06.2023. – № 26. – Ст. 4845.
6. Коншаков В. М. Проблемы конституционализации правового регулирования социально-трудовых отношений. Дис. … кандид. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2014.
7. Михайлова Е. В. Конституционное судопроизводство – процессуальная форма защиты нарушенных прав // Российский судья. – 2023. – № 1. – С. 52-56.

МАГОМЕДОВА Зухра Расуловна
магистрант 2 года обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

РАМАЗАНОВА Эльвира Тажутдиновна
кандидат юридических наук, доцент Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ КАК ФОРМА НАРОДОВЛАСТИЯ В РФ

Научная статья исследует сущность и ключевые аспекты представительной демократии в контексте российской политической системы. Авторы рассматривают местное самоуправление как важный инструмент участия граждан в управлении и принятии решений на местном уровне, а также анализируют механизмы выборов, ответственности представителей и участия граждан в данном процессе. Статья также подчеркивает значение представительной демократии для развития регионов и городов в России и исследует ее влияние на качество жизни местных жителей. В заключении статья предоставляет обобщенное представление о том, как представительная демократия на местном уровне способствует народовластию и участию граждан в формировании общественной политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: представительная демократия, местное самоуправление, народовластие, участие граждан.

MAGOMEDOVA Zukhra Rasulovna
magister student of the 2nd year of study of the Institute of Law of the Dagestan State University

RAMAZANOVA Elvira Tazhutdinovna
Ph.D. in Law, associate professor of the Institute of Law of the Dagestan State University

REPRESENTATIVE DEMOCRACY AT THE LOCAL LEVEL AS A FORM OF DEMOCRACY IN THE RUSSIAN FEDERATION

The scientific article explores the essence and key aspects of representative democracy in the context of the Russian political system. The authors consider local self-government as an important tool for citizens' participation in governance and decision-making at the local level, and also analyze the mechanisms of elections, the responsibility of representatives and citizens' participation in this process. The article also highlights the importance of representative democracy for the development of regions and cities in Russia and explores its impact on the quality of life of local residents. In conclusion, the article provides a generalized idea of how representative democracy at the local level promotes democracy and citizen participation in shaping public policy in the Russian Federation.

Keywords: representative democracy, local self-government, democracy, citizen participation.

Представительная демократия на местном уровне в Российской Федерации представляет собой важный механизм народовластия, позволяющий гражданам активно участвовать в управлении своими местными общинами. Эта форма организации власти включает в себя выборы, на которых избиратели могут голосовать за кандидатов, представляющих их интересы в местных органах власти, таких как муниципальные депутаты, мэры и главы районов.

Основой представительной демократии на местном уровне являются регулярные выборы, на которых избиратели выбирают своих представителей. Эти представители могут быть муниципальными депутатами, мэрами, главами районов и другими должностными лицами, в зависимости от уровня местного самоуправления. Выборы обеспечивают прозрачный и законный способ определения власти на местах.

В системах муниципального управления муниципальная власть принадлежит населению муниципалитета. Местные жители имеют право выбирать своих представителей на муниципальные посты, такие как мэры, советники или другие должностные лица, через выборы или другие местные процедуры. Так Федеральный закон от 06 октября 2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» различные способы осуществления власти, включая непосредственное участие населения в процессе принятия решений о местном самоуправлении, выборные и другие органы управления на местном уровне, которые создаются населением напрямую, а также формируются посредством представительного органа местного самоуправления, который получает свои полномочия от общества [5, с. 172].

Важно подчеркнуть, что ни одна из форм демократии не может быть признана более приоритетной или значимой, так как «представительная демократия имеет равную юридическую значимость с непосредственной демократией. Различия между ними заключаются исключительно в механизмах, которые обеспечивают выражение воли народа, но не в сути их сущности, которая не дает оснований отдавать предпочтение одной над другой» [5, с. 172].

Жители муниципального образования не могут быть лишены права участвовать в местном самоуправлении только потому, что у них уже есть представительные органы. В случае необходимости или если вопрос представляет особую важность, жители муниципального образования имеют право самостоятельно принимать решения по конкретным вопросам.

Взгляды В. А. Толстика и Н. А. Трусова подчеркивают, что референдум является крайне значимым институтом демократии, и именно через его применение можно наиболее эффективно осуществлять идею участия граждан в управлении государством. Конституцией РФ референдум наряду со свободными выборами определен как высшее непосредственное выражение власти народа, статьей 22 Федерального закона № 131-ФЗ местным референдумом признается форма непосредственного осуществления местного самоуправления

гражданами, которые проживают в границах определенного муниципального образования [5, с. 172].

Избранные представители обладают законодательными полномочиями, что означает, что они могут разрабатывать и принимать законы и решения, касающиеся местных вопросов, включая бюджетное планирование, развитие инфраструктуры, образование и здравоохранение. Эти решения принимаются с учетом мнения и интересов местных жителей, что делает их более релевантными для конкретных потребностей общины.

На сегодняшний день в системе местного самоуправления в России наблюдается явное установление особого приоритетного положения представительных органов. Сравнивая их с другими механизмами народовластия, можно выделить следующие особенности: выбор членов (депутатов) прямо населением, совместное принятие решений по вопросам, входящим в их компетенцию, и исключительные полномочия представительного органа в решении ключевых вопросов местного значения, таких как утверждение устава, бюджета, программ и планов развития муниципалитета [5, с. 173].

Однако в российской практике местного самоуправления реальность связывает пассивность населения в решении местных вопросов не с эффективностью и профессионализмом представительных органов и других учреждений местного самоуправления. Скорее это объясняется увеличивающимся расхождением между реальными потребностями населения (развитие муниципальных образований) и приоритетами властных структур. Нередки случаи сопротивления и даже конфликтов со стороны органов местного самоуправления по отношению к попыткам населения муниципальных образований участвовать в решении местных вопросов или контролировать исполнение различных решений. Часто несогласие с действиями местных властей приводит к необходимости обжалования решений в судебном порядке. Эти конфликты, в основном, связаны с проблемами, связанными с разработкой градостроительной документации, выбором приоритетных направлений расходования местного бюджета и зонированием территории. [5, с. 173].

Важным аспектом представительной демократии на местном уровне является ответственность избранных представителей перед своими избирателями. Если их действия или решения не соответствуют ожиданиям или не удовлетворяют нужды общины, избиратели имеют возможность выразить свое недовольство на следующих выборах и выбрать новых представителей.

Помимо выборов, представительная демократия на местном уровне предоставляет гражданам другие механизмы участия. Это включает в себя возможность обращения к органам власти, участие в общественных слушаниях, подачу петиций и активное участие в различных местных инициативах и проектах. Гражданская активность способствует более широкому вовлечению населения в управление и принятие важных решений.

Местные органы власти играют ключевую роль в развитии регионов и городов. Они определяют приоритеты в распределении бюджетных средств, планировании инфраструктурных проектов, поддержке местного бизнеса, обеспечении доступа к образованию и здравоохранению. Представительная демократия на местном уровне способствует более гибкому и адаптивному управлению, учитывая специфику каждой области.

В конечном итоге представительная демократия на местном уровне имеет стратегическое значение для развития регионов и городов, так как местные органы власти определяют приоритеты в распределении бюджетных средств и реализации проектов, которые напрямую влияют на качество жизни местных жителей. В целом, это важная часть демократического процесса в России, обеспечивающая участие граждан в управлении своими местными общинами.

Пристатейный библиографический список

1. Джагарян Н. В. Конституция и представительная демократия на местном уровне // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 12 (115). – С. 56-58.
2. Мильченко К. А. Представительная демократия как форма народовластия // Актуальные проблемы управления в различных сферах жизни общества: материалы научно-практической конференции, Челябинск, 28 февраля 2017 года / АНОО ВО «Уральский финансово-юридический институт». – Челябинск: ИП Мякотин И. В., 2017. – С. 35-38.
3. Макарян Ц. М. Представительная демократия как форма народовластия: некоторые вопросы теории // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2016. – № 2 (23). – С. 148-159.
4. Попов Д. В. Народовластие на современном этапе развития законодательства России о местном самоуправлении // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 6. – С. 78-83.
5. Павлов С. Ю. Местный референдум как основная форма народовластия: проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. № 9А. – С. 171-176.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-98-100

ГАБИЕВА Сиясат Магомедовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ ВНЕСЕНИЯ ПОПРАВОК 2020

В статье рассматриваются проблемы реализации поправок к Конституции РФ в ходе современных преобразований. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что конституционные поправки стали одними из самых глобальных за последнее время, вызвавшими множество споров среди ученых. Говорится, что в Конституции содержится немало противоречий, проблем и пробелов, которые в настоящее время пытаются устранить специалисты в области конституционного права. Определяются трудности, связанные с реализацией данного процесса, и его правовые последствия. Делаются выводы о допустимости принятия поправок в Конституцию РФ на данном историческом этапе развития нашей страны.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, реализация поправок к Конституции, Президент РФ, изменения, правовые последствия, государственные органы.

GABIEVA Siyasat Magomedovna
Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AFTER THE ADOPTION OF AMENDMENTS 2020

The article deals with the problems of implementation of amendments to the Constitution of the Russian Federation in the course of modern transformations. The relevance of the topic of the article is due to the fact that constitutional amendments have become one of the most global in recent times, causing a lot of controversy among scientists. It is said that the constitution contains many contradictions, problems and gaps that experts in the field of constitutional law are currently trying to eliminate. The difficulties associated with the implementation of this process and its legal consequences are determined. Conclusions are drawn about the admissibility of adopting amendments to the Constitution of the Russian Federation at this historical stage in the development of our country.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the implementation of amendments to the Constitution, the President of the Russian Federation, changes, legal consequences, state bodies.

Стабильность является одним из фундаментальных юридических свойств Конституции любой страны, в том числе и Конституции Российской Федерации. Однако Конституция – это не «священная корова» и возможность внесения изменений и дополнений в текст Конституции предусмотрена ею самой. Для обеспечения действенности и в целях реалистичности в Конституцию РФ нужно вносить изменения и дополнения. Президент РФ В.В. Путин в январе 2020 года в Послании Федеральному Собранию РФ предложил поправки к Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд признал легальность данных поправок.

Поправки к Конституции 2020 г., внесшие значимые изменения в статус и взаимоотношения высших органов государственной власти, воплощены в обновлённом законодательстве. В начале ноября 2020 года был опубликован и вступил в силу Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации»[1]. Были опубликованы поправки к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации»[2], в ноябре 2020 г. были утверждены изменения в ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации»[3] и др.

Однако ряд поправок вызывают споры среди ученых и общественности.

Прежде всего, среди спорных поправок, взволновавших общественность в период принятия данных поправок, это – обнуление президентских сроков [3, с. 22]. Вопрос о числе сроков, в течение которых одно и то же лицо может занимать должность президента, может быть решен по-разному, считают судьи, в том числе и так, как он решен в «Законе о поправке».

Следует также сказать о внесении изменений в статью 83 Конституции, касающуюся президентских функций. Пункт «б» был дополнен положением о том, что Президент РФ осуществляет общее руководство Правительством РФ. Теперь он назначает Председателя Правительства, выдвигает его кандидатуру, которую утверждает Госдума. Президент имеет право освободить его от должности, а также не только присутствовать на заседаниях Правительства, но и руководить им. Здесь мы отмечаем что ряд норм «перекочевали» из ранее действовавшего ФКЗ в текст конституции.

Стало быть, Президент России имеет множество полномочий в области исполнительной власти, помимо этого ряд

1 О Правительстве Российской Федерации: федер. закон от 6 нояб. 2020 г. № 4-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 9 нояб. 2020 г. № 367-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федер. закон от 9 нояб. 2020 г. № 5-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

полномочий и в отношении законодательного органа. К тому же он принимает участие в формировании судебной власти.

Следует обратить внимание на то, что поправки, касающиеся общего руководства Президента российским Правительством, не только имеют организационный характер, но и меняют представление о форме правления в нашей стране.

Считаем, что эти поправки следует рассматривать как расширение влияния Президента России на всю систему публичной власти, тогда как это не соответствует статье 10 российской Конституции, в которой говорится о самостоятельном функционировании всех ветвей власти. После поправок 2020 года все чаще звучит утверждение о том, что президент, в сущности, входит в состав Правительства России, в связи с чем форму правления в России можно охарактеризовать как президентскую [4, с. 140].

Таким образом, поправки, внесенные в главу 4 Конституции, посвященную Президенту РФ не только расширяют его полномочия в отношении федеральных органов власти, но и уточняют место главы государства в системе власти.

Одной из главных поправок является положение статьи 125 о сокращении количества судей Конституционного суда с 19 до 11. Правомочна деятельность суда при наличии не менее 8 судей, а принятие решений – при участии не менее 6 судей в заседании (более половины от общего числа).

Нелогичным также видится установление возможности лишать судей полномочий по представлению Президента РФ, а также требование для граждан перед подачей жалобы в КС исчерпывать все другие внутригосударственные средства судебной защиты и другие.

К тому же ранее важной организационной особенностью Конституционного суда РФ была его двухпалатная структура, предоставлявшая Суду возможность углубленной специализации, а также возможность рассмотрения большего количества дел с двумя составами в обеих палатах. При этом наиболее значимые вопросы рассматривались на пленарном заседании. Сейчас все вопросы, относящиеся к полномочиям КС РФ, рассматриваются только на пленарном заседании.

Ликвидация двухпалатной системы КС России вместе с сокращением общего числа судей будут способствовать снижению реальной роли отдельного судьи КС. К тому же будет возрастать реальная нагрузка дел на каждого оставшегося судью КС России. Возможно будет не хватать специалистов-судей, относящихся к различным научным школам, различным типам правопонимания, имеющих различный <…> профессиональный бэкграунд[4]. Вместе с тем количество рассматриваемых дел станет меньше.

Таким образом, поправки к гл. 4–7 российской Конституции указывают на то, что наша страна является президентской республикой, усиливая президентскую власть, ограничивая ее только тем, что одно лицо может длительно удерживать власть Президента за счет ограничения пребывания в данной должности только двумя сроками.

4 Царева Марина. Из Конституционного суда уходит один из старейших судей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/03/31/916133-konstitutsionnogo-suda-uhodit (дата обращения: 12.09.2023).

Однако в связи с усилением президентской власти возможны противоречия, препятствующие установлению баланса системы сдержек и противовесов, что представляется весьма важным.

Для разрешения сложившихся противоречий, как полагают ученые, с которыми мы согласны, следует еще раз изменить текст Конституции РФ для того, чтобы внести в него поправки, устраняющие данные недостатки [7, с. 37].

Что касается реализации российской Конституции после внесения поправок, то можно отметить, что многие конституционные нормы не реализуются в действительности. Помимо общеизвестных примеров о нереализуемых конституционных правах граждан, к примеру, права на жилье, на образование, на свободу слова и др., обратим внимание и на установленный Конституцией светский характер государства с отсутствующей государственной религией. На практике правовое положение православной церкви является привилегированным в отношении получения в пользование земельных участков, материальной помощи для содержания исторически ценных религиозных сооружений и иного.

Некоторые уже действующие конституционные принципы, несмотря на их очевидную актуальность, так и не получили должного, прежде всего правового, развития, а потому остаются действующими исключительно на словах. Например, институт детства, который, с учетом принятых поправок, должен был получить новый вектор развития и приобрести необходимые правовые очертания, цель которых — изменение законодательного внимания к сущности данного общественного явления, и формирование качественного механизма защиты его участников [6, с. 61].

Наибольшее значение, по мнению ученых, имеет блок социальных поправок. Они касаются укрепления семейных ценностей и защиты «института брака как союза мужчины и женщины, создания условий для достойного воспитания детей в семье», установления оплаты труда не меньше прожиточного минимума, индексации пенсий раз в год, а также социальных пособий [2, с. 45].

К тому же были внесены поправки об установлении минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума, порядке индексации пенсий, о социальных пособиях, обязательном социальном страховании. Однако минимальная оплата труда согласно прожиточному минимуму итак осуществляется без поправок в Конституцию. Но на сегодняшний день прожиточный минимум не соответствует возможности обеспечения потребностей человека. Прожиточный минимум был введен во время кризиса экономики 1992 года, тогда как уровень бедности в РФ сейчас в два раза выше. Поэтому, как представляется, данную поправку части 5 нельзя считать повышающей материальное благосостояние людей.

Как полагают Х.В. Гаджиева и З.Н. Омарова, с которыми следует согласиться, сюда надо включить еще и другие насущные потребности человека материального и духовного характера [1, с. 40].

В части 6 говорится о пенсиях, ранее гарантированных государством. Сейчас законодатель предложил следующую формулировку: «В Российской Федерации формируется си-

стема пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом». Здесь можно говорить об ослаблении роли государства ввиду его самоустранения от гарантий пенсионного обеспечения.

Приведем пример из практики. В общественные организации по правам человека много раз поступали обращения лиц в возрасте 60 и более лет, имеющих стаж, требуемый для получения пенсии. Тем не менее, в назначении пенсии им отказывали ввиду недостаточного количества пенсионных баллов. Для большей части лиц сформировалась сложная ситуация вследствие того, что до достижения пенсионного возраста им придется трудиться еще пять лет: мужчинам – до 70, женщинам – до 65. В принципе для большинства россиян пенсионный возраст был повышен на десять лет. Вследствие сказанного можно отметить, что поправка в ч. 7 ст. 75 российской Конституции о гарантии обязательного социального страхования, адресной социальной помощи и индексации социальных пособий, по нашему мнению, не внесла ничего нового в действующее законодательство.

В новой статье 75.1 Конституции РФ говорится, что в России создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение труда человека, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Как нам кажется, данная статья является неясной. Так, к примеру, по телевизору бесконечно звучат призывы пожертвовать деньги на больных детей. Однако встает вопрос: почему нет бесплатной медицинской помощи, гарантированной нашей Конституцией государством?

Как представляется, фиктивными можно считать отдельные положения Конституции РФ о территориальном устройстве государства, провозглашающих правовое равенство всех субъектов Российской Федерации. Так, А.Р. Шастина и В.Е. Терещенко отмечают, что «это не предотвратило наличия фактической федеративной асимметрии». То есть республики были включены в состав Федерации на договорной основе и называются государствами. Но ученые обращают внимание на непропорциональное распределение федеральных бюджетных дотаций между субъектами РФ [5, с. 211].

Таким образом, в Конституции РФ содержится немало противоречий, проблем и пробелов, которые в настоящее время пытаются устранить специалисты в области конституционного права. Многие конституционные нормы не реализуются в действительности.

Все перечисленные изменения, по мнению ученых, должны способствовать укреплению государственной целостности и суверенитета, улучшению жизнедеятельности российских граждан.

Поэтому можно сделать вывод о том, что на данном историческом этапе развития нашей страны допустимо и необходимо принятие поправок в Конституцию РФ, которые были внесены в 2020 году, и даже не столько и не только для оптимизации правового и социально-экономического положение российских граждан, а с целью сохранения на длительный период политического режима, существующего в стране.

Пристатейный библиографический список

1. Гаджиева Х. В., Омарова З. Н. Взгляд конституционалистов на поправки к Конституции Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 6 (145). – С.38-42.
2. Душина Т. В. К вопросу о поправках в Конституцию Российской Федерации 2020 // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». –2020. – № 1. – С. 43-48.
3. Сизова А. С., Соколов Е. Е. К вопросу о реализации поправок в Конституции Российской Федерации // The Scientific Heritage. – 2021. – № 79-3 (79). – С. 21-24.
4. Фисенко Е. С. Особенности и проблемы правореализации полномочий Президента РФ как гаранта положений Конституции // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 4 (117). – С. 138-143.
5. Шастина А. Р., Терещенко В. Е. О реальности и фиктивности Конституции Российской Федерации в аспекте конституционных поправок 2020 года // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 4 (196). – С. 210-212.
6. Шелегов Ю. В., Жигалова Е. А. Поправки К Конституции Российской Федерации: генезис и практический аспект реализации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – Т. 18. – № 4. – С. 59-62.
7. Яшкин А. И., Рахимов Р. И., Сизова А. С. К вопросу о реализации поправок в Конституцию РФ об избрании и функциях Президента РФ // Spirit Time. – 2021. – № 1-1 (37). – С. 35-38.

ЯРИКОВ Махач Мурзадинович
магистрант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

РАДЖАБОВА Эмилия Шахабутиновна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ИНСТИТУТ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПОРОВ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА

В настоящей статье представлен анализ института избирательных споров, как средства реализации конституционных гарантий прав граждан на участие в управлении делами государства. Авторами рассматривается доктринальное понятие избирательного спора, его отличительные признаки и причины возникновения. В ходе исследования авторы приходят к выводу, что основными причинами, способствующими возникновению избирательных споров, являются несовершенства избирательного законодательства, пробелы и коллизии, порождающие избирательные споры и низкий уровень правовой и политической культуры.

Ключевые слова: демократия, избирательное право, избирательные споры, причины избирательных споров.

YARIKOV Makhach Muradinovich
magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

RADZHABOVA Emiliya Shahabutinovna
Ph.D. in Law, senior lecturer of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

THE INSTITUTION OF ELECTORAL DISPUTES AS A MEANS OF IMPLEMENTING CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF CITIZENS' RIGHTS TO PARTICIPATE IN THE MANAGEMENT OF STATE AFFAIRS

This article presents an analysis of the institution of electoral disputes as a means of implementing constitutional guarantees of citizens' rights to participate in the management of state affairs. The authors consider the doctrinal concept of an electoral dispute, its distinctive features and causes. In the course of the study, the authors come to the conclusion that the main reasons contributing to the emergence of electoral disputes are imperfections of electoral legislation, gaps and collisions that generate electoral disputes and a low level of legal and political culture.

Keywords: democracy, electoral law, electoral disputes, causes of electoral disputes.

В декабре 1993 года была принята Конституция Российской Федерации и с этого момента был официально провозглашен курс на демократизацию и построение правового государства. Известно, что отличительной чертой правого государства является верховенство правового закона, а демократия предполагает участие народа в управлении делами государства. Россия является самой большой по территории страной мира, что делает невозможным в данных условиях реализацию прямой формы демократии. В связи с этим огромное значение приобретает институт выборов, как важнейший атрибут демократического общества.

Основной закон государства относит выборы к высшей форме народовластия. Посредством участия в выборах, реализуя свои пассивные и активные избирательные права, граждане вовлекаются в процесс формирования высших органов государственной власти и органов местного самоуправления. Институт выборов позволяет населению проявлять свою политическую активность, способствует формированию гражданского общества.

Как и любая другая сфера человеческой деятельности, избирательный процесс не совершенен, несовершенны и нормы, регулирующие этот процесс. В ходе борьбы за власть и за поддержку избирателей, кандидаты прибегают к различным способам получения преимуществ, нередко это приводит к нарушению прав других участников избирательного процесса. Возникающие разногласия принято называть избирательными спорами.

Избирательные споры признаются нежелательным явлением, поскольку в основе их лежат нарушения избирательных прав граждан. В то же время они выступают в роли индикаторов, выявляющих недостатки и пробелы в нормативно-правовом регулировании избирательного процесса.

Как и в медицине, в юриспруденции актуально выражение «Лучшее лечение – профилактика», государство заинтересовано в предотвращении споров, именно поэтому возникает необходимость изучения их природы и причин возникновения.

Федеральное законодательство не оперирует таким понятием как «избирательный спор», аналогичным образом обстоит ситуация и с региональным законодательством, в частности в избирательных законах Республики Дагестан отсутствует упоминание о такой категории.

В юридической литературе большинство авторов связывают понятие избирательного спора с категорией правоотношения.

Э.И. Мазитова считает, что избирательные споры можно определить, как «избирательные правовые отношения охранительного характера, благодаря которым разрешаются ситуации в административном и судебном порядке, имеющие несогласованные интересы, появляющиеся по причине реальных или предполагаемых действий и бездействий, противоречащих требованиям правовых норм» [1, с. 179]. Приведенное определение понятия избирательных споров пред-

ставляется слишком абстрактным и не раскрывает сущности того явления, о котором идет речь.

Более проработанное понятие избирательных споров предлагает Р.И. Гадельшин. Под избирательными спорами автор понимает «материальные правоотношения, вытекающие из разногласий субъектов избирательного процесса, возникших по поводу применения избирательного законодательства в ходе назначения, подготовки, проведения и установления результатов выборов, вынесенные для разрешения избирательными комиссиями или судом» [2, с. 118].

Отличительными признаками избирательных споров являются:

– субъектный состав, а именно, участники избирательного процесса;

– время их возникновения;

– причины избирательных споров (толкование и реализация норм избирательного права).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что избирательные споры – это конституционные отношения, правоохранительного характера, в рамках которых происходит урегулирование разногласий, возникающих между участниками избирательного процесса, по поводу реализации норм избирательного права в процессе организации и установлении результатов выборов.

В исследованиях, посвященных проблемам возникновения избирательных споров, выделяют широкий спектр причин их возникновения.

Н. И. Голубкова к типичным причинам возникновения избирательных споров относит нарушения конституционных прав граждан, несовершенства избирательного законодательства. Автор также добавляет, что увеличению количества избирательных споров способствуют такие факторы, как низкий уровень правовой культуры избирателей, некомпетентность должностных лиц избирательных комиссий и других участников избирательного процесса. Основную причину возникновения избирательных споров Н. И. Голубкова видит в том, что в погоне за властью и голосами избирателей, кандидаты все больше прибегают к развязыванию «юридических войн», которые заключаются в подаче безосновательных жалоб, целью которых является не устранение нарушений избирательного законодательства, а создание препятствий другим кандидатам и получение преимуществ [3, с. 95].

Несовершенство избирательного законодательства обусловлено частым реформированием данной подотрасли конституционного права, систематическое внесение изменений в нормативно-правовые акты, регулирующие сферу избирательного права, происходит без учета уже действующих норм, отсутствует комплексный, системный подход при принятии тех или иных положений. Необходимо обратить внимание, что недостатки существуют не только в законах, но и в подзаконных нормативных правовых актах, которые зачастую не согласуются с содержанием актов большей юридической силы.

Ситуация с толкованием и применением избирательного законодательства осложняется еще и тем, что правовое регулирование избирательного процесса осуществляется субъектами РФ.

О состоянии нормативно-правового регулирования избирательного процесса в регионах говорилось в докладе ЦИК РФ «О развитии и совершенствовании законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах». Несмотря на то, что доклад датируется 2000 годом, проблемы, о которых в нем говорится, сохраняют актуальность и по сей день.

Одной из главных причин несовершенства регионального избирательного законодательства и возникновения избирательных споров является то, что «при разработке законов субъектов, региональные власти игнорируют то обстоятельство, что субъекты Федерации вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов вправе осуществлять собственное правовое регулирование в соответствии с ч. 4 ст. 76 Конституции РФ в решении целого ряда вопросов» [4, с. 80]. Это приводит к тому, что законодатели механически переписывают нормы Федерального закона в региональный.

О механическом копировании норм федерального законодательства региональными законами говорит и С.И. Цыбуляк. По мнению ученого вместо того, чтобы развивать и конкретизировать положения федеральных нормативно-правовых актов, представители законодательной власти субъектов РФ принимают акты-дублеры, осложняющие процесс правоприменительной деятельности [5, с. 8]. К тому же такая практика принятия региональных законов становится причиной отсутствия самостоятельного правового регулирования отдельных групп общественных отношений.

Так как федеральное законодательство подвержено частым изменениям, возникает необходимость корректировки и норм-дублеров, в противном случае при их применении возникают коллизии.

Решение проблемы несогласованности норм источников избирательного права многие авторы видят в принятии Избирательного кодекса РФ, который бы объединил и систематизировал в себе все законы, регулирующие процесс выборов [6, с. 96]. Следует отметить, что принятие Избирательных кодексов не является чем-то новым, в ряде субъектов России отношения, возникающие в связи с проведением и организацией выборов, регулируются именно кодифицированными нормативными правовыми актами. Многие страны СНГ также выбрали кодификацию в качестве средства совершенствования избирательного законодательства.

Долгое время ситуация усугублялась еще и тем, что в механизме защиты избирательных прав граждан не была предусмотрена возможность оспаривания результатов выборов избирателями, если только не были допущены нарушения, затрагивающие лично их избирательные права.

По этому поводу группа граждан, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и региональное отделение политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области обратились в Конституционный Суд РФ с требованием о признании неконституционными положений пункта 10 статьи 75 Федерального закона № 67-ФЗ.

Исследовав все документы и материалы дела, суд установил, что заявители обратились в Верховный Суд РФ с заявлением о нарушении их избирательных прав в части требования об отмене постановления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 9 декабря 2011 года № 70/576-6 «О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва».

Верховный Суд РФ, руководствуясь п. 10 ст. 75 Федерального закона № 67-ФЗ пришел к выводу, что «такое нарушение избирательного законодательства, как неправильный подсчет голосов, на которое заявители ссылались в обоснование своих требований, может повлечь за собой нарушение прав политических партий при распределении между ними депутатских мандатов, а не избирательных прав граждан; между тем действующее законодательство связывает право избира-

телей на обращение в суд с защитой именно их нарушенных прав» [7].

Конституционный Суд РФ признал эту норму не соответствующей Конституции РФ, в связи с тем, что ее положения исключают для граждан, принимавших участие в выборах в качестве избирателей, возможность обжалования решений и действий (бездействия) избирательных комиссий, связанных с установлением итогов голосования на том избирательном участке, на котором эти граждане принимали участие в выборах.

После этого в Федеральный закон № 67- ФЗ были внесены изменения и избиратели получили право обжаловать решения, действия (бездействие) участковой комиссии, связанные с установлением итогов голосования.

Нередко избирательные споры возникают по вине должностных лиц избирательных комиссий, которые пренебрегают избирательным законодательством и либо в силу его незнания, либо намеренно нарушают права других участников избирательного процесса.

В Верховный Суд Республики Дагестан обратился представитель Участковой избирательной комиссии № XXXX, Хасавюртовского района РД с апелляционной жалобой на решение Хасавюртовского районного суда РД от 28 декабря 2020 г., которым удовлетворено исковое заявление Б.М.А. к Участковой избирательной комиссии № XXXX о признании незаконным бездействия УИК.

В ходе судебного заседания суд апелляционной инстанции установил, что административный истец обратился в суд, мотивируя свои требования тем, что 4 сентября 2020 г. он обратился в участковую избирательную комиссию с заявлением об информировании его как члена комиссии с правом совещательного голоса о принятии избирательной комиссией решения об изготовлении бюллетеней, которые будут использованы при голосовании на выборах депутатов Собрания депутатов МО СП «село Э.»

В ответ на заявление административного истца, 7 сентября 2020 г. участковая избирательная комиссия ознакомила его с решением УИК № XXXX от 18 августа 2020 г. об избирательных бюллетенях для голосования на выборах депутатов Собрания депутатов МО «село Э.» седьмого созыва. Удовлетворяя требования, содержащиеся в исковом заявлении, суд первой инстанции, пришел к выводу, что УИК № XXXX нарушила п. 23 ст. 29 Федерального закона № 67-ФЗ, согласно которому член комиссии с правом совещательного голоса заблаговременно извещается о заседаниях соответствующей комиссии. В результате данного бездействия участковой избирательной комиссии были нарушены права и законные интересы административного истца, гарантированные Федеральным законом № 67-ФЗ. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Республики Дагестан согласилась с выводами суда первой инстанции и оставила в силе обжалуемое решение [8].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что возникновение избирательных споров обусловлено множеством факторов, среди которых можно выделить факторы объективного и субъективного характера. К первой группе относятся все несовершенства избирательного законодательства, пробелы и коллизии, порождающие избирательные споры и низкий уровень правовой и политической культуры, отсутствие единообразной практики применения судами норм избирательного законодательства. Ко второй группе следует отнести такие факторы, как нарушение норм избирательного права избирательными комиссиями, их должностными лицами, кандидатами, и другими участниками процесса, а также противостояние участников «предвыборных гонок».

Пристатейный библиографический список

1. Мазитова Э. И. Понятие и юридическая природа избирательных споров // Сборник трудов молодых ученых УВО «Университет управления «ТИСБИ». - 2020. - С. 179.
2. Гадельшин Р. И. К вопросу о понятии «избирательный спор» // Вестник Томского государственного университета. - 2008. - № 308. - С. 118.
3. Голубкова Н. И. Избирательные споры: причины возникновения и способы предотвращения на основе анализа российской и зарубежной практики // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2013. - № 2. - С. 95.
4. Уколова А. Е. К вопросу о некоторых коллизиях избирательного законодательства // Сборник статей по материалам VII международной научно-практической конференции. В 2-х частях. - 2018. - С. 80.
5. Цыбуляк С. И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации: специальность 12.00.02 «Конституционное право, муниципальное право»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук; Тюменский государственный университет. - Тюмень, 2010. - С. 8.
6. Макарцев А. А. К вопросу об электорально-правовой культуре и социально-правовых средствах ее повышения // Гражданин. Выборы. Власть. - 2020. - № 2. - С. 96.
7. По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. В. Андронова, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.04.2013 № 8-П. // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons (дата обращения: 25.05.2023).
8. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан от 6.04.2021 г. по делу № 33а-1932/21 // Банк судебных решений Верховного суда Республики Дагестан (дата обращения: 25.05.2023).

ГРУНИН Антон Геннадьевич
преподаватель кафедры управления и административно-правовых дисциплин Юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России

СООТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В СИСТЕМЕ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные тенденции, определяющие законодательное регулирование ответственности за совершение административных правонарушений и их соотношение с уголовным правовым воздействием в системе мер государственного принуждения. В частности, особое внимание обращается на гуманизацию правотворческой и правоприменительной практики в рамках возникающих правоотношений. В тоже время обращено внимание и на то, что в современном понимании административные меры воздействия охватывают целую нишу юридических форм и средств воздействия права на регулируемые общественные отношения с целью исключения рецидива совершенного деяния и иной позитивной коррекции общественных взаимоотношений на различном уровне.

Ключевые слова: административное правонарушение, уголовное наказание, воздействие, ограничение, гуманизация, система мер, государственное принуждение.

GRUNIN Anton Gennadjevich
lecturer of Management and administrative and legal disciplines sub-faculty of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

THE RATIO OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL PENALTIES IN THE SYSTEM OF STATE ENFORCEMENT MEASURES

The article discusses current trends that determine the legislative regulation of responsibility for committing administrative offenses and their relationship with criminal legal impact in the system of state coercion measures. In particular, special attention is paid to the humanization of law-making and law enforcement practice within the framework of emerging legal relations. At the same time, attention is also drawn to the fact that, in the modern sense, administrative measures of influence cover a whole niche of legal forms and means of influencing the right to regulated social relations in order to exclude the recurrence of the committed act and other positive correction of social relations at various levels.

Keywords: administrative offense, criminal punishment, impact, restriction, humanization, system of measures, state coercion.

Формирование современной, высокоэффективной правовой системы, которая способна в своей совокупности обеспечить баланс интересов между правами, законными интересами, обязанностями граждан, а также публичными интересами государственных институтов должно происходить на основе правильного понимания того или иного источника регулирующего воздействия, его юридической силы, а также общеобязательности выполнения. Российская Федерация, как правовое государство относится к правовой системе континентального права, где на первое место ставят законы, как источника права, и, исходя из такого подхода, формируется сеть (система) нормативных правовых актов, которые определяют способы и методы регулирующего воздействия, а также определят тенденции развития различных сфер общественной жизни.

Современная концепция норм административного права придает особое значение нормативным правовым актам как регуляторам публично-правовых отношений. Именно они составляют наибольший массив и способны комплексно, системно формировать правовое поле, которое бы обеспечивало надлежащий правовой порядок в публично-правовой сфере. Следует также отметить, что в последние десятилетие ключевой проблемой нормативно-правового регулирования определяется не столько несовершенство самих правовых актов, как масштабное игнорирование (неисполнение) уже существующих правовых актов.

Реализация норм административного права является прямым индикатором институционального становления и развития государства. Смыслом функционирования государства является обеспечение условий для свободного развития индивида во всех формах его проявления как самодостаточной личности. Таким образом, способность административных актов обеспечить институциональную способность государства может проявляться в принятии правовых актов законодательными органами и органами публичной администрации с достаточностью имеющихся ресурсов на их выполнение и обеспечение требований предсказуемости и юридической определенности.

Сама природа человека обусловливает возможность выбора различных вариантов поведения, многие из которых, хотя и могут помочь достичь желаемых целей, но являются противоправными. Именно поэтому государство с помощью аппарата принуждения должно путем внешней регуляции обеспечивать соблюдение существующих правовых предписаний.

Некоторые варианты поведения признаются государством социально полезным, поощряемым, либо нейтральным, а другие вариант, – незаконными, общественно вредными и опасными. Корректировать поведение субъектов позволяет государственное принуждение, особую роль в котором играет институт наказаний.

Законодательство об административных правонарушениях и его отдельные нормативные составляющие зачастую несут в себе карательное предназначение. В этом контексте, как составные элементы юридической нормы выступают санкции, поскольку они, так или иначе, предусматривают правовую ответственность за нарушение диспозиции: сложившихся правил, устоев, обычаев, традиций, общепринятых моделей поведения и др. Публичная сфера социально-правового бытия государства насыщена разнообразными отношениями, урегулирование которых требует наличия нормативного массива, в совокупности нормативно-правовых актов, принятых на выполнение функций государства и

обеспечения потребностей других участников отношений. Нормативные акты субъектов властных полномочий устанавливают ключевое большинство правил поведения в системе административно-правовых отношений. Более того, нормативные акты служат средством решения функциональных и управленческих задач субъектов властных полномочий. Следовательно, как мера административного ограничения (принуждения) в отношении лица, нарушающего установленные нормы они закреплены в кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ).

Схожим образом, с уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), административные нормы, в свою очередь, регламентируют свою, особую систему наказаний за определенные виды деяний квалифицированных законодательством как доказанные совершенные противоправные деяния – правонарушения. Тем не менее, данные виды правового воздействия не являются тождественными, что определяет важность четкого разграничения применения административных и уголовных наказаний хотя бы потому, что общественная опасность и причиненная тяжесть совершаемых деяний, значительно отличаются. Вместе с тем следует отметить, что вследствие актуальных тенденций на процесс гуманизации в стране и обществе государственные органы всячески способствует тому, чтобы наказания избирались как можно более снисходительные. Так, или иначе, в российских судах уже давно сложилась устойчивая практика, при любой возможности, привлекать именно к административной ответственности, юридические последствия которой имеют более мягкий характер, чем в случае применения уголовной ответственностью и уголовного наказания.

Подвергая анализу структуру КоАП РФ, существует возможность перечень административных наказаний условно разделить на три группы основные, дополнительные и смешанные.

К первой категории относятся такие наказания, которые нельзя назначить в качестве дополнения к иным наказаниям, отсюда и их классификация в качестве основных. Такими наказаниями, в частности, являются: предупреждение, административный арест, административный штраф, лишение специального права, предоставленного физическому лицу (за исключением права управления транспортным средством), приостановление деятельности, обязательные работы, дисквалификацию и т.д.

Что касается тех правонарушений, которые можно отнести к категории дополнительных, это: лишение специального права в виде права управления транспортным средством соответствующего вида, управление транспортным средством в состоянии опьянения и т.п.

Стоит отметить, что существуют административные наказания смешанного характера, которые можно отнести и к категории основных и категории дополнительных. К таковым уместно отнести: административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения и т.п.

Проанализируем более детально некоторые административные наказания.

Предупреждение (Статья 3.4 КоАП РФ) – как административное наказание, выраженное в письменной форме, его сущность представляет собой юридически сформулированное официальное порицание нарушителя. В данном случае для целей правоприменения не имеет значения, является ли правонарушитель физическим лицом, либо юридическим лицом. Анализируемый вид наказания применяется за правонарушение, которое совершается впервые, имеет низкую общественную опасность. Также важно отметить, что в составе такого правонарушения отсутствуют неустранимые последствия в виде угрозы жизни или здоровью человека, безопасности государства, а также иные тяжкие последствия. Данный пример свидетельствует о наличии определенной иерархии в системе административных наказаний, соответственно тяжести совершаемых противоправных деяний.

Административный штраф (Статья 3.5 КоАП РФ) определяется как денежное взыскание, оцененное в рублях. По общему правилу, максимальный размер административного штрафа для граждан составляет пять тысяч рублей, но в отдельных правонарушениях данная сумма возрастает до пятисот тысяч рублей. Для должностных лиц данные суммы, соответственно, составляют пятьдесят тысяч рублей и один миллион рублей, для юридических лиц – один миллион рублей и шестьдесят миллионов рублей. Данный эквивалент, возможно, также выразить в определенной кратной соответствующим показателям величине [1, с. 36-38].

Конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения (Статья 3.7 КоАП РФ) представляет собой принудительное безвозмездное изъятие в собственность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации предметов и вещей, не изъятых из оборота. Конфискацией не будет являться изъятие у лица, совершившего административное правонарушение, вещей, находящихся у него в противоправном владении, а также вещей, изъятых из оборота или подлежащих возвращению законному владельцу.

Лишение специального права (Статья 3.8 КоАП РФ) – представляет собой поражение лица в правах, которыми оно злоупотребляло либо же систематически пользовалось с нарушениями. Как правило, лишение специального права связано напрямую с нарушениями в области пользования лицом таким правом, а также с уклонением от исполнения установленного КоАП РФ другого наказания, которое непосредственно ограничивает такое право. При этом важно то, что такое лишение специального права не может быть назначено, к примеру, лицу осуществляющему охоту на законных основаниях и для кого охота является законным источником средств, за исключением осуществления охоты с нарушением установленных сроков и порядка охоты.

Административный арест (Статья 3.9 КоАП РФ) заключается в изолированном от общества содержании лица. Он устанавливается на срок до пятнадцати суток за совершение правонарушений против общественного порядка, проведение митингов, мелкое хулиганство. Этот вид административного наказания довольно специфичен и не может применяться к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, инвалидам I и II группы, военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, а также государственным служащим. Связано это с тем, что административный арест в условиях изоляции от общества создает для таких категорий граждан трудности не только в обеспечении жизнедеятельности, но также и в осуществлении своей трудовой деятельности, которой изолированное состояние будет препятствовать при необходимом ее осуществлении. Как верно предостерег И. В. Карлов: «В условиях повышенной изменчивости и противоречивости ведомственного нормативного регулирования, заинтересованности контролирующих органов в повышении показателей выявленных правонарушений могут возникать дополнительные риски нарушения прав человека при применении данного вида административного наказания» [2, с. 50].

Следующим наказанием в перечне является административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства (Статья 3.10 КоАП РФ). В данном случае очевидно наличие специального субъекта правонарушения: иностранного гражданина, либо лица без гражданства. Административное выдворение предполагает принудительное перемещение обозначенных специальных субъектов правонарушения через границу

России за ее пределы. Также возможен и вариант с контролируемым самостоятельным выездом обозначенных лиц за пределы страны. Это законный способ принудительного прекращения пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации наряду с депортацией незаконно проникших на ее территорию лиц, признанием пребывание некоторых лиц нежелательным и выдачей лиц, нарушивших законодательно установленные правила и требования поведения на территории России [3, с. 11].

Дисквалификация (Статья 3.11 КоАП РФ) – это административное наказание, поражающее в праве замещения должности федеральной государственной гражданской службы, занятия должности в исполнительном органе управления юридического лица, вхождения в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлении предпринимательской деятельности по управлению юридическим лицом, осуществлении управление юридическим лицом в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо осуществлении деятельность по предоставлению государственных и муниципальных услуг либо деятельности в сфере подготовки спортсменов (включая их медицинское обеспечение) и организации и проведения спортивных мероприятий, либо осуществлении деятельности в области проведения экспертизы промышленной безопасности, либо осуществлении деятельности в области независимой оценки пожарного риска (аудита пожарной безопасности), либо осуществлении медицинской деятельности или фармацевтической деятельности. Прослеживается схожесть дисквалификации, являющейся административным наказанием, с лишением права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, которое, в свою очередь, представляет собой уголовное наказание, предусмотренное статьей 47 УК РФ.

В современном словаре иностранных слов дисквалификация определяется как лишение квалификации, объявление кого-либо недостойным или неспособным занимать определенную должность или выполнять определенную работу [4, с. 204]. Данное наказание имеет длящийся характер, который определяется на срок от шести месяцев до трех лет. Следовательно, когда применяется данный вид наказания, то он устанавливается для конкретных субъектов, как и в случае с выдворением за пределы Российской Федерации, а именно для лиц, занимающих определенные должности (организации, органы, установленные диспозицией норм КоАП РФ).

Административное приостановление деятельности (Статья 3.12 КоАП РФ) заключает в себе похожий смысл и применяется в случае угрозы жизни или здоровью людей, возникновения эпидемии, эпизоотии, заражения (засорения) подкарантинных объектов карантинными объектами, наступления радиационной аварии или техногенной катастрофы, причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды либо в случае совершения административного правонарушения в области оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, растений и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, в области ограничений на осуществление иностранными гражданами или лицами без гражданства отдельных видов деятельности, в области правил привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к трудовой деятельности, осуществляемой на торговых объектах (в том числе в торговых комплексах), в области порядка управления, общественного порядка и общественной безопасности и других случаях. Подобное приостановление деятельности чаще всего бывает связано с осуществлением предпринимательской деятельности без необходимого профильного образования юридического лица. Устанавливается такое наказание на срок до девяноста суток, а в случае если нарушение было устранено, тогда его исполнение прекращается досрочно.

Сущность обязательных работ в системе уголовных наказаний (Статья 49 УК РФ), очень схожа с обязательными работами в системе мер административного воздействия (Статья 3.13 КоАП РФ). Их суть заключается в том, чтобы осуществление лицом общественно полезных бесплатных работ происходило в свободное от работы время, не нанося ущерб его социализации в обществе.

Следующим видом административного наказания является административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (Статья 3.14 КоАП РФ). Данное наказание носит специальный характер, так как временный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных мероприятий устанавливаются в отношении субъектов-зрителей, которые совершили в данном качестве соответствующие правонарушения. Срок такого временного запрета может варьироваться от шести месяцев до семи лет. В связи со сроками, устанавливаемыми для данного вида административного наказания, и ограничениями и запретами, связанными с ним, в иерархии наказаний, закрепленных в перечне, такое наказание будет являться наиболее строгим, несмотря на то, что ряд административных наказаний связан с изоляцией от общества и даже запретом занятия определенной деятельностью, изъятием вещей и выдворением за пределы России, однако важен не только качественный показатель при измерении суровости административного наказания, но и количественный показатель. Данная ситуация полностью коррелирует с применяемыми уголовными наказаниями.

Исходя из характеристик рассмотренных правонарушений, административные наказания можно классифицировать по различным основаниям. Вместе с тем, одним из главных оценочных критериев деления административных наказаний выступает их характер. Согласимся с классификацией О. М. Якуба, которая одна из первых классифицировала административные взыскания исходя из их характера (моральные, имущественные, личные) страдания и лишения:

1) неимущественные взыскания, носящие характер морального воздействия (предупреждение, общественное порицание);

2) имущественные и денежные взыскания (штраф, конфискация);

3) взыскания, обращенные на личность нарушителя (исправительно-трудовые работы, административный арест, лишение свободы, высылка и ссылка, отстранение от должности, временное лишение профессиональных прав, лишение звания, лишение награды) [5, с. 72]. В силу объективных обстоятельств исследуемая классификация была составлена применительно к административным наказаниям, предусмотренным Кодексом об административных правонарушениях РСФСР. Применяя данную классификацию к административным наказаниям, предусмотренным КоАП РФ, можно получить следующую картину:

1) неимущественные взыскания, носящие характер морального воздействия (предупреждение);

2) имущественные и денежные взыскания (административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения);

3) взыскания, обращенные на личность нарушителя (лишение специального права, предоставленного физическому лицу, административный арест, административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, дисквалификация, административное приостановление деятельности, обязательные работы, административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения).

В научной литературе представлено значительное количество классификаций, в зависимости от различных критериев деления. Представляется, что на данном этапе целесообразно особо выделить классификацию административных наказаний, связанную с объектами административных правонарушений и интересами субъектов административных правонарушений. Таким образом, можно выделить следующие группы административных наказаний:

1) административные наказания, направленные корректировку морально-правовых установок субъекта правонарушения (таким наказанием является предупреждение);

2) административные наказания, связанные с ограничением имущественных прав (финансовых интересов и права собственности) виновного (административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, административное приостановление деятельности);

3) на ограничение субъективных прав административно-разрешительной системы (лишение специального права, предоставленного физическому лицу; административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения);

4) на ограничение профессиональных (социально-трудовых) прав виновного (дисквалификация; обязательные работы);

5) на ограничение личных прав (свободы, свободы передвижения и т.д.) виновного (административный арест; административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства) [6, с. 226].

А. И. Каплунов подчеркивает, что, являясь частью государственного принуждения, административное принуждение обладает всеми его чертами, но при этом имеет и свои отраслевые особенности, связанные с реализацией норм административного права [7, с. 83]. По нашему мнению, его слова указывают на некий национальный запрос, более открытого и справедливого регулирования данной отросли.

Видится корректным следующее определение понятия «национальные интересы Российской Федерации», которое было дано В. Ю. Тураниным: «Стабильное и эффективное законодательство, повышение уровня жизни граждан, привитие ценностей правового государства позволит поддержать гражданский мир и согласие в стране, укреплять законность, активно бороться и искоренять коррупцию, защищать граждан от противоправных посягательств, развивать механизмы взаимодействия государства и гражданского общества» [8, с. 168-169].

Исходя из этого, подводя промежуточные итоги, укажем на то, что для оптимального определения и назначения любого наказания, как принудительной меры воздействия, важно принимать во внимание все существенные обстоятельства совершенного нарушения закона, а также уровень общественной опасности. Таким образом, административное наказание следует понимать не как одну общую меру административного принуждения, реализуемую правоохранительными органами и различными должностными лицами по их усмотрению, а как целостную систему отдельных видов, которые предусмотрены статьей 3.2 КоАП РФ. Данный перечень наказаний имеет исчерпывающий характер, что определяет его возможность применения и полноту. При этом следует уточнить то, что законами субъектов Российской Федерации, в контексте применения административных мер, предусмотрено только вынесение предупреждения или наложение административного штрафа.

В заключение укажем, что в современных реалиях, ни в коем случае, не должна происходить субъективизация оценки состава и строгости избрания наказания, когда в отношении определенного лица, в зависимости от социального положения, уровня его жизни, заработка и других обстоятельств оно одно, а для других является более строгим. Очевидно, что категория, указывающая на наказательные меры, располагает наиболее императивными средствами и методами реализации, вследствие чего выступает основой санкций, предусматривающих наказание.

Исходя из этого, при рассмотрении сущности любых административных наказаний крайне важно принимать в учет непосредственно общественную опасность и тяжесть конкретного совершенного административного правонарушения. Кроме того, необходимо подробно изучать личность и роль виновного в данном правонарушении, что позволит наиболее полно и всесторонне определить вину и назначить подходящий вид административного воздействия.

Таким образом, под мерами административного принуждения следует понимать систему методов государственного управления, призванных реагировать на те, или иные действия физических или юридических лиц. Все эти методы друг друга дополняют, являясь последовательным взаимным выражением обеспечивающим реализацию различных целей.

Пристатейный библиографический список

1. Административная ответственность: Учебное пособие. – Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2018 – 134 с.
2. Карлов И. В., Куприянова М. В. Обеспечение прав человека при применении административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2019. – № 3 (21). – С. 49-54.
3. Максимов И. В. Административные наказания. – М.: Норма, 2009. – 464 с.
4. Якуба О. М. Административная ответственность. – М.: Юрид. лит., 1972. – 152 с.
5. Бахрах Д. Н. Вопросы системы административных наказаний // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2009. – № 7. – С. 11.
6. Каплунов А. И. О понятии административного принуждения как отраслевого вида государственного принуждения // Правоведение. – 2004. – № 3. – С. 83.
7. Современный словарь иностранных слов / Сост. Н. М. Ланда. – М.: Русский язык, 1993. – 740 с.
8. Туранин В. Ю. Государство, общество и личность как субъекты реализации национальных интересов // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 168-169.

ПЕСТОВ Роман Аркадьевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России

САВОЧКИНА Дарья Олеговна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ГАБДУЛЛИН Тимур Ринатович
старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПРОФИЛАКТИКА СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

Объектом исследования выступают общественные отношения, формирующиеся в рамках предупреждения и пресечения семейно-бытового насилия. Авторами подчеркивается, что проблема семейно-бытового насилия не может быть решена только при помощи правового механизма, а имеет междисциплинарный характер, разрешение которого требует привлечение психологических и ряд иных механизмов. Что по представлению авторов сделает возможным выработать комплексные меры профилактики и пресечения семейно-бытового насилия. В этом контексте авторами проводится анализ причинно-следственных связей между бракоразводными процессами и причинами семейных конфликтов, а также проведен анализ понятийного аппарата, закрепленного в законодательстве. Делаются выводы о том, что в правовой системе понятие «спор» применительно семейно-брачным отношениям уже закреплено, на этой основе дается авторская трактовка понятия семейный конфликт (спор). С учетом этого исследователями предложены изменения в административно-деликтное законодательство, которое позволит реализовывать механизм превентивного воздействия по снижению семейно-бытового насилия.

Ключевые слова: полиция, МВД России, административно-деликтное законодательство, административная юрисдикция, региональное законодательство, производство по делам об административных правонарушениях, семья, факторы конфликта, семейное дебоширство, семейное (домашнее) насилие.

PESTOV Roman Arkadjevich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

SAVOCHKINA Darya Olegovna
Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative law and administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the MIA of Russia

GABDULLIN Timur Rinatovich
senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PREVENTION OF DOMESTIC VIOLENCE: AN INTERDISCIPLINARY ASPECT

The object of the study is social relations formed within the framework of the prevention and suppression of domestic violence. The authors emphasize that the problem of domestic violence cannot be solved only with the help of a legal mechanism, but has an interdisciplinary nature, the resolution of which requires the involvement of psychological and a number of other mechanisms. Which, according to the authors, will make it possible to develop comprehensive measures for the prevention and suppression of domestic violence. In this context, the authors analyze the causal relationships between divorce proceedings and the causes of family conflicts, as well as analyze the conceptual apparatus enshrined in legislation. Conclusions are drawn that the legal system "dispute" in relation to family and marriage relations has already been fixed, on this basis the author's interpretation of the concept of family conflict (dispute) is given. With this in mind, the researchers proposed changes to the administrative and tort legislation, which will allow implementing a mechanism of preventive action to reduce domestic violence.

Keywords: Police, Ministry of Internal Affairs of Russia, administrative and tort legislation, administrative jurisdiction, regional.

Сплочение в институты семьи стало неотъемлемым фактором человеческого генезиса и толчком для социализации индивида. Семья прививает морально-нравственные ценности личности, которые продолжают оставаться на протяжении всей жизни, даже в зрелом возрасте семья может ощутимо оказывать воздействие на нравственные устои. Вместе с тем эффект может быть и негативным, а семейные конфликты являются частью такого показателя как семейный кризис.

Актуальность темы исследования обусловлена высокой латентностью семейно-бытового насилия, а также не снижающимся количеством регистрируемых правонарушений в данной сфере.

Исследования института семьи являются междисциплинарными, так психология семейных отношений изучает конфликты внутри семьи через призму девиантного поведения супругов, социология исследует семью как социальный феномен, имеющий последовательно повторяющиеся признаки [1], демография подвергает научному рассмотрению роль семейных отношений посредством воспроизводства населения.

Вместе с тем, большинством исследователями отмечается смена вектора брачно-семейных отношений, связанная с расширением вариантов брачных отношений, при которых доля зарегистрированных отношений снижается, а количе-

ство разводов увеличивается [2]. Причины, по которым увеличивается число бракоразводных процессов во много взаимосвязаны с причинами семейных конфликтов.

Обращаясь к терминологии, отметим, что понятие «семейный конфликт» не закреплено в законодательстве, вместе с тем в «Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015)[1] указывается на семейный конфликт в качестве анализа ситуации внутрисемейных отношений применительно к психологическому влиянию на ребенка, что не дает целостного восприятия дефиниции, Федеральным законом № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» указано, что процедуры медиации применяются к спорам, возникающим из семейных правоотношений.

При этом конфликт в праве обычно применяется к интересам службы в соблюдения требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов[2].

Таким образом, в отечественной правовой системе «спор» уже закреплен применительно к семейно-брачным, трудовым отношениям (гл. 60 ТК РФ[3]), однако, по мнению Поротиковой О. А. «спор не равен конфликту, а является его внешним воплощением, видимым для права формальным выводом из конфликта» [3]. Вместе с тем, исходя из междисциплинарного подхода к терминологии и спор, и конфликт в исследовании будут использованы в качестве синонимов.

В связи с этим семейный конфликт (спор) можно представить как отношения между членами семьи, связанные с расхождением целей и мотивов функционирования совместного общежития.

Одной из причин конфликта (спора) является нездоровый образ жизни, включающий постоянное употребление алкоголя и наркотических средств, при котором семейно-бытовое насилие наблюдается вне зависимости от возраста, этнической принадлежности и пола, а отказ сообщить в полицию является наиболее распространенной реакцией потерпевшей стороны.

Существует множество факторов, которые влияют на то, что жертвы семейно-бытового насилия не сообщают о жестоком обращении в полицию, к ним относятся чувство стыда, месть со стороны обидчика или прошлый негативный опыт работы правоохранительных органов, также решение сообщить о домашнем зависит от различных факторов, включая характеристики насилия, воспринимаемый стыд и стигматизацию, а также взгляды общества на возложение вины.

Несовершеннолетние, ставшие свидетелями семейно-бытового насилия в детстве, могут получить серьезную эмоциональную травму. Существует сильная корреляция между семейно-бытовым насилием и жестоким обращением с детьми: примерно половина всех ситуаций домашнего насилия связана с прямым насилием над детьми. Дети также могут косвенно пострадать от насилия, происходящего в их доме, когда они видят или слышат, как оно происходит. Жестокое обращение с детьми может привести к эмоциональной травме, физическим и психологическим барьерам в обучении, деструктивному поведению в школе, в то время как основные причины этих проблем остаются скрытыми.

Исследования показывают, что домашнее насилие оказывает различное влияние по гендерному признаку. Девочки с большей вероятностью интернализуют симптомы в виде абстиненции, тревоги и депрессии, тогда как мальчики, хотя и по-прежнему подвержены тревоге и депрессии, более склонны к экстернализации симптомов через насилие по отношению к сверстникам или антисоциальное поведение.

Полиция – это институт, отвечающий за защиту жертв домашнего насилия, и институт, в который официально сообщается о виктимизации.

Рассматривая правовые аспекты предупреждения и пресечения семейно-бытового насилия необходимо отметить, что в 2016 году была декриминализирована ч. 1 ст. 116 УК РФ (в части нанесения побоев в отношении близких лиц), посредством изменений был осуществлен перевод состава в КоАП РФ, вместе с этим ст. 116.1 УК РФ установлена уголовная ответственность за повторность совершения административного правонарушения по ст. 6.1.1 КоАП (Побои).

Законодатель исходил из опроса ВЦИОМ согласно которых, декриминализация должна была привести к снижению числа семейных побоев.

В обобщении судебной практики мировых судов[4] можно найти примеры, когда гражданин, действуя умышленно, на почве личных неприязненных отношений, с целью причинения физической боли, нанес несколько ударов сожительнице металлическим тазом по голове, сбросил на пол, выворачивал руки, снова нанес несколько ударов в область головы, а в результате правонарушителя привлекли к административному наказанию в виде обязательных работ.

Возникает вопрос, соразмерно ли содеянное наказанию? А в случае повторного совершения административного правонарушения по ст. 6.1.1. КоАП РФ понесет ли он справедливое наказание, для этого следует обратиться к уголовной статистике, которая не менее интересна, так за 2022 год было осуждено по ст. 116.1 УК РФ 1919 человек, при этом наказание в виде лишения свободы имеет нулевой показатель.

1 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 9. – сентябрь. - 2016.

2 Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. - 29.12.2008. - № 52 (ч. 1). - Ст. 6228.

3 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 07.01.2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 3.

4 Обобщение судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ рассмотренные мировым судьей Шарлыкского района Оренбургской области за 2021 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://shr.kodms.ru/press/obobshenie-sudebnoj-praktiki-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-predusmotrennyh-statej-611-koap-rf-rassmotrennye-mirovym-sudej-sharlykskogo-rajona-orenburgskoj-oblasti-za-2021-god.

А ведь, как совершенно верно отмечает Мотрович И. Д. «побои относится к административно-правовым средствам, которые воздействуют на самую крайнюю форму семейно-бытового насилия - физическое насилие» [4]. Таким образом можно сделать вывод, что проблема семейно-бытового насилия остается нерешенной, а ведь физическим насилием, как правило, систематически совершается психическое насилие, которое остается вне рамок правового поля.

Какие же меры правового воздействия могут стать выходом из сложившейся ситуации? Ранее депутатами был предложен проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия», в котором предполагалось, что сотрудники полиции в качестве мер индивидуальной профилактики будут обладать правом вынесения защитных предписаний, а суды - судебных защитных предписаний. Однако, данный законопроект был отклонен, вместе с тем аналог защитного предписания по сути уже есть, ст. 20 Федерального закона № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[5] называет в качестве такового «Официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения», в системе МВД России приказом № 119[6] закреплена процедура его объявления и порядок вручения. Однако, если до сих пор остается не урегулированным вопрос административной ответственности за повторное совершение антиобщественного поведения, которое закреплено в п. ст. 20 вышеуказанного закона.

Если мы обратимся к ст. 19.5 КоАП РФ, которая устанавливает ответственность за невыполнение в срок законного предписания, то среди 39 частей статьи мы не найдем ответственность за невыполнение предписания органа (должностного лица) системы МВД России, что делают данную меру малоэффективной, особенно в тех ситуациях, когда правонарушения не совершаются, а имеют место частые скандалы или так называемое психическое насилие в семье.

Считаем необходимым дополнить ст. 19.5 КоАП РФ ч. 40, согласно которой административная ответственность будет наступать на невыполнение в срок законного предписания органа (должностного лица) системы МВД России, что позволит реализовывать механизм, заложенный в 182 Законе, а у должностных лиц МВД России появиться дополнительный рычаг превентивного воздействия по снижению семейно-бытового насилия. Считаем, что в рамках совершенствования законодательства в свете разработки нового КоАП РФ [5] должны быть учтены предлагаемые меры административно-правового воздействия.

5 Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 27.06.2016. - № 26 (Часть I). - Ст. 3851.

6 Приказ МВД России от 04.03.2020 № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

Пристатейный библиографический список

1. Осяк А. Н., Пестов Р. А., Шаповалова Т. Н., Чернобровкина Н. И. Социальный контроль как предмет научной рефлексии // Философия права. - 2017. - № 3 (82). - С. 137-143.
2. Жиляева С. К., Юзефович Ж. Ю., Максимова А. А. Анализ статистики браков и разводов в Российской Федерации на современном этапе // Вестник экономической безопасности. - 2019. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-statistiki-brakov-i-razvodov-v-rossiyskoy-federatsii-na-sovremennom-etape (дата обращения: 13.09.2023).
3. Поротикова О. А. Конфликт и спор: взгляд юриста на их сущность, соотношение и способы разрешения // Вестник ВГУ. Серия: Право. - 2020. - №4 (43). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-i-spor-vzglyad-yurista-na-ih-suschnost-sootnoshenie-i-sposoby-razresheniya (дата обращения: 14.09.2023).
4. Мотрович И. Д. Семейно-бытовое насилие: современное состояние и место участкового уполномоченного полиции в противодействии ему // Административное право и процесс. - 2021. - № 1. - С. 64-76.
5. Габдуллин Т. Р., Пестов Р. А. К вопросу о разработке проектов кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Евразийский юридический журнал. - 2016. - № 8 (99). - С. 151-152.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-111-113

ПЕТРОВСКАЯ Мирослава Ивановна
преподаватель кафедры правоведения Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Петровская М. И.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ

В статье исследованы основные подходы к административно-правовому регулированию государственного управления вынужденной миграцией в России. Использован позитивный зарубежный опыт государственного управления в сфере вынужденной миграции. Выделены основные тенденции и проблемы государственного управления вынужденной миграцией на современном этапе и предложены пути оптимизации законодательства.

Ключевые слова: вынужденная миграция, государственное управление вынужденной миграцией, беженец, вынужденный переселенец, миграция.

PETROVSKAYA Miroslava Ivanovna
lecturer of Jurisprudence sub-faculty of the Northwest Institute of Management – branch of RANEPA under the President of the Russian Federation

BASIC APPROACHES TO ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF FORCED MIGRATION IN RUSSIA

The article examines the main approaches to the administrative and legal regulation of governance of forced migration in Russia. A positive foreign experience of public administration in the field of forced migration was used. The main trends and problems of governance of forced migration at the present stage are highlighted and ways to optimize legislation are proposed.

Keywords: forced migration, governance of forced migration, refugee, forced migrant, migration.

Вынужденная миграция является понятием собирательного характера. Так, вынужденными мигрантами на бытовом уровне и в СМИ нередко называют лиц, которые приехали в Россию с экономическими целями (для улучшения своего материального благосостояния) [10, с. 31-38].

Между тем, в международной практике понятие вынужденная миграция обычно определяется через миграционное движение, обусловленное различными причинами, но содержащее в себе элементы принуждения и насилия или угрозы применения насилия.

Таким образом, в нормальных условиях, лицо не предприняло бы попытки миграции. Чаще всего это связано с политическими или идеологическими причинами[1]. При этом статус вынужденного мигранта лицам не присваивается, поскольку каждое государство имеет свою систему правовых статусов, определяющих правовое положение иностранного гражданина [9, с. 44-53].

Чаще всего с понятием вынужденный мигрант коррелирует понятие беженец. Для внутренней миграции используются иные термины [8, с. 132-133]. Так, в Российской Федерации в случае вынужденной миграции по причине, например, наводнений или пожаров в другие субъекты РФ применяется термин вынужденный переселенец[2]. В отличие от беженца вынужденный переселенец является гражданином РФ, обладает всей полнотой прав и гарантий на территории РФ, а правовое регулирование статуса беженца осуществляется специальным законом[3].

Обращаясь к зарубежной практике регулирования этого вопроса отметим, что основания для признания лица беженцем определяются каждым государством самостоятельно, хотя и принимаются во внимание нормы международного права.

Так, например, в США основанием для признания беженцем может являться принуждение к прекращению беременности принуждение или преследования в случае отказа в участии в мероприятиях по контролю рождаемости. Любопытно, что лица, которые участвовали в этих процессах в качестве исполнителей или руководителей беженцами статус беженца в США получить не могут[4].

Хотя термин вынужденная миграция не нашел закрепления в официальных международно-правовых документах он активно применяется для определения категорий лиц, перемещающихся по причине стихийных бедствий или политики государства, а также в отдельных случаях лиц, ставших жертвами торговли людьми на международном уровне. Обсуждение необходимости официального использования этого термина на международном уровне обусловлено в том, числе гуманитарными целями, когда оказание перемещенным лицам необходимых услуг по размещению и обустройству важнее, чем выяснение аспектов вынужденности или добровольности миграции. Сегрегация лиц по такому признаку может нарушить существующий правовой режим международной защиты[5].

Административно-правовое регулирование вынужденной миграции в России и за рубежом базируется на ряде международных документов, определяющих базовые гуманитарные векторы в регулировании миграционных потоков [7, с. 167-171].

Так, 1 января 1951 г. ООН учредила пост Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Далее, Конвенция о статусе беженцев, принятая 28.07.1951, которая юридически закре-

1 Glossary on migration. International Organization for Migration (IOM). № 34. 2019. P. 77.

2 Закон РФ «О вынужденных переселенцах» от 19.02.1993 № 4530-1 // СПС «Консультант плюс».

3 Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 13.06.2023) «О беженцах» // СПС «Консультант плюс».

4 United States Code, Title 8, § 1101. Definitions. 2018 ed. And Supplement II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/8/1101 (date of request: 19.09.2023).

5 Glossary on migration. International Organization for Migration (IOM). № 34. 2019. P. 77.

пила основные права и гарантии беженцев, положив началу унификации подходов к вынужденной миграции.

Нью-Йорская Декларация Организации объединенных наций «О беженцах и мигрантах», принятая в 2016 году стала качественно новым документом, закрепляющим новые подходы к регулированию вынужденной миграции по всему миру[6]. Помимо закрепления факторов, провоцирующих миграцию, включая терроризм, вооруженные конфликты и насильственные действия Декларация закрепляет необходимость оказания помощи беженцам, переживающим стихийные бедствия, что является значимым гуманитарным достижением в миграционной политике.

В качестве основных мер по работе с беженцами в Декларации о беженцах выделены следующие:

1) Прием и допуск (регистрация, помощь с оформлением документов, обеспечение естественных потребностей человека (вода, питание, защита, психологическая помощь и другие).

2) Содействие удовлетворению текущих и постоянных потребностей (мобилизация и поиск финансово-экономических ресурсов для удовлетворения гуманитарных потребностей беженцев, сотрудничество со структурами гражданского общества и представителями бизнеса).

3) Поддержка принимающих стран и общин (выражается в содействии принимающих стран и местных общин приему беженцев).

2018 год характеризуется беспрецедентными изменениями в правовом регулировании вынужденной миграции. Был принят и ратифицирован Глобальный договор «О безопасной, упорядоченной и легальной миграции»[7], который установил общие принципы миграции, следование и соблюдение которых является гуманитарным обязательством государств-участников.

Россия данные международные документы также ратифицировала, добавив при этом оговорку «если это не противоречит внутренней политике». Связано это обстоятельство с тем, что миграционное движение вынужденных мигрантов может быть обусловлено не только преследованием, но и стихийными бедствиями. Россия, очевидно, не отказывается от своих гуманитарных обязательств, но не готова рассматривать любые стихийные бедствия как основание для вынужденной миграции. Принципиально, государство, в котором проживает иностранный гражданин должно обеспечивать безопасность его жизнедеятельности.

Так, например, наводнение является стихийным бедствием. Но является ли любое наводнение основанием для вынужденной миграции иностранного гражданина на территорию России? Согласно действующему законодательству, в частности статье 1 Федерального закона о беженцах беженцем является не гражданин РФ, который является «жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений» [6, с. 124-125]. Стихийные бедствия и техногенные катастрофы не упоминаются в качестве оснований для предоставления статуса беженца в России.

Наводнения и ураганы практически круглосуточно происходят в какой-нибудь точке земного шара. Крупные природные бедствия и техногенные бедствия и катастрофы также происходят регулярно: от них страдают и люди, и экономика государства. В основном это стихийные бедствия и техногенные катастрофы, с последствиями которых государство способно справится самостоятельно или с международной помощью. Для обеспечения безопасности людей в таком случае существуют механизмы внутренней миграции. Так, в России существует институт вынужденных переселенцев[8].

В тоже время известны стихийные бедствия, создающие невозможность проживания на территории государства своей национальной принадлежности[9]. Такие исключительные природные стихийные бедствия, по мнению автора, могут являться основаниями для вынужденной миграции.

Для гуманизации законодательства России в этой области автор предлагает включить в качестве оснований для предоставления статуса беженца стихийные бедствия и техногенные катастрофы, создающие угрозу для жизни и здоровья, и с последствиями, которых государство не способно справиться в разумные сроки, в том числе с применением механизмов внутренней миграции.

Стоит отметить, что указанные международные документы, в частности Глобальный договор «О безопасной, упорядоченной и легальной миграции» не дают четкой классификации стихийных бедствий, являющихся достаточным основанием для вынужденной миграции, ограничиваясь преимущественно мерами по обмену информацией. Стоит учитывать, что вынужденные мигранты являются бременем для государства-приема как в контексте экономическом, так и в контексте социальной адаптации и интеграции, а поэтому Российская Федерация, очевидно, не желает допустить, чтобы широкая формулировка «стихийные бедствия» стала основанием для злоупотребления правом в сфере миграции. Это повлечет как дополнительную и необоснованную нагрузку на миграционную и экономическую систему России, так и может стать каналом для проникновения террористов и иных деструктивных элементов на территорию России. В том числе о таких случаях говорил Президент России В. В. Путин 10 февраля 2022 года[10]. Существует также такое понятие как вынужденная незаконная миграция, когда мигрант вынужден незаконно пересекать территорию государства [2, с 69-72].

В тоже время проблемы с экономической интеграцией мигрантов являются, по мнению автора, недостатками в государственном управлении вынужденной миграцией.

Так, МВД России - по сути главный регулятор в сфере вынужденной миграции в России – эффективно выполняется превентивные и карательные функции в части пресечения незаконной деятельности мигрантов, привлечения их к административной ответственности [4, с. 7-10], но практически не осуществляет функции по социальной адаптации и интеграции вынужденных мигрантов. Это утверждение подтверждается анализом Положения МВД, в котором не содержится иных полномочий по социальной адаптации и интеграции вынужденных мигрантов кроме содействия во временном обустройстве[11].

В тоже время практика зарубежных государств демонстрирует, что вынужденные мигранты могут стать серьезным экономическим ресурсом и даже драйвером развития в регионах. Так, в ФРГ подход к государственному управлению вынужденными мигрантами строится вокруг концепции со-

6 Нью-Йорская Декларация ООН «О беженцах и мигрантах» [Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 19 сентября 2016 года] официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/A_RES_71_1_R.pdf (дата обращения: 19.09.2023).

7 Глобальный договор «О безопасной, упорядоченной и легальной миграции» [Принят резолюцией Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 2018 года] официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/A_RES_71_1_R.pdf (дата обращения: 19.09.2023).

8 Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 13.06.2023) «О беженцах» // СПС «Консультант плюс».

9 Хронология крупнейших наводнений в мире с 2010 года. Тасс. официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/info/18733361?ysclid=lmoulq1kxu956926489 (дата обращения: 19.09.2023).

10 Выступление Президента России на Расширенном заседании коллегии МВД России от 17 февраля 2022 года // Президент России: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/67795 (дата обращения: 19.09.2023).

11 Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 года № 699 в редакции от 17 июля 2023 года «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»

трудничества между мигрантом, обществом и государством, причем это сотрудничество является экономически выгодным для обеих сторон. Достигается это путем эффективного квотирования и распределения мигрантов по регионам, нуждающихся в трудовых ресурсах [11, с. 7-70]. Очевидно, что в этом случае необходимо создание и развитие системы оценки профессиональной квалификации вынужденных мигрантов для того, чтобы увеличить потенциальный экономический эффект. По мнению автора, разработка системы эффективного квотирования и распределения мигрантов может стать перспективным вектором развития миграционной политики России.

В других государствах, например, в Канаде, вынужденные мигранты получают ограниченную помощь в рамках как частного, так и государственного финансирования. При этом объем средств выделяемых вынужденным мигрантам позволяет удовлетворять только базовые потребности, что стимулирует экономическую активность мигрантов, социальную и экономическую адаптацию и способствует минимизации социального иждивенчества[12].

Необходимость эффективного и обоснованного квотирования отмечается и в научной литературе по проблематике вынужденной миграции [5, с. 160-162].

В России квотирование вынужденных мигрантов осуществляется. Так Правительство РФ 12.03.2022 установило порядок квотирования вынужденных мигрантов из Украины, при этом города федерального значения в число субъектов РФ с квотами не попали[13]. Однако реальный экономический эффект от такого квотирования оценить сложно, учитывая, что существующий механизм распределения основан на количественном, а не на компетентностном подходе.

В России векторы государственного управления вынужденной миграции определены в Концепции миграционной политики на 2019-2025 годы[14].

Одним из главных векторов миграционной политики в 2018 году, то есть на момент принятия, являлась борьба с незаконной миграцией, а также миграцией, которая способствует распространению терроризма и экстремизма на территории России. В концепции приводятся числовые данные о миграционных потоках, однако мало внимания уделялось вопросам социальной адаптации и интеграции мигрантов.

12.05.2023 в Концепцию были внесены изменения и дополнения в связи с изменившейся социально-экономической ситуацией. Так в пункте 10(2) отмечается отток населения России за рубеж и необходимость принятия социально-экономических мер для его уменьшения. В пункте 10(1) отмечен экстренный массовый приток «жителей Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» и необходимость их поддержки и размещения, вместе с тем существуют определенные правовые проблемы в этой области [3, с. 6-11]. В пункте 11(1) указано, что в 2019-2022 годах были реализованы многочисленные меры по упрощению порядка получения документов для пребывания, осуществления трудовой деятельности и получения гражданства России иностранными гражданами.

Подводя итог, отметим, что основные подходы к государственному управлению вынужденной миграцией в России строятся вокруг критериев получения статусов временного убежища или беженца. Восприятие позитивных механизмов в международных и зарубежных подходах к управлению вынужденной миграцией остается на низком уровне. Существуют нерешенные проблемы с эффективным квотированием, сложным порядком получения статуса беженца и недостаточностью механизмов социальной адаптации и интеграции вынужденных мигрантов, защитой прав вынужденных мигрантов [1, с. 34-41] решение которых в текущих сложных социально-экономических и политических условиях является крайне актуальным.

Пристатейный библиографический список

1. Андрейцо С. Ю., Соболева М. М. Направления совершенствования защиты отдельных групп иностранных граждан: трудовых, вынужденных, незаконных мигрантов // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 3. С. 34-41.
2. Андрейцо С. Ю. Проблемы реализации миграционной политики в России: права человека, трудовая, вынужденная незаконная миграция // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 2 (55). С. 69-72.
3. Большакова Ю. О. Правовое регулирование статуса лиц, вынужденно пребывающих на территорию России из ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей //Актуальные исследования. 2023. № 6-2 (136). С. 6-11.
4. Булатов Р. Б., Андрейцо С. Ю. Реализация прав иностранных граждан в России: вынужденная миграция, административная ответственность // Миграционное право. 2021. № 1. С. 7-10.
5. Волох В. А. Вынужденная миграция в Европе: состояние, проблемы, пути оптимизации управления и миграционного законодательства в России // Власть. 2016. № 1. С. 158-163.
6. Петровская, М. И. Правовое регулирование вынужденной миграции в административном праве // Закон и право 2017. № 7 (17). С. 124-125.
7. Петровская М. И. Содержание и характеристика государственного управления в сфере вынужденной миграции // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 7 (20). С. 167-171.
8. Петровская М. И. Категория вынужденной миграции в российском праве и миграционной политике // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12 (151). С. 132-133.
9. Петровская М. И. Содержание государственного управления в сфере вынужденной миграции в России: административно-правовой аспект // Юрист. 2021. № 1 (21). С.44-53.
10. Петровская М. И. Административно-правовой статус вынужденных мигрантов как объект государственного управления в Российской Федерации // Уральский научный вестник. 2022. Т. 1. № 5. С. 31-38.
11. Rösch T., Schneider H., Weber J., Worbs S. Integration von geflüchtetenin ländlichen räumen // Forschungsbericht 36. Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge: 2020. 107 p.

12 How Canada's refugee system works // Government of Canada: official site. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/services/refugees/canada-role.html (дата обращения: 19.09.2023).

13 Постановление Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 г. № 349 в редакции от 18 апреля 2023 года «О распределении по субъектам Российской Федерации граждан Российской Федерации, Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, вынужденно покинувших территории Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке» // СПС «Консультант плюс».

14 Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» в редакции от 12 мая 2023 года // СПС «Консультант плюс».

СЕМЕНОВ Андрей Викторович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного права Государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

Семенов А. В.

ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В настоящей статье исследовались актуальные проблемы процесса доказывания в случае совершения административного правонарушения в области дорожного движения. Рассмотрены статистические данные по совершению административных правонарушений в области дорожного движения. Были подробным образом изучены стадии процесса доказывания. Дана характеристика собирания доказательств. Произведен анализ исследования доказательств. Рассматривались различные научные точки зрения по поставленным вопросам. Предложены пути решения изученных проблем.

Ключевые слова: доказывание, предмет доказывания, доказательства, ответственность, юридические лица, индивидуальные предприниматели, физические лица, организации, органы государственной власти, административная ответственность, дорожное движение, административное правонарушение.

SEMENOV Andrey Viktorovich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil and international law sub-faculty of the admiral F. F. Ushakov State Maritime University

THE PROCESS OF PROVING WHEN BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF TRAFFIC

In this article, the actual problems of the proof process in the case of an administrative offense in the field of traffic were investigated. Statistical data on the commission of administrative offenses in the field of traffic are considered. The stages of the proof process were studied in detail. The characteristic of collecting evidence is given. The analysis of the evidence study was carried out. Various scientific points of view on the issues raised were considered. The ways of solving the studied problems are proposed.

Keywords: proof, subject of proof, evidence, responsibility, legal entities, individual entrepreneurs, individuals, organizations, public authorities, administrative responsibility, traffic, administrative offense.

Административная ответственность в области дорожного движения остается актуальной и необходимой в современном обществе. В 2022 году в России было зарегистрировано 204,1 миллиона нарушений Правил дорожного движения (ПДД), что составляет прирост на 11,5 % по сравнению с предыдущим годом. Эти данные основаны на аналитическом отчете, подготовленном Научным центром безопасности дорожного движения МВД РФ (НЦ БДД). Около 90 % или 183,6 миллиона административных протоколов были составлены на основе информации, полученной от камер фото- и видеофиксации. Согласно информации Научно-исследовательского центра Госавтоинспекции (НИЦ ГИБДД), количество стационарных комплексов в прошлом году увеличилось на 21 % до 23,8 тысячи, в то время как количество передвижных камер сократилось на 5,7 % до 3,2 тысячи[1].

Правильное функционирование дорожной системы и эффективное привлечение к административной ответственности нарушителей Правил дорожного движения (ПДД) являются неотъемлемыми компонентами обеспечения безопасности на дорогах.

Административная ответственность в области дорожного движения представляет собой систему мер государственного принуждения, применяемых к нарушителям Правил дорожного движения (ПДД) и иных нормативных актов, регулирующих безопасность на дорогах. Она основывается на принципе юридической ответственности и нацелена на обеспечение безопасности и порядка на дорогах.

В области дорожного движения административная ответственность регулируется соответствующими нормативными актами, которые включают в себя законы, постановления и правила. Ключевыми нормативными актами являются:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) – в нем содержатся общие положения о правонарушениях и порядке их привлечения к административной ответственности.

2. Правила дорожного движения (ПДД) – основной нормативный акт, регулирующий поведение участников дорожного движения и устанавливающий требования к безопасности на дороге.

Существует широкий спектр нарушений ПДД, которые могут привести к привлечению к административной ответственности. Такие как:

1. Превышение скорости - нарушение установленных ограничений скорости движения.

2. Нарушение правил обгона и разметки - неправильный обгон, проезд по сплошной линии разметки и другие нарушения, связанные с маневрированием на дороге.

3. Неправильная остановка и стоянка - остановка в неположенных местах, нарушение правил парковки и блокирование дорожного движения.

4. Нарушение правил проезда пешеходных переходов - не предоставление преимущества пешеходу на пешеходных переходах, неправильный обход пешеходов и другие нарушения, связанные с безопасностью пешеходов.

Административная ответственность может быть применена в различных формах, в зависимости от тяжести нарушения и предусмотренных санкций. Основные из них:

1. Штрафы - нарушитель может быть обязан уплатить определенную сумму денежного взноса в качестве административного штрафа.

1 Известия. Кирилл Сазонов, Роман Солдатов. 17.05.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1513767/kirill-sazonov-roman-soldatov/likhie-rulevye-v-rossii-rastet-chislo-narushenii-pdd (дата обращения: 23.08.2023).

2. Лишение прав - в случае серьезных нарушений ПДД водитель может быть временно или постоянно лишен права управления транспортным средством.

3. Административный арест - в некоторых случаях, когда нарушение является особо тяжким, может быть назначен административный арест, то есть лишение свободы на определенный срок.

А также и иные меры - такие как обязательные работы, конфискация транспортного средства и т. д.

При привлечении к административной ответственности в области дорожного движения также существует несколько этапов процесса доказывания.

Первый этап процесса доказывания - это выявление нарушения ПДД. Это может быть сделано полицейскими на месте происшествия или с использованием записей видеофиксации, например, камеры видеонаблюдения или видеорегистратора.

Второй этап - сбор доказательств. На этом этапе процесса доказывания проводится сбор доказательств, которые могут подтвердить наличие нарушения ПДД. Это может быть свидетельские показания, записи видеофиксации, медицинские заключения, результаты алкотестов и т.д.

Для подтверждения фактов и установления административной ответственности в области дорожного движения могут использоваться различные доказательства. В числе допустимых доказательств находятся:

• Объяснения лиц, участвующих в деле: Важную роль в процессе доказывания играют объяснения лиц, включая нарушителя, свидетелей и экспертов. Их показания могут быть использованы для подтверждения или опровержения фактов нарушения ПДД.

• Собранные данные свидетелей: Показания свидетелей, которые наблюдали нарушение ПДД, могут служить важными доказательствами. Это может включать письменные показания, аудио- и видеозаписи, полученные от свидетелей.

• Использование технических средств фиксации: Системы видеоконференцсвязи и другие технические средства, такие как видеорегистраторы, могут быть использованы для зафиксирования нарушений ПДД и использоваться в качестве доказательств.

• Письменные и вещественные доказательства: Это могут быть различные документы, записи, фотографии, предметы или другие материалы, которые могут подтвердить факты нарушения ПДД.

• Мнения экспертов: В некоторых случаях может потребоваться экспертное заключение для оценки определенных аспектов дела, например, состояния водителя, технического состояния автомобиля и других важных факторов.

Доказательства должны быть достоверными, соответствующими процедурным требованиям и соблюдать правила и нормы, установленные законодательством. Недопустимы слухи, предположения или материалы, не приобщенные к делу. Каждое доказательство должно быть оценено в контексте дела и иметь отношение к фактическим обстоятельствам нарушения ПДД и административной ответственности [1].

Второй этап - определение степени тяжести нарушения. Степень тяжести нарушения ПДД может влиять на выбор формы административной ответственности, применяемой в отношении нарушителя. Например, для серьезных нарушений, таких как вождение в нетрезвом состоянии или на большой скорости, может быть применена более строгая форма административной ответственности.

После сбора доказательств и определения степени тяжести нарушения ПДД полицейский или суд должны принять решение о привлечении нарушителя к административной ответственности.

При привлечении к административной ответственности нарушитель имеет право на объявление обвинения и возможность защиты своих прав в суде.

На последнем этапе процесса доказывания суд принимает решение о применении административной ответственности в отношении нарушителя. Если нарушитель обжалует решение суда, процесс доказывания может продолжаться в апелляционном порядке.

После принятия решения судом и вынесения административного наказания нарушителю, происходит его исполнение. Это может включать уплату административного штрафа, сдачу прав, выполнение обязательных работ или других предписаний, установленных решением суда или вовсе безнаказанность. Но в данном случае специфика заключается в том, что оставшийся безнаказанным участник дорожного движения снова включается в дорожный процесс и, как правило, с еще большей активностью и цинизмом игнорирует властные предписания, совершает новое аналогичное правонарушение, а возможно и преступление, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью, а в ряде случаев и смерть нескольких человек.

Так, например, в одних случаях вопрос о возбуждении дела решается по инициативе инспектора Госавтоинспекции, который обнаружил деликт, и, речь идет об усмотрении должностного лица, которое в ряде случаев может нигде и не фиксироваться.

В других же случаях событие административного правонарушения выявляется посредством автоматической фиксации специальными техническими средствами, при этом субъективная правовая квалификация деяния сводится к минимуму. Однако у собственника автомобиля есть возможность оспорить принятое решение, и здесь также формируется пространство для противоборства сторон юрисдикционного конфликта. По мнению Б. В. Россинского, формулировка ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ, не обязывающая собственника транспортного средства доказывать свою невиновность, не противоречит принципу презумпции невиновности [2, с. 90]. Законодатель подразумевает, что соответствующая проверка будет проведена должностным лицом, рассматривающим жалобу.

В некоторых случаях нарушитель имеет и правда, право на апелляцию или обжалование решения суда. Он может обратиться в вышестоящий суд или специальные административные органы для пересмотра решения или защиты своих прав. Но и тут уклонение от ответственности имеет место при рассмотрении определенных дел в судах. В научной литературе приводится статистика о том, что около 15 % постановлений, вынесенных должностными лицами ГИБДД, отменяются судьями по результатам рассмотрения жалоб [3,с. 3]. В свою очередь, при вынесении судебного решения также встречаются многочисленные недочеты и откровенные процессуальные нарушения. На мой взгляд, это обусловлено и перегруженностью судов, и недостаточной подготовкой судейского корпуса по такого рода делам, а также коррупционные факторы.

Для предотвращения повторных нарушений и повышения общего уровня безопасности на дорогах могут проводиться различные образовательные программы и мероприятия по профилактике нарушений ПДД. Это может включать обучение водителей, информационные кампании, проведение контрольных мероприятий, в том числе используя связи с общественностью и др. [4, с. 45].

Таким образом, административная ответственность в области дорожного движения играет важную роль в обеспечении безопасности на дорогах и снижении количества нарушений ПДД. Эффективное привлечение к административной ответственности в области дорожного движения является важным инструментом для поддержания дорожной безопасности. Необходимо усовершенствовать процесс доказывания, соблюдать нормы и законы, и совместными усилиями обеспечить безопасность всех участников дорожного движения.

Пристатейный библиографический список

1. Вдовиченко В. В. Некоторые особенности доказывания по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Научный портал МВД России. - 2016. - № 4 (36). - С. 144-146.
2. Россинский Б. В. О презумпции невиновности при назначении наказания собственнику транспортного средства // Административное право и процесс. - 2011. - № 5. - С. 89-94.
3. Горбунов Д. В. Доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения: монография – М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2012. - С. 3-7.
4. Чебанова Н. С., Швец О. В. Связи с общественностью в органах власти : Практикум. - Москва: ООО «Издательство «Спутник+», 2016. - 71 с.

ЧЕЛПАНОВА Марина Михайловна
начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент, полковник полиции

ПОНЕЖИНА Людмила Юрьевна
доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, КАК СУБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРУШЕНИЯМ, ПОСЯГАЮЩИМ НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ОБЩЕСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Одним из субъектов борьбы с правонарушениям в сфере общественного порядка и общественной безопасности при проведении публичных мероприятий выступают органы внутренних дел, находящиеся в тесном взаимодействии с обществом в процессе борьбы с правонарушениями в сфере общественного порядка и нравственности. В статье изучены органы внутренних дел, как субъект административно-правового противодействия нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных мероприятий.

Ключевые слова: органы внутренних дел, общественный порядок, общественная безопасность, публичные мероприятие, административная ответственность, административная деятельность полиции.

CHELPANOVA Marina Mikhaylovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Administrative law and administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

PONEZHINA Lyudmila Yurjevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, colonel of police

THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AS A SUBJECT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL COUNTERACTION TO VIOLATIONS THAT INFRINGE ON PUBLIC ORDER AND PUBLIC SAFETY DURING PUBLIC EVENTS

One of the subjects of the fight against offenses in the field of public order and public security during public events is the internal affairs bodies, being in close cooperation with society in the process of combating offenses in the field of public order and morality. The article examines the internal affairs bodies as a subject of administrative and legal counteraction to violations that infringe on public order and public safety during public events.

Keywords: internal affairs bodies, public order, public safety, public events, administrative responsibility, administrative activities of the police.

Права и свободы человека и гражданина – признаются высшим благом на территории Российской Федерации, а их всестороннее обеспечение определяется первостепенной целью органовгосударственной власти [1]. Немыслимо представить правовое государство в условиях, исключающих безопасность общества, что прямо обуславливает потребность создания состояния защищенности от внутренних и внешних угроз, что особенно важно в современном мире, во времени нестабильной политической ситуации, межнациональных конфликтов.

Наибольшую общественную опасность влекут те деяния, которые имеют массовый характер и совершаются в местах скопления людей, то есть во время проведения массовых публичных мероприятий. Ключевая их особенность в том, что на определенной территории существенно повышается плотность населения, что одновременно повышает их виктимность и обязывает органы государственной власти предпринимать все надлежащие меры для превентивного воздействия на административные деликты и уголовно наказуемые деяния. В подобных условиях общественный порядок и общественная безопасность – один из первостепенных объектов правовой охраны, что достигается исключительно в рамках, установленных действующим законодательством, уполномоченными органамигосударственной власти в пределах санкционируемой компетенции. Не смотря на достаточно масштабную по своему содержанию структуру органов внутренних дел, обеспечение внутренней безопасности при проведении публичных мероприятий преимущественно ложиться на плечи Министерства Внутренних Дел Российской Федерации (далее МВД России). Орган исполнительной власти в полной мере наделен полномочиями по превентивному воздействию на противоправное поведение как отдельных субъектов, так и социальных групп, а законные требования правоохранителей обязательны к исполнению, что прямо предусмотрено действующим законодательством. Однако, в случае невозможности обеспечить соблюдение правомерного поведения, а также для противодействия любым по своему характеру нарушениям МВД России наделено административно-правовыми превентивными средствами, препятствующими деструктивному воздействию на охраняемые законом общественные отношения, которые по своему характеру выступают видом мер государственного управления, то есть фактическим воплощением исполнительной власти.

На сегодняшний день, систематическое проведение публичных мероприятий – залог поддержания сплоченности и патриотизма русского народа, что крайне актуально при

сложившееся острой политической ситуации на мировой арене, эскалации военных конфликтов, межнациональной ненависти и вражды, нестабильной экономики. Обеспечение безопасного их проведения приобретает не только социальный, но и государственный характер, что во многом обусловлено не только действующей правовой базой, но и текущим вектором отечественной политики становления и развития России, как правового государства. Законодательные интеграции, новшества и преобразования – объективно необходимое требование для поддержания национальной и общественной защищенности, однако, их практическая реализация требует глубокого теоретического и практического осмысления, ведь использование мер административного принуждения при обеспечении безопасности при проведении публичных мероприятий достаточно сложный структурный процесс, обусловленный повышенной динамикой социальных процессов, чрезмерной плотностью людей и соразмерными ограничениями, накладываемыми на органы внутренних дел.

Борьба с правонарушениями и преступлениями – одно из наиболее актуальных направлений отечественной политики обеспечения безопасности государства, общества, человека. В ст. 2.1 КоАП РФ закреплено, что правонарушение – это «противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность» [2].

Не смотря на столь исчерпывающее толкование данной дефиниции, в научных кругах оно определяется по-разному.

А. Б. Агапов определяет его, как «противоправное деяние, обладающее признаками виновности, противоправности и административной наказуемости» [4, с. 38].

А. А. Бурлова пытаясь дифференцировать правонарушение от преступления определяет первую юридическую категорию, как «противоправное, виновно совершенное общественно вредное деяние, влекущее наступление негативных последствий» [5, с. 22].

Таким образом, верным будет утверждать, что существенного отличия между доктринальным и научным толкованием не имеется, что указывает на общепринятость и единое понимание позиции законодателя. Дифференциация правонарушений в отечественном правовом поле происходит по объекту противоправного посягательства, и глава 20 КоАП РФ санкционирует перечень деликтов, деструктивно влияющих на общественный порядок и общественную безопасность.

Принимая во внимание характерные признаки административного правонарушения, как общей юридической категории, допустимо утверждатьо том, что «административное правонарушение посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» – это противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, ставящие под угрозу нормальное состояние общественных отношении, обеспечивающих общественный порядок и (или) общественную безопасность, за которое административным законодательством федерации или её субъектов установлена административная ответственность.

Следовательно, принимая во внимание все характерные признаки «административное правонарушение посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, совершенное при проведении публичного мероприятии» – это противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, ставящие под угрозу нормальное состояние общественных отношении, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность, совершенное во время открытых, мирных, доступных каждому, проводимых в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или в различных сочетаниях этих форм народная акция, за которое административным законодательством федерации или её субъектов установлена административная ответственность.

В науке административного права подобного термина не имеется. При этом, по своей семантической части, его надлежит относить к частной юридической категории по отношении к тем правонарушениям, ответственность за которые санкционируется главой 20 КоАП РФ.

Административно правовая доктрина, равно как и положения отечественных правоведов не имеет общепринятой их классификации, однако, проведенным обобщением, было определено, что наиболее частым их способом является группирование по объективной стороне:

– правонарушения, выражающие открытое пренебрежение к обществу, а также посягающие на общественную мораль и нравственность;

– правонарушения, сопряженные с порядком организации и проведения публичных мероприятий;

– правонарушения, связанные с разжиганием межнациональной розни и дискриминацией; правонарушения, связанные с обеспечением общественной безопасности при введении «особых режимов»;

– правонарушения, связанные с правилами нарушения оборота, хранения, пользования оружия.

Обеспечение безопасности, гарантирование прав и свобод человека и гражданина – одно из приоритетных направлений государственной политики. По своей направленности, весь механизм государственной власти создан ради достижения данной цели, в пределах санкционированных законодателем полномочий. Сама безопасность в научных трудах определяется, как «отсутствие внутренних и внешних угроз», что, не смотря на достаточно частую интерпретацию, не является общепринятым толкованием.

Особый интерес представляет группа «внутренних угроз», к которым традиционно можно относить преступность, правонарушения и криминализацию населения. Для реализации противодействия на государственном уровне санкционированно создание правоохранительных органов, структура которых обширная по своему характеру, при этом, целевая направленность во многом определяется вмененными властными полномочиями. В целом, правоохранительные органы – фундаментальный элемент государственного механизма вне зависимости от формы его внешнего выражения, что обусловлено потребностью обеспечения прав и свобод человека и гражданина от противоправных, общественно опасных посягательств, а также от техногенных и природных происшествий.

В общегосударственной системе органов государственной власти по обеспечению порядка с преступностью и правонарушениями ведущее место занимает МВД России, что в полной мере согласуется с ежегодными отчетами ГИАЦ МВД России, так как наибольшее количества раскрытых и расследованных преступлений приходится именно на данный орган исполнительной власти. При этом, исходя из положений ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» её сущность состоит в «защите жизни, здоровья,

прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [3].

Осуществление противодействия нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных мероприятий в равной мере, относится к каждой из указанных групп. Однако, необходимо указать, что исполнение правоохранительной деятельности в таких условиях в равной мере обеспечивается всеми структурными подразделениями органами внутренних дел, при этом, именно МВД России занимает первостепенное значение.

Рассматривая органы внутренних дел, как субъект административно- правового противодействия нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных мероприятий целесообразным представляется проведение анализа с позиции осуществления властных полномочий полицией.

Фактическое воплощение данной функции достаточно трудоемкий и временно затратный процесс, требующий высоких организационных инноваций и сильного контроля, который в органичном взаимодействии с профессионализмом постоянного кадрового состава позволяет в полной мере исключить противоправную деятельности и действовать превентивно. Первичным шагом является ориентирование личного состава о проведении предстоящих публичных мероприятий, с предварительным формированием служебного задания, которое в полной мере отражает необходимое количество личного состава, а также место их дислокации. При этом, сформированный оперативный штаб во главе с его начальником согласует план проводимого мероприятия, а после утверждает его.

Выступая субъектом административно-правового противодействия нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных мероприятий органы внутренних дел, в лице МВД России, обязательно привлекают все ведомственные подразделения, деятельность которых направлена на выполнение административной функции полиции, в особенности: патрульно-постовую службы полиции, дорожно-патрульную службу государственной инспекции безопасности дорожного движения, участково-уполномоченных полиции, подразделения по делам несовершеннолетних, уголовный розыск. После чего, во время проводимого публичного мероприятия каждое из подразделений, вправе не только реализовывать свои законные права для обеспечения общественной безопасности и правопорядка, но и соразмерно применять меры административного предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений, исполняя возложенные обязанности.

Таким образом, обеспечение безопасности, гарантирование прав и свобод человека и гражданина – одно из приоритетных направлений государственной политики, для исполнения которой в пределах механизма государства созданы правоохранительные органы, одним из которых по праву считается МВД России. Исходя из официальной статистики ГИАЦ МВД России именно благодаря действиям полиции выявляется, пресекается, раскрывается наибольшее количестве преступлений и правонарушений, что так же в полной мере справедливо для противодействия нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность.

При этом, административно-правовом противодействии нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных мероприятий МВД России в полной мере осуществляет данные мероприятия, которые в совокупности с проводимой организационной работой и планированием, при привлечении множества структурных подразделений, в полной мере позволяет реализовывать свои законные права для обеспечения общественной безопасности и правопорядка, но и соразмерно применять меры административного предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений, тем самым исполняя возложенные на полицию обязанности, а равно определяет полицию, как один из основополагающих субъектов органов внутренних дел при обеспечении безопасности и правопорядка, во время проведения санкционированных публичных мероприятий.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в действ. редакции) // ИПО «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в действ. редакции) // ИПО «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru.
3. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (в действ. редакции) // ИПО «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru.
4. Агапов А. Б. Административное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов. — 12-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 492 с.
5. Бурлова А. А. Меры административного пресечения: дис. … кандидата юридических наук: 12.00.14. [Место защиты: Томск. гос. юрид. акад.]. – Томск, 2017. – 78 с.

ХАЛИЛЕВ Руслан Амдиевич
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ

В статье анализируются административно-правовые основы противодействия коррупции в образовании. Целью исследования является формирование представлений о сложившейся правоприменительной практике по вопросам противодействия коррупции в системе образования. Обосновано, что основной целью реализации антикоррупционных мер является поддержание высокого уровня образования и доверия общества к образовательной системе. Предложено выделение дополнительных мер профилактической направленности, а именно: организация и проведение профилактической работы среди работников образовательных организаций, учащихся и их родителей, с целью сформирования нетерпимости к коррупционным проявлениям, а также, укрепление сотрудничества между образовательными учреждениями, правоохранительными органами, общественными организациями и «родительским сообществом».

Ключевые слова: административно-правовые основы, образование, противодействие коррупции, профилактика, меры профилактической направленности.

KHALILEV Ruslan Amdievich
Ph.D. in Law, professor, professor of Criminal law and process sub-faculty of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University

ADMINISTRATIVE AND LEGAL FRAMEWORK FOR COMBATING CORRUPTION IN EDUCATION

The article analyzes the administrative and legal framework for combating corruption in education. The purpose of the study is to formulate ideas about the current law enforcement practice on issues of combating corruption in the education system. It is substantiated that the main goal of implementing anti-corruption measures is to maintain a high level of education and public trust in the educational system. It is proposed to highlight additional preventive measures, namely: organizing and conducting preventive work among employees of educational organizations, students and their parents, in order to create intolerance towards corruption, as well as strengthening cooperation between educational institutions, law enforcement agencies, public organizations and «parental community».

Keywords: administrative and legal framework, education, anti-corruption, prevention, preventive measures.

Коррупция – это одна из наиболее серьезных проблем, которая влияет на различные сферы общества, в том числе и на систему образования. Общеизвестно, что коррупция в образовании оказывает отрицательное влияние на качество образования, равные возможности получения образования и доверие общества к системе образования.

Коррупция – это проблема международного масштаба. В докладе Антикоррупционного центра НИУ ВШЭ отмечено: «в 2022 году (в сравнении с показателями 2021) государства практически не продемонстрировали прогресса: по результатам исследования 68% стран набрали меньше 50 баллов, а средний показатель, как и годом ранее, составил 43 балла. Лидерами рейтинга традиционно были признаны Дания (90 баллов из 100), Финляндия (87), Новая Зеландия (87), Норвегия (84), Сингапур (83), Швеция (83), Швейцария (82), Нидерланды (80), Германия (79), Ирландия (77) и Люксембург (77). Однако, даже занимающие первые строки страны в действительности далеко не всегда принимают достаточно эффективные меры по борьбе с коррупцией, прежде всего транснациональной, а в отдельных случаях даже поощряют ее. Нижние позиции в рейтинге заняли Сомали (12), Сирия (13), Южный Судан (13), Венесуэла (14), Йемен (16), Ливия (17), Северная Корея (17), Гаити (17), Экваториальная Гвинея (17) и Бурунди (17). В то же время входивший в прошлом году в десятку «аутсайдеров» Афганистан в 2022 году значительно улучшил свои позиции и переместился со 174 на 150 место. Россия набрала 28 баллов из 100 (на 1 балл меньше, чем в прошлом году) и заняла 137-е место, оказавшись на одном уровне с Мали и Парагваем [1].

В научных публикациях выделяется несколько видов коррупции, а именно: политическая (связана с деятельность «чиновников»); уголовную (криминальную) коррупцию, в основе которой лежит подкуп должностных лиц различного уровня с целью «создания благоприятных условий» для определенной коммерческой деятельности [2, с. 258-260.]. Вместе с этим последнее время в средствах массовой информации используется понятие «бытовой коррупции», которая, прежде всего, связана с жизнью общества. Характерной особенностью «бытовой коррупции» является то, что основная масса лиц, вовлеченных в нее, являются врачи, должностные лица низового звена, преподаватели. Поэтому преодоление коррупции именно в сфере образования должно являться приоритетным направлением антикоррупционных мер государства и всего международного сообщества [3, с. 158].

Рассматривая проблему коррупции в высших учебных заведениях, отметим, что международное сообщество признает важность борьбы с коррупцией в образовании и разработало ряд актов, к которым относятся: Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции, принятая на пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 года и вступивший в силу 14 декабря 2005 года (Российская Федерация ратифицировала 8 марта 2006 года) [4]; Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) – ратифицирована Федеральным законом от 25.07.2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» [5].

Таким образом, на международном уровне создана правовая база, которая «направлена» на борьбу с коррупцией, в том числе среди сотрудников образовательных организаций, на формирование восприятия коррупции как отрицательного социального явления в процессе получения образования [6, с. 133].

В Федеральном законе «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года отражены основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные методы минимизации уровня коррупционных взаимодействий. Важным положением данного закона является определение государственных органов, на которых возложена функция по вопросам противодействия коррупции, к которым относится Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство, Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также Генеральная прокуратуры Российской Федерации. Каждый из указанных субъектов вносить существенный вклад в реализацию государственной политики в сфере противодействия коррупции.

Важно отметить, что на сегодня со стороны государства разрабатывают различные правовые меры, направленные на предупреждение в сфере образования. Одна из таких мер – законодательное регулирование, которое закрепляет прозрачность и открытость в образовательных процессах. Не менее важная мера – создание независимых антикоррупционных органов, деятельность которых направлена на выявление и предупреждение коррупционных проявлений в образовании. Кроме того, важным аспектом данной деятельности является проведение антикоррупционных мероприятий с работниками образовательных учреждений и студентами. Отметим, что общим для страны фактором, способствующим коррупции, является низкий уровень антикоррупционного правосознания, в том числе со стороны отдельных служащих различного уровня, правовой нигилизм граждан.

С целью повышения правовой культуры населения государственными органами реализуются ряд мероприятий по данному направлению. Примечательным, в связи с этим, является практика Ростовской области. Так, в рамках акции «Поделись своими знаниями» совместно с министерством общего и профессионального образования Ростовской области проведены: образовательный форум «Формула успеха: коррупция min»; публичная лекция министра по вопросам обеспечения безопасности и противодействия коррупции в Ростовской области О. А. Жеухина «Формула успеха: безопасность 100%»; лекция заместителя начальника управления – начальника отдела управления по противодействию коррупции при Губернаторе Ростовской области С. С. Кулика «Противодействие коррупции: почему это важно»; семинар-совещание с лекторами и экспертами по вопросам реализации антикоррупционного просвещения и воспитания молодежи на территории Ростовской области и др. Кроме того, разработаны предложения по совершенствованию антикоррупционной работы в органах местного самоуправления муниципальных образований в Ростовской области, подведомственных им организациях и учреждениях. В целях их реализации во взаимодействии с Прокуратурой Ростовской области утвержден План действий по совершенствованию антикоррупционной работы в органах местного самоуправления, подведомственных им организациях и учреждениях, иных организациях, расположенных в муниципальных образованиях Ростовской области, на 2023 год.

Также, приняты меры по активизации работы в сфере антикоррупционного образования и просвещения. По итогам 2022 года управлением или при его поддержке проведено 48 мероприятий по антикоррупционному просвещению, из них 37 с участием представителей общественных организаций [7].

Аналогичную деятельность реализует и прокуратура Республики Крым. Отдельных профилактических мероприятий прокуратура выступает инициатором (разработка методических материалов «Зачетная книжка «Без взяток!»), ряд мероприятий проводится совместно с органами власти Республики Крым, общественными организациями (антикоррупционный спектакль «Солнце за нас»; крымский ежегодный антикоррупционный форум «Скажи свое «Нет!», конкурсы рисунков «Дети против коррупции», плакатов «Стоп коррупция», сочинений-эссе «Новое поколение за честность»).

В то же время, на сегодня вопрос осуществления антикоррупционного просвещения государственными органами на законодательном уровне урегулирован фрагментарно. Так, например, деятельность прокуратуры по осуществлению антикоррупционного просвещения частично регулируется в ФЗ от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в соответствии с которым органы прокуратуры определены в качестве субъекта профилактики правонарушений, а правовое просвещение и правовое информирование предусмотрены в качестве форм профилактического воздействия (ст. ст. 9, 17, 18 Закона). Однако, в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» отсутствует норма, которая регулирует деятельность прокуратуры по осуществлении правового, в том числе, антикоррупционного просвещения. С учетом изложенного, считаем необходимым ч. 4 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» дополнить и изложить в следующей редакции: «Прокуратура Российской Федерации принимает участие в деятельности по правотворчеству и правовому просвещению».

Следует подчеркнуть, что важное значение в механизме противодействия коррупции занимают меры, которые реализуются непосредственно образовательными организациями. Отметим, что ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» обязывает организации высшего образования разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции, которые включают в себя: разработку локальных нормативных актов по вопросам противодействия коррупции (в частности, разработка программ антикоррупционного просвещения учащихся образовательных организаций, разработка и принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации, определение уполномоченных подразделений (должностных лиц), которые ответственны за профилактику коррупционных и иных правонарушений, а также за взаимодействие и сотрудничества с правоохранительными органами), включение работников образовательных организаций в комиссии по координации работы по противодействию коррупции, недопущение и урегулирование конфликта интересов, внедрение информационной открытости и прозрачности деятельности образовательных организаций и др. [6, с. 134.].

Делая вывод, отметим, что в современных условиях вопросы противодействия коррупции в образовании играют важную роль в создании честной и справедливой системы образования. Введение эффективных механизмов пресечения коррупции, обучение учащихся основам этики, создание открытости и прозрачности деятельности образовательных организаций способствует поддержанию высокого уровня образования и доверия общества к образовательной системе. Только путем совместных усилий государства, образовательных учреждений, правоохранительных органов и общественности можно добиться значимых результатов в борьбе с коррупцией в образовании. В связи с этим, к дополнительным мерам профилактической направленности, которые необходимо реализовывать в системе образования можно отнести:

– во-первых, организация и проведение профилактической работы среди работников образовательных организаций, учащихся и их родителей, с целью сформирования нетерпимости к коррупционным проявлениям. Реализация данного мероприятия возможно путем проведения информационных кампаний, обучающих программ и тренингов, которые помогут сформировать этические нормы и ценности;

– во-вторых, необходимо укрепить сотрудничество между образовательными учреждениями, правоохранительными органами и общественными организациями для эффективного противодействия коррупции в образовании путем проведения совместных мероприятий. Также важна организация взаимодействия с общественным организациями и «родительским сообществом». Такое взаимодействие поможет обеспечить участие институтов общества в предупреждении коррупционных правонарушений в образовательных учреждениях.

Пристатейный библиографический список

1. Опубликован Индекс восприятия коррупции за 2022 год: Антикоррупционный центр НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_indeks_vospriyatiya_korruptsii_za_2022 (дата обращения: 30.08.2023).
2. Печёнкин С. В. Коррупция как социальное явление // Молодой ученый. - 2019. - № 5 (243). - С. 258-260.
3. Халилев Р. А., Легеза Л. А. К вопросу об использовании цивилизационного подхода при осуществлении государственной политики противодействия коррупции в сфере образования // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - № 8. - С. 158.
4. Федеральный закон РФ от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против коррупции» // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 12. - Ст. 1231.
5. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 20. - Ст. 2394.
6. Котляр И. А. Нормативно-правовые основы противодействия коррупции в образовательных организациях высшего образования // Уголовная юстиция. - 2017. - № 10. - С. 133-138.
7. Доклад о деятельности в области противодействия коррупции и результатах антикоррупционного мониторинга в Ростовской области по итогам 2022 года: Официальный портал правительства Ростовской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.donland.ru/result-report/1729/ (дата обращения: 30.08.2023).

ПОПОВА Юлия Александровна
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар

ПЕРЕДРИЙ Татьяна Евгеньевна
старший преподаватель кафедры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета

СРОК НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД КАК ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В настоящей статье проводится анализ налогового законодательства и законодательства об административном судопроизводстве, которые регулируют порядок принудительного взыскания обязательных платежей и санкций с налогоплательщиков – физических лиц. Рассматривается последовательность процессуальных сроков и изучается практика их применения.

Цель данного исследования заключается в:

1. Определении значения процессуальных сроков и их роли в соблюдении публичных и частных интересов при уплате налогов и сборов.

2. Определении последовательности принудительного взыскания обязательных платежей и санкций с налогоплательщиков – физических лиц в судебном порядке.

3. Выявлении типичных причин пропуска срока на обращение в суд.

Для достижения поставленной цели исследования была использована следующая методология: диалектический материализм как всеобщий метод научного познания, а также другие общенаучные и частно-научные методы, включая формально-юридический, системно-структурный, логический и статистический методы.

Результатами проведенного исследования являются сформулированные авторами собственные выводы, а также выявленные проблемные аспекты правоприменения, связанные с реализацией административных процессуальных норм и сроков на обращение в суд по делам о взыскании обязательных платежей и санкций.

Ключевые слова: обязанность уплаты налогов, административное судопроизводство, налоговое законодательство, взыскание обязательных платежей и санкций, судебный приказ, срок на обращение в суд.

POPOVA Yuliya Alexandrovna
Ph.D. in Law, professor, Head of Civil and administrative judiciary sub-faculty of the North Caucasus branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar

PEREDRIY Tatyana Evgenjevna
senior lecturer of Civil process and international law sub-faculty of the Kuban State University

TERM FOR APPLYING TO THE COURT AS A PROCEDURAL INSTRUMENT FOR PROTECTING THE RIGHTS OF TAXPAYERS IN MODERN RUSSIAN ADMINISTRATIVE LEGAL PROCEEDINGS

This article analyzes the tax legislation and the legislation on administrative proceedings, which regulate the procedure for the enforcement of mandatory payments and sanctions from taxpayers - individuals. It analyzes establishes the sequence of procedural terms and studies the practice of their application.

The purpose of this study is:

1. Determining the significance of procedural terms and their role in observing public and private interests when paying taxes and fees.

2. Determination of the sequence of compulsory collection of mandatory payments and sanctions from taxpayers - individuals in a judicial proceeding.

3. Identification of typical reasons for missing the deadline for going to court.

To achieve the research objectives, the following methodology was used: dialectical materialism as a general method of scientific knowledge, as well as other general scientific and particular scientific methods, including formal-legal, system-structural, logical and statistical methods.

The results of the study are the authors' own conclusions, as well as the identified problematic aspects of law enforcement related to the implementation of administrative procedural rules and deadlines for going to court in cases of collecting mandatory payments and sanctions.

Keywords: obligation to pay taxes, administrative proceedings, tax legislation, collection of mandatory payments and sanctions, court order, term for going to court.

Налоги и сборы являются неотъемлемой частью финансово-экономической политики любого государства и выполняют важные функции в регулировании как экономики, так и социальной сферы. Уплата налогов и сборов является конституционной обязанностью граждан, и поэтому необходимо найти баланс между публичными и частными интересами. В данной статье предлагается рассмотреть обязанность уплаты налогов через призму статьи 2 Конституции РФ[1], которая закрепляет приоритет прав и свобод человека и гражданина. Авторы считают, что при соблюдении и защите прав налогоплательщиков, обязанность уплаты налогов приобретает демократический и социальный смысл, способствуя стабильному развитию финансово-экономической системы государства.

Система законодательства о налогах и сборах объемна и иерархична: обязанность по несению налогового бремени,

1 Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (04.07.2020 г.) (дата обращения: 02.08.2023).

закрепленная в Конституции РФ, детально раскрывается в федеральных законах, прежде всего в Налоговом Кодексе РФ[2] (Далее – НК РФ), региональном законодательстве о налогах и сборах, муниципальных нормативных актах о местных налогах и сборах.

Вместе с тем, закрепление в ст. 2 Конституции РФ приоритета прав и свобод человека и гражданина, в аспекте исполнения гражданами их конституционной обязанности по уплате налогов и сборов требует как от законодателя, так и от правоприменителя нахождения и поддержания оптимального баланса между интересом публичным (пополнение бюджета государства) и частными интересами отдельных налогоплательщиков. По нашему мнению, взгляд на обязанность уплаты налогов сквозь призму содержания ст. 2 Конституции РФ, выраженного в закреплении, реализации и защите прав налогоплательщиков, наделяет эту конституционную обязанность демократическим и социальным смыслом, обеспечивая как осознанное и добровольное исполнение указанной обязанности, так и в конечном итоге, эффективное и стабильное развитие финансово-экономической системы государства. Иными словами, чем точнее регламентируются и соблюдаются права налогоплательщика, тем успешнее реализуется функция государства по сбору налогов.

Кодекс административного судопроизводства РФ[3] (Далее – КАС РФ) содержит две специальные главы, содержащие процессуальные нормы, касающиеся принудительного обеспечения исполнения налоговой обязанности – взыскания налогов и сборов с налогоплательщиков – физических лиц в случае неисполнения указанной обязанности в добровольном порядке: главу 11.1 «Производство по административным делам о вынесении судебного приказа» и главу 32 «Производство по административным делам о взыскании обязательных платежей и санкций». Если в гл. 11.1 содержатся нормы, устанавливающие возможность бесспорного взыскания задолженности, то гл. 32 КАС РФ регламентирует особенности административного искового производства по данной категории дел. По нашему мнению, требуется детальный и пристальный анализ указанных норм и судебной практики по соответствующей категории административных дел в разрезе соблюдения и защиты прав налогоплательщиков, поскольку именно в административном судопроизводстве наиболее ярко проявляется возникший правовой конфликт между государством и гражданином – налогоплательщиком, допустившим нарушение своей конституционной обязанности, данный конфликт требует разрешения в строгом соответствии с законом, только в таком случае он будет исчерпан и не возникнет вновь в очередном налоговом периоде, позволит налогоплательщику осознанно, добросовестно и добровольно нести свою обязанность впредь [5]. Важным инструментом соблюдения прав налогоплательщиков, а также гарантией эффективности реализации налоговым органом функции своевременного пополнения бюджета выступает соблюдение налоговым органом процессуальных сроков на обращение в суд.

Методология научного исследования включает как всеобщий метод научного познания – диалектический материализм, общенаучные методы – индукция, дедукция, анализ, синтез и другие, так и частно-научные методы исследования, центральное место среди которых занимает формально-юридический метод. Также используются системно-структурный, логический, статистический методы. Анализ опубликованной судебной практики судов общей юрисдикции обеспечил эмпирическую основу исследования.

Срок на обращение в суд за принудительным взысканием обязательных платежей и санкций – особенность приказного и административного искового производства. Полагаем, что соблюдение сроков на предъявление требования об уплате налоговым органом, а также на обращение в суд с заявлением о выдаче судебного приказа и с административным исковым заявлением в случае отмены последнего является важной гарантией соблюдения прав налогоплательщиков. Думается, что во избежание различного толкования закона следует законодательно унифицировать срок, установленный ч. 4 ст. 48 НК РФ и в ст. 286 КАС РФ.

Установленные законодательством сроки должны быть последовательно соблюдены. [2]. В судебной практике нет единства в подходе к проверке законности соблюдения всех предшествующих сроков. Как видно из приведенных материалов опубликованной судебной практики, единой позиции до настоящего времени не возникло, и требуется унификация порядка применения указанных сроков посредством законодательного регулирования, либо посредством обязательных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Законодательно не определены причины, по которым пропуск срока может быть признан судом уважительным, восстановление пропущенного срока на обращение в суд должно быть нетипичной процессуальной практикой налогового органа.

Реализация конституционной обязанности по уплате законно установленных налогов и сборов во взаимосвязи с основополагающим принципом приоритета прав, свобод и законных интересов человека и гражданина с необходимостью требует, чтобы на законодательном уровне был установлен четкий механизм взимания налогов, который обязан закрепляться и обеспечиваться государством [4]. В таком понимании принудительное взыскание налоговой задолженности через судебные органы должно обеспечиваться транспарентными и непротиворечивыми законоположениями процессуального характера, что будет отвечать как указанным основополагающим конституционным принципам нашего государства, так и следовать задачам российского административного судопроизводства, закрепленным ст. 3 КАС РФ.

Анализ судебной статистики подтверждает, что большая часть административных дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, касается взыскания платежей и санкций. Как ярко демонстрируют статистические результаты деятельности судов общей юрисдикции, из общего количества рассмотренных судами административных дел, подавляющее большинство приходится на административные дела о взыскании обязательных платежей и санкций. Так, в 2022 г. судами общей юрисдикции рассмотрено 4 659 080 административных дело взыскании обязательных платежей и санк-

2 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/?Ysclid=lluvgormql250656460 (дата обращения: 02.08.2023).

3 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/?ysclid=lluve1rw54723350601 (дата обращения: 02.08.2023).

ций[4], что составило 89,6 % от общего количества рассмотренных административных дел за указанный период. Сравнение с предыдущими годами (2021 г. – рассмотрено 3 768 591 дело данной категории[5], составляющее 85,9 % от общего количества административных дел; 2020 г. – рассмотрено 6 428 384 дела о взыскании обязательных платежей и санкций[6], что составило 93,9 % от общего количества административных дел) позволяет сделать однозначный вывод: дела о взыскании обязательных платежей и санкций составляют абсолютное большинство всех рассматриваемых в судах общей юрисдикции административных дел.

Процедура принудительного взыскания обязательных платежей и санкций при наличии бесспорных требований взыскателя реализуется в приказном производстве, урегулированном гл. 11.1 КАС РФ. Судебным приказом, как следует из содержания ст. 123.1 КАС РФ, является судебный акт, вынесенный судьей единолично на основании заявления по требованию взыскателя – налогового органа. Одновременно судебный приказ является исполнительным документом [1]. Процессуальный порядок выдачи судебного приказа носит упрощенный характер по сравнению с порядком рассмотрения и разрешения административных дел в порядке административного искового производства, вместе с тем приказное производство также содержит ряд особенностей, которые позволяют обеспечивать права и законные интересы налогоплательщика, в первую очередь, к ним относится порядок обращения налогового органа - взыскателя в суд с заявлением о выдаче судебного приказа, а также упрощенный порядок отмены судебного приказа в случае несогласия с ним налогоплательщика – должника.

Предшествовать обращению в суд должна процедура предъявления должнику требования об уплате налога. Согласно ст. 70 НК РФ такое требование должно быть направлено не позднее 3 месяцев со дня формирования налоговой задолженности. Исключение составляет случай, когда сумма задолженности меньше 3000 рублей – тогда срок предъявления требования продлевается до 1 года.

В случае неисполнения выставленного налогоплательщику требования об уплате налога налоговый орган вправе обратиться в суд с заявлением о выдаче приказа, однако такое право не бессрочно. Срок на обращение в суд установлен ст. 48 НК РФ и закрепляет, что налоговый орган вправе обратиться в суд в шестимесячный срок со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога, с рядом исключений, продлевающих указанный срок до 1 года.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 года № 62[7] было разъяснено, что истечение установленных сроков для судебного взыскания, включая те, которые предусмотрены ст. 48 НК РФ, представляет собой препятствие для выдачи судебного приказа. Судья, выносящий судебный приказ, обязан проверять соблюдение этих сроков и, при обнаружении нарушения, выносит определение об отказе в принятии заявления о выдаче судебного приказа[8].

Представляется, что точное соблюдение сроков для предъявления требования о платеже налоговым органом, а также для обращения в суд с заявлением о выдаче судебного приказа и с административным исковым заявлением (в случае отмены последнего) является важной гарантией для защиты прав налогоплательщиков.

Аналогично делам, рассматриваемым в рамках приказного производства, особенностью процедуры принудительного взыскания задолженности по налогам и сборам в административном судопроизводстве, предусмотренной гл. 32 КАС РФ, является шестимесячный срок для подачи административного искового заявления в суд общей юрисдикции, который закреплен в ч. 2 ст. 286 этого Кодекса. Как закрепляет указанная норма, днем начала течения срока является день истечения срока исполнения требования об уплате обязательных платежей и санкций, если иное не установлено федеральным законом. Обратим здесь внимание, что в административных исковых делах этот срок прямо закреплен в КАС РФ. Вместе с тем ч. 4 ст. 48 НК РФ определяет, что административное исковое заявление может быть подано налоговым органов в течение шести месяцев со дня отмены судебного приказа.

Таким образом, ч. 4 ст. 48 НК РФ фактически расширяется полномочие налогового органа: продлевается право налогового органа на обращение в суд с административным исковым заявлением еще на полгода по сравнению со ст. 286 КАС РФ, судебные органы при рассмотрении административных исков о взыскании налоговой задолженности также опираются на дату вынесения определения об отмене судебного приказа при проверке соблюдения срока на обращение в суд. Во избежание двусмысленного толкования закона представляется разумным законодательно унифицировать сроки, установленные ч.4 ст. 48 НК РФ и в ст. 286 КАС РФ.

Итак, анализ рассмотренных норм позволяет сформулировать последовательность действий при взыскании налоговой задолженности с физических лиц: (1) образование задолженности - (2) предъявление требования об уплате налоговым органом в течение трех месяцев - (3) подача заяв-

4 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645 (дата обращения: 03.08.2023).

5 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6120 (дата обращения: 03.08.2023).

6 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5671 (дата обращения: 03.08.2023).

7 О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 (ред. от 05.04.2022) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209705/ (дата обращения: 05.08.2023).

8 Рассматриваемое постановление Пленума Верховного Суда РФ разъясняет порядок приказного производства согласно Гражданскому процессуальному кодексу РФ и Арбитражному процессуальному кодексу РФ, однако его положения применяются судами по аналогии и к выдаче судебного приказа в порядке административного судопроизводства (Прим. авторов).

ления о выдаче судебного приказа в течение шести месяцев после истечения срока исполнения требования - (4) подача административного искового заявления о взыскании налоговой задолженности в течение шести месяцев после вынесения определения судом об отмене судебного приказа. Последовательное соблюдение этих сроков является ключевым аспектом при принудительном взыскании задолженности [3].

В соответствии с разъяснением Конституционного Суда РФ в определении от 27 мая 2021 г. № 1093-О[9], п. 1 ст. 48 НК РФ, совместно с другими нормами этого кодекса не допускает бессрочного взыскания налоговой задолженности с налогоплательщика. Его цель - установить соответствующий надлежащий механизм выполнения налогоплательщиками своей налоговой обязанности. Принудительное взыскание налогов, сборов, страховых взносов, пеней и штрафов с имущества физических лиц, согласно статье 48 НК РФ, возможно осуществить только в судебном порядке и в строго определенные сроки (пункты 2 и 3 этой статьи). При этом при принудительном взыскании суммы налога с налогоплательщика налоговым органом должны быть соблюдены все последовательные сроки, установленные ст. 48 НК РФ как для обращения с заявлением о выдаче судебного приказа, так и для последующего обращения в суд в случае его отмены.

Однако фактически рассматриваемые нами временные рамки характеризуются дискретностью, причем они не просто интервально прерываются, а представляют собой два различных временных промежутка, отличающихся каждый началом своего течения, а также судом, к которому налоговый орган обращается для взыскания задолженности, и осуществляет проверку правильности соблюдения срока на обращение в суд.

Из-за такой специфики на практике возникает вопрос: может ли ошибочное вынесение судом судебного приказа, поданного с пропуском срока на обращение в суд за его выдачей и впоследствии отмененного, служить основанием к отказу в удовлетворении требований в порядке административного искового производства? Решением Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 29 сентября 2022 г.[10] по административному иску налогового органа к С. О взыскании пени, начисленной на сумму недоимки по налогу на имущество и транспортному налогу, исследовано производство о выдаче судебного приказа, и сделан вывод об обращении в суд с заявлением о выдаче судебного приказа после истечения установленного законом срока, кроме того, суд исследовал вопрос наличия уважительной причины пропуска процессуального срока и сделал вывод: «В данном случае доказательств наличия объективных обстоятельств, препятствующих своевременному обращению административного истца в суд с заявлением о выдаче судебного приказа, не представлено, как и не представлено заявления о восстановлении пропущенного срока». По изложенным основаниям в административном иске было отказано.

Апелляционным определением Верховного Суда Республики Коми от 21 июня 2021 г. оставлено без изменения решение Воркутинского городского суда Республики Коми по административному исковому заявлению налогового органа к Ф. о взыскании транспортного налога и пени[11], которым в удовлетворении требований налогового органа было отказано в связи с пропуском без уважительных причин срока на обращение как к мировому судье за выдачей судебного приказа, так и в городской суд после отмены судебного приказа. Суд апелляционной инстанции подчеркнул, что ошибочная выдача мировым судьей судебного приказа на основании поданного налоговым органом заявления с пропуском срока на его подачу, вопреки доводам апелляционной жалобы, не свидетельствует о соблюдении налоговым органом названного срока, и не может не учитываться районным судом при рассмотрении дела о взыскании недоимки после отмены судебного приказа, исходя из принципов равенства всех перед законом, законности и справедливости, закреплённых статьей 6 КАС РФ.

Абсолютно противоположный вывод сделал Третий кассационный суд общей юрисдикции в кассационном определении от 20 июля 2022 года[12] по кассационной жалобе налогового органа на вступившие в законную силу судебные акты, которыми отказано в административных исковых требованиях к Л. о взыскании недоимки по транспортному налогу на основании пропуска срока обращения для получения судебного приказа, предшествовавшего обращению в суд с административным исковым заявлением. Отменяя решение и апелляционное определение нижестоящих судов с направлением административного дела на новое рассмотрение, Третий кассационный суд указал на неверное применение норм материального и процессуального права и сделал вывод, что ошибочная выдача мировым судьей судебного приказа на основании поданного налоговым органом заявления с пропуском срока на его подачу не может учитываться судом при рассмотрении дела о взыскании недоимки после отмены судебного приказа. В кассационном определении подчеркнуто, что исходя из смысла положений ст.48 НК РФ, при рассмотрении вопроса о взыскании обязательных платежей и санкций в исковом порядке, правовое значение для исчисления срока обращения в суд имеет дата вынесения определения об отмене судебного приказа, в то время как срок обращения в суд для получения судебного приказа подлежит проверке при рассмотрении соответствующего вопроса мировым судьей. Процессуальных полномочий для проверки вынесенного мировым судьей судебного приказа

9 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Галанова И. М. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 48 Налогового кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 1093-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27052021-n-1093-o/?ysclid=lltlkor8ch735556703 (дата обращения: 07.08.2023).

10 Решение Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 29 сентября 2022 г. по административному делу № 2а-8651/2022 ~ М0-6882/2022 // Автозаводской районный суд г. Тольятти Самарской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://avtozavodsky.sam.sudrf.ru/ (дата обращения: 07.08.2023).

11 Апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 21 июня 2021 г. по административному делу № 33а-3313/2021 // Верховный Суд Республики Коми. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vs--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=36139660&case_uid=6984a029-b1e6-4897-810e-f82f9a7239be&delo_id=42&new=0 (дата обращения: 07.08.2023).

12 Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2022 года по административному делу № 88а-12031/2022 // Третий кассационный суд общей юрисдикции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=12384927&case_uid=6c32d251-11f0-46c5-abec-3c4451929cdd&delo_id=43&new=0 (дата обращения: 07.08.2023).

у районного суда либо суда апелляционной инстанции при рассмотрении административного дела не имеется.

Как видно из приведенных материалов опубликованной судебной практики, единой позиции до настоящего времени не сформировано, и требуется унификация порядка применения указанных сроков посредством законодательного регулирования, либо посредством обязательных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Срок на подачу обращения в суд, пропущенный по уважительной причине, может быть восстановлен судом, как и другие процессуальные сроки. Нами исследовано значительное число судебных актов с целью выявить, какие причины указываются административными истцами, и какие из них признаются судом уважительными в случае пропуска срока на обращение с административным иском, и установлено отсутствие оснований восстановления срока в подавляющем большинстве административных дел. Так, в качестве уважительных причин обычно указываются высокая загруженность сотрудников инспекции, осуществляющих контроль за налогоплательщиками, и большой объем работы по взысканию с физических лиц задолженности по налогам, а также указание на то, что на обслуживании налогового органа находятся несколько районов[13], загруженность сотрудников налогового органа[14], большой объём работ по взысканию недоимки с физических лиц, осуществление налогового администрирования большого количества муниципальных районов[15]. Интересными представляются причины, названные административным истцом в качестве уважительных в ходатайстве о восстановлении пропущенного более чем на 2 года срока в апелляционном определении Краснодарского краевого суда от 24.08.2021[16]: проведение работ по актуализации сведений в информационных ресурсах налогового органа, подготовка административного искового заявления, позднее получение определения об отмене судебного приказа, в то время как судом установлен факт получения данного определения у мирового судьи лично сотрудником налогового органа под роспись через 10 дней после вынесения. Конечно, указанные причины не могут являться уважительными, и совершенно справедливо не были признаны таковыми судом.

Кроме того, как следует из опубликованной судебной практики, административный истец зачастую вообще не приводит доводов относительно причин пропуска срока на обращение в суд. В таких случаях суд часто указывает на отсутствие доказательств уважительности причин и отказывает в удовлетворении исковых требований. Типичной является формулировка судебного решения: «Принимая во внимание, что налоговым органом не представлено доказательств уважительности причин пропуска срока для подачи административного искового заявления в суд, оснований для удовлетворения исковых требований не имеется»[17].

Следует помнить, что в делах о взыскании обязательных платежей и санкций административным истцом выступает государственный орган, наделенный полномочиями по администрированию, выявлению и взысканию налоговой задолженности, по проведению налоговых проверок, обращению взыскания на имущество должника. Такой объем полномочий должен осуществляться в строгом и неукоснительном соблюдении законодательства, в том числе сроков на обращение в суд. Иными словами, использование надуманных либо неподтвержденных причин пропуска срока на обращение в суд для его восстановления со стороны налогового органа, обеспеченного всеми правовыми и организационными полномочиями, представляется злоупотреблением правом, обращение с ходатайством о восстановлении срока должно быть действительно обоснованным существенными причинами невозможности обращения в срок, и представлять собой нетипичную, разовую и исключительную процессуальную практику.

Пристатейный библиографический список

1. Гриценко В. В. Судебный приказ как упрощенная форма производства по административным делам о взыскании обязательных платежей и санкций // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 2. С. 21-24.
2. Иншакова Е. Г. Развитие института судебной административно-правовой защиты: проблемы понимания и расширение границ деятельности по отстаиванию прав, свобод и законных интересов личности в административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства 2021. № 4. С. 12-16.
3. Кайшев А. Е. Актуальные проблемы принудительного исполнения обязанностей по уплате налогов, сборов и страховых взносов физическими лицами // Аграрное и земельное право. 2021. № 9. С. 91-97.
4. Неверов А. Я. Смирных А. С. Конституционная обязанность граждан по уплате законно установленных налогов и сборов // Заметки ученого. 2002. № 5. С. 374-378.
5. Носова Ю. Б. Обзор судебной статистики рассмотрения административных дел судами общей юрисдикции аз 2021 год // Журнал административного права. 2022. № 3. С. 15-21.

13 Решение Бежецкого межрайонный суда Тверской области 20 октября 2022 года по административному делу № 2а-574/2022 // Государственная автоматизированная система «Правосудие». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bsr.sudrf.ru/ (дата обращения: 08.08.2023).

14 Решение Ульчского районного суда Хабаровского края от 09 декабря 2022 г. по административному делу № 2а-301/2022 // Государственная автоматизированная система «Правосудие». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bsr.sudrf.ru/ (дата обращения: 08.08.2023).

15 Решение Хабаровского районного суда Хабаровского края от 18 октября 2022 г. по административному делу № 2а-2250/2022 // Государственная автоматизированная система «Правосудие». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bsr.sudrf.ru/ (дата обращения: 08.08.2023).

16 Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 24 августа 2021 г. по административному делу № 33а-27876/2021 // Государственная автоматизированная система «Правосудие». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bsr.sudrf.ru/ (дата обращения: 08.08.2023).

17 Решение Октябрьского районного суда г. Владимира от 7 октября 2022 г. по административному делу № 2а-3689/2022 // Государственная автоматизированная система «Правосудие». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bsr.sudrf.ru/ (дата обращения: 08.08.2023).

ИВЕНСКАЯ Анастасия Андреевна
магистр юриспруденции, помощник судьи одиннадцатого арбитражного апелляционного суда, г. Самара, советник юстиции третьего класса

Ивенская А. А.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ТРАНСПАРЕНТНОСТИ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Транспарентность как научно-обоснованный термин является предметом научной дискуссии, однако фактическое существование данного явления не вызывает сомнений. Арбитражный процесс оснащен достаточным оборудованием и информационными ресурсами для предоставления бесперебойного доступа граждан к правосудию на всех стадиях судебного процесса.

Каким образом проявляется принцип траспарентности в современном арбитражном процессе в условиях информационного общества? В чем преимущество интернет-портала «Мой арбитр» от ГАС РФ «Правосудие»? Действительно ли существует необходимость законодательного закрепления термина «транспарентность» в российской нормативно-правовой базе?

В данной статье рассматривается доктринальное и научное обоснование существования принципа транспарентности в современном мире, а также условия его реализации.

Ключевые слова: транспарентность, принцип транспарентности, прозрачность судебной системы, «Мой арбитр», информатизация, электронное правосудие.

IVENSKAYA Anastasiya Andreevna
master of jurisprudence, assistant judge of the Eleventh Arbitration Court of Appeal, Samara, counselor of justice of the third class

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF TRANSPARENCY OF THE ARBITRATION PROCESS IN THE MODERN WORLD

Transparency as a scientifically based term is the subject of scientific discussion, but the actual existence of this phenomenon is beyond doubt. The arbitration process is equipped with sufficient equipment and information resources to provide citizens with uninterrupted access to justice at all stages of the judicial process.

How does the principle of transparency manifest itself in the modern arbitration process in the conditions of the information society? What is the advantage of the Internet portal «My arbitrator» from «Justice»? Is there really a need to legislate the term «transparency» in the Russian regulatory framework?

This article examines the doctrinal and scientific justification of the existence of the principle of transparency in the modern world, as well as the conditions for its implementation.

Keywords: transparency, the principle of transparency, transparency of the judicial system, «My arbitrator», informatization, electronic justice.

Процесс осуществления правосудия играет ключевую роль в существовании современного правового государства. Принципы реализации правосудия, такие как гуманность, справедливость, законность, гласность, состязательность сторон и тд, несомненно, играют важную роль в его отправлении, но практический опыт показывает их недостаточность для реализации «прозрачности» судебной системы для граждан, чьи права и свободы она призвана защищать. Именно поэтому в научных трудах все чаше стали придаваться огласке термины «принцип транспарентности» или «транспарентность».

На протяжении многих лет транспарентность как научно-обоснованный термин является предметом научной дискуссии, однако фактическое существование данного явления и необходимость обозначающего его термина не вызывает сомнений у научного сообщества.

Доктринальное обоснование рассматриваемого принципа сводится к тому, что все граждане нашей страны имеют право на получение полной, своевременной и квалифицированной информации о деятельность органов, на которых законом возложены полномочия по осуществлению правосудия.

Так, Л. В. Туманова считает, что транспарентность выступает обеспечительным механизмом условий доступности правосудия [6, с. 202]. Но по мнению В. И. Анишиной гласность и открытость близки по своему значению с транспарентностью [2, с. 16].

Несомненно, содержание транспарентности существенно шире гласности, которая выражена и распространена только на стадию судебного разбирательства. Транспарентность является принципом российского судопроизводства, пока не имеющим прямого наименования в законе, однако системный анализ законодательства выявляет нормативное закрепление транспарентности в нормах Конституции Российской Федерации, нормах судопроизводственных кодексов и ряда федеральных законов.

К примеру, аспекты транспарентности, обеспечивающие гласность как её составляющую, отражены в части 1 статьи 123 Конституции Российской Федерации[1].

Невозможно не согласиться с Е. А. Малько, что термин «транспарентность» весьма широк по объему, в него входят

1 Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г.: [с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 01 июля 2021 г.].

практически все стороны организации и деятельности правосудия и судебной власти [4, с. 6].

Представляется, что в современной России транспарентность правосудия – это демократический порядок формирования судебной системы нашей страны и организации осуществления судебной власти, обеспечивающий информированность общества о механизме функционирования судебной власти, о решениях, которые принимают современные суды.

Так, Е. Б. Абросимова считает, что транспарентность может быть выражена в различных формах, под которыми она понимает основные сведения о суде и его деятельности, которые должны быть доступны для граждан [1, с. 92].

Помимо открытого судебного заседания, где присутствующие в зале суда могут наблюдать за рассмотрением дела и иметь представление о фактах, на которые опирается суд при вынесении судебных актов (в закрытом судебном заседании – только участники дела), принцип транспарентности в арбитражном процессе реализуется благодаря как привычным процедурам ознакомления с материалами дела, получением копий актов и др., так и благодаря современным технологиям, позволяющим обеспечивать бесперебойную работу электронного документооборота, проводить ознакомление с материалами дела посредством онлайн-сервиса «Мой арбитр», а также принимать участие в судебном заседании посредством видеоконференц-связи и посредством веб-конференции.

Сущность принципа транспарентности означает открытость и доступность организационной и судопроизводственной информации о деятельности судов для граждан. Транспарентность позволяет обеспечить общественный контроль за деятельностью судов, доступ для граждан к информации о конкретных делах, а также способствует формированию единой судебной практики по рассмотрению схожих категорий дел.

Принцип транспарентности в арбитражном процессе имеет следующие аспекты:

– предоставление в неограниченном доступе информации о деятельности судов;

– создание условий, необходимых для создания единой практики применения судами законодательства, а именно, для единообразного рассмотрения и разрешения схожих дел;

– предоставления доступа к беспрепятственному ознакомлению с материалами дела лиц, участвующих в деле;

– обеспечение юридической экономии, поскольку транспарентность позволяет наиболее оперативно изучать нормативно-правовую базу и прослеживать примеры ее практического применение судом;

– предоставление информации и доступа к тексту поступивших в производство суда процессуальных документов иных представителей посредством Интернет-ресурсов;

– предоставление данных о конкретном судебном процессе;

– предоставление сведений о графике судебных разбирательств;

– предоставление возможности участия в судебном заседании арбитражного суда путем видеоконференц-связи при содействии иного суда;

– предоставление возможности участия в судебном заседании посредством веб-конференции.

Обеспечение транспарентности правосудия по различным категориям дел очень важно не только ввиду информативной составляющей, а еще и потому, что она позволяет преодолеть отчуждение между государством и обществом. Транспарентность способствует формированию гражданского общества в государстве и обеспечению его функционирования.

На основе анализа вносившихся в арбитражное законодательство поправок (Федеральный закон № 228-ФЗ о от 27 июля 2010 года, Федеральный закон № 186-ФЗ от 28 июня 2014 года, Федеральный закон № 440-ФЗ от 30 декабря 2021 года) можно сделать вывод о развитии и становлении информационной среда арбитражного судопроизводства: от простейшей процедуры заполнения стандартных форм подачи документов в суд, размещенных на официальных сайтах арбитражных судов, до участия в судебном заседании путем веб-конференции без отрыва от рабочего места и полным сокращением судебных расходов на транспортировку представителя до здания суда.

В настоящее время в арбитражном процессе Российской Федерации принцип транспарентности неразрывно связан с открытостью судебного заседания, которое может быть проведено в закрытой форме только на основании соответствующего ходатайства стороны, удовлетворенного судом, либо при условии содержания в материалах дела документов, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну.

Закрепленный в статье 11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[2] порядок проведения открытого судебного заседания позволяет присутствующими в зале суда производить фиксацию хода судебного разбирательства с использованием технических средств. Здесь важно понимать, что такие средства фиксации как материалы видеозаписи относятся к наиболее распространенным и отвечают требованиям информационного общества. Но, так как видеозапись может вестись исключительно с разрешения суда, что относится к его усмотрению, очень часто судьи без достаточных оснований отказывают присутствующим в судебном заседании, что, как представляется, также нарушает рассматриваемый принцип судопроизводства.

Помимо того, О. В. Южакова расширяет содержание транспарентности, которая, по её мнению, охватывает, и такое проявление деятельности суда, как опубликование материалов судебной практики [7, с. 251].

Однако, рассматривая транспарентность как прозрачность и доступность для граждан сферы отправления правосудия, обратим внимание, что выносимые арбитражным судом судебные акты не нацелены на защиту персональных данных лиц, привлеченных к участию в деле – не обезличиваются. Решение о сокращении либо полном изъятии из текста судебного акта данных, идентифицирующих физическое лицо, ограничивается лишь субъективным мнением судьи.

Разногласие между полной транспарентностью арбитражного судопроизводства и защитой персональных данных заключается в том, что деперсонификация актов арбитражных судов не позволит гражданам сделать правильных выводов о законности и обоснованности вынесенного арбитражным судом решения. Последствие деперсонификации является неизбежное ограничение выполнения важнейшей функции принципа транспарентности – осуществление общественного контроля за решениями судов.

Уверены, что принцип транспарентности имеет высочайшую значимость в современном арбитражном процессе,

2 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: [ред. от 30 дек. 2021 г.]: [с изм. и доп., вступ. в силу с 10 янв. 2022 г.].

и, несомненно, будет совершенствоваться вместе с активно развивающимися в российском обществе и государстве информационными технологиями во всех сферах деятельности.

Развивающиеся инновационные технологии, проведение широкомасштабной судебной реформы, появление электронного правосудия в настоящее время способствуют прогрессу развития судебной системы, которая не должна отставать от тенденций современного общества, а становиться более гибкой для восприятия новых форм информационных технологий. Современная тенденция информатизации судебной системы выступает одним из приоритетных направлений реформирования деятельности судов Российской Федерации. Удобство и практичность интернет-порталов судов в современных реалиях трудно переоценить. Детальная инструкция по пользованию системой «Мой арбитр» предоставлена в неограниченном доступе гражданам на сайте https://my.arbitr.ru. А также имеется возможность обратиться в службу технической поддержки, которая оперативно отвечает на вопросы граждан и помогает разрешить возникающие проблемы.

Помимо удобного использования и постоянного доступа к результатам деятельности судов, информатизация судебного процесса позволила снизить расходы, возникающие у граждан при участии в конкретном споре: отправка почтовой корреспонденции, расходы на оплату проезда до здания суда для ознакомления с материалами дела и для участия в судебном заседании.

Информационная система «Мой арбитр», которая разработана исключительно для системы арбитражных судов Российской Федерации, в отличие от Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие», безусловно, предоставляет более широкий спектр возможностей для граждан.

Помимо ознакомления с информацией о деятельности судов и подачи документов в электронном виде ГАС «Правосудие» не предоставляет никаких иных возможностей участникам судебного процесса, в то время как система «Мой арбитр» позволяет участникам арбитражного процесса получить доступ к имеющейся информации на сайтах арбитражных судов Российской Федерации, право на дистанционное ознакомление с материалам дела не только выносимыми судом, но и представленными иными лицами, участвующими в деле, а также участие сторон в судебном заседании посредством веб-конференции.

Стороны арбитражного процесса не редко находятся в разных регионах, что существенно увеличивает финансовую и физическую нагрузку на них. А поскольку чаще всего предприниматели и иные участники процесса привлекают сторонних представителей для защиты своих прав и законных интересов, чьи услуги оплачиваются отдельно от иных судебных расходов, для многих лиц, участвующих в деле, участие в судебном процессе становится весьма затруднительно.

Следствием развития информационных технологий явилось появление электронных доказательств, применение которых находит отражение в судебной практике.

Техническому и организационному обеспечению деятельности арбитражный судов Российской Федерации как способу достижения полной реализации принципа транспарентности можно дать удовлетворительную характеристику, поскольку в каждом арбитражном суде, на данный момент, имеется достаточное техническое оборудование и квалифицированный персонал, обсуживающий работу данного оборудования и интернет-ресурсов суда. Однако хочется отметить, что в некоторых арбитражных судах на территории Российской Федерации подобное оборудование и специалисты в единичном экземпляре.

На основе судебной практики можно сделать вывод, что каждый арбитражный суд Российской Федерации в достаточной мере оснащен техническим оборудованием для беспрепятственного доступа к Интернет-ресурсам, а также проведению судебных заседаний путем веб-конференции, позволяющим беспрепятственно участвовать сторонам в судебном разбирательстве, избегая необходимости явки в здание суда как рассматривающего дело, так и обеспечивающего видеоконференц-связь.

Приведенные выше обоснования указывают на необходимость законодательного введения термина «транспорентность» в нормативно-правовое источники Российской Федерации, поскольку имеющиеся смежные принципы судебной системы не могут являться исчерпывающими в век современных технологий и широкомасштабных информационных реформ, а лишь на долю могут удовлетворить потребность общества в «прозрачном» отправлении правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. Абросимова Е. Б. Судебная власть: транспарентность или конфиденциальность? – Проблемы транспарентности правосудия: монография. – М.: ЛексЭст, 2005. – С. 92.
2. Анишина В. И. Основы судебной власти и правосудия в РФ: Курс лекций. – М.: Эксмо, 2008. – С. 16.
3. Ивенская А. А., Лошкарев А. В. Современные возможности организационно-технического обеспечения транспарентности деятельности судов Российской Федерации. - Наука и Просвещение. Юриспруденция в теории и практике: актуальные вопросы и современные аспекты. – Пенза, 2022. – № 045. – С. 154-155.
4. Малько Е. А. Транспарентность правосудия как приоритет российской гражданской процессуальной правовой политики // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 11. – С. 2-7.
5. Смирнов А. В. Транспарентность судебной власти: политико-правовой анализ. Проблемы транспарентности правосудия: монография. – Москва: ЛексЭст, 2005. – С. 600.
6. Туманова Л. В. Вопросы транспарентности гражданского судопроизводства. - Проблемы транспарентности правосудия. – М.: ЛексЭст, 2005. – С. 202.
7. Южакова О. В. Транспарентность правосудия в гражданском процессе // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. – 2014. – № 3. – С. 251.

ГАДИСОВ Даниял Расулович
магистрант кафедры конституционного и международного права юридического института Дагестанского государственного университета, РФ, г. Махачкала.

НИМАТУЛАЕВА Равзанат Абдулзагировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Дагестанского государственного университета, РФ, г. Махачкала.

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ И СПОРОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Настоящая статья посвящена вопросам участия органов государственной власти в разрешении конфликтов и споров в сфере местного самоуправления. Авторами проведен комплексный анализ федерального и регионального законодательства по рассматриваемой теме, по результатам которого они приходят к выводу об отсутствии законодательного урегулирования форм взаимодействия различных уровней публичной власти, в том числе при урегулировании споров местного самоуправления. Предлагается внести изменения в действующее законодательство посредством закрепления конкретных способов и процедур урегулирования конфликтов местного самоуправления с участием органов государственной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, органы местного самоуправления, органы государственные власти, конфликт, спор, согласительная комиссия, урегулирование разногласий.

GADISOV Daniyal Rasulovich
magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

NIMATULAEVA Ravzanat Abdulzagirovna
Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

PARTICIPATION OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE RESOLUTION OF CONFLICTS AND DISPUTES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

This article is devoted to the issues of participation of public authorities in the resolution of conflicts and disputes in the field of local self-government. The authors conducted a comprehensive analysis of federal and regional legislation on the topic under consideration, according to the results of which they come to the conclusion that there is no legislative regulation of forms of interaction between various levels of public authority, including in the settlement of disputes of local self-government. It is proposed to amend the current legislation by fixing specific methods and procedures for resolving conflicts of local self-government with the participation of state authorities.

Keywords: local self-government, local self-government bodies, state authorities, conflict, dispute, conciliation commission, dispute settlement.

Ни одна сфера человеческой жизнедеятельности не обходится без возникновения различного рода споров и конфликтов. По справедливому замечанию американского психолога Б. Вула: «жизнь – процесс решения бесконечного количества конфликтов». Несмотря на кажущуюся простоту термина «конфликт», в науке до сих пор отсутствует единый подход к определению его содержания [1, с. 22]. Как правило, конфликт принято рассматривать в качестве столкновения противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций в сознании отдельно взятого индивида, в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанного с отрицательными эмоциональными переживаниями.

Подобно тому как конфликты возникают между отдельно взятыми индивидами, они также могут возникать между органами публичной власти, и сфера деятельности органов местного самоуправления не является исключением.

Практика показывает, что споры на уровне муниципалитетов могут возникать по самым различным направлениям, в частности, при решении вопросов о компетенции органов местного самоуправления, при решении вопросов территориального устройства муниципальных образований, при разработке, согласовании и принятии муниципальных правовых актов и т.д.

Конфликт по своей природе является неоднозначным явлением и помимо отрицательного воздействия имеет также положительный эффект. Считается, что конфликт может способствовать развитию (чего-либо), позволяет изобретать новые решения, договариваться и вырабатывать наиболее конструктивные и оптимальные решения проблемных ситуаций. Однако применительно к сфере функционирования субъектов публичной власти, а именно органов местного самоуправления, конфликты чаще порождают негативные последствия, поскольку отсутствие единства в решении тех или иных вопросов местного значения, создает неопределенность и неурегулированность определенных аспектов жизни муниципального образования. Например, если в процессе принятия значимого муниципального правового акта между органом разработчиком и согласующими органами возникают конфликты, нормотворческий процесс затягивается, что в конечном итоге может привести к нарушению прав граждан, проживающих на территории соответствующего муниципалитета.

Ввиду изложенного проблема поиска механизмов и способов разрешения конфликтов и споров между органами местного самоуправления, в том числе с участием органов государственной власти, приобретает весьма актуальный характер. Представляется, что ее изучение должно осуществляться с позиций юридической конфликтологии – относительно нового направления исследований в рамках юридической науки, посвященного изучению юридических конфликтов, их структуры, динамики, механизмов предотвращения и урегулирования с использованием правовых норм.

Несмотря на то, что конфликты между органами государственной власти, а также между органами местного самоуправления довольно распространены на практике, в юридической науке нет комплексных теоретических исследований, посвященных вопросам их урегулирования.

В действующем законодательстве отсутствует специальный нормативный правовой акт, который бы регламентировал процедуры и способы урегулирования конфликтов и споров между органами местного самоуправления.

Какое-либо упоминание о разрешении конфликтов между органами МСУ отсутствует и в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Лишь в части 3 статьи 85 указанного документа имеется абзац, из содержания которого следует, что между муниципальными образованиями могут быть возникать споры территориального характера.

Говоря об участии органов государственной власти в разрешении конфликтов органов местного самоуправления, предполагается, что речь идет об органах государственной власти регионального уровня, так как они более приближены к сторонам конфликта. Данный вывод подтверждается анализом законодательства субъектов Российской Федерации по рассматриваемому вопросу.

Проведенный анализ показал, что порядок разрешения споров, возникающих между органами местного самоуправления, а также между последними и органами государственной власти зачастую прописывался в региональных или муниципальных нормативных правовых актах. В частности, в Тамбовской области до 2010 года действовал закон «О взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления Тамбовской области» от 14 апреля 1998г. № 9-З, которым было предусмотрено, что «споры, возникающие по поводу осуществления органами местного самоуправления области отдельных государственных полномочий, разрешаются путем согласительных процедур либо в судебном порядке», а «споры между органами государственной власти и органами местного самоуправления области по вопросам, требующим совместного решения, разрешаются заинтересованными сторонами путем проведения переговоров и использования иных согласительных процедур».

На территории Нижегородской области в середине 2000-х гг. функционировал Департамент по взаимодействию с органами местного самоуправления Нижегородской области. Среди функций, возложенных на Департамент, упоминалась также функция по созданию согласительных комиссий для разрешения споров и разногласий между органами местного самоуправления и органами государственной власти Нижегородской области и организация их работы.

В Ханты-Мансийском автономном округе Югре действовало постановление регионального правительства от 8 февраля 2006 г. № 22-п «О Порядке разрешения споров и разногласий между органами местного самоуправления поселений и органами местного самоуправления муниципальных районов». Целью данного Порядка являлось разрешение споров и разногласий по вопросам передачи полномочий, формирования, утверждения и исполнения местных бюджетов и другим вопросам между органами местного самоуправления поселений и органами местного самоуправления муниципальных районов, в состав которых входят указанные поселения.

Для разрешения возникающих конфликтов была создана Комиссия по разрешению споров и разногласий между органами местного самоуправления поселений и органами местного самоуправления муниципальных районов, в состав которой на общественных началах входили представители различных органов исполнительной власти автономного округа.

Деятельность Комиссии основывалась на рассмотрении обращений органов местного самоуправления по вопросам передачи полномочий, формирования, утверждения и исполнения местных бюджетов и другим вопросам в случае, если органами местного самоуправления не принято согласованное решение либо обращения органов местного самоуправления по этим вопросам не рассмотрены органами местного самоуправления, которым эти обращения адресованы, в течение одного месяца со дня их поступления, при условии, что отсутствие согласованного решения может повлечь нарушение законодательства и (или) законных прав и интересов населения, проживающего в данных муниципальных образованиях.

В Уставе Тюменской области прямо закреплялась норма, согласно которой «Споры и конфликты между органами государственной власти Тюменской области, органами государственной власти автономных округов и органами местного самоуправления рассматриваются согласительными комиссиями, создаваемыми на паритетных началах, Уставным судом области, иными судебными органами в соответствии с их компетенцией». В 2021 году в Устав были внесены изменения, в соответствии с которыми конкретный перечень субъектов, уполномоченных рассматривать указанные категории споров, был исключен. Осталось лишь указание на рассмотрение соответствующих категорий споров в порядке, предусмотренном действующим законодательством.

Однако, как мы отмечали ранее, действующим законодательством не регламентирован порядок рассмотрения муниципальных конфликтов и споров, что является, на наш взгляд, серьезным пробелом.

Необходимо отметить, что участие органов государственной власти в разрешении конфликтов и споров органов местного самоуправления является одной из форм их взаимодействия. Сохраняя свою автономность и независимость от государственного аппарата управления, органы местного самоуправления не могут существовать и реализовывать, возложенные на них функции и задачи, в полном отрыве от иных субъектов публичной власти. В связи с этим видится необходимым устранение существующего пробела по рассматриваемому вопросу и принятие специального документа, который бы был посвящен процедуре разрешения споров между органами управления муниципального образования, в том числе с участием органов государственной власти.

О необходимости законодательного урегулирования форм взаимодействия между уровнями публичной власти в своем исследовании говорит Л. И. Таймазова [2, с. 96].

В настоящее время уставы некоторых муниципалитетов также содержат абстрактные положения, касающиеся разрешения споров между органами местного самоуправления. Суть этих положений сводится к тому, что возникающие споры разрешаются путем проведения согласительных процедур либо в судебном порядке.

Считаем целесообразным внести изменения в Федеральный закон № 131-ФЗ по аналогии с Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», где в статье 62 закреплены общие положения, касающиеся вопросов разрешения споров и урегулирования разногласий между органами публичной власти субъекта Российской Федерации.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в настоящее время порядок участия органов государственной власти в разрешении конфликтов и споров органов местного самоуправления законодательно не регламентирован. Однако практика показывает, что наиболее распространенными формами участия являются совместные консультации, участие в согласительных комиссиях и совещаниях.

Пристатейный библиографический список

1. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
2. Таймазова Л. И. Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления: формы, правовая регламентация // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 1. – С. 94-96.

ПИВОВАРОВА Ирина Валерьевна
кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

АУДИТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Рассматриваются особенности аудита социальной политики предприятия, его виды, цели и задачи. Показано наличие множества подходов к рассмотрению содержательной структуры аудита социальной политики предприятия.
Ключевые слова: социальный аудит, кадровая политика предприятия, социальная политика предприятия.

PIVOVAROVA Irina Valerjevna
Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Marketing and municipal management sub-faculty of the Tyumen Industrial University

AUDIT OF THE COMPANY'S SOCIAL POLICY

The features of the audit of the social policy of the enterprise, its types, goals and objectives are considered. It is shown that there are many approaches to the consideration of the substantive structure of the audit of the social policy of the enterprise.
Keywords: social audit, personnel policy of the enterprise, social policy of the enterprise.

Неустойчивые социально-экономические условия, обуславливающие деятельность российских организаций, заставляют последние искать различные варианты сокращения затрат в режиме самосохранения. Неудивительно, что первой в списке статей расходов, на которой собственники или топменеджмент пытаются сэкономить, являются человеческие ресурсы. Поэтому нередко социальный аудит представляется предпринимателями как дополнительные расходы, на которых можно сэкономить [1, с. 84].

Социальный аудит как инструмент управления зародился в 1940-е гг. в США, когда стали популярными социальные рейтинги компаний. Собственники бизнесов, проявляя заботу о репутационной составляющей своих предприятий, стремились занять почетное место в рейтинге.

Регулярность рейтингов проявила потребность в некоей общей системе показателей, позволяющей оценивать внутренние отношения с персоналом и профсоюзами, участие в социальных программах, проводимых местными властями и т.д.

В период 1960 – 1970-е гг. в США актуализируются проблемы экологического загрязнения окружающей среды, вызванное производственной деятельностью компаний. Многие предприятия, нацеленные лишь на экономическую выгоду, не проявляли заботу о внедрении технологий безопасного производства и повышении качества товара.

На сегодняшний день нефинансовая отчетность зарубежных компаний, имеющая прозрачный характер и доступная широким кругам общественности, достигла впечатляющих масштабов, особенно в Европейских странах, где она является обязательной и закреплена законодательно.

Осуществив анализ различных исследований социальной ответственности как метода регулирования отношений между обществом и компаниями, можно утверждать, что наиболее глубоко вопросом социального аудита занимались в Европе и Канаде.

В развитых государствах социальный аудит используется на макроэкономическом уровне с целью быстрого и качественного руководства. Однако в условиях широкой глобализации сегодня каждая страна имеет свою специфику развития социального аудита.

В России до распада Советского Союза социальная ответственность предприятий поддерживалась и развивалась в рамках партийный обязательств, предписывающих предприятиям заботиться о своих работниках и членах их семей. На советских предприятиях существовало плановое выделение путевок, товаров промышленного назначения, и даже квартир. Практически повсеместно осуществлялись «отоварки» продуктами питания. Предприятие несло посильную ответственность за моральное и нравственное состояние коллектива в целом.

С распадом Советского Союза, в условиях сложных социально-экономических преобразований, социальная ответственность предприятий практически сошла «на нет». Обусловленные разгосударствлением, новоиспеченные собственники отечественных предприятий переориентировали управление последними на экономический рост и личное обогащение.

И только вначале 2000-х гг. государственные структуры возобновили внимание к вопросам социальной ответственности бизнеса в стране и возможности ее измерения.

Отправной точной развития социального аудита в России можно считать 2000 год, когда состоялся конкурс «Российская организация высокой социальной эффективности», с 2004 г. ставший ежегодным. Критерии оценки, выдвинутые организаторами конкурса, по сути, можно считать первыми научно-методологическими инструментами социального аудита.

Глобализационные процессы конца XX в. существенным образом актуализировали необходимость институционализации социальной ответственности транснациональных компаний в международном масштабе.

Сегодня социальный аудит осуществляется, преимущественно, крупными компаниями, имеющими сложную организационную структуру. В то же время, в последние годы актуализируется идея о необходимости регулярного проведения социального аудита всеми организациями, независимо от масштабов и сферы деятельности. В этой связи социальный аудит рассматривается как возможность своевременной оценки достигнутых результатов и выявления возможных перспектив организационного развития.

Многокомпонентность категории «управление предприятием» создает определенные сложности интерпретации понятия «социальный аудит». В узком смысле социальный аудит представляет собой комплекс мероприятий, направленных на диагностику и оценку состояния социальной системы, выявление скрытых потенциальных возможностей, способствующих в дальнейшем повышению эффективности ее функционирования. В широком смысле под социальным аудитом подразумевается проведение системы мероприятий, направленных на оценку вклада компании в решение социальных, экономических и экологических проблем, связанных с профилем ее деятельности [2, с. 104].

Классификация социального аудита в научной литературе носит весьма дискуссионный характер. Даже в отношении традиционных «внешнего и внутреннего» аудита в науке не сложилось единого мнения. Одни ученые выделяют внешний и внутренний аудит в зависимости от объекта оценки. Например, Г. Т. Галиев в качестве критерия для разделения аудита на внутренний и внешний, указывает принадлежность объектов, подлежащих аудиторской проверке. Так, если осуществляется оценка политики в отношении персонала, безопасности труда межличностных отношений и социально-трудовых условий, то речь идет о внутреннем аудите. Если же оцениваются затраты на решение социальных вопросов вне организации, например, на экологические программы, благотворительность, систему менеджмента качества, взаимодействие с партнерами и поставщиками – то это внешний аудит [2, с. 106].

Н. В. Ким, Ю. А. Борецкий разделяют аудит на внешний и внутренний исходя из субъекта, его осуществляющего. Например, внешний аудит проводится сторонними аудиторскими организациями или привлеченным «из вне» специалистом, а внутренний – собственными силами предприятия (ревизорами, состоящими в штате предприятия, или ревизионными комиссиями) [3, с. 16].

Подклассификация социального аудита включает в себя следующие виды:

– по охвату исследуемых данных: полный аудит (осуществляется на основании документации, отражающей деятель-

Рисунок 1. Этапы социального аудита по методике Corporate Responsibility Audit.

ность всей организации); локальный аудит (аудит какого-либо конкретного подразделения или отела организации); целевой аудит (оценка эффективности выполнения функционала по какой-либо должности или нескольким должностям);

– по уровню осуществляемой проверки: тактический аудит (осуществляется на уровне функциональных служб организации,); управленческий аудит (оценка работы линейных руководителей); стратегический аудит (оценка эффективности деятельности топ-менеджмента, принятия и реализации стратегических управленческих решений).

– по периодичности проведения (текущая оценка – разовая проверка в сроки, установленные организацией самостоятельно); постоянная оценка (когда организацией уславливается конкретный период времени для мониторинга); оперативная оценка (одномоментная проверка в пределах одного или нескольких направлений деятельности организации или функционала какого-либо подразделения); панельная оценка (проводится постоянно с применением отработанным средств и методов);

– по используемым методам: организационно-аналитический (оценка на основании отчетной и текущей документации, отражающей динамику исследуемых показателей); социально-психологический и социологический (оценка по результатам анкетного или интервьюированного опроса сотрудников, а также различных тестов и личных бесед); экономический (сравнительный анализ показателей деятельности предприятия с нормативами, стандартами или усредненными показателями).

Основная цель социального аудита обуславливается потребностью собственников или руководства предприятия в информации для принятия управленческих решений; объектами аудита и субъектом, его осуществляющим; сроками обработки и предоставления информации по результатам аудиторской проверки; совокупностью организационных, методических и технических приемов, используемых для аудита [4, с. 36].

Задачи социального аудита могут быть направлены на выявление социальных рисков, разработку мер для их снижения; установление нарушений законодательства относительно социально-трудовых отношений; развитие и укрепление положительного имиджа предприятия; повышение эффективности социального менеджмента в системе управления.

Задачами социального аудита являются следующие: обеспечение высокоэффективного функционирования всех организационных подсистем; оказание содействия сотрудникам для оптимизации выполнения ими должностных обязанностей; выявление проблем в управлении персоналом и их своевременное решение; содействие защите интересов работников, в том числе их социальной защиты и поддержки; выявление несоответствий положений о труде на предприятии требованиям Кодексу законов о труде и их устранение.

Достижение поставленных задач осуществляется в процессе реализации социального аудита (рис. 1).

Можно заключить, что создание эффективной системы внутреннего аудита становится важнейшим условием повышения эффективности коммуникации в системе управления предприятием и обеспечения его стратегического развития.

Пристатейный библиографический список

1. Филиппова И. А. Исследование уровня социальной напряжённости в трудовой сфере // Социология. – 2020. – № 4. – С. 83-94.
2. Галиев Г. Т. Социальный аудит – важный фактор в исследованиях социально-трудовых отношений в современной экономике // Стратегия Республики Башкортостан - 2030: приоритеты экономического роста: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, 2017. – С. 104-108.
3. Ким Н. В., Борецкий Ю. А. Российский социальный аудит: значение и особенности // Аудитор. – 2014. – № 1 (227). – С. 14-17.
4. Баикина Ю. О., Колтунова Ю. И., Филиппова И. А. Социально-трудовые установки работников ТЭК северного региона. – Тюмень, 2020.

АЛТЫНБАЕВА Лилия Мударисовна
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ СУДЕБНЫМИ ПРИСТАВАМИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

В статье исследуется правовая природа исполнительного производства. Рассматриваются вопросы исполнения решений суда судебными приставами. Аргументируется необходимость идентификации надлежащего счета, с которого будет осуществляться взыскание. Также обозначается проблема исполнения предписаний федерального закона об исполнительном производстве. В частности, указывается на пробелы регулирования обязанностей банков о предоставлении соответствующей информации о назначении счета судебным приставам-исполнителям. Особое внимание уделяется вопросу неправомерного взыскания денежных средств со счетов.

Автором освещается проблема ареста имущества должника, на которое в соответствии с действующим законодательством установлен запрет на обращение взыскания. Обосновывается необходимость внести изменения в действующее законодательство и практику его применения.

Ключевые слова: исполнительное производство, судебные приставы, исполнение судебных актов, обращение взыскания, денежные средства.

ALTYNBAEVA Liliya Mudarisovna
Ph.D. in Law, Deputy Head of Civil law disciplines sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

EXECUTION OF COURT DECISIONS BY BAILIFFS: PROBLEMS AND POSSIBLE SOLUTIONS

The article examines the legal nature of enforcement proceedings. The issues of execution of court decisions by bailiffs are considered. The necessity of identifying the proper account from which the collection will be carried out is argued. The problem of execution of the requirements of the federal law on enforcement proceedings is also indicated. In particular, it is pointed out that there are gaps in the regulation of banks' obligations to provide relevant information about the appointment of an account to bailiffs. Special attention is paid to the issue of illegal collection of funds from accounts.

The author highlights the problem of the seizure of the debtor's property, which, in accordance with the current legislation, is prohibited from foreclosure. The necessity to amend the current legislation and the practice of its application is justified.

Keywords: enforcement proceedings, bailiffs, execution of judicial acts, foreclosure, funds.

Основными задачами исполнительного производства следует считать правильное (законное) исполнение судебных актов, а также актов других органов и должностных лиц, в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций[1]. В этой связи законодатель устанавливает определенный порядок или последовательность действий, которые должен совершить судебный пристав-исполнитель.

В первую очередь взыскание должно обращаться на денежные средства должника, и только в случае их отсутствия или недостаточности денежной массы, обращение может быть направлено на имущество или другие активы должника.

В то же самое время мы отмечаем, что при обращении взыскания на денежные средства, законодатель требует от судебного пристава-исполнителя соблюдения определенной последовательности действий. В начале выявляются денежные средства, находящиеся на счетах должника в банках, как в российской, так и иностранной валюте. При этом первостепенно судебный пристав-исполнитель обращает взыскание на денежные средства в российской валюте, а при недостаточности денежной массы российской валюты, на денежные средства в иностранной валюте.

При обращении взыскания на денежные средства, находящиеся на счетах в банках, необходимо учитывать следующие особенности. Судебный пристав-исполнитель, получая сведения из банка о имеющихся у должника денежных средствах, должен также получать информацию о том, по каким основаниям денежные средства были зачислены на счет должника. Это необходимо для того, чтобы избежать незаконного списания денежных средств, на которые не может быть обращено взыскание в силу ст. 101 Закона об исполнительном производстве.

В статье 101 Закона об исполнительном производстве определены виды доходов, на которые взыскание не может быть обращено (денежные суммы, выплачиваемые в качестве алиментов, пенсий, материнского капитала, единовременной материальной помощи и др.). Однако при осуществлении полномочий по исполнению судебных решений судебные приставы-исполнители не рассматривают вопросы о виде счета, с которого взыскиваются суммы по исполнительному листу. Это приводит к тому, что часто при списании денежных средств со счета должника производятся списания доходов, не подлежащих взысканию по исполнительному производству.

Задача судебных приставов-исполнителей состоит в том, чтобы списать средства со счетов гражданина-должника, а какие доходы поступают на эти счета, они, как правило, не разбираются. Это приводит к тому, что гражданину приходится обжаловать действия приставов-исполнителей, доказывая, что списанные деньги трогать было запрещено.

1 Об исполнительном производстве: федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.09.2023).

В соответствии со ст. 70 Закона об исполнительном производстве банк или иная кредитная организация, которая производит списание денежных средств со счетов должников по указанию пристава, обязаны проверять источники поступления средств. На практике данное предписание закона далеко не всегда соблюдается, что приводит к оспариванию указанных действий (решение Балашихинского городского суда от 18 января 2019 г. по делу № 2-57/2019)[2]. Предполагается, что такая обязанность должна быть возложена и на судебного пристава-исполнителя, который при обращении взыскания на гражданина-должника обязан учитывать нормы законодательства о неприкосновенном имуществе.

В связи с изложенным предлагаем внести изменения в Закон об исполнительном производстве, а именно закрепить обязанность судебных приставов-исполнителей до взыскания задолженности выяснять виды счетов гражданина-должника и их назначение.

Как показывает практика в большинстве случаев, денежные средства, которые находятся у гражданина-должника на банковском счете, это денежные средства, полученные в качестве заработной платы. В этой связи законодатель устанавливает специальные правила для удержания долга из заработной платы. Так размер удержания не должен превышать более 50 %, а в отдельных случаях 70 % от заработной платы или иных доходов.

Однако, как показывает практика, судебные приставы-исполнители взыскивают суммы больше, чем предусмотрено законодательством об исполнительном производстве, накладывая при этом аресты не только на поступившие денежные средства на счет должника, но и на оставшиеся суммы с предыдущего зачисленного на счет платежа. В этой связи следует обратить внимание на позицию Верховного Суда Российской Федерации, который разъяснил, что такого рода действия не допустимы в том случае, когда на счете гражданина-должника имеется остаток с предыдущего периодического платежа, на него не распространяются ограничения размеров удержания из заработной платы и иных доходов[3]. Иными словами, обратить взыскание на остаток денежных средств на счете от предыдущего зачисления заработной платы нельзя, удержание осуществляется с каждого зачисления заработной платы и не суммируется с предыдущими зачислениями.

Представляется, что позиция, изложенная Верховным Судом Российской Федерации, должна найти свое закрепление и в нормах Закона об исполнительном производстве.

Не так давно, в 2021 г, законодатель внес изменения в ст. 446 ГПК РФ и ст. 4 Закона об исполнительном производстве. Суть изменений сводится к тому, что законодатель закрепил принцип так называемого имущественного иммунитета для граждан-должников. Действие имущественного иммунитета распространилось на заработную плату и иные доходы гражданина-должника ежемесячно в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации по месту жительства должника-гражданина для соответствующей социально-демографической группы населения, если величина указанного прожиточного минимума превышает величину прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации).

В свое время Конституционный Суд Российской Федерации в своих определениях от 28 февраля 2017 г. № 305-0, от 17 января 2012 г. № 14-О-О, от 22 марта 2011 г. № 350-О-О, от 15 июля 2010 г. № 1064-О-О, от 13 октября 2009 г. № 1325-О-О и постановлении от 12 июля 2007 г. № 10-П, обращал пристальное внимание на необходимость соблюдения баланса интересов взыскателя и гражданина-должника при обращении взыскания на заработную плату последнего.

Нам представляется, что законодательное закрепление имущественного иммунитета гражданину-должнику, в части сохранения прожиточного минимума, направлено на защиту интересов должника и сохранения за ним права на достойное существование.

Если рассматривать сам механизм применения имущественного иммунитета, то следует отметить, что судебный пристав-исполнитель по умолчанию должен применять и учитывать право на имущественный иммунитет гражданина-должника.

Резонно возникает вопрос о том, имеет ли право граждан-должник на отказ от имущественного иммунитета и как это может быть оформлено? В законе об исполнительном производстве по данному вопросу ответа мы не найдем. Вместе с тем, если гражданин-должник имеет желание отказаться от своего права на имущественный иммунитет, полагаем, что это он может сделать путем подачи соответствующего заявления судебному приставу-исполнителю. Аналогичное мнение было высказано С. С. Соловьевым [2, с. 41]. Однако, мы уверены в том, что такого рода процедура должна найти свое отражение в самом законе.

В связи с изложенным предлагаем внести изменения в Закон об исполнительном производстве, а именно закрепить обязанность судебных приставов-исполнителей до взыскания задолженности выяснять виды счетов гражданина-должника и их назначение.

Пристатейный библиографический список

1. Оганесян В. М. Исполнительное производство в Российской Федерации: административно-правовая природа и правовой режим: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2007.
2. Соловьев С. С. Имущественные иммунитеты в исполнительном производстве // Вестник исполнительного производства. – 2022. – № 3. – С. 32-41.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/mneniya/ne-ostavit-dolzhnika-za-chertoy-bednosti/ (дата обращения: 12.09.2023).

3 О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.09.2023).

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА СТРАХОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В данной статье рассматривается объективная необходимость развития института страхования в современной России. Подробно анализируются актуальные проблемы, с которым столкнулась отечественная экономика в сфере страхования. Авторами предлагается целый комплекс мер, которые необходимо предпринять государству для развития института страхования в нашем государстве. В частности, это касается улучшения государственного контроля и надзора за деятельностью страховых организаций, а также внедрения системы обязательной сертификации страховщиков, которая будет гарантировать их надежность и качество услуг.

Ключевые слова: страхование, страховщики, страховые компании, страховые продукты, страхователи, страховые возмещения, автострахование, выгодоприобретатели, застрахованные, финансовая грамотность.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna
Ph.D.in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE INSURANCE MARKET IN MODERN RUSSIA

This article discusses the objective need for the development of the institution of insurance in modern Russia. The current problems faced by the domestic economy in the field of insurance are analyzed in detail. The authors propose a whole range of measures that the state needs to take to develop the institution of insurance in our country. In particular, this concerns the improvement of state control and supervision over the activities of insurance organizations, as well as the introduction of a system of mandatory certification of insurers, which will guarantee their reliability and quality of services.

Keywords: insurance, insurers, insurance companies, insurance products, policyholders, insurance claims, auto insurance, beneficiaries, insured, financial literacy.

Развитие страхового рынка для страны, в которой имеет место быть рыночная экономика является делом не только актуальным, но и неизбежным. Российская Федерация не является исключением. Полномасштабное страхование в разных отраслях народного хозяйства, так, скажем, придает уверенность отечественным предпринимателем и внушает им значительно больше смелости и позволяет принимать более рискованные решения, что в свою очередь, безусловно, обеспечивает массовое появление производств и является локомотивом экономики страны в целом. Прозрачность, стабильность и устойчивость страхового рынка является гарантом непрерывного развития экономики государства. Но необходимо отметить, что существует ряд проблем, которые затрудняют работу этой системы и приводят к негативным последствиям для населения страны [2].

В данной статье мы рассмотрим основные проблемы системы страхования в России и предложим возможные пути их решения.

Первым и более чем актуальной по сей день проблемой страхования в современной России является, безусловно, не достаточно высокий уровень доверия к страховым компаниям. Это связано с тем, что многие страховщики не выполняют своих обязательств перед страхователями, вогодоприобретателями, застрахованными то есть своими клиентами, не выплачивают страховые возмещения в полном объеме или задерживают выплаты на длительный период времени. Также необходимо отметить, что страховые продукты покупаются на пять или даже на двадцать пять лет и более. А у населения нету уверенности в том, что страховая компания просуществует такой достаточно длительный промежуток

времени. Кроме того, некоторые компании используют недобросовестные методы продажи страховых продуктов, обманывая клиентов и нарушая их права. Например, не редко в автостраховании автостраховщики пытаются занизить ущерб причиненный дорожно-транспортным происшествием, что безусловно подрывает доверие к системе страхования в целом и к автострахованию в частности. Более того необходимо отметить, что масло подливает в огонь тот факт, что в России достаточно большое количество страховых компаний становятся банкротами. Сокращение количества страховщиком неизбежно приводит к появлению на исследуемом нам рынке монополистов. Это в свою очередь ведет к увеличению цен на страховки и снижению качества предоставляемых услуг. Это дополнительно создает в сознании людей образ не благонадежности данных финансовых структур, что является дополнительным препятствием в развитии страхования.

Второй немаловажной проблемой является недостаточная доступность услуг страховых компаний. Необходимо отметить, что для повсеместного применения страхования населением, необходимо, чтобы у обычных граждан было достаточное количество финансовых средств. Но необходимо отметить, что в России регулярно происходят экономические неурядицы, инфляция, девальвация, финансовые кризисы и многое другое, что не позволяет гражданам полномасштабно интегрировать механизмы страхования в общенародную культуру. Более того необходимо отметить, что развитие системы страхования началось в нашей стране не так уж и давно. Только с начала приснопамятных 90-ых годов прошлого столетия институт страхования начал проявлять себя на практике и нашел свое выражение в частном исполнении. До этого монополия на страхования была исключительно государственной прерогативой. Этого времени, конечно, не достаточно много для полноценного становления институту страхования в России, а с учетом регулярных финансово-экономических неурядиц, которые проходят системно в нашем государстве говорить о полномасштабной развитии страхования не приходится.

Третьей проблемой является недостаточное регулирование страхового рынка в России. Речь идет о том, что многие страховые компании стремятся не соблюдать отечественной законодательство. Более того, отсутствие эффективной системы контроля со стороны государства приводит к возникновению мошенничества и коррупции на страховом рынке.

Четвертой проблемой является слабая обеспеченность высококвалифицированными кадрами. Несмотря на то, что на дворе стоит XXI век и существует большое количество всевозможных образовательных технологий, рынок страхования по-прежнему испытывает недостаток профессионалов, консультантов и иных специалистов, которые обладают необходимым потенциалом знаний, на основе которых можно страховое предпринимательство, в том числе и на международном уровне.

Пятой проблемой является отсутствие страховой культуры у населения как такового. К сожалению, в России сложилось так, что люди учатся на своих ошибках. И основная часть клиентов, которые приходят в страховую компанию, уже имели неприятный жизненный опыт, будь то пожар, затопление недвижимости или кража[3]. Другими словами в России у отдельно взятого гражданина не появятся проблемы он ничего не будет предпринимать для того чтобы минимизировать ущерб от потенциальных страховых случаев.

Все вышеназванные проблемы сильно тормозят развития института страхования в нашем государстве. Для решение указанных проблем необходимо предпринять следующие меры.

Первой такой мерой будет являться улучшение контроля со стороны государства. Увеличение регулирования и контроля страхового рынка, а также создание эффективной системы контроля и надзора за деятельностью страховых компаний, которая позволит предотвратить нарушения законодательства и защитить права клиентов является основой и ключевым элементом развития и совершенствования системы страхования в Российской Федерации на сегодняшний день.

Второй мерой будет выступать увеличение доступности страховых услуг для населения. Для этого необходимо разработать программы поддержки для малообеспеченных граждан, снизить стоимость страховых продуктов и создать условия для развития малых и средних страховых компаний в регионах.

Третьей мерой будет являться создания комплекса мер, которые должны повысить уровень доверия к страховым компаниям. Прозрачность и честность страховщиков, безусловно, увеличит интерес граждан к страхованию в целом. Но для этого необходимо создать систему обязательной сертификации страховых компаний, которая будет гарантировать их надежность и качество услуг. Кроме того, необходимо проводить информационную работу с населением, чтобы повысить уровень осведомленности о страховых продуктах и защитить права клиентов.

Четвертой важной мерой будет являться повышение общенародной финансовой грамотности населения. Ведь надо понимать, что, несмотря на развитие фондового рынка и появления большого числа всевозможных технологий и знаний в области финансовой грамотности населения последняя все равно остается на достаточно низком уровне.

Пятой мерой должна стать реальная возможность, которую должно создать государство, связанную с необходимостью участия страховых компаний в решении насущных социальных проблем. Например, это может находить свое выражение в участии страховых компаний в реформировании пенсионной системы. Ведь подобного рода мера выгодна всем участникам процесса и государству в частности. Государство при таком раскладе может сэкономить свои издержки в пенсионной сфере и сделать бизнес гораздо более социально направленным, что в свою очередь радикально увеличит уровень доверия граждан к системе страхования так таковой.

Шестой мерой будет являться развитие фондового рынка. Так как это позволит развивать надежные финансовые инструментарии для размещения и приумножения страховых резервов.

Седьмой такой мерой будет безусловно являться создание государством условий позволяющим им выполнять взятые на себя обязательства, касаемые страхования жизни.

И наконец, необходимо применять привлекательные и интересные программы страхования, которые будут в полной мере соответствовать потребностям населения.

Решение всех вышеназванных проблем позволит получить большое количество преимуществ для граждан и государства. Это и наполнение государственного бюджета и увеличение занятости и многое другое. Также следует отметить, что регулярный обзор плана страхования позволяет застрахованным периодически пересматривать и корректировать свои планы накопительного страхования жизни, учитывая изменения в их жизненной ситуации, стоимость жизни и валютные колебания [2].

Однако, для успешной реализации этих мер необходимо участие всех заинтересованных сторон, включая государственные органы, страховые компании и общественность. Только совместными усилиями можно достичь поставленных целей и создать эффективную систему страхования, которая будет защищать интересы населения и способствовать развитию экономики страны.

Государственные органы должны принять необходимые законодательные и нормативные акты, которые обеспечат правовую основу для функционирования страховой системы. Также важно проводить мониторинг и анализ рынка страховых услуг, чтобы своевременно выявлять проблемы и корректировать действующую систему.

Страховые компании, в свою очередь, должны работать на благо клиентов, предоставляя качественные услуги и учитывая их потребности. Они также должны соблюдать нормы финансовой устойчивости и прозрачности, чтобы не допустить финансовых рисков и обеспечить доверие со стороны клиентов.

Общественность играет ключевую роль в формировании потребительского спроса на страховые услуги. Необходимо проводить информационную работу среди населения, объясняя преимущества страхования и помогая выбрать наиболее подходящий вариант. Также важно привлекать общественность к контролю за деятельностью страховых компаний и обращаться за помощью в случае нарушения прав потребителей.

В целом, создание эффективной системы страхования – это долгосрочный процесс, требующий усилий и сотрудничества всех заинтересованных сторон. Однако, достижение этой цели позволит не только защитить интересы населения, но и способствовать развитию экономики страны в целом.

Кроме того, важно учитывать изменения в экономической и социальной сферах, которые могут повлиять на страховую систему. Например, рост безработицы может привести к уменьшению числа застрахованных лиц, а изменения в законодательстве могут потребовать изменений в условиях страхования.

Также необходимо улучшать качество услуг и повышать уровень обслуживания клиентов. Это может быть достигнуто через обучение и повышение квалификации сотрудников страховых компаний, использование современных технологий и инноваций в сфере страхования.

Наконец, важно учитывать международный опыт и принимать лучшие практики из других стран. В некоторых странах страховая система является одной из наиболее развитых и эффективных, и можно учиться у них.

Подводя итого всему вышесказанному можно с уверенностью сказать, что система страхования в нашем государстве является одной из наиболее важных социальных институтов, которая обеспечивает защиту граждан от рисков и потерь. По сути система страхования выступает с точки зрения экономики своего рода проводником между предпринимателями и бурным экономическим ростом. Но для того чтобы система отечественного страхования функционировала по полной программе и обеспечивала максимально возможный экономический рост для этого необходимо урегулировать вышеназванные проблемы. В случае реализации всего этого России может достаточно радикально увеличить объемы промышленного производства, снизить безработицу и вообще значительно поднять экономику в стране.

Пристатейный библиографический список

1. Клишина Ю. Е., Углицких О. Н. Накопительное и инвестиционное страхование жизни в России: особенности и перспективы // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 4 (70). С. 30-35.
2. Неводова И. А., Мигуля М. А. Проблемы и перспективы развития страхования в России // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 5 (22). С. 485-488.
3. Шумейко А. А. Российский рынок страхования имущества: проблемы и перспективы развития // Аллея науки. 2018. Том номер 7. № 5 (21). С. 136-142.

АНТОНОВ Артем Геннадьевич
магистрант направления 40.04.01 Юриспруденция «Судебная и прокурорская деятельность по уголовным делам» Российской государственный университет правосудия», помощник судьи Арбитражного суда Северо-Кавказского округа

ПРОБЛЕМЫ ОСПАРИВАНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается вопрос влияния решений судов, а также законодательной воли на порядок обжалования в арбитражных судах. В контексте упоминания различных вопросов автором на передний план выведен аспект соблюдения процедуры обжалования при условии, что законодательное представление о ней не учитывает позиции исследователей, объективно оценивающих её современное состояние, а также некоторых нюансов судебной практики.

Ключевые слова: нарушение, правоприменение, обжалование, кассация, недобросовестное поведение, арбитраж.

ANTONOV Artem Gennadjevich
magister student of the direction 40.04.01 Jurisprudence "Judicial and prosecutorial activity in criminal cases" of the Russian State University of Justice, assistant judge of the Arbitration Court of the North Caucasus District

PROBLEMS OF CHALLENGING JUDICIAL ACTS IN THE ARBITRATION PROCESS

The article deals with the issue of the influence of court decisions, as well as the legislative will on the procedure for appealing in arbitration courts. In the context of mentioning various issues, the author brought to the fore the aspect of compliance with the appeal procedure, provided that the legislative concept of it does not take into account the positions of researchers who quite objectively assess its current state, and some of the nuances of judicial practice.

Keywords: violation, law enforcement, appeal, cassation, dishonest behavior, arbitration.

Несмотря на то, что в сложившейся конъюнктуре судебной практики основные проблемы уже выбраны, а исследователи, повторяя свои пожелания об эффективности деятельности судов, в большей степени, уже дублируют свои претензии, часть из них по-прежнему остаются нерешенными. Это последствие того, что для внесения даже незначительных поправок, которыми, к слову, изобилует наше законодательство, необходимо порой серьезно перекраивать иные нормы и даже целые процессуальные механизмы. В данном контексте ученые и, в первую очередь, практикующие юристы указывают на необходимость совершенствования действующих моделей и процессуальных алгоритмов, при этом обращая внимание на то, что одними из спорных вопросов судебной практики остаются вопросы обжалования судебных решений, вне зависимости от выбранных оснований и мотивов.

Так, автор диссертационного исследования «Арбитражные суды в механизме защиты конституционных прав субъектов предпринимательской деятельности» В. В. Храмушин отмечает, что арбитражное судопроизводство создано для того, чтобы в основном решать спорные вопросы, которые возникают и будут возникать в предпринимательской среде. При этом качество их разрешения и эффективность защиты прав представителей указанной сферы могут быть повышены путем создания прозрачного и понятного правового механизма, который, в свою очередь, должен строиться на категоричном осознании того, что суд, выносящий решения, преследует только одну цель – устранить допущенную несправедливость. В свою очередь немаловажное значение в созданной модели играет аспект обжалования данных решений, процесс реализации которых порой неоднозначен, как в части оспаривания решений итоговых, так и промежуточных [11, с. 39].

Среди основного вопроса, затронутого в статье, а также тем, которые в последствии образуют законотворческую логику, наибольшее внимание привлекают следующие: право на обжалование судебных актов; порядок кассационного обжалования; правоприменение в арбитражном процессе; использование приюдиции в арбитражном процессе. При этом характер ошибок, в том числе допускаемых участниками процесса по указанным вопросам, носит достаточно разнообразный характер.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на то, что современное судопроизводство просто невозможно представить без условий, при которых возможна отмена судебного решения. В частности, реформа, которая была проведена еще в 2010 году, показала, что именно институты обжалования стали основной целью ее проведения. Например, выход в свет Федерального закона от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», ознаменовал важнейшие изменения в механизме обжалования, которым надзорное производство было преобразовано в две кассационные инстанции. На тот момент убежденность в том, что такой подход даст обязательный результат, была настолько высока, что мало кто обратил внимание на основные процессуальные недостатки законодательства в целом. Как отметил один из авторов законодательного новаторства П. В. Крашенинников, эффективность такого решения сложно оценивать сразу, поскольку систематические огрехи судебной власти можно выявить только тогда, когда недостатки ее функционирования становятся объектом общественного обсуждения и осуждения соответственно. На этапе внедрения мысли о создании новых судебных линий обжалования логика критика, как правило, должна подкрепляться практикой и нести в себе эмперизм, который впоследствии ляжет в основу выводов, которые делают высшие судебные инстанции [5, с. 27].

Между тем частично такое решение оправдало себя, и, как показала та же практика, герменевтика судебного усмотрения «сдвинулась с места», стала более гибкой по отноше-

нию к учету различных обстоятельств, и в особенности это сказалось на взаимодействии судебных инстанций между собой. Например, коррекция кассационного производства, с одной стороны, позволила «обнажить» проблемы, которые существовали в апелляционных инстанциях, с другой – разгрузить высшие судебные инстанции от тех дел, которые должны рассматриваться на начальном этапе и решаться путем учета простейших обстоятельств [4, с. 24].

В свою очередь, в общей концепции оценки принимаемых решений на первый план выходят проблемы правильности использования существующих положений при обжаловании решений, а также дифференциации действующих процедур, определяющих порядок такого обжалования. В части первого дискуссия ведется уже очень давно; некоторыми исследователями данный аспект рассматривается через призму сравнения действия такого порядка в иных отраслях права (административное, гражданское), иными дается оценка, опирающаяся исключительно на позиции Верховного Суда Российской Федерации [10, с. 117]. В конечном итоге именно указания, сформулированные в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации или в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, являются определяющими для правоприменительной логики. Так или иначе, к числу наиболее распространенных вопросов, затрагиваемых судебной доктриной в процессе обжалования, в первую очередь отнесены вопросы надлежащего исполнения порядка обжалования решений, вступивших в законную силу, надлежащего извещения участников процесса, а также использования средств цифровизации в ходе арбитражного производства.

В первом случае данный вопрос затрагивался неоднократно, в том числе и Верховным Судом Российской Федерации, однако, достаточного разъяснения так и не получил. Суть проблемы в том, что порядок кассационного обжалования императивно зависим от требований действующего законодательства, но в контексте применения норм очень сложно признать, что его соблюдение должно быть таким, каким его видит именно Верховный Суд Российской Федерации. Так, в одном из своих определений[1] высшая судебная инстанция, отказывая в принятии кассационной жалобы, указала, что заявитель (в отличие от противной стороны) нарушил установленный порядок. В качестве аргументов были даны ссылки на положения Конституции Российской Федерации, нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также требования Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, на основе которых была сформирована позиция, определяющая, что нарушение выразилось в том, что для соблюдения установленного порядка участнику процесса необходимо было в обязательном порядке обжаловать определение арбитражного суда округа. При этом судебная коллегия абсолютно справедливо сослалась на требования положений пункта 1 части 2 статьи 291.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, указав, что обязанность пользоваться установленной процедурой оспаривания судебных актов непререкаема, поскольку только в таком случае заявитель имеет возможность подтвердить факт исчерпания всех средств судебной защиты, установленных для той или иной формы процесса в арбитражных судах. В противном случае, это приводит к дискриминации остальных участников процесса, прибегающих к процедуре обжалования как средству эффективной защиты его прав, установленной законом. Не обжаловав решение апелляционной инстанции, как было указано коллегией, заявитель не просто грубо нарушил установленный порядок, но и привнес в обязательную процедуру обжалования фактор недобросовестности.

Несмотря на то, что формальная сторона затронутого вопроса проста и была обоснована достаточно исчерпывающе, в сложившейся логике наблюдается изъян, который в первую очередь образуется по причине несоблюдении требований статьи 291.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, Верховый Суд Российской Федерации, определяя факт нарушения установленного порядка, поставил во главу угла не обязательность учета того, что именно объект кассационного обжалования (постановления арбитражного суда кассационной инстанции) является определяющим в принципе, а исходил из того, что именно установленный порядок обжалования в вопросе соблюдения норм арбитражного производства является первостепенным. Данная позиция идет в разрез с требованиями законодательства, определяющими, что для обращения в Верховный Суд Российской Федерации следует учитывать фактор наличия в оспариваемых решениях существенных нарушений норм материального или процессуального права. В данном случае, как представляется, решение апелляционного суда участником судопроизводства не обжаловалось только потому, что, по его мнению, указанные нарушения в вынесенном акте отсутствовали. Представляется, что это и есть тот самый аспект, который необходимо раскрывать, когда речь идет о соблюдении затронутой процедуры обжалования, поскольку возможность на такое обжалование корреспондируется с общим принципом оценки обстоятельств дела самой стороной, а не судом, который в данном случае, указывая на нарушения норм, счел необходимым прибегать к процедуре обжалования любого из решений, если установленное законом обращение реализует противоположная сторона.

Исследователи, оценивая влияния такой позиции на дальнейшее развитие практики по рассматриваемым вопросам, указывают, что скорее всего судебная коллегия, давая оценку соблюдению установленного порядка, учитывала положения постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 года № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» (далее – Постановление № 13), где затронутые моменты оцениваются Пленумом исключительно формально. В частности, в пункте 4 данного Постановления говорится о том, что возможность обращения в суд кассационной инстанции со стороны кого-либо из лиц, указанных в части 1 статьи 273 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, возможна лишь в том случае, если ими, (а не одним из них) были исчерпаны все установленные законом правовые средства, предназначенные на оспаривание судебных решений до того, как они вступили в законную силу. Таким образом, указанное обжалование допустимо лишь в том случае, если не вступившие в законную силу акты были оспорены в апелляционном порядке всеми без исключения участвующим лицами. Ранее уже было обращено внимание на то, что именно указанные интерпретационные акты составляют основу современной судебной практики. С учетом того, что изменение их положений производится не

1 См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.01.2022 № 309-ЭС21-17318 по делу № А47-7804/2020 // С текстом определения можно ознакомиться на сайте суда.

столько регулярно, как возникают спорные вопросы, нередко случается, что концептуальность правоприменительной идеологемы постоянно подвергается новым вызовам.

Насколько это правильно, судить сложно, однако предполагается, что таким образом конъюнктура диспозитивности, присущая основам действия арбитражного судопроизводства, «сходит на нет». Если проводить аналогии с иными позициями, отражающими характер и цель арбитражного производства, то порядок обжалования перестает быть основанным на праве участника отношений самому использовать его в качестве средства защиты и переходит в ранг обязательных вне зависимости от того, насколько решение суда является справедливым или обоснованным.

В научной риторике приводится точка зрения, которая частично объясняет сложившееся положение дел. В частности, как отмечает Е. А. Борисова, таким образом была предпринята попытка свести позицию арбитражного судопроизводства и гражданского судопроизводства к единому знаменателю, исключив тем самым применение «двойных» стандартов в отечественной цивилистике в целом [1, с. 162]. Учитывая, что позиция, отраженная в статье 273 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации крайне сходна с той, что нашла свое отражение в положениях абзаца 2 части 1 статьи 376 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, вполне логично признать такое утверждение обоснованным.

Вместе с тем указанный подход не вполне логичен, поскольку ранее расхождений в данном вопросе между двумя отраслевыми направлениями не наблюдалось. Более того, в контексте применения действующих положений, в первую очередь, следует обратить внимание на то, что к участвующим лицам относятся не только непосредственно стороны процесса, но и иные лица, чьи права непосредственно затрагиваются возникшим спором или могут быть затронуты при условии, что указанные лица имеют притязания относительно предмета спора (третьи лица – статьи 50 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Из этого следует, что, если кем-либо, с учетом соблюдения требований статьи 257 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, подается апелляционная жалоба, при условии, что иные участники (включая непосредственно стороны) процесса не заинтересованы в этом, право на подачу такой жалобы трансформируется для последних в обязанность, что с точки зрения общей правовой концепции, предусматривающей, что право на обжалование принадлежит стороне, является недопустимым. На это указывает и позиция Верховного Суда Российской Федерации, которая была отражена в проекте Постановления № 13, когда вопрос обязательности обжалования судебных решений поднимался на Пленуме. На тот момент правоприменительное представление в оценке необходимости соблюдения всех стадий оспаривания решений, не вступивших в законную силу, со стороны всех участников процесса не признавалось обязательным, однако, это позиция не имела должного обоснования, а потому, по всей видимости, и не была принята [3, с. 63].

В качестве примера спорности сложившейся позиции следует привести и точки зрения непосредственно практикующих юристов, использующих «зеркальную» логику при оценке требований Верховного Суда Российской Федерации. Так, одним из адвокатов вполне закономерно поставлен вопрос о нелогичности избранного подхода, поскольку таким образом Верховный Суд Российской Федерации, ссылаясь на недобросовестность поведения участника отношений, формально «лишил» возможности суды вышестоящих инстанций устранить нарушения, допущенные нижестоящими инстанциями. В конечном итоге упоминание об обязательности исчерпывания всех способов с целью добиться действительно справедливого решения в качестве аргумента звучит не совсем уместно (дуалистично), при условии, что сама позиция сводится именно к этому (лишению такой возможности)[2]. В плане подтверждения обоснованности, как минимум спорности, выраженной позиции, можно привести пример того, как еще в 2011 году одним из судов региона была выработана и применена противоположная идеологема. В частности, Научно-консультативный совет при Федеральном арбитражном суде Уральского округа дал рекомендацию, согласно которой, вне зависимости от того, кто ранее являлся субъектом апелляционного обжалования, положения части 2 статьи 181, статьи 273 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации делегируют право на кассационное обжалование, поскольку понятие «справедливое решение» условно и не имеет объективного отражения в праве вообще, и, соответственно, представление о нем может образовываться с учетом новых выводов суда [9, с. 47].

Оценивая сложившиеся по затронутому вопросу позиции, а именно их спорность, аргументацию, и в то же время несложность, можно констатировать следующее. Плоскость законодательного понимания – что собой в праве представляет процедура обжалования достаточно широка. Примером этому служит не только разнообразие норм, определяющих ее правила, условия и иные факторы, но и то, что аспект обжалования постоянно вызывает дискуссию в среде не только ученых-теоретиков, но и правоприменителей. В данном случае, чтобы понять логику законодателя, который предлагает к решению спорных ситуаций, связанных с обжалованием подходить формально, необходимо смоделировать конкретные ситуации. В частности, чтобы понять, является ли выбранный подход проблемой, нужно отметить фактор заинтересованности сторон, а также существенность делегированных им полномочий. С одной стороны, ничто не мешает стороне следить за протекающим процессом, а также вовремя принимать меры, если вдруг решение, которое ранее было вынесено в его пользу, было изменено. С другой стороны, насколько это существенно, если одна из сторон, обращаясь в кассационную инстанцию, никак ранее не проявила себя в апелляционном процессе. Какие собственно последствия это порождает? Никаких. В нашем понимании это направлено на то, чтобы снизить нагрузку на суды в той части, в какой это возможно сделать, при формальном несоблюдении норм закона. И при этом нельзя говорить о том, что такая мера неэффективна сама по себе для правосудия, просто она может порождать казуистику. Для подтверждения вывода необходимо более точно оценивать ситуационные факторы. В частности, апелляционная инстанция, рассматривая дело, изменила первоначальное решение, незначительно снизив размер неустойки, но оставила размер имеющейся задолженности. В этой ситуации судебное решение ухудшило положение истца, но его это устроило, в то время, как обратная сторона начинает процесс обжалования, требуя уменьшения и того, и другого. В свою очередь, суд кас-

2 ВС напомнил, когда сторона арбитражного спора может обратиться к нему с кассационной жалобой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://advgazeta.ru/novosti/vs-napomnil-kogda-storona-arbitrazhnogo-spora-mozhet-obratitsya-k-nemu-s-kassatsionnoy-zhaloboy/ (дата обращения: 29.05.2023).

сационной инстанции, указывая на допущенные нарушения со стороны судов первой и апелляционной инстанций, принимает новый судебный акт об отказе в исковых требованиях. По логике законодателя, на этом борьба должна прекратиться, поскольку баланс, с одной стороны, достигнут путем принятия нужного решения, к другой стороне это выражается в том, что у нее нет права на обращение в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, поскольку ранее не обжаловала апелляционное постановление. Какой же из этого следует вывод о правильности процессуального регулирования, и где здесь тот фактор, что логично вписывался бы в предлагаемую правовую модель, с точки зрения развития указанных событий, и так как это преподнесли? В указанной связи логично сослаться на положения, которыми регулируются административные отношения. Аналогия в данном случае позволяет затронуть порядок, согласно которому право на такое обжалование все-таки возникает, при этом, как указано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2020 года № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», его конъюнктура вполне обоснована, так как вопросы, решаемые в рамках административного производства, могут повлиять не только на положение сторон, но и иных лиц. Так, в соответствии с пунктом 2 приведенного Постановления правом на обжалование в кассационном порядке решения суда, обладают не только стороны, но и иные (заинтересованные) лица, даже если их активность в апелляционной инстанции не наблюдалась вообще.

Таким образом, можно констатировать, что логика законодателя в этом вопросе существенно ограничивает право гражданина на кассационное обжалование, и, если оценивать ее с точки зрения совокупного применения норм арбитражного законодательства, то здесь просматривается фактор смещения акцента на действия субъекта обжалования, при том, что определяющим при построении порядка обжалования вообще является именно объект. Представляется, что необходим законотворческий компромисс, позволяющий учитывать этот самый субъективный интерес значительно приближенней в реальности. В указанной связи это вправе сделать суд. Для того, чтобы компромиссная логика работала, следует внести изменения, которыми опять же вектор правоприменительной логики выступал в качестве определяющего, и именно суд определял нарушен ли порядок обжалования стороной, при условии, что ее активность на одной из стадий была, как указал Верховный Суд Российской Федерации, не совсем добросовестной.

Пристатейный библиографический список

1. Borisova E. A. On the Sequence of Appeals against Court Decisions in Arbitration and Civil Proceedings (in Memory of A.T. Bonner) (O posledovatelnosti obzhalovaniya sudebnykh aktov v arbitrazhnom i grazhdanskom protsessakh (pamyati A. T. Bonnera) // The Herald of Civil Process (Vestnik arbitrazhnogo protsessa). – 2022. – №. 4.
2. ВС напомнил, когда сторона арбитражного спора может обратиться к нему с кассационной жалобой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://advgazeta.ru/novosti/vs-napomnil-kogda-storona-arbitrazhnogo-spora-mozhet-obratitsya-k-nemu-s-kassatsionnoy-zhaloboy/ (дата обращения: 29.05.2023).
3. Замазий А. В. Арбитраж, неустойка, существо спора и публичный порядок: исправление ошибок судебной практики // Третейский суд. – 2020. – № 3/4 (123/124). – С. 60-73.
4. Монастырский Ю. Э. Две проблемы российского арбитража: судебный контроль и английское право // Третейский суд. – 2021. – № 2 (126). – С. 24-36.
5. Никитина М. С. Новая судебная реформа: правовое положение представителя в арбитражном процессе // Цивилистика: право и процесс. – 2018. – № 2. – С. 264-266.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.01.2022 № 309-ЭС21-17318 по делу № А47-7804/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа::http://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-20012022-n-309-es21-17318-po-delu-n-a47-78042020/ (дата обращения: 28.05.2023).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» // Российская газета. – № 156. – 17.07.2020.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. – № 157. 20.07.2020.
9. Рекомендации Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа от 10-11 ноября 2011 г. № 2/2011 // Вестник ФАС Уральского округа. – 2011. – № 4. – С. 47-48.
10. Сорокин В. П. Развитие альтернативных форм разрешения экономических споров как актуальное направление в снижении судебной нагрузки на арбитражные суды // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2020. – № 2. – С. 113-120.
11. Храмушин В. В. Арбитражные суды в механизме защиты конституционных прав субъектов предпринимательской деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс. – Саратов, 2017. – 144 с.

БАШИЛОВ Борис Игоревич
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, старший партнер Адвокатского бюро г. Москвы «Башилов, Носков и Партнеры»

ОЛЕЙНИК Антон Денисович
студент Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, помощник юриста Адвокатского бюро г. Москвы «Башилов, Носков и Партнеры»

СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЗАЯВЛЕНИЙ О ПРИНЯТИИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ*

В статье авторы рассматривают актуальные вопросы применения обеспечительных мер по пониженным стандартам доказывания по заявлению Агентства по страхованию вкладов. Рассматривается обоснованность существующего подхода в применении обеспечительных мер по пониженным стандартам доказывания.

Ключевые слова: обеспечительные меры, стандарт доказывания, Агентство по страхованию вкладов.

BASHILOV Boris Igorevich
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and international private law of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, senior partner of the "Bashilov, Noskov and Partners" Moscow Law Office

OLEYNIK Anton Denisovich
student of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia Law Institute, associate lawyer of the Law Office Moscow "Bashilov, Noskov and Partners"

STANDARDS OF PROOF WHEN CONSIDERING APPLICATIONS FOR INTERIM MEASURES IN BANKRUPTCY CASES

In the article the authors consider topical issues of application of interim measures on lowered evidentiary standards on the application of the Deposit Insurance Agency. Consideration is being given to the appropriateness of the current approach to the application of interim measures of protection against lowered evidentiary standards.

Keywords: interim measures of protection, standard of proof, Deposit Insurance Agency.

Институт обеспечительных мер является одним из важнейших инструментов, направленных на предоставление гарантии реального исполнения судебного акта и устойчивого экономического оборота. Особое место обеспечительные меры занимают в процессе банкротства, когда такие меры наиболее благоприятным образом будут способствовать удовлетворению требований кредиторов с исключением вероятного злоупотребления своими правами должником и его некоторыми контрагентами, предотвращая возможное причинение значительного вреда участникам банкротного процесса с целью достижения задач, установленных ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Институт обеспечительных мер в процедуре банкротства как и в арбитражном процессе является одним из наиболее эффективных процессуальных механизмов, призванных обеспечить надлежащую срочную защиту нарушенных прав, выступая гарантийным условием эффективного отправления правосудия и исполнения принципа реального исполнения судебного акта, а также являясь промежуточным звеном между законным и обоснованным требованием и его удовлетворением и направленным на предотвращение прекращения или сохранение юридического факта, имеющего значение для рассмотрения дела [1, с. 136].

Эффективность института обеспечительных мер обосновывается немедленным исполнением определения о наложении обеспечительных мер в соответствии с ч. 1 ст. 96 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

При ординарном рассмотрении заявлений о наложении обеспечительных мер используются такие критерии, установленные ч. 2 ст. 90 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, при которых непринятие таких мер, во-первых, затруднит или сделает невозможным исполнение судебного акта и, во-вторых, будет направлено для предотвращения причинения значительного ущерба заявителю с учетом необходимости установления баланса между сторонами, прибегая к установлению встречного обеспечения.

Потенциальная невозможность или затруднительность исполнения судебного акта может выражаться в неразумных, недобросовестных действиях должника со своим имуществом, например, попытках отчуждения такого имущества или уменьшения его объема. Также такое положение может иметь место тогда, когда стороне для избежания крайне неблагоприятных последствий, необходимым является сохранить существующее или существовавшие условий отношений [2, с. 80]. Такой подход, например, сформирован в п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» и подчеркивает необходимость соблюдения условий обоснованности, однако при этом отмечается отсутствие необходимости предоставления таких относимых доказательств, которые явно свидетельствовали бы о необходимости их применения ввиду своей правовой природы как ускоренного средства судебной защиты[1].

При этом необходимым условием применения обеспечительных мер является наличие разумности, обосно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

1 Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 (ред. от 27.06.2017) «О применении арбитражными судами обеспечительных мер». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63871/

ванности, соразмерности таких требований, вероятности в причинении значительного вреда, соблюдение баланса состязающихся сторон, фактической возможности реализации обеспечительных мер, а также предотвращение возможного нарушения прав как заявителя, так и иных лиц.

Однако сформировавшийся подход к упрощению стандарта доказывания по спорам, связанным с несостоятельностью, в первую очередь нарушает общепринятый подход к применению обеспечительных мер: принятие обеспечительных мер по своей правовой природе не предполагает высокий стандарт доказывания ввиду того, что обеспечительные меры относятся к ускоренным средствам защиты и инструментом для повышения эффективности правосудия.

В банкротном процессе с учетом направленности правовой процедуры возникших спорных правоотношений этот инструмент выделяется спецификой своего применения в части понижения стандартов доказывания необходимости применения обеспечительных мер.

Однако, пониженные стандарты порой вовсе не используются при заявлении о наложении обеспечительных мер таким специальным субъектом как Агентство по страхованию вкладов: правоприменительная практика исходит из удовлетворения необоснованных заявлений о наложении обеспечительных мер от Агентства по страхованию вкладов в противовес необходимости доказывания тех обстоятельств, на основании которых такие заявители основывают свои требования.

Так Агентство по страхованию вкладов стало ведущим субъектом арбитражного процесса по удовлетворению необоснованных заявлений о принятии обеспечительных мер.

Пользуясь возможностью подачи заявления о наложении обеспечительных мер по пониженным стандартам, вышеуказанные специализированные субъекты нарушают требования обоснованности заявления о наложении обеспечительных мер, а суды при удовлетворении таких мер вовсе игнорируют наличие минимально необходимого доказывания по пониженным стандартам и удовлетворяют обеспечительные меры необоснованно. Кроме необоснованности таких заявлений, арбитражные суды удовлетворяют такие требования при этом нарушая принцип законности и обоснованности судебного акта, но и не излагают обстоятельства, необходимые для выяснения при рассмотрении спора.

Отсутствие в мотивировочной части обоснования принятия обеспечительных мер стало неотъемлемой порочной частью судебной практики, которая ограничивается лишь формулировкой того, что «обоснованность требований заявителя объективно следует из значительного размера заявленных имущественных требований», а наличие сложившейся судебной практики по отчуждению имущества лицами, привлекаемыми к субсидиарной ответственности, свидетельствует о необходимости в применении таких мер[2]. О законности ввиду необоснованности таких судебных актов стает вопрос при изучении и обобщении судебной практики.

Примечательно то, что в мотивировочной части таких судебных актов цитируются наиболее важные судебные акты и правовые позиции высших судебных инстанций, затрагивающие вопросы принятия обеспечительных мер, однако не дается правовая оценка фактическим обстоятельствам дела: не устанавливаются факты недобросовестного поведения лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, а лишь упоминаются о достаточности оснований, «ставящих добросовестность ответчиков как участников гражданских правоотношений под сомнение» по причине того, что в сложившейся судебной практике принятие таких мер необходимо из-за высокой вероятности возможной недобросовестности банкрота или лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности.

Такая правовая не соответствует ранее сформированной правовой позиции по стороны Верховного Суда Российской Федерации, которая была применена по делу А40-168999/2015 о банкротстве ПАО «Тайм Банк», установившая пониженные требования к основаниям для применения обеспечительных мер и обозначившей критерии применения таких мер[3].

В первую очередь, правовая позиция затронула тех лиц, которые уже вели себя недобросовестно в процессе или проявляли пассивную позицию и не преследовали цель уменьшить причиненный кредитором вред, что соответственно может рассматриваться обстоятельство, исключающее в целом добросовестное поведение недобросовестных лиц. Пассивность позиции может выражаться в непредставлении свидетельств того, что такие лица предпринимали или предпринимают меры к добровольному возмещению вреда, отказе сотрудничать с арбитражным управляющим при необходимости раскрытия информации, позволяющей проследить судьбу имущества должника, за счет которого могут быть удовлетворены требования кредиторов.

Во вторую очередь Определение стало точкой смены вектора в правоприменительной практике при наложении обеспечительных мер: наличие оговорки о разумных подозрениях возникновения невозможности исполнения судебного акта или значительности причинения ущерба заявителю как о достаточном самостоятельном основании применения таких мер. При этом это привело к тому, что нижестоящим судам было предоставлено право без должной правовой оценки представленных доводов применять обеспечительные меры лишь при наличии таких разумных опасений.

При этом стоит отменить отдельную оценку о соразмерности обеспечительных мер в отношении одного из ответчиков в Определении: отказ в применении обеспечительных мер мотивирован ввиду незначительности причиненного лицом ущерба по сравнению с масштабом деятельности банка и существенно меньшего вреда, причиненного другими ответчиками. Такая позиция является крайне дискуссионной, ведь справедливое удовлетворение требований должников является одной из основных целей процедуры банкротства.

Исходя из обстоятельств дела, установленных судом, вышеуказанным лицом были подписаны кредитные договоры на сумму в 30 млн рублей с техническими организациями, которые выполняли операции, носящий транзитный характер[4], а проверка платежеспособности и добросовестности контрагента не была проведена в полной мере. Критериев, по которым данная сумма является незначительной по сравнению с масштабом деятельности банка не имеется, что затрудняет интерпретацию позиции при защите нарушенных интересов, а совершение сделок в нарушение принципа «знай своего клиента» в отсутствие документов, подтверждающих платежеспособность, ставит вопрос о добросовестности лица, заключившим сделку вне зависимости наличия иных обстоятельств, затрудняющих или воздающих препятствия исполнения судебного акта.

Такой подход требует доработки в части определения критериев соразмерности в связи с необходимостью применения обеспечительных мер не иначе как судебной властью в связи с практикоориентированным подходом и глубоким пониманием необходимости разработки соответствующих критериев.

Пристатейный библиографический список

1. Панченко П. В., Фролова Е. Е. Реализация принципа содействия сторон при прекращении обязательства и после прекращения // Пробелы в Российском законодательстве. - 2018. - № 4. - С. 136-142.
2. Моисеева Ю. А. Обеспечительные меры арбитражного суда: необходимость обоснования заявления о применении обеспечительных мер // Таврический научный обозреватель. - 2016. - С. 79-82.

2 Определение Арбитражного суда города Москвы от 30.12.2022 по делу № 40-60322. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/d1bbe858-72a8-4ed8-9187-0e2e82e65d40/53fca01b-96a8-4a9f-bab7-d6bfa8ee539c/A40-60322-2021__20221230.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.04.2023).

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/230aa79b-b1f7-4031-a5ae-42544c7d5a61 (дата обращения: 28.04.2023).

4 Определение Арбитражного суда города Москвы от 27.12.2018 по делу № А40-168999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/230aa79b-b1f7-4031-a5ae-42544c7d5a61/93286bfe-c768-41d3-b105-cbd3bf1d1cdf/A40-168999-2015_20181227_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.04.2023).

БОЯРСКАЯ Юлия Николаевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЗДУШНОЙ ПЕРЕВОЗКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАНСПОРТА

В статье анализируются проблемы правового регулирования отношений в области воздушной перевозки пассажиров. Автором предпринята попытка предложить новый подход развития воздушных перевозок с использованием технологий искусственного интеллекта. Интеграция беспилотного транспорта в единое воздушное пространство позволит создать условия для повышения надежности и безопасности транспортной системы, а также улучшить качество предоставляемых услуг.

Ключевые слова: беспилотные воздушные суда, искусственный интеллект, перевозка пассажиров.

BOYARSKAYA Yuliya Nikolaevna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF AIR TRANSPORTATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF TRANSPORT

The article analyzes the problems of legal regulation of relations in the field of air transportation of passengers. The author made an attempt to propose a new approach to the development of air transportation using artificial intelligence technologies. The integration of unmanned vehicles into the common airspace will create conditions for improving the reliability and safety of the transport system, as well as improving the quality of services provided.

Keywords: unmanned aerial vehicles, artificial intelligence, passenger transportation.

В настоящее время в большинстве развивающихся стран протекают сложные и противоречивые процессы трансформации общественной жизни. Такие перемены вызваны новыми возможностями, которые появляются в результате развития информационных технологий, также существующими вызовами глобальному развитию в XXI веке. Стремительная цифровая трансформация всех сторон жизни не может не затронуть и транспортную сферу. Одним из наиболее приоритетных направлений политики государства является развитие и успешное функционирование транспортной системы. Для реализации данной задачи Правительством РФ была утверждена Транспортная стратегия РФ до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года от 27 ноября 2021 г. № 3363-р[1] (далее – Транспортная стратегия), основной целью которой является удовлетворение потребностей инновационного социально ориентированного развития экономики и общества в качественных транспортных услугах, конкурентоспособных по сравнению с лучшими мировыми аналогами.

На территории страны действует государственная программа «Развитие транспортной системы»[2], основной задачей которой является увеличение количества введенных в эксплуатацию взлетно-посадочных полос и вспомогательных объектов аэропортовой инфраструктуры, за счет их реконструкции (строительства); увеличение доли межрегиональных регулярных пассажирских авиационных маршрутов, минуя г. Москву, до 50 процентов общего объема внутренних регулярных авиационных маршрутов за счет субсидирования региональных маршрутов и пополнения парка воздушных судов.

В Транспортной стратегии также обозначен ряд существующих на сегодняшний день проблем в части регионального и местного воздушного транспорта, среди которых ключевую роль играют проблемы аэродромной инфраструктуры и совершенствования системы организации воздушного движения, развития парка воздушных судов, включая легкую авиацию, значительные территориальные диспропорции в уровне развития транспортной инфраструктуры, которые выражаются в низкой оснащенности необходимым оборудованием, зданиями и сооружениями. Значительная часть действующей авиационной инфраструктуры, используемой для осуществления местных и региональных перевозок, требует капитального ремонта и реконструкции в целях продления эксплуатационно-технического ресурса и др. Также сохраняется значительная зависимость российских авиакомпаний от парка воздушных судов зарубежного производства. Более 85 процентов объемов пассажирских перевозок выполняется на транспорте иностранного производства[3].

Роль малой авиации значительно возросла, в том числе, и в связи с масштабной санкционной кампанией против России с целью ограничения ее доступа к воздушному пространству, а также возврата арендованных воздушных судов. Однако, несмотря на такие ограничительные меры, на территории РФ начала активизироваться авиастроительная отрасль.

Возможность строительства парка воздушных судов является основополагающим фактором, в связи с тем, что,

1 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2 Постановление Правительства РФ от 30 марта 2021 г. № 483 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие транспортной системы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в первую очередь, он будет не так зависим от деталей иностранного производства. Во-вторых, не будет в значительной степени приводить к ежегодному оттоку капитала из российской экономики в виде лизинговых платежей.

Основным нормативно-правовым актом, который содержит общие положения о договоре перевозки, является гл. 40 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[4]. Воздушное судно отнесено законодателем к источнику повышенной опасности, в связи с чем правовое регулирование воздушных перевозок пассажиров имеет свои особенности, которые связаны с риском для жизни и здоровья пассажиров, необходимостью обеспечения авиационной безопасности, а также сохранностью багажа и груза.

Также для государства также важную роль играет соблюдение интересов граждан, как «слабой» стороны в договоре перевозки. С помощью системы правовых норм государством достигается юридическое равновесие экономически мощных транспортных предприятий и граждан, которые выступают контрагентами по договору перевозки пассажиров.

Законодательство, отражающее специфику перевозки пассажиров воздушным судном, является Воздушный кодекс Российской Федерации (далее – ВК РФ)[5], который устанавливает правовые основы использования воздушного пространства и деятельности в области авиации. Воздушным пассажирским перевозкам посвящена гл. 15 ВК РФ, которая регулирует вопросы заключения, изменения, прекращения договора перевозки пассажира, услуг и льгот, предоставляемых пассажирам воздушных судов, особенности обслуживания пассажиров из числа инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности и др. В свою очередь, вопросы ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнения договора перевозки пассажиров содержатся в гл. 17 ВК РФ.

Также регулирование пассажирских перевозок осуществляется различными федеральными законами, например, Федеральный закон от 08.01.1998 № 10-ФЗ (ред. от 15.10.2020 г.) «О государственном регулировании развития авиации»[6], в котором в качестве одной из приоритетных целей закреплены удовлетворение нужд физических и юридических лиц в воздушных перевозках, авиационных работах и услугах и защита их прав на безопасные, качественные и экономичные воздушные перевозки и авиационные работы и услуги.

Значительная часть нормативно-правовых актов в сфере воздушных перевозок принимается на уровне подзаконных нормативных актов. Указы Президента РФ и постановления Правительства РФ детально регулируют вопросы внутренних и международных воздушных перевозок, тем самым восполняя пробелы ВК РФ и иных актов. Например, Указ Президента РФ от 13.06.1996 № 904 «О государственном регулировании и государственной поддержке гражданской авиации и авиационной промышленности Российской Федерации»[7], принятый в целях содействия развитию инфраструктуры российской гражданской авиации и авиационной промышленности, обеспечения должного уровня безопасности полетов гражданских воздушных судов, улучшения качества авиационного обслуживания населения, стабилизации тарифов на авиационные услуги, ускорения адаптации авиационного производства к рыночным условиям с учетом геополитических интересов России.

Несмотря на такую обширную законодательную нормативно-правовую базу, до сих пор на практике существует ряд проблем. Недостаточная эффективность норм федерального и регионального законодательства потенциально негативно сказывается на устойчивости и качестве осуществления перевозок пассажиров, оптимизации логистического предоставления товаров и услуг.

Одна из проблем, возникающая при исполнении договора воздушной перевозки пассажиров, связана со сроком. Так, в соответствии с п. 1 ст. 103 ВК РФ по договору воздушной перевозки пассажира перевозчик обязуется перевезти пассажира воздушного судна в пункт назначения с предоставлением ему места на воздушном судне, совершающем рейс, указанный в билете, а в случае сдачи пассажиром воздушного судна багажа обязуется доставить багаж в пункт назначения и выдать пассажиру воздушного судна или управомоченному им на получение багажа лицу. Срок доставки пассажира воздушного судна и его багажа определяется установленными перевозчиком правилами воздушных перевозок.

Существенным условием договора перевозки является его предмет, который выражается в действии перевозчика по доставке пассажиров к месту назначения. Немаловажную роль в договоре играет и срок. Так, срок доставки пассажира в пункт назначения, а также его своевременная отправка, является одним из основных условий договора воздушной перевозки пассажира [2, с. 151]. Применительно к договору перевозки пассажиров общего пользования можно предположить, что условие о сроке также будет являться существенным.

Однако, на практика все сложилась иным образом. Правила перевозки различных авиакомпаний не конкретизируют и не гарантируют четких сроков доставки пассажиров в пункт назначения. Данные организации предусматривают в своих правилах оговорку, что «время, указанное в расписании и других документах, не гарантируется и не является составной частью настоящего договора»[8].

Нарушение сроков доставки пассажиров является одной из наиболее распространенных проблем в деятельности авиакампаний, что ведет в свою очередь, к ущемлению прав граждан и юридических лиц. Наглядным примером является правоприменительная практика Саратовской области. АО обратилось в суд с иском к ООО о взыскании убытков.

В обоснование истец указал, что 25.10.2018 г. он приобрел авиабилеты у ответчика (авиаперевозчика), в количестве двух билетов на авиарейс Саратов-Екатеринбург на 28.10.2018

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. от 08 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

5 Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12. Ст. 1383.

6 Федеральный закон от 08 января 1998 г. (с изм. от 15 октября 2020 г.) № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 226.

7 Указ Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 904 «О государственном регулировании и государственной поддержке гражданской авиации и авиационной промышленности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 3009.

8 Договор перевозки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.uralairlines.ru/rules/dogovor-perevozki.

г. и двух билетов на рейс Екатеринбург-Саратов на 30.10.2018 г., для перелета работников истца по командировочному заданию на основании приказа (распоряжения) от 26.10.2018 г. Таким образом, между истцом и ответчиком согласно ч. 2 ст. 105 ВК РФ был заключен договор на перевозку пассажиров. Согласно авиабилетам, перевозчик принял на себя обязанность доставить пассажиров в Екатеринбург 29.10.2018 г. в 04:15 минут, однако доставил их 29.10.2018 г. в 16:45. В связи с данным нарушением, истец был вынужден продлить командировку работников до 31.10.2018 г. Сотрудники истца не могли вылететь из Екатеринбурга 30.10.2018 г., а приобретенные авиабилеты на 30.10.2018 г. являются невозвратными. При таких обстоятельствах, истец полагает, что понес убытки в размере стоимости двух билетов Екатеринбург-Саратов.

Судом первой инстанции было вынесено решение об удовлетворении требований истца в полном объеме[9]. Однако в последующем суд апелляционной инстанции, повторно рассмотрев дело, с выводами суда первой инстанции не согласился и, исследовав представленные в материалы дела доказательства в совокупности, проанализировав условия договора воздушной перевозки пассажира, а также Правила воздушных перевозок пассажиров и багажа ООО, руководствуясь положениями ст. 15, 309, 310, 393, 428, 792-793 ГК РФ, п. 1 ст. 103 ВК РФ, принимая во внимание положения п. 227 Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей», утвержденных Приказом Минтранса России от 28 июня 2007 г. № 82[10] пришел к выводу, что согласно Правилам воздушных перевозок пассажиров и багажа ООО, последний обязан принять все зависящие от него меры, чтобы перевезти пассажира и багаж в разумные сроки, тогда как время, указанное в расписании и других документах, не гарантируется и не является существенным условием. По мнению суда авиакомпанией ООО были предприняты все действия, чтобы перевезти пассажиров и багаж, в установленное время, принимая во внимание факт несвоевременного прибытия (опоздания) пассажиров на посадку. В связи с чем в удовлетворении заявленных исковых требований отказали[11].

Кассационная коллегия соглашается с выводами суда апелляционной инстанции, основанных на правильном применении норм материального и процессуального права[12].

Также важно отметить, что в нормах Порядка формирования, утверждения и опубликования расписания регулярных воздушных перевозок пассажиров и (или) грузов, выполняемых перевозчиками, имеющими соответствующие лицензии, утвержденного Приказом Минтранса России от 12 декабря 2011 г. № 310 (далее – Порядок)[13] предусмотрено, что расписание регулярных воздушных перевозок пассажиров и (или) грузов (почты) (далее – расписание) определяет состав и описание услуг по регулярным воздушным перевозкам пассажиров и (или) грузов (почты), предлагаемым перевозчиком физическим и юридическим лицам. В расписание включаются рейсы, обладающие всеми следующими характеристиками: на каждом рейсе имеющееся количество пассажирских мест и/или провозной ёмкости для перевозки багажа, груза и/или почты доступно для приобретения непосредственно у перевозчика или у его уполномоченных агентов каждому, кто обратится за услугой по воздушной перевозке пассажира и (или) грузов (почты); рейсы выполняются с целью осуществления воздушного сообщения между одними и теми же аэропортами; рейсы выполняются на основании договора воздушной перевозки пассажира и (или) грузов (почты).

Таким образом, из системного толкования указанных нормативных положений, а также правил, устанавливаемых перевозчиками, можно сделать вывод, что срок, который указан в договоре перевозки не имеет существенного значения и, соответственно, не будет являться необходимым условием при формировании расписания. Однако, такой пробел не соответствует природе расписания как такового. Следовательно, п. 2 Порядка необходимо дополнить легальной дефиницией «Расписание представляет собой утверждённый в соответствии с настоящим Порядком срок выполнения перевозчиком рейсов из аэропорта отправления в аэропорт назначения, определяемый в соответствии с правилами формирования слотов».

Современные тенденции экономического развития нашего государства и положения Транспортной стратегии, как уже было отмечено выше, свидетельствуют о необходимости развития и совершенствования региональных и местных воздушных пассажирских перевозок.

Одним из перспективных направлений развития транспортной сферы на территориях регионов выражается во внедрении беспилотного воздушного транспорта в единое воздушное пространство. Востребованность в нем в мире значительно выросла за последнее время. РФ также активно участвует в этом процессе и постепенно выходит на мировые конкурентные позиции.

В настоящее время в нескольких регионах: в Томской области[14], Камчатском крае, Ханты-Мансийском автономном округе - Югре, Чукотском автономном округе и Яма-

9 Решение Арбитражного суда Московской области от 04 июля 2019 г. дело № А41-14835/19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/6200103c-8be3-4379-962c-7cc9ea40dcbb.

10 Приказ Минтранса России от 28.06.2007 г. (с изм. от 15.09.2020 г.) № 82 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей» // Российская газета. 2007. № 225.

11 Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 12 сентября 2019 г. дело № А41-14835/19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/6200103c-8be3-4379-962c-7cc9ea40dcbb.

12 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 декабря 2019 г. дело № А41-14835/19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/6200103c-8be3-4379-962c-7cc9ea40dcbb.

13 Приказ Минтранса России от 12.12.2011 (с изм. от 25.12.2018 г.) № 310 «Об утверждении Порядка формирования, утверждения и опубликования расписания регулярных воздушных перевозок пассажиров и (или) грузов, выполняемых перевозчиками, имеющими соответствующие лицензии». Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

14 Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2022 г. № 458 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Томской области». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ло-Ненецком автономном округе[15] установлен экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем, целями которого является: формирование по результатам реализации экспериментального правового режима новых видов и форм экономической деятельности, способов осуществления экономической деятельности; расширение состава, повышение качества или доступности товаров, работ и услуг; совершенствование общего регулирования по результатам реализации экспериментального правового режима; обеспечение развития науки и социальной сферы; привлечение инвестиций в развитие предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации; создание благоприятных условий для разработки и внедрения цифровых инноваций.

Еще одной проблемой, затрудняющей практическую реализацию осуществления беспилотных воздушных перевозок пассажиров, выражается в отсутствие детального правового регулирования таких отношений. На сегодняшний день отсутствие нормативно-правовой базы является одним из главных сдерживающих факторов развития осуществления беспилотных перевозок.

Первые предпосылки для правового регулирования общественных отношений в сфере воздушных перевозок на беспилотном транспорте появились в ВК РФ. Так, в ст. 32 ВК РФ содержится понятие «беспилотного воздушного судна», под которым понимается воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот). Однако, такой транспорт не всегда требует управления пилотом, он может быть и полностью автоматизированным. Согласно определению, которое одобрено Ассамблеей ИКАО «беспилотный летательный аппарат (дрон) представляет собой воздушное судно без пилота..., которое выполняет полет без командира воздушного судна на борту и либо полностью дистанционно управляется из другого места с земли, с борта другого воздушного судна, из космоса, либо запрограммировано и полностью автономно»[16].

Таким образом, данное понятие требует детальной проработки, а именно в ст. 32 ВК РФ необходимо внести изменения и изложить ее в следующей редакции: «Беспилотное воздушное судно - воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот) или запрограммировано и полностью автономно».

Еще одно положение, требующее детальной доработки, закреплено в ст. 8 ВК РФ: обязательной сертификации органом, уполномоченным Правительством Российской Федерации, в порядке, установленном федеральными авиационными правилами, подлежат беспилотные авиационные системы (п. 6 ст. 32 ВК РФ) и (или) их элементы, за исключением беспилотных авиационных систем и (или) их элементов, включающих в себя беспилотные гражданские воздушные суда, на которые сертификат летной годности выдается на основании сертификата типа или акта оценки конкретного воздушного судна на его соответствие требованиям к летной годности гражданских воздушных судов и требованиям в области охраны окружающей среды от воздействия деятельности в области авиации, а также беспилотных авиационных систем и (или) их элементов, включающих беспилотные гражданские воздушные суда с максимальной взлетной массой 30 килограммов и менее. Следовательно, на сегодняшний день целесообразно говорить и о требованиях сертификации, предъявляемых к беспилотным транспортным средствам, которые предназначены для перевозки пассажиров с максимальной взлетной массой 120 килограммов и более [1, с. 127].

Таким образом, на сегодняшний день перспективным направлением развития отношений в области воздушных перевозок пассажиров для регионов является интеграция беспилотного воздушного транспорта в единое воздушное пространство, который уже активно эксплуатируется в труднодоступных и отдаленных территориях Российской Федерации. Это позволит обеспечить регионы специалистами, имеющими профильное образование, создать новые рабочие места, обеспечить развития науки, сделать регионы конкурентоспособным и экономически выгодным для проживания населения, что в свою очередь, позволит уменьшить отток граждан в более крупные субъекты РФ, а также будет способствовать привлечению инвестиций для развития предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций.

Пристатейный библиографический список

1. Боярская Ю. Н. Цифровизация в сфере транспортных услуг (воздушные перевозки) // Евразийский юридический журнал. 2023. № 1 (176). С. 126-128.
2. Егиазаров В. А. Транспортное право: учеб. – 6-е изд., доп. и перераб. М., 2008. С. 151.

15 Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2022 г. № 462 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Камчатском крае, Ханты-Мансийском автономном округе - Югре, Чукотском автономном округе и Ямало-Ненецком автономном округе». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

16 ICAO MODEL UAS REGULATIONS. [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.icao.int/safety/UA/Documents/Model%20UAS%20Regulations%20-%20Parts%20101%20and%20102.pdf.

БУЦАН Евгений Юрьевич
аспирант кафедры гражданского права и процесса Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Буцан Е. Ю.

ГЕНЕЗИС КОНЦЕПЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ: ВЕЩНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ РАДИКАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ)

Эволюция концепции злоупотребления правом в сфере вещного права столкнулась со значительными сложностями в ходе своего развития в течение XX в. Радикальные левые и правые правовые течения деформировали классическое понимание вещного права, лишив его классических рыночных характеристик (изменение пределов свободы воли собственника, создание идеологических ограничений в сфере вещного права). Данный этап эволюции концепции злоупотребления правом все еще происходит, поскольку и в наши дни имеют место правовые эксперименты над частным правом, в том числе и в сфере вещного права. Имеет место полное замещение идеи абсолютности права собственности на иные конструкции. В настоящей статье предпринимается попытка анализа такого влияния на вещное право.

Ключевые слова: злоупотребление правом, вещное право, радикальные правовые течения, социальная функция права, теория Л. Дюги.

BUTSAN Evgeniy Yurjevich
postgraduate student of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law and National Security of the RANEPA under the President of the Russian Federation

GENESIS OF THE CONCEPT OF ABUSE OF RIGHTS: PROPERTY LAW PERSPECTIVE (ON THE BASIS OF RADICAL LEGAL TRADITIONS)

The evolution of the concept of abuse of rights in the sphere of property law has faced significant difficulties in the course of its evolution during the XX century. Radical left and right legal traditions have deformed the classical market understanding of property law, depriving it of classical market characteristics (narrowing the limits of the owner's free will, creating ideological restrictions in the field of property law). This stage of the evolution of the concept of abuse of law is still taking place, because even today there are legal experiments on private law, including in the field of property law, when there was a complete replacement of the idea of the absoluteness of ownership of other constructions. This article attempts to analyze such an impact on property law.

Keywords: abuse of right, property right, radical legal traditions, social function of law, theory of L. Duguit.

В нашем исследовании будет предпринята попытка рассмотреть последний этап генезиса концепции злоупотребления правом в контексте развития вещного права: этап нивелирования идеи абсолютности вещных прав под влиянием идей радикальных (как левых, так и правых) правовых течений. На наш взгляд, развитие концепции злоупотребления правом прямо пропорционально ограничению свободы воли собственника по отношению к своей вещи. Ряд левых и правых правовых течений понимали вещное право и субъективное право по-иному, вследствие чего они проводили правовые эксперименты над правом собственности, которые, с одной стороны, оказали существенное влияние на развитие мировой правовой мысли, а, с другой стороны, имеют долгосрочные последствия в нынешнем регулировании не только стран бывшего социалистического блока. Радикализация левых привела к пересмотру вещного права в развитых правовых традициях (под влиянием критических правовых учений).

Весьма важным в контексте развития теорий права собственности является наследие Р. Нозика, который выработал весьма интересный концепт «калибровки по паттерну» [1, с. 203]. Теория Р. Нозика исходила из того, что распределительная справедливость, распределение, в отношении тех или иных благ связана с установлением объективного критерия, связанного с тем, каким образом распределять блага. Нахождение такого паттерна – открытый вопрос, который длительное время дискутируется во всякой экономической или правовой системе. Именно поэтому вопрос распределения – ключевой вопрос применительно к формированию института собственности, а также поиска его ограничений.

Применительно к развитию вещного права и концепции злоупотребления правом в XX в. имел место кризис правового мышления, поскольку фундаментальные принципы рыночной экономики были принесены в жертву перед радикальными идеологиями – идеологиями как левого, так и правового толка. Всякая радикальная идеология искала критерий, мерила правомерного – в смысле данной идеологии – поведения, которое будет восприниматься в качестве допустимого. Подобное поведение – как критерий – выступало способом распределения благ в тоталитарном обществе, которое во многом деформировало частное право. Поэтому наша задача будет состоять в том, чтобы проследить процесс деформации тысячелетних правовых конструкций вещного права и категории субъективных прав под влиянием идеологий XX века.

Проще всего указать на идеологии правого толка, которые, в отличие от левых идеологий, не выработали своей собственной идеологической базы для политико-правовых

реформ частного права. Историки права отмечали, что в нацистской Германии категория злоупотребления правом имела идеологический подтекст, основанный на идеологии национал-социализма, что, в целом, не имело каких-то разительных особенностей по сравнению с левыми концепциями [2, p. 296]. Вещное же право, как таковое, не было подвержено деформации. Любопытно, что именно по причине активного использования нацистскими юристами категорий злоупотребления права для установления ограничений, в том числе права собственности, данная концепция считается неполиткорректной в современной правовой мысли Германии – немецкая доктрина пытается ее избегать.

Примечательно, что даже в эпоху радикализма Германии удавалось сохранять традиции частного права и выдвигать новые идеи в части осуществления вещных прав. Следует обратить внимание на решение Имперского суда Германии, где истец пытался добиться от ответчика взыскания убытков за нарушение гарантий, данных при договоре. В данном случае, помимо аспектов договорного регулирования, подсвечивались вопросы вещного права и допустимости злоупотребления: было нарушено право собственника на красивый вид, причем было нарушено злонамеренно со стороны продавца, гарантировавшего незастройку обозначенного участка. Таким образом, злоупотребление вещным правом в нацистской Германии имело место в весьма ограниченных количествах, непосредственно связанных с интересами публичной власти: до интересов частных лиц публичной власти не было никакого дела. При существовании почти не затронутой частной собственности правоприменению удавалось сохранять и даже приумножать традиции частного права.

Иначе обстояло дело у радикальных левых. Под влиянием идей Л. Дюги, проповедовавшего проникновение социальной функции во всякий институт частного права, в том числе и права собственности, произошли разительные изменения традиций частного права на территории бывшей Российской Империи. Начнем с того, что Л. Дюги выступал за свою собственную модель распределяющей справедливости, на основании которой собственность должна служить интересам не только самого управомоченного лица, но и интересам третьих лиц [3, с. 86].

Более того, он выступал не только за иждивение отдельных лиц со стороны собственников, но и за ограничение экономической сущности права собственности посредством внедрения налога на прирост ценности земельной собственности, являвшийся вторым существенным ограничением права собственности, наравне с внедрением абстрактной социальной цели права собственности. Следовательно, право собственности – в понимании Л. Дюги – только обязывает, а нарушение социальных обязательств является неправомерным. Подобная формула и является злоупотреблением вещным правом, с точки зрения левых теоретиков.

Дальше пошли так называемые дюгисты в Советской России при формулировании положений нового Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., которые полностью отказались от классических категорий частного права – вещного права – оставив исключительное усмотрение суда и публичной власти посредством введения *de facto* специальной правоспособности. Знаменитая ст. 1 ГК РСФСР 1922 г. устанавливала правовую охрану только тех гражданских отношений, которые осуществляются в соответствии с их социально-хозяйственным назначением, что уничтожило классические категории частного права, заменив их субъективным правом. Фактически субъективное право было вымыто до его ядра, а периферия подобного права была полностью исключена: либо право защищалось и осуществлялось в связи с его социально-хозяйственным назначением, либо подобное отношений не подлежало охране. Таким образом, закон не признавал злоупотребление вещным правом как таковое, поскольку, во-первых, категория вещных прав была нивелирована, а, во-вторых, существовало лишь ядро такого права, поскольку периферия (где находится возможность злоупотреблять правом) была исключена из правового измерения.

Кроме того, новая система права собственности в ГК РСФСР 1922 г. фактически ввергла правовую систему в состояние средневекового права: Т. Е. Новицкая отмечала, что в зависимости от субъекта права собственности, кодекс определял круг возможных объектов собственности, способы возникновения права собственности, а также средства его защиты [4, с. 72]. Следовательно, как таковое применение частноправовых конструкций, в частности злоупотребления вещным правом, было неактуальным по причине отсутствия подобных правоотношений в действующем на тот момент законодательстве.

Именно поэтому радикальные теории деформировали классические частноправовые институты под требования ситуации, идеологии или усмотрения заинтересованных лиц, а соответствующая деформация ввергла общество и право в юридическое Средневековье, когда существовала система статусов лиц, которым определялся правовой режим имущества.

Эксперименты над частным правом, имевшие место в радикальных правовых течениях, привели к тому, что ядро вещного права было либо замещено субъективным правом (социальной функцией права, случаи нарушения которой представляли собой злоупотребление вещным правом), либо полностью заменено феодальными конструкциями с регулированием *ad hoc*. В подобных обстоятельствах места злоупотреблению вещным правом не оставалось: любое нарушение социально-хозяйственной цели права вело к признанию отношения неправовым и не подлежащим судебной защите.

Пристатейный библиографический список

1. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. - М.: ИРИСЭН, 2008. - С. 200-206.
2. Wiacker F. A History of Private Law in Europe. Trans. by Weir Tony. - Oxford: Clarendon Press, 1995. - P. 466.
3. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. - М.: Государственное издательство, 1919. - С. 85-86.
4. Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. - М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. - С. 72.

ГАЙДАЙ Мария Константиновна
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Педагогического института Иркутского государственного университета

ГЕРАСИМОВА Юлия Радиковна
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета

МЕДИАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ БЕСКОНФЛИКТНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье обосновывается необходимость формирования медиативной компетентности у всех участников образовательных отношений. Медиативная компетентность при этом рассматривается как современный способ создания комфортной, безопасной и бесконфликтной образовательной среды. Медиативная компетентность участников образовательных отношений – это, прежде всего, умение выступить посредником в конфликте и оказать помощь при его превенции, урегулировании или снижении негативных рисков. Авторами подчеркивается особая роль медиативной компетентности педагога.

Ключевые слова: медиативная компетентность, медиативная компетентность педагога, медиативная компетентность обучающегося, субъекты образовательных отношений, бесконфликтная образовательная среда.

GAYDAY Mariya Konstantinovna
Ph.D. in sociological sciences, associate professor, professor of Socio-economic disciplines sub-faculty of the Pedagogical Institute of the Irkutsk State University

GERASIMOVA Yuliya Radikovna
Ph.D. in sociological sciences, associate professor, associate professor of Jurisprudence sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University.

MEDIATIVE COMPETENCE AS A CONDITION OF A CONFLICT-FREE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article justifies the need to form mediative competence among all participants in educational relations. Mediative competence is considered as a modern way to create a comfortable, safe and conflict-free educational environment. The mediative competence of participants in educational relations is primarily the ability to act as a mediator, in a conflict and assist in its prevention, settlement or reduction of negative risks. The authors emphasize the special role of mediative competence of the teacher.

Keywords: mediative competence, mediative competence of the teacher, mediative competence of the student, subjects of educational relations, conflict-free educational environment.

Конфликтное взаимодействие встречается во всех сферах жизнедеятельности человека, особенно наглядно оно проявляется в образовательном поле. При этом преимущественно конфликт воспринимается как явление негативного порядка, препятствующее или замедляющее эффективное взаимодействие сторон, в том числе и в современной системе образования. Значительно реже конфликт понимается как толчок для личностного роста и основа здоровой конкуренции. Справедливости ради стоит отметить, что далеко не каждый конфликт в условиях образовательных организаций может нести положительные следствия. Для этого у участников образовательных отношений должна присутствовать и реализовываться медиативная компетентность, формирование которой в современных условиях образовательных организаций различного уровня имеет явное практическое значение.

Современное образовательное поле – явление сложного характера с весьма многоуровневой и крайне переплетенной системой межличностных и межгрупповых взаимодействий. Принципиальная разность образовательного, интеллектуального, культурного, да и не в последнюю очередь, возрастного характера субъектов образовательных отношений накладывает на элементарные взаимодействия между администрацией, педагогами, обучающимися, а также их родителями конфликтогенные риски. Данное обстоятельство вынуждает к поиску и выработке новых действенных рычагов, направленных на формирование бесконфликтной образовательной сферы. Одним из возможных способов, отвечающих современным условиям, является формирование и реализация на практике всеми субъектами образовательных отношений медиативной компетентности.

Медиативная компетентность может рассматриваться как наличие знаний и навыков, а также умений и опыта, способствующих эффективной деятельности субъектов образовательных отношений разного уровня, по предотвращению, минимизации и урегулированию возникающих и возникших в образовательном пространстве конфликтных ситуаций негативного плана. Термин «медиативный» происходит от понятия «медиация», которое с латинского переводится как «посредничество». В толковом словаре Д. Н. Ушакова медиация трактуется как «посредничество, содействие третьей стороны в мирном разрешении споров, преимущественно в международных отношениях» [3, с. 428]. Поэтому медиативная компетенция в образовательной сфере – это посредническая помощь любого из субъектов образовательных отношений в урегулировании (превенции, снижении и пр.) конфликтов, возникающих в системе образования. В практическом поле медиативная компетентность различных участников образовательных отношений проявляется в посреднической деятельности, в практическом умении не стать представителем ни одной из конфликтующих сторон, и остаться незаинтересованным в конфликте. Это умение не оценивать обстоятельства конфликта или конкретно разрешение спора, не определять виновную в конфликте сторону, а выступить посредником с целью решения возникшего конфликта. Это умение, пролить свет на те стороны и обстоятельства конфликта, которые для его участников оставались в тени и не учитывались при проектировании линии поведения в возникшей противоречивой ситуации. Данный навык способствует приведению конфликтующих сторон к примирению, к новому бесконфликтному взаимодействию.

В литературе встречаются понятия медиативной компетентности, значительно шире трактующие ее сущность, что, несомненно, имеет право на существование, ведь медиативная компетентность – феномен достаточно новый, как и медиация и медиативные технологии, и многим мало знакомый, в том числе в системе образования. Так, А. В. Качалова, И. А. Твелова полагают, что «медиативная компетентность – это способность умело выстраивать взаимодействия и при случае выходить из возникающих трудностей, осознавая и контролируя ситуацию» [1].

Велико значение наличия такой компетентности у педагогов и иных категорий работников образовательных организаций. Снижение потенциальных и реальных конфликтогенных рисков, управление уже возникшим конфликтом и примирение конфликтующих сторон во время образовательной деятельности не только облегчит образовательный процесс для педагога, но и положительным образом отразится на учебе обучающихся, станет для них наглядным примером бесконфликтного взаимодействия. Здесь педагог выступает как медиатор и его целью является разрешение конфликтов, возникших в рамах педагогической деятельности. К. С. Чикаева, Н. Х. Гафиатулина и В. В. Майба отмечают, что медиация есть «вид деятельности педагога на основе специализированных знаний – медиативной компетентности, как участника образовательного пространства в направлении нормализации отношений между конфликтующими сторонами» [4]. Медиативная компетентность педагога в данном случае реализуется в его умении быть независимой стороной в конфликте и оказании помощи конфликтующим сторонам по их примирению.

Преимущественно педагог выступает в разрешении конфликтных ситуаций между такими категориями субъектов образовательных отношений, как: «обучающийся – обучающийся», «обучающийся – родитель», а также «обучающийся – администрация образовательной организации» или «родитель (ли) – администрация образовательной организации». Итогом практической реализации медиативной компетентности педагога может стать формирование комфортной бесконфликтной образовательной среды современной образовательной организации. «Ввиду усложнения профессиональных педагогических задач, присутствия необходимости урегулирования взаимоотношений между субъектами образовательного процесса, пишут О. Г. Смолянинова, В. В. Коршунова, О. О. Андронникова, педагогу необходимо обладать медиативной компетенцией, иметь навыки управления конфликтной ситуацией, уметь предупредить ее возникновение и нивелировать острое проявление» [2].

Нередко отмечается особая роль в формировании медиативной компетентности педагога таких общеобразовательных дисциплин, как философия, культурология, логика, а также педагогики и психологии, еще во время их обучения в образовательной организации высшего образования. В этом отношении исследователи указывают на «необходимость проведения целенаправленной работы по расширению представлений учителей о медиативной компетентности. Обучение учителей медиативной компетентности может стать одним из условий формирования психологической культуры педагогов и эффективным способом разрешения педагогических конфликтов» [1]. Думается, что это должно касаться не только учителей, но и педагогов иных образовательных организаций, включая образовательные организации высшего образования.

Способствовать формированию бесконфликтной образовательной среды не в меньшей степени будет и медиативная компетентность иных субъектов образовательных отношений, в частности, обучающихся. Наличие навыков по контролю собственного поведения, умение ими управлять в критических (конфликтных) ситуациях, возникающих как на учебных занятиях, так и во внеучебное время в образовательной организации – повысят усидчивость на занятиях и смогут способствовать повышению эффективности и качества образовательного процесса обучающегося. Медиативная компетентность обучающихся призвана способствовать решению не только конфликтных проблем в образовательной сфере, но и в иных социальных взаимодействиях.

Образовательная организация (условно говоря) дает знания, умения, навыки, другими словами, способствует формированию определенных (соответствующих уровню образования) компетенций, поэтому именно она должна помочь формированию у обучающихся медиативной компетентности, направленной на урегулирование конфликтов, с которыми они сталкиваются, равно как и участниками которых они становятся, получая образование того или иного уровня. В силу своего возраста (преимущественно обучающиеся – люди молодые) обучающиеся не во всех случаях конфликтных взаимодействий способны вести себя выдержано при обосновании собственной позиции в споре или, выступая в поддержку одной из конфликтующих сторон. Присущий многим в молодежном возрасте юношеский максимализм, с категоричностью и излишней прямолинейностью в суждениях, способствует отнюдь не бесконфликтности их общения, а бескомпромиссности и радикальности выступлений в конфликте. Защита собственных интересов в ущерб интересам конфликтующей стороне – это норма для многих конфликтов вообще, и между обучающимся, в частности. Поэтому формирование медиативной компетентности обучающихся (учеников, студентов, курсантов и т.п.) – это важный этап и условие в формировании бесконфликтной образовательной среды.

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время одним из условий формирования бесконфликтной образовательной среды является медиативная компетентность всех участников образовательных отношений. При этом медиативная компетентность педагогических работников имеет, несомненно, большее практическое значение, обусловливаемое их профессиональной деятельностью и играющее решающую роль в нивелировании конфликтогенного потенциала в образовательной среде. Наличие медиативной компетентности является крайне важным для оказания своевременной и реальной поддержки всем участникам конфликтной ситуации, возникшей в образовательной организации.

Пристатейный библиографический список

1. Качалова А. В., Твелова И. А. Медиативная компетентность как эффективное условие развития психологической культуры педагога // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2014. - № 5-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediativnaya-kompetentnost-kak-effektivnoe-uslovie-razvitiya-psihologicheskoy-kultury-pedagoga (дата обращения: 18.08.2023).
2. Смолянинова О. Г., Коршунова В. В., Андронникова О. О. Формирование медиативной компетентности участников образовательного пространства (на примере Сибирского федерального университета) // ПНиО. - 2020. - № 5 (47). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mediativnoy-kompetentnosti-uchastnikov-obrazovatelnogo-prostranstva-na-primere-sibirskogo-federalnogo-universiteta (дата обращения: 22.08.2023).
3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / под. ред. д-ра филол. наук Татьянченко Н. Ф. - М.: Альта-Пресс, 2005. - 1216 с.
4. Чикаева К. С., Гафиатулина Н. Х., Майба В. В. Медиация как инновационная технология урегулирования социальных конфликтов в институте образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2022. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-innovatsionnaya-tehnologiya-uregulirovaniya-sotsialnyh-konfliktov-v-institute-obrazovaniya (дата обращения: 18.08.2023).

ЕРМАКОВА Елена Петровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРОТОПОПОВА Ольга Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ЦИФРОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ*

В 2019 г. в Гражданском кодексе РФ было закреплено понятие цифровых прав как объекта гражданских прав (ст. 128 ГК). Термин «цифровые права» и его внутреннее содержание до настоящего времени остается спорным, как в нормативных актах РФ, так и в российской цивилистической доктрине и в практике российских судов. В силу этих обстоятельств авторы статьи полагают, что появился совершенно новый объект гражданского права – цифровое нематериальное имущество (цифровая валюта, цифровой рубль и криптовалюта), который следует закрепить в законодательстве РФ.

Ключевые слова: цифровые права, цифровая валюта, криптовалюта, цифровой рубль, цифровые отношения.

ERMAKOVA Elena Petrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and international private law of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PROTOPOPOVA Olga Vladimirovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and international private law of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship university of Russia

DIGITAL RIGHTS AND DIGITAL RELATIONS**

In 2019 the concept of digital rights as an object of civil rights was enshrined in the Civil Code of the Russian Federation (Article 128 of the Civil Code). The term "digital rights" and its internal content remains controversial to this day, both in the normative acts of the Russian Federation, and in the Russian civil doctrine and in the practice of Russian courts. Due to these circumstances, the authors of the article believe that a completely new object of civil law has appeared – digital intangible property (digital currency, digital ruble and cryptocurrency), which should be fixed in the legislation of the Russian Federation.

Keywords: digital rights, digital currency, cryptocurrency, digital ruble, digital relations.

Введение

Цифровая среда стала сложной средой, особенно с точки зрения прав и обязанностей пользователей. Граждане должны осознавать и понимать свои собственные права и обязанности в Интернете, чтобы не нарушать права и обязанности других, – отмечалось на вебсайте Совета Европы. Подобно тому, как граждане в обществе имеют определенные права и обязанности, граждане в онлайн-мире также имеют определенные права и обязанности. В Интернете граждане могут пользоваться правами на неприкосновенность частной жизни, безопасность, доступ и инклюзивность, свободу выражения мнений и многое другое. Однако с этими правами приходят определенные обязанности, такие как этика и сочувствие, а также другие обязанности по обеспечению безопасной и ответственной цифровой среды для всех[1]. Интернет может быть мощным инструментом для продвижения идей и сообществ, но он также может быть разрушительным оружием, когда права пользователей ущемляются или если пользователям не предоставляется возможность установить какие-либо права. Отдельные пользователи, правительства, промышленность и общественные учреждения обязаны поддерживать целостность интернет-сообщества, независимо от того, имеет ли оно местные или международные последствия.

Использование цифровых носителей является сложной задачей. Вторжение в частную жизнь, растущий объем данных, цифровые коммерческие и гражданские транзакции по умолчанию и эрозия демократической сферы – вот лишь некоторые из сложных проблем в современных обществах. Экзистенциальные вопросы, связанные с цифровой жизнью, заставляют человека примириться с тем, кто он есть, а также со своими социальными взаимодействиями и реалиями [13].

Цифровые права в широком смысле

В широком смысле – цифровые права – это права человека, которые позволяют отдельным лицам получать доступ, использовать, создавать и публиковать цифровой контент на таких устройствах, как компьютеры и мобильные телефоны, а также в виртуальных пространствах и сообществах. В настоящее время цифровые права не являются набором прав сами по себе, а связаны с другими правами человека, в частности со свободой выражения мнений и правом на неприкосновенность частной жизни в онлайновой и цифровой среде. С практической точки зрения права человека можно рассматривать как защиту от «стандартных угроз», таких как угнетение, лишения и насилие, которые ставят под угрозу интересы человека.

С распространением цифровых технологий возникают новые этические вопросы о реализации основных прав чело-

* Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence".

1 Rights and Responsibilities// Council of Europe. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.int/en/web/digital-citizenship-education/rights-and-responsibilities (дата обращения: 16.06.2023).

века – прав на уважение частной жизни (приватности), свободы слова, запрета дискриминации, защиты уязвимых групп. Последнее время к ним добавляют права человека перед бизнесом, в первую очередь дата-корпорациями и социальными сетями. Исчерпывающего объяснения, как полноценно защищать эти права в цифровой среде, пока нет.

Цифровые права как объект гражданских прав

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» сформирована **национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»**[2]. Одной из задач программы является создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе в каждой сфере. Реализации этой задачи посвящен федеральный **проект «Нормативное регулирование цифровой среды»**, который курирует Министерство экономического развития Российской Федерации[3]. В рамках указанного проекта был внесен ряд изменений в действующие федеральные законы, в частности в ГК РФ, и был принят целый ряд новых законодательных актов.

Сразу следует оговориться, что термин «цифровые права» и его внутреннее содержание до настоящего времени остается спорным, как в нормативных актах РФ, так и в российской цивилистической доктрине и в практике российских судов [1], [7, с. 159-167]. В 2019 г. согласно положениям Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» термин «цифровые права» был закреплен в ст. ст. 128 и 141.1 ГК РФ, но содержательно раскрыт не был. В ст. 128 ГК РФ «цифровые права» были только перечислены в качестве объектов гражданских прав, а именно – имущественных прав наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами.

Цифровым правам была посвящена также отдельная статья ГК – ст. 141.1., но и она не добавила ясности в вопрос о содержании «цифровых прав», поскольку определение «цифровых прав» носило отсылочный характер: «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». Понятия «информационная система» и «оператор информационной системы» были ранее определены Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ. Из текста статьи 141.1. было очевидно, что необходимо принять дополнительный закон (законы), который и должен был «перечислить» цифровые права.

Такой закон был принят спустя 5 месяцев – 2 августа 2019 г. – Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ …» № 259-ФЗ. Этот закон использовал термин «утилитарные цифровые права», а ГК РФ – «цифровые права». Как писал Н. В. Алексеев, – объяснить это можно тем, что термин «цифровые права» является родовым, а «утилитарные цифровые права» есть вид цифровых прав, например, наряду с дивидендными цифровыми правами, которые могут давать право на участие в распределении будущей прибыли компании. Закон выделяет три разновидности утилитарных цифровых прав: 1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг [2, с. 182-183].

Еще один закон был принят спустя год – федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте …». В п. 2 данного закона определялось, что «цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг». Таким образом, согласно правилам логики, закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ определял термин «цифровые финансовые активы» (ЦФА) через родовое понятие «цифровые права», выделяя особенности – денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Отметим, что в Пояснительной записке к законопроекту № 424632-7 было указано: «Сущность «цифрового права» как новой юридической фикции близка к сущности ценной бумаги, поэтому под таким правом предлагается понимать совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав (п. 1 новой ст. 1411 ГК РФ). Разумеется, цифровое право может удостоверить лишь права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права»[4].

По мнению российских цивилистов, Б. М. Гонгало и Л. А. Новоселовой [3, с. 129-142], М. А. Егоровой [5, с. 130-140], Л. Г. Ефимовой [6, с. 7-20], Т. М. Медведевой [9, с. 171-184], О. А. Полежаева [12, с. 75-91], Д. А. Кочергина [8, с. 51-78], А. В. Нестерова [11, с. 11-16], Е. В. Зайнутдиновой [7, с. 159-167] и др. – вопрос закрепления в Законе о ЦФА конструкции цифрового права, противоречит подходу, предложенному в ст. 141.1 ГК РФ. Это расхождение прослеживается как минимум в трех моментах: определении цифрового права как самостоятельного объекта, значении обладания токеном – цифровым активом, определении обладателя объекта. Закон о ЦФА, провозгласив, что цифровые финансовые активы являются цифровыми правами, по сути, отошел от заложенной в ГК РФ модели регулирования и создал особые объекты, правовая природа которых не ясна [12, с. 79-80].

Таким образом, в настоящее время сложилась ситуация, когда нормативные акты Российской Федерации, в том числе основной акт – Гражданский кодекс РФ, закрепили ряд противоречивых положений и новых понятий, правовая природа которых определена не до конца. В силу этих обстоятельств мы согласны с позицией Л. Г. Ефимовой о появлении совершенно «нового объекта гражданского права – **цифрового нематериального имущества** (цифровая валюта, цифровой рубль и криптовалюта), которое не может существовать в реальном мире» [6, с. 14]. Следует дать краткие пояснения данным терминам.

Цифровая валюта – в соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ под цифровой валютой понимается электронная информация в виде цифрового

2 Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/rugovclassifier/614/events/ (дата обращения: 10.06.2023).

3 Паспорт федерального проекта Нормативное регулирование цифровой среды // Официальный сайт Минэкономразвития России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/08f25bcd101aecc2ad6142099117dccd/pasport_fp_normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

4 Пояснительная записка к законопроекту № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о цифровых правах) // СОЗД ГАС «Законотворчество». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7 (дата обращения: 14.06.2023).

кода или обозначения, которая может быть использована в качестве средства платежа, но при этом не является официальной валютой Российской Федерации или иных стран, т.е. является частной валютой.

Мы разделяем мнение Л. Г. Ефимовой, что **криптовалюта** – это также электронная информация в форме цифрового кода, которая, однако, имеет некоторые дополнительные признаки. Поэтому обоснован вывод, что **цифровая валюта** – это наиболее общее понятие, а **криптовалюту** следует считать разновидностью цифровой валюты, особенностями которой является использование технологии блокчейн и технологии асимметричного криптографического шифрования [6, с. 14]. В Российской Федерации криптовалюта не признается законным средством платежа.

Цифровой рубль – это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег. У рубля будет три формы: наличная, безналичная и цифровая[5]. Цифровой рубль – это пример цифрового нематериального имущества. Цифровой рубль не является частной цифровой валютой и не является криптовалютой. Концепция цифрового рубля была опубликована Банком России в апреле 2021 года[6]. Введение цифрового рубля потребует издания специального федерального закона.

Цифровые отношения

Термин «цифровые отношения» предполагает наличие как «цифровых прав», о которых мы говорили выше, так и «цифровых обязанностей». Это новые термины, которые еще только начали утверждаться в российской цивилистике. Например, А. И. Минаева писала, что «можно назвать следующие сложившиеся обязанности, которыми наделены индивидуальные субъекты права при использовании цифровой среды. Во-первых, обязанность соблюдать действующее законодательство при использовании цифровой инфраструктуры. Во-вторых, обязанность по прохождению идентификации при использовании объектов цифровой инфраструктуры. В-третьих, определенные обязанности предусмотрены действующим законодательством при использовании социальных сетей. В-четвертых, правоотношения, возникающие в цифровом пространстве, во многом в настоящее время регулируются так называемыми «пользовательскими соглашениями», которые определяют права и обязанности владельцев сайтов, мобильных приложений и их пользователей при взаимодействии в Интернете. В-пятых, как представляется, должна быть закреплена обязанность правомерного использования технологий, основанных на искусственном интеллекте [10, с. 90-94]. С нашей точки зрения, перечисленные А. И. Минаевой обязанности корреспондируют цифровым правам в широком смысле, о которых шла речь в начале настоящей статьи.

В настоящее время большинство российских цивилистов считает, что в гражданском законодательстве Российской Федерации утверждается подход, в соответствии с которым **цифровые права имеют обязательственную природу**. Иными словами, с точки зрения законодательства цифровые объекты представляют собой особого рода действия, совершаемые пользователями в виртуальном пространстве (а именно внесение записей в информационную систему), цифровые же права, в свою очередь, являются правами требования на совершение таких действий. Подтверждением указанного вывода служит ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», выделяющая три группы утилитарных цифровых прав [14, с. 20], [12, с. 80].

С другой стороны федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте …» определил, что под цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов. Как мы писали выше, ЦФА – это вид цифровых прав. Указанный закон выделил следующие виды цифровых прав, являющихся ЦФА:

1) цифровые права, включающие денежные требования;

2) цифровые права, включающие возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;

3) цифровые права, предусматривающие возможность участия в капитале непубличного акционерного общества;

4) цифровые права, позволяющие требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов.

Таким образом, законодательство закрепляет два вида цифровых прав: 1) утилитарные цифровые права; 2) цифровые права, являющиеся цифровыми финансовыми активами [2, с. 182].

Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций выделяет три разновидности утилитарных цифровых прав:

1) право требовать передачи вещи (вещей);

2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;

3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Однако, ряд авторов утверждает, что **цифровые права могут быть объектом двух разных правоотношений – вещно-правовых и обязательственно-правовых.** Так, Л. Г. Ефимова полагает, что криптовалюта, цифровая валюта, цифровой рубль не могут считаться обязательственными правами (требованиями), поскольку в большинстве случаев по поводу указанных объектов отсутствует обязанное лицо [6, с. 7]. Как подчеркивал Н. В. Разуваев, ничто в природе криптовалют, цифровых прав, иных цифровых объектов не препятствует им выступать объектами как вещно-правовых, так и обязательственно-правовых отношений. Дело в том, что природа рассматриваемых цифровых явлений в их как вещно-правовой, так и обязательственной «ипостасях» на практике нередко благоприятствует стиранию жестких (и во многом условных, даже в тех случаях, когда речь заходит об обычных вещах или действиях) границ между абсолютными и относительными правами, активному взаимодействию и сближению указанных видов субъективных прав [14, с. 21]. Такая точка зрения представляется верной авторам настоящей статьи.

О законопроектах в сфере цифровых прав

В апреле 2022 г. в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона «О майнинге». Под майнингом понимается деятельность с использованием объектов российской информационной инфраструктуры: доменных имен и сетевых адресов, находящихся в российской национальной доменной зоне, и (или) информационных систем, технические средства которых размещены на территории Российской Федерации, и(или) комплексов программно-аппаратных средств, размещенных на территории Российской Федерации) и пользовательского оборудования, размещенного на территории Российской Федерации, результатом

5 Цифровой рубль // Банк России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/fintech/dr/ (дата обращения: 16.06.2023).

6 Концепция цифрового рубля // Банк России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 16.06.2023).

которой становится создание цифровой валюты, в частности, поддержание распределенного реестра и генерация цифровых валют и их блоков, валидация операций в реестре [4, с. 63]. Однако, уже в мае 2022 г. законопроект был снят с рассмотрения, видимо, в связи с внесением ноябре 2022 г. в Госдуму Законопроекта № 237585-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части установления правового регулирования деятельности по майнингу)». В настоящее время указанный законопроект находится на рассмотрении[7]. Введение предлагаемого законопроектом регулирования деятельности по майнингу, а также установление отдельных требований к такой деятельности позволит легально осуществлять указанную деятельность, декларировать полученный доход, а также обеспечивать исчисление и уплату в бюджеты всех уровней соответствующих налоговых платежей. Кроме того, это позволит нивелировать правовые риски, связанные с данной деятельностью.

В заключение, следует подчеркнуть, что понятия «цифровые права» и «цифровые отношения» еще только начали разрабатываться российским законодательством и цивилистической доктриной. Поэтому возможны споры, неточности, несовпадения формулировок нормативных актов. Авторы настоящей статьи присоединяются к выводам Л. Г. Ефимовой о том, что появился совершенно новый объект гражданского права – цифровое нематериальное имущество (цифровая валюта, цифровой рубль и криптовалюта), который следует закрепить в законодательстве РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Аграновская М., Велиулаев А. Суды меняют подход к цифровым активам и валютам // Адвокатская газета. Материал выпуска. № 4 (357). 15 февраля 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/mneniya/sudy-menyayut-podkhod-k-tsifrovym-aktivam-i-valyutam/ (дата обращения: 20.05.2023).
2. Алексеев Н. В. Соотношение институтов цифровых прав, цифровых финансовых активов и цифровых валют // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1 (48). – С. 180-190. – DOI 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/3723. – EDN YBDIQN.
3. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Избранное: В 5 томах. Том 3. – Москва: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2021. – С. 129-142. – EDN DDVHET.
4. Дощатов А. А. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты на территории Российской Федерации // Научные записки молодых исследователей. – 2022. – Т. 10. № 4. – С. 53-64. – EDN WIPBRD.
5. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Совершенствование законодательства. Novus Lex. – 2019. – № 7. – С. 130-140.
6. Ефимова Л. Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. – 2021. – № 5. – С. 7-20.
7. Зайнутдинова Е. В. Цифровые права и цифровая валюта в российском праве: вопросы правовой природы и соотношения // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21. № 4. – С. 159-167. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2022.4.22. – EDN DDOWJC.
8. Кочергин Д. А. Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. – Т. 16. № 1. – С. 51-78. – DOI 10.21202/2782-2923.2022.1.51-78. – EDN BHOKOZ.
9. Медведева Т. М., Новоселова Л. А., Новоселов М. А. Правовые риски введения цифрового рубля // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 41. – С. 171-184. – DOI 10.17223/22253513/41/15. – EDN CBSZDF.
10. Минаева А. И. Цифровые обязанности как элемент правового статуса индивидуальных субъектов в условиях развития цифровых технологий // Научный аспект. – 2022. – Т. 1. № 4. – С. 90-94. – EDN PLEBFQ.
11. Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 1 (07). – С. 11-16. – DOI 10.17803/2618-8198.2020.07.1.011-016. – EDN BGMETD.
12. Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть Закона. – 2021. – № 2 (46). – С. 75-91. – EDN LSUOOL.
13. Pangrazio L. & Sefton-Green J. Digital Rights, Digital Citizenship and Digital Literacy: What's the Difference? Journal of New Approaches in Educational Research. – 2021. – № 9. DOI: https://doi.org/10.7821/naer.2021.1.616.
14. Razuvaev N. V. Digital Transformation of Subjective Civil Rights: Problems and Prospects. Theoretical and Applied Law. – 2021; (1). – P. 18-38. https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-1-18-38.

7 Законопроект № 237585-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части установления правового регулирования деятельности по майнингу) // Система обеспечения законодательной деятельности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8 (дата обращения: 12.06.2023).

КОРНАКОВА Светлана Викторовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск

ЧИГРИНА Елена Владимировна
кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск

Корнакова С. В.

РОССИЙСКИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ КАК ОТВЕТ НА СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Анализируются положения двух законопроектов: Законопроекта № 242098-8, направленного на правовое регулирование изменения, коррекции половой принадлежности, и Законопроекта № 369814-8, запрещающего смену пола. Отмечается большая демократичность первого из них и излишняя крайность второго. Обращается внимание на негативные аспекты принятия Законопроекта № 369814-8, которые приведут к существенному ущемлению права на лечение лиц, действительно страдающих от гендерной дисфории.

Ключевые слова: законодательные инициативы, законопроект, правовое регулирование, смена пола, гендерная идентичность, право на лечение.

KORNAKOVA Svetlana Viktorovna
Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

CHIGRINA Elena Vladimirovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

Чигрина Е. В.

RUSSIAN LEGISLATIVE INITIATIVES AS A RESPONSE TO MODERN CHALLENGES AND THREATS: PROBLEMATIC ASPECTS

The provisions of two bills are analyzed: Bill No. 242098-8 aimed at the legal regulation of the change, correction of gender identity, and Bill No. 369814-8 prohibiting sex change. There is a great democratic nature of the first of them and the excessive extreme of the second. Attention is drawn to the negative aspects of the adoption of Bill No. 369814-8, which will lead to a significant infringement of the right to treatment of persons really suffering from gender dysphoria.

Keywords: legislative initiatives, draft law, legal regulation, gender change, gender identity, right to treatment.

В настоящее время в интернет-пространстве набирает обороты пропаганда идей ЛГБТ-сообщества, касающихся гендерной самоидентификации человека, согласно которым гендер должен определяться исключительно «субъективным чувством пола» человека, которым якобы детерминируется его сознание. Между тем, по объективным оценкам ученых, действительные врожденные гендерные расстройства составляют всего 0,03-0,05 % населения [1, с. 1284], а вот социальный механизм заражения (реклама, кино, интернет и т.п.) псевдодемократичными идеями о свободе самоопределения половой идентичности, напротив, стремительно увеличивает их пагубное влияние на сознание молодежи. Манипуляции сознанием людей, не обладающих в должной мере критическим мышлением, приводят к тому, что они подпадают под отработанную схему управления общественным мнением [2, с. 763], что влечет их неспособность выбирать правильные ориентиры в потоке фальшивой информации. При этом, разумеется, особенно разрушительным оказывается воздействие такой информации на детей, как самой восприимчивой, а потому и самой управляемой категории граждан [3, с. 60].

В связи с этим весьма актуальным являлся внесенный в Государственную Думу РФ в ноябре 2022 года Законопроект № 242098-8[1], разработчиками которого подчеркивалась опасность участившейся практики произвольного изменения/коррекции пола при отсутствии врожденных патологий полового развития. Такая практика не только порождает такое социально опасное явление, как изменение гражданского (юридического) пола без необходимого в таких случаях предварительного лечения – реконструкции анатомического пола, но и представляет собой прямую угрозу демографической безопасности страны, способствуя росту криминальных явлений, в том числе, фальсификации справок о смене пола и регистрации де-факто однополых браков. Как указывалось в Пояснительной записке к Законопроекту № 242098-8, его целью должно было быть правовое регулирование вопросов, связанных с изменением/коррекцией половой принадлежности в целях защиты прав российских граждан на охрану здоровья, устранения двусмысленности в трактовке понятия «половая переориентация» и связанных с этим правовых проблем. Но данный Законопроект, несмотря на то, что по заключению правового управления, он не имел замечаний

1 Законопроект № 242098-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» (в части правового регулирования изменения, коррекции половой принадлежности)» (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ В. В. Милоновым). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/242098-8 (дата обращения: 03.07.2023).

концептуального характера, остался без рассмотрения Государственной Думой, полагаем по причине подготовки нового Законопроекта № 369814-8[2] о полном запрете как хирургической (посредством введением новой нормы – ст. 45.1 в Федеральный закон № 323-ФЗ[3]), так и юридической смены пола (посредством исключения нормы – абз. 4 ст. 70 из Федерального закона № 143-ФЗ)[4].

Новый законопроект также был направлен на исключение все той же угрозы – разрушительной активности ЛГБТ-организаций и набирающей обороты практики смены пола, роста числа его только формального подтверждения и оказывающего деструктивное влияние информирование граждан о такой возможности. Но если целью Законопроекта № 242098-8 было обеспечение должного правового регулирования данной сферы, то Законопроект № 369814-8 такую сферу полностью исключает.

Безусловно, для подавляющего большинства жителей нашей страны принятие любого из указанных законопроектов ничего не изменило бы, но для некоторых из них, хоть и весьма незначительного числа, принятие Законопроекта № 369814-8 изменит абсолютно все. В этой связи напомним, что, во-первых, мировой опыт свидетельствует, что исключительно запретами никакие проблемы еще никогда не решались. И, во-вторых, предлагаемым Законопроектом № 369814-8 радикальным запретом, по сути, одновременно запрещается существование в нашем обществе людей с заболеванием «транссексуализм», нуждающихся в лечении, в том числе, посредством смены пола. Но, полагаем, что существование таких людей нельзя игнорировать. Более того, не стоит забывать, что игнорирование – один из старейших видов эмоционального насилия, что недопустимо в отношении членов нашего общества.

На наш взгляд, Законопроект № 242098-8 являлся более демократичным. Прежде всего, в Пояснительной записке к нему правомерно указывалось, что действующий порядок выдачи справки о половой переориентации лица, установленный приказом Минздрава России № 850н[5], носит создающий поле для злоупотреблений крайне общий, расплывчатый характер. Действительно, несмотря на то, что данным Приказом установлено, что для получения справки о смене пола гражданин должен представить выданное врачом-психиатром «направление на установление половой переориентации» лишь в случае постановки ему диагноза «транссексуализм» (п. 5 Приказа), согласимся, что этого явно недостаточно. Поставленный диагноз может быть ошибочным, врач может быть введен в заблуждение пациентом, подкуплен, могут иметь место шантаж, угроза или иное давление. Также, полагаем, не может являться достаточной для получения справки о смене пола оценка врачебной комиссией, включающей психиатра, сексолога и медицинского психолога, половой переориентации гражданина лишь на основании изучения выписки из медицинской документации, данных анамнеза и результатов осмотра (п. 9 Приказа). В этом отношении согласимся с мнением А. С. Карпова о том, что «наиболее адекватным решением проблемы экспертной оценки транссексуальных состояний должно быть ее отнесение к компетенции комплексной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы» [4, с. 19].

Кроме этого, стоит обратить внимание на то, что предлагаемая Законопроектом № 242098-8 для внесения в Федеральный закон № 323-ФЗ норма имеет порядковый номер 57.1, т.е. предполагалось, что она будет непосредственно следовать за нормой 57, определяющей условия медицинской стерилизации. Думается, что это не случайно, поскольку смена пола в определенном смысле также представляет собой стерилизацию, хотя и осуществляемую иным, гораздо более сложным путем, что, безусловно, должно иметь строгое и основательное медицинское обоснование. Именно поэтому, на наш взгляд, указание в данном законопроекте на необходимость наличия в качестве условия изменения/коррекции половой принадлежности не просто медицинских показаний, как это имеет место в ст. 57, а медицинских показаний на основании мотивированного заключения врачебной комиссии является правильным. При этом полагаем, что замена отнесения решения данного вопроса к компетенции комплексной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы, сделала бы принятие такого решения гораздо более обоснованным.

В свою очередь, предлагаемая Законопроектом № 369814-8 для внесения в тот же федеральный закон норма имеет порядковый номер 45.1, т.е. будет следовать за ст. 45 «Запрет эвтаназии». Другими словами, операция по смене пола, по сути, приравнивается к прекращению поддержания жизни пациента. Но для лиц, страдающих транссексуализмом, при котором человек уже рождается с патологией пола, хирургическая операция по его смене означает не прекращение жизни, а жизнь в лучшем для него качестве, при этом позволяет конкретному человеку «жить лучше в том смысле, как лично он, а не социум понимает это "лучше"» [5, с. 324, 349].

Транссексуализм – не норма, а редкое исключение, требующая лечения патология, при которой человек страдает от сильнейшей дисфории[6]. Поэтому, полагаем, речь должна идти не о праве таких людей на гендерную идентичность, а об их праве на лечение посредством смены пола, но распространение такого права на всех людей является порочной крайностью.

Между тем, исключения из предлагаемой Законопроектом № 369814-8 ст. 45.1 строго ограничены. Согласно содержанию ч. 2 ст. 45.1 первоначального текста законопроекта, они касались только лечения врожденных физиологических аномалий формирования пола и только у детей. В тексте доработанного законопроекта, прошедшего с завидной быстротой второе (13.07.2023 г.) и третье чтение (14.07.2023 г.) в Государственной Думе, словосочетание «лечение врожденных физиологических аномалии формирования пола» заменено на более содержательное – «лечение врожденных аномалий (пороков развития), генетических и эндокринных заболеваний, связанных с нарушением формирования половых органов».

Таким образом, в любом случае Законопроект № 369814-8 призван запретить смену пола, когда присутствуют только психологические показатели – а это, безусловно, сейчас весьма чувствительная тема для общества на фоне ЛГБТ пропаганды «свободы». При этом от этой пропаганды страдают и сами действительные, а не мнимые транссексуалы.

2 Законопроект № 369814-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в части запрета смены пола человека)» (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ В. В. Володиным, В. А. Васильевым, Г. А. Зюгановым, С. М. Мироновым, Л. Э. Слуцким [и др.]). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/369814-8#bh_histras (дата обращения: 03.07.2023).

3 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 263.

4 Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. 1997. № 224.

5 Приказ Минздрава России от 23.10.2017 № 850н «Об утверждении формы и порядка выдачи медицинской организацией документа об изменении пола» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.01.2018 № 49695) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.07.2023).

6 Гендерная дисфория – максимально выраженный дистресс, нарушающий качество жизни и в некоторых случаях приводящий к аутоагрессии и суицидальным действиям [1, с. 1284].

Действительные транссексуалы, сменив пол, желают жить полноценной жизнью, поэтому для них более предпочтителен режим секретности, для обеспечения которого после смены пола они вероятнее всего предпримут перемену места жительства, где об их «прошлой жизни» никто не знает, и они, в отличие от ЛГБТ-активистов, не кричат о своих правах на самоопределение.

Получается, что существуют две группы данного сообщества: одна из них принимает условия общества, не предает публичности свои особенности, желает жить обычной жизнью в новом качестве женщины/мужчины, предпочитая, чтобы о смене пола знало только ближайшее окружение. Другая же группа не только демонстративно показывает эти особенности, выпячивает себя, но и пропагандирует обществу свои бредовые идеи, еще в недавнем прошлом считавшиеся немыслимыми, открыто и нагло навязывает свои взгляды и представления на семью, отношения между мужчинами и женщинами, их поведение и образ жизни [6, с. 116], пытаясь влиять на все сферы жизни, традиции, культуру, экономику, образование и т. д.

Необходимо отметить, что феномен транссексуализма изучали в СССР, на Западе и на Востоке более ста лет, придя к выводу о возможности его лечения при помощи смены пола [7]. Почему же в нашей стране предлагается просто отменить этот метод лечения, не предложив людям, страдающим от гендерной дисфории, никакой альтернативы? Как представляется, необходимо учесть важность сохранения доступности медицинской помощи для тех, у кого существуют соответствующие заболевания, и идти не по пути полного запрета, а строгого контроля за получением медицинских документов и продуманного правового регулирования возникающих после смены пола правоотношений. На это прямо указывалось имеющими особое мнение специалистами Министерства здравоохранения, которые сугубо критически отнеслись к его принятию в третьем чтении, подчеркнув, что новые нормы о запрете смены пола медицинским путем создают нелогичную ситуацию, когда «диагноз есть, а помощи нет»[7].

Отметим, что правовым вопросам, связанным с регулированием возникающих в связи со сменой гражданином пола отношений, посвящено немало заслуживающих внимания законодателя исследований [8; 9]. В частности, предложения ученых отразить в Семейном кодексе РФ положение об автоматическом расторжении брака гражданина с момента смены пола и изменения в связи с этим его социально-правового статуса уже высказывались на страницах научных изданий [6, с. 347]. По мнению исследователей данного вопроса, действующее правовое регулирования возникающих в связи со сменой пола отношений создавали возможность использования такой ситуации супругами как повод для обхода запрета однополых браков. Поэтому предлагаемый учеными вариант правового регулирования не только явился бы неким компромиссом между публичным порядком и частной жизнью гражданина, но и позволил бы исключить создание противоречащих Конституции РФ, согласно подп. «ж. 1» ст. 72 которой брак рассматривается не иначе, как союз мужчины и женщины, однополых браков.

Предлагаемый же принятым Законопроектом № 369814-8 дополнением пункта 1 статьи 16 Семейного кодекса РФ, устанавливающей основания для прекращения брака, словами «, а также вследствие внесения изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола одним из супругов» будут касаться исключительно имевшего места в прошлом, уже состоявшегося, но не возможного в будущем факта такого изменения в записи акта гражданского состояния. В связи с запретом любых медицинских вмешательств, направленных на смену пола, через определенный, весьма незначительный промежуток времени предлагаемое дополнение п. 1 ст. 16 СК РФ указанным положением станет неприменимым, поскольку отношения, которые оно призвано регулировать, будут невозможны, а, значит, указанная норма в этой части станет «мертвой».

Безусловно, законодательные инициативы являются одним из действенных факторов социальных преобразований. Вместе с тем рассмотренные в статье вопросы свидетельствуют о необходимости «уйти от края» при выработке правовых решений, которые должны быть не радикальными, а продуманными, всесторонне взвешенными и оптимальными, и обеспечивали бы баланс интересов членов нашего общества, при котором реализация личных прав меньшинства из них не оказывала бы негативного влияния на права и интересы большинства.

Пристатейный библиографический список

1. Кременицкая С. А., Соловьева Н. В., Макарова Е. В., Кизеев М. В., Васильева Т. П. Суицидальная активность и коморбидная психическая патология у лиц с гендерной дисфорией // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30. № 6. С. 1283-1290.
2. Корягина С. А., Кравченко И. О. Анализ эффективности воздействия СМИ на формирование мировоззрения молодежи в информационном пространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 4. С. 763-773.
3. Сабуров М. А. Медиаволна в современном мире: деструктивизм, институт медиабезопасности и Интернет // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 3. С. 54-73.
4. Карпов А. С. Клинико-диагностические и организационно-правовые аспекты оказания медицинской помощи лицам с транссексуализмом и другими нарушениями половой идентичности: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2002. 24 с.
5. Филиппова С. Ю. Влияние трансгендерного перехода на правовой статус гражданина // Физические лица как субъекты российского гражданского права: коллективная монография; отв. ред. Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. М.: Статут, 2022. С. 320–349.
6. Босхолов С. С. Вызовы и угрозы основам конституционного строя и российской государственности: политико-правовой и криминологический аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 2. С. 109-121.
7. Матевосян С. Н., Титова Ю. А., Калинченко С. Ю., Руденко Л. В. Расстройства половой идентичности: история изучения проблемы и распространенность в Российской Федерации // Российский психиатрический журнал. 2008. № 3. С. 65-71.
8. Малеина М. Н. Изменение биологического и социального пола: перспективы развития законодательства // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 52-59.
9. Шаблий Д. С. К вопросу о законодательной регламентации порядка осуществления изменения пола // Семейное и жилищное право. 2012. № 1. С. 26-28.

7 Поправки о запрете смены пола прошли основное чтение в Госдуме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/13/07/2023/64afd6099a79475fc3cbe980 (дата обращения: 14.07.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-159-161

МИРОНОВ Денис Владимирович
аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Миронов Д. В.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БАЗ ДАННЫХ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В рамках данной статьи автором рассматриваются особенности правовой природы баз данных, используемых в сфере государственного и муниципального управления, на основании анализа мнений ученых, норм действующего законодательства, выделяются ключевые признаки баз данных, используемых в сфере государственного и муниципального управления. Автор статьи акцентирует особое внимание на вопросе юридического регулирования баз данных, которые формируются и используются в сферах управления государственными и муниципальными структурами. В эпоху современности, эпоху формирования всестороннего цифрового государства базы данных, которые содержат обширные объемы информации в электронном виде, становятся значимым активом публичных органов власти, что подчеркивает целесообразность выделения таких баз данных в качестве отдельной категории. Необходимость установления единых норм правового регулирования в сфере общественных отношений, связанных с государственными и муниципальными базами данных, представляет научный интерес в разрешении этого вопроса и подчеркивает его практическую важность. В заключение исследования автором приводится определение понимания правовой природы баз данных, используемых в сфере государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: правовая природа баз данных, государственное и муниципальное управление, особенности правовой природы баз данных, используемых в сфере государственного и муниципального управления, публичный информационный ресурс, публичная власть, общественные отношения.

MIRONOV Denis Vladimirovich
postgraduate student of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

THE LEGAL NATURE OF DATABASES USED IN THE FIELD OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

Within the framework of this article, the author examines the features of the legal nature of databases used in the field of state and municipal government, based on the analysis of the opinions of scientists, the norms of the current legislation, highlights the key features of databases used in the field of state and municipal government. The author of the article focuses on the issue of legal regulation of databases that are formed and used in the areas of management of state and municipal structures. In the era of modernity, the era of the formation of a comprehensive digital state, databases that contain vast amounts of information in electronic form are becoming a significant asset of public authorities, which emphasizes the expediency of singling out such databases as a separate category. The need to establish uniform norms of legal regulation in the field of public relations related to state and municipal databases is of scientific interest in resolving this issue and emphasizes its practical importance. In conclusion of the study, the author provides a definition of understanding the legal nature of databases used in the field of state and municipal government.

Keywords: legal nature of databases, state and municipal administration, features of the legal nature of databases used in the field of state and municipal administration, public information resource, public authorities, public relations.

Введение.

Вопросы, связанные с осмыслением особенностей правовой природы баз данных, используемых в сфере государственного и муниципального управления, традиционно характеризуются повышенным уровнем значимости и актуальности, т.к. данная область права является сравнительно «молодой» и в настоящее время, в виду активного развития информационно-телекоммуникационных технологий находится в стадии активного развития. Если обратимся к научной литературе, то можно сделать вывод о том, что в настоящее время указанной теме посвятили свои исследования следующие авторы: Бояринцева О. А. [1], Трусов Р. Е., Милованов Д. В., Мамонтов К. Н. [8], Зотов В. В. [2] и другие авторы.

Рассмотрев работы вышеуказанных авторов, а также нормы Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9], Постановление Правительства РФ от 06.07.2015 № 676 «О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации» [4] и другие акты, можно отметить следующее.

Основной раздел.

По состоянию на середину текущего, 2023го года, органы государственной власти, а также органы местного самоуправления разрабатывают новый алгоритм работы с информационными данными. Описанные органы, как совместно, так и порознь работают над тем, чтобы усовершенствовать принцип упорядочивания информационных данных, которые имеют большой объем. Актуальность данной разработки обосновывается тем фактором, что государственные органы и органы местного самоуправления ежедневно должны обрабатывать, анализировать и систематизировать большой объем данных. На данный момент работа с большими данными не доведена до совершенства, обработка этих данных занимает большое количество времени.

Упорядочивание этого процесса позволит не только использовать разработанный алгоритм для эффективной работы, но и будет стимулировать принятие решений быстрее и

эффективнее. Помимо этого, работа с большими данными позволит развивать активное взаимодействие государственных органов с гражданами, которые обращаются за помощью в тот или иной орган.

Исходя из этого, можно сказать, что разработка нового алгоритма работы с объемными данными является важным и актуальным аспектом работы государственных органов и органов местного самоуправления на текущем этапе их развития.

Автор Н. Н. Ковалева в своем исследовании отмечает тот факт, что государственная информация является тем элементом, который обеспечивает высокий уровень эффективности работы государства и общества. Автор особо подчеркивает то, что государственная информация позволяет систематизировать процесс управления государственным органом, а также повышает эффективность оказываемых гражданам услуг. Н. Н. Ковалева в своем труде приходит к такому термину, как публичный информационный ресурс (ПИР). Автор использует данный термин для обозначения всех данных, всей информации и всех документов (как физических документов, так и документов, размещенных в электронном виде), которыми обладают государственные органы и органы местного самоуправления. Автор отмечает, что создание, внедрение и совершенствование ПИР позволит размещать в открытом доступе весь объем информации, который будет необходим для общества, также на ПИР должны быть размещены данные о работе государственных органов и органов местного самоуправления [3].

Как уже было отмечено, на сегодняшний день деятельность государственных органов не является эталонной. Использование новых технологий обработки и систематизации больших объемов информации позволит вывести работу государственных органов, муниципальных органов власти на новый уровень. Стоит отметить, что многие органы государственной власти уже либо частично перешли на новый технологический уровень, либо уже, как минимум, начали этот переход и находятся в стадии оцифровки. Перевод традиционных методов хранения информации в цифровой формат занимает достаточно много времени, это связано с тем огромным количеством информации, которую необходимо обработать. Одним из самых эффективных методов перевода информации в цифровой вид является использование баз данных.

Базы данных позволяют не только унифицировать все необходимые ресурсы государственных органов власти, они также позволяют органам государственной власти исполнять свои основные функции. Еще одним преимуществом использования баз данных является возможность аккумулирования ресурсов органов власти, а также возможность создания электронного взаимодействия между разными органами власти. Такие межведомственные информационные связи позволяют совершенствовать актуальный на сегодняшний день формат взаимодействия данных органов и в разы увеличивать скорость обработки запросов.

Создание цифрового обслуживания дает возможность получения быстрого ответа на запрос не только для государственных органов, но и для обычных граждан, которые обращаются в тот или иной орган.

Помимо этого стоит сказать и о совершенствовании процесса принятия решений, а также исполнения ключевых функций органов власти. Упорядочивание информации в базах данных позволяют реализовывать основные функции органа власти, а также в несколько раз ускорять процесс принятия управленческого решения (с учетом всех необходимых факторов и аспектов).

Все это обосновывает современную актуальность эксплуатации баз данных в рамках государственных институтов власти. Исходя из данной актуальности, мы можем выделить острую необходимость создания и внедрения особого правового режима для баз данных, которые используются в рамках государственных и муниципальных органов власти. Такие базы данных будут интерпретировать в качестве публичных баз данных органов власти. Все это дает нам возможность переосмыслить сам институт публичной власти, как таковой.

Согласно определению В. В. Рачинского, публичная власть – это официальная и законная социальная власть, которая направлена на защиту и на всестороннее развитие определенного территориального сообщества в соответствии с общепринятыми ценностями и убеждениями общества. Ее основная цель состоит в сохранении и развитии данного сообщества как целостной системы. В соответствии с взглядами В. В. Рачинского, в демократических обществах публичная власть выполняет ряд функций. Она осуществляет реализацию публичного интереса, способствует консолидации общества, управляет общественными процессами и защищает существующую систему общественных отношений (проявляя охранительную функцию). Кроме того, она играет важную роль в нормотворчестве и обеспечении прав и свобод человека и гражданина [5].

Одной из важных функций публичной власти является реализация публичных интересов, которые определяются многими исследователями, изучающими понятие публичного права. Публичность интересов выражается в публичных функциях, вещах и услугах, которые имеют общезначимый или «общеобязательный» характер. Это делает публичную деятельность существенной и отражает сущность публичности в контексте публичных баз данных. Важно также учитывать формы организации публичной власти, такие как федеральная, региональная и муниципальная власть. Подход, который рассматривает публичную власть как обобщающее понятие и родовую категорию, является широко принятой практикой в юридической науке и не вызывает споров.

Во время эксплуатации баз данных в рамках государственного и муниципального управления, публичные интересы будут проявляться через определенные аспекты, проанализируем ключевые из них.

Первый аспект заключается в том, что базы данных будут представлять собой общественно значимые интересы, которые должны быть закреплены государственном на официальном уровне. Именно они и станут фундаментом для создания законодательных норм и нормативно-правовых документов, основной целью которых станет регулирование создания, внедрения и эксплуатации баз данных для государственных органов власти и органов местного самоуправления.

Второй аспект заключается в том, что создаваемые публичные интересы будут неразрывно связаны с формированием и эксплуатацией баз данных, которые, в свою очередь, будут выступать результатом нужды государства в использовании упорядоченной модели систематизации данных. Систематизация информационных данных на данном уровне должна быть организована самым эффективным образом. Так, систематизация и упорядочение данных будут происходить исключительно в электронном формате. База данных будут также отражать ключевые факты, важные элементы деятельности граждан, основные субъекты и объекты права. Все это позволит развивать общественные отношения.

Третий аспект состоит в реализации публичных интересов в формировании и использовании баз данных с разными целями. К данным целям можно отнести:

– создание эффективного электронного сотрудничества между органами государственной власти (и между органами и гражданами);

– создание общедоступного сервиса для всех организаций и общественности, которым нужна осведомленность о работе органов власти, их функциях;

– отражение текущего уровня рассмотрения запросов и заявок;

– организация предоставления публичных услуг в рамках деятельности органов власти и т.д.

Все эти элементы позволять совершенствовать деятельность органов власти, а также повышать уровень качества обслуживания граждан.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что публичные интересы, возникающие в процессе использования баз данных в рамках деятельности государственных органов власти и органов местного самоуправления, будут активно демонстрировать высокий уровень социальной и организационной значимости. Использование баз данных, в свою очередь, будет способствовать улучшению деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и повышению качества оказания услуг в органах власти. Все это поспособствует развитию общества и государства в целом.

Важная роль публичного права проявляется в реализации публичных интересов в сфере формирования и использования баз данных. По словам Э. В. Талапиной, публично-правовые нормы определяют права и обязанности государственных органов и других публичных структур в отношении создания, доступа и использования баз данных. Они также охраняют интересы граждан и общества в области обмена информацией и обеспечения ее безопасности. Публичное право является основой для разработки нормативно-правовых актов, которые регулируют организацию баз данных, определяют порядок их создания, функционирования и защиты [6].

Вывод.

В заключение настоящего исследования можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, стоит отметить специфические особенности правовой природы баз данных, которые должны использоваться в рамках деятельности государственных органов власти, а также органов местного самоуправления. В первую очередь, специфика анализируемых баз данных будет состоять в том, что они несут в себе публичный характер, который будет определяться с помощью общественной значимости. Во-вторых, базы данных, используемые в рамках государственного и местного самоуправления, будут ключевым элементом создания информационного обмена между разными государственными ведомствами, органами. В-третьих, базы данных позволят повысить уровень эффективности предоставляемых услуг и увеличить скорость обработки запросов (как запросов от других органов власти, так и запросов от обычных граждан).

И, наконец, базы данных позволят обеспечить бесперебойный доступ к информации об органе, его функциям, статусе формирования и рассмотрения запросов.

Важно отметить, что публичность баз данных подразумевает их социальную значимость и позиционирование как общедоступных и официальных источников информации. Базы данных в сфере государственного и муниципального управления выполняют роль инструмента для эффективной коммуникации между различными государственными структурами, обеспечивая обмен необходимыми данными и информацией. В контексте оказания государственных и муниципальных услуг базы данных играют ключевую роль в обеспечении прозрачности и доступности информации. Граждане и организации могут получать достоверную информацию о правилах, процедурах и условиях оказания публичных услуг, а также о деятельности органов публичной власти. Это способствует укреплению доверия к государственным и муниципальным органам и повышению эффективности их работы.

Более того, публичные базы данных являются инструментом исполнения государственных и муниципальных функций. Они обеспечивают хранение и систематизацию информации, необходимой для принятия решений, планирования и мониторинга деятельности публичных органов. Такая централизованная система баз данных способствует координации и согласованности действий государственных и муниципальных структур, а также обеспечивает своевременность и точность предоставляемых данных.

Пристатейный библиографический список

1. Бояринцева О. А. Особенности правовой природы баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления // Административное и муниципальное право. 2016. № 11 (107). С. 934-940.
2. Зотов В. В. От нового государственного управления к государственному менеджменту публичных ценностей (новая философия публичного управления) // Проблемы философии: история и современность. Сборник статей по итогам научно-практической конференции с международным участием. 2018. С. 204-208.
3. Ковалева Н. Н. Административно-правовое регулирование использования информационных технологий в государственном управлении: Дис. ... д. ю. н.: 12.00.14, 12.00.13. Саратов, 2014. С. 155.
4. Постановление Правительства РФ от 06.07.2015 № 676 (ред. от 16.12.2022г.) «О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 28. Ст. 4241.
5. Рачинский В. В. Публичная власть как общеправовая категория: теоретико-прикладной аспект: Автореф. дис. ... к. ю. н.: 12.00.01. Екатеринбург, 2003. С. 15.
6. Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М., 2015. С. 55.
7. Талапина Э. В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: Информационно-правовое исследование: Дис. ... д. ю. н.: 12.00.13. М., 2015. С. 210.
8. Трусов Р. Е., Милованов Д. В., Мамонтов К. Н. Публичная достоверность баз данных, формируемых и используемых в сфере государственного и муниципального управления // Юридический факт. 2018. № 38. С. 39-42.
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

ПРОНИНА Юлия Олеговна
кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ПЕТРОВ Николай Вячеславович
преподаватель кафедры конституционного и гражданского права Курской академии государственной и муниципальной службы

ПАВЛОВ Дмитрий Игоревич
аспирант кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ФАКТИЧЕСКИЕ БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В статье рассматривается современное состояние проблемы легализации фактических брачных отношений в Российской Федерации и Республике Беларусь. Показано, что в настоящее время потребности гражданского оборота государств не совпадают с видением законодателя по разрешению вопросов имущественных отношений лиц, состоящих в фактических брачных отношениях.

Ключевые слова: семья, брачные отношения, сожители, совместная собственность.

PRONINA Yuliya Olegovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor of Civil law sub-faculty of the Southwest State University, Kursk

PETROV Nikolay Vyacheslavovich
lecturer of Constitutional and civil law sub-faculty of the Kursk Academy of State and Municipal Service

PAVLOV Dmitry Igorevich
postgraduate student of Civil law sub-faculty of the Southwestern State University, Kursk

DE FACTO MARITAL RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS: PERSPECTIVES OF LEGAL REGULATION

The article examines the current state of the problem of legalizing de facto marital relations in the Russian Federation and the Republic of Belarus. It is shown that at present the needs of civil turnover of states do not coincide with the vision of the legislator to resolve issues of property relations of persons who are in actual marital relations.

Keywords: family, marital relations, cohabitants, joint property.

Современный этап развития правовой системы Российской Федерации сопровождается коренными изменениями, связанными с рядом вызовов внешнего и внутреннего характера. К числу первых можно отнести санкционную политику стран Запада и закономерный отказ Российской Федерации от членства в Совете Европы на дискриминационных условиях с последующим прекращением признания юрисдикции Европейского Суда по правам человека. Вторая группа представлена, прежде всего, принятием по итогам Общероссийского голосования в 2020 году ряда поправок к Конституции Российской Федерации, определивших вектор трансформации как системы права в целом, так и отдельных его отраслей.

Одним из основных блоков конституционных новелл стали поправки, связанные с защитой семьи, материнства, отцовства и детства. Однако несмотря на сложности в международном взаимодействии Российской Федерации с рядом государств, использование зарубежного опыта для разрешения правовых проблем не может быть окончательно отвергнуто, что обуславливает необходимость обращения к правопорядкам стран-партнеров одной правовой семьи, которой, безусловно, является Республика Беларусь.

Семейное законодательство Российской Федерации находится в постоянном процессе модернизации, позволяющей адаптировать его под реалии жизни и потребности общества. Вместе с тем, в семейном праве имеются проблемные вопросы, которые не могут получить своего разрешения в течение многих лет. К таковым можно отнести проблему, возникающую вследствие совместного проживания мужчины и женщины без регистрации брака, когда не возникает режим совместной собственности, а также право наследования на основании закона и другие вытекающие сложности правоприменительной практики.

Вышесказанное позволяет подтвердить актуальность и своевременность исследования фактических брачных отношений в Российской Федерации и Республике Беларусь, на основании которого видится возможным разработать вариант разрешения обозначенной проблемы и спрогнозировать перспективы его применения законодателем.

Дискуссии о легализации фактически брачных отношений в целях разрешения вопросов имущественного характера в России ведется достаточно давно. Для обеспечения балансов имущественных интересов зачастую используются механизмы, которые по сравнению с легализацией фактических брачных отношений более сложны и не всегда применимы. К примеру, Верховным Судом Российской Федерации было рассмотрено дело, в котором было установлено, что гражданка проживала и вела с наследодателем общее совместное хозяйство в течение 35 лет. Истец вышла на пенсию по возрасту, затем была признана инвалидом II группы,

и получала от наследодателя содержание. При обращении в суд как наследник восьмой очереди в порядке части 3 статьи 1148 Гражданского кодекса Российской Федерации и обращении с требованием признать ее нетрудоспособным иждивенцем гражданка получила отказ. Департамент городского имущества города Москвы обратился со встречным иском о выселении гражданки из спорной квартиры, поскольку она представляет собой выморочное имущество. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанции также не признали право самостоятельного наследования гражданки как нетрудоспособного иждивенца, тогда как Верховный суд Российской Федерации встал на сторону истицы, потому что она долгое время проживала с наследодателем, стала инвалидом II группы и регулярно получала денежные средства на специальный счет[1]. Стоит обратить внимание, что в информационном поле этот случай судебной практики трактовался как «разъяснение Верховным Судом Российской Федерации приобретения наследства гражданской женой», что вводит в заблуждение человека без юридического образования о возможности наследования по закону после «гражданского супруга»[2].

Отметим, что законодатель не остался в стороне, поэтому легализация фактических брачных отношений была предметом обсуждений не только среди ученых-правоведов. В последнем законопроекте предлагалось ввести в Семейный кодекс Российской Федерации следующую дефиницию: «фактические брачные отношения – не зарегистрированный в установленном порядке союз мужчины и женщины, проживающих совместно и ведущих общее хозяйство»[3] .

Обосновывая необходимость внесения соответствующих поправок в Семейный кодекс Российской Федерации, разработчики законопроекта указывали, что большинство граждан не видит разницы между зарегистрированным и незарегистрированным браком. Наряду с этим тезисом было выдвинуто утверждение, что имеет место вероятность падения рождаемости, поскольку результаты опроса показали, что большинство респондентов придерживаются позиции необходимости регистрации при рождении ребенка с одновременным положительным отношением к сожительству. Из этого следует, что увеличение незарегистрированных браков повлечёт снижение уровня рождаемости. В качестве аргумента за введение фактических брачных отношений авторами законопроекта указывалось, что отсутствие взаимных прав и обязанностей между сожителями создает не только риски социально-демографического, но и юридического характера, поскольку к таким отношениям не применяется категория «совместно нажитое имущество». По мнению разработчиков, это явление уже существует давно и отсутствие каких-либо правовых гарантий есть «угроза полноценному социальному развитию общества».

Критериями применения правового режима фактических брачных отношений предлагалось установить сроки ведения общего хозяйства и совместного проживания не менее 5 лет без детей и 2 года при наличии ребенка при соблюдении условий для заключения брака. Однако был оставлен без внимания вопрос формы подтверждения выполнения обозначенных критериев, а впоследствии законопроект не получил поддержки.

Российские ученые, поддерживая рассмотренную инициативу, приходят к выводу о необходимости адаптации современного законодательства под реалии жизни, поскольку понимание категории «семья» шире, чем объем понятия «зарегистрированный брак» [1, с. 182]. Решение вопроса о признании фактических брачных отношений в российском правовом поле по мнению Д. А. Пашкова, поможет справедливо урегулировать имущественные и наследственные отношения между мужчиной и жениной, состоящими в незарегистрированном в установленном порядке союзе [2, с. 132].

Р. Е. Телегин в своем диссертационном исследовании расширил понятие «фактические брачные отношения» до понятия «фактические семейные отношения» как «складывающиеся между физическими лицами и имеющими признаки конкретного семейного отношения без легального юридического факта» [3, с. 14]. Ученый предложил судебный порядок установления фактического семейного правоотношения. В целом, можно говорить о том, что легализация фактических брачных отношений имеет поддержку в российском юридическом сообществе.

Обращаясь к семейному законодательству Республики Беларусь, можно сделать вывод об аналогичном состоянии вопроса признания фактических брачных отношений, поскольку в статье 15 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье указывается, что брак как добровольный союз мужчины и женщины заключается на условиях, предъявляемых в законе. К ним относится регистрация брака в органах записи акта гражданского состояния. Между тем ученые на основе анализа статистических данных приходят к выводу о несоответствии гражданского и семейного законодательства социальным потребностям общества [4, с. 101].

Е. И. Пыско приводит ряд аргументов, свидетельствующих о своевременности разработки правового механизма защиты интересов сожительствующих мужчины и женщины: широкая распространенность фактических брачных отношений; обеспечение справедливого баланса имущественных прав состоящих в фактических брачных отношениях лиц, а также рожденных в таких отношениях детей, для которых предлагается презумпция отцовства; наличие эффективной реализации норм о фактическом браке в ряде зарубежных государств (Испания, Франция, Швеция) [4, с. 105].

И все же, оценивая состояние международного взаимодействия со странами, легализовавшими фактические брачные отношения, а также Европейским Судом по правам человека думается, что использование этого опыта в ближайшее время вряд ли видится возможным.

1 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.07.2020 № 5-КГ20-66-К2 // СПС «КонсультантПлюс»: судебная практика, поиск по реквизитам.

2 Верховный суд объяснил, в каких случаях гражданская супруга становится наследницей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2021/03/28/v-kakih-sluchaiahgrazhdanskaia-supruga-stanovitsia-naslednicej.html (дата обращения: 09.09.2023 г.).

3 Законопроект № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7 (дата обращения: 09.09.2023 г.).

Кроме того, для Российской Федерации характерен курс защиты традиционных семейных ценностей, что отразилось в ряде поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года. Среди них следует отметить внесение пункта «ж. 1» с понятием института брак как союза мужчины и женщины в контексте направления государственной политики; включение в Основной закон статьи 67.1, содержащей положения о детях как важнейшем приоритете государственной политики и принципе семейного воспитания. По мнению А. В. Гриневой, конституционные новеллы представляю собой расширение зоны ответственности государства за воспитание детей и их интеллектуальное, физическое и нравственное развитие [5, с. 20].

Анализ поправок, касающихся защиты семьи, детства, материнства и отцовства, позволяет говорить о том, что в Российской Федерации основной задачей государственной политики в отношении семьи и детей остается защита традиционных ценностей. Одним из компонентов этой системы является официально зарегистрированный брак, который гораздо серьезнее воспринимается в части выполнения взаимных обязанностей супругов и воспитания детей. Думается, что признание фактических брачных отношений, по мнению законодателей, не вписывается в концепцию государственной политики поддержки и защиты семьи, поскольку создает вероятность распространения негативного отношения к классическому браку в молодежной среде. Подтвердить тезис можно положениями находящегося на рассмотрении в Государственной Думе законопроекта, предполагающего введение в Семейный кодекс Российской Федерации статьи 1.1 «Основные термины, используемые в настоящее Кодексе», в которой понятие брака трактуется аналогично норме Кодекса Республики Беларусь о браке и семье как «добровольный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи, государственная регистрация заключения которого осуществляется в соответствии с настоящим Кодексом и Федеральным законом от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», тогда как термин «фактические брачные отношения» не предлагается[4]. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении семейного законодательства Республики Беларусь, которое на данный момент имеет значительное сходство вследствие тесного сотрудничества государств во всех сферах.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что многолетняя проблема последствий отказа от регистрации брака лиц, имеющих общее имущество и ведущих совместное хозяйство на данном этапе, не рассматривается законодателями Российской Федерации и Республики Беларусь как вопрос, требующий срочного разрешения в ближайшей перспективе. Однако текущее положение негативным образом сказывается на имущественном обороте и не обеспечивает баланс интересов лиц, создающих семьи без регистрации брака.

4 Законопроект № 157281-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8 (дата обращения: 09.09.2023 г.).

Пристатейный библиографический список

1. Макаева Р. Р. Фактические брачные отношения: проблемы правового регулирования // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 12. – С. 174-183.
2. Пашков Д. А. Актуальные вопросы правового регулирования фактических брачных отношений в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10. № 1-1. – С. 127-134.
3. Телегин Р. Е. Правовой статус участников семейных правоотношений: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Место защиты: ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет». – Курск, 2022. – 24 с.
4. Пыско Е. И. Развитие правового регулирования фактических брачных отношений // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2021. – № 2 (145). – С. 101-107.
5. Гринева А. В. К вопросу о новой идеологии правового регулирования родительского правоотношения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 2 (70). – С. 15-22.

СМИРНОВ Иван Андреевич
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХСЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В статье рассмотрены социально-демографическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная виды характеристик положительно характеризующихся осужденных, к которым были применены определенные поощрительные институты. Автор акцентирует внимание на проблемных сторонах относительно работы по построению ресоциализационного процесса в отношении указанной категории осужденных к лишению свободы, а также о возможности использования полученных данных в практической деятельности исправительных учреждений.

Ключевые слова: положительно характеризующиеся осужденные, характеристика личности, поощрительные институты.

SMIRNOV Ivan Andreevich
lecturer of Civil law disciplines sub-faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

PERSONAL CHARACTERISTICS OF POSITIVELY CHARACTERIZED PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT

The article considers the socio-demographic, criminal-legal and penal-executive types of characteristics of positively characterized convicts to whom certain incentive institutions have been applied. The author focuses on the problematic aspects regarding the work on the construction of the resocialization process in relation to this category of persons sentenced to imprisonment, as well as the possibility of using the data obtained in the practical activities of correctional institutions.

Keywords: positively characterized convicts, personality characteristics, incentive institutions.

На основе эмпирических данных, полученных автором через разработку специальных анкет, представим в обобщенном виде криминопенологический портрет положительно характеризующегося осужденного к лишению свободы.

Автором рассмотрены и проанализированы эмпирические данные относительно следующих видов характеристик личности осужденных: социально-демографическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная.

Считаем, что изучение уголовной и уголовно-исполнительной характеристик положительно характеризующихся осужденных к лишению свободы относительно критериев их исправления позволит сделать вывод о соответствии материальных оснований поощрительным институтам, установленных соответствующим законодательством. А по справедливому мнению И. В. Шмарова: изучение социально-демографической характеристики позволит осуществлять воспитательный процесс более дифференцировано и эффективно [1, с. 24].

Респондентами выступили следующие группы осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы: 1) осужденные, содержащиеся в обычных условиях отбывания наказания, а также переведенные в облегченные условия отбывания наказания (далее – ОУОН); 2) переведенные из исправительной колонии (далее – ИК) общего/строгого режима в колонию-поселение (далее – КП); 3) лишение свободы которым заменено принудительными работами; 4) лишение свободы которым заменено наказаниями, не связанными с изоляцией от общества. Реализация поощрительных институтов первой из отмеченных групп находится в компетенции администрации исправительного учреждения (далее – ИУ). Вторая, третья и четвертая – в компетенции судов.

Относительно социальных признаков следует отметить, что по гендерному показателю преобладает количество лиц мужского пола, Основную возрастную категорию составили лица молодежного (25-35 лет) и среднего возраста (35-45 лет). Каждый третий положительно характеризующийся осужденный состоит в браке, среди которых наибольшее количество лиц, имеющих семьи, содержатся в облегченных условиях отбывания наказания. В. И. Степаненко по данному поводу отмечает, что связь с семьей является «хорошим ресоциализирующим фактором», повышающим мотивацию к законопослушному поведению [2, с. 73].

В целом превалирует количество положительно характеризующихся осужденных, имеющих среднее профессиональное образование (44,4 %). Н. А. Тюгаева особое значение придает данному виду образования, указывая, что оно «усиливает эффективность включения его в социально-ценностную активность, проявляющуюся в трудовой деятельности» [3, с. 171]. 13,6 % осужденных имеют высшее образование.

Отметим, что уровень профессионального образования лиц, реализация поощрительных институтов которых находится в компетенции судов, выше, чем у осужденных, содержащихся в ОУОН. В данном случае можно прийти к справедливому мнению: такие поощрительные институты выступают в роли стимулирующих факторов получения профессионального образования.

Обратимся к такому правовому состоянию гражданина как судимость. Согласно исследованию количество и характер судимостей за некоторыми исключениями не оказывают значительное влияние на реализацию поощрительных институтов, так как по мнению Н. А. Тюгаевой и М. П. Стуровой судимость следует рассматривать как опосредованный показатель эффективности воспитательной работы [4, с. 379]. Выявленный факт не противоречит нормам уголовно-исполнительного законодательства: согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой ча-

сти наказания более мягким видом наказания» (далее - постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 8) суды не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания по основаниям, не указанным в законе, таким как наличие прежней судимости».

Так, среди лиц, содержащихся в ОУОН, ранее привлекались к уголовной ответственности более половины осужденных (59,3 %), большая часть из них отбывали лишение свободы.

Среди осужденных, лишение свободы которым заменено принудительными работами, 46,1 % ранее содержались в местах лишения свободы. Больше половина из них – не содержалась (из них 14,3 % имели в прошлом судимость). 39,1 % осужденных, переведенных из ИК общего/строгого режима в КП, отбывали ранее лишение свободы. 60,9 % лиц, не отбывавших лишение свободы, 7,8 % имели в прошлом судимость. Среди лиц, лишение свободы которым заменено наказанием без изоляции от общества, 48,9 % уже содержалось в местах лишения свободы. 51,1 % лиц не отбывали ранее лишение свободы, из них 13,9 % имели в прошлом судимость. Большая часть указанной группы лиц в прошлом были судимы (всего 56,7 %, из которых 44,7 % отбывали наказание в виде лишения свободы).

Тем самым практически половина положительно характеризующихся осужденных в прошлом имели судимость. Это может означать как некачественную подготовку осужденных к освобождению, так и отсутствие такой подготовки перед реализацией некоторых поощрительных институтов (замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, не связанного с изоляцией от общества, условно-досрочное освобождение), что в свою очередь влияет на их ресоциализацию.

Среди перечисленных групп положительно характеризующихся осужденных в общей структуре преступных деяний преобладают насильственные (21,4 %), корыстные (34,8 %) преступления и преступления против здоровья населения и общественной нравственности (34,0 %).

Согласно результатам исследования реализация поощрительных институтов в большей степени зависит от инициативы осужденных (84 % осужденных в среднем подавали ходатайства о реализации поощрительных институтов, компетенцией которой располагали суды).

Очередная отличительная особенность относительно практики поощрительных институтов заключается в том, что лиц, отбывающих лишение свободы в строгих условиях отбывания наказания, выявлено не было. Это свидетельствует о том, что судебная практика в большинстве случаев удовлетворяет ходатайства осужденных, содержащихся в ОУОН, что положительно влияет на поэтапность изменения условий отбывания наказания осужденных внутри ИУ. Несмотря на это следует отметить, что имеется часть осужденных, поощрительные институты которых были реализованы при нахождении последних в обычных условиях содержания. Например, осужденные, которым были удовлетворены ходатайства о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, не связанным с изоляцией от общества, содержались в обычных условиях содержания. Тем самым такие осужденные не проходят адаптационный период, связанный с жизнью в свободном социуме.

Исследование показывает, что вышерассмотренным категориям осужденных как до, так и после применения соответствующих поощрительных институтов, свойственен высокий процент занятости в сфере производительного и общественно полезного труда. Следует отметить, что труд выполняет несколько функций. Например, добросовестно работая, осужденный проявляет себя с положительной стороны, в то же время, как утверждает С. Х. Шамсунов, труд отвлекает от противоправного поведения [5, с. 56]. Тем самым в некоторой степени высокая трудовая занятость осужденных осуществляет профилактику нарушений установленного порядка отбывания наказания и повышает поощрительную практику. В отношении лиц, переведенных в КП и лишение свободы которым заменено принудительными работами, прослеживается закономерность снижения активности в сфере обучения, что вполне логично: осужденные, как правило, получают необходимое образование (общее, профессиональное) до реализации указанных поощрительных институтов.

Отметим особенности поэтапной реализации поощрительных институтов в отношении некоторых категорий осужденных. 19,8 % положительно характеризующихся осужденных, лишение свободы которым заменено принудительными работами, отметили, что были переведены, как правило, в колонию-поселение. С целью выявления возможностей дальнейшей реализации прогрессивной системы отбывания наказания было выявлено, что 79,6 % предполагали обратиться в суд с ходатайством об УДО. Однако такие обращения не последовали по следующим причинам: не наступил срок подачи соответствующего ходатайства или же указывалась фраза: «пока еще рано».

Тем не менее 13,6 % респондентов обращались с ходатайством об УДО, но суд отказал по следующим причинам: 1) подача ходатайства об УДО не возможна, если осужденный использовал другой поощрительный институт (замена лишения свободы принудительными работами) (3,4 %); 2) отбытый срок и оценка поведения недостаточны, чтобы обратиться с ходатайством об УДО (5,1 %); 3) незначительная выплата иска, отсутствие готовности к освобождению, нестабильное поведение, отсутствие раскаяния в совершенном деянии (5,1 %). Необходимо прокомментировать пункт второй данного абзаца: в практике по этому поводу возникали противоречия, однако после внесения изменений в ст. 79 УК РФ отмеченные вопросы были сняты (федеральный закон от 28.06.2022 № 200-ФЗ «О внесении изменения в статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации»). В целом, по вышеприведенным пунктам считаем, что имеется ряд противоречий. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 8 отмечается, что суды не вправе отказать в УДО по таким основаниям, как непризнание осужденным вины, кратковременность его пребывания в одном из ИУ (то есть оснований, не указанных в законе).

Менее половины осужденных, лишение свободы которым заменено наказаниями без изоляции от общества, указали, что к ним применялся перевод, как правило, в колонию-поселение (38,7 %). Дальнейшее воздействие на указанную категории лиц со стороны институтов прогрессивной системы отбывания наказания отсутствует, так как уголовное и уголовно-исполнительное законодательство в отношении лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества, не предусматривает возможности УДО.

Укажем обстоятельства, которые в большей мере влияют на реализацию поощрительных институтов и зачастую являются определяющими в их реализации.

Среди лиц, отбывающих лишение свободы в ОУОН, по отношению к осужденным, отбывающим наказание в обыч-

ных условиях содержания, прослеживается преобладание многих элементов уголовно-исполнительной характеристики личности. В частности, основное количество осужденных, которые стремятся к обучению и обучаются, содержатся в ОУОН. Они же в преобладающем большинстве имеют поощрения, заняты на производстве, принимают участие в кружковой деятельности, в большей степени стремятся к реализации поощрительных институтов.

Тем самым у осужденных, содержащихся в ОУОН, присутствует больше мотивации к соблюдению ПВР ИУ, что объясняется повышением возможностей в реализации поощрительных институтов. Между тем такие осужденные больше настроены на взаимодействие с администрацией ИУ, в прохождении социально значимых мероприятий, а также в целом на исправительный процесс. Исходя из этого можно сделать вывод, что перевод в ОУОН повышает эффективность ресоциализационной работы в период лишения свободы.

В отношении лиц, реализация поощрительных институтов которых находится в компетенции судов, наряду с вышеперечисленными элементами уголовно-исполнительной характеристики значимость приобретают отношение осужденного к совершенному деянию (признание вины) и возмещение вреда. Большинство (95,6 %) таких осужденных раскаялись в совершенном преступлении, 83,3 % из них признали вину после совершения преступления и до вступления обвинительного приговора суда в законную силу. Вторая по количеству – категория осужденных, признавших вину после вступления приговора суда в законную силу и до изменения вида наказания или перевода в КП (10,8 %). Между тем 1,6 % раскаялись в преступлении после реализации поощрительных институтов. Остальная часть осужденных не признала вину в содеянном преступлении (4,4 %).

Представляет интерес дисциплинарная практика положительно характеризующихся осужденных. До применения поощрительных институтов большая доля респондентов имела только поощрения (51,7 %); поощрения и взыскания (43,5 %). Вместе с тем есть категория осужденных, не имеющих ни взысканий, ни поощрений (4,6 %). Как правило, категория осужденных, имеющих только взыскания, отсутствовала.

Тем не менее после реализации поощрительных институтов в целом можно наблюдать отрицательную тенденцию дисциплинарной практики: поощрения (40,1 %); поощрения и взыскания (11,5 %); не имели ни поощрений ни взысканий (43,8 %); имели только взыскания (4,6 %). На фоне этого наибольшая активность поощрительной практики наблюдается у лиц, переведенных в КП, что может объясняться стремлением осужденных к УДО и реализации иных законных интересов в условиях изоляции, а также достаточным перечнем самих мер поощрений. Напротив, наименьшая активность дисциплинарной практики наблюдается у лиц, лишение свободы которым заменено к наказаниям без изоляции от общества. Необходимо отметить, что, по данным исследования, проведенного В. В. Городнянской, количество поощрений влияет на постпенитенциарный рецидив: чем больше поощрений, тем меньше вероятность рецидива [6, с. 10-11].

Таким образом, в большинстве случаев критерии и признаки исправления положительно характеризующихся осужденных, установленные уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, соответствуют правоприменительной практике. Однако имеют место противоречия, выражающиеся в несоблюдении норм закона, что может быть обусловлено отсутствием в них определенной конкретики. Повышение эффективности процесса ресоциализации положительно характеризующихся осужденных должно быть выражено через интенсификацию взаимосвязи поощрительных институтов с возможностями ресоциализации. Поощрительные институты выступают в роли стимулирующих факторов в приобретении социально значимых навыков жизни. В целом, произведенный анализ личностных свойств положительно характеризующихся осужденных позволяет углубить знания в оценке и квалификации их поведения. А по мнению А. Ф. Сизого, с которым мы солидарны [7, с. 56-57], оценка и квалификация поведения осужденных актуальна, т. к. без нее невозможно определить достижение целей, предусмотренных уголовным и уголовно-исполнительным законодательством.

Пристатейный библиографический список

1. Шмаров И. В. Социологические проблемы исполнения уголовного наказания: учебное пособие. Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1980. 78 с.
2. Степаненко В. И. Влияние семьи на ресоциализацию осужденного к лишению свободы // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции (Могилев, 27 февраля 2014 г.). Могилев: Могилев. высш. колледж МВД Респ. Беларусь, 2014. С. 72-73.
3. Тюгаева Н. А., Кузнецова И. А. Психолого-педагогические особенности профессионального образования осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 168-173.
4. Стурова М. П., Тюгаева Н. А. Пенитенциарная педагогика: курс лекций. – Рязань: Академия ФСИН России, 2010. 424 с.
5. Шамсунов С. Х., Павлова Е. В. Некоторые вопросы привлечения к труду осужденных к лишению свободы в современных условиях развития уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2. С. 55-58.
6. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.08. Томск, 2011. 23 с.
7. Сизый А Ф. Квалификация состава правомерного поведения осужденных как основание применения поощрительных норм // Проблемы реализации уголовной ответственности и наказания (социально-криминологические аспекты): учебно-методические материалы межкафедрального теоретического семинара. Рязань: РВШ МВД РФ, 1992. С. 56-62.

СУДАКОВА Ольга Васильевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом Самарского государственного университета путей сообщения

Судакова О. В.

КОЛЛИЗИИ И ПРОБЕЛЫ ТРАНСПОРТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ЕГО КОДИФИКАЦИИ

В работе анализируется проблематика договорных отношений в сфере перевозок на различных видах транспорта. Проведён сравнительный анализ современного международного и отечественного опыта в рамках реализации договорных отношений в транспортной отрасли. Научная новизна статьи заключается в демонстрации теоретической и практической информации, относительно современного состояния законодательной отрасли в области транспорта как в условиях отечественной практики, так и на международной арене. Автором проведён анализ актуальных проблем транспортного законодательства, обусловливающих необходимость его кодификации. Также в статье обозначены проблемы процесса кодификации, в том числе вопрос о возможности отнесения нормативных правовых актов к категории кодифицированных.

Ключевые слова: транспорт, комплексная отрасль права, транспортный кодекс, транспортное законодательство, систематизация транспортного законодательства, кодификация, кодифицированный акт, отраслевые и комплексные кодексы, правовое регулирование, транспортное законодательство, транспортное право, транспортные уставы.

SUDAKOVA Olga Vasiljevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Personnel management sub-faculty of the Samara State Transport University

CONFLICTS AND GAPS IN RUSSIAN TRANSPORT LEGISLATION AS A BASIS FOR ITS CODIFICATION

The paper analyzes the problems of contractual relations in the field of transportation by various modes of transport. A comparative analysis of modern international and domestic experience in the implementation of contractual relations in the transport industry is carried out. The scientific novelty of the article consists in demonstrating theoretical and practical information on the current state of the legislative branch in the field of transport both in the conditions of domestic practice and in the international arena. The author analyzes the current problems of transport legislation that necessitate its codification. The article also identifies the problems of the codification process, including the question of the possibility of classifying normative legal acts as codified.

Keywords: transport legislation, systematization transport legislation, codification, codified act, sectoral and complex codes, legal regulation, transport legislation, transport law, transport regulations, transport, complex branch of law, transport code.

Российское современное транспортное законодательство в сегодняшних условиях является комплексным по своему характеру и предмету применения. Сфера правового регулирования данной отрасли экономически значима как для государственного сектора, так и для предпринимательской деятельности. Российское транспортное законодательство традиционно представлено как законодательными, так и подзаконными актами. Ряд учёных цивилистов С. П. Мороз, М. А. Бажина поддерживает мнение, «что транспортное право является подотраслью гражданского права, и соотношение гражданского и транспортного законодательства применительно к договорным отношениям, возникающим в транспортной сфере, проявляется как соотношение общего и специального законодательства» [1], [11]. Так, часть 2 Гражданского кодекса РФ содержит две главы: гл. 40 «Перевозка» и гл. 41 «Транспортная экспедиция», в которых закреплены основные положения о регулировании перевозок, а детальная их регламентация содержится в федеральных законах, уставах и т.п.

Систему специального транспортного законодательства представляют Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации», Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации», Федеральный закон «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» от 08.11.2007 № 259-ФЗ, Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» от 30.06.2003 № 87-ФЗ, Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 81-ФЗ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ), Федеральный закон от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации (КВВТ), Федеральный закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ Воздушный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 14 марта 2009 г. № 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними», Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации», Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» и многие другие.

Н. А. Духно и А. И. Землин считают, «что особенностью процесса формирования современного транспортного права (как и иных комплексных отраслей права) является следование принципу «снизу вверх». Согласно этому принципу, устоявшиеся нормы права и традиции отраслевого управления, сформировавшиеся «внизу» (т.е. на уровне, который соответствует подзаконным и делегированным актам), поэтапно трансформируются «наверх», т.е. включаются в подготавливаемые и принимаемые законопроекты. Это объясняется тем, что транспортное право в предшествующий советский период развивалось преимущественно в форме выпуска отраслевых нормативных документов, издававшихся органами исполнительной власти. Вместе с тем, появление новых законов вызывает и процесс появления соответствующих подзаконных актов» [2].

Многие учёные в своих исследованиях неоднократно указывали на пробелы, коллизии, либо загромождение транспортного законодательства.

Брагинский М. И. в своём исследовании по теме договорных отношений пишет о том, есть проблема с перена-

сыщенностью правового регулирования в сфере отношений на транспорте [3]. Бажина М. А. утверждает, «что только для регулирования отношений, связанных с перевозкой грузов с использованием железнодорожного транспорта, существует более 26 подзаконных нормативных актов. Таких актов в отношении перевозки грузов воздушным транспортом более 17. Многие из таких норм дублируют нормы законов, бывают и такие ситуации, когда они им противоречат» [11]. Для решения данной проблемы автор предлагает значительным образом сократить количество нормативно-правовых актов и оставить в силе только те, что не будут противоречить федеральным законам. В идеале должен быть создан единый документ с приведением положений о регулировании отношений на разных видах транспорта в разных разделах.

Также можно обратить внимание на отсутствие технического регламента с приведением всех технических условий к перевозке грузов. В настоящее же время технические условия приводятся в разных документах, что усложняет правоприменительную практику. Принять такой технический регламент автор предлагает на уровне федерального закона. И сила такого технического регламента будет выше силы регламента, принятого ведомственными органом.

В своём исследовании А. В. Ульянов пишет о том, что отношения на транспорте в сфере перевозки грузов начинаются с оформления договора на подачу транспортного средства и передачи груза для осуществления перевозки [4]. Требования к нормам перевозки включены в 4-й раздел ГК РФ. Как справедливо указывает автор, общие условия договорных отношений в этом случае устанавливаются в соответствии с транспортными уставами и кодексами. Нормативно-правовое регулирование транспортных отношений, связанных с перевозкой, обеспечивается договорами перевозки и договорами, направленными на обеспечение перевозки. Таким образом, автором выделяется два основных типа договоров в сфере отношений на транспорте.

Речь идёт о договорах, направленных на перевозку, а также о договорах, направленных на обеспечение перевозки. Они имеют существенные отличия друг от друга, но являются связанными. Убедиться в этом можно на примере того, что без услуги доставки груза договоры, связанные с обеспечением процесса перевозки, являются бессмысленными. При отсутствии указанных договоров не может состояться перевозка.

Ульянов А. В. в своём исследовании выделяет основные направления реформирования законодательства о перевозке грузов. Автор пишет, что даже с учётом длительной истории становления и развития института правового регулирования перевозки грузов в действующем законодательстве множество пробелов и положений с возможностью неоднозначной трактовки [5, с. 20– 32]. С учётом проведённого анализа автор представляет несколько путей для реформирования отечественного законодательства в сфере перевозок. Так, предлагается привести все законодательство о договоре перевозки грузов к "единому знаменателю". Это свидетельствует о том, что необходимо внедрить качественную систему общего взаимодействия.

В современных условиях отсутствуют единые правила подачи претензий к перевозчику, что является серьёзной недоработкой. При перевозке грузов железнодорожным и воздушным транспортом претензии могут быть поданы в течение 6 месяцев, при перевозке грузов автомобильным и морским транспортом претензии могут быть предъявлены в течение срока исковой давности.

Егизаров В. А. своём исследовании указывает на необходимость провести работу над устранением "терминологических несоответствий" [6]. В качестве примера автор приводит гл. 40 ГК РФ, нормы, приведённые в этой главе, позволяют убедиться в том, что все транспортные договоры обозначаются единым термином "перевозка". Это приводит к смешению понятий договора перевозки грузов и других договоров в системе отношений на транспорте. Терминологическое несоответствие приводит к тому, что хозяйствующие субъекты регулируют отношения за счёт иных норм права. Автор предлагает скорректировать систему терминов в законодательстве таким образом, чтобы их суть толковалась однозначно.

Есть существенная проблема, связанная с ответственностью за неисполнение договора перевозки. Ответственность в соответствии со ст. 793 ГК РФ устанавливается в случае неисполнения или же ненадлежащего исполнения договора. А в данном случае достаточно сложно рационально идентифицировать неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств.

В качестве примера можно привести ОАО РЖД, компания является монополистом на рынке железнодорожных перевозок. Деятельность по осуществлению железнодорожных перевозок грузов регулируется Уставом железнодорожного транспорта (Федеральный закон 10.01.2003 № 18-ФЗ). Данный устав как раз предоставляет возможности для заключения соглашений и перевозке грузов со снятием или ограничением ответственности для перевозчика. Ответственность за нарушение договора перевозки носит ограниченный характер, что вытекает из смысла ст. 400 Гражданского кодекса РФ. Данная норма устанавливает возможность ограничения на уровне закона права на полное возмещение убытков, тем самым может быть ограничена ответственность по отдельным видам обязательств и обязательств, связанных с определенным родом деятельности, по обязательствам, связанным с определенным родом деятельности.

Условия для наступления ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнении обязательств по договору перевозки являются дискуссионными в связи с неоднозначной правоприменительной практикой. В одних судебных решениях устанавливается, что поводом для признания ответственности за порчу или утрату груза послужила вина. И именно перевозчик должен снять с себя вину путём обращения к одному из обстоятельств, которое служит основой для освобождения от ответственности.

В других судебных решениях указывается, что ответственность перевозчика была установлена на основе договора и непредоставления им доказательств своей невиновности. Складывается парадоксальная ситуация, при которой сами меры ответственности и обстоятельства, дающие право на снятие такой ответственности, регулируются транспортными уставами и кодексами. И только на уровне гражданского законодательства закреплены базовые принципы установления ответственности за порчу и утрату в случае, если перевозчик не сможет сослаться на обстоятельство, позволяющее снять с него обвинения в утрате и порче груза. Что касается мер гражданско-правовой ответственности, то в случае с нарушением сроков для доставки грузов они сводятся к начислению штрафов или пеней. Конкретизированы штрафы и пени в транспортных кодексах и уставах, но имеют существенную разницу между собой. В соответствии со ст. 116 КВВТ РФ пеня за каждые сутки просрочки составляет 9% от провозной платы, но не больше 50%. Ст. 97 УЖТ РФ устанавливает, что размер пени за просрочку составляет 6% от платы за перевозку, но не более 50% от провозной платы. При просрочке перевозки груза автомобильным транспортом штраф составляет 9% от провозной платы за каждые сутки просрочки. Общая же сумму штрафа за просрочку не может превышать размер провозной платы для груза. В случае с морскими перевозками на уровне КТМ РФ конкретных мер ответственности за просрочку не приводится. У сторон есть возможность самостоятельно урегулировать вопросы, связанные с ответственностью за просрочку, однако ответственность эта не может превышать размера фрахта в соответствии со ст. 170 КТМ РФ.

Совершенно иная ситуация в области регулирования отношений на транспорте складывается в странах Европы. На территории ЕС регулирование сферы железнодорожных перевозок осуществляется на уровне Директивы Европарламента и СЕ 2012/34/ЕС "Об организации единого европейского железнодорожного пространства"[1], распоряжения Европарламента и СЕ

1 Директива Европейского парламента и Совета 2012/34/ЕС от 21 ноября 2012 г. «Об организации единого европейского железнодорожного пространства» // Official Journal of the European Union. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/ (дата обращения: 27.08.2023).

2016/796 "О железнодорожном агентстве ЕС"[2], распоряжения Европарламента и СЕ 2016/797 "О совместимости железнодорожной системы в ЕС"[3], распоряжения Европарламента и СЕ 2016/798 "О безопасности железнодорожной системы"[4].

Приведённые документы направлены на формирование единой системы европейского законодательства в части организации управления железнодорожным транспортом и обеспечения безопасности транспортной системы. Как и в России, регулирование отношений на транспорте осуществляется сразу на трёх уровнях. Первым уровнем является общеевропейское законодательство в части регулирования транспортных систем и обеспечения их безопасности. Вторым уровнем являются национальные законы и подзаконные акты в части регулирования отношений на транспорте. Третьим уровнем являются кодексы и уставы на базе самих транспортных компаний, которые по большей части конкретизируют требования в национальной и национальной системе права, но не могут противоречить им. При этом для разрешения спорных вопросов принимаются во внимание национальные и наднациональные нормативно-правовые акты. С той же ответственностью перевозчика за утрату или порчу груза дело обстоит следующим образом: в случае утраты или порчи груза отправитель имеет право на истребование компенсации в размере 100% от стоимости груза. Эти права на истребование компенсации могут быт переданы и реализованы получателем груза. При этом большая часть расходов, связанных с выплатой компенсации, ложится на плечи страховой компании [7, с. 624].

Уже после осуществления выплат она будет разбираться с тем, кто же виновен в утрате или порче груза, будет предъявлять иск к виновной стороне. Что касается договора на осуществление перевозки, то он считается заключённым с момента согласования его существенных условий. Вслед за этим у сторон возникают равные обязанности – перевозчик обязан принять груз и осуществить его перевозку, вручить получателю, а отправитель обязан подготовки груз к отправке, соблюдая требования безопасности. При этом ответственность с перевозчика может быть снята только при условии, что срыв сроков доставки, порча груза или его утраты возникли в результате действия обстоятельств непреодолимой силы или под воздействием так называемых форс-мажорных обстоятельств [8].

При разрешении споров, вытекающих из отношений на транспорте, европейские суды исходят из того, что высшую юридическую силу имеет наднациональное и национальное законодательство. Если транспортные уставы и кодексы в части конкретных положений не противоречат актам в системе наднационального и национального законодательства, то они тоже могут использоваться при рассмотрении спорных дел. При этом регулирование сферы тех же перевозок железнодорожным транспортом в ЕС осуществляется за счёт действия не более 5 документов. Каждый из них посвящён конкретному аспекту – безопасности, интеграции объектов инфраструктуры в единое железнодорожное пространство и т.д. Отношения между сторонами регулируются положениями соглашения, которое ни при каком обстоятельстве не может противоречить законодательству, в противном случае оно будет признано ничтожным. В целом же правовое регулирование сферы отношений на транспорте осуществляется на уровне одного документа, который представлен в виде транспортного кодекса ЕС [9].

В дополнение к нему разработаны и приняты технические правила осуществления перевозок, в единых правилах представлены несколько разделов, каждый из разделов посвящён отдельному виду транспорта. В своде единых технических правил упоминаются и мультимодальные перевозки, правового регулирования в отношении которых пока не удалось добиться на территории России. В целом же можно констатировать, что европейское законодательство комплексным образом подходит к регулированию отношений на транспорте. Европейское законодательство не приводит к чрезмерной зарегулированности сферы отношений на транспорте, что позитивным образом отражается на развитии общей европейской транспортной системы [10].

Таким образом, проведённое исследования позволяет убедиться в том, что несмотря на длительный этап развития и становления системы нормативно-правового регулирования отношений на транспорте все ещё остаются пробелы и противоречия в законодательстве. Это негативным образом отражается на развитии транспортной сферы экономики, которая имеет существенное значение для государства, общества и построения экономических отношений между субъектами. Целый перечень общих норм для регулирования отношений на транспорте содержится в гражданском законодательстве. Проблема заключается в том, что в большинстве норм содержится ссылка на транспортные кодексы и уставы, место которых в регулировании отношений на транспорте является дискуссионным вопросом. То же время для осуществления перевозок в "разумный срок", которое закреплено в гражданском законодательстве, является расплывчатым понятием и снова требует обращения к содержанию транспортных кодексов и уставов. В России требуется принятие единого транспортного кодекса, который бы имел высшую силу по отношению к транспортным кодексам для отдельных видов транспорта и уставам. В него необходимо включить базовые нормы, связанные с заключением, исполнением и ответственностью сторон по исполнению обязательств в рамках договора перевозки.

Пристатейный библиографический список

1. Мороз С. П. О систематизации транспортного законодательства Республики Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2008. – № 4 (12). – С. 38-43. – EDN VTRWTF.
2. Транспортное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. Н. А. Духно, А. И. Землин. — М.: Юридический институт МИИТа, 2017. — 259 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга четвертая. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. – М., 2016. – 910 с.
4. Ульянов А. В. Охраняемые законом интересы в гражданском праве. – М., 2019. – 216 с.
5. Ульянов А. В. О неосновательном обогащении железной дороги вследствие злоупотребления правом в обязательствах по перевозке грузов // Lexrussica. – 2020. – Т. 73. – № 12. – С. 20-32.
6. Егиазаров В. А. Транспортное право: учебник. – М., 2018. – 404 с.
7. Gruber J., & Narayanan, S. Travel time differences between cargo cycles and cars in commercial transport operations // Transportation Research Record. – 2019. – № 2673 (8). – P. 623-637.
8. Horni A., Nagel K., & Axhausen K. W. The multi-agent transport simulation MATSim. – London: UbiquityPress, 2016.
9. Arnold F., Cardenas I., Sörensen K., Dewulf W., Simulation of B2C e-commerce distribution in Antwerp using cargo bikes and delivery points // European Transport Research Review. – 2019. – № 10 (1).
10. Geurs K. T., La Paix L., & Van Weperen S. A multi-modal network approach to model public transport // EurTransp Res Rev. – 2016. – № 8 (4). – P. 25.
11. Бажина М. А. Основные направления реформирования законодательства о договоре перевозке грузов // Пермский юридический альманах. – 2018. – № 1. – С. 332-337.

2 Распоряжени Европарламента и СЕ 2016/796 "О железнодорожном агентстве ЕС" // Official Journal of the European Union. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/ (дата обращения: 27.08.2023).

3 Распоряжение Европейского парламента и Совета 2016/797 от 11 мая 2016 г. «О совместимости железнодорожной системы в Европейском союзе» // Official Journal of the European Union. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/ (дата обращения: 27.08.2023).

4 Распоряжение Европейского парламента и Совета 2016/798 от 11 мая 2016 г. «О безопасности железнодорожной системы» // Official Journal of the European Union. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/ (дата обращения: 27.08.2023).

ТАРАСОВА Инна Александровна
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В данной статье проведен анализ правового регулирования заключения брачных правоотношений в России и в зарубежных странах. Выявлены особенности заключения брака в зарубежных странах, не свойственные российскому семейному законодательству, указывающие на его преимущества и недостатки. Предлагается дополнить российское законодательство определением брака (на примере Республики Беларусь). Представляется целесообразным рассмотрение вопроса расширения степени родства, как ограничения к заключению брака (на примере Румынии, в семейном законодательстве которой запрещен брак вплоть до четвертой степени родства), а также преобразования нормы о проведении медицинского обследования в обязательную процедуру, предшествующую заключению брака (на примере США и Франции). Данные меры направлены на сохранение состояния здоровья российских граждан и будущего потомства.

Ключевые слова: брак, семья, зарубежные страны, гражданский брак, церковный брак, степень родства, добрачное медицинское обследование.

TARASOVA Inna Alexandrovna
lecturer of Civil law disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

FEATURES OF MARRIAGE IN FOREIGN COUNTRIES

This article analyzes the legal regulation of marriage relations in Russia and in foreign countries. The peculiarities of marriage in foreign countries, which are not peculiar to Russian family legislation, are revealed, indicating its advantages and disadvantages. It is proposed to supplement the Russian legislation with the definition of marriage (on the example of the Republic of Belarus). It seems appropriate to consider the issue of expanding the degree of kinship as a restriction on marriage (for example, Romania, in whose family law marriage is prohibited up to the fourth degree of kinship), as well as the transformation of the norm on medical examination into a mandatory procedure preceding marriage (for example, the United States and France). These measures are aimed at preserving the health of Russian citizens and future offspring.

Keywords: marriage, family, foreign countries, civil marriage, church marriage, degree of kinship, premarital medical examination.

Семейные правоотношения являются ценностью и объектом тщательной правовой охраны в большинстве стран мира. Основанием, беспрекословно свидетельствующим о создании семьи, является брак. Правовое регулирование заключения брака в различных государствах имеет свои отличительные особенности.

Проведение анализа регламентации брачных правоотношений в иностранных государствах позволит выделить особенности данного института в отечественном законодательстве, выявить существующие на данный момент недостатки и на основе положительного зарубежного опыта найти пути их преодоления.

В России регламентации семейных правоотношений посвящен отдельный нормативно-правовой акт, имеющий созвучное с объектом правового регулирования название – Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ), принятый 29 декабря 1995 г. под номером 223-ФЗ.

Начать необходимо с определения брака. Российский законодатель не закрепил данную дефиницию в нормах СК РФ. Стоит отметить, что для полноценной регламентации отношений, возникающих из брака, закрепление определения данного института семейного права в законодательных нормах необходимо. Так как это ключевое, основополагающее понятие, с понимания которого и должно начинаться формирование семейных отношений. Положительным примером является Кодекс о браке и семье дружественного нам государства Республики Беларусь, который содержит норму о том, что брак представляет собой союз мужчины и женщины, заключенный на добровольных началах и с соблюдением условий отечественного законодательства, который порождает создание семьи и вытекающие из этого взаимные права и обязанности супругов. Соответственно наличие в семейном законодательстве определения брака является достоинством регламентации данных правоотношений, оно способно показать позицию государства относительно брачных отношений, ключевой смысл и основополагающие черты, которые оно в него вкладывает.

Имеются отличия правового регулирования также относительно формы заключения брака и органа, правомочного официально фиксировать брачные правоотношения. Согласно нормам российского семейного законодательства, в России возможна только регистрация брака в органах записи актов гражданского состояния (ч. 1 ст. 10 СК РФ). В мире, помимо гражданской формы брака признается еще религиозная форма, при которой ключевое значение имеет церковь. Например, источником правового регулирования семейного права в Англии является Закон о браке (Marriage Act). Данный правовой акт наряду с гражданским браком признает брак церковный. Такой брак регистрируется по церковным канонам и имеет все правовые последствия, что и гражданский. Аналогичными полномочиями, согласно Гражданскому кодексу Испании (Codigo Civil), наделяется католическая церковь. Немного иная процедура предусмотрена в Италии, где о заключении церковного брака в последующем обязательно уведомляется соответствующий государственный орган.

Стоит отметить, что и в России граждане при регистрации брака могут прибегнуть к религиозному обряду, но исключительно после официальной государственной регистрации своих отношений в уполномоченном государствен-

ном органе (органе ЗАГС). Такой порядок следует признать наиболее удачным и подходящим, нежели в вышеперечисленных странах. Именно государственный орган должен официально регистрировать брачные отношения, так нормы действующего семейного законодательства, как волеизъявление позиции государства, будут соблюдаться максимально точно и будет исключено их игнорирование (чего нельзя добиться соблюдением исключительно церковных обычаев и обрядов). После выполнения условий государственной регистрации, наиболее верующие граждане, могут полноценно воспользоваться духовной регистрацией своих отношений.

Следует обратить внимание и на обстоятельства, которые могут стать препятствием к заключению брака. В различных странах они также неоднородны. Так ст. 14 СК РФ в качестве такого препятствия называет близкое родство по прямой восходящей и нисходящей линии (например, родители и дети). Российский законодатель запрещает заключение брачных отношений также между братьями и сестрами как кровными, так и имеющими лишь одного общего родителя. Иных родственников (например, по боковой линии – двоюродные братья и сестры и т.д.) законодатель не называет. Законодательство Румынии (Семейный кодекс) отстаивает иную позицию, запрещая брак по боковой линии вплоть до четвертой степени родства. Однозначно следует обратить внимание на подобные нормы иностранных государств, к тому же кровное родство может стать следствием тяжелых пороков и наследственных заболеваний будущих детей. Для сохранения здорового потомства, данную норму российского семейного законодательства следует пересмотреть.

В рамках данной работы также необходимо рассмотреть практическую реализацию зарубежными странами добрачного медицинского обследования. Большинство государств склоняются к обязательному порядку прохождения данной процедуры перед заключением брака. Связан такой порядок с развитием венерических заболеваний, имеющих уже общемировой масштаб, темпы распространения которых не снижаются. Например, семейное законодательство Соединенных Штатов Америки устанавливает конкретный перечень заболеваний, исключающих возможность заключения брака. При этом медицинское обследование имеет обязывающий характер, по результатам которого в орган регистрации брака предоставляется справка. Такую же позицию занимает законодательство Франции.

Российское семейное законодательство прохождение медицинского обследования оставляет исключительно на усмотрение лиц, желающих связать свою жизнь узами брака (ст. 15 СК РФ). При этом уголовное законодательство содержит норму, согласно которой возможно привлечение к уголовной ответственности за умышленное заражение венерической болезнью, ВИЧ-инфекцией (ст. 121, 122 Уголовного кодекса РФ) [2]. Так выходит, что уголовная ответственность за умышленное распространение венерических заболеваний (что может являться и следствием заключения брака), которые в настоящее время набирает колоссальные масштабы, предусмотрена, а здоровье в конечном итоге уже не вернешь.

К тому же, незнание состояния здоровья своего партнера, фактического наличия или отсутствия у него иных заболеваний, опасно не только развитием венерических, но и иных заболеваний, передающихся контактным и наследственным (что особо опасно при воспроизведении репродуктивной функции семьи) путем. В этой связи следует согласиться с мнением И. В. Симоненко и А. В. Сыстерова, которые исследовав данную тему, пришли к выводу, что обязательное медицинское обследование, которое в большинстве зарубежных стран предшествует заключению брака, говорит о заботе государства о состоянии здоровья его населения и будущего поколения [3, с. 364]. Таким образом, вопрос переквалификации российского добрачного медицинского обследования в обязательное представляется актуальным и требующим дальнейшего изучения и рассмотрения.

Таким образом, проведенный анализ правовой регламентации заключения брачных отношений в зарубежных странах в сравнении с Семейным кодексом РФ, позволил выделить некоторые как достоинства, так и недостатки отечественного семейного законодательства. К преимуществам следует отнести тот факт, что в России зарегистрировать брак правомочен только орган записи актов гражданского состояния, что служит беспрекословному выполнению гражданами предписаний семейного законодательства, исключению случаев его игнорирования (в Англии, Испании брак, заключенный в церкви, полностью приравнивается к гражданскому браку, зарегистрированному управомоченными государственными органами). К недостаткам – отсутствие четкого, единого определения брака, отражающего позицию государства относительно брачных отношений, ключевой смысл и основополагающие черты, которые оно в него вкладывает (примером является Кодекс о браке и семье Республики Беларусь, в нормах которого данная дефиниция отражена). Спорным является запрет регистрации брака только с близкими родственниками, кровными или полукровными братьями и сестрами. Представляется, что регистрация брака, например, двоюродных родственников возможна, что может стать причиной пороков и наследственных заболеваний детей (в Румынии запрещен брак вплоть до четвертой степени родства). На примере зарубежного опыта, может быть изменена норма семейного кодекса о медицинском добрачном обследовании – в сторону придания ей обязывающего характера (в США, Франции с целью сохранения здоровья населения и будущего потомства заключение брака без прохождения такого обследования и предоставления по его итогу справки в соответствующий государственный орган исключено).

В данной работе рассмотрена лишь малая часть вопросов, возникающих при рассмотрении правовой регламентации семейных правоотношений как в отечественном, так и в мировом законодательстве. Семейные правоотношения в различных странах мира имеют свои характерные особенности, комплексное изучение которых позволит сделать институт семьи и брака более действенным и продуктивным.

Пристатейный библиографический список

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. Федерального закона от 19.12.2022 № 538-ФЗ) // Российская газета. – 2022. – 22 декабря.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29.12.2022 № 586-ФЗ) // Российская газета. – 2023. – 9 января.
3. Симоненко И. В., Сыстерова А. В. Зарубежный опыт добрачного медицинского обследования // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2017. – № 1. – С. 361-365.

КУПЧИНА Екатерина Валентиновна
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Купчина Е. В.

NFT В АВТОРСКОМ ПРАВЕ: НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ИЛИ ПРЕДМЕТ ДЛЯ СПОРА?*

Невзаимозаменяемые токены (Non-Fungible Token), также известные как NFT, представляют собой особый вид цифровых записей о праве собственности, которые используются для подтверждения действительности и уникальности объектов интеллектуальной собственности. Благодаря своим свойствам NFT приобрели невероятную популярность среди создателей произведений искусства, коллекционеров активов, а также в сфере предпринимательских отношений. Число транзакций, совершаемых с NFT, достигло рекордных значений, что вызывает ряд юридических вопросов в сфере защиты прав на интеллектуальную собственность, особенно в авторском праве. В этой связи автору настоящей работы представляется возможным проанализировать варианты возникновения права собственности на NFT, а также возможность передачи авторских прав на данные объекты.

Ключевые слова: невзаимозаменяемый токен, блокчейн, смарт-контракт, авторское право, интеллектуальная собственность.

KUPCHINA Ekaterina Valentinovna
senior lecturer of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

NFT IN COPYRIGHT: A NEW TOOL OF PROTECTION OR A SUBJECT OF DISPUTE?**

Non-Fungible Tokens, also known as NFTs, are a special kind of digital title record that is used to validate the validity and uniqueness of intellectual property. Due to their properties, NFTs have gained incredible popularity among art creators, asset collectors, and also in the field of business relations. The number of transactions made with NFTs has reached record levels, which raises a number of legal issues in the field of intellectual property rights, especially copyright. In this regard, the author of this work seems to be able to analyze the options for the emergence of ownership of NFTs, as well as the possibility of transferring copyright to these objects.

Keywords: non-fungible token, blockchain, smart contract, copyright, intellectual property.

Введение

Стремительное совершенствование технологий — это ежедневное явление в современном мире, и технологический сектор, требующий всеобщей предусмотрительности и внимания, находится на стыке науки и права. Люди, возможно, когда-то считали, что не все может быть адаптировано к цифровой сфере, но то, что когда-то считалось невозможным, теперь находится в пределах нашей досягаемости. Традиционно вопросы, связанные блокчейном, ассоциируются с популярной криптовалютой биткойн. Однако, биткойн уже давно является не единственным результатом «блокчейн революции». Смарт-контракты и токены безопасности, работающие на основе данной технологии, также нашли свое применение в современном цифровом обществе, постепенно вытесняя «вещи аналогово мира».

В самом широком понимании NFT представляют собой сертификаты собственности, основанные на смарт-контрактах и защищенные технологией Блокчейн [1]. В свою очередь блокчейн — это распределенная база данных, в которой все виды данных могут быть надежно записаны благодаря криптографическим протоколам. К основным отличительным характеристикам блокчейна, обеспечивающим надежное и безопасное хранение данных можно отнести:

• Распространение – данные хранятся не централизованно, а все узлы в блокчейне имеют доступ и копию записи.

• Отсутствие центрального механизма контроля, подобного государству или центральной сети.

• Прозрачность – возможность отслеживать каждую операцию, совершенную в блокчейне. Это не означает, что содержание информации, хранящейся в блокчейне, доступно всем в сети. Только лица, обладающие копией базы («майнеры»), могут проследить всю цепочку транзакций[1]. В результате данные, содержащиеся в блоке, надежно связаны с предыдущими блоками и не могут быть изменены впоследствии.

• Надежность – блокчейн поддается проверке благодаря консенсусу механизмов, что способствует повышению уровня доверия между участниками.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence".

1 Krzisnik M. Non-Fungible Tokens-from a Legal Perspective. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://medium.com/the-capital/non-fungibletokens-from-a-legal-perspective-51de03ea0b06 (дата обращения: 05.07.2023).

Для правильного понимания, что представляет собой NFT, следует разделить понятие взаимозаменяемого и невзаимозаменяемого токена. Взаимозаменяемый токен можно обменять на любой другой токен такого же типа[2]. Прекрасным примером взаимозаменяемого токена является единица криптовалюты, например, один биткойн в цепочке биткойнов или одна единица эфира на блокчейне Эфириум. Один биткойн можно обменять на любой другой биткойн. Они взаимозаменяемы и имеют одинаковую стоимость.

Невзаимозаменяемый токен — NFT, представляет собой уникальный актив, который не эквивалентен какому-либо другому активу или токену, то есть их нельзя обменять на любую другую форму валюты или токена. Невзаимозаменяемый токен представляет собой уникальный криптографический токен, в котором зашифрованы данные о цифровой нематериальной собственности: предметах искусства, музыки, видео, а также цифровых предметах коллекционирования. Они торгуются в сети Интернет с использованием криптовалюты и кодируются с использованием технологии блокчейн[3]. Это цифровые токены, сгенерированные по технологии блокчейн, обладающие уникальными метаданными и идентификационными кодами.

Кроме того, в настоящем исследовании важно подчеркнуть, что сам по себе NFT не является произведением искусства и не становится произведением искусства в последующем, а, скорее, NFT записывает факт существования и право собственности на конкретное произведение искусства в блокчейне. Следовательно, поскольку нет двух одинаковых NFT, и каждая регистрация в блокчейне является уникальной, токенизированный актив, связанный с NFT, также может считаться уникальным и невзаимозаменяемым[4].

Подобно тому, что в мире могут существовать похожие произведения искусства, но каждое из них является уникальным, каждое создание NFT создает уникальную запись в блокчейне уникального актива. Например, Национальная баскетбольная ассоциация, осуществляет продажу NFT, связанных с НБА, через сайт под названием NBA Top Shot[5], используя при этом платформу на основе блокчейн Dapper Labs. NBA Top Shot представляет пользователям возможность приобрести криптографический предмет коллекционирования, который потребители могут приобрести как NFT, где каждый предмет коллекционирования привязан к блокчейну и обладает уникальным и неподдающимся взлому сертификатом подлинности. Таким образом, даже если кто-то сделает идеальную копию видео с лучшими моментами игры, то она будет мгновенно признана подделкой.

NFT и авторские права

Несмотря на наличие целого ряда преимуществ, связанных с безопасностью и уникальностью, создание NFT порождило некоторые проблемы, остро нуждающиеся в правовом регулировании. В первую очередь это связано с тем, что, приобретая NFT пользователи зачастую заблуждаются в объеме прав на данные объекты[6]. Основным фактором, порождающим большое количество споров, является то, что продажа NFT в принципе не включает в себя передачу авторских прав на произведение, преобразованное в NFT, а лишь предоставляет право на использование соответствующего формата NFT. Например, как если бы покупатель зашел в галерею NFT, купил произведение искусства NFT, снял его со стены и вышел с ним. Тот объем прав, который приобретается с помощью NFT, как правило, ограничивается получением исключительного доступа и контроля над смарт-контрактом NFT, хранящимся в блокчейне, который создал запись о том, что вы теперь являетесь зарегистрированным владельцем NFT на произведение искусства, с которым оно связано. Покупатель получает инструмент криптографического доступа, называемый закрытым ключом, который позволяет контролировать смарт-контракт. Соответственно при продаже NFT новому покупателю также передается закрытый ключ. Безусловно, автор произведения, создавший NFT, может включить передачу прав, вытекающих из права собственности на произведение в рамки смарт-контракта, однако правообладатели упускают из вида (умышленно или не умышленно) данный момент. Следовательно, при покупке NFT необходимо учитывать ряд факторов:

• Внимательно изучить положение контракта, что именно выставлено на продажу. При упоминании физического произведения должно явно вытекать из договора, что передаче подлежит именно физический предмет искусства. В противном случаем можно столкнуться с ситуацией, когда передаются, например только права на поддержку или покровительство культурным ценностям[7].

• При отсутствии положений о передаче владения на физический актив необходимо уточнить в договоре условия хранения, защиты и страхования физического актива.

• При создании NFT на цифровой актив, необходимо получить ссылку на место хранения актива. Ссылка может быть в сценарии самого смарт-контракта, следовательно необходимо проверить сценарий с помощью обозревателя блокчейна. Базовый актив переуступается или лицензируется покупателю, а при отсутствии такой переуступки или лицензирования никакая часть авторских прав не перейдет к покупателю базового актива.

Таким образом, покупка физического произведения искусства, цифрового произведения искусства или NFT - токенизированного физического или цифрового произведения искусства не означает, что авторские права на произведение искусства были переданы покупателю[8]. В случае, если авторские права не переданы покупателю отдельно, покупатель не может делать копии оригинального произведения или про-

2 Kaulartz M. and Schmid A. Rechtliche herausforderungen sog. Non-fungible tokens (NFTs). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: (дата обращения: 05.07.2023).

3 Finzer D. The Non-Fungible Token Bible: Everything You Need to Know AboutиNFTs// OPENSEA. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://blog.opensea.io/guides/non-fungible-tokens/ (дата обращения: 09.07.2023).

4 Glatz F. A Blockchain Token Taxonomy. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://heckerhut.medium.com/a-blockchain-tokentaxonomy-fadf5c56139a (дата обращения: 03.07.2023).

5 Danny Nelson. Dapper Labs' NBA Top Shot Has Crossed the Million-User Mark. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.coindesk.com/business/2021/05/25/ (дата обращения: 10.07.2023).

6 Harris Bricken. What IP Rights are Present in NFTs? // Lexology. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://harrisbricken.com/blog/what-ip-rights-are-present-in-nfts/#page=1 (дата обращения: 07.07.2023).

7 Glarner A. and Meyer S. Smart Contracts in Escrow-Verha¨ltnissen. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://jusletter.weblaw.ch/dam/publicationsystem/articles/jusletter/2017/917/smart-contracts-in-e_6f2f86ebed/Jusletter_smart-contracts-in-e_6f2f86ebed_de.pdf (дата обращения: 07.07.2023).

8 Guadamuz A. Can Copyright Teach Us Anything about NFTs? //TechnoLlama. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.technollama.co.uk/cancopyright-teach-us-anything-about-nfts (дата обращения: 07.07.2023).

изведений, основанных на содержании оригинального произведения (производные произведения). Покупатель также не может запретить другим делать копии, независимо от того, разрешено ли это владельцем авторских прав или нет. Таким образом, владение NFT не мешает никому щелкнуть правой кнопкой мыши по цифровому изображению и сделать его копию[9]. Для сравнения можно провести аналогию на владение физической картиной или скульптурой, которая выставлена в общественном месте — например, в музее или галерее. В данном случае, если вы не обладаете авторскими правами на произведение, вы не можете запретить посетителям музея или галереи сделать снимок произведения или сделать селфи перед ним и все посетители могут уйти с копией оригинала. Однако, вы можете повлиять на предотвращение такого рода копирования цифрового и физического искусства, если вы получили авторские права на произведение.

Правообладатель, создавший NFT, может включить передачу прав, вытекающих из права собственности на произведение, в рамки смарт-контракта при условии соблюдения соответствующих формальных условий, однако зачастую стороны упускают из вида данный момент.

Еще одним важным моментом, связанным с NFT, является необходимость уточнения и закрепления положений о том, не нарушает ли преобразование произведения в NFT права, вытекающие из авторства. Само по себе право на создание NFT должно принадлежать автору цифровой работы. Однако любой человек, обладающий достаточными техническими знаниями и доступом, может создавать и продавать NFT. Следовательно, цифровое произведение также может быть преобразовано в NFT и предложено для продажи лицом, не имеющим прав собственности на первоначальное произведение. В данном случае, исходя из положений современного законодательства об интеллектуальной собственности, обычно считается, что права автора на воспроизведение, адаптацию и сообщение публичных прав нарушаются [2]. Обзор судебной практики в различных юрисдикциях показывает, что основу данных споров как раз составляет утверждение о том, что NFT были созданы и выставлены на продажу людьми, которые не являются реальными правообладателями. Эта ситуация указывает на то, что многие вопросы, например, включает ли сделка передачу авторских прав, является ли произведение оригинальным или продается ли работа реальным правообладателем, должны быть поставлены под сомнение покупателями NFT.

Например, если физическое лицо создает произведение искусства, оно получает исключительное право воспроизводить, распространять или создавать производные работы на основе оригинального произведения искусства. Принимая во внимание, то, что человек покупает произведение искусства, он покупает физическую картину, которую он может выставлять, но не неотъемлемые права на копирование, создание производных произведений или продажу копий картины. Основополагающее авторское право передается только в том случае, если правообладатель подтверждает в письменной форме, что он желает передать эти права вместе с авторским правом[10]. Точно так же в NFT авторские права и право собственности на базовый цифровой актив остаются за автором такого актива, а покупатель NFT получает только право демонстрировать NFT, если в смарт-контракте, регулирующем покупку, явно не упоминается передача исключительных прав на цифровой актив.

Поскольку этапы создания NFT часто включают в себя создание копий актива, который должен быть токенизирован, то во избежание обвинения в нарушении прав автор NFT должен владеть авторскими правами на базовую работу или лицензией на создание копий работы с целью создания NFT или получить разрешение от правообладателя. Только при отсутствии несанкционированного копирования оригинальной работы создатель NFT, не владеющий авторскими правами на цифровую или физическую работу, может быть уверен, что его действия по созданию NFT не нарушают права владельца авторских прав.

Наиболее ярким примером является дело Miramax против Тарантино[11]. Тарантино делал записи сценария от руки на клочках бумаги, которые в конечном итоге стали сценарием фильма «Криминальное чтиво», а затем и самим фильмом. Miramax предъявляет иск, чтобы обеспечить соблюдение своих авторских прав на произведение, закрепленное в окончательном сценарии и в кинофильме, созданном по этому сценарию. Основой для предъявления иска стало то, что Тарантино предлагает людям приобрести статус зарегистрированного владельца одного или нескольких листков бумаги с рукописным текстом в формате NFT. В данном случае это означает, что покупатель NFT становится зарегистрированным владельцем листков бумаги с рукописными заметками и набросками диалогов, относящихся к тому, что стало сценой известного кинофильма. Приобретение NFT не влечет изменение владельца авторских прав на эти страницы или выражение на них, или любую часть авторских прав на сценарий и фильм, которые в конечном итоге были созданы на основе этих заметок и черновиков. Однако этот факт не был отражен в соответствующем контракте.

NFT и товарные знаки

Другой проблемой, связанной с использованием NFT, является передача и распространение NFT с товарным знаком, размещенным на видном месте. Для ответа на данный вопрос следует исходить из фактических обстоятельств в каждом конкретном деле. В свою очередь, проверке должны подвергаться следующие факты:

- Используется ли товарный знак предполагаемым нарушителем для целей продвижения, доставки, продажи или предложения товаров;
- Обладает ли владелец товарного знака, заявивший о нарушении, законным и охраняемым законом правом на товарный знак;
- Может ли такое использование предполагаемым нарушителем ввести в заблуждение потребителей на рынке.

Из-за неизменности транзакций в блокчейне и псевдоанонимного характера владения NFT защита прав интеллектуальной собственности покупателя после продажи NFT

9 Emily Behzadi. The Fiction of NFTs and Copyright Infringement, 170 U. PENN. L. REV. ONLINE. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.pennlawreview.com/2022/04/12/the-fiction-of-nfts-and-copyright-infringement/ (дата обращения: 10.07.2023).

10 Jonathan Bailey. NFTs and Copyright, PLAGIARISM TODAY. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:https://www.plagiarismtoday.com/2021/03/16/nfts-and-copyright/#:~:text=Other%20than%20purchasing%20the%20token,without%20the%20copyright%20holder%27s%20permission.&text=It%20confers%20to%20you%20no,more%20unique%20connection%20to%20it (дата обращения: 10.07.2023).

11 Miramax, LLC v. Tarantino, 2:21-cv-08979-FMO-JC at 5, 21 (C.D. Cal. 2021). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.thetmca.com/files/2021/12/miramax-v.-tarantino.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

может быть весьма затруднительной, поскольку становится трудно выяснить, как и кого преследовать за нарушение/передачу товарного знака[12].

Наиболее распространенной практикой в вопросе использования чужого товарного знака является киберсквоттинг. Это практика регистрации доменного имени с использованием чужих товарных знаков и фирменных наименований в сети Интернет в надежде продать домен с целью получения прибыли другому лицу, бизнесу или организации. В данном случае становится совершенно очевидно, что два доменных имени почти идентичны или похожи по своей природе, и существует большая вероятность того, что пользователи сети Интернет будут сбиты с толку и обмануты, полагая, что оба доменных имени принадлежат одному общему источнику. В мае 2021 года Национальный арбитражный форум США вынес решение против Джозефа Маски, который зарегистрировал домен «NFTMorganStanley.com» по иску, поданному Morgan Stanley[13]. Суд постановил, что регистрация ответчика не соответствует действительности и использование доменного имени, идентичного товарному знаку истца, может ввести общественность в заблуждение. Соответственно суд постановил, что ответчик должен передать доменное имя истцу.

Еще одним примером крупного дела о правах интеллектуальной собственности на основе NFT является спор между Yuga Labs Inc. (создатели BAYC) и художника Райдера Риппса и его делового партнера Джереми Каэна за нарушение прав на товарный знак в их проекте RR/BAYC[14]. Проект RR/BAYC взял изображения, представленные в популярном NFT Bored Ape Yacht Club, и продал визуально идентичные NFT под брендом RR/BAYC. Ответчик Риппс заявил в ходатайстве об отклонении, что использование им изображений Bored Ape и связанных с ними товарных знаков Yuga Labs (таких как логотип черепа обезьяны и товарные знаки BAYC/BORED APE/BORED APE YACHT CLUB) защищено свободой слова в соответствии с Тестом Роджера. Yuga Labs, с другой стороны, утверждает, что это классический случай нарушения прав на товарные знаки, в котором предполагаемые нарушители получили миллионы, используя товарные знаки Yuga Labs, нанеся при этом вред компании.

Заключение

На данный момент уже становится совершенно очевидно, что необходимо вводить комплексные фундаментальные положения о правах цифровой собственности, которые позволят избежать потери прав при совершении транзакций с этими цифровыми активами. В текущей ситуации является целесообразным обозначить NFT как особый формат объекта интеллектуальной собственности и определить объем прав, который может быть передан по договору. Это позволит предотвратить возможные конфликты, вытекающие из права собственности на произведение.

Исходя из природы NFT, его эстетической и художественной ценности, мы упускаем из виду суть этой среды. Невзаимозаменяемые токены считаются ценными, поскольку они уникальны, и вы можете ими владеть. Статус собственности, а также влияние и престиж, которые он приносит, — это, возможно, лучшее объяснение высокой оценки NFT на рынке предметов коллекционирования.

Разработчики метавселенной в настоящее время рассматривают возможность использования NFT в качестве средства обмена, например в качестве билета на мероприятия или визитной карточки, позволяющей посещать собрания, и, конечно же, в качестве художественного самовыражения, буквально и фигурально окрашивающего опыт альтернативной реальности. Цифровое художественное выражение будет повсеместным в метавселенной уже в недалеком будущем. Это еще раз подтверждает необходимость детального закрепления правового статуса NFT.

Пристатейный библиографический список

1. Ermakova E. P. Blockchain, metaverses and NFT in civil procedure and arbitration in Russia, China and USA // RUDN Journal of Law. – 2023. – Vol. 27, № 1. – P. 148-165. – DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-1-148-165. – EDN RIGRJN.
2. Купчина Е. В. Искусственный интеллект в интеллектуальной собственности: вопросы авторского права // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 12 (151). – С. 146-151. – EDN NVFWRX.

12 Mahmood G., Naftalis J. and WV Ye. NFTs: What Are You Buying and What Do You Actually Own? Fashion Law, 18 March 2021. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.thefashionlaw.com/nfts-what-are-you-buying-and-what-do-you-actually-own/ (дата обращения: 08.07.2023).

13 Morgan Stanley v. Joseph Masci. Claim Number: FA2104001940938. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.adrforum.com/domaindecisions/1940938.htm (дата обращения: 11.07.2023).

14 Richard Whiddington. Yuga Labs Has Won Its Lawsuit Against Artist Ryder Ripps for His Copycat Versions of Bored Ape Yacht Club NFTs. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://news.artnet.com/art-world/yuga-labs-lawsuit-tradmark-bayc-ryder-ripps-2290175 (дата обращения: 11.07.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-176-177

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич
адвокат, «Ленинградская областная коллегия адвокатов», филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

Ястремский И. А.

ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ НЕДОПУСТИМЫМИ УСЛОВИЯМИ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ПО ПРОФИЛЮ ПЛАСТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ

В статье проанализированы юридические нормы, которые регулируют оказание медицинских услуг, а также приведены примеры недопустимых условий, которые могут быть включены в договор. Для определения недопустимости условий договора применяются юридические методы толкования и анализа. В статье также описывается процедура обращения в суд в случае признания недопустимыми условий договора, а также возможные последствия для сторон договора.

Ключевые слова: медицинские услуги, пластическая хирургия, договор, недопустимые условия, признание недопустимости, юридические нормы, процедура обращения в суд.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich
Lawyer, «Leningrad regional lawyer association», Law firm «Pelevin and partners»

THE PROCEDURE FOR RECOGNIZING AS UNACCEPTABLE THE TERMS OF THE CONTRACT FOR THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES IN THE FIELD OF PLASTIC SURGERY

The article analyzes the legal norms that regulate the provision of medical services, as well as examples of unacceptable conditions that can be included in a medical service contract. To determine the inadmissibility of the terms of the contract, legal methods of interpretation and analysis are used. The article also describes the procedure for applying to the court in case of recognition of the terms of the contract as unacceptable, as well as the possible consequences for the parties to the contract.

Keywords: medical services, plastic surgery, contract, unacceptable conditions, recognition of inadmissibility, legal norms, procedure for going to court.

В данной статье рассмотрим порядок признания недопустимыми условиями договора возмездного оказания медицинских услуг по профилю пластическая хирургия [1, с. 13]. Пластическая хирургия – это направление медицины, которое занимается изменением внешности пациента. К таким процедурам относятся увеличение или уменьшение груди, пластика носа, лица, живота и т.д. [2, с. 20].

Одним из примеров недопустимых условий является условие о том, что пациент не может отказаться от проведения процедуры после ее начала. Это противоречит статье 26 Федерального закона «О защите прав потребителей», которая устанавливает, что потребитель вправе отказаться от исполнения договора в любое время до его исполнения полностью или в части, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами[1].

Если пациент обращается в суд, то он должен предоставить доказательства наличия недопустимых условий в договоре. Доказательства могут быть представлены в виде письменных документов или свидетельских показаний. После рассмотрения доказательств суд принимает решение о признании недопустимых условий договора недействительными [3, с. 149].

Если же пациент обращается к медицинской организации, то она обязана изменить договор и исключить недопустимые условия. Если медицинская организация отказывается изменить договор, то пациент может обратиться в суд.

Кроме того, пациент вправе обратиться в Росздравнадзор, если медицинская организация нарушает законодательство в процессе оказания медицинских услуг. В этом случае Росздравнадзор проведет проверку медицинской организации и примет соответствующие меры, если выявит нарушения.

Для того, чтобы избежать проблем с недопустимыми условиями в договоре, пациенту необходимо внимательно изучить все условия и требования договора перед его подписанием. Если какие-то условия вызывают у пациента сомнения или не понятны, то необходимо обратиться за разъяснениями к представителям медицинской организации [4, с. 32].

Также стоит уточнить, какие услуги будут оказаны в рамках договора, какие материалы будут использоваться и какие будут стоимость и сроки проведения процедур. Важно понимать, что стоимость пластической хирургии может значительно отличаться в зависимости от используемых материалов и уровня квалификации специалиста.

Признание недопустимыми условиями договора возмездного оказания медицинских услуг по профилю пластическая хирургия является важным аспектом защиты прав пациентов. Если пациент обнаружил недопустимые условия в договоре, то он должен немедленно принять меры для их изменения. Внимательное изучение условий договора перед его подписанием поможет избежать проблем с недопустимыми условиями в будущем и защитит права и интересы пациента.

Кроме того, пациенту следует обратить внимание на репутацию медицинской организации, а также на опыт и квалификацию медицинского персонала. Пациент имеет право требовать от медицинской организации информацию о квалификации и опыте пластического хирурга, проводящего процедуры, а также о предыдущих случаях проведения аналогичных операций и их исходе.

1 Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1.

Кроме того, пациент должен понимать, что любая медицинская процедура, в том числе и пластическая хирургия, имеет свои риски и осложнения. Перед подписанием договора, пациенту необходимо внимательно изучить информацию о рисках и осложнениях, и если у него есть какие-либо сомнения, то обратиться к врачу за дополнительной информацией [5, с. 33].

Иными словами, пациент должен иметь право на полную информацию о предстоящей процедуре и обо всех условиях договора. Если пациент обнаружил недопустимые условия в договоре, то он должен немедленно принять меры для их изменения.

Важно отметить, что при наличии недопустимых условий в договоре, пациент имеет право на защиту своих прав и интересов. В первую очередь, пациент может обратиться в медицинскую организацию, где проводилась процедура, с требованием изменения условий договора.

В России защита прав потребителей медицинских услуг регулируется законодательством. Одним из основных законов, регулирующих защиту прав потребителей медицинских услуг в России, является Федеральный закон от 21 ноября 2011 № 323 – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Данный закон определяет права и обязанности граждан в сфере охраны здоровья, а также основные принципы деятельности медицинских организаций и правила оказания медицинских услуг.

Кроме того, законодательство в области защиты прав потребителей медицинских услуг включает ряд других нормативных актов, в том числе Федеральные законы «О защите прав потребителей», «Об исчислении времени» и др.

Так, Федеральный закон РФ «О защите прав потребителей» регулирует права и обеспечивает защиту интересов потребителей медицинских услуг. Согласно данному закону, потребитель имеет право на получение полной и достоверной информации о медицинской услуге, ее стоимости, рисках и осложнениях [6, с. 130].

Таким образом, в соответствии с законодательством Российской Федерации, потребитель медицинских услуг имеет право на получение качественной медицинской помощи, на информирование о состоянии своего здоровья, о методах диагностики и лечения, на конфиденциальность личных данных, а также на возмещение вреда, причиненного здоровью в результате оказания некачественных медицинских услуг.

Кроме того, важно отметить, что существует ряд специальных законов и нормативных актов, регулирующих взаимоотношения между пациентами и медицинскими организациями в области пластической хирургии. Одним из таких актов является Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором определены права и обязанности пациентов и медицинских организаций.

Также существует ряд рекомендаций и руководств, разработанных специалистами в области пластической хирургии, которые помогают пациентам выбирать квалифицированных специалистов и медицинские организации, а также избегать недопустимых условий договоров.

Например, Российская ассоциация пластических, реконструктивных и эстетических хирургов разработала рекомендации по выбору медицинской организации и специалиста по пластической хирургии. В этих рекомендациях подчеркивается важность выбора медицинской организации с наличием лицензии на проведение медицинской деятельности, а также наличия соответствующего оборудования и квалифицированного персонала.

Так, если пациент обнаружил недопустимые условия договора возмездного оказания медицинских услуг по профилю пластическая хирургия, он имеет право на обращение в суд или в органы государственной власти, ответственные за контроль и надзор в области здравоохранения [7, с. 105].

Иными словами, пациент, обращаясь в суд, имеет право требовать признания недопустимых условий договора недействительными, признания последствий их недействительности, а также возмещения убытков, причиненных нарушением условий договора. В случае, если медицинская организация нарушает права пациента, последний имеет право на обращение в органы государственной власти для проведения соответствующей проверки и принятия мер по восстановлению нарушенных прав.

Важно отметить, что правовая защита пациента является основным фактором, обеспечивающим качество медицинских услуг в области пластической хирургии и защиту его прав на здоровье и благополучие.

Пациенты должны быть более внимательны при выборе медицинской организации и специалиста по пластической хирургии, изучая условия договора и обращая внимание на квалификацию специалистов (наличие у медицинского персонала соответствующего образования и обязательных сертификатов о повышении квалификации), а также наличие в организации всех необходимых разрешительных документов [8, с. 10], в том числе, необходимых лицензий.

Пациенту важно внимательно ознакомиться с условиями договора и убедиться в их законности и соответствии с общепринятыми нормами, соответственно, в дальнейшем избежать недопустимых условий и защитить свои права и интересы в случае нарушения медицинской организацией условий договора.

Необходимо помнить, если пациент столкнулся с нарушением условий договора со стороны медицинской организации, то он имеет право на компенсацию убытков и возмещение морального вреда. В случае несогласия с условиями договора, пациент может обратиться в суд, где его права и интересы будут защищены в соответствии с законодательством.

Пристатейный библиографический список

1. Будылина А. А., Терехов С. А. Правовое регулирование ответственности за нарушение требований к оказанию медицинских услуг // Медицинское право. – 2019. – № 3. – С. 11-16.
2. Бутакова Т. В. Правовое регулирование договоров на медицинское обслуживание в Российской Федерации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 18. № 3. – С. 19-28.
3. Коновалова Е. В. Правовое регулирование качества медицинских услуг в Российской Федерации // Вестник Казанского государственного юридического университета. – 2018. – Т. 20. № 2. – С. 146-152.
4. Кудряшов А. С. Особенности правового регулирования договорных отношений в области медицины // Медицинское право. – 2018. – № 1. – С. 31-36.
5. Кутуева З. М. Правовое регулирование качества медицинской помощи в Российской Федерации // Медицинское право. – 2018. – № 2. – С. 31-36.
6. Марченко И. В. Правовые аспекты договоров на оказание медицинских услуг в России // Современное право. – 2018. – № 4. – С. 128-135.
7. Мерзляков С. А., Костромина Н. А. Ответственность за качество медицинских услуг в Российской Федерации: теоретические и практические аспекты // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 101-110.
8. Писарева Н. В., Некрасова Е. Н., Демченко А. С. Анализ проблем правового регулирования оказания медицинских услуг в России // Медицинское право. – 2019. – № 1. – С. 8-14.

РУСАКОВА Екатерина Петровна
доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ХУЗЗЯТОВ Артур Арсланович
магистр права, аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, директор Правового управления, ПАО «БАНК УРАЛСИБ»

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК МЕХАНИЗМ ВОСПОЛНЕНИЯ ОТКРЫТЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА*

В статье рассматривается применение искусственного интеллекта (ИИ) для установления открытых условий в договорах. Авторы анализируют, как ИИ соотносится с другими способами восполнения открытых условий, и признают, что указание ИИ как способа определения условия наиболее похоже на назначение третьего лица (эксперта, арбитра) для той же цели. При этом в работе излагаются результаты проведенного авторами эксперимента, в котором различные системы ИИ определяют открытые условия. В ходе последнего обнаруживаются две главные сложности использования ИИ в исследуемом контексте: возможная неразумность условий, установленных ИИ, а также возникающая иногда неспособность ИИ определить открытые пункты договора. Отмечается, что те же проблемы возникают в ситуациях с третьим лицом, номинированным для определения открытого условия, и иностранное право, наряду с наднациональными унификациями частного права, предлагает пути решения этих проблем. По мнению авторов, соответствующие нормы могут быть применены к анализируемым правоотношениям с участием ИИ по аналогии. При этом, с учетом отсутствия прямого регулирования вопроса, авторы дают рекомендации в отношении положений, которые стороны могли бы включить в договор и которые были бы направлены на решение обозначенных проблем.

Ключевые слова: рамочный договор, договор с открытыми условиями, искусственный интеллект, английское право, Единообразный торговый кодекс США, Принципы УНИДРУА, Принципы европейского частного права.

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

KHUZYATOV Arthur Arslanovich
master of law, postgraduate student of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MECHANISM FOR IMPLEMENTING THE OPEN TERMS OF THE CONTRACT**

The article examines the application of artificial intelligence (AI) to open terms in contracts. The authors explore how AI relates to other ways of filling in open terms and recognise that specifying AI as a way of determining a term is most similar to appointing a third party (expert, arbitrator) for the same purpose. Furthermore, the paper presents the results of an experiment conducted by the authors, in which different AI systems determine open terms. The latter reveals two main difficulties in the use of AI in the context under study: the possible unreasonableness of the terms set by AI, as well as the occasional inability of AI to define open contract terms. It is noted that the same problems occur in situations with a third party nominated to define an open term, and foreign law along with supra-national unifications of private law offer ways to solve these problems. According to the authors, the relevant rules can be applied to the analysed legal relations with AI by analogy. In this case, given the lack of direct regulation of the issue, the authors make recommendations for provisions that the parties could include in the contract and which would be aimed at solving the problems identified.

Keywords: framework contract, contract with open terms, artificial intelligence, English law, Uniform Commercial Code, UNIDROIT Principles, Principles of European Private Law.

Введение

Одной из ключевых проблем договоров с открытыми условиями (ст. 429.1 ГК РФ) является то, что определение условия в них зависит от самих сторон (одной из них). Соответственно, любое несогласие между сторонами может привести договор к краху. Чтобы избежать этого, контрагенты могут либо изначально оставить условие открытым для определения системы, использующей искусственный интеллект

* Информация о финансовой поддержке: работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** This work was financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil justice: digitalization through the prism of artificial intelligence".

(далее также – ИИ)[1,2,3], либо же включить данный механизм в качестве «страховочного» на случай, если сами стороны или одна из них не смогут осуществить восполнение. Последняя ситуация является предметом рассмотрения настоящей статьи.

В рамках настоящей работы мы посмотрим, какова правовая природа подобного механизма, а также проведем эксперимент и обратимся к системам YandexGPT и Bing AI с целью восполнения гипотетических открытых условий договора. При этом мы определим проблемы, которые мы обнаружили в ходе испытания, и, ссылаясь на российское и зарубежное право и наднациональные унификации частного права, попытаемся предложить решения этих затруднений.

1. Способы определения открытых условий

Согласно п. 1 ст. 429.1 ГК РФ рамочным договором (договором с открытыми условиями) признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора.

Как видно из приведенной легальной дефиниции, ключевыми способами определения открытых условий являются субъективные, то есть такие, которые предполагают участие обеих («путем заключения отдельных договоров») или, по крайней мере, одной из сторон договора («путем … подачи заявок»)[4,5].

Вместе с тем, очевидно, что в отличие от объективных механизмов определения договорных условий, подобные субъективные механизмы могут «дать сбой»: стороны могут не договориться о содержании открытого условия либо одна из сторон может отказаться его восполнить. Каковы последствия подобного «сбоя»? Намек на ответ дает ст. 2.1.14 (2) Принципов УНИДРУА, согласно которой *«[с]уществование договора не затрагивается тем, что впоследствии:*

(a) стороны не достигли согласия по такому условию;

(b) сторона, которая должна была определить условие, не сделала этого;

… если имеется иное средство сделать это условие определенным, которое является разумным при существующих обстоятельствах, принимая во внимание намерения сторон.»[6].

Иными словами, согласно Принципам УНИДРУА, если субъективный механизм восполнения открытых условий не сработал, договор следует считать заключенным, если существуют альтернативные механизмы определения условий. Что это за механизмы?

Чаще всего подобный «запасной» способ определения условий следует из диспозитивной нормы закона: так, например, согласно ст. 424 ГК РФ в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги.

В других случаях сами стороны могут предусмотреть собственный альтернативный механизм восполнения условий: в случае с ценой это может быть отсылка к индексу потребительских цен или к ценам на бирже; точно также стороны могу предусмотреть сложную формулу определения цены, включающую использование нескольких показателей.

В-третьих, случаях альтернативным механизмом может быть назначение третьего лица, номинированного на определение условия. В качестве такого лица, например, может выступать эксперт в определенной сфере коммерческих отношений или арбитр.

Технология ИИ в дополнение к перечисленным способна предложить новый способ определений условий[7,8]. Так, например, стороны могут указать в договоре с открытыми условиями на то, что в случае невозможности восполнения условия сторонами (стороной), оно должно быть восполнено путем обращения к одной из систем, основанных на ИИ. Начнем с определения правовой природы подобного механизма восполнения: представляет ли он собой явление особого рода (sui generis) или же его можно «вписать» в один из указанных выше способов определения открытого условия?

2. Правовая природа ИИ как способа восполнения открытых условий

2.1. Смарт-контракт?

Исследуемые договорные конструкции могут вызвать ассоциации со смарт-контрактами: действительно, в обоих случаях речь идет об использовании цифровых технологий в договорных правоотношениях. Справедлива ли такая аналогия и чем такие «умные договоры» отличаются от договоров с открытыми условиями, предполагающих использование ИИ в качестве альтернативного механизма восполнения?

1 Одно из определений ИИ содержится в п. 5 (а) Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, где отмечается, что «*искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»* (Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»).

2 Об определении искусственного интеллекта см. также, напр.: Василевская, Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования: цивилистическое исследование: монография в 5 томах / Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Том 4. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. [Электронное издание]. Об определении искусственного интеллекта см. также, напр.: Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования: цивилистическое исследование: монография в 5 томах / Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Том 4. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. [Электронное издание].

3 Одним из актуальных и малоизученных вопросов цифрового права является также так называемая дополненная реальность, которая также актуальна в коммерческих отношениях. О гражданско-правовых аспектах ее использования см., напр.: Bezbakh, V. V. Augmented Reality and Civil Law Regulation of Business Relations / V. V. Bezbakh, E. E. Frolova // Smart Innovation, Systems and Technologies. – 2022. – Vol. 254. – P. 29-37.

4 См. подробнее: Хуззятов А. А. Рамочный договор (договор с открытыми условиями) // Петербургская цивилистика 2.1. Сборник научных работ. – М.: М-Логос, 2020. – С. 284 – 285.

5 См. также: Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020. С. 391– 410 (автор комментария к ст. 429.1 ГК РФ – А. Г. Карапетов). См. там же о различии анализируемых в работе договоров с открытыми условиями и рамочных договоров.

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-i.pdf (дата обращения: 05.06.2023) @@ Также в части текста (без комментариев) используется размещенный на сайте Института УНИДРУА перевод на русский язык: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf (дата обращения: 05.06.2023).

7 О перспективе ИИ в вопросах восполнения пробелов договоров см., напр.: Grundmann, & Hacker P. The Digital Dimension as a Challenge to European Contract Law // The Architecture. In European Contract Law in the Digital Age, 2018. – P. 31.

8 О вопросах схожей с восполнением категории толкования договора см., напр.: Kozhokar I. P. Philosophical and Legal Foundation of the Study of Legal Interpretation Technique / I. P. Kozhokar, K. E. Sigalov, E. P. Rusakova // Wisdom. – 2023. –– Vol. 25, № 1. – P. 231-238.

Первое отличие, на наш взгляд, состоит в том, что в рассматриваемых договорах с открытыми условиями ИИ используется лишь как запасной (альтернативный, факультативный), но не основной способ определения договорного условия, тогда как смысл смарт-контракта, наоборот, состоит в том, что автоматический механизм является в нем основным, а не «спасательным» механизмом сделки. Другими словами, если в смарт-контракте договор изначальной исполняется «машиной», то в рассматриваемом нами договоре ИИ представляет собой лишь запасной механизм определения условия на случай, если условие не определят стороны (одна из сторон).

Вторым отличием рассматриваемых договоров и смарт-контрактов является то, что последние предполагают автоматизацию исполнения уже заключенного договора, но не использование цифровых технологий в организационных преддоговорных правоотношениях, каковыми по своему смыслу являются правоотношения сторон договоров с открытыми условиями. Так, согласно известной новелле ГК РФ о смарт-контрактах (п. 2 ст. 309 ГК РФ), условиями сделки может быть предусмотрено *исполнение* ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на *исполнение* обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки. Иными словами, проблематика смарт-контрактов затрагивает договорный этап «жизненного цикла» договоров, тогда как контракты с открытыми условиями с элементами ИИ во многом призваны урегулировать преддоговорный этап отношений правоотношений сторон (как и сами договоры с открытыми условиями).

Наконец, есть и техническое отличие: как часто отмечается, смарт-контракты основаны на системе блокчейн, о которой не идет или, по крайней мере, не обязательно идет речь в договорах с ИИ[9]. Другими словами, смарт-контракты не являются ИИ и не нуждаются в ИИ и вообще, как метко замечают авторы одной из монографий по вопросу, в действительности не являются ни умными (smart), ни даже контрактами[10].

2.2. Договор с восполнением условия третьим «лицом»

Определение изучаемых договоров через смарт-контракты страдает и еще одним не упомянутым выше недостатком: понятие смарт-контракт трудно отнести к разработанным цивилистическим категориям и во многом отсылка к нему была бы попыткой определить одно неизвестное понятие через другое столь же неизвестное. Представляется, что вместо этого целесообразно определить изучаемое понятие в рамках уже известных и разработанных категорий[11].

Из всех способов определения открытых условий рассматриваемый механизм более всего напоминает назначение третьего лица, которое должно определить договорное условие[12].

Действительно, искусственный интеллект, будучи имитацией человеческого интеллекта, в данном случае выступает как своего рода «эксперт», а не просто как алгоритм или формула определения того или иного договорного условия[13]. Как справедливо отмечается в литературе, ключевым признаком подобных систем, указанным в резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051 [10], является именно признак автономности. Автономность при этом означает способность подобных систем принимать самостоятельные решения без необходимости внешнего воздействия и контроля[14].

Изложенное дает основания для аналогий между ИИ и субъектом (а не объектом) права[15]. Это же отличает ИИ как способ определения открытого условия от простого компьютерного алгоритма, к которому, как к способу определения открытого условия, стороны могли отослать и до появления ИИ: такой алгоритм едва ли можно назвать «экспертом», и он скорее схож с простой формулой для определения открытого условия, в отношении которой лишь указан программный продукт (калькулятор) для ее расчета.

Такая квалификация поможет нам разрешить некоторые из поставленных ниже вопросов, связанных с определением открытого условия ИИ. Однако прежде, чем перейти к ним, посмотрим, как может выглядеть определение условия ИИ в реальности.

3. Примеры определения ИИ открытых условий

3.1. Краткий обзор систем ИИ

К каким системам могут обратиться стороны, желающие, чтобы в случае недостижения ими согласия в отношении открытого условия (или невосполнения его одной из сторон), последнее было определено с помощью ИИ? Условно такие сервисы можно поделить на две группы.

К первой группе можно отнести универсальные сервисы, использующие ИИ для генерации текста (в широком

9 Martin Ebers, Cristina Poncibò. Contracting and Contract Law in the Age of Artificial Intelligence. – Bloomsbury Publishing, 2022. – P. 20 (автор главы – Мартин Эберс [Martin Ebers]) @@ См. также: Księżak, Paweł, and Sylwia Wojtczak. Toward a Conceptual Network for the Private Law of Artificial Intelligence by Paweł Księżak, Sylwia Wojtczak. 1st ed. 2023. – Springer International Publishing, 2023. – P. 192 @@ Но см. также: Martin Ebers, Cristina Poncibò. Contracting and Contract Law in the Age of Artificial Intelligence. Bloomsbury Publishing, 2022. – P. 41 – 58 (автор главы – Мими Зоу [Mimi Zou]) об интеграции ИИ со смарт-контрактами.

10 Księżak Paweł, and Sylwia Wojtczak. Toward a Conceptual Network for the Private Law of Artificial Intelligence by Paweł Księżak, Sylwia Wojtczak. 1st ed. 2023. – Springer International Publishing, 2023. – P. 192.

11 Как справедливо утверждается в работе, иронично названной «Много шума об искусственном интеллекте ...», *«[т]ехнологии позволяют автоматизировать широкий спектр задач, включая возможность проверки договоров. Вопреки распространенному мнению, такая новая практика легко согласуется с существующими правовыми принципами, в случае, когда речь идет об общем договорном праве. ... юридический анализ должен начинаться с легких, а не усиленно драматизированных описаний технологий или предположений о том, что договорное право не может их учитывать»* (Mik Eliza. Much Ado About Artificial Intelligence or: The Automation of Contract Formation. International Journal of Law and Information Technology. – Vol. 30, № 4. – 2022. – P. 484). Здесь и далее, если не оговорено иное, перевод осуществлен авторами настоящей статьи.

12 Ту же аналогию мы можем обнаружить в отношении так называемых «самоуправляемых контрактов»: *«Эти контракты не идут по пути компьютерно-опосредованных сделок, указывая все детали и непредвиденные обстоятельства контракта. Вместо этого они предлагают создать ситуацию, в которой стороны смогут указывать намерения или цели, а затем искусственный интеллект будет заполнять пробелы в договоре в соответствии с этими целями по мере получения новых сведений о среде, в которой действуют стороны. По их мнению, это будет работать так: искусственные агенты смогут заполнять пробелы в договоре так, как сегодня это может делать суд или посредник* [подчеркивание наше – Е.Р., А.Х]).» (Wrbka, Stefan, et al. Smart Contracts Technological, Business and Legal Perspectives / [edited by] Marcelo Corrales Compagnucci, Mark Fenwick and Stefan Wrbka. Edited by Stefan Wrbka et al., First edition. – Hart Publishing, 2021. – Pp. 41-42).

13 При этом, поскольку речь идет не о том, что ИИ выступает в качестве контрагента или его представителя (агента), мы опускаем вопрос о правосубъектности ИИ. Подробнее об этом см., напр.: Казанцев Д. А. Проблемы и перспективы регулирования отношений в рамках сделки, совершенной с участием искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 2. – С. 450-453 @@ Eliza Mik. From Automation to Autonomy: Some Non-Existent Problems in Contract Law // Journal of Contract Law. – Vol. 36, № 3. – 2020. – Pp. 205–29.

14 Алексеев Н. В. Искусственный интеллект и роботизация. Проблемы договорного права // Право: история, теория, практика: Сборник статей и материалов. Том Выпуск 23. – Брянск: Общество с ограниченной ответственностью «Новый проект», 2019. – С. 15.

15 Там же.

смысле), такие как ChatGPT[16], Bing AI (Chat)[17], Perplexity[18] или российский сервис YandexGPT[19].

К другой категории относятся специальные сервисы для юридических задач, в том числе специализированных задач, связанных с работой по составлению договоров, такие как LegalRobot[20] или чат-бот известной юридической фирмы Allen & Overy, именуемый Harvey[21].

Ниже мы для иллюстрации попробуем воспользоваться двумя из упомянутых выше сервисов: YandexGPT и Bing AI (Chat).

YandexGPT, или YaGPT – это доступный в настоящее время в тестовом этапе голосовой помощник и чат-бот от компании Яндекс, созданный с помощью алгоритмов машинного обучения и нейронных сетей[22].

Bing AI, или Bing Chat – это чат-бот с искусственным интеллектом (AI), разработанный компанией Microsoft и выпущенный в 2023 году. Он основан на модели большого языка (LLM) GPT-4 от OpenAI и был дополнительно обучен с помощью методов контролируемого и подкрепляемого обучения. Данная система ИИ способна общаться на нескольких языках, включая русский[23].

Посмотрим, как указанные системы восполняют открытые условия.

3.2. Примеры[24]

3.2.1. Определение цены

Попробуем сформулировать запрос о формулировании пропущенного условия о цене в адрес Bing AI и YandexGP.

Запрос: «*Покупатель (супермаркет) и поставщик товара в городе Москве договорились о поставке 100 кг муки, оставив определение условия о цене для дальнейших переговоров. Переговоры оказались безуспешными. При этом стороны указали, что в таком случае цена поставки должна быть определена искуственным интеллектом (чатом) на 01.02.2023. Определи пропущенное условие*».

Ответ Bing AI: «*Согласно СберМегаМаркету, цена муки пшеничной высшего сорта в Москве на 01.02.2023 составляет 329 рублей за 2 килограмма. Согласно сайту производителя MAKFA, цена муки пшеничной высшего сорта в Москве на 01.02.2023 составляет 500 рублей за 10 килограмм. Учитывая объем поставки в 100 кг, я предлагаю определить среднюю цену поставки муки на дату заключения договора как (5390 + 1645 + 5000) / 3 = 4011.67 рублей. Это позволит обеспечить конкурентоспособность товара и удовлетворить интересы обеих сторон.*»

YandexGPT: «*К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос, так как не имею доступа к информации о ценах на муку в Москве. Рекомендую обратиться к специалистам в области ценообразования или использовать другие источники информации для определения цены поставки*». Как мы видим, YandexGPT отказался определить цену, указав, что такая возможность не входит в его функции. В работе мы обратимся к последствиям такой «дисфункции» для договорных правоотношений.

3.2.2. Определение срока

Запрос: «*Покупатель (супермаркет) и поставщик товара договорились о поставке 100 килограмм муки, оставив определение сроки поставки на усмотрение покупателя. Покупатель свое право на определение условия о сроке не реализовал. При этом стороны указали, что в таком случае срок поставки должен быть определен искусственным интеллектом (чатом). Определи пропущенное условие*».

Ответ YandexGPT: «*Срок поставки должен быть не менее 10 дней, так как это минимальный срок, необходимый для доставки товара из точки производства до точки продажи. Это связано с тем, что мука должна быть доставлена в магазин в течение определенного времени, чтобы она не потеряла своих свойств. Кроме того, если срок поставки будет меньше 10 дней, это может привести к неудобствам для покупателей, так как они не смогут приобрести муку вовремя*».

Ответ Bing AI: « *… я буду использовать следующие критерии:*

– Срок поставки не должен превышать 30 дней с момента заключения договора, так как мука является скоропортящимся продуктом.

– Срок поставки должен учитывать спрос и предложение на рынке муки, а также сезонность и праздничные дни.

– Срок поставки должен быть выгодным для обеих сторон, то есть обеспечивать своевременную оплату и доставку товара.

Исходя из этих критериев, я определил срок поставки муки в 10 дней с момента заключения договора. Этот срок позволит покупателю получить свежую муку, а поставщику – избежать излишних затрат на хранение и транспортировку товара. Кроме того, этот срок не совпадает с пиковыми периодами спроса на муку, такими как Новый год или Пасха».

Любопытно, что, когда тот же вопрос был задан Bing AI несколькими днями ранее, система предлагала исходить из срока поставки в 6 месяцев, что, очевидно, могло бы не устроить как поставщика, так и покупателя.

Таким образом, перед нами две проблемы: во-первых, мы увидели, что выбранная система может быть неспособна определить открытое условие, как это имело место в случае с определением YandexGPT условия о цене, во-вторых, в некоторых случаях система может формулировать неадекватные представлениям сторон и деловому обороту условия, как это было в случае указания Bing AI срока поставки в 6 месяцев. Обратимся к этим проблемам и возможным способам их решения.

4. Правовые проблемы[25]

4.1. Выбранная система ИИ не функционирует

В отдельных случаях ИИ может не суметь определить открытое условие: например, в связи с техническими или иными ограничениями той или иной платформы, что было видно на примере ответа YandexGPT на просьбу сформулировать условия о цене. Чтобы понять правовые последствия такой ситуации, сравним, как это было предложено выше, ИИ с третьим лицом. Так как российское право не регулиру-

16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://openai.com/blog/chatgpt (дата обращения: 01.05.2023).

17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bing.com/search?q=Bing+AI&showconv=1&FORM=hpcodx (дата обращения: 01.05.2023).

18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perplexity.ai/ (дата обращения: 01.05.2023).

19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/project/alice/yagpt (дата обращения: 01.05.2023).

20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalrobot.com/ (дата обращения: 01.05.2023).

21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ft.com/content/baf68476-5b7e-4078-9b3e-ddfce710a6e2 (дата обращения: 01.05.2023).

22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/YandexGPT (дата обращения: 01.05.2023).

23 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Microsoft_Bing (дата обращения: 01.05.2023).

24 Ниже мы приводим умышленно простые (схематичные) примеры. Очевидно при этом, что ИИ имеет большие перспективы использования в более сложных договорах, в том числе в рамках внебиржевых сделок ISDA (см. Kerrigan, Charles. Artificial Intelligence: Law and Regulation / Edited by Charles Kerrigan (Partner, CMS, UK). Edited by Charles Kerrigan, Edward Elgar Publishing, 2022. Paras. 7.075 – 7.082) @@ Сделка также может быть осложнена тем, что способом оплаты или предметом сделки могут быть цифровые активы. О цифровых активах см., напр.: Rusakova, E. P. Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Issues of Substantive and Procedural Law / E. P. Rusakova, E. E. Frolova, A. I. Gorbacheva // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2020. – Vol. 1100. – P. 665-673.

25 Помимо указанных практических проблем, при использовании ИИ могут также возникать проблемы, связанные с неравенством, особенно если речь идет об отношениях с участием потребителей (см., напр.: Digital technologies as a driver of intellectual stratification of human resources: Socio-economic inequality / M. N. Dudin, O. F. Shakhov, M. S. Shakhova [et al.] // International Journal of Recent Technology and Engineering. – 2019. – Vol. 8, № 2. – P. 4436-4440).

ет этот вопрос, посмотрим на зарубежный опыт и унификации частного права.

Самое радикальное регулирование предлагает статья 9 английского Закона о купле-продаже 1979 г. (Sale of Goods Act 1979), где указано: *«(1)Если имеется соглашение о продаже товара на условиях, что цена должна быть определена оценкой третьего лица, а оно не может произвести оценку или не делает этого, соглашение теряет свою юридическую силу; …»*[26].

Как мы видим, по общему правилу действующий на территории Великобритании закон о купле-продаже предполагает, что если третье лицо не определяет условие, то соглашение утрачивает юридическую силу. Таким образом, если применить аналогию третьего лица и ИИ, то правило британского закона можно сформулировать следующим образом: если ИИ по какой-либо причине не определило пропущенное условие, договор считается расторгнутым (незаключенным, недействительным).

Более либеральный подход предлагает Единообразный торговый кодекс США (Uniform Commercial Code):

«§ 2-305. Открытое условие о цене.

(1) Стороны по своему желанию могут заключить договор купли-продажи, даже если цена не определена. В таком случае цена является разумной ценой на момент поставки, если

(a) ничего не сказано о цене; или

(b) цена оставлена на усмотрение сторон, и они не пришли к соглашению; или

(c) цена должна быть установлена с точки зрения какого-либо согласованного рыночного или иного стандарта, установленного или зафиксированного третьим лицом или агентством, и она не установлена или не зафиксирована.»[27].

Если считать, что пункт (c) статьи отсылает нас к определению условия третьим лицом, а также снова применить аналогию между третьим лицом и ИИ, то Единообразный торговый кодекс США предлагает следующее решение поставленной проблемы: если ИИ оказался неспособен определить цену, она должна рассчитываться исходя из разумной цены на момент поставки, то есть способом, схожим с тем, который описан в п. 2 ст. 424 ГК РФ; то же *mutatis mutandis*, вероятно, применимо и к иным восполнимым условиям договора.

Не менее благоприятствующий договорам (*favor contractus*) подход предлагают и Принципы европейского договорного права (Principles of European contract law), известные также как Принципы Ландо, в статье 6:106 которых указано:

«Статья 6:106: Определение условия третьим лицом

(1) Если цена или любое другое условие договора должно быть определено третьим лицом, а оно не может или не хочет этого сделать, считается, что стороны уполномочили суд назначить другое лицо для его определения.»[28].

Схожий подход предлагается и в официальном комментарии к ст. 2.1.14 Принципов УНИДРУА:

«Если стороны передали определение недостающего условия третьему лицу, которое должно быть назначено названным учреждением или лицом, например, председателем трибунала, торговой палаты и т.д., если назначенное третье лицо не определит условие, может быть назначено новое третье лицо.»[29].

Таким образом, если снова проводить аналогию между третьим лицом и ИИ, то согласно Европейским принципам и Принципам УНИДРУА, если ИИ оказался неспособен определить открытое условие договора, то такой контракт, как и в случае с Единообразным торговым кодексом США, по общему правилу не будет считаться незаключенным (расторгнутым). Отличаются, однако, последствия рассматриваемой ситуации: если согласно своду США, условие заменится на среднерыночное, то в соответствии с приведенными наднациональными унификациями частного права суд должен выбрать иную систему ИИ для определения условия. Так, например, в рассматриваемом случае суд мог бы предписать сторонам воспользоваться не несработавшим YandexGPT, а Bing AI (или наоборот).

Каков должен быть ответ российского права на анализируемый вопрос, то есть нужно ли признавать договор заключенным несмотря на то, что ИИ не восполнило открытое условие? Вероятно, ответ должен зависеть от того, видим ли мы за действиями сторон намерение вступить в правовые отношения. При этом к положительному ответу на этот вопрос подталкивает то обстоятельство, что стороны в рассматриваемых примерах не просто оставляют условие открытым для дальнейших переговоров, но и предусматривают «страховочный» механизм в виде ИИ, что недвусмысленно свидетельствует об их намерении быть связанными. Если соглашаться с подобной логикой, то она, как минимум, открывает путь к восполнению условия с помощью диспозитивных норм закона.

Описанная правовая неопределенность также подсказывает, что сторонам имеет смысл самостоятельно урегулировать последствия рассматриваемой ситуации, выбрав одно из вышеуказанных решений.

4.2. Результат определения условия ИИ оказался неразумным

Важная особенность ИИ состоит в том, что он не является «детерминированным алгоритмом», всегда выдающим один и тот же результат при тех же вводных данных[30]. В отличие от обычного алгоритма, основанные на ИИ системы сегодня зачастую работают как самообучающиеся системы, адаптируя свои ответы под меняющиеся условия и новые данные. Последнее во многом и позволяет называть искусственный интеллект интеллектом, однако одновременно влечет за собой и потенциальную нестабильность ответов на адресованные системе вопросы[31]. Это видно уже на приведенном выше примере с системой Bing AI, которая с промежутком в несколько дней определила срок поставки муки вначале в 6 месяцев, а позднее в 10 дней. Соответственно, предложенное решение может быть крайне непредсказуемым. Каковы последствия такого неразумного восполнения условий, произведенного ИИ?

Если бы речь шла о детерминированном алгоритме, можно было бы сказать, что коль скоро «машина» действовала в соответствии с установленным порядком действий, условие будет для сторон обязательным. Именно к такому выводу пришел суд в деле *Quoine v B2C2*[32], рассмотренном Апелляционным судом Сингапура (Singapore Court of Appeal), где автоматические торговые автоматы предложили цену, в 250 раз превышающую рыночную[33]. Однако ИИ, как было отмечено, не действует как алгоритм и его следует оценивать скорее как третье лицо. Как же право отвечает на неразумные восполнения, сделанные третьим лицом?

26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/54 (дата обращения: 10.06.2023).

27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/ucc/2/2-305 (дата обращения: 10.06.2023).

28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.trans-lex.org/400200/_/pecl/ (дата обращения: 01.06.2023).

29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-i.pdf (дата обращения: 05.06.2023). Далее авторы унификации дают комментарий, с которым можно поспорить в контексте обсуждаемой темы: *«Случаи, когда потребуется назначить новое третье лицо, скорее всего, будут довольно редкими на практике.»* (Ibid.)

30 Martin Ebers, Cristina Poncibò. Contracting and Contract Law in the Age of Artificial Intelligence. Bloomsbury Publishing, 2022. – P. 30 (автор главы – Мартин Эберс [Martin Ebers]).

31 Поэтому трудно согласиться с тем, что с внедрением искусственного интеллекта договорные правооотношения «приобретут большую детерминированность, предупредят злоупотребление правом ...» (Крайнова Е. Р. Элементы искусственного интеллекта в гражданско-правовых отношениях / Е. Р. Крайнова, Е. С. Кованов // Современное право. – 2022. – № 3. – С. 65-70).

32 Mik (n 55). Приводится по: Martin Ebers, Cristina Poncibò. Contracting and Contract Law in the Age of Artificial Intelligence. Bloomsbury Publishing, 2022. – P. 31-32 (автор главы – Мартин Эберс [Martin Ebers]).

33 Martin Ebers, Cristina Poncibò. Contracting and Contract Law in the Age of Artificial Intelligence. Bloomsbury Publishing, 2022. – P. 31-32 (автор главы – Мартин Эберс [Martin Ebers]).

Из вышеперечисленных источников прямой ответ на вопрос дают лишь Принципы европейского договорного права, согласно статье 6:106 (2) которых, «*[е]сли цена или иное условие, установленное третьим лицом, являются крайне неразумными, вместо них устанавливаются разумные цена или иное условие*».

Едва ли то же правило по умолчанию можно вывести из положений ГК РФ: как видно из п. 4 ст. 451 ГК РФ, законодатель ограничивает вмешательство судов в договорные правоотношения сторон, а потому, как гласит указанная норма, изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств допускается по решению суда в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях. Более того, некоторые авторы предлагают и вовсе считать установления ИИ неоспоримыми: так, в одной из работ буквально указывается следующее: «*Считаем уместным, базируясь на авторитетности правового помощника и порождаемых им решений, поместить в процессуальные кодексы норму, согласно которой освобождается от доказывания всякий факт, основанный на творчестве имитационного разума.*»[34].

Подобное регулирование подсказывает, что стороны договора с открытыми условиями в России, если они в том или ином виде доверили разрешение условия ИИ, должны самостоятельно урегулировать последствия неразумного «поведения» такого «третьего лица»: например, установив пределы цены, срока или иного открытого условия и (или) установив четкие критерии, которым должна руководствоваться нейросеть при восполнении условия.

Заключение

Как мы видим, ИИ имеет значительную перспективу как инструмент восполнения договорных условий, в том числе как «запасной» механизм определения положений договоров с открытыми условиями. Вместе с тем, как и любой новый механизм, он сталкивается с трудностями: например, ИИ может быть неспособным определить условия, а также, в отсутствие детерминированного алгоритма, быть непредсказуемым в результатах восполнения предложенных ему положений договора. Договорное право еще не разработало полноценное решение для этих затруднений. Однако, мы можем найти выход, обратившись к уже существующим нормам права, в том числе зарубежного права и наднациональных унификаций частного права, которые регулируют случаи, когда договор определяется третьим лицом. К такому третьему лицу с известной долей условности может быть приравнено и ИИ. На основании указанной аналогии в статье предлагаются решения обозначенных проблем, а также даются рекомендации для сторон договоров с открытыми условиями, доверившим восполнение ИИ.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев Н. В. Искусственный интеллект и роботизация. Проблемы договорного права // Право: история, теория, практика: Сборник статей и материалов. Том Выпуск 23. Брянск: Общество с ограниченной ответственностью «Новый проект», 2019. – С. 14-20.
2. Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования: цивилистическое исследование: монография в 5 томах / Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Том 4. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023.
3. Казанцев Д. А. Проблемы и перспективы регулирования отношений в рамках сделки, совершенной с участием искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. Т. 1. № 2. – С. 438 – 463.
4. Карапетов А. Г. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020.
5. Крайнова Е. Р. Элементы искусственного интеллекта в гражданско-правовых отношениях / Е. Р. Крайнова, Е. С. Кованов // Современное право. – 2022. – № 3. – С. 65 – 70.
6. Хуззятов А. А. Рамочный договор (договор с открытыми условиями) // Петербургская цивилистика 2.1. Сборник научных работ. – М.: М-Логос, 2020. – С. 284–304.
7. Bezbakh, Vitaliy V. Augmented Reality and Civil Law Regulation of Business Relations / V. V. Bezbakh, E. E. Frolova // Smart Innovation, Systems and Technologies. – 2022. – Vol. 254. – P. 29-37.
8. Digital technologies as a driver of intellectual stratification of human resources: Socio-economic inequality / M. N. Dudin, O. F. Shakhov, M. S. Shakhova [et al.] // International Journal of Recent Technology and Engineering. – 2019. – Vol. 8, № 2. – P. 4436-4440.
9. Grundmann, & Hacker P. The Digital Dimension as a Challenge to European Contract Law – The Architecture. In European Contract Law in the Digital Age. – 2018. – P. 3 – 46.
10. Kerrigan Charles. Artificial Intelligence: Law and Regulation / Edited by Charles Kerrigan (Partner, CMS, UK). Edited by Charles Kerrigan, Edward Elgar Publishing, 2022.
11. Kozhokar I. P. Philosophical and Legal Foundation of the Study of Legal Interpretation Technique / I. P. Kozhokar, K. E. Sigalov, E. P. Rusakova // Wisdom. – 2023. – Vol. 25, № 1. – P. 231 – 239.
12. Księżak Paweł, Sylwia Wojtczak. Toward a Conceptual Network for the Private Law of Artificial Intelligence by Paweł Księżak, Sylwia Wojtczak. 1st ed. 2023. – Springer International Publishing, 2023.
13. Lando Ole. Principles of European Contract Law. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.trans-lex.org/400200/_/pecl/ (дата обращения: 01.06.2023).
14. Martin Ebers, Cristina Poncibò. Contracting and Contract Law in the Age of Artificial Intelligence. – Bloomsbury Publishing, 2022.
15. Mik Eliza. From Automation to Autonomy: Some Non-Existent Problems in Contract Law // Journal of Contract Law. – Vol. 36, № 3. – 2020. – P. 205 – 229.
16. Mik Eliza. Much Ado About Artificial Intelligence or: The Automation of Contract Formation // International Journal of Law and Information Technology. – Vol. 30, № 4. – 2022. – P. 484-506.
17. Rusakova E. P. Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Issues of Substantive and Procedural Law / E. P. Rusakova, E. E. Frolova, A. I. Gorbacheva // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2020. – Vol. 1100. – P. 665-673.
18. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016 // International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT), Rome, 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-i.pdf (дата обращения: 05.06.2023).
19. Uniform Commercial Code. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/ucc/2/2-305 (дата обращения: 10.06.2023).
20. Wrbka, Stefan, et al. Smart Contracts Technological, Business and Legal Perspectives / [edited by] Marcelo Corrales Compagnucci, Mark Fenwick and Stefan Wrbka. Edited by Stefan Wrbka et al., First edition. – Hart Publishing, 2021.

34 Крайнова Е. Р. Элементы искусственного интеллекта в гражданско-правовых отношениях / Е. Р. Крайнова, Е. С. Кованов // Современное право. – 2022. – № 3. – С. 68.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-185-186

АЛИЕВ Гамид Абдусаламович
магистрант 1 курса очного отделения по направлению 40.04.01 – Юриспруденция Дагестанского государственного университета

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПОМЕЩЕНИЙ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В представленной статье проанализирован правовой режим помещений как объекта гражданских прав, освещены ключевые особенности, связанные с его правовым статусом и рассмотрены отличительные черты, которые выделяют его среди других объектов недвижимости. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о значимости правового режима помещений для защиты гражданских прав и выделить основные аспекты, которые необходимо учитывать при работе с такими объектами недвижимости.

Ключевые слова: объект, гражданское право, Гражданский кодекс, помещение, правовой режим.

ALIEV Gamid Abdusalamovich
magister student of the 1st course of the full-time in the direction of 40.04.01-Jurisprudence of the Dagestan State University

LEGAL REGIME OF PREMISES AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS

The present article analyzes the legal regime of premises as an object of civil rights, highlights the key features associated with its legal status and considers the distinctive features that distinguish it from other real estate objects. The results of the study allow us to draw a conclusion about the importance of the legal regime of premises for the protection of civil rights and highlight the main aspects that must be taken into account when working with such real estate.

Keywords: object, civil law, Civil Code, premises, legal regime.

Правовой режим помещений как объектов гражданских прав представляет собой комплекс правовых норм, правил и ограничений, которые определяют юридический статус, владение, пользование, распоряжение, обременение и защиту помещений (например, квартир, офисов, складских помещений) в контексте гражданских прав. Этот режим устанавливает правовые рамки, в которых осуществляются сделки, договоры, правовая защита и регулирование относительно данных помещений [3].

В России исследованием правовых проблем, связанных с помещениями, занимаются различные юридические институты, университеты и научные организации. Например, вузы с юридическими факультетами, такие как Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет и другие, проводят исследования в области гражданского и жилищного права, которые касаются и правового режима помещений. Также различные юридические консультационные фирмы и адвокатские бюро могут проводить исследования и оказывать консультации по правовым вопросам, связанным с помещениями. Научные центры и институты, занимающиеся гражданским правом и имущественными отношениями, также могут включать в свою деятельность исследования в области правового режима помещений. Государственные органы, такие как Министерство юстиции Российской Федерации, могут также проводить исследования и разрабатывать нормативные акты, регулирующие правовой статус помещений. Монографии, научные статьи и работы посвящены анализу различных аспектов данной проблемы, а также содержат предложения и рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в Российской Федерации.

В правовом регулировании помещений в России существует несколько проблемных аспектов: недостаточная ясность и детализация норм. Нормы, регулирующие правовой режим помещений, могут быть недостаточно четкими и детализированными, что может привести к различным толкованиям и спорам между сторонами, проблемы с регистрацией прав. В некоторых случаях может возникнуть затруднение при регистрации прав на помещения, особенно в случаях, связанных с обременениями и отсутствием необходимой документации, жилищные споры. Владение жилыми помещениями может стать предметом сложных споров между соседями или арендодателями и арендаторами, долевое строительство и долевая собственность. Проблемы могут возникнуть при долевом строительстве и управлении многоквартирными домами, такие как определение прав и обязанностей дольщиков, управляющих органов и застройщиков, аренда и найм помещений. Правовой статус арендаторов и нанимателей, а также вопросы прекращения договоров аренды могут вызвать споры, изъятие и ограничение прав на помещения. Ситуации, связанные с изъятием или ограничением прав на помещения, могут вызывать вопросы о соблюдении законных процедур и возможности оспаривания решений, несанкционированное использование помещений. Проблемы могут возникнуть в случае незаконного использования помещений, например, для коммерческой деятельности без соответствующих разрешений, земельные и градостроительные вопросы. Правовой режим помещений может быть связан с земельными и градостроительными вопросами, что может усложнить процедуры использования помещений, обременения и ограничения прав на помещения, наличие обременений и ограничений прав на помещения может ограничивать их использование и передачу. Отсутствие единой базы данных и нормативных актов. Отсутствие унифицированных нормативных актов и единой базы данных по правовому режиму помещений может затруднить доступ к информации и привести к разногласиям в практике [1].

Отмечается, что некоторые ученые оспаривают признание помещений в качестве объектов индивидуального права собственности и применения к ним соответствующего правового регулирования. Одна из причин такой позиции заключается в теоретической трактовке права собственности как полного, исключительного и неограниченного господства над вещью. Согласно данному определению, помещения не могут быть признаны самостоятельными объектами гражданских прав, либо могут признаваться таковыми только в определенных случаях [2].

Собственник помещения имеет все полномочия, которые составляют суть права собственности, и наличие некоторых ограничений и запретов не может быть достаточным основанием для того, чтобы не считать помещение объектом права собственности и не применять к нему соответствующее правовое регулирование, которое является неотъемлемой частью правового режима помещения.

Юридически делимое помещение признается в случае соблюдения определенных условий. Согласно законодательству, существуют различные части жилых помещений, такие как часть дома, часть квартиры и комната. Однако, законодательство не содержит теоретического обоснования возможности существования помещения, в котором присутствуют самостоятельные объекты права собственности, правовой режим которых тесно связан как друг с другом, так и с целым помещением. Этот вопрос является актуальным, поскольку за исключением коммунальной квартиры, законодательство не устанавливает правовой режим частей дома и квартиры как объектов, являющихся частью единого целого.

Помещение как составная вещь образуется в результате юридического раздела, а кроме того, исключительным способом образования составного помещения (коммунальной квартиры) является приватизация. Части помещения, образованные после юридического раздела, становятся самостоятельными объектами права собственности, в то время как исходное помещение такое качество утрачивает.

Отличительной чертой правового режима помещения как самостоятельного объекта права собственности, выделяющей его среди других объектов недвижимости и вызванной конструктивным расположением помещения в составе другого объекта недвижимости – строения, является то, что правовой режим такого помещения в качестве основополагающей своей характеристики включает в себя режим коммунальной собственности, обусловленный разделом строения на составные части и образованием помещений, принадлежащих субъектам на праве индивидуальной собственности, и помещений, входящих в состав общего имущества строения и принадлежащих собственникам на праве общей долевой собственности.

Действующее законодательство закрепляет следующие виды помещений: жилое и нежилое помещение.

Понятие «жилое помещение» в Российской Федерации подробно описывается в Гражданском кодексе и Жилищном кодексе. В соответствии с пунктом 2 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации «жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям, предусмотренным законодательством)»[1].

Гражданский кодекс рассматривает жилое помещение как объект вещного и обязательственного права, однако в ст. 128 жилые помещения не выделяются в отдельную группу объектов гражданских прав.

Федеральным законом от 21.12.2021 г. № 430-ФЗ в Гражданский кодекс РФ главой 6.1 были внесены изменения относительно недвижимых вещей. В частности, статьей 141.4 было введено понятие помещения как недвижимой вещи. Принятие данной нормы стало важным шагом на пути признания нежилых помещений в качестве объекта недвижимого имущества. До вступления в силу статьи 141.4, Гражданский кодекс Российской Федерации прямо не относил нежилые помещения к объектам недвижимого имущества, обозначая их как «иное имущество». Раскроем некоторые отличия между жилым и нежилым помещениями:

– Нежилое помещение представляет собой часть здания или сооружения, предназначенную для использования в целях, не связанных с проживанием людей.

– Жилые и нежилые помещения являются двумя основными категориями помещений в недвижимости, и между ними есть несколько ключевых различий:

– Предназначение: Жилые помещения: предназначены для проживания физических лиц. Это могут быть квартиры, дома, комнаты и другие места, используемые для постоянного или временного проживания людей. Нежилые помещения: Предназначены для осуществления различных видов деятельности, не связанных с проживанием. Сюда относятся офисы, магазины, склады, производственные цеха, а также специализированные помещения, такие как столовые, мастерские и т.д.

– Использование: Жилые помещения: используются в качестве места проживания, отдыха и реализации личных потребностей граждан. Нежилые помещения: используются для ведения коммерческой, производственной, офисной или иной деятельности, направленной на получение прибыли.

– Правовой режим: Жилые помещения: регулируются жилищным законодательством, которое обеспечивает защиту прав и интересов граждан, проживающих в данных помещениях. Нежилые помещения: регулируются гражданским и коммерческим законодательством, а также другими специализированными нормами в зависимости от вида деятельности, которая ведется в помещении.

– Особенности аренды и найма: Жилые помещения: Аренда или найм жилых помещений регулируются жилищным законодательством, которое обеспечивает определенные права и обязанности арендаторов и нанимателей. Нежилые помещения: Аренда или найм нежилых помещений обычно связаны с коммерческой деятельностью и регулируются гражданским законодательством, что может включать более гибкие условия и правила.

– Налогообложение: Жилые помещения: Жилая недвижимость может иметь определенные налоговые льготы и льготные ставки налогообложения, так как она связана с жилищными потребностями граждан. Нежилые помещения: Налогообложение нежилой недвижимости может иметь другие ставки и правила, учитывая коммерческую природу использования.

Эти различия и определяют основные характеристики, особенности жилых и нежилых помещений, а также правовой статус, который применяется к ним.

Таким образом в заключении проведенного исследования следует вывод о том, что правовой режим помещения — это категория, содержание которой обусловлено общетеоретическим понятием правового режима, спецификой метода гражданско-правового регулирования, квалификацией помещения в качестве объекта недвижимости и собственными признаками помещения как объекта права.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимов А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов. — 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 435 с.
2. Кислицина О.В. Правовой режим помещений как объекта гражданских прав // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 8-9 (59). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-pomescheniy-kak-obekta-grazhdanskih-prav (дата обращения: 14.03.2023).
3. Литвин Ю. А. Нежилые помещения как объект гражданских прав // Молодой ученый. – 2019. – № 28 (266). – С. 128-130.

1 Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) Доступ из справ. правовой системы Консультант плюс.

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич
старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

К ВОПРОСУ МОДЕРНИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ СТРАХОВАНИЯ КАК СПОСОБА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

В данной статье рассматриваются объективные препятствия и трудности, существующие на страховом рынке и сдерживающие его развитие. Качественное решение рассматриваемых проблем неизбежно будет способствовать развитию предпринимательства и увеличению макроэкономических показателей. Подробно разбирается страхование предпринимательского риска, как фактора, напрямую влияющего на развитие малого и среднего предпринимательства в нашем государстве. Предлагаются эффективные способы и меры, способствующие улучшению страхового рынка в современной России.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, страхование, страховые компании, страховщики, страхователи, выгодоприобретатели, застрахованные лица, автострахование, страховой полис, страхование предпринимательского риска.

ANANJEV Oleg Gennadjevich
senior lecturer of Social psychology and social work sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF MODERNIZATION OF THE DOMESTIC INSURANCE SYSTEM AS A WAY TO DEVELOP THE RUSSIAN ECONOMY

This article discusses the objective obstacles and difficulties that exist in the insurance market and hinder its development. A qualitative solution to the problems under consideration will inevitably contribute to the development of entrepreneurship and an increase in macroeconomic indicators. Business risk insurance is analyzed in detail as a factor directly affecting the development of small and medium-sized businesses in our country. Effective methods and measures are proposed to improve the insurance market in modern Russia.

Keywords: Entrepreneurship, insurance, insurance companies, insurers, policyholders, beneficiaries, insured persons, auto insurance, insurance policy, business risk insurance.

С 90-ых годов прошлого столетия в России стала складываться рыночная экономическая система, где должно преобладать частная собственность на средства производства и как следствие должно иметь место быть большое количество предпринимателей занимающихся коммерцией. А как известно предпринимательство сопряжено с сильным хозяйственным риском, что безусловно сдерживает многих хозяйствующих субъектов от занятия предпринимательской деятельностью. Сегодня риск предпринимательства связан с возможностью возникновения неблагоприятных событий, которые на практике могут вызывать существенные потери имеющихся активов или минимизацию ранее рассчитанных инвестиционных доходов [1]. В связи с этим остро встает вопрос о минимизации подобного рода рисков. Одним из наиболее эффективных методов решения этой задачи, безусловно, является страхование. Страхование во многом минимизирует риск ответственности для предпринимателя и тем самым развязывает ему руки для полномасштабной творческой деятельности. А это в свою очередь неизбежно ведет к высокой занятости населения, так как предприниматели, развивая свой бизнес, все больше заинтересованы в подборе кадров. Более того высокая занятость снижает преступность, наполняет государственный бюджет налогами и в целом очень хорошо влияет на развитие экономики государства.

Для более полного понимания темы настоящего исследования необходимо в полной мере раскрыть понятие страхования. Страхование представляет собой систему отношений по защите имущественных интересов физических и юридических лиц, личных неимущественных интересов физических лиц путем формирования за счет страховых взносов (страховых премий), уплачиваемых этими лицами, денежных фондов, предназначенных для выплаты страховых сумм и возмещения убытков при наступлении страховых случаев [4].

Основная идея современного страхования заключается в том, что данный процесс призван к максимальному нивелированию отрицательных последствий финансовых ущербов и с каждым днем его роль существенно возрастает в экономике, так как страхование защищает интересы не только индивидов и предприятий, но и является звеном, обеспечивающим непрерывность общественного воспроизводства [2]. Стоит понимать, что рынок страхования должен развиваться, в том числе и на уровне субъектов федерации. Благодаря этому можно обеспечить бюджет региона, что в свою очередь решит ряд проблем на местах.

Необходимо отметить, что для того чтобы системы страхования действовала на максимальную мощность необходимо урегулировать ряд проблем в этой отрасли.

Первой и, в общем-то, основной проблемой страхования в России является низкий уровень доверия населения к страховым компаниям. Это связано с тем, что многие компании не выполняют своих обязательств перед клиентами, не выплачивают страховые возмещения в полном объеме или вообще отказываются от выплат. Это создает у граждан ощущение беспомощности и неприятия страхования как такового. Более того в сознании многих россиян страховые компании будучи финансовыми институтами ассоциируются с финансовыми организациями спекулятивной направленности. Это связано с тем, что в приснопамятных 90-ых годах прошлого века наши граждане, будучи сильно простодушными и мало разбираясь в вопросах финансовой грамотности, доверили свои денежные средства всяким мошенникам, что приводило к потери своих капиталов накопленных многими десятилетиями. Массовая «финансовая прививка», сделанная нашему обществу в те лихие годы, полностью не прошла и по сей день. И именно поэтому доверие к страховым компаниям как к финансовым институтам на сегодняшний день является не достаточным. Решить эту проблему достаточно сложно. В данной ситуации необходимо создавать такое законодательство, которое будет полностью исключать спекулятивный элемент в деятельности страховых компаний, а также неукоснительно применять строгие санкции к страховщикам в целях предотвращения всевозможного гешефтмахерства со стороны не добросовестных страховщиков. И в таком случае через примерно поколение можно будет ожидать совершенно иной обстановки в области страхования в нашем государстве.

Второй значимой проблемой в области страхования можно смело назвать сложность страховых услуг и отсутствие необходимых знаний у страхователей выгодоприобретателей и застрахованных лиц. Более того необходимо понимать, что многие компании не дают подробной информации о своих услугах и тарифах, что создает у клиентов недоверие и затрудняет выбор страховой компании. Решение этой проблемы мы видим в создании прозрачной системы, на основе которой потенциальные страховщики могут оценить качество деятельности данной страховой организации перед тем, как начать с ними сотрудничать. Также необходимо формировать список услуг и тарифов таким образом, чтобы гражданам было гораздо проще разобраться во всей дифференциации деятельности страховщика.

Третьей такой проблемой мы смело можем назвать недостаточное разнообразие страховых продуктов. В России большинство страховых компаний предлагают только обязательные виды страхования, такие как ОСАГО и ДМС. Либо же многие страховые компании предлагают только лишь специфические виды страхования, такие как автострахование, медицинское страхование и страхование недвижимости. Это ограничивает выбор клиентов и не позволяет им получить полную защиту от рисков. И соответственно такие виды дополнительного страхования, например, страхование жизни или имущества, представлены несколькими компаниями, что делает их услуги недоступными для большинства граждан. Решение этой проблемы, пожалуй, является самым простым из всех имеющихся. В данной ситуации не требуется радикального вмешательства государства и длительного промежутка времени. Грамотное позиционирование и качественная реклама страховых продуктов вполне коренным образом может изменить ситуацию на рынке страхования.

Четвертой проблемой развития рынка страховых услуг в России смело можно назвать неразвитостью страховой культуры среди населения. Безусловно, корни этой проблемы можно найти в отсутствии доверия к системе страхования как таковой, о чем мы писали выше, но помимо всего прочего надо сказать, что многие граждане не понимают необходимости страхования и не знают, как правильно выбрать страховую компанию и вид страхования. Это связано с недостаточной информированностью населения и отсутствием образовательных программ по страхованию. Необходимо отметить, что повышение культуры страхования в обществе в целом радикально может способствовать росту отечественной экономики, а также иных макроэкономических показателей страны.

Пятой проблемой можно смело назвать низкий уровень конкуренции в среде страховых компаний. Несмотря на большое количество страховых компаний, многие из них являются монополистами на рынке определенных видов страхования, что не способствует развитию конкуренции и снижению цен на услуги. Решение этой проблемы сложно представить без полноценного вмешательство государства. Так, например, эффективное антимонопольное законодательство, усиленное грамотными действиями антимонопольного ведомства, вполне может увеличить конкуренцию на рынке страховых услуг. Более того государственные инвестиции в данный сектор, сопряженный с государственными страховыми компаниями, представленными во всех сегментах страхового рынка, могут самым что ни на есть серьезнейшим способом повлиять на конкуренцию страховой отрасли России.

Шестой проблемой является высокая стоимость страховых полисов. Это связано с тем, что многие страховые компании устанавливают завышенные тарифы, чтобы компенсировать убытки, связанные с невыплатой страховых выплат. Высокие стоимости страховых полисов отталкивают потенциальных клиентов и уменьшают объемы страховых взносов. По своей сути это проблема является охватывающей все остальные вышеперечисленные. Ведь надо понимать, что если была бы высокая конкуренция в среде страховых компаний, то и страховые взносы были бы значительно меньше, что в свою очередь увеличило количество желающих приобретать страховые полисы. Более того если был бы высокий уровень доверия и страховой культуры то также это способствовало увеличению количества клиентов, что привело бы к сокращению издержек страховых компаний. В общем, развитие страхового рынка и увеличение числа потенциальных страхователе вполне может решить данную проблему и многие вышеперечисленные тоже.

Седьмой проблемой можно смело назвать особый вид страхования, за который мало кто из страховых компаний может взяться, это конечно страхование предпринимательского риска. Необходимо отметить, что именно это направление способно резко увеличить предпринимательскую активность в нашем государстве, и как следствие поднять макроэкономические показатели в целом. Однако, в процессе страхования могут возникать проблемы, которые следует учитывать. Самым основным затруднением можно смело назвать неправильную оценку рисков, которые могут возник-

нуть при страховании предпринимательского риска. Если риски не были правильно оценены, то компания может получить недостаточное возмещение убытков. Поэтому необходимо тщательно изучить все возможные риски и убедиться, что они правильно оценены. Оценить риски – это сложный и трудно прогнозируемый аспект. И если предприниматель страхует свой бизнес, например, от совершения ошибок в маркетинге, а вместо этого у него произошли неожиданные события типа пожара или наводнения или кражи или еще чего-нибудь такого, то в таком случае никакого страхового возмещения не будет. И предприниматели, понимая это в силу сложной возможности предугадать подобного рода события, не используют данный вид страхования. В данной ситуации четко сформулированного решения этой проблемы не существует в принципе. В данной ситуации необходимо максимально обезопасить себя от потенциальных рисков и четко формулировать в заключаемом договоре со страховой компанией особенности гипотетических страховых случаев. В этом и заключается основная сложность страхования предпринимательских рисков.

Необходимо отметить неоспоримые преимущества страхования предпринимательского риска, коими являются сохранение финансовой стабильности бизнеса в случае неожиданных убытков, увеличение доверия клиентов, сохранение репутации, а также помощь в принятии решений, учитывая возможные риски. Также предприниматель должен помнить, что необходимо выбирать надежную страховую компанию, тщательно изучать условия договора, определять правильную сумму страхования, учитывать все возможные риски и правильно оценивать их.

Страхование предпринимательского риска является важным элементом для защиты бизнеса и его владельцев от непредвиденных убытков. В России, как и во многих других странах, предпринимательский риск является неотъемлемой частью бизнеса, и страхование этого риска может помочь бизнесу сохранить свою финансовую стабильность. Различные виды страхования предпринимательского риска могут быть использованы для защиты бизнеса от различных видов убытков.

Подводя итог всему вышесказанному можно смело отметить, что страхование является одним из важнейших инструментов финансовой безопасности, который позволяет защитить себя и своих близких от непредвиденных ситуаций. Страхование, являясь одним из методов управления риском, обеспечивает уменьшение уровня социальной напряженности в обществе, позволяет населению возместить возможный ущерб, сохранить накопления и активизировать инвестиционную деятельность [3]. Необходимо понимать, что в условиях современного капитализма, к развитию страховых отношений надо относиться как локомотиву экономической деятельности. Необходимо отметить, что значение страхования проявляется в конечных его результатах. Это находит свое выражение в оптимизации сферы использования страхования, в показателях развития страховых операций, в полноте возмещения ущерба и своевременности выплаты страховки, а также в участии финансовых средств, полученных от страхователей в инвестиционной деятельности самого страховщика и, конечно же, пополнение государственного бюджета страны через выплату налогов. Качественное выполнение этих функций позволит обеспечить систему страхования в России в полной мере. В России страхование имеет долгую историю, но до сих пор оно не получило должного развития. Страхование в России сталкивается с рядом проблем, которые мешают его полноценному функционированию. Необходимы меры по повышению доверия населения к страховым компаниям, улучшению прозрачности услуг, разнообразию страховых продуктов, развитию страховой культуры и повышению уровня конкуренции. Только при выполнении этих условий страхование сможет стать эффективным инструментом финансовой безопасности в России.

Пристатейный библиографический список

1. Графов А. В., Гуськов С. В., Кукина Е. Е. Страхование предпринимательских рисков как фактор развития экономики России // Аудитор. – Том 6. – № 6. – 2020. – С. 53-58.
2. Кинзягулов А. Ф. Понятие, сущность и роль страхования в Российской Федерации // Перо науки. – № 24. – 2020. – С. 11-14.
3. Шершова Е. В. Понятие, особенности и состояние рынка страхования в России // MODERN SCIENCE. – № 12-3. – 2021. – С. 116-121.
4. Кузмич А. П., Югасева О. А. Правовая культура как условие формирования правового государства // Сборник конференции «Правовая культура как условие формирования правового государства». Витебск, 10-11 декабря 2010 г. – Витебск, 2010. – С. 150-151.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

КАЧМАЗОВА Алина Юрьевна
магистрант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Ананьева Е. О.

Качмазова А. Ю.

БАНКРОТСТВО ЭЛЕКТРОСЕТЕВЫХ КОМПАНИЙ И СНИЖЕНИЕ РИСКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОМПАНИЙ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ НОВЫХ СЕТЕВЫХ КОМПАНИЙ И ГАРАНТИРУЮЩИХ ПОСТАВЩИКОВ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с реорганизацией и консолидацией энергообразующих предприятий и изменений в отрасли энергоснабжения. Проведенное реформирование отрасли привело к невозможности отдельных частных территориальных сетевых организаций конкурировать на рынке мощностей, что приводит к банкротству. Однако действующее законодательство и, на основе определенных норм, суды к таким поставщикам применяют нормы §6 главы IX Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» о банкротстве субъектов естественных монополий, что является нарушением, так как гарантирующие поставщики не действуют в условиях естественно созданных монополий. Авторами приводятся примеры практики, анализируются вопросы несостоятельности гарантирующих поставщиков, ТСО и даются предложения по регулированию данной проблемы.

Ключевые слова: гражданский кодекс, законодательство о банкротстве, частные электросетевые компании, гарантирующие поставщики, естественные монополии.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna
Ph.D.in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

KACHMAZOVA Alina Yurjevna
magister student of the Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

BANKRUPTCY OF ELECTRIC GRID COMPANIES AND REDUCTION OF THE RISK OF STATE-OWNED COMPANIES IN THE ORGANIZATION OF NEW GRID COMPANIES AND GUARANTEEING SUPPLIERS

The article discusses issues related to the reorganization and consolidation of energy-generating enterprises and changes in the energy supply industry. The reform of the industry has led to the inability of individual private territorial network organizations to compete in the capacity market, which leads to bankruptcy. However, the current legislation and, on the basis of certain norms, the courts apply to such suppliers the norms of §6 of Chapter IX of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" on bankruptcy of natural monopolies, which is a violation, since guaranteeing suppliers do not operate in conditions of naturally created monopolies. The authors give examples of practice, analyze the issues of insolvency of guaranteeing suppliers, TSO and give proposals for regulating this problem.

Keywords: civil code, bankruptcy legislation, private electric grid companies, guaranteeing suppliers, natural monopolies.

Современный рынок электроэнергетики в России переживает новый виток развития, включающий повышенные требования к сетевым компаниям и, соответственно гарантиям поставщикам.

Электроэнергетика, на сегодняшний день, является основной из отраслей экономики любого государства. Качественное и бесперебойное, безопасное и надежное, сбалансированное функционирование необходимо для безопасного снабжения потребителей различными классами напряжения в соответствии с нормативными техническими и нормативно-правовыми актами, регламентирующими деятельность как Единой энергетической сети в отдельности, так и взаимодействие с другими отраслями и субъектами рынков энергии и мощностей.

В соответствии с ЕГРЮЛ, в январе текущего года реорганизация Федеральной сетевой компании – Россети завершена. Ранее объединение компаний АО «ДВЭУК – ЕНЭС», ОАО «Томские магистральные сети», а также АО «Кубанские магистральные сети» было одобрено. После такого присоединения мажоритарным акционером объединенной компании стало Росимущество. На сегодняшний день ему принадлежит 75 % и одна акция [1]. Текущая консолидация закономерно проходила с начала 20-х годов нашего столетия. Поскольку игроков на рынке энергоресурсов было достаточно большое количество (более 1,5 тыс.) и они не всегда справлялись с той работой, которую должны были делать. Например, постоянные аварии и сбои мелких частных территориальных сетевых организаций в Дагестане и Приморье после ледяных дождей,

аварии ТСО других регионов страны. Минэнерго поставило основной целью реформирования повышение качества и надежности энергоснабжения и оценило снижение количества игроков к 2026 году до 500, что составляет 25-30 % от ранее действовавших.

Начиная с 2023 года для деятельности ТСО вводятся определенные нормативы, которые с каждым годом будут ужесточаться. Например, для работы ТСО должна иметь от 20 км самих сетей, оборудование на 15 МВА, а к 2026 году эти нормативы увеличатся до 300 км и 150 МВА. Ежемесячный мониторинг готовности маленьких частных территориальных сетевых организаций будет подводить к выводу об их готовности к отопительному периоду. Отрицательная оценка деятельности организации в течение трех лет подряд может привести к лишению ее тарифа и статуса ТСО. В такой ситуации остается решить вопрос об управлении такими компаниями со стороны Минэнерго, разработки единой тарифной системы для государства в целом и потребителей ресурса, в частности, а также ведению договорной работы, которая, по нашему мнению, не должна ухудшить положение потребителя.

Однако, специалисты в данной области утверждают, что ужесточение требований к ТСО, а также лишение статуса, могут привести к естественной монополизации данного рынка, на котором однозначно будут происходить процессы несостоятельности и, в связи с этим, рост тарифов [2].

Банкротство сетевых компаний может произойти по разным причинам, таким как неправильное управление, финансовые проблемы, неэффективность бизнес-модели или изменение рыночных условий. В случае банкротства сетевой компании, ее активы могут быть проданы или переданы другим компаниям. Кредиторы могут получить часть своих долгов, если компания имеет достаточные активы для их покрытия.

Для защиты интересов потребителей, правительство может вмешаться в процесс банкротства и обеспечить продолжение услуг, предоставляемых сетевой компанией, или переназначить другую компанию для обслуживания потребителей.

Однако, банкротство сетевой компании может привести к прерыванию услуг, ухудшению качества обслуживания и потере рабочих мест. Поэтому, правительство должно стремиться предотвращать банкротство сетевых компаний и обеспечивать их устойчивость и эффективность.

Практика показывает, что сегодня весьма слабо контролируется процесс роста дебиторской задолженности за потребленную электрическую энергию на розничном рынке электроэнергии, увеличение просрочек своевременных платежей перед оптовыми поставщиками таких ресурсов и территориальными сетевыми организациями со стороны гарантирующих поставщиков. Как правило, данная ситуация может повлечь рост числа исковых требований со стороны кредиторов о признании банкротом организаций - гарантирующих поставщиков. Не редко встречаются на практике случаи, когда суды к таким поставщикам применяют нормы §6 главы IX Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в рамках банкротства субъектов естественных монополий. Между тем, гарантирующие поставщики не осуществляют свою деятельность в условиях естественных монополий. В этой связи формируется закономерный вопрос об обоснованности применения к гарантирующим поставщикам электроэнергии особых условий процедуры банкротства, предусмотренных для субъектов естественных монополий.

Если рассматривать юридическую позицию, то сфера энергоресурсов включает в себя большое количество «нерыночных» субъектов. Они представлены как унитарными предприятиями, так и организациями, имеющими в основе своих правоотношений ограниченные вещные права. Кроме того, регулирование ценообразования, решение проблем данного сектора, в том числе по тарификации, напрямую зависят от органов местного самоуправления и экономической политики государства.

На основании такого положения норма ч. 1 стю3 ФЗ № 147 «О естественных монополиях», определяет предприятия такого сектора как субъекта естественной монополии, хотя на деле это не так. Подобное восприятие отражается и в рамках проведение процедур банкротства в отношении ТСО и гарантирующих поставщиков, что является нарушением [3].

В соответствии со ст.3 ФЗ № 35 «Об электроэнергетике», сетевой организацией является организация, оказывающая услуги по передаче электрической энергии потребителям с помощью объектов электросетевого хозяйства. Такая организация может владеть данными объектами либо на праве собственности, либо на ином установленном законом основании. Если говорить об ограниченном вещном праве, то вопрос об отнесении организации к разряду естественных монополий уже не должен возникать.

Что касается гарантирующих поставщиков электрической энергии, то это всегда коммерческая организация, которой в соответствии с нормами российского законодательства присваивается статус гарантирующего поставщика. Данная организация осуществляет энергосбытовую деятельность на основании выигранного открытого конкурса в конкретном регионе (субъекте) и обязана заключать договоры поставки с любым обратившимся к ней потребителем. Конкурс на получение статуса гарантирующего поставщика организовывается региональным органом исполнительно власти. Конкурсная основа выбора гарантирующего поставщика услуг также выводит организацию из круга субъектов естественных монополий.

Такие организации могут выступать в лице оптовых потребителей-перепродавцов, победителей в конкурсе или территориальной сетевой организации впоследствии получают специальный статус участника оптового рынка с рядом особенностей, которыми являются четырехлетний льготный период приведения системы коммерческого учета в соответствие с требованиями договора о присоединении к торговой системе оптового рынка по поставке электроэнергии и отсутствием для них количественных требований, которые предъявляются всем ТСО. Постановление правительства РФ № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима

потребления электрической энергии» устанавливает правила деятельности гарантирующих поставщиков.

Возвращаясь к деятельности ТСО стоит обратить внимание на то, что в условиях деятельности данного вида компаний на рынке энергоресурсов и мощностей, они должны соответствовать определенным критериям деятельности. К ним стоит отнести следующие:

1. Качество предоставляемых услуг - территориальная сетевая организация должна обеспечивать высокое качество предоставляемых услуг, включая надежность, доступность и быстроту.

2. Эффективность работы - территориальная сетевая организация должна эффективно использовать свои ресурсы, включая финансы, персонал и технологии, чтобы обеспечить максимальную эффективность работы.

3. Соблюдение нормативов и стандартов - ТСО должна соблюдать все нормативы и стандарты, установленные законодательством и регулирующими органами.

4. Инновации и развитие - территориальная сетевая организация должна постоянно развиваться и внедрять новые технологии и инновации для улучшения качества предоставляемых услуг.

5. Обеспечение безопасности - территориальная сетевая организация должна обеспечивать безопасность своих клиентов и персонала, а также защищать свою инфраструктуру от возможных угроз.

6. Учет экологических факторов - территориальная сетевая организация должна учитывать экологические факторы при своей деятельности, включая охрану окружающей среды и устойчивое использование ресурсов.

7. Социальная ответственность - территориальная сетевая организация должна быть социально ответственной и учитывать интересы своих клиентов и общества в целом.

Второй блок критериев долен соответствовать устанавливаемым в государстве нормативам деятельности, в основу которых можно взять Постановление Правительства РФ №184 «Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к ТСО». При этом устанавливаемые нормативы не должны меняться в неустановленные сроки. Для адаптации и изменению системы деятельности и техническому обслуживанию сетей, а также для адаптации ТСО к правилам игры на рынке энергоресурсов. В противном случае, мы будем сталкиваться с несостоятельностью организаций и их разорению, что негативно отразится на потребителях энергии, а большое количество ТСО заявит о банкротстве. Тогда стоит обратить внимание на то, что произойдет с компанией, потребителями и иными субъектами процесса несостоятельности.

В своем Постановлении Конституционный суд РФ № 19 о 25.04.2019 дал разъяснение о механизме компенсации затрат на содержание электрических сетей в случае отсутствия статуса ТСО.

В соответствии с основным законом страны, государство берет на себя обязательства по обеспечению граждан необходимыми ресурсами. Значит, если регион сталкивается с банкротством ТСО, то уже сегодня рассматривается вопрос о введении единой системы договорных отношений и механизма эксплуатации мелких ТСО, лишенных статуса. Следовательно, системообразующая организация должна взять на себя обязанность по продолжению поддержания договорных отношений с прочими ТСО и потребителями региона. Таким образом, происходит поглощение несостоятельных ТСО региона и образование, теперь уже явное, доминирующих субъектов на рынке энергоресурсов. Для регулирования данного вопроса стоит на законодательном уровне установить обязанность передачи активов обанкротившейся ТСО в региональную организацию или, если сроки деятельности гарантирующего поставщика истекают и будет объявлен новый конкурс, то нормативно закрепить передачу таких активов в управление Министерства энергетики данного субъекта с последующей консолидацией в крупной ТСО или гарантирующем поставщике.

Значит, проведенная реформа, еще не окончательно переформировала деятельность энергосбытовых компаний, ТСО и гарантирующих поставщиков на рынке энергоресурсов и мощностей. Остаются нерешенными на законодательном уровне вопросы банкротства и дальнейшей работе с активами компаний-банкротов. Кроме того, не урегулированы сами вопросы проведения процедур банкротства как ТСО, так и гарантирующих поставщиков. Думается, при устранении пробелов и неточностей, данная отрасль станет только доходной и станет надежным поставщиком ресурсов для потребителей как юридических лиц, так и граждан нашего государства.

Пристатейный библиографический список

1. «Россети» завершили реорганизацию на базе ФСК. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/business/880187 (дата обращения: 23.06.2023 г.).
2. Новая волна консолидации мелких электросетевых компаний может начаться в 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.metalinfo.ru/ru/news/132773 (дата обращения: 23.06.2023 г.).
3. Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Банкротство юридических лиц // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 173-174.

ИВЕНСКАЯ Анастасия Андреевна
магистр юриспруденции, помощник судьи Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда, г. Самара, советник юстиции третьего класса

Ивенская А. А.

ГАРАНТИИ НЕЗАВИСИМОСТИ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящей статье рассматривается имеющаяся возможность соблюдения гарантий независимости адвоката при исполнении им профессиональных обязанностей в современном мире. На практике адвокат зачастую сталкивается с попытками оказания на него давления должностными лицами правоохранительных органов.

Почему законодательство должно обеспечивать защиту прав адвоката как субъекта профессиональной деятельности? Какие функции возложены на Комиссию Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в данном правовом вопросе?

Формальный подход к соблюдению государственными органами и должностными лицами принципов независимости адвоката приводит к нарушению прав и законных интересов его доверителя.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, гарантии независимости адвоката, вмешательство в адвокатскую деятельность, нарушение прав.

IVENSKAYA Anastasiya Andreevna
master of jurisprudence, assistant judge of the Eleventh Arbitration Court of Appeal, Samara, counselor of justice of the third class

GUARANTEES OF THE INDEPENDENCE OF ADVOCACY

This article examines the possibility of observing the guarantees of the independence of a lawyer in the performance of his professional duties in the modern world. In practice, a lawyer often faces attempts to put pressure on him by law enforcement officials.

Why should legislation protect the rights of a lawyer as a subject of professional activity? What functions are assigned to the Commission of the Council of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation in this legal issue?

A formal approach to the observance by state bodies and officials of the principles of the independence of a lawyer leads to a violation of the rights and legitimate interests of his principal.

Keywords: advocacy, advocacy, guarantees of the independence of a lawyer, interference in advocacy, violation of rights.

Современное правовое государство по своей сути должно обеспечить предоставление права на профессиональную квалифицированную помощь гражданам при защите своих прав, свобод и законных интересов, а также право на справедливый и беспристрастный суд. В связи с чем, гарантии надлежащего осуществления должностных обязанностей именно адвоката представляют одну из важнейших ценностей правового государства.

Представителям института адвокатуры приходилось пройти немало профессиональных испытаний и притеснений с момента зарождения адвокатуры в Царской России до времен современной России прежде, чем адвокатура стала независимой самоуправляемой профессиональной корпорацией [5, с. 222].

Адвокатура взаимодействует с государством в симбиозе, обеспечивая реализацию воспринятых на себя социальных обязанностей на практике. Так, адвокатура выполняет некоторые конституционные обязанности государства, посредством обеспечения гражданам, в установленных законом случаях, квалифицированную юридическую помощь [6, с. 234].

Важно отметить, что адвокат как субъект профессиональной деятельности действует самостоятельно в интересах лишь своего доверителя и не имеет одинаковых или схожих целей с органами правоохранительной и судебной власти, что подводит нас к первому и основополагающему принципу его деятельности – невмешательство в адвокатскую деятельность.

С целью предотвращения незаконного вмешательства или препятствования в работу адвоката органами государственной власти Российской Федерации был принят Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которым законодатель регламентировал запрет на вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом[1].Однако зачастую соблюдение данного принципа пренебрегается и даже игнорируется органами государственной власти и должностными лицами, в связи с чем, государство вынуждено предоставлять дополнительные гарантии адвокатам в части соблюдения указанного принципа.

Как показывает сложившаяся практика и приобретенный опыт, адвокатское сообщество представляется правоохранительным органам как препятствие при расследовании дела, из чего возникают конфликты между должностными лицами и адвокатами, которые пытаются защитить права своего доверителя всеми возможными и не запрещенными способами. К сожалению, в большинстве случаев на стадии досудебного разбирательства адвокаты находятся в проигрышном положении по отношению к правоохранительной системе, потому что, на наш взгляд, приобретенный за годы службы опыт и профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов позволяет им «взять верх» в этой «битве». Аналогичная ситуация происходит между адвокатами и органами прокуратуры.

Изучив официальную статистику Министерства юстиции СССР, можно примерно понять масштаб «адвокатской трагедии». Так, например, в 1970-х годах следователями было отклонено более 70% заявлений адвокатов РСФСР [1, с. 6].

Однако со сменой власти в государстве изменилось и положение адвокатского сообщества. Значительные изменения в отношении принципа независимости адвокатуры от внешнего воздействия произошли в 1990-х годах, в результате преобразований институт адвокатуры стал одним из механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина.

1 Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. Ст. 18.

Основные принципы, заложенные в конце прошлого века, свидетельствуют о том, что в нашей стране на Правительство возложена обязанность по представлению адвокатам гарантий выполнения профессиональных обязанностей, при этом, они должны иметь возможность осуществлять ее свободно, быть свободными от угроз, запугивания и неоправданного вмешательства[2].

Неправомерное вмешательство, произвольное создание препятствий осуществления адвокатом своей профессиональной деятельности, касающейся защиты прав, свобод и законных интересов доверителей расценивается как «самовольное участия в правоотношениях, связанных с оказанием юридической помощи, без согласия адвоката и его доверителя».

Важно отметить, что подобные ограничения связаны с возможностью нарушения не только профессиональных прав адвоката, но и конституционных прав его доверителя, что недопустимо в правовом государстве.

При этом стоит учитывать, что действительно эффективное выполнение правозащитных функций возможно только в случае создания максимально приближенных организационных условий их функционирования, чего российскому государству необходимо достичь в кратчайшие сроки [4, с. 34].

Помимо того, что адвокату разрешено беспрепятственно использовать правовые рычаги при защите своего доверителя, также законодателем закреплено и его право на свободу высказывания своего мнения по конкретному делу, а именно, запрещено привлекать адвоката к ответственности за выраженное им мнение по делу, если оно не представляет собой какого-либо преступного деяния [3, с. 57].

Также предусмотрено, что адвокат как субъект профессиональной деятельности не может быть привлечен к какой-либо ответственности. Исключение составляет дисциплинарная ответственность за нарушение или не соблюдение своих обязанностей.

Законодатель также предусмотрел порядок действий при поступлении адвокату угроз касательно жизни и здоровья его и членов его семьи, благодаря которому он имеет право обратиться с соответствующей жалобой в территориальный орган ОВД, который, в свою очередь, обязуется провести все возможные мероприятия и принять меры, обеспечивающие безопасность адвокату и членам его семьи.

Имущество адвоката также находится под защитой государства, поскольку предусмотрено, что нарушение его целостности и неприкосновенности возможно только лишь при наличии возбужденного головного дела в отношении лица, имеющего или имевшего статус адвоката.

Однако и возбуждение уголовного дела в отношении адвоката имеет особую специфику.

Инициировать проведение мероприятий с целью установления фактов наличия причин для возбуждения уголовного дела имеет право исключительно руководитель следственного органа Следственного Комитета Российской Федерации на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

Рассмотренные в настоящей статье гарантии соблюдения прав законодательно закреплены и соответствуют международным принципам и стандартам. Однако нельзя говорить об их полноценной реализации и эффективности без принятия дополнительных мер и контроля за соблюдением этих принципов со стороны государства, в связи с чем Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в 2017 году была создана Комиссия Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по защите прав адвокатов (далее по тексту - Комиссия)[3].

Комиссия была создана для представления интересов адвоката от имени Федеральной палаты адвокатов.

В случае нарушения прав и интересов и, что немаловажно, обоснованности такого заявления адвокат вправе обратиться в созданную Комиссию для обеспечения восстановления нарушенных прав.

Однако, анализируя существующую действительность и прецеденты обращений адвокатов о посягательстве на его право быть независимым и неприкосновенным профессиональным субъектом, резюмируем недостаточность обеспечения гарантий принципа независимости профессиональных прав адвокатов.

Отметим, что на практике адвокат зачастую сталкивается с попытками оказания на него давления или даже исключения его из дела должностными лицами правоохранительных органов. Для органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры адвокат является «неудобной» фигурой, а его стремление защитить доверителя может вызывать необходимость в проведении дополнительных процессуальных действий, и повлиять на процесс расследования по делу. Поэтому эти факт зачастую являются невыгодным для должностных лиц, осуществляющих расследование дела.

На основании вышеизложенного, приходим к выводу, что законодатель и Федеральная палата адвокатов Российской Федерации предприняли все возможные и зависящие от них меры по обеспечению беспрепятственного исполнения профессиональных обязанностей адвоката в рамках защиты им прав и интересов доверителя и участия на всех стадиях процесса. Однако, реализация их зачастую затруднительна, а иногда и невозможна, поэтому носит исключительно декларированный характер.

Считаем, что подобный формальный подход к соблюдению государственными органами и должностными лицами принципов независимости адвоката обусловлен отсутствием предусмотренной ответственности за нарушение «границ» адвокатской деятельности, что и создает адвокату дополнительные риски и препятствия при защите прав и представлении интересов доверителя.

Отметим, что адвокат как квалифицированный специалист, располагающий достаточными знаниями в области права и имеющий определенный профессиональный опыт и стаж способен в некоторых случаях предугадать возможные нарушения его профессиональных прав со стороны третьих лиц и постараться их предотвратить, что наводит на следующую мысль.

Незаконное посягательство на деятельность адвоката нарушает не только права самого адвоката, но и могут привести к нарушению прав и законных интересов его доверителя, что недопустимо.

Пристатейный библиографический список

1. Горбунова Н. А. Исторические особенности развития адвокатуры в России // Наука. Общество. Государство. - 2017. - № 1 (17). - С. 1-6.
2. Иванов А. В. Гарантии независимости адвокатов и пути их совершенствования // Евразийская адвокатура. - 2014. - № 6 (13). - С. 57.
3. Иванова И. А. Адвокатура как форма реализации государственных гарантий защиты прав человека в условиях правового государства // Методы прогнозирования в технике и технологиях: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 160-163.
4. Каргина Ю. А., Воронкова М. Л. Адвокатура и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в РФ // Актуальные исследования. - 2021. - № 7 (34). - С. 32-34.
5. Ларионова К. О. История зарождения и развития института адвокатуры в Царской России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - Москва, 2022. - № 4-2 (67). - С. 222-225.
6. Фокина Л. Ю. Конституционные гарантии защиты основных прав граждан // Наука и современность. - 2017. - № 13-3. - С. 233-237.

2 Основные принципы, касающиеся роли юристов / Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 авг.-7 сент. 1990 г.

3 Положение о Комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по защите прав адвокатов: офиц. текст / Утв. решением Совета ФПА РФ (протокол от 28 июня 2017 г. № 4).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-195-196

КУДИНОВА Анастасия Валерьевна
аспирант кафедры гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений

Кудинова А. В.

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

В данной статье рассматривается суррогатное материнство со стороны правовой нормы. Проводится анализ законодательной базы в области репродуктивной функции человека в Российской Федерации. Анализируются пути решения проблемы отсутствия единого закона на Федеральном уровне. Принимая во внимание специфику темы, в ходе написания статьи также применяется междисциплинарный подход, который позволяет рассмотреть поднимаемые вопросы с правовой, медицинской и социальных точек зрения.

Вместе с тем, на сегодняшний день данная тема имеет множество противоречий в части правового регулирования. В декабре 2022 г. были внесены изменения в Федеральный закон № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 52. Ст. 9368), практическая реализация которых призвана устранить существующие проблемы, однако ряд вопросов юридического, морально-нравственного характера, вытекающих из процедуры суррогатного материнства, остаются неразрешенными.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), суррогатное материнство, медицинское право, экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО).

KUDINOVA Anastasiya Valerjevna
postgraduate student of Civil law and process sub-faculty of the Academy of Labor and Social Relations

SURROGACY AS A LEGAL INSTITUTION

The article discusses the trends in the development of servitude legal relations in the Russian Federation. It is shown that in order to improve servitude legal relations, the legislator needs to develop and introduce into the content of the Civil Code of the Russian Federation the concept of an agreement on the establishment of an easement of a private legal nature. The author also substantiates the need to develop and fix rules (recommendations) aimed at determining the amount of payment for an easement. Taking into account the specifics of the topic, in the course of writing the article, an interdisciplinary approach is also used, which allows us to consider the issues raised from legal, medical and social points of view.

At the same time, today this topic has many contradictions in terms of legal regulation. In December 2022, amendments were made to Federal Law No. 538-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 52. Art. 9368), the practical implementation of which is intended to eliminate existing problems, however, a number of legal, moral and moral issues arising from the surrogacy procedure remain unresolved.

Keywords: assisted reproductive technologies (ART), surrogacy, medical law, in vitro fertilization (IVF).

По статистике, в Российской Федерации множество пар сталкиваются с проблемой деторождения. Демографический кризис только набирает обороты. Один из вариантов решения данной проблемы — это обращение к услуге суррогатной матери.

Вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов), а также суррогатное материнство [5, ст. 55].

Суррогатное материнство — это договор, по которому женщина вынашивает беременность для другой пары. Хотя такое соглашение кажется выгодным для всех заинтересованных сторон, существуют определенные деликатные вопросы, которые необходимо решать посредством тщательно разработанных законов, чтобы защитить права суррогатной матери и будущих родителей. В Российской Федерации использование суррогатного материнства регламентируется Семейным кодексом, Федеральным законодательством и рядом подзаконных актов. В ряде случаев использование суррогатного материнства может быть совмещено с использованием донорской спермы или донорских яйцеклеток, в этом случае у рождённого ребёнка будет оформлен только один родитель. На территории Российской Федерации законодательно запрещено (Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2022) Статья 55) донору ооцитов быть суррогатной матерью в рамках одной лечебной программы, другими словами, генетическая мать не может быть одновременно и суррогатной матерью.

По оценкам, Россия является одним из лидеров по предоставлению услуг суррогатного материнства, ежегодный рост составляет 20%. 19 декабря 2022 года был подписан закон президентом России В. В. Путиным о том, что иностранцам запрещено использовать суррогатных матерей из России.

В данном случае суррогатное материнство выступает альтернативой, когда бесплодная женщина или пара не могут воспроизводить потомство. Суррогатное материнство — это соглашение, при котором суррогатная мать вынашивает и рожает ребенка для другой пары или человека[1]. При геста-

1 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023).

ционном суррогатном материнстве, эмбрион, оплодотворенный методом экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), имплантируется в матку суррогатной матери, которая вынашивает и рожает ребенка.

При традиционном суррогатном материнстве суррогатная мать искусственно оплодотворяется спермой предполагаемого отца, что делает ее одновременно генетической и гестационной матерью. Суррогатное материнство может быть коммерческим или альтруистическим, в зависимости от того, получает ли суррогатная мать финансовое вознаграждение за свою беременность.

Коммерческое суррогатное материнство – когда женщина, выносившая и родившая малыша для другой семьи, получает отдельное денежное вознаграждение. При этом все издержки по беременности так же возмещаются родителями новорожденного.

На первый взгляд, суррогатное материнство кажется привлекательной альтернативой, поскольку суррогатная мать получает столь необходимые деньги, бесплодная пара получает долгожданного биологически родственного ребенка.

Но реальная картина раскрывает горькую правду. Из-за отсутствия надлежащего законодательства как суррогатные матери, так и предполагаемые родители каким-то образом эксплуатируются, а прибыль получают посредники и коммерческие агентства. Во всей системе нет прозрачности, и существует вероятность возникновения юридических проблем из-за непредсказуемых правил, регулирующих суррогатное материнство в России.

Бывают случаи, когда ребенок, переданный паре после суррогатного материнства, не имеет с ними генетического родства и, в свою очередь, от него отрекается предполагаемый родитель, и ему приходится проводить свою жизнь в приюте.

Если мы посмотрим на проблему суррогатных матерей, то там все еще хуже и неэтично. Хуже всего то, что в случае неблагоприятного исхода беременности им вряд ли будут выплачены выплаты, и для них не предусмотрена ни страховка, ни послеродовая медицинская и психиатрическая поддержка. Существует ряд моральных и этических проблем, связанных с суррогатным материнством, которое превратилось скорее в коммерческий рэкет, и существует острая необходимость разработки и реализации законов для родителей и суррогатной матери.

Пара/родитель-одиночка, и суррогатная мать должны заключить соглашение о суррогатном материнстве, охватывающее все вопросы, которое будет иметь юридическую силу. Некоторые особенности предлагаемого законопроекта заключаются в том, что должен быть создан орган на национальном и государственном уровне для регистрации и регулирования ЭКО-клиник и центров ВРТ, а также необходимо создать форум для подачи жалоб на клиники и центры ВРТ.

Требования к суррогатной матери:

1. возрастной диапазон суррогатной матери должен доставлять от 20 до 35;

2. у нее должен иметься один собственный ребенок;

3. не имеется ряд серьезных болезней и состояний, например: психические расстройства, туберкулез;

4. кандидатка должна пройти медицинское обследование по методике Минздрава РФ:

5. если будущая суррогатная мама замужем, то понадобится нотариально заверенное согласие супруга на процедуру.

Все расходы, включая страхование суррогатного медицинского обслуживания и другие разумные расходы, связанные с беременностью и родами, должны нести предполагаемые родители. Контракт суррогатного материнства должен включать страхование жизни суррогатной матери. Суррогатная мать также может получить денежную компенсацию от пары или отдельного лица, в зависимости от обстоятельств, за согласие выступать в качестве суррогатной матери.

Предполагаемые родители должны быть юридически обязаны принять опеку над ребенком/детьми независимо от каких-либо отклонений у ребенка/детей. Конфиденциальность всегда должна соблюдаться, а право на неприкосновенность частной жизни как донора, так и суррогатной матери должно быть защищено.

Одна из важных проблем является то, что суррогатное материнство довольно дорогая процедура и не каждая пара или человек может себе это позволить. Есть альтернатива — это усыновление, но и тут возникает проблема: как ни парадоксально, но провести процедуру с суррогатной матерью в разы быстрее, чем взять в семью ребенка. Существует острая необходимость изменить и сделать процедуру усыновления простой для всех. Это снизит уровень суррогатного материнства. Следует поощрять альтруистическое, а не коммерческое суррогатное материнство. Законы должны быть разработаны и реализованы таким образом, чтобы скрыть «серые зоны» и защитить права женщин и детей.

В 2015 году Заместитель председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Елена Мизулина предложила запретить суррогатное материнство на коммерческой основе, приравняв его к торговле людьми. Согласно словам Е. Мизулиной, организаторы подобных сделок должны получать уголовное наказание. На данный момент данное предложение ещё на обсуждении.

В части регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации я полагаю целесообразным избежать полного запрета данного вида вспомогательных репродуктивных технологий на территории России, так как он не является коммерциализацией деторождения, а представляет собой своеобразный акт сотрудничества, нацеленный на предоставление каждому человеку возможности реализовать себя в качестве родителя. В свете последнего представляется необходимым пересмотреть круг субъектов суррогатного материнства в Российской Федерации с целью его расширения.

Пристатейный библиографический список

1. Абз. 2 п. 4 ст. 51, п. 3 ст. 52 Семейного кодекса РФ.
2. П.п. 3, 9 и 10 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
3. П. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ.
4. П.п. 70-75 приказа Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) статья 55.

ПАРАСКЕВИДИ Марк Александрович
магистрант Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

СОВЕРШЕНИЕ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ УДАЛЕННО: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Настоящая статья посвящена анализу порядка совершения удаленных нотариальных действий, выявлению преимуществ и недостатков действующей системы совершения нотариальных действий в удаленном формате, приводится в пример зарубежное законодательство о нотариате, его развитие и положительный опыт применения различных информационных систем. Автором сформулирован основной перечень существующих проблем в рассматриваемой сфере, предложены возможные варианты их разрешения, анализируются вероятные пути развития данной сферы в Российской Федерации.

Ключевые слова: нотариат, нотариус, нотариальные действия, удаленные нотариальные действия, дистанционные сделки.

PARASKEVIDI Mark Aleksandrovich
magister student of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

PERFORMING REMOTE NOTARIAL ACTIONS: POSSIBLE WAYS OF DEVELOPMENT IN RUSSIA

This article is devoted to the analysis of the procedure for performing remote notarial acts, identifying the advantages and disadvantages of the current system for performing notarial acts in a remote format, citing as an example foreign legislation on notaries, its development and the positive experience of using various information systems. The author formulates the main list of existing problems in the area under consideration, suggests possible options for their resolution, analyzes the likely ways of development of this area in the Russian Federation.

Keywords: notary public, notary, notarial actions, remote notarial actions, remote deals.

Возможность совершать удаленные нотариальные действия в Российской Федерации появилась относительно недавно. Федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополнил Основы законодательства Российской Федерации о нотариате статьей 44.3., в связи с чем в законе закрепилось следующее положение: «Нотариус может совершать удаленно (без личной явки к нотариусу лица, обратившегося за совершением нотариальных действий) нотариальные действия, предусмотренные статьями 81, 86, 87, 88.1, 89, 97 (в части хранения электронных документов), 103, 103.7, 103.9-1 настоящих Основ»[1].

Немного позже данная статья предусмотрела совершение еще трех нотариальных действий в удаленной форме — это действия, предусмотренные статьями 85.1, 103.10-1, 103.14.

Буквально недавно также произошли значительные изменения, внесенные Федеральным законом от 28.04.2023 № 145-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате», которым предусмотрено исключение из перечня, установленного статьей 44.3 статьи 103.10-1 об удостоверении решения единственного участника юридического лица. Теперь совершение данного нотариального действия удаленно законодательством Российской Федерации не предусмотрено.

Рассматривая данный вопрос, отметим, что нет нормативно закрепленного определения удаленных нотариальных действий, что зачастую влечет негативные последствия, так как граждане, обращаясь к законодательству, не до конца понимают, что именно подразумевает под собой нотариальное действие, совершенное в удаленной форме[2].

К тому же, благодаря принятию Федерального закона от 27.12.2019 № 480-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» помимо статьи об удаленных нотариальных действиях появилась статья 53.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, в соответствии с которой сделка может быть удостоверена двумя и более нотариусами, если в совершении такой сделки участвуют два и более лица без их совместного присутствия. На практике сложилось так, что данное нотариальное действие закрепилось в понимании заявителей как «дистанционная сделка».

Слова «удаленный» и «дистанционный» в целом имеют достаточно схожее значение, именно поэтому простому гражданину может быть непонятна разница между существующими нотариальными действиями. Этот факт способен запутать заявителей при обращении к нотариусу, что возможно повлечет за собой негативные последствия. Например, пожилой гражданин может обратится в контору посредством телефонной связи для получения необходимой консультации по вопросу дистанционной сделки, но в силу отсутствия необходимого образования и понимания рабочего процесса нотариальной конторы начнет задавать вопрос касательно удаленных нотариальных действий, не понимая значительной разницы между данными нотариальными действиями. Итог - работник нотариальной конторы консультирует гражданина по другому вопросу, из-за чего происходит путаница, и заявитель остается без ответов на интересующие вопросы, а скорее всего после такой консультации вопросов появится еще больше.

1 Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/73355453/.

2 Статья: Нотариальные действия, их классификации и перспективы модернизации (Германова А. А.) («Нотариус», 2021, № 5).

К тому же, на сайте Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации в разделе «Удаленные нотариальные действия» в первом абзаце присутствует Примечание: «Дистанционное удостоверение сделок двумя и более нотариусами не относится к удаленным нотариальным действиям, это иной формат, которым могут воспользоваться участники сделок». Это также свидетельствует о том, что зачастую заявители не понимают разницы между рассматриваемыми нотариальными действиями[3].

Кроме того, в связи со сложившимся на практике проблемы использования схожей терминологии относительно разных нотариальных действий и отсутствия нормативного закрепления определения таких действий, как «Удаленное нотариальное действие» и «Дистанционное удостоверение сделок двумя и более нотариусами». В связи с этим необходимо определить основные отличия удаленного и дистанционного нотариального действия являются:

– Порядок обращения к нотариусу. При совершении удаленного нотариального действия заявитель обращается к нотариусу офлайн через специальные платформы, а дистанционная сделка проходит в онлайн формате;

– Специфика совершаемого нотариального действия. Как было установлено ранее, удаленно возможно совершить лишь тот набор действий, для которых не требуется проверка соответствия воли и волеизъявления заявителя очно, разъяснение правовых последствий и ряд других действий, которые можно совершить только при личном посещении, так как существуют высокие риски нарушения прав заявителя или третьих лиц, а при совершении дистанционной сделки возможно нотариально удостоверить любые двусторонние и многосторонние договоры, например, с недвижимостью (купля-продажи квартиры, дома, земельного участка), сделки с долями в ООО, алиментные соглашения, соглашения о разделе имущества, брачные договоры и так далее, так как нотариусы напрямую взаимодействуют с заявителями и на месте предпринимают все необходимые действия для проверки личности, дееспособности и так далее;

– Проверочные мероприятия, проводимые нотариусом. При совершении удаленного нотариального действия нотариус не проводит никаких дополнительных проверочных мероприятий, а при дистанционном совершении нотариального действия нотариусы устанавливают личности заявителей, проверяют их правомочность, проводят правовую экспертизу сделки, разъясняют ее правовые последствия и устанавливают соответствие воли и волеизъявления сторон, как и при классическом обращении к нотариусу в нотариальную контору;

– Срок совершения нотариального действия. В удаленном формате нотариус не позднее чем через пять рабочих дней со дня получения информации, подтверждающей оплату нотариального действия, направляет в электронной форме заявителю или его представителю нотариальный документ, или мотивированное постановление об отказе в совершении нотариального действия удаленно, или постановление об отложении совершения нотариального действия удаленно, а дистанционная сделка удостоверяется в день проведения видеоконференции;

– Свобода выбора нотариуса для совершения нотариального действия. При удаленном обращении заявитель не может самостоятельно выбрать нотариуса, так как его заявление вправе принять любой нотариус на территории указанного вами субъекта РФ, а при дистанционной сделке участники самостоятельно выбирают для себя нотариуса и обращаются непосредственно к нему (за исключением удостоверения договоров об отчуждении недвижимого имущества).

Сформулированный перечень позволит избежать проблему путаницы.

Исходя из сути выявленных проблем представляется возможным устранить данные недостатки следующим образом – сформулировать понятие удаленного нотариального действия, в котором указать на то, что нотариальный действия в таком формате совершаются в установленный срок без личной явки к нотариусу лица, обратившегося за совершением нотариальных действий, специально перечисленных в законодательстве Российской Федерации, для которых не требуется очная проверка соответствия воли и волеизъявления заявителя, разъяснения правовых последствий и ряда других действий, необходимых для совершения при личном посещении нотариуса». Таким образом мы обеспечиваем ясность и доступность информации, содержащейся в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате, и предупреждаем факт неверного толкования Настоящего Закона.

Как известно, статья об удаленных нотариальных действиях в Российской Федерации была внесена в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате в 2019 году, а возможность совершать такие действия появилась в конце 2020 года. Во-первых, такие нововведения были ознаменованы печальными событиями, связанными с пандемией коронавирусной инфекции во всем мире. Всем сферам деятельности необходимо было трансформироваться и подстроиться под нынешние реалии, что прошло достаточно успешно и привело к множеству позитивных изменений. Также следует отметить тот факт, что существует успешный и положительный пример зарубежных коллег. Например, нотариат во Франции уже достаточно давно использует в работе практику применения удаленных нотариальных действий, а значительное количество классических нотариальных действий совершается дистанционно, что облегчило как работу нотариусов по всей стране, так и жизнь простых заявителей в целом[4].

Анализируя практику применения удаленных нотариальных действий в зарубежных странах, можно сделать вывод, что институт нотариата в Российской Федерации встал на правильный путь модернизации и совершенствования законодательства в данной сфере. Наблюдая за иностранными коллегами, становится очевидно - институту нотариата в Российской Федерации есть куда расти и стремиться в рассматриваемой области.

Несомненно, для развития института нотариата в целом, внедрения различных цифровых систем и технологий в сферу необходимо повышать заинтересованность в уже существующих работающих системах, позволяющих облегчить жизнь заявителя и сделать процесс обращения максимально комфортным и удобным. И говоря о удаленных нотариальных действиях на сегодняшний день – прослеживается успешный рост заинтересованности граждан в удаленном обращении. В соответствии со Сведениями о нотариате в Российской Федерации, которые содержатся в Сводном отчете

3 Углицких Д. В. К вопросу «электронного нотариата»: правовые аспекты регулирования и проблемы практики // Нотариус. 2020. № 3. С. 40-44.

4 Сюдр А. М. Высший совет нотариата // Нотариальный вестник. 2012. № 5. С. 13.

по Минюсту России за 12 месяцев 2022 года, за прошлый год нотариусами было совершено чуть больше 45 миллионов нотариальных действий. Кроме того, количество совершенных удаленных нотариальный действий за 2022 год по сравнению с 2021 годом увеличилось в 30 раз. (100 тысяч обращений). Такое увеличение обращений связано, в первую очередь, с совершенствованием и развитием цифровых технологий, что свидетельствует о росте заинтересованности в удостоверении нотариальных действий онлайн[5].

Обращаясь к судебной практике, отметим, что на сегодняшний день количество судебных разбирательств по рассматриваемому вопросу минимально. Однако, хотелось бы остановиться на гражданских делах по заявлению об оспаривании исполнительной надписи нотариуса. Судебная практика позволяет сделать вывод о том, что на практике сложились определенные взаимоотношения между банками и нотариусами. В случае, когда лицо, с которым был заключен кредитный договор, по каким-либо причинам не выплачивает средства по заключенному договору, банки после уведомления кредитора по истечении 14 дней обращаются к нотариусу в удаленном порядке через сайт Федеральной нотариальной палаты с заявлением с целью совершения исполнительной надписи на кредитном договоре. Считаем, что такой вид обращения очень удобен и экономит время как банку, так и нотариусу. Предполагается, что обращение за исполнительной надписью через портал удаленно зачастую способствует правомерному и небезосновательному проставлению исполнительной надписи на кредитном договоре. Удаленный формат данного нотариального действия позволяет в дальнейшем доказать свою правоту в судебном разбирательстве и в какой-то степени исключает возможность проставления исполнительной надписи неправомерно. Это связано с тем, что при обращении за данным нотариальным действием в удаленном формате следует строго указать все необходимые документы и далее воспользоваться усиленной квалифицированной электронной подписью. Также при поступлении заявления в систему нотариус с особой тщательностью проверяет весь представленный пакет документов и саму электронную подпись. Иными словами, проверка происходит более скрупулезно и с особой внимательностью.

Что касается применения иных видов удаленных нотариальных действий – судебная практика вовсе отсутствует. При этом, данные нотариальные действия совершаются в удаленном формате по всей стране каждый день. Соответственно, отсутствие судебной практики свидетельствует о том, что при совершении удаленных нотариальных действий через личный кабинет Федеральной нотариальной палаты не возникает никаких спорных ситуаций, система работает исправно и не приносит никаких проблем как самим заявителям, так и нотариусам в целом.

Говоря об определении удаленного нотариального действия – это юридически значимые действия, совершаемые в установленный срок без личной явки к нотариусу лица, обратившегося за совершением нотариальных действий, специально перечисленных в законодательстве Российской Федерации, для которых не требуется очная проверка соответствия воли и волеизъявления заявителя, разъяснения правовых последствий и ряда других действий, необходимых для совершения при личном посещении нотариуса.

Возвращаясь к апрельским изменениям в российское законодательство, которые исключили из перечня статьи 44.3. статью об удостоверении решения единственного участника, следует задаться вопросом: «Почему такое решение было принято?». Ответ на данный вопрос кроется в представленном определении удаленного нотариального действия, его сущности и особенностей. В соответствии с законодательством Российской Федерации нотариус обязан при удостоверении любого решения проверить волю и волеизъявление заявителя, а в удаленном порядке это сделать на данный момент невозможно. Именно поэтому возможность совершения таких действий в удаленном порядке может привести к нарушению прав заявителей.

За все время существования удаленных нотариальных действий в Российской Федерации сформировались как определенные достоинства такого инструмента, так и некоторые недостатки. Начиная с достоинств возможности совершения удаленных нотариальных действий, следует отметить следующие преимущества, это экономия времени, доступность обращения, безопасность и сохранность личных данных, понятный алгоритм действий и конечно толчок к совершенствованию и развитию цифрового нотариата[6].

Конечно, любое нововведение в законодательстве на начальных этапах содержит в себе некоторые недостатки, это сложный для восприятия процесс использования Усиленной квалифицированной электронной подписи, недоверие простых граждан к удаленному формату, опасения нотариусов совершать некоторые удаленные действия.

Выявляя эти достоинства и недостатки, проанализировав их, возможно совершенствовать и развивать законодательство в данной сфере, повышать заинтересованность граждан в обращении к нотариусу удаленно. В случае повышения роста заинтересованности граждан в совершении нотариальных действий в удаленном формате, в будущем представляется возможным расширять существующий в статье 44.3. Основ законодательства Российской Федерации о нотариате перечень нотариальных действий, которые нотариус может совершить удаленно, так как благодаря внутреннему развитию технологий и опыту зарубежных стран, отечественный нотариат подвергается положительному развитию, растет доверие граждан к появившимся технологиям, повышается уровень знаний и умений в области информационных систем.

5 “Число нотариальных действий онлайн за год выросло в 30 раз”. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bfm.ru/news/524011.

6 Кириллова Е. А. Состояние российского нотариата: внедрение цифрового формата // Нотариус. 2020. № 6. С. 42-44.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-200-202

СИДОРОВ Сергей Сергеевич
аспирант Московского финансово-промышленный университета «Синергия»

Сидоров С. С.

РОЛЬ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В статье исследуется вопрос актуальности внедрения цифрового рубля, а также последующих изменений в национальной финансовой системе РФ. Статья рассматривает понятие цифровой валюты, представляет краткий обзор существующих цифровых валют в практике других государств. В статье рассмотрена краткая история формирования идеи о российской цифровой валюте, а также приведена оценка современных экспертов в сфере национальной экономики и платежной системы РФ.

Ключевые слова: цифровой рубль, национальная экономика, финансовая система, цифровая валюта, модернизация.

SIDOROV Sergey Sergeevich
postgraduate student of the Moscow Financial and Industrial University "SYNERGY"

THE ROLE OF THE DIGITAL RUBLE IN THE MODERNIZATION OF THE NATIONAL FINANCIAL SYSTEM OF RUSSIA

The article examines the relevance of the introduction of the digital ruble, as well as subsequent changes in the national financial system of the Russian Federation. The article examines the concept of digital currency, provides a brief overview of existing digital currencies in the practice of other states. The article considers a brief history of the formation of the idea of the Russian digital currency, as well as the assessment of modern experts in the field of the national economy and the payment system of the Russian Federation.

Keywords: digital ruble, national economy, financial system, digital currency, modernization.

Современная экономика во многих странах характеризуется не только наличием национальных платежных систем, но и постепенным внедрением цифровой валюты, которая уже сегодня вполне способна составить конкуренцию безналичным переводам и банковским картам. В России вопрос о роли цифрового рубля в связи со сложной геополитической ситуацией обсуждается довольно остро как на законодательном уровне, так и в различных сферах бизнеса, так как тема актуальна практически для каждого жителя Российской Федерации.

В последние годы технологии привели к значительным изменениям в экономике и социальной сфере. Большое количество организаций стремится перенести свои бизнес-процессы в цифровую среду, что снижает издержки и способствует увеличению объема экономической деятельности. В интернете формируется громадный мировой рынок с интенсивной конкуренцией и высокой динамикой. В таких условиях обработка и анализ больших объемов данных становится ключевым фактором конкурентного преимущества. Успешность и перспективы развития бизнеса теперь зависят от способности быстро реагировать на изменяющиеся потребности клиентов и эффективно предлагать новые продукты и услуги через электронные каналы продаж. Сейчас рыночная стоимость многих компаний в значительной степени определяется их «цифровыми активами» - размером и лояльностью интернет-аудитории, узнаваемостью бренда и репутацией в онлайн-пространстве. Доказательством этого является рекордная рыночная капитализация цифровых гигантов, таких как Facebook, Google, Microsoft, Apple, Amazon, которые составляют значительную долю в индексе S&P 500.

Цифровой рубль - это цифровая версия рубля, которая объединяет свойства наличных денег (уникальный код, эмиссия Центральным банком) и безналичных денег (возможность дистанционных платежей и расчетов). Он будет использоваться вместе с наличными и безналичными рублями и выполнять все функции денег. Внедрение цифрового рубля потребует создания дополнительной платежной инфраструктуры и интеграции с существующей. Эмиссия цифрового рубля может выполняться в виде цифровых токенов или учетных записей на расчетных счетах Центрального банка.

Цифровая валюта - это любая валюта, которая существует исключительно в электронном виде.

Электронные версии валюты уже преобладают в финансовых системах большинства стран. Разница между цифровой валютой и электронной валютой, которая уже есть на банковских счетах американцев, заключается в том, что цифровая валюта никогда не принимает физическую форму. Каждый гражданин РФ имеет возможность в любое удобное время подойти к банкомату и легко перевести электронную запись о своих валютных резервах в физические деньги на бумажном носителе. Цифровая валюта, с другой стороны, никогда не покидает компьютерную сеть и обменивается исключительно цифровыми средствами.

Существует три основных типа цифровой валюты: криптовалюта, стабильные монеты и цифровая валюта центрального банка, известная как CBDC.

Технология блокчейн, лежащая в основе криптовалют, является наиболее распространенной формой распределенного реестра, используемой цифровыми валютами. По данным CoinMarketCap, существует более 9000 криптовалют.

Цифровая валюта способна полностью изменить отношение общества к деньгам. Возникновение Bitcoin (BTC), Ethereum (ETH) и тысяч других криптовалют, существующих только в электронной форме, заставило мировые центральные банки изучать возможности использования национальных цифровых валют.

Цифровая валюта центральных банков (Central Bank Digital Currency, CBDC, или ЦВЦБ) — это цифровой аналог национальных фиатных валют, которые выпускаются, регулируются и гарантируются центробанками (ЦБ). Важно ви-

деть разницу между криптовалютой и цифровой национальной валютой. Стоимость криптовалют зависит от множества факторов, в том числе соотношения спроса и предложения, тогда как стоимость CBDC определяется центральным банком и равна фиатной валюте страны.

В Российской Федерации, возможно уже в 2024, в дополнение к бумажным рублям и безналичным расчетам, появится третья форма национальной валюты - цифровой рубль. Банк России настроен серьезно: тестирования прототипа цифрового рубля стартовали уже в первом квартале 2022 года, выбрав 12 банков для первой пилотной группы. Станет ли Россия первой страной, взявшей в свое поле новую инновационную технологию? Нет, и мы не можем быть уверены в том, что данная технология приживется и будет иметь спрос аналогичный известным криптовалютам. Для того чтобы понять, будет ли цифровой рубль инновационным плацдармом для будущей экономики России, рассмотрим опыт зарубежным коллег.

Исследования и разработка концепции Цифровой Валюты Центрального Банка (ЦВЦБ) начались в 1990-х годах. Один из ранних проектов, известный как Avant, был запущен Банком Финляндии в 1993 году. Проект предусматривал использование электронной формы наличных денег с помощью предоплаченных смарт-карт для розничных покупок, аналогичных современным дебетовым и кредитным картам, а также электронным кошелькам. На конец 2002 года в обращении находилось около 900 тысяч карт, а количество терминалов, принимающих электронные кошельки Avant, составляло примерно 6 тысяч. В 2006 году эта система была отменена, однако ее можно рассматривать как предшественника современных цифровых валют.

В 2014 году Эквадор, который использует доллар США в качестве своей официальной валюты, начал разработку Цифровой Валюты Центрального Банка (ЦВЦБ) под названием Dinero Electronico. Однако проект был прекращен из-за высоких затрат по поддержанию новой системы и низкого спроса – только около 500 тысяч человек, или менее 3% от населения в 17 миллионов, стали ее активными пользователями.

Идея внедрения ЦВЦБ стала снова активно обсуждаться в экспертных кругах в конце 2010-х годов. Одним из факторов, стимулирующих этот процесс, стала усиленная конкуренция со стороны стремительно развивающегося рынка криптовалют. Кроме того, пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 году, привлекла внимание к различным аспектам цифровизации, включая переход к безналичным платежам. А сложная геополитическая ситуация, в которой особое место уделено России, и введение санкционных мер в связи с нарастающими геополитическими конфликтами также послужило предпосылкой для внедрения альтернативных систем валют.

На Багамах в октябре 2020 года запустили так называемый песчаный доллар (Sand Dollar). К предпосылкам его внедрения относят низкий уровень доступности банковских услуг на отдаленных островах. Доступ к цифровым кошелькам можно получить с помощью физической платежной карты или мобильного приложения. В конце 2021 года насчитывалось около 20 тыс. пользователей (население страны — 396 тыс.).

Ямайка начала применение своей валюты Jam-Dex летом 2022 года. Сейчас ее можно использовать в девяти из 14 округов, однако ожидается, что к концу 2023 года она будет доступна по всей стране.

В апреле 2020 года в Китае был запущен пилотный проект по использованию цифровой юани (e-CNY) в розничных приложениях. Начиная с четырех городов, эксперимент был постепенно расширен до 20 городов, а также включил межбанковские операции и международные расчеты. В 2021 году компании начали выплачивать зарплаты в цифровых юанях, а в 2023 году госорганы планируют начать выплаты в e-CNY госслужащим.

Восточно-Карибский центральный банк включает в себя восемь стран Карибского бассейна и запустил пилотную версию цифровой валюты под названием DCash в марте 2021 года. Это первая розничная и трансграничная Цифровая Валюта Центрального Банка (ЦВЦБ), объединяющая несколько островных государств.

В Нигерии в октябре 2021 года была запущена государственная цифровая валюта под названием eNaira, доступная для всех жителей страны. Несмотря на доступность, до сих пор ею воспользовалось только 0,5% населения.

В ноябре 2022 года Резервный банк Индии запустил пилотный проект по использованию цифровой рупии (e-Rupee) для расчетов по сделкам с государственными облигациями. В проекте задействованы девять крупнейших индийских банков.

Помимо упомянутых проектов в Китае, Карибском регионе и Нигерии, также проводятся пилотные проекты Цифровой Валюты Центрального Банка (ЦВЦБ) в нескольких других странах.

В Гане проводится пилотный проект по использованию цифровой валюты под названием E-Cedi. Канада осуществила проект Jasper. В ОАЭ и Саудовской Аравии внедрена цифровая валюта с названием Aber. Уругвай работает над проектом e-Peso, а Франция разрабатывает свою собственную Цифровую Валюту Центрального Банка (ЦВЦБ) под названием France CBDC.

В Иране в 2023 году были проведены первые тестовые транзакции с использованием цифровой валюты. Некоторые эксперты считают, что ЦВЦБ может быть использована властями Ирана для обхода американских санкций.

Все эти пилотные проекты направлены на исследование и оценку потенциала Цифровой Валюты Центрального Банка, а также на разработку соответствующей инфраструктуры и регулирования.

Цифровой рубль представляет собой цифровую валюту, выпущенную центральным банком. Он предназначен для массового использования населением и бизнесом и является безналичной формой денежных обязательств. Цифровой рубль сочетает в себе удобство электронных денег и надежность банкнот. На данный момент было запущено несколько проектов розничных цифровых валют различных стран, включая Китай, Индию, Нигерию и др. Пандемия COVID-19 и экономический шок 2022 года подчеркнули важность надежных электронных способов расчетов. В связи с этим введение цифрового рубля требует изменений в законодательстве, таких как законы о банках и банковской деятельности, центральном банке, национальной платежной системе, а также в области валютного регулирования и контроля. Банк России опубликовал проект Положения о платформе цифрового рубля, а Государственная Дума приняла Закон о цифровом рубле, который вступил в силу с 1 августа. Эти изменения позволят проводить операции с реальными цифровыми рублями и привлекать клиентов банков для тестирования цифрового рубля в пилотной группе. Это важный шаг на пути к его широкому использованию.

Согласно Федеральному закону, эмиссия и обращение цифрового рубля осуществляются через платформу цифрового рубля, которая представляет собой информационную систему. Взаимодействие в рамках платформы осуществляют три группы экономических агентов: оператор платформы (Банк России), участники платформы (коммерческие и небанковские организации) и пользователи платформы (физические и юридические лица). Цифровой рубль будет функционировать по двухуровневой модели, где Банк России является эмитентом, а коммерческие банки осуществляют взаимодействие с конечными пользователями, такими как открытие цифровых кошельков и отправка платежных по-

ручений, которые проходят двойную проверку информации перед выполнением.

Пользователи платформы смогут выполнять различные операции с цифровыми рублями, включая увеличение или уменьшение остатка на своем счете, перевод денежных средств на банковский счет или другой электронный кошелек, а также переводы между пользователями в рамках платформы. Цифровой рубль предлагает ряд преимуществ, таких как удобство использования, быстрые и дешевые транзакции, а также возможность безопасного хранения и перевода денежных средств.

Цифровой рубль имеет недостатки, такие как отсутствие совместных счетов и анонимность расчетов, что делает его менее привлекательным по сравнению с существующими счетами. Помимо таких очевидных минусов цифровой рубль может еще и спровоцировать массовый отток активов (то есть средств компаний и клиентов) из коммерческих банков, причем как на территории РФ, так и за ее пределами. Разумеется, на данный момент Центральный Банк РФ разрабатывает целый комплекс риск-ориентированных мер для того, чтобы внедрение цифрового рубля проходило сбалансировано и безопасно для всей экономической системы государства.

Одной из первичных мер по обеспечению безопасности в рамках обращения цифрового рубля станут определенные лимиты по операциям, а также лимиты по остаткам на счете цифровой валюты. Лимиты в данном случае ограничивают оборот цифрового рубля в рамках актуальных операций в экономической системе РФ, сохраняя основные активы банков в привычном виде. Такая мера даст возможность апробировать цифровой рубль поэтапно, оценивая все возможные угрозы в рамках каждого этапа.

ЦБ РФ также предусмотрели потенциальную возможность конкурирования цифрового рубля против классической валюты РФ – защищая интересы банковской системы, Центробанк наложил ограничение на использование ЦР в качестве валюты для вкладов или же для кредита. При этом параллельно все коммерческие банки были приглашены к тестированию операций с применением ЦР, так как в скором будущем данный вид валюты в РФ встанет на один уровень с рублем в привычном виде.

При таком подходе каждый банк получает возможность расширения пакета услуг по операциям для своих клиентов – физических и юридических лиц, что, конечно же, на данный момент выглядит крайне привлекательно. Отметим, что в 2023 году произошел резкий рост спроса на многие банковские услуги, включая операции с безналичными средствами. Такая тенденция является подтверждением, что проведение операций с цифровым рублем также будет пользоваться спросом у своей целевой аудитории.

Введение цифрового рубля дает возможность использовать его в качестве альтернативной валюты в международных расчетах. Отметим, что такая практика уже была опробована в рамках нивелирования санкционных запретов на взаимодействие многих иностранных компаний с российскими компаниями (как следствие такого запрета – сложности в платежах и переводах). Однако санкционные пакеты подразумевают запреты на наличный и безналичный рублевый расчет, но не на расчеты в цифровой валюте.

Также стоит акцентировать внимание на том, что многие исследователи и аналитики активно обсуждают жизнеспособность криптовалют в масштабах экономики РФ и международных рыночных отношениях. Криптовалюты не являются надежным решением для международных расчетов из-за отсутствия регулирования и волатильности. Введение цифрового рубля может быть полезным, но необходимо учесть риски, такие как потеря ликвидности и волатильность курсов. Оффлайн-транзакции нужно ограничивать, чтобы предотвратить мошенничество. Цифровой рубль будет работать на основе двухуровневой модели с участием Банка России, финансовых организаций и Федерального казначейства.

Одноуровневая модель ведения расчетов, которая предлагалась изначально как тестировочная модель работы с ЦР, была отклонена, поскольку она не предоставляет преимуществ гражданам и организациям по сравнению с существующими платежными инструментами.

В условиях санкций Россия сталкивается с проблемами проведения транснациональных платежей из-за отключения от системы SWIFT. Цифровой рубль может стать альтернативным решением, сократив роль посредников, таких как банки-корреспонденты. Это поможет облегчить международные операции и уменьшить зависимость от доллара.

Таким образом, цифровой рубль пока еще не полноценно используется в финансовом обороте, но уже показывает потенциал в борьбе с незаконными операциями, так как информация о транзакциях будет контролироваться Банком России без необходимости привлечения множества банков. Однако для успешной реализации цифрового рубля регулятору предстоит создать платформу и инфраструктуру, а также решить правовые, технические и операционные задачи.

Пристатейный библиографический список

1. Банк России «О цифровом рубле». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/fintech/dr/.
2. Статистика национальной платежной системы. Банк РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/nps/psrf/.
3. Хамурадов М. А. Развитие цифрового рубля на примере опыта КНР // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. №6-2 (100). С. 56-68.
4. Хаджиев М. Р., Байракова А. А. Цифровой рубль: его роль в управлении денежного обращения // В сборнике: Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Грозный, 2021. С. 138-144.
5. Шувалова М. Цифровой рубль: что известно о третьей форме денег в России – 2023 – система «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/article/1642927/.

ШАХНАЗАРОВ Умар Магомедович
магистрант Юридического Института Дагестанского государственного университета

Шахназаров У. М.

ТОВАРИЩЕСТВО СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ КАК ФОРМА УПРАВЛЕНИЯ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ

В статье рассматривается товарищество собственников жилья как форма управления общим имуществом в многоквартирном доме. В статье дается определение ТСЖ. Сущность товарищества раскрывается через права и обязанности товарищества. В статье выделяются основные права, закрепленные в законе и раскрывающие специфику ТСЖ. Описываются преимущества данной формы управления перед другими, а также раскрываются недостатки данной формы. Статья будет полезна собственникам квартир, которые ищут эффективные способы управления своим общим имуществом.

Ключевые слова: товарищество собственников жилья, ТСЖ, многоквартирный дом, управление общим имуществом.

SHAKHNAZAROV Umar Magomedovich
magister of the Institute of Law of the Dagestan State University

HOMEOWNERS' ASSOCIATION AS A FORM OF MANAGEMENT OF COMMON PROPERTY IN AN APARTMENT BUILDING

The article considers the homeowners' association as a form of management of common property in an apartment building. The article defines the HOA. The essence of the partnership is revealed through the rights and obligations of the partnership. The article highlights the basic rights enshrined in the law and revealing the specifics of the HOA. The advantages of this form of management over others are described, as well as the disadvantages of this form are revealed. The article will be useful to apartment owners who are looking for effective ways to manage their common property.

Keywords: homeowners' association, TSZH, apartment building, management of common property.

В России большинство жилья является многоквартирным. Согласно исследованию Росстат от 2021 года, по итогам 2020 года в многоквартирных домах (Далее – МКД) проживает 71,4% россиян. Поэтому на сегодняшний день актуальным является вопрос о том, каким способом осуществляется управления общим имуществом в многоквартирных домах. Одной из форм организации управления данным имуществом является товарищество собственников жилья (Далее - ТСЖ). В этой статье мы рассмотрим, как работает товарищество собственников жилья, какие преимущества оно имеет перед другими формами управления, и каким образом можно создать товарищество собственников жилья в своем многоквартирном доме.

В статье 135 Жилищного кодекса Российской Федерации (Далее – ЖК РФ) описывается сущность ТСЖ из чего можно сделать вывод, что товарищество представляет собой объединение собственников жилых помещений в многоквартирном доме или жилых домах для управления их общим имуществом. Основная цель создания ТСЖ согласная данной статье - обеспечение эффективного управления общим имуществом и решение вопросов, связанных с эксплуатацией и содержанием многоквартирного дома.

Однако само определение в статье закона является достаточно перегруженным и для обычного гражданина, а именно такой чаще всего будет пользоваться данной нормой, она скорее всего будет неясной. Поэтому на наш взгляд необходимо более четко и понятно сформулировать данное определение. На наш взгляд определение ТСЖ должно звучать следующим образом: «Товарищество собственников жилья – это добровольное объединение собственников жилых помещений в многоквартирном доме (нескольких многоквартирных дома), которое зарегистрировано в установленном законом порядке для юридического лица, созданное в целях управления общим имуществом собственников в многоквартирном доме (нескольких многоквартирных домах), а также осуществления деятельности по созданию, содержанию, сохранению и приращению данного имущества».

Для более полного понимания сущности ТСЖ как формы управления многоквартирным домом стоит рассмотреть права и обязанности данной организации. Закон определяет две категории прав ТСЖ: те, которыми товарищество обладает безусловно, и те, которые могут быть осуществлены только в том случае, если они не нарушают права и интересы собственников жилья. К первой категории прав можно отнести следующие права - первым важным правом и полномочием ТСЖ является право на заключение договоров по управлению многоквартирным домом в соответствии с законодательством. Эти договоры могут включать условия о содержании и ремонте общего имущества в доме. ТСЖ также может заключать договоры на другие услуги, связанные с управлением домом. Это могут быть договоры связанные с оказанием следующих услуг: содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме; эксплуатацию инженерных систем и оборудования, находящихся на общей собственности; обе-

спечение безопасности в многоквартирном доме; установку и эксплуатацию лифтов; проведение текущего и капитального ремонта общего имущества и другие.

Для заключения договоров по указанным услугам требуется соблюдение определенных требований законодательства. Например, договор должен содержать конкретные условия, такие как перечень услуг, сроки их оказания, порядок расчетов и др. Важно отметить, что решение о заключении договора на управление многоквартирным домом должно приниматься на общем собрании собственников жилья. Кроме того, все договоры, заключенные ТСЖ, должны быть предъявлены к общему сведению собственников жилья

Второй абзац первого пункта статьи 137 ЖК РФ раскрывает право ТСЖ на определение сметы доходов и расходов на год, включая необходимые расходы на содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме, затраты на капитальный ремонт и реконструкцию многоквартирного дома, специальные взносы и отчисления в резервный фонд, а также расходы на другие установленные настоящим кодексом и уставом товарищества цели.

Для более подробного понимания этого права, следует рассмотреть определение понятия «смета доходов и расходов». Смета доходов и расходов — это документ, который отражает планируемые доходы и расходы ТСЖ на текущий финансовый год. ТСЖ вправе определять смету самостоятельно, при этом следует учитывать законодательные требования и уставные положения товарищества. В смете должны быть разделы, отражающие доходы и расходы на текущий год, включая необходимые расходы, названные нами выше. После утверждения сметы доходов и расходов на год, ТСЖ определяет размеры платежей и взносов для каждого собственника помещения в многоквартирном доме в соответствии с его долей, что также является следующим важным правом товарищества.

Одним из упомянутых прав в ЖК РФ является возможность товарищества собственников пользоваться предоставляемыми банками кредитами в порядке и на условиях, которые предусмотрены законодательством. Это означает, что ТСЖ может брать кредиты для финансирования своих нужд и проектов, например, для капитального ремонта здания или замены оборудования в многоквартирном доме.

Однако, перед тем как взять кредит, товарищество должно обязательно провести собрание участников (собственников жилья) и утвердить план финансовых затрат на определенный период. В этом плане должны быть указаны источники финансирования проектов, а также ожидаемые результаты и риски.

При взятии кредита ТСЖ должно также учитывать условия, по которым он был выдан, например, процентную ставку и сроки погашения. Эти условия должны быть обязательно озвучены и утверждены на собрании участников. Чаще всего размер кредита будет зависеть от двух факторов: размера ежемесячного взноса на капремонт (если кредит берется под эту цель) и суммарной площади всего дома. Исходя из этих данных банк рассчитает какую сумму он может выдать ТСЖ.

Седьмой подпункт пункта 1 статьи 137 ЖК РФ гласит, что товарищество имеет право продавать и передавать во временное пользование, обменивать имущество, принадлежащее ему. Это означает, что ТСЖ является полноправным собственником имущества, которое принадлежит ему. Здесь важно не допустить ошибку и не причислить к имуществу товарищества общее имущество многоквартирного дома, которое таковым не является. Законодатель четко определил какое имущество является собственность ТСЖ в статье 151 ЖК РФ и относит к нему следующие средства: обязательные платежи членов ТСЖ; доходы полученные от хозяйственной деятельности; субсидии, а также прочие поступления. На данные средства товарищество может покупать движимое имущество и недвижимое имущество, находящееся как внутри, так и за пределами МКД.

На этом праве проходит разграничение прав двух вышеназванных нами категорий. И уже в первом подпункте пункта 2 статьи 137 ЖК РФ обозначается такое право товарищества как распоряжение общим имуществом МКД в форме предоставления в пользование или ограниченное пользование части этого имущества. Скорее всего законодатель не просто так расположил данные права рядом, чтобы лишний раз избежать у граждан путаницы в этом вопросе.

Говоря о данном праве по передаче имущества МКД важно отметить, что передача в пользование или ограниченное пользование такого имущества дома должна осуществляться в соответствии с требованиями законодательства и решениями общего собрания собственников помещений, принятыми квалифицированным большинством голосов.

Чаще всего товарищество может передать общее имущество в случае, если это имущество не является необходимым для обеспечения комфортного проживания жильцов и приносит только дополнительные расходы на его содержание. В качестве примеров общего имущества, которое может быть продано товариществом, можно привести нежилые помещения, принадлежащие многоквартирному дому, но не используемые жильцами. Доход от сдачи такого имущества в аренду можно будет направить на капремонт многоквартирного дома либо благоустройство другого общего имущества многоквартирного дома.

Ко второй категории прав также относятся такие права как право товарищества на заключение сделок в уставных целях, а также произведение различных манипуляций с общим имуществом в МКД: перестраивать, надстраивать, приобретать земельные участки и осуществлять на них, а также на уже имеющихся строительство и возведения хозяйственных построек для их дальнейшего использования в интересах товарищества. Все эти права не должны нарушать права и законные интересы собственников имущества.

Проанализировав права ТСЖ хочется подвести некоторый итог этого способа управления МКД выразив его в форме недостатков и преимуществ.

Среди преимуществ ТСЖ можно выделить следующие: управление общим имуществом многоквартирного дома осуществляется собственниками помещений, что позволяет иметь больший контроль над ремонтом и содержанием общего имущества, то есть сохраняется преимущество непосредственного управления, когда собственники сами принимают участие в управлении. Во-первых, они принимают уча-

стие непосредственно через общее собрание ТСЖ, во-вторых непосредственно члены правления ТСЖ и председатель правления избираются из числа членов ТСЖ, то есть фактически это те же самые жильцы, которые заинтересованы в благополучном развитии собственного дома, в котором они сами же проживают, в отличии от управляющей организации, руководство которой ставит своей основной целью извлечение прибыли. Также виден очевидный плюс по сравнению с непосредственным управлением – нет необходимости заключать индивидуальные договоры с каждым собственником помещений для обслуживания дома, что одновременно и облегчает данную процедуру и в тоже время позволяет заключать договоры на более выгодных условиях, чем это было бы при индивидуальных договорах. То есть главный плюс и достоинство ТСЖ заключается в том, что данная форма позволяет собственникам самостоятельно осуществлять управление МКД, но в более организованной форме нежели непосредственное управление и при этом не нужно тратить дополнительные средства за услуги управляющей организации.

Однако ТСЖ имеет и ряд недостатков. Во-первых, для принятия некоторых решений товарищества необходимо, чтобы данное решение было принято на общем собрании собственников товарищества при соблюдении кворума и правил большинства. В этом случае может возникнуть проблема ситуация, когда не всегда удается достичь единого мнения среди всех собственников помещений в многоквартирном доме, что может затруднить принятие решений и эффективное управление общим имуществом. К тому же в некоторых случаях собственники помещений могут быть не заинтересованы в участии в ТСЖ или не считают необходимым участвовать в управлении многоквартирным домом. Как следствие двух этих примеров - невозможность достижения необходимого кворума и/или большинства. Еще одним явным недостатком может стать некомпетентность либо недобросовестность жильцов, выбранных в правление товарищества и непосредственно председателем товарищества. Осуществление управления МКД может потребовать от них определенных навыков и знаний, отсутствие которых может привести к принятию неправильных решений и как следствию лишнему и необоснованному расходованию средств.

Таким образом, хочется подвести итог, что ТСЖ занимает промежуточное место между двумя другими формами управления МКД – непосредственным управлением и управлением посредством управляющих кампаний. Оно является смешанной формой сочетая в себе как элементами непосредственного управления – сохраняя возможность личного участия жильцов в деятельности по управлению общим имуществом, так и управляющих кампаний – организационно-правовая форма юридического лица. Данная форма управления, на наш взгляд, подойдет в МКЖ, в котором проживают жильцы, находящиеся в добрососедских отношениях, с активной гражданской позицией и желанием принимать непосредственное участие в управлении общим имуществом.

Пристатейный библиографический список

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2005 г. - № 1 (часть 1). - Ст. 14 с изм. и допол. в ред. от 21.11.2022.
2. Постановление Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 416 «О порядке осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2013. - № 21. - Ст. 2652.
3. Беспалов Ю. Ф., Егорова О. А. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации. Постатейный научно-практический. - М.: Проспект, 2014. - 704 с.
4. Крашенинников П.В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2020. - 432 с.
5. Манько О. В., Протасов Г. В. Достоинства выбора ТСЖ как способа управления многоквартирными домами // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. - 2020. - С. 50-55.
6. Липинская Е. В. Товарищество собственников жилья как одна из форм управления многоквартирными домами // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - № 1-3 (52). - С. 124-126.
7. Алферина О. Н. Развитие товариществ собственников жилья в России: проблемы и перспективы // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 6. - С. 146-151.
8. Чебоньян Т. Г., Короленко И. И. О понятии товариществ собственников жилья // Colloquium-journal. - 2022. - № 14. - С. 50-51.

ПАРАСКЕВИДИ Марк Александрович
магистрант Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

СУЩНОСТЬ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ И РАЗВИТИЕ НОРМ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ ОТМЕНЫ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В КАССАЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается и анализируется непосредственная сущность кассационного судопроизводства на примере арбитражного процесса, кассационное производство рассматривается как самостоятельная часть процесса по пересмотру уже вступившего в законную силу судебного акта. Особое внимание уделяется проверке требования обоснованности в рамках этого вида производства. Помимо всего прочего анализируется история развития института кассационного производства в отечественном процессуальном законодательстве и делается вывод о том, что содержание норм об основаниях к отмене судебного акта отражает сложившиеся в науке гражданского процессуального права взгляды на сущность и назначение данного института обжалования.

Ключевые слова: кассационное производство, арбитражный процесс, история развития кассационного производства, обоснованность, гражданское процессуальное право.

PARASKEVIDI Mark Aleksandrovich
magister student of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

THE ESSENCE OF CASSATION PROCEEDINGS IN THE ARBITRATION PROCESS AND THE DEVELOPMENT OF THE NORMS OF DOMESTIC PROCEDURAL LEGISLATION ON THE GROUNDS FOR THE CANCELLATION OF A COURT DECISION IN CASSATION PROCEEDINGS

The article examines and analyzes the immediate essence of cassation proceedings on the example of arbitration, cassation proceedings are considered as an independent part of the process of reviewing a judicial act that has already entered into force. Particular attention is paid to verifying the validity requirement within this type of production. Among other things, the history of the development of the institute of cassation proceedings in the domestic procedural legislation is analyzed and it is concluded that the content of the norms on the grounds for the cancellation of a judicial act reflects the views that have developed in the science of civil procedural law on the essence and purpose of this institute of appeal.

Keywords: cassation proceedings, arbitration process, history of cassation proceedings, validity, civil procedural law.

В настоящее время особую значимость приобрела тема пересмотра судебных актов как не вступивших, так и вступивших в законную силу. В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Это означает, что государство обязано обеспечить в полном объеме осуществление права на судебную защиту (в том числе и от допущенных судебных ошибок), которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной. Как справедливо отмечено Н.А. Громошиной: «Доверие к судебной власти – важный фактор стабильности в обществе и государстве, и среди всех институтов государственной власти огромная роль принадлежит судебной власти, она призвана разрешить правовые конфликты, содействуя тем самым общественной стабильности» [1].

В этом контексте особого внимания заслуживает кассационное производство в арбитражном процессе. Оно, равно как и кассационное производство в гражданском процессе, в первую очередь нацелено на исправление ошибок в правоприменительной практике нижестоящих судов. Определяя непосредственно сущность кассационного производства, необходимо уточнить, что оно по своей правовой природе является самостоятельной частью процесса по пересмотру уже вступившего в законную силу судебного акта. Помимо всего прочего, единое кассационное производство в арбитражном процессе представлено по сути в двух стадиях процесса – это кассационное производство в арбитражном суде округа, так называемая «сплошная» (или первая) кассация, и производство в Судебной коллегии по экономическим спорам в Верховном Суде РФ, так называемая «выборочная» (или вторая) кассация. Следует уделить особое внимание тому, что предметом рассмотрения в данной работе послужат именно основания к отмене судебного акта в арбитражном суде округа, то есть в «сплошной» первой кассации (основания в «сплошной» кассации и в «выборочной» кассации - нетождественные).

Если для Судебной коллегии Верховного Суда РФ основаниями к отмене судебных актов являются существенные нарушения норм материального и (или) процессуального права, то для первой кассационной инстанции помимо нарушения норм права к ним отнесены также несоответствие выводов суда установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам. Таким образом, в пределы проверки, осуществляемой судами первой кассационной инстанции, включается вопрос обоснованности оспариваемых актов, пусть и в ограниченном объеме [2].

Однако в отечественной науке гражданского процессуального права существует и иная точка зрения, согласно которой кассационное производство ограничивается лишь проверкой законности судебных актов. С этим невозможно согласиться ввиду того, что, как ранее уже было отмечено, самостоятельным основанием для отмены судебных актов является несоответствие выводов суда установленным по делу

обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, и именно это говорит о том, что в первой кассации, помимо законности, проверяется обоснованность.

Сущность производства и поставленные в нем цели непосредственно предопределяют те основания, по которым судебные акты будут отменяться. Поэтому особый интерес для настоящего исследования представляет проследить историю развития представлений о кассационном производстве и его целях, нашедших отражение в отечественном процессуальном законодательстве, в непосредственной связи с теми основаниями к отмене судебных актов, которые в нем закреплялись. Изучение исторического развития норм отечественного процессуального законодательства в сфере кассационного производства позволяет проанализировать тенденции развития данного института, учесть достоинства и недостатки ранее действовавших норм в целях совершенствования действующего законодательства.

История вопроса, в первую очередь, дает возможность уяснить определенную логику появления тех или иных норм в тот или иной исторический момент. За довольно короткий исторический период правовая система Российской Федерации фундаментально видоизменялась, причем не один раз. А связаны эти видоизменения в правовой системе с изменениями в целом в России: изменения форм правления, форм государственного устройства, форм территориального устройства [3].

В работе будет рассмотрено развитие норм об основаниях к отмене судебных решений в гражданском процессе, начиная с Устава гражданского судопроизводства 1864 года (далее – УГС 1864 г.) и до действующего АПК 2002 г. Дело в том, что арбитражный процесс является разновидностью цивилистического процесса, и в основе гражданского и арбитражного процессов лежат единые подходы, в том числе и к кассационному производству. Этим обусловлено обращение к источникам не только арбитражного процессуального права, но и гражданских процессуальных норм. Особое внимание будет уделено нормативному регулированию оснований к отмене судебных актов в трех арбитражных процессуальных кодексах современного периода (АПК 1992 г., АПК 1995 г. и АПК 2002 г.).

Представляется правильным, говоря об истории развития оснований к отмене судебного решения в кассационном порядке в арбитражном процессе, уделить незначительное внимание истории развития самого арбитражного процесса и тем изменениям, которые эта отрасль претерпевала, а именно чем были вызваны эти изменения, насколько арбитражный процесс был в целом обособлен от гражданского процесса в различных исторических периодах. А после пристального изучения и анализа этих изменений уже отдельно проанализировать непосредственно основания к отмене судебного решения [4].

Если говорить в целом об истории развития арбитражного процесса, то первым этапом будет справедливо определен период существования Российской Империи. Конечно, важно понимать, что данный период весьма опосредованно дает представление об арбитражном процессе в современной его понимании в юридической науке, но принято считать именно этот этап началом развития и выделения в отдельный от гражданского, самостоятельный, хотя и весьма тесно связанный с гражданским процессом, арбитражный процесс. В истории Российской Империи появление арбитражного процесса связывают с утверждением Учреждения коммерческих судов и Устава их судопроизводства в соответствии с Именным указом от 14 мая 1832 года, а также учреждение первого коммерческого суда в Одессе в 1808 году, а затем и во многих городах Российской Империи, например, в Феодосии в 1819 году, в Москве в 1833 году [5].

Как справедливо отмечает в своей статье В.Л. Рассказов: «Порядок судопроизводства не был отрегулирован целиком, большинство процессуальных вопросов (о вступлении в судебный процесс третьих лиц, о проверке подлинности письменных доказательств, о встречном иске) решался в соответствии с общим гражданским законодательством» [6].

Тем не менее само появление отдельного Указа об учреждении коммерческих судов свидетельствует о том, что возникла необходимость в отдельных специализированных судах, которые располагались бы в городах, через которые проходили крупные торговые маршруты или располагались морские и речные порты, и в которых давался особый процессуальный порядок рассмотрения споров с хозяйственным, торговым элементом в материальных правоотношениях.

Что касается непосредственно УГС 1864 года и оснований к отмене судебных решений, то в нем был обособлен отдельный раздел II «О порядке обжалования решений и общих судебных установлений», который посвящен оспариванию судебных решений. Однако в этом разделе выделялось только апелляционное производство, внутри которого можно было выразить просьбу о кассации судебного решения. В ст. 793 УГС 1864 года выделяются следующие основания, по которым просьба о кассации судебного решения допускается:

1) В случаях явного нарушения прямого смысла закона или неправильного его толкования.

2) В случаях нарушения обрядов и форм судопроизводства столь существенных, что вследствие несоблюдения их невозможно признать силу судебного решения.

3) В случаях нарушения пределов ведомства или власти, законом предоставленных судебной палате.

В ст. 793 УГС 1864 г. дается более подробное толкование, что именно является такими нарушениями. Это, например, допущение к делу лица, не имевшего на то право (статья 18-21), а также не допущение к участию в деле лица, имевшего по закону право искать и отвечать в суде (статья 17 и 23-27), принятие судом к производству дела, неподведомственного ему по своему роду (статья 202-228 и 584), начало производства по делу без искового прошения (статья 256), участие в решении дела таких судей, которые по закону не должны были в нем участвовать (статья 676 и 677), не приведение в решении оснований, по которым оно постановлено (статья 701 и пункт 2 статьи 702), постановление решения в незаконном составе присутствия (статья 693).

Следующим этапом развития арбитражного процесса, в котором следует уделить особое внимание непосредственно основаниям к отмене судебного решения, будет являться установление советской власти и полный отказ от действовавших ранее коммерческих судов, отмена УГС 1864 г. и отмена Именного указа от 14 мая 1832 года. Это произошло в 22 ноября 1917 года посредством принятия советской властью Декрета о Суде №1, который был подписан председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным [7].

Поскольку советская идеология марксизма-ленинизма не признавала наличие частной собственности, едва ли возможно представить арбитражный процесс и его институты в рамках советской идеологи на начальных этапах. Хозяйственных споров между профессиональными субъектами по поводу частного права попросту не было, особого процессуального порядка их рассмотрения тоже.

Однако уже в 1922 году было утверждено Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями, а в 1931 году Положение о Государственном арбитраже [8].

Независимым и отдельным с юридической точки зрения правовым механизмом в СССР Госарбитраж стал 17 августа 1960 года с утверждением положения о Государственном арбитраже при Совете Министров СССР.

Но только лишь после утверждения и принятия так называемой «Конституции развитого социализма», а именно Конституции СССР 1977 года, арбитраж получил статус конституционного органа СССР. Именно после этого его внутренняя организация и непосредственный порядок его деятельности стали определяться Законом «О государственном арбитраже в СССР». Хотя Государственный арбитраж в Советском Союзе трансформировался из местных арбитражных комиссий в конституционный орган, он едва ли может полноценно восприниматься как орган арбитражного судопроизводства. Это скорее орган, который непосредственно занимался лишь разрешением, хотя и хозяйственных по своей природе споров, но лишь между организациями, предприятиями и органами исключительно государственной власти.

Справедливо отмечено А.С. Машковой в статье «Правовая природа государственного арбитража СССР», что государственный арбитраж в Советском Союзе, помимо функции судебной, выполнял еще и функцию управленческую, а правовая природа государственного арбитража была двойственная [9].

Что же касается непосредственно оснований к отмене судебного решения в кассационном порядке, справедливо будет обратиться к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР 1964 года (далее – ГПК 1964 г.)[1], поскольку, как было отмечено ранее, арбитражный процесс является разновидностью цивилистического процесса, в основе гражданского и арбитражного процессов лежат единые подходы, в том числе и к кассационному производству, а арбитражного процесса в современном его понимании не существовало.

В ГПК 1964 г. кассационному производству посвящена отдельная 34 глава, в которой существует отдельная статья 306, так и именуемая «Основания к отмене решения суда в кассационном порядке». Среди оснований к отмене решения суда в кассационном порядке выделяются следующие основания:

1) Неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела.

2) Недоказанность обстоятельств, имеющих значение для дела, которые суд считает установленными.

3) Несоответствие выводов суда, изложенных в решении, обстоятельствам дела.

4) Нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права.

Дополнительно отмечается, что не может быть отменено правильное, по существу, решение суда по одним лишь формальным соображениям.

Представляется интересным также то, что нарушения или неправильное применение норм материального права более подробно раскрываются в следующей статье 307 (в современном АПК РФ и ГПК РФ эти положения установлены не в отдельной статье, а внутри статьи с основаниями к отмене судебных решений, хотя это вопрос исключительно юридической техники и вряд ли заслуживает отдельного внимания). Для нашего исследования интерес вызывает непосредственно сам перечень, его тождественность с действующими на сегодняшний день положениями. Нарушение или неправильное применение норм материального права имело место в следующих случаях:

1) Если суд не применил закона, подлежащего применению.

2) Если суд применил закон, не подлежащий применению.

3) Если суд неправильно истолковал закон.

Что же касается нарушений норм процессуального права, то прослеживается практически абсолютная схожесть с действующими АПК РФ и ГПК РФ (правда, не было формулировок об аудиозаписи и видеозаписи судебного заседания в силу технической невозможности этих действий в тот период).

При этом следует оговориться, что кассационным производством по ГПК 1964 г. именовалась стадия процесса по проверке не вступивших в законную силу судебных актов, а вступившие в законную силу судебные акты проверялись в порядке надзора, при этом инициировать проверку судебных актов в порядке надзора могли только прямо перечисленные в ГПК 1964 г. лица (прокуроры, председатели судов по ст. 320). Основания к отмене судебных актов в порядке надзора были сформулированы достаточно лаконично в ст. 330 ГПК 1964 года: «Основаниями к отмене в порядке надзора решений, определений или постановлений суда являются их необоснованность или существенные нарушения норм материального или процессуального права».

С распадом СССР и появлением независимых государств возникла необходимость в создании такой судебной системы и такого судопроизводства, которое смогло бы обеспечить верховенство закона, справедливое и своевременное разрешение возникших хозяйственных споров уже не только между органами, учреждениями и предприятиями государственной власти, но и между появившимися на фоне развития частной собственности частными лицами.

В мае 1991 года впервые был принят Закон СССР «О Высшем арбитражном суде СССР», фундаментальные положения которого, в свою очередь, и обусловили начало формирования системы арбитражных судов, которая изначально была образована посредством материального и кадрового оснащения ранее существовавшего государственного арбитража, но уже совсем с другими целями и задачами.

При изучении оснований к отмене судебных решений в кассационном производстве на данном историческом этапе уже можно ссылаться на первый в современной Российской Федерации АПК 1992 г. В данном кодексе существовала от-

1 Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. // Ведомости, 1964 г.

дельная Глава XIII, которая именовалась «Проверка в кассационном порядке законности и обоснованности решений арбитражных судов», внутри которой статья 128 была посвящена основаниям к изменению или отмене решения. Они совпадают с основаниями, которые были перечислены в ГПК РСФСР 1964 года лишь с добавлением к слову суд «арбитражный».

Следующим этапом в современной Российской истории является принятие следующего, второго по счету, АПК 1995 г. Данный законодательный акт уже почти не уступает по уровню юридической техники, логике изложения и проработанности ныне действующему АПК 2002 года, он является его непосредственным предшественником и во многом определил положения ныне действующего кодекса. Что же касается оснований к отмене судебных решений в созданных федеральных арбитражный судах округов, то интересным является тот факт, что в статье 176 АПК 1995 г., которая непосредственно посвящена основаниям к отмене судебных решений, отсутствуют ранее действовавшие положения, которые касались неполного выяснения обстоятельств, имеющих значения для дела, а также недоказанности обстоятельств, имеющих значение для дела, которые суд считает установленными, и несоответствие выводов суда, изложенных в решении, обстоятельствам дела – то есть отсутствуют основания, которые относятся к обоснованности судебного решения, и имеют место лишь нарушение либо неправильное применение норм материального права или норм процессуального права, которые относятся к законности судебного решения. Еще одной новеллой, на которую следует обратить внимание, являются положения пункта 4 части 3 ранее названной статьи 176 о появлении впервые отдельно поименованного основания, которое определяет, что в случае отсутствия ссылки на закон или иной нормативно-правовой акт, которыми руководствовались нижестоящие суды, такое решение подлежит отмене.

Действующим в настоящее время является АПК 2002 года с последующими изменениями, которые в него вносились. Данный законодательный акт на сегодняшний день и определяет непосредственно перечень оснований для отмены решения арбитражным судом округа. Перечень этих оснований приведен в статье 288 АПК РФ. Интересен тот факт, что при его принятии в 2002 году и на момент написания работы в 2023 году в эту статью вносились лишь некоторые изменения, а именно появление в тексте наряду с решением и постановлением арбитражного суда первой и апелляционной инстанции судебного приказа. Это связано с дополнением АПК РФ положениями о приказном производстве в арбитражном процессе в 2016 году. Отдельным дополнением будут служить изменения положений части 4 статьи 288 об аудиозаписи судебного заседания в 2018 году в связи с обязанностью вести в ходе каждого судебного заседания арбитражного суда первой инстанции, а так же при совершении отдельных действий, протоколирования с использованием средств аудиозаписи, что скорее тоже носит технический характер, потому что пункт лишь был приведен к общим положениям в связи с возможностью эту запись вести. Основания к отмене судебного решения в арбитражном суде округа приведены в ст. 288 АПК РФ:

1) Основаниями для изменения или отмены решения, постановления арбитражного суда первой и апелляционной инстанций являются несоответствие выводов суда, содержащихся в решении, постановлении, фактическим обстоятельствам дела, установленным арбитражным судом первой и апелляционной инстанций, и имеющимся в деле доказательствам, нарушение либо неправильное применение норм материального права или норм процессуального права.

2) Неправильным применением норм материального права являются:

– неприменение закона, подлежащего применению;

– применение закона, не подлежащего применению;

– неправильное истолкование закона.

3) Нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения, постановления арбитражного суда, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения, постановления.

4) Основаниями для отмены судебного приказа, решения, постановления арбитражного суда в любом случае являются:

– рассмотрение дела арбитражным судом в незаконном составе;

– рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания;

– нарушение правил о языке при рассмотрении дела;

– принятие судом решения, постановления о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле;

– неподписание решения, постановления судьей или одним из судей либо подписание решения, постановления не теми судьями, которые указаны в решении, постановлении;

– отсутствие в деле протокола судебного заседания или подписание его не теми лицами, которые указаны в статье 155 настоящего Кодекса, в случае отсутствия аудиозаписи судебного заседания;

– нарушение правила о тайне совещания судей при принятии решения, постановления.

Таким образом, арбитражный процесс в современном его виде и понимании, таким, каким он изучается, анализируется сегодня – это результат существенных преобразований, которые порой носили столь всеобъемлющий и фундаментальный характер, что в корне его трансформировали.

Принятие УГС 1864 г. в науке отечественной истории государства и права осуществлялось в рамках судебной реформы Александра II. Именно в результате судебной реформы Александра II появляется, так называемое на тот момент, ревизионное производство, а это своего рода прототип ныне существующего кассационного производства в цивилистических процессах [10].

В ходе судебной реформы был образован и законодательно установлен гражданский кассационный департамент, который входил непосредственно в состав Правительствующего Сената. Как справедливо отмечено Н.Ш. Гаджиалиевой: «Кассационное производство получило окончательное становление только в результате утверждения и вступления в силу Устава Гражданского Судопроизводства России 1864г.» [11].

В этот период времени произошло четкое разделение между кассационным и апелляционным производством, равно как и в современной российской правовой действительности. Апелляционная инстанция проверяла акты, которые не вступили в законную силу, на предмет обосно-

ванности и законности, а суд кассационной инстанции действовал в составе Правительствующего Сената, занимался проверкой единообразия применения и понимания правовых норм и законодательных актов и пересмотром уже вступивших в законную силу актов на предмет их соответствия нормам процессуального и материального права Российской Империи.

В период с 1864 по 1917 годы был принят ряд законов, которые регулировали процессуальные вопросы и определяли основания для отмены судебных решений. В 1964 году был принят новый ГПК РСФСР, по которому кассационная инстанция имела право отменять решения судов, если они противоречили закону или иным нормативным актам, а также если они были основаны на неправильном или неполном установлении фактических обстоятельств дела [12]. Надзорная инстанция проверяла как обоснованность, так и законность судебных актов.

Цели кассационного производства, вытекающие из сущности данного процессуального института, получившие нормативное закрепление в статьях 274 и 286 АПК РФ, не только сводятся к объективному разрешению спора, но и направлены на обеспечение единообразной судебной практики путем проверки законности решений арбитражных судов субъектов Российской Федерации, принятых ими в первой и апелляционной инстанциях.

Характер арбитражного суда округа как вышестоящей судебной инстанции по отношению к арбитражному суду первой и апелляционной инстанции в процессуальном смысле проявляется в том, что указания арбитражного суда, рассматривающего дело в кассации, излагаются в постановлении по конкретному делу и обязательны для арбитражного суда, вновь рассматривающего данное дело.

Специфика правоприменения в арбитражном суде кассационной инстанции предопределяется целями и функциями арбитражного судопроизводства в кассационной инстанции и заключается не в рассмотрении и разрешении спора между его участниками, а в проверке законности и частично обоснованности принятого судебного акта, чем и достигается эффект защиты прав заинтересованных лиц.

Таким образом, история развития норм отечественного процессуального законодательства об основаниях для отмены судебного решения в кассационном производстве свидетельствует о преемственности в ныне действующих основаниях к отмене судебного решения в арбитражных судах округов с положениями, которые впервые действовали в УГС 1864 г. и ГПК 1964 г., а это позволяет оценить степень проработанности и исторической преемственности этих оснований. Конечно, некоторые основания как, например, отмена судебного решения в связи с не приведением свидетелем присяги (статья 395 и 396 УГС 1864 г.) исключена в связи с изменением объективных обстоятельств жизни общества и отмены свидетельской присяги в полном её проявлении. Однако положения УГС 1864 года нашли свое отражение и в ГПК 1964 г., который в свою очередь стал прототипом первого АПК РФ 1992 года.

Пристатейный библиографический список

1. Громошина Н. А. О принципах цивилистического процесса в условиях, когда «современная модель капитализма исчерпала себя» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина, 2021. - С. 1-7.
2. Абушенко Д. Б., Брановицкий К. Л., Загайнова С. К. и др. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Под ред. В. В. Яркова. - Москва: Статут, 2021. - С. 340.
3. Фурсова Д. А. Из истории арбитражного судоустройства и судопроизводства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 1996. - № 1. - С. 105.
4. Григорьева Т. А. Становление арбитражной юрисдикции в России в XX веке // Правоведение. - 2002. – №2 (241). - С. 123 - 135.
5. Кононова Е. Н. История развития арбитражного процесса в России. - ВГУ, 2018. - С. 334-336.
6. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Преемственность монархического, советского и современного права в историческом развитии России // Право России на рубеже тысячелетий: основные тенденции развития. - Краснодар, 2015. - С. 130-131.
7. Побирченко И. Г. Советский арбитражный процесс. Учебник. – М., 1998. – С. 230.
8. Власов А. А. Арбитражный процесс. Учебник для вузов. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - С. 320.
9. Машкова А. С. Правовая природа государственного арбитража в СССР // ГАОУ ВО МГПУ. - 2020. - С. 3.
10. Витрянский В. Как совершенствовать деятельность арбитража? // Советская юстиция. - 1989. - № 2. - С. 5.
11. Гаджалиева Н. Ш. Развитие кассационного производства. Учебник для вузов. -4-е изд., измен, и доп. - М.: Норма, 2019. - С. 240.
12. Харламова И. В. Арбитражный суд: цели кассационного производства. - М., 2019. - С. 230.

ПОПОВА Юлия Александровна
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар

КОРОСТЕЛЕВА Юлия Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета, г. Краснодар

К ВОПРОСУ ОБ ОНЛАЙН-УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

В рассматриваемой научной работе поднимается важная тема применения цифровых технологий в области юриспруденции, а именно правовой институт онлайн урегулирования споров, который в настоящее время стремительно набирает популярность в зарубежных странах.

Авторами анализируется иностранная законодательная база, регулирующая организацию и использование онлайн-платформ (сервисов) для разрешения различных спорных правоотношений. На примере Регламента Европарламента и Совета о разрешении споров онлайн демонтируется законодательная основа правовых интернет-платформ, которая позволяет говорить об эффективности и целесообразности рассматриваемого правового института.

В данной научной статье приводятся аргументы в пользу введения в правовую среду онлайн-сервисов для разрешения потребительских споров. Нововведение станет революционным инструментом для разрешения правовых разногласий в российской системе законодательства. Преимуществами онлайн-платформ станет их доступность, эффективность и конфиденциальность лиц, что имеет большое значение для предпринимателей. Авторы, проведя исследование, предлагают алгоритм для онлайн урегулирования спорных потребительских правоотношений. Приводят мнение о том, что необходимо дальнейшее распространение нетрадиционных методов разрешения конфликтных правоотношений, что позитивно скажется на судебной системе и на российском обществе в целом.

Ключевые слова: нетрадиционные методы урегулирования споров, спорные правоотношения, потребительские споры, правовые онлайн-платформы, нововведение в законодательство, зарубежное законодательство.

POPOVA Yuliya Alexandrovna
Ph.D. in Law, professor, Head of Civil and administrative judiciary sub-faculty of the North Caucasus branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar

KOROSTELEVA Yuliya Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil process and international law sub-faculty of the Kuban State University, Krasnodar

ON THE ISSUE OF ONLINE DISPUTE RESOLUTION WITH THE PARTICIPATION OF CONSUMERS

The scientific work under consideration raises an important topic of the use of digital technologies in the field of jurisprudence, namely the legal institute of online dispute resolution, which is currently rapidly gaining popularity in foreign countries.

The authors analyze the foreign legislative framework regulating the organization and use of online platforms (services) to resolve various disputed legal relations. Using the example of the Regulations of the European Parliament and the Council on Online Dispute Resolution, the legislative basis of legal Internet platforms is dismantled, which allows us to talk about the effectiveness and expediency of the legal institution under consideration.

This scientific article provides arguments in favor of introducing online services to resolve consumer disputes into the legal environment. The innovation will become a revolutionary tool for resolving legal differences in the Russian legal system. The advantages of online platforms will be their accessibility, efficiency and confidentiality of individuals, which is of great importance for entrepreneurs. The authors, having conducted a study, propose an algorithm for online settlement of disputed consumer legal relations. They cite the opinion that it is necessary to further spread non-traditional methods of resolving conflict legal relations, which will have a positive impact on the judicial system and on Russian society as a whole.

Keywords: non-traditional methods of dispute settlement, disputable legal relations, consumer disputes, legal online platforms, innovation in legislation, foreign legislation.

В современном мире, который становится все более цифровым, внедрение информационных технологий в систему разрешения споров, направлено на ее совершенствование в соответствии с тенденциями развития информационного общества.

К таким технологиям относят технологии, направленные на повышение эффективности правосудия (технологии различного рода платформ и программ, способствующих упрощению и оптимизации отправления правосудия), а также технологии, используемые в сфере альтернативных способов урегулирования споров, которые во многом схожи с технологиями, направленными на повышение эффективности правосудия [1].

Следует согласиться с тем, что применение технологий позволяет алгоритмизировать процесс осуществления судебной власти таким образом, чтобы максимально соблюсти основные стандарты правосудия [2].

Примером использования цифровых технологий разрешения споров выступают онлайн-сервисы, применяемые во многих зарубежных странах. Вполне обоснованно отмечается эффективность применения цифровых технологий на досудебных стадиях, где в полной мере раскроется потенциал «предиктивного правосудия», где принимается решение о выборе формы защиты права [3].

За рубежом онлайн-платформы также используются для обмена информацией и коммуникации между сторона-

ми при администрировании арбитражных споров. Например, регламенты Лондонского международного третейского суда (LCIA), Венского международного арбитражного центра (VIAC) закрепляют возможность обмена документами в электронной форме и использования готовых шаблонов, размещенных на сайте. Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма (SCC) использует платформу, с помощью которой участники разбирательства могут загружать, просматривать, скачивать и документы дела, а также следить за процессуальным календарем [4].

Некоторые авторы полагают, что цифровая платформа при разрешении правовых конфликтов – это «четвертая сторона, которая становится участником процесса разрешения спора наряду со сторонами сделки и (или) третьей стороной – медиатором». Именно в переговорах или при обмене претензиями так называемая «четвертая сторона», как независимая точка входа в управление конфликтом, способна серьезно повлиять на эффективность досудебного порядка разрешения конфликта [5].

Традиционные методы разрешения споров часто связаны со значительными расходами, такими как судебные издержки. Онлайн-сервисы разрешения потребительских споров предлагают экономически эффективную альтернативу, поскольку многие из этих платформ либо бесплатны, либо взимают минимальную плату.

Онлайн-сервисы по урегулированию потребительских споров стали революционным инструментом для разрешения конфликтов между потребителями и бизнесом. Эти платформы обеспечивают удобный и эффективный способ разрешения споров, устраняя необходимость в длительных и дорогостоящих судебных разбирательствах.

Одним из основных преимуществ онлайн-сервисов по разрешению потребительских споров является их доступность. Потребители могут получить доступ к этим платформам, не выходя из дома, что избавляет от необходимости физического присутствия в залах суда или офисах продавцов (изготовителей). Всего несколькими щелчками мыши пользователи могут инициировать процесс разрешения споров, что делает его чрезвычайно удобным и экономит время.

Время имеет решающее значение, когда дело доходит до разрешения потребительских споров. Длительные юридические тяжбы могут быть умственно и эмоционально истощающими для потребителя, экономически обременительны для продавца (изготовителя). Платформы онлайн-разрешения споров направлены на ускорение процесса, сокращение ненужных задержек. Предоставляя структурированную основу для общения и переговоров, эти платформы сосредоточены на достижении быстрого решения с учетом интересов потребителя.

Онлайн-сервисы разрешения потребительских споров часто используют услуги обученных посредников или экспертов в соответствующей области для облегчения переговоров между потребителями и продавцами (изготовителями). Эти посредники действуют как беспристрастные третьи стороны, помогая обеим сторонам понять точку зрения другой стороны и достичь взаимоприемлемого решения. Присутствие посредника помогает поддерживать справедливость и предотвращает дисбаланс сил, который может возникнуть во время переговоров лицом к лицу.

Онлайн-сервисы разрешения споров обеспечивают конфиденциальность, что способствует выработке более эффективных решений. Онлайн-платформа может помогать найти варианты соглашения между сторонами, предоставить шаблоны документов, представлять информацию в удобной форме, отправлять автоматически ответы на запросы и предоставлять доступ к документам, составлять расписания переговоров или медиации с учетом загруженности посредников и т.д.

Цифровой характер онлайн-услуг по урегулированию потребительских споров позволяет пользователям преодолевать географические барьеры. Потребители могут взаимодействовать с организациями и предпринимателями, расположенными в любой точке мира, расширяя свои возможности для разрешения споров. Такие платформы также помогают гармонизировать законы о защите прав потребителей и создать единый глобальный подход к разрешению споров.

На международном уровне вопросы онлайн рассмотрения споров с потребителями урегулированы Регламентом (ЕС) # 524/2013 от 21.05.2013 Европарламента и Совета о разрешении споров онлайн (далее — Регламент [6]), Директивой ЕС «Об альтернативном разрешении споров с участием потребителей [7].

В соответствии со ст. 5 (2) Регламента интернет-платформа по разрешению споров онлайн является единым пунктом входа для потребителей и продавцов, которые стремятся к внесудебному разрешению споров. Это интерактивный сайт, доступный через электронные устройства бесплатно на всех официальных языках институтов ЕС.

Функции Платформы ODR (ст. 5 (4) Регламента):

1) предоставлять электронный бланк жалобы, который заявляющая сторона может заполнить;

2) информировать сторону-ответчика о жалобе;

3) определять компетентное лицо, осуществляющее процедуру альтернативного разрешения споров;

4) бесплатно предлагать механизм управления делами, позволяющий сторонам и лицу, осуществляющему ADR, провести процедуру рассмотрения спора в режиме онлайн через платформу;

5) предоставлять сторонам перевод информации, необходимой для разрешения спора, обмен которой происходит через платформу;

6) предоставлять электронный бланк, при помощи которого передается информация;

7) обеспечивать систему обратной связи, которая позволяет сторонам изложить свои взгляды на функционирование платформы ODR и лица, которое рассматривало их спор и т.д.

Таким образом, использование интернет-платформы предлагает простое, эффективное, быстрое и малозатратное внесудебное разрешение споров.

Эффективную работу онлайн-платформы показали в Китае, где с 2017 года функционируют три интернет-суда в Ханчжоу, Пекине и Гуанчжоу [8].

В настоящее время и российский законодатель пытается выработать концепцию онлайн урегулирования споров. Одним из шагов по внедрению цифровых технологий в разрешение споров стал проект закона № 1138398-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [9].

Законопроект, как следует из пояснительной записки, должен создать правовую основу для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров.

Анализ законопроекта позволяет высказать некоторые замечания.

1. Из законопроекта непонятно, возможно ли создание онлайн-платформ разрешения споров с участием потребителей помимо сервиса «Госуслуги» (запрет законопроект не содержит).

2. Неясно, предполагается ли использование в качестве процедуры урегулирования спора только медиации или и других способов альтернативного разрешения споров (например, переговоров, арбитража). Полагаем, что должна быть закреплена возможность применения всех возможных

способов альтернативного разрешения споров с потребителями.

3. В законопроекте не урегулирован вопрос о функции онлайн-платформы в случае привлечения нейтрального лица (медиатора, арбитра) для разрешения спора. Необходимо соблюдать единую терминологию в отношении соглашений, достигнутых в ходе процедуры.

4. Необходимо урегулировать вопрос о возможности принудительного исполнения итоговых актов (соглашений) по результатам процедуры, их значение для последующей судебной процедуры (например, использование в качестве доказательств).

5. Сформулированные в проекте принципы осуществления процедуры онлайн-урегулирования споров необходимо дополнить таким принципом альтернативных процедур, как конфиденциальность, который является безусловным преимуществом альтернативного разрешения споров.

6. Законопроект предусматривает запрет на использование иных форм разрешения споров в случае использования онлайн-сервиса для разрешения споров. В таком случае необходимо дополнить ст.ст. 135, 222 ГПК РФ соответствующими основаниями для возвращения искового заявления, а также для оставления иска без рассмотрения (если потребитель, участвуя в такой процедуре, параллельно обратился в суд).

В целом, полагаем, что при онлайн-урегулировании споров с участием потребителей может быть использован следующий алгоритм:

1. Стороны, авторизуются на платформе, путем заполнения форм отвечают на выпадающие вопросы, излагают обстоятельства и доказательства, определяют вид спора, выбирают возможные варианты решения проблемы.

2. Если стороны не смогли решить проблему на первом этапе, они проводят автоматизированные переговоры с помощью шаблонов и выпадающих меню. Если на этом этапе стороны приходят к взаимоприемлемому решению, то спор урегулирован, о чем подписывается документ.

3. Если стороны не договорились на втором этапе, то к разрешению спора привлекается нейтральное лицо (медиатор, арбитр). Встреча с таким лицом может быть проведена с использованием мобильной связи или посредством веб-конференции. Итогом такой стадии будет медиативное соглашение, мировое соглашение либо окончательное для сторон решение [10].

При разрешении спора онлайн-сервис споров должен предоставлять возможность:

– заполнения бланков заявлений, претензий и других обращений;

– подачи документов в электронном виде;

– информирования сторон о жалобах, заявлениях, претензиях;

– выбора лица, которое будет проводить альтернативную процедуру разрешения спора; направления информации такому лицу;

– привлечения экспертов и специалистов для консультаций;

– управлять делами в режиме онлайн;

– обеспечить систему обратной связи между участниками;

– проведения процедуры урегулирования споров в режиме онлайн через платформу с возможностью проведения онлайн-встреч;

– возможность бесплатного перевода через платформу информации, необходимой для разрешения спора.

Кроме того, полагаем целесообразным закрепить обязанность продавцов товаров через Интернет информировать своих покупателей о возможности онлайн-разрешения споров. На сайте каждого продавца товаров должна быть соответствующая ссылка на соответствующую онлайн-платформу разрешения спора.

Подводя итог, следует отметить, что онлайн-сервисы разрешения потребительских споров предложили удобную, экономичную и эффективную альтернативу традиционным юридическим процедурам. Благодаря удобству, доступности и способности ускорять принятие решений эти платформы позволяют эффективно и быстро добиваться результатов.

При успешной реализации онлайн-сервисов для разрешения потребительских споров возможно использование соответствующих платформ и для разрешения иных категорий споров (например, споров об авторских правах в Интернете, доменных именах и т.п.).

Пристатейный библиографический список

1. Адельшин Р. Н., Андреева Е. И., Андреева Л. В. LegalTech в сфере предпринимательской деятельности / Отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. – Москва: Проспект, 2023.
2. Авдыев М. А. Сервисы разрешения споров онлайн: избранные кейсы // Современные технологии управления. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sovman.ru/article/5601/.
3. Курочкин С. А. Цифровые технологии и арбитраж // Третейский суд. – 2022. – № 2/3.
4. Харитонова Ю. С., Ян Т. Правовые проблемы трансформации основных начал правосудия в условиях цифровизации цивилистического процесса в России и Китае // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 1.
5. Самсонова М. В., Стрельцова Е. Г., Чайкина А. В. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / Отв. ред. Е. Г. Стрельцова. – М.: Инфотропик Медиа, 2022.
6. Регламент LCIA (Лондонского Международного Третейского суда). (Одобрен в г. Париже 27.11.1997) // СПС «Консультант Плюс».
7. Арбитражный регламент (Венские правила) (Вместе с «Образцом оговорки»). Утвержден 08.05.2013 на Расширенном заседании Президиума Палаты экономики Австрии // СПС «Консультант Плюс».
8. Руководящие принципы арбитра SCC. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sccinstitute.com/ru/%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0-%D1%82%D0%BF%D1%81/.
9. Об онлайн-рассмотрении споров потребителей и об изменении Регламента (ЕС) 2006/2004 и Директивы 2009/22/ЕС (Регламент об ODR потребителей)» [рус., англ.] (Принят в г. Страсбурге 21.05.2013) // СПС «Консультант Плюс».
10. Директива № 2013/11/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об альтернативном рассмотрении споров потребителей и об изменении Регламента (ЕС) 2006/2004 и Директивы 2009/22/ЕС (Директива об ADR потребителей)» [рус., англ.] (Принята в г. Страсбурге 21.05.2013) // СПС «Консультант Плюс».

РУСАКОВА Екатерина Петровна
доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

СЕРГЕЕВ Кирилл Борисович
аспирант 2 курса Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ*

Исторические данные и современные тенденции подчеркивают глубокое влияние цифровых технологий на гражданское судопроизводство. За последние несколько десятилетий достижения в области информационных технологий привели к появлению автоматизированных систем управления делами, электронных судебных документов, онлайн-порталов для доступа к судебной информации и других инновационных решений. В данной статье рассматривается историческая справка и исследуется зарубежный опыт использования цифровых технологий в гражданском судопроизводстве. В исследовании «Зарубежный опыт использования цифровых технологий в гражданском судопроизводстве» представлен всесторонний обзор современных цифровых решений и подходов, применяемых в гражданском судопроизводстве в разных странах. В нем рассматриваются ключевые практики и инновационные решения, используемые для повышения эффективности и доступности судебной системы, включая электронную подачу заявлений и документов, удаленные судебные слушания, автоматизированную обработку документов и системы электронного архивирования. Посредством анализа зарубежной практики в статье освещаются преимущества и проблемы, связанные с интеграцией цифровых технологий в гражданское судопроизводство. Изучая международный опыт, можно выявить ценные идеи и успешные стратегии и применить их в национальных судебных системах, что в конечном итоге повысит эффективность, прозрачность и доступность правосудия. Выводы и выводы данной статьи закладывают основу для развития и совершенствования отечественных судебных систем, способствуя повышению качества гражданского судопроизводства и обеспечению справедливости для всех участников судебного процесса.

Ключевые слова: судопроизводство, цифровизация, электронные доказательства, технологии, онлайн-портал, Франция, США, Вьетнам, Япония, Германия.

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

SERGEEV Kirill Borisovich
postgraduate student of the 2nd course of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGY IN CIVIL LITIGATION**

Historical evidence and current trends underscore the profound influence of digital technologies on civil litigation. Over the past few decades, advancements in information technology have ushered in automated case management systems, electronic court documents, online portals for accessing judicial information, and other innovative solutions. This article delves into the historical background and investigates the foreign experience regarding the utilization of digital technologies in civil litigation. The research, titled "Foreign Experience in the Use of Digital Technologies in Civil Litigation," offers a comprehensive overview of contemporary digital solutions and approaches adopted in civil litigation across different countries. It examines key practices and innovative solutions employed to enhance the efficiency and accessibility of the judicial system, including electronic application and document filing, remote court hearings, automated document processing, and electronic archiving systems. Through an analysis of foreign practices, the article sheds light on the benefits and challenges associated with the integration of digital technologies into civil proceedings. By studying international experiences, valuable insights and successful strategies can be identified and applied within domestic judicial systems, ultimately improving efficiency, transparency, and accessibility of justice. The findings and conclusions of this article provide a foundation for the development and enhancement of domestic judicial systems, contributing to the advancement of civil justice quality and ensuring equity for all participants in the legal process.

Keywords: litigation, digitalization, electronic evidence, technologies, online portal, France, USA, Vietnam, Japan, Germany.

Введение

Цифровая эпоха, сопровождающаяся бурным развитием информационных и коммуникационных технологий, искусственного интеллекта, Больших Данных (Big Data), Интернета вещей, облачных вычислений и технологии блокчейн, меняет человеческую жизнь во всех ее аспектах и влияет на все области права. Гражданско-процессуальное право – эта такая область процессуального права, которая по своей сути является технической, консервативной и устойчивой к изменениям[1], однако даже она не может избежать стремительного влияния цифровой эпохи.

На протяжении истории суды всегда считались «оплотом правосудия»[2]. Термин «оплот» имеет как простое значение, так и символическое значение, которое относится к чему-то одновременно «физическому» и «нефизическому». В физическом смысле, под судом обычно понимают здание со старинной и великолепной архитектурой, входя в которое чувствуешь себя торжественно и уверенно, с твердой верой в то, что справедливость восторжествует, а твои права будут защищены. В дополнение к архитектуре есть много других физических элементов, которые усиливают торжественность

* Информация о финансовой поддержке: работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

** This work was financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 "Evolution or revolution of civil justice: digitalization through the prism of artificial intelligence".

1 Hill Trend, Report IV, ODR and the Courts: The Promise of 100% Access To Justice? Online Dispute Resolution. – 2016. – Pp. 62-63.

2 Nguyen Dang Dung. The role of protecting justice and human rights of the Courts under the 2013 Constitution, in Trinh Quoc Toan & Vu Cong Giao (eds.), Enforcing constitutional rights in the 2013 Constitution, Hong Duc Press, 2015. – P. 74.

и легитимность суда: от мантии судьи, его или ее молотка, обстановки зала суда до ритуалов зала суда, таких как открытие суда, принятие присяги свидетелей и т. д.[3]. Эти формальные факторы связаны с процессуальной системой «лицом к лицу», что дает сторонам повести «день в суде» – редкую возможность для них представить все доказательства и доводы для защиты своих прав, быть выслушанными нейтральными, беспристрастными судьями, которые, по их мнению, вершат правосудие[4].

Однако сегодня большинство систем гражданского правосудия в мире сталкиваются с задержками, чрезмерно высокими затратами и неэффективностью, что приводит к неудовлетворенности общественности и не удовлетворяет растущую потребность в доступе к гражданскому правосудию[5].

Современное общество требует, чтобы правосудие осуществлялось быстро и эффективно, даже в «реальном времени»[6]. С ежегодным резким увеличением числа Интернет-пользователей и пользователей смартфонов во всем мире, система гражданского правосудия должна трансформироваться, чтобы люди могли получить доступ к правосудию «напрямую», «с руки»[7]. Поэтому система гражданско-процессуального права каждой страны должна меняться с помощью использования современных технологий. Система правосудия, как и другие институты власти и общества, постепенно переходит из физической в виртуальную или цифровую среду. Новые термины были изобретены путем объединения «цифровых технологий» и «правосудия», таких как электронное правосудие, цифровое правосудие, онлайн-правосудие, киберправосудие или интеллектуальное правосудие.

Эффективность и доступность правосудия сегодня являются основными ценностями и основными целями любой системы гражданского правосудия в мире. Эта предпосылка входит в одну из целей устойчивого развития. Цифровые технологии создают средства для достижения этих целей. Тенденции использования цифровых технологий в гражданском процессе видна в современном гражданском процессе. Это привело к коренным изменениям в системе гражданского судопроизводства многих стран и требует от законодателей определения потребностей и соответствующего пересмотра гражданского процессуального законодательства путем переосмысления традиционных и фундаментальных принципов гражданского процессуального права, реформирования правил, регулирующих структуру системы гражданского судопроизводства и действующих лиц в этой системе, до внесения поправок в правила о юрисдикции, доказательствах и конкретных процедурах.

Цель данного исследования – рассмотреть влияние цифровых технологий на гражданско-процессуальное право.

Задачи исследования:

– рассмотреть современную практику зарубежных законодательных органов и судов по реализации гражданского процессуального права и по его реформированию;

– изучить влияние новых технологий на фундаментальные принципы гражданского процессуального права.

Основная часть

За последние два десятилетия быстрое развитие технологий оказало значительное влияние на гражданское правосудие. По всему миру гражданский процесс претерпел реформу цифровизации и «электронных судов» с целью повышения эффективности, снижения затрат на разрешение споров и повышения прозрачности.

Гражданский процесс представляет собой систему, включающую многочисленные взаимодействия между судом, сторонами и другими соответствующими субъектами с целью справедливого и эффективного разрешения споров. Отношения между этими субъектами регулируются гражданско-процессуальными нормами, от общих принципов до конкретных, подробных и строгих правил о юрисдикции, организационной структуре, доказательствах и процедурах. В условиях цифровых технологий эти отношения фактически неизменны, но взаимодействия перенесены на новую платформу, более быструю, удобную и эффективную, и сопряженную с большими рисками. Гражданско-процессуальное право, с одной стороны, должно придерживаться своих основных принципов, а с другой стороны, должно признавать и поощрять использование цифровых технологий в гражданском процессе.

Технический прогресс играет важную роль в расширении доступа к правосудию. В нем рассматриваются трудности, присущие традиционной системе гражданского судопроизводства в отношении общения между судом и сторонами, особенно в тех случаях, когда они находятся далеко друг от друга. Современное гражданско-процессуальное право должно строиться на новых технологиях и использовать преимущества новых технологий для достижения лучших результатов. В настоящее время многие новые технологии оказывают заметное влияние на гражданское судопроизводство, включая электронную почту, видеоконференции, социальные сети, электронную обработку данных, искусственный интеллект, анализ больших данных и технологию блокчейн.

Бразильские ученые выявили некоторые новые черты электронного гражданского судопроизводства, а именно: нематериальность, связь, промежуточная среда коммуникации, взаимодействие, гиперреальность, коммуникация в реальном времени и детерриторизацию[8].

Нематериальность означает, что записи о делах оцифровываются, что значительно сокращает время, трудозатраты и затраты на хранение, управление, поиск и обновление записей и предотвращает фальсификацию или изменение записей.

Связь делает взаимодействие между сторонами и судом или сторонами между собой более быстрым, плавным и удобным. Кроме того, также обеспечивается связь между гражданским судопроизводством и внешним миром, делая гражданский процесс более публичным и прозрачным за счет устранения физического бумажного барьера в доступе к судебной информации. Связь также расширяет возможности и способность сторон участвовать в разбирательстве и повышает подотчетность суда по отношению к сторонам и наоборот[9].

Промежуточная среда коммуникации означает, что стороны, суд и другие субъекты взаимодействуют друг с другом через интернет-платформу, программное обеспечение или компьютерную программу.

Гиперреальность означает, что технологии помогают донести до суда реальность дела самым честным и живым способом. Раньше реальность дела была доступна суду только по документам и протоколам – то есть «статичная реальность». С новой технологией вся реальность фиксируется не только бумажными средствами (что не всегда точно), но и электронными средствами. Эмпирическое правило, согласно которому свидетели должны лично давать показания в суде,

3 Fabien Ge´linas (et. al.), Foundations of Civil Justice: Toward a Value-Based Framework for Reform, Springer International Publishing Switzerland. – 2015.

4 Frolova E. E. Legal regulation of green finance in China: successes and development problems. – 2019. – Pp. 103-108.

5 Lord Justice Briggs. Civil Courts Structure Review, Final Report, Judiciary of England and Wales, July 2016. – Pp. 48-49.

6 Lord Chief Justice of England And Wales. Speech at the First International Forum on Online Courts: the Cutting Edge of Digital Reform, London, 3 December 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2018/12/speech-lcj-online-court.pdf.

7 UK Secretary of State for Justice, Speech at the First International Forum on Online Courts: the Cutting Edge of Digital Reform, London, 3 December 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.uk/government/speeches/digital-court-reform-conference-david-gauke-speech.

8 Miklós Kengyel & Zoltán Nemessányi (eds.). Electronic Technology and Civil Procedure: New Paths to Justice from Around the World, Springer 2012. – P. 83.

9 Rusakova E. P., Zaitsev V. V. Digitalization through the principles of judicial proceedings (in civil and arbitration proceedings) // Problems of Economics and Legal Practice. – 2022. – № 4. – Pp. 105-109.

перестает быть важным, поскольку суд по-прежнему может наблюдать за выражением лица, жестами и поведением свидетелей, не вызывая их в суд. Точно так же вышестоящий суд при пересмотре решения суда низшей инстанции не только получает доступ к бумажной информации, но и может просмотреть видеозапись судебного заседания, чтобы более точно оценить разбирательство и решение суда низшей инстанции.

Детерриторизация означает, что в будущем, возможно, территориальная юрисдикция больше не будет проблемой, поскольку географические барьеры для проведения процесса, вызова или сбора доказательств будут устранены с помощью технологий.

Применение цифровых технологий в гражданском процессе сегодня сосредоточено на следующих основных направлениях:

Электронная регистрация и электронное обслуживание процесса

В каждой юрисдикции существуют подробные и жесткие гражданско-процессуальные правила подачи, представления доказательств и вручения процессуальных документов, чтобы обеспечить право на доступ к правосудию и беспрепятственный поток информации между судом и сторонами, а также дать возможность сторонам участвовать в гражданском процессе. Эти правила очень технические, но очень важные. Однако из-за географической удаленности и других причин стороны и суд всегда сталкиваются с большими трудностями и тратят много денег и труда на регистрацию, представление доказательств и обслуживание процесса[10]. Поэтому цифровые технологии были впервые применены в этих областях. В настоящее время гражданско-процессуальное законодательство большинства стран признало электронную подачу документов и электронное обслуживание процесса. Например, в Германии положения об электронной подаче документов и электронном вручении процессуальных документов были введены в трех законах о внесении поправок в Гражданский процессуальный кодекс в 2001 и 2005 годах. Статья 130a Гражданского процессуального кодекса Германии предусматривает, что предварительные письменные состязательные бумаги, заявления и заявления сторон, а также сведения, показания, отчеты и заявления третьих лиц могут быть записаны в виде электронных документов при условии, что они подходят для обработки в суде и имеется квалифицированная электронная подпись[11]. В статье 130b говорится, что запись судебных документов в виде электронных документов соответствует требованиям к письменным документам, если судьи или другие компетентные судебные должностные лица добавляют свои имена и снабжают документы квалифицированной электронной подписью[12].

Во Франции положения об электронном обслуживании процесса были добавлены в Гражданский процессуальный кодекс указом в 2005 году и кодифицированы в Раздел XXI, Книга I (Общие положения), статьи 748-1-748-7. Статья 748-1 допускает электронную передачу широкого круга процессуальных действий, документов, повесток и судебных решений при условии, что получатель дал согласие на их получение в электронной форме (статья 748-2). Статья 748-6 устанавливает требования, которым должны соответствовать официальные электронные сообщения: надежный процесс идентификации обеих сторон; защита обмениваемых документов посредством безопасности и конфиденциальности обмена; и создание журналов, позволяющих проверять время и дату обмена. Однако с 1 января 2011 г. использование электронной системы стало обязательным в апелляции в соответствии со статьей 930-1[13].

В США в Федеральных правилах гражданского судопроизводства нет конкретных положений по первому оповещению ответчика (повестка и жалоба), позволяющие осуществлять оповещению с помощью электронных средств[14]. Повестка должна быть доставлена лицу лично или должна быть оставлена копия по месту юридической регистрации или фактического проживания у лица совершеннолетнего возраста и дееспособного, проживающего там, или копия должна быть вручена официальному представителю, уполномоченного по закону. Для вручения других документов закон разрешает вручение документа путем «отправки его электронными средствами, если лицо дало на это письменное согласие – в этом случае вручение завершается после передачи, но не имеет силы, если направляющая сторона узнает, что он не дошло до лица, которое должно быть вручено»[15]. На сегодняшний день некоторые суды в США принимают документы через Facebook[16].

Во Вьетнаме электронная подача и вручение документов были впервые введены в Гражданский процессуальный кодекс 2015 г. Только 30 декабря 2016 г. Судебный совет Верховного народного суда издал Постановление № 04/2016/NQ-HDTP (вступает в силу с февраля 2016 г.). 12, 2017) реализации нескольких положений об электронной подаче и вручении документов[17]. В соответствии с данным Постановлением истец может направить жалобу в суд в электронном виде через электронный портал суда. 22 октября 2018 г., почти через два года после издания этого Постановления, Верховный народный суд официально запустил систему электронной подачи и заполнения документов. Эта система внедряется на экспериментальной основе в некоторых провинциях с ноября 2018 года, а затем будет продублирована по всей стране[18].

Использование технологии видеоконференцсвязи для сбора доказательств и проведения судебных заседаний

В последние годы видеоконференцсвязь все чаще используется для допроса свидетелей. Страны-первопроходцы видеоконференцсвязи – это Австралия и США. Эта технология очень удобна для допроса свидетелей, находящихся слишком далеко от суда, не имеющих возможности к передвижению или находящихся под стражей. В соответствии с Федеральными правилами гражданского судопроизводства при наличии веских оснований при непреодолимых обстоятельствах и с соблюдением соответствующих гарантий суд может разрешить свидетельские показания в открытом судебном заседании путем одновременной передачи из другого места (Правило 43.a)[19]. Некоторые европейские страны, а также Европейское Положение о доказательствах также пря-

10 Rusakova E. P. The impact of digitalization on civil litigation in Russia and abroad: the experience of China, India, Singapore, the European Union, the USA, South Africa and some other countries: dis. 2022. – P. 375.

11 Artemyeva Yu. A., Ermakova E. P., Kovyrshina N. A., Rusakova E. P. Methods for resolving disputes in multi-system legal orders // Infotropic Media. – 2017. – 424 p.

12 German Code of Civil Procedure. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/englisch_zpo.html.

13 French Code of Civil Procedure. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr.

14 Artemyeva Yu. A., Ermakova E. P., Ivanovskaya N. and others. Resolution of financial disputes in Asia-Pacific countries // Infotropic Media. – 2019. – 416 p.

15 Miklós Kengyel & Zoltán Nemessányi (eds.), Electronic Technology and Civil Procedure: New Paths to Justice from Around the World, Springer 2012. – P. 150.

16 Kristina Coleman, Beyond Baidoo v. Blood-Dzraku: Service of Process through Facebook and Other Social Media Platforms through an Indiana Lens // Indiana Law Review. – Vol. 50:645, 2017.

17 Bezbakh V. V., K. M. Belikova, N. V. Badaeva, E. P. Ermakova, N. V. Ivanovskaya, O. A. Krivenko, O. V. Protopopova, and E. P. Rusakova, Sitkareva E.V. Civil process and civil law in the countries of the Asia-Pacific region. – M.: RUDN University, 2015.

18 From November 2018, courts will pilot receiving complaints through electronic means. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tuoitre.vn/tu-thang-11-2018-thi-diem-nhan-don-kien-qua-phuong-tien-dien-tu-20181022113346795.htm (дата обращения: 28.7.2019).

19 Federal Rules of Civil Procedure. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uscourts.gov/sites/default/files/civil-rules-procedure-dec2017_0.pdf.

мо предусматривает исследование доказательств с помощью видеоконференций[20].

В Германии статья 128а Гражданско-процессуального кодекса предусматривает, что системы видеоконференцсвязи разрешены для устных слушаний. Суд может разрешить сторонам, их доверенным лицам и советникам при подаче ими соответствующего заявления или ex officio (официально), находиться в другом месте в ходе судебного заседания для устных прений и совершать оттуда действия. В этом случае изображения и звук слушания транслируются в реальном времени в это место и в зал суда. Суд также может разрешить свидетелю, эксперту или стороне спора находиться в другом месте в ходе производства экспертизы при наличии соответствующего заявления[21]. Эти положения требуют согласия обеих сторон на проведение видеоконференцсвязи; соглашение может рассматриваться как отказ от права на устные слушания в открытом судебном заседании. При использовании видеоконференцсвязи ограничений по месту подключения к суду нет.

Недавно в Гражданский процессуальный кодекс Японии также было добавлено положение о видеоконференции (статья 204), которое предусматривает, что суд может допросить свидетеля с помощью аудио- и видеосвязи одновременно в следующих случаях: (1) свидетель находится в удаленном месте; (2) из-за характера дела, возраста или психологического состояния свидетеля, отношений свидетеля со стороной или его/ее представителем и других обстоятельств, позволяющих предположить, что свидетель подвергается давлению или психологически страданиям от присутствия в зале суда. Это новое положение считается специальным положением о допросе свидетелей, введено для их удобства. Как правило, устные слушания в открытом суде являются жестким (фундаментальным) требованием Конституции Японии[22].

Во Вьетнаме Гражданский процессуальный кодекс 2015 года разрешает использование цифровых технологий только при подаче и вручении документов. Отсутствует положение об использовании видеоконференцсвязи для проведения слушаний и судебных разбирательств. Если бы существовало такое положение, возможность того, что слушание или судебное разбирательство будет отложено из-за отсутствия лица, была бы значительно уменьшена, что позволило бы сторонам сэкономить время и транспортные расходы.

Построение электронных судов/онлайн-судов

Еще одним шагом, предпринятым в последнее время некоторыми странами, является создание «электронного суда» или «онлайн-суда», что означает всестороннее использование цифровых технологий не только в некоторых аспектах, таких как подача документов, вручение документов или сбор доказательств, но и во всех других аспектах судебной деятельности. Эта тенденция была начата Великобританией, Канадой и Китаем[23].

Соединенное Королевство создало онлайн-суд для рассмотрения гражданских и семейных споров на сумму менее 25 000 фунтов стерлингов на основе платформы, ориентированной на пользователя. Онлайн-суд отличается меньшим количеством слушаний, большим количеством посреднических процедур, упрощенными процедурами и гораздо меньшим количеством документов[24]. Он разработан как трехуровневая система. Первый уровень – это онлайн-оценка, которая помогает пользователям выявить свои проблемы и варианты их решения; второй уровень предлагает онлайн-фасилитаторов, которые помогают сторонам в достижении решений посредством посредничества и переговоров (медиация), проводимых через Интернет; а третий уровень использует онлайн-судей для вынесения окончательного решения на основе онлайн[25]. Первые два года внедрения онлайн-суда в Великобритании показывают оптимистичные результаты[26]. В дополнение к онлайн-суду по небольшим искам в Великобритании также предусмотрена онлайн-судебная практика по делам о нарушениях правил дорожного движения и онлайн-проект по бракоразводным делам, который был запущен в январе 2017 года[27]. В то же время Великобритания запустила онлайн-систему для рассмотрения дел о завещании[28].

В Канаде онлайн-суд (Трибунал по гражданским делам – CRT) был создан в Британской Колумбии в июле 2016 года. Его юрисдикция была расширена с мелких исков до 5 000 канадских долларов до исков о материальном возмещении за телесные повреждения в результате дорожно-транспортных происшествий[29].

Китай стал первой страной, создавшей «Интернет-суд» в августе 2017 года в Ханчжоу, провинция Чжэцзян, а год спустя учредил еще два интернет-суда в Пекине и Гуанчжоу для рассмотрения дел, связанных с Интернетом и электронной коммерцией. Всего за год интернет-суд Ханчжоу принял и заслушал 12 103 интернет-дела и вынес решение по 10 646 делам. Процесс онлайн-пробной версии занимает в среднем всего 28 минут, а средний пробный период составляет 41 день, что позволяет сэкономить 60 % времени по сравнению с традиционной пробной процедурой[30].

Интернет-суды применяют отдельный порядок в соответствии с Положениями Верховного Народного суда по ряду вопросов, касающихся рассмотрения дел интернет-судами, изданный 3 сентября 2018 г.[31]. Согласно статье 1 Положения, интернет-суды будут рассматривать дела в онлайн-режиме, а все судебные процессы, начиная от принятия дел, вручение, посредничество, обмен доказательствами, досудебная подготовка, судебные разбирательства и вынесение приговора в целом должны быть завершены в режиме онлайн, если стороны не потребуют иного. Статья 5 предусматривает, что интернет-суды должны разработать интернет-платформу для судебных разбирательств в качестве платформы исключительно для суда для рассмотрения дел, а также для сторон в судебном процессе и других лиц, участвующих в судебном процессе, для осуществления деятельности, связанной с судебным разбирательством. Стороны и их адвокаты обязаны зарегистрировать учетную запись под настоящим именем на официальном сайте интернет-суда и подтвердить свою личность с помощью распознавания лиц. После завершения регистрации и входа на веб-сайт интернет-суда истец может подать иск в режиме онлайн, заполнив основную информацию по делу, включая номер своего мобильного телефона, факса, электронной почты и средства обмена мгновенными сообщениями, такие как WeChat и QQ для получения су-

20 Electronic Technology and Civil Procedure: New Paths to Justice from Around the World, Sđd. – P. 266.

21 German Code of Civil Procedure. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_zpo/englisch_zpo.html. Electronic Technology and Civil Procedure: New Paths to Justice from Around the World. – P. 22.

22 Electronic Technology and Civil Procedure: New Paths to Justice from Around the World. – P. 23.

23 Cleandrov M. I. Justice and Justice. – Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2021. – 392 p.

24 UK Secretary of State for Justice, Speech at the First International Forum on Online Courts: the Cutting Edge of Digital Reform, London, 3 December 2018.

25 Schmitz. Expanding Access to Remedies through E-Court Initiatives. – Pp. 135-136.

26 UK Secretary of State for Justice, Speech at the First International Forum on Online Courts: the Cutting Edge of Digital Reform, London, 3 December 2018.

27 Amy J. Schmitz. Expanding Access to Remedies through E-Court Initiatives, 67 Bu. L. Rev. 89 (2019). – P. 136.

28 Schmitz. Expanding Access to Remedies through E-Court Initiatives. – P. 136.

29 Schmitz. Expanding Access to Remedies through E-Court Initiatives. – Pp. 126-127.

30 Zhou Yuhang, Judicial Interpretations of Provisions of the Supreme People‘s Court on Several Issues Concerning the Hearing of Cases by Internet Courts, Tsinghua China Law Review. – Vol. 11:175, 2018. – P. 176.

31 China‘s Supreme People‘s Court, Provisions on Several Issues Concerning the Trial of Cases by the Internet Courts. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-116981.html.

дебных документов онлайн, подавать жалобу онлайн и загружать доказательства в электронных форматах, таких как word, excel, pdf, видео, аудио, изображения и т. д.[32]. Суд отправит ответчику уведомление и проверочный код по SMS или электронной почте после принятия дела. Для обмена доказательствами стороны будут вводить электронные данные на судебную платформу или обрабатывать электронные доказательства путем сканирования и загрузки на веб-сайт. Если сторона возражает против подлинности электронных данных, суд проверит и оценит подлинность процесса создания, сбора, хранения и передачи электронных данных вместе с перекрестным допросом. Суд использует онлайн-видеоконференцию для проведения судебных процессов. В особых обстоятельствах, когда суду необходимо проверить личность или изучить оригиналы документов и физических объектов, суд может принять решение о проведении физического судебного разбирательства, но другие действия по-прежнему будут проводиться в режиме онлайн [14].

Во Вьетнаме, несмотря на отсутствие практики электронного суда, председатель Верховного суда заявил, что «это неизбежная тенденция суда в контексте Индустрии 4.0» и «нам нужна комплексная и долгосрочная стратегия развития информационных технологий», применения электронных судов и «умных судов»[33].

Заключение

Усложнение правовых отношений, правил и споров в мире, на которого влияет глобализация и цифровизация, повсеместно оказывает давление на системы правосудия. Последствием такой ситуации становится ограничение доступа к правосудию как для физических лиц, так и для юридических лиц. В результате доверие к судам подрывается, а компании переходят в юрисдикции, способные справляться с возросшими сложностями судебной системы.

Наиболее многообещающим ответом на эти события является цифровизация систем правосудия. Однако цифровизировать суды и их администрацию (в странах, где она предусмотрена) – сложная, монументальная задача. Чтобы добиться успеха, необходимо переосмыслить наше традиционное понимание судов и их процедур, а также разработать и внедрить амбициозные стратегии по их трансформации. Страны, которые хотят приять этот вызов, могут обратиться за советом к странам-лидерам в области цифровизации правосудия, рассмотреть их инициативы в области технологий государственного управления.

Как показывает исследование, цифровизация правосудия открывает огромные возможности для развития стран и государственного управления.

В данном исследовании было проанализировано влияние новых технологий в современную эпоху цифровых технологий на гражданско-процессуальное право с акцентом на фундаментальные принципы гражданского процессуального права на основе изучения новейшей практики законодательных органов и судов по всему миру по реформированию их системы гражданского судопроизводства и гражданско-процессуального права. Были рассмотрены опыт таких стран, как США, Великобритания, Канада, Китай, Вьетнам.

Пристатейный библиографический список

1. Assy Rabeea. Онлайн-суд Бриггса и необходимость смены парадигмы (1 января 2017 г.) // Ежеквартальный журнал гражданского правосудия. – 2017. – № 36 (1). – С. 93-108. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ssrn.com/abstract=2918750.
2. Bezbakh V. V. Augmented Reality and Civil Law Regulation of Business Relations / V. V. Bezbakh, E. E. Frolova // Smart Innovation, Systems and Technologies. – 2022. – Vol. 254. – P. 29-37. – DOI 10.1007/978-981-16-4621-8_3. – EDN BZIEMS.
3. Ermakova E. P., Frolova E. E. Using Artificial Intelligence in Dispute Resolution // Smart Innovation, Systems and Technologies. – 2022. – Vol. 254. – P. 131-142. – DOI 10.1007/978-981-16-4621-8_11. – EDN KRVMHR.
4. Артемьева Ю. А., Ермакова Е. П., Ивановская Н. В. и др. Разрешение финансовых споров в странах АТР: (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония). – М.: Инфотропик Медиа, 2019. – 416 с.
5. Артемьева Ю., Ермакова Е. П., Ковыршина Н. А., Русакова Е. П. Способы разрешения споров в разносистемных правопорядках. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. – 424 с.
6. Безбах В. В., Беликова К. М., Бадаева Н. В., Ермакова Е. П., Ивановская Н. В., Кривенко О. А., Протопопова О. В., Русакова Е. П., Ситкарева Е. В. Гражданский процесс и гражданское законодательство в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. – М.: РУДН, 2015.
7. Главный судья Вьетнама Нгуен Хоа Бинь, выступление на Международной конференции «Совершенствование судебной системы в ответ».
8. Клеандров М. И. Правосудие и справедливость. – Москва: Институт государства и права РАН, 2021. – 392 с.
9. Кристина Коулман «За Байду против». Blood-Dzraku: Обслуживание процесса через Facebook и другие платформы социальных сетей через призму Индианы // Indiana Law Review. – Том 50:645. – 2017.
10. Лорд-судья Бриггс. Обзор структуры гражданских судов. Заключительный отчет // Судебная система Англии и Уэльса. – Июль 2016. – С. 48-49.
11. Миклош Кенгьель и Золтан Немессани (ред.). Электронные технологии и гражданский процесс: новые пути к правосудию со всего мира. – Springer, 2012.
12. Нгуен Данг Зунг. Роль судов в защите правосудия и прав человека в соответствии с Конституцией 2013 года // Trinh Quoc Toan & Vu Cong Giao (ред.). Обеспечение соблюдения конституционных прав в Конституции 2013 года. – Hong Duc Press, 2015. – С. 74.
13. Русакова Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: дис. … д.ю.н. 12.00.15; 12.00.03: защищена 22.04.2022: утв. 27.04.2022. – Москва, 2022. – 375 с.
14. Русакова Е. П. Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура // Государство и право. – 2020. – № 9. – С. 102-109.
15. Русакова Е. П., Зайцев В. В. Цифровизация через принципы судопроизводства (в гражданском и арбитражном процессе) // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – № 4. – С. 105-109.
16. Тенденция Хилла, отчет IV, УСО и суды: Обещание 100%-ного доступа к правосудию? Онлайн-разрешение споров. – 2016. – С. 62-63.
17. Фабьен Гелинас (и др.). Основы гражданского правосудия: на пути к основанной на ценностях системе реформ. – Springer International Publishing, Швейцария, 2015.
18. Фролова Е. Е. Правовое регулирование зеленого финансирования в Китае: успехи и проблемы развития // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 7 (134). – С. 103-108. – EDN IJWVFI.
19. Чжоу Юхан. Судебные толкования положений Верховного народного суда по нескольким вопросам, касающимся рассмотрения дел интернет-судами. – Tsinghua China Law Review, Том 11:175, 2018. – С. 176.

32 Yu & Guodong Du. How to Litigate before the Internet Courts in China? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.chinajusticeobserver.com/insights/how_to-litigate-before-the-internet-courts-in-china.html (дата обращения: 28.7.2019).

33 Vietnam's Chief Justice Nguyen Hoa Binh, Speech at the International Conference on — Judicial Excellence in Response.

РЯЗАНЦЕВ Михаил Юрьевич
аспирант Московского финансово-юридического университета

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ АРБИТРАЖНЫХ РЕГЛАМЕНТОВ ICC, LCIA И HKIAC К РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛ С МНОЖЕСТВЕННОСТЬЮ ЛИЦ

В статье исследуются подходы трех арбитражных учреждений к рассмотрению споров с множественностью лиц. Автором делается вывод, что различия в механизмах привлечения третьих лиц, объединения дел в одно производство и проведения параллельных слушаний идут на пользу участникам гражданского оборота, которые могут выбрать регламент, отвечающий потребностям их взаимоотношений.

Ключевые слова: арбитраж, привлечение третьих лиц, объединение дел в одно производство, параллельные слушания.

RYAZANTSEV Mikhail Yurjevich
postgraduate student of the Moscow University of Finance and Law

COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES OF THE ICC, LCIA AND HKIAC ARBITRATION RULES TO CONSIDERATION OF CASES WITH MULTIPLE PARTIES

The article analyzes the approaches of the three arbitration institutions to the consideration of cases with multiple parties. The author concludes that the differences in the mechanisms of joinder, consolidation and concurrent hearings are in favor of the parties, who can choose the rules that meet the needs of their relationships.

Keywords: arbitration, joinder, consolidation, concurrent hearings.

Международный коммерческий арбитраж приобретает все большую популярность. Однако данный способ разрешения споров имеет ряд ограничений по сравнению с государственными судами. Суд может привлекать к участию в деле третьих лиц, объединять несколько споров в одно производство, приостанавливать одно дело до рассмотрения другого. Поскольку арбитраж основан на автономии воли сторон, использование арбитрами указанных механизмов без согласия сторон невозможно.

Регламенты арбитражных учреждений предлагают различные варианты решения проблем множественности лиц в арбитраже. Однако консенсус до сих пор не достигнут. Например, начиная с 1998 года, Международная торговая палата (ICC) уже несколько раз меняла положения своего регламента, касающиеся объединения дел и привлечения третьих лиц. Нормы других регламентов также не отличаются постоянством.

Целью данной статьи является анализ преимуществ и недостатков арбитражных регламентов Международной Торговой Палаты (ICC) от 2021 года[1], Лондонского Международного Арбитражного Суда (LCIA) от 2020 года[2] и Гонконгского Международного Арбитражного Центра (HKIAC) от 2018 года[3].

I. Привлечение третьего лица в дело по правилам арбитражных регламентов ICC, LCIA и HKIAC.

Термин «привлечение третьего лица» описывает ситуацию, когда третье лицо, которое изначально не было указано в качестве стороны арбитража, просят присоединиться к уже ведущемуся арбитражу в качестве дополнительного ответчика или истца. Арбитражные регламенты разграничивают вступление в дело третьего лица по его собственной инициативе от привлечения третьего лица в дело по ходатайству одной из сторон. Не все арбитражные регламенты позволяют стороннему лицу по его инициативе вступить в ведущееся разбирательство между другими сторонами.

А. Привлечение третьего лица в дело по Арбитражному регламенту ICC. Допускается исключительно по заявлению одной из сторон[4]. По собственной инициативе третье лицо не сможет вступить в дело. Нельзя привлечь лицо к участию в деле, не заявив к нему определенных требований[5]. Этим арбитраж отличается от классического способа разрешения споров в судах, где третье лицо может участвовать в деле, не заявляя самостоятельных требований и не выступая ответчиком. К участию в деле может быть привлечена только сторона арбитражного соглашения[6]. При разрешении вопроса о привлечении третьего лица в дело во внимание принимаются следующие факторы[7]: (a) арбитры обладают *prima facie* юрисдикцией в отношении привлекаемого лица (указанное лицо является стороной арбитражного соглашения); (b) время подачи соответствующего ходатайства и возможные негативные последствия для сроков рассмотрения дела; (c) влияние привлечения третьего лица на эффективное ведение арбитражного разбирательства. Проблема участия привлекаемой третьей стороны в назначении состава арбитров, поднятая в деле *Dutco*[8], решается путем назначения каждого арбитра Судом ICC (при отсутствии кандидатуры, предложенной совместно всеми заинтересованными лицами) или, если ходатайство о привлечении подано после назначения любого арбитра – путем установления требования об обязательном согласии третьего лица на ранее назначенных арбитров[9].

1 Арбитражный регламент ICC от 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iccwbo.ru/comissions/arbitration/docs/icc-2021-arbitration-rules-2014-mediation-rules-russian-version.pdf.

2 Арбитражный регламент LCIA от 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx.

3 Арбитражный регламент HKIAC от 2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hkiac.org/sites/default/files/ck_filebrowser/PDF/arbitration/2018%20Rules%20book/2018%20AA%20Rules_Russian_web%20%28saved%20in%202019%20May%29.pdf.

4 Арбитражный регламент ICC, ст. 7(1).

5 См. также параграф 16 Разъяснения ICC для сторон и арбитров от 01.01.2021 г. об осуществлении арбитражных разбирательств по правилам арбитражного регламента ICC от 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iccwbo.org/publication/note-parties-arbitral-tribunals-conduct-arbitration/ (Разъяснения ICC), п. 16.

6 Арбитражный регламент ICC, ст. 6(4).

7 Арбитражный регламент ICC, ст. 6(4); Разъяснения ICC, п. 18.

8 *BKMI v Dutco*, French Court of Cassation, Judgment, 7 January 1992, п. 4.

9 Арбитражный регламент ICC, ст. 6(4)(i), 7(1), 7(5); Разъяснения ICC, п. 17.

B. Привлечение третьего лица в дело по арбитражному регламенту LCIA[10]. Данный регламент предусматривает ряд инновационных особенностей. Во-первых, привлекаемое третье лицо не обязательно должно быть стороной арбитражного соглашения. Таким образом, Арбитражный регламент LCIA предоставляет более широкие возможности участникам разбирательства [3, с. 310]. Например, генподрядчик сможет привлечь к участию в споре по иску с заказчиком своего субподрядчика несмотря на то, что трехстороннее арбитражное соглашение не заключалось. Во-вторых, несмотря на то, что Арбитражный регламент LCIA прямо это не устанавливает, комментаторы согласны в том, что помимо привлечения в дело третьего лица по ходатайству стороны, третье лицо может вступить в дело и по своей инициативе [3, с. 313]. В-третьих, для привлечения третьего лица в дело достаточно согласия ходатайствующей стороны и третьего лица; согласие другой стороны не требуется [3, с. 310-312]. Хотя эта норма направлена на повышение популярности регламента среди практикующих юристов, ее законность может быть поставлена под сомнение в некоторых юрисдикциях. В деле *PT First Media* сингапурский суд отказал в привлечении третьего лица без согласия всех сторон[11].

C. Привлечение третьего лица в дело по Арбитражному регламенту HKIAC. Как привлечение третьего лица стороной, так и вступление третьего лица по своей инициативе, допустимы[12]. Наиболее ярким отличием Арбитражного регламента HKIAC от двух предыдущих регламентов является возможность принудительного привлечение третьего лица в дело при условии, что указанное третье лицо является стороной арбитражного соглашения [2, с. 270-271, 280]. Кроме того, согласно ст. 27.12 Арбитражного регламента HKIAC «если дополнительная сторона присоединяется к арбитражному разбирательству, то считается, что все стороны арбитражного разбирательства отказались от своего права назначить арбитра». В таком случае все арбитры назначаются арбитражным учреждением самостоятельно. Более того, ст. 27.13 Арбитражного регламента HKIAC допускает возможность аннулирования (отзыва) арбитражным институтом сделанного ранее назначения любого арбитра. Предполагаемый отказ сторон от права назначать арбитров, а также возможность аннулировать назначение арбитров после привлечения третьего лица призваны создать сторонам равные условия в назначении арбитров и исключить последующее оспаривание решения, как это было сделано в деле *Dutco* [2, с. 283-284].

II. Объединение дел по правилам арбитражных регламентов ICC, LCIA и HKIAC.

Термин «объединение дел в одно производство» или «консолидация дел» обозначает ситуацию, когда два или более возбужденных по-отдельности арбитражных разбирательства затем объединяются в одно производство.

A. Объединение дел по арбитражному регламенту ICC. Возможны три сценария объединения дел[13]. Первая ситуация – когда все стороны согласны на объединение[14]. Вторая ситуация – все иски основаны на одном и том же арбитражном соглашении или арбитражных соглашениях, даже если стороны в рассматриваемых арбитражных делах не совпадают[15]. Третья ситуация – стороны в рассматриваемых арбитражных разбирательствах одни и те же, а иски поданы на основании разных арбитражных соглашений[16].

B. Объединение дел по арбитражному регламенту LCIA. Объединение дел возможно в следующих обстоятельствах. Во-первых, если имеется соглашение сторон[17]. Соглашение может быть достигнуто до или после возбуждения арбитража. Обычно, консолидироваться могут только находящиеся на рассмотрении арбитражи LCIA. Если все стороны соглашаются консолидировать *ad hoc* или иной институциональный арбитраж с арбитражем LCIA, их соглашение может быть истолковано как поправка к их арбитражному соглашению, таким образом, превращая специальный или иной институциональный арбитраж в арбитраж LCIA. Однако неизвестно, как отнесется к такому соглашению другое учреждение или арбитражный суд *ad hoc*, и будут ли они с готовы согласиться на переход арбитража в LCIA [3, с. 301].

Во-вторых, по приказу Суда LCIA или арбитров, если выполнены следующие совокупные условия[18]: (a) арбитражные разбирательства в LCIA, подлежащие объединению, были начаты в рамках одного и того же или совместимого арбитражного соглашения (соглашений); (b) арбитражные разбирательства либо касаются одних и тех же сторон, либо вытекают из одной и той же сделки или серии связанных сделок; (c) один и тот же состав арбитров назначен для всех параллельных арбитражей, либо арбитры еще не были назначены для других арбитражей; (d) стороны получили разумную возможность изложить свои взгляды на консолидацию.

C. Объединение дел по арбитражному регламенту HKIAC. Приказ о консолидации выносит HKIAC, а не отдельный состав арбитров[19]. Это способствует принятию объективных, независимых решений, позволяет избежать вопросов о том, какой состав арбитража должен вынести решение о консолидации, а также позволяет рассматривать вопрос о консолидации в случаях, когда она запрашивается на ранней стадии, до того, как будет сформирован состав арбитров в любом из рассматриваемых арбитражных дел [2, с. 289-290].

III. Параллельные слушания в рамках международного коммерческого арбитража по правилам арбитражных регламентов LCIA и HKIAC. Арбитражные регламенты LCIA[20] и HKIAC[21] позволяют проводить разбирательства по нескольким делам одновременно. Это механизм является эффективным способом избежать непоследовательных и противоречивых актов по нескольким связанным делам, если формальные основания для их объединения отсутствуют. Регламент HKIAC является еще более инновационным, предусматривая возможность приостановления одного разбирательства до вынесения решения по другому делу. Это также способствуют повышению эффективности и предотвращают принятие непоследовательных решений, когда нет оснований для объединения дел [3, с. 309]. Параллельные слушания представляются чем-то средним между консолидированным и полностью раздельным разбирательством. Параллельные слушания имеют ряд недостатков. С точки зрения конфиденциальности, доказательства, представленные в одном арбитраже, не могут быть рассмотрены в другом арбитраже, если они не были представлены одновременно. Кроме того, без соглашения сторон практически невозможно провести одновременные слушания и допросы свидетелей и экспертов для отдельных арбитражных разбирательств.

Заключение

Арбитражные регламенты ведущих арбитражных учреждений существенно отличаются в выбранных подходах к рассмотрению дел с множественностью лиц. Это является преимуществом для участников гражданского оборота, которые имеют возможность выбора арбитражного регламента, наиболее соответствующего характеру сложившихся между ними правоотношений. Вместе с тем, такая существенная разница в применяемых подходах, а также частота, с которой арбитражные центры вносят поправки в свои регламенты, свидетельствую о том, что до сих не найден единственно правильный подход к рассмотрению дел с множественностью лиц и договоров.

Пристатейный библиографический список

1. Born GB, International Commercial Arbitration (3rd edn, Kluwer 2021).
2. Moser MJ and Bao C, A Guide to the HKIAC Arbitration Rules (2nd edn, OUP 2022).
3. Scherer M, Richman L and Gerbay R, Arbitrating under the 2020 LCIA Rules: A User's Guide (Kluwer 2021).

10 Арбитражный регламент LCIA, ст. 22.1(x).
11 *PT First Media v Astro Nusantara* [2013] SGCA 57 ¶ 181 (Singapore Court of Appeal).
12 Арбитражный регламент HKIAC, ст. 27.4-27.5.
13 Разъяснения ICC, п. 19.
14 Арбитражный регламент ICC, ст. 10(a).
15 Арбитражный регламент ICC, ст. 10(b).
16 Арбитражный регламент ICC, ст. 10(c).
17 Арбитражный регламент LCIA, ст. 22.7(i) и 22.8(i).
18 Арбитражный регламент LCIA, ст. 22.7(ii) и 22.8(ii).
19 Арбитражный регламент HKIAC, ст. 28.1.
20 Арбитражный регламент LCIA, ст. 22.7(iii).
21 Арбитражный регламент HKIAC, ст. 30.1.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-221-223

ДЕНИСОВА Юлия Владимировна
аспирант кафедры юриспруденции Университета управления «ТИСБИ»

Денисова Ю. В.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ С XIX ВЕКА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Статья посвящена исследованию истории развития медиации в российском правовом обществе со времен становления и развития Российской Империи. На основании изучения и анализа литературных источников, нормативно-правовых актов и иных законодательных документов были определены проблемы в процессе развития медиации в России. Ситуации и возможности, которые становились основой становления и формирования медиации в Российской Федерации.

Ключевые слова: медиация, споры, разрешение споров и конфликтов, историческая справка, «посредники», формирование, правовая система, история развития.

DENISOVA Yuliya Vladimirovna
postgraduate student of Jurisprudence sub-faculty of the University of Management «TISBI»

THE HISTORY OF MEDIATION DEVELOPMENT FROM THE XIX CENTURY TO THE PRESENT

The article is devoted to the study of the history of the development of mediation in the Russian legal society since the formation and development of the Russian Empire. Based on the study and analysis of literary sources, regulations and other legislative documents, problems in the process of development of mediation in Russia were identified. Situations and opportunities that became the basis for the establishment and formation of mediation in the Russian Federation.

Keywords: mediation, disputes, resolution of disputes and conflicts, historical background, "mediators", formation, legal system, history of development.

История становления и развития медиации в целом и в самом обществе погружается в глубокую древность, так как в любые времена и периоды существования общества решение конфликтов и споров являлось примитивным, но действенным способом[1]. В Древнем Китае, во времена правления Конфуция для решения судебных разборок применяли процедуру примирения, то есть медиации. Конфуций считал, что при участии миротворца необходимо проводить встречи, чтобы достичь согласия и мира при решении конфликтных ситуаций [3].

Институт примирения сторон, стал основой во второй половине XIX — начале XX в., при формировании комплексной системы взглядов. Широко распространилась процедура примирения среди крестьян вплоть до XIX в., так как отношения среди крестьян продолжали регулировать на основании обычаев и не писаных норм, правил.

В волостных и неофициальных судах, конфликты решались с помощью посредничества и примирения. Например: «В начале XX века по заданию российского Сената в сельскую местность были посланы молодые адвокаты с целью разобраться, как осуществляется общинное правосудие. Адвокат описал следующий случай: «Старейшины судят двух крестьян, между которыми произошел спор из-за участка земли. В результате было принято решение: «А прав, а Б не прав. Поэтому А получит две трети, а Б одну треть участка земли». На это молодой адвокат замечает: «Если А прав, то он должен получить всю эту землю, а если нет, то он вообще не может получить эту землю. Как можно принимать такое решение, как ваше». Старейшина же ему отвечает: «Земля — это только земля, а им жить в одном селе до конца жизни»» [9].

Устав гражданского судопроизводства за 1864 год являлся основой, на которую опирались при решении споров и конфликтов. В самом Уставе можно было найти главу с названием «О примирительном разбирательстве». Процесс можно было прекратить в любой момент, если враждующие стороны находили самостоятельно мирное решение проблемы. При этом на суде, истец обязательно должен был объявить, что отказывается от требований, которые были выдвинуты в адрес ответчика. Ответчик в свою очередь, должен был огласить свой ответ в виде согласия для удовлетворения процесса и прекращения судебного дела. Такой вид соглашения в суде трактовали как форму мировой сделки, в связи с которой судебное разбирательство могло быть прекращено[2]. Ст. 1359 Устава, содержала в своем описании информацию о мировых сделках, таких как:

– записи, которые были засвидетельствованы официальными лицами, как нотариус или мировой судья;

– мировое прошение, составленное с подписями сторон;

– составление протокола во время заседания и оформлением судебного дела.

Юридическая сила таких решений для всех сторон носило одинаковый характер. Судебные дела, которые были завершены с помощью мира, считали навсегда закрытыми и повторному рассмотрению не предавались. Также, это было закреплено в самом Уставе ст. 1366 и в ней четко и ясно описано, что все судебные разбирательства, которые закрыли с

1 Медиация. Персональный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://intermediation.narod.ru/index /0-10 (дата обращения: 31.08.2023).

2 Медиация. Персональный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://intermediation.narod.ru/index /0-10 (дата обращения: 31.08.2023).

мирными соглашениями, считаются навсегда закрытыми и не подлежат повторному рассмотрению.

Статистика второй половины XIX в., показывает, что большинство дел закрывали с помощью мира. Например, за период с 1866 по 1899 гг. было заключено мировых сделок судами первой инстанции суды от общего числа дел на 12, 87 %, суды второй инстанции закрыли мирным путем 2,36 %.

Первые сведения о примирении сторон были упомянуты в 1887 году в Уставе торгового судопроизводства. В данном Уставе предложен был вариант решения проблемы, конфликта или спора, при помощи мира с помощью посредничества суда (ст. 211). При положительном решении сторон и использовании процедуры примирения и посредничества, суд давал возможность тяжущимся выбрать из участников суда одного или двух соискателей в качестве примирителей.

В ст. 219 Устава были расписаны обязанности посредников, которыми они должны руководствоваться:

– выслушивание сторон;

– представление законов тяжущимся, с помощью которых могут быть решены конфликты и споры;

– представить собственное мнение о том, как они видят ситуацию и как ее можно решить мирным способом по взаимному согласию.

Пленум Верховного Суда, как бы указывал судам, что заключать мировые сделки лучше при работе с мелкими гражданскими делами. Но первый советский Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (принятый 7 июля 1923г., начало действия с 1 сентября 1923г.), предусматривал также завершение и других судебных разбирательств с помощью мирных соглашений.

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (ГПК РСФСР, ГПК), (введенный в действие 1 октября 1964г.) содержал в своем описании гораздо больше норм по решению дел в мирном порядке, чем ранее. В данном ГПК были установлены критерии мирового соглашения для утверждения их судом, то есть мировое соглашение не должно было носить в себе противоречивую информацию, которая нарушала бы закон или права и защищаемые законом круг интересов иных лиц.

В статье 165 ГПК расписано было, как правильно оформить мировое соглашение. Впервые в решении споров и конфликтов и в качестве самостоятельного основания для завершения судебного процесса в виде заключения указывалось, что стороны пришли к мировому соглашению утвержденное судом.

Если рассматривать с точки зрения истории становления процесса посредничества, то официально оно было установлено в основном в России только для урегулирования споров в трудовых коллективах. Законодательно в других спорах, посредничество не отражалось и не использовалось. Можно сказать, что единственное использование посредников было разрешено для разрешения споров в области экономики в 1991г. в законодательстве об арбитражных судах.

Со временем, а то есть примерно в 1990-х гг., российское общество юристов стало бурно развиваться в данном направлении, что позволило им найти новые пути решения тех или иных проблем с помощью медиаторов в правосудии. Такому скачку в развитии юриспруденции способствовало избавление от тоталитарной социалистической догматики, которое в свою очередь привело к новому витку в области права и правосознания.

Термин «alternative dispute resolution» (ADR) переводится, как «альтернативное разрешение споров» (АРС), но в настоящее время, не всегда данный перевод имеет свое первоначальное значение.

В 2000-х гг. очень часто стали использовать понятие в виде правильного разрешения споров или адекватного разрешения споров. В российской судебной системе, данный термин не столь распространен, как за рубежом. В России чаще пользуются такими понятиями как решение споров в претензионном порядке, медиация, третейское разбирательство и т.д.[3]

В России АРС стали использовать, после развития внешней политики, то есть развития международных отношений. С 1996 года по 2004 год в Российской Федерации действовал проект «Правовая реформа», в данном проекте был компонент «судебная реформа», в части которой отдельным направлением являлся АРС.

Именно в XXI в. в России медиация стала развиваться на новом уровне, то есть именно в Арбитражно-процессуальном кодексе предусмотрено и описано, что стороны имеют полное право обратиться при желании к посредникам.

Первая Международная конференция в области права (2005 г.) была точкой развития и становления института медиации в России. На основании данного мероприятия создали Научно-методический центр медиации и права. Важнейшим направлением процесса создания и изучения было всестороннее развитие и становление самого института медиации в Российской Федерации.

В 2006г. была создана Коллегия посредников по проведению примирительных процедур. Коллегия посредников является центром сосредоточения и объединения десятков единомышленников.

«Домом» для создания и развития «Центра развития переговорного процесса и мирных стратегий в разрешении конфликтов» стал Санкт-Петербург. В Москве был создан в свою очередь «Центр медиации и права» в 2005 г. [6].

На протяжении времени, примерно до 2010 г. процедура медиации фактически была и регулировалась в виде юридических услуг или вовсе в виде устных договоренностей. При этом были риски, которые могли способствовать порче репутации медиатора.

На основании Федеральных законов, которые способствовали созданию правовых условий для становления альтернативных способов решения конфликтов и споров с помощью участия медиаторов, говорит о том, что медиаторы способствуют формированию в обществе новых форм культур поведения при возникновении сложных ситуаций (Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»; Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»).

Основными задачами Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» являются:

3 Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтере Клувер, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.for-expert.rU/treteiskoe_razbiratelstvo/l.shtml (дата обращения: 31.08.2023).

– определение понятия «о процедуре медиации», как о возможности решения споров и конфликтов при помощи медиатора на добровольном согласии сторон для получения мирного соглашения между конфликтующими сторонами. Процедура примирения, в виде медиации при этом является возможностью решения проблемы без судебных тяжб;

– четкое и точное решение, о возможности использования процедуры медиации;

– разграничение юридических границ при использовании процедуры медиации и его последствия;

– определение и создание базы развития медиации по ее совершенствованию и становлению.

Цель данного закона, связана с экономией судебных издержек, а также с решением проблем более удобными и более легкими способами, но при этом с гарантией исполняемости по принятому решению в отношении того или иного конфликта.

Законом предусмотрено, что проблема должна быть решена с помощью медиаторов (медиатора). То есть они должны найти альтернативный выход из ситуации или решение проблемы, конфликта, которые могли бы удовлетворить тяжущихся.

Процедура медиации в современной России стала популярна в последние пять лет, но если сравнивать с за рубежом, то, конечно же, спрос на такую процедуру имеет низкий рейтинг.

Например, в справке по практическому применению процедур медиации в судах Федерального закона от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 гг. (утверждено Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 01.04.2015 г.) описано, что данная форма процедуры не популяризирована среди граждан страны, предпринимателей, организаций и т.д., в виду следующих причин:

• дороговизна услуг (если нанимать профессионального медиатора);

• процессуальная пассивность тяжущихся при решении гражданских споров, негативное отношение к дополнительным финансовым затратам;

• отсутствие тяги у судебных представителей к заключению мира между сторонами, потому что это значительно понижает величину платежа их услуг.

Можно выделить было еще много факторов и причин, но основным является, конечно же, финансово-экономическая сторона решения проблемы. Еще одной весомой причиной является отсутствие обыкновения вести досудебные переговоры на законном уровне, то есть социально-культурное развитие граждан, медиаторов, судов и т.д.

Вышеописанный факт имеет значительное влияние, так как для нерадивых граждан, индивидуальных предпринимателей и организаций решение споров и конфликтов в досудебном порядке является законным способом откладывания дел по исполнению своих и документально оформленных обязательств перед контрагентами, чем действительным способом решения споров и конфликтов.

К большому сожалению, это огромный пробел в законодательстве, что является брешью с качественной работе медиации.

В настоящее время процедура медиации была бы методом для профилактики конфликтов в обществе, что привело бы к снижению напряжения в социальной среде у населения, а также способствовало бы развитию позитивной культуры при решении конфликтов и развитию коммуникативных качеств в людях.

Таким образом, если законодательные пробелы, ценовая политика процедуры, популяризация медиации не будут урегулированы, то медиация будет балансировать на грани вымирания, без развития и использования в разрешении споров и конфликтов, не заняв соответствующее место в юридическом пьедестале.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеенко Н. И. О подведомственности имущественных споров товарищеским судам // Вестник Ленинградского государственного университета. - 1961. - Вып. 1. - № 5. - С. 120.
2. Анохин В. С. Арбитражное процессуальное право России. - М.: Владос, 1999.
3. Архипкина А. С. Институт медиации в современном праве // Сибирский юридический вестник. - 2011. - № 1. - С. 167.
4. Бакхауз Н. А. Об источнике обязанности государственного суда ex officio проверять решение третейского суда по предусмотренным в законе основаниям при рассмотрении заявления о его отмене // Третейский суд. - 2004. - № 3. - С. 52-59.
5. Куницын А. П. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. - СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1843. - С. 25.
6. Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. Политическая медиация: учебное пособие. - Уфа: Изд-во Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2016. - 370 с.
7. Рубинштейн Е. А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2004. - С.11.
8. Третейское разбирательство в Российской Федерации: учебное пособие / Под ред. О. Ю. Скворцова. - М.: Издательство «Волтер Клуверс», 2010.
9. Шанин Т. Куда идет Россия? - М.: Аспект-Пресс, 1996. - С. 170.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-224-226

ПИВЧЕНКО Светлана Васильевна*
аспирант Уральского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург

ПРИЗРЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ-СИРОТ В РАКУРСЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ПАРАДИГМЫ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируются отдельные аспекты влияния гуманистической философско-правовой парадигмы ценности человека на развитие статуса детей-сирот и формирование социальной защиты их бытия на основе нравственно-духовного развития человечества, христианского человеколюбия и благотворительности частных лиц в сторону институционализации форм их попечения в современных государствах.

Ключевые слова: дети-сироты, призрение, попечение, приют и пропитание детей-сирот, христианское человеколюбие, благотворительность, воспитание детей-сирот, социальная защита детей-сирот.

PIVCHENKO Svetlana Vasiljevna**
postgraduate student of the Ural Institute of Management – branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg

CHARITY AND SOCIAL PROTECTION OF ORPHANS IN THE PERSPECTIVE OF THE HUMANIST PHILOSOPHICAL AND LEGAL PARADIGM OF HUMAN VALUES

The article analyzes certain aspects of the influence of the humanistic philosophical and legal paradigm of human value on the development of the status of orphans and the formation of social protection of their existence on the basis of the moral and spiritual development of mankind, Christian philanthropy and charity of individuals towards the institutionalization of forms of their care in modern states.

Keywords: orphans, charity, care, shelter and food for orphans, christian philanthropy, charity, upbringing of orphans, social protection of orphans.

Развитие взглядов на проблему призрения и социальной защиты детей-сирот, неразрывно связано с формированием и становлением взглядов на права и свободы человека вообще и права ребёнка в частности. Историческая ретроспектива эволюции взглядов на статус и роль ребенка в обществе позволяет говорить о производности его прав от признания универсальности не только естественных прав человека, но гуманистического осознания ценности его жизни и законодательного закрепления гражданских, политических, социально-культурных, а также экономических и прав и свобод человека.

Начала призрения и социальной защиты детей-сирот до XIX в. основывались на духовных идеях и воззрениях общества. Поэтому они не институционализировались в государственный институт, не получили законодательного обоснования и длительное время базировались на благотворительности частных лиц.

В древности идеи о ценности жизни ребенка, как и идеи об универсальности человеческой свободы, не существовало. Рождаясь, ребенок являлся носителем жизни, но не прав на неё. Свидетельства этому можно встретить не только в трудах древних философов, но и в дошедших до нас источниках права того времени.

Плутарх считал, что государство обязано убивать слабого и хилого телом ребенка, а детоубийство из-за бедности расценивал как справедливое отцовское чувство: какому отцу захочется видеть своих детей в нужде [8, с. 36]. Платон, кроме необходимости умерщвления неправильно развитых детей, не предусматривал право жизни и за детьми, родившимися у немолодых родителей [7, с. 461].

Гортинские законы, действовавшие в V в. до н.э. в Древней Греции, прямо закрепляли право женщины выбросить ребёнка, не принятого отцом [6, с. 29]. Известный памятник древнеримского права «Законы XII таблиц», содержит следующие упоминания о распоряжении детской жизнью: «Цицерон, О законах, III, 8, 19: С такой же легкостью был лишен жизни, как по XII таблицам, младенец [отличавшийся] исключительным уродством», «Если отец трижды продаст сына, то пусть сын будет свободен [от власти] отца» (XII tabl., 4, 1-2) [12, с. 62-72].

В. М. Хвостов, описывая исторически сложившийся в римском праве статус ребёнка, указывал: «Отеческой властью (patria potestas) именуется особый вид господства одного лица над другим. Это господство установлено не в интересах лица, которое ему подлежит, но в интересах субъекта господства – отца» [11, с. 396]. По утверждению отечественного цивилиста Г. Ф. Шершеневича: «Родительская власть представляется формой права собственности… Отец имеет право на жизнь и смерть своих детей, на их свободу. Это право встречается у всех народов...» [13, с. 437].

Таким образом, ответственности родителей за сохранение жизни детей не существовало, напротив, доминировала идея воспроизведения годного для нужд общества и государства человека, воплощающаяся через детоубийство. Причины такого воззрения на судьбу детей были пронизаны экономическими и политическими мотивами, происхо-

* Научный руководитель: Чорновол Евгений Петрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Уральского института управления-филиала РАНХиГС, г. Екатеринбург.

** Scientific adviser: Chornovol Evgeny Petrovich, Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process subfaculty of the Ural Institute of Management, branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg.

дившими от господствовавшего рабовладельческого способа производства, необходимости ведения войн и регулирования рождаемости. Государственный интерес состоял в получении физически выносливых мужчин, а потому детоубийство не только не каралось, а в некоторых случаях было санкционировано законом.

Христианизация, начавшаяся в Римской империи в период поздней античности и продолжившаяся в позднем средневековье в Европе, создала предпосылки для изменения существовавшего отношения к детям. Жизнь ребенка начинает получать государственную охрану уголовным законом. Однако, возникновение ответственности за умерщвление ребенка не привело к закреплению за родителями ответственности за его дальнейшую жизнь. Обязанность воспитания ребенка еще не возлагалась на родителей универсальным образом. Такая двойственность породила необходимость создания учреждений для сохранения жизни «нежелательных» детей. Их открытие и деятельность на протяжении длительного исторического периода времени зиждились не нормах права, а на идеях христианского человеколюбия, и обеспечивалось за счет благотворительности, нередко санкционированной верховными правителями, и в редких случаях за счет казны.

Так, римский император Константин Великий, провозгласивший христианство господствующей религией, обнародовал в 318 году закон, каравший смертной казнью отцов, не пощадивших своих детей. Препятствуя инфантициду, император объявил, что содержание детей родителей, не имеющих возможности их прокормления, государственная казна принимает на свой счет, что, однако, оказалось непосильным. И обычай, отдавать оставленных младенцев в рабство, был восстановлен снова [15]. Вследствие этого основной формой воспитания «ненужных» детей являлась деятельность частных лиц.

В это же время происходит появление богоугодных заведений для детей, оставшихся без попечения родителей. Первые упоминания о воспитательных домах относятся к IV в. и связаны с именем Василия Великого, архиепископа Кессарии Каппадокийской. В 787 году архиепископом Датеем в Милане организован приют для подкидышей, где они вскармливались кормилицами и могли содержаться до 8 лет [15]. Исследуя историю воспитательных домов, Н. В. Яблоков пишет: «Датей, возмущенный частыми случаями выбрасывания матерями своих незаконных детей в канавы, навозные кучи, реки и т.п., ради спасения своей души и душ своих сограждан приказывает, «чтобы купленный им близ церкви дом служил впредь убежищем для незаконных детей; чтобы каждый подкинутый в церковь ребенок был тотчас надзирателем убежища поручен заботам и уходу особым платным кормилицам»» [16].

В Германии «дом для найденышей» основан в XIV в. во Фрайбурге. В XV в. открываются воспитательные дома Аугсбурге, Бреславле, Эсслингене. Выдающийся германский гуманист и поэт Конрад Цельтис с одобрением описывал дома Нюрнберга, «в которых воспитываются дети, покинутые своими матерями вследствие бедности, позора, из страха или стыда» [9].

В европейских кодексах, принадлежащих периоду ведущей роли католической церкви, как указывает М. Н. Гернет, инфантицид относился к одному из самых тяжких преступлений. Бамбергское Уложение 1507 года, вслед за ним Каролина (Уложение Карла V 1532 года), устанавливали суровую кару для матери за умерщвление новорожденного. Во Франции законодательное вето на детоубийство было наложено в 1556 году эдиктом короля Генриха II [3]. В это же время интерес к судьбе подкидышей и сирот стал проявляться монархами в Италии, Франции и Испании. Особыми указами попечение о таких детях поручалось церквям и монастырям [16, с. 71]. Тем не менее, основное направление защиты детей в эпоху средневековья воплощалось все еще в идее христианского человеколюбия, хотя, и, приобретая признаки государственной защиты, реализовывалось именно в чертах призрения: сохранения жизни ребенка и создания мест – богоугодных заведений, где эту жизнь можно сохранить. Вероятно, что это являлось прообразом «отказа» от ребенка в правовом смысле, дошедшего и до наших дней. Основная идея которого, и заключалась в создании легальной возможности оставления ребенка родителями, дабы оградить его жизнь.

Представления о том, что составляет существо правового статуса ребенка и о том, что попечение о детях заключается, главным образом, в их воспитании, начали только зарождаться, а потому правового преобразования почти неограниченной власти родителей над детьми в триаду прав, обязанностей и ответственности еще не происходило. Понимание детства как особенного состояния и необходимости воспитания детей в европейском обществе оформляется к XVII – XVIII вв. [5]. В дальнейшем на вопрос о значимости призрения покинутых детей для общества и государства через призму их воспитания оказывают свое влияние воззрения мыслителей – гуманистов ренессанса и эпохи просвещения о воспитании идеальных граждан.

Идейное направление культуры эпохи Возрождения и эпохи Просвещения, оформившееся в широкое общественное течение – гуманизм, централизующее личность человека, провозглашающее в науке и искусстве приоритеты свободы личности и прав человека на самовыражение, выбор собственной судьбы, счастье, в рамках которого, и было сформировано универсальное понятие человека как высшей ценности, способного бесконечно познавать окружающий мир, развиваясь без религиозных ограничений, появление вслед за этим общественно-политических идей и течений, направленных против любых проявлений порабощения человека, обусловило и развитие мысли о процессе воспитания детей. Ведь как иначе можно «получить» свободных граждан, осознающих и отстаивающих свои права, как ни путем воспитания [4].

В 1670 г. Ж. Б. Кольбер, первый государственный министр при правлении Людовика XIV, открыл учреждение призрения, исповедуя принцип: «христианская любовь требует призрения подкидышей, которые некогда могут принести пользу государству» [9, с. 106].

Деятель русского просвещения, личный секретарь Екатерины II Иван Иванович Бецкой питал надежды о создании нового третьего сословия в Российской империи – среднего между привилегированным и податным – через воспитание детей, принесенных в «Императорский Московский Воспитательный Дом», учрежденный указом императрицы; причём было определено, что «все дети и их потомство на вечное время вольные» [2, с. 8].

Согласно суждению одного из самых влиятельных мыслителей европейского просвещения Джона Локка, «девять десятых людей делаются такими, какие они есть, только благодаря воспитанию» [10]. Известный французский философ-просветитель Жан-Жак Руссо, исповедовавший принцип полного социального равенства, оказал значительное влияние на развитие гуманистической парадигмы воспитания, ставшей началом реформаторского педагоги-

ческого движения [14]. Немецкий философ Георг Фридрих Вильгельм Гегель также считал основной целью воспитания ребенка – воспитание «человека нравственного, сознающего свой долг и обязанности перед государством и перед обществом, самостоятельного существа со своей волей» [1].

Воспитание стало рассматриваться обществом как инструмент достижения целей политической борьбы в будущем, вопросы же экзистенции и соблюдения прав ребенка как самостоятельного субъекта в соответствие с господствовавшими идеями гуманизма, духовности, являлись производными от основополагающих вопросов признания и закрепления равенства прав и свобод человека, и, происходили, в первую очередь, не от осознания потребностей детей, а от осознания необходимости воспитания детей как личностей, граждан, которые будут осознавать свои права и свободы, и, соответственно требовать их признания и защиты.

Ознаменовавшие конец эпохи просвещения в XIX в. революции в Европе, а в XX в. – России, лейтмотивом которых служили концепции о социальном равенстве, о способах распределения благ и управления обществом привели к закреплению идеи универсализма прав и свобод человека, направленных против порабощения человека, элитаризма, что в последующем способствовало выделению и признанию интересов ребёнка уже как особого носителя прав.

Дефиниция правового статуса детей, нуждающихся в попечении, сформировалась параллельно с «эпистемологическим разрывом», свершившимся в XX в. (связанным в мировом масштабе с принятием Пятой Ассамблеей Лиги Наций Женевской декларации прав ребенка от 26.11.1924[1]; Декларации прав ребенка, провозглашенной Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959[2]; Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989[3]), в котором фигура ребенка была сконструирована в зависимости от этапа эволюции общества, его потребностей и всецело зависела от законов его развития. В соответствие с этим произошло закрепление ответственности за реализацию прав детей в правовых предписания и изменение форм социальной защиты детей-сирот от призрения и попечения на благотворительных началах отдельными частными лицами к институционализации форм попечения о детях в современных государствах, которая заслуживает специального исследования.

Пристатейный библиографический список

1. Аксенова Э. А. Педагогические идеи в философском наследии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля // Проблемы современного образования. – 2015. – № 2. – С. 66-75.
2. Альбицкий В. Ю., Баранов А. А., Шер С. А. Императорский московский воспитательный дом: (1763-1813 – первые 50 лет в истории Научного центра здоровья детей РАМН). – М.: Союз педиатров России, 2009. – 127 с.
3. Гернет М. Н. Детоубийство: Социол. и сравн.-юрид. исслед.: С прил. 12 диагр. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. – 318 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003777631?page=5&rotate=0&theme=white (дата обращения: 03.03.2023).
4. Дараган Н. Д. О гуманизме эпохи возрождения // Вестник Таганрогского гуманитарного государственного педагогического института. – 2007. – № 2. – С. 8-10.
5. Крэйн У. Психология развития человека: 25 главных теорий. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2007. – 512 с.
6. Мякин Т. Г. История Древней Греции и Древнего Рима. Учеб. пособие. Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2005. – 130 с.
7. Платон. Собрание сочинений в 3-х т. / Перевод А. Н. Егунова. – Т. 2. – М., 1971. – 611 с.
8. Плутарх. Моралии: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, Харьков: Фолио, 1999. – 1117 с.
9. Потепалов Д. В. Обращение с детьми-сиротами в период Античности и Средневековья // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 6-10. – С. 105-106.
10. Садриева А. Н. Педагогический трактат Дж. Локка «Мысли о воспитании» в контексте феноменологии становления субъекта нового времени // Историко-педагогический журнал. – 2016. – № 1. – С. 170-190.
11. Хвостов В. М. Система римского права. Учебник. – М.: Издательство «Спарк», 1996. – 521 с.
12. Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. д. и. н. С. Л. Утченко. – М., 1962. – 675 с.
13. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию на 1907 г.). – М.: Фирма «Спарк», 1995. – 556 с.
14. Хуторовский А. В. Естественное воспитание и обучение Ж.-Ж. Руссо // Школьные технологии. – 2010. – № 1. – С. 75-83.
15. Энциклопедическій словарь (в 86 томах). Томъ VII (13): Волапюкъ – Выговскіе. / Подъ редакціею К. К. Арсеньева и заслуженнаго профессора Ф. Ф. Петрушевскаго. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). – С.-Петербургъ, 1892: Семеновская Типо-Литографія (И. А. Ефрона), 480 с, 10 л. ил., карт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// https://runivers.ru/bookreader/book10144/#page/284/mode/1up (дата обращения: 03.03.2023).
16. Яблоков Н. В. Призрение детей в воспитательных домах. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1901. – 71 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003777631?page=5&rotate=0&theme=white (дата обращения: 03.03.2023).

1 Женевская декларация прав ребенка, принята Пятой Ассамблеей Лиги Наций 26.11.1924. –[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 03.03.2023).

2 Декларация прав ребенка: принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 385–388.

3 Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLVI, 1993. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 03.03.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-227-228

ГАЗИЗОВА Лейсан Махмутовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного университета

ШАГИМУРАТОВА Залия Альбертовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и трудового права Уфимского университета науки и технологий

Газизова Л. М.

Шагимуратова З. А.

ИСТОКИ СОЗДАНИЯ И ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ФОНДА РОССИИ

В целях повышения качества обслуживания, а также более эффективного и удобного механизма обеспечения мер социальной поддержки граждан в нашей стране был создан Социальный фонд России в результате объединения Пенсионного фонда РФ и Фонда социального страхования РФ. Данное объединение позволяет решать ряд существенных проблем в области получения гражданами социальных выплат, расширения категории граждан, обеспеченных социальным страхованием, а также снижения административной нагрузки на бизнес. Социальный фонд продолжает развивать систему проактивного назначения выплат и электронные сервисы. В перспективе граждане смогут получать еще больше услуг в полном объеме и в режиме онлайн, а также меры поддержки без обращения в фонд.

В данной статье рассматриваются истоки образования, специфические аспекты и основные компетенции деятельности созданного Социального фонда России, обозначены новые тарифы страховых взносов, проанализированы основные изменения и отмечены преимущества в процессе оказания гражданам государственных услуг в результате объединения Пенсионного фонда РФ и Фонда социального страхования РФ.

Ключевые слова: Социальный фонд России, Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, пенсионное страхование, социальное страхование, пенсии, пособия, социальные выплаты, страховые взносы, бюджет, социальная защита.

GAZIZOVA Leysan Makhmutovna
Ph.D. in Law, associate professor of Legal and humanitarian disciplines sub-faculty of the Dagestan State University

SHAGIMURATOVA Zaliya Albertovna
Ph.D. in Law, associate professor of Environmental and labor law sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

THE ORIGINS OF THE CREATION AND THE FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF THE SOCIAL FUND OF RUSSIA

In order to improve the quality of service, as well as a more effective and convenient mechanism for providing social support measures to citizens in our country, the Social Fund of Russia was created as a result of the merger of the Pension Fund of the Russian Federation and the Social Insurance Fund of the Russian Federation. This association allows solving a number of significant problems in the field of receiving social benefits by citizens, expanding the category of citizens provided with social insurance, as well as reducing the administrative burden on business. The Social Fund continues to develop a system of proactive assignment of payments and electronic services. In the future, citizens will be able to receive even more services in full and online, as well as support measures without contacting the fund.

This article examines the origins of education, specific aspects and core competencies of the established Social Fund of Russia, identifies new rates of insurance premiums, analyzes the main changes and highlights the advantages in the process of providing public services to citizens as a result of the merger of the Pension Fund of the Russian Federation and the Social Insurance Fund of the Russian Federation.

Keywords: Social Fund of Russia, Pension Fund, Social Insurance Fund, pension insurance, social insurance, pensions, benefits, social payments, insurance contributions, budget, social protection.

В целях урегулирования деятельности внебюджетных фондов в условиях нынешних социально-экономических условий, централизации процесса назначения пенсий и иных социальных выплат, экономии времени и оптимизации расходов бюджета на содержание Пенсионного фонда РФ и Фонда социального страхования РФ Министерство труда РФ с 1 января 2023 года создало единый Социальный фонд России путём преобразования Пенсионного фонда и присоединения к нему Фонда социального страхования. Фонд создан при Правительстве РФ в организационно-правовой форме государственного внебюджетного фонда.

Работа, направленная на объединение деятельности Пенсионного фонда и Фонда социального страхования, обсуждалась начиная с 2018 года. Правительство РФ 20 мая 2022 года внесло в Госдуму соответствующий законопроект, который подразумевал создание в стране единого фонда. В ходе состоявшихся чтений законодатели внесли в него значительные поправки. Окончательный пакет законов об объединении фондов был утвержден 14 июля 2022 года. Основные

положения деятельности нового фонда содержатся в Федеральном законе от 14.07.2022 г. № 236-ФЗ.

Ранее Фонд социального страхования РФ выдавал больничные пособия, пособия по уходу за ребенком, пособия по беременности и родам, оплачивал родовые сертификаты, технические средства реабилитации, а также путевки на санаторно-курортное лечение. Пенсионный фонд, в свою очередь, назначал и выплачивал пенсии, материнский капитал, пособия на детей, а также ряд других социальных выплат.

В компетенции нового Социального фонда России вошли:

– пенсионное обеспечение и выплаты социальных пособий;

– назначение и выплата пособий по беременности и родам, уходу за ребёнком;

– страхование от несчастных случаев на предприятиях и профессиональных заболеваний;

– оплата больничных листов;

– предоставление гражданам других социальных услуг.

В целях экономии времени проводятся работа по переводу клиентских центров Пенсионного фонда и Фонда социального страхования в формат «одного окна». Когда в «одном окне» можно получить ответы на все интересующие вопросы с оформлением соответствующих выплат, на примере работы органов Многофункциональный центр. Как отметил врио председателя Правления Пенсионного фонда России Сергей Чирков, в нескольких регионах прошли пилотные проекты, когда специалисты двух фондов совместно оказывали услуги. С июня 2022 года практически во всех офисах можно получить четыре общие услуги двух фондов. Например, оформить технические средства реабилитации для инвалидов, путевки в санаторий, выбрать или изменить способ получения пенсии, а также заказать справку о праве на предпенсионные льготы.

Сегодня назначение многих мер поддержки уже автоматизировано и для их получения достаточно только заявления. В большинстве случаев его можно подать дистанционно через свой электронный кабинет. Гражданам доступно более 100 онлайн-сервисов на портале госуслуг. Социальный фонд продолжит развивать систему проактивного назначения выплат и электронные сервисы. В перспективе граждане смогут получать еще больше услуг полностью онлайн, а также меры поддержки без обращения в фонд.

С начала года Социальный фонд предоставил гражданам свыше 56 млн услуг. Наиболее востребованными стали услуги, связанные с оформлением и предоставлением информации по различным выплатам и пособиям. Для удобства практически все сервисы информационного характера переведены в электронный формат и в том числе доступны из личных кабинетов на портале госуслуг или сайте фонда. Фонд направляет в личный кабинет справки и выписки, подтверждающие оформление мер поддержки или право на льготы. Работающие граждане в кабинете могут получить сведения о пенсионных коэффициентах, стаже и отчислениях работодателей, а также о профессиональной деятельности. Семьям с детьми в личном в кабинете всегда доступна сумма остатка материнского капитала. Граждане, которые хотят получить услуги лично, по всей стране работают клиентские службы Социального фонда.

Таким образом, объединение фондов позволит ускорить цифровую трансформацию социальной сферы и сократить расходы на содержание внебюджетных фондов за счет отказа от поддержания разрозненной IT-инфраструктуры и оптимизации имущественного комплекса[1].

Оптимизация данных фондов позволила создать единую базу для начисления страховых взносов, сократить количество отчётности, а также сократить затраты на содержание двух схожих между собой структур, которые были в компетенциях двух фондов. После объединения Пенсионного фонда и Фонда социального страхования для работодателей и сотрудников прежние формы отчетности сменились на единую форму.

С 2023 года унифицированы единые тарифы страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование. Они состоят в следующих размерах: в пределах установленной единой предельной величины базы для исчисления страховых взносов – 30 %, свыше установленной единой предельной величины базы – 15,1 %. Ранее работодатели уплачивали 5,1 % на медицинское страхование, 22 % со взносооблагаемой базы и 10 % сверх этой базы на работающих по трудовым договорам и по ГПХ – на пенсионное страхование, а также 2,9 % на обязательное социальное страхование.

Установление единого тарифа страховых взносов, по мнению многих специалистов позволит достичь увеличения размера выплат пособий по больничным, по беременности и родам, а также по уходу за ребенком. При этом, указанное будет возможно посредством установления единого круга застрахованных лиц без одновременного повышения тарифов страховых взносов для страхователей[2].

Данная мера позволит в дальнейшем без повышения общего размера тарифов к 2025 году увеличить максимальные размеры выплат по больничным, по беременности и родам, а также по уходу за ребенком до 1,5 лет для работающих граждан. К примеру, сумма выплаты по уходу за ребёнком должна составить 57,4 тыс. рублей вместо возможных 37,9 тыс. рублей. Максимальная сумма пособия по беременности и родам за 140 дней должна будет составить 660,9 тыс. рублей вместо 435,9 тыс. рублей. Максимальная сумма пособия по временной нетрудоспособности при стаже 8 и более лет составит 143,5 тыс. рублей вместо 94,7 тыс. рублей.

Кроме того, лица, работающие по договорам гражданско-правового характера, получили такие же права, что и работники, оформленные по трудовому договору. Отныне им будут выплачиваться больничные, пособия по беременности и уходу за ребёнком.

Минусом новой реформы может стать в отдельных случаях увеличение налоговой базы для исчисления страховых взносов для работодателей, которых обяжут уплачивать страховые взносы за работников, трудоустроенных по гражданско-правового характера.

Также стоит отметить, что Социальный фонд России преступил к реализации нового социального проекта для людей серебряного возраста. Основная цель данного проекта заключается в организации досуга людей старшего поколения. Сотрудники фонда создадут в центрах комфортную атмосферу для творчества, учебы и общения с близкими по духу собеседниками. Фонд начал привлекать к этой работе местные учреждения культуры, общественные объединения, медицинские и другие организации.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что преобразование Пенсионного фонда и Фонда социального страхования в единый фонд видится нам как хорошая перспектива. А создание единого фонда является очень своевременным, так как он будет ориентирован на повышение качества предоставления государственных услуг путём упрощения механизма оказания мер социальной поддержки, а не на подготовку большого объема документов, предоставляемых в существовавшие ранее фонды. Это, с одной стороны, сократит административную нагрузку и позволит оптимизировать внутреннюю структуру и функции бывших Пенсионного фонда и Фонда социального страхования, а также ускорить реализацию цифровой трансформации социальной сферы.

Пристатейный библиографический список

1. Объединение Пенсионного фонда России и Фонда социального страхования: самое главное. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/social_fond/ (дата обращения: 19.05.2023).
2. Объединение ПФР и ФСС: к чему приведет эта реформа. [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://www.eg-online.ru/article/455333/ (дата обращения: 19.05.2023).
3. Минтруд сообщает о разработке законопроектов об объединении ПФР и ФСС в единый социальный фонд и введении единого тарифа. [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/73245.html/ (дата обращения: 19.01.2023).

1 Минтруд сообщает о разработке законопроектов об объединении ПФР и ФСС в единый социальный фонд и введении единого тарифа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/73245.html/ (дата обращения: 19.01.2023).

2 Объединение ПФР и ФСС: к чему приведет эта реформа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eg-online.ru/article/455333/ (дата обращения: 19.05.2023).

ХАСАНОВ Алексей Олегович
аспирант кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

Хасанов А. О.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ И ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Развитие союзнических отношений РФ со своими соседями как никогда актуально. В статье автор анализирует правовое регулирование взаимодействия работодателей и профсоюзных органов в РФ и Республике Беларусь в контексте усиления союзничества указанных стран по вопросу гармонизации законодательства о труде и об охране труда. Сравнительно-правовой анализ проведен на примере отношений указанных субъектов взаимодействия в шести институтах трудового права.

По итогам анализа автор приводит сходства и различия в регулировании указанных отношений. Оценивается эффективность расширенных полномочий профсоюзов в Республике Беларусь в сравнении с РФ. Акцентируется внимание на пробелах в вопросах взаимодействия профсоюзов и работодателей. Предлагается устранение выявленных в ходе анализа пробелов путем включения в законодательство новых дефиниций.

Ключевые слова: правовое регулирование, взаимодействие работодателя и профсоюзов, Российская Федерация, Республика Беларусь.

KHASANOV Alexey Olegovich
postgraduate of Labor law sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

LEGAL REGULATION OF INTERACTION BETWEEN EMPLOYERS AND TRADE UNION BODIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

The development of allied relations of the Russian Federation with its neighbors is more relevant than ever. In the article the author analyzes the legal regulation of interaction between employers and trade union bodies in the Russian Federation and the Republic of Belarus in the context of strengthening the alliance of these countries on the harmonization of legislation on labor and labor protection. Comparative-legal analysis is carried out on the example of relations of these subjects of interaction in six institutes of labor law.

According to the results of the analysis, the author provides similarities and differences in the regulation of these relations. The effectiveness of the extended powers of trade unions in the Republic of Belarus in comparison with the Russian Federation is assessed. The author emphasizes the gaps in the issues of interaction between trade unions and employers. The author suggests eliminating the gaps identified in the course of the analysis by including new definitions in the legislation.

Keywords: legal regulation, interaction between employer and trade unions, the Russian Federation, the Republic of Belarus.

В последнее время мы наблюдаем глобальное усиление роли союзнических отношений РФ со своими ближайшими соседями. Например, в рамках Евразийского экономического союза, куда входят РФ, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения и Кыргызская Республика[1] (далее – ЕАЭС).

Развитие союзничества между некоторыми странами ЕАЭС уже продолжается на протяжении длительного времени. Стоит отметить, например, договор от 8 декабря 1999 г. «О создании союзного государства» (далее – договор), подписанный между РФ и Республикой Беларусь, одной из целей которого является формирование единой правовой системы демократического государства[2].

В существующих реалиях подписанный в далеком 1999 г. договор не просто актуален, сторонами согласовываются новые стратегические шаги для развития союзнических отношений. 4 ноября 2021 г. между РФ и Республикой Беларусь подписан декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021 – 2023 годы» (далее – декрет), который содержит целую союзную программу по проведению согласованной политики, в том числе и в социально – трудовой сфере (далее – программа)[3].

В числе основных этапов программы декрета отражены: проведение сравнительного анализа законодательства, обсуждение и согласование единых подходов по гармонизации законодательств РФ и Республики Беларусь о труде и об охране труда. В ходе реализации указанных этапов программы декрета в числе нормативных правовых актов рабочей группе предстоит проанализировать Трудовой кодекс РФ и Трудовой кодекс Республики Беларусь.

Несмотря на то, что к числу основных задач трудового законодательства ст. 1 Трудового кодекса РФ[4] относит создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отноше-

1 Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // СПС «Консультант Плюс».

2 Ст. 2 Договора от 8 декабря 1999 г. о создании союзного государства // СПС «Консультант Плюс».

3 Союзная программа по проведению согласованной политики в социально-трудовой сфере. Декрет № 6 Высшего Государственного Совета Союзного Государства «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021 – 2023 годы» (Принят в гг. Москве, Минске 04.11.2021) // СПС «Консультант Плюс.

4 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ний, а ст.2 Трудового кодекса Республики Беларусь[5] относит к числу задач развитие социального партнерства, в рамках реализации этапов программы декрета отсутствуют положения о необходимости сравнения Федерального закона от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (далее – Закон РФ «О профессиональных союзах»)[6] и Закона Республики Беларусь от 22 апреля 1992 г. № 1605-XII «О профессиональных союзах» (далее – Закон РБ «О профессиональных союзах»)[7], хотя именно эти законы отражают наравне с кодексами вопросы социального партнерства, а именно взаимодействия работодателей и профсоюзов, представляющих интересы работников.

Попытки построить паритетные отношения между профсоюзами и работодателями предпринимаются уже на протяжении длительного периода времени. Невозможно не согласиться с выводом Л. И. Филющенко о непростых взаимоотношениях профсоюзов и работодателей, о чем свидетельствует судебная практика[8]. Так, например, в деле о признании незаконным отказа в предоставлении профсоюзу персональных данных работников Верховный Суд РФ отменил судебные акты нижестоящих инстанций, встав на защиту прав профсоюза и сославших на право бесплатно и беспрепятственно получать от работодателей информацию по социально – трудовым вопросам[9].

Как отмечает С. Ю. Чуча, весь вопрос в степени сотрудничества, доверия между партнерами, в принципах, которых они придерживаются в отношениях друг с другом и справедливо отмечает, что в процессе осуществления правового регулирования нельзя допустить и конфронтации, и объявления общности всех без исключения интересов работников и работодателей[10]. Учитывая представительную функцию профсоюза, считаю такие выводы уместными и при анализе взаимодействия работодателей и профсоюзных органов.

Правовое регулирование взаимодействия работодателей и профсоюзных органов в РФ и Республике Беларусь регламентировано преимущественно в Законе РФ «О профессиональных союзах», Законе РБ «О профессиональных союзах», а также в нормах ТК РФ, ТК РБ, которые и являются объектами настоящего сравнительно – правового исследования.

Проведенный сравнительный анализ позволяет выделить институты трудового права, в рамках которых усматривается взаимодействие работодателей и профсоюзных органов, отметить сходства и национальные различия в правовом регулировании такого взаимодействия:

1) Разработка, утверждение и принятие локальных нормативных актов.

Учитывать мнение представительного органа работников (в качестве которого чаще всего выступает профсоюз) при принятии локальных нормативных актов в РФ необходимо, если это предусмотрено ТК РФ, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами РФ, коллективным договором, соглашениями (при наличии такого представительного органа) (ч. 2 ст. 8 ТК РФ), например, в случае принятия локальных нормативных актов, устанавливающих системы оплаты труда (ч. 4 ст. 135 ТК РФ), а в случаях определяющих размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в районах Крайнего Севера (приравненных к ним местностям) принимать локальные нормативные акты необходимо с учетом мнения выборных органов первичных профсоюзных организаций (ч. 8. ст. 325 ТК РФ). В случаях разработки и утверждения локальных нормативных актов по охране труде по законодательству РФ необходимо учитывать мнение выборного органа первичной профсоюзной организации или иного уполномоченного работниками представительного органа (при наличии такого представительного органа) (абз. 23 ч. 3 ст. 214 ТК РФ).

Если обратиться к трудовому законодательству Республики Беларусь, то можно констатировать разные формы участия профсоюзов в локальном нормотворчестве: ч.2 ст. 55 ТК РБ предусматривает принятие локальных нормативных актов, затрагивающих трудовые и социально – экономические права работников по согласованию или с участием профсоюзов.

Отсутствует тождественность между нормами трудового законодательства РФ и Республики Беларусь в вопросе утверждения правил внутреннего трудового распорядка (далее – ПВТР). Так, например, ч. 1 ст. 190 ТК РФ предусматривает только учет мнения представительного органа работников при утверждении работодателем ПВТР, тогда как положения ст. 195 ТК РБ, исходя из буквального толкования, предусматривают участие профсоюзов при установлении нанимателем ПВТР.

2) Рабочее время.

Говоря о рабочем времени, следует отметить, что ТК РФ предусмотрен учет мнения выборного органа первичной профсоюзной организации в следующих случаях:

– привлечение работников к сверхурочным работам в случаях, не предусмотренных ч.ч. 2, 3 ст. 99 ТК РФ (ч. 4 ст. 99 ТК РФ);

– введение режима неполного рабочего времени и его отмена ранее установленного срока в случаях, когда изменение определенных сторонами условий трудового договора может повлечь за собой массовое увольнение работников (ч.ч. 5, 7 ст. 74 ТК РФ);

– привлечение работников к работам в выходные и нерабочие праздничные дни в случаях, не предусмотренных ч.ч. 2-4 ст. 113 ТК РФ (ч. 5 ст. 113 ТК РФ).

Трудовое законодательство Республики Беларусь предписывает нанимателям согласовывать свои решения с профсоюзом при утверждении графика работ (сменности) (ст. 123 ТК РБ), при установлении пятидневной с двумя выходными днями или шестидневной с одним выходным днем рабочей недели (ч. 1 ст. 124 ТК РБ), при введении суммированного учета рабочего времени (ч. 6 ст. 126 ТК РБ).

В РФ перечисленные вопросы регулируются в ПВТР, которые, в свою очередь, принимаются с учетом мнения представительного органа работников (ст. ст. 100, 190 ТК РФ).

В вопросе разделения рабочего дня на части законодатели РФ и Республики Беларусь также расходятся, поскольку в Республике Беларусь предусмотрена необходимость согласования решения с профсоюзом (ч. 3 ст. 127 ТК РБ), а в законодательстве РФ решение принимается на основании локального нормативного акта, принятого с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации (ст. 105 ТК РФ).

Отдельно стоит отметить, что законодатель Республики Беларусь предусмотрел согласование профсоюза в вопросе учета времени выполнения основных и подготовительно – заключительных операций (получение наряда, материалов, инструментов, ознакомление с техникой и др.) как фактически отработанного в случае, если отсутствуют правила технического нормирования и охраны (ч. 8 ст. 133 ТК РБ).

5 Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/kodeksy-respubliki-belarus/ (дата обращения: 25.07.2023).

6 Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СПС «Консультант Плюс».

7 Закон Республики Беларусь от 22 апреля 1992 г. № 1605-XII «О профессиональных союзах». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19201605 (дата обращения: 10.08.2023).

8 Филющенко Л. И. Некоторые проблемы правового регулирования отношений с участием профсоюзов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-otnosheniy-s-uchastiem-profsoyuzov/viewer (дата обращения 12.08.2023).

9 Определение Верховного Суда РФ от 20 июля 2012 г. № 56-КГ12-3 // СПС «Консультант Плюс».

10 Чуча С. Ю. Социальное партнерство в сфере труда: становление и перспективы развития правового регулирования в Российской Федерации: диссертация... доктора юридических наук. Омск, 2004. С. 17.

3) Время отдыха.

В вопросах о времени отдыха трудовое законодательство РФ и Республики Беларусь содержит схожие нормы, которые при этом отличаются друг от друга в части учета мнения профсоюза.

Например, при утверждении графика отпусков положения ч. 1 ст. 123 ТК РФ предусматривают необходимость учитывать мнение выборного органа первичной профсоюзной организации.

В трудовом законодательстве Республики Беларусь очередность предоставления трудовых отпусков устанавливается также в графике, но согласование профсоюзной организации требуется, только если оно предусмотрено коллективным договором (ч. 1 ст. 168 ТК РБ).

Таким образом, стоит отметить разницу в степени участия профсоюзов при утверждении графика отпусков: по российскому законодательству «с учетом мнения» (которое работодатель может проигнорировать, утвердив график в своей редакции, в том числе, ссылаясь на отсутствие у профсоюза представительства интересов всех работников или большинства), а по законодательству Республики Беларусь «согласование» необходимо, только если оно предусмотрено коллективным договором.

4) Нормирование труда.

Введение, замена и пересмотр норм труда, в РФ осуществляется с учетом мнения представительного органа работников (ч. 1 ст. 162 ТК РФ), а в Республике Беларусь с участием профсоюза (ст. 87 ТК РБ).

5) Дисциплинарные взыскания, прекращение или расторжение трудового договора.

Трудовое законодательство РФ предусматривает необходимость учета мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации применительно к увольнению членов профсоюза по инициативе работодателя по ряду оснований: по сокращению численности и штата работников, из-за несоответствия занимаемой должности или выполняемой работе, подтвержденного результатами аттестации, за неоднократное неисполнение трудовых обязанностей без уважительных причин (ч. 2 ст. 82 ТК РФ). Рядовые члены профсоюза в перечисленных случаях увольняются с учетом мотивированного мнения профсоюза, а руководители выборных коллегиальных органов профсоюзных организаций – только с предварительного согласия вышестоящего выборного профсоюзного органа (ч.ч. 1,2 ст. 373 ТК РФ и ч. 1 ст. 374 ТК РФ).

Схожие нормы содержатся и в трудовом законодательстве Республики Беларусь, но применяются они при условии, что профсоюз является участником коллективного договора (соглашения) (ст. 24 Закона РБ «О профессиональных союзах»):

– расторжение трудового договора по инициативе нанимателя (за исключением случаев, вызванных виновными действиями работника) с работниками, избранными в состав профсоюзных органов и не освобожденным от работы – лишь с письменного предварительного уведомления (не позднее чем за два месяца) профсоюзного органа, членом которого они избраны;

– расторжение трудового договора по инициативе нанимателя (за исключением случаев, вызванных виновными действиями работника) с работниками, избранными руководителями профсоюзных органов и не освобожденными от работы, допускается только с предварительного согласия вышестоящего профсоюзного органа;

– привлечение к дисциплинарной ответственности представителей профсоюзов, уполномоченных в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, на осуществление общественного контроля, и работников, уполномоченных профсоюзом на участие в создаваемых в организации комиссиях по коллективным переговорам, рассмотрению трудовых споров, примирительных комиссий, допускается только с предварительного согласия профсоюзного органа.

В отличие от РФ, в Республике Беларусь норма о расторжении трудового договора по инициативе нанимателя с уведомлением профсоюза применяется не только к членам профсоюза, но и к работникам, которые членами профсоюза не являются (ст. 46 ТК РБ). Например, в случае нарушения производственно-технологической, исполнительской или трудовой дисциплины, повлекшего причинение ущерба организации, расторжение трудового договора производится после предварительного уведомления соответствующего профсоюза (ч. 2 ст. 46 ТК РБ), а увольнение по инициативе нанимателя только с предварительного согласия профсоюза возможно в случаях, предусмотренных коллективным договором или соглашением (ч. 3 ст. 46 ТК РБ).

На мой взгляд, нормы о необходимости учета мнения профсоюза или получения его согласия при увольнении работников не являются эффективными, поскольку возможны разного рода злоупотребления. На практике возникают ситуации, когда профсоюзы саботируют процесс увольнения члена профсоюза, умышленно не получая корреспонденцию от работодателя или направляя свое мнение или согласие с указанием неправильного индекса, что исключает своевременное их получение работодателем. По крайней мере, необходимо предусмотреть последствия такого поведения, чтобы предотвратить или исключить злоупотребления.

6) Профсоюзный и общественный контроль.

Трудовое законодательство РФ наделяет профсоюзы правом осуществлять профсоюзный контроль за соблюдением работодателями, должностными лицами законодательства о труде, в том числе по вопросам трудового права (контракта), рабочего времени и времени отдыха, оплаты труда, гарантий и компенсаций, льгот и преимуществ, а также по другим социально – трудовым вопросам в организациях, в которых работают члены данного профсоюза (ч. 1 ст. 19 Закона РФ «О профессиональных союзах»).

В отличие от РФ, в Республике Беларусь дифференцированы формы общественного контроля за соблюдением требований законодательства о труде – в форме проверок и в форме, не связанной с проведением проверок.

Каждая форма общественного контроля предполагает разные меры реагирования на выявленные по итогам контроля нарушения. По итогам осуществления общественного контроля в форме проверок правовые инспекторы труда профсоюзов вправе требовать устранения выявленных нарушений (ч. 1 ст. 19 Закона РБ «О профессиональных союзах»), а итогом общественного контроля в форме, не связанной с проведением проверок, являются рекомендации нанимателю по устранению нарушений (ч. 2 ст. 19 Закона РБ «О профессиональных союзах»).

Сходство при осуществлении контроля профсоюзами выражается в том, что и в РФ, и в Республике Беларусь закреплено право профсоюза запрашивать и получать необходимую информацию от нанимателя (абз. 2 ст. 463 ТК РБ, ч. 1 ст. 17 Закона РФ «О профессиональных союзах»).

Стоит отдельно отметить расширенный в отличие от законодательства РФ объем полномочий профсоюза в Республике Беларусь в вопросе установления условий трудового договора членов профсоюза. Заслуживает внимания закрепленная в абз. 3 ст. 261.2 ТК РБ необходимость обсуждения содержания контракта работника – члена профсоюза с участием представителя соответствующего профсоюза (абз. 3 ст. 261.2 ТК РБ), а также закрепленное право профсоюза в случае выявления несоответствия условий трудового договора (контракта) законодательству Республики Беларусь требовать от нанимателя изменений условий трудового договора в интересах работника – члена профсоюза (ч. 4 ст. 10 Закона РБ «О профессиональных союзах»).

В трудовом законодательстве РФ аналогичные нормы отсутствуют.

С одной стороны, наличие и реализация такого права, вероятно, обеспечила бы дополнительную защиту прав работников, являющихся членами профсоюза, но, с другой стороны, в масштабах крупных компаний, например, таких как российское ОАО «РЖД», необходимость обсуждения с профсоюзом условий трудового договора существенно замедлила бы кадровые процессы, поскольку только по данным Российского профессионального союза железнодорож-

ников и транспортных строителей Роспрофжел насчитывает 1 244 925 членов профсоюза[11]. Кроме того, договорный характер трудовых отношений подразумевает возможность требовать изменения условий трудового договора только самими сторонами. И остается открытым вопрос – как обеспечить исполнение требования профсоюза об изменении условий контракта?

Проведенный сравнительно – правовой анализ в итоге позволяет выделить три термина, которые используют законодатели РФ и Республики Беларусь в вопросе вовлеченности профсоюзов во взаимодействие с работодателями:

– учет мнения;

– согласование;

– участие.

Трудовое законодательство не уточняет значение этих терминов, но однозначно поставить между ними знак равенства нельзя.

Для трех приведенных терминов характерны, на мой взгляд, такие признаки, как действие, вовлеченность, наличие полномочий, мотивированный характер. Но «учет мнения» предполагает возможность принятия работодателем собственного решения вопреки соображениям, высказанным профсоюзом, а «согласование» не допускает принятие решения без одобрения профсоюзов.

В рассматриваемом случае мнение и согласование следует отнести к составным частям обобщенной категории – участие, как соотношение частного и общего, конкретного и абстрактного. Но понятие «участие» может включать и иные формы взаимодействия профсоюзов и работодателей. Например, профсоюз может участвовать в разработке локального нормативного акта, предоставив свой вариант документа.

Справедливо утверждение А. С. Пиголкина и Е. М. Сморгуновой о том, что «четкие юридические определения должны даваться всем терминам, имеющим решающее значение для правового регулирования»[12].

Учитывая, что по законодательству РФ неучтенное мнение профсоюза признается нарушением процедуры увольнения работника, являющегося членом этого профсоюза, и может послужить основанием для восстановления на работе[13], отсутствие в законе дефиниций таких терминов вызывает неопределенность в правоприменительной практике.

Так, например, судебная коллегия по гражданским делам Ленинградского областного суда в деле о признании незаконным увольнения, восстановлении на работе работника, состоящего в профсоюзной организации, указала, что представленный протокол собрания членов актива профсоюза о рассмотрении проекта приказа об увольнении не является мотивированным мнением выборного органа первичной профсоюзной организации в том понимании, в котором указано в ТК РФ, поскольку оно не основано на соответствующих нормах трудового законодательства, собранием не указаны деловые (профессиональные) качества работника, послужившие основанием для принятия решения об увольнении[14]. Примечательно в приведенном примере, что ТК РФ не содержит требований к форме мотивированного мнения профсоюзной организации, как и не содержит критериев, при наличии которых такое мнение признается мотивированным.

Вопрос о том, насколько толкование понятий судом может рассматриваться в качестве окончательной версии остается открытым. Как утверждает А. К. Безина, правоположения, выработанные в ходе разрешения трудовых споров, имеют характер рекомендательного судебного толкования[15], а В. В. Ершов отмечает, что такие положения «должны применяться судами и другими правоприменительными органами лишь в силу убедительности и аргументированности»[16].

Трудовое законодательство Республики Беларусь также страдает отсутствием дефиниций вышеприведенных терминов.

Полагаю, что законодателям обоих союзных государств следует проработать и включить в трудовое законодательство дефиниции таких определений, как «мотивированное мнение профсоюзного органа», «согласование профсоюзного органа», «участие профсоюзного органа».

Справедливо мнение С. Ю. Головиной о том, что нормы трудового права касаются широкого круга лиц и применяются различными субъектами, зачастую не имеющими специальной юридической подготовки, следовательно, определения должны быть сформулированы предельно ясным и понятным языком, что предполагает уточнения значения многих терминов с помощью дефиниций[17].

Проведенное сравнительно – правовое исследование свидетельствует о том, что трудовое законодательство РФ и Республики Беларусь уделяет немалое внимание взаимодействию работодателей и профсоюзов, но степень участия последних в принятии кадровых решений различна. В Республике Беларусь акцент делается на коллективно-договорный способ установления формы взаимодействия, тогда как в России сам законодатель решает, каким образом профсоюз может повлиять на работодательские решения. Еще одно заметное различие заключается в том, что законодательством Республики Беларусь профсоюз по сути определен как генеральный представитель работников, а в России допускается альтернативный представительный орган (согласно ст. 31 ТК РФ в случаях, когда работники не объединены в какие-либо первичные профсоюзные организации или ни одна из имеющихся первичных профсоюзных организаций не объединяет более половины работников данного работодателя и не уполномочена в порядке, установленном настоящим Кодексом, представлять интересы всех работников в социальном партнерстве на локальном уровне, для осуществления указанных полномочий может быть избран из числа работников иной представитель или представительный орган). И хотя ст. 354 ТК РБ допускает участие в социальном партнерстве иных представительных органов работников, действующих на основании актов законодательства, тем не менее, во всех проанализированных статьях упоминается именно профсоюз, а не иной представительный орган работников.

Значимость развития взаимодействия между работодателями и профсоюзами в РФ и Республике Беларусь очевидна и продиктована целями трудового законодательства обеих стран, а также годами наработанных практик, следовательно, в процессе реализации этапов программы декрета по развитию союзнических отношений РФ и Республики Беларусь необходимо поставить на обсуждение вопрос о гармонизации правового регулирования взаимодействия работодателей и профсоюзных органов двух государств в целях формирования единой правовой системы демократического государства.

11 Вебсайт Российского профессионального союза железнодорожников и транспортных строителей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosprofzhel.ru/about (дата обращения 15.08.2023).

12 Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 126-128.

13 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2021 г. № 53-КГ20-28-К8 // СПС «Консультант Плюс».

14 Определение Ленинградского областного суда от 18 апреля 2013 г. № 33-1697/2013 // СПС «Консультант Плюс».

15 Безина А. К., Никитинский В. И. Судебная практика и трудовое право // Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975. С. 65-72.

16 Ершов В. В., Ершова Е. А. Комментарий Кодекса законов о труде Российской Федерации. С. 114.

17 Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права: диссертация ... доктора юридических наук. Екатеринбург, 1998. С. 213.

АЛИЕВА Эльмира Башировна
кандидат экономических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

ОМАРОВА Саният Султановна
магистрант ОЗО ПО кафедры административного, финансового и таможенного права юридического института Дагестанского государственного университета

Алиева Э. Б.

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРОВЕРОК (НА ПРИМЕРЕ РД)

В статье характеризуется современное состояние показателей бюджета РД, формируемых за счет усиления роли выездных и камеральных проверок. Рассмотрены некоторые проблемы, с которыми сталкиваются налоговые органы при проведении контрольных мероприятий. Автор описывает тенденции изменений камеральных налоговых проверок по РД за 2019-2022 гг., выявляя статьи НК РФ, по которым наиболее часто применяются меры ответственности за нарушения налогового законодательства.

Ключевые слова: налоговые органы, налоговый контроль, камеральные проверки, выездные проверки, уклонение от уплаты, налоговое администрирование, федеральный бюджет.

ALIEVA Elmira Bashirovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University

OMAROVA Saniyat Sultanovna
magister student of the OZO PO of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

Омарова С. С.

PROBLEMS OF CONDUCTING TAX AUDITS (ON THE EXAMPLE OF RD)

The article characterizes the current state of the indicators of the budget of the RD, formed by strengthening the role of on-site and desk audits. Some of the problems faced by the tax authorities in carrying out control measures are considered. The author describes the trends in changes in desk tax audits for the RD for 2019-2022, identifying articles of the Tax Code of the Russian Federation for which measures of responsibility for violations of tax laws are most frequently applied.

Keywords: tax authorities, tax control, desk audits, on-site audits, tax evasion, tax administration.

Несмотря на то, что большую часть бизнеса освободили от плановых проверок и внимание органов исполнительной власти до конца 2023 года значительно сократилось, сегодня актуальной остается проблема исполнения контрольно-надзорных функций налоговыми органами. Правительство РФ строго реализует политику, направленную на снижение административного давления, в том числе, со стороны ФНС. Однако, есть организации, для которых ничего не изменилось. Мораторий и ограничения касаются только плановых проверок, с внеплановыми остается все по-прежнему. Контроль со стороны налоговых органов необходим, так как проблема выполнения обязательств по уплате налогов физическими и юридическими лицами перед государством стоит достаточно остро. Размер налоговых платежей не должен стать причиной для их уклонения, ведь это может привести к серьезным последствиям [6].

Контрольная функция налоговых органов заключается в сборе информации об исполнении налогоплательщиком своих обязательств и в выявлении нарушений налогового законодательства. Это способствует обеспечению национальной безопасности в экономической сфере. Налоговые органы активно используют основные формы контроля в виде камеральных и выездных проверок [2].

Статистические данные позволяют оценить количество правонарушений в налоговом секторе, а также использовать полученную информацию для формирования фискальной политики государства. Налоговый контроль, будучи неотъемлемой частью экономической системы, является основным инструментом для гарантирования финансовой стабильности и устойчивого развития страны [6].

В 2022 году в федеральный бюджет РФ УФНС РФ по Республике Дагестан было обеспечено поступление фискальных платежей в объеме более 81 млрд. рублей. Сопоставимые показатели предыдущих лет подтверждают, что общий прирост поступлений в бюджет составляет почти 10 %, что больше на 6,8 миллиардов рублей 2021 года.

Республика Дагестан обеспечила в 2022 году прирост поступления налогов и сборов в консолидированный бюджет Российской Федерации в размере 46,5 млрд., что на 11 % больше поступлений, полученных в 2021 году. По страховым взносам, поступающим во внебюджетные фонды, доходы в 2022 году составили 35 млрд. рублей, что на 2,6 млрд. рублей выше доходов 2021 года.

В 2022 году доходная часть консолидированного бюджета РД составила почти 37 млрд. рублей, что на 11 % или на 4 млрд. рублей больше сопоставимых показателей 2021 года[1].

1 Отчетные данные УФНС России по Республике Дагестан за 2022 г // Федеральная налоговая служба РД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn05 (дата обращения: 04.06.2023).

Таблица 1. Тенденции уменьшения количества проведения камеральных налоговых проверок по РД за 2019-2022 гг.

Годы проведения камеральных налоговых проверок	Всего камеральных проверок, ед.
2019	175837
2020	156534
2021	149443
2022	74648

Источник: отчетные данные УФНС России по Республике Дагестан за 2019-2022 гг.

Последние три года наблюдается положительная динамика налоговых поступлений в региональный и муниципальные бюджеты РД по следующим налогам:

• налогу на доходы физических лиц на 11,2 процента или на 2 млрд рублей;

• транспортному налогу на 15,9 процента или на 0,2 млрд рублей;

• налогу на добычу полезных ископаемых на 32,7 процента или на 0,007 млрд рублей;

• налогу на имущество физических лиц на 83,2 процента или на 0,2 млрд рублей;

• налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения, на 29,4 процента или на 0,5 млрд рублей и т. д.

Налоговые органы Республики Дагестан только в 2022 году снизили имеющуюся задолженность перед бюджетом по имущественным налогам физических лиц почти на 20,5 % или 2 млрд. рублей. Соответственно в 2021 году эти показатели составили 14 % или 1,1 млрд рублей, то есть динамика к снижению долговых обязательств перед бюджетом сохраняется.

Экономические санкции повлекли за собой необходимость внесения изменений в налоговое законодательство. Меры по снижению роли контрольно-надзорной функции в отношении малого бизнеса коснулись всех субъектов РФ. Индивидуальное предпринимательство это самый востребованный бизнес в Республике Дагестан. Именно поэтому, статистика проведения плановых налоговых проверок показала снижение их количества в 2022 году почти вдвое. Так, количество проведенных в 2022 году в РД проверок составляло 74 648, тогда как в 2021 году этот показатель был почти вдвое выше - 149 443. Анализ таблицы 1 позволяет сделать вывод о том, что количество проведения камеральных налоговых проверок уменьшается. Однако, этот показатель никак не связан с уровнем их качества и эффективности. Статистика показывает, что наиболее часто нарушаются следующие статьи:

– ст. 119 НК РФ «непредоставление налоговой декларации»;

– ст. 120 НК РФ «грубое нарушение правил учета доходов, расходов и объектов налогообложения»;

– ст.122 НК РФ «неуплата или неполная уплата сумм налога»;

– ст. 123 НК РФ «невыполнение налоговым агентом обязанности по удержанию и перечислению налогов».

Анализ проведения камеральных налоговых проверок, проведенных в 2022 году УФНС РФ по РД подтверждает снижение их количества практически на 50 % относительно аналогичных показателей 2021 года. Если проанализировать период 2020–2022 гг., то их количество за три года снизилось на 101 189 проверок, что составляет более 60 %. Что касается налогового администрирования в целом по Российской Федерации, то ситуация свидетельствует о достаточно серьезном снижении количественных показателей в части проведения плановых проверок. В дальнейшем необходимо внедрять новые, более совершенные методы и способы проведения налоговых проверок, направленные на повышение их качества и результативности.

Результаты проведенных в 2022 году выездных налоговых проверок свидетельствуют, что в бюджетную систему РД было доначислено налоговых платежей на общую сумму превышающую 2 миллиарда рублей, то есть почти на 1,5 миллиардов больше предыдущего года. По результатам контрольных мероприятий в добровольном порядке дополнительно было выполнено налоговых обязательств в общей сумме 0,8 млрд рублей[2].

Несмотря на тенденцию снижения количества плановых выездных налоговых проверок, практический анализ подтверждает более высокую эффективность их реализации относительно камеральных мероприятий. На это влияет большое количество факторов. Такое положение дел характерно для всех субъектов Российской Федерации [1].

В ходе проверок в 2022 г. в 97 % случаях были выявлены нарушения, что говорит об эффективности отбора налогоплательщиков для проведения выездных налоговых проверок. Относительно камеральных проверок, то их эффективность в Республике Дагестан пока не превышает 20 %. Всего в Дагестане в 2022 г. было проведено 74 648 проверок, из них только в 16 762 были выявлены нарушения. Остро стоят вопросы: зачем столько материальных затрат на проведение безрезультативных проверок и почему при реализации своих контрольных функций, налоговые органы недостаточно анализируют риски, являющиеся причинами правонарушений?

Несмотря на создание и адаптацию новых информационных технологий в отечественной практике системы налогообложения РФ, некоторые проблемы остаются неразрешенными. Это касается необходимости совершенствования норм налогового законодательства в части создания новых механизмов, способов и методов реализации контрольно-надзорной функции органами исполнительной власти.

Что касается законодательных ограничений проведения проверок, то в настоящее время нельзя их осуществлять в отношении одного и того же объекта чаще одного раза в год. Это касается платежей, налоговый период которых составляет один календарный год. К ним относятся: налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций, транспортный налог, земельный налог. НДС - налог, по которому возможно проведение налоговых проверок ежеквартально [8].

2 Отчетные данные УФНС России по Республике Дагестан за 2022 г // Федеральная налоговая служба РД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn05 (дата обращения: 04.06.2023).

Эффективность проведения налоговых проверок напрямую зависит от использования необходимых инструментов предпроверочного анализа, направленного на повышение уровня учетной политики государства с возможностью применения новых форм и методов математического анализа, разработки более совершенных процедур обеспечительных мер в налоговой сфере. Разработка и использование новых информационных систем с учетом особенностей экономического развития территорий, особенно в настоящее сложное время для нашего государства, могут способствовать повышению уровня администрирования фискальных платежей, помогут сократить материальные и временные затраты на проведение налоговых проверок. Для этого необходимо повышение квалификации сотрудников налоговых органов, чтобы они могли соответствовать вызовам современности и изменяющейся экономической и политической ситуации в стране и в мире [7].

Для достижения большей эффективности и результативности проведения камеральных контрольных мероприятий, налоговым органам следует более детально доработать и углубить этот процесс. Это можно сделать путем более широкого использования информации от третьих лиц, различных министерств и ведомств, которые могут предоставить ценные данные о предпринимательской деятельности фискально обязанных лиц. Кроме того, для выявления объектов налогообложения, которые могут быть скрыты, необходимо использовать новые методы математического анализа налоговых рисков. Таким образом, органы налогового администрирования должны продолжить деятельность, связанную с создание новых мер, более адаптированных к новым реалиям времени.

Что касается проведения выездных налоговых проверок, необходимо констатировать целесообразность проведения работы по снижению и сокращению числа их проведения, что, однозначно, поддержит привлекательность бизнеса и деятельность субъектов хозяйствования в целом.

Анализ контрольно-надзорной деятельности ИФНС РД 2021-2022 гг., подтверждает сложившуюся в субъекте тенденцию к усилению мер налогового контроля и ужесточению исполнения налогового законодательства. За последние годы ФНС РД провела значительное количество плановых и внеплановых налоговых проверок, сосредоточив внимание на таких направлениях, как:

– выявление незадекларированных доходов и недоплаченных налогов;

– проверка достоверности налоговых деклараций и бухгалтерской отчетности;

– оценка рисков уклонения от уплаты налогов и иных форм несоблюдения налогового законодательства;

– проверка наличия и полноты документации, связанной с финансово-хозяйственной деятельностью [4].

УФНС РФ применяет различные методы налогового контроля, включая традиционные проверки, камеральные проверки и налоговые проверки в режиме онлайн. Налоговые органы также широко используют цифровые технологии, такие как автоматизированные системы сбора, анализа и оценки рисков, данных с целью выявления возможных налоговых нарушений. Результаты налоговых проверок, проведенных РД ФНС, в целом положительны с точки зрения увеличения налоговых поступлений и обеспечения соблюдения налогового законодательства. Тем не менее, некоторые налогоплательщики выразили обеспокоенность по поводу сложности и непредсказуемости процесса налоговой проверки и возможности произвольного или несправедливого обращения со стороны налоговых органов [5].

УФНС РД ведет активную работу по совершенствованию налогового администрирования и борьбе с уклонением от уплаты налогов путем использования инновационных подходов и технологий для выявления и предотвращения возможных налоговых нарушений. Тем не менее, необходимы дальнейшие усилия для повышения прозрачности и снижения административной нагрузки на бизнес и налогоплательщиков в процессе налоговой проверки.

Подводя итог, необходимо отметить, что эффективность налогового контроля УФНС РД необходимо и дальше совершенствовать. В целом, проведение налоговых проверок является необходимой мерой для контроля за правильностью внесения налоговых платежей и предотвращения нарушений в этой сфере. Однако, важно, чтобы все процедуры проверок были проводимы в соответствии с законодательством и не затрагивали законные права и интересы налогоплательщиков.

Постатейный библиографический список

1. Генрих Т. В. К вопросу определения понятия «налоговый контроль» // Молодой ученый. – 2020. – № 32 (322). – С. 115-116.
2. Дубровин В. В. Налоговые преступления. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. Учебное пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – С.60.
3. Отчетные данные УФНС России по Республике Дагестан за 2022 г // Федеральная налоговая служба РД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn05 (дата обращения: 04.06.2023).
4. Сильвестрова Т. Я., Гурова С. Ю., Шипеев Я. Г. и др. Налоги и налогообложение: учебник. – М.: Инфра-М, 2018. – С. 65.
5. Тазетдинова Л. В. Анализ налоговых проверок в Российской Федерации // Исследования молодых ученых: материалы XX Междунар. науч. конф. – 2021. – С. 27-31.
6. Фадеева Н. Ю., Палкина Н. В. Налоговый контроль и оценка его эффективности // Молодой ученый. – 2020. – № 21 (311). – С. 195-199.
7. Фальшина Н. А. Налоговый контроль как современный институт налогового права // Налоги. – 2018. – № 1. – С. 25-29.
8. Юнусова Е. А. Налоговый контроль как фактор обеспечения экономической безопасности // Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 6 (34). – С. 171-173.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-236-238

КОНОКИН Данил Владимирович
*диспетчер Юридической клиники «Центр правовой поддержки» Юридического факультета, студент 4 курса Юридического факультета Финансового университета при правительстве Российской Федерации**

Конокин Д. В.

РЕГУЛИРОВАНИЕ BNPL ФИНТЕХ-СЕРВИСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Данная научная статья посвящена анализу регулирования сервисов беспроцентной рассрочки BNPL (Buy now, pay later, или «покупай сейчас, плати потом»), их положение в финансовой системе Российской Федерации. Автор прослеживает развитие проблемы регулирования BNPLв России и за рубежом. Выводы отражают основные заключения по анализу отечественного и зарубежного опыта регулирования сервисов, а также предложения по развитию правового регулирования данного направления финансовых технологий. Необходимо найти баланс между инновациями и защитой интересов всех участников, чтобы создать устойчивую и справедливую среду для развития BNPL сервисов.

Ключевые слова: BNPL, покупай сейчас – плати потом, рассрочка, оплата товара в рассрочку, оплата товара в кредит, потребительское кредитование.

KONOKIN Danil Vladimirovich
*dispatcher of the Law Clinic «Legal Support Center» of the Faculty of Law, 4th year student of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation***

REGULATION OF BNP FINTECH SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ABROAD

This scientific article is devoted to the analysis of the regulation of BNPL interest-free installment services («buy now, pay later»), their position in the financial system of the Russian Federation. The author traces the development of the problem of BNPL regulation in Russia and abroad. The conclusions reflect the main conclusions on the analysis of domestic and foreign experience in regulating services, as well as proposals for the development of legal regulation of this area of financial technologies. It is necessary to find a balance between innovation and protecting the interests of all participants in order to create a sustainable and fair environment for the development of BNPL services

Keywords: BNPL, buy now – pay later, installments, payment of goods in installments, payment of goods on credit, consumer lending.

Постановка проблемы и актуальность исследования

Последние десятилетия были периодом внедрения новых компьютерных технологий, кредитных карт и важных инноваций денежно-финансового рынка [7, с. 127].

Так, одним из последних инструментов стали сервисы BNPL (от англ. Buy Now Pay Later, купи сейчас — плати потом), а именно схемы долевой оплаты товаров и услуг, при которой потребитель получает покупку на руки прямо сейчас и постепенно выплачивает ее стоимость без переплат. На данный момент в этом сегменте рынка действуют как кредитные организации, так и финтех-сервисы, однако рынок на текущий момент недостаточно урегулирован.

Актуальность обозначенного вопроса объясняется тем, что именно на данный момент в экономике развивается данное направление финансовых технологий, а также их популярность среди населения.

Материалы и методы исследования

Существенный вклад в развитие проблемы регулирования BNPL-сервисов внесли Л. А. Емелина, Н. А. Швачко, К. И. Аксенова, Е. С. Зеленева. Проблему регулирования данных сервисов рассрочки также изучают и за рубежом. Так, Ди Джонсон, Джон Родуэлл, Томас Хендри изучали опыт регулирования BNPL в Австралии и в своей работе отмечают деструктивный характер контроля со стороны регулирующих органов [8].

При проведении исследования использованы общенаучные методы изучения: синтез, анализ, правовое моделирование, а также специально-научные методы: формально-юридический, системно-структурный, а также сравнительно-правовой.

Результаты исследования

Механизм их функционирования предполагает обеспечение возможности для физических лиц оплачивать покупки равными частями в течение короткого периода времени [6, с. 251].

Во всем мире, в том числе в Австралии, США, Великобритании и других странах, программы «Покупай сейчас, плати позже» (BNPL) получили огромное развитие. Услуги «Покупай сейчас, плати позже» (BNPL), новый класс электронных платежных систем в рассрочку, приобрели известность в последние годы, поскольку их использование и прием значительно расширились. Это даёт малому и среднему бизнесу возможность увеличить продажи, а покупателю распределить финансовую нагрузку [4]. Клиенты обычно получают доступ к этим услугам через мобильное приложение, а платежи списываются с их соответствующей дебетовой или кредитной карты. И. В. Солдатенкова отмечает данный способ покупки и оплаты, как преимущества использования BNPL-сервисов возможность покупателя приобретать това-

* Научный руководитель: Журавлева Ирина Александровна, доктор философских наук, кандидат экономических наук, доцент Департамента налогов и налогового администрирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, академик РАЕН.

** Scientific supervisor: Zhuravleva Irina Alexandrovna, Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in economical sciences, associate professor of Taxes and tax administration sub-faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences.

ры в рассрочку, не заключая кредитный договор либо договор займа, таким образом не создавая долговую процентную яму. Доступ к большинству этих сервисов BNPL осуществляется онлайн, также некоторые компании также разрешают совершать покупки оффлайн с использованием приложения. Виртуальные карты являются еще одним способом предоставления этих услуг.

Услуги BNPL также могут предоставить значительные возможности для укрепления исламской финансовой среды [9]. Финтех является драйвером цифровой экономики и прогрессивных изменений в динамике социально-экономического развития, что подтверждается приверженностью ведущих российских и зарубежных компаний цифровыми бизнес-моделями. Кроме того, О. М. Коробейникова, Н. С. Панова, Е. С. Шемет определяют совершенствование финансовых сервисов, а именно развитие направления BNPL, сервисов рассрочки, как современный тренд российского финтеха [5, с. 175].

BNPL финтех-сервисы становятся все более важными в современной экономике по нескольким причинам:

Во-первых, они предлагаются удобство и являются комфортными для потребителей: BNPL сервисы обычно предлагают гибкие условия платежа, такие как отсрочка платежа или рассрочка.

Во-вторых, BNPL сервисы поддерживает малый и средний бизнес. Они позволяют этим предприятиям предлагать своим клиентам гибкие условия платежа, что может помочь увеличить объем продаж и привлечь новых клиентов.

В-третьих, BNPL сервисы имеют большую значимость в развитии электронной коммерции. Операторы сервисов BNPL чаще всего являются крупными игроками на рынке кредитования или до введения данной системы рассрочек уже занимались электронной коммерцией, а введение BNPL-сервисов необходимо для развития и расширения.

В-четвертых, BNPL финтех-сервисы представляют собой инновационную форму финансовых услуг, которая изменяет традиционные способы оплаты. Это стимулирует инновации в секторе финтех и способствует экономическому росту.

В-пятых, данный инструмент является новым для рынка, и с ним нет негативных ассоциаций.

BNPL сервисы привлекательны для клиента в связи с их простотой и прозрачностью, отсутствием прямой платы с потребителя, избеганием кредитной системы, однако указанные преимущества не исключают рисков для потребителя, которые могут возникнуть при использовании сервисов рассрочек [2, с. 40].

Платежная финтех-сфера является лидером по привлечению инвестиций. Платежные компании расширяют спектр своих услуг как напрямую, так и посредством различных партнерств, а финтех-аналог традиционного кредита BNPL (Buy Now, Pay Later) развивается в сторону создания платформы, объединяющей кредиторов и заемщиков [3, с. 2624].

В настоящий момент рынок BNPL регулируется законом о защите прав потребителя, который регулирует продажу с рассрочкой платежа. Все вопросы нарушения обязательств же решаются в рамках гражданско-правового производства. Часть экспертов банковской и кредитной сферы выступает за дополнительное регулирование рынка BNPL сервиса в виде создания единых требования к договору, где будут отражены указанные ЦБ ограничения и по размеру штрафных санкций, и отсутствие дополнительных комиссий и т.д.

Основная задача регулирования рынка состоит в защите прав потребителей, которые пользуются формой оплаты по частям. Отметим, что отсутствие регулирования услуг BNPL вызывает сохраняющуюся обеспокоенность по поводу защиты прав потребителей и в других странах, включая Великобританию.

Центробанк осенью подготовить законопроект по регулированию рынка рассрочки, то есть онлайн-оплаты частями за товары и услуги[1]. Регулятор планирует установить единые требования к договору рассрочки для всех операторов. В числе требований рассматриваются требования к информированию потребителей и содержанию договора, период «охлаждения», а также ограничения по размерам штрафов за неуплату и на уступку операторами прав требований. Кроме того, неясно, будет ли факт использования рассрочки отражаться в кредитной истории гражданина.

Основной вопрос в регулировании рынка услуг BNPL заключается в дискуссии о том, как отличить BNPL-сервисы от скрывающихся под их вывеской МФО. Вместо традиционных обращений к Бюро кредитных историй (БИК) BNPL-сервисы используют современные технологии для оценки платежеспособности клиента. В основе сервисов BNPL децентрализованное хранение и распределённая обработка данных и технологии Threat intelligence. В основе работы МФО традиционные схемы с Бюро Кредитных Историй.

В настоящее время индустрия BNPL предполагает следующие риски для клиентов:

Во-первых, ненадлежащее поведение или риски недобросовестных практик [2, с. 40]. Отсутствие регулирования может открыть двери для злоупотребления.

Во-вторых, деятельность сервисов может стать реальной угрозой закредитованности граждан. Потребители могут быстро увязнуть в накоплении долгов, что приведет их к чрезмерной задолженности. Проверять платежеспособность граждан можно с использованием Бюро кредитных историй (далее – БКИ). Однако использование анализа кредитной истории через запрос паспортных данных и обращений в БКИ устраняет конкурентные преимущества и особенности рассматриваемых сервисов. Так, Банк России Регулятор полагает важным направлять сведения о рассрочке в бюро кредитных историй.

В-третьих, сервисы рассрочки связаны с психологическими рисками. Потребитель может переоценить свои возможности, в результате он не сможет выплатить все долги, что приведет к банкротству, так как сумма всех товаров может быть неподъемная [1, с. 22].

Представляется проверка на основе анализа «цифрового следа» человека, а также распределенной обработки данных. Однако справедливо отметить, что использование альтернативных методов проверки финансового состояния потребителя будет негативно сказываться на оценку банками закредитованности гражданина при выдаче кредитов, поскольку рассрочки BNPL не будут отображаться в БКИ. Отсутствие сведений о взятых на гражданина обязательств по услугам сервисов BNPL мешает финансовым организациям правильно оценить долговую нагрузку и кредитоспособность потенциальных заемщиков.

В последние годы финтех-сервисы «купи сейчас, плати потом» стали популярными во многих странах. Эти сервисы позволяют потребителям покупать товары и услуги сразу, а оплачивать их позже в рассрочку. Однако, с ростом популярности BNPL сервисов возникли опасения по поводу их регулирования и защиты интересов потребителей. На данный момент рынок BNPL почти не регулируется как в России, так и за рубежом. Однако стоит отметить повсеместную озабоченность будущим регулирования рынка BNPL. Так, правительственные органы по защите прав потребителей проявляют активность и внимательно следят за развитием индустрии BNPL. Правительство и Центральные банки ряда государств также выступают за регулирование BNPL. Ниже приведена таблица, в которой исследуется регулирование сервисов отложенных платежей за рубежом (табл. 1).

Из сказанного становится очевидным то, что перспективой регулирования BNPL финтех-сервисов в России регулирования может быть введение лицензирования для BNPL финтех-сервисов. Это позволит регуляторам контролировать деятельность таких сервисов и убедиться в их финансовой устойчивости, соответствии правилам и нормам, а также защите данных потребителей. Кроме того, регуляторы могут разработать правила и стандарты для BNPL финтех-сервисов, например, в отношении прозрачности информации о кредитных условиях, правил взыскания задолженностей, предотвращения перекредитования и т.д.

1 Банк России разработал подходы к регулированию рассрочки // Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/press/event/?id=14329.

Таблица 1. Регулирование рынка BNPL в зарубежных странах.

Страна	Регулирование BNPL
Великобритания	BNPL на данный момент не регулируется. У Правительства Великобритании есть планы по расширению сферы регулирования, чтобы охватить те сервисы BNPL, опубликован законопроект о регулировании BNPL.
Соединённые Штаты Америки	Бюро финансовой защиты потребителей (CFPB) опубликовало отчет об индустрии BNPL, в котором выразило мнение, что BNPL потенциально может нанести вред потребителям и что оно планирует регулировать отрасль соразмерно этому риску.
Канада	Отсутствует регулирование на федеральном уровне. Операторы услуг BNPL должны придерживаться нормативных требований провинций.
Франция	Сервисы BNPL регулируются. Услуги сервисов BNPL исключаются из режима потребительского кредитования при соблюдении определенных условий. Ффранцузское законодательство также требует наличия специальных лицензий для осуществления платежей более чем в 4 приема

В целом, регулирование BNPL финтех-сервисов за рубежом нацелено на обеспечение прозрачности, защиту потребителей и предотвращение неправомерных или вредоносных практик. Однако, с учетом быстрого развития и роста этой отрасли, дальнейшие изменения и обновления в законодательстве могут быть необходимы для эффективного регулирования BNPL сервисов.

Выводы

В данной научной работе было исследовано регулирование BNPL финтех-сервисов в Российской Федерации и за рубежом. В результате изучения был получен материал, анализ которого позволил сделать следующие выводы:

1. Схемы BNPL – это новая форма электронных платежей в рассрочку, которая позволяет приобретать даже более мелкие товары и погашать их в течение определенного периода времени.

2. «Покупай сейчас, плати позже» (BNPL) – одна из самых популярных тенденций в сфере финансовых услуг и розничной торговли на сегодняшний день, привлекающая ресурсы и инновации во многих странах.

3. Регулятору требуется установить основные принципы, по которым работают BNPL-провайдеры, чтобы предотвратить случаи неправомерной продажи, скрытых комиссий и манипуляций с ценами. Однако важно найти баланс и не перегружать этот удобный и технологичный продукт большим количеством регулятивных требований.

4. Несмотря на санкционное давление, Россия продолжает быть в фронтире мирового финтеха и платежных технологий, разрабатывая и внедряя самые передовые решения.

5. Операторы BNPL услуг встали на путь создания специализированного финтех-аналога бюро своими силами и научить профессиональных кредиторов применять современные технологии.

6. Регулирование BNPL финтех-сервисов в Российской Федерации и за рубежом находится на разных стадиях развития. В России необходимо продолжить работу над законодательными изменениями, правовым полем, чтобы обеспечить защиту интересов потребителей и стабильность финансовой системы. В то же время, зарубежные страны уже имеют определенный опыт и могут служить примером для развития регулирования в России.

Вызовы современности оказывают серьезное влияние на платежный бизнес. Грядущее внедрение цифрового рубля и другие инновации (BNPL, встроенные финансы и другие сервисы) вновь требуют усилий по правовому регулированию в целях защиты прав бизнеса и граждан. В целом, развитие и регулирование BNPL финтех-сервисов имеют значительное значение для обеспечения доступности финансовых услуг, защиты прав потребителей и стабильности финансовой системы. Необходимо найти баланс между инновациями и защитой интересов всех участников данного финансово-торгового процесса, чтобы создать устойчивую и справедливую среду для развития BNPL сервисов.

Автор научного исследования выражают признательность и благодарность д.филос.н., к.э.н., доценту Департамента налогов и налогового администрирования Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансового университета при Правительстве РФ, академику РАЕН, Ирине Александровне Журавлевой, за оказанную консультационную помощь в проведении данного исследования и научное руководство в написании настоящей статьи.

Пристатейный библиографический список

1. Аксенова, К. И. Современный метод предоставления отсроченной оплаты товара в малом и среднем бизнесе // Проблемы социально-экономической устойчивости региона: Сборник статей XX Международной научно-практической конференции, Пенза, 25-26 января 2023 года / Под редакцией Г. А. Резник. - Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. - С. 20-23.
2. Емелина Л. А., Швачко Н. А. Перспективы регулирования деятельности операторов BNPL-сервисов // Банковское дело. - 2022. - № 3. - С. 38-41.
3. Зеленева Е. С. Факторы и тенденции развития финансовых технологий в России и в мире // Креативная экономика. - 2023. - Т. 17. № 7. - С. 2615-2632.
4. Журавлева И. А. Проблемы и перспективы развития малого предпринимательства в условиях цифровой экономики // Аудит и Финансовый анализ. - 2018. - № 2. - С. 353-359.
5. Коробейникова О. М., Панова Н. С., Шемет Е. С. Современные тренды российского финтеха // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. - 2023. - Т. 8. № 2. - С. 170-177.
6. Солдатенкова И. В. Новые продукты на отечественном кредитном рынке // Журнал правовых и экономических исследований. - 2022. - № 4. - С. 247-257.
7. Силаева А. А., Игнатенков Г. К. Apple, Samsung и Android Pay: особенности бесконтактных мобильных платёжных систем и перспективы их внедрения в России // Сервис в России и за рубежом. - 2017. - №3 (73). - С. 126-135.
8. Johnson D., Rodwell J., Hendry T. Analyzing the Impacts of Financial Services Regulation to Make the Case That Buy-Now-Pay-Later Regulation Is Failing. Sustainability 2021, 13, 1992.
9. Klemens Katterbauer, Hassan Syed, Sema Yilmaz Genc, Laurent Cleenewerck. Ai driven Islamic buy now pay later (bnpl) – a legal analysis // Journal of Management and Islamic Finance. - 2023. - Vol. 3 - № 1.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-239-240

АЛИЕВА Эльмира Башировна
кандидат экономических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

МЕЖИДОВ Омар Джамалович
магистрант 2-го года обучения кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

Алиева Э. Б.

Междидов О. Д.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РФ

В статье рассмотрены некоторые проблемы реализации банковской деятельности, определение статуса Центрального банка РФ, также рассмотрены проблемы правового регулирования банковской деятельности в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена тем, что российская практика развития банковской деятельности сталкивается с препятствиями, связанными с необходимостью совершенствования нормативно-правовой базы. Целью статьи является определение проблем правового регулирования банковской деятельности в РФ и, в частности, Центрального Банка РФ.

Ключевые слова: банковская система, банковская деятельность, финансово-кредитные организации, Центральный Банк Российской Федерации, правовое регулирование.

ALIEVA Elmira Bashirovna
Ph.D. in economic sciences, associate professor of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University

MEZHIDOV Omar Jamalovich
magister student of the 2nd year of study of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF BANKING ACTIVITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses some problems of the implementation of banking activities, determining the status of the Central Bank of the Russian Federation, and also considers the problems of legal regulation of banking activities in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the fact that the Russian practice of banking development faces obstacles related to the need to improve the regulatory framework. The purpose of the article is to identify the problems of legal regulation of banking activities in the Russian Federation and in particular the Central Bank of the Russian Federation.

Keywords: banking system, banking activity, financial and credit organizations, Central Bank of the Russian Federation, legal regulation.

Банковская система Российской Федерации состоит из нескольких взаимосвязанных и взаимозависимых между собой элементов. Их правильное представление и смысловое содержание являются обязательными для раскрытия сущности и значения банковской системы.

Структура и строение банковской системы представлены двумя основными факторами: юридический, обуславливающий наличие правового режима деятельности структур, входящих в ее состав; экономический, позволяющий реализовать основополагающую цель организаций – получение прибыли [1, с. 123].

Банковская система России представляет собой законодательно установленную систему форм и методов деятельности финансово-кредитных организаций, полномочных в части проведения банковских операций, а также, органов, обеспечивающих контроль и надзор в этой сфере. Участниками правоотношений, складывающихся в банковской системе РФ, являются: Центральный Банк России, финансово-кредитные организации, в том числе коммерческие банки и небанковские кредитные организации. В структуру банковской системы входит Агентство по страхованию вкладов, имеющее статус государственной корпорации, обеспечивающей страхование вкладов.

Чтобы дать полноценный анализ развития банковской системы РФ, необходимо определить уровень регулирования этой сферы. Несмотря на усиление и расширение вводимых европейскими странами санкций, банковское законодательство продолжает динамично развиваться, процесс реформирования банковской системы продолжается, хотя в пределах изоляции это делать все сложнее. Внесение нормативно-правовых изменений и дополнений сопровождается установленными барьерами «недружественных» стран, на преодоление которых могут уйти месяцы и годы согласований. Изменения влекут необходимость совершенствования валютного регулирования, разработки новых правил порядка открытия, закрытия банковских счетов для нерезидентов, контрагентов, осуществляющих деятельность на территории России и из источников РФ. Если на начало 2020 года, банковское законодательство насчитывало более 8000 нормативно-правовых актов различного характера, то на декабрь 2022 года их более 10000 тысяч. Необходимо отметить, что их принятие характеризуется сегодняшним нестабильным временем, как стратегически вынужденные меры совершенствования банковского управления, делая упор на создание новых ресурсов. Геополитическая обстановка является триггером созда-

ния новых банковских инструментов. Неудивительно, что поспешное принятие новых нормативно-правовых актов в банковской сфере, внесение изменений и дополнений в ныне действующие нормы, порождают противоречия и коллизии, требующие устранения и доработки. Проблемы такого рода, несомненно, отражаются на практике правоприменения банковских норм.

Актуальными остаются проблемы определения правового статуса Центрального банка, его полномочий как органа власти государства и юридического лица, их пределов и вопросов ответственности. По мнению специалистов, статус ЦБ РФ носит комплексный особый конституционно-правовой, административно-правовой, финансово-правовой характер. Суть данной проблемы заключается в том, что на федеральном уровне законодательства РФ отсутствуют нормы регулирования координации и взаимосвязи институтов этих отраслей, что увеличивает риск возникновения противоречий и конфликтов интересов участников кредитных правоотношений. Устранение возникающих проблем остается главной целью, которая может быть достигнута только усилением роли нормативно-правовой базы, направленной на совершенствование банковского законодательства и модернизацией автоматизированных информационных программ, обеспечивающих доступ всех субъектов, участвующих в этой сфере. Такой подход способствует повышению эффективности деятельности и развитию всех финансовых институтов.

До сих пор в научной литературе остается открытым вопрос закрепления правового смысла и содержания такой дефиниции как «банковская деятельность» несмотря на то, что в ст. 2 ФЗ «О банках и банковской деятельности» законодатель активно апеллирует им. Как понимать данный пробел: государство не может определиться с его правовым содержанием или целенаправленно деликатничает в этом вопросе, понимая неоднозначность данной дефиниции. Закрепление в законодательстве термина «банковской деятельности» принципиально необходимо для определения пределов компетенции её участников.

ФЗ № 395 от 02.12. 1990 года «О банках и банковской деятельности» содержит правовые основы банковской системы РФ. Он устанавливает порядок получения лицензий, общие правила регистрации и ликвидации финансово-кредитных организаций, направленных на обеспечение стабильности банковской сферы. В банковском законодательстве содержатся положения закрепляющие права и обязанности кредиторов и вкладчиков, порядок реализации межбанковских отношений, гарантии банковской тайны, а также функции ЦБ РФ по контролю и надзору за кредитными организациями[1].

В материальном и процессуальном праве режим деятельности ЦБ РФ и правовое регулирование банковской системы находят отражение в Конституции РФ. Согласно статье 104 Конституции РФ, Центральный банк помимо самостоятельного издания НПА с целью выполнения функций, возложенных на него, не наделен правом законодательной инициативы. Его непосредственное участие в законодательном процессе обеспечивается дачей заключения по проектам федеральных законов и иных НПА исполнительных органов власти федерального уровня.

Нормативно закрепленные взаимоотношения ЦБ РФ с коммерческими банками основаны на защите интересов всех участников банковских правоотношений и направлены на поддержание устойчивости и стабильности всей банковской системы. Контролируя соблюдение правил создания и осуществления деятельности коммерческими банками, ЦБ РФ в оперативную деятельность коммерческих банков не вмешивается. Он устанавливает для них правила ведения бухгалтерского учета и отчетности, порядок оформления статистической информации, запрашивая и анализируя пояснения по ним [3].

ЦБ РФ занимает основное место в банковской системе. Его деятельность регламентирована в ФЗ РФ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». По мнению многих юристов, в законодательстве имеются некоторые противоречия в части положения, определяющего статус ЦБ РФ, а именно, указание на его независимость от иных органов власти государства. Согласно статье 3 Конституции РФ, народ осуществляет свою власть через органы государственной власти, путем её разделения на три уровня: исполнительные органы власти государства, законодательные органы власти государства и судебную власть. В соответствии со ст. 10 Конституции РФ, любой орган государства должен соответствовать одному из уровней. Тем не менее, на практике действуют органы, которые не относятся ни к одной ветви государственной власти. К ним относят Центральный банк РФ, Счетная палата РФ, Прокуратура РФ и др. Более того, основной закон России не всегда разъясняет их правовой статус [2]. В определении Конституционного суда РФ от 14.12.2000 № 268-О говорится, что «статус Центрального банка Российской Федерации установлен Конституцией Российской Федерации, в ст. 75 которой определены его исключительное право на осуществление денежной эмиссии (ч. 1) и в качестве основной функции — защита и обеспечение устойчивости рубля (ч. 2). Перечисленные полномочия напрямую связаны с возможностью применения принудительных мер, что относят к функциям органов государственной власти.

Нормотворческая деятельность ЦБ РФ подтверждает наличие у него исключительных прав в части установления обязательных для исполнения участниками банковских правоотношений, в том числе, органов государственной власти, правил и порядка регулирования их деятельности[2]. То есть, деятельность ЦБ РФ осуществляется на основе принципов органов государственной власти, что не позволяет считать его коммерческой организацией.

По мнению экономистов, статус ЦБ РФ можно определить как государственную корпорацию. Однако, с правовой точки зрения, этот орган наделен государственно-властными полномочиями, что не позволяет его считать организацией.

Таким образом, Центральный банк – особая государственная структура, не относящаяся к органам власти, обладающая публично-правовым статусом, осуществляющая деятельность по принципу независимости и самостоятельности, наделенная правом издания нормативно-правовых актов в отношении подведомственных ему структур.

Пристатейный библиографический список

1. Рид Э. Коммерческие банки / Пер. с англ. – М., 2015.
2. Рождественская Т. Э. Банковское право: Учеб. пособие. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2015.
3. Тимофеева А. В. Некоторые актуальные проблемы правового регулирования взаимоотношений Центрального Банка Российской Федерации с кредитными организациями. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 23 (313). – С. 303-305.

1 Федеральный закон от 02.121990 № 395–1 (ред. от 06.06.2019) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. – 05.02.1996. – № 6. – Ст. 492; 10.06.2019. – № 23. – Ст. 292.

2 Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 2.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-241-242

ФЕДОРОВ Евгений Прокопьевич
директор по продажам Компании «Оптиксервис», Новосибирск

Федоров Е. П.

ПРИНЦИП ОПЛАТЫ ТОВАРА ПО ФАКТУ РЕАЛИЗАЦИИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННАЯ ПРАКТИКА ДЕЛОВОГО ОБОРОТА И ПРОТИВОРЕЧИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В статье рассматриваются гражданско-правовые особенности заключения и исполнения договоров поставки с условием, подразумевающим оплату товара покупателем по факту его розничной реализации. Делается вывод о том, что практика использования данной схемы оплаты товара является общераспространенной и экономически обусловленной. Вместе с тем включение подобных условий в договор поставки противоречит действующему законодательству, что создает условия для массовых правонарушений со стороны крупных торговых сетей. Предполагается, что внесение изменений в ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» позволит упорядочить и систематизировать процесс взаиморасчётов между хозяйствующими субъектами в сегменте торговых сетей России, что повлечет рост производительности и позволит обеспечить минимально возможные цены в сетевых магазинах.

Ключевые слова: договор поставки, принцип оплаты товара по факту реализации, хозяйствующий субъект, «жесткий дискаунтер», обыкновение делового оборота.

FEDOROV Evgeniy Prokopjevich
sales director of the Optikservis Company, Novosibirsk

THE PRINCIPLE OF PAYMENT FOR GOODS UPON SALE AS AN ECONOMICALLY DRIVEN BUSINESS PRACTICE AND A CONTRADICTION TO THE LAW

The article discusses the civil law features of the conclusion and execution of supply contracts with a condition that implies payment for the goods by the buyer upon the fact of its retail sale. It is concluded that the practice of using this scheme of payment for goods is widespread and economically conditioned. At the same time, the inclusion of such conditions in the supply contract is contrary to the current legislation, which creates conditions for mass violations by large retail chains. It is assumed that the introduction of amendments to the Federal Law "On the Fundamentals of State Regulation of Trading Activities in the Russian Federation" will streamline and systematize the process of mutual settlements between economic entities in the segment of Russian retail chains, which will lead to an increase in productivity and will ensure the lowest possible prices in chain stores.

Keywords: supply contract, principle of payment for goods upon sale, economic entity, "hard discounter", business practice.

Динамика развития розничной торговли в России на протяжении последнего десятилетия позволяет проследить возникновение явной тенденции развития формата сетевой организации торговли, именуемой в упомянутой среде «жёсткий дискаунтер». По своей сути это такой формат, где для потребителя предлагается минимальный набор продуктов, товарных марок по минимальной цене. Как правило, по форме это магазин типа супермаркет (универсам) эконом-класса с площадью торгового зала от 250 м^2, в котором осуществляют продажу ограниченного ассортимента продовольственных и непродовольственных товаров повседневного спроса по ценам ниже среднерыночных, преимущественно по методу самообслуживания.

Причины высокой популярности данного формата розничной торговли прослеживаются в макроэкономических показателях экономики России, таких как:

– сокращение ВВП. В частности, во II квартале 2022 г. снижение ВВП составило 4 %, а в июне 2022 г. – 4,9 %. В июне 2022 г. экономическая активность поддерживалась улучшением показателей добывающей промышленности и сохранением положительной динамики в сельском хозяйстве. На фоне масштабного сокращения импорта в 2022 году ускорилось падение оптовой торговли (на 18,3 % в июне после 15,5 % в мае);

– высокие темпы инфляции. ЦБ РФ в июле 2022 года пересмотрел прогноз по снижению ВВП в 2022 году до -4 %/-6 %, в 2023 году – до -1 %/-4 %, а в 2024 году – рост на 1,5 %/2,5 %. Также ЦБ РФ пересмотрел прогноз по инфляции: в 2022 году инфляция в среднем за год составит 12-15 %, в 2023 году – 5-7 %, а к 2024 году вернется к целевому показателю в 4 %.

– внешние санкции, введённые после начала СВО. Россия стала лидером среди стран мира по количеству введенных против неё санкций, опередив по этому показателю Иран и Северную Корею. С 18 февраля по 22 июля 2022 г. объем международных резервов РФ сократился на 76 миллиардов долларов до 567 миллиардов долларов (из них более 300 миллиардов долларов заморожены).

– негативный информационный фон относительно введения потолка цен на энергоресурсы, экспортируемые из России. Средняя цена на нефть Urals в июне 2022 года установилась в размере 78,41 долларов за баррель, что в 1,09 раза выше, чем в июле 2021 года. На фоне санкций многие европейские потребители начали отказываться от нефти марки Urals, что привело к расширению спреда по отношению к Brent с 10 % в начале марта до 30 % в мае-июне 2022 года. В начале июня 2022 года ЕС (Европейский Союз) согласовал частичное эмбарго на российскую нефть, которое предполагает запрет на морские поставки нефти с декабря 2022 г. и нефтепродуктов – с февраля 2023 года. В июле 2022 года ЕС дал разъяснения по вопросу эмбарго. Так, под санкции попадает и российская нефть в составе «нефтяной смеси».

Все вышеперечисленные макроэкономические факторы, безусловно, хоть и опосредовано, но влияют на модель потребления в розничной торговле. В I полугодии 2022 года оборот розничной торговли составил 20469,5 миллиардов рублей и в товарной массе сократился на 3,4 %, в том числе продовольственными товарами увеличился на 0,6 %, а непродовольственными – сократился на 6,9 %.

В январе-мае 2022 года инфляция в России последовательно ускорилась до максимумов с 2014 года, затем стабили-

зировалась на фоне укрепления рубля, после чего началась дефляция. При этом производители продолжают сталкиваться с опережающим ростом себестоимости (в том числе в связи с нестабильностью валютных курсов и ограничениями на валютные переводы в российских банках, разрывом производственных и логистических цепочек и увеличением стоимости перевозок, введенными против России санкциями, а также уходом с российского рынка международных компаний-поставщиков оборудования, ингредиентов и т. д.).

На фоне существенного снижения уровня доходов потребители вынуждены экономить на продуктах первоочередного повседневного спроса, что даёт мощнейший импульс развития формату «жёсткого дискаунтера». Стратегия торговых сетей, работающих в данном формате, предполагает, что цены на товары должны быть на 20–30 % ниже рыночных. Низкие цены достигаются большими объемами закупки и минимальной наценкой.

Вместе с тем одним из значимых факторов, обеспечивающих возможность продажи товара потребителю по столь низким ценам, являются особые условия договора поставки, по которому торговые сети осуществляют оптовую закупку у поставщика. Так, применяется специфический способ исполнения обязательств покупателя по оплате поставленного товара в рамках ст. 516 ГК РФ, основывающийся на принципе оплаты товара по факту его реализации[1]. Данный принцип зачастую закреплён на уровне базовой идеи подобных организаций.

На начальном этапе принцип оплаты товара по факту его реализации в некоторой степени останавливал развитие товарооборота компаний. Многие крупные производители не верили в жизнеспособность такого порядка оплаты, видели в нем больше рисков, чем возможностей. На протяжении первых лет работы ассортимент магазинов, использующих подобные условия договоров поставки, не включал в себя мультинациональных брендов. Однако, в 2012–2014 годах в составе их товаров появились и известные международные торговые марки.

Высокая динамика увеличения количества торговых объектов, рост товарооборота и, как прямое следствие - увеличение ёмкости этого канала продаж, поставило многих производителей перед выбором: принимать принцип оплаты товара по факту реализации и сотрудничать с организациями, использующими такую модель, либо нет. По сути, на чаше весов были и остаются риски невозврата в запланированный срок денежных средств за отгруженный товар, с одной стороны, и возможность получить значимую прибавку товарооборота, с другой стороны.

Относительно рисков по невозврату денежных средств в желаемый срок необходимо отметить, что данные риски вполне реальны, что подтверждается существующей судебной практикой. Необходимо отметить, что многочисленные иски по этому поводу показывают типичную ошибку хозяйствующих субъектов: формирование избыточного количества товаров, поставляемых в организации, работающие в формате «жёстких дискаунтеров» при наложении на это принципа оплаты по факту реализации даёт эффект «заморозки» денежных средств в нереализованном продукте на длительный период. Очевидно, что в подобных случаях поставщики, совершившие отгрузки и сформировавшие излишний товарный сток, не проявили должной осмотрительности, так как фактически произвели отгрузку такого количества продукции, распродажа которого займет год и более.

Для оценки подобных рисков необходимо пользоваться разумным подходом при формировании товарного запаса в точках такого формата торговли как «жёсткие дискаунтеры». Поставщикам следует оценивать потенциал отгружаемого продукта сообразно реальному сроку его продажи из торговых точек конечному потребителю. Как правило, такой срок составляет несколько месяцев при отсутствии излишних товарных запасов.

Помимо проблемы возникновения споров между контрагентами, у принципа оплаты товара по факту реализации существует и другая, более значительная проблема. Исходя из сложившихся правовых реалий, принцип оплаты товара по факту его реализации противоречит действующему Федеральному закону от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации». Данный нормативный акт определяет основы государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации. При этом нормами указанного Федерального закона в принципе не предусмотрена возможность оплаты товара по факту его реализации.

Пп. 3 п. 7 ст. 9 ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» устанавливает, что оплату поставленных в торговой сетей продовольственных товаров хозяйствующий субъект должен получить не позднее чем через сорок календарных дней после фактической передачи[2]. Таким образом основополагающий принципа бизнес-модели крупнейших торговых сетей, основывающийся на оплате товара по факту его реализации, прямо противоречит нормам действующего законодательства и не имеет должного правового закрепления.

К сожалению, такое положение дел заставляет производителей (поставщиков) и торговые организации постоянно искать пути обхода действующих норм закона. Не имея возможности включить соответствующее условие о порядке оплаты в договор, они вынуждены фиксировать договорённости в виде деловой переписки, протоколов встреч, совместных совещаний и иных не имеющих должной юридической силы документов, что само по себе не является нормой и не способствует обеспечению стабильности гражданского оборота. Любые так называемые «джентельменские соглашения» несут в себе риски, как для конкретных хозяйствующих субъектов в них участвующих, так и для всего рынка в целом. Особенно если в них вступают игроки, имеющие на рынке весомую долю. В настоящий момент сложилась абсолютно неприемлемая ситуация, при которой хозяйствующие субъекты на рынке розничной торговли вынуждены нарушать действующее законодательство.

Очевидно, что данная проблема требует решения на законодательном уровне. Любой нормативно-правовой акт должен отвечать требованиям реальности исполнения, требованиям сложившейся экономической действительности. Правовое закрепление принципа оплаты товара по факту его реализации в Федеральном законе от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» позволит упорядочить и систематизировать процесс взаиморасчётов между хозяйствующими субъектами в сегменте торговых сетей России. Кроме того, со временем это вынудит поставщиков освоить принципы просчета сроков реализации товара и, как следствие, сроки получения ими денежных средств за поставленный в торговую сеть товар. В итоге непрогнозируемое по срокам получение денег при расчёте бюджета производителя (поставщика) будет исключено из факторов риска, что спровоцирует рост производительности и позволит обеспечить минимально возможные цены в сетевых магазинах.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Л. В. «Проблемы совершенствования торгового законодательства в условиях санкций» // Коммерческое право. Научно-практический журнал. – 2015. – № 2 (17). – С. 4-9.
2. Нимгирова Н. И., Бадмаев Б. Р., Фисенко В. Ю., Мантышева Б. С. «Правовое регулирование торговой деятельности в России» // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 7. – С. 4-6.
3. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй. В трех томах. Т. 1: Комментарий / Под ред. Крашенинников П. В. – Москва: Статут, 2011. – 533 с.
4. Семенихин В. В. Защита прав потребителей. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2019. – 199 с.
5. Сухиненко Д. Д. «Гражданско-правовые аспекты регулирования торговых отношений» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 7-1 (70). – С. 235-238.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

2 Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2010. – № 1. – Ст. 2.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

Бажанов С. А.

ПОЛУЧЕНИЕ МИКРОЗАЙМА В МИКРОФИНАНСОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СПОСОБ УХОДА ОТ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ВЫДВОРЕНИЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье представлены результаты социологического опроса, проведенного среди осужденных иностранных граждан, а также анализ законодательства Российской Федерации по рассматриваемой теме. Автор статьи анализирует сравнительно новый способ ухода незаконных мигрантов от принудительного выдворения за пределы страны, который заключается в создании задолженности по микрозаймам с целью последующего запрета на выезд должнику-незаконному мигранту за пределы Российской Федерации.

Ключевые слова: иностранные граждане, незаконные мигранты, ограничение выезда, микрофинансовые организации.

BAZHANOV Sergey Andreevich
Ph.D. in Law, leading researcher of the Department for Improving the Regulatory Regulation of the Activities of the Penal Enforcement System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal Enforcement System of the Federal State Institution of the FPS of Russia

OBTAINING A MICROLOAN FROM A MICROFINANCE ORGANIZATION AS A WAY TO AVOID FORCED DEPORTATION FROM THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents the results of a sociological survey conducted among convicted foreign citizens, as well as an analysis of the legislation of the Russian Federation on the topic under consideration. The author of the article analyzes a relatively new way for illegal migrants to avoid forced deportation from the country, which is to create debt on microloans with the aim of subsequently banning the illegal migrant debtor from leaving the Russian Federation.

Keywords: foreign citizens, illegal migrants, exit restrictions, microfinance organizations.

По данным МВД России лишь только за январь-июль 2023 г. на миграционный учет встало более 9 млн иностранных граждан [1]. К сожалению, далеко не все иностранные граждане въезжают на территорию Российской Федерации с благими намерениями. Данные тезис подтверждается результатами социологического опроса, проведенного в 2016-2017 гг. сотрудниками ФКУ НИИ ФСИН России (далее – Институт), среди осужденных иностранных граждан [2], [3]. К слову сказать, в исследовании Института приняло участие 478 осужденных мужского пола и 145 осужденных женского пола иностранных граждан, которым было задано 43 вопроса, касающихся различных сфер их жизни. Как и ожидалось большинство респондентов, участвовавших в исследовании, оказались гражданами бывших советских республик (более 85 %), среди которых доминируют граждане Республики Узбекистан, Республики Таджикистан и Азербайджанской Республики. Подавляющая часть осужденных (мужского пола) отбывала наказание в исправительных учреждениях строго режима. Здесь следует обратить внимание читателя, что в подобных пенитенциарных учреждениях отбывают наказание осужденные рецидивисты либо впервые осужденные за совершение особо тяжких преступлений (часть 5 статьи 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Как показал анализ ответов осужденных на поставленные в анкете вопросы, больше всего криминальную активность проявляли иностранцы, достигшие наиболее трудоспособного возраста – от 30 до 49 лет [4]

В рамках рассматриваемой темы интересна цель въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию. На данный вопрос большинство опрошенных иностранцев (69,04 %) ответили, что въехали в Россию для поиска работы, как правило, на рабочих специальностях. Анализ уровня образования осужденных иностранцев показал, что среднее образование из них имели 44,14 %, неполное среднее 14,23 %, незаконченное высшее, высшее, два высших и более образования 12,76 % респондентов, неполное среднее образование 6,90 %. По нашему мнению, в современном обществе без должного владения государственным языком страны пребывания шансы иностранного гражданина найти легальную и постоянную работу крайне малы, однако и владение языком не всегда гарантирует успех в поиске постоянной работы, что косвенно подтверждается проведенным исследованием. В частности, большинство иностранных граждан, преступивших уголовный закон (70,71 %), свободно общались и вели переписку на русском языке, почти каждый четвертый понимал медленную простую речь, читал простые тексты (22,80 %), не владели русским языком и письменностью менее 5 % респондентов, что не помешало им преступить уголовный закон.

На наш взгляд, немаловажное значение для составления криминологического портрета осужденного иностранного гражданина имеет его род занятий до въезда в Российскую Федерацию. Так, на родине каждый второй (55,44 %) респондент был занят на рабочих специальностях, служащими являлись 3,35 %, предпринимателями 8,58 %, учащимися 8,79 %, менее

0,5 % проходили службу в правоохранительных органах, не имели работы 18,62 %, вели антисоциальный бродяжнический образ жизни 2,51 %. Некоторые изменения претерпела трудовая деятельность осужденных иностранных граждан после прибытия в Российскую Федерацию. Так, на рабочих специальностях было занято 62,76 %, что несколько выше, чем на родине, продолжали заниматься бизнесом 8,58 %, учебой 3,14 %, не смогли найти источник заработка 21,34 %, что опять же выше, чем на родине, занимались бродяжничеством 3,14 %. На родине проблем с законом не имело 77,62 % респондентов, были осуждены от 1 до 3 раз – 17,15 %, от 3 до 5 раз – 2,30 %, более 5 раз – 1,05 %. После прибытия в Российскую Федерацию доля респондентов, осужденных от 1 до 3 раз составила 97,28 %, от 3 до 5 раз – 1,67 % и более 5 раз – 1,88 %.

Исследование показало, что совершению преступлений у иностранных граждан предшествовало совершение различного рода административных правонарушений, в том числе в сфере миграционного учета, например, 6,28 % респондентов подвергались административному выдворению за пределы Российской Федерации.

Говоря о дальнейших планах после отбытия наказания 46,65 % иностранных граждан заявило, что хочет остаться в России, 38,08 % выехать на родину, не планировали свою дальнейшую жизнь 12,55 % опрошенных, а 1,3 % заявили, что не намерены уходить с криминальной стези.

Важным критерием для оценки степени исправления осужденного является его отношение к совершенному преступлению, желание загладить причиненный потерпевшей стороне вред, наличие непогашенных исков и т.д. Так, более трети респондентов из числа осужденных граждан не раскаялись в совершенном преступлении, в том числе среди признавших свою вину, каждый десятый посчитал себя невиновным, а обвинение «сфабрикованным». Относительно отношения к потерпевшему менее четверти (21,67 %) респондентов выразили готовность после освобождения лично принести извинения жертве преступления, более 42 % осужденных заявили, что судьба потерпевшего им безразличная, а 36,2 % отнеслись к потерпевшему с сочувствием.

По нашему мнению, в настоящее время наиболее действенным способом предупреждения правонарушений и преступлений со стороны иностранных граждан, является их административное выдворение за пределы Российской Федерации с последующим запретом на въезд на территорию Российской Федерации.

Административное выдворение за пределы Российской Федерации как мера административного наказания применяется к иностранным гражданам и лицам без гражданства судьей в порядке статьи 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ за совершение административного правонарушения.

Решение о нежелательности пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, о неразрешении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, в пределах своей компетенции принимают ФСИН России, МВД России, Росфинмониторинг, Минобороны России, МИД России.

Однако в последнее время незаконными мигрантами принят «на вооружение» новый метод ухода от принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, который заключается в получении микрозайма в микрофинансовой организация. В дальнейшем злоумышленники намерено создают задолженность, для взыскания которой микрофинасовая организация обращается с иском в суд. В рамках исполнительного производства судебным приставом-исполнителем на основании исполнительного листа, выданного по конкретному делу, выносится постановление о временном ограничении на выезд должника из Российской Федерации на определенный срок. Согласно пункту 3 статьи 28 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» выезд из Российской Федерации может быть ограничен иностранным гражданам в случае, если они уклоняются от исполнения обязательств, наложенных на них судом. В силу статьи 10 Федерального закона от 02.10.1995 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» при исполнении на территории Российской Федерации судебных актов, актов других органов и должностных лиц в отношении иностранных граждан на них распространяются положения настоящего Федерального закона. Таким образом, закон допускает наложение на иностранных граждан ограничения на выезд за пределы Российской Федерации, совершаемое в целях защиты публичного правопорядка в Российской Федерации, надлежащего исполнения судебных актов, что фактически позволяет незаконным мигрантам находиться на территории Российской Федерации до момента погашения задолженности.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт МВД России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya?ysclid=lmqak9gwht735009520 (дата обращения: 25.05.2023).
2. Гирько С. И., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н., Жиляев Р.М. Законодательные меры, направленные на противодействие рецидивной преступности незаконных мигрантов: аналитический материал с предложениями. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. – 58 с.
3. Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н., Жиляев Р.М. Характеристика осужденных иностранных граждан: аналитический материал. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. – 38 с.
4. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам Р13 выборочных обследований рабочей силы). 2022. Стат. сб./Росстат. – М., 2022. – 151 с.

БИЧЕНОВА Анна Роландиевна
преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИН России, майор внутренней службы

ДЕРИГЛАЗОВА Ольга Алексеевна
курсант 3 курса 2 взвода Самарского юридического институт ФСИН России

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, СВЯЗАННЫЕ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В настоящее время не перестает быть актуальной, а лишь набирает обороты проблема угрозы террористического акта. Усложняется данное обстоятельство еще и тем, что в последнее время велика доля несовершеннолетних, так или иначе принимающих участие в данном преступлении. В настоящей статье рассмотрены преступления, совершаемые несовершеннолетними, связанные с террористическим актом, а также причины и условия, способствующие вовлечению новых преступников.

Ключевые слова: террористический акт, несовершеннолетние, вовлечение в террористический акт, преступления террористической направленности.

BICHENOVA Anna Rolandievna
lecturer of Criminal and penal enforcement law sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia, major of the internal service

DERIGLAZOVA Olga Alexeevna
cadet of the 3rd course of the 2nd platoon of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

CAUSES AND CONDITIONS OF CRIMES COMMITTED BY MINORS RELATED TO TERRORIST ACTIVITIES

Currently, the problem of the threat of a terrorist act does not cease to be relevant, but is only gaining momentum. This circumstance is further complicated by the fact that recently there has been a large proportion of minors taking part in this crime in one way or another. This article discusses crimes committed by minors related to a terrorist act, as well as the causes and conditions conducive to the involvement of new criminals.

Keywords: terrorist act, minors, involvement in a terrorist act, terrorist crimes.

В последние годы в различных регионах России произошли громкие задержания несовершеннолетних при совершении ими террористических актов. Данные лица планировали устроить теракты в зданиях учебных заведений, правоохранительных органов. Некоторых, к сожалению, остановить не удалось, что привело к катастрофическим последствиям, человеческим жертвам.

Специальные службы часто предоставляют сведения о прекращении таких нападений с 2018 года – до этого в систему массовой информации редко попадали такие случаи.

С 2014 года в России наблюдалось около 29 нападений с участием школьников, а также подростков. Подобные ситуации происходили достаточно часто: около одной трети на каждый регион.

В 2018 году в массовой перестрелке в Керченском политехническом колледже, где зачинщиком был Владислав Росляков, жертвами террористических актов стали 33 человека, а также 137 людей пострадали[1]. Большинство из них (21 человек) погибли.

Большинство нападений было совершено в учебных заведениях, а также в зданиях правоохранительных органов произошло три теракта. Осенью в октябре 2020 года совершеннолетний студент Даниил Монахов открыл стрельбу на автобусной остановке в Нижегородской области, убив четырех человек. В 2021 году аналогичное преступление совершил Ильназ Галявиев – «казанский стрелок», которого обвиняют в расстреле казанской гимназии № 175. При расследовании данных преступлений было установлено, что преступники тщательно готовились к их совершению, более того, они ни в чем не каялись.

Однако проблема заключается не только в тех преступлениях, которые были совершены, но и в тех, которые удалось пресечь сотрудникам правоохранительных органов.

Приходится констатировать, что несмотря на все предпринятые со стороны правоохранительных органов действия, несовершеннолетними продолжаются совершения преступлений террористической направленности.

Характерной особенностью рассматриваемых преступлений является то, с какой легкостью их совершают несовершеннолетние.

Некоторые эксперты отмечают, что субъекты преступления не догадываются о том, что причиняют вред кому-либо, или относятся к этому безразлично [1]. Вместе с тем, первоочередной задачей правоохранительных органов является расследование вовлечения в террористическую деятельность несовершеннолетних, что вполне логично, так как быть вовлеченными в терроризм больше всего рискуют несовершеннолетние с нарушенным мировосприятием, плохими отношениями со сверстниками и с родителями.

От своевременного внимания к ребёнку, его воспитания и отношения родителей в семье по отношению друг к другу и к ребёнку, в том числе зависит его будущее. В настоящее

1 ФСБ увлеклась «детским терроризмом» и только за два года «пресекла» более 60 подростковых терактов // Власть и политика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://19rus.info/index.php/vlast-i-politika/item/142455-fsb-uvleklas-detskim-terrorizmom-i-tolko-za-dva-goda-presekla-bolee-60-podrostkovykh-teraktov (дата обращения: 28.07.2023).

время наблюдается растущую тенденцию к отчуждению в отношениях между конфликтующими, родителями и детьми. Отсутствие общения приводит детей к разногласию и отдалению с родителями. Это сказывается на социальном поведении подростков и на их нравственных установках. Это огромная и очень распространённая проблема, и она опасна тем, что в сложных жизненных ситуациях подростки могут, обращаясь за помощью, связаться с людьми с антисоциальной направленностью, которые, уделяя огромное внимание детям, будут иметь значение в жизни подростка и негативно скажутся на их поведении.

Следует подчеркнуть тот факт, что, как правило, несовершеннолетний преступник, который совершает террористический акт, сам является жертвой вовлечения в терроризм. Это связано с тем, что он совершает такие преступления под влиянием внешних факторов, а иногда – по принуждению. Помимо этого, в процессе совершения террористического акта, больше всего подвержен риску именно исполнитель. Этим обусловлен тот факт, что большая часть исполнителей-террористов – несовершеннолетние или женщины. Анализ уголовных дел о терроризме показывает, что несовершеннолетние женского пола (вовлеченные в совершение преступлений террористического характера и ныне отбывающие наказание в виде лишения свободы в ИК №8 РД) были вовлечены в преступную деятельность родственниками и знакомыми мужчинами[2].

Большинство девушек были вовлечены в совершение террористических актов мнимыми с женихами и мальчиками, которые заботились о них. Тенденция роста числа несовершеннолетних девушек, причастных к террористическим преступлениям, где бы они не находились, является тревожным симптомом для общества и страны в целом [2].

Плохо организованный досуг, неэффективная система образования – все это ведет к тому, что у несовершеннолетних остается много свободного времени и нереализованных амбиций, теряются идеалы и моральные ценности. Именно такие несовершеннолетние вовлекаются в занятия терроризмом чаще всего.

Согласно статистике, опубликованной на сайте МВД России, около 42 тысяч несовершеннолетних совершают преступления в течение года, причем около половины из них доходят до вынесения приговора.

В период 2015-2021 года только 2 % подростков были осуждены за преступления, связанные с терроризмом, экстремизмом или нападениями на государственного служащего - несмотря на повышенное внимание сил безопасности к этим мотивам. Большинство преступлений связано с грабежами, кражами и разбоями. Более половины наказаний выносится, но почти не уделяется внимание для предупреждения и профилактики таких преступлений.

В 2018 году судебный департамент при Верховном суде стал отдельно отчитываться о несовершеннолетних, осужденных по связанным с терроризмом статьям. За три с половиной года по ним были осуждены 16 подростков, они получили от двух до десяти лет колонии[3].

В то же время представители правоохранительных органов постоянно сообщают об устранении подростковых террористических актов. В этот период они зарегистрировали, по меньшей мере, около 59 предотвращенных нападений — в пять раз больше, чем число осужденных за это подростков.

Подростки часто привлекаются к ответственности за ложные сообщения о терактах, чем за реальный теракт — таких случаев было в шесть раз больше. Однако большинство несовершеннолетних, осужденных за преступления, содержащиеся в главе 24 Уголовного Кодекса Российской Федерации, получили наказания за незаконное изготовление, продажу или покупку оружия и взрывчатых веществ.

Таким образом, в настоящее время проблема совершения террористических актов лицами, не достигшими возраста 18 лет, представляется весьма актуальной и требующей скорейшего разрешения. В первую очередь, очевидна проблема вовлечения в терроризм несовершеннолетних. К сожалению, при расследовании подобного рода преступлений, правоохранительные органы не выясняют причины и условия, способствующие такому поведению. Кроме того, очевидно, что преступления, совершенные несовершеннолетними, наказываются недостаточно строго, что с одной стороны характеризуется гуманизацией, а с другой способствует совершению новых преступлений. Таким образом, санкции статей за совершение террористических актов, следует пересмотреть в сторону ужесточения.

Пристатейный библиографический список

1. Гамидов А. М. Условия, способствующие вовлечению несовершеннолетних в терроризм // Системные технологии. – 2013. – № 1. – С. 28-34.
2. Введенская Т. Ю., Дзигумская Е. А. Международный терроризм: психологический аспект. Проблемы политической психологии. Материалы научной конференции. - Киев, 2007. – С. 36-37.

2 Состояние преступности (актуальные данные) // Министерство внутренних дел Российской Федерации. Главная. Деятельность. Статистика и анализ: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф (дата обращения: 10.07.2023).

3 Департамент судебной статистики при Верховном суде РФ: Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2021 года административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://supcourt.ru/documents/statistics/?year=2021 (дата обращения: 15.07.2023).

ВОЛОСЮК Павел Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин Северо-Кавказского социального института, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин филиала Российского технологического университета – МИРЭА в г. Ставрополе

УРУСОВ Мурат Мухтарович
аспирант кафедры публично-правовых дисциплин Северо-Кавказского социального института

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210.1 УК РФ

В статье с учетом действующего уголовного законодательства и практики его применения, рассматривается вопрос об установлении признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. С учетом действующей концепции длящегося преступления в теории уголовного права, а также положений российского уголовного законодательства, определяющих основания и пределы уголовной ответственности, формулируются предложения по установлению признаков объективной стороны состава преступления предусмотренного ст. 210.1 УК, определению момента начала и окончания состава преступления, а также формулируются предложения по корректировке действующей редакции ст. 210.1 УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, организованная преступность, криминальный статус, занятие высшего положения в преступной иерархии, квалификация преступлений.

VOLOSYUK Pavel Valerjevich
Ph.D. in Law, Head of Public law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Social Institute, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the branch of the Russian Technological University – MIREA in Stavropol

URUSOV Murat Mukhtarovich
postgraduate student of Public law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Social Institute

CHARACTERISTICS OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CORPUS DELICTI PROVIDED FOR IN ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the article, taking into account the current criminal legislation and the practice of its application, the question of establishing the signs of the objective side of the corpus delicti provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered. Taking into account the current concept of a continuing crime in the theory of criminal law, as well as the provisions of Russian criminal legislation defining the grounds and limits of criminal liability, proposals are formulated to establish the signs of the objective side of the corpus delicti provided for in Article 210.1 of the Criminal Code, to determine the moment of the beginning and end of the corpus delicti, as well as proposals are formulated to adjust the current version of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability, organized crime, criminal status, occupation of the highest position in the criminal hierarchy.

В 2019 году по инициативе Президента Российской Федерации Федеральным законом № 46-ФЗ была введена новая уголовно-правовая норма – ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии», ранее неизвестная национальному уголовному праву, но которая призвана помочь правоприменителю в борьбе с организованной преступностью. Правда первые же месяцы «работы» данной уголовно-правовой нормы породили для представителей следственных и судебных органов большие проблемы в привлечении к уголовной ответственности лиц, которые потенциально могут являться субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Возникшие квалификационные проблемы были связаны, во-первых, с определением признаков субъекта преступления, так как на момент принятия ст. 210.1 УК и на момент подготовки настоящей статьи не существует нормативного определения лица «занимающего высшее положение в преступной иерархии», равно как и Верховный Суд Российской Федерации не дал официальных разъяснений по данному вопросу. Фактически, правоприменитель вынужден был устанавливать субъекта преступления по косвенным признакам, например по наличию «воровских татуировок», свидетельским показаниям, рапортам оперативных сотрудников в период отбытия лицом наказания в исправительном учреждении и т.п., что никак не может соответствовать требованиям Уголовного и Уголовно-процессуального законодательства. Во-вторых, и это одна из немаловажных проблем, с которыми сталкиваются правоприменители при квалификации действий виновного лица по ст. 210.1 УК РФ, — это конструкция объективной стороны. Законодатель при конструировании объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ отнес рассматриваемый состав преступления к категории длящегося преступления, породив тем самым большие проблемы с привлечением к уголовной ответственности виновных лиц.

В доктрине уголовного права, как в отечественной, так и зарубежной сформировались различные подходы к пониманию длящегося преступления, и если многие исследователи разделяют понятие длящегося преступления, сформулированное в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям», в котором под ним понимается как «действие так и бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования», то другие ученые под длящимся преступлением понимают «преступное состояние

лица», т.е. не связывают вопрос наступления уголовной ответственности с фактом совершения лицом противоправного деяния. Так, например А. С. Эктов пишет: «Лицо, виновное в длящемся преступлении, пребывает в определенном преступном состоянии в течение более или менее продолжительного промежутка времени» [1, с. 34]. По мнению Д. С. Чикина «длящееся преступление носит не одномоментный характер, а является преступным состоянием» [2, с. 149]. Как пишет Т. Г. Черненко: «Длящимся является преступление, которое начинается с акта противоправного действия или бездействия и, не оканчиваясь этим моментом, непрерывно осуществляется, образуя «преступное состояние» лица» [3, с. 121]. Правда в отечественной доктрине подход отнесения к длящимся преступлениям «преступного состояния» подвергается определенной критике, так как при таком подходе происходит нарушение положений ст. 8 и 14 УК РФ, так как длящееся преступление – это деяние в форме действия или бездействия, но не состояние, положение, статус [4, с. 443].

И действительно, если исходить из той концепции, которая существует в уголовно-правовой доктрине, а именно связать основание уголовной ответственности не с фактом совершения противоправного деяния, а с фактом общественной опасности самого лица, его криминальным статусом, то проблем с привлечением к уголовной ответственности лиц занимающих высшее положение в преступной иерархии не будет. Однако реальность такова, что данные обстоятельства, а именно отсутствие легального определения «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии» и неудачная конструкция объективной стороны рассматриваемого состава преступления, стали причиной того, что данный состав преступления фактически превратился в «мертвый состав», что послужило критическим замечанием исследователей о перспективах декриминализации данного состава преступления. Ученые [5] пытались решить возникшую проблему и рассмотреть описанные в диспозиции признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, через положения ст. 8 УК РФ именно как длящего преступления, иными словами факт занятия лицом определенного криминального положения отнести к деянию.

На практике же, следственно-судебные органы буквально толкуют рассматриваемую уголовно-правовую норму и связывают наступление уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ непосредственно с фактом обладания лицом определенным «криминальным статусом», сформировавшийся у него в течение определенного времени и распространяемый на определенную территорию и признаваемый в криминальной среде. При таком подходе ничто не мешает правоприменителю ставить вопрос о привлечении лица с криминальным статусом в любой период времени, равно как и до момента введения в действие ст. 210.1 УК РФ. Ученые [6, с. 447] отмечают так же, что такие лица могут быть повторно привлечены к уголовной ответственности по этой статье в период отбытия наказания, по правилам назначения наказания по совокупности приговоров.

Использованный законодателем признак «занятие» является производным глагола «занять», что означает завладеть чем-либо, начать иметь что-либо, вступить в должность, занять пост, занятие определенного положения [7]. Понимание данного уголовно-правового признака стоит рассматривать с двух сторон, во-первых, «занятие высшего положения в преступной иерархии», есть ни что иное, как определенный процесс, ритуал, который совершается в отношении конкретного лица, который в преступном мире обладает бесспорным авторитетом и способен осуществлять общее руководство организованной преступностью. Во-вторых, признак «занятие» есть не только определенный процесс, это есть и конечный результат – получение лицом соответствующего «криминального статуса». С точки зрения формальной логики занять определенную иерархию в преступном мире, это довольно длительный процесс, который напрямую связан не только с личностными характеристиками такого лица, но и его «профессионально-криминальной деятельностью». При соответствии всем требованиям, следование традициям криминального мира, позволяют при определенных обстоятельствах лицу достичь данного результата. Проблема связана, с одной стороны, с тем, как зафиксировать, установить факт того, что лицо получило статус лица «занимающего высшее положение в преступном мире». Данный процесс, приводящий к получению криминального статуса, не проходит публично, а наоборот проходит засекречено с участием только определенного круга лиц, которые подтверждают не только статус, но и криминальные полномочия такого лица. Получить информацию от таких лиц, принимавших непосредственное участие в присвоении лицу криминального статуса, практически невозможно, а использовать показания опосредованных свидетелей весьма проблематично, так как при такой ситуации произойдет нарушение принципа допустимости доказательств, заложенного в нормах ст. 75 УПК РФ.

Немаловажен в этом вопросе и временной промежуток. Если рассматривать состав преступления, предусмотренный ст. 210.1 УК РФ как «классическое» длящееся преступление, то временем совершения преступления будет сам факт наделения лица соответствующим криминальным статусом. Иными словами, началом совершения преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК необходимо признать ту дату, когда лицо фактически заняло соответствующее положение в преступной иерархии, например если лицо получило статус «вора в законе» 1 января 2023 года, то это и следует признать моментом начала совершения противоправного деяния. Моментом же окончания данного преступления следует признавать либо факт лишения лица криминального статуса или действия правоохранительных органов по пресечению противоправной деятельности такого лица. При этом для наступления уголовной ответственности не должно иметь существенного значения, где и когда лицо получило свой «криминальный статус», т.е. если например лицо получило статус «вора в законе» на территории иностранного государства или в период существования СССР, а фактически в настоящее время и на территории России осуществляет свои «криминальные полномочия», то вопрос о его уголовной ответственности должен быть решен положительно.

Возникающий в доктрине уголовного права вопрос о месте совершения преступления, на наш взгляд не должен порождать определенных квалификационных проблем [8, с. 95]. Из буквального толкования ст. 210.1 УК РФ, речь идет о распространении лицом своих криминальных функций, как на всей территории Российской Федерации, так и на ее отдельной территории или реализация таких криминальных функций на территории иностранного государства, что на-

ходит свое подтверждение в имеющейся правоприменительной практики.

Другая проблема связана с тем, что заложив в рассматриваемый состав преступления признак «занятие лицом высшего положения в преступной иерархии», законодатель фактически назвал основанием для наступления уголовной ответственности не сам факт совершения этим лицом каких-либо организационных действий, т.е. свершения деяния путем действия или бездействия, о чем и говорит Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 23 от 1929 года и указывается в отечественной доктрине уголовного права, а в связи с «общественной опасностью» такого лица. И в этой ситуации совершенно прав А. В. Иванчин [9, с. 55], отмечающий, что не может наступать ответственность по ст. 210.1 УК РФ, так как лицом не совершаются противоправные деяния, о чем и говорит ст. 8 УК РФ. Конечно, в доктрине уголовного права существуют мнения как отечественных, так и зарубежных ученых о том, что уголовная ответственность длящегося преступления может быть связана не с фактом совершения лицом деяния, а с опасным состоянием такого лица. Именно такой концепции видимо и придерживался национальный законодатель при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК, однако, не учтя одну важную деталь, что действующие положения отечественного уголовного закона предусматривают ответственность не за опасное состояние личности, а за факт совершения таким лицом определенных действий (бездействий). Например, если обратится к такому квалифицирующему признаку, присутствующему в большинстве составов преступления как «использование лицом своего служебного положения», то мы видим, что ответственность наступает не просто для лица занимающего определенное положение в какой-либо организации или учреждении, но именно за сам факт совершения таким лицом определенных действий, использование им своего положения при совершении противоправного деяния. Не является исключением и признак «должностного лица», присутствующий в преступлениях главы 30 Уголовного кодекса России.

Полагаем, что в этой части уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 210.1 УК РФ требует корректировки, иными словами, ответственность нужно вводить не за факт наличия у лица соответствующего «криминального статуса», а его использование в преступной деятельности, т.е. совершение определенных действий. Например, если к полномочиям «вора в законе» относится разрешения конфликтов, определение сферы влияния и выполнение иных криминальных функций, то только их реальное использование посредством своего статуса может влечь для него ответственность. Такая законодательная корректировка позволит привести анализируемую уголовно-правовую норму к действующим положениям российского уголовного законодательства. Нынешняя редакция ст. 210.1 УК РФ устанавливающая ответственность за сам факт наличия у лица «криминального статуса», не позволяет положительно ставить вопрос о наличии основания уголовной ответственности при действующей концепции национального уголовного законодательства и находится за рамками объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК.

Пристатейный библиографический список

1. Эктов А. С. Уголовно-правовые вопросы оценки длящихся преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 1. С. 33-36.
2. Чикин Д. С. К вопросу о понятии длящегося преступления и моменте его окончания // Общество и право. 2010. № 3. С. 148-151.
3. Черненко Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2012. 187 с.
4. Ображиев К. В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 4. С. 442-455.
5. Скобликов П. А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) // Закон. 2019. № 11. С. 144-152; Якушева Т. В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства // Уголовное право. 2019. № 3. С. 85-90.
6. Ображиев К. В. Указ. соч. С. 447.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8F%D1%82%D1%8C (дата обращения: 02.08.2023).
8. Стукалова Т. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы квалификации и доказывания // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. Выпуск 1 (103). С. 93-98.
9. Иванчин А. В. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с организованной преступностью: критический анализ актуальных инициатив // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2 (48). С. 55-56.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-250-255

ЗАКАЗНОВА Алевтина Николаевна
старший преподаватель кафедры уголовного права Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России

МОРГУЛЕНКО Евгений Андреевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России

Заказнова А. Н.

Моргуленко Е. А.

ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В УСЛОВИЯХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье проводится анализ детерминант насильственных преступлений против военной службы, специфическим образом проявляющихся в условиях боевых действий (общих детерминант), а также детерминант насильственных преступлений против военной службы, которые непосредственно порождены особенностями боевых действий (специфических детерминант).

Ключевые слова: детерминанты, насильственные преступления, боевые действия, конфликтная ситуация, дегуманизация.

ZAKAZNOVA Alevtina Nikolaevna
senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

MORGULENKO Evgeniy Andreevich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

FEATURES OF DETERMINATION OF VIOLENT CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE IN COMBAT CONDITIONS

The article analyzes the determinants of violent crimes against military service, which are manifested in a specific way in the conditions of hostilities (general determinants), as well as the determinants of violent crimes against military service, which are directly generated by the peculiarities of hostilities (specific determinants).

Keywords: determinants, violent crimes, fighting, conflict situation, dehumanization.

Детерминация насильственных преступлений военнослужащих против военной службы в условиях боевых действий отличается от причинного комплекса этих преступлений в армии мирного времени некоторыми особенностями, вытекающими из характера феномена войны и связанных с ней изменений общественных отношений.

Так, например, Карл фон Клаузевиц определяет, что «война – не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [2, с. 29]. Можно вспомнить и другое его определение, согласно которому «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [2, с. 17].

В данном случае, следует подчеркнуть, что термин «война» понимается здесь в расширительном и максимально общем толковании, ровно так, как и понимал его сам К. Клаузевиц. Разумеется, на современном этапе развития военно-юридической мысли, термин «война» получил свое довольно жестокое определение, которое отграничивает ее, например, от понятия «боевые действия». В частности, война предполагает наличие как минимум двух противоборствующих государств, в то время как боевые действия могут вестись в рамках одного государства. Термин «Чеченская война» хотя и пользуется популярностью, например, в СМИ или художественных произведениях, с юридической точки зрения применяться не может.

Из определений К. Клаузевица можно сделать несколько выводов. В частности, можно сосредоточиться на суждении, что война является продолжением политики. Политика является совокупностью общественных отношений, возникающих по поводу власти. Люди всегда будут спорить по поводу власти, значит, всегда будет иметь место политическая борьба и, следовательно, войны неизбежны. Также следует отметить, что ключевая задача, с которой создаются Вооруженные Силы (разумеется, речь не идет о паркетных армиях) – это участие и достижение превосходства в условиях боевого противоборства с противником. Таким образом, боевые действия является естественной обстановкой для вооруженных сил. Следовательно, криминологическое исследование особенностей детерминации насильственных преступлений против военной службы в условиях боевых действий является логичным и необходимым наравне с исследованием детерминации подобного рода преступлений в мирное время.

В связи с тем, что термин «боевые действия» является ключевым при выявлении особенностей детерминации воинской преступности в описываемых условиях, следует подробнее остановиться на его содержании. Существуют различные толкования данного термина. В частности, можно

использовать определение, выработанное Е. Б. Ворогушиным и Н. И. Савушкиным, согласно которому боевые действия – это «1) Составная часть военных действий противоборствующих сторон, организованное применение сил и средств объединений, соединений, частей, подразделений для выполнения поставленных боевых задач. 2) Форма опер ний, соединений, частей, подразделений в рамках операции в ативного (боевого) применения объединесоставе объединений более крупного масштаба или между операциями для последовательного решения оперативных, оперативно-тактических, тактических задач (то есть боевые действия могут рассматриваться и как процесс, являющийся составной частью военных действий, и как форма применения объединений, соединений, частей и подразделений)» [1, с. 147].

В свою очередь Х. А. Мусаев дает определение еще одного смежного понятия – «боевая обстановка». Он описывает ее как «совокупность факторов и условий, складывающихся как в зоне вооруженного конфликта, так и в мирное время при отражении нападения (уничтожении) незаконных вооруженных формирований (вооруженных банд), в условиях которых совершается общественно опасное посягательство, оказывающее влияние на характер и степень общественной опасности преступления» [7, с. 107-110].

Вышеуказанные доктринальные дефиниции коррелируют с судебным толкованием «боевых действий», под которыми высшая судебная инстанция понимает организованное применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и органов в военном конфликте, охватывающем все виды вооруженного противоборства, включая войны и вооруженные конфликты, а также в иных случаях в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (например, участие в операциях по поддержанию (восстановлению) международного мира и безопасности, принятие мер для предотвращения (устранения) угрозы миру, подавление актов агрессии (нарушения мира) на основании решений органов, уполномоченных их принимать в соответствии с международными договорами, участие в проведении контртеррористической операции, специальной военной операции либо защита Государственной границы Российской Федерации). Боевые действия ведутся в определенном районе и в определенный период при выполнении поставленных боевых (оперативных) задач [1].

Анализируя боевой опыт советской и российской армии, мы пришли к выводу, что в качестве ключевых криминологических признаков боевых действий, следует выделить:

1. Применение насилие, в том числе вооруженного насилия;

2. Падение ценности человеческой жизни;

3. Повышение уровня агрессии участников боевых действий;

4. Повышенные физические и эмоциональные нагрузки, сказывающиеся на психофизиологическом состоянии военнослужащих.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно утверждать, что криминологические признаки боевых действий во многом совпадают с детерминантами насильственных преступлений против военной службы. В свою очередь, детерминанты насильственных преступлений против военной службы в условиях боевых действий можно разделить на две группы:

1. Детерминанты насильственных преступлений против военной службы, специфическим образом проявляющиеся в условиях боевых действий (общие детерминанты).

2. Детерминанты насильственных преступлений против военной службы, которые непосредственно порождены особенностями боевых действий (специфические детерминанты).

Первую группу детерминантов можно разделить на две подгруппы:

1. Организационные;

2. Социально-психологические.

Организационные детерминанты, в свою очередь, сводятся в две группы: факторы, связанные с организацией отбора личного состава и факторы, связанные с организацией взаимодействия личного состава. Эти две группы общих детерминант характерны и для причинного комплекса насильственных преступлений против военной службы как в мирное время, так и в боевой обстановке.

Рассмотрим подробнее специфические детерминанты насильственных преступлений против военной службы в условиях боевой обстановки. Недостатки боевой, физической и морально-психологической подготовки профессиональных военнослужащих, а также низкий уровень морально-деловых качеств призывного контингента, неизбежно приводят к возникновению конфликтных ситуаций в подразделениях, участвующих в боевых действиях. Здесь следует оговориться, что на современном этапе развития Вооруженных Сил Российской Федерации участие призывников в боевых действиях исключено[2]. Однако в условиях полномасштабных боевых действий (боевой обстановке), появление военнослужащих по призыву на передовой не исключается, а в случае, если масштабные боевые действия примут затяжной характер, то участие призывников и резервистов в них станет нормой. При этом в случае низкого уровня дисциплины, связанного с недостаточной компетентностью офицерского и сержантского состава, приведет к тому, что возникающие противоречия будут решаться вне закрепленного законом порядка.

Одной из особенностей военных конфликтов является ротация воинских подразделений. Это необходимое условие, отказ от которого приведет к эмоциональному и физическому истощению личного состава и со временем станет причиной существенного снижения боеспособности воинских подразделений, участвующих в боевых действиях. Следовательно, чем дольше продолжаются боевые действия, тем ниже становятся требования к «качественной характеристике» военнослужащих, которые будут направляться на фронт, и тем выше вероятность того, что в боевые подразделения будут попадать военнослужащие с низким уровнем боевой, физической и морально-психологической подготовки.

1 См.: п.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 18.05.2023 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=xpSgelTXZDroySQ4&cacheid=F8B2C5A2EB691D2CB411CA07617FE874&mode=splus&rnd=0.8753068424954511&base=LAW&n=447521#EqTgelTg1v8hli911 (дата обращения: 01.08.2023).

2 Президент РФ заявил, что в операции на Украине участвуют только профессионалы // Интерфакс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/russia/826579 (дата обращения: 22.11.2022).

Примером тому служит опыт Первой Мировой войны, когда значительная масса военнослужащих длительное время находилась в тылу и не использовалась для ротации фронтовых подразделений. В результате именно в этих подразделениях в наибольшей степени были зафиксированы признаки морального разложения, падения дисциплины и, как следствие, роста уровня правонарушений, в том числе и насильственных преступлений против военной службы.

В свою очередь, для подгруппы, связанной с организацией взаимодействия личного состава, характерно то, что порядок управления воинскими подразделениями в мирное и военное время различается. В условиях боевых действий может возникать дублирование различных органов военного управления. Это может стать причиной дисфункции в системе их работы, что будет создавать криминогенную обстановку для совершения насильственных преступлений против военной службы.

Также в условиях боевых действий изменяется порядок работы органов военной полиции и юстиции.

В частности, К. С. Щедринов, анализируя порядок работы органов военного следствия и правосудия на примере боевых действий на территории Северного Кавказа (1994 – 1996 гг. и 1999 – 2004 гг.) выделяет следующие факторы, затрудняющие расследование преступлений, совершенных в боевой обстановке:

– повышение уровня общественной опасности преступлений;

– более тяжкие последствия преступлений;

– появление преступлений, посягающих на специфические воинские правоотношения, возникающие в связи с ведением боевых действий (в боевой обстановке, на поле боя, в районе военных действий);

– комплектование следственных органов следственными работниками, не имеющими достаточного практического опыта;

– краткосрочность пребывания следственных работников в районах вооруженного конфликта;

– некомплект штатного состава следственных работников [9, с. 163-165].

Работа по расследованию таких преступлений затрудняется в связи со значительным увеличением числа субъектов, участвующих в предупреждении преступности. В частности, во время боевых действий в Чеченской Республике (1994 – 1996 гг.) в систему правоохранительных органов была включена «военная прокуратура гарнизонного звена, военная прокуратура СКВО и Главная военная прокуратура, Кавказская межрегиональная прокуратура, специализированные следственные бригады Генеральной прокуратуры, специализированные оперативные группы центрального подчинения МВД, органы Федеральной службы безопасности, командиры воинских частей» [4].

Кроме этого, сами по себе боевые действия усложняют процесс организации и проведения следственных действий. С. В. Маликов отмечает, «что в ходе интенсивных наступательных или оборонительных боев проведение допросов подозреваемых, потерпевших, свидетелей и очевидцев преступления может быть невозможно или значительно затруднено, из-за увеличения вероятности их гибели, ранения, эвакуации в тыл или пленения противником»[3].

Объективные сложности, возникающие в работе органов военной полиции и военной юстиции из-за особенностей боевой обстановки, могут формировать у военнослужащих субъективное представление о том, что предкриминальная ситуация может быть благоприятной для совершения, в том числе, насильственных преступлений против военной службы.

К социально-психологическим особенностям личности преступника, выступающими детерминантами насильственных преступлений против военной службы в боевой обстановке можно отнести факторы, связанные с особым психическим состоянием, в котором находится военнослужащий, принимающий участие в боевых действия.

Следует согласиться со П. П. Степановым, который отмечает, что «воинские коллективы в современных вооруженных конфликтах находятся под воздействием факторов конфликтной ситуации и сложившейся на этой основе системы отношений, стержневым элементом которой является идеология дегуманизации, в которой, в свою очередь, происходит демонизация представителей противника» [8, с. 9].

Сам по себе феномен дегуманизации оказывает крайне важное криминологическое значение, поэтому представляется уместным остановиться на нем чуть более подробно. В настоящий момент существует много определений данного термина, в частности, следует отметить определение Ю. А. Клейберга, который описал дегуманизацию как «процесс, затрудняющий идентификацию личности, обезличивающий и обесценивающий ее образ» [3, с. 367-370].

При этом он обозначил следующие характерные признаки этого процесса:

– пренебрежение к личности как таковой или отдельным общностям людей (нациям, расам, группам по половому и религиозному признаку);

– обесценивание человеческой жизни;

– лояльное, порой позитивное отношение к насилию;

– категоричность мышления в том, что касается отрицания высших проявлений человечности, толерантности и гуманности.

Иными словами, дегуманизация – это процесс, в ходе которого у представителей той или иной социальной группы отрицается звание «человека», а следовательно, и присущее ему от рождения право на жизнь.

Дегуманизация приводит к тому, что лица, использующие механизм дегуманизации в отношении других, могут рано или поздно перейти к автодегуманизации, то есть начать отрицать собственную личность [3, с. 367-370]. Это озлобленность и осознание себя в качестве никчемного существа снимает определенные внутренние психологические барьеры и тем самым облегчает совершение крайне жестоких насильственных преступлений. Например, для того, чтобы максима «солдат ребенка не обидит» функционировала, необходимо, чтобы военнослужащий осознавал себя в качестве солдата. В случае, если он под воздействием автодегуманизации перестанет осознавать себя в качестве «солдата», а, например, будет воспринимать себя как «машину для убийства», максима, направленная на предупреждение преступления в отноше-

3 Маликов С. В. Расследование преступлений в районах вооруженного конфликта // Военное право: – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://voenprav.ru/doc-3591-91.htm (дата обращения: 26.09.2021).

нии ребенка, относящегося к населению стороны противника, не будет действенной.

Крайней степенью дегуманизации является демонизация, когда противник провозглашается абсолютным злом, которое нужно уничтожать всеми имеющимися способами.

Обстановка боевых действий – это классическая пограничная ситуация, в которой оказывается личность. Под пограничными понимаются такие ситуации, в которых человек оказывается в состоянии между жизнью и смертью. «Соприкоснувшись с этими феноменами, человек переживает величайшее душевное потрясение, отрешается от рутинной повседневности, преодолевает ее границы и в итоге совершает личностный прорыв» [6, с. 127-129]. Примечательно, что сам по себе термин «личностный прорыв» не следует понимать сугубо в оптимистическом ключе. Прорваться можно не только к высотам человеческого гения, но и к глубинам животной агрессии. И предсказать совокупность реакций человека в пограничной ситуации крайне сложно, либо вообще невозможно.

Разумеется, в условиях боевых действий, поведение военнослужащих регламентировано требованиями уставов, дисциплиной, надзором командиров и начальников, однако в тот момент, когда этот контроль ослабеет даже на самое незначительное время, поведение военнослужащего может оказаться непредсказуемым.

Также следует вспомнить ситуацию аномии – то есть дезориентацию человека в условиях незнакомой ему ситуации. В боевой обстановке аномия возникает от соприкосновения с реальными боевыми действиями, применением оружия, целью физического уничтожения противника, образ которого подвергся дегуманизации. В этих условиях отрицается значительная часть ранее усвоенных норм и правил. Это порождает ощущение вседозволенности и безнаказанности.

При этом «сила влияния ситуаций наиболее ярко проявляется, когда такая ситуация наиболее непривычна для человека. В таких случаях лица не могут руководствоваться прежними схемами поведения, поскольку не имеют опыта поведения» [8, с. 129].

В подобных условиях, когда прежняя система ценностей оказывается сломанной, для определенной части людей характерно конформное поведение. В условиях боевых действий насилие становится нормой и, следовательно, переносится в повседневную практику военнослужащих.

Еще одной особенностью боевых действий является постоянная психофизиологическая нагрузка на нервную систему военнослужащих, которые находятся в боевой обстановке. Этот феномен получил название «боевой стресс», который также заслуживает отдельного внимания.

Как отмечает С. Невечанный и С. Чергинец, «в боевой обстановке психика военнослужащего подвергается множеству разнообразных воздействий. Одни из них способствуют мобилизации и концентрации физических и психических возможностей человека, развитию таких психических состояний, как боевая активность, решительность, уверенность, сосредоточенность. Другие, напротив, дезорганизуют боевую деятельность, блокируют доступ к имеющимся резервам организма, способствуют формированию и развитию таких психических состояний, как пассивность, неуверенность, сомнение, рассеянность, обреченность, страх, робость, ужас и т. д»[4].

Во время боевых действий военнослужащие могут испытывать различные психические состояния, в частности:

– состояние боевой активности, которое характеризуется повышенной концентрацией на выполнении боевой задачи и активацией всех психических и физических ресурсов;

– состояние психического боевого подъема сходно с первым состоянием, но отличается тем, что непосредственно связано по времени с периодом выполнения конкретной боевой задачи, протекает относительно непродолжительное время и, обычно, обусловлено с воздействием сильных мотивирующих факторов;

– состояние предбоевой пассивности, а также эмоционального упадка выражается в снижении готовности к ведению боевых действий, концентрации, ослаблению бдительности, выносливости, эффективности когнитивных функций и т.д. Следует подчеркнуть, что такое состояние не только снижает боеспособность, но и повышает виктимность военнослужащих, которая способствует росту преступности, в том числе насильственных преступлений против военной службы.

Нервная система военнослужащего в ходе боевых действий постоянно переходит из одного состояния в другое. Это приводит к ее утомлению, которое в зависимости от особенностей личности может привести либо к агрессивному (криминогенному), либо пассивному (виктимогенному) поведению. При этом степень развития криминогенных или виктимогенных установок в поведении военнослужащего связана с интенсивностью боевых действий, а также длительностью нахождения в боевой обстановке. В частности, по итогам сравнения групп лиц, участвовавших в интенсивных боевых действиях в ходе боевых действий на Северном Кавказе на рубеже веков и несших службу на блокпостах, выяснилось, что «у первой группы более выраженные признаки боевого стресса» [5, с. 333-335], [11].

В целом, по данным специалистов Минобороны РФ, «около 46 % военнослужащих в той или иной степени подвержены разного рода неврозам»[5].

Колоссальные нагрузки, которые испытывает нервная система, вызывают у военнослужащих желание воспользоваться какими-либо средствами, снижающими нагрузку на психику. Это приводит к тому, что в условиях боевых действий происходит увеличение объема и интенсивности незаконного оборота наркотических средств среди военнослужащих. Примеров массового наркотизма в вооруженных силах различных стран, принимающих участие в боевых действиях, немало. В частности, в вооруженных силах в США, участвовавших в боевых действиях во Вьетнаме в 1970 – 1971 годах, среди рядовых и младших командиров около 10 – 15% упо-

4 Невечанный С., Чергинец С. Психологические состояния военнослужащих в условиях ведения боевых действий. Пути формирования моральной готовности и психологической способности военнослужащих к боевым действиям // Армейский сборник. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://army.ric.mil.ru/Stati/item/259955/ (дата обращения: 29.09.2021).

5 Невечанный С., Чергинец С. Психологические состояния военнослужащих в условиях ведения боевых действий. Пути формирования моральной готовности и психологической способности военнослужащих к боевым действиям // Армейский сборник. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://army.ric.mil.ru/Stati/item/259955/ (дата обращения: 29.09.2021).

требляли героин. При этом доля офицеров, которые употребляли различные наркотики, достигала четверти от личного состава, при этом около половины наркозависимых офицеров употребляли героин[6].

Употребление наркотически средств военнослужащими ВС РФ было зафиксировано и в период боевых действий на Северном Кавказе. В частности, К. В. Харабет, анализируя криминогенную ситуацию в федеральной группировке войск на Северном Кавказе в начале 2000-х, отмечает, что «криминологи зафиксировали явление, когда употребление наркотиков в ходе боевых действий в Чеченской Республике приобрело даже характер социального маркера групповой принадлежности. В первую очередь это относилось к подразделениям, выполняющим специальные задачи в особо сложных условиях. Употребление наркотиков военнослужащими данных подразделений нередко являлось частью общей подготовки к выполнению боевых задач» [10, с. 7-8]. При этом вероятность совершения насильственных преступлений среди военнослужащих, которые находятся под воздействием каких-либо психоактивных средств, повышается. Это может быть связано как с выплесками агрессии, так и с корыстным мотивом, а именно приисканием денежных средств (либо товарных ценностей), которые можно использовать для приобретения (обмена) на психотропные вещества.

Еще одной группой факторов насильственных преступлений против военной службы в условиях боевых действий являются особенности обстановки, в которой применение насилие и оружия, в том числе, причинение смерти становится обыденностью. Так, П. П. Степанов отмечает, что «в ходе военных конфликтов падает ценность человеческой жизни, привычным становится применение оружия для уничтожения человека, что на языке вооруженного конфликта называется – «поражение живой силы», а также ликвидация объектов инфраструктуры противника, т.е. уничтожение объектов, необходимых для жизнедеятельности человека» [8, с. 115].

Отдельным фактором насильственных преступлений в условиях боевых действий является то обстоятельство, что в ходе боевых действий военнослужащие имеют при себе личное оружие, а в силу объективных причин контроль за действиями военнослужащих, фактами применения оружия, правомерности его применения и за расходованием патронов затруднен.

Кроме того, в анализируемых условиях значительно упрощается возможность для совершения преступления, а также повышаются возможности для сокрытия его следов.

В зоне боевых действий существенно ухудшаются бытовые условия военнослужащих. Трудности с регулярным сном, питанием, гигиеной, появление паразитов также значительно повышает уровень стресса военнослужащих, который может привести к росту уровня агрессии.

Еще одним фактором воинской преступности в описываемых условиях является наличие высокой вероятности получить ранение или погибнуть в любой момент нахождения в зоне боевых действий. Это значительного снижает превентивную функцию каких бы то ни было мер ответственности. Вместе с тем, в боевой обстановке повышается вероятность того, что военнослужащий может столкнуться с фактами гиперболизированной несправедливости, которые актуализируют у этого военнослужащего различные криминогенные установки «не мы такие – жизнь такая», «с волками жить – по волчьи выть» и т.д.

Еще одной причиной насильственных преступлений против военной службы в условиях боевой обстановки можно назвать трусость и малодушие субъекта преступления. Эти качества связаны с базовым инстинктом самосохранения, который взаимосвязан с условной ключевой дихотомией: «бежать или сражаться». Люди, которые в принципе не испытывают страха смерти, скорее относятся к категории психически нездоровых. Вместе с тем, в условиях боевых действий военнослужащий должен преодолевать естественный страх и в рамках названной дихотомии выбирать вариант «сражаться». Таким образом, человек, который не обладает достаточными качествами, чтобы сражаться, противопоставляет себя воинскому коллективу и самой социально-политической сущности вооруженных сил. Выбирая вариант «бежать», военнослужащий начинает воспринимать в качестве своих противников не тех, кто таковыми является в рамках происходящего конфликта, а своих сослуживцев, которые своими действиями так и или иначе мешают ему избежать участия в боевых действиях, в том числе не позволяют ему дезертировать. В этом случае, дисциплинированные военнослужащие становятся для малодушного военнослужащего допустимой целью для совершения насильственных действий.

Таким образом, основываясь на проведенном анализе факторов насильственных преступлений против военной службы, вытекающих из условий боевой обстановки, можно сформулировать ряд следующих выводов.

1. Обстановка боевых действий, являющаяся естественной для функционирования вооруженных сил, может ухудшать криминогенную ситуацию в целом и уровень насильственных преступлений против военной службы, в частности. В связи с этим требуется тщательное изучение детерминантов преступного поведения в современных условиях боевой обстановки для выработки эффективных мер противодействия преступности.

2. Детерминанты насильственных преступлений против военной службы в боевой обстановке можно разделить на две группы: общие и специфические.

Общие детерминанты насильственных преступлений характерные для военной службы и специфически проявляющиеся в условиях военной обстановки. Они в свою очередь делятся на организационные и социально-психологические.

Организационные детерминанты связаны с вопросами поступления на службу военнослужащих, а также организацией их взаимодействия и подразумевают поступление на службу лиц, которые в силу своих психофизиологических свойств недостаточно подготовлены для несения службы в условиях боевых действий. При этом доля таких лиц будет увеличиваться по мере увеличения длительности и масштаба боевых действий. Детерминанты, связанные с организацией взаимодействия военнослужащих, касаются изменения структуры военного управления в условиях боевых действий и затруднения работы органов военной полиции и военной юстиции при пресечении криминальных проявлений и расследовании совершенных преступлений.

6 Shuster A. M. G.I. Heroin Addiction Epidemic in Vietnam // New York Time. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/1971/05/16/archives/gi-heroin-addiction-epidemic-in-vietnam-gi-heroin-addiction-is.html (дата обращения: 26.09.2021).

Социально-психологические факторы связаны с наличием колоссальной нагрузки на психику военнослужащих в условиях боевых действий. Эта нагрузка связана с постоянным осознанием возможности собственной гибели, которое ослабляет превентивную функцию наказания. Также к потенциально криминогенным факторам относится использование механизмов дегуманизации противника, общее повышение уровня агрессии и насилия.

Криминогенным фактором насильственных преступлений в боевой обстановке также является связанный с желанием снизить нагрузку на психику прием различных психоактивных препаратов, снижающих возможность по самоконтролю и облегчающих совершение насильственных преступлений против военной службы.

К специфическим детерминантам насильственных преступлений против военной службы, напрямую вытекающие из особенностей боевой обстановки относится снижение ценности человеческой жизни, доступность оружия, а также отсутствие специфического законодательства, касающиеся особенностей привлечения к уголовной ответственности военнослужащих, совершивших преступление в боевой обстановке.

В боевой обстановке в причинном комплексе насильственных преступлений против военной службы, характерного для мирного времени, дополнительно появляются следующие детерминанты:

1. Насилие, в том числе вооруженное, становится нормой;

2. Происходит дегуманизация образа противника, падение ценности человеческой жизни;

3. Повышается уровень агрессии участников боевых действий;

4. Значительно интенсифицируются физические и эмоциональные нагрузки, что негативно отражается на психофизиологическом состоянии военнослужащих;

5. Возникают и актуализируются криминогенные или виктимогенные установки в поведении военнослужащих, развитие которых напрямую связано с интенсивностью боевых действий, а также длительностью нахождения в боевой обстановке;

6. Существенно затрудняется контроль за правомерностью действий военнослужащих, фактами применения оружия, законностью его применения и т.д.

Выявление истинных причин (детерминант) насильственных преступлений против военной службы в современных условиях ведения боевых действий позволит разработать эффективные меры предупреждения преступлений данной группы, что будет способствовать реальному снижению уровня преступности в войсках в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Ворогушин Е. Б., Савушкин Н. И. Военная энциклопедия Т. 1. – Москва: Воениздат, 1997. – С. 147.
2. Клаузевиц К. О войне. – Москва: РИМИС, 2009.
3. Клейберг Ю. А. Девиантогенная сущность дегуманизации сознания личности // Бюллетень науки и практики. – 2016. – № 6. – С. 367-370.
4. Маликов С. В. К вопросу о взаимодействии органов военной прокуратуры с войсковыми подразделениями при проведении войсковых операций в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике в 1994-1996 гг. // Сборник научных трудов. – М.: ГИ, 2001. – № 1.
5. Мальцева С. М., Бобочкова Е. Ю., Захарова Н. А., Демакова О. В. Некоторые аспекты психологической помощи людям, пережившим боевой стресс //Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9 № 2 (31). – С. 333 – 335.
6. Мануковский В. В. «Пограничная ситуация» и «Подлинное бытие» в экзистенциальных концепциях К. Ясперса и Л. Шестова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 18 (272). Философия. Социология. Культурология. Вып. 25. – С. 127-129.
7. Мусаев Х. А. Понятие и значение боевой обстановки в уголовном праве // Общество и право. – 2014. – № 1 (47). – С. 107-110.
8. Степанов П. П. Современные военные преступления: их причины и меры противодействия: дис. … на соиск. канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – 276 с.
9. Щедринов К. С. Влияние негативных факторов вооруженного конфликта на характер, формы и методы взаимодействия между различными правоохранительными органами в районах вооруженного конфликта // Бизнес в законе. – 2008. – № 3. – С. 163-165.
10. Харабет К. В. Наркотизм как форма социальных отклонений военнослужащих (продолжение, начало в № 5-6 2003 г.) // Военно-уголовное право. – 2003. – № 7-8. – С. 15.
11. Мальцева С. М., Бобочкова Е. Ю., Захарова Н. А., Демакова О. В. Некоторые аспекты психологической помощи людям, пережившим боевой стресс // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9 № 2 (31). – С. 333-335.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна
старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

Зорина Н. С.

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Преступность несовершеннолетних представляет серьезную социальную проблему в современном обществе. Совершение противоправных деяний несовершеннолетними может иметь серьезные последствия для их самих, а также для общества в целом. В данной статье анализируются причины и условия, способствующие совершению несовершеннолетними противоправных деяний, и предлагаются пути их решения на уровне общества и государства.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, противоправное поведение, противоправные деяния, подросток.

ZORINA Natalya Sergeevna
senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

CAUSES AND CONDITIONS THAT CONTRIBUTE TO THE COMMISSION OF ILLEGAL ACTS BY MINORS AND WAYS TO SOLVE THEM

Juvenile delinquency is a serious social problem in modern society. The commission of illegal acts by minors can have serious consequences for themselves, as well as for society as a whole. This article analyzes the causes and conditions that contribute to the commission of illegal acts by minors, and suggests ways to solve them at the level of society and the state.

Keywords juvenile delinquency, illegal behavior, illegal acts, teenager.

В современном обществе проблема противоправного поведения несовершеннолетних является серьезной и острым вопросом для многих стран. Год от года количество правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, увеличивается, причиняя значительный ущерб как самим несовершеннолетним, так и обществу в целом.

Количество несовершеннолетних, находящихся в специализированных учреждениях коррекции агрессивного поведения, неуклонно растет с каждым годом. И при этом выявлена закономерность, что по истечении определенного периода времени данные лица совершают тяжкие и особо тяжкие преступления против личности. Необходимо отметить, что именно в пубертатном периоде у человека происходит становление личности, в том числе у некоторых подростков - формирование агрессивных установок, которые впоследствии дестабилизируют их нормальное психическое и нравственное развитие и способствуют зарождению асоциального криминального поведения в обществе, пренебрежению к законности [1].

Таким образом, необходимо рассмотреть причины, способствующие противоправным деяниям несовершеннолетних.

Одна из основных причин противоправного поведения несовершеннолетних являются неблагоприятные семейные условия, где подростки не получают поддержки от родителей. Ведь нежелание родителей участвовать в воспитании и образовании своих детей, приводит к конфликтам в семье и насилию.

Несовершеннолетним правонарушителям необходима поддержка и любовь родителей, а также доступ к образованию. Отсутствие этих факторов может привести к противоправным действиям. Определенную роль играет также отношение родителей и других значимых других лиц к проступкам несовершеннолетних. Откровенное равнодушие или поддержка противоправных действий могут усиливать склонность ребенка к девиантному поведению. Важно понимать, что качество взаимодействия с окружающими может определять уровень мотивации, готовность к совершению правильных поступков и другие важные аспекты в развитии личности [2].

Еще немаловажной причиной является негативное социальное окружение. Ведь зачастую подростки попадают под влияние к преступным группировкам, где происходит взаимодействие с негативными ролями моделей поведения.

Они могут быть вовлечены в провокационные ситуации, негативные моральные примеры, а также в расизм и насилие. К. В. Злоказов с соавторами отмечает, что чувствительность подростков и молодежи к социальному статусу и представлениям о себе, сопровождаемая отсутствием поддержки со стороны социального пространства, часто ложится в основу мести, выступающей в качестве инструмента справедливости и мотива совершения преступлений [3].

Следующей причиной у несовершеннолетних является низкий уровень духовных интересов и потребностей. Ведь подростки не заинтересованы заниматься спортом, искус-

ством, творчеством, а также они не проявляют интерес к труду.

Еще одной причиной служат психологические и эмоциональные факторы, где у подростка развивается низкая самооценка, проблемы в общении и взаимодействии с окружающими, эмоциональные расстройства.

Особое внимание следует обратить на социально-экономические факторы. Несовершеннолетние, которые находятся в условиях низкого социального статуса, неравенства возможностей и экономической нестабильности, подвержены большему риску совершения противоправных деяний. Отсутствие доступа к образованию, слабая вовлеченность в общественные процессы и недостаток перспектив на будущее могут привести к желанию молодых людей компенсировать свои потребности через противоправные действия.

Однозначно стоит сказать о недостаточной эффективности правовой системы, где отсутствует надлежащее наказание и коррекционные меры для несовершеннолетних правонарушителей, которые могут стать основанием для повышенной рецидивной активности. Важно создать систему, в которой правонарушители получат надлежащее воспитание, чтобы предупредить повторное совершение противоправных деяний.

Тем самым необходимы комплексные меры, которые помогут сократить число противоправных деяний несовершеннолетних:

- Укрепление роли семьи: обеспечение социальной и психологической поддержки родителям, проведение программ родительского образования, создание условий для укрепления семейных связей.

Так в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей", где основными задачами является сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины), обеспечение преемственности поколений, забота о достойной жизни старшего поколения, формирование представления о сбережении народа России как об основном стратегическом национальном приоритете [4].

– Развитие образовательных учреждений: проведение программ воспитания и профилактики правонарушений, обучение педагогов методам работы с несовершеннолетними, создание безопасных и поддерживающих образовательных сред, развитие школьных программ по формированию навыков управления конфликтной ситуацией.

– Развитие программ профилактики правонарушений: предоставление детям и подросткам дополнительных возможностей для занятий интересующими и полезными видами деятельности, развитие программ социализации и поддержки со стороны общественных организаций.

– Содействие психологической поддержке несовершеннолетних: создание и развитие системы психологической поддержки для детей и подростков, создание условий для консультаций и терапии.

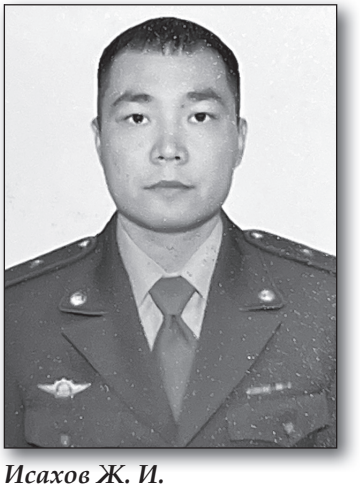
– Повышение уровня осведомленности о причинах и последствиях противоправных действий: проведение информационных кампаний, образовательных программ, повышение роли СМИ в популяризации знаний о причинах и возможных последствиях противоправных деяний.

Таким образом, следует сделать вывод, что противоправное поведение несовершеннолетних остается актуальной проблемой для общества. Систематический анализ причин и условий, способствующих этому явлению, позволяет разработать эффективные меры для ее решения. Семья, образование, общество и психологическая поддержка играют решающую роль в предотвращении противоправного поведения несовершеннолетних. Проведение комплексных мероприятий, направленных на укрепление семейного института, развитие образовательных программ, предоставление психологической поддержки и повышение осведомленности общества – необходимые шаги для решения данной проблемы. Более детальное исследование и внедрение предложенных мер поможет сократить число противоправных деяний несовершеннолетних и обеспечить их позитивное развитие и интеграцию в общество.

Пристатейный библиографический список

1. Божко А. Д. Проблема проявления агрессивного поведения несовершеннолетних преступников при совершении ими противоправных деяний // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 4 (15). – С. 70-72.
2. Зорина Н. С., Садыкова Р. А. Влияние социальной среды на формирование личности несовершеннолетних правонарушителей // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 4 (179). – С. 321-322.
3. Злоказов К. В., Каппушев С. С., Иванова А. М. Индивидуальные и социальные факторы мстительного поведения // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 1 (46). – С. 69-76.
4. КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 05.09.2023).

ИСАХОВ Жасулан Илесбаевич
адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя



Исахов Ж. И.

ВИКТИМИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА ПУТЕМ САМОСОЖЖЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Самосожжение является одним из наиболее экстремальных и опасных способов самоубийства, характеризующимся самоподжогом собственного тела. Этот вид самоубийства представляет серьезную угрозу для жизни и здоровья людей, а также оказывает пагубное воздействие на их окружение. В рамках виктимиологии, науки, изучающей жертв, необходимо исследовать факторы, влияющие на решение человека прибегнуть к самосожжению, а также разработать эффективные меры предупреждения.

Ключевые слова: самосожжение, самоубийство, виктимиология, предупреждение, меры.

ISAKHOV Jasulan Ilesbaevich
adjunct of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

VICTIMOLOGICAL MEASURES TO PREVENT SUICIDE BY SELF-IMMOLATION: STATE AND PROSPECTS**

Self-immolation is one of the most extreme and dangerous methods of suicide, characterized by self-setting of one's own body. This type of suicide poses a serious threat to the life and health of people, and also has a detrimental effect on their environment. Within the framework of victimology, the science that studies victims, it is necessary to investigate the factors influencing a person's decision to resort to self-immolation, as well as to develop effective prevention measures.

Keywords: self-immolation, suicide, victimology, prevention, measures.

Цель исследования - выявить, описать и объяснить состояние и перспективы виктимиологических мер предупреждения доведения до самоубийства путем самосожжения.

Введение

Самосожжение – особый вид самоубийства, требующий специфического и пристального внимания в сфере психологии, психиатрии, социологии и криминологии. Целью данной статьи является рассмотрение виктимиологических мер предупреждения доведения до самоубийства путем самосожжения [1].

Факторы, влияющие на решение прибегнуть к самосожжению:

– Психологические аспекты: психические расстройства, депрессия, тревожные состояния, низкое самооценка, суицидальные мысли и предыдущая попытка самоубийства.

– Социальные факторы: социальная изоляция, конфликты с окружающими, нарушение социальной поддержки и отсутствие доступа к помощи.

– Культурные и религиозные аспекты: некоторые культуры или религии могут присваивать особое значение самосожжению [2].

Виктимиологические меры предупреждения:

– Социальные программы и медицинская помощь: создание и развитие служб кризисной психологической помощи, где люди с суицидальными мыслями могут получить квалифицированную помощь.

– Проведение просветительских кампаний: освещение проблемы самосожжения в СМИ, обучение широкой аудитории признакам предшествующих самоубийственных намерений и информирование о возможностях получения помощи.

– Сотрудничество между различными профессиональными группами: необходимость совместного участия психологов, психиатров, социальных работников и правоохранительных органов для предоставления комплексной помощи и разработки индивидуальных мер предупреждения.

– Эффективное использование технологий: развитие и применение специализированных приложений и онлайн-ресурсов, где люди могут получить поддержку и консультацию в случае возникновения суицидальных мыслей [3].

В настоящее время исследования по виктимиологии самосожжения направлены на выявление и анализ различных факторов, влияющих на принятие решения о самоподжоге, а также на разработку эффективных мер предупреждения. Важно понимать, что каждый случай самосожжения уникален, и поэтому необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого потенциального самоубийцы.

Одним из актуальных направлений исследований является выявление роли социальных медиа в принятии решения о самоподжоге. Некоторые исследования показывают, что негативный контент, связанный с самосожжением, может оказывать влияние на уязвимые группы людей и быть средством моделирования и подталкивания к совершению самоубийства. Поэтому разработка стратегий по борьбе с таким контентом и предотвращению его распространения должна стать одним из приоритетов [4].

* Научный руководитель: Жабский Валерий Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

** Scientific Supervisor: Zhabskiy Valeriy Alexandrovich, Ph.D. in Law, professor, professor of Criminology sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia.

Кроме того, важно проводить исследования для определения эффективности различных виктимиологических мер предупреждения самосожжения. Это поможет научным и практическим сообществам лучше понять, какие программы и подходы действительно работают, и адаптировать их для конкретных групп риска.

Также стоит обратить внимание на развитие технологий и их использование в борьбе с самосожжением. Например, мобильные приложения и онлайн-платформы могут предоставлять информацию, поддержку и помощь людям с суицидальными мыслями. Развитие и применение таких технологий может значительно улучшить доступность помощи и способствовать снижению риска самосожжения.

В целом, состояние исследований по виктимиологии самосожжения находится на начальной стадии, и будет нужно провести дальнейшие исследования, чтобы разработать более точные и эффективные меры предупреждения. Важно также вкладывать средства в образование и информирование общества, чтобы повысить осведомленность о проблеме самосожжения и способствовать ее раннему выявлению и предупреждению.

Сегодня предупреждение преступлений в значительной степени связано с социально-экономическими преобразованиями в стране, нацеленными на утверждение общечеловеческих ценностей, улучшение нравственного климата в обществе, принципов социальной справедливости и повышение уровня жизни граждан. Эффективность борьбы с преступлениями против личности во многом зависит от решения этих общесоциальных задач. Это включает работу по развитию совести, культуры общения, нравственных идеалов, уважения к человеческой личности, неприкосновенности личности, нулевой терпимости к насилию, грубости, агрессивности, жестокости и цинизму. Важны также восстановление традиций взаимопомощи, милосердия и сострадания, а также правильное понимание отношений между полами, подготовка к семейной жизни и воспитание уважительного отношения к женщине, противодействие распущенности и вседозволенности.

Исследование показывает, что случаи самоубийств, включая уголовно-правовые, очень связаны с уровнем насильственной преступности в обществе. Существует прямая связь между самоубийством и покушением на самоубийство с одной стороны и убийствами с другой. Увеличение числа убийств приводит к росту самоубийств, и наоборот. Поэтому профилактика самоубийств, включая те, которые происходят в результате доведения до этого, также является частью профилактики убийств.

Для улучшения состояния исследований по виктимиологии необходимо придерживаться следующих рекомендаций:

– Укрепление сотрудничества и координации между различными профессиональными группами, такими как психологи, психиатры, социальные работники, правоохранительные органы и образовательные учреждения. Организация совместных тренингов и образовательных программ позволит улучшить качество помощи и расширить охват целевой аудитории.

– Разработка и внедрение программ раннего выявления и интервенции, которые помогут идентифицировать людей с риском самосожжения и предоставить им необходимую помощь и поддержку.

– Проведение исследований и оценка эффективности виктимиологических мер предупреждения, чтобы определить наиболее действенные подходы и программы.

– Внедрение обязательного обучения для медицинских работников, учитывающего особенности выявления признаков суицидального поведения, оказания первой помощи и своевременного направления на специализированную помощь.

– Создание и поддержка сообществ, направленных на профилактику самосожжения, где люди могут обмениваться опытом, получать поддержку и информацию о ресурсах и помощи.

– Сотрудничество с местными средствами массовой информации для распространения информации о проблеме самосожжения, предоставление ресурсов и советов для поддержки людей в кризисной ситуации.

– Постоянная обратная связь и оценка эффективности внедряемых мер, чтобы определить возможности для улучшения и дальнейшего развития.

– Обучение и поддержка близких и окружающих, чтобы они могли распознать признаки суицидального поведения и предоставить необходимую поддержку и помощь [5].

Реализация этих рекомендаций поможет улучшить систему предупреждения самосожжения и спасать жизни людей, подверженных этой опасности. Однако, необходимо учитывать, что проблема самосожжения является многогранной и требует постоянного внимания и совместных усилий со стороны общества, правительственных органов, профессионалов здравоохранения и граждан.

Заключение

Проблема самосожжения и самоубийства требует серьезного и комплексного подхода. Виктимиологические меры предупреждения должны включать различные сферы общества, от медицины и психологии до социальной поддержки и образования. Создание эффективной системы предупреждения и своевременной помощи поможет снизить риск самосожжения и сохранить жизни людей.

Пристатейный библиографический список

1. Аюпов В. Ш. К вопросу об объекте доведения до самоубийства // Вестн. Томск. Гос. ун-та. - 2018. - № 363. - С. 123-126.
2. Бойко И. Б., Волконская Е. К. Самоубийство с позиций уголовного права // Человек: преступление и наказание. - 2019. - № 2. - С. 59-61.
3. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: Учебно-практическое пособие. - М.: ИКД «Зерцало-М», 2020. - 144 с.
4. Борисов. А. Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) с постатейными материалами и практическими разъяснениями официальных органов. - М.: Изд-во «Книжный мир», 2022. - 1056 с.
5. Брайцева Е. А. Домашнее насилие: мужчины также могут быть жертвами // Вестн. Нижегородск. Ун-та им. Н. И. Лобачевского. - 2019. - № 1. - С. 14-19.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-260-262

КЕРЕФОВА Бэлла Руслановна
ассистент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ЧЕРНОЗЕМОВА Яна Вадимовна
юрисконсульт Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

АЙРАПЕТЯН Роберт Грачевич
руководитель юридического отдела Общества с ограниченной ответственностью «АртСтройГрупп»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В НАЛОГОВЫХ ОРГАНАХ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

В статье раскрывается роль коррупционных преступлений в налоговой сфере. Помимо этого, рассматриваются основные понятия, а также приводится статистика коррупционных преступлений в Санкт-Петербурге. Наиболее важным аспектом в статье выступают рекомендации по противодействию коррупции в Санкт-Петербурге и в России в целом. Борьба с коррупцией в налоговых органах является сложным и непрерывным процессом. Эти меры могут послужить образцом для других городов и стран, сталкивающихся с аналогичными проблемами.

Ключевые слова: коррупция, статистика, борьба, преступление, налоговая система.

KEREFOVA Bella Ruslanovna
assistant of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise, Institute for the Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

CHERNOZEMOVA Yana Vadimovna
legal adviser of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

HAYRAPETYAN Robert Grachevich
Head of the Legal Department of ArtStroyGroup Limited Liability Company

ACTUAL QUESTIONS OF COMBATING CORRUPTION IN TAX AUTHORITIES (ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)

The article reveals the role of corruption crimes in the tax sphere. In addition, the basic concepts are considered, as well as statistics on corruption crimes in St. Petersburg. The most important aspect of the article is recommendations on combating corruption in St. Petersburg and in Russia as a whole. The fight against corruption in the tax authorities is a complex and continuous process. These measures can serve as a model for other cities and countries facing similar challenges.

Keywords: corruption, statistics, struggle, crime, tax system.

Процесс зарождения и развития налоговой системы в Российской Федерации напрямую связан с этапами развития экономики страны, которая, в свою очередь, базируется и вытекает из предыдущих этапов экономического и политического развития государства, в связи с чем, очевидным является тот факт, что зарождение рассматриваемого института произошло не в момент распада СССР и появления нового государства Российской Федерации в декабре 1991 года, а задолго до того – в царской России [1].

Становление налоговой службы проходило в тяжелейших условиях и сегодня налоговая система Российской Федерации, по мнению многих исследователей и практиков, является одной из лучших в мире.

В то же время, как и любая государственная служба – налоговая инспекция подвержена и негативным проявлениям, таким как коррупция.

Коррупция в налоговых органах является глобальной проблемой, которая подрывает целостность и справедливость налоговых систем.

Для решения актуальных проблем с налоговыми преступлениями правительству и налоговым органам необходимо предпринимать на регулярной основе конкретные действия по борьбе с коррупцией [3]. Эти действия включают в себя: укрепление правовых и институциональных рамок, создание надежных механизмов подотчетности, обеспечение надлежащей подготовки сотрудников налоговых органов, упрощение налогового законодательства и нормативных актов, повышение прозрачности налоговых систем. Решение вопросов, связанных с борьбой с коррупцией в налоговых органах, имеет важное значение для обеспечения целостности и справедливости налоговых систем и содействия экономическому развитию.

Методологическую основу статьи составили общенаучные и частно-научные методы познания, которые включают в себя системный подход, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, анализ, синтез, дедукцию, индукцию, сравнительно-исторический метод, аналогию и другие методы научного познания. С помощью данных методов в работе был проведен анализ налоговых правонарушений в Санкт-Петербурге, а также внутригосударственной налоговой системы. Наравне с методом анализа, был использован метод сравнения, благодаря которому было проведено сравнение количества налоговых правонарушений в Санкт-Петербурге в разные периоды.

Коррупция является одной из давних проблем в Санкт–Петербурге. Она затрагивает различные секторы городского управления, включая налоговую инспекцию, правоохранительные органы и государственные закупки. Однако в послед-

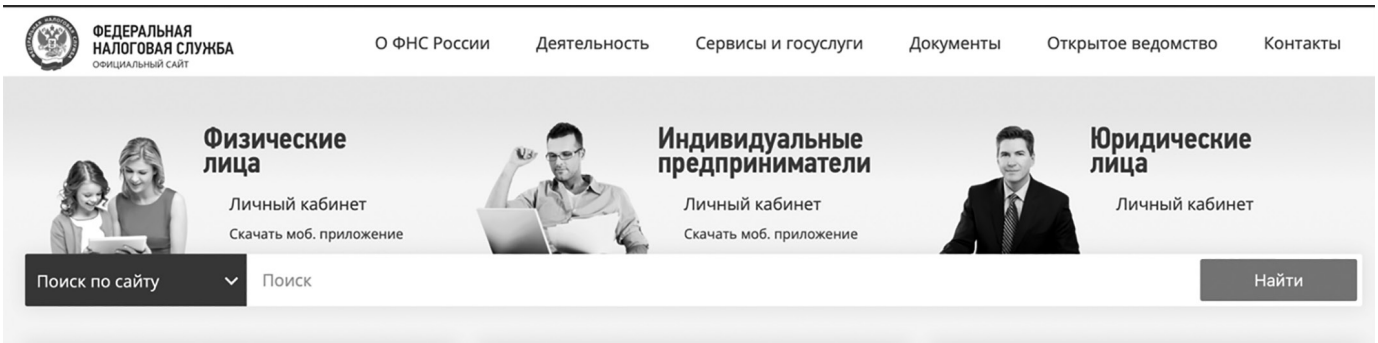


Рисунок 1. Федеральная налоговая служба. Официальный сайт. https://www.nalog.gov.ru/rn78/ (дата обращения: 24.08.2023).

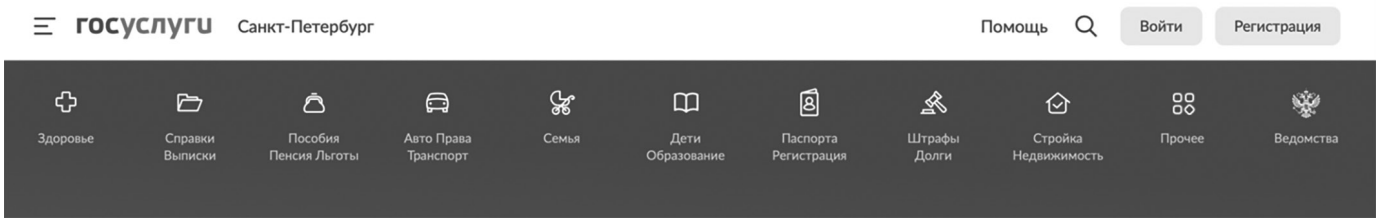


Рисунок 2. Госуслуги. Санкт-Петербург. Официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gosuslugi.ru (дата обращения: 24.08.2023).

ние годы предпринимались усилия по борьбе с коррупцией и содействию прозрачности и подотчетности в городе.

Согласно сведениям с официального сайта Прокуратуры Санкт–Петербурга за 2022 год увеличился рост коррупционной преступности на 25% [6]. Главными фигурами данного процесса выступили представители государственных и муниципальных служащих. Увеличение роста коррупционной преступности за 2022 год напрямую связано с ростом активности правоохранительных органов, но в дальнейшем планируется уделять большее внимание противодействию коррупционной деятельности в Санкт–Петербурге [6].

Одной из мер, принятых для борьбы с коррупцией, является создание независимого антикоррупционного бюро. Управление Санкт–Петербурга отвечает за расследование и предотвращение коррупции в различных секторах городского управления, включая налоговый орган [2]. Оно уполномочено проводить свои собственные расследования и передавать дела в правоохранительные органы для судебного преследования. Управление по борьбе с коррупцией сыграло важную роль в выявлении и судебном преследовании коррумпированных чиновников в Санкт-Петербурге.

Еще одной важной мерой является принятие Кодекса этики для государственных служащих [5]. Кодекс устанавливает четкие руководящие принципы этического поведения и устанавливает систему дисциплинарных мер для тех, кто нарушает кодекс. Кодекс применяется ко всем государственным должностным лицам, включая тех, кто работает в налоговом органе. Принятие Кодекса этики помогло продвинуть культуру прозрачности и подотчетности в Санкт-Петербурге.

Администрация города также внедрила систему премирования налоговых чиновников в зависимости от результатов работы. Бонусы привязаны к таким показателям эффективности, как сумма собранных налогов и количество проведенных проверок. Эта система поощрений помогла стимулировать честное поведение сотрудников налоговых органов и способствовала общему успеху налогового органа в Санкт-Петербурге [5].

Первым шагом в борьбе с коррупцией в налоговых органах является создание независимой и эффективной системы надзора. В свою очередь данный процесс может включать внутренние аудиты, внешние аудиты и систему отчетности и информирования общественности. В Санкт-Петербурге налоговое управление создало независимое антикоррупционное бюро для расследования и предотвращения коррупции [4]. Управление уполномочено проводить свои собственные расследования и передавать дела в правоохранительные органы для судебного преследования.

Еще одним важным шагом является обеспечение того, чтобы сотрудники налоговых органов были должным образом обучены и мотивированы действовать добросовестно [7], [10]. Это может включать в себя регулярное обучение этическому поведению и последствиям коррупции, а также создание системы поощрений и признания для налоговых чиновников, которые демонстрируют этичное поведение и успешно раскрывают случаи коррупции. В Санкт-Петербурге налоговый орган внедрил систему бонусов, основанных на результатах работы, для поощрения честного поведения.

Помимо перечисленного, важно обратить внимание на упрощение налоговой системы и сокращение возможностей для усмотрения [8]. Сложные налоговые правила и подзаконные акты могут создавать возможности для коррупции, позволяя налоговым чиновникам интерпретировать правила в свою пользу или налагать произвольные штрафы. Упрощение налоговой системы и сокращение возможностей для усмотрения могут помочь снизить уровень коррупции. В Санкт-Петербурге налоговый орган внедрил систему электронного декларирования и оплаты, которая сократила возможности для усмотрения и повысила прозрачность [5], [9].

Современные цифровые достижения науки и техники [11] сегодня применяются в налоговых органах, что, несомненно, является элементом системного противостояния с коррупцией в государственных органах и, в частности, в налоговой службе.

Минимизация взаимодействия гражданина или юридического лица с налоговым инспектором предупреждают возможность появления коррупциогенных проявлений. Сегодня в налоговые органы можно обратиться через сайты налоговой службы (рис. 1) и через госуслуги (рис. 2).

На указанных сайтах сегодня воспроизводится практически вся деятельность государственной налоговой инспекции, но в то же время мы видим, что внедрение цифровых практик приносит как положительные, так и отрицательные моменты, например, появились более квалифицированные

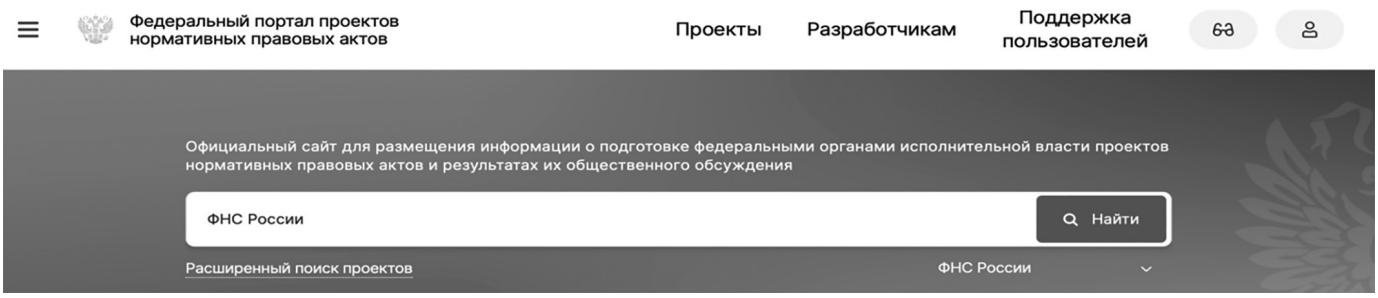


Рисунок 3. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regulation.gov.ru (дата обращения: 24.08.2023).

способы проявления коррупции в системе налоговых отношений. Но если сравнивать ситуацию по состоянию за текущий и предыдущие периоды, то пользы от нововведений естественно больше.

Открытость сетевых ресурсов предполагает оперативное реагирование на факты предположительно имеющие коррупционные проявления, однако, механизм взаимодействия или как это принято говорить «обратной связи» на сегодняшний день требует доработки и новых способов решения.

Отдельно необходимо отметить и то, что налоговой системой предпринята попытка борьбы с коррупцией на самом проблемном фронте – это нормативно-правовое регулирование и создание правообразующих нормативных документов. Сегодня ни один законопроект или нормативный акт, затрагивающий права граждан, не принимается без антикоррупционного обсуждения. Антикоррупционная экспертиза НПА в налоговой системе осуществляется как внутри себя – разработчиками НПА и сотрудниками специализированных органов (комиссии по противодействию коррупции, общественные советы, ответственные сотрудники) так и внешними экспертами. Внешняя экспертиза НПА осуществляется централизовано вне зависимости от позиции налоговой службы на едином государственном портале (рис.3).

Борьба с коррупцией в налоговых органах является сложным и непрерывным процессом. Это требует сочетания мер, включая независимый надзор, обучение и стимулы для сотрудников налоговых органов, прозрачность, упрощение налоговой системы и культуру подотчетности. Санкт-Петербург внедрил ряд мер по борьбе с коррупцией в своих налоговых органах, и эти меры могут послужить образцом для других городов и стран, сталкивающихся с аналогичными проблемами. Работая сообща в борьбе с коррупцией, мы можем гарантировать, что налоговые органы будут эффективными и подотчетными обществу, которому они служат.

Пристатейный библиографический список

1. Бесова Н. Н., Волокитина Я. В., Мохоров Д. А. Становление налоговой системы и института налоговых правоотношений России // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 12 (163). – С. 107-109.
2. Безденежных В. М. Экспертная оценка реализации национального плана противодействия коррупции и антикоррупционных планов федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации / В.М. Безденежных // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Т. 3. № 8. – С. 39-47.
3. Керефова Б. Р., Мохоров Д. А. Современное российское антикоррупционное законодательство и правовой механизм противодействия коррупции // Актуальные проблемы науки и практики. – 2020. – № 4. – С. 118-123.
4. Долженкова Е., Мохоров Д. А., Косарев С. Ю., Шубников Ю. Б. Сравнительно-правовой анализ нормативно-правового регулирования противодействия коррупции // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 8 (171). – С. 71-73.
5. Противодействие коррупции в Санкт-Петербурге. [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: http://zdrav.spb.ru/ru/komitet/anticorruption/ (дата обращения 24.08.2023).
6. Состояние коррупции в Санкт-Петербурге за 2022 г. [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/activity/statistics/office/other (дата обращения: 24.08.2023).
7. Mokhorova A., Mokhorov D., Kerefova B., Kosarev S. National policy against corruption in the framework of global integration processes // В сборнике: Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. Switzerland, 2021. – С. 125.
8. Чистов А. А. Правовые проблемы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти современной России // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 1. – С. 215-217.
9. Шапенкова О. И. Правовое регулирование противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти // Наукосфера. – 2023. – № 1-1. – С. 517-522.
10. Мохоров Д. А. Лоббизм как социально-правовой феномен современного общества // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 5. – С. 189-195.
11. Demidov V., Mokhorov D., Mokhorova A., Askarov Z. International legal problems of fighting corruption in the context of geopolitical integration // В сборнике: Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. Сер. “Springer Geography”, 2020. – С. 313-326.

КНЯЗЕВА Ольга Васильевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и организации профилактики правонарушений Академии ФСИН России

Князева О. В.

ПРОГРАММЫ И МЕРОПРИЯТИЯ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ И РЕАБИЛИТАЦИИ СЕМЕЙ С КРИМИНОГЕННЫМИ ДИСФУНКЦИЯМИ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Преступность среди несовершеннолетних остается серьезной проблемой, которая имеет негативные последствия для общества. Преступные действия молодых людей могут вызывать тревогу в обществе, создавать угрозу безопасности и нарушать социальную стабильность. Исследование криминогенных дисфункций семьи и его актуальность заключаются в понимании и анализе факторов, влияющих на преступность несовершеннолетних, с целью разработки эффективных мер для предотвращения и снижения этой проблемы в обществе.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность, общество, факторы, реабилитация, семья, триггер.

KNYAZEVA Olga Vasiljevna
Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminology and crime prevention sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

PROGRAMS AND ACTIVITIES FOR SOCIAL SUPPORT AND REHABILITATION OF FAMILIES WITH CRIMINOGENIC DYSFUNCTIONS TO PREVENT JUVENILE DELINQUENCY

Juvenile delinquency remains a serious problem that has negative consequences for society. The criminal actions of young people can cause alarm in society, pose a threat to security and disrupt social stability. the study of criminogenic dysfunctions of the family and its relevance lies in understanding and analyzing the factors affecting juvenile delinquency in order to develop effective measures to prevent and reduce this problem in society.

Keywords: minors, crime, society, factors, rehabilitation, family, trigger.

В настоящее время существует все большая необходимость в разработке и реализации программ и мероприятий по социальной поддержке и реабилитации семей с криминогенными дисфункциями, с целью предотвращения преступности несовершеннолетних. Эти программы направлены на создание условий, способствующих улучшению жизни семей, снижению риска возникновения преступности среди детей и подростков, а также обеспечению их успешной реабилитации в случае совершения правонарушений[1].

Первоначальным шагом в разработке таких программ является выявление семей с криминогенными дисфункциями. Для этого могут использоваться различные методы и инструменты, такие как социальные и психологические анкеты, семейные истории, анализ социального окружения и условий жизни. Это позволяет определить факторы, способствующие возникновению преступности в семьях, и выработать индивидуальные подходы к работе с каждой из них.

Одной из важных составляющих программ и мероприятий является предоставление психологической и социальной поддержки семьям с криминогенными дисфункциями. Это может включать проведение семейных консультаций и тренингов, направленных на развитие коммуникативных и конфликтологических навыков, улучшение родительских компетенций и установление гармоничных отношений внутри семьи. Также может быть предоставлена помощь в решении материальных проблем, получении доступа к социальным услугам и возможностям трудоустройства[2].

Важной составляющей таких программ является обучение родителей и детей навыкам преодоления конфликтов и управления эмоциями. Это может быть осуществлено через организацию тренингов и семинаров по развитию социальных и эмоциональных навыков, а также предоставление психологической поддержки в случае необходимости. Обучение может включать в себя такие аспекты, как управление гневом, разрешение конфликтов без насилия, развитие эмпатии и саморегуляции.

Для предотвращения преступности среди несовершеннолетних также важно проводить профилактическую работу в школах и общественных организациях. Это может

1 Лифанова М. В. Семья как фактор преступности несовершеннолетних и объект криминологического исследования // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 2 (10). – С. 7-13.

2 Марзалиева Л. А. Преступность несовершеннолетних: криминогенные факторы и пути их преодоления // Первый Международный форум по борьбе с преступностью: сборник статей, Москва, 18-19 марта 2022 года. – Москва: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 165-166.

включать организацию лекций, семинаров и тренингов по вопросам правовой грамотности, этики, альтернативных способов разрешения конфликтов, а также повышения осведомленности о возможных последствиях преступной деятельности.

Помимо этого, важно развивать партнерские отношения между государственными органами, общественными организациями и сообществом. Только путем совместных усилий можно достичь эффективных результатов в борьбе с криминогенными дисфункциями в семьях и предотвращении преступности несовершеннолетних. Совместные проекты и инициативы позволяют максимально использовать доступные ресурсы и опыт различных участников для реализации комплексного подхода к проблеме.

Для эффективной реализации программ и мероприятий по социальной поддержке и реабилитации семей с криминогенными дисфункциями, необходимо уделить внимание нескольким направлениям.

В первую очередь, необходимо проводить комплексное и индивидуальное изучение каждой семьи с криминогенными дисфункциями, чтобы понять основные факторы, влияющие на возникновение преступности. Это позволит разработать персонализированные программы поддержки и реабилитации, учитывающие конкретные потребности и особенности каждой семьи. Работа с семьями должна быть основана на доверии и уважении, а также включать в себя поэтапную поддержку на протяжении продолжительного времени[3].

Следующее мероприятие связано с предоставлением доступа к социальным услугам и ресурсам, которые помогут семьям преодолеть свои трудности. Это может включать содействие в получении доступа к медицинским услугам, программам по трудоустройству и профессиональному обучению, а также программам по жилищной поддержке, что значительно облегчит финансовое положение семей и снизить вероятность возникновения криминального поведения.

Наконец, следует подчеркнуть значимость мониторинга и оценки результатов программ и мероприятий. Систематический сбор и анализ данных помогут определить эффективность проводимых мер и внести необходимые корректировки в работу. Регулярные оценки помогут выявить успешные подходы и лучшие практики, которые можно применять в дальнейшей работе с семьями.

Значимым фактом является осуществление работы с несовершеннолетними, которые уже совершили правонарушения. Нередко семьи с криминогенными дисфункциями имеют детей, которые уже попали в конфликт с законом. Для предотвращения рецидива и обеспечения успешной реабилитации таких несовершеннолетних, необходимо предоставлять им индивидуальную поддержку, психологическое консультирование, образовательные программы и возможности трудоустройства.

Также стоит обратить внимание на предотвращение стигматизации и социального исключения семей с криминогенными дисфункциями. Важно создать осознание в обществе о том, что преступность несовершеннолетних не всегда является результатом недостатков в семье, а может быть обусловлена сложными социальными и экономическими обстоятельствами.

3 Медиев Р. А., Кызылходжаева А. А. Цифровая гигиена несовершеннолетних как фактор профилактики подростковой преступности // Мир Закона. – 2022. – № 7-8 (243-244). – С. 19-25.

Пристатейный библиографический список

1. Лифанова М. В. Семья как фактор преступности несовершеннолетних и объект криминологического исследования // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 2 (10). – С. 7-13.
2. Марзалиева Л. А. Преступность несовершеннолетних: криминогенные факторы и пути их преодоления // Первый Международный форум по борьбе с преступностью: сборник статей, Москва, 18–19 марта 2022 года. – Москва: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 165-166.
3. Медиев Р. А., Кызылходжаева А. А. Цифровая гигиена несовершеннолетних как фактор профилактики подростковой преступности // Мир Закона. – 2022. – № 7-8 (243-244). – С. 19-25.

КУЛАКОВ Николай Андреевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России

ЛИХОВЕНКОВ Сергей Иванович
старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются проблемы справедливости и эффективности уголовного наказания за преступления террористической направленности. Авторы приходят к выводу, что в целях повышения справедливости и эффективности уголовных наказаний за преступления террористической направленности следует дополнить главу 10 УК РФ нормой, согласно которой в случаях, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ, уголовное наказание может быть назначено выше установленного санкцией конкретной нормы предела. При этом авторы предлагают ограничить меру наказания, назначаемого свыше установленного предела, одной третью от размера максимально допустимого по конкретной статье наказания.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, справедливость, эффективность, уголовное наказание.

KULAKOV Nikolay Andreevich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

LIKHOVENKOV Sergey Ivanovich
senior lecturer of Administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

FAIRNESS AND EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PUNISHMENT FOR TERRORIST CRIMES

The article deals with the problems of justice and effectiveness of criminal punishment for terrorist crimes. The authors conclude that in order to increase the fairness and effectiveness of criminal penalties for terrorist crimes, Chapter 10 of the Criminal Code of the Russian Federation should be supplemented with a norm according to which, in cases provided for by the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal punishment may be imposed above the limit established by the sanction of a specific norm. At the same time, the authors propose to limit the measure of punishment imposed over the established limit to one third of the maximum amount of punishment allowed under a specific article.

Keywords: terrorism, terrorist act, justice, efficiency, criminal punishment.

Одним из ключевых вызовов для современного российского государства продолжает оставаться террористическая угроза. Терроризм, террористическая деятельность, террористический акт, преступления террористической направленности – это категории, к сожалению, хорошо известные российским гражданам. Государственная и общественная безопасность в России не раз подвергалась посягательствам со стороны террористов. Причем терроризм, как явление, зародился и стал активно проявлять себя еще в период существования Российской Империи. Достаточно вспомнить о том, что глава российского государства – Император Александр II погиб от рук представителей революционно-террористической организации «Народная воля».

Современная российская история также характеризуется наличием повышенных террористических рисков. На протяжении последних тридцати лет эта угроза была связана преимущественно с наведением конституционного порядка в отдельных Северо-Кавказских субъектах РФ, прежде всего, Чеченской Республике. Еще свежи в памяти многих граждан России такие террористические акты, как захват заложников в городской больнице в Буденовске (1995 год), театральном центре на Дубровке в Москве (2002 года), школе № 1 города Беслана (2004 г.) и мн. др.

После установления конституционного порядка в Чеченской Республике и стабилизации социальной обстановки в Северо-Кавказском федеральном округе появились новые террористические угрозы, связанные с деятельностью международных террористических организаций и, в частности, Исламского государства (ИГИЛ[1]). Кроме того, новый, еще более опасный виток антироссийского терроризма, связан с обострением военно-политической обстановки в 2022 году, началом специальной военной операции России по демилитаризации и денацификации Украины и деятельностью украинских неонацистов. За период с января по декабрь 2022 года зарегистрировано 2109 преступлений террористической направленности, что на четыре больше чем за аналогичный период 2021 года [3]. За первое полугодие 2023 года зафиксировано около 1200 преступлений террористической направленности [4].

На этом фоне возрастает актуальность исследования проблем справедливости и эффективности уголовных наказаний за терроризм и связанные с ним преступления. В ч. 2 ст. 43 УК РФ определено: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Таким образом, восстановление социальной справедливости – одна из целей применения уголовно-правовых норм, в том числе и в отношении лиц, совершивших преступления террористической направленности.

Проблема справедливости уголовного наказания стала одной из центральных для целого ряда специалистов в области уголовного права. В частности, А. А. Палий предлагает понимать под восстановлением социальной справедливости моральное удовлетворение общества «в частичной компенсации причиненного преступлением вреда» [5, с. 9]. По мнению социолога В. Н. Аргуновой, социальная справедливость представляет собой ценность, т.е. реальный факт общественной и индивидуальной жизни [1, с. 19]. А.В. Сажина отмечает, что социальная справедливость - это система существующих в повседневном сознании ценностей и представлений людей о характере создания, накопления и распределения в обществе экономических и социальных благ, а также о специфике взаимодействий различных участников общественных отношений [6, с. 12].

Таким образом, вопрос о социальной справедливости уголовного наказания можно свести к преобладающим в социуме представлениям о соразмерности назначенного наказания совершенным террористическим преступлениям. В этом смысле преступления террористической направленности, целью которых, в частности, является запугивание и устрашение населения, безусловно, в глазах общества заслуживают наиболее суровой уголовно-правовой реакции государства. Вместе с тем, простое ужесточение наказаний за совершение преступлений террористической направленности вряд ли способно повысить эффективность уголовных наказаний. В юридической литературе отмечается, что законодатель на современном этапе злоупотребляет постоянным

1 Запрещена в России.

пересмотром санкций за совершение преступлений террористической направленности в сторону их ужесточения. Такого рода законодательные решения должны быть основаны на данных судебной статистики, специальных криминологических исследованиях. В этом контексте сложно увидеть научное криминологическое обоснование того, что совершение террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) предусматривает наказание менее строгое, чем пособничество в его совершении (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ).

В свою очередь, без должного научного обоснования изменений в Особенную часть уголовного законодательства рассчитывать на эффективность уголовных наказаний нет повода. Эффективность – это соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами. Эффективность уголовного наказания заключается в законном, обоснованном и справедливом решении в отношении виновного лица, для восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждение совершения нового преступления, как осужденным, так и другими лицами [2, с. 14].

Если речь идет о социальной справедливости назначаемого за преступления террористической направленности уголовного наказания, то его эффективность будет проявляться в том, что наказание не должно быть слишком мягким, но и не должно быть избыточно суровым. Уголовное наказание тем более эффективно, чем полнее и всестороннее суд учтет все обстоятельства дела при его назначении. При назначении наказания суд должен руководствоваться не только общественной опасностью преступления, но и учитывать личность виновного и с учетом ее особенностей назначать такое наказание, которое с наибольшей эффективностью обеспечивало бы достижение цели его исправления. Важным аспектом восстановления социальной справедливости является отношение потерпевших к назначенному наказанию. Определяя оптимальное с точки зрения превенции и исправления наказание для конкретного лица, суд должен учитывать обозначенный фактор. При этом, как небезосновательно отмечается в научной литературе, в настоящее время мнение потерпевшего практически не учитывается при назначении лицу уголовного наказания. Оно имеет юридическое значение только в одном случае – при освобождении лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Таким образом, у потерпевшего нет никакой правовой возможности влиять на вид и размер назначаемого лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания. Такое положение вещей, по обоснованному мнению отдельных специалистов, представляет собой нарушение принципа социальной справедливости [7, с. 132].

Анализ санкций статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений террористической направленности, не формирует уверенности в том, что все предусмотренные санкции способны обеспечить социальную справедливость. Например, максимальное наказание, которое может быть назначено по ст. 205 УК РФ (террористический акт) составляет двадцать лет лишения свободы. Как представляется, степень общественной опасности террористических актов вполне может быть достаточной для назначения гораздо более строго наказания. Тем не менее, действующий уголовный закон такой возможности судебным органам не предоставляет. Аналогичные выводы можно сделать и в отношении иных уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления террористической направленности.

Учитывая, что вопросы восстановления социальной справедливости при назначении наказания за преступления террористической направленности – очень сложная с точки зрения оценивания обществом (а, следовательно, и судом) проблема, видится целесообразным введение в Общую часть уголовного законодательства правового механизма назначения уголовного наказания свыше установленного предела. В случае введения предлагаемого механизма в Общую часть уголовного законодательства, потребуется внесение изменений непосредственно в статьи Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за преступления террористической направленности. В частности, предлагаемый механизм может быть реализован в ст. 205 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за совершение террористического акта. Предложенное законодательное решение, безусловно, вызовет значительную волну критики. Вместе с тем, в условиях взрывного роста террористических угроз, динамичного изменения способов, характера актов терроризма, возможность назначения в предусмотренных законом пределах и случаях повышенного уголовного наказания, способна значительно повысить эффективность и обеспечить социальную справедливость назначаемого наказания.

В завершении отметим, что справедливость уголовного наказания за преступления террористической направленности и эффективность такого наказания – тесно взаимосвязанные категории. Социальная справедливость уголовного наказания, как одного из уголовно-правовых средств противодействия преступлениям террористической направленности, представляет собой совокупность преобладающих в социуме (прежде всего среди лиц, непосредственно пострадавших в результате террористического акта) представлений о соразмерности назначенного наказания совершенным террористическим преступлениям. В свою очередь, эффективность уголовного наказания, назначаемого за совершение преступлений террористической направленности, заключается в вынесении такого приговора в отношении виновного лица, который обеспечит достижение совокупной цели уголовного наказания: восстановить социальную справедливость, исправить осужденного и предупредить совершение новых преступлений, как осужденным, так и другими лицами. Эффективность уголовного наказания предполагает, что вид и мера наказания, назначаемые террористу, избираются судом с учетом представлений общества о соразмерности такого наказания совершенному преступлению, особенностей личности преступника и вероятности его исправления. Таким образом, эффективность и справедливость уголовного наказания за преступления террористической направленности – взаимосвязанные явления одного порядка, которые неверно противопоставлять между собой.

В целях повышения справедливости и эффективности уголовных наказаний за преступления террористической направленности предлагаем дополнить главу 10 УК РФ нормой, согласно которой в случаях, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ, уголовное наказание может быть назначено выше установленного санкцией конкретной нормы предела. При этом представляется целесообразным ограничить меру наказания, назначаемого свыше установленного предела, одной третью от размера максимально допустимого по конкретной статье наказания. В случае внесения предложенных изменений в Общую часть уголовного законодательства потребуется внесение изменений непосредственно в статьи Особенной части УК РФ, устанавливающие ответственность за преступления террористической направленности. В частности, предлагаемый правовой механизм может быть реализован применительно к ст. 205 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за совершение террористического акта.

Пристатейный библиографический список

1. Аргунова В. Н. Социальная справедливость: социологический анализ: дис. ... докт. соц. наук: 22.00.01. – СПб., 2005. – С. 19.
2. Ахмедьянов Ф. З. Проблемы эффективности уголовного наказания // Юридический факт. – 2020. – № 113. – С. 14.
3. В России зафиксировали трехлетний рекорд по числу экстремистских преступлений. Коммерсант. 23.12.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersa№t.ru/doc/5736757.
4. В России за полгода зарегистрировано более 1 тысячи преступлений террористического характера. Коммерсант. 22.07.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersa№t.ru/doc/6122360.
5. Палий А. А. Сущность и цели наказания в российском уголовном праве и средства их достижения: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2001. – С. 9.
6. Сажин А. В. Социальная справедливость в российском обществе: социально-философский анализ: автореф. дис. ... докт. фил. наук: 14.00.27. – Краснодар, 2010. – С. 12.
7. Смирнов А. М. О необходимости назначения уголовного наказания выше высшего предела // Российский юридический журнал. – 2017. – № 5. – С. 132.

НОВИК Никита Михайлович
аспирант кафедры публично-правовых дисциплин Северо-Кавказского социального института, прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратуры Ставропольского края

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА, СОВЕРШЕННОГО ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ

Статья посвящена вопросам уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма. С 11.01.2018 г. статья 207 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающая ответственность за данное преступление, претерпела существенные изменения, одним из которых является необоснованное включение в ее диспозицию квалифицирующего признака «из хулиганских побуждений». Данные изменения, согласно пояснительной записке к Федеральному закону, направлены на ужесточение наказания и повышение общей превенции в отношении указанного преступления. Однако, несмотря на существенный рост числа зарегистрированных в последние годы преступлений, связанных с заведомо ложными сообщениями об актах терроризма, внесенные в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации изменения не только не ужесточили ответственность, но и смягчили санкцию данной нормы, а также ограничили диапазон ее применения.

Ключевые слова: терроризм, акт терроризма, хулиганский мотив, хулиганские побуждения, общественный порядок, нарушение общественного порядка.

NOVIK Nikita Mikhaylovich
postgraduate student of Public law disciplines sub-faculty of the North Caucasian Social Institute, Prosecutor of the Department for Supervision of the Implementation of Anti-Corruption Legislation of the Prosecutor's Office of the Stavropol Territory

SPECIFICS OF QUALIFYING A KNOWINGLY FALSE REPORT OF AN ACT OF TERRORISM COMMITTED WITH HOOLIGAN MOTIVES

The article is devoted to the issues of criminal liability for deliberately false reporting of an act of terrorism. Since January 11, 2018, Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for this crime, has undergone significant changes, one of which is the unreasonable inclusion of the qualifying sign "out of hooligan motives" into its disposition. These changes, according to the explanatory note to the Federal Law, are aimed at toughening the punishment and increasing the general prevention in relation to this crime. However, despite a significant increase in the number of crimes registered in recent years related to knowingly false reports of acts of terrorism, the amendments made to Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation not only did not toughen liability, but also softened the sanction of this rule, and also limited the range of its application.

Keywords: terrorism, act of terrorism, hooligan motive, hooligan motives, public order, public order violation.

Одной из существенных особенностей преступлений террористического характера являются последствия в виде нарушения спокойствия в обществе, повышения общего уровня напряженности и появление страха за собственную жизнь, здоровье и безопасность. Одним из таких преступлений, посягающих на общественный порядок и безопасность, является заведомо ложное сообщение об акте терроризма, ответственность за которое предусмотрена ст. 207 УК РФ.

С 11.01.2018 данный состав преступления претерпел изменения в связи с вступлением в силу Федерального закона от 31.12.2017 № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1] (далее – Закон № 501-ФЗ), теперь диспозиции ч.ч. 1, 2 ст. 207 УК РФ содержат в себе обязательные квалифицирующие признаки совершение заведомо ложного сообщения о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, из хулиганских побуждений.

Желание законодателя направленное на усиление ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма и повышение общей превенции в отношении указанного преступления в связи с резко возросшим количеством ложных телефонных сообщений об актах терроризма[2] в конечном итоге принятие Закона № 501-ФЗ существенно сузило круг деяний, охватываемых ст. 207 УК РФ, ввиду чего некоторые общественно опасные деяния, подпадающие под предыдущую редакцию, новой нормой не охватываются, поскольку в случае совершения лицом заведомо ложного сообщения об акте терроризма по мотивам мести, ревности, личной неприязни, из корыстных побуждений либо по иным мотивам, состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 207 УК РФ, не будет.

Данная точка зрения находит свое подтверждение в Обзоре апелляционной практики по уголовным делам Верховного Суда Республики Коми за июнь 2018 года, а также в Постановлении Президиума Липецкого областного суда от 28.06.2018, в которых указано, что дополнение диспозиции ч. 1 ст. 207 УК РФ признаком совершения преступления «из хулиганских побуждений», сужает применение указанной нормы по признаку мотива совершения преступления, предусматривая уголовную ответственность за те же действия лишь из хулиганских побуждений»[3].

1 Федеральный закон от 31.12.2017 № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Опубликован на официальном интернет-портале правовой информации (http://www.pravo.gov.ru) 31.12.2017.

2 Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sozd.parlament.gov.ru/bill/322801-7/.

3 Обзор апелляционной практики по уголовным делам Верховного Суда Республики Коми за июнь 2018 г., дело № 22-1161/2018 Сыктывкарского городского суда // СПС «КонсультантПлюс»;

Исходя из взаимосвязанных положений постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»[4] и Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганский побуждений», которыми суды должны руководствоваться при решении вопроса о наличии хулиганского мотива, преступление считается совершенным из хулиганских побуждений в случае, когда умысел лица направлен на грубое нарушение общественного порядка, имело место грубое нарушение общественного порядка, поведение лица свидетельствовало о явном неуважении виновного к обществу, преступление совершено без какого-либо повода или с использованием незначительного повода.

Иной другой умысел лица, и соответственно отсутствие цели грубого нарушения общественного порядка, либо безразличного отношения к указанным последствиям, будет свидетельствовать об отсутствии хулиганских побуждений.

В данном случае показателен следующий пример.

Так, Исамидинов З. Н. сообщил, что у киоска, расположенного по адресу: г. Магнитогорск, пр. Карла Маркса, д. 27, будет взрыв. Органами предварительного расследования действия Исамидинова З. Н. были квалифицированы по ч. 3 ст. 207 УК РФ. Однако, в судебном заседании было установлено, что после того, как подсудимый уехал на работу на вахту в Республику Чувашия, ему позвонила знакомая и сообщила, что его сожительница с ранее знакомым ему М. распивают спиртные напитки, по указанному выше адресу. В связи с чем, Исамидинов З. Н. из чувства ревности к сожительнице, у которой сложились тесные связи с М. и чувства мести к М., а также с целью проучить, опорочить и устранить М., он позвонил в УМВД по г. Магнитогорску и сообщил, что по указанному выше адресу будет взрыв, при этом указал, что М. предлагал ему совершить взрыв в г. Магнитогорске, за денежное вознаграждение в сумме 700 000 руб. Из пояснений Исамидинова З. Н. следует, что делал он это намеренно, чтобы отомстить М. Суд, не усмотрев в действиях подсудимого цели дестабилизации деятельности органов власти, признал Исамидинова З. И. виновным по ч. 1 ст. 207 УК РФ[5].

Данный приговор является одним из наиболее ярких примеров отсутствия хулиганских побуждений в действиях подсудимого, поскольку последний на почве ревности к сожительнице и мести к ее ухажеру, преследуя своей целью устранить конкурента, избрал способ мести в виде сообщения об акте терроризма. Причем, об отсутствии в действиях подсудимого хулиганских побуждений свидетельствует не только отсутствие умысла, направленного на грубое нарушение общественного порядка, но и наличие конкретной цели устранить и опорочить М., что подтверждается в том числе, сообщением Исамидинова З. Н. информации сотрудникам полиции о предложенном ему от М. денежном вознаграждении за совершение террористического акта.

Учитывая изложенное, солидарны с мнением Попова А. Н. в том, что необоснованна квалификация преступления, как совершенное из хулиганских побуждений при наличии иных установленных мотивов, таких, например, как месть, ревность, личная неприязнь и т.п. [4]. Или, к примеру, с Артеменко Н. В. и Тищенко Е. В., которые считают, что личные и хулиганские мотивы являются взаимоисключающими [1].

Применительно к ч. 1 ст. 207 УК РФ наличие любого другого мотива у лица, помимо хулиганского, являющегося главенствующим, и даже не исключающим побочное наличие хулиганских побуждений (их признаков), свидетельствует об отсутствии состава преступления, поскольку именно основной мотив имеет решающее значение в оценке и квалификации совершенного преступления.

Остается открытым вопрос, каким образом необходимо квалифицировать заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенные не из хулиганских побуждений?

Во всех случаях, когда будут иметь место наличие личных мотивов, таких как обида, месть, ревность, ненависть к конкретному лицу – личная неприязнь, когда при наличии смешанных мотивов, хулиганский не будет главенствующим, когда деянию будет предшествовать конкретный, не малозначительный для самого лица повод, квалификация деяния, как совершенного из хулиганских побуждений, будет необоснованна.

Отсутствие обязательных признаков состава преступления, предусмотренного ч.ч. 1, 2 ст. 207 УК РФ, в силу требований ст. 8 УК РФ исключает преступность деяния в целом, в связи с чем любое лицо, в отношении которого не будет установлено совершение деяния именно из хулиганских побуждений, подлежит оправданию на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ – за отсутствием в деянии состава преступления.

В связи с этим, достижение поставленных законодателем целей Законом № 501-ФЗ возможно при условии исключения из диспозиции ч.ч. 1 и 2 ст. 207 УК РФ квалифицирующего признака «совершенное из хулиганских побуждений».

Пристатейный библиографический список

1. Артеменко Н. В., Тищенко Е. В. Проблемы квалификационной оценки уголовно наказуемых деяний, совершаемых из хулиганских побуждений (на примере п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ) // Наука и мир. - 2014. - № 2. - Т. 2. - 174 с.
2. Волков Б. С. Мотивы преступлений. - Казань, 1982. - 78 с.
3. Обзор апелляционной практики по уголовным делам Верховного Суда Республики Коми за июнь 2018 г., дело № 22-1161/2018 Сыктывкарского городского суда // СПС «КонсультантПлюс».
4. Попов А. Н. Вина в преступлениях против жизни (ст. ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ): Конспект лекций. - СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. - 66 с.
5. Постановление Президиума Липецкого областного суда от 28 июня 2018 г. № 44-у-11/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sozd.parlament.gov.ru/bill/322801-7/.
7. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинская область от 13.05.2019 по делу № 1-240/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/M9n7x5xI7f6I/ (дата обращения 23.06.2023).

Постановление Президиума Липецкого областного суда от 28 июня 2018 г. № 44-у-11/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (в действ. ред.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «Консультант Плюс».

5 Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинская область от 13.05.2019 по делу № 1-240/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/M9n7x5xI7f6I/ (дата обращения: 23.06.2023).

ОЗЕРСКИЙ Сергей Владимирович
кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры управления и информационно-технического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Самарского юридического института ФСИН России

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА РОСТА ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В 2012-2022 ГОДАХ

Численность пожилого населения во всем мире быстро растет. Учитывая этот меняющийся демографический факт, мы можем ожидать, что общий уровень преступности среди пожилых людей будет расти вместе с ним. Растущие проблемы с уголовными правонарушениями среди пожилых людей будут иметь серьезные последствия для различных социальных систем и институтов, таких как политическая, экономическая и правовая системы, исправительные учреждения, реабилитационные учреждения, медицинские службы и службы охраны психического здоровья. Ученые и социологи должны также обращать внимание на межличностные, социальные, политические и экономические проблемы, которые могут способствовать изменениям, которые мы наблюдаем в настоящее время. В данной статье исследуется феномен роста преступности среди пожилых людей в 2012-2022 годах.

Ключевые слова: преступления, преступность, пожилые люди, правонарушения, рост преступности.

OZERSKIY Sergey Vladimirovich
Ph.D. in physical and mathematical sciences, associate professor, associate professor of Management and information technology support of the penal system sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

INVESTIGATION OF THE PHENOMENON OF CRIME GROWTH AMONG THE ELDERLY IN 2012-2022

The number of elderly people around the world is growing rapidly. Given this changing demographic fact, we can expect that the overall crime rate among the elderly will grow with it. The growing problems with criminal offenses among the elderly will have serious consequences for various social systems and institutions, such as political, economic and legal systems, correctional institutions, rehabilitation institutions, medical services and mental health services. Scientists and sociologists should also pay attention to interpersonal, social, political and economic problems that can contribute to the changes we are currently witnessing. This article examines the phenomenon of crime growth among the elderly in 2012-2022.

Keywords: crimes, crime, elderly people, offenses, crime growth.

Подавляющее большинство уголовных преступлений и обвинительных приговоров совершаются молодыми людьми. Существует множество объяснений того, почему молодые люди с большей вероятностью становятся вовлеченными в преступное поведение, например, из-за более высокого уровня антисоциальности личности, большей восприимчивости к давлению со стороны сверстников, меньшего участия в обществе и социальных нормах и просто из-за того, что они менее зрелые и чаще делают неправильный жизненный выбор. Пожилые люди не застрахованы от пагубного поведения, но они гораздо реже вовлечены в преступные группировки, менее склонны к формальной или неформальной культуре употребления наркотиков и менее склонны к насильственным действиям по отношению к другим.

С учетом сказанного все еще происходит много событий в культурном и демографическом плане, которые заслуживают внимания в этой конкретной области. Общий уровень преступности среди пожилых людей растет во всем мире, и эта тема должна представлять большой интерес для всех, кто изучает, преподает или работает в областях криминальной психологии, геронтологии, социологии, криминологии или исправительных учреждений.

Мир переживает эпоху демографической трансформации из-за массового падения рождаемости. Население мира стареет. Согласно отчету Организации Объединенных Наций «Перспективы мирового народонаселения на 2022 год», в 2022 году численность населения достигла знаковой отметки 8 млрд человек. Учитывая это (т. е. явный рост общего числа пожилых людей), мы также можем ожидать, что общий уровень уголовных правонарушений будет расти вместе с этим.

Существуют и другие факторы, которые повлияли на увеличение, помимо простого увеличения численности населения. Некоторые исследователи утверждают, что уровень преступности среди пожилых людей на самом деле намного выше, чем тот, который официально зарегистрирован или даже известен. Хотя преступное поведение среди пожилых людей в целом ниже, чем среди молодежи, относительно больше случаев остается незарегистрированным с пожилыми преступниками.

Одна из проблем, с которой сталкиваются те, кто работает с пожилыми людьми, – это определение порога старости. Определение того, кто является и кого следует считать пожилым человеком или пожилым гражданином, является сложной задачей. Старение включает в себя серию переходов на протяжении всей жизни, которые происходят в разное время у разных людей, а не одну большую трансформацию, которая происходит в каком-то фиксированном хронологическом возрасте. Таким образом, геронтологи различа-

ют хронологические, функциональные, социальные роли и субъективный возраст. При этом они утверждают, что мы не должны предполагать, что проблемы, с которыми сталкивается 65-летний мужчина, такие же, как и у большинства 85-летних. Кроме того, некоторые 85-летние могут быть более активными и функционально моложе, чем некоторые 65-летние [4].

Отсутствие четких определений для определения предела, когда кого-либо следует считать пожилым, особенно актуально при обсуждении пожилых заключенных. Ученые, изучающие пожилых заключенных, предполагают, что более уместно использовать возраст 50 лет в качестве определяющей черты между пожилыми и молодыми заключенными. Это связано с ускоренным старением заключенных, при котором их физиологический возраст превышает их хронологический возраст примерно на 12 лет. Геронтологи также признают, что то, что сегодня известно о старении и дальнейшей жизни, почерпнуто из опыта ограниченного числа групп пожилых людей. Тем не менее, каждая группа сталкивается со старением со своими собственными уникальными характеристиками. Таким образом, мы должны отойти от представления о том, что пожилые люди представляют собой относительно однородную группу с общими характеристиками и поведением.

Хотя пожилые люди менее склонны, чем молодые, к жестокому обращению с другими людьми или причинению физического вреда другим людям, есть некоторые данные, которые указывают на то, что общий уровень насилия вырос. Несмотря на то, что пожилые преступники менее склонны к насилию, некоторые исследования показали, что уровень сексуальных правонарушений среди пожилых за последние 10 лет людей вырос, хотя в целом показатели все еще относительно низки по сравнению с более молодыми преступниками. Факторы риска насильственных правонарушений среди пожилых людей, по-видимому, связаны с антисоциальной личностью, историей насилия и социальной изоляции и нездоровым употреблением алкоголя и наркотиков.

Другие важные факторы, связанные с уголовными правонарушениями среди пожилых людей связаны с проблемами психического здоровья. Психические заболевания играют важную роль в преступной деятельности среди пожилых людей. Исследователи обнаружили, что бредовые расстройства и шизофрения играют важную роль в оскорбительном поведении многих пожилых людей. Слабоумие и депрессия являются очень распространенными проблемами психического здоровья среди пожилых правонарушителей. Деменция (наряду со злоупотреблением алкоголем и наркотиками) является ведущим психическим заболеванием среди жестоких и ненасильственных пожилых преступников. Шизофрения также является одним из наиболее распространенных психических заболеваний среди хронических пожилых преступников, наряду с другими более распространенными формами психических заболеваний, такими как аффективные расстройства и деменция.

В России выявили рекордное за десять лет число преступников-пенсионеров. Число мужчин-пенсионеров, осужденных по уголовным статьям, впервые с 2012 года превысило 13 тыс.

Примерно треть от всех осужденных людей старше 50 лет – пенсионеры (31,2 %, или 19 286 человек). Так, мужчин старше 60 лет в этой группе – 13 341 (считался возраст на момент вынесения приговора), а женщин 55-летнего возраста и старше – 5945.

В количественном отношении число мужчин-пенсионеров, получивших приговор по уголовному делу, в 2022 году стало максимальным с 2012 года – 13,3 тыс. До этого эта доля граждан не превышала 11,7 тыс. [2].

Пожилое население становится все более разнообразным в демографическом и социально-экономическом отношении. За последние несколько десятилетий уровень образования и доходов многих пожилых людей повысился, однако по-прежнему существуют значительные различия.

Существует возрастная кривая преступности, в которой возраст, как правило, обратно пропорционален криминальным правонарушениям. Общепринятое мнение заключается в том, что, поскольку пожилым людям часто приходится приспосабливаться к образу жизни, с возрастом у них, вероятно, будет меньше возможностей для совершения преступлений. Взгляд на образ жизни предполагает, что более низкая преступность пожилых людей отражает биологический процесс старения, а также роли и социально сконструированные перспективы, которые сопровождают старение. Другие предполагают, что рост старения населения вызовет «волну преступности» среди пожилых правонарушителей. Часть проблемы в точном прогнозировании тенденций арестов среди пожилого населения заключается в том, что преступления среди пожилых составляют относительно небольшое число случаев, и большинство исследователей полагаются на необработанные цифры и проценты и недостаточно учитывают методы стандартизации возраста.

Преступность лиц молодого и зрелого возраста редко становится самостоятельным предметом исследования, поскольку совпадает с криминологической характеристикой среднестатистического преступника и рассматривается в данном аспекте. Однако ввиду ее широкого возрастного диапозона необходимо углубление знаний относительно отдельных возрастных периодов внутри данных групп [1].

Поскольку сегодняшние пожилые люди живут более долгой и здоровой жизнью и продолжают активно участвовать в трудовой и другой социальной деятельности, можно предположить, что пожилые люди могут совершать все большее число уголовных преступлений. Даже если уровень преступности останется прежним, само число пожилых правонарушителей и жертв будет расти из-за демографических изменений в нашем населении. Тюремное заключение также порождает преступность. Заключенные учатся новым способам нарушать закон у других преступников. Тюрьма также наносит ущерб их физическому и психическому здоровью таким образом, что делает их менее продуктивными после освобождения.

Другим часто приводимым объяснением связи между возрастом и преступностью является связь между тестостероном, агрессией и насилием. Исследователи предполагают,

что снижение уровня тестостерона, в свою очередь, агрессии, соответствует снижению криминальной активности. Хотя эта теория широко известна, она противоречива.

Учитывая подавляюще более высокую частоту вовлечения в преступную деятельность в младших возрастных группах, исследования в этой области были сосредоточены на молодежи и формирующихся взрослых. Криминологические исследования с участием пожилых людей в первую очередь фокусируются на них как на жертвах, а не на исполнителях преступлений. Старение населения и расширение возможностей для совершения преступлений пожилыми людьми в сочетании с относительным пренебрежением исследованиями антисоциального поведения среди пожилых людей предполагают, что теории антисоциального поведения на протяжении всей жизни были бы усилены за счет большего внимания к этим годам.

В статистике 2022 года наибольшая доля приговоров по уголовным делам традиционно приходится на людей в возрасте от 30 до 49 лет (59 % от общего числа осужденных в этом году, или 341,7 тыс.). Эта тенденция сохраняется из года в год за последнее десятилетие. Еще 14,2 % – это приговоры в отношении людей в возрасте от 18 до 24 лет (всего в 2022 году осуждено 82 647 человек), 13,5 % – приговоры людям в возрасте от 25 до 29 лет (78 483 человека) [3].

Конечно, большинство преступлений по-прежнему совершается лицами моложе 30 лет. Но демографический сдвиг в сторону пожилого населения, особенно по мере того, как пожилые люди все чаще сталкиваются с бедностью, может означать, что еще больше дедушек и бабушек начинают вести преступный образ жизни.

Криминологическая литература указывает на два основных типа пожилых уголовных преступников – профессиональных преступников и ситуационных преступников. Первые – это те, кто совершал преступления на протяжении всей своей взрослой жизни и продолжал вести себя подобным образом в пожилом возрасте. Ситуационные правонарушители пожилого возраста законопослушны до тех пор, пока в пожилом возрасте не окажутся в ситуации финансовой незащищенности и не совершат преступления, связанные с собственностью, обычно кражи, для удовлетворения основных потребностей. Пожилые люди, которые начали совершать антиобщественные и преступные действия позже в жизни, также могут испытывать трудности с функционированием и нехватку способности управлять межличностными отношениями и, следовательно, реагировать гневом и агрессией во время конфронтации с семьей и близкими друзьями. Наркотики и алкоголь могут усугублять их поведение. Наряду со старением населения наблюдается очевидное увеличение возможностей для пожилых людей совершать преступления по сравнению с прошлым. Например, киберпреступность может быть более эффективной и требовать меньших физических усилий, чем другие виды личных преступлений.

Несмотря на меньшую частоту преступлений и насилия среди пожилых людей, последствия этих действий могут быть пагубными для их семей, которые часто становятся жертвами их преступлений, и общества. Хотя неясно, какой процент взрослого населения пожилых заключенных относится к той или иной группе, по оценкам, большинство содержащихся в заключении пожилых людей были арестованы в раннем или среднем возрасте. Независимо от возраста на момент ареста, заключение пожилых людей в тюрьму сопряжено с большими расходами.

По мере того, как все больше и больше пожилых преступников помещается в исправительные учреждения, необходимо удовлетворять их уникальные потребности. Пожилым заключенным требуется гораздо больше медицинской помощи, чем молодым заключенным. Содержание пожилых заключенных также обходится значительно дороже, чем содержание молодых заключенных.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеева Е. А. Трансформация возрастной структуры преступников в России и за рубежом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: .https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-vozrastnoy-strukturyprestupnikov-v-rossii-i-za-rubezhom (дата обращения: 01.07.2023).
2. В России выявили рекордное за десять лет число преступников-пенсионеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/20/04/2023/644010229a79475029c370d5 (дата обращения: 12.07.2023).
3. «Старики-разбойники». Число преступников-пенсионеров в России достигло рекордного уровня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://samolet.media/posts/7193 (дата обращения: 15.07.2023).
4. Рахманова Е. Н. Уголовно-правовое значение пожилого возраста лица, совершившего преступление. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoeznachenie-pozhilogo-vozrasta-litsa-sovershivshegoprestuplenie (дата обращения: 05.08.2023).

СЕВОСТЬЯНОВА Анна Геннадьевна
преподаватель кафедры философии и общегуманитарных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ЧЕКМАРЕВА Карина Сергеевна
курсант 2 курса Самарского юридического института ФСИН России

КЛАССИФИКАЦИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ ПО СТРОГОСТИ СОГЛАСНО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье рассмотрены особенности регламентации различных видов наказаний по уровню суровости согласно законодательству России и зарубежных стран. На основе сравнительного анализа российского и зарубежного законодательства автор делает вывод о том, что жестокость наказания не является эффективным способом перевоспитания граждан. Есть другие факторы, способствующие высокой преступности среди населения, которые автор также рассмотрел в статье.

Ключевые слова: законодательство, конфискация имущества, исправление осужденного, лишение свободы, источник права, уровень преступности, уголовный кодекс.

SEVOSTYANOVA Anna Gennadjevna
lecturer of Philosophy and all-humanitarian disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

CHEKMAREVA Karina Sergeevna
cadet of the 2nd course of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

CLASSIFICATION OF CRIMINAL PENALTIES BY SEVERITY ACCORDING TO THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

The article discusses the peculiarities of the regulation of various types of punishments according to the level of severity according to the legislation of Russia and foreign countries. Based on a comparative analysis of Russian and foreign legislation, the author concludes that the cruelty of punishment is not an effective way to re-educate citizens. There are other factors contributing to high crime among the population, which the author also considered in the article.

Keywords: legislation, confiscation of property, correction of a convicted person, deprivation of liberty, source of law, crime rate, criminal Code.

Уголовный кодекс является основным нормативным актом, который есть в любой стране. Анализируя данный документ, мы можем сделать вывод об уровне развитости страны, о правовой культуре, ценностях, существующих в обществе и о многом другом. Ниже мы рассмотрели законодательство Сингапура, Ирана, Швейцарии и Бразилии.

В уголовном кодексе Сингапура (далее – УК Сингапура) классифицируется пять видов наказания: смертная казнь, тюремное заключение, конфискация имущества, штраф и избиение палкой. Смертная казнь предусматривается за отдельные преступления против государства, а также за пиратство, убийство, торговлю оружием и ввоз наркотиков. В современном обществе наблюдается гуманизация уголовного права. Это проявляется в том, что власть стремится заменить смертную казнь пожизненным лишением свободы и бичеванием. Однако можно ли применение рукоприкладства считать гуманным способом исправления осужденного? Этот вопрос требует серьезного рассмотрения, но мы считаем, что такая жесткая мера не может быть альтернативой для смертной казни. Несмотря на проводимую политику властей, Сингапур является лидером по количеству смертных казней. Как видно, процедура рукоприкладства в данной стране получило официальное закрепление. Наказание в виде избиение палкой фиксируется гл. 7 УК Сингапура. За такое преступление, как пиратство, осужденный наказывается либо пожизненным лишением свободы, либо двенадцатью ударами палкой. УК предусматривает подобное наказание также и для таких тяжких преступлений, как убийство. В школах данного государства официально разрешено бичевание палкой в качестве меры дисциплинарного взыскания. Однако запрещается использование данного вида наказания для лиц женского пола [1]. Исследуя УК Сингапура, мы можем сделать вывод, что законодательство является весьма суровым. Телесные наказания и смертная казнь являются самыми жестокими наказаниями среди всех перечисленных. Однако, Сингапур является одной из самых безопасных стран. Властям предстоит еще проделать большую работу по демократизации уголовной системы.

Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран 1991 года значительно более жесток по сравнению с законодательством РФ. Согласно закрепленным нормам, уголовная ответственность для мальчиков начинается с 14 лет, а для девочек с 8 лет. Основным источником права этой страны является правовой обычай. Об этом свидетельствует тот факт, что многие положения статей взяты из священной книги – Корана. Так, например, распитие алкогольных напитков, измена супругов или же нарушение религиозных канонов наказывается как отдельное преступление. Традиционализм сохраняется и в следующем: в разделе 18 закреплен запрет на выход женщины в общество без специального одеяния. Исламский закон закрепляет такие наказания, которые далеко не свойственны России. Распитие алкогольных напитков наказывается ударами кнутом, а вооруженное посягательство на общественный порядок влечет за собой отсечение правой или левой руки. Еще один вид не менее сурового наказания – это «побитие камнями» [2]. Оно предусмотрено за самые разные преступления. Вышеназванные аспекты дают нам возможность констатировать, что

Исламское законодательство требует глубокого пересмотра ввиду своей крайней жестокости.

Особое внимание мы уделили изучению законодательства Швейцарии. Такой интерес связан в первую очередь с тем, что страна славится низким уровнем преступности. Согласно ст. 82 положения УК Швейцарии уголовная ответственность начинается с семи лет. По российским меркам это весьма ранний возраст для исполнения наказания, ведь в данный период жизни малолетний нарушитель совершает проступки из-за неосознанности, что обусловлено психофизиологическими особенностями. Представляет интерес и тот факт, что в уголовном кодексе Швейцарии содержится специальный раздел «Несовершеннолетние», который определяет наказания за преступления, совершаемые правонарушителями в возрасте от семи до пятнадцати лет. Смертная казнь в УК Швейцарии прописана как одна из мер наказания, однако на практике не применяется. Самым тяжелым наказанием согласно законодательству является каторжная тюрьма. За особо тяжкие преступления суд может приговорить осужденного к пожизненному сроку лишения свободы [3]. Однако, в зарубежном законодательстве отсутствуют наказания с применением членовредительства и на практике смертная казнь не применяется, что свидетельствует о демократизации уголовной системы.

При анализе законодательства Швейцарии очевидно, что оно не предусматривает телесные наказания и смертную казнь, признанные самыми суровыми среди всех вышеизложенных мер пресечения. Нормы уголовного права, призванные устрашать преступников, как показывает практика, не всегда гарантируют получение желаемого результата в борьбе за снижения уровня преступности, в том числе и рецидивной.

Уголовный кодекс Бразилии (далее – УК Бразилии) представляет особый интерес ввиду закрепленности в нем весьма нестандартных подходов к воспитанию осужденных. Особенность уголовной системы состоит в том, что осужденных не принуждают к труду, но три рабочих дня сокращают их срок на один день. Такой поход мотивирует заключенных вовлекаться в трудовую деятельность весьма активно, что не может не сказаться положительно на процессе его исправления, поскольку труд, основанный на добровольных началах, представляет особую ценность. Лица, осужденные к «полуоткрытому» режиму отбывания наказания (режим осужденных, срок наказания которых не превышает восемь лет), обладают возможностью обучаться на курсах повышения квалификации, получать среднее или высшее образование [4]. Такая программа наказания позволяет личности, преступившей закон, продолжать жизнь в обычной для человека социальной среде. Мы считаем, что благодаря такому режиму период адаптации после освобождения из мест лишения свободы проходит быстрее. К тому же, осужденные могут повышать как свой умственный потенциал, так и уровень профессиональных знаний, умений и навыков.

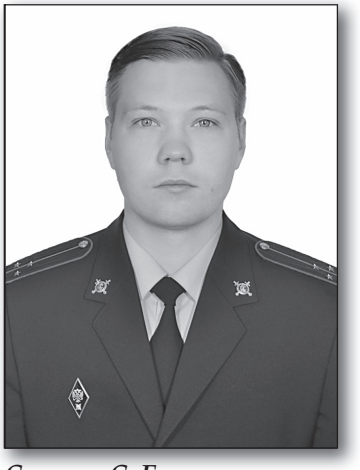
Среди причин, косвенно влияющих на состояние преступности в обществе, представляется необходимым указать на следующие. Во-первых, несоответствие заработной платы объему выполняемой сотрудником работы. Во-вторых, низкая социальная стабильность в государстве. К примеру, длительные кризисы могут быть основанием для снижения заработной платы работникам. В-третьих, низкий уровень жизни граждан. Некоторые люди, желая удовлетворить свои постоянно растущие потребности, совершают преступления, часто даже не задумываясь о последствиях. Подобная ситуация наблюдается в Бразилии, где в связи с низкими доходами населения наблюдается высокий уровень уличной преступности, разбойных нападений и угонов автомобилей. Таким образом, становится очевидным что имеет место необходимость для местных властей уделять большее внимание не только вопросам ужесточения наказания, но и совершенствования социальной политики государства. Можно сделать вывод, что одной из причин низкой преступности в Швейцарии служит высокий уровень жизни граждан, о чем также свидетельствует ВВП страны.

В результате нашего исследования можно сделать вывод о том, что жестокость наказания не является основным критерием, способствующим эффективности в вопросе противодействия преступности. В современных реалиях государство, политика которого подразумевает нацеленность на сокращение преступности, сталкивается с необходимостью обеспечить своим гражданам социальную и экономическую стабильность. Зачастую требуют доработки меры по оказанию социальной и психологической помощи гражданам, которые оказались в сложной жизненной ситуации. При соблюдении подобных условий, политика противодействия преступности, как нам представляется, сможет стать более эффективной без ужесточения мер наказания осужденных.

Пристатейный библиографический список

1. Коробеев А. И. Особенности института наказаний в уголовном праве Республики Сингапур. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-instituta-nakazaniya-v-ugolovnom-prave-respubliki-singapur (дата обращения: 01.04.2023).
2. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. Пер. с перс. М. С. Пелевина. Науч. ред. А. И. Ахани. Предисл. Ю. Н. Волкова. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 343 с.
3. Уголовный кодекс Швейцарии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy-kodeks-shveycarii_1a1ab322d3f.html (дата обращения: 11.04.2023).
4. Оливейра Т. Б. Структура судебной власти в Бразилии: уголовное преследование в свете недавних реформ Уголовно-процессуального кодекса (перевод профессора Н. Е. Крыловой). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-sudebnoy-vlasti-v-braziliii-ugolovnoe-presledovanie-v-svete-nedavnih-reform-ugolovno-protsessualnogo-kodeksa-perevod.

СУВЕРОВ Сергей Евгеньевич
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России



Суверов С. Е.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАДИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ НЕЗАКОННОМ СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

Автором настоящей статьи осуществляется попытка осмыслить влияние учения о стадиях совершения преступления на частные вопросы квалификации общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 2281 УК РФ. Приводятся точки зрения исследователей относительно дифференциации преступных посягательств по особенностям объективной стороны состава преступления. Делается акцент на сущности покушения на преступление и его отличии от оконченного преступления. Рассматривая примеры из судебно-следственной практики, автор приходит к выводу по решению обозначенной проблематики.

Ключевые слова: покушение на преступление, оконченное преступление, незаконный сбыт наркотиков, объективная сторона состава преступления.

SUVOROV Sergey Evgenjevich
Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

DETERMINING THE STAGE OF THE COMMISSION OF A CRIME IN THE ILLEGAL SALE OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES

The author of this article makes an attempt to comprehend the impact of the doctrine of the stages of the commission of a crime on the particular issues of qualifying a socially dangerous act, provided for by Article 2281 of the Criminal Code of the Russian Federation. The points of view of researchers regarding the differentiation of criminal offenses according to the features of the objective side of the crime are given. Emphasis is placed on the essence of an attempted crime and its difference from a completed crime. Considering examples from judicial and investigative practice, the author comes to a conclusion on the solution of the identified problems.

Keywords: attempted crime, completed crime, drug trafficking, the objective side of the crime.

Осуществление эффективного противодействия преступным посягательствам требует функционирования содержательной правовой базы. В связи со значительной общественной опасностью преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, обозначенная группа деяний охраняется нормами отечественного Уголовного кодекса (далее — УК). Подчеркнем, что для верной квалификации совершенного лицом деяния недостаточно использования лишь норм Особенной части УК РФ, поскольку не менее важным является обращение к положениям Общей части. Актуальность выраженного тезиса ярко проявляется сквозь призму определения стадии совершения преступления по деяниям, связанным с незаконным оборотом запрещённых средств и веществ.

Так, указанная группа преступлений ежегодно составляет значительную долю в общем массиве уголовно-наказуемых посягательств. Например, в 2022 г. органами внутренних дел было выявлено 177,7 тыс. обозначенных общественно опасных деяний. Более того, 62,4 % от представленного числа составляют именно преступления, совершенные с целью незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228^1 УК РФ) [10, с. 4].

В настоящее время наибольшее число преступлений, предусмотренных ст. 228^1 УК РФ, совершаются лицами с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), что позволяет злоумышленникам негласно передавать сведения о нахождении запрещенных средств и веществ и исключает непосредственный контакт с потребителями, нивелируя риск задержания во время передачи наркотика.

Для единообразного применения норм уголовного закона на территории различных субъектов и административно-территориальных единиц нашего государства Верховным Судом Российской Федерации было принято постановление Пленума от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [8]. Вместе с тем, принятие обозначенного разъяснительного акта не смогло разрешить всех вопросов, возникающих у практических сотрудников при установлении стадии незаконного сбыта наркотических средств, совершенного путем формирования так называемых тайников с «закладками». Отметим, что высшим судебным органом России учитывается современная особенность «бесконтактного» сбыта запрещенных средств и веществ, о чем он прямо указывает в соответствующем постановлении.

Для настоящей работы интерес представляют следующие положения названного разъяснительного акта: согласно, п. 13 передача предмета преступления, предусмотренного ст. 228^1 УК РФ, может быть осуществлена путем сообщения о месте его хранения приобретателю, проведения «закладки» в обусловленном с ним месте. Сам же сбыт понимается как незаконная деятельность лица, направленная на реализацию наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Следовательно, осуществить сбыт наркотического

средства возможно не только путем его непосредственной передачи потребителю «из рук в руки», но и с помощью формирования тайника с «закладкой». Возвращаясь непосредственно к вопросу определения стадии совершения преступления, важным видится содержание п.13[1] упомянутого разъяснения, где указано, что преступление, предусмотренное ст. 228[1] УК РФ, следует считать оконченным с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю запрещенных средств, веществ, независимо от их фактического получения приобретателем. Подчеркнем, что изъятие в таких случаях сотрудниками правоохранительных органов из незаконного оборота указанных предметов не влияет на квалификацию преступления как оконченного.

Особо актуальной указанная нами проблема представляется для случаев, когда лицом осуществляется формирование тайников с «закладками», а информация об их местонахождении (описание участка местности, его координаты, фотографии) отправляются «оператору» Интернет-магазина по продаже наркотических средств. После чего, лицо, которое сделало тайники с «закладками», задерживается сотрудниками правоохранительных органов, а запрещенные средства и вещества изымаются в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий. Исходя из особенностей взаимодействия соучастников преступной группы, задержанное лицо не может располагать информацией о том, были ли высланы местонахождения тайников с «закладками» потребителям наркотических средств, была ли достигнута с ними какая-либо договоренность (например, они оплатили приобретаемый товар), поскольку разрешение таких вопросов находится в исключительном видении «оператора».

Представляется, что отраженная объективная особенность «бесконтактного» сбыта наркотиков является определяющей при оценке стадии совершенного лицом преступления (было совершено покушение на незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, поскольку в материалах уголовного дела отсутствует информация, что кто-либо из потребителей получил сведения о нахождении «закладки» либо имеет место оконченное преступление, поскольку лицом выполнены все зависящие от него действия по передаче потребителю запрещенных средств и веществ). На проблемы законодательной регламентации и привлечения к уголовной ответственности за неоконченную преступную деятельность обращается внимание в современной научной литературе применительно и к иным видам преступлений [7, с. 342].

Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к учению о составе преступления. Признавая наличие в доктрине уголовного права достаточно широкой палитры мнений по вопросу деления составов преступлений по особенностям объективной стороны [6, с. 16-17], примем за основополагающую дифференциацию на формальный, материальный и усеченный.

Материальными являются такие составы преступлений, для которых юридически значимо наступление последствий, поскольку последние относятся к обязательному признаку объективной стороны состава преступления. Оконченным такое преступное посягательство будет считаться именно в момент причинения указанных последствий. В свою очередь, формальные составы преступлений включают в себя лишь один обязательный элемент — непосредственное деяние. Наступление при этом уголовно-правовых последствий не оказывает влияния на констатацию совершенного преступления как оконченного. О. В. Ермакова отмечает, что в зависимости от стадии развития преступления, исходя из юридического момента его окончания, законодателем выделяются на ряду с иными как формальный состав преступления (юридический момент окончания деяния — это полное совершение преступного деяния), так и материальный состав преступления (юридический момент окончания деяния — это наступление преступного результата) [4, с. 116-117].

Используя различные юридические конструкции (связанные с моментом окончания преступления) законодатель изменяет уровень уголовно-правового воздействия, усилия или смягчая уголовную ответственность [2, с. 80]. Так, согласно ч. 3 ст. 66 УК РФ срок и размер наказания за покушение на преступление ограничен тремя четвертями максимального срока или размера наиболее строго вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части.

Подчеркнем, что каждым преступлением причиняется тот или иной вред самим общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, а также оказывается влияние на объективную действительность (вред здоровью потерпевшего, организационный вред государственной власти и проч.). Для формальных составов преступлений такие последствия не принимаются во внимание при установлении стадии совершенного лицом преступления, однако они могут учитываться судом при назначении лицу наказания. В частности, Верховным Судом Российской Федерации в п.27 вышеупомянутого постановления Пленума отмечается, что для признания оконченным преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ («Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»), не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило запрещенные средства или вещества. Действительно, само содержание диспозиции ст. 228[1] УК РФ не предусматривает наступления каких-либо последствий, в т.ч. фактическое получение потребителем соответствующего наркотического средства, психотропного вещества или их аналогов. В данном контексте следует согласиться с позицией Н. Н. Баймаковой, которая пишет, что оконченным покушением на преступление с материальным составом является такой случай, когда виновным выполнены все необходимые действия, однако преступный результат по независящим от лица обстоятельствам не наступил [1, с. 7].

В связи с тем, что в разъяснении высшего судебного органа определение стадии незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов связывается с выполнением лицом всех необходимых действий по передаче указанных предметов, среди практических органов принят единый подход к квалификации деяния, предусмотренного ст. 228[1] УК РФ. При изучении уголовных дел, находившихся в производстве Следственной части Главного следственного управления ГУ МВД России по Алтайскому краю, было установлено, что несмотря на то, что задержанное лицо отправило информацию о местонахождении тайников с наркотиком «оператору» согласно распределенных функций в преступной группе, содеянное квалифицировалось как покушение на незаконный сбыт наркотических средств (в дальнейшем данные «закладки» изымались сотрудниками полиции) [11].

В судебной практике определение стадии преступления ставится в зависимость от наличия или отсутствия в уголовном деле сведений о передаче местонахождения «закладки» покупателю (покупателям) запрещенных средств и веществ. Так, согласно кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 6 сентября 2022 года

по делу № 77-3331/2022 приговор первой инстанции был изменен в части квалификации действий осужденного (первоначально лицо было осуждено за совершение преступления, предусмотренного п.«г» ч. 4 ст. 228[1] УК РФ). В обоснование своей позиции о том, что «закладчик» совершил покушение на указанное преступление суд сослался на следующие соображения: «Между тем, несмотря на то, что Ш. выполнил отведённую ему в преступной группе роль, данные о том, что информация о конкретных местах нахождения наркотических средств в тайниках была доведена до сведения потребителей, и, таким образом, созданы все необходимые условия для незаконного сбыта, материалы дела не содержат и судом не установлены. Наркотические средства были обнаружены и изъяты сотрудниками правоохранительных органов в ходе осмотра мест происшествия» [5].

Аналогичные выводы и, соответственно, определение стадии совершенного преступления отражены в приговоре Ярославского областного суда от 17 февраля 2023 по делу № 2-2/2023 (действия подсудимого были квалифицированы по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ) [9].

Заметим, что важнейшим в решении рассматриваемого вопроса является установление тех действий, которое лицо могло объективно выполнить для дальнейшей реализации наркотических средств. Независимо от того, отправил ли соответствующую информацию «оператор» покупателям, задержанный «закладчик» полностью выполнил свою функцию в преступной группе: сформировал тайник с «закладкой», сделал его точное описание и передал сведения, позволяющей ее обнаружить. Более того, использование в такой преступной деятельности информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» предполагает воздействие на неопределенный круг лиц, как верно отмечается в ряде судебных решений [3, с. 356]. Именно по этому, указанный нами случай следует рассматривать именно как оконченное преступление.

Таким образом, считаем, что в случаях, когда лицом формируется множество тайников с «закладками» (наркотическим средством, психотропным веществом или их аналогами) и информация об их нахождении передается иным соучастникам (оператору «Интернет-магазина») правоприменительным органам следует рассматривать содеянное как оконченное преступление, поскольку лицо выполнило все необходимые действий по передаче приобретателю запрещенных средств, веществ, а дальнейший процесс реализации от него не зависит. Надеемся, что высказанные нами соображения поспособствуют унификации судебно-следственной практики и усилению принципов законности и справедливости при осуществлении уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Баймакова Н. Н. Момент окончания преступления: автореферат дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – 21 с.
2. Безверхов А. Г., Решетникова Д. В. О классификации конструкций составов преступлений по моменту их юридического окончания // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 79-83.
3. Гулиева Н. Б., Драпезо Р. Г., Шелестюков В. Н. Бесконтактный сбыт наркотических средств и психотропных веществ через Интернет: судебная практика Кемеровской области // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2020. – № 2. – С. 353-367.
4. Ермакова О. В. Классификация составов оконченных преступлений: теоретический и прикладной аспекты // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 2. – С. 115-119.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 6 сентября 2022 года по делу № 77-3331/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Крылова Н. Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2017. – № 6. – С. 15-28.
7. Милюков С. Ф., Дронова Т. Н. Неоконченное преступление и его виды: проблемные вопросы // Право: история и современность. – 2022. – № 3. – С. 342-364.
8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. от 16.05.2017). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2023).
9. Приговор Ярославского областного суда от 17 февраля 2023 по делу № 2-2/2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 г. // ФКУ МВД России «Главный аналитический центр». – Москва, 2022. – 67 с.
11. Уголовные дела №№ 12201010037000153, 12201010037000139, 12201010037000263, находившиеся в производстве СЧ ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю.

СТУПИНА Светлана Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

Ступина С. А.

СОДЕРЖАНИЕ УГРОЗЫ ПРИ ШАНТАЖЕ КАК СПОСОБЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье проведен анализ положений Уголовного кодекса Российской Федерации, в части регламентации шантажа, исследованы его структура и содержание. С учетом того, что шантажу имманентно присуще психическое насилие в форме угрозы, то определяется ее содержание с учетом как законодательного закрепления в отдельных статьях УК РФ, так и правоприменительной практики, на основе чего сделан вывод о дискуссионности в едином понимании угрозы при шантаже. Исходя из этого, а также реалий современной действительности, характеризующихся появлением новых видов угроз, предлагается обобщающее для уголовного законодательства и правоприменительной практики понятие шантажа.

Ключевые слова: преступление, способ совершения преступления, угроза, шантаж, вымогательство, сведения, позорящие потерпевшего или его близких.

STUPINA Svetlana Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic Science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

THE CONTENT OF THE THREAT OF BLACKMAIL AS A METHOD OF COMMITTING A CRIME

The article analyzes the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regarding the regulation of blackmail, its structure and content are investigated. Taking into account the fact that mental violence in the form of a threat is inherent in blackmail, its content is determined taking into account both legislative consolidation in separate articles of the Criminal Code of the Russian Federation and law enforcement practice, on the basis of which it is concluded that the threat of blackmail is debatable in a common understanding. Based on this, as well as the realities of modern reality, characterized by the emergence of new types of threats, the concept of blackmail, generalizing for criminal legislation and law enforcement practice, is proposed.

Keywords: crime, method of committing a crime, threat, blackmail, extortion, information shaming the victim or his relatives.

Рассматривая шантаж, как способ совершения преступления, необходимо отметить, что в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) не приведено его законодательное определение.

Кроме этого, в статьях УК РФ использованы различные терминологии при формулировании шантажа в рамках признаков объективной стороны состава преступления.

Нет единства понимания этого понятия и среди ученых.

Так, например, О. И. Ганченко полагает, что термин «шантаж» должен пониматься в уголовном законе в его соответствующем филологическом значении, согласовывающимся с пониманием шантажа на уровне обыденного правосознания и с учетом этого, автор предлагает в уголовном праве шантаж считать одной из форм угрозы, ориентированной на создание обстановки, вынуждающей потерпевшего совершить выгодное виновному деяние [1, с. 165].

Однако следует заметить, что понятие «шантаж» возникло именно в уголовно-правовой сфере, а уж только после этого оно стало объектом исследования в рамках иных сфер научного познания, например, в области филологии, где предлагается идентифицировать шантаж как речевой жанр с помощью смысловой доминанты – субжанра угрозы. Релевантной для шантажа типом угрозы в том числе выступает и угроза разглашения определенной секретной информации (компромата) [2, с. 179].

При этом на уровне бытового дискурса шантаж выступает видом психоэмоционального манипулятивного воздействия, направленного на получение личной выгоды (материальной или психологической) с помощью угрозы.

Следует отметить, не углубляясь в научную дискуссию, что, на наш взгляд, шантаж действительно органически связан с двумя такими составляющими, как психическое воздействие (угроза) и выдвижение требования, ради которого и используется ультимативное высказывание.

Вместе с тем, с точки зрения терминологии уголовного право следует говорить о том, что в рамках объективной стороны конкретного состава преступления следует выделять само деяние, как обязательный признак, которое, как раз и направлено на совершение потерпевшим требуемого виновным поведения, и способ преступления, т.е. те приемы и методы совершения такого деяния, которые позволяют добиться требуемого поведения, и которым, как раз и выступает шантаж.

Вследствие этого не видим оснований для постановки под сомнение высказывания специалистов, которые рассматривают объективные составляющие шантажа с различных позиций [1, с. 163-164], [3, с. 42].

Обоснованно для эффективного применения уголовного законодательства и защиты прав и свобод личности, охраняемых законом интересов общества и государства, рас-

смотреть содержание шантажа в статьях УК РФ и по возможности выработать единое понимание по трактовке этого понятия, определить его дефиницию.

Предварительно укажем, что ведущими специалистами уголовного права шантаж априори трактуется как угроза разглашения сведений, позорящих потерпевшего [4, с. 133].

Итак, сущностной основой шантажа выступает угроза, семантика которой интегрирована в содержание анализируемого понятия, и которая является гиперонимом для понятия «шантаж».

В УК РФ шантаж, как способ совершения преступления, именно в буквальном использовании этого понятия без раскрытия его содержания, указан в девяти уголовно-правовых нормах: ст. 127.2 «Использование рабского труда», ст. 133 «Понуждение к действиям сексуального характера», ст. 83 «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», ст. 185.5 «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества», ст. 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте», ст. 283.1 «Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну», ст. 302 «Принуждение к даче показаний», ст. 304 «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», ст. 309 «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу».

Указание непосредственно на конкретизированную угрозу, отождествляемую с шантажом, законодательно закреплено в таких составах как: вымогательство (ст. 163 УК РФ), понуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ), незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц (ст. 172.4 УК РФ).

Обращение к трактовке угроз в указанных нормах УК РФ отчасти позволяет ответить на вопрос о том, какая же именно по содержанию угроза составляет суть шантажа.

Прежде всего, исходя из признаков состава вымогательства (ст. 163 УК РФ), к шантажу следует отнести угрозу распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Согласно разъяснения, изложенным в п. 12 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (далее – Постановление № 56), под сведениями, позорящими потерпевшего или его близких, следует понимать сведения, порочащие их честь, достоинство или подрывающие репутацию (например, данные о совершении правонарушения, аморального поступка). При этом не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой распространения которых совершается вымогательство.

Как видно, судебное толкование определяет позорящий характер сведений, распространением которых угрожают, через порочащий их характер.

Однако, следует согласиться с высказанной на страницах научной литературы позицией о том, что существует дискуссионность в понимании таких определений как «позорящего» и «порочащего» характера [5].

Считаем возможным указать, что понятие позорящего характера более широко по содержанию и включает любые компрометирующего характера сведения, которые в большинстве случаев, но не всегда надуманы, «сфабрикованы» и т.п.

Если же говорить о сведениях порочащего характера, то, как правило, с учетом трактовки законодателем и правоприменителем содержания клеветы (ст. 128.1 УК РФ) под ними понимаются сведения, не соответствующие действительности (заведомо ложные), распространение которых направлено на причинение вреда чести и достоинству другого лица и подрыв его деловой репутации.

К иным сведениям, распространение которых может причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего либо его близких, Постановление № 56 рекомендует относить любые сведения, составляющие охраняемую законом тайну.

В составе преступления, предусмотренного ст. 179 «Понуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения», содержание шантажа законодательно уже несколько ограничено и определено только, как угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

Во вновь введенной Федеральным законом от 10.07.2023 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ст. 172.4, согласно которой устанавливается уголовная ответственность за незаконные действия при возврате просроченной задолженности физических лиц, шантаж уже определен через угрозу распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких.

Таким образом, большее количество видов угроз по своему содержанию включает шантаж в составе вымогательства, поскольку в иных уголовно-правовых нормах, законодательное определение угрозы в рамках шантажа уже не охватывает угрозу распространения любых, а не только заведомо ложных, порочащего характера сведений.

Вымогательство же, не как самостоятельный состав преступления, а как составляющая единичного сложного преступления, предусмотрено в составах преступлений, предусмотренных следующими семью статьями: ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок», ст. 200.7 «Подкуп арбитра (третейского судьи)», ст. 204 «Коммерческий подкуп», ст. 221 «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ», ст. 226. «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», ст. 229 «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» и ст. 290 «Получение взятки».

Обращение же к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ по указанным преступлениям свидетельствует, что Высший судебный орган РФ рекомендует правоприменителю в ряде случае трактовать шантажа при вымогательстве в рамках конкретного состава преступления несколько иначе, сужая его изначальное определение.

Так, например, в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъясняется, что «Под вымогательством взятки или предмета коммерческого подкупа следует понимать … требование … дать взятку либо передать незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов (…)».

Таким образом, акцентируется внимание на законных, правоохраняемых интересах, причинить вред которым угрожает виновный.

Для незаконного оборота оружия и наркотиков Верховный Суд РФ не дает ограничений по трактовке вымогательства, что обуславливает вменение вымогательства таких ограниченных или запрещенных к обороту предметов и в случае угрозы использования при выдвижении требования угрозы распространения любых позорящего характера сведений, а не только заведомо для виновного ложных сведений порочащего характера.

В контексте анализируемого обоснованно вновь обратиться к п. 12 Постановления № 56, в котором говорится о том, что распространение в ходе вымогательства заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего и (или) его близких или подрывающих его (их) репутацию, незаконное распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, незаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, образуют совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 128.1, 137, 155 или 183 и ст. 163 УК РФ.

Проведенный выше анализ содержания шантажа и такой его неотъемлемой части, как угроза, показал, что для правоприменителя при отсутствии соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ сложно однозначно определить составляющие шантаж признаки.

К этому следует добавить, что реалии современной действительности расширяют перечень угроз, которыми может шантажировать виновный.

Последнее законодатель отчасти стал уже учитывать во вновь вводимых составах преступлений, например, в ст. 172.4 УК РФ, в рамках описания объективной стороны которого уже указано на факт угрозы распространения или на само распространение соответствующих порочащих сведений.

Заметим, что само по себе распространение порочащих сведений, без последующего требования определенного поведения под соответствующей угрозой, например, о продолжении распространения таких сведений или об оставлении из размещенными, об их неудалении, не может образовывать преступление.

Соответственно введение законодателем новых действий при шантаже без дополнительной конкретизации угрозы создает возможность уклонения от уголовной ответственности, поскольку согласно базовому принципу законности по ст. 3 УК РФ, преступность деяния определяется только УК РФ и применение уголовного закона по аналогии не допускается.

В современном мире появляются все новые виды угроз, не предусмотренные законодателем, на что обращают внимание специалисты, обосновывая необходимость совершенствования законодательного регламентирования психического насилия в УК РФ [6].

Мы же, в свою очередь, предлагаем унифицировать понятие шантажа и определить его, как угрозу распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, или их неудаления, в случае, когда такие сведения были уже распространены, а также иных сведений которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

При этом определение шантажа целесообразно дать в примечании к статье, где впервые законодательно использован такой способ совершения преступления, с указанием на такое понимание термина во всех статьях УК РФ.

На уровне Верховного Суда РФ, на наш взгляд, обоснованно дать разъяснение в отношении трактовки вымогательства в конкретных составах единичных сложных преступлений равнозначное тому, которое изложено в п. 12 Постановления № 56.

Пристатейный библиографический список

1. Ганченко О. И. Понятие шантажа в уголовном праве // Общество и право. – 2011. – № 5 (37). – С. 163-165.
2. Никодимова А. Д. Шантаж как феномен деструктивной коммуникации: дис. ... канд. филологических наук. – Тверь, 2019. – 179 с.
3. Жданухин Д. Ю. Уголовно-правовая характеристика шантажа: дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 146 с.
4. Лопашенко Н. А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2018. – Т. 8. № 4 (29). – С. 131-136.
5. Шмыгина О. В. К вопросу о сведениях, позорящих потерпевшего или его близких при шантаже // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 3 (142). – С. 218-219.
6. Клоченко Л. Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации / Российский новый университет. – Москва, 2020. – 168 с.

ТАИЛОВА Айша Габибовна
кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ГАИРБЕГОВ Шамиль Ахмедович
магистрант 2 курса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

АБАКАРОВА Бика Гаджишамхаловна
преподаватель Юридического колледжа Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА

Посягательства на общественные отношения, блага и интересы, которые связанны с современным спортом, угрожают интересам не только отдельных лиц, но и всего общества, а также затрагивает интересы государства. В данной статье мы рассмотрим правовые и криминологические характеристики преступлений в сфере профессионального спорта, проливая свет на проблемы, с которыми сталкиваются спортсмены и всё спортивное сообщество. Одним из немаловажных направлений политики Министерства спорта Российской Федерации – это культура нулевой терпимости к допингу в спорте.

Преступления в сфере профессионального спорта представляют собой сложную и многогранную проблему. Сотрудничество между правоохранительными органами, спортивными организациями и регулирующими органами является необходимым условием эффективной борьбы с преступностью в мире спорта.

Ключевые слова: профессиональный спорт, преступление, особенности ответственности, международный характер, профилактика.

TAILOVA Aisha Gabibovna
Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

GAIRBEGOV Shamil Akhmedovich
magister student of the 2nd course of the North Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

ABAKAROVA Bika Gadzhishamhalovna
lecturer at the Law College of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

CRIME IN THE FIELD OF PROFESSIONAL SPORTS

Encroachments on public relations, benefits and interests related to modern sports threaten the interests of not only individuals, but also the whole society, and also affects the interests of the state. In this article, we will look at the legal and criminological characteristics of crimes in the field of professional sports, shedding light on the problems faced by athletes and the entire sports community.

One of the important directions of the policy of the Ministry of Sports of the Russian Federation is a culture of zero tolerance for doping in sports.

Crime in professional sports is a complex and multifaceted problem. Cooperation between law enforcement, sports organizations and regulators is a prerequisite for an effective fight against crime in the world of sports.

Keywords: professional sports, crime, features of responsibility, international character, prevention.

Мир профессионального спорта с его славой, известностью и огромными финансовыми ставками, к сожалению, не остался невосприимчивым к преступным деяниям. Преступления в сфере профессионального спорта могут охватывать широкий спектр правонарушений, от договорных матчей и допинга до нападений и финансовых махинаций.

Одно из наиболее серьезных преступлений в профессиональном спорте – договорные матчи. Эта коварная практика включает в себя манипулирование результатами игр во благо тех, кто замешан в незаконных ставках. Злоумышленники могут подкупать игроков, судей или даже тренеров, чтобы повлиять на результат, подрывая честность и справедливость соревнования. Договорные матчи представляют серьезную угрозу для доверия к спорту и могут привести к уголовному преследованию, пожизненным дисквалификациям и ущербу для репутации замешанных лиц.

Допинг – еще одна серьезная проблема, стоящая перед миром профессионального спорта. Развитие технологий и фармакологии в XX веке привело к тому, что многие спортсмены в мире решили использоваться вспомогательные химические вещества для того, чтобы иметь преимущество перед соперниками, получая выносливость и повышенную силу. Вышесказанные действия нарушают дух соперничества, честность соревнований, а также приводит к тому, что победные места занимают люди, получившие преимущество нечестным образом. Именно из-за соображений о сохранении духа соперничества и честности соревнований были созданы антидопинговые комитеты по всему миру. В России такой

комитет называется РУСАДА – Российское Антидопинговое агентство. Спортсмены, использующие запрещенные вещества для получения преимущества перед соперниками, не только нарушают правила своих спортивных федераций, но и совершают уголовное преступление во многих юрисдикциях. Помимо юридических последствий, допинг подрывает имидж спорта и угрожает здоровью и благополучию замешанных спортсменов.

Допинг – это вещество естественного или искусственного происхождения, которое на непродолжительное время может искусственно повысить физическую или эмоциональную активность, в результате чего можно добиться усовершенствования спортивных результатов. Так же, данные вещества могут стимулировать синтез мышечного белка при физических нагрузках, повышать работу эндокринной системы. Но не все так просто, большинство лекарственных препаратов строго запрещены для спортсменов, участвующих в соревнованиях. В то же время эта борьба нередко не дает положительного результата.

Ученые доказали, что психоз и тревога непосредственно являются причиной применения допинговых препаратов, что может вызвать социально опасную ситуацию. Большинство данных препаратов могут являться причиной раковых заболеваний. Так же, огромный риск нарушения мужского и женского здоровья, бесплодие. Спортсмену, который прибегал к этому методу, впоследствии грозят негативные общественные последствия. Будет нанесён неисправимый подрыв его карьере, уважению, славе, а также потеря дохода. Человек находится как бы в наркотической зависимости от данных препаратов, лечение и реабилитация которой, не всегда эффективны.

В мире спорта затрачивают большое количество сил и средств для тестирования спортсменов, так же разрабатывают новые методы для разоблачения допингиндустрии.

Допинг затронул и юных спортсменов, что ещё более опасно, так как отрицательное влияние препаратов на детский организм особенно выражено, чем у взрослого человека. Начинающий спортсмен, не сможет достичь нужных результатов в спорте от обычных тренировок, если до этого занимался только под воздействием допинг-препаратов.

Для того чтобы подчеркнуть свои формы, нарастить мышечную массу и иметь подтянутое красивое тело не все люди готовы тратить много времени находясь в спортивном зале, поэтому допинг не обошёл стороной обычных людей, которые ради красивой картинки совсем забывают о своём физическом и психическом здоровье. Для юных спортсменов в целях профилактики рекомендуют использовать этические методы, реализуемые в виде игр. Благодаря этому можно достигнуть развития антидопинговых принципов, чтобы реализовать добросовестный состязательный процесс.

Использование препаратов, способствующих повышению выносливости и силы спортсмена известно давно. Согласно Всемирному антидопинговому кодексу WADA – это Диаморфин (героин), Амфетамин, Канабис и тетрагидроканнабиол, Фентанил и Морфин и их производные. Перечисленные лекарственные препараты применяются для снижения боли при высоких физических нагрузках и снижения чувства усталости. Данные лекарственные препараты, используемые в качестве допинга, не только наносят серьёзный ущерб здоровью спортсмена, но и вызывают серьѐзную физическую и психическую зависимость. Амфетамин является производным α-метилфениламина, по своему действию является синтетическим стимулятором – обладает повышающим умственную и физическую активность эффектом, понижает чувство усталости. Перечисленные эффекты достигаются воздействием на рецепторы центральной нервной системы – дофаминовые и $\alpha 2$ - адренорецепторы. Употребление сопровождается чувством эйфории и прилива энергии, увеличением скорости реакции, эмоциональным подъёмом, повышением частоты сердечных сокращений и подъёмом артериального давления, а главное повышением силы сокращений и тонуса мышц [1].

Однако такое количество положительных эффектов нивелируется отрицательными. Первыми являются психологические – при прекращении постоянного использования препарата наступает бессонница, тревожность, при прекращении приёма – апатия переходящая в депрессию. Вторыми являются физиологические – это развитие наркотической зависимости по причине снижения или отсутствия выработки собственных медиаторов центральной нервной системы, физическое истощение организма, выраженные судороги, аритмии, способность вызывать инсульт и инфаркт миокарда. Морфин является опиоидным наркотическим анальгетиком, воздействующим на опиоидные рецепторы и препятствующим передаче болевых импульсов центральной нервной системы.

Спортсменами используется из-за способности повышать болевой порог – то есть уменьшать ощущение боли, что ценно тем, что даёт возможность продолжать состязание несмотря на мышечную боль при перегрузке или травме [2, с. 17]. Отрицательные последствия на организм спортсмена сопровождаются такими последствиями как ухудшения сна и эмоциональная нестабильность, быстрое развитие наркотической зависимости – человек начинает жить от одного приёма до другого, сопровождающееся стремительным повышением дозы наркотика. Высоко влияние на работу внутренних органов: развитие гипертрофии миокарда с последующей сердечной недостаточностью, возникновение дыхательной недостаточности вследствие угнетающего дыхание влияния морфина, токсические поражения печени. Фентанил – относится к наркотическим анальгетикам производным фенилпиредина, воздействующим на опиоидные мю-рецепторы. Хоть и является достаточно новым препаратом, обладает аналогичными свойствами с морфином – увеличение болевого порога – снижение чувствительности боли [3, с. 70-79].

Однако в отличие от морфина обладает более непредсказуемыми пагубными воздействиями на организм, так как является более сильнодействующим средством. Высокая сила действия препарата и его длительное употребление увеличивают шанс передозировки и соответственно смерти. Характерной картиной передозировки будут такие проявления как нарушения сознания, бронхоспазм, отёк легких, брадикардия, остановка сердца и дыхания за счёт угнетения дыхательного и сосудистого центров. Отдельно стоит выделить

совместное воздействие с другими лекарственными препаратами или алкоголем – в таком случае даже при небольших дозировках могут возникать серьёзные токсические реакции, приводящие к печеночной и почечной недостаточности. Канабис – под словом канабис часто подразумевают каннабиоды, в частности тетрагидроканнабиол. В организме человека они оказывают воздействие на каннабиноидные рецепторы центральной нервной системы [4].

Эффекты, возникающие при этом, направлены на повышение планирования и когнитивного контроля, увеличение гибкости мышления, вызывает чувство спокойствия, концентрации и увеличение мобильности внимания. Со стороны опорно-двигательного аппарата снижается боль в мышцах после тренировок или соревнований, а время их восстановления уменьшается. Последствия употребления каннабиоидов сложно поставить в один ряд с вышеперечисленными последствиями употребления наркотиков, однако в долгосрочной перспективе одни также причиняют серьёзный вред организму спортсмена. Первостепенной проблемой является развитие наркотической зависимости и, в случае каннабиоидов, они может приводить к переходу на более серьёзные наркотические вещества. Длительное употребление может вызывать нарушение внимания, памяти, развитие тревожности и панических атак, в отдельных случаях приводить к психозу, снижение иммунитета.

Патологии дыхательной системы – бронхиты и длительные воспалительные процессы, связанные с респираторными инфекциями, и сердечно-сосудистой системы вследствие ишемии наиболее важны для понимания отрицательного влияния на состояние здоровья спортсмена. Проблема влияния наркотиков как допинга на организм спортсмена начала свою историю достаточно давно и остаётся актуальной до нашего времени. Предоставленные данные отображают важность освещения данной проблемы для современного спорта и серьёзность последствий для спортсмена и его здоровья.

Министерство спорта Российской Федерации является регулятором политики по противодействию допинга в спорте. Одно из немаловажных направлений этой политики – это культура нулевой терпимости к допингу в спорте не только среди спортсменов, тренеров и врачей, но и в широких слоях населения, например, родители, школьные учителя и те, кто находится около спортсменов. На сегодняшний день очень много людей считают себя «экспертами» в области антидопингового обеспечения и поэтому с точки зрения просвещения их и формирования нетерпимости к допингу в спорте необходимо уделять этому аспекту достаточное количество внимания и времени.

Рассмотрим подробнее некоторые особенности составов преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и ст. 230.2 УК РФ. Они отнесены законодателем к категории преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, что, однако, не в полной мере соответствует характеру их общественной опасности. Видимо, законодатель руководствовался близостью объективной стороны данных составов к уже имеющимся в данной главе составам деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Однако в отличие от наркотизма употребление допинга спортсменами ни как отдельный акт, ни как системное явление не причиняет ущерб здоровью населения в целом. Более того, далеко не всегда допинг причиняет вред здоровью самого спортсмена.

Некоторые «допинговые» средства, например, нашумевший мельдоний, который является компонентом лекарственного средства «Милдронат», которое применяется в клинической практике. Лишь некоторые допинговые средства причиняют вред здоровью спортсменов, однако и в этом случае нет оснований предполагать, что даже их системное употребление одной, относительно малочисленной, группой населения причинит вред здоровью населения в целом. Общественная опасность допинга связана не с тем, что при его распространении будет подорвано медицинское благополучие широких народных масс, а с тем, что его применение искажает результаты спортивных состязаний, наносит удар по репутации страны, представляемой таким спортсменом на международных соревнованиях, и авторитету спорта в целом.

Перспективным является выделение в Особенной части УК РФ отдельного раздела, посвященного посягательствам в сфере физической культуры и спорта, в который могли бы быть выделены не только деяния, предусмотренные ст. 184, ст. 230.1 и 230.2, но и другие посягательства в спортивной сфере. Важным признаком рассматриваемых составов преступлений выступает предмет. Изначально правоприменитель сталкивался со значительными проблемами при решении вопроса об отнесении того или иного вещества к числу запрещенных и способных выступать в качестве предмета. Такое положение дел обусловило необходимость принятия постановления Правительства «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». Встает вопрос также и об оперативности обновления данного перечня. Нежелательной является ситуация, когда те или иные средства признаются международными организациями как относящиеся к допингу, но это еще не отражено в вышеуказанном постановлении. Вероятно, обоснованным можно назвать включение в УК РФ нормы, аналогичной ст. 234.1 УК РФ «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ», позволяющей оперативно устанавливать правовой режим для появляющихся новых допинговых средств и методов.

По конструкции элементов объективной стороны составы данных преступлений являются формальными, то есть не требующими наступления общественно опасных последствий для привлечения лица, совершившего деяние, к уголовной ответственности. Фактически при квалификации не имеет значения: произошло ли реальное употребление спортсменом запрещенной субстанции или использован запрещенный метод, важен сам факт совершения соответствующим лицом действий, направленных на это. В данных нормах предусмотрены квалифицированные составы преступлений, в которых обязательным признаком являются последствия, включающие причинение по неосторожности смерти спортсмену или «иные тяжкие последствия», которые должны быть аналогичны по степени тяжести причинению смерти

по неосторожности. Под ними может пониматься причинение тяжкого вреда здоровью, развитие у потерпевшего душевной болезни, прерывание беременности, совершенные по неосторожности. Это вызывает резонный вопрос: неужели степень общественной опасности деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 230.1 и ч. 1 ст. 230.2 одинакова в случае, когда использование запрещенных средств и методов не повлияло на результат спортивных состязаний, и в случае, когда результат был искажен, нарушение правил выявлено, и это повлекло дисквалификацию спортсмена, причинение ущерба престижу государства в спортивной сфере?

Представляется обоснованным выделение квалифицированного состава данных деяний, который бы включал указанные общественно опасные последствия. В качестве субъектов преступлений могут выступать тренеры, специалисты в области спортивной медицины, а также иные специалисты в области физической культуры и спорта. Субъективная сторона характеризуется виной в форме умысла, поскольку лицо должно осознавать, что нарушает антидопинговые правила, регламентированные Федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Интересным является тот факт, что непосредственно к самим спортсменам уголовная ответственность за нарушение антидопингового законодательства не применяется [6]. Спортсмены несут ответственность только за совершение административного правонарушения, а также специальную ответственность в сфере спорта в виде дисквалификации.

В мире профессионального спорта финансовые махинации и коррупция могут принимать различные формы. От хищения и уклонения от уплаты налогов до взяточничества и отмывания денег, нечестивые личности могут использовать финансовые сложности спортивных организаций ради личной выгоды. Эти преступные деяния могут нарушить финансовую стабильность спортивных организаций и подорвать доверие поклонников и спонсоров.

Акты насилия и нападения в сфере профессионального спорта преследуются по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации в зависимости от серьезности преступления. Например, статья «Хулиганство» (статья 213) и статья «Побои « (статья 116) – это статьи, которые могут применяться в случаях, когда речь идет о насилии, в зависимости от обстоятельств и последствий актов насилия.

Кража интеллектуальной собственности является растущей проблемой в эпоху цифровых технологий профессионального спорта. Неавторизованная трансляция, фальсификация товаров и незаконное использование товарных знаков могут привести к финансовым потерям для спортивных организаций и подорвать стоимость их интеллектуальной собственности.

Понимание криминологических аспектов преступлений в профессиональном спорте необходимо для разработки эффективных мер предупреждения и стратегий пресечения. Факторы, такие как спортивная культура, давление на успех, финансовые стимулы и роль организованной преступности могут способствовать преступному поведению среди спортсменов и других участников процесса.

Кроме того, международный характер профессионального спорта представляет особые сложности в расследовании и судебном преследовании преступлений, которые охватывают несколько юрисдикций. Сотрудничество между правоохранительными органами, спортивными организациями и регулирующими органами является необходимым условием эффективной борьбы с преступностью в мире спорта.

Преступления в сфере профессионального спорта представляют собой сложную и многогранную проблему. Договорные матчи, допинг, финансовые махинации, насилие и кража интеллектуальной собственности – это лишь некоторые примеры преступных действий, которые представляют серьезную угрозу для честности и репутации спортивных соревнований по всему миру. Борьба с преступностью в профессиональном спорте требует совместных усилий спортивных организаций, правоохранительных органов и законодателей для соблюдения ценностей честной игры, неприкосновенности и прозрачности в спорте. Только через принятие проактивных мер и строгого преследования мы можем обеспечить сохранение ценностей профессионального спорта и радовать поклонников и спортсменов в течение долгих лет.

Пристатейный библиографический список

1. Coda B. A., Rudy A. C. Pharmacokinetics and bioavailability of single-dose intranasal hydromorphone hydrochloride in healthy volunteers // Anesth. Analg. – 2003. – Vol. 97. № 1. – P. 117-123.
2. Гончарова Е. К. Социально-педагогические и организационные основы борьбы с допингом в спорте: дис. ... канд. пед. наук. – Малаховка, 1995. – С. 13-14.
3. Деревоедов А. Допинг в спорте и борьба с ним // Вестн. Рос. междунар. олимп. ун-та. – 2012. – № 1 (2). – С. 70-79.
4. Кожина А. С., Соломенная З. В. Проблема допинга в спорте. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2013/Sport/1_135203.doc.htm.

ШАГАНОВА Ольга Михайловна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

Шаганова О. М.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННЫХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ МАТЕРИАЛОВ С ПОРНОГРАФИЧЕСКИМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

В статье анализируются особенности квалификации незаконных распространения и публичной демонстрации порнографических материалов или материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Акцентируется внимание на толковании понятий «распространение» и «публичная демонстрация», совершаемых в сети Интернет. Также раскрывается признак публичности относительно демонстрации предмета преступления. На основе проведенного исследования предлагаются авторские рекомендации, позволяющие правильно квалифицировать содеянное виновным лицом.

Ключевые слова: незаконный оборот порнографических материалов, совершенный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», незаконный оборот материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», квалификация преступления.

SHAGANOVA Olga Mikhaylovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF ILLEGAL DISTRIBUTION AND PUBLIC DISPLAY OF PORNOGRAPHIC MATERIALS OR MATERIALS WITH PORNOGRAPHIC IMAGES OF MINORS, COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS, INCLUDING THE INTERNET

The article analyzes the features of the qualification of illegal distribution and public display of pornographic materials or materials with pornographic images of minors, committed using information and telecommunication networks, including the Internet. Attention is focused on the interpretation of the concepts of distribution and public demonstration carried out on the Internet. The sign of publicity regarding the demonstration of the subject of the crime is also revealed. Based on the research, the author's recommendations are offered to correctly qualify the actions of the guilty person.

Keywords: illegal distribution and public display of pornographic materials, committed using information and telecommunication networks, including the Internet; illegal distribution of materials with pornographic images of minors, committed using information and telecommunication networks, including the Internet; qualification of a crime.

Для того чтобы привлечь лицо по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ или п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ в материалах дела необходимо расписать в чем конкретно проявилось каждое из перечисленных действий объективной стороны.

Подчеркнем, что такие деяния, как распространение и публичная демонстрация применительно к ст. 242, 242.1 УК РФ получили толкование только в конце 2022 года в связи с принятием ППВС РФ от 15.12.2022 № 37 [5]. До этого момента судебная практика складывалась неоднозначно.

Так, касаясь дефиниции распространения порнографических материалов, отметим, что суды основывались на п. 9 ст. 2 ФЗ 2006 г. № 149-ФЗ, согласно которому распространение информации – действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц [1; 6; 7]. Таким образом, способ распространения представлялся слишком широким, что привносило дополнительные трудности в правоприменении.

В частности, одни суды, следуя положению ст. 2 ФЗ № 149-ФЗ, причисляли к распространению материала его передачу любым способом, например, таким как продажа. Ж., используя сетевой псевдоним, разместил в сети «Интернет» со своего компьютерного устройства объявление о продаже материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Данные действия в результате ОРМ были выявлены сотрудниками правоохранительных органов, которые после переписки с Ж. перевели на его электронный кошелек денежную сумму, а взамен получили файлы и ссылки для скачивания нескольких файлов порнографического характера [8].

Другие суды четко не отграничивали между собой деяния объективной стороны в виде распространения порнографических материалов и их публичной демонстрации и, зачастую, публичная демонстрация не выделялась как отдельное альтернативное преступное деяние, а поглощалась незаконным распространением. Так, Н. в течение 2 месяцев в

социальной сети «ВКонтакте» на личной странице размещал к всеобщему просмотру и скачиванию видеофайл и фотофайлы, содержащие информацию порнографического характера, которые были неоднократно просмотрены другими пользователями. Суд, вынося обвинительный приговор по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ за единое продолжаемое преступление, пояснил, что: «…Публично демонстрируя характер содержания …, хранящегося на его странице …, предоставил возможность любому желающему зарегистрированному пользователю сайта «Вконтакте» скопировать и приобрести … Таким образом, Н. незаконно распространил порнографические материалы. …» [9].

На сегодняшний день ППВС РФ от 15.12.2022 № 37 в п. 22 разграничивает между собой понятия распространения и демонстрации материалов порнографического характера. Так, распространение – это предоставление возможности их использования такими способами как: 1) направление в личном сообщении конкретному лицу; 2) рассылка; 3) размещение на личных страницах и на страницах групп пользователей ссылки для загрузки (скачивания) файлов.

Возникает вопрос, для привлечения виновного лица к ответственности по ст. 242, 242.1 УК РФ достаточно самого факта распространения материалов или необходимо, чтобы иное конкретное лицо с ними ознакомилось? Материалы правоприменительной практики свидетельствуют, что чаще всего лиц осуждают за сам факт распространения порнографических материалов даже без показаний свидетелей, ознакомившихся с ними. Так, Судебная коллегия Верховного Суда РФ одним из доводов отмены решения нижестоящих судов и оправки дела на новое рассмотрение в отношении Н. признала следующее: «…согласно диспозиции ст. 242.1 УК РФ инкриминируемое осужденному преступление не предполагает в качестве обязательного своего признака фактический просмотр кем-либо из посетителей его страницы с размещенным на ней порнографическим сайтом; достаточно уже того, что, размещая в социальной сети «ВКонтакте» такой сайт, осужденный исходил из того, что этот сайт может быть просмотрен неопределенным кругом лиц. …» [2].

Подобный случай возможен, когда сотрудники правоохранительных органов для выявления факта незаконного оборота порнографических материалов используют специальную компьютерную программу, которая в сети Интернет обнаруживает наличие в IP-адресе, принадлежащем кому-либо, такого материала.

Возникают трудности с оценкой случаев, когда лицо, желая посмотреть видеофайл с информацией порнографического характера, скачивает его при помощи специальной компьютерной программы-файлообменника, установленной на его компьютерном устройстве, которая автоматически открывает доступ другим пользователям сети Интернет скачать его себе. В таком случае не ясно, наличествуют ли в действиях этого лица признаки распространения порнографических материалов или нет.

Исследование практики показало, что суды при рассмотрении дела устанавливают у лица знание об особенностях программы-файлообменника предоставлять возможность другим пользователям скачивать файлы, содержащие информацию порнографического характера. Однако в одном случае это признается как обстоятельство, не свидетельствующее об умысле лица на распространение таких материалов, а в другом случае дополнительно к этому назначается компьютерно-техническая экспертиза, которая может придти к выводу, что лицо осуществляло целенаправленные действия по незаконному распространению материалов. В итоге суды принимают разные решения.

Так, одним из доводов отмены приговора и решений нижестоящих судов, которые квалифицировали действия Х. по ст. 242.1 УК РФ за приобретение, хранение в целях распространения и распространение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, за отсутствием в его действиях состава преступления, был следующий: «…установив, что программа «StrongDC++», являющаяся программой файлообменной сети «<...>», позволяет пользователям сети «Интернет», установившим на принадлежащих им компьютерах программу, работающую по принципу «<...>», осуществлять скачивание и передачу файлов в свободном доступе, суд, не привел доказательств, свидетельствующих о том, что файлы с порнографическими изображениями, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, были распространены в результате прямого умысла Х., а не в результате особенностей работы программы, установленной на компьютере, которая автоматически передавала скачанные файлы. То обстоятельство, что Х. было известно о сохранении скачанных на компьютер файлов порнографического содержания и особенностях программы, позволяющей другим пользователям скачивать данные файлы, само по себе не свидетельствует о прямом умысле осужденного на их распространение, а при косвенном умысле, если виновное лицо не желает, а только допускает возможность наступления общественно опасных последствий, состав преступления, предусмотренного ст. 242.1 УК РФ, отсутствует. …» [3].

В противоположном случае Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила оправдательный приговор нижестоящего суда и отправило дело на новое рассмотрение указав, что: «…приведя в апелляционном приговоре заключение компьютерно-технической экспертизы относительно изъятого у Ш. системного блока «Zalman» и экспертизы содержащейся на нем информационной продукции, суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что скачивание порнографической информации с компьютера Ш. производилось другими пользователями в автоматическом режиме без его участия. Между тем, указанный выше вывод не следует из заключений экспертов, согласно которым на системном блоке в ноябре 2009 года установлены программы «eMule» и «uTorrent». В директории «<...>» обнаружены видеоматериалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, в том числе лиц, не достигших 14-летнего возраста. Обмен файлами с другими пользователями из данной папки производился с помощью программ «uTorrent», и «eMule». Раздача информации с помощью программы «uTorrent» настраивается пользователем программы путем указания папок, из которых он разрешает скачивание информации. В программе «eMule» для организации обмена файлами пользователь указывает местонахождение включенных в раздачу файлов. Указанным способом из разрешенной Шарафутдиновым к раздаче папки «<...>» передано другим пользователям 566 Гб информации. …» [4].

В свою очередь, согласно ППВС РФ от 15.12.2022 № 37, публичная демонстрация, осуществляемая как в прямом эфире, так и на личных страницах, страницах групп поль-

зователей, тоже возможна несколькими способами: 1) открытый показ; 2) предоставление возможности просмотра материалов без возможности самостоятельного их использования.

Отметим, что закон предъявляет к демонстрации обязательный признак – публичность, следовательно, показ или предоставление возможности просмотра порнографического материала должны осуществляться среди широкой группы лиц (в групповых чатах различных мессенджеров с количеством участников в несколько десятков или даже сотен) либо неограниченного числа лиц [11]. Например, суд вынес в отношении Г. обвинительный приговор по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ за то, что он разместил на своей странице в социальной сети в открытом доступе файлы, содержащие порнографические материалы, предоставив неограниченному количеству пользователей возможность их просмотра и копирования [10]. Если подобные действия происходят в закрытых чатах или в конфиденциальной переписке с конкретным лицом, то ответственность по ст. 242, 242.1 УК РФ за публичную демонстрацию не наступит.

Таким образом, при квалификации незаконных распространения и публичной демонстрации порнографических материалов или материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», необходимо, руководствуясь ППВС от 15.12.2022 № 37, устанавливать все обстоятельства содеянного, умысел виновного лица, наличие у него специальных знаний в области компьютерной техники и навыки работы в сети Интернет или соответствующее образование, его осведомленность о функциях используемой программы- файлообменника, а также при необходимости назначать судебную экспертизу.

Пристатейный библиографический список

1. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2022 № 1-УДП22-10-К3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.06.2023).
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.2022 № 14-УДП22-1-К1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.06.2023).
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6.07.2021 № 89-УД21-8-К7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.06.2023).
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2022 № 47-УДп22-3-К6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.06.2023).
5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.06.2023).
6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.06.2023).
7. Обобщение судебной практики по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oblsud.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=195 (дата обращения: 10.06.2023).
8. Приговор Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 1 февраля 2017 г. Д. № 1-72/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sud-praktika.ru/precedent/546755.html (дата обращения: 10.06.2023).
9. Приговор Октябрьского районного суда г. Пензы от 10 января 2020 г. Д. № 1-11/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.consultant.ru (дата обращения: 10.06.2023).
10. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 19 октября 2017 г. Д. № 1-314/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sud-praktika.ru/precedent/467848.html (дата обращения: 10.06.2023).
11. Шаганова О. М. Особенности квалификации клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 2. С. 103-108.

АНДЕРИА Диана Годвин Касинга
аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье рассмотрены некоторые исторические аспекты развития уголовной ответственности за действия, совершенные с использованием искусственного интеллекта. В рамках исследования проанализировано, в контексте исторической ретроперспективы, законодательство РФ, а также зарубежных государств, изменения в правовом регулировании рассматриваемого вопроса. По итогам исследования, учитывая молодость рассматриваемого института, выделено две стадии развития уголовной ответственности за действия, совершенные с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовная ответственность, ответственность искусственного интеллекта, история искусственного интеллекта, преступления с использованием искусственного интеллекта.

ANDERIA Diana Godwin Kasinga
postgraduate student of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ACTIONS PERFORMED WITH THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

The article considers some historical aspects of the development of criminal liability for actions committed with the use of artificial intelligence. The study analyzed, in the context of a historical retrospective, the legislation of the Russian Federation, as well as foreign states, changes in the legal regulation of the issue under consideration. According to the results of the study, taking into account the youth of the institution under consideration, two stages of development of criminal liability for actions committed with the use of artificial intelligence were identified.

Keywords: artificial intelligence, criminal liability, liability of artificial intelligence, history of artificial intelligence, crimes using artificial intelligence.

Несмотря на то, что развитие искусственного интеллекта имеет восходящий тренд и, на сегодняшний день, не представляется возможным говорить о наличии т.н. «сильного» искусственного интеллекта (то есть, искусственного интеллекта, который осознает свои действия и способен их контролировать, принимая полностью самостоятельные решения), роботы, обладающие определенным уровнем автономизации, широко имплементированы в современную экономику, начиная со второй половины двадцатого века. Исходя из вышеизложенного, вопросы регламентации уголовной ответственности за действия, совершенные с использованием искусственного интеллекта, имеют определенную историю.

В течение длительного времени, в связи с относительно слабым развитием искусственного интеллекта, регламентирование уголовной ответственности за действия, совершенные с использованием искусственного интеллекта фактически не осуществлялось. В данный период, вопросы регламентации ответственности в связи с использованием искусственного интеллекта, рассматривались в большей степени, научными фантастами, чем правоведами. Так, известным писателем А. Азимовым были выдвинуты три закона робототехники, устанавливающие основные принципы взаимодействия человека и искусственного интеллекта (робота) [6].

Первым исторически возникшим подходом к уголовной ответственности за действия, совершенные роботом либо иным устройством, имеющим определенный уровень автономности, является подход к искусственному интеллекту, как к орудию совершения преступления. В данном контексте, робот или иное устройство с определенным уровнем автономности приравнивается, по сути, к механизму, используя который субъект преступления может совершить соответствующее преступление.

Следует отметить, что в уголовно-правовом регулировании большинства государств не конкретизируется, что именно следует считать орудием совершения преступления. Так, например, в соответствии со статьей 131-16 Уголовного Кодекса Франции, орудием признается вещь, которая служила или была предназначена для совершения преступного деяния [5]. При этом, например, уголовно-правовое регулирование Германии не устанавливает, каким способом может быть совершено преступление, оставляя данный вопрос на рассмотрение правоприменительной практики [4].

Следует отметить, что в иностранном правовом регулировании, первый раз, законодатель серьезно начал рассматривать уголовную проблему искусственного интеллекта в середине 2010-х годов, когда реальностью стали транспортные средства, способные передвигаться без постоянного контроля со стороны водителя. Очевидно, что такие беспилотные транспортные средства могли попадать в аварии, в том числе, - и с летальным исходом, что ставило вопрос относительно привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных за соответствующее поведение транспортного средства.

Как отмечает А. Д. Померанец, законодательство США пошло путем установления уголовной ответственности оператора беспилотного транспортного средства за совершение наезда на пешехода таким беспилотным средством, однако прокуратура не смогла доказать в суде вину конкретного оператора транспортного средства в связи с отсутствием четкого регламента работы такого оператора [2].

Необходимо отметить, что, несмотря на то, что законодатель долгое время не обращал внимание на развитие си-

стем искусственного интеллекта, научная доктрина и правоприменительная практика, уже начиная с середины 2010-х годов, сложилась в пользу признания систем искусственного интеллекта в качестве орудий совершения преступления, в то время, как уголовную ответственность за совершение данных правонарушений должны нести либо субъекты, которые разработали соответствующие системы искусственного интеллекта, либо субъекты, на которых возложена ответственность за их деятельность [1].

Важным фактором развития уголовно-правового регулирования ответственности за действия, совершенные с использованием искусственного интеллекта в Российской Федерации, стала криминализация создания, использования и распространения вредоносных программ (ст. 273 УК РФ).

Как отмечает Е. А. Шищенко, объективной стороной рассматриваемого преступления является альтернативные действия, направленные на создание, распространение и использование компьютерных программ. При этом, данные действия должны заведомо для создателя быть предназначенными для конкретной антиправовой цели, а именно:

– уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации

– нейтрализации средств защиты такой информации [7].

Как отмечает И. С. Призов, правовое регулирование уголовной ответственности в указанной сфере сопряжено с некоторыми проблемами. Так, во-первых, не подлежит уголовной ответственности приобретение таких программ несмотря на то, что их приобретение может представлять не меньший уровень общественной опасности, чем создание таких программ. А, во-вторых, диспозиция вышеуказанной статьи свидетельствует о том, что только создание «программ» (во множественном числе) является уголовно наказуемым деянием, в то время как создание одной программы таким деянием не является [3].

Следует отметить, что в эпоху широкого распространения искусственного интеллекта, вышеуказанное правовое регулирование, установленное еще в начале 2000-х годов относительно уголовной ответственности за создание вредоносных компьютерных программ, представляется несколько архаичным. Современные универсальные системы искусственного интеллекта (по типу CHAT GPT) могут выполнять практически любые поставленные перед ними задачи, в том числе – и задачи, связанные с нейтрализацией средств защиты такой информации, о чем заведомо, безусловно, знают разработчики таких систем. Исходя из вышеизложенного, с учетом развития современных систем искусственного интеллекта, вопрос криминализации создания и распространения компьютерных программ, которые могут использоваться в дальнейшем с противоправной целью, нуждается в существенной переработке.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что развитие уголовной ответственности за действия, совершенные с использованием искусственного интеллекта сопряжено с двумя этапами. На первом этапе (до середины 2010-х), законодатель определял компьютерную программу в качестве орудия совершения преступления, а низкий уровень автономности таких программ позволял легко установить создателя либо пользователя такой программы, являющегося субъектом уголовной ответственности. На втором же этапе (начиная с середины 2010-х), бурное развитие систем искусственного интеллекта приводит к очевидным сложностям для определения надлежащего субъекта уголовной ответственности, учитывая, что в случае с большинством преступлений, необходимо установить наличие умысла на совершение преступления. Таким образом, нынешний этап развития уголовной ответственности за действия, совершенные с использованием искусственного интеллекта, характеризуется, в большинстве случаев, серой зоной правового регулирования и соревнованием различных научных взглядов на вопросы уголовной ответственности за действия, совершенные с использованием искусственного интеллекта.

Пристатейный библиографический список

1. Leenes R., Lu-civero F. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design // Law, Innovation and Technology. - 2014. - Vol. 6. Iss. 2. - P. 194-222.
2. Померанец А. Д., Коленцова В. В. Уголовная ответственность и искусственный интеллект // Право и государство: теория и практика. - 2022. - № 2 (206). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-i-iskusstvennyy-intellekt (дата обращения: 03.07.2023).
3. Призов И. С., Карамышева М. С., Бушман А. О. К вопросу об уголовной ответственности за создание, распространение и использование вредоносных компьютерных программ // Приоритетные научные направления: от теории к практике. - 2016. - № 26-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-sozdanie-rasprostranenie-i-ispolzovanie-vredonosnyh-kompyuternyh-programm (дата обращения: 03.07.2023).
4. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. [Электронный ресурс] режим доступа: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks.pdf
5. Уголовный Кодекс Франции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf.
6. Шибаева К. В., Холова Л. Н. Три закона робототехники Айзека Азимова: к вопросу гуманности применения смертоносных автономных систем вооружения на войне // Теология. Философия. Право. - 2018. - № 4 (8). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tri-zakona-robototehniki-ayzeka-azimova-k-voprosu-gumannosti-primeneniya-smertonosnyh-avtonomnyh-sistem-vooruzheniya-na-voyne (дата обращения: 03.07.2023).
7. Шищенко Е. А. Проблемы квалификации создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ // Форум молодых ученых. - 2018. - № 12-4 (28). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-sozdaniya-ispolzovaniya-i-rasprostraneniya-vredonosnyh-kompyuternyh-programm (дата обращения: 03.07.2023).

ВОДНЕВА Ксения Владимировна
адъюнкт кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, г. Владивосток, капитан полиции

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В рамках настоящей статьи рассмотрены актуальные аспекты правового регулирования деятельности уполномоченных органов по предупреждению преступлений в сфере высоких технологий. В силу разнородности нормативной базы (правоохранительных органов и иных государственных учреждений, общественных организаций, коммерческих структур, и т.п.) неизбежно возникают проблемы взаимодействия в процессе правоприменения, которые не позволяют эффективно противодействовать преступности. Несогласованность субъектов предупреждения преступлений в этой сфере зачастую предоставляет дополнительные возможности для преступных комбинаций. Сделан вывод о том, что для дальнейшего совершенствования правового регулирования предупреждения преступлений необходим комплексный подход с учетом исторического опыта.

Ключевые слова: компьютерная информация, высокотехнологичная преступность, профилактическое воздействие.

VODNEVA Kseniya Vladimirovna
adjunct of Criminal policy sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia, Vladivostok, captain of justice

LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN PROCESS OF PREVENTING CRIMES IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGY

Within the framework of this article, topical aspects of the legal regulation of the activities of authorized bodies for the prevention of crimes in the field of high technologies are considered. Due to the heterogeneity of the regulatory framework (law enforcement agencies and other state institutions, public organizations, commercial structures, etc.), problems of interaction in the process of law enforcement inevitably arise, which do not allow to effectively counteract crime. The inconsistency of the subjects of crime prevention in this area often provides additional opportunities for criminal combinations. It is concluded that for further improvement of the legal regulation of crime prevention, an integrated approach is necessary, taking into account historical experience.

Keywords: computer information, high-tech crime, preventive impact.

Вхождение человечества в эпоху цифрового информационного уклада, в котором компьютерные и телекоммуникационные системы определяют все области жизнедеятельности, все более видоизменяет стороны и объекты социальных практик, включая и криминальную сферу. Развитие информационных технологий за последние десятилетия ведет к формированию новой, так называемой цифровой реальности, цифровой трансформации общественных отношений. Цифровые технологии проникают в сложившиеся отношения и институты, цифровизация становится основной для трансформации экономики, социальной сферы, политического и правового регулирования.

Киберпреступность превращается в один из самых крупных вызовов, с которыми человечество столкнется в ближайшие десятилетия. Развивающиеся в последние годы процессы цифровизации и компьютеризации с неизбежностью приводят к изменению структуры регистрируемой в преступности и формируют новые угрозы криминологической безопасности. Следует отметить, таким образом, наряду с существенным увеличением числа лиц, привлеченных к ответственности, наблюдается существенное увеличение удельного веса лиц не работающих и не учащихся, а также несовершеннолетних. В структуре киберпреступности преобладают преступления, относящиеся к хищениям путем использования компьютерной техники, и по фактам несанкционированного доступа к компьютерной информации. Наиболее популярные виды преступлений – использование вредоносных программ, фишинг и его устная разновидность – вишинг, а также хищение путем использования компьютерной техники. Эти преступления составляют до трети всех киберпреступлений.

В связи с масштабными общественными изменениями в России в 1990-е годы многие государственные и правовые институты значительно изменились или вовсе перестали существовать, что произошло и с существовавшей ранее системой предупреждения преступлений. Последние законотворческие инициативы все более четко и последовательно выделяют проблемы предупреждения преступлений в особую область правового регулирования в силу различных причин. Так, почти четверть века данная сфера деятельности не имела системного правового регулирования, функции предупреждения преступлений выполнялись отдельными органами государственной власти (в первую очередь органами внутренних дел) и в усеченном объеме, также предпринимались попытки создания системы предупреждения преступлений в рамках отдельных регионов органами государственной власти субъектов РФ [10, с. 192].

Принятие Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – закон № 182-ФЗ) [8] окончательно установило единую систему предупреждения преступлений на территории РФ. При этом законодатель пошел по иному пути, нежели в субъекты законотворчества СССР – была создана система профилактики правонарушений (преступлений и административных преступлений), а не только

преступности. Закон № 182-ФЗ устанавливает правовые основы регулирования профилактики правонарушений, ее цели, задачи и принципы, субъектов, их полномочия, основные направления и виды профилактики, формы профилактического воздействия, а также основы мониторинга, координации и создания программ профилактики правонарушений.

Примечательно, что вместо термина «предупреждение» стали использовать понятие «профилактика» применительно ко всей системе; понятие «предупреждение» в тексте закона № 182-ФЗ также присутствует – п. 2 ч.1 ст. 6 закрепляет предупреждение правонарушений как одно из направлений профилактики. В целом, основные определения из закона № 182-ФЗ позволяют сделать вывод, что термины «предупреждение» и «профилактика» являются равнозначными.

Кроме того, ряд федеральных законов устанавливает правовой статус субъектов профилактики правонарушений. К ним относятся, в частности, Федеральный закон «О полиции» [6], Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [3], Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» [5]. Иные федеральные законы регулируют деятельность, связанную с предупреждением преступлений (в частности, Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [7], поскольку все лица, в отношении которых установлен административный надзор, подлежат профилактическому учету). Также принимаются законы субъектов РФ в области предупреждения преступлений и профилактики правонарушений или по отдельным вопросам в данной сфере.

Среди подзаконных актов в сфере предупреждения преступности можно выделить:

1) акты, устанавливающие правовой статус федеральных органов исполнительной власти и иных субъектов профилактики правонарушений;

2) акты, устанавливающие порядок осуществления отдельных видов деятельности, связанных с осуществлением профилактики правонарушений;

3) акты, которые устанавливают порядок проведения отдельных форм профилактического воздействия и к которым неоднократно отсылают статьи главы 3 закона № 182-ФЗ;

4) акты органов исполнительной власти субъектов РФ, преимущественно о принятии региональных целевых программ о профилактике правонарушений.

Как видим, правовая база предупреждения преступлений в России на данный момент включает в себя международные правовые акты, ратифицированные Российской Федерацией, Конституцию России [1], федеральные законы, законы субъектов РФ и подзаконные правовые акты. Благодаря развитию цифровых технологий кардинально меняется привычный образ экономических отношений. Перечень возможностей применения таких технологий в современном мире стремительно расширяется. Закономерным итогом цифровой трансформации является построение системы цифровой экономики как наиболее оптимальной среды применения названных технологий. Реализация мер по предупреждению высокотехнологичной преступности на данном направлении представляет собой совершенствование подзаконных актов и различного рода инструктивно-регламентирующей документации, которые в силу своей специфики способны оказать оперативное воздействие на ситуацию в случаях, когда законодательное решение проблемы затруднено в силу разных причин. Кроме того, качественное методическое обеспечение способствует эффективному применению законодательных норм в практической деятельности [9, с. 320].

К отдельным направлениям совершенствования научно-методического обеспечения противодействия высокотехнологичной преступности относятся:

– унификация и легитимизация терминов и определений, связанных с данным направлением деятельности. Так, само понятие «преступления в сфере высоких технологий» включает в себя не только преступления, предусмотренные главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2], но и те, где информационно-телекоммуникационные сети или компьютерная информация выступают в качестве средства или орудия совершения преступного деяния. При этом непосредственный объект состава преступления зачастую включает в себя и другие общественные отношения, такие как отношения в сфере собственности, экономической деятельности, здоровья населения и общественной нравственности и т. д. (мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), незаконные организация и (или) проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (ст. 171.2 УК РФ), сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 228.4 УК РФ) и др.) Данный аспект напрямую связан с особенностями квалификации деяний, совершенных с использованием высокотехнологичных средств.

– формирование правовых механизмов, сужающих пространство для совершения противоправных деяний. В частности, целесообразно рассмотреть вопрос о законодательном закреплении обязанности производителей и продавцов компьютерной техники, средств связи и т. д. предустанавливать в свою продукцию антивирусные продукты в целях защиты от несанкционированного доступа к компьютерной информации. С другой стороны, меры профилактики могут быть направлены не только на потенциального преступника, но и на органы (организации), представляющие интерес для злоумышленников в сфере высоких технологий. В частности, такой мерой могла бы стать система страхования информационных рисков, которая предусматривает страхование средств передачи, обработки или хранения охраняемой компьютерной информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей и оборудования от неправомерного блокирования, уничтожения, модификации либо несанкционированного копирования электронной информации. При этом перед заключением страхового договора собственник (владелец) информационного ресурса либо информационно-телекоммуникационной сети и соответствующего оборудования обязан провести ряд установленных мер по защите

информации и оборудования (установка сертифицированного программного обеспечения, антивирусная защита и т.д.). обеспечение своевременности реагирования законодательства на изменяющиеся условия функционирования систем защиты информации и информационных ресурсов. При этом для решения задач совершенствования нормативного правового обеспечения деятельности по предупреждению высокотехнологичной преступности полезно обращаться к зарубежной практике правового регулирования данной деятельности, в частности опыта Китайской народной республики по созданию «Золотого щита». Кроме того, для предупреждения совершения компьютерных преступлений в сети Интернет, представляется возможным в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4] закрепить обязанность для физических лиц при регистрации сайтов, веб-страничек, получении аккаунтов в социальных сетях указывать свои персональные данные (Ф. И. О., год рождения, данные паспорта).

– разработка новых прикладных методик противодействия компьютерной преступности, в том числе в процессе оперативно-розыскной профилактики. До настоящего времени исследования, касающиеся вопросов деанонимизации пользователей сети Интернет, не проводились, соответственно, практика лишена каких-либо научно обоснованных рекомендаций и предложений. Развитие исследований в рамках киберкриминологии предполагает не только осуществление традиционного криминологического анализа количественно-качественных показателей киберпреступности, ее детерминант, личности киберпреступника, мер предупреждения киберпреступности, но и изучение возможностей использования информационных технологий в качестве инструмента противодействия угрозам личностной, государственной и общественной безопасности (например, использования в практике розыска цифровых методов профилирования (растрового розыска преступников)). Для повышения качества и практической отдачи таких исследований необходимо создание научно-методологического центра изучения киберпреступности и объединения под его эгидой профессионалов в области уголовного права и процесса, информационных технологий, криминалистики, криминологии, а также принятие мер по подготовке специалистов в рассматриваемой области.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144. – 4 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 11.06.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – № 39. – 18 февраля.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. – 2006. – № 165. – 29 июля.
5. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Российская газета. – 2010. – № 296. – 30 декабря.
6. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции» // Российская газета. – 2011. – № 25. – 08 февраля.
7. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Российская газета. – 2011. – № 75. – 08 апреля.
8. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. – 2016. – № 139. – 28 июня.
9. Климовский А. С., Таранин М. А. Особенности предупреждения преступлений в уголовно-правовой политике государства // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 12 (163). – С. 319-321.
10. Нуждин А. А. Правовая природа системы предупреждения преступлений // Закон и право. – 2021. – № 12. – С. 191-193.

ВТОРУШИНА Вероника Витальевна
аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, помощник прокурора Первомайского района г. Владивостока Приморского края

ВООРУЖЕННЫЕ НАПАДЕНИЯ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СКУЛШУТИНГА

В данной статье рассматривается проблема совершения вооруженных нападений на образовательные учреждения в России. Обозначены актуальные вопросы, связанные с вооруженными нападениями, которые в настоящее время российской наукой изучены слабо. На основе анализа мнений некоторых исследователей автор определяет понятие вооруженных нападений на образовательные учреждения или «скулшутинг».

Автор рассматривает некоторые произошедшие в стране случаи вооруженных нападений на различные образовательные учреждения, приводит актуальные и исторические эмпирические данные и анализируют динамику рост случаев скулшутинга за последние годы. Основной объем работы посвящен рассмотрению актуальных проблемных вопросов при изучении такого нового для российского законодательства и правоприменительной практики криминологического явления как «скулуштинг», законодательных мер для предотвращения этого явления, выявлению и помощи лицам с психологическими проблемами и созданию условий для поддержки и защиты детей в школьной и семейной среде. В статье подчеркивается необходимость комплексного подхода к изучению проблемы и предотвращения вооруженных нападений, включающего образовательные, психологические, социальные и юридические меры.

Ключевые слова: скулшутинг, образовательные учреждения, насилие, безопасность, вооруженные нападения.

VTORUSHINA Veronika Vitaljevna
postgraduate student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, assistant prosecutor of the Pervomaisky district of Vladivostok, Primorsky Krai

ARMED ATTACKS ON EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIA: TRENDS AND CURRENT ISSUES OF SCHOOLSHOOTING

This article discusses the problem of committing armed attacks on educational institutions in Russia. Topical issues related to armed attacks, which are currently poorly studied by Russian science, are identified. Based on the analysis of the opinions of some researchers, the author defines the concept of armed attacks on educational institutions or «schoolshooting».

The author examines some cases of armed attacks on various educational institutions that have occurred in the country, provides current and historical empirical data and analyzes the dynamics of the growth of cases of schoolshooting in recent years. The bulk of the work is devoted to the consideration of topical problematic issues in the study of such a new criminological phenomenon for Russian legislation and law enforcement practice as «skulushting», legislative measures to prevent this phenomenon, identification and assistance to persons with psychological problems and the creation of conditions for the support and protection of children in school and family environments. The article emphasizes the need for a comprehensive approach to the study of the problem and the prevention of armed attacks, including educational, psychological, social and legal measures.

Keywords: schoolshooting, educational institutions, violence, security, armed attacks.

Второе десятилетние XXI века ознаменовалось в России чередой вооруженных нападений на образовательные учреждения страны. Данное явление в научных кругах получило название «скулшутинг» (от англ. school shooting — «школьная стрельба»). Термин «скулуштинг» законодательно не закреплен и даже в научной среде мнения по четкому определению этого явления отсутствуют.

Никишин В. Д. полагает, что «скулшутинг» следует трактовать как любую форму насильственных действий в образовательных учреждениях, совершаемых учащимся (группой учащихся) или посторонним лицом в отношении преподавателей и обучающихся с использованием оружия и подручных средств [1].

Данное определение нельзя признать оптимальным, так как имеется указание на возможность совершения нападения посторонним лицом на преподавателей и обучающихся. Однако такие преступления отличаются нападения обучающимся или ранее обучающимся в данном образовательном учреждении лицом. Кроме того, жертвами зачастую являются сотрудники правоохранительных органов, охранных организаций и др.

Гончаров Л. А. признает «скулшутинг» политически немотивированным терроризмом, держащим в страхе большие группы людей, когда фактически в заложники берется целая образовательная и воспитательная среда. И описывает скулшутинг как ситуацию, когда неблагополучный подросток находит оружие, приходит с ним в школу и расстреливает всех, кто попадается ему на глаза, а затем чаще всего совершает самоубийство [2].

Исходя из анализа научных исследований в данной сфере под скулшутингом принято считать вооруженное нападение учащихся или лиц ранее обучающихся в образовательном учреждении, на территории образовательного учреждения, с применением оружия, сопряженное с большим количеством жертв.

Данный феномен впервые появился вначале XX в США и вскоре стал вирусным. Случаи скулшутинга были зафиксированы на всех континентах мира.

Анализ судебной практики по вооруженным нападениям на территории образовательных учреждений России показал, что первый подобный случай в истории нашей страны был зафиксирован в 1874 г, когда гимназист Скачков А. М. несколько раз выстрелил из револьвера в своего директора за его намерения отчислить гимназиста из учебного заведения.

В 1997 г. в Волгоградской области в военном инженерно-строительном училище курсант расстрелял своих товарищей и командира.

Затем случаи скулшутинга стали повторятся чаще. В 2014 г. было зафиксировано 3 происшествия, в 2015 г. вооруженное нападение на территории образовательного учреждения повторилось дважды, в 2016 г. – 1 раз, в 2017 г. – дважды.

Больше всего случаев было зафиксировано случаев в разных регионах страны в 2018 г.: Пермь, г. Улан-Уде (Бурятия), Курганская область, г. Стерлитамак (Башкортостан). Новосибирская область, г. Керчь (Крым). Всего шесть нападений на территории 4 школ и 2 колледжей

В 2019 г. нападения были совершены в гимназии г. Казани (Республика Татарстан), в школе г. Вольск (Саратовская область) и в колледже г. Благовещенск (Амурская область).

Двумя годами позже, в 2021 г. трагические события повторились: в Казанской гимназии, в лицеи г. Перми, в Пермском государственном университете, в школе Пермского края и в гимназии Московской области.

К сожалению, на этом цепочка трагических событий не закончилась. И уже в 2022 г. события повторились в детских садах г. Красноярска и Ульяновской области, а также и в школе Республики Удмуртия.

Очевидно, что статистика за последние десять лет хоть и является не стабильной, но уже имеет растущую динамику. Преступления совершаются в разных регионах страны и на территории различных учебных заведений, начиная с детского сада и заканчивая высшими учебными заведениями. Данная проблема требует тщательного рассмотрения, поскольку криминализация образовательных учреждений является угрозой национальной безопасности России.

Исследования специалистов по психологии, психиатрии, криминологии, социологии, педагогии и праву показали, что основными причинами исследуемого феномена являются психологические проблемы преступников.

Так, например Лежнин Л. В. в своих исследованиях ссылается на результаты анализа Федерального бюро расследования США, которые свидетельствуют о том, что причинами подобных преступлений являются [3]:

1. В 98 % случаях – это пережитая психологическая травма, которая впоследствии получила деструктивную форму развития;

2. 78 % стрелков страдали от навязчивых мыслей о суициде, которые они пытались воплотить в реальность, но по невыясненным причинам перенесли свои мысли на своих соучеников.

3. 71 % преступников считали себя оскорбленными и униженными и жаждали мести;

4. У 61 % обследованных несовершеннолетних убийц, был подтвержден диагноз – депрессия.

5. 15 % школьных стрелков активно играли в компьютерные игры и любили фильмы, насильственного характера.

6. И лишь 12 % опрошенных сетовали на то, что у них нет друзей.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что вопреки бытующему мнению, просмотр контента насильственной тематики не является очевидной причиной преступного поведения учащихся. Основной причиной являются психологические травмы, полученные на разных этапах развития детей и не получившие впоследствии надлежащего лечения.

Как справедливо отмечает Проказова В. К. для определения причин такого преступного поведения необходимо рассматривать в совокупности сразу несколько внешних и внутренних факторов. К внутренним факторам можно отнести депрессивность, ведомость, внушаемость. При наличии этих факторов человек оказывается подвержен влиянию со стороны, становится потенциальной жертвой манипуляторов. К внутренним факторам можно также отнести агрессивность, склонность к насилию. Внешние факторы можно разделить на две группы: внутрисемейные отношения (воспитание, эмоциональный климат в семье) и отношения внутри учебных коллективов (социальное сиротство, нарушение коммуникации, «буллинг») [4].

При этом, множество различных обстоятельств и причин тесно коррелируют между собой и имеют прямолинейную связь. Ряд психологических исследований показал, что причиной любого деструктивного проявления детей является – дефицит родительской любви, безразличие и неуважение к нему в рамках семьи, в результате чего ребенок с раннего возраста впадает в состояние психологического сиротства, которое с годами приобретает хронический характер. И именно в таком состоянии ребенок чаще всего становится жертвой во многих жизненных ситуациях, в т.ч. и буллинга, с которым он самостоятельно не в состоянии справиться. Как следствие, у него стремительно начинают развиваться депрессия и страх, усиливается душевная боль и т.п. Именно в этот момент любое психологическое унижение, шантаж, бойкот, клевета, оскорбления, угрозы и т.д., становятся триггером к появлению мыслей о смерти.

На определенном этапе ребенок начинает искать пути избавления от накопившегося у него негатива. По ряду объективных или субъективных причин, у подростка эти мысли о смерти могут носить либо суицидальный характер, либо напротив, возбудить у подростка жажду мести, т.е. наколенный негатив он может направить против самого себя или на окружающий мир [5].

Как показывает анализ, российскую практику изучения скулшутинга все еще пока нельзя назвать всеобъемлющей. Вопросы вооруженных нападений на образовательные учреждения изучены слабо. В литературе встречаются позиции некоторых исследователей, которые схожи между собой, однако общая позиция о понятии и признаках, видах вооруженных нападений отсутствует. Не говоря уже о таких важных моментах как квалификация деяния, причины и условия, способствующие совершению таких преступлений,

личность преступника, предупреждение преступлений и др. А комплексное изучение таких категорий вовсе не проводилось.

При этом, существует острая необходимость исследовать вооружённые нападения на образовательные учреждения более глубоко и детально с разных ракурсов.

Так, например, анализ российской юридической литературы показал, что на сегодняшний день в уголовном праве «скулшутинг» не имеет самостоятельного состава и квалифицируется в рамках ст. 105 и ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Попытка придать данному явлению самостоятельность и отграничить его от иных насильственных действий была предпринята Мамедовым Ш. Г. По результатам исследования автор охарактеризовал вооруженное нападение в образовательных организациях как «заранее спланированный акт вооруженного нападения в образовательной организации, совершенный лицами, прямо или опосредованно связанными с учебным заведением, с целью причинения смерти неопределенному кругу лиц». По мнению автора, данный подход позволяет скулшутинг рассматривать в рамках уголовного права, как самостоятельный состав преступления [6]. Учитывая высокую общественную опасность указанного деяния, считаем, что данный подход заслуживает внимания, при условии его дальнейшей теоретической проработки.

Кроме того, возраст скулшутеров порой выходит за пределы школьного возраста. Прийти в школу с оружием, чтобы совершить преступление они могут и спустя насколько лет после окончания школы или выбрать школу, в которой они даже не учились. Следовательно, субъектами данного вида преступления могут стать граждане разной возрастной категории. Кроме того, субъектами таких преступления чаще всего являются и несовершеннолетние лица моложе 16 лет.

Объектом преступлений школьных стрелков всегда является – право человека на жизнь и здоровье. Несомненно, появление скулшутеров на территории образовательных организаций – это всегда угроза жизни более чем одному человеку, то есть речь идет об общеопасном способе совершения преступления. Возникает закономерный вопрос, если преступление совершено на территории образовательного учреждения целенаправленно в отношении одного лица по личным мотивам, можно ли его будет классифицировать как скулшутинг. На сегодняшний день российская правовая база не содержит в себе ответов на подобные вопросы.

Многие законодатели и исследователи убеждены, что наличие отдельной статьи в уголовном законодательстве об ответственности за скулшутинг поспособствует решению исследуемой проблемы. Однако практика показывает, что никакая ответственность, тем более для подростков моложе 16 лет – не оказывает должного влияния.

Заслуживает внимания и вопрос, возможно ли вычислить потенциальных школьных стрелков до того, как они реализуют свои преступные намерения. По мнению ряда психологов, психоаналитиков и психиатров в большинстве случаев трагедии можно было предсказать, особенно когда субъектами скулшутинга являлись действующие учащиеся. В силу своих возрастных особенностей такие подростки и не скрывают своих намерений, выкладывая их в социальные сети, рассказывая о них тем, кто находится рядом с ними и демонстративно к ним готовятся.

Вместе с тем, следует признать, что российской общество долгие годы не было готово принять данную информацию и своевременно начать с ней работать. Подобные события советские и российские граждане почти за всю историю существования страны, могли наблюдать только в американских фильмах, а первые происшествия казались трагичной случайностью. Однако, можно утверждать, что современное российское общество стоит у самых истоков борьбы со скулшутингом.

Пристатейный библиографический список

1. Никишин В. Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. 2021. № 11. С. 62-76.
2. Гончаров Л. А. «Колумбайн» и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 2. С. 29-31.
3. Лежнина Л. В. Смертельные уроки: что мы знаем о школьных стрелках // Сборник научных трудов «Общение в эпоху конвергенции технологий». № 1. С. 469-471.
4. Проказова В. К. Скулшутинг: криминологическая характеристика и предупреждение // Сборник тезисов выступлений участников международной научно-теоретической конференции «Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты. 2019. С. 564-568.
5. Малюшина Ю. А. Изучение психологического механизма насильственных преступлений как один из аспектов профилактики скулшутинга // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 3. С. 86-97.
6. Мамедов Ш. Г. Понятие вооруженных нападений в образовательных организациях // Известия Юго-западного государственного университета. 2023. № 3. С. 145-155.

КЕРЕФОВА Бэлла Руслановна
ассистент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МИХАЙЛОВА Екатерина Николаевна
ассистент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ЧЕРНОЗЕМОВА Яна Вадимовна
юрисконсульт Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МЕЛЬНИКОВ Сергей Владимирович
начальник юридической группы ООО «Русэлпром-ЛЗЗ»

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассмотрены особенности судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности. Кроме этого, в статье рассматриваются изменения в сфере уголовных преступлений, в частности касаемые терроризма и экстремизма в постсоветский период, повлекшие за собой необходимость проведения соответствующих реформ. Указаны особенности применения судебной практики по уголовным делам в отношении экстремистской и террористической направленности. Также были выявлены ключевые принципы, которые должны соблюдаться при рассмотрении таких дел.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, преступления, судебная практика.

KEREFOVA Bella Ruslanovna
assistant of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of the Institute for the Humanities of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

MIKHAYLOVA Ekaterina Nikolaevna
assistant of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of the Institute for the Humanities of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

CHERNOZEMOVA Yana Vadimovna
legal counsel of the of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of the Institute for the Humanities of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

MELNIKOV Sergey Vladimirovich
head of the legal group of Ruselprom-LZZ LLC

FEATURES OF THE APPLICATION OF JUDICIAL PRACTICE IN CRIMINAL CASES ON CRIMES OF EXTREMISM AND TERRORISM

The article examines the features of judicial practice in criminal cases of extremist and terrorist crimes. In addition, the article discusses changes in the field of criminal offenses, in particular those related to terrorism and extremism in the post-Soviet period, which entailed the need for appropriate reforms. The peculiarities of the application of judicial practice in criminal cases in relation to extremist and terrorist orientation are indicated. The key principles that must be observed when considering such cases were also identified.

Keywords: extremism, terrorism, crimes, judicial practice.

Преступления экстремистской и террористической направленности представляют серьезную угрозу для общества и государства. В связи с этим законодательство Российской Федерации содержит жесткие нормы, направленные на борьбу с этими видами преступлений. Однако, помимо того, что нормы закона определяют возможные виды наказания и меры пресечения, существует также судебная практика, которая является особенной и присущей именно этим видам преступлений.

Так как после развала Союза Советских Социалистических Республик в России наступила новая эра, обусловленная абсолютно новыми устоями жизни и реформами практически во всех сферах жизнедеятельности [5]. Вдобавок к этим изменениям на территорию Российской Федерации нахлынули такие явления как экстремизм и терроризм. Исходя из этого, потребовалось произвести немедленные реформы в сферах, которые осуществляли борьбу и уничтожение экстремизма и терроризма. Эти реформы также коснулись и судебной практики, которая и по сей день борется с достаточно глобальной проблемой 21 века.

Методологическую основу статьи составили общенаучные и частно-научные методы познания, которые включают в себя системный подход, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, анализ, синтез, дедукцию, индукцию, сравнительно-исторический метод, аналогию и другие методы научного познания. С помощью перечисленных методов в работе был проведен анализ особенностей применения судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности. Наравне с методом анализа, был использован метод

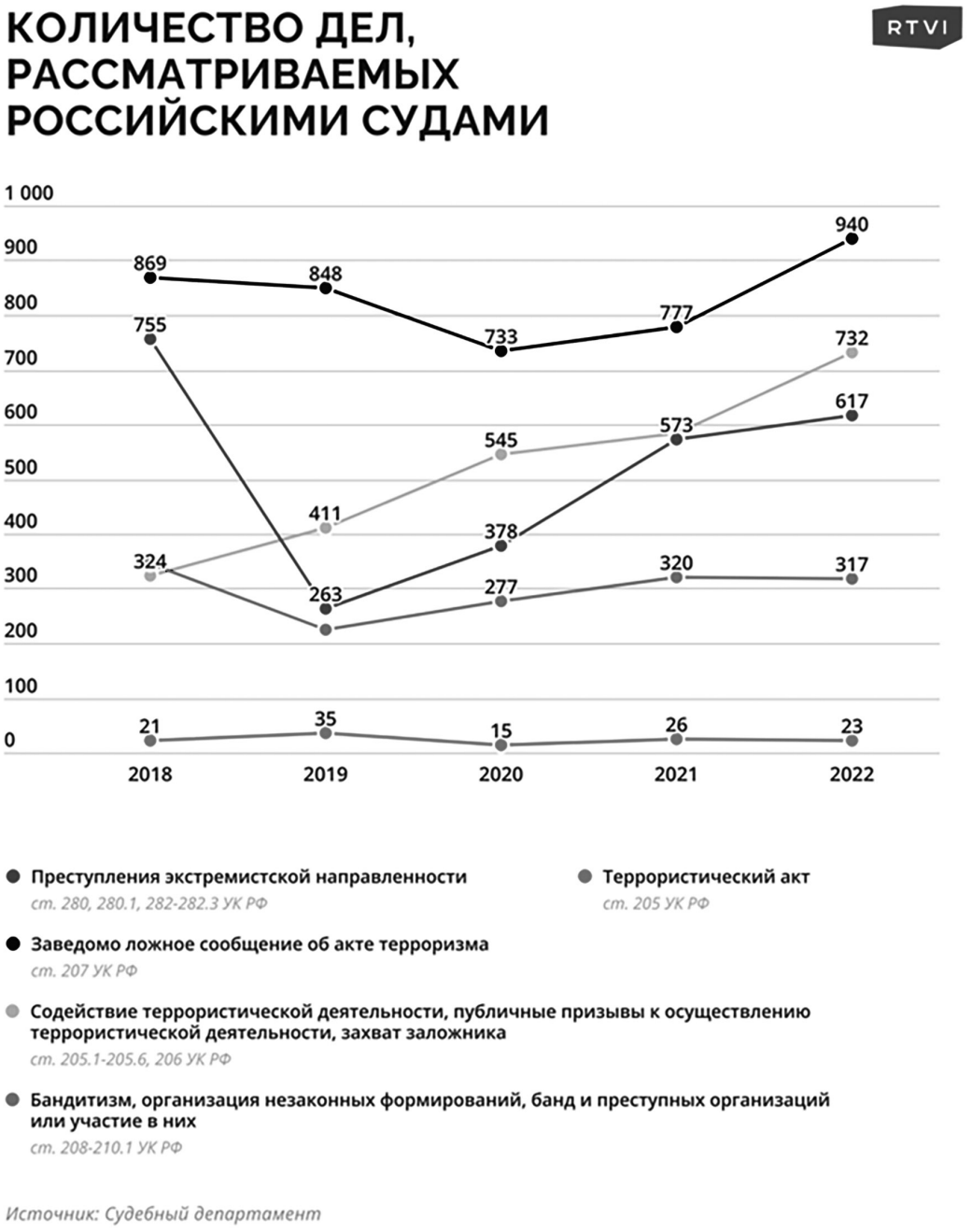


Рисунок 1. Количество дел, рассматриваемых российскими судами.*

сравнения, благодаря которому было проведено сравнение применения судебной практики в уголовных делах, связанных с экстремизмом и терроризмом в советский период и в настоящее время.

Особенности уголовных дел, связанных с преступлениями экстремистской и террористической направленности, заключаются в том, что такие дела имеют высокую социальную значимость и часто являются примером защиты конституционных прав и свобод граждан. Кроме того, судебная практика по таковым делам характеризуется высокой долей обоснованности и подробной аналитикой каждого случая [2]. Актуальность исследования подтверждается и статистикой рассмотренных российскими судами уголовных дел в 2022 году (рис. 1).

Судебная практика по делам экстремистской и террористической направленности базируется на законодательстве Российской Федерации, однако, учитывая особенности каждого конкретного случая, судьи могут применять и свое понимание права, что подчеркивает еще больше значение судебной практики в этой области.

Одной из особенностей судебной практики является строгость и непримиримость к преступлениям экстремистской и террористической направленности. Судьи стремятся к тому, чтобы привлекаемые к уголовной ответственности лица получили наиболее строгое наказание, предусмотренное законодательством [1].

Важной особенностью судебной практики является также детальный анализ доказательств. Суды придерживаются презумпции невиновности и требуют, чтобы доказательства

* Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rtvi.com/news/stalo-bolshe-izmennikov-verhovnyj-sud-opublikoval-otchet-o-prestupnosti-v-2022-godu/ (дата обращения: 24.08.2023).

были ясными, конкретными и достаточными. Это требование особенно актуально в случаях, когда речь идет о предвзятом отношении общественности к определенной категории лиц.

Кроме того, важной особенностью судебной практики является назначение мер пресечения, в том числе задержания, ограничения свободы, запрета на выезд и других мер. Суды тщательно анализируют каждый случай и принимают решение о необходимости и мерах пресечения, исходя из социальной опасности совершенного преступления и личности обвиняемого.

Кроме того, суды в делах о преступлениях экстремистской и террористической направленности уделяют особое внимание общественной опасности, которую представляет обвиняемый [7]. Судьи учитывают не только его личностные качества, но и возможность повторения преступления, а также опасность, которую он представляет для общества. Кроме этого, важной особенностью судебной практики является также рассмотрение обстоятельств, отягчающих или смягчающих наказание. Суды учитывают все обстоятельства, связанные с совершенным преступлением, включая его мотивы, характер и степень общественной опасности, а также смягчающие обстоятельства, например помощь обвиняемого в расследовании дела или его позитивную социальную активность.

Ключевыми словами для описания особенностей судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности являются: строгость, непримиримость, обоснованность, анализ каждого случая, социальная опасность, обстоятельства, отягчающие или смягчающие наказание, профилактика. Важно понимать, что судебная практика должна быть направлена на достижение справедливости и защиту интересов общества от экстремистских и террористических угроз [4].

Судебная практика по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности характеризуется высокой степенью строгости, непримиримости и обоснованности решений. Суды принимают во внимание все обстоятельства, связанные с конкретным делом, что позволяет добиться справедливости в каждом случае. Также стоит отметить, что судебная практика по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности не ограничивается только наказанием обвиняемых. Важной составляющей является профилактика таких преступлений и предупреждение их совершения в будущем.

Суды могут применять меры, направленные на социальную адаптацию обвиняемых, а также на предотвращение их вовлечения в экстремистские или террористические деятельности. Например, это может быть обязательное прохождение психологической реабилитации, антиэкстремистской программы или дополнительное образование [3].

Одной из особенностей судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности является также необходимость соблюдения принципов законности, справедливости и обоснованности при рассмотрении каждого конкретного дела. Судебные органы должны точно соблюдать законодательство и строго следовать установленным процессуальным правилам, чтобы их решения не были отменены на стадии апелляции или кассации.

Также важно учитывать, что в современном мире экстремистские и террористические угрозы могут быть связаны с использованием сети интернет, социальных сетей и других средств коммуникации. В связи с этим судебная практика должна учитывать особенности такого вида преступлений и обеспечивать защиту от них [6].

Судебная практика по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности является важной составляющей борьбы с такими преступлениями. Она позволяет наказывать виновных и предупреждать совершение подобных преступлений в будущем. Однако, для достижения эффективного результата необходима не только жесткая судебная практика, но и комплекс мер, направленных на предотвращение экстремизма и терроризма в обществе. Таким образом, судебная практика по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности является важной составляющей борьбы с такими преступлениями и должна быть строгой, непримиримой и обоснованной. Особо важно учитывать все обстоятельства конкретного дела и направлять усилия на предотвращение подобных преступлений в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Боровиков В. Б. Уголовное право. Общая и особенная части. Практикум 4-е издание. Учебное пособие для СПО, 2023. – 151-153 с.
2. Мельников В. Ю., Джамалова Б. Б. Уголовное право: Учебник / Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Том 2. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2020. – 464 с.
3. Мельников В. Ю., Магомедов Г. Б. Уголовно-процессуальные и правовые вопросы противодействия экстремизму и борьбе с терроризмом: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону, 2018. – 290 с.
4. Нагорный А. П., Попов А. Н. Профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. № 1. – С. 105-115.
5. Некрасов Д. Е. Ответственность за несообщение о преступлении террористической направленности. – 2018. – № 2. – С. 67-77.
6. Фадеева О. И., Султанов А. А. Антитеррористическая деятельность по борьбе с экстремизмом и терроризмом в России // Юридические и социально-педагогические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи. – 2020. – С. 126-129.
7. Харлашкина М. А., Немечкин В. Н. Судебная практика и ее значение // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире: сборник статей международной научно-практической конференции, Киров, 05 июня 2016 года. Часть 3. – Киров: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2016. – С. 158-160.

КУЛИК Таисия Дмитриевна
магистрант Юридического факультета Института права Владивостокского государственного университета

Кулик Т. Д.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рассмотрен институт освобождения от уголовной ответственности и проанализированы проблемы данного института. Были рассмотрены такие термины, как: «освобождение от уголовной ответственности», «добровольный отказ», «деятельное раскаянье», «примирение сторон» и пр. Рассматривая особенности института штрафа мы отметили, что сегодня институт судебного штрафа имеет множество недоработок, из-за которых появляются те или иные практические проблемы. По результатам проделанной работы был сделан вывод, в котором мы указали, что человека можно освободить от наказания вне зависимости от того, какую степень тяжести получило его преступление. При этом любое наказание должно нести не только раскаянье преступника, но и пользу обществу.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, истечение срока давности, амнистия, применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия.

KULIK Taisiya Dmitrievna
magister student of the Faculty of Law of the Institute of Law of the Vladivostok State University

RELEASE FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY

The institution of exemption from criminal liability is considered and the problems of this institution are analyzed. Such terms as: “exemption from criminal liability”, “voluntary refusal”, “active repentance”, “reconciliation of the parties”, etc. were considered. Based on the results of the work done, a conclusion was made in which we indicated that a person can be released from punishment, regardless of the severity of his crime. At the same time, any punishment should bring not only the repentance of the offender, but also the benefit of society.

Keywords: criminal liability, release from criminal responsibility, active repentance, reconciliation with the victim, expiration of the statute of limitations, amnesty, application of compulsory educational measures to minors.

Введение

В современном мире одним из важнейших направлений уголовной политики выступает реализация некоторых основополагающих положений, в том числе положение о неотвратимости ответственности. Однако, важно понимать, что у государства не стоит как таковая цель в любых случаях прибегать к самым крайним мерам.

Целесообразность исправления правонарушителя, основанная на принципах справедливости и гуманности, а также на принципе разумной экономии уголовных репрессий, любыми способами, не связанными с привлечением к уголовной ответственности, в настоящее время является основным государственным направлением в формировании законодательства. Освобождение от уголовной ответственности по делам экономической сферы обусловлено необходимостью развития государственной уголовно-правовой политики, которая направлена не только на защиту законных прав и интересов граждан, но и от необоснованного уголовного законодательства, если для этого есть достаточные основания. Важно сделать акцент на том, что институт, который занимается освобождением человека от уголовной политики, на сегодня является одним из важнейших в государстве.

Основной текст

Освобождение от уголовной ответственности возможно на любой стадии уголовного процесса (возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, рассмотрения в суде). Но во всех случаях - до удаления судей в совещательную комнату для постановления приговора, иными словами - до вынесения обвинительного приговора.

В первую очередь рассмотрим определение понятия «освобождение от уголовной ответственности». Освобождение от уголовной ответственности – это полное прекращение предъявления обвинений человеку, что совершил правонарушение. При этом в таком случае в деле присутствуют особые основная, которые и предопределяют характер освобождения. Оно происходит в том случае, если отпала общественная опасность, что исходит от лица, совершившего правонарушение.

При этом даже после того, как с человека снимают уголовную ответственность, он продолжает оставаться виновным в случившемся правонарушении. Вина признана и преступник не только получает общественное порицание, но и находится под пристальным надзором государства и такой индивидуум может быть привлечен к такому виду ответственности, как, например, дисциплинарная.

Также стоит отметить, что человека, который освободился от уголовной ответственности не имеет права требовать возмещения расходов юридических услуг, так как по закону он продолжает оставаться виновным и том правонарушении, которое совершил, из-за чего работа считается выполненной в полной мере.

Действующее уголовное законодательство предусматривает следующие виды освобождения от уголовной ответственности:

1) в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК);

2) в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК);

3) в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК);

4) по амнистии (ст. 84 УК);

5) с применением к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК).

Лицо, впервые совершившее преступление небольшой степени тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления (ст. 75 УК).

Однако, уголовное дело может быть прекращено в связи с другими обстоятельствами, например: если хулиганство было совершено без отягощающих обстоятельств, если было нанесено оскорбление, легкий вред здоровью, порча имущества и пр. Однако, важно понимать, что уровень тяжести устанавливается в связи со всем делом в совокупности.

Прекращение уголовного дела в этих случаях осуществляется в соответствии со ст. 7 УПК РФ. Об этом уведомляется потерпевший, который в течение пяти суток вправе обжаловать определение суда.

Рассмотрим такие термины, как: добровольный отказ и деятельное раскаянье. Добровольный отказ возможен только в том случае, если преступное деяние не было окончено и не является полномерным правонарушением. Деятельное раскаянье – это же, напротив, вид раскаянья, когда преступление было совершено и его успели довести до конца. Если привести пример добровольного отказа, то сделаем акцент на «планировании». Когда человек планирует совершить какое-либо правонарушение, но вовремя останавливает себя и не продолжает планировку. Но в данном случае приготовление должно входить в состав конкретного преступления. Также стоит отметить, что в первом случае может полностью отсутствовать состав преступления, когда как во втором случае состав есть. Добровольный отказ указывает на отсутствие уголовной ответственности, а вот раскаянье же, напротив, не приводит к моментальному прекращению дела: согласно ч. 1 ст. 75 УК РФ лицо «может» быть освобождено от уголовной ответственности.

По мнению исследователей А.В. Быкановой и И. А. Левкиной, деятельное раскаянье оказывает смягчающий эффект на совершенную человеком вину. При этом Д. В. Воронина отмечает, что раскаяние признается смягчающим наказание обстоятельством [3].

Несмотря на то, что существуют значимые отличия между терминами «добровольный отказ» и «деятельное раскаянье», ученый мир признает их социальную значимость как особых институтов, которые предопределяют либо отказ от реализации своих преступлений, либо помощь правоохранительным органам в осуществлении расследования в том числе с участием других лиц, помощь в поиске и пр. И при этом причиненный вред также должен быть добровольно возмещенным.

Исходя из изложенного следует вывод, согласно которому освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно только в случае совершения лицом впервые преступления, относящегося к категории небольшой или средней тяжести. Деятельное раскаяние состоит в фактическом осознании противоправности и общественной опасности своего поведения, которое реализуется в выполнении лицом требований, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Рассмотрим судебную статистику за последние несколько лет. Полученные результатам анализа исследований данные указывают на то, что за последнее время многие уголовные дела завершаются в связи с тем, что жертва и подозреваемый выходят на мир. Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в 2009 году было рассмотрено больше 1 миллиона уголовных дел, из которых целых 20% были прекращены из-за вышеописанной причины. Однако, более современные исследования указывают на то, что данный показатель сталь немного ниже и на сегодня 16,6% дел завершаются из-за договоренности сторон. В дополнение к вышесказанному, за последний период уголовные дела в отношении 1953 лиц были прекращены на стадии предварительного следствия по не оправдывающим основаниям, что свидетельствует о непопулярности рассматриваемого учреждения у следователей и дознавателей [4].

Для того, чтобы уголовно-правовое дело смогли закрыть из-за примирения сторон должны быть выполнены следующие признаки:

1. В первую очередь все должно пройти на добровольной основе. Любое примирение враждующих сторон должно быть произведено только в том случае, если они стороны согласны с урегулированием дела без каких-либо внешних воздействий. В таком случае в первую очередь стороной подозреваемого должна быть осуществлена процедуре возмещение ущерба, однако это не должно быть единственной причиной примирения сторон;

2. Осознанность всего происходящее. Обе стороны должны в полной мере понимать, что происходит. Они должны осознавать, что последует после того или иного решения, как сложатся дела в дальнейшем. При этом они не должны быть введены в заблуждение или обмануты третьей стороной;

3. Третий важнейший признак – приемлемость действий. Данный пункт стоит рассмотреть со стороны трех взаимодополняющих элементов:

– Элемент первый, когда в процессе примирения участвуют только те лица, которые представляют сторону обвинения и подозреваемого (лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, впервые, потерпевший);

– Применение данного способа возможно только в том случае, если раннее были установлены все признаки состава

преступления, если дело было полностью раскрыто и имеются веские основания для привлечения обвиняемого лица к уголовной ответственности;

– Если подозреваемой осознает свою вину и выражает согласие не только на данное действие, но и на признание своих правонарушений;

4. Взаимность осуществляемых действий. В данном случае примирение должно быть осуществлено с обеих сторон, когда и сторона потерпевшего, и сторона обвинения в равной степени согласны с делом;

5. Последний признак – это обязательность. Данные термин означает, что после того, как дело достигло консенсуса, примирение является обязательным условием заключения признания.

Важнейшим на данном этапе работы является возмещение вреда, что был причинен подозреваемым. Лицо, которое совершило противоправные действия должно загладить свою вину и на это есть несколько способов, таких как: возместить причиненный ущерб (как правило, материальный), возместить моральный ущерб и принести извинения. Это является обязательным сценарием для продолжения работы. Стоит указать, что наиболее подходящая форма поведения в таком случае – это соглашение между сторонами. При этом действия, направленные на возмещение вреда, должны быть задокументированными в виде фото, квитанций, чеков и др., всех документов, что могут быть представлены суду (следователю, дознавателю) [2].

Таким образом, сравнительно-правовое исследование института примирения в российском уголовном праве и возмещения вреда, причиненного лицом потерпевшему, приводит к выводу о необходимости закрепления юридической обязанности назначать примирительные процедуры. Кроме того, представляется возможным разработать правовую базу для деятельности независимых посредников (примирителей) в уголовном процессе, поскольку, несмотря на будущие перспективы и законодательные инициативы, поскольку этот вопрос до сих пор не решен. Возможность внедрения альтернативных способов урегулирования споров в уголовном судопроизводстве уже давно обсуждается в научном сообществе.

Ни уголовное, ни уголовно-процессуальное законодательство не содержат указаний о признании вины в случаях, когда уголовное дело прекращается по рассматриваемому основанию. Однако суды уделяют этому вопросу особое внимание, которое не совсем обосновано [1].

Далее рассмотрим ситуацию, когда лицо совершила сразу несколько правонарушений, что является второй проблемой, на которую мы уделим внимание. На практике данный вопрос о том, чтобы прекратить уголовное дело по эпизодам преступной деятельности не может быть решен, если соблюдены такие условия, как в статье 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если примирение в отношении других эпизодов преступления не состоялось или если преступления подпадают под категория тяжких преступлений (особо тяжкие преступления).

Двусмысленность характерна также для практики прекращения уголовных дел о преступлениях с двумя объектами. Это проявляется, в частности, в различных формулировках судебных решений.

Таким образом, уместно понимать примирение как процедуру урегулирования конфликта, произошедшего между потерпевшим и лицом, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести, результатом которой является освобождение последнего от уголовной ответственности.

Во-первых, возможность его повторного применения в отношении одного и того же лица, совершившего преступление, состав которого предусмотрен ст. 76.1 Уголовного кодекса, что оказывает негативное влияние на борьбу с экономическими преступлениями и создает уверенность общества в преступной безнаказанности. Кроме того, это не соответствует принципу неотвратимости уголовной ответственности в отношении виновного лица, предусмотренному уголовным законодательством.

Во-вторых, преступления, перечисленные в статье 76.1 УК РФ, не должны противоречить, а тем более дублировать условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в примечаниях к отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. В связи с этим считаю целесообразным исключить часть 1 статьи 76.1 Уголовного кодекса, чтобы избежать коллизий при применении соответствующих норм.

Кроме того, на основе анализа судебной статистики можно прийти к выводу о неэффективности внедрения стандартов на практике. Основываясь на статистических данных за 2015 год, было прекращено 28 уголовных производств в отношении лиц, виновных в уклонении от уплаты налогов в связи с ущербом по делам экономической направленности [5].

Так, например, минимальный размер компенсации от совершения правонарушения по ч. 1 ст. 185 УК РФ, если лицо извлекло доход в размере 1 млн рублей, составит до 5 млн, в то время как санкция этой статьи карается штрафом в размере одного от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет.

В этой ситуации для виновного гораздо выгоднее отбыть наказание, а не выплачивать эту компенсацию. Поэтому целесообразно уменьшить кратность возмещаемого ущерба, чтобы повысить эффективность реализации этого положения на практике.

В соответствии со ст. 78 УК лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли следующие сроки:

1) 2 года после совершения преступления небольшой тяжести;

2) 6 лет после совершения преступления средней тяжести; в) 10 лет после совершения тяжкого преступления;

3) 15 лет после совершения особо тяжкого преступления. Во всех случаях течение сроков давности начинается со дня совершения преступления.

К лицам, совершившим преступления против мира и безопасности человечества, сроки давности не применяются (ст. 78 УК).

В отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, сроки давности, предусмотренные ст. 78 УК, сокращаются наполовину (ст. 94 УК).

Под амнистией в уголовном праве понимается акт высшего органа государственной власти. Она объявляется Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в отношении индивидуально не определенного крута лиц.

Акт амнистии носит нормативный характер: он всегда касается целой категории преступлений или групп субъектов, не обозначенных индивидуально. Эти категории определяются по различным признакам: по составу или тяжести совершенного преступления, по признакам субъекта преступления и т.д.

Акт амнистии распространяется на уголовно наказуемые деяния, совершенные до его принятия.

Согласно ст. 90 УК несовершеннолетний, впервые совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Рассмотрим особенности освобождения от уголовной ответственности лицом, не достигшим совершеннолетнего возраста. На основании статьи 90 УК можно сказать, что такое вполне осуществимо, но только в том случае, если подозреваемый признает вину и не несет угрозы для жителей. Также он должен раскаяться в совершенном правонарушении, и эта перспектива вытекает из совокупности обстоятельств, установленных по уголовному делу, относящихся к характеру совершенного преступления, а также к личности виновного.

На сегодня институт судебного штрафа имеет множество недоработок, из-за которых появляются те или иные практические проблемы. Из-за этого данный институт требуется изменять и модернизировать с целью устранения проблем.

Рассматривая проблемы института судебного штрафа можно привести в пример неопределенность в размере некоторых штрафов, так как сфера применения указанной статьи действует на все категории преступлений небольшой и средней тяжести неограниченно. Данная проблема на сегодня стоит особенно остро, так как бывают случае освобождения по нескольким статьям Особенной части УК РФ и отсутствием минимального порога размера судебного штрафа.

На сегодня все категории преступлений ранжируются по степени тяжести, в том числе и те, что облагаются штрафом. Тяжесть может быть небольшой и средней. Однако, стоит указать, что по ряду преступлений недопустимо освобождение подозреваемого из-за степени нанесенного ущерба [1].

Важным также выступает пункт, который описывает нецелесообразность шарфа для людей, которые принимают наркотические вещества, но при этом не сбывают их другим. Такой штраф должен быть недопустим в обществе, так как данные действия понесут лишь отрицательное влияние для социума, нежели положительное.

Заключение

Таким образом мы можем сделать вывод о том, что освобождение от уголовной ответственности – это полное прекращение предъявления обвинений человеку, что совершил правонарушение. При этом в таком случае в деле присутствуют особые основная, которые и предопределяют характер освобождения.

Следует различать такие термины, как: «освобождение от уголовной ответственности» и «наказание». От наказания человек может освободится как частично, так и полностью. А вот в первой случае индивидуум может освободится от ответственности, но наказание продолжает сохраняться.

Также стоит отметить, что человека можно освободить от наказания вне зависимости от того, какую степень тяжести получило его преступление.

Пристатейный библиографический список

1. Мельников В. Ю. «Уголовная ответственность за преступления»: учебное пособие / Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Ростов н/Д, 2022.— 565 с. — 500 экз.
2. Суденко В. Е. Уголовное право. Общая часть: лекции / Под ред. Н. А. Духно. — М.: Юридический институт МИИТа, 2016. — 197 с.
3. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / Отв. ред. А. И. Плотников. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – 442 с.
4. Уголовное право Российской Федерации. Краткий курс: Учебное пособие / Науч. ред. Е. В. Благов. — М.: Проспект, 2019. – 880 с.
5. Уголовное право. Общая часть: учебное пособие в таблицах / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко, Д. Ю. Краев, М. А. Любавина, Ю. В. Морозова, А. Н. Попов, П. В. Федышина, Р. Д. Шарапов; под ред. А. Н. Попова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. — 76 с.

УЖАХОВ Магомед Карханович
аспирант Факультета Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ В БОРЬБЕ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ ПРЕСТУПНОГО ДОХОДА И ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА

Международное сотрудничество России в борьбе с легализацией преступного дохода и финансированием терроризма имеет несколько особенностей. Россия активно участвует в международных усилиях по предотвращению и пресечению этих преступлений, сотрудничая с другими странами и международными организациями. Одной из особенностей международного сотрудничества России является активное участие в работе Финансовой действующей группы (FATF) - международной организации, занимающейся борьбой с отмыванием денег и финансированием терроризма. Автором в статье рассмотрены основные особенности международного сотрудничества России в борьбе с легализацией преступного дохода и финансированием терроризма, а также некоторые моменты исторического пути в данном контексте.
Ключевые слова: терроризм, легализация, насилие, «монархомахия», преступник, преступление.

UZHAKHOV Magomed Karkhanovich
postgraduate student of the Faculty of the Higher School of Public Audit M. V. Lomonosov Moscow State University

FEATURES OF RUSSIA'S INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST THE LEGALIZATION OF CRIMINAL INCOME AND THE FINANCING OF TERRORISM

Russia's international cooperation in the fight against the legalization of criminal income and the financing of terrorism has several features. Russia actively participates in international efforts to prevent and suppress these crimes, cooperating with other countries and international organizations. One of the features of Russia's international cooperation is its active participation in the work of the Financial Action Group (FATF), an international organization dedicated to combating money laundering and terrorist financing. The author considers the main features of Russia's international cooperation in the fight against the legalization of criminal income and the financing of terrorism, as well as some moments of the historical path in this context.
Keywords: terrorism, legalization, violence, "monarchomachy", criminal, crime.

Терроризм – это применение насилия для достижения своих, политических экономических, религиозных, социальных целей. Терроризм, как правило, применяется к государственным институтам, отдельным государственным деятелям или представителям органов государственной власти, независимо от занимаемого положения, общественным деятелям, как крупным, так и относительно мелким участникам бизнес-процессов. Формы и методы терроризма имеет различный характер, и могут осуществляться как психологически, путём запугивания и создания нездоровой атмосферы вокруг объекта террора, так прямым физическим воздействием, вплоть до убийства или причинения тяжелого вреда здоровью.

Как известно, само явление терроризма возникло ещё в библейские времена. Первоначально действия террористов носили преимущественно и акцентировано выраженный религиозный характер.

Постепенно от продвижения своей, «правильной» религии деятели, исповедующие террор стали применять террористические способы ведения политических действий для изменения общественной и государственной структуры.

Так возникшая внутри иудейской религии секта Сикариев боролась не только за «чистоту» веры, но и за отделение Иудеи от Римской Империи. Таким образом, уже в те времена сепаратисты взяли на вооружение путь терроризма как основу достижения своих целей. Само название секты, происходящее от латинского слова «Sica», обозначающее кинжал или короткий меч, говорит о неслучайности практики избранной сектантами. Очень примечательно, что убийца на латыни это «Sicarius»

В отличие от Сикариев не гнушавшихся действовать и в толпе, «ассасины», одно из шиитских религиозных течений, предпочитали действовать максимально скрытно, конспиративно. Основанное ими государство просуществовало более ста лет. Это дало образец для подражания многим тайным, террористическим обществам Востока и Запада.

Время шло, на карте мира появлялись и исчезали государства, менялись общественные формации. Терроризм как феномен общественной и политической жизни изменялся в средствах его реализации, сохраняя при этом свою суть. Об этом говорит факт индивидуальной направленности актов террора, независимо от религиозной, социальной или государственной принадлежности или от идеологического обоснования террора.

В этой связи стоит обратить внимание на такое очень любопытное явление как «монархомахия». Эта теория обосновывала ни много, ни мало право на убийство монарха. Она объединила людей таких разных религиозных течений как кальвинисты и иезуиты. Теория эта была предтечей теории естественного права. Пожалуй, самая известная жертва павшей вследствие влияния этой теории французский король Генрих Четвёртый. Тот самый, что «Париж стоит мессы». Примечательно, что убийцей короля стал фанатик-католик.

Примерно к этому же времени можно отнести первый случай массового терроризма. Безусловно, это небезызвест-

ная «Варфоломеевская ночь». Убийства были массовыми, обуславливались принадлежностью к различным конфессиям. Целью было изменение политического баланса внутри французского Королевства.

Эпоха Просвещения и ставшая логическим продолжением её «Великая Французская Революция» сделали террор, тем феноменом общественной, социальной и политической жизни который мы можем наблюдать и сегодня. В 1798 году Французская Академия в своём знаменитом словаре дала определение «systeme, regime de la terreur». Французские «революционеры» сделали своей политикой управляемый страх. Якобинцы поначалу употребляли слова терроризм и террор в положительном смысле. Затем они стали жертвой развязанной ими политики. Именно французским «революционерам» мы должны быть «благодарны» не только за теоретическое обоснование террора, но и за закрепление этой политики на нормативном, законодательном уровне. Сделав террор эффективным способом проведения определённой политики, способствующей достижению и удержанию высшей власти французские «революционеры» способствовали распространению террора по всему миру в кратчайшие сроки.

Первое знакомство с проявлением терроризма можно отнести к движению декабристов. Именно они выдвинули и пытались обосновать идею «цареубийства». Предыдущие два случая имели характер внутри элитного заговора. В эпизоде с убийством императора Павла, при содействии иностранных держав.

К периоду после подавления «декабристского» бунта можно отнести появление первого органа ответственного за борьбу противогосударственными преступлениями, к числу которых можно смело отнести терроризм. Эти органом стало Третье Отделение Канцелярии его Императорского величества, при активном содействии Отдельного Корпуса Жандармов. Необходимо отметить, что на всём протяжении своего существования орган этот был относительно малочисленным.

К середине девятнадцатого века терроризм в России приобретает системный характер, а идея «цареубийства» приобретает маниакальный характер. Серия покушений завершилась убийством Первого марта тысяча восемьсот восемьдесят первого года.

Нельзя сказать, что имперское правительство не принимало меры для борьбы с противогосударственными преступлениями, включая, разумеется, терроризм. Так в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году были образованы губернские жандармские управления. Также в столичном, на тот момент городе Санкт-Петербурге было создано первое Отделение по охранению порядка и спокойствия.

Поскольку мир терроризма зачастую тесно переплетён с уголовным миром, эта проблема приобрела международный характер. Это потребовало координации усилий с соответствующими службами иностранных государств.

К 1917 г. Россия имела соглашения о выдаче преступников с двадцатью одним государством, включая государства Европы, а также США и Японию. Эти соглашения определяли: перечень преступников, подлежащих выдаче; определение преступлений, за которые следовала выдача; порядок производства выдачи; последствия, следующие за выдачей. В этой связи уместно вспомнить знаменитое «Тифлисское дело», так называемую «экспроприацию» денег из Тифлисской конторы Государственного Банка. При попытке размена этих денег в Европе последовали аресты, а для С. Тер-Петросяна, более известного по уголовной кличке «Камо» дело закончилось выдачей в Россию.

Следует отметить, что этим и подобными фактами международное сотрудничество российских органов не заканчивалось. Имелись случаи и обратной выдачи. Из России в Европу. Невозможно обойти нашим вниманием тот факт, что система дактилоскопической идентификации, разработанная знаменитым российским полицейским деятелем Аркадием Францевичем Кошко, была принята к использованию во многих европейских странах. В частности, эту систему использовал не менее знаменитый Скотланд-Ярд.

Следует отметить, что это сотрудничество развивалось не только в практической, но и нормативной, теоретической части международного процесса борьбы с уголовными преступлениями, включая преступления террористической направленности. Обмен нормативной документацией происходил через Министерство иностранных Дел по запросам Министерства внутренних Дел.

Таким образом, необходимо отметить следующие факты. За несколько тысячелетий развития терроризм стал почти повседневной действительностью. Стабильным способом борьбы для достижения социальных, общественных и политических целей. Из явления, носившего локальный, иногда местечковый характер, терроризм стал феноменом международной жизни, способом проведения государственной политики, в том числе политики международной. Примеров тому достаточно, в частности, в истории Первой мировой войны.

Однако можно констатировать, что вместе с терроризмом развивались методы контртеррористической борьбы. Из борьбы отдельных государств она постепенно становилась борьбой мирового сообщества. В конце девятнадцатого начале двадцатого века сложились основные формы сотрудничества органов правопорядка России с коллегами из зарубежных стран. Безусловно, эти формы соответствовали не только тогдашнему уровню развития межгосударственных отношений, но и тогдашнему уровню способов коммуникации, путей сообщения эти причины имели объективный характер. В совокупности это не позволило создать стабильную систему борьбы с угрозами международного терроризма, сформировать единую нормативную базу и устроить единый центр координации контртерроризма. События же Первой мировой войны отодвинули решение этих задач на неопределённый срок.

События начала двадцатого века придали новый импульс международному характеру терроризма и изменили место России в борьбе с этой, всё возраставшей угрозой. Отметим государственную поддержку террористических организаций. Так Германия оказывала поддержку ирландским сепаратистам, деятельность которых носила, как правило, террористический характер. Оманская империя закрывала глаза на транзит взрывчатки и других вооружений на тер-

риторию российского Кавказа. Российские партии эсеров, польские и грузинские сепаратисты, использовавшие методы террора в осуществлении своей деятельности не гнушались получать денежные средства от специальных служб иностранных государств, в частности Австрии и Японии. Мы умолчим про германский след в подготовке, так называемой Октябрьской революции.

Следовательно, терроризм мутировал и приобрел две основные направленности локальную и международную, имеющую глобальные требования.

Так некоторые политические лидеры не стеснявшиеся взять на вооружение методы террора стали главами государств. Тем более примечательно участие СССР в работе первой наднациональной организации Лиги Наций. Это выразилось в участии советских представителей Конвенции об учреждении Международного уголовного суда и Конвенции о предупреждении и пресечении терроризма.

Нет необходимости отмечать, что любая деятельность, не исключая террористические акции требует своего финансирования. Мы уже упоминали о «Тифлисском деле», пресловутая экспроприация средств Государственного Банка, выявила одну из ключевых проблем деятелей террора. Это не только получение денежных средств, но и их последующая легализация. Подчеркнём ещё раз, что террористические организации подчас неотличимы от уголовных. Поэтому деньги добываются не только банальными ограблениями, но и от торговли наркотиками, оружием, проституцией и контрабандой. Всё это требует очень тесного, межгосударственного сотрудничества роль. России в этих процессах неоспорима и не может быть приуменьшена.

В современной России антитеррористическая деятельность регулируется двумя основными законами. Это «Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ»[1] и «Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ»[2].

Отметим, что сотрудничество России с международными организациями (разведками) по противодействию отмыванию преступных доходов началось с середины девяностых годов прошлого века. Это выразилось, в частности, в участии России в объединении подразделений финансовых разведок. Это участие, в частности, выражалось в присоединении Российской Федерации к акциям Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF), учреждённой в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. Сотрудничество с этим объединением способствовало обмену информацией и созданию каналов связи на базе последних технологий коммуникации. Мы уже отмечали важность этих компонентов. Сохраняя правопреемственность от СССР, Российская Федерация осуществляла эту действия в рамках ранее заключённых соглашений, в том числе заключённых под эгидой ООН. Координацию этой деятельности осуществляло Министерство внутренних Дел. В состав межведомственной группы входили налоговые, финансовые, таможенные и иные министерства и ведомства. В развитии этого процесса в две тысяче первом году была создана Федеральная служба по финансовому мониторингу Российской Федерации. Основной задачей, которой является противодействие легализации доходов, добытых преступным путём. Сам термин финансовый мониторинг, как инструмент для противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, имеет российское происхождение. Общую координацию по борьбе с терроризмом, включая добычу средств преступным путём осуществляет Национальный Антитеррористический Комитет. Отметим так же роль Банка России в работе международных организаций под эгидой ЕС, СНГ, G-20 и других. Так, например, Банком России создана специальная платформа для оценки рисков, быть вовлечённым в отмывание преступных доходов. Кроме того, необходимо указать на наличие собственных антиотмывочных систем в крупных российских банках. Таких как госкорпорация ВЭБ.РФ например.

Не случайно группа FATF в 2019 г. высоко оценила российскую систему противодействия легализации средств, добытых преступным путём. К сожалению, FATF в две тысячи двадцать втором году ограничила для России возможности для деятельности в рамках этой структуры.

Однако, несмотря на эти сложности, Россия сохранила возможности и потенциал для международного сотрудничества в деле противодействия легализации преступных доходов и финансировании терроризма. Упомянем проведённый в апреле текущего года семинар Росфинмониторингом в рамках деятельности Шанхайской Организации Сотрудничества. Так же Россия сохранила свои позиции в Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма, в структурах СНГ и BRICS.

Исходя из всего вышеизложенного можно констатировать, что в России создана национальная система борьбы с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма, в свою очередь Россия активно продолжает эту деятельность в рамках международных структур.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/

АБДРАЗЯПОВ Ранис Ришатович
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

Абдразяпов Р. Р.

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ОРГАНИЗАЦИИ ХРАНЕНИЯ ИЗЪЯТОГО ЛЕСА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Автором в статье рассмотрены вопросы, связанные с организацией хранения изъятой по уголовному делу древесины. Предложен алгоритм действий следователя по передаче изъятой крупногабаритной древесины на основании решения суда в территориальное подразделение Росимущества с целью его последующей реализации на торгах. Рассматриваются особенности организации работы по изъятию древесины, ее последующего хранения, транспортировки и передаче Росимуществу, а также возникающие в этой связи организационные вопросы.

Ключевые слова: незаконная рубка, изъятая древесина, хранение крупногабаритного леса, судебное решение, работа следователя.

ABDRAZYAPOV Ranis Rishatovich
Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ON CERTAIN ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF THE STORAGE OF SEIZED TIMBER IN CRIMINAL CASES

The algorithm of the investigator's actions for the transfer of seized large-sized wood on the basis of a court decision to the territorial subdivision of the Federal Property Management Agency for the purpose of its subsequent sale at auction is proposed. The features of the organization of work on the removal of wood, its subsequent storage, transportation and transfer to the Federal Property Management Agency, as well as organizational issues arising in this regard, are considered.

Keywords: illegal logging, seized wood, storage of large-sized forest, court decision, investigator's work.

Одним из ключевых вопросов организации работы органов предварительного расследования является вопросы хранения вещественных доказательств. При этом, значительное затруднения возникают при организации хранения крупногабаритных вещественных доказательств, в том числе незаконно вырубленного леса по уголовным делам о преступления, совершаемых в сфере лесопользования. Ежегодно правоохранительными органами Российской Федерации изымаются сотни тысяч кубометров леса и лесоматериалов.

Как правило, подразделения органов внутренних дел не имеют физической возможности осуществлять хранение громоздких предметов, в частности древесины, на своей территории либо имеющихся помещениях. В этой связи для организации хранения подобных вещественных доказательств привлекаются сторонние организации.

В настоящее время порядок хранения и реализации изъятой древесины, являющейся вещественным доказательством по уголовным делам, определен Соглашением МВД России и Федерального агентства по управлению государственным имуществом (далее Росимущество) от 10.06.2013 № 1/5390/01-12/217 «О порядке взаимодействия по организации приема-передачи предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено».

Вопросы организации хранения вещественных доказательств по уголовным делам, в том числе крупногабаритных, не раз обсуждались учеными процессуалистами. Так, С. С. Чернова указывает, что правоприменительная практика по вопросу хранения громоздких вещественных доказательств не является единообразной в связи с наличием разных перечней документов, необходимых для передачи вещественного доказательства на хранение [1].

Также, в период хранения вещественных доказательств они могут быть утрачены, либо повреждены. Соответственно необходимо учитывать ответственность хранителя за переданное на хранение имущество. Все возможные ситуации и ответственность сторон должны быть предусмотрены договором, заключаемым с хранителем [2].

Наиболее целесообразным представляется привлекать к организации хранения государственные учреждения и организации. В частности, для хранения леса и крупногабаритных лесоматериалов можно привлекать подразделения Министерства лесного хозяйства РФ.

Вместе с тем, зачастую время от изъятия незаконно вырубленной древесины до принятия окончательного решения уполномоченным судом по уголовному делу может пройти длительный период времени. Древесина, в силу естественных причин, может подвергнуться порче, утрате физических свойств и соответственно товарной стоимости, так как зачастую территориальные подразделения Министерства лесного хозяйства не всегда имеют возможность организовать надлежащее хранение древесины.

В этой связи представляется целесообразным после проведения по уголовному делу экспертиз и других необходимых процессуальных действий, передать изъятую древесину Росимуществу для его последующей реализации. Решение о передачи изъятого леса должен принимать суд на основании ходатайства следователя.

Так суд в обоснование решения о передаче древесины Росимуществу для его последующей реализации указывает о сложности его хранения ввиду громоздкости, дороговизне организации его хранения и несопоставимости со стоимостью самой древесины.

С целью выработки единого подхода и проработки межведомственного взаимодействия руководство территориальных подразделений ОВД различных субъектов разрабатывает инструкции и алгоритмы действий подчиненных сотрудников.

На основании изученных алгоритмов и инструкций представляется целесообразным предложить следующий вариант действий:

Следователь (дознаватель):

1. При поступлении сообщения о незаконной рубке лесных насаждений производит осмотр лесного участка, где совершена незаконная рубка. В случае обнаружения незаконно заготовленной древесины, в месте совершения незаконной рубки либо ином участке, незамедлительно принимает меры к её изъятию.

2. После изъятия производит осмотр незаконно заготовленной древесины и выносит постановление о признании её вещественным доказательством.

3. Принимает меры к исключению фактов оставления незаконно заготовленной древесины в местах её обнаружения. С этой целью направляет в уполномоченный орган (территориальный орган Министерства лесного хозяйства республики), либо юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю, осуществляющим свою деятельность в сфере лесопромышленного комплекса, уведомление о готовности передать вещественные доказательства в виде незаконно заготовленной древесины на хранение, указав её объём и местонахождение в лесном массиве (квартал, выдел и привязку на местности) для организации работы по вывозу её из леса.

4. Поручает установление рыночной стоимости изъятой древесины, без применения ставок кратной стоимости древесины, в территориальное управление лесничества по месту нахождения лесного участка, где обнаружена незаконная рубка лесных насаждений и расследования уголовного дела.

5. По окончании производства оценочного исследования возбуждает в соответствии со ст. 165 УПК РФ перед судом ходатайство о реализации незаконно заготовленной древесины путем передачи в Росимущество, признанной по уголовному делу вещественным доказательством, как скоропортящейся продукции.

6. В случае получения согласия территориального управления лесничества по месту нахождения лесного участка, где обнаружена незаконная рубка, о передаче вещественных доказательств на реализацию в Росимущество, выносит соответствующее постановление.

7. После вынесения постановления следователя (дознавателя) либо вступления в законную силу решения суда о реализации или об уничтожении вещественных доказательств направляет в Росимущество необходимые документы.

8. Вещественные доказательства в виде древесины передаются в Росимущество в месте их хранения, установленном следователем (дознавателем), по акту приема-передачи вещественных доказательств.

9. Следователь (дознаватель) органа внутренних дел приобщает к материалам уголовного дела заверенные копии всех документов, направленные в Росимущество.

Таким образом, предложенный алгоритм позволяет сотрудникам ОВД наиболее эффективно взаимодействовать с территориальными подразделениями Росимущества по вопросам организации хранения леса.

Вместе с тем, в большинстве случаев сообщения от сотрудников, осуществляющих лесной надзор и контроль, о выявлении незаконной рубки лесных насаждений, поступают по истечении длительного времени после её совершения, в связи с чем, установить местонахождение незаконно вырубленной древесины не всегда представлялось возможным.

В случаях установления местонахождения вырубленной древесины производится её изъятие с последующей передачей в Росимущество для реализации.

При этом зачастую возникают проблемы в части хранения и передачи изъятой незаконно заготовленной древесины в Росимуществе. Так, обеспечение сохранности указанных вещественных доказательств осуществляется органом внутренних дел до момента их передачи Росимуществу, а после передачи должно осуществляться Росимуществом.

Однако, после получения следователями и дознавателями судебного решения о реализации вещественных доказательств, Росимущество указанная древесина не вывозится для обеспечения её сохранности и остается в территориальном органе внутренних дел или в лесничестве по месту обнаружения незаконной рубки до завершения торгов.

В случае реализации древесины на торгах Росимущество осуществляется её передача лицу, выигравшему торги, после их завершения из мест нахождения, куда оно помещено после изъятия.

Данное обстоятельство вызвано зачастую громоздкостью изъятой древесины, её быстрым моральным старением и превышением расходов федерального бюджета на её содержание, в том числе на транспортировку и хранение, а также отсутствием специальной площадки для её хранения до завершения процедуры реализации на торгах.

В настоящее время данная проблема была разрешена: 20.01.2023 Постановлением Правительства Российской Федерации № 50 утверждены положения об условиях и передаче для хранения, реализации, утилизации или уничтожения древесины и (или) полученной из неё продукции в виде лесоматериалов, изъятых при производстве по делам об административных правонарушениях и в ходе досудебного производства по уголовным делам, а также внесены изменения в некоторые акты Правительства Российской Федерации, в том числе от 23.08.2012 № 848.

Указанным постановлением Росимущество и его территориальные органы наделены полномочиями по привлечению юридических и физических лиц в порядке, предусмотренном о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных услуг, с целью исполнения полномочий по приему, хранению, транспортировке, реализации, утилизации или уничтожению древесины и (или) полученной из неё продукции.

Таким образом, Правительство Российской Федерации предоставило Росимуществу дополнительные финансовые возможности и необходимые полномочия для надлежащего исполнения возложенных на ее вышеуказанных функции. Вместе с тем, надлежащая работа по хранению, транспортировке и реализации изъятой по уголовным делам древесины может быть достигнута лишь в результате надлежащего взаимодействия следователя, Министерства лесного хозяйства и Росимущества.

Пристатейный библиографический список

1. Чернова С. С. Хранение громоздких вещественных доказательств // Инновационные технологии в науке и образовании. - 2015. - № 2 (2). - С. 294-295.
2. Магомедов А. М. Проблематика взаимоотношений между органами государственной власти и организациями, оказывающими услуги ответственного хранения вещественных доказательств на примере СЗТУ // В сборнике: Вузовская наука: от теории к практике. Сборник материалов региональной научно-теоретической конференции. В 3-х частях. Под общей редакцией С. Н. Гамидуллаева. - 2019. - С. 160-168.

ГРИШИН Дмитрий Алексеевич
докторант Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

АНТИПОВ Андрей Юрьевич
преподаватель кафедры организации режима надзора в УИС Академии ФСИН России

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается направления реализации информационных технологий при производстве по уголовным делам в зарубежных странах. Анализируется влияние цифровизации на обеспечение правового статуса личности в уголовном судопроизводстве. Автор приходит к выводу о значимости происходящих процессов реализации информационных технологий, признания их положительного влияния на развитие уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, цифровизация. информатизация, принцип законности, правовой статус личности, права и свободы человека, цифровизация уголовного судопроизводства.

Гришин Д. А.

GRISHIN Dmitriy Alexeevich
doctoral student of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

ANTIPOV Andrey Yurjevich
lecturer of Organization of the supervision regime in the ATS sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

FOREIGN EXPERIENCE OF DIGITALIZATION OF THE CRIMINAL PROCESS

The article discusses the directions of the implementation of information technologies in criminal proceedings in foreign countries. The influence of digitalization on ensuring the legal status of an individual in criminal proceedings is analyzed. The author comes to the conclusion about the significance of the ongoing processes of information technology implementation, recognition of their positive impact on the development of the criminal process.

Keywords: criminal proceedings, criminal proceedings, digitalization. informatization, the principle of legality, the legal status of the individual, human rights and freedoms, digitalization of criminal proceedings.

Антипов А. Ю.

С учетом событий, происходящих на международной арене, осуществляемой многими странами политикой «двойных стандартов», недружественными действиями в отношении Российской Федерации со стороны наших бывших партнеров взаимодействие по линии уголовной политики во многом нарушено. Однако анализ достигнутых результатов иностранными государствами в сфере цифровизации уголовного судопроизводства, учет их опыта будет иметь положительное значение для развития отечественного процесса производства по уголовным делам.

В научной литературе обращается внимание на то обстоятельство, что активное проникновение цифровых технологий в судопроизводство наблюдается не только в России, этот процесс имеет место во всех мировых судебных системах [1, с. 74], а «онлайн-судопроизводство» должно в будущем вытеснить многие традиционные судебные разбирательства, искусственный интеллект и виртуальная реальность станут доминировать в судебной деятельности [2, с. 368]. Во многом данные умозаключения не вызывают у нас одобрения и поддержки, но интенсификация использования информационных технологий в различных сферах общественной жизни очевидна.

Важной является информационная осведомленность потенциальных участников о нормативном регулировании уголовно-процессуальных отношений. Поэтому централизованное информирование относительно имеющейся нормативной базы и вносимых изменениях выполняет значимую роль в процессе обеспечения правового статуса личности.

Подобная система создана во многих государствах. Так в соответствии с Законом Республики Казахстан «О правовых актах», утвержденного Президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК, официальное опубликование нормативных правовых актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, является обязательным условием их применения. Официальными изданиями являются Ведомости Парламента Республики Казахстан https://www.parlam.kz, Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан https://www.zanorda.kz. Кроме того, нормативные правовые акты Республики Казахстан, в том числе регламентирующие деятельность правоохранительных органов, также публикуются на официальном сайте Министерства внутренних дел Республики Казахстан https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim?lang=ru в разделе «Документы».

В Китайской народной республике после подписания и обнародования закона он своевременно публикуется в Вестнике Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей и в общегосударственной печа-

ти. Опубликованный таким образом текст закона является официальным и подлежит обязательному размещению на официальном сайте – www.nps.gov.cn. Кроме того, регулярно появляются акты толкования нормативно-правовых актов, осуществляемые Верховным народным судом и Верховной народной прокуратурой КНР, размещаемые на их сайтах – www.chinacourt.org и www.spp.gov.cn соответственно.

Свободный доступ к информации о нормативной базе уголовно-процессуальной деятельности – необходимое условие надлежащей защиты прав и свобод человека, эффективного использования участниками своего правового статуса.

Многие государства интенсивно внедряют в деятельность по расследованию преступлений и рассмотрению уголовных дел различные технические средства, информационные технологии и их комплексы. По этому поводу совершенно справедливо отмечается в иностранной научной литературе – «цифровизация, в свое время считаемая инновацией, повсеместно прокладывает себе дорогу, а также с уверенностью входит во все области современной общественной жизни» [3, с. 311].

В 2020 году вступил в силу Закон Азербайджанской Республики № 140-VIQD «Об изменениях в Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики» [4]. Цель нововведений – повышение коммуникации, эффективности уголовного судопроизводства, расширение возможностей обращения в суд, а также устранения случаев волокитства и злоупотребления в данной сфере посредством применения инновативных средств. В результате были установлены правила ведения уголовного процесса посредством информационной системы «Электронный суд», введены процедуры проведения процессуальных действий в режиме видеоконференцсвязи, установлено требование ведения беспрерывной аудиозаписи судебных заседаний с целью обеспечения всестороннего отражения уголовного процесса в протоколах суда.

Энергичное развитие компьютерной техники и информационных технологий в настоящее время служит одной из основ к развитию современного общества. Особую актуальность приобретают меры по внедрению современных технологий в правоохранительную деятельность, где Интернет выступает посредником между гражданином и должностными лицами. Важной предпосылкой внедрения современных технологий в уголовно-процессуальную деятельность стало принятие Министерством общественной безопасности Разъяснения от 29 декабря 2015 г. № 32 «Об изменении и совершенствовании процедуры возбуждения уголовного дела». Возможность приема сообщения о преступлении посредством сети Интернет была впоследствии закреплена и в Уголовно-процессуальный кодекс КНР (ст. 108). С 2016 г. в качестве доказательств по уголовному делу наравне с традиционными видами могут служить электронные данные (ст. 1 «Определение о порядке собирания и проверке электронных доказательств по уголовным делам» от 9 сентября 2016 г. № 22).

В целях оптимизации порядка досудебного производства по уголовным делам с 1 января 2018 года Верховная прокуратура КНР начала внедрение в деятельность органов предварительного расследования мобильного программно-аппаратного комплекса для обработки и обмена несекретной информации. В настоящее время для организации цифрового уголовного судопроизводства в КНР используется программное обеспечение, позволяющее решить следующие задачи – формирование материалов уголовного дела в цифровом виде, проведение следственных действий посредством применения видеоконференц-связи, организация интеллектуальной системы судебного разбирательства (регистрация дела, судебное разбирательство и решение).

В Республике Беларусь создается интегрированная сервисно-расчетная система (БИСРС), применение которой довольно разнообразно. В частности, предлагается использование идентификационной карты (ГО-карта) как удостоверяющего документа с расширенным функционалом, что позволит устанавливать юридически значимое дистанционное взаимодействие с гражданином и станет «ключом» доступа к накопленной (учтенной) информации о гражданине в госорганах и организациях. По окончании реализации мероприятий Комплекса мер в стране предполагается создать единую систему идентификации физических лиц, позволяющую объединить различные ведомственные информационные системы и предоставить потребителю возможность получения электронных, административных, информационных услуг на всей территории Республики Беларусь на основе единых правил. По своей сути это аналог системы «Электронное Правительство», элементы которой уже реализуются в Российской Федерации.

В 2021 году в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь были учтена современные технические возможности и расширено использование информационных технологий в уголовном процессе. Например, по аналогии с российским законодательством предусматривается возможность производства отдельных следственных действий (допроса, очной ставки и предъявления для опознания) в режиме веб-конференции.

Досудебное производство в электронном формате предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством в Казахстане, США, Канаде, Эстонии, Швеции, Дании, Нидерландах, Сингапуре, Южной Кореи, Италии, Испании, ФРГ и других странах.

В соответствии со статьей 42–1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан с 2017 года уголовное судопроизводство может осуществляться как в бумажном, так и в электронном форматах, введены новые термины – «формат уголовного судопроизводства». Кроме того законодательно определено понятие «электронный документ» (п. 15 ст. 7 УПК РК), форму которого могут иметь заявление об уголовном правонарушении (ч. 1 ст. 181 УПК РК); гражданский иск (ч. 5 ст. 167 УПК РК); замечания на полный или краткий протокол судебного заседания (ст. 348, 348-1 УПК РК); протокол главного судебного разбирательства (ч. 8 ст. 347 УПК РК); ходатайство прокурора о восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы (ч. 1 ст. 419 УПК РК); запрос на истребование уголовного дела для подачи ходатайства, лицами, имеющими право на внесение представления, принесение протеста на вступившие в законную силу судебные акты (ст. 486 УПК РК); ходатайство, протест или представление о пересмотре вступивших в законную силу судебных актов (ч. 1 ст. 488 УПК РК). Защитник и представитель потерпевшего вправе опрашивать лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к уголовному делу, с помощью технических средств. Согласно УПК РК в форме электронно-

го документа могут оформляться как процессуальные документы, так и различные ходатайства и заявления участников уголовного процесса. ч. 1 ст. 283, ст. 117 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан также предусматривают возможность оформления заключения специалиста и эксперта в форме электронного документа. Допускается фиксация опроса посредством научно-технических средств на электронном носителе. Указанная система, реализуемая в Республике Казахстан, предоставляет пользователям следующие возможности: SMS-оповещение через мобильную связь и (или) электронную почту участников уголовного процесса; удаленный доступ, позволяющий посредством Интернета ознакомиться с информацией о принятых процессуальных решениях, материалами уголовного дела, подавать жалобы и ходатайства; взаимодействие с судом, экспертами, специалистами.

Особенностями уголовного судопроизводства в США следует признать отсутствие единого уголовного дела, активное участие стороны защиты в собирании и предоставлении доказательств непосредственно в суд. Доказательства представляются сторонами в электронном виде по сети Интернет в административный аппарат судов, где они регистрируются и приобщаются к материалам электронного уголовного дела, которое ведется с использованием специализированной системы электронного документооборота CM/ECF (Case Management and Electronic Case Files). Размещение доказательств технически не вызывает сложностей – участник уголовного процесса прикрепляет их в формате PDF в виде файла в папку на сайте суда, соответствующую уголовному делу. Система обеспечивает доступ к материалам дела для ознакомления широкому кругу лиц, вовлеченных в судопроизводство, и сохранность содержащихся в них персональных данных свидетелей и потерпевших [5].

В Сингапуре используется электронная система правосудия – Electronic Filing System, которая, прежде всего, ориентирована на адвокатские формирования (юридические фирмы), прошедшие процедуру регистрации. Система позволяет идентифицировать пользователя, использовать формы для заполнения документов, прикрепить их к делу, коммуницировать с судом.

В 2015-2016 годах во всех итальянских судах и органах расследования была внедрена полностью интегрированная и совместимая система производства по уголовным дела в электронном виде – Sistema Informativo della Cognizione Penale (SICP), структурно состоящей из веб-сайта для подразделений полиции, программного обеспечения для ведения реестра уголовных дел, базы данных досудебных мер процессуального принуждения, мониторинга процессуальных сроков, формирования процессуальных документов.

Безопасный и конфиденциальный документооборот между судами и участниками уголовного судопроизводства в Германии обеспечивается посредством программного обеспечения «Электронный судебный и административный почтовый ящик» (EGVP), включающее в себя систему информационных судебных ресурсов. Требования для конечного пользователя достаточно низкие – наличие персонализированной чип-карты и доступ в интернет со стандартным браузером и устройством для чтения карт для подписи.

В Чешской Республике цифровизация уголовного судопроизводства акцентирована на должностных лицах правоохранительных органов. Программный комплекс электронных баз данных по уголовным делам «Электронное уголовное судопроизводство» предоставляет доступ к своим ресурсам сотрудникам полиции, прокуратуры и судов, которые имеют возможность пользоваться электронными базами данных, системой безопасного и конфиденциального документооборота. Эта система позволяет отслеживать движение всех уголовных дел, находящихся в производстве следователя, видеть все задачи, сроки рассмотрения и их статус. Кроме того, системой предусмотрена возможность онлайн согласования всех следственных действий и получения всех необходимых процессуальных решений.

Вышесказанное свидетельствует о том, что большинство государств признает эффективность использования информационно-телекоммуникационных технологий в рамках борьбы с преступностью и, в частности, в ходе уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Бородинова Т. Г. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы внедрения // Правосудие. – 2022. - Т. 4. – № 1.
2. Susskind R. Online Courts and the Future of Justice // Oxford University Press. 2019. December 14. 368 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/ (дата обращения: 19.08.2023).
3. Порохов Е. В. Цифровизация и налоговое право // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – № 1 (59).
4. Портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 12.08.2023).
5. Ищенко П. П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex russica. – 2019. – № 12.

ИСАНБАЕВ Ильдар Салаватович
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

Исанбаев И. С.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Автор в статье рассматривает возникающие в практической деятельности правоохранительных органов вопросы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Актуальность исследуемой темы заключается в повышении эффективности и оптимизации уголовно-процессуального законодательства, получении положительных результатов от проведенного следственного действия, зависящее не только от лица, в производстве которого находится уголовное дело. В результате исследования предлагается внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации соответствующие изменения.

Ключевые слова: информация о соединениях, дистанционное мошенничество дознаватель, следователь, ходатайство.

ISANBAEV Ildar Salavatovich
senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ABOUT SOME ISSUES THAT ARISE WHEN RECEIVING INFORMATION ABOUT CONNECTIONS BETWEEN SUBSCRIBERS AND (OR) SUBSCRIBER DEVICES DURING THE INVESTIGATION OF A CRIMINAL CASE

The author in the article examines the issues arising in the practice of law enforcement agencies of obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices. The relevance of the topic under study lies in improving the efficiency and optimization of criminal procedure legislation, obtaining positive results from the investigative action carried out, depending not only on the person in whose proceedings the criminal case is. As a result of the study, it is proposed to make appropriate changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: information about connections, remote fraud investigator, investigator, petition.

Представить современный мир без средств связи, передающих устройств, без сотовых телефонов, компьютеров невозможно. Буквально несколько десятков лет назад стационарный телефон был не в каждой квартире, в настоящее же время практически у каждого члена семьи имеется свой сотовый телефон. Компьютер, ноутбук или планшет стал неотъемлемой частью современного человека. И, если пропадает интернет, происходит сбой в работе социальной сети, то сразу же ощущается дискомфорт от невозможности привычного формата общения.

Не стала исключением и цифровизация преступности, которая как живой организм постоянно обновляется и совершенствуется. И как следствие происходит реагирование уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, введение новых составов преступлений, новых следственных действий.

Ввиду постоянного совершенствования современных цифровых технологий, быстрого внедрения их в повседневную деятельность, охватывающих все сферы жизнедеятельности в том числе и преступную, вопросы противодействия преступлениям с использованием цифровых технологий, совершенствования уголовно-процессуального закона, в данном направлении, особенно актуальны и от времени затраченного на истребование информации о соединениях между абонентами зависит быстрота раскрытия преступления, а также ход дальнейшего расследования.

Федеральным законом № 143-ФЗ от 01.07.2010 в УПК РФ внесено понятие «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 24.1) и дополнено статьей 186.1, регламентирующая деятельность по истребованию указанной информации

Закрепление в ст. 186.1 УПК РФ порядка получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами гарантирует защиту конституционных прав гражданина на тайну связи [1, с. 147], при этом в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства выступает защита прав и законных интересов потерпевших, также уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ). В связи с этим возникает вопрос, а достаточно ли эффективно применяется указанная статья в практической деятельности, в полной ли мере она защищает права и интересы потерпевшей стороны. Так, в 2022 году в нашей стране с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, зарегистрировано 522,1 тыс. преступлений, из которых раскрыто всего 142 384 преступлений [2].

Одним из факторов, влияющих на низкую раскрываемость данного вида преступлений, является недостаточная оперативность получения сведений по абонентским соединениям, имеющее большое доказательственное значение и влияющее на ход дальнейшего расследования уголовного дела.

На примере дистанционных мошенничеств проведение первоначальных следственных действий, направленных на раскрытие данного вида преступлений, отличается от привычных нам преступлений, таких как кража, грабеж, причинение вреда здоровью. Допрос по данным делам имеет свою специфику и проводится в соответствии с разработанными рекомендациями для указанного следственного действия, с акцентом на установление в соответствие со ст. 73 УПК РФ общего предмета доказывания и специфику данных преступлений [3, с. 134].

При наличии изымаются имеющие по уголовному делу значение документы, в том числе информация о соединениях абонента. После чего постановление о возбуждении перед судом ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами с ма-

териалами, на которых обосновывается ходатайство, для рассмотрения по существу направляется в суд.

В ходатайстве в соответствии с ч. 2 ст. 186.1 УПК РФ указывается информация о возбужденном уголовном деле, основания производства следственного действия, период времени по интересующей информации, наименование организации (организаций) от которой требуется информация.

При этом, зачастую полученная информация не приводит к раскрытию преступления, в тех случаях, когда симкарта оформлена на иное лицо, не причастное к преступлению [4, с. 246].

Некоторыми авторами предлагается пересмотреть процедуру вынесения указанного ходатайства. Так, Багавиева Э. А. предлагает с целью ускорения получения информации об абонентских соединениях, сокращения сроков рассмотрения в суде ходатайства следователя, рассмотреть возможность отказа от института согласования его с руководителем следствия и передать начальнику органа дознания полномочия прокурора по согласованию ходатайств перед судом, обеспечив таким образом большую самостоятельность дознавателя [5, с. 18].

Но с практической стороны, на наш взгляд, согласование ходатайства с руководителем следствия и прокурора не замедляет процесс предоставления информации, наоборот перед направлением ходатайства в суд проверяется полнота постановления, его законность и обоснованность, наличие всех копий уголовного дела в материале, направляемом в суд, во избежание возможного отказа в удовлетворении ходатайства следователя и дознавателя по формальным признакам. Что также согласуется с полномочиями руководителя следственного подразделения, прокурора, отменять незаконные или необоснованные ходатайства следователя и дознавателя, соответственно.

Длительность же получения информации о соединениях, по нашему мнению, заключается в другом. Так, после согласования с прокурором постановления о возбуждении уголовного дела, соответствующе постановление с ходатайством о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и копиями материалов уголовного дела передают в суд. В свою очередь у суда также имеется срок в 24 часа на рассмотрение поступившего ходатайства. Направление копии решения суда в организацию, предоставляющую услугу связи, возлагается на следователя, а с учетом возможного нахождения указанной организации в другом регионе, срок со дня вынесения постановления до поступления решения суда в соответствующую организацию может занять длительное время. И соответственно срок поступления ответа с учетом его направления по почте также затягивается.

В той же ст. 186.1 УПК РФ сказано, что организации должны предоставлять информацию об абонентских соединениях по мере поступления таковой, но не реже одного раза в неделю. Общий срок предоставления информации - до шести месяцев.

Предоставление же информации об абонентских соединениях не реже чем один раз в неделю также разные организации могут понимать по-разному. Например, в организации, предоставляющей услуги связи, определен один день в неделе - четверг, в который они выдают сотрудникам полиции информацию о соединениях между абонентами и если в этот день сотрудник по каким-либо причинам не пришел в организацию, то ему данная информация будет выдана уже через неделю, в следующий четверг. В итоге точных сроков поступления информации из организации, предоставляющей услуги связи, никто не сможет сказать, что с учетом массива нахождения уголовных дел данной категории в производстве следователя, негативно сказывается на результатах расследования.

Кроме этого, ходатайство о получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами предполагает получение информации о состоявшихся соединениях ретроспективно, которые состоялись, и перспективно, которые состоятся в будущем [6, с. 80], на предоставление которых необходимо разное время.

В ч. 5 ст. 165 УПК РФ приведён исчерпывающий перечень следственных действий, производство которых возможны без получения решения суда. В данном случае, не позднее 3 суток, в прокуратуру и суд направляется соответствующее уведомление. Судом проверяется законность произведенного следственного действия. При этом какие случаи относятся к исключительным, не терпящим отлагательства, УПК РФ не обозначает. Конкретизация законодательно указанных случаев, не терпящих отлагательства, может послужить основой для оспаривания со стороны защиты проведенных следственных действий и признания полученных доказательств недопустимыми и внести еще больше разногласий в данный вопрос. Какие именно случаи можно отнести к не терпящим отлагательств считаем правильнее рассмотреть в отдельной статье, но на наш взгляд правильнее не конкретизировать их в УПК РФ, а обосновывать в выносимых следователем и дознавателем постановлениях.

С учетом изложенного, с целью соблюдения разумных сроков расследования, раскрытия преступления в короткие сроки, считаем возможным пересмотреть некоторые ст. 186.1 УПК РФ, в части включения следственного действия - получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, с возможностью проведения указанного следственного действия без получения судебного решения, на основании постановления следователя или дознавателя, с последующим уведомлением суда о производстве указанного следственного действия, что позволит сократить срок со дня вынесения постановления, до его поступления адресату, то есть организации предоставляющей услуги связи. Также, пересмотреть сроки предоставления информации, в части уменьшения срока направления организацией, предоставляющей услугу связи, информации, в связи с тем, что не вся интересующая правоохранительные органы информация, относится к будущей, которая должна предоставляться по мере ее поступления, не реже одного раза в неделю. В части предоставления информации, которая уже имеется у организации предоставляющей услуги связи и относится к событиям, произошедшим в прошлом, предлагается установить более короткий срок, менее одного раза в неделю.

Изложенные изменения позволят существенно сократить сроки поступления в правоохранительные органы информации о соединениях между абонентами и как следствие возможность быстрейшего раскрытия преступления, производства иных следственных действий, зависящих от сведений, содержащихся в поступившей информации.

Пристатейный библиографический список

1. Беляков А. А., Дерюгин Р. А. Некоторые проблемы оценки и использования информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании преступлений // Российский юридический журнал. - 2017. - № 6 (117). - С. 146-150.
2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф (дата обращения: 12.02.2023).
3. Екимцев С. В. Особенности раскрытия мошенничества, совершенного с использованием телекоммуникационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. - 2022. - № 1 (90). - С. 131-137.
4. Флоря Д. Ф., Поддубный И. В. Использование преступниками sim-карт, зарегистрированных на третьих лиц, как способ маскировки при совершении дистанционных хищений: постановка проблемы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. - 2022. - № 1 (90). - С. 243-250.
5. Багавиева Э. А. Актуальные вопросы согласования решений о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Юридические исследования. - 2020. - № 6. - С. 12-20.
6. Сибагатуллин Ф. Ф., Латыпов В. С. И снова к вопросу о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Право: ретроспектива и перспектива. - 2021. - № 2 (6) - С. 78-83.

ЛАНТУХ Эдуард Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры общеправовых дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

ЛАНТУХ Наталия Викторовна
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России

ЧАСОВНИКОВА Ольга Георгиевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье формулируются и обобщаются теоретические и эмпирические вопросы, касающиеся применения судами права на освобождение от уголовной ответственности, наказания лиц, не достигших возраста совершеннолетия с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Ключевые слова: уголовный процесс, несовершеннолетний преступник, освобождение от уголовной ответственности, принудительные меры воспитательного воздействия.

LANTUKH Eduard Vladimirovich
Ph.D. in Law, associate professor, Head of General legal disciplines sub-faculty of the Leningrad regional branch of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

LANTUKH Nataliya Viktorovna
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal process sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

CHASOVNIKOVA Olga Georgievna
Ph.D. in Law, associate professor of Labor law sub-faculty of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE RIGHT TO RELEASE MINORS FROM CRIMINAL LIABILITY WITH THE USE OF COERCIVE MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE

The article formulates and summarizes theoretical and empirical issues related to the application by the courts of the right to exemption from criminal liability, punishment of persons under the age of majority with the use of coercive measures of educational influence.

Keywords: criminal proceedings, juvenile delinquent, exemption from criminal liability, compulsory measures of educational influence.

В Российской Федерации существует широкая нормативная база, регулирующая вопросы обеспечения защиты прав и законных интересов детей. Следует сказать, что в нашем государстве закреплено понятие «ребенок» и «дети», так в Федеральном Законе № 124 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» указано, что ребенком считаются лица до достижения ими возраста 18 лет (совершеннолетие). В сущности, законодательная политика по защите прав ребенка развивается стремительно, регулирование данных отношений выделено конституционно, так же этот вопрос поднимается в Семейном кодексе РФ.

Уголовное законодательство Российской Федерации имеет довольно гуманистический вектор развития. Формирование отечественного уголовного процесса привело государство к осознанию острой необходимости защиты самых уязвимых слоев населения и применения к ним особого порядка производств. При проведении некоторых следственных действий, например, допроса в отношении лиц, не достигших совершеннолетия главой 50 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ), закрепляется привилегированное положение этой группы участников, так же это касается ряда процессуальных особенностей производства по уголовному делу. В частности, данной главой предусмотрено право суда на освобождение таких лиц от уголовной ответственности с применением мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ). Особое отношение к ребенку в ходе производства обусловлено необходимостью защиты от внешнего воздействия на психическое развитие детей, ведь именно в период взросления, не до конца сформированная психическая система наиболее подвержена влиянию извне, так же во внимание принимается возраст и уровень умственного развития, которые несомненно оказывают влияние на поведение подростка, и на принимаемые им решения.

В современном обществе возникает вопрос о применении к несовершеннолетнему уголовного наказания в том виде, в котором оно существует сейчас. Несмотря на то, что наказание может казаться логичным шагом в случае совершения несовершеннолетним преступления, оно может иметь длительные и негативные последствия для ребенка. Помимо потери свободы, несовершеннолетний может столкнуться с социальной изоляцией, психологическими травмами и даже более серьезными проблемами, такими как ухудшение здоровья и вовлечение его в криминальную деятельность. Криминологи отмечают, что применение к несовершеннолетнему такой меры наказания, как лишение свободы может привести к труднопоправимым или непоправимым психическим последствиям.

Вместо применения уголовного наказания, необходимо стремиться к реабилитации и социализации несовершеннолетнего преступника, помогая ему восстановить свою жизнь и убеждая в том, что совершение преступления является неправильным и вредным как для общества, так и для него самого. Предоставление образовательных программ, профессиональной поддержки и психологической помощи может помочь несовершеннолетним вернуться на правильный путь и стать полноценными членами общества.

Освобождение несовершеннолетнего преступника от уголовного наказания – это решение, которое может иметь

положительный эффект в ряде случаев. Прежде всего, такое решение может способствовать восстановлению доверия между обществом и ребенком, что в свою очередь может предотвратить его дальнейшее погружение в криминогенную среду. Однако необходимо помнить, что освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности должно быть сопровождено соответствующими мерами реабилитации и контроля. Не следует забывать о том, что преступление не должно остаться безнаказанным, а также о том, что уголовное наказание может быть необходимо для защиты общества и жертв преступления. Таким образом, перед принятием решения об освобождении несовершеннолетнего преступника от уголовного наказания необходимо учитывать все факторы, связанные с конкретной ситуацией и рассматривать каждый случай индивидуально.

Следует отметить, что применение ПМВВ не относится к уголовным наказаниям, является лишь мерой процессуального воздействия. По сути этой процессуальной меры основополагающим критерием ее назначения является возможность исправления лица, совершившего преступление. При использовании термина «исправление» законодатель затрагивает лишь одну из целей уголовного наказания, закрепленных статьей 43 УК РФ. Считаем, что уместно предусмотреть для данной меры процессуального воздействия фактическое закрепление остальных целей: восстановление социальной справедливости, предупреждение совершения новых преступлений.

Анализируя судебную практику освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания, мы пришли к выводу о том, что суды при вынесении постановления, руководствуются различными основаниями, наиболее частыми из которых можно выделить наличие судимости, признание вины, раскаяние и извинение перед потерпевшим, отсутствие сторонней информации о том, что цель исправления не может быть достигнута путем применения ПМВВ.

Наиболее частым выбором судами вида таких мер – передача под надзор родителей. Так же судьи, руководствуясь положением части 3 статьи 90 УК РФ, часто используют возможность применения совокупности мер воспитательного воздействия. К примеру, в Постановлении от 10 мая 2017 г. по делу № 1-73/2017 судья постановил применить к обвиняемой совокупность следующих мер: предупреждение и передача под надзор матери на срок один год. Равным образом, Постановлением № 1-111/2020 от 17 июля 2020 г. по делу № 1-111/2020 судья постановляет и передать нарушителя под надзор, и загладить причиненный вред.

Ограничение досуга выражается в запрете определенных видов деятельности, которая может пагубно сказаться на поведении несовершеннолетнего. Такая мера может включать запрещение посещать определенные места или требование возвратиться в образовательную организацию [1].

Проанализировав судебные решения с применением ПМВВ, мы пришли к выводу, что такая мера процессуального воздействия, как предупреждение используется крайне редко. Полагаем, что это может быть обусловлено тем, что ее использование является неэффективным. Напомним, что критерием освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетнего является уверенность в том, что правонарушитель может быть исправлен без уголовной ответственности. Вопрос о том, сможет ли несовершеннолетнее лицо, совершившее преступление быть исправлено путем применения к нему предупреждения остается открытым [2]. Маловероятно, что разъяснение такому лицу всех факторов преступного деяния: общественной опасности, общественно опасных последствий и возможного наступления уголовного наказания будут являться эффективной мерой, однако следует отметить, что условия ведущегося в отношении него уголовного производства, в том числе и стадии судебного разбирательства, могут оказать положительное воздействие на процесс осознания несовершеннолетним преступником всех последствий совершения преступлений и вполне вероятно, что это способно повлиять на превенцию совершения новых общественно опасных деяний, запрещенных УК РФ и КОАП РФ.

Возложение обязанности загладить причиненный вред выражается в возмещении ущерба и восстановлении нарушенных преступлением прав. Может выражаться в финансовом и ином восстановлении прав.

Довольно четко прослеживается путь гуманизации уголовного процесса в отношении лиц, не достигших возраста совершеннолетия. Законодатель предусматривает ряд специальных возможностей для освобождения их от уголовной ответственности. При условии возможности исправления без применения уголовного наказания и соответствия деяния тяжести преступления, выделенного в статье (преступления не относятся к группе тяжких и особо тяжких), несовершеннолетний преступник будет освобожден от уголовной ответственности.

Меры процессуального воздействия в отношении несовершеннолетних являются составной частью системы осуществления правосудия в отношении лиц, не достигших возраста 18 лет. Считаем, что в России необходимо более активно внедрять систему ювенальной юстиции, чтобы гарантировать защиту прав и интересов детей-правонарушителей и предотвратить повторность их преступности. В настоящее время дети-правонарушители часто попадают в общую систему уголовной юстиции, что не способствует их реабилитации и социальной адаптации. Система ювенальной юстиции предоставляет более гибкий и индивидуализированный подход к детям-правонарушителям, учитывает их возраст, социальную среду и образование. Она также предусматривает меры социальной поддержки и реабилитации, направленные на возможность социальной адаптации детей и предотвращение повторных преступлений.

Замена уголовного наказания на ПМВВ предполагает более мягкий подход к преступникам, особенно к тем, кто совершил преступления в силу жизненных обстоятельств, в том числе неблагоприятной среды проживания, отсутствия родительской опеки, поддержки и должного контроля, низкого уровня образования и др.

Одним из основных аргументов в пользу замены уголовного наказания на принудительные меры воспитательного воздействия является то, что многие преступления могут быть вызваны социальными факторами, которым крайне подвержены несовершеннолетние. В таких случаях ПМВВ могут оказаться более эффективными, чем лишение свободы.

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что система реализации ювенальной уголовно-правовой политики требует дальнейшего формирования и еще существует поле для дискуссий, в том числе и на тему целесообразности применения судом права на освобождение от уголовного наказания несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия. Мы считаем, что цели, которые должны быть достигнуты применением предупреждения могут быть достигнуты лишь с использованием остальных мер воспитательного воздействия и отсутствует реальная необходимость закрепления в УПК РФ «предупреждения».

Важно понимать, что применение принудительных мер воспитательного воздействия не является универсальным решением для всех случаев совершения преступлений. В некоторых случаях такие меры могут быть недостаточными или неэффективными, а в других – неприменимыми. Поэтому при рассмотрении каждого конкретного уголовного дела необходимо учитывать все обстоятельства и выбирать оптимальный вариант мер ответственности, полностью подходящий для осуществления поставленных целей производства.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов С. А., Матинян М. А., Душина Т. В. Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего как принудительная мера воспитательного воздействия // Пробелы в российском законодательстве. - 2018. - № 5. - С. 111-114.
2. Елизова М. Г. Вопросы эффективности предупреждения как принудительной меры воспитательного воздействия несовершеннолетних // Вестник науки. – 2023. - Т. 3. - № 2 (59). - С. 86-92.

ЛЕГОСТАЕВ Сергей Валентинович
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России

Легостаев С. В.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ОПЕРАТИВНОГО СОТРУДНИКА ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В статье раскрыто понятие правового статуса оперативного сотрудника исправительного учреждения. Анализируются научные подходы к данному вопросу. Отмечается, что процессуальные аспекты рассматриваются в основном в контексте общих полномочий исправительных учреждений. Вносится предложение о включении в его содержание процессуальных полномочий. Проводится анализ состояния законности в данной сфере деятельности. Автором прослеживается негативное влияние допускаемых в ИУ нарушений при рассмотрении сообщений о преступлениях на результаты расследования, а также рассмотрения уголовных дел судом. Указывается, что одним из обстоятельств, отрицательно влияющих на эффективность деятельности оперативных сотрудников ИУ, является отсутствие ее методической регламентации. Предлагается группирование действий оперуполномоченных ИУ при реализации своих полномочий. Сделан вывод о влиянии такой алгоритмизации на выполнение отдельных служебных задач.

Ключевые слова: исправительные учреждения, выявление и пресечение преступлений, процессуальная деятельность, процессуальный статус оперативного сотрудника, рассмотрение сообщений о преступлении, алгоритм действий оперуполномоченного ИУ.

LEGOSTAEV Sergey Valentinovich
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FRS of Russia

PROCEDURAL STATUS OF A CORRECTIONAL FACILITY OPERATIVE

The article reveals the concept of the legal status of an operative of a correctional institution. Scientific approaches to this issue are analyzed. It is noted that procedural aspects are considered mainly in the context of the general powers of correctional institutions. A proposal is made to include procedural powers in its content. The analysis of the state of legality in this field of activity is carried out. The author traces the negative impact of violations committed in the IU when considering reports of crimes on the results of the investigation, as well as the consideration of criminal cases by the court. It is indicated that one of the circumstances negatively affecting the effectiveness of the operational staff of the IU is the lack of its methodological regulation. It is proposed to group the actions of the IU operatives in the exercise of their powers. The conclusion is made about the influence of such algorithmization on the performance of individual service tasks.

Keywords: correctional institutions, detection and suppression of crimes, procedural activity, procedural status of an operative, consideration of reports of a crime, algorithm of actions of an IU operative.

Состояние законности и правопорядка в исправительных учреждениях (далее ИУ) во многом определяется эффективностью реализации служебных полномочий оперативными сотрудниками по выявлению и пресечению противоправных деяний, совершаемыми осужденными. Статистические показатели за последние три года свидетельствует о том, что имеет место определенное снижение отрицательных количественных характеристик состояния законности в ИУ. В то же время, проведенные исследования показали, что оперативные сотрудники исправительных учреждений, по различным причинам не всегда осуществляют свои должностные обязанности в соответствии с предусмотренным законом, а также ведомственными правовыми актами в данной сфере порядком. Не лишена недостатков и их деятельность в сфере досудебного производства, что оказывает негативное влияние как на общее состояние законности в ИУ, так и на процессуальную функцию органов расследования. Как отмечает О. А. Малышева: «одним из условий формирования современной концепции досудебного производства является повышение уровня законности уголовно-процессуальной деятельности на его начальном этапе, во многом определяющим ход и конечные результаты расследования уголовного дела» [2, с. 46].

Раскрывая содержание процессуальных полномочий оперативных сотрудников исправительных учреждений, нужно отметить, что на указанном этапе они связаны с разрешением сообщений о преступлениях, подготавливаемых и совершаемых в исправительных учреждениях. Данное направление процессуальной деятельности в настоящее время по-прежнему остается наиболее подверженной рискам нарушения права доступа граждан к правосудию. Здесь уместно отметить, что первостепенное место в работе по противодействию преступности среди осужденных отводится реализации принципа законности, требующего четкого соблюдения установленного порядка приема сообщений о преступлениях в исправительных учреждениях, их своевременной регистрации и проведения качественной проверке таких сообщений, предусмотренных Уголовно-процессуальным законом, межведомственными и ведомственными правовыми актами. Результаты анализа правоприменительной практики, изучения мнения должностных лиц ИУ свидетельствуют об отсутствии методической регламентации действий оперативных сотрудников на данной стадии судопроизводства. В сложившихся условиях, на наш взгляд, появилась потребность в разработке рекомендаций, предусматривающих алгоритмизацию действий сотрудников, уполномоченных на проведение таких процессуальных проверок.

В законодательстве не раскрывается процессуальный статуса оперативного сотрудника ИУ. Закрепленные в УПК РФ понятия дознавателя как должностного лица органа дознания, уполномоченного соответствующим начальником

осуществлять предварительное расследование в форме дознания либо другие полномочия, органов дознания, которые также производят дознание и могут использовать отдельные процессуальные полномочия не дают ответа на вопросы, возникающие при раскрытии как содержания статуса оперуполномоченного ИУ, так и его места в системе органов и должностных лиц.

В практической плоскости его статус определяется, с одной стороны, комплексом его оперативно-розыскных полномочий. Поскольку данная деятельность осуществляется вне рамок уголовно-процессуального закона, мы не можем каким-то образом соотносить ее с процессуальными критериями. С другой стороны, процессуальный статус указанного сотрудника сходен с процессуальным статусом должностного лица, имеющего право принимать сообщения о преступлениях и проводить по ним проверку. Важно отметить, что оперативный сотрудник в данном случае является уполномоченным должностным лицом органа дознания. Он наделяется правом проведения предварительной проверки по сообщению о преступлении начальником исправительного учреждения либо его заместителем, которые уполномочены поручать проведение таких проверок сотрудникам оперативных подразделений ИУ.

В научной литературе, несмотря на проблематичность вопроса, самостоятельные исследования процессуального статуса оперативного сотрудника ИУ встречаются редко. Этот вопрос как правило рассматривается в контексте общей проблемы полномочий ИУ как органа дознания. Так, В. А. Поникаров и др. определяют данный статус «как совокупность правовых средств (права и обязанности; ограничения; запреты; юридические гарантии; юридическая ответственность) и компонентов (правоспособность и дееспособность), посредством которых осуществляются оперативно-розыскные полномочия, а также защита сотрудников оперативных подразделений пенитенциарной системы Российской Федерации» [3, с. 39]. Анализ действующего законодательства и научных трудов позволяет дополнить в содержание данного определения и процессуальные полномочия, что в полной мере отражает сущность служебной деятельности указанных должностных лиц.

Некоторые авторы видят проблему в том, что оперативные подразделения ИУ не наделены полномочиями осуществлять дознание как форму расследования. А. В. Акчурин и Т. А. Сулейманов полагают, что «отмеченное противоречие явилось основанием для установления ограничений при принятии процессуальных решений оперативными подразделения» [1, с. 304]. С данным тезисом нельзя полностью согласиться, поскольку окончательное решение, по проверяемому сообщению, принимает не сотрудник, проводивший проверку, а начальник учреждения.

Полагаем, что наличие неконкретности процессуального статуса оперативных подразделений ИУ, как раз и требует эффективной реализации оперативными сотрудникам своих служебных полномочий в тех пределах, которые установлены законодательством. Речь идет о процессуальном порядке документирования преступлений, подготавливаемых и совершаемых осужденными. Такой порядок закрепленной в законе, а также в ведомственных и межведомственных актах:

1) Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ;

2) Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов»[1];

3) Инструкция о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях утвержденная приказом Минюста России от 11.07.2006 № 250[2].

С учетом правового регулирования и особенностей сложившейся практики можно предложить следующие группы алгоритмов действий оперативных сотрудников ИУ в данной сфере. Первая группа включает в себя: получение объяснений от лиц, которым известны обстоятельства, изложенные в сообщении о преступлении; в случае причинения заявителю телесных повреждений принятие мер по их документальному фиксированию; составление рапорта о наличии и месте хранения видеоматериалов, подтверждающих факт преступления, либо об их отсутствии; осмотр места происшествия (ОМП), с составлением протокола осмотра, схемы и фототаблицы; сбор документов, имеющих отношение к произошедшему событию. На данной стадии оперативный сотрудник может осуществлять иные процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении. Их можно назвать основными процессуальными действиями. Вторая группа предполагает подготовку и предоставление руководству ИК оперативным сотрудником следующих процессуальных документов: постановления о передаче сообщения о преступлении по подследственности, сопроводительного письма в орган расследования и сообщения заявителю. Третью группу составляют действия исполнительского характера, которые оперативный сотрудник выполняет после принятия процессуального решения начальником ИУ. Это направление соответствующего постановление и его копий адресатам (органу расследования, прокурору и в номенклатурное дело ИУ).

Таким образом, предлагаемые алгоритмы действия оперативных сотрудников направлены на повышении их профессиональной подготовки. Полагаем, что конкретизация проверочных действия позволит более качественно выполнить следующие основные задачи:

1) обеспечение своевременной и полной фиксации всех следов преступления;

2) качественный сбор доказательств и, соответственно, формирование необходимой доказательственной базы;

3) обеспечение качественного расследования совершаемых в ИУ преступлений и рассмотрения судом уголовных дел.

Несмотря на то, что имеющиеся проблемы находятся в первую очередь в плоскости правового регулирования нежели практической, предложенные пути их разрешения, на наш взгляд, положительно повлияют на эффективности деятельности оперативных сотрудников.

Пристатейный библиографический список

1. Акчурин А. В., Сулейманов Т. А. Уголовно-процессуальный статус учреждений, органов и должностных лиц ФСИН России: состояние и перспективы совершенствования // Вестник ВГУ. Серия: Право. - 2019. - № 4. - С. 304.
2. Малышева О. А. Обеспечение законности в досудебном производстве: монография. - М.: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. - С. 46.
3. Поникаров В. А., Поникаров С. В. Виды правового статуса сотрудников оперативных подразделений ФСИН России, осуществляющих правоохранительную деятельность в пенитенциарной системе России // Уголовно-исполнительное право. - 2015. - Рязань. - № 1. - С. 39.

1 Российская газета. - № 13. - 25.01.2006.

2 Российская газета. - № 171. - 05.08.2006.

МАЛКОВА Лариса Леонидовна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, управления и инженерно-технического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России

Малкова Л. Л.

ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ (ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ) ОБЪЕДИНЕНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СФЕРЕ

В статье представлен научный анализ проблемы взаимодействия органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с государственно-общественными (общественно-государственными) объединениями при организации работы с осужденными и при решении иных задач. Отмечается, что специальное федеральное законодательство о государственно-общественных и общественно-государственных объединениях до настоящего времени не сформировано, что не позволяет максимально полно задействовать их потенциал в пенитенциарной сфере. Предлагается законодательное закрепление понятия данных общественных объединений, их видов, принципов формирования и функционирования, задач и направлений деятельности.

Ключевые слова: государственное управление, общественные объединения, государственно-общественные объединения, общественно-государственные объединения, общественная наблюдательная комиссия, общественный совет, попечительский совет.

MALKOVA Larisa Leonidovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Economics, management and engineering and technical support of the activities of the penal enforcement system sub-faculty of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

STATE-PUBLIC (PUBLIC-STATE) ASSOCIATIONS IN THE PENITENTIARY SPHERE

The article presents a scientific analysis of the problem of interaction between institutions of the penitentiary system with state-public (public-state) associations in the organization of work with convicts and in solving other problems. It is noted that special federal legislation on state-public and public-state associations has not yet been formed, which does not allow the fullest use of their potential in the penitentiary sphere. Legislative consolidation of the concept of these public associations, their types, principles of formation and functioning, tasks and activities is proposed.

Keywords: public administration, public associations, state-public associations, public-state associations, public monitoring commission, public council, board of trustees.

В числе направлений развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) в настоящее время важное место занимает повышение уровня взаимодействия с институтами гражданского общества. Новые социальные вызовы требуют применения нестандартных форм и методов работы, а воспитательное воздействие на осужденных, реализуемое только силами персонала органов и учреждений УИС, ограничено и малоэффективно. В связи с этим возрастает необходимость привлечения ресурсов общественности при организации воспитательной работы с осужденными, их материально-бытового обеспечения, социально-психологической реабилитации, ресоциализации и при решении иных задач. Это могут быть как независимые от государства общественные объединения, так и подконтрольные ему государственно-общественные (общественно-государственные) институты, в том числе создаваемые непосредственно при органах и учреждений УИС, но не имеющие властных полномочий по отношению к ним [1, с. 45]. Не участвуя напрямую в уголовно-исполнительных правоотношениях, они являются субъектами оказания социальной поддержки осужденным, контроля соблюдения их прав и законных интересов, субъектами научно-методического и экспертно-консультационного обеспечения деятельности персонала УИС.

Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», называя несколько видов организационно-правовых форм таких объединений (ст. 7), предусматривает возможность создания государственно-общественных и общественно-государственных объединений, то есть общественных объединений, созданных с участием государства (ст. 51). При этом законодатель не вводит в легальный оборот понятия данных групп общественных объединений, нормативно не разграничивает их, не закрепляет их виды, основные принципы формирования и функционирования, задачи и направления деятельности. Отмечается незавершенный характер регулирования правового статуса и деятельности таких общественных объединений, поскольку специальное федеральное законодательство о государственно-общественных и общественно-государственных объединениях до настоящего времени не сформировано; деятельность указанных организаций регулируется нормативными правовыми актами органов государственной власти, что ставит их в неравное положение по отношению к иным общественным объединениям. В связи с этим, назрела необходимость принятия федерального закона об общественно-государственных и государственно-общественных объединениях [2].

Анализ научной литературы применительно к рассматриваемому вопросу позволяет заключить, что основными

признаками государственно-общественных (общественно-государственных) объединений являются участие государства в их создании (в т.ч. назначение членов) и деятельности, значительный объем контрольных полномочий со стороны государства при осуществлении ими государственных задач в сочетании с принципом самоуправления при решении внутрихозяйственных вопросов, а также четко закрепленная правовыми актами компетенция объединения, прежде всего, в публично-правовой сфере. Различия между государственно-общественными и общественно-государственными объединениями могут состоять в степени такого контроля. В любом случае, семантически данные понятия обозначают объединение, основанное на совместных государственных и общественных началах.

Так, по мнению М. А. Пимановой, государственно-общественные объединения представляют собой самостоятельный вид некоммерческих публично-правовых организаций, действующих в посреднической государственно-общественной среде жизнедеятельности, которые выполняют отдельные государственные функции, затрагивающие права, свободы, обязанности и законные интересы граждан, форму реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства [3, с. 9]. И. А. Поспехов пишет, что общественно-государственные объединения решают государственные задачи, которые либо пересекаются с задачами общественных объединений, либо качественнее реализуются при участии граждан, объединенных в общественные организации, поскольку отражают наиболее общие интересы всего общества [4, с. 91]. По мнению С. А. Басова, взаимодействие социальных акторов, представляющих государство и гражданское общество, опирающееся не на силу государственного принуждения, а на «переговорную силу», является важным средством преодоления кризиса доверия к институтам государственной власти [5, с. 7].

Вместе с тем, отдельные авторы позиционируют государственно-общественные (общественно-государственные) объединения как пережиток советской системы, не соответствующий духу Конституции РФ, нарушающий ее 13 и 30 статьи, как институт, дублирующий функции консультативных комиссий, советов, палат и иных совещательных органов при органах государственной власти [6, с. 28]. Г. Н. Митин замечает, что создание общественных и религиозных организаций (объединений) государством невозможно, исходя из конституционных требований, но, между тем, в процессе реализации своих функций у государства периодически возникает необходимость прибегать к формированию организаций, сходных, по существу, с общественными организациями, иными словами, требуется создавать их подобия «сверху», по собственной инициативе либо брать под своеобразную опеку полезные общественные начинания, которые без государственной поддержки обречены [2].

В качестве примеров государственно-общественных (общественно-государственных) объединений, действующих в пенитенциарной сфере, с той или иной долей условности можно назвать общественные советы при ФСИН России и ее территориальных органах, региональные общественные наблюдательные комиссии (далее – ОНК), попечительские советы и родительские комитеты при исправительных учреждениях (отрядах осужденных), а также иные объединения граждан и (или) юридических лиц, чья деятельность предусматривает согласованное взаимодействие с органами и учреждениями УИС с целью решения общих задач (Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо», Аккредитационный совет по профессионально-общественной аккредитации образовательных программ ФКУ НИИ ФСИН России, Общественная палата РФ и региональные общественные палаты, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, ветеранские общественные организации и др.).

Целью взаимодействия органов и учреждений УИС с государственно-общественными (общественно-государственными) объединениями следует считать использование возможностей общественности в реализации возложенных на них задач и, в конечном счете, в достижении целей уголовного наказания. При этом эти возможности крайне обширны и комплексы, что и позволило законодателю определить общественное воздействие в качестве самостоятельного основного средства исправления осужденных.

Полагаем, что можно выделить следующие направления взаимодействия УИС с государственно-общественными (общественно-государственными) объединениями: общественный контроль; улучшение материально-технической базы исправительного учреждения; подготовка осужденных к освобождению; благотворительная и гуманитарная помощь осужденным; юридическая помощь; духовно-нравственное воспитание; медико-социальные услуги; образование осужденных; законодательная инициатива и др.

Правовую основу такого взаимодействия составляют Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК РФ), Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Помимо федеральных законов правовое регулирование в рассматриваемой области основано и на ряде подзаконных актов (Указ Президента Российской Федерации от 04.08.2006 № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам», приказ Минюста России от 19.03.2015 № 62 «Об утверждении Порядка формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета», приказ ФСИН России от 28.11.2008 № 652 «Об утверждении Положения о порядке посещения учреждений уголовно-исполнительной системы членами общественных наблюдательных комиссий», приказ ФСИН России от 22.11.2021 № 1067 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний» и др.).

Особое значение на практике придается взаимодействию органов и учреждений УИС с ОНК, которые выступают наиболее эффективным средством недопущения нарушений прав человека в местах принудительного содержания. ОНК образуются общественными палатами на региональном уровне. В одном субъекте РФ действует только одна ОНК, ко-

торая работает на принципах добровольности. Председатель ОНК может быть включен в состав коллегии территориального органа ФСИН России.

Также общественные палаты принимают участие в формировании общественных советов при ФСИН России и ее территориальных органах, которые образуются на конкурсной основе из кандидатов, предложенных руководством ФСИН России (территориального органа ФСИН России), начальниками подразделений, общественными объединениями. Советы состоят из представителей общественности, имеют формально определенную структуру и перечень полномочий, связанных с выполнением консультационных, интеграционных, контролирующих функций. Общественные советы призваны обеспечить учет потребностей и интересов граждан, защиту прав и свобод граждан и прав общественных объединений при осуществлении уголовно-исполнительной государственной политики. Основной целью деятельности общественного совета является осуществление общественного контроля за деятельностью ФСИН России, ее территориальных органов и подведомственных органов и учреждений, включая рассмотрение проектов разрабатываемых общественно значимых нормативных правовых актов, реализацию контрольно-надзорных функций, проведение антикоррупционной и кадровой работы, оценку эффективности государственных закупок, рассмотрение ежегодных планов деятельности ФСИН России и отчетов об их исполнении. Работа общественных советов реализуется путем взаимодействия с центральными и региональными средствами массовой информации [7, с. 182].

Попечительские советы образуются непосредственно при конкретном исправительном учреждении для содействия его администрации. Основными их задачами являются:

– совершенствование материально-технической базы: благоустройство помещений и территории исправительного учреждения, помощь в привлечении спонсорских средств (финансовых, материальных ресурсов) для обеспечения деятельности и развития учреждения;

– решение вопросов социальной защиты осужденных: улучшение условий содержания, организации труда осужденных в местах лишения свободы, организация шефства над сиротами и лицами, оставшимися без родительского попечения;

– оказание содействия в поддержании и укреплении социально-полезных связей между осужденными и их родственниками;

– оказание помощи администрации исправительного учреждения в вопросах организации учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях;

– оказание содействия в помощи освободившимся осужденным в их трудовом и бытовом устройстве.

Следует отметить, что в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь (ст. 106) дополнительно закрепляется институт общественных воспитателей осужденных к лишению свободы, чего нет в УИК РФ. Общественными воспитателями могут быть представители государственных органов, иных организаций, общественных объединений и религиозных организаций, иные лица, способные оказывать воспитательное воздействие на осужденных. Общественные воспитатели осужденных утверждаются начальником исправительного учреждения.

Таким образом, специальное федеральное законодательство о государственно-общественных и общественно-государственных объединениях до настоящего времени не сформировано, что не позволяет максимально полно задействовать весь их потенциал в пенитенциарной сфере. В связи с этим, требуется принятие соответствующих специальных законов, а также дополнение Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» положениями, закрепляющими виды государственно-общественных (общественно-государственных) объединений, с которыми в своей деятельности взаимодействуют органы и учреждения УИС, порядок их создания и правовой статус, требования к их членам.

Пристатейный библиографический список

1. Селиверстов В. И. Уголовно-исполнительное право России. – Москва, 2014. – 447 с.
2. Митин Г. Н. Особенности правового статуса общественно-государственных и государственно-общественных объединений // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 2. – С. 18-21.
3. Пиманова М. А. Правовой статус государственно-общественных объединений (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Тюмень, 2007. – 20 с.
4. Поспехов И. А. Общественно-государственные организации в политической системе Российской Федерации // Марийский юридический вестник. – 2014. – № 11. – С. 87-91.
5. Басов С. А. Общественно-государственные институты в управлении социально-культурной сферой // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 1 (33). – С. 7-17.
6. Любутов Н. А. Государственно-общественные объединения: проблемы правового статуса // Современное право. – 2010. – № 12. – С. 24-28.
7. Кохтачев В. С. О нормативно-правовом регулировании деятельности общественных советов при Федеральной службе исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26 (1-4). № 2. – С. 182-186.

СЕРКЕРОВ Самур Эльмирович
кандидат юридических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич
кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета, Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ЯГАДИНОВ Ягодин Ямудинович
начальник Центра оперативного управления УВО по г. Махачкале, майор полиции

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

В статье анализируются научные разногласия по поводу расширения юрисдикции суда присяжных на районные (городские) и равноправные суды в рамках судебной реформы. Автор анализирует современные проблемы функционирования суда с участием присяжных заседателей и указывает на основные недостатки этой процессуальной формы отправления правосудия. Автор считает, что суд присяжных должен состоять из единого жюри, в состав которого должны входить как профессиональные судьи, так и присяжные заседатели. Статья посвящена исследованию теоретических и правовых основ судопроизводства по делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей с точки зрения российского права.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд присяжных, судебное разбирательство, исследование доказательств, оценка доказательств, вердикт присяжных.

SERKEROV Samur Elmirovich
Ph.D. in Law, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

MARIANOV Alikhan Abdulaevich
Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University, Dagestan State University, branch in Izberbash

YAGADINOV Yagodin Yamudinovich
Head of the Center for Operational Management of the Internal Affairs Department in Makhachkala, major of police

SOME PROBLEMS OF THE RUSSIAN COURT WITH THE PARTICIPATION OF JURORS

The article analyzes scientific disagreements regarding the expansion of the jurisdiction of the jury to district (city) and equal courts as part of judicial reform. The author analyzes modern problems in the functioning of a jury trial and points out the main shortcomings of this procedural form of administration of justice. The author believes that a jury trial should consist of a single jury, which should include both professional judges and jurors. The article is devoted to the study of the theoretical and legal foundations of legal proceedings in cases considered by the court with the participation of jurors from the point of view of Russian law.

Keywords: criminal trial, jury, trial, examination of evidence, evaluation of evidence, jury verdict.

В настоящее время суды присяжных вызывают споры, как среди практиков, так и среди научного сообщества. Однако после длительных дебатов законодательный орган решил расширить юрисдикцию суда, включив в него присяжных.

Согласно изменениям в ст. 1 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О коллегиях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», вступающего в силу с 1 июня 2017 г., рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей осуществляется в городских (районных) судах, а также возможно в гарнизонных судах.

В целях обеспечения деятельности городских (районных) и гарнизонных судов законодатель устанавливает порядок формирования списков и резервных списков кандидатов в присяжные заседатели. На основании решения исполнительного и распорядительного органа муниципальной администрации составляются списки и резервные списки кандидатов на должность асессора, которые затем передаются в компетентный суд. Из этого можно сделать вывод, что органы местного самоуправления играют важную роль в составлении списков кандидатов в присяжные заседатели.

Представляется, что идея распространения юрисдикции присяжных на районные (городские) суды логична и оправдана, но без расширения перечня самих преступлений.

Кроме того, в рамках реформы присяжных было сокращено количество присяжных заседателей, хотя в районных и гарнизонных судах присяжные состоят из 6 человек и для их формирования достаточно 12 кандидатов. В суде высшей инстанции присяжные состоят из 8 человек и не менее 14 кандидатов. Сторонники этих изменений считают, что нынешний состав жюри увеличивает расходы правительства, а также усложняет процесс подбора присяжных и подсчета голосов. В связи с этим сокращение числа присяжных заседателей приводит к снижению материальных затрат и улучшению их «управляемости».

Сторонники классического суда присяжных отвергают такие изменения, поскольку их правовая основа утрачена; распространение суда присяжных на районные (городские) суды все еще требует серьезного научного обоснования [2], [4].

Например, в суде присяжных в США от 6 до 12 лет изменения производятся в течение определенного периода времени и распределение персонажей осуществляется по новейшим технологиям [5].

Поэтому количество присяжных за рубежом неоднородно и определяется с учетом практической целесообразности и категории дел. Сокращение состава присяжных упрощает и сокращает продолжительность процесса отбора и обучения, а также затраты на оплату труда присяжных.

Если законодатель примет этот новый закон о подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей, то это будет сравнительно узкая категория уголовных дел. Так, суд с участием присяжных заседателей теперь будет рассматривать только уголовные дела об убийстве (ч. 2 ст. 105 УК РФ), о террористическом акте (ч. 2 ст. 205 УК РФ), о захвате

заложников (ч. 4 ст. 206 УК РФ), об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) (ч. 4 ст. 210 УК РФ), о посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), о посягательстве на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), о посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ).

Судебная статистика рассмотрения уголовных дел судами неизменно показывает, что ежегодно в судебных процессах оправдывается значительное число подсудимых. Анализируя судебную статистику, нетрудно заметить, что суды присяжных гораздо чаще приводят к оправдательным приговорам. Если предположить, что качество предварительного следствия по всем уголовным делам, рассматриваемым всеми судами, в принципе одинаково, то значительное превышение числа лиц, оправданных присяжными заседателями, можно объяснить несовершенством суда присяжных заседателей, поскольку процессуальная форма отправления правосудия.

Другой автор, И. Н. Алексеев также небезосновательно полагает, «что существует полная непредсказуемость приговоров, вынесенных судом с участием присяжных заседателей, как при осуждении, так и при оправдании подсудимых» [1].

Известный процессуалист профессор В. П. Божьев, комментируя Постановление Пленума Верховного Суда РФ о производстве в суде с участием присяжных заседателей, справедливо отмечает: «Но очевидно другое: присяжные ни на первом, ни на втором судебном заседании, не способны (в соответствии с уровнем своих знаний) решать вопрос о виновности подсудимых по сложным, многотомным делам» [3].

Очевидно, что суд присяжных в его нынешнем виде неэффективен; он не способен принимать законные, обоснованные и справедливые решения по уголовным делам. Одной из причин такого положения является то, что суд присяжных в его нынешнем виде необоснованно ограничивает права самих присяжных заседателей, прежде всего, на их участие в изучении обстоятельств рассматриваемого уголовного дела, в исследовании доказательств, представленных к рассмотрению в суд со стороны обвинения.

В то же время следует частично согласиться с проблемой, что присяжные заседатели по отдельным категориям дел не способны объективно оценить обстоятельства расследуемого события. Причиной этого являются следующие факторы: отсутствие у отдельных кандидатов в присяжные заседатели здравого смысла, жизненного опыта, знаний и представлений об окружающей действительности, используемых человеком в повседневной жизни при принятии ответственного решения. Данная проблема лежит в плоскости механизма осуществления качественного отбора и формирования коллегии присяжных заседателей, реализовать которой не всегда возможно как по объективным, так и по субъективным причинам. Судебная практика показывает, что большинство кандидатов в присяжные составляют пенсионеры, домохозяйки, безработные, то есть наименее активный социальный слой населения.

Недостаточная подготовка сторон к судебному разбирательству с участием присяжных заседателей и, как следствие, невозможность изложить представленную присяжным информацию на качественном и доступном языке. Более того, позиция государственного обвинения в суде напрямую зависит от качества предварительного следствия, ведь его результаты позволяют прокурору в суде эффективно обосновать несостоятельность версий, выдвигаемых защитой, оценить и исключить все недостоверные и сомнительные доказательства, имеющиеся в уголовном деле.

Таким образом, суд присяжных в России имеет ряд существенных недостатков, устранение которых поможет сделать этот институт более эффективным.

Несмотря на все отмеченные выше негативные моменты, стоит отметить, что расширение суда присяжных направлено на содействие развитию российского гражданского общества и формированию правовой культуры. Существенным обстоятельством является то, что введение института присяжных в районном суде позволит решить важную проблему – создание косвенного общественного контроля над за предварительным следствием. Участие присяжных в рассмотрении уголовных дел районными судами неизбежно приведет к профессионализации предварительного следствия на районном уровне и на благо общества в целом.

В городах с небольшой численностью населения, в райцентрах очень сложно сформировать жюри, которое бы удовлетворяло всем требованиям законодательства. Поэтому при формировании коллегии присяжных возникает вполне закономерный вопрос: где найти необходимое количество присяжных заседателей, которые не были бы знакомы с участниками уголовного дела, не проживали в этом же районе и ничего не знали о совершенном преступлении, принимая во внимание тот факт, что для небольших населенных пунктов совершение и раскрытие особо тяжкого преступления – это сенсация, обсуждаемая на каждом углу и в каждом доме. Расширился и перечень уголовных дел, которые могут рассматриваться судом присяжных. Изменения в законодательстве дают надежду на увеличение количества оправдательных приговоров. Присяжные в районных судах имеют право рассматривать дела с участием шести присяжных заседателей.

Суды присяжных более независимы, поскольку в отличие от профессиональных судей присяжные являются обычными людьми и не имеют профессиональной склонности к обвинительной предвзятости, а их материальное благополучие и карьера не зависят от системы правосудия. Присяжные не обязаны иметь юридическое образование, и критики судов присяжных говорят, что это может привести к предвзятым решениям в районных судах, но они с этим не согласны. По его мнению, система присяжных разделяет полномочия судьи и присяжных. Присяжные решают вопросы факта – было ли преступление или нет, виновен подсудимый или нет, а судья решает вопросы права – как следует вести доказывание, и какое наказание следует назначить.

Суд также имеет право увольнять присяжных за определенные нарушения. При этом вердикт присяжных является обязательным для судьи, а значит, его нельзя подкупить, и судьба человека напрямую от него не зависит. По мнению адвоката по уголовным делам, люди способны понять суть дела и принять справедливое решение.

На практике возник ряд серьезных проблем, связанных с формированием состава присяжных заседателей при рассмотрении дела в районном суде. Во-первых, территория может быть небольшой, где все друг друга знают и связаны между собой. Трудно подбирать присяжных и быть объективным при рассмотрении уголовных дел, когда существуют крепкие межэтнические, межтухумные связи. Так, Хасавюртовский районный суд республики смог сформировать состав присяжных лишь с шестой попытки, а в городе Избербаш – с восьмой. Кроме того, для принятия решения по делу присяжный заседатель не должен знать о рассматриваемом событии из уст знакомых, из средств массовой информации, а также не должен обсуждать ход дела дома.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев И. Н. Суд присяжных заседателей как угроза российской правовой системе // Уголовный процесс. – 2005. – № 5. – С. 52.
2. Бабкин А. И. Реформирование судебной системы не завершено. Совершенствование судопроизводства // Российский судья. – 2016. – № 4. – С. 8.
3. Божьев В. Пленум Верховного Суда РФ о производстве в суде с участием присяжных заседателей // Законность. – 2006. – № 4. – С. 5.
4. Демичев А. А. К вопросу о численности коллегии присяжных заседателей // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 3. – С. 37.
5. Коломенская С. А. Состав и численность коллегии присяжных заседателей в США // Российская юстиция. – 2007. – № 9. – С. 68.

ТАРИЧКО Ирина Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В современной России периода судебной реформы (формально начатой с 1991 года и продолжающейся по сей день) отдельные ученые и политики нередко высказывают предложения о необходимости деидеологизации отечественного уголовного процесса, что в большей степени детерминированно критическими оценками советского прошлого. В статье автор высказывает идею о том, что идеология - это инструмент, позволяющий социуму организовать свою практическую деятельность таким образом, чтобы полученный результат удовлетворял потребности людей, соответствовал вызовам современного времени.

Ключевые слова: уголовный процесс, идеология, менталитет, государство.

TARICHKO Irina Yurjevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the F. M. Dostoevsky Omsk State University

STATE IDEOLOGY AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE POLICY OF RUSSIA

In modern Russia during the period of judicial reform (formally started in 1991 and continuing to this day), individual scientists and politicians often make suggestions about the need to de-ideologize the domestic criminal process, which is more determined by critical assessments of the Soviet past. In the article, the author expresses the idea that ideology is a tool that allows society to organize its practical activities in such a way that the result meets the needs of people and meets the challenges of modern times.

Keywords: criminal process, ideology, mentality, state.

Этимологическое значение древнегреческого термина «идеология» раскрывается как наука об идеях. По мнению ученых одним из первых философов, применивших данный термин, был Платон [2, с. 21]. «В его размышлениях, – пишут Н. Н. Равочкин и С. М. Тагиев, – философский идеализм переплетается с глубоким интересом к социальным отношениям» [2, с. 21].

Родоначальником идеологии в науке по праву считают французского философа, экономиста Дестюта де Траси, который еще в XVIII в. вводит этот термин в научный оборот. По мнению О. Ребуля идеология в то время была тождественна научному анализу способности мыслить и в этом смысле противопоставлялась метафизике и психологии, означала позитивное знание и имела значение полностью противоположное нынешнему его пониманию [3, с. 21].

Постепенно идеология приобретает политическую окраску, что приводит к резко негативному к ней отношению. «В 20-30-х гг. XX в. … данным понятием охватили сложившиеся в тот период тоталитарные практики индоктринации и мобилизации, и идеологии прочно оказались за границей приемлемого в политике…» [6, с. 207].

Существенную роль в проявлении негативизма в отношении идеологии сыграли труды К. Манхейма, утверждавшего ложность идеологии, ее способность выступать в качестве инструмента в руках политической элиты для поддержания своего господства [6, с. 209].

Вместе с тем, анализ философских трудов приводит к выводу о том, что ложность идеологии выводится не из искажения реальной действительности, а скорее из ее частной, субъективной природы.

Серьезным этапом на пути трансформации идеологии стала выдвинутая западом и, в конечном счете, все же потерпевшая фиаско, концепция деидеологизации. Как отмечает В. Н. Прытков, острые драматические коллизии в социально-политической жизни Европы и США в 60-е годы убедительно доказали ненадежность и несостоятельность «теории деидеологизации». Более того, провозглашая «смерть» идеологии, эта концепция, по сути, сама была насквозь идеологической [1, с. 43].

Философский словарь под редакцией И. Т. Фролова определяет исследуемый термин как некую совокупность идеалов, ценностей, целей и взглядов, позволяющих общности людей выражать свое отношение к существующей социальной реальности, ее проблемам и конфликтам [4, с. 199]. Авторы словаря отмечают, что сущность идеологии проявляется в выражении отношения отдельной группы людей, детерминированное конкретными условиями жизни, экономическими и политическими интересами. Кроме того, она высвечивает потребности людей в социальных, моральных, духовных ценностях, помогает ориентироваться в обществе, формулировать цели и задачи практической повседневной деятельности [4, с. 199].

Означает ли это, что «живая» идеология неотделима от истории, в ней собраны, аккумулированы знания и ценности народа? Ответ представляется очевидным и положительным.

Знания представляют собой историческое прошлое, освоенный на протяжении нескольких поколений опыт жизнедеятельности, анализ собственных ошибок и достижений, проверка пригодности новых и «иноземных» институтов. Знания – подвергающиеся сомнению, изменяемые под воздействием новых условий, экспериментов, потребностей позволяют, с одной стороны, не допустить застоя идеологии, с другой – исключают сомнения в ее верности, истинности. Ценности формируются под влиянием религиозных, духовных, нравственных потребностей и предпочтений, поэтому более устойчивы, долговечны.

Ценности, черпающие силу в мировоззрении, выведенные из менталитета и традиций, напротив, дают стабильность, направляют основанную на знаниях деятельность людей в качественное, нужное русло, выступают своеобразным «фейс-контролем» знаний.

Идеология не плоха и не хороша – это инструмент, позволяющий социуму организовать свою практическую деятельность таким образом, чтобы полученный результат удовлетворял потребности людей, соответствовал вызовам современного времени.

Как представляется, данные характеристики полностью соответствуют и применимы к идеологии уголовного судопроизводства в её (пока теоретическом) идеальном варианте. Идеология уголовного процесса находится под влиянием идеологических установок государства, поэтому, за некоторыми изъятиями, содержит все те же элементы и характеристики, что и идеология в целом. Хотелось бы верить, что идеология все же будет лишена каких-либо оттенков и оце-

нок (социалистическая, тоталитарная, либеральная, и т.д.), а идеолог, будь-то отдельная личность или государство в целом, станет смотреть на нее как на эффективный инструмент организации деятельности в рамках уголовного процесса, позволяющий достигать социально значимых результатов.

Столпами уголовно-процессуальной идеологии также должны выступать история, менталитет и традиции. Именно на них, руководствуясь современными задачами, необходимо формировать национальную идеологическую линию, которая посредством закрепления в законе будет способствовать выстраиванию отечественной модели уголовного процесса.

Развернутый анализ исследуемого термина, его эволюции и трансформации представлен в многочисленных трудах отечественных ученых.

Такое внимание к идеологии, как концепту, обусловлено пониманием российской общественностью того факта, что объявленная в начале 90-х годов деидеологизация в очередной раз доказала свою неэффективность, так как привела к утрате ряда духовных ценностей, отказу от исторического опыта, пренебрежению российскими социальными и правовыми традициями. Весьма меткая оценка данной ситуации высказана В. Н. Шевченко: «Разрушение социалистической идеологии привело к глубокому идейно-ценностному кризису в нашей стране, к потере многими людьми понимания происходящих в обществе перемен и даже смысла их собственной жизни. До сих пор не решен вопрос о содержании и механизмах формирования новой системы ценностей. Наличие многочисленных идеологий (партийных, религиозных, молодежных и т.д.) не восполняет отсутствия в обществе такой совокупности общенациональных идеалов, ценностей и целей, которые разделялись бы значительной частью общества» [7, с. 201]. А ведь и правда, статья 13 Основного закона страны, словно испугавшись тяжелого тоталитарного прошлого, когда идеология была политическим средством подавления любого инакомыслия, орудием защиты интересов правящей советской элиты, ошибочно отказывается от инструмента, которым не умеет пользоваться. Теперь пусть лучше никакая идеология не будет существовать в качестве главной, определяющей вектор развития, пусть будет много и разных. И это тоже идеология - идеология навязанного западного либерализма, плюрализма, заигрывания в демократию. И это еще более пагубно, поскольку создает видимость, иллюзию свободы и демократии, а по сути, разобщает, выступает ширмой реально проводимой государственной (элитарной) идеологии, являющейся пропагандой интересов узкой группы либерально настроенных политиков. Но все же основа для единой национальной, народной идеологии заложена в Конституции РФ преамбулой: «Мы, *многонациональный народ* Российской Федерации, *соединенные общей судьбой* на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, *сохраняя исторически сложившееся государственное единство,* исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, *чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость*, возрождая суверенную государственность России и утверждая ее незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, *исходя из ответственности за свою Родину* перед нынешними и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации»[1].

Представляется, что политический плюрализм и идеологическое многообразие, во многом обеспечивают защиту от возврата к идеологии тоталитарного режима, не признающего и жестко подавляющего любое мнение, способное причинить ущерб господствующей политической элите. Вместе с тем эти демократические институты свободно развивающегося современного общества будут иметь положительный эффект только тогда, когда в своей базисной основе они опираются на единую национальную идеологию, если они хоть и выражают различные (скорее нюансовые) пути развития и организации общества, но все же поддерживаются и признаются социумом, поскольку опираются на вполне легитимные знания и ценности. В противном случае, мы как «лебедь, рак и щука» будем смотреть в разные стороны, раскачивая государственно-правовую систему, не способную найти баланс и опору за отсутствием четко осознаваемых точек соприкосновения.

Посмотрим с этих позиций на уголовное судопроизводство. С юридико-технической стороны его предназначение заключается вовсе не в правозащитной функции, как ее видят разработчики УПК РФ, а в реализации норм уголовного права. Известный русский юрист, профессор Санкт-Петербургского университета И. Я. Фойницкий, открывая свой Курс уголовного судопроизводства, пишет: «Право наказания создает для государства право на деятельность, имеющую задачей осуществление карательной власти в каждом отдельном случае. Каждый такой отдельный случай, рассматриваемый в видах осуществления права наказания образует уголовное дело, а установленный для рассмотрения таких дел порядок разбора называется уголовным процессом или уголовным судопроизводством» [5, с. 3].

Находились ли Уставы под влиянием какой-либо идеологии? Несомненно. Более того, без нее они и не состоялись бы в том масштабе и качестве, которые имели значение для всей последующей его истории. Идеологическая основа самих Уставов и судебной реформы в целом была обусловлена исторически и оформлена Указом императора Александра II Правительствующему Сенату: «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность» [8].

В 1862 году разработчики Уставов представили свое видение реализации императорского посыла. Вместе с тем, несмотря на коренную трансформацию идеологической модели, русский уголовный процесс, оставаясь в русле романо-германской правовой семьи, сохранил свой ключевой стержень, опору которого составляют «три кита» (соответствующие таким элементам идеологии как знания и ценности) – история, менталитет и традиция.

Вопросы идеологии современного уголовного процесса неоднозначно оцениваются учеными и сегодня. Опасения современных ученых относительно возвращения к заидеологизированности уголовного процесса вполне понятны и предсказуемы. Вместе с тем, необходимо осознавать, что и отказ от идеологии это утопия, способная привести к вакууму, создающему благоприятную почву для проникновения в тело уголовного процесса чуждых, сомнительных с точки зрения эффективности и противоречивости для российского уголовного судопроизводства западных основ построения модели уголовно-процессуального законодательства. Идеология уголовного процесса как система взглядов и положений должна, с одной стороны, исходить из потребностей практики, с другой – не противоречить, а соответствовать правовой и нравственной традиции российского права.

Пристатейный библиографический список

1. Прытков В. Н. Неустранимость и амбивалентность идеологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3.
2. Равочкин Н. Н., Тагиев С. М. Сущность идеологии в книге Антуана де Траси «Основы идеологии» // Настощи изследвания и развитие - 2014. Материали за X Международна научна практична конференция. 17-25 януари, 2014.
3. Ребуль О. Язык и идеология. М.: ИНИОН, 1997.
4. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Изд-во «Республика», 2001.
5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Изд-во «Альфа», 1996.
6. Хмылев В. Л. Концепт идеологии и его интеграция в современную эпоху// Известия Томского политехнического университета. 2006.
7. Шевченко В. Н. Идеология // Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Изд-во «Республика», 2001.
8. Указ императора Александра II Правительствующему Сенату // Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. С. 28.

1 Конституция РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.09.2023).

ИСАНБАЕВ Ильдар Салаватович
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

Исанбаев И. С.

ПРАВО АДВОКАТА ПРИСУТСТВОВАТЬ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОБЫСКА В ПОМЕЩЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ВОЛЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ

При проведении следственного действия, такого как обыск, лицом, ведущим расследование затрагиваются права не только прямо заинтересованных в исходе уголовного дела лиц, таких как потерпевшие, подозреваемые и обвиняемые, но и иных лиц, которые не всегда самостоятельно и квалифицировано могут защитить свои права и прибегают к помощи адвокатов. Автором в статье рассмотрены отдельные проблемные вопросы проведения обыска в помещениях организаций.

Ключевые слова: обыск, адвокат, организация, следователь, следственное действие

ISANBAEV Ildar Salavatovich
senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE RIGHT OF THE LAWYER TO BE PRESENT DURING THE SEARCH IN THE PREMISES OF THE ORGANIZATION OR THE WILL OF THE INVESTIGATOR

When conducting an investigative action, such as a search, the person conducting the investigation affects the rights of not only persons directly interested in the outcome of the criminal case, such as victims, suspects and accused, but also other persons who are not always able to independently and professionally defend their rights and resort to the help of lawyers. The author of the article considers some problematic issues of conducting a search in the premises of organizations.

Keywords: search, lawyer, organization, investigator, investigative action.

Возбудив уголовное дело, лицо, проводящее расследование должно установить все обстоятельства преступления и привлечь виновное лицо к уголовной ответственности или наоборот, установить его непричастность к преступлению, что соответствует принципу назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 УПК РФ, согласно которого уголовное судопроизводства имеет своим значением как защиту прав и законных интересов лиц, в том числе и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного преследования.

По уголовно-процессуальному законодательству следователь имеет определенную самостоятельность (ст. 38 УПК РФ). Но это эта самостоятельность имеет правовые границы, отраженные в принципах уголовного судопроизводства, таких как законность, охрана прав и свобод человека, презумпция невиновности, обеспечение права на защиту и т.д. И от того, какие решения будут приняты о необходимости проведения следственных действий, а точнее своевременность их проведения на начальном этапе расследования, зависит полнота расследования, получение достаточной доказательственной базы в кратчайшие сроки.

При промедлении расследование по нему может выйти за рамки разумных сроков, в связи с этим необходимо в ходе предварительного следствия доказательственной информации получить как можно больше и что более важно достоверной. За редким исключением, особенно если это касается уголовных дел, где фигурируют организации, уголовные дела обходятся без обыска [1].

Рассмотрение истории возникновения и развития обыска имеет определенные сложности, которые заключаются в том, что понятийный аппарат современного отечественного законодательства кардинально отличается от понятий и терминов, которые использовались ранее, как например по Судебнику 1550 года доказательствами вины подозреваемых были обыски повальный и общий. Под общим обыском подразумевался опрос населения по совершенному преступлению, под повальным опрос в отношении конкретного лица, подозреваемого в совершении преступления [2, с. 17].

Таким образом, суть обыска сводилась к мероприятиям, связанным с опросом различных групп лиц с целью установлению информации о совершенном преступлении или информации о подозреваемом лице, а не по поисковым мероприятиям в каком-либо месте.

Обыск, направленный на собирание доказательств в помещении, нашел свое отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, по которому обыск можно проводить в домах, жилых помещениях только в случае наличия оснований подозрения, что в них обвиняемый скрыл необходимые для дела предметы преступления, вещественные доказательства. Обыск необходимо проводить только в присутствии понятых и хозяине дома. По Уставу был определен круг лиц имеющих право проводить обыск, а именно мировым судьей или местной полицией по его поручению, в случае невозможности проведения обыска лично [3, с. 23, 56].

В действующем уголовно-процессуальном законе основанию производства обыска и его порядок посвящена ст. 182 УПК РФ, но самого определения обыска в ней не дано. Обыск проводится на основании постановления следователя, а в жилище, на основании судебного решения. Обыск проводится в связи с необходимостью предотвращения со стороны заинтересованных лиц возможного сокрытия или уничтожения имеющих для уголовного дела значение доказательств.

Определенный интерес вызывает обыск в помещениях организаций и учреждений, отличающийся от обыска в жилище.

Так, обыску в жилище уделено значительное внимание, что связано с вторжением в личную жизнь не только подозреваемого, но и лиц, в жилище которых планируется провести следственное действие, получением решения суда. Обыск в помещении организации, как правило не требует судебного решения, но также затрагивает права и интересы иных лиц. Так же само следственное действий может отличаться по размерам помещения, в котором проводится обыск, по количеству лиц, задействованных в следственном действии. В связи с чем планирование и подготовка к проведению обыска требует определенного времени для решения организационных вопросов, выбора тактики его проведения, так как при проведении обыска в помещении зачастую могут возникнуть непредвиденные обстоятельства.

По мнению многих авторов обыск представляет собой принудительное следственное действие [4], [5], производство которого для правоохранителей является запланированным, подготовленным следственным действием, в то время как для обыскиваемых, наоборот, как правило является абсолютно неожиданным для них, с юридической стороны, неподготовленным мероприятием.

Обыск, проводимый в помещении организации, сопряжен с ограничением конституционных прав как физических, так юридических лиц на неприкосновенность частной жизни, свободное использование своего имущества для предпринимательства. Проведение обыска подразумевает собой активные действия, такие как, принудительное изъятие предметов, документов и электронных носителей информации, предполагает вскрытие помещений, некоторое повреждение имущества, определённые ограничения прав и свобод лиц, находящихся в обыскиваемом помещении и как следствие приостановление деятельности юридического лица, тем самым затрагивает интересы юридического лица, который не имеет процессуального статуса в уголовном деле.

В соответствии с ч. 11 ст. 182 УПК РФ обыск производится с участием лица, в помещении которого он производится. Также, при производстве обыска вправе присутствовать адвокат лица, в помещении которого производится обыск. На практике адвокат не всегда допускается к участию в данном действии несмотря на то, что такое право им заявляется.

Так, определением Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2020 жалоба ООО «Мечел-Кокс» на нарушение конституционных прав и свобод п. 3 ч. 2 ст. 38 и ч. 11 ст. 182 УПК РФ признана не подлежащей дальнейшему рассмотрению. Вместе с тем, судом установлено, что в помещениях ООО «Мечел-Кокс» были произведены обыска, к производству указанных следственных действий адвокат организации, прибывший на место проведения обыска, после начала его проведения, допущен не был. Действия правоохранительных органов, выразившихся в недопуске адвоката к проведению обысков, были обжалованы в судебном порядке. Центральный районный суд г. Челябинска постановлением от 26.07.2018 отказал в удовлетворении жалобы. Челябинским областным судом апелляционным постановлением от 17.09.2018, а также в кассационных инстанциях постановлениями Челябинского областного суда от 08.02.2019 и Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2019 вышеуказанное постановление от 26.07.2018 оставлено без изменения. Основанием для принятия указанных решений явилось отсутствие адвоката в месте проведения обыска на момент начала его производства и отсутствие ходатайства о допуске его к проведению обыска, перед началом его проведения [6].

Однако, как было сказано выше, для лиц, в помещениях которых планируется провести обыск, указанное следственное действие должно быть неожиданным. В связи с этим, присутствие адвоката в месте, где планируется провести обыск, до его начала, представляется затруднительным, что также касается подготовки различных ходатайств со стороны защиты, направленных на предугадывание всевозможных следственных действий в будущем.

В первоначальной редакции УПК РФ 2001 года защитник, а также адвокат лица, в помещении которого производится обыск только с разрешения следователя, могли присутствовать при его проведении. В данном случае с постановлением Центрального районного суда г. Челябинска от 26.07.2018 можно было бы согласиться. Но уже в следующей редакции в 2002 году Федеральным законом № 58-ФЗ от 29.05.2002 «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ» ч. 11 ст. 182 УПК РФ претерпела существенное изменение, которое осталась неизменной и на сегодняшний день.

В связи с этим, Конституционный Суд РФ в вышеуказанном определении от 14.01.2020 пояснил, что положения ч. 11 ст. 182 УПК РФ, не только предоставляют право адвокату лица, в помещении которого производится обыск, присутствовать при его проведении, но как следствие возлагают на следователя обязанность обеспечить возможность осуществления данного права, а отказ в допуске адвоката к проведению данного следственного действия следует считать нарушением уголовно-процессуального закона.

В связи со сказанным, в целях единого понимания, как стороной обвинения, так и защиты, положений ч. 11 ст. 182 УПК РФ, охране прав и свобод человека и гражданина, считаем возможным дополнить указанную часть, что в случае если защитник или адвокат лица, в помещении которого производится обыск, заявит свое право присутствовать при производстве обыска, то следователь обязан предоставить данное право, без приостановления производства обыска. Тем самым, следственное действие не будет прервано или оказано противодействие его проведению, но в полной мере будут защищены права заинтересованных лиц, в помещениях организаций которых осуществляется обыск.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек.2001 г. № 174-ФЗ // Сборник законодательства РФ. – 2001. - № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.
2. Введенский А. Ю., Королев Б. И. Развитие органов розыскной деятельности Российского государства в XV-XVII веках // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 15-20.
3. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: (в 4-х частях). – Санкт-Петербург, 2015. – 173 с.
4. Моругина Н. А., Сидорова Е. И. Обыск: понятие, некоторые виды и особенности производства в современных условиях // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 245-250.
5. Нугаева Э. Д. Обыск: виды и тактика его производства // Право: ретроспектива и перспектива. – 2022. – № 3 (11). – С. 57-66.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 № 4-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Мечел-Кокс» на нарушение конституционных прав и свобод п. 3 ч. 2 ст. 38 и ч. 11 ст. 182 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

КУЗНЕЦОВ Александр Александрович
аспирант Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Кузнецов А. А.

ПРАВА ЗАЩИТНИКА ОБВИНЯЕМОГО И ИХ ГАРАНТИИ

В статье рассматриваются отдельные проблемы обеспечения прав защитника обвиняемого, а также их гарантий в ходе осуществления уголовного производства. Выделены основные нормативные особенности правового положения защитника, в том числе в контексте осуществления прав в рамках производства отдельных процессуальных действий. На основании проведенного анализа автором были даны некоторые рекомендации в области дальнейшего совершенствования правового регулирования деятельности защитника обвиняемого и обеспечения соответствующих прав на институциональном уровне.

Ключевые слова: защитник, обвиняемый, правовые гарантии, адвокат, преступления, процессуальный статус, процессуальные действия, правовое регулирование.

KUZNETSOV Alexander Alexandrovich
postgraduate student of the Institute of Public Administration and Management of the RANEPA under the President of the Russian Federation

THE RIGHTS OF THE DEFENDER OF THE ACCUSED AND THEIR GUARANTEES

The author analyzes some problems of ensuring the rights of the defender of the accused person and its guarantees during the implementation of proceedings in cases of criminal offenses. The author considers the main normative features of the legal status of the defender, including those in the context of the exercise of rights within the institutional framework of the production of individual procedural actions. Based on the analysis the author made some recommendations in the field of further improvement and implementation of the legal-normative regulation of the activities of the defender of the accused person and ensuring appropriate rights at the institutional level.

Keywords: defender, accused person, legal guarantees, lawyer, crime, procedural status, precedural actions, legal regulation.

Право на защиту, гарантированное лицу, в отношение которого ведется уголовное преследование, как Конституцией РФ, так и положением части 1 статьи 16 УПК РФ, является комплексным понятием, которое включает в себя как гарантии судебной защиты нарушенных прав и интересов, так и законодательно установленную систему возможностей по защите от предъявленного обвинения (подозрения) в уголовном процессе [2]. Получение квалифицированной юридической помощи представляется одной из базовых гарантий реализации названного права. Таким образом, 48 статья Конституции РФ, содержащая гарантии получения квалифицированной юридической помощи каждому, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также иных обстоятельств, является базовой нормой, определяющей процессуальный статус защитника.

Оказание квалифицированной юридической помощи может осуществляться только юристом – то есть, специалистом с высшим юридическим образованием. Однако для оказания квалифицированной юридической помощи в рамках уголовного процесса одного высшего юридического образования недостаточно. Для оказания квалифицированной юридической помощи лицу, в отношении которого ведется уголовное преследование, согласно части 2 статьи 49 УПК РФ, допускаются только адвокаты, то есть лица, обладающие соответствующим статусом. Представляется, что данное положение закона направлено на предоставление дополнительных гарантий лицам, в отношении которых ведется уголовное преследование, в получении квалифицированной юридической помощи, в силу того, что адвокат не только обладает необходимой квалификацией, но и несет дополнительную ответственность за свою работу. Соответственно, часть нормативных положений, составляющих основу процессуального статуса защитника, содержится в законодательстве об адвокатской деятельности.

Детальное описание полномочий и прав при осуществлении защитниками процессуальных правоотношений содержится в УПК РФ. Здесь необходимо выделить части 3 и 4 статьи 49 УПК РФ, регламентирующую момент вступления защитника в уголовное дело и наделение его соответсвующим объемом полномочий. Часть 1 и 2 статьи 53 УПК РФ, содержащую детальное описание прав защитника, которыми он наделяется с момента вступления в уголовное дело. Часть 3 статьи 86 УПК , наделяющую защитника полномочиями по сбору доказательств. Также стоит упомянуть и достаточно свежую норму ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ, наделяющую защитника правом привлекать специалиста для разъяснения некоторых вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что нормативная основа процессуального статуса защитника представляет собой совокупность ряда правовых положений.

В действующем российском уголовном судопроизводстве защитником является лишь лицо, осуществляющее защиту прав подозреваемого или обвиняемого. Однако многие исследователи отмечают, что свидетель, а также иные лица, привлекаемые на стадии проверки сообщения о преступле-

нии и возбуждении уголовного дела (например, те, в чьих помещениях проводится обыск), также должны наделяться правом на защиту, а адвокаты, оказывающие им правовую помощь, – статусом защитника и соответствующими полномочиями. На сегодняшний же день статус лица, оказывающего правовую помощь, никак не регламентирован законодательством и разработан лишь на теоретическом уровне [5, с. 315].

Объем полномочий защитника характеризуется двойственной природой: с одной стороны, защитник наделен автономной правосубъектностью, позволяющей ему реализовывать те права, которыми его наделяет закон. С другой стороны, полномочия защитника неразрывно связаны с полномочиями лица, которого он защищает, так как защитник наделяется процессуальными правами лишь с момента обретения им соответствующего процессуального статуса. Некоторые исследователи предлагают классификацию способов, средств и форм защиты в зависимости от субъекта, реализовывающего соответствующие права: право давать показания или отказаться от дачи показаний может быть использовано только подозреваемым либо обвиняемым, а, например, свидание с обвиняемым, право на присутствие и участие во всех процессуальных действиях представляют собой эксклюзивные полномочия защитника. Третьи средства защиты представлены в уголовно-процессуальном законодательстве, как для обвиняемого, так и для защитника. Такими могут быть представления доказательств, заявление отводов участникам уголовного судопроизводств, представление ходатайств, ознакомление с материалами уголовного дела и т.д. [3].

С точки зрения реализации прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи в правовой науке особенно подчеркивается важность следующего набора процессуальных прав:

1. Права защитника на беспрепятственные конфиденциальные встречи и конфиденциальное общение с обвиняемым [4] без каких-либо временных ограничений по продолжительности. Недопустимо в произвольном порядке как-либо ограничивать права защитника на свидания и коммуникации с обвиняемым, поскольку такие действия рассматриваются как препятствование законной деятельности защитника.

2. Право знакомиться с любыми материалами дела, которое находится в рамках рассмотрения, включая право выписывать из дела любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии с материалов дела, в том числе с помощью технических средств. Данное право призвано обеспечить стороне защите те же сведения, полученные на стадии расследования, что и сведения, которые имеются у стороны обвинения.

3. Право представлять доказательства суду во время судебного рассмотрения и разбирательства в судах первой, второй и надзорной инстанций, а также во время процедуры, связанной с процессом исполнения приговора. Даже в случае вынесения отрицательного для обвиняемого решения по делу защитник должен продолжать оказывать квалифицированную юридическую помощь в случае, когда такая помощь является обвиняемому необходимой.

4. Право заявлять ходатайства и отводы в ходе судебных процедур, что напрямую коррелирует с правом участвовать в судебных процедурах.

5. Право составлять и приносить жалобы на решения дознавателя, следователя, прокурора, суда и участвовать во время их рассмотрении.

6. Право участвовать в допросе обвиняемого, а также во всех других следственных действиях, в которых необходимо участие обвиняемого. Смысл этого права состоит в том, что защитник, который присутствует при производстве следственных действий, может (и должен) давать обвиняемому небольшие юридические консультации, задавать с разрешения следователя вопросы другим допрашиваемым следователям лицам, делать письменные замечания в протоколе по поводу правильности и полноты записей проведенных следственных действий. Хотя следователь может отвести вопросы защитника, но он обязан занести отведенные вопросы в протокол следственного мероприятия, который будет использоваться в судебном процессе. И сам факт наличия в следственном протоколе отведенных вопросов защитника может повлиять на судебный процесс.

7. Право находиться в момент предъявления обвинения обвиняемому рядом с обвиняемым.

8. Право знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами любых следственных действий, произведенных с участием обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись обвиняемому.

9. Право на привлечение экспертов и специалистов в досудебных и судебных процедурах в интересах обвиняемого [10]. При этом эксперты должны обладать соответствующими профессиональными знаниями и компетенциями в тех областях, в которых требуется проведении экспертизы.

10. Право на получение сведений и информации (например, характеристик, справок, выписок или любых других документов) посредством адвокатского запроса [11]. На практике это право оказывается ограниченным существенным образом, если сведения необходимо сохранить в тайне по причине наличия элементов врачебной, банковской, коммерческой, налоговой, нотариальной тайны и т.д. Кроме того, специалисты [1] подчеркивают, что существует процессуальное неравенство в силе адвокатского запроса и запроса следователя или дознавателя, у которого явно больше правовых, институциональных и административно-распорядительных полномочий, что приводит к многочисленным правоприменительным и доктринальным коллизиям во время судебного процесса. Существующие варианты реформирования адвокатуры связаны, в том числе, с необходимостью устранения сложившихся процессуальных диспропорций.

11. Право защитника на опрос лиц с их согласия для оказания квалифицированной юридической помощи [7]. Разумеется, это право ограничивается необходимостью наличия согласия опрашиваемых лиц. Вторая институциональная сложность состоит в том, что отсутствует нормативно предписываемая форма протокола или акта опроса, куда можно было бы заносить соответствующие сведения, что не только порождает ситуацию институциональной неопределенности, но и может привести к сложностям использования полученных с помощью опроса сведений во время судебного заседания.

12. Некоторые специалисты отдельно выделяют право защитника на проведение полноценного адвокатского расследования [6], как сбор доказательств защиты всеми спосо-

бами, не запрещенными законом. Это логичное и разумное соединение отдельных прав на привлечение специалистов, проведение опросов других лиц, получение сведений и документов от организаций, сбор предметов, имеющих отношение к рассматриваемому делу и т.п. По сути, речь идет о праве, процессуально близком к правам лиц, которые профессионально занимаются частной детективной деятельностью, что визуально напоминает, известную по голливудскому кинематографу, работу западных адвокатов. В российских нормативно-правовых реалиях защитник, по сути, не может заниматься подобной деятельностью, для осуществления которой требуется отдельная профессиональная лицензия. Но ничего не мешает защитнику нанять частных детективов для сбора информации в интересах обвиняемого.

Права защитника являются не только возможностями, которыми наделяет его законодатель, но и необходимыми структурно-правовыми элементами, обеспечивающими полноту и профессионализм защиты интересов обвиняемого. Нарушение или ограничение любого из указанных выше прав неизбежно приводит к прямому нарушению конституционного права обвиняемого на получение юридической помощи, поскольку без возможности реализации соответствующих прав качество оказываемой защитником профессиональной помощи снижается. При таких условиях оказывается невозможным говорить о полном юридическом равенстве и состязательности сторон, участвующих в судебных процессах.

Гарантии прав защитника отражены в ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Прежде всего, речь идет об адвокатской тайне: не допускается истребование от защитников конкретных сведений, которые могут раскрыть характер оказания юридической помощи.

Одной из важных гарантий обеспечения прав защитников является юридический иммунитет от любого вида административного, уголовного и/или гражданского судебного преследования, вызванного советами или другими действиями в защиту обвиняемого. Подобный иммунитет является необходимой мерой правовой защиты, особенно в ситуациях, когда защитник ведет т.н. «резонансные дела», которые привлекают внимание СМИ, общественных организаций или государственных органов. Обеспечение прав защитников является необходимым элементом правосубъектности защитника, без наличия которого защитники не смогут свободно и открыто представлять интересы своих клиентов.

Эффективная защита прав обвиняемого невозможна без дальнейшего развития и трансформации института адвокатуры – одного из ключевых социально-правовых институтов гражданского общества. Одним из наиболее перспективных способов нормативной регламентации, укрепления и существенного расширения прав защитников является введение института адвокатской монополии на судебное представительство [9]. Обсуждения на эту тему среди экспертов, чиновников и журналистов ведутся уже много лет. Принятие подобного законопроекта все время откладывается: первоначально планировали на 2017 год, затем на 2022, теперь на 2024. Однако нужно учесть, что Правительство России в лице Минюста и Администрации Президента заинтересовано не столько в обеспечении защитникам исключительных прав на судебное представительство как в уголовных и административных делах, сколько в общем структурировании и транспарентизации рынка оказания юридических услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Булычев Е. Н., Парвазова Д. Р. Проблемы реализации адвокатом права на получение сведений и информации посредством адвокатского запроса // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 2 (27). – С. 47-51.
2. Богдановская В. А. Конституционное право на защиту: проблемы реализации // Адвокат. – 2005. – № 2. – С. 28.
3. Харзинова В. М. Защитник в уголовном процессе // Бизнес в законе. – 2014. – № 2. – С. 259.
4. Гусятников П. П., Гусятникова П. П. Право адвоката на беспрепятственные встречи и коммуникации со своим доверителем // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2016. – № 2. – С. 104.
5. Кузнецова Н. А. Адвокат, оказывающий юридическую помощь свидетелю, как участник уголовного процесса // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 20. – С. 314-318.
6. Киселев П. П. Основные положения концепции адвокатского расследования // Eurasian Advocacy. – 2016. – № 4 (23). –С. 26-34.
7. Кронов Е. В. Опрос защитником-адвокатом лиц с их согласия: сущность, значение, механизм производства // Адвокатская практика. – 2008. – № 3. – С. 3.
8. Мурзина Л. И., Казакова М. А. Административно-процессуальный статус лиц, защищающих и представляющих интересы других лиц // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7. № 1925. – С. 25-30.
9. Петрякова А. В. Адвокатская монополия в России: pros & cons // Адвокатская практика. – 2020. – № 5. – С. 9-15.
10. Рагулин А. В. Право адвоката-защитника на привлечение специалиста: проблемы реализации и пути их решения // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2012. – № 2. – С. 58.
11. Слепова В. В., Шарапова Р. А., Скачкова О. С. К вопросу о проблемах применения адвокатского запроса // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2019. – Vol. 10-2(37). – С. 152-154.

КУРЛЫШЕВ Андрей Олегович
магистрант 2 курса Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ АДВОКАТА ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Деятельность адвокатов является важнейшим институтом гражданского общества в России, которая объединяет их в профессиональную корпорацию, действующую на принципах гуманизма, законности, самоуправления и независимости. Представители данной профессии в виде адвокатов по назначению должны оказывать юридическую помощь каждому лицу, поскольку это является конституционной обязанностью, возложенной на них государством.

В настоящей статье анализируются проблемы участия в уголовном судопроизводстве адвокатов по назначению и предлагаются конкретные способы решения этих проблем в ближайшей и отдалённой перспективе.

Ключевые слова: адвокат, право на защиту, обвиняемый, подозреваемый, карманный адвокат.

KURLYSHEV Andrey Olegovich
magister student of the 2nd course of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ABOUT SOME PROBLEMS OF PARTICIPATION IN THE CRIMINAL PROCESS OF A LAWYER BY APPOINTMENT

The activity of lawyers is the most important institution of civil society in Russia, which unites them into a professional corporation operating on the principles of humanism, legality, self-government, and independence. Representatives of this profession in the form of lawyers by appointment must provide legal assistance to each person, since this is a constitutional obligation imposed on them by the state.

This article analyzes the problems of participation in criminal proceedings by appointed lawyers and suggests specific ways to solve these problems in the near and long term.

Keywords: lawyer, right to defense, accused, suspect, pocket lawyer.

Каждому в Российской Федерации гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи, а в некоторых случаях и бесплатной. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право на помощь адвоката с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения[1]. Реализацию этого права государство обеспечивает благодаря адвокатам по назначению.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) закрепляет конституционное право в качестве одного из принципов уголовного процесса обеспечения обвиняемому и подозреваемому права на защиту. Так, в случаях предусмотренных УПК РФ, обязательное участие защитника и (или) законного представителя подозреваемого или обвиняемого обеспечивается должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, а в некоторых случаях, они (подозреваемые или обвиняемые) могут пользоваться помощью защитника бесплатно[2].

Одной из распространённых проблем в российском уголовном процессе является то, что сторона обвинения старается обеспечить подозреваемого, обвиняемого адвокатом по назначению, который является более лояльным нежели адвокат по соглашению. Таких адвокатов на практике именуют «карманными адвокатами», то есть это такие адвокаты, которые являются адвокатами по назначению и работают по большей части в интересах стороны обвинения, а судьба своего подзащитного им по большому счету безразлична, поскольку деньги таким адвокатам платит государство, а не обвиняемый, следовательно стимула как-то усердно трудиться для наиболее качественной защиты прав и законных интересов своего клиента у них нет.

Чурилов так даёт определение карманному адвокату: «это адвокат, осуществляющий мнимую защиту, лишенный процессуальной самостоятельности и обслуживающий интересы стороны обвинения».

Несколько лет назад на проблему обратили внимание и решили наделить Совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации полномочиями по определению порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве[3]. Смысл этих нововведений состоял в том, что в адвокатской среде была внедрена автоматическая информационная система адвокатской палаты, которая предполагала назначение адвоката по случайной выборке через специальную заявку. То есть следователь размещает в специальном приложении заявку о необходимости участия адвоката в деле, случайно попавшийся адвокат выбирает заявку и пребывает для участия в следственном деле.

Казалось бы, что нововведение можно оценить сугубо положительно, поскольку это позволяет решить проблему

1 Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 29.08.2023).

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 29.08.2023).

3 О внесении изменений в статьи 31 и 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: Федеральный закон от 29.07.2017 № 269-ФЗ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 29.08.2023).

«карманных адвокатов», ведь сторона обвинения не знает кто будет адвокатом и все как бы встречаются впервые. Однако подобное решение не искореняет проблему полностью, поскольку на практике часто следователи просто не используют подобную систему, вызывая адвокатов из своего телефонного справочника или просто договорившись с адвокатом, который будет в ту же минуту, как следствие подало заявку, отвечать на неё в системе.

Так, в Ямало-Ненецком автономном округе (далее по тексту – ЯНАО) Адвокатская палата региона лишила статуса адвоката за ненадлежащую защиту и обход автоматизированного порядка распределения заявок на защиту по назначению. В мае 2020 г. в Адвокатскую палату ЯНАО поступили две жалобы в отношении адвоката Л. В обеих жалобах заявители указали, что адвокат Л. помогала следствию обмануть их, подписала протоколы их допросов с показаниями, не соответствовавшими действительности. В суде выяснилось, что адвокат Л. не получала заявок на ведение уголовных дел заявителей жалоб. Но при этом с 01.07.2019 по 25.05.2020 через автоматизированную систему автоматического распределения поручений по назначению Адвокатской палатой ЯНАО адвокату Л. было направлено 28 заявок. Она приняла 23, а 5 оставила без ответа. Кроме того, адвокат Л. не направляла заявления об отказе от участия в автоматизированной системе. Из этого суд сделал вывод, что сведения об адвокате Л. были в автоматизированной системе Адвокатской палаты ЯНАО и, вопреки ее доводам, она была участником системы.

Таким образом, можно констатировать, что проблемы до сих пор остаются актуальными и их следует решать. Способы могут быть следующие: ужесточение ответственности недобросовестных адвокатов и прибегающих к их помощи нерадивых следователей; борьба с «палочной» системой в правоохранительных органах; признание недопустимыми доказательств, полученных в результате следственных действий с участием «карманных» адвокатов.

Всегда существовали также проблемы с оплатой труда адвокатов по назначению, поскольку ставки являлись мизерными, однако за последние годы очень много сделано положительного в данном аспекте. Так, в июле 2023 года Министерство финансов России представило проект Постановления Правительства РФ «Об индексации в 2023 году размера вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, и внесении изменений в п. 22(1) Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации»[4]. Данным Постановлением предусматривается проиндексировать размер вознаграждения адвоката по назначению на 5.5 % (предыдущая индексация была 4 %). Таким образом, Минфин отреагировал на довольно частые жалобы со стороны адвокатского сообщества о недостаточных жалованиях адвокатов по назначению[5].

Однако, проанализировав текст данного Постановления с учетом доработок по итогам публичного обсуждения (это можно даже по названию понять), не удалось обнаружить, к сожалению, индексацию сумм вознаграждения адвокатам по назначению, которые участвуют в гражданских и административных делах. Представляется, что труд адвокатов по данным категориям дел не является менее значимым, чем труд адвоката в уголовном деле, да и по степени своей сложности гражданские и административные споры не уступают уголовным делам, а порой даже и опережают их. Всё же данный проект Постановления стоит оценить положительно в уголовном процессе, поскольку повышение размеров вознаграждения адвокатов по назначению повысит качество оказываемой юридической помощи, финансовую стабильность юристов в данной сфере и т. д.

Пристатейный библиографический список

1. Чурилов Ю. Ю. «Карманный адвокат» // Уголовный процесс. - 2009. - № 12. - С. 36-40.
2. Виноградов А. В. Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат // Уголовный процесс. - 2021. - № 6.

4 Об индексации в 2023 году размера вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, и внесении изменений в пункт 22(1) Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации: Проект Постановления Правительства РФ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://regulation.gov.ru. (дата обращения: 29.08.2023).

5 Проверено качество работы государственных защитников – Иван Петров. // Российская газета - Федеральный выпуск: №40(8094), 25.02.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2020/02/25/provereno-kachestvo-raboty-gosudarstvennyh-zashchitnikov.html?ysclid=llx4m2am4t399169971 (дата обращения: 29.08.2023).

ЛАНТУХ Эдуард Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры общеправовых дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

ЛАНТУХ Наталия Викторовна
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России

ЧАСОВНИКОВА Ольга Георгиевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

ПЕДАГОГ И ПСИХОЛОГ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматривается ряд процессуальных вопросов относительно вопроса участия в уголовном производстве педагога и психолога. Рассматриваются эффективность и целесообразность вызова педагога или психолога при уголовном производстве в отношении несовершеннолетних. Обосновывается критерий выбора между ними.

Ключевые слова: уголовный процесс, педагог, психолог, следственных действия.

LANTUKH Eduard Vladimirovich
Ph.D. in Law, associate professor Head of General legal disciplines sub-faculty of the Leningrad regional branch of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

LANTUKH Nataliya Viktorovna
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal process sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

CHASOVNIKOVA Olga Georgievna
Ph.D. in Law, associate professor of Labor law sub-faculty of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia

PEDAGOGUE AND PSYCHOLOGIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS INVOLVING MINORS

The article discusses a number of procedural issues regarding the issue of participation in criminal proceedings of a teacher and a psychologist. The effectiveness and expediency of calling a teacher or psychologist in criminal proceedings against minors are considered. The criterion for choosing between them is substantiated.

Keywords: criminal process, pedagogue, psychologist, investigative actions.

Защита прав детей в уголовном процессе – это не только этическая обязанность, но и необходимость в обеспечении справедливого и честного рассмотрения дела. На протяжении истории существования юридических систем, дети являлись наиболее уязвимыми членами общества и подвергались различным формам нарушений своих прав. Именно поэтому важно обеспечивать надлежащую защиту их прав в ходе уголовного процесса.

Во-первых, дети, как правило, не обладают достаточным пониманием уголовного процесса и часто испытывают стресс, страх и дискомфорт, будучи вовлеченными в него.

Во-вторых, они должны иметь равные возможности и права, как и взрослые, чтобы развиваться и реализовывать свой потенциал. Защита прав детей в уголовном процессе - это важный шаг к созданию справедливого и безопасного общества, защищающего интересы всех своих граждан.

В-третьих, ошибка в уголовном процессе может привести к серьезным последствиям для ребенка, включая неправомерное лишение свободы и нарушение других прав. Такие ошибки могут иметь серьезный негативный эффект на жизнь и будущее ребенка.

Проблема криминального поведения несовершеннолетних остается одной из самых острых в современном обществе. Согласно данным правовой статистики генеральной Прокуратуры РФ, лишь за период с января 2022 года по декабрь этого же года несовершеннолетними было совершено 26305 преступлений, из которых 6380 подростков уже ранее совершали преступления. Хоть подобная статистика отмечает положительную динамику по уменьшению количества ювенальных преступлений (в 2021 году количество преступлений, совершенных лицами в возрасте до 18 лет – 29126, а 2020 году – 33575), однако для государства преступность детей остается одной из наиболее актуальных проблем развития законодательства. [2] Совершение общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законодательством, не только серьезная проблема для самих несовершеннолетних, но и для всего общества в целом. Необходимость привлечения специалистов в области психологии и педагогики обуславливается необходимостью наиболее чуткого отношения к защите прав и законных интересов детей. Именно эти специалисты способны обеспечить наиболее благоприятный психологический и эмоциональный результат уголовного процесса для несовершеннолетнего.

Участником уголовного процесса несовершеннолетний может стать по целому ряду оснований и обстоятельств. Так, лицо, не достигшее возраста 18 лет может быть вовлечено в уголовный процесс в качестве потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, в исключительных случаях гражданского ответчика, а также свидетеля.

Учитывая возрастные особенности несовершеннолетних лиц, особенно лиц в возрасте до 16 лет, несомненно оказывающие влияние на социально-психологическое состояние такого лица (в данном возрасте личность и ее осознанность находятся лишь на стадии формирования), законодатель считает целесообразным введение особых правил реализации уголовного процесса с участием лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

Присутствие педагога или психолога при производстве следственных действий с несовершеннолетними обуславливается общей целью обеспечения защиты прав и интересов ребенка, а также помощи ему в понимании и осознании происходящего с ним следственного действия. Акцентируем внимание на том, что производство следственных действий с участием несовершеннолетних может оказать на них психотравмирующее воздействие, законодатель, предусматривая этот аспект вводит в процесс лиц, способных это воздействие минимизировать. Присутствие педагога и психолога может уменьшить стресс и напряжение у ребенка, что может улуч-

шить его психологическое состояние и способствовать более полному раскрытию правды.

Вызов педагога или психолога позволяет обеспечить правильное проведение процессуальных действий, позволяющих повысить результативность их проведения. Педагог или психолог, более осведомлен и компетентен в ряде психологических аспектов ведения работы с ребенком. Так, он должен учитывать возрастные характеристики памяти детей, внушаемость детей и особенность формы коммуникации с ними.

В ходе допроса специалист должен обращать внимание на использование несовершеннолетним несвойственных его возрасту, образованию и уровню развития выражений и форм высказывания. Это может указывать на то, что позиция, высказанная допрашиваемым, возможно была ему навязана другим лицом [4].

В вопросе выбора следователем педагога и психолога законодатель также предусмотрел ряд ограничений, согласно которым должна происходить дифференциация в выборе вида специалиста. В ст. 280 УПК РФ при допросе потерпевших и свидетелей до 14 лет обязательное участие именно психолога, а ст. 190 УПК РФ закрепляет обязательное участие только психолога.

Педагогический эксперт может быть назначен для оценки психологических особенностей обвиняемого. Этот эксперт может провести анализ социальной среды обвиняемого, его уровня образования и развития, чтобы определить, насколько обвиняемый мог понимать свои действия и причинно-следственные связи между деянием и наступившими последствиями. Кроме того, педагогический эксперт может оценить образовательный уровень несовершеннолетнего участника уголовного процесса. Тактика проведения допроса должна строится на этичных методах. Психолог не должен задавать наводящие вопросы, обязан выбирать понятные несовершеннолетнему формулировки, эмоционально не давить на него.

Психологический эксперт играет важную роль в уголовном процессе. Он может провести оценку психологического состояния обвиняемого и потерпевшего. Также психологический эксперт может оценить, была ли у потерпевшего психологическая травма или нарушение психического здоровья до или в результате преступления.

Педагоги и психологи могут также выступать в качестве консультантов по уголовному делу. Педагоги и психологи могут давать основанные на своем опыте и знаниях, рекомендации по предотвращению совершения лицом, не достигшим возраста совершеннолетия, преступлений.

Важно отметить, что педагоги и психологи не должны забывать об этической и профессиональной ответственности в вопросе независимости и непредвзятости. Они должны следовать этическим стандартам и легально закрепленным требованиям к реализации своей профессиональной деятельности. Отказаться от вовлечения в уголовное производство в случаях, если имеется факт их личной заинтересованности.

В своих работах Е. В. Марковичева и Л. Г. Татьянина обращают внимание на то, что должен быть урегулирован вопрос об обязательном участии педагога или психолога при получении объяснений от несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. [1] Мы согласны с данной точкой зрения и хотим дополнить ее идеей закрепления обязательного участия детского психолога при производстве обыска жилища, в котором проживают дети в возрасте до 16 лет. Подобное закрепление должно положительно сказаться на психоэмоциональном состоянии ребенка. Ситуация, когда правоохранительные органы заходят в жилище, в некоторых случаях и с вскрытием помещения, может негативно повлиять на психику ребенка. Целесообразно предусмотреть лицо, которое поспособствует адекватному восприятию ребенком производства следственного действия, найдет к нему подход и успокоит. Поскольку следователь не всегда компетентен в вопросах детской психологии, при этом существует необходимость обеспечить квалифицированную психологическую поддержку и помощь ребенку, разумно привлечь к обязательному участию в этом следственном действии психолога.

В научной среде существует мнение о том, что большинство действий, производимых педагогом в момент осуществления следственного действия, могут свободно осуществляться и психологом. Высказывая подобную позицию, Любичев С. Г. отмечает повышенную компетентность детских психологов в сравнении с педагогическими работниками в области понимания протекания различных психических процессов ребенка. Он отмечает, что вызов педагога есть ни что иное, как пережиток прошлого, который был оправдан нехваткой квалифицированных специалистов в области детской психологии [3]. Мы частично согласны с данной позицией и считаем, что закрепление вызова при производстве ряда предусмотренных процессуальных действий именно психолога способно в большей степени оказать положительное влияние на реализацию идеи защиты прав несовершеннолетних в уголовном процессе. Таким образом, психологические знания и навыки являются более применимыми в уголовном процессе, чем педагогические знания, и поэтому выбор между педагогом и психологом должен падать на психолога. Однако педагог должен привлекаться на этапе формирования программ по ресоциализации лиц, не достигших возраста 18 лет. Это поможет реализовать цель частной превенции. Педагог способен дать рекомендации по обучению и воспитанию ребенка-правонарушителя, провести консультацию по действиям, направленным на коррекцию его поведения.

Участие педагога и психолога в уголовном процессе в отношении несовершеннолетних преступников несомненно позволяет сохранить правоохранительную, а не карательную функцию уголовного производства. Их вовлечение в уголовный процесс в отношении несовершеннолетних преступников позволяет учитывать возрастные особенности, психологические особенности и образовательные потребности при принятии решений о мере наказания и реабилитации. Педагог может помочь в разработке индивидуальных программ обучения и воспитания для несовершеннолетнего обвиняемого, а психолог может провести психологическую экспертизу и дать рекомендации по поводу того, каким образом следует работать с несовершеннолетним обвиняемым, чтобы предотвратить повторение преступлений.

В заключение, хотелось бы отметить, что для достижения поставленных целей по реализации защиты прав и законных интересов детей и подростков необходима комплексная работа целого ряда специалистов, в том числе педагогов и психологов. Их привлечение без всякого сомнения – благо для несовершеннолетнего. Однако государству необходимо устранить ряд проблем, связанных с осуществлением их деятельности. Необходимо устранить формальность в их работе, более четко сформулировать процессуальный статус. Не исключаем возможности создания отдельного нормативного правового акта, который будет более подробно регулировать вопросы порядка вызова педагога или психолога, их задач и функций. Также обращаем внимание на необходимость присутствия детского психолога при производстве такого процессуального действия, как обыск жилища, в котором проживает лицо, не достигшее возраста 16 лет. Считаем, что такое введение целесообразно и обуславливается возможностью возникновения психотравмирующей ситуации для ребенка.

Пристатейный библиографический список

1. Марковичева Е. В., Татьянина Л. Г. Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». - 2017. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-uchastiya-pedagoga-i-psihologa-v-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 14.05.2023).
2. Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/analytics.
3. Любичев С. Г. Особенности расследования преступлений несовершеннолетних на современном этапе // Российский следователь. – 2015. – № 4. – С. 15-17
4. Фомина И. А., Горбачева Е. В. Отдельные аспекты участия педагога и психолога в тактике допроса несовершеннолетнего // Сибирский юридический вестник. - 2018. - № 3. – С. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-uchastiya-pedagoga-i-psihologa-v-taktike-doprosa-nesovershennoletnego (дата обращения: 14.05.2023).

НОВИКОВА Людмила Владиславовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

СУЛЕЙМАНОВ Талят Алиевич
кандидат юридических наук, доцент уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируя достигнутый уровень научного исследования вопроса, следует отметить, что сегодня многие вопросы, связанные с реабилитацией в уголовном судопроизводстве, требуют дальнейших исследований. В частности, требует совершенствования механизм выплаты денежной компенсации за имущественный и моральный вред реабилитированному, требуется решения вопроса о возмещении причиненного вреда юридическому лицу в связи с реабилитацией. Механизм компенсации имущественного ущерба реабилитируемому необходимо совершенствовать с учетом развития потребностей следственной и судебной практики, в конечном счете, внесенные изменения в законодательство будут способствовать упрощению и достижению прозрачности процедуры реабилитации в уголовном судопроизводстве. В следственной практике имеют место быть необоснованные, «заказные» факты возбуждения уголовного дела и преследования в отношении конкретных лиц, посему актуальность вопроса реабилитации невиновных остается перманентным.

Ключевые слова: ответственность государства, уголовное судопроизводство, реабилитация, механизм выплаты компенсации, право на реабилитацию.

NOVIKOVA Lyudmila Vladislavovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Ryazan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

LEGAL ASSESSMENT OF THE INSTITUTE OF REHABILITATION IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Analyzing the achieved level of scientific research of the issue, it should be noted that today many issues related to rehabilitation in criminal proceedings require further research. In particular, the mechanism of payment of monetary compensation for property and moral damage to the rehabilitated person needs to be improved, the issue of compensation for the damage caused to a legal entity in connection with rehabilitation needs to be resolved. The mechanism of compensation for property damage to the rehabilitated person needs to be improved taking into account the development of the needs of investigative and judicial practice, ultimately, the amendments to the legislation will help simplify and achieve transparency of the rehabilitation procedure in criminal proceedings. In investigative practice, there are unfounded, "custom-made" facts of initiating a criminal case and prosecution against specific persons, therefore, the relevance of the issue of rehabilitation of the innocent remains permanent.

Keywords: state responsibility, criminal proceedings, rehabilitation, compensation payment mechanism, right to rehabilitation.

Существующая система правосудия в Российской Федерации построена на принципе законности, охраны прав и свобод физических и юридических лиц, уважения чести и достоинства личности. Осуществление уголовного преследования, судебного разбирательства неизбежно связано с вторжением в частную жизнь человека, причиняет нравственные страдания подозреваемому(обвиняемому), особенно если лицо незаконно подвергается преследованию, ограничивает его свободу и правоспособность, для должностных лиц предприятий и организаций факт привлечения к расследованию связан с репутационными и финансовыми потерями(рисками). Ни одна существующая в мире система (модель) правосудия, в том числе и российская, не гарантируют защиту от возможного принятия ошибочных (незаконных) решений со стороны должностных лиц уголовной юстиции и суда. Объясняется это тем, что данная деятельность носит поисковый, исследовательский характер, где человеческий фактор и ошибки невозможно устранить. Поэтому, если ошибку нельзя исключить, то разрабатывается механизм исправления допущенной ошибки. Российская Федерация берет на себя юридическую ответственность за допущенную следственную или судебную ошибку и обязуется перед своими гражданами исправить ошибку, а также восстановить их нарушенные права и интересы.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на компенсацию государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) государственных органов или их должностных лиц. Уголовное судопроизводство в Российской Федерации призвано, не только защитить права и законные интересы лиц и организаций, пострадавших от преступлений, но и защищать отдельных лиц от незаконных и необоснованных обвинений, осуждений, ограничений их прав и свобод. Отмеченное является целью уголовного судопроизводства.

Обязанность правового государства обеспечить реальную защиту прав и свобод физических (а в ряде случаев и юридических) лиц от необоснованного уголовного преследования. В уголовном судопроизводстве законодатель предусмотрел институт реабилитации, посредством которого осуществляется процедура компенсации причиненного вреда гражданину в случае его полного или частичного оправдания [1, с. 86]. Необходимо заметить, что в следственной и судебной практике наряду с ошибками, как мы отмечали выше, сохраняются и различные злоупотребления со стороны должностных лиц органов следствия и суда. Отсюда следует, что актуальность института реабилитации, необходимость его совершенствования с учетом сложившихся реалий только усиливается. Доступ оправданных граждан к процедуре реабилитации должен быть простым и понятным, без бюрократических и процессуальных преград. Именно это заставило принять в уголовно-процессуальном законодательстве институт возмещения имущественного и морального вреда, восстановления нарушенных прав и свобод человека в связи с его незаконным (необоснованным) арестом, осуждением и другими фактами нарушения его законных интересов и прав.

Процедура рассмотрения и разрешения уголовных дел затрагивает различные сферы правоотношений между государством и личностью, что требует возмещения имущественного и морального вреда в случае оправдания гражданина. Властно-публичный метод уголовного судопроизводства, который связан с ограничением свободы и неприкосновенности личности, вторжением в частную жизнь гражданина,

использованием различных мер процессуального принуждения, требует особого внимания, уважительного отношения к правам лиц, участвующих в уголовном процессе. Незаконное уголовное преследование, и особенно осуждение гражданина, неизменно влечет за собой ряд негативных моральных переживаний, материальных лишений и других последствий. Содержание реабилитации заключается в том, чтобы по возможности устранить, загладить причиненный вред гражданину в результате ошибочных, незаконных действий правоохранительных органов государства.

Алгоритм процедуры реабилитации включает три последовательных действия: вынесение юридического решения об оправдании гражданина, разъяснения лицу его права на реабилитацию и порядок его осуществления, и наконец, компенсация имущественного и морального вреда. По нашему мнению, государство во всех случаях оправдания гражданина обязано само, по собственной инициативе начинать процедуру по возмещению причиненного вреда, а гражданин вправе принять или отказаться от полагающейся ему компенсации [2, с. 299]. В соответствии со ст. 135 УПК РФ по возмещению реабилитированному имущественного ущерба, реабилитированному лицу возмещается имущественный вред, а в порядке гражданского судопроизводства исключительно по его инициативе разрешается вопрос о признании и возмещении причиненного морального вреда.

Исключительно через процедуру реабилитации оправданное лицо имеет возможность получить денежную компенсацию за причиненный имущественный вред, в порядке гражданского судопроизводства он вправе получить компенсацию за моральный вред и требовать восстановления его нарушенных трудовых, жилищных, пенсионных и других прав. Институт реабилитации способствует достижению одной из целей уголовного процесса, а именно недопущения привлечения невиновного лица к уголовной ответственности [3, с. 82]. Согласно принципу законности, государство признает свою вину за допущенную ошибку и несет ответственность перед гражданином за незаконные действия и решения правоохранительного органа. На настоящий момент необходимость института реабилитации не вызывает сомнений, сейчас требуется его дальнейшее совершенствование.

Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает реабилитацию по делам частно-публичного и публичного обвинения, где вынесено итоговое решение о невиновности гражданина и декларируется его право на реабилитацию. Не совсем разрешенной является процедура реабилитации по делам частного обвинения, особенно если частный обвинитель откажется от обвинения. В соответствии с УПК РФ решение вопроса о возмещении материального ущерба реабилитированным лицам допускается в соответствии со ст. 399, то есть в уголовном судопроизводстве, что в корне отличается от гражданского судопроизводства, характерного для разрешения имущественных споров [4, с. 47]. Возмещение морального вреда, напротив, допускается в качестве гражданского процесса.

По вопросам совершенствования процедуры реабилитации идут дискуссии, где одни исследователи придерживаются позиции законодателя и одобряют действующую процедуру возмещения вреда в рамках уголовного и гражданского судопроизводства, вторые высказываются на рассмотрение и разрешение всех вопросов только в уголовном судопроизводстве, выступая против процедуры реабилитации в гражданском процессе [5, с. 171], третьи полагают, что в рамках уголовного процесса претензии оправданного не разрешить, поэтому вся процедура реабилитации будет эффективна в рамках гражданского судопроизводства. Вместе с тем, согласно УПК РФ, реабилитированный вправе самостоятельно определить форму судопроизводства, в рамках которого будет реализована процедура реабилитации.

В порядке гражданского судопроизводства суды рассматривают вопросы, связанные с возмещением имущественного и морального вреда. Если в результате совершения преступления потерпевшему причиняется вред, и он заявляет гражданский иск, то данный иск будет одновременно рассматриваться вместе с уголовным делом по правилам рассмотрения иска, а это уже предмет гражданского судопроизводства. Вместе с тем рассмотрение гражданского иска в уголовном процессе имеет ряд преимуществ, это прежде всего, быстрота рассмотрения иска, доступность установления юридически значимых обстоятельств иска на основе материалов уголовного дела, где все значимые обстоятельства установлены и доказаны в рамках уголовного дела. Поэтому целесообразным видится законодательное закрепление регулирования общественных отношений для признания реабилитации в сфере уголовного судопроизводства.

Для возбуждения процедуры реабилитации только реабилитированный или его представитель вправе обратиться в суд с иском о возмещении вреда. При этом не всегда реабилитированные пытаются реализовать свое право на реабилитацию в силу разных причин, чаще всего, ввиду нежелания контактировать с правоохранительными органами, с судами. Здесь видится оптимальным решение о том, что бы инициатором процедуры реабилитации выступал тот орган, который принял решение о реабилитации гражданина. Участие прокурора в судебном заседании по вопросам возмещения вреда также нуждается в доработке, так как в разрешении вопросов, связанных с реабилитацией, прокурор не может выступать в качестве гособвинителя, тогда возникает вопрос в качестве кого и какой стороны он выступает, какие ему, в связи с этим предоставлены полномочия. УПК РФ не регламентирует полномочия прокурора при разрешении вопросов, связанных с производством реабилитации.

С точки зрения совершенствования института реабилитации, законодателю надо решить давно назревшую проблему о порядке исчисления суммы денежной компенсации за причиненный моральный вред. В настоящее время существующий порядок возмещения морального вреда зависит от усмотрения судьи и сложившейся судебной практики в конкретном субъекте Российской Федерации [6, с. 153]. При этом практика Европейского суда по правам человека не может служить источником права для судов общей юрисдикции. Еще одним вопросом, вызывающим сложности в практической деятельности, выступает вопрос о сроках исполнения принятых судебных решений в рамках процедуры реабилитации. Решение суда о восстановлении трудовых, жилищных, пенсионных прав реабилитированного нуждаются в конкретизации, так как в законе не указано, например, в течение какого времени реабилитированному должно быть передана жилплощадь, он должен быть восстановлен на работе(службе), возвращена государственная награда, классный чин, воинское звание. Таким образом, назрела необходимость совершенствования и унификации института реабилитации для качественного восстановления прав и интересов лиц, которые незаконно подверглись уголовному преследованию.

Пристатейный библиографический список

1. Тертычный Е. М. Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России // Сибирский юридический вестник. - 2009. - № 2. - С. 86-91.
2. Валетова В. М., Ермаков В. Г. Конституционно-правовые механизмы возмещения государством вреда в результате противоправной деятельности публичной власти // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2015. - № 3. - С. 299-303.
3. Хузина Н. А. Реабилитация в аспекте принципа презумпции невиновности. Евразийский форум. - 2011. - № 1 (3). - С. 81-84.
4. Коршунов А. В. Неустраненные проблемы реабилитации в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2015. - № 4 (75). - С. 47.
5. Головко И. И., Дытченко Г. В. Проблемы реализации права на реабилитацию. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского // Юридические науки. - 2018. - № 4 (70). - С. 171-180.
6. Поляков Б. А. Совершенствование процедуры возмещения вреда лицам, незаконно или необоснованно подвергнутым уголовному преследованию // Вестник экономики, права и социологии. - 2014. - № 3. - С. 153-157.

СЕРКЕРОВ Самур Эльмирович
кандидат юридических наук, доцент, Дагестанского государственного педагогического университета

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич
кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета, Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ЯГАДИНОВ Ягодин Ямудинович
начальник Центра оперативного управления УВО по г. Махачкале, майор полиции

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в соответствии со специальной главой 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Статья посвящена проблемам, возникающим при допросе юношей потерпевших и свидетелей на судебном заседании.

Обоснованы предложения по корректировке уголовно-процессуального законодательства с учетом социальных факторов. Предлагается ряд мер по расширению участия этих участников процесса в целях обеспечения эффективной и всесторонней защиты прав и законных интересов подростков.

В статье анализируются проблемы внедрения уголовно-процессуальной медиации с участием несовершеннолетнего правонарушителя. Обоснованы предложения по корректировке уголовно-процессуального законодательства с учетом социальных факторов. Предлагается ряд мер по расширению участия этих процессуальных деятелей в целях обеспечения эффективной и всесторонней защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства, уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних, медиация.

SERKEROV Samur Elmirovich
Ph.D. in Law, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

MARIANOV Alikhan Abdulaevich
Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University, Dagestan State University, branch in Izberbash

YAGADINOV Yagodin Yamudinovich
Head of the Center for Operational Management of the Internal Affairs Department in Makhachkala, major of police

A MINOR AS A SUBJECT OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN MODERN RUSSIA

The article deals with the issues of legal regulation of criminal proceedings against minors in accordance with the special Chapter 50 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The article is devoted to the problems arising during the interrogation of young victims and witnesses at the court session.

The proposals for the correction of criminal procedure legislation taking into account social factors are substantiated. A number of measures are proposed to expand the participation of these participants in the process in order to ensure effective and comprehensive protection of the rights and legitimate interests of adolescents.

The article analyzes the problems of the introduction of criminal procedural mediation with the participation of a minor offender. The proposals for the correction of criminal procedure legislation taking into account social factors are substantiated. A number of measures are proposed to expand the participation of these procedural figures in order to ensure effective and comprehensive protection of rights and legitimate interests imperfectly.

Keywords: juvenile participants in criminal proceedings, criminal proceedings against minors, mediation.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних в настоящее время является одной из основных задач нашего государства.

Государственная поддержка в области защиты детства закреплена в Основном законе, который основан на международных правовых актах, ратифицированных Россией, и в соответствии с ними.

К сожалению, несмотря на продолжающиеся усилия по предотвращению преступлений, как среди несовершеннолетних, так и против них, рост преступности остается на высоком уровне.

Лица, не достигшие совершеннолетия, всегда находились под особой защитой государства. Данное обстоятельство обусловлено стремлением законодателя более эффективно защищать права, свободы и законные интересы подростков, участников судебного разбирательства.

Общеизвестный факт заключается в том, что юношам, совершившим преступления в подростковом возрасте, часто бывает практически трудно впоследствии исправиться, совершая неоднократные общественно опасные действия.

Глава 50 «Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних» Уголовно-процессуального кодекса является дополнительной гарантией их защиты, а также отражает возрастные и психологические особенности личности.

Во-первых, помимо главы 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая состоит из 13 статей, Кодекс содержит множество дополнительных положений, касающихся несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Правовой статус несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве регулируется в зависимости от того, каким статусом он наделен в ходе процесса.

Обладая тем или иным статусом (подозреваемый, потерпевший, свидетель), несовершеннолетний выполняет ту или иную функцию. Процессуальные функции – это направления и виды деятельности субъектов уголовного судопроиз-

водства, определяемые их задачей, назначением и целеполаганием при участии в уголовном процессе.

Несовершеннолетний может иметь статус подозреваемого в уголовном производстве, которым признается лицо: в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям, установленным главой 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; задержанное в порядке, установленном статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; уголовное производство, к которому была применена мера пресечения в соответствии со статьей 100 Уголовно-процессуального кодекса до предъявления обвинения; уведомлен о подозрении в совершении преступления.

По общему правилу, подростком обвиняемым является лицо, в отношении которого: принято решение о привлечении его в качестве обвиняемого; вынесено обвинительное заключение; вынесен обвинительный акт.

Следователь должен хорошо знать психологические особенности личности несовершеннолетних и учитывать их при выборе тактики проведения с ними следственного действия.

Допрос – одно из самых распространенных следственных действий, без которого невозможно расследование преступления. Успех уголовного расследования часто зависит от того, насколько хорошо следователь его проводит.

Допросу должна предшествовать тщательная подготовка, которая включает выяснение условий жизни несовершеннолетнего, его ближайшего окружения, семейных отношений, с которыми он дружит, его уровня развития, интересов, черт характера и поведения, а также вопросы, задаваемые следователем для обеспечения максимальной эффективности проводимых следственных действий.

В то же время следователь, учитывая их небольшой жизненный опыт и знания, должен учитывать возможные ошибки несовершеннолетних при даче показаний.

Обычно свободное повествование несовершеннолетнего является фрагментарным, запутанным и непоследовательным. Поэтому рекомендуется использовать тактические приемы, которые помогут респонденту сохранить нить изложения. Если ребенок сам проявляет желание и умение рассказывать, то не следует его перебивать, а вмешиваться только тогда, когда ребенок молчит и задает уточняющие вопросы. Также возможно в таких паузах в рассказе ребенка повторить последнюю фразу или слово, сказанное им, чтобы показать свой интерес, и чтобы следователь слушал ребенка, чтобы его рассказ был интересным, важным.

Однако законный представитель, который не является профессиональным юристом и не обладает специальными юридическими знаниями, может совершить некоторые нарушения закона, допущенные следователем, такие как открытое давление на несовершеннолетнего, принуждение, использование доказательств, информация, содержащаяся в протоколах расследования, неправильные формулировки и т. д.

Или очевидная неточность в квалификации уголовного дела, утвержденной следователем, например, в отношении несовершеннолетнего, принуждение, использование доказательств, информация, содержащаяся в протоколах расследования, неправильные формулировки и т. д.

Помощь адвоката несовершеннолетней особенно ценна в связи с тем, что она квалифицирована, что позволяет эффективно противостоять преследованию, которое, в частности, представляет государственный обвинитель, квалификация которого не вызывает сомнений.

На современном уровне развития психологических наук функция психолога в уголовном судопроизводстве заключается в более глубоком изучении поведения и психических особенностей несовершеннолетнего, чем функция учителя, «переводе» его объяснений и сопоставлении их с реальными обстоятельствами, которые важны для принятия правильного решения по уголовному делу.

Участие педагога и психолога в предварительном расследовании дел несовершеннолетних является одной из дополнительных процессуальных гарантий, учитывающих возрастные и индивидуально-психологические особенности обвиняемых подростков.

Участие педагога и психолога в допросе несовершеннолетнего обвиняемого регулируется статьей 425 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно статье 425 Уголовно-процессуального кодекса, для участия в допросе юноши обвиняемого (подозреваемого) в возрасте до 16 лет должен быть приглашен педагог или психолог. В случае несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых), достигших указанного возраста, они приглашаются либо по инициативе следователя, либо по ходатайству защитника. Адвокаты практически не выражают желания их приглашать. Часто это связано с тем, что с точки зрения защиты интересов несовершеннолетнего обвиняемого защитники не видят смысла в вызове учителя на допрос.

24 % опрошенных следователей признали, что в некоторых случаях им требовалась психологическая консультация, 13 % пригласили психологов для подготовки несовершеннолетнего или участия в опросе. Защитник также должен занять активную позицию по этому вопросу.

В целях предотвращения негативных последствий для несовершеннолетних статья 422 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетних в отдельное производство. Выделение уголовного дела направлено на защиту несовершеннолетнего от негативного влияния взрослого. Не исключены ситуации, когда несовершеннолетние, привлекаемые к уголовной ответственности вместе с взрослыми, под давлением последних признаются в совершении деяний, которых они не совершали.

Практика показывает, что негативное влияние могут оказывать не только несовершеннолетние, подозреваемые и обвиняемые, но и несовершеннолетние жертвы. Бывают ситуации, когда сотрудники правоохранительных органов неправильно вели себя по отношению к несовершеннолетним жертвам: они допускали в своих заявлениях выражения, негативно влияющие на несовершеннолетних, принуждение их к отказу давать объяснения правоохранительным органам о незаконных действиях в отношении них и т. д. написать. В результате у несовершеннолетних формируется отношение к обману, лжи.

Целесообразно сформировать новый институт медиации, или восстановительного правосудия, для российского уголовного процесса. По мнению сторонников этого мнения, в рамках соответствующих процедур жертве и преступнику с помощью беспристрастного посредника предоставляется шанс договориться о прекращении производства по делу о совершенном преступлении на выгодных для обеих сторон условиях [1].

Важным критерием для передачи дела является то, что несовершеннолетний должен был совершить преступление впервые.

Саму процедуру медиации логично возложить на инспектора по делам несовершеннолетних, привлекая его в качестве медиатора на стадии возбуждения уголовного дела.

При разрешении конфликта, возмещении ущерба в полном объеме, заглаживании причиненного ущерба и полном раскаянии лица в совершении общественно опасного деяния инспектор составляет медиативное соглашение, после чего выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с заключением медиативного соглашения.

Конечно, речь не идет о замене классической модели уголовного судопроизводства, поскольку применение этой процедуры не должно и не может разрешить все уголовно-правовые коллизии с точки зрения морали, социальной справедливости и превентивной функции уголовного процесса.

В настоящее время созданы все предпосылки для формирования этого института, в том числе они заложены в действующем отечественном законодательстве, а зарубежный опыт также подчеркивает эффективность процедуры на практике.

Пристатейный библиографический список

1. Коробкова Е. Е. К вопросу о реформировании уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних // Мировой судья. – 2022. – № 8. – С. 14-20.

МИНСАФИНА Светлана Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальник кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИН России

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВИЛ ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ, ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

В данной статье проанализирована роль правил внутреннего распорядка в функционировании учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и выделены правовые пробелы законодательства. Результатом статьи являются предложения изменений и дополнений в новые правила внутреннего распорядка.

Ключевые слова: правила внутреннего распорядка, правовые пробелы, подозреваемые, обвиняемые и осужденные, права и обязанности, режимные требования, порядок функционирования учреждения.

MINSAFINA Svetlana Nikolaevna
Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Criminal and penal enforcement law sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

SOME PROBLEMATIC ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF THE INTERNAL REGULATIONS OF PRE-TRIAL DETENTION CENTERS, CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND CORRECTIONAL CENTERS

This article analyzes the role of internal regulations in the functioning of institutions and bodies of the penal enforcement system of the Russian Federation and highlights legal gaps in legislation. The result of the article are proposals for amendments and additions to the new internal regulations.

Keywords: internal regulations, legal gaps, suspects, accused and convicted, rights and obligations, regime requirements, the order of functioning of the institution.

Для нормального функционирования любой организации или учреждения необходим четкий и слаженный механизм работы, который, должен быть также где-то отражен, например, в локальном нормативном акте. К числу таких актов можно добавить и Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, следственных изоляторов и исправительных центров (далее – Правила, ПВР) [1].

Правила внутреннего распорядка заключают в себе все необходимые нормы для работы системы исполнения и отбывания наказание, они буквально описывают режимные требования учреждения, посредствам которых реализуется распорядок дня, закрепляется правовой статус, обеспечивается охрана и личная безопасность, а также регулируются условия содержания, обеспечиваются все функции режима. 04.07.2022 вступил в действие приказ Минюста России № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы», который объединил в себе три секции из правил внутреннего распорядка разных учреждений, расширено урегулировал отдельные виды режимных мероприятий и добавил новые правовые аспекты.

Мы знаем, что при разработке нового вида Правил законодатель опирался на Концепцию развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г., которая пропагандирует принцип гуманизации процесса исполнения и отбывания наказания, поэтому внутренний распорядок осужденных подозреваемых и обвиняемых был дополнен более обширным правовым статусом заключенных, более строгими нормами по порядку и условиям содержания отдельных категорий лиц, нормами по стандартам материального обеспечения, регулирования юридических правоотношений во время отбывания наказания и т.д.

Действительно, современная российская пенитенциарная система опирается на человечное отношение к оступившемуся гражданину, перенимает зарубежный опыт в области тактики исправления заключенных. Однако, по нашему мнению, чрезмерная гуманизация может принести и свои негативные последствия. Так, например, нельзя не допускать развития такого мышления у бывших осужденных, что в принципе, в местах лишения свободы не так уж и плохо. Медицинское обслуживание усовершенствовано, условия содержания на высоком уровне, питание, досуг, возможность достойно трудиться и так далее. Все это может повлечь отсутствие страха перед повторным заключением за вновь совершенное преступление, статистика Судебного департамента РФ подтверждает, что уровень рецидивной преступности не падает (в 1 полугодии 2022 года 40 898 человек признаны совершившими преступления при рецидиве преступления, в 2021 году эта цифра достигла 86 669 человек) [2]. Поэтому, мы считаем, что на данный момент нужно делать упор на укреплении режимных требований в учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ (далее – УИС РФ), сделать акцент на беспрекословном и четком выполнении сотрудниками своих обязанностей и требований, а также устранить правовые пробелы норм Правил и конкретизировать некоторые положения.

В процессе исследования научной литературы, законодательства и теоретических аспектов права мы обнаружили следующие правовые пробелы:

1. Отсутствие в главе IV (Обеспечение личной безопасности подозреваемых и обвиняемых) Правил следственных изоляторов уточнения, какие именно меры по обеспечению личной безопасности при ее угрозе, кроме как перевода подозреваемого или обвиняемого в другую камеру, должны применять сотрудники.

Обеспечение личной безопасности играет важную роль в обеспечение режима. Кроме того, обеспечение безопасности является одним из направлений порядка исполнения и отбывания наказания и средств обеспечения режима. По этой причине считаем справедливым рассмотреть вопросы ее реализации.

Угроза безопасности в отношении осужденных при попадании их в места изоляции может исходить от различных источников. В период содержания под стражей в СИЗО подозреваемый и обвиняемый попадает в неблагоприятную среду и большую часть своего времени он проводит с людьми, подверженными криминальной зараженности. Следует учесть факты возникновения конфликтов, возникающих между подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися в одной камере.

Наиболее частыми мотивами совершения преступлений на территории исправительных учреждений являются

такие мотивы, как: месть, борьба за лидерство, ссора, а также личная неприязнь.

Основными способами проникновения являются: пронос, провоз, переброс и пересылка. Помимо этого, заключенные могут самостоятельно их изготавливать. Для решения указанных проблем сотрудники должны предельно внимательно относиться к своим обязанностям при проведении обыскных мероприятий, постоянно повышать свою профессиональную квалификацию и не допускать нарушения требований нормативно-правовых актов, регулирующих данные правоотношения. Взаимодействие разных отделов учреждения и определенный общий план действий играет важную роль в данном вопросе.

Случаи, когда осужденные сами себе наносят вред путем совершения суицида и членовредительства часто встречаются в практической деятельности сотрудников УИС. Согласно статистических данных за 12 месяцев 2022 года среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных зарегистрировано 257 суицидов (АППГ – 252). Из лишивших себя жизни 91 (36,1 %) человек состоял на профилактическом учете как «склонные к совершению суицида и членовредительству». Уровень суицидов в расчете на 1000 человек среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных составил 0,575 (АППГ – 0,532) [3].

К мерам профилактики совершения суицидов и нанесения осужденными самоповреждений в контексте обеспечения личной безопасности можно отнести: комплекс мероприятий проводимый всеми сотрудниками учреждения, в который входят психологическое обследование, сбор медицинского анамнеза, обмен имеющейся оперативной информации (о долговых обязательствах, притеснениях, иных негативных факторах), углубленное изучение материалов личного дела, постановка на профилактический учет, но основным мероприятием, которое необходимо проводить по нашему мнению является психологическое сопровождение и диагностика лиц, склонных к совершению суицида и членовредительства психологическими лабораториями учреждений уголовно-исполнительной системы.

Решение данного пробела видим в следующем: в главе IV (Обеспечение личной безопасности подозреваемых и обвиняемых) перечислить какие именно иные меры безопасности, устраняющие угрозу личной безопасности подозреваемого или обвиняемого можно применить. В этой связи изложить п. 22 главы IV ПВР следственных изоляторов в следующей редакции:

«22. Начальник СИЗО либо лицо, его замещающее, а при их отсутствии – дежурный помощник начальника СИЗО по такому заявлению либо по собственной инициативе принимает решение о переводе подозреваемого или обвиняемого в другую камеру и (или) осуществляет иные меры, устраняющие угрозу личной безопасности подозреваемого или обвиняемого, к которым относятся:

– перевод в другое исправительное учреждение осужденных, оставленных в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию;

– установление постоянного круглосуточного надзора;

– задержание и изоляция лиц, от которых исходит угроза,

– возбуждение уголовного дела в отношении посягателя на жизнь или здоровье обратившегося;

– применение меры дисциплинарного воздействия (водворение в карцер);

– в случае попытки совершения суицида или членовредительства оказание психологического сопровождения и диагностики лица».

2. Отсутствие на балансе многих учреждений технических устройств для чтения электронных книг, предусмотренных п. 6.25 новых Правил исправительных учреждений.

Во многих исправительных колониях осужденные требуют исполнения их законного права, касающегося предоставления технических устройств для чтения электронных книг, но у администрации возникают проблемы с их предоставлением. Предлагаем, в пункт 6.25 новых Правил исправительных учреждений необходимо внести следующую правовую оговорку: «Данное право предоставляется осужденным при наличии технических устройств, для чтения электронных книг на балансе исправительного учреждения».

3. Общей проблемой для Правил исправительных учреждений, следственных изоляторов и исправительных центров является закрепление права получать «дополнительные лечебно-профилактические услуги», вместо «дополнительных медицинских услуг».

Следует отметить, что термин «дополнительные лечебно-профилактические услуги» не существует в общепринятой медицинской терминологии и не закреплен в приказе Минздрава России от 13.10.2017 № 804н «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг» [4]. Понятие лечебно-профилактических услуг не охватывает всего перечня медицинских услуг, представляемых подозреваемым, обвиняемым и осужденным в соответствии с приказом Минюста России от 28.12.2017 № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказаие в виде лишения свободы» [5] и по своей сути, ограничивает их. Помимо профилактики, заключенные как на территории учреждений и органов УИС и в муниципальных государственных организациях имеют право получать лечение от заболеваний, диагностику и медицинскую реабилитацию, а также услуги, вытекающие их этих процедур [6].

Для решения пробела права следует заменить термин «дополнительные лечебно-профилактические услуги» во всех пунктах, в которых он употребляется на термин «дополнительные медицинские услуги» ранее установленный в законодательстве страны.

Если в пенитенциарных учреждениях УИС соблюдаются все режимные требования, сотрудники добросовестно исполняют все требования ПВР относительно режима, требуют выполнения режимных требований от осужденных, ведут планомерную работу по их исправлению – таким действиями воздействуя на осужденных и дисциплинируя их, тем самым подчиняя законным требованиям сотрудников, тогда трудно себе представить, что учреждение может быть подвергнуто каким-либо негативным факторам. Главный вектор свода прописанных норм поведения осужденных в виде ПВР, подразумевающий под собой режим исправительных учреждений направлен на поддержание правопорядка и формирование не отклоняющегося от нормы поведения, поэтому сократив пробелы права в данном нормативно - правовом акте, мы снизим фактор риска возникновения недопонимания между подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными и сотрудниками УИС и добьемся слаженного и четкого выполнения режимных требований и соблюдения прав, свобод и законных интересов обоих сторон.

Пристатейный библиографический список

1. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства Юстиции РФ [принят 4 июля 2022 г. № 110] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru)
2. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь – декабрь 2020-2022 гг. Информационно-аналитический сборник ФКУ НИИИТ ФСИН России (неопубликованный акт).
3. Обзор «Об организации работы по профилактике поступления запрещенных предметов и перекрытию каналов их поступления на территорию учреждений УИС». – Выписка из указания ФСИН России от 24.02.2021 № 06-194856.
4. Об утверждении номенклатуры медицинских услуг: приказ Минздрава России: текст с изм. и доп. на 26 октября 2022 г. № АКПИ22-724 [принят 13 октября 2017 № 804н] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru)
5. Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы: приказ Минюста России: текст с изм. и доп. на 31 января 2020 № 6 [принят 28 декабря 2017 № 28] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru)
6. Васягина М. М. Реформа Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: новеллы, направления совершенствования // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2022. – № 2.

АБАЕВ Наурыз Борисович
преподаватель кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского Института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

Абаев Н. Б.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В XXI веке появилось большое количество инновационных технологий, которые не только служат на благо человечеству, но и попадают в руки криминальных элементов, которые находят способы получить с их помощью незаконную прибыль или удовлетворить какие-либо идеологические или политические амбиции. Технологии помогают и правоохранительным органам качественнее осуществлять свою работу. Активное использование инновационных технологий дает злоумышленникам возможность совершать преступные действия, оставляя минимум следов и находясь на территории любой страны. В указанной связи предметом криминалистических исследований стали цифровые технологии, актуализировалась оценка электронной информации. Все это помогает выявить преступника. И важное значение здесь приобретает необходимость точного понимания специфики той информации, которая подлежит рассмотрению.

Ключевые слова: криминалистическое исследование, криминалистическая фиксация, цифровая информация, электронная информация, расследование преступлений.

ABAEV Nauryz Borisovich
lecturer of Special technical training sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ACTUAL PROBLEMS OF FORENSIC RESEARCH OF DIGITAL INFORMATION

In the 21st century, a large number of innovative technologies have appeared that not only serve the benefit of humanity, but also fall into the hands of criminal elements who find ways to get illegal profits with their help or satisfy any ideological or political ambitions. Technology also helps law enforcement agencies to carry out their work better. The active use of innovative technologies gives attackers the opportunity to commit criminal acts, leaving a minimum of traces and being on the territory of any country. In this regard, digital technologies have become the subject of forensic research, and the assessment of electronic information has been updated. All this helps to identify the perpetrator. And the importance here is the need for an accurate understanding of the specifics of the information that is to be considered.

Keywords: forensic research, forensic fixation, digital information, electronic information, crime investigation.

Развитие криминалистики обусловлено трансформацией современной преступности. Появление новых видов преступлений требует разработки инновационных методов криминалистической фиксации, основанных на электронной цифровой трансформации, ключевыми объектами которых выступают общественные отношения, связанные с использованием цифровых устройств, сбором информации в электронном виде.

В XXI веке появилось большое количество инновационных технологий, которые не только служат на благо человечеству, но и попадают в руки криминальных элементов, которые находят способы получить с их помощью незаконную прибыль или удовлетворить какие-либо идеологические или политические амбиции. Технологии помогают и правоохранительным органам качественнее осуществлять свою работу.

Активное использование инновационных технологий дает злоумышленникам возможность совершать преступные действия, оставляя минимум следов и находясь на территории любой страны. Статистика отражает рост преступлений в информационной сфере. Этому есть объяснение. В последнее время многие организации перешли на удаленную работу, при этом подготовлены к защите данных не были. Преступность, в поиске новых возможностей, тоже перешла в онлайн-режим. Второй фактор – отсутствие страха: преступник уверен, что его не поймают, так как он не оставляет физических следов, и раскрываемость по данному виду преступлений низкая [1].

На современном этапе исследователи должны решить следующую задачу: отсеять ненужную информацию и выбрать ту, которая действительно поможет в изучении вопроса, после чего можно будет разработать эффективные меры противодействия преступности. На данный момент наблюдается перегрузка информационного поля из-за распространения ложной информации. Интернет не только дает большие возможности, но и порождает определенные риски.

В указанной связи предметом криминалистических исследований стали цифровые технологии, актуализировалась оценка электронной информации. Все это помогает выявить преступника. И важное значение здесь приобретает необходимость точного понимания специфики той информации, которая подлежит рассмотрению. Обеспечив единый подход можно достичь снижения возможного количества ошибок, допускаемых правоохранителями при оценке и расследовании преступлений. Важно, чтобы правоохранители умели правильно обращаться с электронными устройствами, правильно изымать и хранить их, использовать информацию, носителями которой они являются.

Для борьбы с мошенниками в киберпространстве привлекаются специалисты не только из МВД, но и из других государственных органов, общественных организаций, компаний. Они занимаются расследованием совершенных преступлений и созданием мер по предотвращению и профилактике подобных деяний. Для этого разрабатываются средства блокировки технических устройств, которыми пользуются злоумышленники, применяются другие необходимые меры. Расследованию преступлений будет способствовать создание единого информационного пространства, в котором криминалисты смогут более точно и значимо устанавливать факты, необходимые для достижения положительного результата. В первую очередь следует понять, что является сущностью понятия электронной цифровой информации.

Как известно, процесс расследования преступлений включает в себя производство следственных действий, проведение оперативно-розыскных и организационных мероприятий, которые направлены на собирание, исследование, фиксацию, оценку доказательственной информации (этапы (стадии) процесса доказывания) и установление истины по уголовному делу. Таким образом, фиксация доказательств является составляющей процесса собирания последних, выражающейся в их закреплении и запечатлении.

В законодательных актах Российской Федерации не нашли отражение понятия «электронная информация», «цифровая информация» и правоохранителям приходится пользоваться схожим понятием «компьютерная информация». В данном контексте под компьютером понимается не просто устройство, способное работать с электронной информацией, а средство определения сущности этого типа информации. Кроме того, речь идет о любой информации, с которой может работать не только компьютер, но и смартфон.

Если принять компьютерный источник за фундаментальную основу, тогда к этому виду информации следует приобщить и программные коды. Однако, физическая сущность данного продукта не позволяет этого сделать и поэтому основной вектор внимания необходимо приковать к разъяснению того, что именно является источником информации и в какой форме она существует [2].

Следует отметить, что понятию «машинная информация» дается достаточно размытое определение, которое по сути и не отражает специфики исследуемой информации. В частности, если рассмотреть то, каким способом осуществляется запись, то можно отметить, что он не слишком приспособлен к правоохранительной деятельности и требует проведения экспертизы для определения типа информации. Несмотря на это ряд исследователей включают данный метод в характеристику электронной информации. Кроме того, главным образом не учитывается, что информация, которая не является цифровой, может быть электронной [5].

Современные компьютеры при помощи цифирного сочетания дуальной последовательности кодируют информацию, из-за чего она и получила название цифровой. Она доступна для использования, хранения и распространения при помощи цифровых устройств [6]. Важное значение имеет только содержание и способ передачи информации, а не технология, посредством которой она была создана. Основная суть в том, что у этой информации нет физического выражения, как, например, у распечатанного документа. При этом цифровая информация может существовать за пределами цифровых устройств. Например, она может передаваться при помощи носителя, программного кода, шрифта на бумажном листе.

Принимая во внимание, что цифровая и электронная информация – это не тождественные понятия и они могут существовать вне зависимости друг от друга, можно не углубляться в способы работы и особенности устройства компьютеров и сделать акцент на актуальные, широко распространенные устройства – планшеты, смартфоны, ПК и ноутбуки, которые есть в каждом криминалистическом отделе. Свойствами данных устройств являются: режим использования; месторасположение; установление собственника; ручная или автоматическая обработка информации; восприятие информации.

Так, места, где существует информация, представляют собой сигнал электромагнитного поля, передающий исходные данные от одного устройства к другому в киберпространстве. А свойство цифровой информации позволяет ей существовать вне считывающих устройств и передаваться между пользователями при помощи хранения данных, например, на флеш-картах.

В глобальном пространстве информация передается посредством радиоволн проводным или беспроводным путем при помощи типов подключения ADSL, DOCSIS, FTTB, PON. Данный факт подтверждает возникновение информации в некой особой искусственно созданной среде и ее беспрепятственное существование там. Размещенная в глобальном медиапространстве информация представляет собой один большой объект из множества элементов, не зависящих друг от друга, но они будут объединены в одну среду, так как у них одна общая информация на всех [7]. Отсюда, первый пользователь, загрузивший информацию в киберсреду, является ее обладателем в полном объеме, а другие пользователи имеют право выбора скачивать интересующую информацию целиком или частично, поэтому они уже могут обладать не полной копией, а фрагментами. Отследить при этом процесс скачивания файла не всегда возможно, тем более если он был прерван или загружен выборочно. Первичный пользователь впоследствии может удалить информацию на своих носителях, но она все равно продолжит свое существование в киберпространстве, и ее копии будут существовать в скаченном виде вне зависимости от того, сохранился первоисточник или нет. Отдельные элементы при этом все равно будут нести информационную нагрузку, даже если не будут уже соприкасаться с полным файлом. Анализ совокупности частей может дать более полную и глубокую картину, которую составляла информация. Между подходами понимания, что такое цифровая информация, прослеживается заметная разница, однако большинство авторов придерживается того мнения, что наличие информации на физическом носителе (картах памяти, радиосигналы, электромагнитные волны) является обязательным [3].

Информация может иметь определенного собственника, порядок создания, передачи обработки и удаления. Но не всю информацию создает непосредственно человек. Электронные устройства могут что-то генерировать самостоятельно, все зависит от того, каким программам отдает предпочтение пользователь и что в эти программы заложено [4].

В завершении исследования отметим, что цифровая информация представляет собой зафиксированные любым способом данные, которые можно транслировать исключительно при помощи специальных устройств. Она может обрабатываться вручную или автоматически при помощи специальных технических средств и программ. Информация может передаваться между устройствами как в полном объеме, так и частично, распределяться между ними. Необходимо также использовать специфические носители, вне которых цифровая информация не может существовать. При этом сам по себе материальный носитель такой информации существенного значения для целей криминалистической фиксации не имеет, как не имеет значение форма или цвет конверта, в который упакованы материальные следы, изъятые с места преступления. Полагаем, что «упаковка» цифровой информации важна лишь с точки зрения сохранности полученных сведений в неизменном виде, пригодном для их дальнейшего использования в судопроизводстве.

Пристатейный библиографический список:

1. Баширова М. А. Назначение и проведение судебных экспертиз в уголовном праве и процессе: анализ основных проблем // В сборнике: Наука, культура, образование в контексте приоритетов современности. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – Стерлитамак, 2023. – С. 243-246.
2. Бодачевский Д. В. Совершенствование организационно-технических средств производства экспертиз в криминалистике // В сборнике: фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития. сборник статей XXXII Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2023. – С. 123-126.
3. Денисов И. М., Лещинский М. И. Криминалистическое исследование цифровой информации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 1-1 (76). – С. 139-141.
4. Дудченко А. В., Парий М. А. Информационные технологии в правоохранительной деятельности // Очерки новейшей камералистики. – 2023. – № 2. – С. 15-21.
5. Жердев П. А., Усенко О. В. Некоторые особенности использования специальных знаний при производстве компьютерно-технической экспертизы мобильных устройств // В сборнике: Криминалистика – наука без границ: традиции и новации. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Сост.: А. Р. Акиев, Т. А. Бадзгарадзе. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 146-152.
6. Низаева С. Р. Цифровые технологии в криминалистике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2021. – № 21-1. – С. 55-56.
7. Никулиц А. А. Цифровая криминалистика // В сборнике: Пермский период. Сборник материалов IX Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций. – Пермь, 2022. – С. 230-232.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-340-342

ГАЛЯУТДИНОВ Рушан Радикович
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий

Галяутдинов Р. Р.

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ДОЛЖНОСТНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДАХ ЕГО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

В контексте данного исследования противодействие раскрытию и расследованию должностных насильственных преступлений представляет серьезную угрозу при установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При этом такое противодействие в различных формах, практически обязательный атрибут расследования должностных насильственных преступлений, когда чем больше уличающих сведений о должностном лице, тем и разнообразнее происходит сам процесс противодействия. При этом следует отметить, что противодействие расследованию должностных насильственных преступлений обладает своей спецификой, обусловленной личностью преступника, личностью потерпевшего, их взаимосвязями. Актуальность темы публикации обусловлена проведенным автором исследованием в ходе написания диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Необходимость поиска новых актуальных криминалистических методов нейтрализации и преодоления противодействия обусловлена найденными автором практическими примерами. Целью настоящей публикации является определение противодействия раскрытию и расследованию должностных насильственных преступлений, поиск и выявление криминалистических методов его нейтрализации. Методы: анализ нормативно-правового регулирования, формально-юридический, сравнительно-правовой. Результаты: определены компоненты противодействия раскрытию и расследованию должностных насильственных преступлений, приемы нейтрализации противодействия, приведены интересные практические примеры по теме, обоснованы субъекты, общие и специальные приемы противодействия.

Ключевые слова: должностные насильственные преступления, противодействие расследованию, нейтрализация противодействия, общие и специальные приемы противодействия, субъекты противодействия.

GALYAUTDINOV Rushan Radikovich
Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

ON COUNTERING THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF OFFICIAL VIOLENT CRIMES AND CRIMINALISTIC METHODS OF ITS NEUTRALIZATION

In the context of this study, countering the disclosure and investigation of official violent crimes poses a serious threat when establishing circumstances relevant to a criminal case. At the same time, such counteraction in various forms is practically an obligatory attribute of the investigation of official violent crimes, when the more incriminating information about an official, the more diverse the counteraction process itself is. At the same time, it should be noted that countering the investigation of official violent crimes has its own specifics, due to the personality of the criminal, the personality of the victim, and their interrelationships. The relevance of the topic of the publication is due to the research conducted by the author during the writing of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. The need to search for new relevant forensic methods of neutralization and overcoming counteraction is due to the practical examples found by the author. The purpose of this publication is to determine the counteraction to the disclosure and investigation of official violent crimes, the search and identification of criminalistic methods of its neutralization. Methods: analysis of regulatory regulation, formal legal, comparative legal. Results: the components of countering the disclosure and investigation of official violent crimes, methods of counteraction neutralization are identified, interesting practical examples on the topic are given, subjects, general and special methods of counteraction are substantiated.

Keywords: official violent crimes, counteraction to investigation, neutralization of counteraction, general and special methods of counteraction, subjects of counteraction.

Введение

Предмет криминалистики включает в себя изучение двух видов деятельности: 1) деятельности по подготовке, совершению и сокрытию преступлений; 2) деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению этих преступных деяний [3, с. 116]. Обе указанные категории как в познавательном, так и в практическом аспекте взаимосвязаны. Лица, совершающие преступления, и органы, расследующие их преступные деяния, по сути, противостоят друг другу. Задачи, возникающие в процессе их деятельности, как правило, противоположны: у одних – совершить преступление и остаться при этом безнаказанными; у других – быстро и полно раскрыть это преступление, привлечь виновных к предусмотренной законом ответственности. Однако при рассмотрении насильственных преступлений, совершенных должностными лицами, которые сами, согласно закону, активно должны способствовать активному расследованию и предотвращению преступлений, данные грани начинают стираться. Противодействие предполагает активные действия заинтересованных лиц, направленные на воспрепятствование следователю установлению обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Научные исследователи подчеркивают, что кроме общих закономерностей в противодействии существуют и специфические особенности приемов взаимодействия, характерные непосредственно для должностных насильственных преступлений. Выявление та-

ких типичных приемов противодействия, определение их признаков и специфики нейтрализации такого «видового» противодействия должны способствовать разработке и совершенствованию частных криминалистических методик расследования в современных условиях.

Понятие и сущность противодействия раскрытию и расследованию должностных насильственных преступлений

Противодействие раскрытию и расследованию должностных насильственных преступлений обладает собственной спецификой и обусловлено высокой юридической подготовленностью лиц, совершивших рассматриваемые нами преступления, наличием взаимоотношений (коллегиальных и дружественных) отношений с другими должностными лицами, практически неограниченных оперативных возможностей по оказанию давления на участников уголовного процесса.

Приведем пример по изученным нами уголовным делам: бывший следователь А. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. В ходе расследования данного уголовного дела коллега следователя А. Б. намеренно скрыл от следственных органов местонахождение свидетеля В., хотя в рамках уголовного дела существовала необходимость его дополнительного допроса. В целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию следователь Б. в суде изменил ранее данные показания свидетеля В … Б. был привлечен к уголовной ответственности[1].

Таким образом, противодействие расследованию должностных насильственных преступлений представляет собой совокупность умышленных противоправных и иных действий должностных лиц (сотрудников правоохранительных органов), а также связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины по выявлению, раскрытию и расследованию насильственных преступных деяний должностных лиц.

Основной целью противодействия является уклонение от ответственности за совершенное должностное насильственное преступление. Более конкретные цели – сокрытие самого факта (события) преступления, отдельных его следов (материальных, идеальных, цифровых) и иных доказательств, виновности конкретных должностных лиц в совершении этого преступления, деталей обстановки, в которой совершалось преступление, в некоторых случаях добытых преступным путем денег или имущества. Такая цель противодействия, как уклонение от ответственности должностного лица и/или его соучастников, может реализовываться также путем уклонения от явки к следователю или в суд, путем нарушений требований различных мер пресечения.

Проведенное нами исследование позволило выявить некоторые закономерности противодействия расследованию должностных насильственных преступлений. Среди них зависимость характера противодействия: от конкретного вида должностного насильственного преступления, от степени организованности преступной деятельности должностных лиц, от особенностей личности должностных лиц – субъектов противодействия и эффективности их воздействия на свидетелей, потерпевших и других участников уголовного судопроизводства. При расследовании искомых преступлений чаще всего речь идет о сложных способах противодействия (когда противодействие состоит из нескольких приемов). Сложное комплексное противодействие обычно включает до 8-10 приемов.

Субъекты и приемы противодействия при расследовании должностных насильственных преступлений

В качестве субъектов, которые оказывают противодействие при расследовании должностных насильственных преступлений, могут выступать любые лица, которые участвуют конкретном уголовном деле. Согласно полученным нами данным по результатам анкетирования следователей Следственного комитета Российской Федерации, субъектами противодействия являлись сами преступники (должностные лица), его коллеги, родственники, близкие знакомые, адвокаты. А уже под воздействием указанных лиц противодействие расследованию должностных насильственных преступлений нередко оказывают потерпевшие и свидетели, на первый взгляд незаинтересованные в уклонении преступника от ответственности. Согласно научным данным, лишь меньшая часть свидетелей и потерпевших при осуществлении акта воздействия на них отказали преступникам в помощи. Большинство свидетелей и потерпевших, подвергнутых воздействию, в той или иной степени воздействию поддались: совершили конкретные действия в пользу виновных – должностных лиц, или же имели твердую установку на их совершение.

Без описания субъектов нельзя было бы перейти к приемам противодействия. Логично разделить приемы противодействия на общие и специальные. Общие приемы используются в различных категориях уголовных дел, специальные преимущественно характерны для должностных насильственных преступлений. Однако и у общих приемов противодействия есть собственная специфика.

Одним из наиболее распространенных общих приемов противодействия расследованию должностных насильственных преступлений является дача ложных показаний или уклонение от дачи показаний. При этом не соответствующие истине показания зачастую даются не только подозреваемыми (обвиняемыми) должностными лицами, но и другими лицами. В дальнейшем под давлением улик такие показания могут меняться, но тем не менее ложь в показаниях остается часто и на стадии судебного разбирательства. Также может возникнуть такая ситуация, что находящиеся в служебной зависимости или младшие коллеги должностного лица, пытаясь его выгородить, могут продемонстрировать чистосердечное раскаяние, взять вину на себя и написать явки с повинной.

Дача ложных показаний тесно связана с другими приемами противодействия расследованию должностных насильственных преступлений: воздействием на потерпевших и свидетелей, выдвижением ложного алиби, инсценировкой преступления потерпевшим, сокрытием должностными лицами орудий преступления. Ложные показания могут даваться практически обо всех обстоятельствах, входящих в предмет доказывания: 1) об обстоятельствах происшедшего события и особенно – механизме и способе совершения возможного преступления; 2) о факте пребывания должностного лица в отделе полиции / следственном отделе; о месте своего нахождения в то время, когда совершено должностное насильственное преступление; 3) о соучастниках, других лицах, осведомленных о подготовке, совершении и сокрытии следов должностного насильственного преступления; 4) о мотивах данного преступления; 5) о способах сокрытия должностного насильственного преступления, его последствий; 6) об обстоятельствах, отрицательно характеризующих личность подозреваемого (обвиняемого) должностного лица; 7) о причинах и условиях, способствовавших совершению должностного насильственного преступления.

Выдвижение и отстаивание ложного алиби как приема противодействия известно в науке криминалистики достаточно давно [1, с. 128]. Однако на сегодняшний день непосредственно в расследовании должностных насильственных преступлений следователи часто встречаются с ложными алиби от должностных лиц. Субъект выдвижения ложного алиби – лицо, участвующее в реализации данного приема противодействия. Под субъектом алиби понимается лицо, в целях доказывания невиновности которого выдвинуто алиби. Такими субъектами в 30 % случаев являлись подозреваемые должностные лица, в 32 % обвиняемые, в 17 % – подсудимые. Остальные 21 % приходятся на должностных лиц, еще не получивших к тому времени статуса подозреваемых или обвиняемых по делу. По большинству дел с ложными алиби эти субъекты совпадают, но именно по должностным насильственным преступлениям они как раз могут различаться. Деятельность по реализации ложного алиби образу-

1 Архив Усть-Катавского городского суда Челябинской области. Д. № 4-9/2017.

ет сменяющие друг друга подсистемы действий преступника (должностного лица) и связанных с ним лиц: обоснование, выдвижение и отстаивание. При этом действия по обоснованию ложного алиби по должностным насильственным преступлениям могут предприниматься еще до совершения преступления, в процессе подготовки к нему. Такой способ носит название искусственное алиби или фальсификация: покидание помещений на время, где производятся пытки, рассказы коллегам по службе о том, что потерпевший совершил тяжкое преступление, однако в этом не сознается [4, с. 41-84]. При обосновании ложного алиби подчас используются такие способы полного или частичного обмана, которые выступают причиной искажений в восприятии, запоминании, воспроизведении информации о совместном местонахождении свидетеля и обвиняемого (подозреваемого) во времени, а в последующем и судебных ошибок.

Широкое распространение по делам о должностных насильственных преступлениях получил такой прием противодействия расследованию, как воздействие преступников – должностных лиц и связанных с ними лиц на потерпевших и свидетелей по делу. Подчеркнем примером: в ходе расследования одного уголовного дела по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ потерпевший Б. отказался от своего заявления. Потерпевший заявил, что он сам виноват, находился в нетрезвом состоянии, выражался нецензурно, а следователь, которого обвиняют в совершении преступления, еще молод (ему было 25 лет). В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что А. просил отказаться от заявления потерпевшего, ударил его кулаком 3 раза и угрожал последнему дальнейшими проблемами. Как итог, А. был привлечен к уголовной ответственности[2].

Приведем некоторые специальные приемы противодействия по должностным насильственным преступлениям. Специальным приемом противодействия можно считать попытки повлиять на ход расследования должностными лицами и/или их коллегами через сеть Интернет и СМИ. Приведем пример противодействия через сеть Интернет в ходе расследования должностного насильственного преступления: в ходе допроса бывшего сотрудника полиции А., подозреваемого в совершении должностного насильственного преступления – склонении потерпевшего Б. к даче ложных показаний путем побоев и связывания. Было установлено, что коллега сотрудника полиции А. В. в социальных сетях «ВК» писал родственникам потерпевшего Б. сообщения следующего содержания: «1) Будьте внимательны, пока вы на свободе! 2) А. скоро выйдет, зря вы так с заявлением, а вот вам нужно быть осторожнее на улицах нашего города». По итогам расследования А. и В. были привлечены к уголовной ответственности. Положения должностного лица могут также определять такой специальный прием противодействия, как подделку документов и внесение изменений в имеющиеся официальные документы. Положение должностного лица, который принимает решения и имеет доступ к различным документам, представляет ему такую возможность. Специальные приемы исходят из специфики данных преступлений: это и оформления якобы «законного» задержания потерпевших, возбуждение необоснованных административных и уголовных дел, затягивание ознакомления с материалами уголовных дел, увольнение должностного лица из правоохранительных органов задним числом: датой до совершения преступления.

Криминалистические методы нейтрализации (преодоления) противодействия расследованию должностных насильственных преступлений.

Можно отметить два варианта действий по преодолению выявленного противодействия: пресечение оказываемого преступником – должностным лицом на потерпевших, свидетелей и других участников уголовного процесса либо поиск и использование альтернативных источников доказательственной информации, нейтрализующих уже сработавшие приемы противодействия. Возможно и параллельное применение обоих вариантов нейтрализации.

В научной литературе справедливо отмечается, что легче предотвратить противодействие, чем потом преодолевать его последствия [5, с. 198]. Такие методы могут быть направлены на подозреваемых (обвиняемых), так и на свидетелей, потерпевших, которые, по мнению следователя могут подвергнуться воздействию со стороны либо по собственной инициативе, или могут по различным причинам попытаться помочь виновному должностному лицу.

Посредством применения разнообразных тактических приемов следователь в целях нейтрализации противодействия должен соответствующим образом воздействовать на контролирующую часть защитного центра сознания участника уголовного процесса, устраняя субъективные причины противодействия. Более того, для преодоления противодействия по должностным насильственным преступлениям используются различные группы методов: 1) уголовно-правовые; 2) уголовно-процессуальные; 3) оперативно-розыскные; 4) криминалистические [2, с. 97]. Остановимся на последней группе. В качестве криминалистических методов обычно понимаются различные тактические приемы. К тактическим методам можно отнести приемы установления психологического контакта, совершение действий по сохранению криминалистически значимой информации, подбор наиболее эффективных тактических приемов производства различных следственных действий, недопущение разглашения полученной информации о деталях совершенного должностного насильственного преступления и его участниках среди коллег должностного лица.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что знание типичных приемов противодействия имеет прежде всего эвристическое значение. Оно ориентирует следователя, оперативных работников, экспертов на целеустремленный поиск информации о должностном преступлении и должностном лице, применяемых им в конкретном случае приемов уклонения от ответственности. Данные о типичных приемах противодействия должностным насильственным преступлениям должны быть использованы при построении версий в качестве базы профилактики и предупреждения таких преступлений наряду с конкретными фактами, полученными в процессе расследования по каждому конкретному делу.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев А. С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. – Ростов н/Д., 2010. – 290 с.
2. Галяутдинов Р. Р. Криминалистические аспекты предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о должностных насильственных преступлениях, совершенных работниками правоохранительных органов: дис. … к.ю.н. – Ростов н/Д., 2022. – 282 с.
3. Криминалистика: учеб. / Л. Я. Драпкин, В. Н. Карагодин. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 492 с.
4. Прокофьева Н. В. Методика расследования злоупотребления должностными полномочиями, совершенного сотрудником правоохранительного органа: дис. … докт. юрид. наук. – М., 2013. – 196 с.
5. Трухачев В. В. Преступное воздействие на доказательственную информацию: правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления, нейтрализации. – Воронеж, 2010. – 300 с.

2 Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Д. № 500-101/2015.

ДАНИЛЬЯН Элина Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России

КОНСУЛЬТАНТ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ НЕОЧЕВИДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются мнения ученых-криминалистов по вопросу понятия взаимодействия, содержание и цели взаимодействия, автор предлагает ввести для расследования неочевидных преступлений – консультанта. Описана роль консультанта, требования, предъявляемые к нему, его обязанности, взаимодействие со следователем и оперативным сотрудником.

Ключевые слова: неочевидное преступление, консультант, следователь, расследование, раскрытие.

DANILYAN Elina Sergeevna
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminalistics sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

CONSULTANT FOR THE INVESTIGATION OF NON-OBVIOUS CRIMES

The article examines the opinions of criminologists on the concept of interaction, the content and goals of interaction, the author suggests introducing a consultant for the investigation of non-obvious crimes, describes the role of the consultant, the requirements imposed on him, his duties, interaction with the investigator and the operative.

Keywords: non-obvious crime, consultant, investigator, investigation, detection.

Взаимодействие следователей, оперативных работников и специалистов является одним из главных условий быстрого и полного раскрытия и расследования неочевидных преступлений.

В настоящее время очень много работ посвящено вопросам взаимодействия следователя с подразделениями полиции, средствами массовой информации, общественными организациями и др. В теории существует множество понятий взаимодействия. Г. Г. Зуйков дал следующее определение взаимодействию: «основанная на законе и подзаконных нормативных актах, согласованная по целям, месту и времени деятельности различных звеньев системы, не находящихся в подчинении, друг у друга в интересах достижения общей цели» [3, с. 104]. В. А. Михайлов определил взаимодействие следственных аппаратов с другими службами как «основанную на законах и подзаконных актах их совместную и наиболее целесообразную деятельность по выполнению поставленных перед ними общих задач. Взаимодействие организуется между участвующими в возбуждении уголовных дел и предварительном расследовании преступлений следователями, оперуполномоченными, специалистами и другими сотрудниками органов и учреждений внутренних дел по задачам, направлениям, месту и времени деятельности. Оно обеспечивается за счет комплексного использования сил, средств и методов, которыми располагают органы внутренних дел» [5, с. 12]. В. Ф. Статкус, как и многие другие ученые-процессуалисты, рассматривают взаимодействие в широком и узком смыслах. «Взаимодействие в широком смысле – это деловой контакт и согласованная работа различных подразделений органов внутренних дел в борьбе с преступностью. В узком смысле – это отношения следователя и органа дознания, возникающие в процессе рассмотрения материала о совершенном преступлении, или определенного уголовного дела, регулируемое уголовно-процессуальным законодательством или вневедомственными актами» [6, с. 47]. А. А. Эксархопуло определяет взаимодействие как «объединение усилий следователя с другими правоохранительными органами для согласованных действий по достижению общих целей раскрытия и расследования преступления, осуществляемое в формах, предусмотренных законом, ведомственными нормативными актами либо выработанных практиков» [8, с. 443].

В. Ю. Белицкий говорит о том, что под взаимодействием следователя и органа дознания необходимо понимать основанную на законе и подзаконных, в том числе ведомственных, нормативно-правовых актах планируемую, согласованную по целям, месту и времени совместную деятельность не подчиненных друг другу органов, обеспечивающую эффективную расстановку сил, комплексное использование методов и средств, направленную на решение задач уголовного судопроизводства, при руководящей и организующей роли следователя и четком разграничении компетенции участников взаимодействия [1, с. 33-34].

«Взаимодействие – это часть тактики, уровень связи между следственными и иными действиями и их субъектами. Это установление согласованности по месту, времени, кругу участников и приемам осуществления совместного действия. При взаимодействии возможна частная кооперация функций. Например, выполнение работником дознания следственного действия по поручению следователя или участие следователя в розыскных действиях. Взаимодействие может иметь и постоянный длящийся характер на протяжении всего расследования» [4, с. 3].

Р. С. Белкин считал, что «о взаимодействии следователя с иными участниками расследования можно говорить в известном смысле лишь условно, поскольку с процессуальной точки зрения здесь нет равноправного партнерства: статус следователя определяет его главенствующую и руководящую роль, персональную ответственность за принимаемые решения и результаты расследования в целом. Вся деятельность иных участников расследования подчинена задачам, поставленным перед ними следователем, согласуется с ними. Однако, поскольку термин «взаимодействие» традиционно используется для обозначения этой деятельности, нет смысла при дальнейшем изложении заменять его каким-либо другим» [2, с. 491]. Мы полностью разделяем точку зрения Р. С. Белкина.

Сущность взаимодействия заключается в соединении усилий различных служб в раскрытии преступлений, в согласовании действий при соблюдении законности и самостоятельном выполнении каждым субъектом своих обязанностей при руководящей роли следователя [7, с. 108].

Содержание взаимодействия определяется его целями. В одних случаях такой целью может быть успешное проведе-

ние отдельного следственного действия, в других – получение необходимой информации оперативным путем, в третьих – поиск и обнаружение скрывшегося подозреваемого или обвиняемого, вещественных доказательств, документов, ценностей и т. п. Соответственно взаимодействие может носить разовый, краткосрочный характер или осуществляться на постоянной основе в течение значительного времени, например, всей работы по конкретному уголовному делу или по группе дел того или иного вида.

Главная цель взаимодействия – раскрытие и расследование преступлений.

Взаимодействие при расследовании преступлений осуществляется в процессуальной и непроцессуальной формах.

Для выработки новых и усовершенствовании имеющихся подходов к организации взаимодействия следователей и специалистов, при раскрытии и расследовании неочевидных преступлений, актуальность приобретают вопросы совершенствования непроцессуальных форм взаимодействия между данными участниками, которые направлены на повсеместное внедрение в практическую деятельность современных научных достижений, новых высокоэффективных экспертно-криминалистических методов и средств.

Одной из непроцессуальных форм взаимодействия при раскрытии и расследовании неочевидных преступлений мы считаем предоставление консультаций следователю.

Изучив достаточное количество проблемных вопросов, возникающих при расследовании и раскрытии неочевидных преступлений, предлагаем ввести институт внештатных консультантов по расследованию неочевидных преступлений. Проанализировав мнения следователей, находящихся в данной должности до двух лет и собственный опыт работ в следственном подразделении предлагаем, что консультантом может являться лицо, имеющее высшее юридическое образование, опыт расследования неочевидных преступлений не менее 5 лет, и желающий на безвозмездной основе оказывать помощь следователю. Консультантами могут быть лица, соответствующие вышеуказанным требованиям, занимающиеся преподавательской деятельностью, пенсионеры правоохранительных органов, и другие (лица, ранее работавшие следователями, дознавателями, оперативными сотрудниками, участковыми, однако по состоянию здоровья не могут занимать данные должности и др.). Консультантами не могут являться адвокаты, помощники судей, секретари судей, помощники прокурора и другие лица, заинтересованные в исходе дела. При принятии следователем решения о привлечении лица в качестве консультанта, необходимо к материалам уголовного дела приобщить документы о наличии у консультанта высшего юридического образования (при наличии ученой степени (ученого звания) соответствующие документы), выписку из трудовой книжки либо заверенную копию трудовой книжки, подтверждающую опыт работы (либо заверенную копию приказа, подтверждающую данный факт).

Считаем, что допуском к осуществлению полномочий по оказанию консультационных услуг и практической помощи следственному органу является подписание соответствующего приказа руководителем главного следственного управления либо руководителем органа внутренних дел, которому предшествует проверка сведений о кандидате в консультанты. Указанный приказ о допуске к консультационной деятельности подписывается один раз и не имеет срока действия. Однако, в случае если будут уставлены нарушения со стороны консультанта (нарушение закона, разглашение данный следствия, несоблюдение этических правил поведения), то данное лицо прекращает свою деятельность, о чем так же рекомендуем вынести приказ и не допускать больше данное лицо к консультационной деятельности.

Для привлечения лица в качестве консультанта предлагаем предупреждать его о неразглашении тайны предварительного следствия и о консультировании следователя на безвозмездной основе. Расписка о неразглашении тайны предварительного следствия, подписанная консультантом, должна находиться в материалах уголовного дела.

Консультант призван оказывать практическую помощь начинающим следователям при расследовании и раскрытии неочевидных преступлений. В случае, если совершенное неочевидное преступление вызвало общественный резонанс, либо представляет особую сложность (количество эпизодов, большое количество потерпевших, преступление совершено в экономической сфере и др.), а следователь достаточно опытен, имеет большой стаж следственной работы, но нуждается в консультанте, то необходимо привлекать консультанта.

Консультант оказывает консультационные услуги и практическую помощь следственному подразделению на общественных началах и безвозмездно.

Консультант должен присутствовать при составлении плана совместных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, выдвижении версий, при обсуждении алгоритма действий по проверке каждой версии, при планировании следователем проведения отдельных следственных действий.

В случае если в качестве консультанта по расследованию неочевидных преступлений привлечен преподаватель, то наделить его полномочиями по чтению лекций перед отделом полиции по проблемным вопросам, возникающим при сборе первоначального материала, проведении осмотра места происшествия и другим вопросам, разъяснять изменения в законодательстве.

Предлагаем так же, привлекать в качестве внештатных консультантов бывших оперативных сотрудников, которые хорошо ознакомлены с территорией, оперативной обстановкой, налаженным негласным аппаратом.

Пристатейный библиографический список

1. Белицкий В. Ю. О понятии взаимодействия следователя и органов дознания // Вестн. Барнаул. юрид. ин-та МВД России. - 2011. - № 2 (21). - С. 33-34.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: учеб. для вузов. - М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. - С. 491.
3. Зуйков Г. Г. Научная организация управления и труда в следственном аппарате ОВД. - М.: ВШ МВД СССР, 1976. - С. 104.
4. Кучерук С. А. Типовые ситуации организации взаимодействия и тактики в особо сложных условиях раскрытия и расследования преступлений: метод. рекомендации. - Краснодар: Краснодар. академ. МВД России, 2005. - С. 3.
5. Михайлов В. А. Организация взаимодействия следственных и оперативно-розыскных аппаратов при расследовании преступлений: лекции. - М.: Академия МВД СССР, 1988. - С. 12.
6. Статкус В. Ф. Взаимодействие следователя с сотрудниками оперативных аппаратов ОВД при возбуждении уголовного дела. - М.: ВШ МВД, 1973. - С. 47.
7. Управление органами расследования преступлений / Под ред. И. И. Колесникова. - М., 2000. - С. 108.
8. Эксархопуло А. А. Введение в криминалистику и ее теоретические основы. - СПб.: Лань, 2001. - С. 443.

ДОМОВЕЦ Светлана Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

СЫЧЕВА Анна Викторовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ДОСТАВКИ ТОВАРОВ И ГРУЗОВ

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день теме хищений в сфере доставки товаров и грузов. Авторы данной статьи предпринимают попытку классифицировать существующие способы совершения хищений имущества и денежных средств в сфере доставки товаров и грузов на территории России и за ее пределами. В статье рассматриваются не только актуальные способы хищений, но и предлагается примерная программа действий следователя и оперативного сотрудника по борьбе с преступлениями в указанной сфере. В статье раскрываются проблемы своевременного выявления хищений чужого имущества в сфере экспресс-доставки. Кроме того, авторами приводится примерный перечень следственных действий, производство которых необходимо на первоначальном этапе расследования.

Ключевые слова: транспортировка, доставка, хищение, груз, имущество, ущерб, платежные карты, банковские карты.

DOMOVETS Svetlana Sergeevna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

SYCHEVA Anna Viktorovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ABOUT SOME FEATURES OF COMMITTING THEFT IN THE FIELD OF DELIVERY OF GOODS AND CARGO

The article is devoted to the current topic of theft in the field of delivery of goods and cargo. The author of this article makes an attempt to classify the existing methods of committing theft of property and funds in the field of delivery of goods and cargo in Russia and abroad. The article discusses not only the actual methods of theft, but also proposes an approximate program of actions for the investigator and the operative officer to combat crimes in this area. The article reveals the problems of timely detection of theft of other people's property in the field of express delivery. In addition, the author provides an approximate list of investigative actions, the production of which is necessary at the initial stage of the investigation.

Keywords: transportation, counterfeit, theft, fraud, cargo, property, damage, payment cards, bank cards.

В настоящее время услугами компаний, занимающихся доставкой товаров, документов, грузов пользуется практически каждый гражданин с единственной поправкой на регулярность этих действий. Действительно, предлагаемые услуги стали доступны широкому кругу лиц, оперативность и качество их оказания очень высоки. Вместе с тем сфера экспресс-доставки является экономически привлекательной для преступников, в ней ежедневно совершаются различные преступления, такие как кража, мошенничество, присвоение, растрата. Указанные преступления могут совершаться непосредственно сотрудниками данных организаций, недобросовестными клиентами, а также третьими лицами.

Для эффективного расследования хищений в сфере экспресс-доставки товаров и грузов следователю необходимо обладать информацией о криминалистически значимых обстоятельствах, об элементах криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений. Обстановка преступления, предмет преступного посягательства, личность преступника тесно взаимосвязаны со способом его совершения. Во-первых, они детерминируют как по отдельности, так и по своей совокупности выбор конкретного способа совершения преступления. Во-вторых, отражают на себе или в своем содержании следы его применения [1]. Способ совершения преступления является одним из наиболее важных элементов криминалистической характеристики. Рассмотрим некоторые способы совершения хищений имущества и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов.

Последовательность действий в первом рассматриваемом способе такова: в пункт выдачи заказов поступает оплаченный заказчиком товар. В течение положенного срока заказчик по какой-либо причине не является получать товар. В нарушение имеющихся инструкций, а также регламента возврата неполученных посылок, который предписывает все вопросы, касающиеся неполученных заказов, согласовывать с отправителем (например, интернет-магазином), сотрудник пункта выдачи заказов присваивает имущество себе. Безусловно, хищение не каждого товара будет считаться кражей, квалификация зависит напрямую от стоимости похищенного имущества. В ситуации, когда данное преступление выявлено, необходимо допросить сотрудника клиентского отдела, а также по возможности отправителя - физическое лицо или представителя отправителя, если речь идет об интернет-магазине. Сотрудник, совершивший хищение, должен ответить на вопросы:

– какое имущество и на какую сумму было им похищено;

– где сейчас находится данное имущество;

– кто из сотрудников находился в этот момент на рабочем месте;

– отключались ли камеры видеонаблюдения на время совершения хищения;

– каковы правила хранения, пересылки и возврата неполученных заказов;

– связывался ли сотрудник службы доставки с отправителем для решения вопроса о возврате товара (нередки случаи, когда отправитель сам отказывается оформлять возврат и пересылку товара обратно, если цена товара ниже, чем расходы на его пересылку);

– каков регламент утилизации оплаченного, но не полученного товара.

В ходе допроса отправителя или его представителя необходимо выяснить:

– кем и когда было оплачено похищенное имущество;

– какова его стоимость;

– какова стоимость транспортировки;

– каков порядок возврата неполученных заказов;

– какая имеется договоренность между отправителем и службой доставки относительно действий с неполученным заказом;

– была ли представлена сотрудником службы доставки информация о конкретном неполученном заказе, если да, какое решение было принято.

Также возможен такой вариант: мошенник заказывает технику на сайте интернет-магазина, при получении приводит технику в неисправность. Используя услуги службы экспресс-доставки, отправляет письмо-претензию с оплатой получателем (интернет-магазином). Интернет-магазин в большинстве случаев отказывается оплачивать услуги за отправку письма, письмо возвращается мошеннику. По прошествии времени и нескольких отправленных по той же схеме писем мошенник обращается в суд с исковым заявлением на возмещение причиненного ущерба с учетом накопленной пени (практически в 3-5 кратном размере), так как интернет-магазин отказывается осуществлять ремонт техники и не принимает претензии к рассмотрению. В итоге мошенник «зарабатывает», так как суды чаще всего принимают позицию истца.

В данной ситуации ценной может оказаться информация с камер видеонаблюдения, которая подтвердит или опровергнет факт приведения полученной техники в неисправность. Однако, преступник, вероятнее всего, предпринимал все необходимые действия, чтобы осуществить это незаметно. Кроме того, необходимо допросить сотрудника, осуществлявшего выдачу техники, и уточнить, не заметил ли он каких-либо действий с содержимым посылки, имел ли при себе получатель какие-либо инструменты или технические приспособления, с помощью которых могли быть причинены повреждения, были ли в поведении получателя какие-то странности или особенности.

Целесообразным будет назначение и производство трасологической экспертизы для исследования следов повреждений на технике и выявления причин и механизмов их появления.

Кроме того, возможно хищение денежных средств путем демонтажа креплений сейфа и его изъятия из пункта выдачи заказов. Кража таким способом становится возможной по причине низкой технической укрепленности и оснащенности конкретного пункта выдачи заказов, отсутствия сигнализации, систем видеонаблюдения в зоне нахождения сейфа, а также низкого качества крепления сейфа к стене и полу, несвоевременной инкассации наличных денежных средств, а также несанкционированного хранения в сейфе иных предметов и личных денежных средств.

В данном случае к совершению преступления могут быть причастны как сотрудники пункта выдачи заказов (бывшие или действующие), так и иные лица. Не исключено, что исполнитель находился в преступном сговоре с сотрудником службы доставки. На совершение преступления сотрудником (или на его участие) указывает ряд обстоятельств: знание регламента рабочего времени конкретного пункта выдачи заказов, информированность о неисправности или отключении камер видеонаблюдения, движение по траектории, попадающей в «слепую» зону покрытия камер видеонаблюдения, осведомленность о местонахождении сейфа и о содержащейся в нем денежной наличности, о регулярности инкассации и пр. О количестве похищенных денежных средств необходимо допросить сотрудника и руководителя пункта выдачи заказов, а также проверить документацию о результатах последней инкассации и инвентаризации денежных средств в кассе. Допрос сотрудников и руководителя должен быть произведен незамедлительно, обязательны для выяснения следующие обстоятельства:

– правила хранения и инкассации денежной наличности;

– сроки и регулярность инкассации;

– кто ответственен за ведение кассовых операций и инкассацию денежных средств;

– какая максимально возможная сумма может храниться в кассе без инкассации по договору с банком;

– регулярность проведения инвентаризации денежных средств;

– когда проводилась последняя инвентаризация, ее результаты;

– где хранится документация о проведенных инвентаризациях и о поступлении денежных средств в кассу;

– кем устанавливался сейф, какие виды крепления использовались (к стене, к полу);

– попадает ли место расположения сейфа в зону покрытия камеры видеонаблюдения, является ли это обязательным условием;

– имеется ли в пункте выдачи заказов сигнализация, какая организация осуществляет охрану;

– находились ли в сейфе иные предметы и ценности, не относящиеся к сфере деятельности пункта выдачи заказов, если да, кому об этом могло быть известно.

В случае, если удалось задержать лиц, совершивших хищение сейфа, важно также незамедлительно их допросить и задать следующие вопросы:

– источник информации о наличии денежных средств или иного имущества в сейфе;

– откуда им было известно о несвоевременной инкассации денежных средств в банк;

– с кем из сотрудников пункта выдачи заказов (бывших или действующих) поддерживается контакт;

– сколько человек участвовало в демонтаже и перевозке сейфа;

– какие технические средства использовались для демонтажа креплений сейфа;

– какое транспортное средство использовалось для транспортировки сейфа;

– каким способом сейф был вскрыт (так, наличие дубликата ключа является прямым указанием на сговор с сотрудником пункта выдачи);

– какое количество денежных средств находилось в сейфе;

– какое иное имущество или документы находились в сейфе;

– где в настоящий момент находится сейф и находящиеся в нем ценности.

При расследовании хищения, совершенного таким способом, также необходимо произвести обыски по месту жительства преступников с целью отыскания и изъятия инструментов или иных технических приспособлений, с помощью которых был осуществлен демонтаж и вскрытие сейфа. В случае обнаружения этих предметов необходимо назначить и произвести судебную трасологическую экспертизу. Также, возможно производство и дактилоскопической экспертизы, если преступниками оставлены следы пальцев рук на сейфе, на дверях, иных поверхностях пункта выдачи заказов.

Преступления против собственности в сфере экспресс-доставки товаров и грузов, совершаемые рассмотренными способами, совершаются достаточно часто. Оперативным сотрудникам и следователям необходимо знать о них, уметь быстро и четко реагировать на поступающие сигналы, грамотно проводить оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия. От всего вышеперечисленного напрямую зависит успех расследования.

Пристатейный библиографический список

1. Бессонов А. А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики // Пробелы в российском законодательстве. - 2014. - № 4.
2. Домовец С. С. Об особенностях совершения и выявления хищений в сфере экспресс-доставки товаров и грузов по России и миру // Вестник ВА МВД России. - 2022. - № 2 (61). - С. 117-123.

ИМАЕВА Юлия Борисовна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

ЕРМОЛАЕВА Любовь Николаевна
преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России

Имаева Ю. Б.

Ермолаева Л. Н.

ОСОБЕННОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЦЕЛЯХ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В век стремительно развивающейся высокотехнологической техники, совершение преступлений с применением it-технологий либо в сфере it – технологий стали частыми и сложно расследуемыми. Одним из наиболее информационных процессуальных действий данной категории преступлений является проведение судебных экспертиз, предметом исследования которых выступает компьютерная информация. В статье рассмотрены некоторые специфические особенности объекта компьютерной экспертизы, обозначены проблемные аспекты, связанные с обнаружением, изъятием и фиксацией компьютерной информации, предложены пути их решения.

Ключевые слова: компьютерная экспертиза, специалист, облачное хранилище, семантическое содержание.

IMAEVA Yuliya Borisovna
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law and process sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

ERMOLAEVA Lubov Nikolaevna
lecturer of the Criminalistics sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

FEATURES RELATED TO THE FORENSIC STUDY OF COMPUTER INFORMATION FOR THE PURPOSE OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

In the age of rapidly developing high-tech technology, the commission of crimes using IT technologies or in the field of IT technologies have become frequent and difficult to investigate. One of the most informative procedural actions of this category of crimes is the conduct of forensic examinations, the subject of which is computer information. The article considers some specific features of the object of computer expertise, identifies problematic aspects related to the detection, seizure and fixation of computer information, and suggests ways to solve them.

Keywords: computer expertise, specialist, cloud storage, semantic content.

Криминалистическое исследование компьютерной информации – достаточно новое явление в криминалистической технике. Появилось оно в первую очередь благодаря высокому уровню цифровизации общества. Все больше общественных процессов перетекает в цифровую среду. На ряду с положительными аспектами развития информационной индустрии мы сталкиваемся с негативными сторонами озвученного процесса в виде преступлений, совершаемых посредством виртуального пространства, с использованием вирусов, вредоносных программ, различных гаджетов, компьютеров, цифровых технологий, которые направлены на незаконный доступ к техническим средствам, личным данным и денежным ресурсам. Сложность раскрытия таких преступлений заключается в опосредованности его совершения, что порождает определенные трудности в отыскании, фиксации, изъятии и исследовании следов его совершения. Данный факт, по нашему мнению, сопряжён и с отсутствием специальных знаний в сфере высоких технологий у лица проводящего расследование, и не понимание последним технических процессов совершения преступления. Частично данная проблема решена законодателем путем закрепления в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ обязательного участия специалиста при изъятии электронных носителей информации. Но для комплексного решения данной задачи необходимо обеспечить взаимодействие следователя и лица, обладающего специальными познаниями в области компьютерных-технологий, не только на этапе обнаружения следов, но и на всех последующих этапах их исследования (осмотре, назначении компьютерных экспертиз и т.д).

В целом объектом криминалистического исследования компьютерной информации является непосредственно компьютерная информация. Определение компьютерной информации закреплено в примечании 1 ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). Так, «под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» [1]. Общее понятия информации содержится также в некоторых других законах. Так, например, в п. 1 ст. 2 ФЗ № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указывается, что «информация – сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» [2]. Данное определение не дает достаточной конкретизации, более того нам необходима привязка к цифровому, электронному характеру информации. В п. 11.1 ст. 2 указанного закона так-

же содержится следующее понятие: «Электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах». В УК РФ компьютерная информация предстает в виде электрических сигналов. В ФЗ № 149 от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указывается, что компьютерная информация – это сведения, представленные в электронной форме. Понятие, данное в УК РФ, более точно отображает физическую сторону информации. Однако эти определения дополняют друг друга и понятие компьютерной информации становится более проработанным и понятным. При определении понятия информация нередко обращаются к федеральному закону РФ «О государственной тайне». В ст. 2 рассматриваемого закона дается следующее определение носителей сведений, составляющих государственную тайну: «...материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов». Таким образом, компьютерная информация – это искусственно созданный объект (созданный человеком). При этом такая информация не может существовать без специальных приспособлений (электронно-вычислительной техники и электронных средств связи). В целом компьютерная информация состоит всего из двух основных элементов: носитель информации (то, на чем компьютерная информация хранится); сама компьютерная информация (её содержание).

Одним из наиболее важных инструментов позволяющих восстановить весь процесс совершенного преступления в сфере цифровых технологий является проведение компьютерной экспертизы. На данный момент криминалистическое исследование компьютерной информации проводится в отношении почти всех категорий преступлений. Особенно это актуально для преступлений в сфере компьютерной информации, терроризма и экстремизма, экономический преступлений, распространения порнографической продукции, нарушений авторских и смежных прав, изготовление поддельной печатной продукции.

В целом объектом криминалистического исследования компьютерной информации, является непосредственно компьютерная информация, содержащаяся на различных носителях, и обладающая определенной специфичностью.

Так, необходимые для расследования цифровые следы могут находиться на аппаратных средствах (ЭВМ), периферийном оборудовании, физических носителях магнитной информации, программных средствах, машинной информация. Кроме того, цифровые следы могут находиться в облачных хранилищах, при этом следует учитывать, что само хранилище не будет являться носителем информации, так как информация в них хранится на специальных носителях информации [1]. В случае, если объектом исследования будет являться данная компьютерная информация возникает проблема ее предоставления эксперту, так как изъятие носителя или снятие образа осуществляется путем направления запроса владельцу ресурса, который, в свою очередь, являясь поданным другого государства оставляет данный запрос без ответа.

Выделяя особенности компьютерной информации, нельзя не отметить такой ее признак как отсутствие семантического содержания, то есть находясь на месте совершенного преступления в том числе и лицо, обладающее специальными познаниями в области компьютерной информации, не имея технического оснащения (компьютера либо определенных программ) не сможет определить и обнаружить значимую для расследования информацию. В этом случае для продуктивной реализации следственного действия направленного на отыскание информационных следов большое значение приобретает подготовительный этап его проведения, на котором необходимо достоверно установить в виде чего представлена искомая информация, на каких носителях она может содержаться и при использовании каких технических средств ее можно обнаружить.

Как и при совершении преступлений других видов, во избежание наказания, преступниками оказывается противодействие в раскрытие преступление. По рассматриваемой категории преступлений оно выражается в уничтожении, сокрытии и зашифровке компьютерной информации. Если в первых двух случаях при использовании специального программного обеспечения имеется реальная возможность обнаружения и восстановления, то при использовании сложных алгоритмов зашифровки получить семантическое содержание такой информации практически невозможно.

Не редким является поиск информации о преступлении и преступнике в информационно-телекоммуникационной сети. Под информационно-телекоммуникационной сетью понимается «технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. Для целей уголовного законодательства понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей не разграничиваются. При этом следует иметь в виду, что сеть «Интернет» является одним из их видов».

Таким образом, можно сделать вывод, что имеется ряд проблем с проработкой понятийного аппарата. Необходимо дать более подробное понятие компьютерной информации, так как действующее понятие не охватывает все многогранность объекта.

В данной статье рассмотрены некоторые проблемные аспекты обнаружения и изъятия компьютерной информации и ее носителей, отсутствие развернутого понятийного аппарата. В связи с тем, что в эпоху цифровизации всех сфер общественных отношений проблемы, возникающие при отыскание электронных следов совершенных преступлений становиться все острее, необходимо и в дальнейшем прорабатывать тактические особенности проведения следственных действий при расследовании преступлений в данной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Алексанин А. С. О понятии и содержании оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» // Правовое государство: теория и практика. - 2018. - № 1 (51). - С. 153-159.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 №586-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.02.2023).
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 №604-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.02.2023). 14
4. Как устроены хранилища данных // Хабр [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://habr.com›ru/company/1cloud/blog/345154/ (дата обращения: 13.08.2023).
5. Цимбал В. Н. Виды цифровой криминалистически значимой информации, получаемой в ходе расследования преступлений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2021. - № 3 (46). - С. 249-255.

КОСТЮЧЕНКО Олег Георгиевич
соискатель кафедры криминалистики, юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНОГО ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА И ТЕПЛОВИЗИОННОГО ПРИБОРА ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

В статье рассматриваются высокотехнологичные средства - беспилотный летальный аппарат и тепловизионный прибор, применяемые в криминалистике. Приводятся разные виды беспилотных летательных аппаратов. Автором предлагаются криминалистические рекомендации по производству осмотра места происшествия с помощью беспилотного летательного аппарата. Приведены особенности применения тепловизора при осмотре места происшествия и поисковых мероприятиях.

Ключевые слова: высокотехнологичные средства, осмотр места происшествия, беспилотный летательный аппарат, тепловизор.

KOSTYUCHENKO Oleg Georgievich
competitor of Criminology sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University

FEATURES OF THE USE OF AN UNMANNED AERIAL VEHICLE AND A THERMAL IMAGING DEVICE WHEN EXAMINING THE SCENE OF AN ACCIDENT

The article discusses high-tech means - an unmanned aerial vehicle and a thermal imaging device used in criminology. Different types of unmanned aerial vehicles are given. The author offers forensic recommendations for the inspection of the scene using an unmanned aerial vehicle. The features of the use of the thermal imager during the inspection of the scene and search activities are given.

Keywords: high-tech means, inspection of the scene, unmanned aerial vehicle, thermal imager.

В перечень наиболее актуальных высокотехнологичных средств на данный момент входят беспилотные летательные аппараты (далее - БПЛА) и тепловизионные приборы. В данной работе остановимся на некоторых возможностях указанных высокотехнологичных средств, для работы на местах происшествия.

БПЛА выделяют по конструкции: самолетного типа, мультироторые (вертолетного) типа, аэростатического типа (беспилотный дирижабль), конвертопланы и гибридного типа. Имеются и другие различия, например по продолжительности полета, взлетной массы, размера, высоты полета, а также по задачам (тактические, стратегические, специального назначения.

Применение аэромобильного комплекса БПЛА, в который входят помимо самого летательного аппарата различные устройства, например фото, видео аппаратура, навигационные системы, тепловизионные приборы и др., позволяет следственным органам более точно и на более безопасном расстоянии отслеживать места совершения преступлений, проводить качественные осмотры мест происшествий и поисковые мероприятия.

В свою очередь, следователю всегда важно получить и первоначальные условия места происшествия, перед его осмотром.

До начала проведения осмотра следователь разъясняет порядок проведения осмотра участвующим лицам и его цели, в том числе оператору БПЛА. Необходимо отметить, что оператором БПЛА может быть, как сотрудник технико-криминалистического подразделения Следственного комитета России – следователь-криминалист, инспектор, сотрудник МВД России соответствующего подразделения, так и иные специалисты из других структур.

Задачи, которые решаются при производстве осмотра с БПЛА:

– общий осмотр территории. Облет территории необходимо выполнять непрерывно, по всему диаметру осматриваемой территории. Общий осмотр позволит оперативно получить и проанализировать необходимую информацию о месте происшествии. Облет места происшествия производится с обязательной фото- или видеофиксацией, после чего составляется план-схема (с указанием точных спутниковых координат);

– узловой, секторный осмотр интересующих объектов. Далее осматриваемый участок «разбивается» на рабочие зоны, узлы, сектора, которые осматриваются чаще всего параллельно. В ходе облета осматриваемой территории, по правилам криминалистики проводится фото- и видеосъемка места происшествия, получая, таким образом, информацию о расположении на нем объектов и предметов. Полученное изображение, может быть оперативно передано на большое расстояние посредством компьютерных сетей. Установленное программное обеспечение БПЛА обеспечивает получение правоохранительными органами объективной цифровой информации. Определение местоположения БПЛА осуществляется спутниковой связью.

После того, как был произведен облет с помощью БПЛА места происшествия и его фиксации, далее уже проводится детальный осмотр сплошным или выборочным способом.

По окончанию осмотра места происшествия составляется протокол по правилам, закрепленным в уголовно-процессуальном законе, в котором в описательной части необходимо указать все те данные, которые стали известны благодаря применению высокотехнологичной техники – БПЛА, например, если это здание, то этажность, подъезды, материал стен, крыши их состояние. В обязательном порядке указываются повреждения и разрушения, также в данном протоколе указываются и данные полученные при детальном осмотре здания. Фотоиллюстрации и видеозапись с БПЛА прилагается на электронном носителе к протоколу осмотра места происшествия и является приложением к нему.

При этом хотелось бы отметить, что применение БПЛА позволяет создавать трехмерные (3D) модели мест происше-

ствия, что является еще одним прорывным направлением в криминалистике. Уже существующее программное обеспечение способно рассчитать размеры объектов и расстояния по таким моделям, что помогает следователю в любое время обратиться к такой модели и проанализировать уже имеющуюся информацию, не проводя повторных или дополнительных осмотров.

Диапазон применения БПЛА может быть реализован при проведении целого ряда различных тактических операций в нашей стране. В частности, предлагается вариант использования БПЛА для реализации оперативно-розыскного мероприятия, направленного на отождествление личности. Полагается возможным осуществлять идентификацию личности по внешним признакам с помощью БПЛА, оснастив их специальными цифровыми устройствами, способными выделять в видеопотоке лица людей, строить их 3D-модели и информировать оператора о совпадении, сохраняя информацию в базе данных [1, с. 27].

Еще одним высокотехнологичным средством, является тепловизионный прибор, многочисленные возможности которого предрешило его использование в криминалистике.

Одним из первых, кто провел серьезную экспериментальную проверку возможностей использования этого метода в криминалистике, был польский ученый Хуберт Колецки, опубликовавший результаты своих исследований в 1979 г. [2, с. 107].

По мнению Колецки, с физической точки зрения все случаи применения криминалистической техники термовидения можно свести к обнаружению разницы:

– температуры (термального контраста) среди наблюдаемых или исследуемых объектов и мест;

– эмиссионной способности (коэффициента эмиссии) среди наблюдаемых или исследуемых объектов и мест;

– термической кондуктивности и измерению температуры наблюдаемых объектов.

Кроме того, в некоторых случаях техника термовидения используется для обнаружения разницы отражательной и абсорбционной способности (разницы коэффициента отражения и абсорбции) среди наблюдаемых объектов [3, с. 98].

Применение тепловизора при расследовании уголовных дел, в ходе производства поисковых работ на месте происшествия и не только, может существенно помочь получить следователю значимую информацию, обнаружить искомый предмет и орудие преступления. В связи с чем, данное направление является принципиально новым и перспективным, а развитие самих тепловизионных приборов является высокотехнологичным средством поиска доказательств по уголовному делу.

Проведенным исследованием позволило сформулировать автором некоторые рекомендации по применению в ходе осмотра места происшествия и поисковых мероприятий тепловизионных приборов, например:

– применение тепловизора с целью обнаружения металлических предметов и объектов, таких как холодное оружие (нож, топор), огнестрельное оружие, патроны, гильзы, пули, фрагменты пуль и оболочки. Данный метод работает благодаря разницы температуры окружающей среды, осматриваемой поверхности и самого искомого предмета. Например, огнестрельное оружие и гильзы можно обнаружить в траве, листве, на поверхности земли, особенно после их использования;

– применение тепловизора при поиске тепловых следов, которые сохраняются при взаимодействии человека с предметами и объектами. Данные следы временные и имеют свойство остывать, после чего обнаружить их будет с помощью тепловизора невозможно. Это тепловые следы рук оставленные, например, на столе, стене, следы лежания, сидения человека, след попадания пули в стене, рикошет и др.;

– применение тепловизора с целью поиска тайников в земле, стенах, бетоне, кирпичной кладке и других аналогичных местах. Данный метод работает в связи с разной проводимостью материалов. Так при поиске тайников в помещении, перед работой с тепловизором, помещение либо охлаждают, либо нагревают при помощи «тепловой пушки». Тем самым, благодаря разности температур, места, где имеются скрытые отверстия, либо полости будут обнаружены.

– применение тепловизора при осмотре трупа на месте происшествия с целью определения и разграничения повреждений, таких как гематомы, ссадины от трупных явлений в виде трупных пятен трупа. Поиск и установление повреждений на трупе в виде колото-резаных, колотых, резаных, огнестрельных скрытых в связи с загрязнением трупа, например кровью, до поступления его в танатологическое отделение;

– применение тепловизора с целью обнаружения деталей фюзеляжа самолета после его крушения или взрыва, а также трупов и их частей. При этом температура самых горячих частей самолета, может свидетельствовать о месте эпицентра взрыва;

– применение тепловизора с целью определения температуры в районе пожарища с целью решения вопроса о возможности начала осмотра места происшествия и поиска очага возгорания в помещении, также при помощи тепловизора [4, с. 77].

По мнению автора, использование высокотехнологичных средств – БПЛА и тепловизионных приборов в ходе расследования преступлений полностью себя оправдывает. Указанные средства могут быть использованы как в ходе осмотра места происшествия, так и в ходе оперативно-розыскных мероприятий, либо любой тактической операции, где потребуются их возможности. Очевидно, БПЛА и тепловизоры имеют большой технический потенциал в рамках совершенствования работы Следственного комитета России и правоохранительной системы в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Косовский В. Б., Мартынюк С. Н. Актуальные вопросы практического применения беспилотной техники в органах внутренних дел Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. - 2020. - № 3 (80). - С. 25-29.
2. Крылов И. Ф., Эксархопуло А. А. Губерт Колецки. Применение термографии в криминалистике. Варшава, 1979. 197 с.: Рецензия // Правоведение. - 1980. - № 6. - С. 107-108.
3. Колецки Х. Применение термовидения (техники THV AGA THERMOVISION) в криминалистической практике // Сибирский юридический вестник. - 2007. - № 2 (37). - С. 98-103.
4. Костюченко О. Г. Тепловизоры как элемент криминалистического рендеринга // Вестник военного права. - 2023. - № 2. - С. 74-80. EDN CFNBYF.

ОВСЯННИКОВА Евгения Ивановна
преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Ставропольского филиала Краснодарского университете МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ РЕГРЕССИИ И СИНТЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА, ОСНОВАННОГО НА МЕТОДЕ ПЕРЕДИСКРЕТИЗАЦИИ МЕНЬШИНСТВА, ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА С КРЕДИТНЫМИ КАРТАМИ

В этой статье рассматриваются способы профилактики преступлений, совершенных с использованием средств телекоммуникационной связи, на примере обнаружения мошенничества с кредитными картами с использованием логистической регрессии и синтетического подхода, основанного на методе синтетической передискретизации меньшинства. Автор исследует некоторые виды мошенничества с кредитными картами и практических способах его выявления.

Ключевые слова: обнаружение мошенничества, мошенничество с кредитными картами, логистическая регрессия, метод синтетической передискретизации меньшинства.

OVSYANNIKOVA Evgeniya Ivanovna
lecturer of Operational investigative activities and special equipment sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

USING LOGISTIC REGRESSION AND A SYNTHETIC APPROACH BASED ON THE MINORITY RESAMPLING METHOD TO DETECT CREDIT CARD FRAUD

This article discusses ways to prevent crimes committed using telecommunications, using the example of detecting credit card fraud using logistic regression and a synthetic approach based on the method of synthetic resampling of the minority. The author explores some types of credit card fraud and practical ways to detect it.

Keywords: fraud detection, credit card fraud, logistic regression, Synthetic Minority Oversampling Technique (SMOTE).

Финансовое мошенничество является серьезной угрозой, которая оказывает расширяющееся воздействие на финансовый сектор. Использование кредитных карт растет по мере того, как с каждым днем происходит оцифровка и интернет-транзакции. Многие пластиковые карты, находящиеся в обращении по всему миру, подобны золотой жиле. По прогнозам, потери по кредитным картам обойдутся поставщикам финансовых услуг в 40 миллиардов долларов по всему миру к 2027 году, по сравнению с 27, 85 миллиардами долларов в 2018 году[1].

Появление электронных транзакций частично является причиной такого увеличения потерь. Представьте себе, что только в России по данным ЦБ число банковских карт в России за 2022 год выросло на рекордные 18 % и составило 389,6 млн. По итогам 2021 года в обращении находилось 301 млн карт, это больше показателя 2020 года на 9 %. В другие периоды годовой прирост составлял от 4 до 7 %, а по итогам 2018 года был и вовсе близок к нулю[2].

В то время как во всем мире используется поразительное количество пластиковых карт, распознать поддельные транзакции по кредитным картам сложно, поскольку это не позволяет компаниям, выпускающим кредитные карты, взимать с потребителей плату за товары, которые они не покупали.

Наиболее распространенными проблемами в современной культуре являются мошенничества с кредитными картами. Такой вид мошенничества обычно происходит, когда кто-то использует данные чужой кредитной карты. При обнаружении мошенничества с данными картами используются атрибуты данных транзакций для выявления указанного вида преступлений, что может сэкономить значительные финансовые потери и снизить нагрузку на полицию.

Выявление случаев мошенничества с кредитными картами включает в себя три трудности: неравномерность данных, обилие невидимых переменных и выбор подходящего порогового значения для повышения надежности моделей.

В этом исследовании используется модифицированная модель логистической регрессии (далее ЛР). Стратегия выборки набора данных, выбор переменных и используемые методы обнаружения – все это оказывает значительное влияние на эффективность выявления мошенничества при операциях с кредитными картами. Точность метода ЛР будет ближе к 0,98 %; при таких высоких показателях мошенничество может быть легко обнаружено.

Когда преступники обходят меры защиты от мошенничества и инициируют мошенническую транзакцию, активируются системы обнаружения мошенничества. Никто не в состоянии определить, обошла ли мошенническая транзакция меры безопасности. Из-за этого целью систем, обнаруживающих мошенничество, является выявление мошеннических действий как можно скорее после того, как мошенник начал осуществлять незаконную транзакцию, путем проверки каж-

1 Tripathy, Nrusingha; Nayak, Subrat Kumar; Femi Godslove, Julius; Kpereobong Friday, Ibanga; and Dalai, Sasanka Sekhar (2022) "Credit Card Fraud Detection Using Logistic Regression and Synthetic Minority Oversampling Technique (SMOTE) Approach" // International Journal of Computer and Communication Technology: Vol. 8: Iss. 4. Article 4. DOI: 10.47893/IJCCT.2022.1438.

2 РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/finances/08/03/2023/64074f1f9a7947f167e080f0 (дата обращения: 18.08.2023).

дой транзакции на предмет возможности мошенничества, несмотря на превентивные меры.

В связи с развитием сетей связи и информационных технологий мошенничество распространяется по всему миру и приводит к значительным финансовым потерям. Интернет являются наиболее популярным, однако существует множество других средств массовой информации, которые могут быть использованы для совершения мошенничества, включая почту, телеграфные провода, телефон и Интернет. Мошенническая активность в Интернете быстро растет в результате глобальной доступности сети и легкости сокрытия пользователями своей личности и местоположения во время онлайн-транзакций. Кроме того, с расширением возможностей каналов интернет-взаимодействия мошенники теперь имеют возможность сотрудничать и обмениваться информацией информация по всему миру для создания сетей мошенничества.

Например, в силу своей природы мошенничество с кредитными картами онлайн стало наиболее распространенным видом мошенничества. Преступления с «кредитками» могут осуществляться несколькими способами, такими как прямая кража, мошенничество с приложениями, онлайн-мошенничество, использование фиктивных карт, никогда не получавших выдачу (когда владелец карты отсутствует).

Для совершения удаленного онлайн-мошенничества просто необходимы данные карты. В момент покупки не требуется ни ручная подпись, ни PIN-код или отпечаток карты. Наблюдается динамика роста сумм транзакций, несмотря такие меры защиты, как чип и PIN-код.

По мере того как использование кредитных карт становится все более распространенным, растет число финансовых потерь в результате мошенничества с использованием кредитных карт. Так по данным ЦБ Россияне сдали мошенникам рекордные 14 млрд раскрыл данные об инцидентах при переводе денежных средств. В 2022 году злоумышленники провели меньше мошеннических переводов, но смогли украсть больше средств, чем в 2021 году. Рост объемов операций без согласия клиентов произошел вместе с ростом всех электронных переводов[3].

Выявление мошенничества с кредитными картами - очень сложная, но распространенная проблема. Прежде всего, фиксируемая транзакция содержит лишь небольшой объем данных, таких как сумма транзакции, дата и время, адрес, код категории продавца и номер покупателя.

Подобрать шаблон довольно сложно, поскольку существуют миллионы интернет-магазинов, где можно использовать кредитную карту. Эта проблема также имеет множество ограничения. Прежде всего, характеристики законной и мошеннической деятельности постоянно меняются. Во-вторых, обмен идеями в области обнаружения мошенничества, с кредитными картами, сильно ограничен из-за соображений безопасности и конфиденциальности, что усложняет разработку новых подходов к обнаружению хищения данного вида. Наконец, сложно оценить результаты, поскольку наборы данных часто удерживаются и фильтруются. В результате этой проблемы нет никакой перспективы проведения сравнительного анализа разработанных моделей.

3 РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/newspaper/2023/02/15/63eb5da89a794701b759621f (дата обращения: 18.08.2023).

Можно выделить ряд факторов, препятствующих эффективному выявлению интернет-мошенничеств:

• Каждый день собирается огромное количество данных, и разработчики моделей должны быть достаточно быстрыми, чтобы вовремя обнаруживать мошенничество.

• Доступность данных: поскольку большинство транзакций являются частными, затрудняет выявление мошеннических из-за несбалансированности данных, что означает, что большинство транзакций не являются мошенническими.

• Неправильно классифицированные данные являются еще одной серьезной проблемой, поскольку не все мошеннические транзакции обнаруживаются и редактируются в отчете.

• Мошенники использовали адаптивные методы по отношению к модели.

Нельзя игнорировать потери, связанные с электронной коммерцией, даже когда сервисы делают электронные платежи более удобными, бесконфликтными, адекватными и простыми в использовании. Предприятия и банки предлагают надежные альтернативы безопасности для их использования. Это приводит к изменению стратегий введения в заблуждение, используемых мошенниками.

Для успешной борьбы с мошенничеством, крайне важно понимать, как это осуществляется. Методы мошенничества сами по себе определяет инструмент, используемый для выявления мошенничества с кредитными картами. Отправьте информацию о транзакции в модуль подтверждения, и он

классифицирует транзакции как мошеннические или нет. Если будет доказано, что это подделка, она будет отклонена. Во всех остальных случаях транзакция одобряется.

Искусственный интеллект и статистический анализ данных – это два метода обнаружения мошенничества, которые могут быть использованы для проведения различия между ними.

Интеллектуальный анализ данных – это метод, используемый в искусственном интеллекте, который может классифицировать, упорядочить и сегментировать данные таким образом, чтобы их можно было просматривать в миллионах транзакций для выявления тенденций и выявления мошенничества. Методом автоматического выявления признаков мошенничества является машинное обучение.

Основными целями выявления и предотвращения мошенничества являются проведение различия между подлинными и мошенническими транзакциями и пресечение мошенничества. Чтобы оценить, является ли транзакция мошеннической или нет, модель поведения пользователя изучается с использованием предыдущих данных[4].

Этапы обнаружения мошенничества начинаются, когда система не в состоянии идентифицировать и пресечь мошеннические действия. В зависимости от особенностей обманной и законной деятельности, они оцениваются как мошеннические или подлинные, в то время как транзакции с выбросами распознаются как потенциальные мошеннические транзакции в неконтролируемых системах обнаружения мошенни-

4 Van N. T., Thinh T. N. and Sach L. T. An anomaly–based network intrusion detection system using deep learning IEEE International Conference on ICSSE. Pp. 210-214. July 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ijsrcseit.com/CSEIT217538 (дата обращения: 18.08.2023).

чества. Возможен диалог между контролируемыми и неконтролируемыми методами машинного обучения.

Были проведены многочисленные исследования, посвященные различным подходам к решению проблемы идентификации мошенников с карточками. Кластеризация DT, Kmeans и ANN – вот некоторые из этих методов[5].

Одной из важнейших задач является разработка точной и удобной для пользователя системы управления рисками по кредитным картам система мониторинга для успешного снижения рисков на уровнях управления магазином. Цель этой статьи - раскрыть пользовательские шаблоны, которые приводят к выявлению случаев мошенничества высокого уровня.

Итак, составляется точечный график количества мошенничества, данные сначала загружаются в записную книжку Jupyter. Чтобы упростить обработку, данные после загрузки преобразуются их в рамку данных с помощью pandas. Данные визуализируются, рамка используется, т.к. сначала нужно знать, как они организованы. Кроме того, необходимо знать, как распределяются данные, поэтому выводятся данные с собственноручно.

Из-за крайней несбалансированности данных их выборка должна быть недостаточной. Из-за крайней асимметрии введенных данных проводится выборка в недостаточном объеме. Количество транзакций, которые не являются мошенническими, помечается как 0, в то время как количество мошеннических транзакций помечается как 1. Недостаточная выборка - гораздо более эффективная стратегия для получения идеального и желаемого результата, поскольку, если провести избыточную выборку данных, включение огромного количества фиктивных компонентов было бы несомненно, это значительно изменит результаты, и это будет расценено как не мошенническое. В исследовании подробно показана схема информативной мысли с наглядными примерами тепловой карты корреляции фьючерсов, описания матрицы путаницы логистической регрессии и синтетический подход, основанный на методе передискретизации меньшинства. В общем, потерять мошенническую транзакцию обходится дороже, чем ошибочно обозначить законную транзакцию как мошенническую[6].

Кража кредитных карт вызывает много беспокойства во всем мире. Мошенничество приводит к огромным финансовым потерям по всему миру.

Компании, выпускающие кредитные карты, вынуждены тратить деньги на разработку и внедрение стратегий по выявлению и сокращению масштабов мошенничества в результате. Необходимы инновационные технологии, которые поставщики кредитных карт могут использовать для более быстрого и недорогого выявления мошеннических транзакций.

Можно сравнить несколько методов машинного обучения, в том числе Artificial Neural Networks, Logical Regression, Decision Trees, Random Forest, Artificial Neural Networks, KNearest Neighbours, and K-means clustering. Поскольку нет двух идентичных ситуаций, ситуационный подход может использоваться для выбора сценария, который наилучшим образом соответствует конкретным обстоятельствам. Каждый метод обнаружения мошенничества имеет свои преимущества и недостатки.

Исследователи используют ряд показателей производительности (методов) и алгоритмов для прогнозирования и выявления мошеннических транзакций. Чтобы определить надлежащий вес, который следует придать факторам затрат, точности тестирования и точности обнаружения мошенничества, исследования возобновляются и поощряются. Через такой приложив усилия, исследователи смогут разработать гибридный подход, который наиболее эффективен при выявлении несанкционированных транзакций по кредитным картам.

Пристатейный библиографический список

1. Tripathy, Nrusingha; Nayak, Subrat Kumar; Femi Godslove, Julius; Kpereobong Friday, Ibanga; and Dalai, Sasanka Sekhar (2022) “Credit Card Fraud Detection Using Logistic Regression and Synthetic Minority Oversampling Technique (SMOTE) Approach” // International Journal of Computer and Communication Technology: Vol. 8. Iss. 4. Article 4. DOI: 10.47893/IJCCT.2022.1438.
2. Van N. T., Thinh T. N. and Sach L. T. An anomaly-based network intrusion detection system using deep learning IEEE International Conference on ICSSE. Pp. 210-214. July 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ijsrcseit.com/CSEIT217538 (дата обращения 18.08.2023).
3. Shone N., Ngoc T. N., Phai V. D. and Shi Q. A deep learning approach to network intrusion detection IEEE International Conference on emerging topics in computational intelligence. Vol. 2. Pp. 41-50. January 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sciup.org/15015671 (дата обращения: 18.08.2023).
4. Alom M. Z., Bontupalli V. and Taha T. M. Intrusion detection using deep belief networks IEEE International Conference on NAECON. Pp. 339-344. June 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sci-hub.ru/10.1109/NAECON.2015.7443094 (дата обращения: 18.08.2023).

5 Shone N., Ngoc T. N., Phai V. D. and Shi Q. A deep learning approach to network intrusion detection IEEE International Conference on emerging topics in computational intelligence. Vol. 2. Pp. 41-50. January 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sciup.org/15015671 (дата обращения: 18.08.2023).

6 Alom M. Z., Bontupalli V. and Taha T. M. Intrusion detection using deep belief networks IEEE International Conference on NAECON. Pp. 339-344. June 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sci-hub.ru/10.1109/NAECON.2015.7443094 (дата обращения: 18.08.2023).

ПЕЧНИКОВА Розалия Багдуевна
аспирант кафедры криминалистики Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЯХ В ПРОЦЕССЕ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

В статье рассматривается процесс допроса подозреваемого после изучения следователем электронной переписки, относящейся к расследованию. Статья содержит рекомендации для следователя по подготовке к такому допросу и выбору тактики. Автор анализирует различные ситуации, складывающиеся в процессе допроса, конфликтные и бесконфликтные, и рекомендует конкретные тактические действия, основанные на данных, полученных из электронных сообщений.

Ключевые слова: электронное сообщение, электронная почта, мессенджер, технический прогресс, переписка, криминалистика, электронное устройство, доказательство, допрос.

PECHNIKOVA Rozaliya Bagduevna
postgraduate student of Criminology sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University

ASPECTS OF USING THE INFORMATION FROM DIGITAL MESSAGES IN THE INTERROGATION OF THE SUSPECT

The article examines the process of interrogation of a suspect after the investigator has studied the electronic correspondence related to the investigation. The article contains recommendations for the investigator on preparation for such an interrogation and the choice of tactics. The author analyzes various situations developing during the interrogation, conflict-free and conflict-free, and recommends specific tactical actions based on data obtained from electronic messages.

Keywords: electronic message, e-mail, messenger, technical progress, correspondence, criminology, electronic device, proof, interrogation.

В ходе анализа электронной переписки в процессе расследования следователь получает определенный круг информации, на основе которой можно устанавливать факты о расследуемом событии или использовать ее в проведении дальнейших следственных действий. Эффективным способом восполнения недостающих данных может стать использование данных из электронных сообщений при допросе.

Информация из электронных сообщений, которую следует использовать в процессе допроса, может быть следующей:

1. Метаданные (дополнительная, сопутствующая информация о сообщении):

1.1. Дата и время отправки;

1.2. С какого аккаунта/номера телефона/адреса/под каким никнеймом было отправлено сообщение;

1.3. Адресат, которому предназначалось сообщение (лицо, на которое был зарегистрирован мобильный номер, обладатель аккаунта в социальной сети, почтового ящика, или его никнейм);

1.4. Данные об устройстве и выходе в сеть (IP-адрес, MAC-адрес).

2. Информация, содержащаяся в самом сообщении:

2.1. Информация о событии преступления;

2.2. Информация о месте и времени совершения преступления;

2.3. Информация о лицах, причастных к преступлению, или обладающих релевантной информацией о нем;

2.4. Информация об обстановке расследуемого события.

Типовые ситуации допроса подозреваемого (обвиняемого) обуславливаются объемом имеющихся в распоряжении у следователя доказательств. Именно поэтому определение того, какая именно имеется информация у следователя, должно быть его первым шагом в подготовке к допросу, так как понимание характера имеющейся информации позволит определить и выстроить тактику допроса. Следственные ситуации, возникающие при допросе с использованием электронных сообщений, можно разделить в зависимости от того, что следователь считает более существенным источником доказательственных данных – сами сообщения или сведения, которые он рассчитывает получить в ходе допроса. Соответственно, информацию из сообщений можно разделить на:

– недостающую, которую необходимо восполнить путем допроса;

– достаточную, которую необходимо подтвердить в процессе допроса.

В первой ситуации следователю рекомендуется использовать особые приемы, позволяющие выяснить нужную информацию у допрашиваемого:

1) Прием косвенного вопроса. Следователю необходимо начать вести с подозреваемым беседу, в ходе которой характер поставленных вопросов не должен позволить допрашиваемому понять, что следователь осведомлен о содержании его переписки, но вопросы должны касаться именно тех обстоятельств, которые в ней освещаются. При этом вопросы должны касаться как обстоятельств, которые известны из переписки, так и тех, которые в ней не освещаются. Сопоставление полученных показаний по тем обстоятельствам, которые могут быть проверены, может дать основание для вывода о достоверности показаний по другим вопросам и оценить тем самым искренность допрашиваемого. Однако, этот прием не будет очень эффективным в тех случаях, когда допрашивае-

мый догадывается о наличии его переписки у следователя, например, когда у него изъято мобильное устройство.

2) Внезапный вопрос или внезапное предъявление доказательств. После беседы следователю необходимо внезапно задать конкретный вопрос, чтобы у допрашиваемого не было времени подготовиться. Например, лицо рассказывает о круге общения, знакомых, в том числе о потерпевшем. Следует неожиданно спросить: «А почему же Вы тогда ему написали?» Суть данного приема заключается в использовании психологического шока, который может возникнуть у допрашиваемого из-за того, что фактическая осведомленность следователя оказалась существенно выше, чем он предполагал. После этого желательно продолжать «психологическую атаку», быстро задавая все новые и новые вопросы, а также используя стимулирующие приемы, побуждающие допрашиваемого отвечать скорее. В результате можно будет добиться показаний по тем вопросам, которые в переписке отсутствовали. При этом данный прием также может оказаться неэффективным в том случае, если допрашиваемый догадывается о том, что следователь мог ознакомиться с его перепиской. Внезапное предъявление доказательств заключается в том, что следователь должен неожиданно предъявить допрашиваемому изобличающие его доказательства, например, распечатку переписки. У подозреваемого не будет времени обдумать, что на это ответить и ему придется сказать правду.

Игнатьев М. Е. под тактическим приемом фактора внезапности предлагает понимать предпринятые следователем действия (бездействие), явившиеся неожиданностью для того, кому они адресованы [1, с. 22]. Он также отмечает, что использование фактора внезапности, это мощный тактический прием в достижении поставленных следователем целей. Почему же внезапность так эффективна в изобличении подозреваемого?

3) Опережающий вопрос. В данном случае следователю необходимо сформулировать вопросы используя сведения, полученные из переписки, чтобы создать у допрашиваемого преувеличенное представление об осведомленности следователя и склонить его к сотрудничеству к даче показаний, убедив, что у правоохранительных органов достаточно оснований для его изобличения. Возможно, следует уточнить какую-либо специфическую деталь или обстоятельство, чтобы у допрашиваемого создалось впечатление, что все остальное уже известно. Сюда хорошо применим аргумент о двухфакторной аутентификации. Если нам известно, что для входа в аккаунт, с которого велась переписка, установлена двухфакторная аутентификация, мы можем использовать это как веский аргумент того, что именно подозреваемый писал сообщения с данного аккаунта, сказав ему о том, что только он мог иметь доступ к телефону, а значит только он мог войти в аккаунт.

Во второй ситуации у следователя достаточно информации, которую необходимо подтвердить в процессе допроса. Но, наличие у следователя достаточной совокупности уличающих доказательств еще не означает, что с их помощью можно во всех случаях получить от допрашиваемого правдивые показания. Следователю необходимо тактически правильно распорядиться имеющимся объемом доказательственной переписки, чтобы подтвердить факты в расследуемом событии.

Тактические действия следователя зависят от того, какую задачу при допросе он ставит перед собой – проверка достоверности показаний или изменение установки допрашиваемого на дачу ложных показаний. В первом случае нет необходимости предъявлять переписку, нужно только фиксировать показания, а потом сравнить их с данными переписки, оценить совпадения и противоречия, определить их доказательственное значение. Во втором, можно применить тактические приемы.

В данном случае полезным может стать прием детализации показаний. Это классический прием проверки алиби при допросе подозреваемого, однако, при наличии у следователя электронной переписки, детализация становится более доступным и актуальным приемом. Метаданные, такие как время отправки, время выхода в сеть, адреса помогут следователю проверить детальный рассказ подозреваемого и уличить его во лжи в случае нахождения неточностей в рассказе.

С тем, какие именно использовать приемы при допросе, следователю необходимо определить еще на стадии подготовки допроса с использованием электронных сообщений. Подготовка должна также включать в себя оценку ситуации и психологического состояния допрашиваемого, продумывание перечня вопросов и способа демонстрации сообщений (на электронном устройстве, в распечатанном виде и пр.).

Ситуации, складывающиеся в ходе допроса с использованием электронной переписки, как и в ходе классического допроса, разделяются на конфликтные, бесконфликтные и проблемные. В связи с этим необходимо выделить цели использования электронных сообщений в данных ситуациях.

Цели использования сообщений в бесконфликтной ситуации допроса и приемы их предъявления.

В бесконфликтной ситуации допрашиваемый идет на контакт, дает правдивые показания, заинтересован в сотрудничестве. Однако, ошибочно полагать, что задача следователя сводится только лишь к тому, чтобы подробно расспросить и записать всю информацию, которую расскажет подозреваемый. В отсутствии конфликта следователю также необходимо налаживать психологический контакт с подозреваемым и применять различные тактические приемы. Электронная переписка помогает следователю в налаживании этого контакта. Информация, полученная следователем из переписки, помогает ему быть осведомленным о предмете допроса и расследуемом событии, благодаря чему он может показать подозреваемому, что он в курсе дела, создать комфортную атмосферу, продемонстрировать свое понимание и вовлеченность в ситуацию.

Также, электронная переписка позволит сформировать истинное представление, о том какой объем информации имеется у следователя. Имея такое представление, подозреваемый вряд ли захочет менять ситуацию в сторону конфликта, так как будет понимать, что вынужден давать правдивые показания из-за наличия большого количества информации у следователя.

Цели использования сообщений в конфликтной ситуации и психологические приемы их использования.

В конфликтной ситуации допрашиваемый отказывается от дачи показаний, дает ложные показания, пытается запутать следствие. Существует также проблемная ситуация, которая характеризуется наличием трудностей в принятии следственных решений по делу, многовариантностью и неочевидностью направлений поиска информации и доказательств, или, как назвал их Л. Я. Драпкин – «барьеры» [3, с. 53]).

Целью использования сообщений в конфликтной ситуации может быть подтверждение данных их электронной переписки, либо же использование имеющихся данных для получения большей информации, в том числе, для изобличения подозреваемого во лжи.

Опираясь на информацию, полученную из электронных сообщений, следователь может использовать приемы психологического воздействия, такие как использование хитростей (например, на основе информации из переписки создание у допрашиваемого лица преувеличенного впечатления об объеме осведомленности следователя (то, о чем говорилось ранее, например опережающий вопрос). Использование хитростей в допросе является неоднозначным приемом, существуют вопросы относительно допустимости его использования. Так, А. Р. Ратинов [4, с. 107] поддерживал идею «следственных хитростей». Л. М. Карнеева [2, с. 56], напротив, возражала против применения хитростей, считая обман недопустимым действием при проведении допроса; следователь также может применить фактор внезапности или надавить на моральные и нравственные взгляды лица.

В ходе подготовки к допросу следователю необходимо также учитывать данные о поведении подозреваемого после совершенного преступления – «улики поведения». Совершившие преступление зачастую проявляют повышенный интерес к процессу его расследования, например, приходят на метро происшествия или интересуются жизнью и здоровьем потерпевших. Необходимо учитывать это и при анализе электронной переписки. Рассматривать следует не только уже существующую переписку на момент совершения преступления, но и отслеживать, не напишет ли подозреваемый потерпевшему вновь, чтобы поинтересоваться его самочувствием или ходом расследования. Полное отсутствие заинтересованности и у лица, также может служить подозрением для следователя. Например, если после происшествия весь круг знакомых потерпевшего интересуется его состоянием и здоровьем, а лицо, которое обычно общалось с ним, не выходит на контакт и проявляет полную безразличность. В данном случае лицо может опасаться подозрений в свою сторону и поэтому проявлять полную незаинтересованность. Следователю стоит не спешить с проведением допроса, а понаблюдать за поведением подозреваемого. Возможно, такие «улики поведения» получится в дальнейшем предъявить в качестве психологического аргумента на допросе.

На протяжении допроса следователь ведет протокол. Предъявление электронной переписки в ходе допроса также подлежит обязательной фиксации в протоколе. Согласно ч. 3 ст. 190 УПК РФ, «если в ходе допроса допрашиваемому лицу предъявлялись вещественные доказательства и документы, оглашались протоколы других следственных действий и воспроизводились материалы аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки следственных действий, то об этом делается соответствующая запись в протоколе допроса. В протоколе также должны быть отражены показания допрашиваемого лица, данные при этом».

Следователю необходимо записывать в протоколе, о том, как и какие фрагменты электронной переписки были предъявлены подозреваемому, и как он их пояснил. Обязательно указать то, в какой форме переписка была продемонстрирована. Если это была электронная форма, указать носитель (приобщенный к материалам дела) и устройство, с которого она была показана, если же это была распечатанная на бумаге переписка, то она также должна быть приобщена к материалам уголовного дела.

Пристатейный библиографический список

1. Игнатьев М. Е. Фактор внезапности, его процессуальное и криминалистическое значение для расследования преступлений. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2004. – С. 22.
2. Карнеева Л. М. Судебная этика и тактика допроса // Этика предварительного следствия. – 1976. – № 15. – С. 56.
3. Криминалистика: учебник для бакалавров / Под ред. Л. Я. Драпкина. – М.: Юрайт, 2012. – С. 53.
4. Ратинов А. Р. О допустимости и правомерности некоторых тактических приемов // Следственная практика. – 1964. – № 64. – С. 106-115.

СЫСЕНКО Альфия Радиковна
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России

ПОДГОТОВКА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье рассматриваются особенности подготовки электронных носителей информации для назначения судебных экспертиз, в том числе компьютерных по уголовным делам.

К сожалению, при производстве судебных экспертиз часто не учитывается специфика собирания доказательств, представленных в электронной форме. Показано, что от качества сохраненных виртуальных следов будут зависеть результаты проводимых судебных экспертиз. Практически любое обращение с компьютерной информацией требует специальных знаний, а субъектом их применения является специалист. Автором отмечается важность использования помощи квалифицированных специалистов.

Ключевые слова: виртуальные следы, электронные носители информации, судебные экспертизы, сеть Интернет, специальные знания.

SYSENKO Alfiya Radikovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminology sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

PREPARATION OF ELECTRONIC MEDIA FOR THE APPOINTMENT OF FORENSIC EXAMINATIONS IN CRIMINAL CASES

The article discusses the features of the preparation of electronic media for the appointment of forensic examinations, including computer in criminal cases.

Unfortunately, during the production of forensic examinations, the specifics of collecting evidence presented in electronic form are often not taken into account. It is shown that the results of the conducted forensic examinations will depend on the quality of the stored virtual traces. Almost any handling of computer information requires special knowledge, and the subject of their application is a specialist. The author notes the importance of using the help of qualified specialists.

Keywords: virtual traces, electronic media, forensic examinations, Internet, special knowledge.

В современных условиях цифровизации общества при расследовании преступлений для назначения и проведения судебных экспертиз следователю важно сохранить как, собственно, электронные носители информации, так и содержащиеся на них виртуальные компьютерно-технические следы. Именно поэтому следователь должен быть обеспокоен за физическое состояние защищенности электронных носителей, отсутствие несанкционированного доступа к ним, а также за состояние виртуальных следов, содержащихся на них. В противном случае электронные носители не смогут быть полезны для расследования уголовного дела.

Следователь для подготовки электронных носителей информации к назначению судебных экспертиз должен получить доступ к данным объектам, в дальнейшем используя их для нужд расследования. Именно поэтому осуществляется процессуальное изъятие электронных носителей информации, позволяющее позднее более детально изучить их содержимое. Изъятие может быть проведено в ходе осмотра места преступления, выемки, обыска либо личного обыска задержанного лица. Кроме того, электронные носители могут поступить в органы следствия от оперативно-розыскного органа в соответствии с регламентом, предусмотренным межведомственной инструкцией «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», утвержденной Приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013.

В последнем случае приобщение электронных носителей информации к материалам уголовного дела производится, во-первых, когда проводится их осмотр и копирование информации, содержащейся на них. Во-вторых, может быть проведен допрос оперуполномоченного, который может пояснить обстоятельства получения электронных носителей. В ходе допроса выясняются основания осуществления оперативно-розыскных мероприятий и условия их проведения, в результате которых были получены рассматриваемые электронные носители и информация на них. В том случае, если в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий были совершены нарушения законодательства РФ, следователь должен предполагать, что в дальнейшем приобщенные в качестве вещественных доказательств электронные носители будут признаны недопустимыми доказательствами. В-третьих, выносится процессуальное постановление о признании электронных носителей в качестве вещественных доказательств и их приобщении к материалам уголовного дела.

Например, при изъятии такого электронного носителя информации как сотовый телефон, следователю для сохранения на нем данных следует перевести его в авиарежим (режим полета). При упаковывании мобильного телефона либо иного электронного носителя информации, схожего по габаритам, может быть использована так называемая клетка Фарадея, представляющая собой устройство, предназначенное для защиты электронных носителей от электромагнитного излучения, которое может привести к утрате или повреждению содержащихся на носителей данных. Устройство выглядит как специальный экранирующий чехол. Следователь может и собственноручно сделать клетку фарадея при помощи бытовой фольги и канцелярских файлов.

Ввиду того, что следователь при производстве следственных действий может столкнуться со сложностями изъятия электронных носителей, необходимо использовать помощь специалиста (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ). В некоторых случаях, по мнению А. И. Иванова «изымать всю компьютерную систему (системный блок) и периферийные устройства далеко не всегда обязательно. Эти устройства взаимодействуют между собой, но каждый компонент системы выполняет определенную функцию; они не все хранят информацию и поэтому могут работать и быть исследованными независимо» [2, с. 10]. Какие электронные носители необходимы для расследования уголовного дела при их изъятии следует согласовывать со специалистом.

При обращении с носителями информации необходимо соблюдать: бережное обращения с ними; требования законодательства о защите персональных данных и т.д., поэтому их осмотр проводится с участием только квалифицированных специалистов.

В случаях, когда изъятие электронных носителей может создать их владельцу дополнительные экономические сложности в работе, в особенности, если речь идет о коммерческой организации, где компьютерные устройства играют важную роль в бизнес-процессах, уголовным законодательством предусмотрена возможность копирования информации на другие электронные носители. Однако, следователь должен исходить из потребностей расследования уголовного дела и понимать, что копия может использоваться и в преступных целях.

Для транспортировки электронных носителей во время их изъятия следователь подготавливает достаточное количество упаковочного материала, исключающего попадание на электронные носители влаги, солнечных лучей или иного воздействия. Как отмечает С. А. Молжанов: «Все электронные носители боятся влаги и сырости. Сырость способствует появлению зеленого налета на контактах, с дальнейшим их окислением, а влага способствует образованию коррозии, что в дальнейшем приведет к выходу из строя комплектующих электронных носителей, их контактов и механизмов» [4, с. 64]. Также, хранение электронных носителей информации в сухой коробке, темном полиэтиленовом пакете или плотной оберточной бумаге, позволит снизить риски несанкционированного доступа к ним.

Дополнительно, можно бумажным листом запечатать отверстия электронного носителя, чтобы исключить попадание всевозможного мусора. Количество упаковочного материала и бумаги определяется с учетом предполагаемого объема и характеристик осматриваемых объектов. Если речь идет о перевозке габаритной компьютерной техники, необходимо обеспечить следователя служебным транспортом.

Следователь должен учитывать, что имеется прямая корреляция между физической целостностью электронного носителя и целостностью, содержащейся на них информации. Виртуальные следы должны сохраняться в первоначальном виде, т.е. оставаться аутентичными при каждом их воспроизведении. Не случайно, Е. С. Лапин подчеркивает, что «электронные носители особенно чувствительные к перепадам температуры и повышенной влажности» [3, с. 176].

Порядок и особенности хранения вещественных доказательств определены Постановлением Правительства РФ от 8 мая 2015 г. № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам». Условия хранения, учета и передачи вещественных доказательств должны исключать, их подмену, повреждение, порчу, ухудшение или утрату их индивидуальных признаков и свойств, а также обеспечивать их безопасность (п. 1). Ключевым требованием к хранению электронных носителей является сохранение целостности виртуальных следов, содержащихся на них.

Электронные носители информации после их изъятия помещаются в камеру хранения вещественных доказательств (специальное хранилище) либо (при отсутствии такового) в металлический шкаф или сейф достаточных размеров, обеспечивающих сохранность и надлежащие условия хранения электронных носителей.

Обеспечив сохранность электронных носителей информации, следователь в ходе расследования уголовного дела назначает необходимые судебные экспертизы, в том числе компьютерную, о чем выноситься соответствующее постановление. Электронные носители в опечатанном виде в качестве приложения к указанному постановлению направляются в экспертное учреждение. Очень важно, чтобы следователь правильно выбрал экспертное учреждение или конкретного эксперта, сформулировал вопросы, требующие разрешения, не выходящие за рамки их специализации.

Для иллюстрации сказанного приведем конкретный пример из судебной практики. Из материалов уголовного дела Судебной коллегией по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 20.04.2017 установлено, что по уголовному делу в отношении С., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 171 и п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, следователем была назначена компьютерно-техническая экспертиза. Производство экспертизы было поручено АО «К.». Перед экспертом был поставлен вопрос: относятся ли работы, выполненные сотрудниками ЗАО «А.», к виду услуг по обработке информации, осуществлению сбора, анализа и систематизации информационных массивов, и, таким образом, соответствуют ли они работам, предусмотренным контрактом с компанией «А. Корпорейшн». Было установлено, что АО «К.» не является государственной экспертной организаций. Помимо этого, согласно выписке, из ЕГРЮЛ, видами деятельности данной компании является производство радиолокационной, радионавигационной аппаратуры и радиоаппаратуры дистанционного управления, а также научные исследования и разработки в области естественных и технических наук, что не позволяет говорить о специализации АО «К.» в сфере компьютерных технологий и информационных баз данных. Эксперт С. В., который непосредственно производил экспертизу, имеющий высшее техническое образование, является специалистом в области авиаприборостроения, образования и опыта в области юриспруденции и лицензирования не имеет.

Таким образом, вопросы, постановленные следователем перед экспертом, явно выходили за рамки полномочий эксперта С. В. Кроме того, назначая компьютерно-техническую экспертизу, следователь формулировал вопросы, относящиеся к области лицензирования и юриспруденции, не относящиеся к предмету исследования назначенной им экспертизы, выходящие за пределы специальных познаний эксперта С. В.» [1]. В результате, Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда данное экспертное заключение признали недопустимым доказательством.

Достаточность информации с электронных носителей, отнюдь, не означает, что всегда следует копировать всю имеющуюся информацию. Не случайно М. Г. Янин поясняет, что «при неправильной постановке вопросов перед экспертом возникают трудности, с которыми может столкнуть сам эксперт, например, при невероятно большом количестве копий файлов (требование о восстановлении всех удалённых либо перебитых с носителя файлов)» [5, с. 30]. Представление эксперту электронных носителей, а затем копирование информации с них, должно быть выборочным. Следует исходить из объективной стороны состава того преступления, которое расследуется, а также из тех обстоятельств, которые подлежат доказыванию. В противном случае эксперт будет необоснованно загружен.

Таким образом, подготовка электронных носителей информации для назначения судебных экспертиз включает организационно-тактическую деятельность следователя по их изъятию, а также хранению в условиях, обеспечивающих сохранение нетрадиционных (виртуальных) следов. Следователю, чтобы понять, какие именно электронные носители и информация на них, будет иметь значение для уголовного дела стоит исходить из целевого назначения данных носителей, при этом обратиться к помощи специалиста, обладающего познаниями в рассматриваемой области.

Пристатейный библиографический список

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 20.04.2017 по делу № 22-2649/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/70531824/ (дата обращения 25.06.2023).
2. Иванов А. Н. Порядок изъятия, хранения и возврата законному владельцу электронных носителей информации // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. - 2018. - № 1 (11). - С. 9-13.
3. Лапин Е. С. Вопросы, возникающие при работе с цифровыми следами в ходе расследования преступлений // Правовая политика и правовая жизнь. - 2021. - № 2. - С. 175-180.
4. Молжанов С. А. Криминалистические приемы при изъятии и сборе цифровой информации // Южноуральские криминалистические чтения: мат-лы междунар. научно-практической конференции / Под редакцией И. А. Макаренко. Вып. 26. - Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. - С. 59-64.
5. Янин М. Г. Проблемы сбора, проверки и оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Управление в современных системах. - 2019. - № 2 (22). - С. 28-31.

ХАРИТОНОВ Сергей Александрович
начальник дежурной части УМВД России по г. Пензе, майор полиции

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И МОДЕЛИ МЕХАНИЗМОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО «ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ»*

В настоящее время доследственная проверка проводится сотрудниками ОВД практически по каждому сообщению о совершении преступления или деяния, имеющих внешние признаки объективной стороны преступления. Криминалистическая характеристика имеет базовое значение для процессуальных и следственных действий в досудебном производстве. В статье анализируются различные научные подходы к определению криминалистической характеристики раскрытия преступлений по «горячим следам», этапы формирования научных положения расследования преступлений, а также понятие, значение, факторы, условия и специфика раскрытия преступления по «горячимся следам».

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, модель механизма раскрытия преступлений по «горячим следам».

KHARITONOV Sergey Alexandrovich
Head of the duty department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Penza, major of police

CRIMINALISTICS CHARACTERISTICS AND MODELS OF MECHANISMS FOR INVESTIGATING CRIMES IN «HOT PURSUIT»**

Currently, a pre-investigation check is carried out by police officers for almost every report on the commission of a crime or an act that has external signs of the objective side of the crime. Forensic characteristics are of basic importance for procedural and investigative actions in pre-trial proceedings. The article analyzes various scientific approaches to the definition of the criminalistics characteristics of the disclosure of crimes in hot pursuit, the stages of the formation of the scientific provisions of the investigation of crimes, as well as the concept, meaning, factors, conditions and specifics of the disclosure of crimes in «hot pursuit».

Keywords: criminalistics characteristics of crimes, a model of the mechanism for solving crimes in «hot pursuit».

Концепция и важность криминалистической характеристики преступлений была предметом обширных исследований на протяжении более двух десятилетий. Однако эта концепция постепенно развивалась, и внимание к ее отдельным элементам было обращено задолго до ее появления. Под криминалистической характеристикой преступления понимается информационная система, которая содержит данные о преступлении и связанных с ним обстоятельствах, которые важны для расследования [1].

Как пишет А. С. Князьков, криминалистическая характеристика преступления представляется как модель поисково-познавательной деятельности, являясь формой криминалистических цепей следственного действия, указывающих на причинно-следственные и иные связи между элементами преступного события, получившее свое отображение в материальных и идеальных следах. Криминалистическая характеристика преступления выполняет две функции:

1. Теоретическую – является основой формирования тактического мышления на основе изученных категорий преступлений;

2. Практическую – является криминалистическим средством формирования модели преступления, выдвижения версий на основе полученных сведений и влияет на систему процессуальных действий.

В книге «Уголовная тактика» А. Вейнград подчеркивал, что «Раскрытие преступлений является самостоятельной наукой, требующей серьезной подготовки, много теоретических и практических знаний» [2].

Такие ученые-криминалисты, как И. В. Александров, О. Я. Баев, Я. И. Баршев, Р. С. Белкин, Л. Я. Драпкин, В. Д. Зеленский, Е. П. Ищенко, В. Н. Карагодина, И. П. Можаева, А. Г. Филлипова, Н. П. Яблокова и другие исследователи уделяли много внимания развитию криминалистики, в своих трудах освещали последние достижения науки, формулировали собственные рекомендации, направленные на раскрытие и расследование преступлений.

Р. С. Белкин указывает, что период 19 – начала 20 вв. «Ознаменовался прорывом в деле формирования подлинно научных средств и методов борьбы с преступностью, существенно изменившейся к этому времени» [1].

В ходе разработки оптимальной модели организации расследования преступлений, предполагает изучение трех этапов развития данного направления:

В рамках первого направления – разрабатывались и улучшались средства уголовной регистрации и розыска преступников.

В рамках второго направления осуществлялась разработка научных методов выявления, фиксации и исследования вещественных доказательств.

В рамках третьего направления – разрабатывались приемы и методы организации расследования преступлений.

Современные ученые-криминалисты уделяют достаточно пристальное внимание организации раскрытию и расследования преступлений по «горячим следам». А. Н. Москаленко, В. А. Образцов, А. Б. Соловьев, И. Х. Турсунов считают, что необходимо взаимодействие и мобилизация всех сил и средств органов дознания, и предварительного следствия [6].

* Научный руководитель: Кустов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации.

** Scientific supervisor: Kustov Anatoliy Mikhaylovich, Ph.D. in Law, professor chief researcher of the Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation.

При взаимодействии необходимо соблюдать главный принцип неотложности действий.

Л. С. Аристакесян под расследованием преступлений по «горячим следам» понимает «процесс непрерывной деятельности органов дознания и предварительного следствия по собиранию и исследованию максимальной доказательственной информации, оценка которой позволяет установить виновное лицо в кратчайшие сроки с момента совершения этого деяния» [7].

А. Р. Сысенко полагает, что под раскрытием и расследованием преступлений по «горячим следам» понимают деятельность органов следствия и дознания по установлению в предусмотренном законом порядке максимальной доказательственной информации о событии преступления, лице, совершившем это деяние, и других обстоятельствах, имеющих значение по делу, в кратчайшие сроки с момента обнаружения преступления [9].

На практике термин «по горячим следам» употребляют в переносном смысле. В переводе его значение определяют, как «быстро, мгновенно, в тот же час, либо или «по свежим следам».

В современных научных источниках ведутся дискуссии о длительности времени при расследовании преступлений «по горячим следам». Некоторые криминалисты определяют до 5 дней, другие считают до 10 – 15 суток.

Л. Аристакесян, «…даже если процесс раскрытия и продолжался больше трех суток, его можно обозначить, как раскрытие по «горячим следам», в том случае если он был непрерывным и динамичным» [7].

А. К. Кавалиерис полагает, что «период «по свежим следам» полностью зависит от особенностей местности. В городе период может быть больше часа, а в условиях сельской местности – 1,5 часа» [10].

В современное время в ОВД считается раскрытым преступление, если после того, как оно было зарегистрировано, не прошли сутки, преступник был допрошен в качестве подозреваемого или задержан в порядке, установленном ст. ст. 91 и 92 УПК РФ[1].

Требованиям, которым отвечает расследование преступлений по «горячим следам», можно условно разделить на две группы [11]:

1) общие для организации расследования преступлений, независимо от этапа расследования;

2) специфические для условий работы по «горячим следам».

К первой группе обычно относят планирование расследования; учет исходной следственной ситуации; экономичность организации расследования; обеспечение условий для применения технико-криминалистических средств, использования криминалистических и иных учетов ОВД; четко налаженное взаимодействие участников раскрытия и расследования преступления.

Вторая группа требований включает: максимальное сокращение времени для прибытия СОГ на место происшествия; широкое сочетание типового программирования действий с индивидуальностью и конкретностью расследования; безотлагательное включение всех необходимых сил и средств в работу по раскрытию преступления; временное ограничение круга выясняемых вопросов.

Расследование преступлений по «горячим следам» протекает в специфических условиях:

Такими условиями (факторами) являются прежде всего [12]:

1. Внезапность возникновения ситуации, требующей расследования.

2. Дефицит времени для принятия следователем, органом дознания процессуальных и тактических решений, а также для их осуществления.

3. Большая динамичность процесса расследования, быстрая смена обстановки, повышенная изменчивость следственной ситуации.

4. Недостаток информации (о характере события, о лице, совершившем преступление, и т.п.) при принятии решений.

5. Необходимость безотлагательного использования в расследовании всей новой поступающей информации – как доказательственной, так и ориентирующей.

6. Противодействие расследованию, сокрытие преступником следов и различных обстоятельств преступления.

Раскрытие преступления «по горячим следам» начинается сразу, как только становится известно о его совершении, поэтому вначале эта деятельность носит не процессуальный оперативно-розыскной характер, направленная на:

– пресечение продолжающихся действий преступника;

– задержание преступника с поличным;

– принятие мер по ликвидации последствий преступных действий;

– сохранение источников информации о событии преступления и т.д.

По мнению И. П. Можаевой, необходимость применения методики расследования по «горячим следам», прежде всего, обусловливается первоначальными следственными ситуациями [13, с. 78 - 83]. К числу таких ситуаций можно отнести следующие [14]:

1. Временные: с момента совершения преступления и до его обнаружения прошло незначительное время. Есть надежда обнаружить свежие следы преступления. Преступник еще практически не мог покинуть регион, в котором совершено преступление (поселок, город, район и др.), и принять меры, затрудняющие расследование.

2. Фактические: обстановка места совершения преступления и других мест, связанных с ним, сохранилась полностью или без существенных изменений.

3. Повышенной изменчивости первичной обстановки: наличие неблагоприятных объективных и субъективных условий, мешающих сохранить материальную обстановку места преступления и следы преступления в неизменном виде.

4. Территориальные: обусловливают возможность незамедлительной поисково-розыскной деятельности в известных местах, районах; относительно локализованный район совершения преступления с ограниченными транспортными коммуникациями или район, изолированный от прилегающих территорий в результате паводка, наводнений и иных стихийных бедствий, и т.д.

К числу основных требований, которым должно отвечать расследование по «горячим следам», можно отнести следующие [15]:

1. Незамедлительный выезд СОГ на место преступления.

2. Немедленное ориентирование личного состава ОВД об особых приметах преступника

3. Планирование расследования с учетом специфики ситуации, типовых версий и алгоритмов следственных и иных действий.

4. Использование всех возможностей неотложных следственных действий при содействии специалистов и различных методов криминалистического исследования. Каждый след, который оставил преступник, является важным источником информации для дальнейшего расследования.

5. Умелое использование справочно-информационных сведений для неотложных действий по «горячим следам».

6. Обеспечение высокого уровня взаимодействия следователя с органами дознания, специалистами, экспертами и др. Постоянный контакт с дежурной частью в целях информирования сотрудников ОВД по обслуживанию района со-

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [фед, закон: принят Гос. Думой 18 декабря 2001 г.: по состоянию на 1 июня 2018 г.] // Российская газета. – 2001. – 22 дек.

вершения преступления, а также соседних ОВД о приметах преступника, направления его возможного движения с места преступления. Без этого эффективное расследование по горячим следам практически невозможно.

7. По возможности широкое использование помощи общественности, в частности, для обнаружения местонахождения преступника, оказания помощи в его задержании, розыске похищенных объектов и в проведении отдельных следственных действий. От вышеперечисленных требований и зависит результат расследования по «горячим следам».

Модель механизма расследования преступлений по «горячим следам» основывается на следующих принципах [16]:

– решения, которые принимаются оперативно-следственной группой, должны быть быстрыми и нацеленными на результат;

– важную роль играет профессионализм следователя. На основании проведения осмотра места происшествия и опроса всех свидетелей провести анализ ситуации, выявить круг лиц, к которым причастен преступник и обследовать территорию, на которой он может находиться;

– для того чтобы правильно выбрать тактику расследования, необходимо учитывать опыт раскрытия прошлых дел, в том числе раскрытых по «горячим следам»;

– грамотное применение технико-криминалистических средств;

– немаловажную роль играет оснащение следственной группы. Иногда бывает, что у преступника средства, к примеру автомобиль, лучше, чем у специалистов, чем осложняется задача расследования;

– также важно использовать общественность при расследовании преступлений по «горячим следам» [17, с. 41-43].

Раскрытие и расследование преступлений по горячим следам – это сложный и трудоемкий процесс, требующий вовлечения в него различных субъектов. В начале расследования преступления следователь сталкивается с дефицитом необходимой информации, позволяющей провести всесторонний и объективный анализ произошедшего события и его отдельных обстоятельств.

Таким образом, организация расследования преступлений по горячим следам представляет собой сложную систему, включающую специфические цели, субъектный состав и правовую регламентацию. В процессе организации своевременного и качественного расследования и раскрытия преступлений по горячим следам ведущую роль играет следователь, определяет, каких лиц следует привлекать для взаимодействия.

Можно заключить, что для более эффективного расследования преступлений по горячим следам, изучения источников доказательств, необходимы не только новые методы их исследования, но и разработанные на их основе обобщения практические рекомендации.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики / 3-е изд., доп. – М.: Закон и право, 2017. – 210 с.
2. Вейнград А. Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений. – Санкт-Петербург, 1913. – 293 с.
3. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. - Санкт-Петербург: тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841. – 297 с.
4. Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. – М., 1965. – 226 с.
5. Криминалистика. Учебник. Т. 1 / Аханов В. С., Белкин Р. С., Зуйков Г. Г., Лавров В. П., и др.; Под ред.: Белкин Р. С., Зуйков Г. Г. – М.: НИиРИО ВШ МВД СССР, 1969. – 376 с.
6. Торбин Ю. Г., Москаленко А. Н., Образцов В. А. Формы взаимодействия следователя с органами дознания на начальном этапе досудебного производства // Lex russica. – 2020. – № 3. – С. 70-79.
7. Аристакесян Л. С. По «горячим следам»: что это значит? // Сов. милиция. – 1978. – № 1. – С. 55-58.
8. Москаленко А. Н. Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия преступлений по горячим следам: автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – С. 11-32.
9. Сысенко А. Р. Использование специальных знаний при расследовании преступлений по горячим следам: учеб. практ. пос. – Омск: Омская академия МВД России, 2007. – 84 с.
10. Кавалиерис А. К. Некоторые вопросы раскрытия преступлений, совершенных в условиях неочевидности по горячим следам // Проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности: Сб. науч. тр. – Волгоград, 1989. – С. 60.
11. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 239 .
12. Эксархопуло А. А. Криминалистика в схемах: учеб, пособие для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 422.
13. Можаева И. П. Научно обоснованная система процессуальных, управленческих и криминалистических мер по повышению эффективности организационного обеспечения деятельности органов расследования преступлений // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3.
14. Толоконников В. К. Алгоритм производства тактически обоснованного комплекса следственных действий по делам об изнасиловании // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2018. – № 2 (21). – С. 38-43.
15. Шурухнов Н. Г. Качество неотложных следственных действий как необходимое условие эффективности расследования: к проблеме использования информационных технологий // Российский следователь. – 2020. – № 8. – С. 18-22.
16. Крайнева О. Л. Криминологическая характеристика форм криминального насилия // Российская государственная библиотека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://search.rsl.ru (дата обращения: 13.02.2022).
17. Шевко Н. Н., Куленкова Е. В. Тактические рекомендации по проведению первоначальных следственных действий при расследовании изнасилований // Дневник науки. – 2019. – № 7 (31). – С. 41.

ЗАДОРОЖНЫЙ Артем Анатольевич
соискатель кафедры криминалистики Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННО-УПРАВЛЯЕМЫХ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

В данной статье исследуются особенности производства осмотра места происшествия при раскрытии преступлений террористической направленности, совершенных с использованием дистанционно-управляемых взрывных устройств. Анализируются методы и техники, применяемые при осмотре таких мест происшествия, а также рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов в процессе расследования таких преступлений. Также подчеркивается сложность обнаружения следов и установления места нахождения взрывника при использовании радиоуправляемых взрывных устройств.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, преступления террористической направленности, дистанционно-управляемые взрывные устройства, раскрытие преступлений, методы и техники осмотра, проблемы расследования.

ZADOROZHNIY Artem Anatoljevich
competitor of Criminology sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University

FEATURES OF CONDUCTING CRIME SCENE INVESTIGATION IN THE DISCLOSURE OF CRIMES OF TERRORIST NATURE COMMITTED USING REMOTE-CONTROLLED EXPLOSIVE DEVICES

This article examines the features of conducting crime scene investigation in the disclosure of crimes of terrorist nature committed using remote-controlled explosive devices. The methods and techniques used in the investigation of such crime scenes are analyzed, as well as the problems faced by law enforcement officers during the investigation of such crimes. The difficulty of detecting evidence and establishing the location of the bomber when using radio-controlled explosive devices is also emphasized.

Keywords: crime scene investigation, crimes of terrorist nature, remote-controlled explosive devices, disclosure of crimes, methods and techniques of investigation, investigation issues.

В начале подробного рассмотрения особенностей производства следственного действия «Осмотр места происшествия» (далее – ОМП) в рамках противодействия преступлениям террористической направленности с использованием взрывных устройств (далее – ВУ) стоит указать на существенную важность раскрытия таких преступлений в силу их высокой общественной опасности, резонанса для общества таких деяний, которые могут сопровождаться гибелью и ущербом здоровью множества лиц из-за соответствующих поражающих факторов взрыва [3].

Общественная опасность использования ВУ в противоправных целях подтверждается множеством соответствующих составов преступлений с применением ВУ, обозначенных в УК РФ[1].

Например, непосредственное указание на ВУ в качестве предмета преступного деяния отражено в 8 статьях УК РФ (ст. 205.3, 212, 213, 222.1, 223.1, 225, 344 УК РФ).

Многие эксперты в области криминалистики считают, что осмотр места происшествия является ключевым моментом при расследовании преступлений. Например, профессор Кумышева М. К. в своем исследовании отмечает, что без осмотра места террористического акта, где использовалось взрывное устройство, невозможно эффективно раскрыть преступление. В ходе осмотра собирается масса данных, которые затем образуют основу для создания версий случившегося. Осмотр связан с подробным изучением места и отдельных объектов, фиксацией обстановки и выявлением важных для дела деталей [1].

Раскрытие любого преступления зависит от множества факторов, включая специфические условия осмотра. В частности, осмотр места террористического акта со взрывным устройством имеет ряд особенностей, среди которых большая площадь места, определяемая разлетом осколков и разрушенных предметов, которые могут быть разбросаны на дистанции до сотен метров.

Автор отмечает, что большинство исследователей и практических работников при рассмотрении особенностей производства следственных действий при раскрытии преступлений, совершенных с применением взрывных устройств, часто не акцентируют свое внимание на тот факт, что при использовании дистанционно управляемых взрывных устройств (на начальных этапах расследования обычно нет четкой информации о способе совершения подрыва) площадь осмотра может быть многократно увеличена.

При этом взрывное устройство может дистанционно управляться как посредством провода, так и с помощью радиоканала. При использовании для приведения в действие взрывного устройства, управляемого при помощи электропровода, следы, указывающие на такой способ управления (жилы, куски оплетки, изоленты, провода, различные инструменты и др.) найти на месте происшествия такие материальные следы обычно несложно и, следовательно, существует возможность оперативного нахождения места, откуда происходило управление ВУ.

Если же преступником использовалось радиоуправляемое взрывное устройство (далее – РВУ), задачи по нахождению следов (которые попросту могут отсутствовать ввиду выбранного способа инициации ВУ) и установления места нахождения «взрывника» намного усложняются.

Следы на месте происшествия при использовании РВУ в основном будут носить не материальный, а виртуальный характер, при этом дальность управления такими противозаконными средствами будет на порядок больше, чем при управлении посредством электропровода.

Например, дальность управления РВУ при использовании радиостанции в диапазоне метровых и дециметровых волн[2] для инициации ВУ при мощности 3-5 Вт может дости-

1 Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // СЗ РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

2 От 30 МГц до 3000 МГц.

гать более 5 км (в зависимости от рельефа местности и погодных условий). Если же злоумышленник для инициации РВУ будет использовать мобильную связь, дальности такого управления могут быть практически неограниченны, а место управления и место непосредственного взрыва могут быть разнесены на тысячи километров.

Подытожив вышесказанное, становится очевидно, что поисковые мероприятия по поиску следов (в том числе и «виртуальных следов», а также установление нахождения командо-передающего устройства), а также место нахождения подрывника, имеет смысл только с привлечением дополнительных сил и средств для осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Прежде всего, необходимо отметить, что такие оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия должны быть органично связаны между собой. Более того, они должны образовывать некую единую систему. В криминалистике такое взаимодействие носит название тактическая операция.

Так, например, В. И. Шиканов определяет тактическую операцию (ТО) как «систему согласованных между собой следственных, оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, предпринятых в полном соответствии с требованиями законодательства правомочными должностными лицами для выяснения вопросов, входящих в предмет доказывания по расследуемому уголовного делу» [4].

Другие исследователи, помимо основной задачи ТО – собирания доказательств, выделяют и другие, например – обеспечение собственной безопасности следственно-оперативной группы (СОГ). Особенно актуально решение задач по обеспечению собственной безопасности при производстве ОМП при расследовании преступлений террористической направленности.

Материалы практики, опубликованные в открытых источниках[3], показывают, что в местах производства ОМП преступники зачастую применяют тактику так называемых «двойных подрывов». Данная тактика заключается в подрыве второго ВУ при прибытии на место происшествия сотрудников правоохранительных органов.

Автор полагает, что для наиболее эффективного производства ОМП при расследовании подобных преступлений обязательно должны привлекаться лица, обладающие специальными знаниями в области радиоэлектроники и радиоразведки, и имеющие на вооружении соответствующие технические средства. Очень важно обеспечить взаимодействие (обмен полученными важными сведениями) при проведении ОМП между такими лицами и другими членами СОГ.

К разряду таких важных сведений может относиться любая информация, касающаяся применяемых для совершения террористического акта электронных устройств (мобильных устройств сотовой связи, ПК, радиостанций и пр.). Кроме того, определение, например моделей, используемых в террористическом акте радиоэлектронных устройств, позитивно скажется на обеспечении собственной безопасности сотрудников правоохранительных органов, задействованных при производстве ОМП. Например, сведущее лицо в области радиоэлектроники, сможет по внешнему виду устройства оценить диапазон используемых частот, зная который, можно уже, в свою очередь, использовать настройку таких предупредительных технико-криминалистических средств как блокиратор РВУ.

В целом, следует сказать, что СОГ формируются для того, чтобы облегчить взаимодействие между следователем и другими отделами, включая оперативные, учитывая сложность и серьезность расследуемых преступлений, также обширность проведения следственных и оперативных мероприятий. Учреждение таких групп определено статьей 163 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Руководителями этих групп назначаются наиболее опытные сотрудники следственных отделов. Руководящий статус позволяет следователю непосредственно поручать оперативным сотрудникам выполнение заказов. Кроме того, следователю необходимо четко определить зону доступа посторонних к месту происшествия, а также перспективные места для сбора и упаковки вещественных доказательств с целью их последующей экспертной оценки.

Как представляется, исследование места происшествия по всем категориям уголовных дел должно проводиться методично, по предопределенному плану, чтобы исключить возможность упустить вещественные доказательства.

По мнению И. Д. Моторного, существует несколько подходов к проведению осмотра последствий взрыва:

– Секторный подход, при котором открытая территория делится на различные секторы;

– Ареальный подход (или плановый), при котором территория разграничивается на соответствующие участки в зависимости от имеющихся на них строений или сооружений;

– Узловой подход, при котором осмотр начинается в отдельных местах на территории, где, как предполагается, преимущественно будут проводиться аварийно-спасательные и восстановительные работы с изменением материальной обстановки [2].

Специфической особенностью проведения расследований такого рода преступлений является то, что ситуация на месте происшествия может требовать немедленного применения аварийных ремонтно-восстановительных и спасательных мероприятий, как, например, при взрыве в многоэтажном жилом доме или на борту самолета или парохода.

Расследование террористических актов, связанное с применением взрывных устройств, влечет за собой ряд угроз для безопасности сотрудников следственной группы, включая риск вторичных взрывов, вызванных наличием на месте осмотра неразорвавшихся взрывных устройств или преднамеренными действиями преступников.

Важно обезопасить себя перед проведением любых действий, установив периметр безопасности и проведя проверку на наличие взрывных устройств. Обнаруженные взрывные устройства подробно описываются и фиксируются с помощью фото- и видеотехники. И только после этого другие специалисты допускаются к месту происшествия.

С учетом всего вышесказанного можно заключить, что грамотное проведение осмотра мест происшествий, расследование террористического характера и использование радиоуправляемых взрывных устройств возможны только в комплексе - в рамках одной тактической операции с привлечением дополнительных различных ресурсов. Кроме того, при осуществлении таких операций необходимо учитывать ряд особенностей, особенно при расследовании именно таких преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Кумышева М. К. Особенности производства следственных действий в процессе расследования террористических актов, совершенных посредством взрывов // Пробелы в российском законодательстве. - 2008. - № 1. - С. 29.
2. Моторный И. Д. Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом: Монография. - Москва: Шумилова И. И., 1999.
3. Сечин А. И., Перминов В. А., Назаренко О. Б. и др. Теория горения и взрыва: учебное пособие / Томский политехнический университет. - Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2020.
4. Шиканов В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. - Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1983.
5. Шорин И. Ю. Криминалистические аспекты борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием дистанционно-управляемых взрывных устройств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - Саратов, 2002.

3 Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // Доступ: Sudact.ru (Дата обращения: 07.09.2023).

ДЗЮБА Александр Олегович
аспирант кафедры криминалистики Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА, ОБЫСКА И ВЫЕМКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

В статье рассматриваются тактические особенности производства важнейших следственных действий при расследовании кредитного мошенничества, а именно: проведение осмотра места происшествия, обыска и выемки. При этом в работе дается не только характеристика указанных следственных действий, а описывается алгоритм действий следователя в конкретной ситуации. Учитывая сложность и специфику кредитной сферы, в статье показана взаимосвязь указанных следственных действий, освещены проблемные вопросы при их производстве и предложены наиболее оптимальные пути поиска доказательственной информации.

Ключевые слова: осмотр, обыск, выемка, мошенничество, следственные действия, сфера кредитования.

DZYUBA Alexander Olegovich
postgraduate student of Criminology sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University

FEATURES OF INSPECTION OF THE SCENE OF THE ACCIDENT, SEARCH AND SEIZURE IN THE INVESTIGATION OF FRAUD IN THE FIELD OF LENDING

The article discusses the tactical features of the most important investigative actions in the investigation of credit fraud, namely: conducting an inspection of the scene of the incident, search and seizure. At the same time, the paper gives not only the characteristics of these investigative actions, but also describes the algorithm of the investigator's actions in a specific situation. Taking into account the complexity and specifics of the credit sphere, the article shows the relationship of these investigative actions, highlights problematic issues in their production and suggests the most optimal ways to search for evidentiary information.

Keywords: inspection of the scene of the accident, search, seizure, fraud, investigative actions, lending sphere.

Важное значение для раскрытия и расследования мошенничества в сфере кредитования имеет производство обыска.

Обыск – это следственное действие, направленное на принудительное обследование участков местности, помещений, личных вещей, находящихся в ведении обыскиваемого лица и членов его семьи, организации, осуществляемое в рамках уголовно – процессуального закона управомоченным на то лицом при соблюдении гарантий прав и законных интересов граждан и юридических лиц с целью поиска (обнаружения) и изъятия (задержания) конкретных источников доказательственной информации (материальных объектов), которые могут иметь значение для дела [4, с. 465].

Данное следственное действие направлено на обнаружение в помещении организации, в доме злоумышленника вещественных доказательств, следов преступления, документации, в которой содержатся сведения о преступной деятельности. После такого, как доказательства, имеющие значение для уголовного дела, были обнаружены, они изымаются. При этом сотрудники правоохранительных органов при производстве обыска должны соблюдать гарантии и права граждан и юридических лиц.

Большое количество обысков, как правило, проводится на первоначальном этапе расследования мошенничества в кредитной сфере. К примеру, проводя обыск по месту жительства мошенников, следователь располагает оперативными данными о том, в каких местах можно спрятать интересующие следствие документы. Зачастую различного рода тайники являются местом, где мошенники прячут пластиковые карты, кредитные денежные средства, ценные бумаги или поддельные документы. Следователю необходимо заранее подумать о том, какими техническими средствами он будет пользоваться для их обнаружения. Многие правоведы высказывают мнение о том, что тайник необходимо рассматривать в качестве улики и нужно в обязательном порядке зафиксировать его в протоколе.

Более того, сотрудникам правоохранительных органов нужно выявить преступные связи подозреваемых с иными лицами, которые могут являться потенциальными соучастниками мошенничества. Для реализации этой цели особое внимание при производстве обыска необходимо обращать на различного рода записные книжки, где могут содержаться номера телефонов или другие данные, внимательно изучать записи в тетрадях, образцы кредитных документов. Своевременное обнаружение указанных документов может существенно повлиять на ход расследования преступления, получить детальную информацию о соучастниках, способах совершения мошенничества, кредитных операциях. Правильное использование подобных документов позволит определить размер материального ущерба, сузить круг подозреваемых, построить следственные версии. Уголовное-процессуальное законодательство в определенных случаях допускает возможность проведения личного обыска тех лиц, которые находятся в обыскиваемом помещении[1].

В процессе проведения рассматриваемого следственного действия необходимо изъять всю документацию, которая свидетельствует о связи должника с кредитными учреждениями, а также обнаруженные печати, фото и видеодокументы. Помимо банковской документации, важное значение для раскрытия и расследования мошенничества приобретают различного рода приказы, нормативные документы или распоряжения, которые могут изыматься и в оригинале, и в копии.

Важно учитывать и тот факт, что злоумышленник не всегда хранит интересующие следствие документы и предметы у себя дома. Поэтому определяется ближайшее окружение мошенника (друзья, родственники) и при необходимости проводится обыск у таких лиц.

Развитие информационных технологий явилось причиной того, что в настоящее время мошенники все чаще прибегают к использованию компьютерной техники. Информация, которая содержится в ней, может иметь прямое значение к расследуемому преступлению. При производстве обыска, весьма актуальным становится вопрос о необходимости привлечения специалистов, поскольку не совсем правильное обращение с компьютером может привести к утрате информации. Специалисты помогут осуществить квалифицированное изъятие внешних и внутренних накопителей информации, оказать помощь в бухгалтерской сфере [3, с. 88].

Зачастую проведение обыска только в одном месте или помещении бывает недостаточно, так как имущество, которое было получено противоправным путем, может храниться в различных местах сразу. Обыски должны осущест-

1 Ст. 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ / Российская газета. - 2001. - 22 декабря. - № 249.

вляться внезапно, так как у мошенника в таком случае будет отсутствовать достаточное количество времени для сокрытия имущества. Крайне желательно осуществлять производство обысков в разных местах в один и тот же промежуток времени, поскольку это существенно ограничивает возможности мошенника по утаиванию необходимых для уголовного дела доказательств [5, с. 85].

Протокол обыска должен содержать сведения относительно количества, качества, веса, возможной стоимости изъятых предметов. Перечисляются индивидуализирующие признаки изымаемого имущества, описываются обстоятельства, место и время обнаружения предметов, условия, при которых они были изъяты. Если был установлен факт обнаружения тайников, то указывается место, где они были расположены, их габариты. Предметы, которые были обнаружен при проведении обыска, подлежат фото и видео фиксации, что находит свое отражение в протоколе.

Выемка предметов и документов является крайне важным следственным действием, которое заключается в изъятии предметов, документов, признаки и место которых заранее известны правоохранительным органам. Основным отличием выемки от обыска является то, что следователь обладает информацией о том, какие конкретно объекты подлежат изъятию и где они хранятся. Отличаются эти следственные действия и по содержанию. В процессе выемки практически отсутствуют поисковые операции. Предполагается, что следствие располагает точными данными о месте хранения объектов, подлежащих изъятию.

Основанием для проведения выемки является постановление следователя, дознавателя. В определенных случаях производство выемки осуществляется на основании судебного решения, когда речь идет о различного рода документации, которая хранится в банке и содержит сведения о вкладах граждан.

Наличие понятых, в качестве которых чаще всего выступают работники и представитель банка, является обязательным условием проведения рассматриваемого следственного действия. Если имеются документы, которые свидетельствуют о факте выдачи или о факте отказа в выдачи кредитных средств, то они подлежат выемке (кредитный договор, паспорт гражданина, заявка клиента на получение кредита и др.) Записи с камер видеонаблюдения, которые находятся в подразделении банка, необходимые электронные документы, также подлежат выемке [1, с. 66].

Дополнительная выемка проводится в том случае, если все необходимые для уголовного дела документы и предметы не были изъяты в ходе первоначальной выемки.

Оформляется выемка протоколом, который содержит сведения о ее ходе и результатах. Также в протоколе отражается информация о количестве, размере, реквизитах изъятых документов и предметов, об индивидуальных признаках объектов.

Изъятые документы должны быть осмотрены, что требует от следователя особых знаний в этой сфере и опыта. Привлечение специалиста в области кредитования при производстве осмотра позволяет повысить результативность расследования мошенничества в кредитной сфере, способствует более детальному изучению предметов и процессов, которые имеют отношение к уголовному делу. Для осмотра целесообразно приглашать специалиста в области банковского дела, в частности кредитования.

Участие специалиста в следственном осмотре – один из важнейших факторов использования специальных знаний, что предопределяет эффективность процесса расследования мошенничеств в сфере кредитования. Помощь специалиста при проведении следственных действий повышает возможности следователя по более глубокому изучению предметов и явлений, связанных с событием преступления. Осмотр документации осуществляется по общим правилам осмотра документов, выработанных в криминалистике [1, с. 67].

Следователь осуществляет работу с документацией в два этапа, которые напрямую связаны между собой: во-первых, это проведение анализа и определение реквизитов и внешних свойств документа; во-вторых, это проведение анализа содержания документов. Осмотр документов проводится с использованием увеличительных приборов и при необходимом освещении. В процессе осмотра важна каждая деталь, поэтому от следователя требуется должная внимательность и осмотрительность. Пути расследования, которые избираются следователем, напрямую зависят от результатов исследования документов. В дальнейшем, указанные действия позволят определить необходимые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, которые предстоит провести.

В протоколе осмотра документов должны содержаться сведения о названии документа, дате, месте его изготовления, должны быть перечислены реквизиты документа. Возможные дефекты документа, признаки его подделки, следы ручек чернил и грязи должны также прописываться в протоколе. Если при осмотре возникают сомнения в подлинности документа, то он отправляется на криминалистическую экспертизу.

Подробный анализ содержания документа содействует нахождению признаков мошенничества. Для этой цели нужно определить, содержит ли в себе анализируемый документ какие-либо противоречия, которые в определенных обстоятельствах могут свидетельствовать о совершении мошенничества. Определенные знания о порядке и правилах документального оформления финансовых операций позволят ответить на данный вопрос. Однако следователь может не располагать такими знаниями, поэтому зачастую требуются консультации сведущих лиц, а иногда их привлечение к осмотру.

Осмотр места происшествия по делам о мошенничестве в сфере кредитования также рассматривается в качестве одного из главных следственных действий, проводимого на последующем этапе расследования. Осмотр места происшествия позволяет фиксировать состояние предметов, использованных в процессе совершения мошенничества. Место оформления и получения кредита будет являться местом осмотра происшествия. Чаще всего это торговые центры, отделения банков и другие места, где наблюдается большое скопление людей. Чтобы предотвратить уничтожение следов, нужно провести осмотр места происшествия в кратчайшие сроки. Следователю в процессе осмотра важно определить конкретное место нахождения мошенника, к каким предметам он прикасался, какие личные вещи были забыты на месте [3, с. 91].

Осмотр места происшествия имеет важное значение для восполнения всей картины преступления, в первую очередь данное процессуальное действие позволяет определить место совершения мошенничества.

Осмотр места происшествия является первоочередным следственным действием в ситуации, когда задержание осуществляется в момент совершения виновным мошеннических действий.

Таким образом, можно прийти к выводу, что проведение таких следственных действий, как обыск, выемка и осмотр при расследовании мошенничества в сфере кредитования играет важную роль в обнаружении следов преступления, получении информации о преступном деянии. Качественное производство указанных следственных действий требует от сотрудников правоохранительных органов должной осмотрительности, знания норм уголовно-процессуального права и банковской деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Балалаева М. В. Мошенничество в сфере кредитования: некоторые проблемные вопросы расследования (криминалистический аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 29. – С. 65-67.
2. Гринякин С. А. Основные направления противодействия мошенничеству в банковской деятельности // УЭкС. – 2017. – № 99. – С. 47-49.
3. Егоров Н. Н., Ищенко Е. П. Руководство по производству следственных действий: учебно-практическое пособие. – М.: Изд-во: Проспект, 2017. – С. 87-92.
4. Криминалистика: учебник / Под ред. док. юрид. наук, проф. И. М. Комарова. – М.: Юрлитинформ, 2023. – С. 465-472.
5. Эксархопуло А. А. Криминалистика в схемах: учеб. пособие для СПО. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – С. 83-86.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-366-369

КАРПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич
*адъюнкт Академии управления МВД России, заместитель начальника управления по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по г. Севастополю, подполковник полиции**

Карпинский Д. А.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ ПАРАНОРМАЛЬНЫХ И ОККУЛЬТНЫХ УСЛУГ

В статье сформулированы основные понятия методики расследования и методологических принципов, определяющих методику расследования мошенничества в сфере паранормальных и оккультных услуг. Предложено частное определение и концепция, описывающие методику расследования мошенничества, связанного с предоставлением паранормальных и оккультных услуг. Выделены основные компоненты методики и их влияние на успешность расследования.

Ключевые слова: криминалистическая методика, методика расследования преступлений, мошенничество, паранормальные услуги, оккультные услуги, доследственная проверка, этапы расследования, тактика расследования.

KARPINSKIY Dmitriy Anatoljevich
*adjunct of the Academy of the MIA of Russia, Deputy Head of the Department for drug trafficking control of the MIA of Russia in Sevastopol, lieutenant colonel of police***

PRELIMINARY INVESTIGATION AND INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF FRAUDS RELATED TO PARANORMAL AND OCCULT SERVICES

The article formulates the basic concepts of investigation methodology and methodological principles that determine the methodology of investigation of fraud in the field of paranormal and occult services. A private definition and concept describing the methodology of investigation of fraud associated with the provision of paranormal and occult services is proposed. The main components of the methodology and their influence on the success of the investigation are emphasized.

Keywords: forensic methodology, methodology of crime investigation, fraud, paranormal services, occult services, pre-investigation check, stages of investigation, investigation tactics.

Мошенничество, связанное с оказанием паранормальных и оккультных услуг, представляет собой сложную и многогранную проблему. Эта сфера деятельности часто обременена неопределенностью, и потребители услуг могут быть подвергнуты финансовым и эмоциональным рискам. Расследование таких преступлений требует особой методики, которая учитывает специфику данной области. Рассмотрим основные понятия и методологические принципы, определяющие методику расследования мошенничества в сфере паранормальных и оккультных услуг.

Криминалистическая методика в науке криминалистики сформулирована ученым криминалистом Якимовым И. Н., который в 1925 году опубликовал в своем труде «Руководство по уголовной технике и тактике» криминалистическую методику как самостоятельный раздел криминалистики [1].

Понятие методики расследования не является тождественным понятием криминалистической методики, так как является ее элементом. В трудах современных ученых криминалистов нередко можно встретить утверждение, что криминалистическая методика является более широким понятием, охватывая и включая в себя методику расследования преступлений, как элемент практической деятельности лица, проводящего расследование (или дознание) связанной с документированием, раскрытием и расследованием конкретного вида преступлений. Сопутствующими элементами криминалистической методики ученые нередко называют общие или законодательно установленные методы расследования, обязательные для исполнения независимо от категории расследуемого преступления, а также индивидуальные методы расследования, не требующие разработки частной методики расследования, но связанные с особенностями отдельных видов преступлений. В качестве примера можно привести возбуждение уголовного дела в отношении лица, совершившего преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, которое допускается, только при наличии изъятого наркотического средства или психотропного вещества и только при наличии подтверждающей экспертизы или исследования с указанием достаточного веса. Или, например, изнасилование возбуждается только по заявлению потерпевшего лица. Приведенные примеры являются индивидуальными методами расследования, не зависящими от элементов частной криминалистической методики данного вида преступления.

Методика расследования преступлений, как элемент криминалистической методики, включает в себя частные

* Научный руководитель: Кустов Анатолий Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Главный научный сотрудник НИЦ Академии управления МВД России, заслуженный юрист РФ, академик РАЕН.

** Supervisor advicer: Kustov Anatoliy Mikhaylovich – Ph.D. in Law, professor, chief researcher of the Research Center of the Academy of the MIA of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences.

криминалистические методики отдельных видов преступлений, с описанием тактики действий следователя (дознавателя), которая в свою очередь включает в себя этапы стратегии и процедуры, специфические для конкретной категории преступлений, постановку и разрешение тактических задач, особенности сбора и анализа доказательств, используемые криминалистические средства, с указанием последовательности проведения отдельных следственных действий и тактика их проведения.

В 1975 году, Васильевым Н. М. сформулировано одно из первых определений, дающих понятие современной криминалистической методики: «Криминалистическая методика расследования – это разработанная на основе изучения следственной практики, способов преступлений и механизма образования их следов система рекомендаций о криминалистической классификации преступлении, организации начального и последующих периодов расследования, а также об особенностях применения тактических приемов и научно-технических средств в целях эффективного расследования» [2, с. 63].

Данное определение широко раскрывает понятие криминалистической методики, но на наш взгляд, не в полной мере охватывает все аспекты криминалистической методики. В дальнейшем Васильев Н. М. внес несущественные изменения в свое определение, однако первоначальная формулировка в научном сообществе признается более удачной.

Выдающийся ученый криминалист Белкин Р. С., совместно с такими учеными как Аверьянова Т. В., Корухов Ю. Г. и Россинская Е. Р. в конце XX века подводя итог столетнего развития криминалистики, говорят о криминалистической методике как о системе рекомендаций и научных подходов, используемых для раскрытия, расследования и предотвращения различных видов преступлений, которая развивалась со временем, от первоначальной абстрактной попытки создать универсальный метод к более конкретному подходу, учитывающему особенности расследования каждого преступления. Сформулировано следующее определение:

«Криминалистическая методика – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений» [3, с. 630].

Данное определение криминалистической методики является довольно точным и кратким. Оно уделяет внимание основному аспекту этой системы - ее научному характеру и направлению на организацию расследования и предотвращение преступлений. Однако оно могло бы быть более развернутым, чтобы учитывать также практические аспекты и методологический подход, используемый в криминалистической методике.

Современные ученые-криминалисты дают различные определения методике расследования. Так, например Топорков А. А., в своем учебнике «Криминалистическая методика расследования преступлений», дает следующее определение методике расследования: «Частные методики положения расследования преступлений представляют собой систему методологических положений и практических рекомендаций по наиболее эффективной организации расследования отдельных видов (групп) преступлений. Из них аккумулируются данные всех ее разделов, преобразованные с учетом вида преступления. конкретных обстоятельств и других ситуационных особенностей по их раскрытию и расследованию» [4, с. 294].

Такое определение скорее можно отнести к разъяснению, но, по существу, оно в полной мере отражает суть методики расследования в прикладном понятии.

Когда речь идет о частных криминалистических методиках, необходимо понимать, что это не просто набор инструкций и действий, которые нужно выполнить для успешного расследования определенного преступления. Эти методики включают в себя не только эффективные инструменты и рекомендации, но также способы их применения, особенности планирования расследования, типичные предположения и гипотезы, использование специальных знаний, взаимодействие с обществом и средствами массовой информации и многое другое. Суть частных криминалистических методик заключается именно в этой уникальной комбинации факторов, и разработка таких методик - основная задача данной области криминалистики.

В монографии «Курс криминалистики», Рафаил Самуилович Белкин выразил свою собственную концепцию и методологический подход к криминалистической методике. В своем труде он изложил фундаментальные принципы и методы организации расследования преступлений, что оказало значительное воздействие на развитие этой области криминалистики. Указанное выше определение криминалистической методики, предложенное им еще в 1997 году, сохраняет свою актуальность и было включено в курс криминалистики 1999 года, а также в переиздание этого курса в 2013 году, переработанное и дополненное последователями после его смерти. Своей работой и внесенным в нее определением криминалистической методики, он продемонстрировал выдающийся вклад в развитие криминалистики как научной и практической области. Его методологический подход и фундаментальные принципы организации расследования преступлений стали отправной точкой для многих исследователей и специалистов в данной сфере. Стойкость и актуальность его определения криминалистической методики, подтвержденные ее включением в учебные курсы на протяжении многих лет, подчеркивают важность его научного наследия и его влияние на развитие криминалистики в России и за ее пределами.

По мнению Анатолия Михайловича Кустова, после основополагающих работ российских ученых-криминалистов, таких как И. А. Громов, С. Н. Трегубов, И. Н. Якимов и многих других, научное сообщество стало активно заниматься формированием и усовершенствованием криминалистической методики. Этот процесс привел к выделению криминалистической методики в отдельный раздел в области криминалистики. Важный вклад в развитие криминалистической методики в XX веке внесли выдающиеся ученые, такие как Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. А. Возгрин, А. Н. Колесниченко, И. М. Лузгин, С. П. Митричев, И. Ф. Пантелеев, В. Г. Танасевич, А. А. Хмыров, Н. П. Яблоков и многие другие. Эти исследователи внесли существенный вклад в разрешение во-

просов, связанных с криминалистической методикой, и способствовали ее дальнейшему развитию.

В монографии «Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. начало XXI в.) Кустав А. М. дает, на наш взгляд наиболее удачное определение методики расследования преступлений:

«Криминалистическая методика (методика расследования отдельных видов преступлений) — система учений, теоретических положений, криминалистических знаний и рекомендаций, обеспечивающих предварительное расследование и судебное следствие конкретных видов преступлений. Криминалистическая методика представляет собой приспособление (реализацию) разработок криминалистической техники и тактики к особенностям расследования отдельных видов преступлений» [5, с. 296]. Данное определение раскрывает всю сущность криминалистической методики.

Исходя из проведенного анализа, становится очевидно, что формирование понятия «методики расследования» – это неотъемлемая часть развития криминалистической методики. Криминалистическая методика включает в себя более общие принципы и методы, в то время как методика расследования сосредотачивается на конкретных стратегиях и тактиках, используемых при расследовании конкретных преступлений. Таким образом, понятие «методики расследования» вытекает из обширной области криминалистики и представляет собой ее конкретное применение в практике расследования преступлений.

Учеными криминалистами ранее не проводились научные исследования, в рамках которых составлялась полноструктурная частная криминалистическая методика расследования мошенничеств, связанных с оказанием паранормальных и оккультных услуг.

Наиболее широко тематика расследования мошенничеств в рассматриваемой сфере, изучена Нугаевой Э. Д., в диссертационном исследовании «Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг» [6]. В данной научной работе глубоко проанализирована криминогенная ситуация в России, связанная с ростом мошенничества с 2009 года по 2018 год. Кроме того, разобраны особенности проведения отдельных следственных действий, связанных с особенностью личности потерпевшего, и другие. В том числе разобраны некоторые структурные элементы основы частной криминалистической методики расследования мошенничеств при оказании оккультных услуг, по мнению автора, являющиеся наиболее значимыми при проведении расследования мошенничества данной категории. Предметом исследования являются оккультные услуги, являющиеся только частью всего спектра услуг с использованием сверхъестественных способностей. Авторское определение частной криминалистической методики автор в своей работе не дает, так как не ставит это целью проводимого исследования. Рассмотренные элементы расследования научно обоснованы и могут быть положены в основу для дальнейшего использования при разработке полноструктурной частной криминалистической методики расследования мошенничеств, связанных с оказанием паранормальных и оккультных услуг.

Исследование мошенничества, связанного с оказанием оккультных услуг, также изложено Салаевым З. Р. в диссертационном исследовании «Мошенничество, связанное с оказанием услуг оккультного и психологического характера» [7], который в своей работе дал уголовно-правовую и криминологическую характеристику исследуемого преступления, разобрав проблемы квалификации преступного деяния, а также влияющие на это преступление причины и условия. Научно обоснованные результаты трудов указанного исследования, могут быть использованы при формировании методики расследования мошенничеств, связанных с оказанием паранормальных и оккультных услуг.

Анализ научных работ в исследуемой сфере, а также современной научной криминалистической литературы, указывает на то, что до настоящего времени никто из ученых не занимался исследованием в сфере разработки полноструктурной частной криминалистической методики расследования мошенничеств, связанных с оказанием паранормальных и оккультных услуг. Для формулирования понятия методики расследования указанного вида мошенничества, разберем ее содержание.

Методика расследования рассматриваемого вида преступлений, таких как мошенничество, связанное с оказанием паранормальных и оккультных услуг, включает в себя ряд ключевых элементов и шагов, которые организуют процесс выявления, документирования и пресечения таких преступлений. Содержание методики расследования в данной области включает в себя следующие аспекты:

В первую очередь в содержание методики расследования входит криминалистическая классификация методов расследования. В зависимости от обстоятельств совершенного преступления частная криминалистическая методика расследования может иметь отличия.

В содержание методики расследования также входит криминалистическая характеристика мошенничеств, связанных с оказанием паранормальных и оккультных услуг. Такие как обман с использованием эзотерических знаний, когда мошенники, делают вид, что обладают специальными знаниями и способностями в области паранормальных явлений или магии, могут предсказывать будущее, обещать спасение от бедствий или контакт с умершими. Фальшивые методы диагностики и лечения, когда мошенники могут предлагать диагностировать болезни или духовные проблемы и обещать их излечение с помощью оккультных практик. Обман людей, которые находятся в состоянии эмоциональной уязвимости или страха. Психологические методы манипуляции, когда мошенники используют психологические техники манипуляции, чтобы убедить клиентов в своей искренности и способности помочь. А также другие особенности криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступления.

Следующим элементом содержания методики расследования являются следственные ситуации и их разрешение на предварительном следствии. К наиболее типичным доследственным ситуациям можно отнести такие ситуации, как заявление потерпевшего в отношении неустановленных лиц, с минимальным набор криминалистически значимых следов

совершенного преступления, или заявление потерпевшего в отношении установленного круга лиц, которые скрылись, а также поступление от оперативного блока материалы с результатами оперативно-розыскных материалов о раскрытом преступлении с указанием причастных лиц, в том числе со сведениями о латентных преступлениях данной категории.

Особенности проведения отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, также входят в содержание методики расследования. Первоначальный этап проведения оперативно-розыскных мероприятий и допустимых следственных действий, до возбуждения уголовного дела, имеет существенное значение в раскрытии преступлений рассматриваемой категории. В тоже время особенности проведения следственных действий на последующем и завершающем этапе расследования играют немаловажную роль в документировании добытых доказательств для соблюдения принципов законности и неотвратимости наказания.

Заключительным элементом содержания методики расследования являются судебные ситуации и их разрешение в процессе судебного следствия. Элементы психологического воздействия на потерпевших, запугивания, шантажа и прочих незаконных способов противодействия расследованию, являются нередкими случаями в ходе рассмотрения дела в суде.

Методики расследования могут различаться в зависимости от характера и сложности преступления. Важно отметить, что соблюдение процедур и защита прав подозреваемых и свидетелей являются важной частью методики расследования, чтобы обеспечить справедливость и законность процесса.

С учетом рассмотренных элементов содержания методики расследования мошенничеств, связанных с оказанием паранормальных и оккультных услуг и основ криминалистических знаний в данной сфере, полученных в работах ученых криминалистов, можно сформулировать понятие частной криминалистической методики расследования следующим образом:

Методика расследования мошенничеств, связанных с оказанием паранормальных и оккультных услуг – система приемов документирования и пресечения преступной деятельности лиц, осуществляющих мошеннические действия под предлогом обладания сверхъестественными способностями, включающая в себя тактику проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в зависимости от возникающих следственных ситуаций, направленная на обеспечение справедливости, законности и неотвратимости наказания.

Мошенничество, связанное с оказанием паранормальных и оккультных услуг, представляет собой серьезное и разветвленное преступление, которое часто оставляет потерпевших не только без средств к существованию, но и в психологически угнетенном или подавленном состоянии. Это связано с тем, что мошенники, представляясь обладателями сверхъестественных способностей, манипулируют эмоциями и верой потерпевших, что может иметь долгосрочные негативные последствия для их психического состояния и качества жизни. Воздействие мошенников на психику потерпевших может быть разрушительным и в результате может привести к глубокой психологической травме, чувству стыда и серьезным формам депрессии. Нередко доведенные до отчаяния потерпевшие, не найдя справедливого возмездия обращаются в средства массовой информации, вызывая общественный резонанс. Противодействие данному виду преступления требует совместных усилий со стороны правоохранительных органов, экспертов и научного сообщества, чтобы разработать эффективные методики расследования, защитить потерпевших и предотвратить дальнейшие случаи мошенничества в этой области.

Пристатейный библиографический список

1. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925.
2. Васильев А. Л. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений // 1975. № 4. С. 63
3. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. М: Издательская группа НОРМА-ИНФА.М, 1999. 630 с.
4. Топорков А. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. М: Юстиция, 2023. 294 с.
5. Кустов А. М., Лапин В. О. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. – начало XXI в.), под общ. ред. Кустова А. М. М: Юрлитинформ, 2021. 296 с.
6. Нугаева Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.12 / Место защиты: Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Уфа, 2018. 269 с.
7. Салаев З. Р. Мошенничество, связанное с оказанием услуг оккультного и психологического характера: уголовно-правовое и криминологическое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Место защиты: ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Москва, 2022. 167 с.

КРАСНИКОВ Вадим Николаевич
старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РОЗЫСКНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РОЗЫСКА ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ

В работе затронуты отдельные аспекты взаимодействия оперативных подразделений ОВД с общественными формированиями при осуществлении розыскной работы. Рассмотрен вопрос использования содействия общественных объединений. Определены задачи, которые необходимо ставить перед волонтёрами. Сделаны выводы о необходимости развития данного вида взаимодействия при осуществлении розыскной работы.

Ключевые слова: взаимодействие, пропавший без вести, розыскная работа, волонтёры.

KRASNIKOV Vadim Nikolaevich
senior lecturer of Operational and investigative activities and special equipment sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ON THE INTERACTION OF THE SEARCH UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS DIRECTORATE WITH PUBLIC FORMATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THE SEARCH FOR MISSING PERSONS

The paper touches upon certain aspects of the interaction of the operational units of the internal affairs department with public formations in the implementation of search work. The issue of using the assistance of public associations is considered. The tasks that need to be set for volunteers are determined. Conclusions are drawn about the need to develop this type of interaction in the implementation of search work.

Keywords: interaction, missing person, search work, volunteers.

При получении органами внутренних дел информации о безвестном исчезновении человека, ведется активная и многоаспектная деятельность, направленная как на поиск пропавшего лица, так и на установление обстоятельств его исчезновения, поскольку они могут быть как криминальными, так и некриминальными. К данной деятельности привлекаются сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, но основная роль принадлежит сотрудникам уголовного розыска.

Как правило, в рамках каждого отдела УР существует специализация, в соответствии с которой несколько сотрудников занимаются линией розыска лиц, скрывшихся от органов расследования и суда, а также лиц, пропавших без вести. Именно они определяют алгоритм поисковых действий, необходимые мероприятия, но результативной данная деятельность может быть лишь при условии вовлечения в нее других сотрудников правоохранительных органов, а также волонтерских организаций [1].

При поступлении сообщения о без вести пропавшем, следует решить вопрос и о привлечении общественности, в частности, волонтерских организаций. Как правило, в каждом отделе внутренних дел имеются контакты таких организаций, их руководителей, что позволяет в кратчайшие сроки связаться с волонтерами и организовать незамедлительно поиск без вести пропавшего. Эффективность такого взаимодействия не вызывает сомнений, поскольку нередко волонтерские организации в большей степени готовы к осуществлению поисковой деятельности как с точки зрения соответствующего опыта, так и с точки зрения технического оснащения.

К примеру, в небольших территориальных отделах органов внутренних дел зачастую не хватает служебного транспорта, чтобы своевременно осуществить выезд на поиски необходимого количества человек, большое количество сотрудников задействовано в решении иных служебных задач, и без привлечения общественности эффективно осуществлять поиск без вести пропавшего, охватывая значительную территорию, невозможно.

В летний и осенний период времени сообщения о без вести пропавших поступают гораздо чаще, чем в другое время года. При этом, обстоятельства исчезновения, как правило, не криминальные, поскольку лица теряются в лесном массиве, куда направились для сбора грибов или ягод. Но опасность длительного пребывания в лесу, без еды и пищи, крайне велика, поэтому и в данном случае поиск должен осуществляться всеми имеющимися силами. При участии волонтерских организаций удается осуществить данный поиск гораздо более эффективно.

Если пропавшим без вести является ребенок, привлечение волонтеров происходит практически всегда. В таком случае руководитель волонтерской организации организует возможное число добровольцев, которые прибывают на инструктаж, производимый сотрудником правоохранительного органа [2].

В рамках инструктажа определяются основные задачи волонтеров, а также обеспечение их требуемой информацией об обстоятельствах исчезновения, возможных местах, где может находиться пропавший; выдача волонтерам ориентировок, фотографий; определяется способ связи с добровольцами и периодичность встреч для обсуждения результатов деятельности.

В основном, как свидетельствует анализ практики, перед волонтерами ставятся три основные задачи:

1) Поиск пропавшего лица, а также следов, которые указывают на его возможное местонахождение либо на совершении в отношении него преступления.

Решая данную задачу, волонтеры, как правило, обследуют:

– места, где потерпевшего видели последний раз; где он достаточно часто бывал;

– территорию, прилегающую к месту исчезновения (чердаки, подвалы, вентиляционные шахты в доме, в котором проживал пропавший либо в непосредственной близости от места проживания);

– расположенные недалеко от места проживания пропавшего контейнеры, канализационные колодцы, выгребные ямы, свалки мусора, пустыри, парки, заброшенные строения, иные места, которые преступник мог использовать как для сокрытия трупа, так и для сокрытия иных вещественных доказательств;

– лесные массивы, болота, заросли кустарника, овраги по маршруту направления движения пропавшего без вести [3].

2) Поиск информации о последнем местонахождении разыскиваемого и обстоятельствах его исчезновения.

Для решения данной задачи волонтеры проводят следующие мероприятия:

– устанавливают лиц, видевших пропавшего последними либо контактировавших с ним;

– обнаруживают системы видеонаблюдения, которые расположены в районе поиска;

– проводят анализ сети Интернет, мессенджеров с целью выявления информации, имеющей отношение к исчезновению лица.

3) Распространение информации о пропавшем в районе производства поисковых мероприятий.

Для решения данной задачи волонтеры могут осуществлять следующие мероприятия:

– изготавливать и размещать объявления о розыске в местах, предназначенных для размещения информации;

– распространять ориентировки в местах наибольшего скопления людей (в организациях, учреждениях, на рынках, на объектах транспорта);

– размещать объявления в средствах массовой информации и в сети Интернет;

– выставлять автомобильные посты, оборудованные громкоговорителями, у лесных массивов, на окраинах населенных пунктов, вокзалах, иных возможных местах появления пропавшего [4].

Наряду с этим, как свидетельствует практика, непосредственное участие руководства территориального органа внутренних дел в поиске без вести пропавшего на первоначальном этапе работы позволяет улучшить взаимодействие между органами и подразделениями, более эффективно реализовывать на практике принципы своевременности и наступательности при проведении и планировании оперативно-розыскных мероприятий. Сотрудники выполняют свои функции более активно и оперативно, поскольку находятся под непосредственным контролем руководства. Также незамедлительно при поступлении сообщения начальник УМВД издает приказ о создании на месте временного оперативного штаба.

Представляется целесообразным подъём по тревоге необходимого количества личного состава территориального органа внутренних дел, своевременная передача информации в МЧС и администрацию города, района, что несомненно позволит обеспечить оперативное привлечение представителей общественности к розыску пропавшего без вести.

Помимо этого, ориентировки также направляются и в другие правоохранительные органы, а также медицинские учреждения и организации, предоставляющие услуги в сфере сервиса (операторы такси).

Информация о розыске незамедлительно размещается в региональных средствах массовой информации [5].

Волонтеры, при их грамотном инструктаже, оказывают неоценимую помощь правоохранительным органам в обнаружении без вести пропавших лиц, поскольку могут рассредоточиться по обширной территории, расклеивая ориентировки, прочесывая значительные участки местности таким образом, чтобы исключить необследованные объекты.

Безусловно, лучший исход поисковой операции по обнаружению без вести пропавшего, осуществляемой сотрудниками органов внутренних дел и волонтеров – это обнаружение живого и невредимого человека, который по каким-либо причинам не мог выйти на связь со своими близкими. Однако нередки ситуации, когда причина исчезновения является криминальной и удается отыскать лишь труп лица, которое числилось без вести пропавшим. В данном случае также важно обнаружить труп в кратчайшие сроки, поскольку в таком случае гораздо больше возможностей раскрыть преступление, обнаружив следы преступника, лиц, которые могут обладать какой-либо информацией о совершенном преступлении. Однако, необходимо, чтобы сотрудник уголовного розыска проинструктировал волонтеров, каковы должны быть их действия в том случае, когда при осуществлении деятельности по поиску без вести пропавшего был обнаружен труп. Необходимо исключить возможность доступа посторонних лиц к данному месту, а также не допускать внесения изменений в обстановку на месте происшествия.

Следует учитывать и тот факт, что, несмотря на основную цель деятельности волонтеров – поиск лица, пропавшего без вести, параллельно могут решаться и иные важные задачи. В частности, беседуя с гражданами и предъявляя им фотографию пропавшего, волонтеры могут получить информацию о том, что в определенном месте видели указанное лицо, либо с кем оно находилось. Данные сведения могут иметь важнейшее значение как для поиска лица, так и для расследования, если будет установлено, что обстоятельства исчезновения являются криминальными. Необходимо выяснить данные и контакты лица, обладающего указанной информацией и передать полученные сведения сотрудникам уголовного розыска, которые осуществят опрос в установленном законом порядке.

Также при поиске пропавшего без вести могут быть обнаружены вещи исчезнувшего либо предметы, которые, предположительно, могут принадлежать преступнику. В данном случае волонтеры также должны немедленно проинформировать сотрудников уголовного розыска, а последние – произвести изъятие указанных вещей, обеспечивая таким образом возможность использования их впоследствии для установления преступника и доказывания его вины.

Таким образом, на первоначальном этапе проверки сообщения об исчезновении граждан важнейшее значение приобретает взаимодействие между гражданами, различными ведомствами и волонтерскими организациями. Эффективной данная деятельность может быть только в том случае, когда все правоохранительные органы надлежащим образом выполняют свои функциональные обязанности.

Видится необходимым развивать данное направление, особенно на региональных уровнях, поскольку без надлежащего взаимодействия правоохранительных органов и общественности добиться положительного результата крайне сложно.

При привлечении волонтеров необходимо в обязательном порядке проводить их инструктаж, в ходе которого сообщаются обстоятельства произошедшего, приметы исчезнувшего лица, предположительная территория, где может находиться пропавший. В обязательном порядке отдельным блоком должен проводиться инструктаж о действиях, которые должны быть предприняты волонтерами в том случае, если будет обнаружен труп пропавшего, чтобы исключить внесение изменений в следовую картину на месте происшествия.

Пристатейный библиографический список

1. Пупынин С. С., Парфенов А. В. Особенности розыска лиц, пропавших без вести // Закон и право. - 2021. - № 4. - С. 156.
2. Герасименко Е. Е. Взаимодействие разыскных подразделений ОВД с организациями и гражданами при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести // Академическая мысль. - 2019. - № 2 (7). - С. 151.
3. Красников В. Н., Зиньковский В. В. О взаимодействии оперативных подразделений органов внутренних дел с гражданскими объединениями при осуществлении розыска без вести пропавших // Закон и право. - 2020. - № 12. - С. 211.
4. Алгоритм взаимодействия территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях и волонтерских организация при поступлении заявления (сообщения) о безвестном исчезновении лица, в первую очередь, ребенка. - М., 2015. - С. 4-5.
5. Огурцов И. В. Проблемы розыска без вести пропавших лиц и установления личности неопознанных трупов // Вестник Московского университета МВД России. - 2009. - № 8. - С. 129.

ХАРИТОНОВ Сергей Александрович
начальник дежурной части УМВД России по г. Пензе, майор полиции

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО «ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ»*

Эффективное, а главное быстрое расследование и раскрытие преступлений невозможно без надлежащего взаимодействия всех участников расследования на месте преступления, с использованием при этом новейших технологических разработок в системе МВД. Данное обстоятельство позволяет эффективно расследовать и раскрывать преступления, в том числе и по «горячим следам». Внедрение в систему МВД современных средств вычислительной техники, информационных систем и технологии, позволяет обрабатывать огромное количество информации за малое количество времени, при этом существенно повышается качество предоставляемой информации, так система может за несколько минут обработать и учесть при принятии решения тысячи различных показателей. Уже сейчас искусственный интеллект может заменить не просто одного сотрудника, а порой целый штат сотрудников в компании.

Ключевые слова: искусственный интеллект, «горячий след», современные технологии, технологические разработки, раскрытие преступлений.

KHARITONOV Sergey Alexandrovich
Head of the duty department, of the DMIA of Russia in Penza, major of police

THE USE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES ON “HOT TRAILS”**

Effective and, most importantly, fast investigation and disclosure of crimes is impossible without the proper interaction of all participants of the investigation at the scene of the crime, using the latest technological developments in the system of the Ministry of Internal Affairs. This circumstance enables to investigate and disclose crimes effectively, including by “hot trails”. The introduction of modern computer equipment, information systems and technology in the system of the Ministry of Internal Affairs, allows processing a huge amount of information in a small amount of time, and the quality of the information increases significantly, so the system can for a few minutes to process and take into account when making decisions thousands of different indicators. Even now, the artificial intelligence can replace not just one employee, but sometimes a whole staff in the company.

Keywords: artificial intelligence, “hot trail”, modern technology, technological developments, crime detection.

Активное внедрение искусственного интеллекта и применение инновационных технологий в различных сферах деятельности человека является не только необходимым, но и неизбежным процессом. Одной из наиболее значимых является деятельность, связанная с обеспечением безопасности личности, общества и государства. Особая роль здесь принадлежит правоохранительным органам, которые в силу своих полномочий, осуществляют комплексное противодействие различным видам противоправных и деструктивных явлений. Новые вызовы и угрозы, требуют от правоохранительных органов, прежде всего осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, оперативного и равнозначного ответа.

Возрастающая информатизация определяет активное применение инновационных технологий практически во всех сферах жизни человека. Постоянное увеличение количества политических, экономических, социальных и иных показателей, характеризующих состояние страны, требуют их быстрой и качественной обработки. В связи с этим возрастает роль применения современных инновационных технологий в расследовании преступлений по «горячим следам».

Инновационные технологии не только быстро становятся все более влиятельной частью нашей повседневной жизни, но и обладают огромным потенциалом для улучшения нашего понимания того, где, когда и почему совершаются преступления [1].

Очевидно, что современная преступность имеет качественно новые формы, что требует адекватной реакции со стороны правоохранительных органов. Для достижения эффективности функционирования системы противодействия преступности необходимо разрабатывать комплекс методов взаимодействия правоохранительных структур, который предусматривает использование инновационных технологий в различных формах, а также совершенствовать законодательную базу.

В 78 % раскрытия совершенных преступлений сотрудники оперативных подразделений, во-первых, лишены возможности проводить оперативно-розыскные мероприятия с использованием специальных технических средств, эффективность которых не подлежит сомнениям.

Почему именно насильственным преступлениям должно быть уделено особое внимание при разработке методики расследования преступлений? Это, прежде всего, обусловлено тем, что в настоящий период времени раскрываемость данных преступлений по-прежнему невысока. При рассмотрении официальной статистики можно прийти к выводу, что раскрываемость данных преступлений низкая.

* Научный руководитель: Кустов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации.

** Scientific supervisor: Kustov Anatoliy Mikhaylovich, Ph.D. in Law, professor, chief researcher of the Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation.

В основном преступления насильственного состава совершают лица возрастом 30-49 лет, являющийся местными жителями, находящиеся в момент совершения преступления в состоянии алкогольного или иного опьянения, ранее неоднократно судимые и попадавший в поле зрения полиции по том или ином основании, имеющий среднее-специальное образование, на момент совершения преступления не имеющего постоянного заработка. Объектом преступления являются деньги и сотовые телефоны. В основном преступления совершаются в летнее время.

Несмотря на то, что использование современных технических средств в определенной степени может облегчить реализацию преступного умысла, в то же время их использование не остается бесследным и это обстоятельство представляет интерес в деле раскрытия и расследования преступлений по «горячим следам». Однако, такое понятие как следы преступления, традиционно широко используемое в криминалистической и процессуальной литературе, в своем содержании не в полной мере охватывает тех «следов», которые остаются при совершении преступлений с использованием современных технических средств и в особенности инновационных технологий с использованием международной сети Интернет.

В то же время ручные системы поиска данных о внешнем виде уже не отвечают современным потребностям – они не способны демонстрировать оперативную и четкую информацию. Это обуславливается тем, что процесс ручного розыска сведений об определенном человеке, согласно базам данных людей, которые состоят на учете, отнимает большое количество времени, а это абсолютно неприемлемо при расследовании преступлений по «горячим следам».

Также следует учитывать, что современные инновационные технологии существенно влияют на такие параметры как восприятие, так и продуцирование различных форм поведения человека. Целенаправленное воздействие на сознание человека может формировать и канализировать как деструктивное, так и виктимное поведение как отдельного индивида, так и социальных групп.

Инновационные технологии дают возможность формировать большие базы данных с быстрым поиском. К более перспективным, можно относить габитоскопические системы и системы, использующие биометрические способы идентификации личности. На сегодняшний день самой передовой технологией является Face ID. Face ID – это результат сочетания самых передовых аппаратных и программных компонентов Apple [2].

Правительства и спецслужбы по всему миру часто просят Apple предоставить им информацию, необходимую для расследования преступлений по «горячим следам».

Компания Apple этого не скрывает и даже раскрыла сведения о том, сколько поступило запросов от правоохранительных органов, и сколько было удовлетворено. На сегодняшний день в нашей стране есть программы для распознавания лиц и автоматической идентификации, а также слежения за интересующим человеком, то есть слежения за его перемещением. Например, программное обеспечение Macroscop, сервис Selectel, программный продукт – Id-Guard и многие другие. Модуль Macroscop автоматически идентифицирует лица, ранее занесенные в базу, помогает в поиске злоумышленников. Эту систему используют в банках, на стадионах, в аэропортах, а также в частной собственности.

Помимо этого, существуют базы фото лиц с описаниями, которые применяются для сравнительного и идентификационного анализа, а именно, когда программа может сравнить распознанное лицо с базой известных ему лиц и дать результат сравнения. Подобные проекты применяются, к примеру, на Олимпийских играх, чемпионатах, а также в метро, в сочетании со специальными камерами видеонаблюдения. Они помогают найти в режиме реального времени и идентифицировать его личность, довольно часто это применяется в метро. Система видеонаблюдения с функцией распознавания лиц была введена в полном объёме 1 сентября 2020 года. Глава ГУ МВД РФ по Москве, Баранов Олег Анатольевич, привёл конкретные цифры: по его словам, использование системы «Безопасный город» позволило раскрыть 27 убийств, 77 преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью, 165 разбоев, более 300 грабежей [3].

Система работает таким образом, что может «узнавать в лицо» не только злоумышленников, но и то, что они собираются сделать. Например, «умная» камера понимает, что у человека (даже если он не идёт, а бежит) в руках оружие, и автоматически вызываются экстренные службы. Старший следователь – криминалист Главного управления криминалистики Следственного Комитета Российской Федерации Вадим Смехнов сообщил, что эти камеры фиксируют в режиме реального времени лицо человека, проходящего под камерами, и сравнивают его фото с базой данных разыскиваемых граждан. Получается, что программа автоматически распознаёт человека, который находится в розыске и сигнализирует об этом.

Основной частью оперативной работы является поиск свидетелей преступления – видеозаписи или фотографии. И зачастую бывает, что видеозапись имеется, а вот качество видеозаписи не четкое, тут криминалисты проводят криминалистическое улучшение изображения. Конечно, бывают случаи, когда камера не может распознать лицо человека, в этом случае тоже проводится криминалистическое улучшение изображения. То есть данные распознаются для того, чтобы увидеть, какой нос у человека, волосы, линии губ, глаза. Конечно, распознавание лиц при помощи камер видео наблюдения – очень перспективный проект, который уже в нашей стране набирает обороты.

Правоохранительные органы все чаще обращаются к таким камерам для розыска преступника и сведений о нем. Это тем самым уменьшает время поиска лица, совершившего преступление. А также увеличивает вероятность того, что лицо, совершившее преступление не останется безнаказанным.

На просторах Telegram есть не мало интересных сервисов. В их числе Глаз Бога и Find Face. Программа создана для поиска информации о человеке, при учете минимальных входных данных. Глаз Бога — по сути может заменить ручной поиск информации. Евгений Антипов продолжает развивать свой Telegram-бот «Глаз Бога» и работает над новыми проектами. По словам предпринимателя, теперь бота продвигает целая сеть пользователей, а его участие связано лишь с поиском источников данных[1].

Telegram-бот «Глаз Бога» появился в начале 2020 года. Этот сервис позволяет пользователю по запросу получить личные данные практически о любом человеке, включая его номер телефона, прямо в мессенджере. В начале 2021 года Роскомнадзор потребовал от Telegram блокировать такие сервисы. 1 июля сообщалось, что Таганский суд Москвы по-

1 Robolaw // Robolaw [Site]. - [Electronic resource]. - Access mode: https://www.robolaw.eu/news.htm (accessed: 02.10.2022).

становил закрыть «Глаз Бога». Однако позже пресс-служба суда уточнила, что решением суда заблокирован лишь клон Telegram-бота. Были заблокированы сайты, и люди не могут ими воспользоваться. Но есть система, когда каждый может пользоваться своим ботом — его нельзя найти и заблокировать. Это, по сути, API (набор функций, позволяющих создавать похожие программы) включаете, создаете бот, получаете свой процент, но и все перекладывается на вас.

Внедрение инновационных технологий в расследовании преступлений по «горячим следам» невозможно без изучения зарубежного опыта. Кроме того, данный анализ позволяет нам выявить потенциальные риски, связанные с внедрением и применением инновационных технологий в процессе расследования преступлений по «горячим следам».

В последнее десятилетие в зарубежных государствах происходит формирование уголовно-процессуального законодательства нового типа, закрепляющего применение цифровых инструментов. В условиях развития современного общества всё чаще в различных сферах жизни человека внедряются технологии, относящиеся к информационной отрасли научного прогресса.

Новые технологии, такие как искусственный интеллект, приложения для больших данных, Интернет вещей, мобильный Интернет, робототехника, автономные транспортные средства, облачные технологии, хранение энергии и 3D-печать, оказывают большое влияние на национальную и международную безопасность, создавая новые или другие формы и цели [4].

Технологии меняют работу полиции в 21 веке, предлагая новые инструменты для борьбы с преступностью и новые категории преступлений.

С быстрым темпом развития технологий находят новые и инновационные способы использования этих инструментов для повышения общественной безопасности, поимки преступников и спасения жизней.

Процесс извлечения практических идей из огромных объемов данных настолько трудоемок, что даже отдаленно неэффективен с точки зрения затрат, если его выполняют люди. Вот тут-то и появляется искусственный интеллект (ИИ) и его подкатегория обучения. ИИ используется для поддержки многих других инновационных технологий, к примеру, таких как ShotSpotter, распознавание лиц и биометрия. Его также можно использовать для картирования преступности: обработки данных, которые можно использовать для эффективного выявления районов с высоким уровнем преступности, чтобы полиция могла более внимательно следить за ними и задействовать дополнительные ресурсы [5].

Искусственный интеллект также используется для «прогнозирования». Уже сейчас искусственный интеллект может заменить не просто одного сотрудника, а порой целый штат сотрудников в компании. В Российской Федерации на развитие искусственного интеллекта обратили внимание относительно недавно.

Таким образом, проведенный анализ использования инновационных технологий в расследовании преступлений по «горячим следам» позволил нам сделать определенные выводы и сформулировать предложения, направленные на совершенствование применения инновационных технологий. Четвертая промышленная революция привела к внедрению инноваций и кардинальной технологической трансформации различных сфер жизни общества. Данные процессы, закономерно привели к изменению социальной парадигмы и преобразованию нормативно-правовой базы. Вместе с тем цифровая трансформация характеризуется не только позитивными для человека переменами, но и вызывает многочисленные деструктивные явления и риски.

Следовательно, новые вызовы, требуют от правоохранительных органов, прежде всего осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, в сфере раскрытия корыстно-насильственных преступлений по «горячим следам» оперативного и равнозначного ответа. В настоящее время в России и зарубежных государствах происходит формирование уголовно-процессуального законодательства нового типа, закрепляющего применение цифровых инструментов. Наиболее продвинулись в этом направлении Республика Казахстан, Эстонская Республика и Грузия. Среди стран дальнего зарубежья можно отметить Германию и США. Процесс цифровизации в большей степени затронул производство следственных действий и сбор доказательств, взаимодействие между различными правоохранительными органами и структурами (электронный документооборот).

Пристатейный библиографический список

1. Жданов А. А. Автономный искусственный интеллект. – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2008. – 359 с.
2. Искусственный интеллект и универсальное мышление. — СПб.: Политехника, 2012. — 711 с.
3. Turing A. M. On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem // Proc. London Maths. Soc. – 1936. – Ser. 2
4. Маляров Е. А. Структурный анализ оперативно-разыскного мероприятия «отождествление личности» // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 3 (31). – С. 136-140
5. Крылова Е. Безопасная столица. Что позволило снизить уровень преступности в Москве? // Вестник «Аргументы и факты». – 2018. – № 50. – С. 5-6.

АРДАШЕВ Роман Георгиевич
доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России

Ардашев Р. Г.

ВЕРА В СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ КАК НЕПРЕХОДЯЩИЙ ФАКТОР МИСТИЦИЗМА И МОШЕННИЧЕСТВА

Рассмотрены проблемы возникновения в современной России мошенничества в области «оккультных услуг». Приведен анализ мнений авторов о «вечности» магического сознания у людей. Показаны деяния отдельных известных лиц, использующих в своих целях интерес широкой аудитории к мистике Востока. Дана краткая психологическая характеристика апологетов мистицизма.

Ключевые слова: мошенничество, мистицизм, псевдология, бизнес на оккультизме.

ARDASHEV Roman Georgievich
Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in Law, associate professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia

BELIEF IN THE SUPERNATURAL AS AN ENDURING FACTOR OF MYSTICISM AND FRAUD

The problems of the emergence of fraud in the field of "occult services" in modern Russia are considered. The analysis of the authors' opinions about the "eternity" of magical consciousness in humans is given. It shows the actions of certain famous people who use the interest of a wide audience in the mysticism of the East for their own purposes. A brief psychological description of the apologists of mysticism is given.

Keywords: fraud, mysticism, pseudology, business on occultism.

В отечественных исследованиях по криминалистике и криминологии тема различного вида мошенничества получила определённое освещение [1], [2], [3]. В постсоветской России несомненную актуальность представляют особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг [4, с. 71-92]. Термин «оккультизм» (от латинского – скрывать, утаивать) употребляется по отношению к доктринам и ритуалам, которые, как считается, позволяют приобрести высшие психические или духовные способности, но которые не признаются ни современной наукой, ни официальной религией. Мистицизм, спиритизм, лозоискательство, колдовство, астрология и алхимия в ряду многих других оккультных (эзотерических) направлений оказали и в определенной степени продолжают оказывать на цивилизацию. Ранее мы неоднократно писали о несостоятельности и вреде использования услуг экстрасенсов, ясновидцев, астрологов и т.д. [5], [6], [7], [8], [9], [10].

Актуальность изучения мошенничества в сфере оккультизма обусловлена формированием неосознанной потребности в мистических идеях и практиках у значительных групп населения, возникновением в последние годы большого числа сект и организаций, широкой пропагандой оккультных идей в СМИ, появлением не только печатной продукции на данную тему, но и рекламой «помощи» различных экстрасенсов, колдунов и целителей. Кризис традиционных религиозных представлений и неосознанный поиск новых мировоззренческих идей способствуют тому, что мистицизм все чаще изображается как эффективный способ и средство решения жизненных проблем [11, с. 3].

Исследователи отмечают, что магия – исторически обусловленный способ духовно-практического освоения действительности, основанный на вере в возможность сверхъестественного воздействия на объекты окружающего мира со стороны человека, овладевшего эзотерическими знаниями. Магия выступает одновременно древнейшей формой мифологии и религии [12, с. 8]. Крупнейший исследователь истории оккультизма Л. Леви-Брюль справедливо отмечал, что «мистическое мышление присуще любому человеку, но легче наблюдается у примитивных народов» [13, с. 23]. В классической монографии по мистицизму Э. Андерхилл указывает: «Древние оккультисты были обязаны значительной частью своего влияния, равно как и своей дурной репутацией, тому факту, что оказались психологами раньше, чем пришло их время. Эффективные методы внушения, рецепты изменения личности и увеличения силы воли, искусственное введение в гипнотические состояния, проявления медиумизма…, — всё это, скрытое от непосвящённых за массой сбивающих с толку аллегорий и словесных одеяний, составляет становой хребет всех подлинно оккультных ритуалов» [14, с. 165].

Представляют несомненный интерес личности апологетов мистицизма, поскольку знание особенностей их психики позволяет дать непредвзятую оценку их «трудам, Так, с конца 19 века на всех континентах получило широкую известность имя Е. П. Блаватской, которая именовала себя путешественницей, писательницей, философом. Она жила в Европе, Индии, США, издавала разнообразные религиозно-мистические журналы, книги, устраивала спиритические сеансы, вызывая духов умерших людей. Российский ученый-психотерапевт М. И. Буянов пишет, что Е. П. Блаватская страдала

невротическими расстройствами, обладала истерическими чертами дисгармонического инфантилизма. Её много раз ловили на откровенном жульничестве, ее спиритические сеансы были надувательством, предназначенным для простаков. Британское общество психических исследований, известное своим скептицизмом и дотошностью, неоднократно уличало Блаватскую в различных махинациях, отчего вовсе перестало ею интересоваться [15, с. 94-95].

Русский писатель В. С. Соловьев в своей книге сообщает о своих встречах с Е. П. Блаватской, на которых она откровенно заявляла: «…Для того, чтобы владеть людьми, необходимо их обманывать, чтобы увлечь и заставить гнаться за чем бы то ни было, нужно им обещать и показывать игрушечки… Я давно уж поняла этих душек-людей, и глупость их доставляет мне громадное иногда удовольствие…Вот вы так «не удовлетворены» моими феноменами, а знаете ли, что почти всегда, чем проще, глупее и грубее феномен, тем он вернее удается…Громадное большинство людей, считающих себя и считающихся умными, глупы непроходимо. Если бы знали вы, какие львы и орлы во всех странах света, под мою свистульку превращались в ослов и стоило мне засвистеть, послушно хлопали мне в такт огромными ушами!» [16, с. 209-210]. Успешно занимаясь бизнесом на мистицизме, Блаватская в 1875 г. создала в Индии (г. Мадрас) так называемое «Теософическое общество», которое должно было «исследовать тайные силы духа», используя ясновидение, телепатию, учение йогов и др. В доме, где жила Блаватская, имелся «священный ковчег» - шкаф, примыкающий к стене одного из помещений. Положенные в загадочный шкаф осколки разбитой вазы исчезали, и вместо них появлялась совершенно целая ваза, воссозданная «силой духа». Письма, адресованные душам умерших людей, положенные в шкаф, исчезали, а вместо них появлялись ответные письма от умерших. Позднее секрет «священного ковчега» был раскрыт сообщниками Блаватской – задняя стенка шкафа была выдвижной, и в него можно было тайком проникать из соседней комнаты, забирая предметы или подкладывая их [17, с. 184].

Психотерапевт М. И. Буянов отмечает, что Блаватская весь свой художественный талант, все свои знания, цепкую память, богатое воображение потратила на то, чтобы выдавать себя не за ту, кем была. «…Она пребывала в мире своих фантазий и с неохотой и отвращением реагировала на обычную прозаическую жизнь. Воображение уносило её в выдуманные миры – для земной жизни она не была рождена… Так и прожило свою жизнь это необыкновенное, уникальное творение природы, резко отличающееся своими характеристиками от обычных людей, но в принципе такое же, какими были многие истерички» [15, с. 96].

В другой своей книге М. И. Буянов раскрывает механизм действий мошенников, подобных Блаватской: «Склонность к самой наглой лжи, к нелепому сочинительству – черта инфантильная, она всегда результат безудержного, часто болезненного воображения, а чаще одиночества, причём не столько внешнего, сколько внутреннего, плюс – презрения к людям и жажды привлечь к себе внимание. Не важно чем, лишь бы привлечь. Психиатры давно описали таких субъектов, они разные, но все замечены в псевдологии, т.е. в систематическом вранье, не знающем удержу, не задумывающемся над логикой и правдоподобием» [18, с. 36].

Пример безбедного существования Блаватской за счет обширной аудитории, верящей в «чудеса Востока», был заразителен для многих шарлатанов Старого и Нового Света, занимавшихся бизнесом на оккультизме.

Так, в 1956 г. в Великобритании вышла книга «тибетского ламы Лобсанга Рампы» под названием «Третий глаз». Издание повествовало о «тайнах Тибета», автор утверждал, что перенес специальную трепанацию черепа, позволившую ему получить сверхъестественные способности ясновидца и телепата. В 1958 году этот «лама» был арестован лондонской полицией за мошенничество, им оказался известный ливерпульский аферист Сирил Хоскин, работавший сантехником, никогда не бывавший в Тибете и не знавший восточных языков [19, с. 106]. Однако «Третий глаз» принес мошеннику солидный доход, будучи изданным во многих странах на разных языках. Поэтому Хоскин сменил свою профессию (вместо сантехника стал «писателем»), выпустив в общей сложности 18 книг с придуманными им «чудесами Тибета».

Встреча с Блаватской оказалась важной для жизненного пути французской оперной певицы Александры Дэвид-Неель, интересовавшейся «тайнами Востока». Она с большими трудностями смогла проникнуть в столицу Тибета – город Лхасу (1924 г.), после чего остаток жизни (1868-1969 г.г.) посвятила пропаганде буддизма во Франции. В своих книгах А. Дэвид-Неель придумывала различные чудеса Тибета – людей, умирающих и воскресающих с помощью силы воли или летающих с помощью…силы мысли [20].

Врач-офтальмолог из Башкирии Э. Р. Мулдашев, увлекающийся туризмом, потратил немало времени на поиски легендарной страны Шамбалы, посетив горные массивы Тибета и Гималаев, написал ряд книг о странных артефактах древних цивилизаций, обнаруженных им. Но проверочная экспедиция в те же экзотические места, организованная редакцией «Комсомольской правды», установила, что все артефакты, указанные Э. Р. Мулдашевым, имеют естественное природное происхождение [21]. Здесь уместно привести мнение психотерапевта М. И. Буянова, посетившего более ста стран, включая и Тибет: «Как правило, безудержные фантазёры относят свои выдумки к местам, которые очень далеки и посетить их непросто, потому никто собственными глазами их не видит. И никогда не увидит: мол, за горами за долами такие чудеса встречаются, которые нам и не снились. Когда же единицы, десятки и даже сотни посещают эти места, то никаких чудес не обнаруживают» [22, с. 82]. В другом месте своей книги М. И. Буянов рассказывает, что в Тибете обитают «низкорослые беззубые люди, рано стареющие и живущие наполовину меньше, чем в Европе…Никому не помогла хвалёная тибетская медицина - местный вариант самого наглого и примитивного знахарства…Паразитирование на придуманных сенсациях – неотъемлемое свойство вседозволенности. В основе жажды людей узнать нечто необыкновенное, даже придуманное, лежат любопытство, самовозвеличивание, бегство от собственного одиночества и своей незначительности» [22, с. 83-84].

За сто лет до «открытий» Э. Р. Мулдашева аналогичные заявления о собственных открытиях следов древнейшей цивилизации сделал известный российский мистик А. В. Барченко, в 1922 году организовавший экспедицию на Кольский полуостров, которого исследователи называют «псевдоученым и прожектёром-авантюристом» [23, с. 564]. Летом 1923 г.

в тех же местах Лапландии побывала новая экспедиция, возглавляемая А. Колбановским, не нашедшая ничего из артефактов, о которых заявлял А. В. Барченко. Не нашла этих следов древней культуры и экспедиция А. Е. Ферсмана, бывшая в тех местах летом 1922 года [26]. Иными словами – проверка утверждений А. В. Барченко наглядно выявила его мистификацию [24, с. 144-146].

Исходя из изложенного, считаем, что психологические основы для существования мистицизма (и – мошенничества, основанного на мистике и суевериях) будут существовать всегда. Мы разделяем авторитетное мнение Дж. Элкока: «… Исследования показывают, что люди обнаруживают такую же склонность к магическому мышлению, как и их первобытные предки. Хотя оккультизм и отражает попытку путём магического мышления понять устройство окружающего мира, в его основе лежат мощные психологические потребности и процессы, которые действуют в общем и целом за пределами сознания…Представляется маловероятным, чтобы люди когда-либо освободились от таких потребностей или от склонности к магическому мышлению» [25, с. 500].

Пристатейный библиографический список

1. Антонов И. О. Расследование мошенничества: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. - Казань, 1999. – 23 с.
2. Куринов Б. А. Криминалистические и процессуальные аспекты расследования мошенничества: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. - М., 2006. – 17 с.
3. Лесняк В. И. Мошенничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2000. – 21 с.
4. Нугаева Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг: Дис. … канд. юрид. наук. - Уфа, 2018. - С. 71-92.
5. Ардашев Р. Г. Несостоятельность использования экстрасенсов для раскрытия и расследования преступлений // Закон и право. – 2013. – № 11. – С. 131-132.
6. Китаев Н. Н., Ардашев Р. Г. О вреде использования экстрасенсов в оперативно-розыскной деятельности и криминалистике (обзор источников) // Российский следователь. – 2015. – № 8. – С. 3-5.
7. Китаев Н. Н., Китаева В. Н., Ардашев Р. Г. Юриспруденция и мистика // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 147–149.
8. Ардашев Р. Г. Иррациональная криминалистика. О попытках симбиоза лженауки и юриспруденции // Закон и право. – 2019. – № 12. – С. 141-143.
9. Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р. Г., Раскрытие серийных убийств и астрологическая мантика: иррационализация истины // Закон и право. – 2020. – № 4. – С. 177-179.
10. Ардашев Р. Г. Суеверия в правоприменительной деятельности как показатель иррациональности общественного сознания // Закон и право. – 2020. – № 11. – С. 173-175.
11. Устинов С. Г. Тайноведение как культурно-исторический феномен современной России: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Тюмень, 2006. – С. 3.
12. Ермолина Ю. В. Магия как культурно-религиозный феномен: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Орел, 2009. – С. 8.
13. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М. 1999. – С. 23.
14. Андерхилл Э. Мистицизм. – Киев, 2000. – С. 165.
15. Буянов М. И. Приключения древней загадки (истерия, история, суеверия). – М., 1991. – С. 94-95.
16. Соловьев В. С. Современная жрица Изида. Моё знакомство с Е. П. Блаватской и «теософским обществом». – М., 1994. – С. 209-210.
17. Львов В. Фабриканты чудес. – Л., 1974. – С. 184.
18. Буянов М. И. От одиночества к общению или контактология. – М., 1998. – С. 36.
19. Шахнович М. И. Современная мистика в свете науки. – М.-Л. 1965. – С. 106.
20. Дэвил-Неель А. Мистики и маги Тибета. – Ростов-на-Дону, 1991. – 256 с.
21. Образцов П. А. АнтиМулдашев. От кого произошел уфимский офтальмолог? – М., 2004. – 256 с.
22. Буянов М. И. Мистика, КГБ и психиатрия. – М., 2007. – С. 82.
23. Брачев В. С. Масоны и власть в России. – М., 2003. – С. 564.
24. Андреев А. И. Оккультист страны Советов. – М., 2004. – С. 144-146.
25. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. Под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха. – СПб., 2003. – С. 500.
26. Мироведение. – 1923. – Т. 12. – № 2 (45). – С. 233.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-378-380

ВЕЛИКАНОВА Людмила Петровна
доктор медицинских наук, профессор кафедры наркологии, психотерапии и правоведения Астраханского государственного медицинского университета Минздрава России

ПОДОСИННИКОВА Евгения Анатольевна
кандидат психологических наук, доцент кафедры наркологии, психотерапии и правоведения Астраханского государственного медицинского университета Минздрава России

ПОДОСИННИКОВ Сергей Александрович
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

ТАЙСАЕВА Светлана Борисовна
кандидат психологических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВИКТИМНОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена теме интериоризации деструктивных ментальных конструкций в картину мира общества. В работе процесс виктимизации общества рассматривается как включение в повседневную жизнь когнитивных искажений, психологических манипуляций общественным сознанием, а результатом является нарушение безопасности. Авторами сделан вывод о том, что на основе механизмов интериоризации информация, полученная через когнитивные искажения, встраивается в картину мира и происходит переход от непсихического к психическому. В итоге новая сформированная реальность делает людей беззащитными и ведет к деградации общества.

Ключевые слова: ментальные конструкции, когнитивные искажения, виктимизация общества, интериоризация.

VELIKANOVA Ludmila Petrovna
Ph.D. in medical sciences, professor of Narcology psychotherapy and law sub-faculty of the Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of Russia

PODOSINNIKOVA Evgenia Anatoljevna
Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Narcology psychotherapy and law sub-faculty of the Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of Russia

PODOSINNIKOV Sergey Aleksandrovich
Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Pedagogical education sub-faculty of the V. N. Tatishchev Astrakhan State University

TAYSAEVA Svetlana Borisovna
Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Political analysis and socio-psychological processes sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

COGNITIVE MECHANISMS OF CONSTRUCTION OF A VICTIMIC SOCIETY

The article is devoted to the topic of internalization of destructive mental constructions into the picture of the world of society. In the work, the process of victimization of society is considered as the inclusion in everyday life of cognitive distortions, psychological manipulation of public consciousness, and the result is a violation of security. The authors conclude that, based on the mechanisms of internalization, information obtained through cognitive distortions is embedded in the picture of the world and there is a transition from the non-psychic to the mental. As a result, the new formed reality makes people defenseless and leads to the degradation of society.

Keywords: mental constructions, cognitive distortions, victimization of society, internalization.

Изменения, происходящие в обществе, и переоценка ценностей на современном этапе развития заставляют задуматься: все ли происходящее является результатом эволюции, и что из этого идет на пользу?

Проблема отклонения идеи эволюционного развития от первоначального замысла и их содержательные трансформации связаны с контекстными особенностями социального пространства и интеграции в его сознание деструктивных ментальных конструкций. Общество и культура оказались в условиях информационных и психологических манипуляций общественным сознанием. Целевая часть населения подвергается воздействию неконвенциональных психологических и информационных средств, делая из обычных граждан носителей деструктивных идей и ценностей. Все это происходит в рамках когнитивных и ментальных войн [1], [2].

Традиционно виктимизация рассматривается как процесс и результат превращения лица в жертву преступления. Теория рекапитуляции выражается постулатом, что онтогенез повторяет филогенез, но также верно, что то, что воздействует на онтогенез отражается на филогенезе. Таким образом мы можем говорить о виктимизации общества как процессе формирования виктимности отдельных групп и даже социальных страт – это потенциальная способность, обусловленная социальными факторами, по причине которых страты оказываются в роли жертв де-

структивных ментальных конструкций, что ведет к деградации общества.

Виктимизация общества, таким образом, объединяет в себе и динамику (реализация виктимности) и статику (реализованную виктимность)

Реализация виктимности происходит через превращение интерпсихологического отношения в интрапсихологическое, что можно описать через процесс интериоризации.

На первой стадии интериоризации различные идеологи пытаются создать некую модель человека удобного и управляемого, для этого применяется огромный спектр технологий влияния и манипулирования (от научных фактов до предрассудков). Зачастую, используя когнитивные искажения нашего сознания, стараются убедить в чем-либо. К примеру, такое когнитивное искажение как селективное восприятие (склонность людей уделять внимание тем элементам окружения, которые согласуются с их ожиданиями, и игнорировать остальное) приводит к тому, что для человека более аргументированно звучат фразы, которые он помнит со школы, это могут быть изречения ученых, научные факты и выводы. При этом может срабатывать такой механизм защиты как интроекция, что приводит к тому, что человек неосознанно доверяет авторитетному мнению, некритично принимает предлагаемые или внушаемые ценности и способы поведения. Особенно если фразы приписывают видному ученому. Таким образом, если идеолог и демагог напоминает ученого, тем больше шансов у него донести желаемую информацию, которая не будет восприниматься критически и как следствие будет убедительной. Такие когнитивные искажения делают субъектов общества уязвимыми для различных манипуляций т.е. жертвами.

На второй стадии интериоризации общество перенимает навык формирования когнитивных искажений. Например, в науку прочно вошло понятие «комплекс Наполеона»: «Комплекс Наполеона – это характерный набор особенностей психики, часто встречающийся у людей невысокого роста» (цит. Викепидия). Средний рост мужчины в 19 веке 170 см, рост Наполеона — 168 см… вполне средний [3].

Как заметил Ницше «Где древо познания - там всегда рай - так вещают и старейшие, и новейшие змеи» [3]. В условиях когнитивной войны имитируется объективность неких научных тезисов, зачастую через свободу от морально-этических и духовных ценностей. Где идет подмена «проблемы выбора» (что затрагивает всех членов общества) «проблемой пути решения» (что входит в обязанности политиков и специалистов-экспертов). Такой угол зрения дает возможность обойти в сознании людей рефлексию, критическое восприятие и в итоге неудобные вопросы - «Хорошо ли бомбить Ливию?», «Хорошо ли пускать представителей ЛГБТ в детские учреждения?», и акцентировать внимание общественности на вопросах «Каким образом лучше бомбить Ливию, Сирию, Ирак и т. д?» и «Каким способом лучше допустить представителей ЛГБТ в детские учреждения?». Таким образом, обойдя нравственный компонент происходит формирование новых искаженных форм поведения и ценностей. Например, по законодательству Канады с начала августа каждая сигарета должна быть снабжена индивидуальным предупреждением о вреде курения. В то же время по всему миру декриминализируется потребление марихуаны и ее производных, а в Британской Колумбии (провинции Канады) с февраля 2023 года декриминализированы тяжелые наркотики (героин, морфин, фенталин и некоторые другие). Все это происходит под «правильными» лозунгами «свобода личности», «каждый имеет право выбирать».

На третьей стадии интериоризации формируется новая картина мира. Основными составляющими внутреннего мира становятся значения (познавательные компоненты сознания) и смыслы (эмоционально-мотивационные компоненты). В свою очередь, создание картины мира опирается на получаемые данные об объективной реальности, которые могут быть как достоверные, так и ошибочные, зависит от условий получения подтверждений этих данных и критической их проверки, а также на способности обучаться, накапливая опыт и адекватно его оценивать. Данные внутренние факторы влияют на особенности когнитивной адаптации к существующим условиям, направленность и механизм принятия решений. Именно эти факторы оказываются под воздействием когнитивных искажений с целью изменения сознания и парализации воли, что достигается изменением одного образа мира на другой – ложный, но воспринимается он как верный и объективный для принятия решений. Как справедливо замечает Медушевский А. Н. «Ключевыми параметрами такого воздействия выступают интерактивные системы, конструирование смысла, его закрепление и переустановка памяти путём вытеснения одних воспоминаний другими с использованием различных суггестивных практик воздействия на сознание» [1].

Осмысление опыта происходит через синтез разных частей восприятия реальности, что выражается в наложении индивидуального опыта и коллективного. Здесь важной частью будут структуры, отвечающие за поддержание смысла, в частности – социальные сети, через которые легко распространять различную информацию, в том числе и ложную.

Установление смысла, как достоверного, так и ложного, требует задействование механизма взаимодействия «стимул – ответ» для закрепления жестких когнитивных представлений и формирования стереотипов восприятия. В дальнейшем, через механизмы повторения и подкрепления данные стереотипы восприятия и действия на основе них становятся устойчивыми и способны привести человека к принятию решения или идеи, без критического осмысления, отвергая противоречащую выработанной установки информацию как не достоверную или незначимую. Такой механизм манипулирования сознанием включает как настоящее, так и прошлое, а для этого подключаются технологии преобразования памяти [1].

Особенностью природы памяти является ее подверженность внушению, которое может усиливаться в ситуациях социального давления. В итоге одни воспоминания

могут вытесняться другими, а образ мира будет видоизменяться. Но замещенная память не имеет никакого отношения к объективной реальности, но является механизмом суггестивного воздействия, подрывающем веру индивида в базовые ценности общества. Сейчас можно найти много примеров манипулирования историческим прошлым (в одной только теме о Великой отечественной войне можно встретить все возможные манипуляции под предлогом переосмысливания). Надо учитывать, что анализ событий с использованием научного подхода фактически недоступен для массового сознания. Подавляющее большинство людей руководствуются верой (доверием), которая основана на убеждениях, эмоциях, установках [1]. При этом даже доказательные знания проходят некую «внутреннюю цензуру», где вначале игнорируются все факты, противоречащие имеющимся установкам, ценностям и потребностям, а те факты, что им соответствуют складываются в некую концепцию, что в принципе похоже на эффект Пигмалиона как механизм. Индивид в этом случае убежден, что он критически осмыслил информацию, хотя в реальности это был суррогат критического мышления.

Среди методов когнитивной войны есть много способов преодоления сопротивления, в частности, «завалить» «нужной информацией» (способом рассуждения, акцентами и т.д.) так, чтобы не осталось места альтернативе, либо эту информацию преподносить как некое сакральное или скрываемое знание в купе с десакрализацией и опорочиванием уже имеющихся знаний. В том и другом случае, объектом воздействия оказывается сознание человека и его образ мира, а предметом его ценности и установки. При этом часто используется иллюзия свободного выбора, где фокус внимания переводиться с истинного объекта выбора, на частный объект с заданной, нужной направленностью. Например, с выбора употреблять алкоголь или отказаться от него (свобода выбора вести здоровый образ жизни или получить зависимость) на широкий выбор между крепкими и некрепкими алкогольными напитками (иллюзия свободы выбора, т.к. при любом выборе это будет алкоголь).

При этом возможности воздействия с использованием современных цифровых технологий включают сбор данных о человеке, создание индивидуальных профилей, куда входят и способы его убеждения, приспособления, а если надо, то и обучения. Таким образом, создаются условия управления адекватностью восприятия объективной реальности человеком, а в итоге измерения образа мира.

Иллюзия свободного выбора как технология часто используется в социальных сетях, где при количественном росте информации снижается ее качество, а в месте с ней и уровень критического мышления у пользователей, в итоге недостоверная информация, сдобренная эмоциями (например страхом, гневом, радужными ожиданиями счастья и т.д.), начинает превалировать над достоверной.

Таким образом, на основе механизмов интериоризации информация, полученная через когнитивные искажения, встраивается в картину мира и происходит переход от непсихического к психическому. В комплексе технологии манипулирования сознанием принятие когнитивных искажений способны изменяют образ мира у человека (группы людей), изменяют его ценности на противоположные, формируется новый стиль поведения, который можно охарактеризовать как виктимный. Завершенная интериоризация когнитивных искажений формирует статику (реализованную виктимность): по соседству с Вами живут наркоманы, к Вашему ребенку в детский сад приходят представители ЛГБТ, поисковые запросы в интернете выдают недостоверную информацию. В итоге новая сформированная реальность делает людей беззащитными и ведет к деградации общества.

Пристатейный библиографический список

1. Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – № 2. – С. 85-98.
2. Балановский В., Подъяконов В., Грекова И. Противоборство в когнитивной войне: борьба за человеческий разум // Системы безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.secuteck.ru/articles/protivoborstvo-v-kognitivnoj-vojne-borba-za-chelovecheskij-razum (дата обращения: 06.08.2023).
3. Ясперс К. Ницше: введение в понимание его философствования: научное издание / Карл Ясперс; перевод с немецкого Ю. Медведева под ред. М. Ермаковой; вступ. ст. Б. В. Маркова. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2004. – 626 с.

БОЛОБАН Максим Леонидович
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, капитан полиции

УЛАНОВ Никита Дмитриевич
старший лейтенант полиции, преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России

ПЕТРОВА Елена Сергеевна
преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, капитан полиции

АМИРОВА Диляра Кафилевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, майор полиции

ЖЕРТВЫ IT-ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В настоящей статье рассматривается психологическая характеристика жертв мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «интернет», а также причины высокого роста преступлений, совершаемых в информационной сфере. Авторы выделяют жертв киберпреступлений в отдельные категории, а также предлагают меры профилактики IT-преступлений.

В настоящей статье рассмотрены тенденции в развитии IT-преступности и предложены рекомендации по совершенствованию мер по предотвращению кибератак и защите потенциальных жертв.

Результаты исследования представляют собой важный вклад в понимание проблемы IT-преступности с точки зрения психологии и криминологии. Практические рекомендации, предложенные в статье, могут быть использованы в работе правоохранительных органов, специалистов по кибербезопасности и психологов для оказания помощи жертвам IT-преступлений и предотвращения будущих инцидентов.

Ключевые слова: интернет-мошенничество, статус потерпевшего, кибервиктимология, кибержертвы, киберпреступность.

BOLOBAN Maxim Leonidovich
lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

ULANOV Nikita Dmitrievich
lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

PETROVA Elena Sergeevna
lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

AMIROVA Dilyara Kafilevna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia, major of police

VICTIMS OF IT CRIMES: PSYCHOLOGICAL AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS

This article examines the psychological characteristics of victims of fraud committed using the information and telecommunications network "Internet", as well as the reasons for the high growth of crimes committed in the information sphere. The authors distinguish victims of cybercrime into separate categories, as well as propose measures to prevent IT crimes.

This article examines trends in the development of IT crime and offers recommendations for improving measures to prevent cyber attacks and protect potential victims.

The results of the study represent an important contribution to understanding the problem of IT crime from the point of view of psychology and criminology. The practical recommendations proposed in the article can be used in the work of law enforcement agencies, cybersecurity specialists and psychologists to assist victims of IT crimes and prevent future incidents.

Keywords: Internet fraud, victim status, cyber-victimology, cyber-victims, cybercrime.

Фигура пострадавшего издавна привлекала к себе внимание, поскольку довольно часто, особенно на первоначальном этапе расследования преступлений, жертва выступает в качестве одного из источников получения существенной для установления истины информации.

Психология жертвы исследует факторы, которые влияют на моделирование поведения человека до, вовремя и после преступления. В процессе изучения психологии жертвы исследователи формируют практические рекомендации по допросу потерпевшего и способам воспитания морально-волевых качеств у людей, чтобы обезопасить их от преступлений. Чем больше поведение потерпевшего влияет на возникновение преступления, тем меньше у личности преступника выражена антисоциальная направленность.

Так, мы понимаем, что фигура пострадавшего может быть различной в зависимости от типа преступления и обстоятельства его совершения. Например, если мы говорим о разбоях или нападениях на людей, то тут речь идет о простых гражданах, которые стали жертвами случайного или целенаправленного насилия. В случае сексуального насилия фигура пострадавшего может быть более сложной, так как здесь нарушается целостность психологического и эмоционального состояния. Что касается психологической характеристики жертв по преступлениям в сфере использование информационно-телекоммуникационных технологий, то здесь необходимо обратить внимание на статистические данные. Чаще всего потерпевшие в результате киберпреступлений не имеют высокого уровня знаний в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. В отчетном периоде 2020 года было зарегистрировано на 32,2 % преступлений больше, чем в прошлом году. Преступления в сети «интернет» составляют 51,3 % и 39 % преступлений, совершаемых посредством мобильной связи. В январе 2020 года доля высокотехнологичных преступлений составляла 17,7 %, затем в первом месяце этого года она увеличилась до 25 %[1].

Одной из ключевых проблем является отсутствие единой классификации жертв киберпреступности. Жертвами могут быть люди разных возрастов, пола, социального статуса, образовательного уровня и других социально-демографических характеристик. Некоторые исследования свидетельствуют о том, что наиболее уязвимыми группами являются дети, подростки и пожилые люди. Однако, существует мне-

1 Официальный сайт МВД РФ: «краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь 2021 года» https://мвд.рф/reports/item/23163626/.

ние, что любой человек может стать жертвой киберпреступности, не зависимо от возраста, пола и других факторов.

Так, быстрыми темпами начинает развиваться новое направление криминологии – кибервиктимология, под которой, по мнению Д. В. Жмурова, следует понимать «учение о жертве преступления, совершенного при помощи компьютерных технологий» [1, с. 38]. Но есть и другое определение кибервиктимологии. По мнению О. Б. Бовть, под кибервиктимологией следует понимать «отрасль социально-психологической виктимологии, изучающая причины и социально-психологические механизмы становления людей кибержертвами» [2, с. 88].

Основываясь на анализе научной литературы, можно предложить следующее определение «кибержертвы» — это лицо, которому причинен вред в результате преступных действий с использованием цифровых технологий. В данном случае акцент сделан именно на способе причинения вреда [1], [2]. Речь идет об использовании преступником различного рода информационных технологий (это может быть как киберпространство, так и различного рода цифровые устройства).

Министр внутренних дел В. А. Колокольцев, в ходе ежегодного выступления об итогах деятельности Министерства отметил, что, мошенничество через Интернет стало одним из самых выгодных для злоумышленников видов преступной деятельности, так как позволяет быстро получать большие деньги с минимальным риском.

Среди основных видов ИТ мошенничества наиболее распространенными являются фишинг, спам, установка вредоносных программ, а также мошеннические схемы, связанные с онлайн-торговлей.

Процесс виктимизации жертв кибер-мошенничества был проанализирован центром исследования «Internet Fraud Complaint Center». В результате выяснилось, что почти 43 % всех случаев мошенничества, зафиксированных в последние годы, произошло с участниками аукционов. Каждый пятый потерпевший (18-22 %) был обманут нечестными продавцами товаров и услуг, а около 15 % инцидентов было связано с так называемыми «нигерийскими письмами» (предложениями о помощи в вывозе за пределы страны крупных денежных сумм). И только в 1,4 % криминальных ситуаций виновными оказывались предприятия электронной торговли. Мужчины становятся жертвами подобных преступлений чаще, чем женщины, а пожилые люди чаще, чем молодые по причине, прежде всего, непринятия мер по защите своих персональных систем. Так, 73,8 % жертв не использовали технические средства по защите информации и для мониторинга незаконного проникновения [5].

Мошенничество может быть совершено как с использованием технических средств (например, путем взлома компьютерной системы или кражи банковских данных), так и без них (вручную, через личный контакт с потерпевшим). Согласно ст. 159 УК РФ, под мошенничеством понимают хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Мошенничество может иметь серьезные последствия для жертвы, включая ущерб имуществу, финансовые потери, повреждение деловой репутации и т.д.

Мошенники могут выбирать жертву, посредством подбора лиц наиболее подходящего возраста, пола, имеющих какие-либо заболевания, психические расстройства. Злоумышленники оценивают внешний вид жертвы, проверяют наличие зарегистрированных транспортных средств. Они также могут учитывать социально-психологические особенности жертвы, такие как интересы, взгляды, убеждения и склонности. «Люди с ярко выраженными потребительскими интересами, желанием превосходства, честолюбием и самоуверенностью, а также жалостливые, отзывчивые и бескорыстно доверчивые личности с чертами идеалистичности, находятся в зоне риска» [3, с. 50].

Каждый может стать жертвой мошенников, независимо от возраста или социального статуса. Однако, существуют группы людей, наиболее уязвимые к мошенничеству определенного вида. К таковым можно отнести:

1) Люди пенсионного возраста. Как правило, злоумышленники в ходе телефонного звонка сообщают потерпевшему об оформленном на их имя кредите и поясняют, что для аннулирования кредита необходимо назвать данные паспорта и смс-код, позволяющий воспользоваться банковским счетом потерпевшего. Кроме этого, потерпевшим указанной категории нередко предлагают поучаствовать в различных конкурсах, лотереях, а также представляются лицами, вымогающих деньги для помощи «попавшим в беду родственникам».

2) Несовершеннолетние. Лица указанной категории попадаются на уловки мошенников, как правило, в сети «Интернет», при переходе на фейковые сайты интернет-магазинов, социальных сетей и т.д. [4, с. 12].

3) Лица с низкой информационной и правовой грамотностью, вне зависимости от возраста и уровня образования.

Проведение глубоких психологический исследований личности потерпевшего и преступника позволит разработать индивидуальные методы профилактики для каждой отдельной категории.

Для эффективного противодействия киберпреступности необходимо применять комплексный подход, включающий образование населения по вопросам кибербезопасности, совершенствование технических средств защиты, а также ужесточение наказания виновных. Одним из основных направлений борьбы с киберпреступностью является развитие киберполиции и создание международных механизмов сотрудничества. Кроме того, необходимо уделить внимание развитию социальных программ для жертв киберпреступности и их психологической поддержке.

В целях предотвращения мошенничества необходимо учитывать следующие рекомендации:

– быть осторожными и не доверять слишком легко незнакомым людям, особенно если они предлагают высокодоходные схемы инвестирования или легкие способы заработка денег.

– нельзя сообщать свои личные данные (например, номера паспорта, кредитных карт и т.д.) незнакомым людям и не делать денежных переводов или оплату услуг, если нет уверенности в подлинности получателя.

– быть внимательным при использовании интернета и социальных сетей: не кликать на подозрительные ссылки или файлы, не открывать письма от незнакомых отправителей, не выкладывать свои личные данные в общедоступные источники.

Таким образом, анализ психологической характеристики жертв и противодействия киберпреступности является актуальной проблемой в современном мире. Ее решение требует усилий со стороны всех участников общества и является одним из приоритетных направлений в обеспечении кибербезопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Жмуров Д. В. Кибервиктимология как новая реальность технотронного общества (гендерное исследование) // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. - 2020. - Т. 11. № 1. - С. 37-42.
2. Бовть О. Б. Кибервиктимология: мультидисциплинарность и перспективы развития // Грантовая научно-исследовательская и научно-образовательная деятельность: цели, технологии, результаты. - 2017. - С. 87-90.
3. Петров С. А. Доверие как условие совершения мошенничеств // Уголовное право. - 2015. - № 4. - С. 49-52.
4. Кабанов П. А. Несовершеннолетние жертвы современной российской преступности: статистико-виктимологическое измерение (2009-2015 гг.) // Виктимология. - 2016. - № 3 (9). - С. 7-23.
5. Хоменко А. Н. К вопросу о виктимизации жертв киберпреступлений // Виктимология. - 2021. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-viktimizatsii-zhertv-kiberprestupleniy (дата обращения: 07.09.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-383-388

ЗАКАЗНОВА Алевтина Николаевна
старший преподаватель кафедры уголовного права Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России

Заказнова А. Н.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Статья посвящена изучению социально-демографических, уголовно-правовых, социально-психологических характеристик личности военнослужащих, совершивших насильственные преступления против военной службы, выявлению особенностей личности военнослужащего, совершившего насильственное преступление против военной службы и их взаимосвязи с криминальной ситуацией в механизме совершаемых преступлений, и разработке новой типологии личности насильственного преступника-военнослужащего.

Ключевые слова: типология, личность, преступление, военнослужащий, военная служба, насилие, криминальная ситуация.

ZAKAZNOVA Alevtina Nikolaevna
senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

CRIMINAL CHARACTERISTIC AND THE PERSONALITY`S TYPOLOGY OF CRIMINAL WHO HAVE COMMITTED VIOLENT CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE

The article is devoted to the study of social-demographic, criminal, psychological characteristics of the personality of servicemen who have committed violent crimes against military service, the identification of personality characteristics of a serviceman who has committed a violent crime against military service and their relationship with the criminal situation in the mechanism of crimes committed, and the development of a new typology of the personality of a violent criminal-serviceman.

Keywords: typology, personality, criminal, soldier, military service, violence, criminal situation.

В целях более глубокого и всестороннего анализа криминологической характеристики насильственных преступлений против военной службы (ст. 333-335 Уголовного кодекса Российской Федерации), необходимо изучить личность преступника-военнослужащего как элемент криминологической характеристики преступлений данной группы. Любой личности, в том числе и личности военнослужащего, совершившего насильственное преступление против военной службы, присущи различные свойства и качества, отличающие одного человека от другого. Анализ и оценка этих свойств и признаков личности, их фиксация в целях дальнейшего использования для разработки мер предупредительного воздействия и составляют главное содержание криминологического изучения личности.

Криминологический анализ личности предполагает и максимальный учет индивидуальных психических особенностей, и биологически обусловленных свойств, которые отражаются на механизме человеческого поведения, включая преступное. Их выделение в структуре личности преступника вовсе не означает психологизации или биологизации причин совершения преступлений хотя бы потому, что многие психические особенности и биологически обусловленные свойства находятся под определяющим влиянием социальных факторов. Причиной совершения преступлений являются, как известно, лишь социально приобретенные отрицательные черты личности. Неблагоприятные особенности отдельных психических процессов, состояний и биологически обусловленных свойств могут лишь способствовать действию этих причин, то есть выполняют роль условий преступного деяния [25, с. 37].

Криминология изучает, прежде всего, социально-значимые черты и свойства совершивших преступления лиц, прослеживает типологические особенности личности преступника, характеризуя его как особый социальный тип, который объединяет типичные, раскрывающие сложный механизм преступного поведения, социально-правовые признаки всех совершивших преступления лиц в данный период времени.

Криминологические исследования позволяют сделать вывод о том, что отличительной чертой личности преступника является его деформированное нравственное и правовое сознание. В соответствии с этим и совершенным конкретным преступлением следует личность преступника как социального типа отграничивать от личности других людей. И. И. Карпец отрицательно относился к попыткам криминологов дать универсальное определение личности преступника. По его мнению, преступный мир столь же многообразен, сколько существует неповторимых личностей, поэтому, невозможно выявить общие характерные черты преступника [5, с. 142].

Практическое и научное значение понятия личности преступника в указанном смысле заключается:

во-первых, такое понимание личности преступника нацеливает практических работников (и ученых), изучающих причины преступлений, на выявление определенной группы личностных качеств, охватываемых именно этим понятием;

во-вторых, анализ указанной группы личностных качеств (личности преступника) позволяет объяснить истоки преступного поведения;

в-третьих, изучив качества личности, обусловившие преступление, можно по количеству и качеству этих отрицательных качеств отнести преступника к определенному типу

(случайному или злостному), а соответственно и прогнозировать вероятность совершения этим человеком преступлений в будущем и с учетом этого прогноза выбирать меры реагирования на совершенное преступление;

в-четвертых, знание отрицательных качеств, обусловивших преступление, позволяет организовать процесс исправления преступника в соответствующих учреждениях и принимать обоснованное решение об условно-досрочном освобождении;

в-пятых, вскрыв отрицательные качества человека, которые обусловили совершение им преступления, можно, взяв их за отправную точку, углубить анализ истоков преступного поведения – выявить причины образования негативных свойств личности и условий их устойчивости.

Как правило, преступное поведение не возникает неожиданно, но формируется в результате негативного воздействия объективных факторов посредством их отражения сознанием и подсознанием личности. Поэтому, для более полной криминологической характеристики насильственных преступлений против военной службы необходимо рассмотреть субъективные детерминанты, сконцентрированные в личности военнослужащего, совершающего эти преступления.

В криминологии изучение личности преступника обычно проводится на основе анализа элементов ее структуры. Термин «структура» в русском языке понимается как «взаимное расположение частей, составляющих одно целое, внутреннее устройство» [19, с. 775-776].

В криминологической литературе существует несколько взглядов на количество элементов структуры личности:

1. П. С. Дагель выделял пять подструктур, характеризующих следующие сферы личности преступника: 1) его общественную опасность, проявленную в совершенном преступлении; 2) социальные и антисоциальные связи в различных областях общественной жизни; 3) нравственно-психологическую и психологическую стороны личности; 4) ее физические (биологические) свойства [3, с. 61-70].

2. По мнению Кудрявцева В. Н. структура личности преступника складывается из следующих блоков: социально-демографические и уголовно-правовые характеристики, социальные проявления личности в разных сферах общественной жизни; нравственные свойства личности; психологические особенности личности преступника [13, с. 31].

3. А. Б. Сахаров выделял социально-демографические, образовательно-культурные, функционально-отношенческие, нравственно-психологические свойства и как их общее выражение — ценностно-мотивационную ориентацию личности, а также уголовно-правовую характеристику личности преступника [6, с. 111-117].

4. Н. Ф. Кузнецова и Н. С. Лейкина предлагают в личности рассматривать «три основных компонента или подсистемы: 1) социальный статус личности, определяющийся принадлежностью лица к определенному классу и группе, социально-демографической характеристикой (пол, возраст, образование, семейное положение и т. д.); 2) социальные функции (роли)личности, включающие совокупность видов деятельности лица в системе общественных отношений как гражданина, члена трудового коллектива, семьянина и т.д.; 3) нравственно-психологические характеристики, отражающие отношение личности к социальным ценностям и выполняемым социальным функциям [8, с. 119].

5. А. И. Долгова полагает, что при изучении личности преступника как определенной целостности, в единстве ее сознания и деятельности, во взаимодействии ее с социальной средой следует выделять следующие характеристики: 1) «объективные»: социальные позиции и роли, деятельность личности; 2) «субъективные»: потребностно-мотивационная сфера, ценностно-нормативная характеристика сознания [9, с. 340].

6. С. И. Курганов в структуре личности выделяет три аспекта: а) потребностно-мотивационная сфера (мотивы, потребности, интересы); б) ценностно-нормативная (ценностные ориентации, установки, нормы, убеждения); в) функционально-ролевая (социальные позиции, статусы, роли, функции) [11, с. 56].

7. В военной криминологии (Лунеев В. В., Иншаков С. М., Мацкевич И. М.) структура личности преступника обычно рассматривается в виде трех интегрированных групп, объединяющих криминологически значимые характеристики личности: социально-демографические, социально-психологические, психофизиологические качества личности [15, с. 87].

Синтезируя вышеуказанные точки зрения, с учетом современных особенностей воинской службы, нам представляется, что для лучшего понимания личности военнослужащего, совершающего насильственные преступления против военной службы, будет анализ его социально-демографической, социально-психологической, уголовно-правовой, статусно-ролевой, и психофизиологической характеристики личности.

В юридической литературе справедливо отмечается, что «структура личности преступника отражает не только разнообразие образующих ее признаков, их различный характер, но и различную их роль в этиологии преступного поведения и в то же время их взаимосвязь и взаимодействие» [14, с. 31].

Социально-демографическая характеристика военнослужащего, совершающего преступления отражает пол, возраст, образование, социальное положение, национальность, психическое и физическое здоровье, воинское звание; уголовно-правовая - наличие антисоциального поведения (отрицательные характеристики с места учебы или работы, наличие приводов в полицию, наличие фактов привлечения к уголовной ответственности (судимости), преступление совершено индивидуально или в соучастии, признал ли вину и т.д.); социально-ролевая (как военнослужащего) – имел ли взыскания, поощрения, отношения с сослуживцами, занятия спортом, хобби; социально-психологическая характеристика личности показывает какие принципы, взгляды, ориентиры есть у личности, отношение к содеянному деянию, отношение к уголовному закону, к военной службе, к работе и т.д.; психофизиологическая характеристика показывает какой темперамент имеет личность, тип реакции на события, врожденные способности и т.д.. Вполне очевидно, что дать полную характеристику по всем пунктам вышеперечисленных характеристик личности не представляется возможным, мы осветим лишь те, которые нам удалось выявить в ходе исследования.

Н. Ф. Кузнецова отмечает, что социально-демографические свойства личности преступника сами по себе не криминогенны. Но они связаны с условиями формирования личности и ее жизнедеятельности, взаимодействуют с ними, с потребностями и мотивацией, с социальными ролями личности. Поэтому социально-демографические свойства являются существенным компонентом обобщенного представления о личности преступника и имеют важное значение для

разработки и осуществления мер профилактики преступного поведения [7].

Основная особенность такой социально-демографической характеристики рассматриваемой личности, как пол, заключается в том, что она влияет на совершение преступления не сама по себе, а в комплексе с другими факторами. Криминогенная значимость пола преступника определяется взаимодействием с его личностными характеристиками психофизиологического характера и специфическими условиями прохождения военной службы. Мы согласны с Е. А. Моргуленко, что мужской пол военнослужащих играет наибольшую криминогенную роль в генезисе рассматриваемых преступлений лишь в сочетании с другой их социально-демографической характеристикой - возрастом. С учетом того обстоятельства, что основную массу этих преступлений совершают военнослужащие по призыву (мужчины в возрасте от 18 до 27 лет), взаимосвязь возраста и пола представляется вполне очевидной [17, с. 88].

Для анализа личности военнослужащего, совершившего насильственное преступление против военной службы, нами было проведено исследование 500 приговоров военных судов[1], уголовных дел и статистические карты (форма № 2) (архив ВСО СК России по Балашихинскому гарнизону) по ст. 333, 334, и 335 УК РФ (как самого распространенного среди насильственных преступлений против военной службы) за период 2010-2020 гг. методом случайной выборки. По результатам анализа, процентное соотношение возраста военнослужащих, совершивших данное преступление распределилось следующим образом: 19 лет — 5 %, 20 лет — 13 %, 21 год — 63 %, свыше 21 года – 19 %. Следовательно, в процессе прохождения военной службы возможны проявления и особенностей этого возраста: несформированную (неустойчивую) психику, мнительность, болезненное самолюбие, чрезмерная чувствительность и ранимость, максимализм и неустойчивость оценок, поиск специфических способов самоутверждения, неустойчивую иерархию социальных ценностей, отсутствие опыта общения в замкнутой однополой группе, отсутствие привычки прогнозировать последствия своего поведения, конформизм по отношению к неформальным лидерам. Необходимо отметить, что психологические свойства личности криминологами рассматриваются не как первопричина преступления, но как элемент связи между преступлением и внешними, в первую очередь социальными условиями. Однако, это не исключает зависимости поведения субъекта в конкретной ситуации от его психики, в том числе и от индивидуальных психических особенностей [1, с. 49-53].

Не меньшее значение в группе социально-демографических характеристик военнослужащих, посягающих на преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений, имеет уровень полученного до призыва на военную службу образования. Лунеев В. В. отмечал, что в военной криминологии традиционно отмечается достаточно устойчивая зависимость преступлений, характеризующихся элементами грубой силы, жестокости и примитивности, от низкого уровня образования преступников, их совершающих [15, с. 90].

Статистические показатели изученных нами приговоров военных судов по демонстрируют следующий уровень образования у военнослужащих рассматриваемой категории:

- 1,2 % военнослужащих, имевших высшее образование,
- 37,8 % среднее полное (11 классов),
- 58,5 % - среднее основное или среднетехническое образование,
- 2,5 % - начальное образование.

Говоря о такой социально-демографической характеристике как социальное положение (происхождение) преступников-военнослужащих, мы выявили следующее: основную массу составляют представители наименее социально защищенных слоев населения. Материальная неудовлетворенность, отсутствие возможности удовлетворения потребностей, культивируемых в обществе богатства и социального успеха, оказывают крайне неблагоприятное влияние на формирование личности подростка, нередко порождая у него ожесточенность и агрессивность.

Что касается состава семьи, где военнослужащие, совершившие насильственное преступление против военной службы воспитывались до призыва на военную службу, то здесь мы видим, что 45 % воспитывались в семьях с двумя родителями, 37 % из числа неполных семей или вообще не имеющих родителей, 18 % воспитывался в неблагополучной семье (в эту группу включались военнослужащие, чьи родители, сестры, братья злоупотребляли алкоголем, принимали наркотики, неоднократно судимы и т.п.). То есть более половины из исследованных преступников-военнослужащих (55 %) воспитывались в неблагоприятных условиях. Из этого осторожно можно сделать вывод, что неблагоприятная среда, в которой воспитывается ребенок, способствует формированию у него криминогенных свойств характера, в частности, агрессии и способности к проявлению насилия.

Практически все рассматриваемые правонарушители являются неженатыми (98 %), что также свидетельствует о некоторой криминогенности – так как отсутствуют социальные привязанности и опыт выполнения социальных обязанностей.

Социальную сущность личности и направленность его поступков определяют присущие ему ценности, взгляды, убеждения, мировоззрение, знания, оценки, привычки, навыки и интересы, т. е. качества, относимые криминологией к группе социально-психологических характеристик личности.

С. М. Иншаков справедливо отмечает: «…что в личности правонарушителя-военнослужащего аккумулированы отрицательные воздействия как различных криминогенных обстоятельств, формировавших личность военнослужащего до призыва на военную службу, так и весьма специфичных армейских криминогенных условий» [4, с. 42].

Совокупность социально-психологических характеристик личности военнослужащего, совершившего насильственное преступление против военной службы можно разделить на две части: первая часть - это внутренние факторы - устойчивые качества (взгляды, убеждения и т.п.), приобретенные военнослужащим до призыва на военную службу и находящие свое проявление в поведении субъекта при прохождении им военной службы. Они показывают, как персональные положительные аспекты (ресурсы), так и проблемные аспекты личности в целом.

К числу криминогенных качеств, которые были сформированы до поступления на военную службу, можно отнести:

1 Росправосудие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www/rospravosudie.ru (2013-2017гг.) (Дата обращения 30 января 2017г) ГАС «Правосудие». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sudrf.ru (2018- 2021гг.) (дата обращения: 21.03.2021).

– преобладание материальных и естественных ценностей над духовными;

– отсутствие высоких духовных устремлений;

– доминирование привычки удовлетворения желаний, а не выполнения долга;

– удовлетворение собственных интересов в ущерб интересам других;

– преобладание действий с ближайшими целями, рассчитанных на сегодня, на сиюминутные желания и потребности, а не на жизненно важные перспективы;

– равнодушное или пренебрежительное отношение к общественному порядку, к интересам других людей;

– ориентация на физическую силу как главное средство самоутверждения;

– антисоциальная направленность, деформация морально-этической сферы, готовность к агрессивному поведению;

– отсутствие чести, совести, стыда и чувства сострадания к человеку [16, с. 61];

– пренебрежительное отношение к нормам воинского правопорядка и интересам армейских коллективов;

– недоразвитые навыки общения с людьми;

– неспособность самостоятельно принимать решения в критических ситуациях;

– отсутствие (нехватка) интересов и нежелание приобретать новые знания;

– неспособность разобраться в своих чувствах и эмоциях.

Вторая часть – это внешние факторы. Внешние факторы тесно взаимосвязаны с внешним окружением военнослужащего, которые оказывают сильное влияние на его поведение в процессе военной службы под влиянием ее специфики. К ним относятся:

1. Принудительное общение в замкнутой однополой группе.

2. Строгая организация жизни, досуга, повседневного быта, отсутствие личной свободы, ограничение свободного времени.

3. Повышенные психологические и физические нагрузки.

4. Изменения в питании.

В большинстве случаев физическое насилие используется для:

– выражения ложно понимаемого чувства ответственности за поддержание порядка — 6 %;

– удовлетворения личных потребностей — 94 %;

– в литературе выделен и такой мотив как самоцель — доведенное до абсурда насилие применяется ради насилия [20].

Основными факторами, влияющими на возможное возникновение агрессивных проявлений в поведении военнослужащих, в условиях военной службы, являются:

1) Принудительное общение в замкнутой однополой группе. Специфика военной службы связана с принудительным помещением военнослужащих в замкнутую систему общения. Когда люди с разными характерами, привычками, установками, увлечениями, с разным воспитанием помещаются в замкнутую однополую среду, создается почва для возникновения взаимного недовольства, которое со временем перерастает в конфликт. Военнослужащему, если у него не сложились отношения с кем-либо из сослуживцев, практически невозможно по своей воле и желанию перевестись в другое воинское подразделение или хотя бы на время покинуть этот коллектив. Все это способствует возникновению и обострению психологической несовместимости.

К психологической несовместимости добавляется несовместимость физиологическая. Примечательно, что вынужденное существование с людьми, которые неприятны (неопрятный внешний вид и пр.) для 37,9 % военнослужащих (из них – 45,8 % старослужащих) является мощным негативным фактором, который зачастую проявляется в деструктивном поведении [10, с. 67].

2. Строгая организация жизни, досуга, повседневного быта, отсутствие личной свободы, ограничение свободного времени.

В соответствии со статьей 164 Устава внутренней службы Вооруженных Сил РФ размещение военнослужащих, в спальных помещениях производится из расчета не менее 12 куб. м. объема воздуха на одного человека [18, с. 78]. Как правило, это норма, обеспечивающая соблюдение физиологических требований к здоровью военнослужащего, выдерживается. Однако есть другая проблема - психологическая: все казарменные помещения являются зонами общего пользования и не дают возможности для уединения. Между тем, невозможность уединиться, по ответам 15,5 % военнослужащих, является основной причиной возникновения раздражения и озлобленности [10, с. 72]. Жизнь в казарме происходит на виду и командования, и сослуживцев, что негативно влияют на психологическое состояние военнослужащих, порождает конфликты.

3. Повышенные психологические и физические нагрузки.

Физическая подготовка в Вооруженных Силах РФ строго регулируется нормативными актами[2]. Спортивные занятия в армии проводятся ежедневно. Они включают в себя утреннюю зарядку, бег, силовые упражнения на спортивной площадке. Примерно раз в неделю проходят кроссы или марш-броски. К сожалению, не все новобранцы приходят на военную службу подготовленными, и выполнение нормативов по физической подготовке и резкая смена окружающей среды ложится на них тяжелой ношей, которая вызывает чувство психологического дискомфорта и напряженности. А это, в свою очередь, может вызвать агрессию, а в некоторых случаях и насилие, к сослуживцам.

4. Изменения в питании.

А. Организм военнослужащего в силу возрастных особенностей все еще находится в развитии, поэтому постоянный повышенный аппетит является одной из особенностей военнослужащих, даже несмотря на соблюдение норм питания по калорийности.

Б. В процессе жизни в семье у каждого военнослужащего сложился свой индивидуальный стереотип питания, пищевые предпочтения. В результате изменения качественного состава пищи, режима и условий питания во время прохождения военной службы, а также исключения из рациона привычного ассортимента продуктов, стереотип питания значительно перестраивается.

Для преступных действий военнослужащих, совершивших насильственные преступления против военной службы, характерны следующие мотивы: облегчение личных тягот службы за счет других военнослужащих (19 %), получение незаконной материальной выгоды в ущерб другим военнослужащим (8,7 %), стремление унизить, подчинить потерпевше-

2 Приказ Минобороны РФ от 21 апреля 2009 г. № 200 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95845/ (дата обращения: 18.02.2023).

го влиянию сослуживцев, издевательство (50 %), стремление соблюсти асоциальные правила неформального воинского коллектива (36 %), месть на почве служебной деятельности потерпевшего (51 %), получение личных выгод корыстного характера (7 %), сексуальные побуждения (4 %). В целом, до 80 % случаев так или иначе были направлены на унижение чести и достоинства личности [24, с. 67].

В 13 % случаях насилие военнослужащих носило инструментальный характер, это проявлялась в фактах насильственного завладения деньгами потерпевших, иных материальных ценностей, вымогательства личных вещей.

Наиболее распространенными формами насилия по отношению к военнослужащим являются [10, с. 27]:

– моральное или физическое подавление более слабых, отвергаемых в воинском коллективе, молодых солдат (деперсонализация);

– принуждение к выполнению потерпевших различных прихотей, перекладывание на них обязанностей по службе и в быту;

– насильственное (либо под угрозой применения насилия) вымогательство денег, вещей, продуктов, предметов обмундирования и пр.;

– выпячивание региональных, национальных и иных особенностей, предрассудков;

– унижающая личное достоинство требовательность старших по службе и младших командиров, расправы над военнослужащими, отвергающими либо допустившими по неосторожности нарушение асоциальных правил, установленных неформальной группой воинского коллектива.

Социально-ролевая и уголовно-правовая характеристика военнослужащих, совершивших насильственные преступления против военной службы:

– военнослужащие, проходящие военную службу по призыву составляют 60 %, по контракту – 40 %;

– сержанты —12 %;

– рядовые — 88 %;

– более 63 % из числа рядового и сержантского состава психологически подготовлены к военной службе и хорошо развиты физически;

– 90 % призваны на военную службу раньше потерпевшего;

– 30 % положительно характеризуются по службе, посредственно – 54 %, отрицательно – 16 %;

– 55 % случаев насилия происходило в присутствии сослуживцев, 25 % в присутствии суточного наряда;

– 57 % случаев преступного посягательства происходит в ночное время, во время отдыха, в выходные и праздничные дни;

– 27 % имеет подростковый опыт противоправного (аморального) поведения

– при проведении нашего анализа, лиц ранее судимых не выявлено. Но, по оценкам других исследователей, количество новобранцев, которые ранее имели проблемы с законом, составляет около 8 % [23]. То есть указанные 8 % поступили в войска с определенными девиантными отклонениями и имели такие отклонения до призыва, что нередко способствует формированию мотивации на совершение преступлений во время военной службы;

- 89 % преступников раскаиваются в содеянном.

Психофизиологическая характеристика личности включает в себя физиологические и психологические (темперамента, нервно-психической устойчивости, психологической способности к социальной адаптации) качества.

Физиологические особенности военнослужащих, совершивших преступления, предусмотренные ст. 333-335 УК РФ практически не отличаются от физиологических особенностей общей массы военнослужащих.

К группе военнослужащих, совершивших насильственное преступление против военной службы, можно отнести так называемые акцентуированные личности [12]. Отдельные черты характера такой личности могут быть чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается наличие качеств, способных привести к совершению преступления.

Вероятность стать виновником насильственного преступления велика при следующих типах акцентуации характера военнослужащего:

1) параноидный – повышенная раздражительность, стойкость отрицательных аффектов, болезненная обидчивость, подозрительность, повышенное честолюбие;

2) эпилептоидный – недостаточная управляемость, импульсивность поведения, нетерпимость, склонность к злобно-тоскливому настроению с накапливающейся агрессией, проявляющейся в виде приступов ярости и гнева (иногда с элементами жестокости), конфликтность, вязкость мышления, чрезмерная обстоятельность речи, педантичность;

3) гипертимный – постоянно приподнятое настроение, жажда деятельности с тенденцией разбрасываться, не доводить дело до конца, повышенная словоохотливость (скачка мыслей).

Наши данные частично совпадают с данными Степанова С. А., полученными им в ходе проведенного исследования: «совершивший преступление против военной службы, сопряженное с физическим насилием – это мужчина проходящий военную службу по призыву, контракту, средний возраст которого 18-23 года, имеет воинское звание сержанта, в должности командира отделения, заместителя командира взвода, средний срок общей продолжительности службы составляет от 1 до 4 лет, в звании сержанта от 6 месяцев до 4 лет, преимущественно имеет общее среднее образование, реже неоконченное высшие, высшие, холост, христианин, мотив преступления ложно понятные интересы службы, личная неприязнь, мнимое превосходство, ложные воспитательные цели, владеет навыками обращения с боевым стрелковым оружием, встречается наличие спортивного звания или разряда. Интеллект выше средний, реже высокий, подготовка к преступлению происходит не всегда, чаще спонтанно или внезапно возникшего желания наказать провинившегося, в некоторых случаях имеет связь с асоциально-криминально направленными лицами (друзья, родственники), при совершении преступления группой лиц, его роль зависит от авторитета в данной группе, ранее совершал преступные действия в виде физического насилия (остались латентными)» [23, с. 68-69].

На основании выявленных особенностей личности военнослужащего, совершившего насильственное преступление против военной службы и их взаимосвязи с криминальной ситуацией в механизме совершаемых преступлений, предлагается новая типология личности насильственного преступника-военнослужащего:

«Ситуативный тип» - характеризуется внезапно возникшим умыслом, насилие является вынужденным и инструментальным для незамедлительного удовлетворения каких-либо личных потребностей;

«Провоцирующий тип» — преступник, испытывающий неприязненные чувства к другому военнослужащему, планирует преступление и ждет очередной подходящей (провокационной) ситуации, чтобы развязать конфликт;

«Спонтанный тип» (самоутверждающийся) – этому преступнику присуща хулиганская мотивация, подобный тип совершает преступления с целью «проявить удаль», «развлечься», показать свое пренебрежение к личному достоинству сослуживцев (поводом могут стать самые незначительные «проступки» потерпевшего, а само правонарушение будет детерминировано плохим настроением или высокомерием правонарушителя). Часто данный тип совершает преступление в состоянии опьянения.

«Планирующий тип» - преступник готовится планомерно, выбирают жертву осознанно, предпринимают действия по подготовке преступления (выбор места, времени, создание подходящих условий для реализации преступного умысла) и действует, используя возникшую благоприятную ситуацию;

«Конформистский тип» – это лицо, совершающие рассматриваемые преступления под влиянием неблагоприятного окружения (идущие «на поводу» у сослуживцев, совершающие преступление «за компанию»). Как правило, преступления данных лиц в своей основе имеют либо ложно понятые интересы воинского коллектива, либо чувство страха самому стать объектом неуставных отношений.

«Защищающийся тип» – преступник не планировал преступление, его агрессия вызвана провокационным, агрессивным поведением жертвы и носила, зачастую, защитный характер.

Данная типология позволяет разработать и применить различные меры предупреждения, необходимые для коррекции криминогенных качеств военнослужащих, совершивших, или способных совершить насильственное преступление против военной службы, что, на наш взгляд, позволит существенно улучшить криминогенную ситуацию в войсках.

Пристатейный библиографический список

1. Антонян Ю. М. Изучение личности преступника. М., 1982. С. 49-53.
2. Гаврилов Ю. Шагом марш к прокурору // Российская газета. 2009. 30 сентября. С. 1-2.
3. Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 61-70.
4. Иншаков С. М. Военная криминология (курс лекций). М.: Военный университет, 1998. С. 42.
5. Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 142.
6. Криминология / Отв. ред. В. К. Звирбуль, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский. М.: Юрид. лит., 1979. С. 111-117.
7. Криминология. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 102; Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М.: Изд-во БЕК, 1998. С. 124; Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ВолтерсКлувер, 2004. С. 125.
8. Криминология: Учебник / Под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М.: Юрид. лит., 1988. С. 87; Криминология. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 95; Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М.: Изд-во БЕК, 1998. С. 117; Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ВолтерсКлувер, 2004. С. 119.
9. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. М: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 281; Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. 2-е изд., перераб. и доп. — М: НОРМА, 2003. С.336-337; Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М: Норма, 2005. С. 340.
10. Крупнов И. В. Социально-психологические аспекты криминальной агрессии в воинском коллективе. Дис. … канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2003.
11. Курганов С. И. Основы криминологии: Учеб. пособие. М.: Издательский Дом «NOTABENE», 1998. С. 56.
12. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Питер, 2021. 304 с.
13. Личность преступника и предупреждение преступлений. Под ред. В. Н. Кудрявцева, Н. Н., Кондрашкова и др., М.: Юрид. лит., 1975. С. 31.
14. Личность преступника. М.: Юрид. лит., 1975. С. 31.
15. Лунеев В. В. Криминология (Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР): Учебник / Под ред. А. Г. Горного. М., 1986. С. 87.
16. Лунеев В. В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980. С. 61.
17. Моргуленко Е. А. Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности. Дис. на соиск. … канд. юрид. наук. М., 2003. 308 с. С. 88.
18. Общевоинские Уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 1994. С. 78.
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. С. 774-775.
20. Петелин Б. Я. Направленность личности и мотивы преступного поведения. М., 1973. С. 35; Бурлаков В. Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1998. С. 7-13.
21. Степанов С. А. Методика расследования преступлений против военной службы, сопряженных с применением физического насилия. 12.00.12 - криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. М., 2018. 251 с. С. 68-69.
22. Хомяков А. И. Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных отношений: уголовно-правовое и криминологическое исследование. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 67.
23. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 37.

НАЗАРОВ Александр Александрович
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

О МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ И РЕЗУЛЬТАТАХ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МОШЕННИЧЕСКИМИ ДЕЙСТВИЯМИ, СОВЕРШАЕМЫМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ

В статье анализируются методические подходы и указываются результаты изучения преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершаемыми военнослужащими при получении выплат. Кроме того, приводится анализ законодательства зарубежных стран в области мошенничества и мошенничества при получении выплат.

Ключевые слова: выплата, военнослужащий, социальная выплата, страховая выплата, пенсия, пособие, компенсация, криминология, мошенничество, мошенничество при получении выплат.

NAZAROV Alexander Alexandrovich
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

ON METHODOLOGICAL APPROACHES AND RESULTS OF THE STUDY OF CRIMES RELATED TO FRAUDULENT ACTIONS COMMITTED BY MILITARY PERSONNEL WHEN RECEIVING PAYMENTS

The article analyzes methodological approaches and indicates the results of the study of crimes related to fraudulent actions committed by military personnel when receiving payments. In addition, an analysis of the legislation of foreign countries in the field of fraud and fraud in receiving payments is provided.

Keywords: payment, soldier, social payment, insurance payment, pension, allowance, compensation, criminology, fraud, fraud in receiving payments.

Анализируя исследования отечественных криминологов и специалистов в сфере уголовного права по предметным вопросам криминологии (преступность, ее детерминанты, личность преступника, предупреждение преступности), можно прийти к выводу, что применяемые при этом методики обладают достаточным потенциалом, способным быть применимым к любому новому анализу преступного поведения [1], в том числе, изучению мошенничеств, совершаемых военнослужащими при получении выплат. При этом надо принимать во внимание, что у давно сложившегося в рамках криминологии самостоятельного научного направления исследований – *военной криминологии* – есть свой, довольно богатый методический и эмпирический опыт познания так называемых воинских преступлений. Как известно, исследования военных криминологов всегда нацелены на познание: воинской преступности и общеуголовной преступности в военной сфере и их закономерностей и тенденций, причин и условий, способствующих совершению этих криминальных посягательств, личности военнослужащего-преступника, особенностей его криминального поведения, личности жертвы воинского преступления, способов и средств, направленных на предупреждение воинской преступности и общеуголовной преступности в военной сфере.

Ко всему прочему, необходимо иметь в виду, что тема воинских преступлений всегда была и, скорее всего, будет закрытой темой для непросвещённого читателя, информация о которых часто подпадает под военную тайну и соответствующий гриф секретности. Согласимся со справедливой оценкой С. М. Иншакова по поводу того, что поскольку преступность в армии традиционно не привлекала внимания широкого круга исследователей, а сведения о ней носят секретный характер, получение доступа к подобной информации затруднено. Долгие годы существовало мнение, что проблемами армейской преступности должны заниматься лишь военные и те, кому предписывается заниматься обеспечением военной безопасности страны. Сегодня воинская сфера стала более открытой, доступной анализу и критике, соответственно, «привлечение всех здоровых сил общества к решению армейских проблем может ускорить оздоровление ситуации в Вооруженных Силах нашей страны» [2].

Изучая воинскую преступность, прежде всего, следует обратиться к историческому методу, который, как известно, представляет собой совокупность способов, приемов, процедур, направленных на ретроспективное изучение как самой криминологии, так и отдельных элементов ее предмета. В основе такого метода лежит рассмотрение изучаемых объектов за определенный период времени, причем в движении и развитии, что требует начать исследование объектов с тех отношений, которые исторически предшествовали нынешним. Потому в исследовании мошенничества, совершаемого военнослужащими при получении выплат, автор сперва обратился к динамической составляющей исторического процесса, связанной с возникновением и развитием уголовной ответственности за хищения государственного имущества, в том числе за мошенничества с получением выплат.

Далее представляется обоснованным применение статистического метода, позволяющего в динамике определять тенденции, связанные с привлечением к уголовной ответственности за совершение таких преступлений. Исходя из того, что ст. 159[2] УК РФ «Мошенничество при получении выплат» вступила в силу с 1 января 2013 г. и учитывая относительно небольшой срок действия данной уголовно-правовой нормы, целесообразно привести данные по ней за период 2013-2021 гг., содержащиеся в статистике Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. Отдельно отметим, что в 2012 г. в целом по ч. 1-4 ст. 159 УК РФ (без отдельных данных по военнослужащим) было осуждено 23 649 человек.

При этом судебная статистика демонстрирует следующие интересные тенденции. Так, если мошенничества в целом (ст. ст. 159-159[6] УК РФ) большую часть совершают мужчины (например, в 2021 г. из 20607 мошенничеств 14507 совершили мужчины, что составило 70,4 % от общего количества мошенничеств), то мошенничества при получении выплат - больше совершают женщины. Например, в 2021 г. по ст. 159[2] УК РФ из 3223 обвинительных приговоров на долю женщин приходится 1807 (56 % от общего количества мошенничеств, охватываемых ст. 159[2] УК РФ). В то же время, гендерная дифференциация мошенничеств, совершенных военнослужащими при получении выплат, в подавляющем большинстве отдает приоритет в совершении этих преступления мужчинам-военнослужащим, что, конечно же, связано с гендерными особенностями несения воинской службы.

Как видно, состояние мошенничеств за период времени 2012-2021 гг. имеет общую тенденцию к снижению, при этом количество такого рода преступных деяний, совершенных военнослужащими при получении выплат, в период времени 2017-2021 гг. остается достаточно стабильным (30-57 осужденных в год) [3].

Оценка эффективности законодательства не может обойтись без использования сравнительно-правового метода. При этом важно иметь в виду, что ни одно из мировых законодательств, в том числе регулирующих уголовно-правовую сферу общественных отношений, не является идеальным по целому ряду причин, к каковым можно отнести:

– несоответствие между уголовно-правовыми запретами и установленными за их нарушения санкциями;

– наличие логических ошибок, которые связаны с несоответствиями между утратившими силу и новыми законами;

– несоответствие между общими и специальными составами преступлений;

– обилие уголовно-правовой тавтологии между различными смежными нормами;

– наличие многочисленных норм-«клонов»;

– дефекты понятийно-терминологического аппарата;

– отсутствие полноценного учета криминологических свойств и качеств личности преступника при назначении наказания;

– фактическое игнорирование важности криминологической обоснованности криминализации и декриминализации деяний и др.

Подобные коллизии законодательства мотивируют научное сообщество на внесение предложений по совершенствованию тех или иных элементов уголовно-правовой системы – институтов и отдельных норм. При этом общепризнанным является подход, в рамках которого происходит сравнение различных зарубежных источников между собой, а затем уже делаются попытки имплементировать наиболее прогрессивный законодательный и практический опыт в правовую систему конкретного государства. Российские ученые в этом плане не являются исключением, активно обращаясь к наиболее приемлемым для нашей правоохранительной системы иностранным уголовно-правовым техникам. Разумеется, это имеет свое научно-практическое значение для познания закономерностей мошеннических действий, совершаемых военнослужащими при получении выплат.

В связи с этим, следует согласиться с позицией М. Н. Урды и С. В. Шевелевой, что при воплощении в российском законодательстве идеи дифференциации уголовной ответственности за совершение мошеннических действий в различных сферах социальной деятельности зарубежный опыт предупреждения мошеннический действий при получении выплат является весьма интересным и перспективным. Отсюда М. Н. Урда и С. В. Шевелева отмечают два основных подхода, обусловленных наличием (отсутствием) специальных запретов мошенничества в сфере выплат и особенностями их формулирования в уголовном законодательстве зарубежных стран.

Суть первого (классического) подхода заключается в том, что мошеннические действия, связанные со сферой выплат, оцениваются в рамках как общего состава мошенничества, так и через иные сопоставимые с ним (мошенничеством) деяния. Этот подход является наиболее характерным для большинства зарубежных стран, находит свое отражение в уголовном законодательстве (чаще всего это Уголовный Кодекс, но может быть и Уголовное Уложение, как в Германии) Франции (ст. ст. 313-1 и 314-1), Испании (ст. ст. 248 и 250), Голландии (ст. 326), Аргентины (ст. ст. 172 и 174), Бельгии (ст. 496), КНР (ст. 266), Республики Корея (ст. 347), Польши (ст. 286), Сан-Марино (ст. 204), Таиланда (ст. ст. 341 и 343), Швейцарии (ст.146), Японии (ст. 246), Австралии (ст. 134.2), Дании (ст. 279), Норвегии (ст. ст. 270 и ст. 271а), Швеции (ст. 1 гл. 9) и др. стран.

При этом способы совершения указанных деяний заключаются в:

– *обмане* (УК Франции, Испании, Аргентины, Бельгии, Сан-Марино, Таиланда, Швейцарии, Японии, Австралии);

– *злоупотреблении доверием* (УК Франции, Аргентины, Бельгии);

– *введении в заблуждение* (УК Франции, Польши, Швейцарии);

– *манипуляции информацией* (УК Испании, Норвегии, Швеции [4]);

– *предоставлении ложной информации* (УК Таиланда, Норвегии, Швеции);

– *сокрытии фактов* (УК Таиланда, Швейцарии);

– *использовании уловки* (УК Голландии, Аргентины, Испании);

– *использовании ошибки* (УК Дании, Норвегии).

Авторы отмечают повышенную ответственность за нарушение публичных интересов, специально установленную при совершении мошенничества во вред публичной администрации (ст. 174 УК Аргентины), а также при передаче ложной информации общественности или сокрытии фактов, которые должны стать известны общественности (ст. 343 УК Аргентины).

В ст. 134.2 УК Австралии установлена уголовная ответственность в случае получения финансовой выгоды с помощью обмана. При этом австралийское законодательство под обманом понимает не только умышленное, но также неосторожное поведение относительно к факту или праву, в связи с намерениями лица, применившего обман, или же намерения любого другого лица (ст. 133.1 УК Австралии). УК Норвегии также устанавливает ответственность за совершение мошенничества по неосторожности (вследствие преступной небрежности) (ст. 271а).

Второй (дифференцированный) подход выражается в том, что устанавливает уголовную ответственность за совершение мошеннических деяний при получении выплат посредством выделения самостоятельного состава преступления.

Такой подход содержится в уголовном законодательстве Германии и Австрии. Помимо общей нормы о мошенничестве, предусмотрены также специальные статьи, регулирующую случаи совершения мошеннических деяний при полу-

чении субсидии. Соответствующие нормы закреплены в § 264 УУ Германии «Получение субсидий мошенническим путем» и в § 153b УК Австрии «Злоупотребления с субсидиями».

При этом Уголовное Уложение Германии под субсидией понимает:

– выплату предприятию или организации из общественных средств по правовым нормам Федерации или Земли, которая хотя бы отчасти предоставляется без взаимного исполнения рыночных обязанностей с условием содействия развитию экономики;

– выплату из общественных средств по праву Европейского Сообщества, которая хотя бы частично предоставлена без взаимного исполнения рыночных обязанностей.

Австрийским законодателем субсидия определяется как ассигнования, предоставленные для реализации социальных интересов из общественных бюджетов, которые нельзя использовать на иные соразмерные в денежном отношении нужды. В качестве исключения указано на выплаты по социальному страхованию и дотации, предусмотренные § 12 Свода финансово-правовых постановлений 1948 г.

Определение субсидии в немецком и австрийском законодательствах заключается в общем функциональном и экономическом значении. Это денежные выплаты, предназначенные для реализации социальных интересов этих государств или интересов Европейского Союза, членами которого Германия и Австрия являются.

М. Н. Урда и С. В. Шевелева справедливо отмечают, что идея дифференциации мошеннических деяний по различным сферам, способам совершения и предметам преступного посягательства достаточно широко реализована в уголовном законодательстве многих стран, но при этом мошенничество при получении выплат в виде субсидий предусмотрено лишь в уголовном законодательстве Германии и Австрии, (да и то не связано с социальными выплатами гражданам – прим. диссертанта) [5].

Несомненными преимуществами в изучении закономерностей мошеннических действий, совершаемых военнослужащими при получении выплат, обладает так называемый документарный метод, предполагающий изучение официальных данных, содержащих информацию, представляющих интерес для криминологического анализа, в частности, анализ и обобщение содержащейся в уголовных делах судебно-следственной практики. Ни одна другая наука не располагает столь подробным и достоверным репрезентативным объемом содержащихся в уголовном деле документальных сведений о событии, происшествии, поступке, преступлении, личности преступника, потерпевшего, как криминология [6].

Обращение к данным по 1215 уголовным делам, расследованным, а затем направленным в суд в период времени с 2010 по 2021 гг., позволило выявить целый ряд важных и интересных параметров, таких как квалификация деяний, вид судебного решения, в т.ч. основания освобождения от уголовной ответственности, вид и размер наказания, форма собственности и вид имущества, на которые посягало лицо, пол и звание лиц, привлеченных к уголовной ответственности и пр. [7].

В результате было установлено, что по ч. 1 ст. 159² УК РФ уголовная ответственность была реализована в отношении 1036 военнослужащих, по ч. 2 ст. 159² УК РФ – в отношении 2-х лиц, по ч. 3 ст. 159 УК РФ - 1 лица, по ч. 3 ст. 159² УК РФ - 153 лиц, по ч. 4 ст. 159² УК РФ – 20 лиц.

Что касается формы собственности, на которую посягали лица, привлеченные к уголовной ответственности, то при анализе уголовных дел было выявлено, что в качестве таковой чаще всего выступали: денежные средства военных частей – 714, что образует примерно 59 % от общего количества посягательств. Далее следует иная федеральная собственность - 474 (39 %), собственность субъекта РФ – 17 (1,4 %), муниципальная собственность – 4 (0,33 %). Таким образом, в качестве объекта мошеннических посягательств выступает исключительно государственная и муниципальная собственность.

В качестве видов имущества, на которое посягали преступники, в подавляющем большинстве случаев выступают: денежные средства – 1201 (98,8 %), другое имущество – 5 (0,4 %), жилье – 2 (0,16 %), вещевое имущество – 2 (0,16 %). В качестве предмета мошеннических посягательств – денежные и иные материальные ценности, предоставляемые из федерального и регионального бюджета.

Выплатами (предусмотренными как диспозицией ч. 1 ст. 159² УК РФ, так и нормативными правовыми актами, специально регулирующими сферу социального обеспечения), выступающими непосредственными предметами рассматриваемых мошеннических посягательств, являются:

– компенсация (субсидия) за наем жилого помещения – 470 (38,6 %);

– ежемесячная выплата «Ветеран боевых действий» - 221 (18 %);

– выплаты по безработице, утере кормильца, прекращающиеся при поступлении на работу (военную службу) – 78 (6,4 %);

– командировка – 66 (5,4 %);

– потеря кормильца – 62 (5,1 %);

– компенсация и выплаты за оздоровление и питание участникам ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС – 33 (2,7 %).

Основными видами обмана стали: информационно-документальный обман – 728 (60 %), а также обман путем умолчания об истине – 487 (40 %).

Военнослужащие не часто прибегают к использованию своего служебного положения. Лишь по 26 уголовным делам такого рода факт нашел свое подтверждение (2,14 % от общего количества дел).

Мошенничества военнослужащих при получении выплат совершаются в подавляющем большинстве случаев в одиночку. Лишь в 15 уголовных делах (1,23 % от общего количества дел) речь идет о соучастии на совершение преступления.

Анализ судебных решений по уголовным делам, связанным с совершением военнослужащими мошенничеств с получением выплат, показал, что по нереабилитирующим основаниям было прекращено всего 500 уголовных дел (41 % от общего количества рассмотренных судом дел). Из них основную массу составили прекращения уголовного дела или уголовного преследования на основании ст. 25¹ УПК РФ (в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа) – 290 (58 % от общего количества прекращенных судом дел); далее на основании *п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (вследствие акта об амнистии)* – 152 (30,4 %); на основании *ст. 25 УПК РФ (в связи с примирением сторон)* – 29 (5,8 %); на основании *ст. 28 УПК РФ (в связи с деятельным раскаянием)* – 21 (4,2 %); *на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (истечение сроков давности уголовного преследования)* – 8 (1,6 %). По 7 уголовным делам (0,57 % от общего количества рассмотренных судом дел) было вынесено решение *об исключении излишне вмененного преступного деяния*. Судом вынесено всего *701 обвинительный приговор* (57,7 % от общего количества рассмотренных судом дел), при

этом *наказание не было вынесено* по 1 делу (0,14 % от общего количества обвинительных приговоров), *штраф* был назначен по 665 делам (94,9 %); *обязательные работы* – по 5 делам (0,71 %); *исправительные работы* – по 1 делу (0,14 %), *ограничения по военной службе* – по 1 делу (0,14 %), *условное осуждение* – по 17 делам (2,42 %); *лишение свободы* – по 11 делам (1,57 %).

При дифференциации лиц, привлеченных к уголовной ответственности, по гендерному признаку установлено, что *мужчинами* совершено 1193 преступления (98,1 %), а *женщинами* – 22 (1,9 %).

Учитывая, что речь идет о военнослужащих, автора заинтересовал вопрос о *воинских званиях* лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение мошенничеств при получении выплат. Лишь 1 человек являлся вольнонаемным лицом (без звания), остальные же лица имели воинское звание.

Отдельного повествования заслуживает технология анкетирования военнослужащих, осужденных за совершение мошенничества при получении выплат (годы осуждения: 2013-2019, всего было опрошено 100 человек).

В качестве основы для анкетирования были взяты результаты анализа уголовных дел, рассмотренных судами в отношении военнослужащих, совершивших мошенничество при получении выплат (годы рассмотрения дел судом: 2010-2021, всего 1215 уголовных дел). В данной выборке содержатся анкетные данные военнослужащих (осужденных или тех, в отношении которых дела прекращались по нереабилитирующим основаниям). Помимо этого, использовались анкетные данные осужденных военнослужащих, содержащиеся на таком ресурсе, как https://sudact.ru/, где в графе «Суд» указывал на название суда, например, «Одинцовский гарнизонный военный суд», находил приговоры по ст. 159.2 УК РФ. По анкетным данным (здесь достаточно знать фамилию, имя, отчество, наименование военного суда), автор выезжал по месту нахождения военных судов, где в архиве предъявлял свои документы, в том числе подтверждающие принадлежность к Военному университету и факт подготовки диссертации по преступности военнослужащих, и получал телефоны лиц, содержащиеся в материалах архивных уголовных дел. При этом, география исследования представлена следующими территориальными объектами: Московский гарнизонный военный суд; военные суды Московской области (Наро-Фоминский гарнизонный военный суд; Одинцовский гарнизонный военный суд; Реутовский гарнизонный военный суд; Солнечногорский гарнизонный военный суд.

В процессе проведения исследования автор заранее связывался по телефону с ранее судимыми лицами (или лицами, в отношении которых дела прекращались), объяснял, с какой целью производится анкетирование. Около 50% согласились стать респондентами, проводилось анкетирование по телефону или во время встречи.

Кроме того, выявлялись интересующие исследователя лица через социальные сети «Одноклассники», «ВКонтакте», объяснялось, с какой целью проводится анкетирование. Примерно треть согласилась стать респондентами, проводилось анкетирование по телефону, через переписку или во время личной встречи.

Результаты анкетирования существенно дополнили общие данные, полученные в процессе применения иных методов сбора информации о предмете.

Пристатейный библиографический список

1. Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Методы криминологического исследования // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 37. – С. 108-109.
2. Иншаков С. М. Криминология: учебник. – М.: Юриспруденция, 2000. - 432 с. – С. 177.
3. Данные судебные статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 23.10.2022 г.)
4. Как указывают М. Н. Урда и С. В. Шевелева, УК Норвегии не использует понятие «манипуляция информацией»; в качестве альтернативного способа совершения рассматриваемого деяния называет «использование неверных или неполных сведений, изменение данных, программного обеспечение или иное незаконное влияние на результат автоматической обработки данных», что, по существу, представляет собой манипуляцию информацией. Аналогичный подход при формулировании соответствующего состава обнаруживает Швеция.
5. Урда М. Н., Шевелева С. В. Мошенничество при получении выплат по законодательству зарубежных стран в контексте противодействия научному мошенничеству при выполнении государственного задания // Право и политика. – 2017. – № 5. – С. 19-21, 23.
6. Кудрявцев В. Н. и др. Курс советской криминологии. – М., 1985. – С. 43.
7. Данные по рассмотренным в период 2010-2021 гг. уголовным делам в отношении военнослужащих, совершивших преступления, предусмотренные ст. ст. 159 и 159.2 УК РФ.

РЯСОВ Александр Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

Рясов А. В.

О МЕРАХ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ В ОРГАНИЗОВАННЫХ ФОРМАХ

В работе рассмотрены проблемы, возникающие в процессе противодействия преступлениям, совершаемым в организованных формах. Определены приоритетные направления деятельности оперативных подразделений в части противодействия преступлениям, совершаемым организованными преступными группами (сообществами), а также предложены способы их совершенствования. Особое внимание уделено перспективным направлением предупреждения организованной преступности.

Ключевые слова: оперативные подразделения, МВД России, организованная преступность, этнические организованные преступные группы, наркобизнес, коррупция.

RYASOV Alexander Vladimirovich
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Operational investigative activities and special equipment sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ON MEASURES TO COUNTERACT CRIMES COMMITTED IN ORGANIZED FORMS

The paper considers the problems arising in the process of countering crimes committed in organized forms. Priority areas of activity of operational units in terms of countering crimes committed by organized criminal groups (communities) have been identified, as well as ways to improve them have been proposed. Special attention is paid to promising areas of prevention of organized crime.

Keywords: operational units, the Ministry of Internal Affairs of Russia, organized crime, ethnic organized criminal groups, drug trafficking, corruption.

Одним из ключевых направлений государственной политики в сфере борьбы с преступностью в России выступает обеспечение безопасности граждан, охрана их жизни и здоровья, прав и законных интересов от преступных посягательств. Организация деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по борьбе с организованной преступностью определена в документах стратегического планирования, а также решениях главы государства.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400, в числе внешних и внутренних угроз государственной и общественной безопасности называется терроризм, экстремизм, наркобизнес и организованная преступность.

В системе государственных мер борьбы с организованной преступностью главная роль отводится оперативно-розыскной функции органов внутренних дел.

20 марта 2023 г. в своем выступлении на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации В. В. Путин указал, что важнейший приоритет деятельности полиции это активная наступательная борьба с криминалом. Необходимо жёстко пресекать правонарушения, использование незаконных теневых схем и, конечно, хищений бюджетных средств, прежде всего выделяемых сегодня на реализацию гособоронзаказа, нацпроектов, наших демографических мер, программ импортозамещения и поддержки бизнеса [1].

В целях ужесточения уголовно-правовых мер борьбы с организованной преступностью по инициативе Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» Уголовный кодекс РФ был дополнен новой ст. 210.1, в которой в качестве особо тяжкого преступления признано занятие высшего положения в преступной иерархии.

Необходимость активизации борьбы с организованной преступностью объективно обусловлена тем, что за период с 2018 по 2022г. наблюдается устойчивый рост на 27,3 % количества преступлений, совершенных участниками организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций).

В 2022 г. число преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами (преступными организациями), уголовные дела о которых окончены расследованием, составило 27 234 (+22,6 % по сравнению с 2021 годом). В целом с 2018 год по 2022 год произошел рост количества преступлений, совершенных в составе ОГ или ПС (ПО), уголовные дела о которых окончены расследованием почти на 11587 преступлений. Рост регистрации рассматриваемых преступлений стал результатом активизации деятельности органов внутренних дел, в том числе определения в качестве приоритета фактов выявления, разобщения и ликвидации организованных преступных групп и сообществ, в том числе международных. В 2022 г. МВД России совместно с ФСБ России и МВД Казахстана в ходе совместной спецоперации задержали 18 лидеров и членов организованных преступных групп, состоящих из граждан России и Казахстана [2].

Одну из наиболее серьезных угроз для национальной безопасности Российской Федерации представляют организованные этнические преступные формирования, преступления которых влекут тяжкие последствия и могут провоцировать в обществе межнациональные (межэтнические) конфликты. В 2022 году существенно увеличилось количество преступлений, совершенных ОГ или ПС (ПО), сформированных по этническому принципу, уголовные дела о которых окончены расследованием.

В ходе реализации правоохранительной функции сотрудниками ОВД пресечена противоправная деятельность 130 групп, созданных по национальному признаку, численностью свыше 500 участников. Доказана их причастность к вымогательствам, грабежам, разбоям, организации нелегальной миграции.

Темпы прироста числа преступлений, совершенных ОГ или ПС (ПО), в два и более раз превышали среднероссийский показатель, были зафиксированы в Костромской (+246,7 %), Курской (+322,2 %), Смоленской (+146,4 %), и ряде других краев и областей.

По итогам 2022 года количество расследованных преступлений, совершенных организованной преступной группой

по г. Москва составило 6464, Санкт-Петербург - 1250, Ставропольский край -706.

Количественный состав ОГ, ОПС по итогам 2022 года составил 13270, что выше, чем в 2021 году на 1360 человек (+11,4%).

В структуре преступлений, совершенных ОГ или ПС (ПО) преобладали тяжкие и особо тяжкие преступные деяния 26 046 (+21,3 %).

Увеличилось число расследованных уголовных дел о кражах (+28,3 %), мошенничествах (+27,7 %) разбоях (+9,0 %), преступлениях экономической направленности (+32,0 %), связанных с незаконным оборотом наркотиков (+21,6 %), в сфере компьютерной информации (+212,2 %) и экстремистской направленности (+86,1 %).

Преобладание в структуре организованной преступности, наравне с мошенничествами (39,4 %) и посягательствами в сфере НОН (34,1 %), преступлений экономической направленности (36,3 %) свидетельствует о продолжающемся криминальном воздействии на экономические отношения.

Более 40 % от общего числа раскрытых преступлений, совершенных в составе организованных групп и преступных сообществ, приходится именно на финансово-кредитную сферу.

Борьба с коррупцией и коррупционными связями преступных сообществ (преступных организаций) определена одним из приоритетных направлений деятельности МВД России.

Отдельные способы и методы, использовавшиеся криминальными структурами в период формирования рыночной экономики, модернизировавшись проявляются и сегодня. Этому способствуют:

– распространенность коррупционных схем, позволяющих внедряться криминальным элементам во все структуры общества и государства с целью дестабилизации общественных отношений в сфере реализации экономической деятельности;

– вовлеченность в указанные схемы представителей правоохранительной системы с целью извлечения конкурентной информации и конспирации незаконной деятельности;

– попустительское отношение руководителей экономических организаций, привлечение к решению правовых и экономических вопросов лиц, у которых отсутствуют знания и профессиональные навыки экономической деятельности.

Одной из форм организованной преступности является групповые формы наркопреступлений.

В 2022 г. зарегистрировано 177741 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Современные преступления в сфере незаконного оборота наркотиков характеризуются невозможностью их совершения вне преступного образования, поэтому закономерно фиксируется значительное увеличение числа всех видов групповых наркопреступлений. Так, число преступлений, совершенных преступными сообществами (организациями) в сфере НОН, выросло на 96 % (в 2021 г. – 577, в 2022 г. – 1 132). Число преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору и организованными группами, – на 48 % и 15,4 % соответственно. По преступлениям, совершенным группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, наблюдается пятилетняя тенденция увеличения.

Основным фактором, способствующим повышению уровня организованной преступности в сфере НОН, выступает сбыт наркотических средств дистанционным способом путем организации «тайников-закладок», а также активное использование в преступной деятельности современных телекоммуникационных технологий и электронных систем оплаты.

Впервые за последние четыре года существенно увеличилось число наркопреступлений, совершенных несовершеннолетними (+43,9 %; всего – 2066).

Постоянное совершенствование методов противодействия наркопреступности оперативными подразделениями органов внутренних дел позволило пресечь деятельность 1,5 тыс. мест незаконного изготовления наркотических средств, из них 160 подпольных лабораторий.

Наркопреступления, совершаемые в организованных формах, позволяют выделить основные характеристики, которые можно определить:

• санкционная политика против России, а таже проведение СВО внесла существенные коррективы в организацию наркотрафика в нашей стране;

• изменение в лидеров интернет-магазинов по сбыту наркотиков привели к жесткой конкуренция торговых площадок осуществляющих продажу наркотиков;

• существенное снижение роли в наркорынке украинских наркосбытчиков, в том числе и теневом сегменте сети Интернет;

• использование криптовалют как основного элемента механизма расчетов и последующей легализации наркодоходов;

• видоизменение структуры наркорынка в сторону смещения к синтетическим наркотикам;

• значительный рост числа несовершеннолетних наркосбытчиков и наркопотребителей.

С учетом выявленных негативных тенденций в сфере организованных форм НОН, сохранения «спроса» на них, преимущественно организованной, высоко законспирированной посредством использования участниками НОН IT-технологий преступной деятельности в 2023 г. прогнозируется рост числа преступлений в сфере НОН.

Проведенный анализ статистических данных состояния различных проявлений организованной преступности свидетельствует о том, что совершаемые организованными группами и преступными сообществами противоправные деяния весьма разнообразны и обладают признаком повышенной общественной опасности, поэтому противодействие им является непростой задачей.

Для повышения эффективности деятельности по противодействию организованной преступности во всех ее проявлениях необходимо продолжить совершенствование правовой основы данной деятельности.

Перспективным направлением предупреждения организованной преступности и борьбы с ней является формирование единой государственной политики в указанной сфере путем принятия специального федерального закона, определяющего комплекс мер политического, социально-экономического, информационно-пропагандистского, организационного, правового и иного характера по противодействию организованной преступности.

На основе системного подхода к организации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию организованной преступности предлагается в качестве перспективных направлений научного обеспечения в этой сфере выделить следующие:

повышение эффективности противодействия организованным группам и преступным сообществам (преступным организациям), сформированным по этническому признаку, оказывающим серьезное влияние на оперативную обстановку как в отдельных регионах России, так и на всей ее территории в целом;

совершенствование деятельности по подрыву экономических основ организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций);

совершенствование противодействия организованной преступности в информационно-телекоммуникационной среде в условиях активного использования организаторами и участниками организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций) современных технологий (сети Интернет, электронных платежных систем, средств мобильной связи и др.);

совершенствование противодействия финансированию экстремизма и терроризма, которое способствует сращиванию организованной преступности общеуголовной и экономической направленности с экстремистскими и террористическими организациями. При этом следует учитывать, что произошедшее перемещение в информационное пространство рисков и угроз, связанных с распространением идеологии экстремизма и терроризма, разжиганием межнациональной вражды, сильно повысило их аккумулятивный эффект.

Пристатейный библиографический список

1. Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795 (дата обращения: 23.04.2023).
2. Гончарова М. В., Невский С. А., Бабаев М. М., Черкасов Р. В., Аблиязова Е. Б., Тимошина Е. М., Коимшиди Г. Ф., Бицадзе Г. Э. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития. – Москва: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2023. – С. 11.

СТРИЖАНОВ Алексей Вячеславович
старший преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России, подполковник полиции

ГУЩИН Дмитрий Николаевич
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции

МАНСУРОВА Зиля Рахимлановна
кандидат медицинских наук, доцент кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

ВАЛИЕВА Альбина Рифовна
кандидат политических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Настоящая статья представляет собой криминологическое исследование преступности несовершеннолетних. В статье анализируются статистика ювенальной преступности, а также факторы, влияющие на это явление, такие как: социально-демографические, социально-значимые физиологические, социально-психологические, нравственно-психологические и правовые свойства, признаки, установки, связи, отношения и ценностные ориентации, имеющие антисоциальную направленность и приведшие к совершению преступления. Отдельное внимание авторы уделяют повышению количества насильственных преступлений среди несовершеннолетних. В заключении подчеркивается важность совместных усилий общества и государства в разработке эффективных стратегий предотвращения и реабилитации несовершеннолетних преступников.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность несовершеннолетних, криминологические характеристики, личность преступника, профилактика преступ ности.

STRIZHENOV Alexey Vyacheslavovich
senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

GUSHCHIN Dmitriy Nikolaevich
senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

MANSUROVA Zilya Rakhimlanovna
Ph.D. in medical sciences, associate professor of Pedagogy and psychology in the activities of police officers sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

VALIEVA Albina Rifovna
Ph.D. in political sciences, associate professor of Socio-economic and humanitarian disciplines sub-faculty of the Bashkir State Agrarian University

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF JUVENILE DELINQUENCY

This article is a criminological study of juvenile delinquency. The article analyzes the statistics of juvenile delinquency, as well as factors influencing this phenomenon, such as: socio-demographic, socially significant physiological, socio-psychological, moral-psychological and legal properties, signs, attitudes, relationships, and value orientations that have an antisocial orientation and led to the commission of a crime. The authors pay special attention to the increase in the number of violent crimes among minors. In conclusion, the importance of joint efforts of society and the state in developing effective strategies for the prevention and rehabilitation of juvenile delinquents is emphasized.

Keywords: minors, juvenile delinquency, criminological characteristics, criminal personality, crime prevention.

Преступность несовершеннолетних остается актуальной проблемой в современном обществе. Несмотря на развитие социальных и правовых механизмов для предотвращения преступлений среди молодежи, она продолжает вызывать беспокойство среди общественности и исследователей.

Проблема преступности несовершеннолетних находилась в поле научного интереса таких авторов как: Ананьева Е. О., Абовян Э. П., Вагенлейтнер О. Ю., Жадан В. Н., Игембаева К. С., Косевич Н. Р., Майоров А. В., Рыжовой О. А., Сабирова Р. Ш., Силантьев В. И., Федорова Е. Н. и др.

Несмотря на то, что преступность несовершеннолетних за последние десять лет демонстрирует стабильное снижение в количественных показателях, процессы криминализации в молодёжной среде идут весьма интенсивно.

Согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации около 3,9% от всех раскрытых в стране в 2022 году преступлений совершены подростками либо при их участии. При этом общее количество выявленных преступлений, совершенных несовершеннолетними, составило 37953 преступных деяния.

Преступность несовершеннолетних как отдельный вид преступности имеет присущие только ей количественные и качественные показатели ее динамики на протяжении нескольких лет [4].

Так, согласно опросу сотрудников Центров для временного содержания несовершеннолетних правонарушителей при МВД, в указанные учреждения как правило поступают несовершеннолетние совершающие корыстные преступления, однако на протяжении последних двух-трех лет наметилась тенденция направления в указанный центр детей, совершающих насильственные преступления. Это, несомненно, продиктовано особенностями личности несовершеннолетних преступников, так как большинство из них являются обучающимися образовательных учреждений и воспитываются в семьях [1].

Чаще всего насильственные преступления совершаются несовершеннолетними в возрасте 14-18 лет. Жестокость совершаемых преступлений данной категории несовершеннолетних явно отражается в мотивах и способах совершения ими преступлений. Примером тому являются применение огнестрельного оружия в отношении одноклассников в школах, колледжах, так часто в последнее время освещаемых в средствах массовой информации преступлениях. Нельзя оставить без внимания и видеоролики, демонстрирующие процесс истязаний сверстников, выкладываемые в социальные сети несовершеннолетними. Действия несовершеннолетних лиц с девиантным поведением в таком случае выражаются не только в причинении вреда здоровью, но унижении жертвы как личности.

Нельзя так же не принимать во внимание наличие латентной составляющей, при формировании выводов о состоянии преступности среди несовершеннолетних. Многие из авторов, исследующих проблему преступности несовершеннолетних, считают, что реальная статистика совершаемых несовершеннолетними преступлений значительно выше [5].

Рассматривая характерные особенности преступности несовершеннолетних следует отметить, что криминологическая характеристика личности преступника, в том числе и несовершеннолетнего преступника, включает следующие элементы: социально-демографические, социально-значимые физиологические, социально-психологические, нравственно-психологические и правовые свойства, признаки, установки, связи, отношения и ценностные ориентации, имеющие антисоциальную направленность и приведшие к совершению преступления. При этом в качестве базовой характеристики личности выделяются: социально-типологическая, социально-ролевая, нравственно-психологическая [2].

Рассмотрим представленные элементы в отдельности. Социально-демографический фактор является одним из ключевых элементов в формировании личности преступника, так как именно родители несовершеннолетнего являются для него образцом и поведение родителей во многом становится прототипом для поведения. Согласно статистическим данным [6] более 68% несовершеннолетних преступников воспитывались в неполных, неблагополучных семьях, либо являются сиротами.

К социально-значимым качествам личности несовершеннолетнего относятся физиологические признаки, такие как: особенности физической конституции, здоровья, заболевания, осложняющие социализацию личности.

Основной социально-значимый физиологический признак несовершеннолетнего преступника — наличие алкогольной и наркотической зависимости, ведущей к деградации личности подростка, способствующей усилению агрессии, толкающей на необдуманные поступки. Около 15% несовершеннолетних совершили преступления в состоянии алкогольного, наркотического либо иного опьянения [7].

На сегодняшний день часто наблюдается ряд психопатических ненаследственных черт у несовершеннолетних преступников, которые были сформированы под влиянием внешних факторов: жизненных условий, особенностей воспитания. Как показывает статистика, наибольшую часть преступлений совершали несовершеннолетние из слоев населения с низким уровнем достатка. Неблагоприятная обстановка часто приводит к формированию личности, незаинтересованной в профессиональном и личностном развитии, у которой примитивный круг жизненных потребностей, низменные цели и желания. Данная среда не дает личности подростка развить в себе положительные внутренние качества, духовность и культуру, отсутствие хорошего примера приводит к дестабилизации жизненных ориентиров [3].

Работа по снижению количества преступности среди несовершеннолетних требует комплексного и многомерного подхода, включающего в себя образование, поддержку семей, психологическую помощь и сотрудничество всех уровней общества - от семьи до государства.

Меры и программы, направленные на предотвращение вовлечения молодежи в преступную деятельность, должны быть при этом ориентированы на:

1. разработку и реализацию образовательных программ, которые способствуют развитию навыков анализа, решения проблем и социальной адаптации. Эти программы могут включать в себя уроки по развитию социальной компетентности и моральных ценностей;

2. предоставление семьям доступа к ресурсам, консультациям и программам, которые помогают родителям воспитывать детей в здоровой и поддерживающей среде. Развитие программы семейного воспитания, которые могут быть весьма эффективными;

3. обеспечение доступа к психологической помощи и консультированию для несовершеннолетних, находящихся в «группе риска» или столкнувшихся с трудностями в адаптации;

4. предоставление детям и подросткам возможности участвовать в спортивных и культурных мероприятиях, которые помогают развивать интересы, навыки и здоровый образ жизни;

5. проведение информационных кампаний, направленных на осознание последствий преступной деятельности и пропаганду альтернативных путей решения проблем;

6. установление партнерских отношений между правоохранительными органами и образовательными учреждениями для раннего выявления рисков и оказания поддержки ученикам;

7. развитие программ реабилитации и восстановления для несовершеннолетних, которые уже совершили преступления, чтобы предотвратить их дальнейшее участие в преступной деятельности;

8. сбор и анализ данных о преступности среди несовершеннолетних для выявления тенденций и адаптации стратегий профилактики;

9. введение законодательных мер и политик, направленных на защиту прав детей и подростков, а также на ужесточение наказания для совершителей преступлений, связанных с несовершеннолетними.

Заключение. Неконтролируемая ювенальная преступность обуславливает преступность будущего, в связи с чем, меры, направленные на предупреждение совершения преступлений среди несовершеннолетних, требуют дополнительного комплекса предупредительных действий, среди которых необходимо выделить работу психологов, организацию анонимной психологической помощи несовершеннолетним, работу с родителями и другие.

Пристатейный библиографический список

1. Абовян Э. П., Ананьева Е. О. Криминологические аспекты личности несовершеннолетнего преступника // Ведомости УИС. - 2023. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-aspekty-lichnosti-nesovershennoletnego-prestupnika (дата обращения: 14.09.2023).
2. Жадан В. Н. О криминологической характеристике личности несовершеннолетних преступников // Юридическая наука. - 2019. - № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kriminologicheskoy-harakteristike-lichnosti-nesovershennoletnih-prestupnikov (дата обращения: 14.09.2023).
3. Косевич Н. Р. Социальная адаптация и социальная реабилитация несовершеннолетних и деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав: вопросы теории и практики. - М., РАП, 2013. - 1056 с.
4. Майоров А. В. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ ее состояния в российском обществе // Вестник экономики, управления и права. - 2020. - № 4 (53). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-nesovershennoletnih-kriminologicheskiy-analiz-ee-sostoyaniya-v-rossiyskom-obschestve (дата обращения: 14.09.2023).
5. Рыжова О. А. Особенности преступности несовершеннолетних и меры профилактики в современных условиях // Наука. Общество. Государство. - 2020. - № 2 (30). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prestupnosti-nesovershennoletnih-i-mery-profilaktiki-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 14.09.2023).
6. Силантьев В. И. Особенности личности несовершеннолетних преступников // Инновационная наука. - 2022. - № 3-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-nesovershennoletnih-prestupnikov (дата обращения: 14.09.2023).
7. Федотова Е. Н. Особенности личности несовершеннолетнего преступника // Вестник Московского университета МВД России. - 2019. - № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-nesovershennoletnego-prestupnika-2 (дата обращения: 14.09.2023).

СТУПИНА Светлана Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

Ступина С. А.

ГРУППОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье на основе комплексного анализа официальных статистических данных проведено краткое исследование состояния и динамики групповой преступности, рассмотрены ее составляющие. Отдельное внимание уделено критериям формирования официального статистического учета преступлений, совершенных в той или иной форме соучастия. Определены изменения, которые проявились в современных условиях: негативная тенденция повышения организованных форм среди групповой преступности, эскалация криминальных сообществ, расширение сферы преступной специализации, распространение вооруженности среди членов преступных групп, их включение в сферу преступлений, направленных на подрыв национальной безопасности.

Ключевые слова: групповая преступность, соучастие, организованная группа, преступное сообщество, состояние и динамика преступности.

STUPINA Svetlana Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic Science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

GROUP CRIME IN MODERN CONDITIONS

In the article, based on a comprehensive analysis of official statistical data, a brief study of the state and dynamics of group crime is conducted, its components are considered. Special attention is paid to the criteria for the formation of official statistical records of crimes committed in one form or another of complicity. The changes that have manifested themselves in modern conditions are determined: the negative trend of an increase in organized forms among group crime, the escalation of criminal communities, the expansion of the sphere of criminal specialization, the spread of armament among members of criminal groups, their inclusion in the sphere of crimes aimed at undermining national security.

Keywords: group crime, complicity, organized group, criminal community, state and dynamics of crime.

Из данных официальной статистики МВД России о состоянии преступности следует, что по итогам 2022 г. в России организованными группами или преступными сообществами совершено 26,0 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+21,4 %), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий возрос с 9,3 % в январе – декабре 2021 г. до 10,5 %. При этом по итогам 2022 г. констатируется, что больше половины (60,4 %) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления.

За семь месяцев 2023 г. такая тенденция практически не изменилась, поскольку за этот период организованными группами или преступными сообществами совершено 19,9 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+12,9 %), а их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий возрос с 11,6 % в январе – июле 2022 года до 12,0 %. Аналогично этому периоду 2022 г. в 2023 г. за январь-июль больше половины (59,0 %, в январе-июле 2022 г. – 59,2 %) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления.

Такое состояние наиболее организованных форм групповой преступности безусловно негативно влияет на весь российский социум.

В современных условиях, определяемых проведением Россией Специальной военной операции (далее – СВО), важна консолидация российского общества, его сплоченность, способность противостоять негативному влиянию со стороны недружественных государств, проводящих политику вмешательства во внутренние дела России, поскольку такая их тактика направлена на подрыв Российского общества изнутри.

Вследствие этого явно отрицательна и требует пристального внимания проблема консолидации преступных групп, их внедрение во все сферы жизнедеятельности российского социума. Нельзя недооценивать возможность влияния на Россию изнутри через криминальные группы, через дестабилизацию внутренней безопасности и правопорядка.

Согласно п. 41 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» обеспечению государственной и общественной безопасности способствует реализация мер, направленных в том числе и на формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности.

В современных условиях, как никогда, следует уделять пристальное внимание анализу состояния и динамики как преступности в целом, так и именно той ее части, которая отражает групповую преступность, особенно во взаимосвязи с преступностью в сфере незаконного оборота оружия, наркотиков, а также с преступностью экстремистской направленности и террористического характера.

Предварим непосредственное исследование состояния и динамики групповой преступности в современных условиях некоторыми размышлениями о содержании и структурных составляющих этой формы преступности, что как непосредственно, так и опосредованно влияет на подвергнутую криминологическому анализу проблематику.

Традиционно к групповой преступности относят все преступления, совершенные в любой из форм соучастия.

«Групповая преступность как криминологическое явление состоит из групповых преступлений. Групповое преступление представляет собой любое взаимодействие нескольких физических лиц, содержанием которой является совместная преступная деятельность» [1, с. 87].

Отметим, что в своем исследовании Л. М. Прозументов и А. В. Шеслер поднимают достаточно актуальную для современного правоприменения и научного осмысления проблему понимания группового преступления [1].

Основная полемика выражена в дискуссии о возможности признания преступления групповым в случае фактического участия в совершении общественно-опасного деяния лиц, только один из которых отвечает признакам субъекта преступления.

Указанное актуально и в силу того, что государственная политика по профилактике, противодействию и борьбе с преступностью, прежде всего опирается на массив аналитической информации, в основе которой положены данные официальной статистики. Последняя, в свою очередь, формируется согласно установленным правилам, которые апеллируют именно к положениям уголовного законодательства.

Если же изменяются отдельные воззрения Верховного Суда РФ на понимание признака группы лиц применительно к тому или иному составу преступления, то правоприменитель проводит квалификацию согласно этим разъяснениям. Соответственно изменяется и статистическая картина по состоянию групповой преступности.

В этом контексте сразу отметим, что, например, кража, грабеж и разбой по итогам 2022 г. в структуре всей преступности в России занимают 37,2 %, т.е. это практически каждое третье из совершенных преступлений.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31 (ред. от 22.12.2015) «Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» пункт 12 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», ранее акцентировавший внимание правоприменителя на том, что исполнители группового преступления должны отвечать согласно ст. 19 УК РФ требованиям субъекта преступления.

Как справедливо отмечается специалистами, указанное является «молчаливым согласием» Верховного Суда на распространительное толкование преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору или организованной группой [1, с. 90].

По нашему мнению, такая ситуация хоть и резонирует положениям уголовного законодательства, но, полностью оправдывается правоприменительной практикой, а также необходимостью всестороннего учета такой преступной деятельности с целью выработки наиболее эффективных мер противодействия преступности и обеспечения национальной безопасности.

В целом, такое положение по толкованию и правоприменению в обязательном порядке следует учитывать при анализе состояния и динамики современной групповой преступности.

На сегодняшний день статистическая отчетность формируется согласно Указанию Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», где в перечне № 9 перечисляются преступления, которые могут быть совершены организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), а в перечне № 21 – преступления, которые могут быть совершены группой лиц по предварительному сговору. В основу официального учета безусловно положены критерии, определяемые в соответствии с УК РФ.

Вместе с тем, содержится и такое условие отнесения к указанным преступлениям, как то, что, если в статье УК РФ отсутствуют нормы, содержащие квалифицирующие признаки о совершении преступления в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы, но в материалах уголовного дела имеется информация о совершении преступления в составе указанных групп.

Аналогичное положение по статистическому учету групповых преступлений приводилось и в ранее действовавшем Указание Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17.01.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

Именно в таком ракурсе и осветим некоторые маркеры современной групповой преступности с учетом ее развития за последние двадцать лет, а также опираясь на ранее высказанные моменты по формированию официальной статистического учета.

Изначально следует акцентировать внимание на том, что рост групповой преступности происходит на фоне перманентного сокращения преступности в целом. Кроме этого, негативность момента определена и тем, что растет количество именно преступлений, совершенных в группе, а не количество лиц, выявляемых за их совершение.

Так, из общего числа выявленных по итогам 2022 г. лиц совершили преступления в составе группы 101686 чел. (12,4 % – удельный вес в общем числе выявленных лиц), что 3,0 % меньше, чем в 2021 г. А вот количество преступлений, совершенных в группе за 2022 г. выросло по сравнению с 2021 г. на 11,6 % и составило 102482 (9,9 % – удельный вес от всех расследованных преступлений).

Обращение к анализируемым данным за январь-июль 2023 г. свидетельствует, что по сравнению с аналогичным периодом 2022 г., прослеживается такая же тенденция, т.е. увеличилось количество преступлений, совершенных в группе – на 13,6 % и составило 70929 (11,6 – удельный вес от всех расследованных преступлений), при одновременном снижении на 14,1 % количества лиц, выявленных за совершение преступления в группе (54270; 11,8 – удельный вес в общем числе выявленных лиц).

Необходимо отметить и увеличение количества зарегистрированных преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом.

Так, за семь месяцев 2023 г. зарегистрировано 20485 таких преступлений, что на 12,2 % больше, чем за аналогичный период предыдущего 2022 г. По итогам всего 2022 г. зарегистрировано 27207 преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом, что на 22,7 % больше, чем в 2021 г., в котором в рассматриваемых формах соучастия был зафиксирован на 25,1 % рост по отношению к 2020 г. таких выявленных преступлений – 22172. В 2020 г. зарегистрировано 17727 таких преступлений, что на 8,8 % больше, чем в 2019 г., в котором также был отмечен прирост на 4,2 % (16290). В 2018 г. прирост составил 18,1 % (15628), в 2017 г. отмечалось увеличение на 5,2 % (13235).

Таким образом после 2016 г., когда было снижение количества преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом на 8,4 % (12581), наблюдается устойчивая тенденция к росту таких опасных форм соучастия, что определяет негативную тенденцию современной преступности к сплочению и устойчивости. Особенно это проявляется в ускоренных темпах с 2021 г.

В целом по России за последние почти двадцать лет можно проследить этапы роста групповой преступности, которые в определенной мере коррелируют как с социально-экономическими, так и социально-политическими изменениями.

Так, относительно регистрируемых преступлений, совершенных в группе, только в 2004 г. было совершено несколько больше таких преступлений по сравнению с 2003 г. – 250763. Но далее вплоть до 2015 г. отмечается стабильное снижение показателей по такому виду преступности [2]. Так, в 2005 г. в группе было совершено 246669 (удельный вес от расследованных – 14,5 %) преступлений; в 2006 г. – 239102 (13,3 %) преступления; в 2007 г. – 225155 (12,7 %) преступлений; в 2008 г. – 198138 (11,6 %) преступлений; в 2009 г. – 170598 (10,3 %) преступлений; в 2010 г. – 145548 (10,2 %) преступлений; в 2011 г. – 132021 (10,1 %) преступление; в 2012 г. – 123010 (9,8 %); в 2013 г. – 116032 (9,4 %); в 2014 г. – 103308 (8,7 %). В 2015 г. же году произошло увеличение групповых преступлений до 110635 (8,8 % в структуре всех расследованных), но в 2016 г. вновь этот показатель снизился до 104366 (8,8 %); по итогам 2017 г. снижение количества регистрируемых преступлений, совершенных в группе на 6,0 % – 98153 (8,8 %); в 2018 г. увеличение на 0,7 % – 98821 (9,1 %); в 2019 г. вновь снижение на 3,4 % – 95480 (9,1 %); в 2020 г. аналогично 2019 г. снижение на 3,0 % – 92643 (9,0 %); в 2021 г. снижение на 0,9 % – 91791 (8,9 %); а по итогам 2022 г. уже фиксируется 102482 (9,9 %) групповых преступлений и их существенное увеличение на 11,6 %

При этом стабильно на протяжении последних пяти лет растет количество преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом: в 2018 г. рост на 18,1 % по отношению к АППГ – 15628 (1,4 % – удельный вес от всех расследованных преступлений); в 2019 г. рост на 4,2 % – 16290 (1,5 %); в 2020 г. рост на 8,8 % – 17727 (1,7 %); в 2021 г. рост на 25,1 % – 22172 (2,2 %); в 2022 г. рост на 22,7 % – 27207 (2,6 %).

При таких темпах роста организованной преступности вряд ли можно говорить только о том, что это результат деятельности правоохранительных органов по выявлению таких форм преступности.

Следует констатировать, что намечается явная тенденция к повышению уровня сплоченности преступности, ее консолидации и широком проникновении во все сферы преступной специализации [3].

К этому также приведем и данные о том, что, например, в январе – декабре 2022 года с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств совершено 6,2 тыс. преступлений (+32,4 %).

По итогам 2022 г. зарегистрировано 2233 преступления террористического характера (+4,5 %) и 1566 преступлений экстремистской направленности (+48,2 %).

За семь месяцев 2023 г. зарегистрировано на 9,2 % меньше, чем за аналогичный период 2022 г. преступлений террористического характера (1365) и на 9,4 % меньше преступления экстремистской направленности (802).

Вместе с тем, в январе – июле 2023 года выявлено 115,9 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 10,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с январем – июлем 2022 года на 17,8 % возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Отрицательно и то, что на фоне сплочения преступных групп, достаточно высок удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, который в последние годы колеблется в диапазоне от 28 до 30 % от всех зарегистрированных преступлений.

Таким образом, подводя итог изложенному можно с определенной долей достоверности, особенно с учетом особенностей понимания групповой преступности и формирования статистической отчетности, констатировать, что наметилась явно негативная тенденция повышения организованных форм среди групповой преступности, эскалация криминальных сообществ, расширение сферы преступной специализации, распространение вооруженности среди членов преступных групп, их включение в сферу преступлений, направленных на подрыв национальной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 86-96.
2. Ступина С. А., Рудакова Групповая преступность: современное состояние и тенденции (на примере Е. Н. Сибирского федерального округа) // Гражданин и право. – 2018. – № 2. – С. 30-35.
3. Ступина С. А. Некоторые тенденции преступности в современных условиях // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 10 (173). – С. 438-440.

ТАИЛОВА Айша Габибовна
кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ГАСАНОВ Мухтар Магомедович
магистрант 2 курса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

АБАКАРОВА Бика Гаджишамхаловна
преподаватель Юридического колледжа Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОРПОРАТИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В США

Статья посвящена проблеме государственно-корпоративной преступности в США. Рассматриваются различные аспекты корпоративной преступности, ее взаимосвязь с государственной преступностью, в том числе ее влияние на экономику и общество. Описываются механизмы государственно-корпоративной преступности и способы борьбы с её проявлениями. Автор подчеркивает, что эффективное противодействие государственно-корпоративной преступности требует комплексного подхода и участия всех слоев мирового сообщества.

Ключевые слова: государственная преступность, корпоративная преступность, концепция, опасность, общество, противодействие.

TAILOVA Aisha Gabibovna
Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

GASANOV Mukhtar Magomedovich
magister student of the 2nd course of the North Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

ABAKAROVA Bika Gadzhishamhalovna
lecturer at the Law College of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

FEATURES OF THE MANIFESTATION OF STATE-CORPORATE CRIME IN THE UNITED STATES

The article is devoted to the problem of state-corporate crime in the USA. Various aspects of corporate crime, its relationship with state crime, including its impact on the economy and society are considered. The mechanisms of state-corporate crime and ways to combat its manifestations are described. The author emphasizes that effective counteraction to state-corporate crime requires an integrated approach and the participation of all layers of the world community.

Keywords: state crime, corporate crime, concept, danger, society, counteraction.

Значение государственной и корпоративной преступности в современной геополитической культуре нельзя недооценивать. Рассмотрим отдельные аспекты государственной преступности в США. Например, администрация Трампа ввела в действие политику "оставаться в Мексике" для "нелегальных" иммигрантов, отказывая им в праве искать убежище, пересекая границу другой страны или продолжая политику разлучения семей и демонизации всех беженцев и иммигрантов. Не говоря уже о его новой трансгендерной политике и продолжающихся усилиях по дальнейшему регулированию прав и органов женщин, или участии Соединенных Штатов в незаконной войне в Йемене. Или лагеря интернирования/содержания для уйгурского населения Китая, называющие их "интернатами".

Точно так же нельзя отрицать вину Боинга в крушении двух самолётов Max 737 за 5 месяцев, в результате чего погибло 346 человек. В то время как большинство стран немедленно запретили эти самолеты из соображений безопасности, Boeing вместе с Трампом и Федеральным авиационным управлением США (FAA) продолжали хвастаться своей безопасностью, не имея возможности посадить самолеты в США до второй половины марта 2019 года.

Аналогично, Honda объявила (13 марта 2019 года) об отзыве более 1 миллиона автомобилей с неисправными подушками безопасности, которые были проданы водителям в течение многих лет в качестве безопасных продуктов, а AT&T ложно представляла возможности 5G Network. Google и Apple создала приложение для саудовских мужчин, чтобы отслеживать своих жен, помогая стране с ужасающей исторической картиной отказа от всех прав женщин. Или рассмотрим более известный скандал вокруг Кембриджа Аналитика и Фейсбука, который показывает нам, как политики и частные исследовательские фирмы работают вместе, и с платформами социальных сетей, доступ к данным пользователей без их осознанного согласия для того, чтобы склонить избирателей к действиям в качестве примеров преступлений, совершаемых государственными корпорациями.

Область государственных преступлений, относительно говоря, является одной из новых областей исследований под прикрытием преступлений белых воротничков (например, профессиональные преступления или корпоративные

преступления), начиная с 1989 года с президентской речи Шамблисса на конференции Американского общества криминологии, где он звонил криминологам уделять внимание государственной организованной преступности [1].

С учетом вышесказанного следует отметить, что государственно-корпоративные преступления по своему характеру являются междисциплинарными, а также частью дискуссии о политических преступлениях, международных преступлениях и множестве других альтернативных представлений, определило государственное преступление как «деяния, определяемые законом как преступные и совершаемые государственными должностными лицами при исполнении своих служебных обязанностей в качестве представителей государства» [2].

Со времени выступления Шамблисса сфера государственной преступности значительно расширилась, и с тех пор определение государственной преступности расширилось, включив в себя цемиологический подход (то есть акцент на социальный вред вместо строгого определения «преступления» как нарушения закона). Такое расширение определения обусловливает низкую вероятность криминализации государством деяния, служащего его интересам. В 1998 году также были опубликованы двухтомные антологии Фридриха (1998) под названием Государственная преступность. В 2000 году Джеффри Иэн Росс опубликовал свой последующий том Control State Crime (1995), Varieties of State Crime and its Control. В этом томе рассматривались нарушения государствами норм международного и внутреннего права (например, в Израиле, Канаде, Соединенном Королевстве, Соединенных Штатах, Франции и Японии), в котором приняли участие ученые из многих различных областей исследований. С тех пор, как появились эти ранние работы, количество государственных исследований в области преступности росло экспоненциально.

Имеются также недавние статьи, посвященные таким темам, как диалектика государства и права. Существует также целый журнал, посвященный государственной преступности (основан в 2012 году), где можно ознакомиться с множеством других недавних примеров, охватывающих темы государственной преступности и колониализма, государственной преступности и цифрового сопротивления (Государственный криминальный журнал 2022).

Некоторые зарубежные ученые приняли термин “преступления могущественных”, который включает в себя все темы, которые этот журнал стремится охватить. Например, преступления сильных мира сего Пирса (1976): марксизм, преступность и девиантность; Гробницы и Уайт (2003) “Разоблачение преступлений сильных; “Международный справочник Барака (2015) Роутледжа о преступлениях могущественных, в котором несколько ссылочных материалов о государстве включены в качестве глав в этот отредактированный сборник; Преступления сильных: введение Роте и Каузалича (2016); и Биттл, Снайдер, Томбс и Уайт пересматривают преступления могущественных: марксизм, преступление и отклонение от нормы (2018). Кроме того, растет число статей, касающихся преступлений могущественных держав, которые могут пониматься как преступления государств (и преступления государства-корпорации) [4].

Как показывает значительное число тем, ущерб, виктимизация и издержки, связанные с государственной преступностью, огромны и намного перевешивают издержки, связанные с общеуголовной преступностью, даже несмотря на то, что мы не имеем реальной возможности отслеживать общее число лиц, пострадавших от действий государств, учитывая эти «цифры» не включены в базу данных, в отличие от базы данных, содержащейся в статотчётности о преступности.

Фридрихс (2009 год) справедливо предполагает наличие «обратной связи между уровнем вреда, причиненного какой-либо человеческой (индивидуальной или организационной) деятельностью, и уровнем криминологической обеспокоенности».

Хотя примеров исследований в области государственной преступности предостаточно, думаю, важно отметить, что государства редко действуют самостоятельно, а государственные преступления часто затрагивают корпорации. Как показывает Tombs (2012), штаты и корпорации все чаще находятся в симбиотических отношениях, что приводит к систематическому, рутинному производству преступлений и вреда населению.

Концепция государственно-корпоративной преступности в зарубежных странах впервые появилась в серии документов, представленных в 1990 году (Крамер, 1992 год; Kramer Михаловский, 1990 год). Тем не менее, его истоки и эволюция имеют более чем восьмидесятилетнюю историю совместных усилий, направленных на то, чтобы понять преступления сильных мира сего – от преступлений Сазерленда и преступлений белых воротничков до политических преступлений и преступлений организаций [11].

Тем не менее, Крамер и Михаловский дали наиболее широко цитируемое определение преступления государства-корпорации: «Преступления, совершаемые государством и корпорациями, являются незаконными или наносящими ущерб обществу действиями, которые имеют место, когда один или несколько институтов или органов политического управления преследуют цель прямого сотрудничества с одним или несколькими учреждениями экономического производства и распределения». Преступления, совершаемые государственными корпорациями, все чаще принимают две формы, хотя эти виды часто взаимодействуют друг с другом. В этой связи было проведено различие между преступлениями, совершаемыми при содействии государства, и преступлениями, совершаемыми по инициативе государства [5, p. 171-206].

Следует отметить, что все преступления, совершаемые либо государством, либо корпорациями (корпоративная преступность, государственная преступность), предполагают определенный уровень имплицитного или явного сотрудничества между государствами и корпорациями. Во многих случаях отделение «государственных интересов» от «корпоративных интересов» является весьма проблематичным в связи с пересекающимися повестками дня лиц, занимающих верхние позиции как в государственной, так и в корпоративной иерархии, и многочисленными «звеньями», отраженными в движениях в верхах и вне их уровень государственных и корпоративных позиций. Например, печально известная история со сбережениями и кредитами в США, а также когда регулирующие и консультативные органы просто не справлялись со своими обязанностями (например, неспособность Управления по охране труда и технике безопасности устранить нарушения техники безопасности на заводе Imperial Chicken в Гамлете, штат Северная Каролина, и неспособность FAA посадить [6, p. 12].

Другие более современные примеры исследований государственно-корпоративной преступности подчеркивают необходимость расширения фокуса внимания на государственно-корпоративной преступности для полного призна-

ния ее симбиотического значения (Whyte, 2014), описывают сокрытие государственными корпорациями разлива нефти в Мексиканском заливе в 2010 г. (Bradshaw, 2014) и социальный ущерб от кризиса в Испании, вызванный государственно-корпоративной преступностью (Bernal, Forero, & Rivera, 2014), а также разоблачают слежку Управления национальной безопасности и сотрудничество с ним крупнейших телекоммуникационных компаний (Finley & Esposito, 2014).

Другие авторы пишут о «Мираже пиратов: Государственно-корпоративная преступность в рыболовстве Западной Африки» (Standing, 2015), о нарушениях прав человека государственными корпорациями, таких как практика сжигания газа в факелах в Нигерии (Izarali, 2016), о сговоре и сетях подтасовки заявок и государственно-корпоративной преступности в строительной отрасли (Reeves-Latour & Morselli, 2017), о потере прибрежных земель в результате государственно-корпоративной преступности (Bisschop, Strobl, & Viollaz, 2018), пособничество и налогообложение государствами транснациональных компаний (Evertsson, 2017), рыночная криминология – государственно-корпоративная преступность в нефтедобывающей промышленности (Ezeonu, 2018) [7, p. 515-525].

Это далеко не полный перечень исследований, посвященных государственно-корпоративной преступности, однако потенциальным исследователям в области государственно-корпоративной преступности предлагается целый ряд тем, в которых использовалась данная концепция. Более того, как и в случае с государственной преступностью, огромное количество тем отражает вред, уровень виктимизации и издержки, значительно превышающие таковые от уличной преступности. Однако, эти категории являются лишь абстракцией и скрывают более широкую систему, которая подпитывает как государственную, так и государственно-корпоративную преступность.

Применительно к современному глобальному климатическому кризису можно рассмотреть British Petroleum, Chevron, ConocoPhillips, ExxonMobil и Royal Dutch Shell – пять ведущих публичных нефтяных компаний, на долю которых приходится примерно 11 % глобального потепления в мире, и которые знали об этом очень давно и не только не предпринимали никаких действий, но и активно пытались скрыть эти сведения от широкой общественности (American Association for Justice, 2018, p. 8).

В США лоббистская сила нефтегазовой отрасли, состоящая из 720 лоббистов, в течение 2018 года внесла 124 492 199 долларов США, чтобы гарантировать, что любое новое законодательство позволит отрасли продолжать экономические достижения, сокращение экологического надзора и возможность доступа к этим ресурсам на охраняемых территориях и/или в условиях воздействия на группы меньшинств. Аналогичным образом, угольная промышленность продолжает лоббировать свои интересы, потратив в общей сложности 6 471 000 долларов США в течение 2018 года, игнорируя экологическое воздействие на изменение климата и наиболее уязвимые группы населения, которые окружают эти объекты и работают на них.

Если учесть влияние этих отраслей промышленности, а также соучастие и открытое отрицание государствами климатического кризиса, нельзя не увидеть связь между государством и корпоративной преступностью и нашу роль. В глобальном масштабе влияние на климат крупнейших производителей пластмасс – ответственных за воздействие на окружающую среду их выброшенных на свалку продуктов, которые мы, потребители, покупаем, – оказывают американские корпорации. К ним относятся Coca-Cola (лидер по объему пластиковых отходов), Pepsi, Nestle, Danone, Procter and Gamble.

В связи с рассмотренным выше примером нефти, газа и ископаемого топлива следует отметить, что "современный пластик является искусственным и в значительной степени зависит от ископаемого топлива". Мы не только покупаем еду и напитки в пластиковой таре, но и настойчиво носим с собой бутылки с водой, ароматизированной или нет, в течение всего дня. Мы невольно наносим вред своему здоровью. Масштабы распространения пластика с учетом недавних случаев, таких как обнаруженный на Филиппинах 16 марта 2019 г. мертвый кит, в желудке которого находилось 88 фунтов пластика, к сожалению, уже не являются редкостью [8, p. 220-236].

Точно так же, стоя в очередях в ожидании покупки очередного технологического гаджета, такого как мобильные телефоны, планшеты, компьютеры и другая электроника, мы становимся соучастниками продолжающегося использования рабского труда и пагубных последствий добычи полезных ископаемых, таких как колтан или касситерит, для производства этих товаров.

Индустрия электронных отходов сбрасывает незаконные излишки в странах Юга, что приводит к уничтожению водных путей, земли и людей, поскольку дети и те, кто ищет отходы для продажи, отфильтровывают вредные остатки продукции. Учитывая, что в настоящее время объем электронных отходов в мире составляет около 50 млн. метрических тонн, а к 2025 году ожидается образование 63,705 млн. метрических тонн, что нанесет ущерб наиболее уязвимым группам населения стран Юга [9]. В то же время государственное и корпоративное потребление продолжает увеличивать спрос на другие полезные ископаемые, в том числе на золото. Однако на каждую унцию добытого золота приходится 20 т твердых отходов, включая цианиды и ртуть, загрязняющие воздух, водные пути и среду обитания диких животных [10].

Достаточно вспомнить сотни рекламных роликов во время праздничного сезона в декабре и феврале, подталкивающих потребителей к покупке бриллиантов, чтобы показать, что вы любите «ее». Хотя воздействие добычи алмазов на окружающую среду не столь значительно, как добыча золота, вредные последствия все же имеются. Что еще более важно, в алмазной промышленности по-прежнему существует проблема «кровавых алмазов» – тех, которые связаны с рабским трудом, в том числе детей. Кроме того, на рудниках широко распространены сексуальное насилие и изнасилования девочек и женщин.

Кроме того, следующие 10 корпораций сознательно продолжают использовать детский труд в большинстве случаев в ужасающих условиях. И мы продолжаем, вольно или невольно, быть соучастниками этого. Аналогичным образом, в огромной рыбной промышленности используется рабский труд, как детей, так и взрослых. Одной из наиболее проблемных стран, где это происходит, является рыболовная промышленность в Таиланде, где продукция затем продается по всему миру, попадая в магазины (Walmart, Kroger и Safeway, как несколько примеров) или в рестораны, такие как Red Lobster, где мы, не задумываясь об условиях труда рабов, покупаем морепродукты и потребляем их.

В ответ на разоблачение преступлений и вреда, причиненного корпорациями государству, корпорации «потратили миллионы долларов на изучение способов извинения и

проведение рекламных кампаний, чтобы извиниться перед американцами за обман клиентов и инвесторов, неспособность защитить конфиденциальную личную информацию и неспособность создать рабочие места, где не допускаются сексуальные домогательства» (American Association for Justice, 2018). Имидж и ликвидация последствий подорванного авторитета становятся главной заботой корпораций, а не безопасность граждан, климат или социальная ответственность.

Неолиберализм делает из всех нас демонов, ставя нас перед вынужденным выбором», – говорит Коцко. Учитывая это, ни один человек на мировом сообществе не может легко избежать причастности к государственным и государственно-корпоративным преступлениям хотя бы потому, что он потребляет продукцию, которая, скорее всего, так или иначе связана со страданиями или эксплуатацией человека. Быть связанным в современном обществе – это зачастую быть связанным с корпорациями, которые существуют только для получения прибыли, а не для удовлетворения реальных человеческих потребностей. Мы даем свое согласие на насилие, которое стало нормализованным, банальным, дезавуированным и деполитизированным благодаря культурной гегемонии и гегемонистскому дискурсу, что делает государственные и государственно-корпоративные преступления ненормальной нормой [12, p. 190].

Последний фактор, который необходимо рассмотреть, – это наша реакция на эти преступления, вред и осознание того, что в наше время они не только встроены в неолиберализм, но и обеспечивают наше добровольное участие в их продолжении. Это не означает, что эти вредные явления и преступления присущи только США или нашим современным неолиберальным системам, поскольку это было бы в лучшем случае наивно.

Кроме того, большинство ученых, исследующих государственную и государственно-корпоративную преступность, в целом согласны с тем, что существующая система регулирования должна быть усилена или должны быть приняты дополнительные правила и законы для борьбы с этими преступными проявлениями. Реформирование существующей системы не бросает вызов и не изменит гегемонию капиталистического/гедонистического реализма, поскольку реформирование опирается на ту самую идею, которая изначально способствует возникновению этих проблем [11]. В конце концов, неолиберальная гегемония связана с фатализмом, присущим «капиталистическому реализму», в нем заложена идея о том, что неолиберализму нет жизнеспособных альтернатив, то есть посткапиталистическое будущее немыслимо, учитывая, что капиталистический реализм повсеместно присутствует в нашем мировоззрении, способах бытия, обыденной деятельности.

Хотя мы не можем попасть в ловушки фатализма, слепой оптимизм также ни к чему не приведет. Как напоминает Тэккер, мы не видим других вариантов, кроме тех, что известны нам исторически и в настоящее время. Следовательно, начав думать о том, как мы можем изменить наше будущее, мы можем, по крайней мере, черпать силы и мотивацию из абсолютной уверенности в том, что путь, по которому мы движемся, ведет к катастрофе [11]. Если мы останемся такими, какие мы есть, если мы будем придерживаться редуктивной логики рынка и ненормальности «нормальности» государственных и государственно-корпоративных преступлений и вреда, причиняемого ими, если мы ничем не рискнем и отвернемся от наши самых острых проблем, «многое, что мы ценим, и многое, что мы воспринимаем как должное в наши дни, исчезнет, и жизнь станет намного труднее для подавляющего большинства» [12].

Пристатейный библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russianboston.com/common/humor/story.php/482846?id_cr=.
2. Доун Л. Роте, Школа криминологии и уголовного правосудия, Флоридский Атлантический университет, 777 Глейдс Рд, Бока Ратон, 33431, США. Email: rothed@fau.
3. Американская ассоциация правосудия (2018). Худшее корпоративное поведение в 2018. Retrieved March 17, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.justice.org/sites/default/files/fileuploads/Corporate%20Misconduct%202018.pdf.
4. Энтони Т. «Они обращались со мной как с собакой»: Колониальный континуум государственного вреда в отношении детей коренных народов, содержащихся под стражей на Северной территории, Австралия. State Crime Journal. – 2018. – № 7. – Pp. 251-277.
5. Aulette J., & Michalowski R. Fire in hamlet: Тематическое исследование государственно-корпоративной преступности. In K. Tunnel (Ed.), Political crime in contemporary America (Pp. 171-206). – New York, NY: Garland, 1993.
6. Barak G. Преступления капиталистического государства. – Олбани: State University of New York Press, 1991.
7. Barak G. (Ed.). Routledge international handbook on the crimes of the powerful (pp. 515-525). – Оксфорд, Англия: Routledge, 2015.
8. Bernal C., Forero A., & Rivera I. Государственно-корпоративная преступность и социальный ущерб в условиях испанского кризиса // State Crime Journal. – 2019. – № 3. – Pp. 220-236.
9. Busi-nessWire. – № 4. – 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.businesswire.com/portal/site/home/.
10. Cairoli, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// motoonline.com.au›2018/02/06/cairoli…2018-pre…
11. Winlow, Hall, Treadwell, & Briggs, 2015. – P. 19.
12. Winlow. – 2017. – P. 190 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov10224280/.

ТАРАСОВА Людмила Яковлевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

Тарасова Л. Я.

ПРИЧИНЫ НЕОНАТИЦИДА И ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье автором рассмотрены, на его взгляд, основные причины совершения убийства матерью новорожденного ребенка. Предложены меры профилактики неонатицида. Выводы, сделанные автором, основаны на анализе материалов судебной практики, а также мнения исследователей по данной проблеме.

Ключевые слова: несовершеннолетний, мать новорожденного ребенка, неонатицид, профилактика преступлений, детерминанты преступности.

TARASOVA Lyudmila Yakovlevna
Ph.D. in historical sciences, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

CAUSES OF NEONATICIDE AND ISSUES OF PREVENTION AS A CRIMINOLOGICAL PROBLEM

In the article, the author examines, in his opinion, the main reasons for the commission of murder by the mother of a newborn child. Neonaticide prevention measures have been proposed. The conclusions made by the author are based on an analysis of judicial practice materials, as well as the opinions of researchers on this issue.

Key words: minor, mother of a newborn child, neonaticide, crime prevention, determinants of crime.

Наиболее опасными преступлениями против личности являются преступления против жизни. Жизнь новорожденного охраняется уголовным законодательством Российской Федерации. Вопросы профилактики совершения убийства матерью новорожденного, не перестают оставаться актуальными и обсуждаемыми как в научных кругах, так и различными органами, занимающимися вопросами предупреждения преступлений.

Параллельно с рассматриваемым видом преступления, необходимо рассматривать вопрос женской преступности в современном российском обществе. Таким образом, вопросы предупреждения преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ - убийство матерью новорожденного ребенка, представляются актуальными и требующими решения. Так как рассматриваемое преступное деяние всегда вызывает общественный резонанс, негативную социальную оценку и расценивается обществом, как противоречащее человеческой сущности деяние.

Убийство матерью новорожденного ребенка, как вид убийства, законодателем отнесет к привилегированным видам убийства. Однако хочется заметить, что мотивы совершения данного преступления «банальные», способы совершения жестокие, а последствия ужасные. Поэтому, до настоящего времени в уголовно-правовой доктрине возникают спорные вопросы по поводу отнесения рассматриваемого вида убийства, к убийствам со смягчающими обстоятельствами. По мнению Е. В. Клевцовой, М. В. Пугацкого, это связано как со спецификой самого деяния, так и с особенностями уголовно-правовой конструкции статьи. Кроме того, исследователи указывают, что комплекс уголовно-правовых мер, направленных на борьбу с этим преступлением, всё ещё несовершенен, что не способствует повышению безопасности жизни ребенка [3, с. 354-360].

Изучая различные статистические данные, мы столкнулись с тем, что в официальной статистике правоохранительных органов, ст. 106 УК РФ отдельно не выделяется[1]. В нашем исследовании мы будем ссылаться на имеющиеся данные в научных источниках по данной проблематике, на анализ судебных решений, данных из средств массовой информации, а также социологические исследования. При этом необходимо учитывать высокую латентность данного преступления. По мнению А. С. Дубовик, число не выявленных преступлений в 8 раз больше числа зарегистрированных материалов. Количество убитых новорожденных, которых ежегодно находят на улицах, в мусорных баках, подъездах и иных местах, составляет от 15 до 20 трупов [2, с. 42]. Исследователи отмечают, что, несмотря на неуклонное снижение числа убийств рассматриваемой категории до 2015 года, в последние годы наблюдается их рост [5]. В. П. Кутина отмечает, что в последнее время более чем вдвое выросло число убийств матерями новорожденных детей [4]. По официальной статистике МВД России, в 2015 г. было совершено 98 преступлений, в 2016 г. – 77, в 2017 г. – 72, в 2018 г. – 88, а за первое полугодие 2019 г. было совершено 11 преступлений [6, с. 218-220].

Таким образом, на фоне высокого развития современного общества, достижений в науке и технике, совершение убийства матерью своего новорожденного ребенка, является преступлением, которое представляет опасность для общества в целом, показывает деградацию общества. Данные по-

1 Сайт МВД РФ. Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/40874008/, Сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://crimestat.ru/ (дата обращения 14.09.2003).

казатели свидетельствуют о том, что общество в целом, а правоохранительные органы в частности, принимают недостаточные меры для профилактики рассматриваемого вида преступления, что приводит к вопросу о более углубленном изучении причин совершения данного преступления и мер профилактики и эффективность уже имеющихся. Мы рассмотрим на наш взгляд, чаще встречающиеся причины совершения данного преступления, выявленные при изучении материалов практики и меры предупреждения.

Развитие современного общества все больше требует активного участия женщины в общественном производстве, тем самым ослабляются социальные институты семьи и материнства, возрастает напряженность в обществе и в семейных отношениях. Мы согласны с мнением А. В. Штефана, о том, что наличие криминогенной ситуации внутри семьи, которая, как правило, характеризуется достаточно высоким уровнем обострения противоречий, возникших или уже существующих среди ее членов [7, с. 66]. Так судом установлено, что Труфанова Д. Б. состоящая в браке и имеющая четырех детей, которые рождены в медицинском учреждении, осенью 2019 года поняв, что забеременела, допуская, что ребенок не ее мужа, решила скрыть от всех свою беременность. На учет в женскую консультацию не встала. Когда беременность стала заметна для окружающих, она рассказала мужу и его матери о беременности. У мужа были подозрения относительно отцовства в отношении этого ребенка, он не желал принимать его в их семью в случае его рождения. После рождения живорожденного ребенка, подсудимая лишила его жизни, путем удушения. Ее муж, в своих показаниях указал, что беременность жены была нежелательна ввиду жилищных условий и финансовых трудностей. Кроме того, у него имелись сомнения относительно его отцовства, о чем он говорил жене. В день родов, придя домой, увидел в квартире тряпку со следами крови. Задал по этому поводу вопрос жене, она ответила, что накануне родила мертвого ребенка, которого закопала в огороде[2].

При изучении приговоров, которые мы объединили по признаку криминогенной ситуации внутри семьи, пришли к следующим выводам, что преступления совершаются на фоне конфликта между родителями будущего ребенка, в большинстве случаев это многодетные семьи (многодетные женщины), лица, ведущие асоциальный образ жизни. На наш взгляд, необходимо усилить профилактические мероприятия с участием участкового уполномоченного полиции, как лица, владеющего информацией о семьях, проживающих на обсуживаемом участке и специальных социально-реабилитационных центров для беременных женщин, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Говорить о недостаточном количестве центров, которые оказывают беременным женщинам помощь не приходиться[3]. Необходимо проводить разъяснительную работу, осуществлять контроль над семьями, отдельно за женщинами, ведущими антиобщественный образ жизни. Возможно, вернуться к вопросу о «беби-боксах», развитие которых в России началось в 2011 году. Однако в первом чтении 8 декабря 2020 года Госдума отклонила законопроект о беби-боксах[4], было предложено регионам самим решать данный вопрос. Но регионы не спешат с принятием решения. По нашему мнению, потому что, в основе лежат понятия нравственности и морали. В применении беби-боксов большинство видят расшатывание устоев семьи. Однако семья, в определенной мере лишилась прежнего значения регулятора поведения, ослабились ее контрольные способности. «Беби-боксы» считаются легкодоступными методами избавления от новорожденного. Однако, по имеющимся данным с 2011 года до 2019 год в Краснодарском крае 26 детей были помещены в «беби-боксы» и им оказана надлежащая помощь[5]. При проведении исследования мы обратили внимание на то, что мало случаев случайного оставления, «подбрасывания» детей в родильные дома, детские больницы, религиозные организации и т.п. При профилактике необходимо исходить из установления причин совершения преступления женщиной, находилась ли она в кризисной ситуации или умышленно решила лишить новорожденного жизни. Необходимо проведение как общих мероприятий, для определенной категории женщин, так и индивидуальных, для несовершеннолетних беременных, будущих матерей-одиночек и т.д.

Тяжелое материальное положение в семье, как причину детоубийства, не стоит не учитывать. В изученных нами приговорах по ст. 106 УК РФ[6], более чем в 35 % случаев, суды указывают на материальное положение матерей, примерно в 83 % случаев, материальное положение характеризуется как тяжелое. Например, в приговоре Ессентукского городского суда Ставропольского края в отношении Хисматулиной О. Г. суд указал, что она, имея на иждивении двух малолетних детей, работает в пекарне и не имеет высокого заработка, находится в тяжелом материальном положении[7]. Кроме того, необходимо учитывать, что рассматривая дело в особом порядке, суды не интересуются вопросами материального положения. В ходе рассмотрения дела в отношении Харисовой Л. М. в приговоре указано, что она родила жизнеспособного ребенка, поместила в полиэтиленовый пакет, оставила за заданием магазина, в котором сама работала. Опасаясь потерять работу, практически сразу зашла в магазин и приступила к работе, при этом осознавая, что ребенок находится в опасном для жизни и здоровья состоянии, лишен возможности принять меры к самосохранению по малолетству и

2 Приговор Лузского районного суда (Кировская область) в отношении Труфановой Д. Б. Приговор № 1-49/2020 от 17 июля 2020 г. по делу № 1-49/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/uHWs38USxdZm/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения: 18.09.2023).

3 60 приютов для женщин в кризисной ситуации. Режим доступа: https://foma.ru/60-priyutov-dlya, Безопасное место: как устроены кризисные центры помощи женщинам в трудной ситуации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/russia/article/876909-centr-krizis-pomosch-zhenschiny. Центр медико-социальной поддержки беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pericentr.ru/center/(дата обращения: 18.09.2023).

4 В России решили сохранить беби-боксы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://katun24.ru/news/635258 (дата обращения: 18.09.2023).

5 Избавление или спасение? Почему в РФ сворачивают проект с бэби-боксами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kuban.aif.ru/society/izbavlenie (дата обращения: 18.09.2023).

6 Sudakt.ru

7 Приговор Ессентукского городского суда Ставропольского края в отношении Хисматулиной О. Г. Приговор № 1-125/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 1-125/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc (дата обращения: 14.09.2023)

беспомощности, а также возможного воздействия уличной температуры и животных, то есть заведомо новорожденного ребенка оставила в опасности. Только спустя 1 час, новорожденный ребенок был обнаружен директором данного магазина и ему врачами была оказана квалифицированная медицинская помощь[8].

Статистика убийств связана не только с экономическим благополучием государства, но и каждой личности в отдельности. В данном случае применение общесоциальных мер профилактики, таких как: обеспечение благосостояния и надлежащего уровня жизни, осуществления комплекса крупномасштабных и в основном долгосрочных экономических программ. Необходимо сделать доступными государственные программы по поддержке многодетных, малообеспеченных семей, повысить заработные платы работникам всех отраслей, увеличить пенсии и пособия, улучшить жилищные условия, т.е. повысить уровень жизни людей, его качество, уменьшить тревожность граждан из-за нехватки денежных средств [1, с. 36]. По имеющимся программам, необходимо проводить разъяснительную работу, доводить это для сведения женщин детородного возраста, находящихся в социально опасном положении. При это обеспечивать взаимодействие различных ведомств и служб, включая учреждения социального обслуживания.

В материалах практики встречается довольно часто следующая причина совершения преступления, это нежелание воспитывать ребенка вне брака, общественное порицание за отказ от ребенка. Желание женщины скрыть беременность и роды встречается в приговорах очень часто. Так в приговоре в отношении Фофановой В. В. указано, что вследствие нежелания воспитывать ребенка, осуществлять уход за ним и опасений неустроенности личной жизни, находясь в тяжелом материальном положении и не желая заботиться о ребенке, она не приняв меры к передаче новорожденного в какое-либо медицинское учреждение либо к вызову медицинских работников или других лиц для оказания помощи новорожденному, покинула место происшествия[9]. Нежелательная беременность порождает вышеуказанные последствия, считаем целесообразным продолжить работу приютов, для несовершеннолетних с девиантным поведением и оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Всесторонняя помощь со стороны работников данных учреждений, беременным девушкам, оказавшимся вне семьи и не имеющим материальной и моральной поддержки, будет способствовать сохранению жизни младенца и его матери.

Подводя итог, мы пришли к следующим выводам: профилактическая работа должна проводиться органами различного уровня и подчиненных различным ведомствам во взаимодействии. С четкой координацией действий и согласованными мерами профилактики. Проведение просветительской работы, направленной на укрепление семейных ценностей, своевременное выявление лиц женского пола, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также склонных к совершению детоубийства, а также имеющих судимость за данный вид преступления. Женщин, страдающих психическими расстройствами, постоянного надзора за ними. Таким образом, при достаточной криминологической диагностике семейных отношений, возможно сокращение уровня преступных действий в отношении новорожденных детей.

Пристатейный библиографический список

1. Дрожжа Ю. С. Предупреждение убийств детей. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015.
2. Дубовик А. С. Установление психотравмирующей ситуации при убийстве матерью новорожденного ребенка // Вестник науки и образования. - 2019. – № 16 (70).
3. Клевцова Е. В., Пугацкий М. В. Проблемы профилактики убийства матерью новорожденного ребенка // Основные тенденции развития российского законодательства. – 2019.
4. Кутина В. П. Насильственная женская преступность и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006.
5. Сердюк Л. В. Детоубийство: вопросы правовой оценки // Российская юстиция. 2003. – № 11.
6. Честнова П. И., Волков А. С. Причины убийства матерью новорожденного ребенка и проблемы предупреждения // Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Том Выпуск 9. Под редакцией В. В. Бехер, Н. Н. Лайченковой. – Саратов, 2021.
7. Штефан А. В. К вопросу об изучении причин, способствующих совершению убийства матерью новорожденного ребенка // Криминология. – 2015.

8 Приговор Черемшанского районного суда Республики Татарстан в отношении Харисовой Л. М. Приговор № 1-2/2020 1-60/2019 от 15 января 2020 г. по делу № 1-2/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/tpfDT1dFTqVh/?page (дата обращения: 14.09.2023).

9 Приговор Балезинский районный суд Удмуртской Республики в отношении Фофановой В. В. Приговор № 1-111/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-111/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/JA4za98j475Q (дата обращения: 14.09.2023).

ШЕРСТЯНЫХ Александра Сергеевна
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России

Шерстяных А. С.

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Со времен пандемии цифровизация прочно вошла в быт современного человека, что с одной стороны, открывает широкие перспективы в развитии общества, а с другой – породило такое явление современного сообщества как киберпреступность. Это преступления, которые совершаются с помощью современных информационных технологий и компьютерных систем. Наиболее часто встречаемыми видами преступлений являются: кража персональных или конфиденциальных данных, мошенничество, атаки на компьютерные сети, нарушение работоспособности компьютерных систем и оборудования, находящегося под их управлением, кибершпионаж и многое другое. Целью атак киберпреступников могут быть как отдельные пользователи, так и финансовые или коммерческие организации, правительственные структуры и т.п. Киберпреступность имеет далеко идущие последствия для жертв, экономики и общества. Результаты ее воздействия приводят к финансовым потерям, подрыву репутации, угрозе национальной безопасности, а также вносят определенный вклад в дестабилизацию общества.

В статье рассматриваются основные виды киберпреступности, а также способы противодействия и правила технический самозащиты граждан от такого рода преступлений.

Ключевые слова: киберпреступность, информационное пространство, персональные данные, безопасность, профилактика, компьютерные технологии.

SHERSTYANYKH Alexandra Sergeevna
Ph.D. in technical sciences, associate professor, associate professor of Information and legal disciplines and special technique sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia

CYBERCRIME: CURRENT STATE AND DIRECTIONS OF COUNTERACTION

Since the pandemic, digitalization has firmly entered the life of modern people, which, on the one hand, opens up broad prospects for the development of society, and on the other hand, has given rise to such a phenomenon of modern society as cybercrime. These are crimes that are committed with the help of modern information technologies and computer systems. The most common types of crimes are: theft of personal or confidential data, fraud, attacks on computer networks, disruption of computer systems and equipment under their control, cyber espionage and much more. The target of attacks by cybercriminals can be individual users, financial or commercial organizations, government agencies, etc. Cybercrime has far-reaching consequences for victims, the economy and society.

The article discusses the main types of cybercrime, as well as methods of counteraction and rules for technical self-defense of citizens from this type of crime.

Keywords: cybercrime, information space, personal data, security, prevention, computer technology.

Не секрет, что пандемия дала существенный толчок цифровизации общества. Этот процесс уже не остановить, он только набирает обороты. Но эволюция общества в этом направлении имеет и оборотную сторону: мошенники тоже на стоят на месте, а используют передовые технологии себе на пользу. Киберпреступность – оборотная сторона повсеместного внедрения информационных технологий в нашу жизнь, противодействие которой необходимо как со стороны государства, так и со стороны каждого члена цифрового сообщества, в котором мы все сосуществуем.

По прогнозам специалистов в 2023 году ожидается существенный рост кибератак на российские компании, а также количества преступлений, связанных с кражей персональных данных, вымогательства, мошенничества и пр. [6]. Статистика киберпреступлений демонстрирует тенденцию к росту: по данным раздела «Статистика и аналитика» официального сайта МВД России за семь месяцев текущего года на 27,9 % возросло количество зарегистрированных такого рода преступлений.

Поскольку киберпреступность появилась сравнительно недавно, то является еще не до конца изученным явлением, и методы борьбы с нею находятся (и еще долго будут находиться) в стадии формирования.

Наиболее часто встречаемыми видами преступлений являются: кража личных данных; финансовое мошенничество; кража интеллектуальной собственности; кибершпионаж; вымогательство; взлом сетей; рассылка спама; дезинформация в целом; вывод оборудования из строя [4]. И как следствие всего этого – кража денежных средств, утечка персональных или конфиденциальных данных, ущерб репутации. В качестве инструментария киберпреступники чаще всего используют фишинг, вирусные атаки, DDoS-атаки, взлом (хакинг) и телефонное мошенничество.

Еще одним трендом современности является использование мошенниками методов социальной инженерии. Со-

циальная инженера – это психологические приемы манипулирования людьми с целью получения от них определенной информации. Информация, которую стремятся заполучить кибермошенники может быть совершенно разной, но чаще всего это информация личного характера – персональные или конфиденциальные данные, реквизиты банковских карт, данные для входа в различные аккаунты. При рассылке писем с вредоносным вложением также используются методы социальной инженерии, призванные заставить потенциальную жертву открыть вложенный файл или перейти по ссылке.

В последнее время мошенники все чаще стали представляться сотрудниками поддержки портала госуслуг. Что в общем-то не удивительно. Ведь на портале агрегируется практически вся информация о человеке: паспортные данные, налоговые декларации, перечень имущества, история болезни и много, многое другое. Получив доступ к таким данным, мошенники могут, например, оформить кредит в микрофинансовой компании, где не очень трепетно относятся к проверке клиентов. Следует помнить, что техподдержка портала никогда не будет просить данные логина и пароля для входа на портал. Дополнительно рекомендуется подключить двухфакторную идентификацию (кроме логина и пароля для входа на портал потребуется ввести код из смс).

Мошенничество в соцсетях тоже претерпевает свои изменения. Если раньше популярно было подобрав пароль к аккаунту во «ВКонтакте» или «Одноклассниках», разослать всем друзьям из списка жертвы письмо с финансовой просьбой, то сейчас мошенники действуют более изощренно. Все больше мошеннических действий происходит в «Telegram» (видимо ввиду возросшей популярности этого мессенджера). Зимой 2023 года в мессенджере участились рассылки мошеннических сообщений, направленных на кражу конфиденциальных данных, с целью получения контроля над аккаунтом или каналом (группой). Сообщения направлены на выманивание учетных данных и могут содержать небезопасные вложения, имитирующие различные документы.

Например, в июне этого года была рассылка писем о том, что адресат письма попал в новый список мобилизованных [5]. Для повышения доверия жертвы мошенники подделывали адрес отправителя, чтобы он выглядел как адрес государственной структуры. Темы писем были связаны с мобилизаций, например, «Сверка документов Военкомат», «Призыв по мобилизации», «Список призывников 2023», «Мобилизация 2023» и т.п. Содержание письма должно заинтересовать пользователя и принудить его открыть вложенный файл или скачать его по предлагаемой фишинговой ссылке. Вложение содержит троянскую программу DCRat, позволяющую записывать последовательности нажатия клавиш, делать снимки экрана, и отправлять это хозяину по электронной почте. Анализируя полученную информацию, злоумышленники могут выявить учетные данные пользователей, позволяющие получить контроль над аккаунтом (или проникнуть в корпоративную сеть).

В сети гуляют фейковые рассылки с просьбой проголосовать за ребенка; перечислить деньги на лечение больного пациента, приюту для бездомных животных; получить выплату в отделении соцзащиты; получить приз; пройти различные опросы и т.п. На зданиях, в подземных переходах размещают сообщения подобного рода, содержащий QR-код для перехода на фишинговый сайт.

Летом 2023 года мошенники создали поддельный аккаунт руководителя одной из образовательных организаций Республики Коми и от его имени разослали сообщения подчинённым сотрудникам. По словам начальника отдела комплексной безопасности и информатизации министерства образования и науки республики Коми Виктории Быстровой [1], в сообщении говорились о том, что с ними вскоре свяжутся сотрудники Министерства просвещения и/или Министерства внутренних дел, и все должны оказать им полное содействие. Но фейковый аккаунт вовремя выявили и заблокировали.

Профилактикой киберпреступлений занимаются государственные, финансовые структуры; банки и финансовые организации. Создаются видеоролики по безопасному поведению в сети, в том числе и для детей. Они размещаются в интернете, на сайтах образовательных организаций (школ, вузов и т.д.), на телеканалах; соответствующие листовки вывешиваются в различных общественных местах (аптеках, магазинах, государственных учреждениях и пр.). В сети существует множество образовательных сайтов по финансовой грамотности для пользователей различных возрастов (моифинансы.рф, fingramota.org, vashifinancy.ru, profinansy.ru, fincult.info, урокцифры.рф и др.). В школах проводятся специальные уроки по цифровой грамотности.

Кроме того, в целях повышения информационной безопасности кампаний, работающих в сфере критической информационной инфраструктуры[1], создана и функционирует Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА). Система предназначена для сбора информации о различного рода уязвимостях информационных систем и киберинцидентах. Все предприятия и организации сферы критической информационной инфраструктуры обязаны к ней подключиться. Это подключение не обеспечивает государственную защиту информационной инфраструктуры организации (по-прежнему информацию должен защищать ее владелец), но позволяет быть в курсе последних событий в области кибербезопасности. Функция защиты субъектов критической информационной инфраструктуры возлагается на систему корпоративных центов (государственных или частных). По сути, такая система представляет собой единый комплекс центров различного масштаба, обменивающихся информацией о киберинцилетах и кибератаках.

В ноябре 2022 года появился российский сервис разведки уязвимостей и утечек данных, а также мониторинга мошеннических ресурсов в DarkNet – DLBI (Data Leakage & Breach Intelligence). Услуги, предоставляемые сервисом [2]:

– анализ информационной безопасности сетевой и серверной инфраструктуры кампании;

1 К таким объектам относятся предприятия и организации работающие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сферы, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности.

– исследование и оценка безопасности хранилищ данных на предмет защищенности от несанкционированного доступа;

– мониторинг предложений о продаже персональных данных на различных мошеннических ресурсах интернета и группах в Telegram.

Вот примеры достаточно больших утечек персональных данных в июле-августе 2023 года (по данным телеграмм канала «Утечки информации» сервиса DLBI [3]):

– персональные данные детей и их родителей из базы данных международного детского центра (лагеря) «Артек». В файле содержится 747 тыс. строк, содержащих ФИО, номера телефонов ребенка и родителя, а также документы, удостоверяющие личность;

– выложены файлы, содержащие персональные данные 7 344 тыс. клиентов сети медицинских лабораторий «Хеликс» (ФИО, номер телефона, адрес электронной почты, СНИЛС);

– данные 2 194 тыс. покупателей интернет-магазина косметики и парфюмерии «Подружка» (имя/фамилия, номер телефона, адрес электронной почты, хешированный пароль).

При этом, пользователям социальный сетей и мессенджеров необходимо быть бдительными и стараться не допустить кражу учетных данных. Для этого рекомендуем соблюдать несколько простых правил:

1. не открывать письма от незнакомых отправителей (а если все-таки открыли, то не скачивать вложенные файлы и не переходить по предложенным ссылкам);

2. для входа в аккаунт включить двухфакторную идентификацию;

3. в мессенджерах воспользоваться возможностью скрыть телефонный номер;

4. установить запрет на добавление в каналы без Вашего согласия (во всех мессенджерах есть возможность добавлять любых пользователей во всевозможные группы и каналы);

5. периодически проверять активные сеансы (просматривать, когда и с помощью каких устройств был осуществлен вход в аккаунт. Если обнаружены подключения, которые Вы не выполняли, то скорее всего аккаунтом завладел кто-то другой и нужно срочно поменять пароль).

Таким образом, киберпреступность – это явление, затрагивающее все сферы жизнедеятельности общества. Она угрожает стабильности государственных структур, работе финансовых учреждений, финансовому благополучию граждан. Именно поэтому оно требует адекватного противодействия как со стороны государства, так и со стороны всех заинтересованных структур. Поскольку кибератаки направлены преимущественно на человека, то прежде всего необходимо предпринять меры по повышению цифровой грамотности населения в области информационной безопасности, наряду с обеспечением современных технических средств защиты информационных систем.

Пристатейный библиографический список

1. «IT-регион»: как противостоять кибермошенникам // БНК: информационное агентство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bnkomi.ru/data/news/161759/ (дата обращения: 15.09.2023).
2. Data Leakage & Breach Intelligence – официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dlbi.ru/ (дата обращения 15.09.2023).
3. Дайджест телеграм-канала «утечки информации» за июль и август 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dlbi.ru/leak-digest-july2023/
4. Дауров А. И. Факторы, оказывающие влияние на состояние борьбы с киберпреступностью в современном мире // Пробелы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 155-158. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46418712_88444802.pdf (дата обращения: 14.09.2023).
5. Россиян предупредили о хакерской рассылке про мобилизацию // Lenta.ru – новостной сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2023/06/10/hakers/ (дата обращения: 15.09.2023).
6. Эволюция киберпреступности. Анализ, тренды и прогнозы 2022/2023: ежегодный флагманский отчет Group-IB об актуальных трендах в сфере кибербезопасности и прогнозах эволюции ландшафта угроз. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.facct.ru/resources/research-hub/hi-tech-crime-trends-2022 (дата обращения: 13.09.2023).

ВОДНЕВА Ксения Владимировна
адъюнкт кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, г. Владивосток, капитан полиции

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК СОВРЕМЕННЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЕ ПРОФИЛАКТИКЕ

В статье определено понятие преступлений в сфере информационных технологий, выявлена общественная опасность указанной группы преступлений на современном этапе и определен перечень общественно опасных уголовно наказуемых деяний, которые охватываются понятием «преступления в сфере информационных технологий». Также в статье сформулирован перечень мер, которые направлены на предупреждение преступлений в сфере информационных технологий. В частности, рассмотрены такие их группы как меры общесоциального предупреждения, т.е. меры по улучшению обстановки в обществе в целом, косвенно оказывающие влияние на состояние преступности, и меры специального предупреждения таких преступлений, т.е. меры, основная цель применения которых заключается именно в предупреждении преступлений в сфере информационных технологий. Указанные меры касаются совершенствования работы учреждений и организаций, использующих информационные технологии, просвещения граждан и т.д.

Ключевые слова: информационные технологии; преступления; предупреждение преступлений; общесоциальные меры; специальные меры.

VODNEVA Kseniya Vladimirovna
adjunct of Criminal policy sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia, Vladivostok, captain of justice

CRIME PREVENTION IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY AS MODERN CRIMINOLOGICAL KNOWLEDGE ABOUT CRIME PREVENTION

The article defines the concept of crimes in the field of information technology, identifies the public danger of this group of crimes at the present stage and defines a list of socially dangerous criminally punishable acts that are covered by the concept of "crimes in the field of information technology". The article also contains a list of measures aimed at preventing crimes in the field of information technology. In particular, such groups of them are considered as measures of general social prevention, measures to improve the situation in society as a whole, indirectly influencing the state of crime, and measures for the special prevention of such crimes, i.e. measures whose main purpose is precisely to prevent crimes in the field of information technology. These measures relate to improving the work of institutions and organizations using information technology, educating citizens, etc.

Keywords: information technologies; crimes; crime prevention; general social measures; special measures.

Предупреждение преступности и профилактика правонарушений не могут успешно осуществляться без научного исследования состояния преступности как социального процесса причин и условий, ее обуславливающих.

С каждым годом компьютерная информация приобретает все большую общественную значимость. В современном мире значительная часть людей не представляет свою жизнь без информационных технологий. В отрасли информационных технологий ведется активная работа по созданию, разработке и эксплуатации информационных систем. Снижение затрат времени, труда, энергии и материальных ресурсов посредством использования средств коммуникации и программного обеспечения достигается благодаря развитию сферы информационных технологий. Вместе с тем, необходимо сказать о том, что стремительно развивающийся процесс информатизации общества, в том числе путем компьютеризации, приводит к увеличению количества преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий [3, с. 301].

Преступления в сфере информационных технологий – это противоправные общественно опасные деяния, причиняющие вред разнородным общественным отношениям, совершаемые с использованием информационных технологий, информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей [4, с. 44].

В первую очередь к преступлениям в сфере информационных технологий, ответственность за которые установлена нормами Уголовного кодекса РФ [1] (УК РФ), можно отнести следующие общественно опасные противоправные деяния:

– хищения, совершенные с использованием электронных средств доступа (например, ст. 159.3 «Мошенничество с использованием платежных карт»; ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации»).

– преступления в сфере компьютерной информации (ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации»; ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»; ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей»; ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации») [2, с. 748].

Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий, порождают ряд социальных, правовых, организационных, а также технологических проблем в области обеспечения безопасности страны и общественной безопасности, поддержания общественного порядка. Таким образом, проблемы противодействия преступности этого вида выходят на первый план по своей значимости [8, с. 102].

Предупреждение и профилактика преступности в сфере информационных технологий на сегодняшний день является одним из основных направлений деятельности органов государственной власти по противодействию данному виду преступности и выявлению лиц, их совершивших [7, с. 459].

Предупреждение рассматриваемой группы преступлений осуществляется в числе прочего общесоциальными мерами. В структуру общесоциального уровня входят меры, направленные, прежде всего, на решение комплексных социальных проблем, но оказывающие положительный эффект на процессы детерминации преступности. При осуществлении указанных мер отсутствует непосредственная цель воздействия на криминогенные процессы, протекающие в обществе, однако решение общесоциальных проблем оказывает косвенное воздействие и на условия (иногда и на причины) совершения конкретных видов преступлений. Применительно к системе предупреждения высокотехнологичной преступности можно выделить несколько направлений общесоциального воздействия:

1) Экономические меры. К общеэкономическим предупредительным мерам можно отнести создание условий для

экономического роста и повышения конкурентоспособности национальной экономики, ликвидации бюрократических барьеров и снижения уровня коррупции, повышения производительности труда и т.д.;

2) Социальные меры. Данные меры предусматривают противодействие процессам социального и имущественного расслоения в обществе, устойчивую социальную политику, направленную на своевременное и качественное решение социальных вопросов; функционирование системы личной безопасности граждан, а также решение отдельных остросоциальных вопросов, таких как достойная оплата активной трудовой деятельности, наличие безопасных и высококачественных товаров и услуг и т.д.;

3) Научно-технические меры общесоциального предупреждения преступлений. Данные меры включают государственную поддержку системы целевых фундаментальных и прикладных исследований как необходимого элемента научного обеспечения национальной безопасности государства; расширение сети научно-исследовательских и образовательных учреждений, обеспечивающих разработку научных исследований в сфере высоких технологий и подготовку соответствующих специалистов; разработку современных цифровых технологий и перспективных образцов наукоемкой продукции; модернизацию производственного цикла и т.д. [5, с. 236].

В научной литературе предлагаются следующие специальные меры предупреждения преступлений в сфере информационных технологий:

1) Разработка аудио- или видеороликов, информирующих население о возможных противоправных деяниях, совершаемых с помощью компьютерных технологий. Данные ролики можно озвучивать в общественном транспорте, местах массового скопления граждан (рынки, вокзалы, торговые центры). Кроме того, значительную пользу в предупреждении киберпреступности приносят информационно-просветительские мероприятия в отношении новых рисков и угроз в информационных и компьютерных системах. Важным фактором является также надлежащее отношение к соответствующей компьютерной информации, осознание её ценности и возможных рисков, принятие необходимых мер ограничение доступа к ней, использование лицензированных компьютерных программ и антивирусных софтов для защиты компьютера от незаконного взлома [7, с. 460];

2) Проведение ознакомительных и образовательных лекций, курсов для граждан государства, в первую очередь, социально незащищённых категорий и пожилых людей в целях повышения осведомлённости старшего поколения о современных технологиях и возможностях их применения, о соблюдении кибергигиены, умения распознавать кибермошенничество и т.д. [6, с. 249];

3) В сфере противодействия легализации доходов, связанных с киберпреступностью с целью их предупреждения возможно совершенствование нормативно-правового обеспечения. Считается возможным введение обязательной идентификации при личном контакте клиентов, пользующихся услугами дистанционного обслуживания или электронных платежных систем; признание электронных документов и других электронных данных в качестве доказательной базы при расследовании киберпреступлений; снижение количества анонимных платежей и переводов денежных средств; введение сертификации электронных платежных средств; четкая регламентация механизмов взаимодействия между клиентом и банком, между банком отправителя денег и банком получателя средств, в случае несанкционированного списания средств клиента;

4) С целью предупреждения киберпреступлений банковскими учреждениями могут внедряться следующие технические и организационные мероприятия: периодический осмотр банкоматов для выявления незаконно установленных устройств; внедрение для клиентов банка карт с микропроцессором (чипом), как более защищенных от подделки; ведение единого «черного» списка счетов (идентификационных кодов, IP-адресов) мошенников для своевременного блокирования операций; требования двухфакторной/двухканальной аутентификации; использование токенов для хранения электронных цифровых подписей; обязательное информирование клиентов о каждой проведенной операции; подтверждения платежа в телефонном режиме; привязка ключа клиента к серийному номеру жесткого диска/флэш накопителя, делает невозможным копирование ключей Клиент-Банка и доступ к странице клиента с помощью других компьютеров; использование ряда логических правил для типовых/нетиповых/подозрительных платежей в системе Клиент-Банк; использование клиентом отдельного компьютера, который предназначен только для системы Клиент-Банк (Интернет-банкинг), с настроенными сетевыми фильтрами; статистический анализ трафика сетевыми протоколами учета трафика для выявления аномалий; введение лимитов на проведение операций в сети Интернет и в определенных рисковых странах [2, с. 751-752];

5) Меры, направленные на обеспечение безопасности безналичных платежей. Безналичные способы оплаты активно развиваются и особое место среди них занимают операции, осуществляемые с помощью банковских карт. Помимо того, что люди расплачиваются картами в магазинах, используют их в банкоматах, они активно пользуются сервисами онлайн-магазинов, в которых для совершения оплаты необходимо введение дополнительного кода безопасности. С такими операциями следует быть особенно осторожными, т.к., зная данный код, злоумышленники могут совершить операции с картой без участия владеющего лица. Такие платежи следует совершать, если есть уверенность в данном онлайн-магазине, или же если транзакция происходит в режиме реального времени и данные карты не будут сохранены в памяти используемого магазина. Для обеспечения безопасности владельцев пластиковых карт при их использовании в банкоматах установлены различные способы защиты (камера, красящие кассеты, антискиммингoвые устройства). При использовании пластиковой карты для платежей в сети Интернет используется защищенный режим браузера, либо режим реального времени. Но все же это не дает стопроцентной гарантии безопасности и следует убедиться в надежности совершаемых операций [7, с. 460].

Таким образом, преступления в сфере информационных технологий характеризуются достаточно высокой общественной опасностью и на сегодняшний день приобрели достаточно широкое распространение. Борьба с указанной группой преступлений должна осуществлять как нормами уголовного права (установление уголовной ответственности за те или иные противоправные деяния в сфере информационных технологий), так и мерами, направленными на предупреждение преступлений в сфере информационных технологий. При этом меры предупреждения должны носить как общесоциальный, так и специальный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
2. Виноградов И. А., Марчевский Н. К. О необходимости совершенствования мер по предупреждению киберпреступлений // Аллея науки. - 2018. - № 10. - С. 748-753.
3. Диденко К. В., Бочарникова Л. Н., Устинова В. В. К вопросу о предупреждении преступлений в сфере информационных технологий, совершаемых на территории Российской Федерации // Современный ученый. - 2020. - № 5. - С. 301-305.
4. Колчевский И. Б., Бицадзе Г. Э. Преступления в сфере информационных технологий: понятие, структура // Научный портал МВД России. - 2021. - № 2. - С. 40-47.
5. Оленкова Е. Н. Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий: материалы Всероссийской научно-практической конференции. - М., 2021. - С. 235-239.
6. Шейбак О. И., Танимов О. В. Основные направления борьбы с киберпреступностью // Инновационные подходы в решении научных проблем. - Уфа, 2020. - С. 241-251.
7. Шумилин В. П. Методы борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. - 2021. - № 1. - С. 456-462.
8. Эсенбулатова Э. Х. Меры профилактического воздействия на преступления, совершаемые в сфере информационных технологий // Уголовное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования. - Махачкала, 2019. - С. 102-105.

ИЗЮМОВ Игорь Владимирович
кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

В статье анализируются правовые отношения в области противодействия коррупции и общественные отношения направленные на взаимодействие государства с гражданским обществом по вопросам профилактики коррупции, а также правоприменительная практика.

Ключевые слова: коррупция, прокуратура, надзор, правовое регулирование.

IZYUMOV Igor Vladimirovich
Ph.D. in Law, associate professor of Humanitarian sciences and technologies sub-faculty of the Tyumen Industrial University

LEGAL REGULATION OF ANTI-CORRUPTION PROSECUTOR'S OFFICES

The article analyzes legal relations in the field of anti-corruption and public relations aimed at the interaction of the state with civil society on the prevention of corruption, as well as law enforcement practice.

Keywords: corruption, prosecutor's office, supervision, legal regulation.

Борьба с различными проявлениями коррупции считается важнейшей государственной задачей и приоритетным направлением работы органов прокуратуры. Учитывая особый статус, предусмотренный ст. 129 Конституции РФ, органы прокуратуры рассматриваются в данной работе ключевым исполнителем государственного надзора за соблюдением антикоррупционного законодательства [1].

Тем более, законодателем прокуратура рассматривается в качестве координирующего органа по борьбе с коррупцией (п. 6 ст. 5 Закона о противодействии коррупции).

Одно из центральных мест в структуре правового регулирования занимает ранее упомянутый Национальный план, который потенциально заметно расширяет полномочия прокуроров, увеличивает перечень объектов и инструментов их проверки на предмет соблюдения антикоррупционного законодательства, следовательно, прогнозируется изменения правовой базы в рассматриваемой сфере.

Тем не менее, органы прокуратуры на сегодняшний день обладают самым разнообразным арсеналом правовых инструментов для ведения борьбы с коррупцией. Основным инструментом, конечно, является прокурорский надзор.

В данном случае, правовым основанием получать доступ к информации необходимой для осуществления прокурорского надзора, в том числе к информации ограниченного пользования, будет являться п. 2.1 ст. 4 Закона о прокуратуре [2].

Результатом проверки может быть обращение в доход РФ имущества, приобретенного посредством неподтвержденных доходов.

Также законодатель наделил органы прокуратуры полномочиями правотворчества, т.е. прокурор вправе вносить в законодательные органы предложения по изменению законов и других нормативных актов. Данное право предусмотрено Законом о прокуратуре (ст. 9).

Выполняя правотворческую функцию, прокуратура, как правило, выступает в интересах гражданского общества, предупреждая нарушение прав простого человека, о чем может свидетельствовать сложившаяся судебная практика.

Так, прокуратурой ЗАТО г. Зеленогорска проводилась проверка соответствия федеральному законодательству нормативных правовых актов Администрации ЗАТО г. Зеленогорска Красноярского края, в результате которой установлено бездействие последних в сфере издания нормативно- правовых актов.

Прокуратурой в Администрацию был направлен соответствующий проект нормативного требуемого нормативного документа, однако в установленные сроки Администрация не приняла меры к его утверждению.

В результате прокурор ЗАТО г. Зеленогорска обратился в Зеленогорский городской суд с административным исковым заявлением о признании бездействия Администрации незаконными. Решением суда от 16.05.2019 по делу № 2А-685/2019 бездействие Администрации ЗАТО г. Зеленогорска было признано незаконным.

Вместе с тем в этой имеются определенные проблемы, которые заключаются в отсутствии единых подходах к методике проведения антикоррупционной экспертизы. Несмотря на то, что ПП РФ от 26.02.2010 № установлены правила и методика ее проведения, в настоящее время в региональном законодательстве утверждены свои регламенты.

Некоторые исследователи отмечают, что в связи с разнообразием принятых нормативных документов в области проведения антикоррупционной экспертизы наблюдаются недостатки правового регулирования. Наблюдаются различные подходы к определению коррупциогенных факторов [3].

Представляется, что в целях совершенствования деятельности в данном направлении нужна консолидация усилий всех субъектов проведения антикоррупционной экспертизы с целью установления единого подхода.

Практика показывает, что органы прокуратуры задействуют большие силы для проведения антикоррупционного просвещения, посредством разных форм взаимодействуют с общественностью, тем самым влияют на уровень правосознания населения. Учитывая значимость профилактической работы и обширную практику участия в ней органов прокуратуры, считается целесообразным внесение изменений в Закон о прокуратуре, добавив в перечень функций прокуратуры функцию профилактики правонарушений.

Стоит отметить важность своевременного принятия профилактических мер по выявлению нарушений антикор-

рупционного законодательства, в том числе в части несоблюдения запретов и ограничений, возложенных на должностных лиц, ведь это может привести к причинению ущерба бюджету и повлечь уголовную ответственность должностных лиц.

Считаю важным извлекать уроки из положительного опыта взаимодействия между государственными учреждениями и организациями гражданского общества за рубежом, а также внедрять требования российской правовой системы с учетом национальных особенностей, в экономическом и культурном плане, не забывая при этом модернизировать существующие методы интеграции.

Необходимо на законодательном уровне разработать нормы по оценке эффективности работы общественных организаций, которые будут отображены в специальном реестре Российских общественных объединений и в дальнейшем учитываться при рассмотрении заявок на получение государственной грантовой поддержки.

Следующим шагом для успешного взаимодействия органов прокуратуры и общественных организаций является проблема низкого уровня правовой культуры и правосознания в обществе, что также негативно сказывается на эффективности общественного и государственного контроля.

Для расширения участия представителей гражданского общества в реализации антикоррупционных мер рекомендуется оплачивать антикоррупционные меры из соответствующего бюджета путем выделения субсидий, что можно рассматривать как стимул для работы над национальной антикоррупционной повесткой дня.

Помимо выделения финансирования необходимы такие стимулы как: публикация информации о программах, проектах, мероприятиях и других инициативах, осуществляемых организациями гражданского общества; оказание государственной поддержки в создании организаций гражданского общества в сообществах телевидения, радио, средств массовой информации и Интернета и др. [4].

Еще одним, на мой взгляд, действенным способом будет являться сокращение точек соприкосновения между гражданином и государством, бытует мнение, что в обществе, где услуги и товары производит не государство, а частный предприниматель, коррупция может остаться только там, где еще есть участие государства.

С другой стороны, есть несколько направлений, где уже сложились устойчивые формы сотрудничества в борьбе с коррупцией. Первое – это форма общения, при которой легко интегрировать государственные учреждения и прокуратуру в систему правового и гражданского просвещения населения.

Однако следует признать, что институт взаимодействия государственных структур и гражданского общества в настоящее время находится в начале пути становления. Для эффективного и своевременного реагирования на проявления коррупции, ее предупреждения, необходимо совершенствовать законодательную базу, предусмотреть инструменты мотивации граждан.

Резюмируя изложенное, справедливо будет отметить, что правовая база по противодействию коррупции стремительно развивается и имеет дальнейшие перспективы развития.

Представляется, что введение в Закон о прокуратуре отдельной главы по надзору за исполнением антикоррупционного законодательства может повысить роль органов прокуратуры в системе государственного надзора по противодействию коррупции равно как выделить противодействие коррупции среди других направлений прокурорского надзора. В любом случае данная мера будет способствовать повышению эффективности работы в данном направлении. В новой главе необходимо будет указать предмет надзора, полномочия сотрудников прокуратуры и другие необходимые положения.

Кроме того, необходимо в федеральный закон «О прокуратуре» включить положения связанные с профилактикой преступности (в том числе и антикоррупционной). Практика показывает, что органы прокуратуры задействуют большие силы для проведения антикоррупционного просвещения, посредством разных форм взаимодействуют с общественностью, тем самым влияют на уровень правосознания населения. Стоит отметить важность своевременного принятия профилактических мер по выявлению нарушений антикоррупционного законодательства, в том числе в части несоблюдения запретов и ограничений, возложенных на должностных лиц.

Отсутствие вышеуказанных норм является, на наш взгляд, упущением законодателя.

Предлагаемые законодательные инициативы, позволят полноценно отрегулировать основные правовые аспекты прокурорской деятельности в сфере противодействия коррупции.

Пристатейный библиографический список

1. Жулева М. С., Изюмов И. В., Игнатов С. Б., Шулер И. В. Правовые проблемы современности / Коллективная монография. - Тюмень, 2019. - С. 40.
2. Изюмов И. В. Гражданское общество как субъект общественного контроля за соблюдением законодательства о противодействии коррупции // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 4 (167). - С. 440-441.
3. Изюмов И. В. Правовые формы противодействия коррупции в системе образования // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 5 (144). - С. 381-382.
4. Хайруллина Н. Г. Российское гражданское общество: региональный аспект // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 4 (143). - С. 375-376.

ИВАНЧЕНКО Евгений Сергеевич
кандидат педагогических наук, начальник кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

БОЙКО Александр Дмитриевич
преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

МЕНЬЩИКОВ Михаил Петрович
старший преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЙ

Физическая подготовка является приоритетным направлением развития сотрудников полиции. Обуславливается это тем, что современные реалии требуют от органов исполнительной власти готовности преодолевать возникающие трудности и оперативности в решении профессиональных задач. Данные качества невозможно развить у сотрудников полиции, придерживаясь исключительно правового и теоретического аспекта в образовании и подготовке, поскольку некоторые необходимые умения и навыки возможно постичь исключительно в комплексе с прикладными направлениями, в частности, с служебно-прикладной физической подготовкой.

Представленная научная статья посвящена исследованию некоторых проблем профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников оперативных подразделений. Ввиду необходимости оперативного решения задач, принятия нестандартных действий, сложности и специфичности выполняемых служебных обязанностей на сотрудников подразделений уголовного розыска возлагаются высокие требования квалификации и профессионализма. Однако ввиду ряда факторов целенаправленное, результативное развитие и улучшение физических качеств, служебно-боевых умений и навыков представляется затруднительным.

В пределах исследуемой проблематики были затронуты основные факторы, препятствующие нормальному развитию как общих физических качеств сотрудника полиции, так и служебно-боевых навыков и умений. С учетом некоторых научных рекомендаций, учебных пособий и нормативно-правовых актов были разработаны пути решений некоторых практических проблем, касающихся профессиональной подготовки сотрудника подразделения уголовного-розыска в целом.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, физическая подготовка, физические качества, боевые приемы борьбы, практические проблемы, уголовный розыск, оперативное подразделение.

IVANCHENKO Evgeniy Sergeevich
Ph.D. in pedagogical sciences, Head of Physical training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

BOYKO Alexander Dmitrievich
lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

MENSHCHIKOV Mikhail Petrovich
senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

SOME PROBLEMS OF PROFESSIONAL AND APPLIED PHYSICAL TRAINING OF EMPLOYEES OF CRIMINAL INVESTIGATION UNITS IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AND WAYS OF THEIR SOLUTIONS

Physical training is a priority for the development of police officers. This is due to the fact that modern realities require executive authorities to be ready to overcome emerging difficulties and efficiency in solving professional tasks. These qualities cannot be developed by police officers, adhering exclusively to the legal and theoretical aspect in education and training, since some of the necessary skills and abilities can be comprehended exclusively in combination with applied areas, in particular, with service-applied physical training.

The presented scientific article is devoted to the study of some problems of professionally applied physical training of employees of operational units. Due to the need for prompt solution of tasks, the adoption of non-standard actions, the complexity and specificity of the official duties performed, high qualification and professionalism requirements are imposed on employees of criminal investigation departments. However, due to a number of factors, purposeful, effective development and improvement of physical qualities, service and combat skills and abilities is difficult. Within the scope of the problem under study, the main factors hindering the normal development of both the general physical qualities of a police officer and service and combat skills and abilities were touched upon. Taking into account some scientific recommendations, textbooks and regulatory legal acts, ways of solving some practical problems related to the professional training of an employee of the criminal investigation department as a whole have been developed.

Keywords: professional training, physical training, physical qualities, combat fighting techniques, practical problems, criminal investigation, operational unit.

Ввиду возникновения и развития конфликтных ситуаций с бывшими дружественными странами, а также локальных национальных конфронтаций, в стране на сотрудников полиции, несомненно, возлагаются весьма сложные задачи, связанные не только с обеспечением общественной безопасности и общественного порядка, но и с сохранением, соблюдением личных интересов государства и каждого гражданина РФ. Высшие учебные заведения, а также территориальные органы исполнительной власти непосредственно уделяют должное внимание не только изучению и освоению теоретико-правовых юридических знаний, но и практическим умениям и навыкам, уровень которых в комплексе свидетельствует о профессионализме сотрудника ОВД.

Профессиональная подготовка сотрудника полиции складывается из ряда направлений: теоретико-правовое, служебное, огневое и физическое. Особого внимания заслуживают вопросы в области прикладной физической подготовки, являющейся ориентирующей при определении уровня профессионализма сотрудников оперативных подразделений.

Физическая подготовка, как одно из ориентирующих направлений развития сотрудника оперативного подразделения как профессионала, преследует цель не только совершенствования традиционных качеств, прикладных уме-

ний, служебных навыков, но и укрепление общего состояния человека, поддержание здорового образа жизни, что, несказанно способствует стрессоустойчивости, выносливости, адаптации, оперативному реагированию и др. Разумеется, специфика работы оперативных подразделений требует от сотрудников полиции высокой работоспособности, контролируемости действий, что развивается и совершенствуется исключительно при высоком уровне спортивной подготовленности [1].

Физическая подготовка является неотъемлемой, обязательной частью каждого сотрудника ОВД на протяжении всего срока службы в МВД России. Ввиду этого Федеральный закон «О полиции» устанавливает конкретные требования, а именно «проходить специальную подготовку, а вместе с тем и периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия» [2]. Главной целью такого рода подготовленности сотрудника полиции является складывание, развитие и совершенствование физических качеств, служебно-боевых умений и навыков. Разумеется, предписывающие требования в большей степени актуальны и востребованы для оперативных подразделений, ввиду сложности и специфичности выполняемых задач.

Предварительно проанализировав вопросы теории и практики, следует отметить, что сегодня довольно пристальное внимание уделяется проблемам, непосредственно связанным с физической подготовленностью сотрудников подразделений уголовного розыска, а также с поиском оптимальных путей повышения уровня качественных и количественных показателей служащих, способствующих усвоению полученных знаний, адаптации сотрудника полиции к экстремальным ситуациям и успешному преодолению возложенных оперативно-служебных обязанностей.

Более актуальными проблемами, по мнению ряда авторов и некоторых сотрудников полиции, являются:

1. Различный уровень подготовленности сотрудников полиции. В данном случае речь идет о разной степени физической подготовки обучающихся. Ввиду того, что разработка методических рекомендаций по проведению учебно-тренировочных занятий основывается на средних показателях подготовленности служащих, то для большинства данный подход является недоступным. Необходимость в применении индивидуального и персонифицированного метода обучения в данных реалиях крайне неэффективен и затруднен.

Существенная возрастная дифференциация, а вместе с ней и уровень подготовленности обучающихся препятствует эффективному и полному освоению пройденного материала. Возрастным сотрудникам полиции требуется большее количество часов для понимания техники боевых приемов борьбы, развития опорно-двигательных и физических качеств, в сравнении с молодыми кандидатами на службу.

В рамках дополнительной подготовки в отведенные преподавателем (ответственным, руководителем) часы для занимающихся организовываются занятия, целью которых является освоение изученного материала и детальная отработка имеющихся проблем с использованием индивидуального подхода изучения [3]. Кроме того, после анализа уровня подготовленности каждого обучающегося преподаватель выстраивает учебный процесс с учетом возможностей каждого (упражнения подбираются те, которые доступны большей части сотрудников полиции, но с учетом некоторой сложности в реализации). На первоначальных занятиях необходимо уделять особое внимание развитию традиционных способностей человека: гибкость, быстрота, выносливость и т.д., а дальнейшее обучение ориентируется на улучшение применения боевых приемов борьбы. Суть данного подхода заключается в комплексном подходе индивидуально отработанных элементов физической подготовки [4].

Также наряду с данными категориями обучающихся сложности встречаются и у тех, кто владеет умениями определенных единоборств. Трудности, в большей степени, связаны со специфической техникой боевых приемов борьбы. Так, к примеру, приемы бокса ввиду повышенной степени получения травм не может применяться при задержании злоумышленников, что в общем виду представлено и закреплено в Федеральном законе «О полиции». Первостепенное правило применения физической силы сводится к наибольшей минимизации причиненного вреда преступнику, а также к обеспечению личной безопасности.

2. Отсутствие тактических умений при ведении боя с элементами применения боевых приемов борьбы.

Практика свидетельствует о том, что у большей части обучающихся отсутствуют элементарные представления о техники и тактике защиты от ударов, передвижения, следования и перемещении и т.д. Данные проблемы формируются, как правила, по причине отсутствия опыта в спортивно-прикладных единоборствах.

Решение представленной проблемы видится в необходимом внедрении данных приемов в учебно-тренировочный процесс с элементами объяснения важности и значимости их применения и соблюдения. Кроме того, наиболее высокая эффективность данных методов достигается в тех случаях, когда на первоначальных этапах управления отрабатываются одиночно, а в дальнейшем комплексно с иными элементами и с участием ассистента.

3. Одной из немаловажных современных проблем, выделяемой рядом авторов, является отсутствие прилагаемых иллюстраций, видеоматериалов к Наставлению по организации физической подготовки в органах внутренних дел, а также их демонстрация обучающимся [5].

Интеграция информационных технологий в учебно-тренировочный процесс позволило бы в полной мере воспринять отраженные техники боевых приемов борьбы. Наглядное представление приемов, заложенных в Наставление, во многом облегчит, во-первых, процесс понимания и представления техники боевых приемов борьбы, во-вторых, процедуру оценивания выполнения приемов сотрудниками полиции.

Таким образом, настоящая организации физической подготовки имеет ряд сложностей и трудностей, возникающих на пути учебно-образовательного и подготовительного процесса. Выявленные проблемы не являются критическими, но тем не менее требуют пристального внимания со стороны как авторов научно- и нормативно-правовых источников, так и преподавателей, тренеров, инструкторов, практических работников, поскольку физическая подготовка, как ориентирующее направление развития сотрудника оперативного подразделения как профессионала, заключается наряду с получением теоретических знаний, также практического опыта, позволяющего не только выполнять служебно-боевые задачи, но и комфортно преодолевать служебные трудности, быстро и оперативно ориентироваться в критических ситуациях, адаптироваться к новым обстоятельствам. Решение данных проблем позволит не только улучшить качественные и количественные показатели обучающихся, но и подготовить сотрудников оперативных подразделений к успешному, законному применению физической силы.

Пристатейный библиографический список

1. Степанов Г. И., Бабин А. В., Зиннатов Р. Р. Актуальные проблемы в формировании профессиональных навыков в выполнении боевых приемов борьбы у сотрудников подразделений органов внутренних дел // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (153). – С. 373-374. – EDN PJYBBV.
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «Консультант-Плюс».
3. Панова О. С., Белецкий А. А., Бабин А. В., Шанько В. В. Организация процесса самостоятельной физической подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России как элемент совершенствования профессиональной подготовки // Глобальный научный потенциал. – 2022. – № 11 (140). – С. 180-184. – EDN YTWYCS
4. Доттуев Т. И. Концепция обучения боевым приемам борьбы сотрудников ОВД России // Культура физическая и здоровье. – 2019. – № 2 (70). – С. 142-143.
5. Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

РОДИОНОВА Ольга Ренславовна
старший преподаватель кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Представленное исследование содержит анализ несовершенств правоотношений в области применения форм и методов государственного управления деятельности органов внутренних дел и их должностных лиц, а также вопросов их устранения.

Одним из несовершенств методов и форм управления, применяемых органами внутренних дел, является то, что законодательное регулирование вопросов применения методов и форм управления имеет фрагментарный характер и не устанавливает ясного комплексного понимания обозначенного вопроса, относительно реализации органами внутренних дел возложенных на них функций.

Разрешение обозначенного несовершенства возможно посредством разработки единого методологического подхода относительно понимания сущности методов и форм управления, применяемых в органах внутренних дел, и его отражения в положениях действующего законодательства.

Ключевые слова: государственное управление, органы исполнительной власти, формы государственного управления, методы государственного управления.

RODIONOVA Olga Renislavovna
senior lecturer of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

IMPROVING LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF APPLICATION OF FORMS AND METHODS OF PUBLIC ADMINISTRATION OF THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AND THEIR OFFICIALS

The presented study contains an analysis of the imperfections of legal relations in the field of application of forms and methods of public administration of the activities of internal affairs bodies and their officials, as well as issues of their elimination.

One of the imperfections of the methods and forms of management used by the internal affairs bodies is that the legislative regulation of the application of methods and forms of management is fragmented and does not establish a clear comprehensive understanding of the designated issue regarding the implementation of the functions assigned to them by the internal affairs bodies.

The resolution of the indicated imperfection is possible through the development of a unified methodological approach regarding the understanding of the essence of the methods and forms of management used in the internal affairs bodies, and its reflection in the provisions of the current legislation.

Key words: public administration, executive authorities, forms of public administration, methods of public administration.

Компетенцию органов внутренних дел Российской Федерации формируют множество задач правового характера.

Особенностью государственного управления в обозначенном направлении является в первую очередь то, что органы внутренних дел для разрешения стоящих перед ними задач применяют различные способы влияния на объекты управленческих отношений. При этом указанные способы в комплексе формируют целую систему.

Система способов государственного управления в органах внутренних дел объединяет различные формы и методы управленческой деятельности.

Правовую форму управления в названном органе исполнительной власти формируют следующие виды деятельности:

– правотворчество;
– правоприменение;
– заключение административных договоров;
– совершение других действий, которые имеют юридическое значение.

Правотворчество в контексте управленческой деятельности органов внутренних дел подразумевает под собой разработку в рамках имеющейся у органа компетенции требований и положений. Разработкой указанных правил и норм в указанном органе занимается правовой департамент Министерства внутренних дел Российской Федерации. Обозначенные правовые положения издаются в форме приказов, основное назначение которых состоит в регламентации требований к деятельности подразделений органов внутренних дел.

На региональном уровне (МВД республик, УВД, ГУВД) также в рамках установленной компетенции осуществляется разработка актов локального регулирования, которые предусматривают дополнительное регулирование вопросов, касающихся служебной деятельности подразделений и должностных лиц органов внутренних дел.

Правоприменение как одна из правовых форм управленческой деятельности рассматриваемого органа исполнительной власти, а также его должностных лиц выражается в реализации правовых положений, установленных нормами действующего законодательства, а также приказов и локальных актов, издаваемых вышестоящим руководством в рамках имеющихся полномочий.

Заключение административного договора представляет собой одну из форм управления, которая состоит в добровольном соглашении субъектов административно-правовых отношений, одним из которых является орган исполнительной власти, с целью установления, изменения и прекращения взаимных обязательств и прав. Само по себе заключение административного договора является формой управления, при этом установление обязанностей и прав в договоре можно рассматривать в качестве методов управленческой деятельности (управомачивающий метод и императивные метод).

Одним из разновидностей административного договора, по мнению исследователей, является договор о поступлении граждан на государственную службу. Помимо этого, в качестве административного договора также можно указать соглашения о сотрудничестве, заключаемые между органами внутренних дел и иными учреждениями. Так, органы внутренних дел для борьбы с отдельными видами правонарушений могут заключать договора о взаимодействии.

Одной из форм управленческих действий, применяемых в органах внутренних дел, является совершение иных

юридически значимых действий. Содержательную основу указанных действий формирует процесс реализации государственно-властных полномочий, базирующийся на изданных административно-правовых актах. К юридическо-значимым действия как одной из форм управления относятся:

– совершение действий, направленных на документирование (составление протоколов);

– обеспечение деятельности регистрационного характера;

– обеспечение деятельности лицензионно-разрешительного характера.

Важно отметить то, что совершение юридическо-значимых действий как одной из форм управления имеет особое значение как для обеспечения управленческих функций, так для наступления последствий юридического характера.

В деятельности органов внутренних дел в зависимости от характера решаемых задач и функций методов и форм управленческой деятельности также выделяют регулятивные и правоохранительные формы управления.

Регулятивные формы управления направлены на установление требований, обязательных к исполнению. По своей юридической природе и юридическому смыслу регулятивные формы управления тождественны правотворчеству как форме управления.

Правоохранительная форма управления в деятельности рассматриваемого органа исполнительной власти, а также его должностных лиц сводится к осуществлению контрольно-надзорных функций и представляет собой один из базовых способов применения правовых положений, содержание которых формируют предписания властно-правового характера. По своей юридической природе и юридическому смыслу правоохранительная форма, как правило, пересекается с правоприменительной формой управления. Это означает то, что одно и то же действие властного субъекта можно характеризовать и в качестве применения правоприменительной формы управления, и в качестве применения правоохранительной формы управления.

В зависимости от способа выражения законных требований в деятельности органов внутренних дел, а также их должностных лиц выделяют следующие формы управления:

– словесная (должностное лицо выражает требования в словесной форме посредством устных распоряжений, команд либо в письменном виде);

– конклюдентная (должностное лицо выражает требование посредством определенного поведения, в частности, посредством жестов).

Неправовыми формами управления, применяемыми в органах внутренних дел, являются:

– действия организационного характера;

– действия материально-технического характера.

К действия организационного характера относятся:

– работа с кадровым составом органа;

– формирование рекомендаций методического плана;

– организация совещаний и др.

К действиям материально-технического характера относятся действия, состоящие анализе документов, в частности, их получении, обработке, передаче, хранении, введении учета (статистического и оперативного). Посредством применения указанной формы управления осуществляется подготовка справочного материала, материала, необходимого для розыска лиц, систематизируется архивная информация, осуществляется техническое обеспечение работы органа.

Вопросы, касающиеся совершенствование механизмов управленческой деятельности органов государственной власти, в условиях современной действительности имеют особую актуальность [1, с, 57]. Общественно-правовой интерес обозначенной темы обусловлен стремительным преобразованием всех сфер жизни общества, которое, в свою очередь, требует развития государственных институтов власти, обеспечения нормального их функционирования, предполагающего эффективность и оперативность решения поставленных перед ними задач.

Одним из таких институтов является институт исполнительной власти, включающий в себя, в частности, правоохранительные органы. Применение органами внутренних дел форм и методов управленческой деятельности обусловлено необходимостью решения служебных задач. При этом развитие правоохранительной системы, а также повышение эффективности функционирования указанного института требует совершенствования механизмов управления, а также вопросов правового регулирования применения форм и методов управленческих решений.

По мнению многих современных исследователей основным несовершенством форм и методов управления, применяемых органами внутренних дел, а также их должностными лицами в рамках служебной деятельности, является отсутствие единого методологического подхода к пониманию терминов, основных их характеристик, а также правовой регламентации, определяющей:

– толкование методов и форм управления;

– критериев законности их применения;

– лиц, которые вправе применять отдельные виды форм и методов управления.

Так, доктрина современного административного права содержит множество позиций относительно понимания форм и методов управления. При этом большинство позиций не согласуются друг с другом, т.к. характеризуют понятия с разных точек зрения.

Вместе с тем, законодательное регулирование вопросов применения методов и форм управления имеет фрагментарный характер и не устанавливает ясного комплексного понимания обозначенного вопроса, относительно реализации органами внутренних дел возложенных на них функций.

В связи с этим полагаем, что разрешение обозначенного несовершенства возможно посредством разработки единого методологического подхода относительно понимания сущности методов и форм управления, применяемых в органах внутренних дел, и его отражения в положениях действующего законодательства.

Так, целесообразно закрепить в нормах действующего законодательства положения, определяющие:

– толкование понятия «форма управленческой деятельности (форма управления)»;

– толкование понятия «метод управленческой деятельности (метод управления)»;

– перечень форм управленческой деятельности, применение которых допустимо в служебной деятельности органов внутренних дел;

– перечень методов управленческой деятельности, применение которых допустимо в служебной деятельности органов внутренних дел;

– перечень методов управленческой деятельности, применяемых должностными лицами органов внутренних дел в рамках конкретных форм управленческой деятельности;

– категории должностных лиц органов внутренних дел, которые вправе применять конкретные формы и методы управленческой деятельности;

– основания применения форм и методов управленческой деятельности;

– ожидаемый результат применения форм и методов управленческой деятельности;

– критерии оценки применения конкретных форм и методов управленческой деятельности.

Полагаем, что нормы, касающиеся предлагаемых преобразований, относительно деятельности рассматриваемого органа исполнительной власти могут быть включены в Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[1].

Законодательное урегулирование обозначенных вопросов будет способствовать разрешению методологических споров относительно толкования рассматриваемых механизмов управления, внесению ясности их понимания для правоприменителей, а также создаст условия для комплексной оценки эффективности их применения в деятельности органов внутренних дел и их должностных лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Аникин В. Н. Направления совершенствования правового регулирования управленческой деятельности в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. - 2021. - №2 (58). - С. 57-66.
2. О полиции: федеральный закон текст с изменениями и дополнениями на 29 декабря 2022 г. № 3-ФЗ [принят Государственной Думой Российской Федерации 7 февраля 2011 г.] // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 7. - Ст. 900.

1 О полиции: федеральный закон текст с изменениями и дополнениями на 29 декабря 2022 г. № 3-ФЗ [принят Государственной Думой Российской Федерации 7 февраля 2011 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2011. - № 7. – Ст. 900.

ФЕДИНА Любовь Михайловна
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВЛИЯНИЕ ДАННОГО ПРОЦЕССА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В статье структурирован процесс становления и развития информатизации и технологизации органов внутренних дел и других правоохранительных структур в постсоветское время. Разбив этот процесс на несколько этапов, автор особо подчеркивает значение для борьбы с преступностью и охраны правопорядка в целом, колоссальных потоков информации, циркулирующей в территориальном органе внутренних дел, её обобщение, хранение в банках данных. Кроме того, отдельно подчеркиваются усилия, предпринимаемые на каждом этапе, по надлежащей защите указанных сведений. Автор статьи подчеркивает, что каждая стадия сопровождалась определенным уровнем развития информационной инфраструктуры и выполняло свои функции.

Ключевые слова: информация, инфраструктура, банки данных, информационные ресурсы, электронное взаимодействие, технологии.

FEDINA Lyubov Mikhaylovna
Ph.D. in Law, lecturer of Special technical training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

STAGES OF DEVELOPMENT OF INFORMATION INFRASTRUCTURE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE IMPACT OF THIS PROCESS ON THE EFFECTIVENESS OF THE FIGHT AGAINST CRIME

The article structures the process of formation and development of informatization and technologization of internal affairs bodies and other law enforcement agencies in the post-Soviet period. Breaking this process into several stages, the author emphasizes the importance for the fight against crime and the protection of law and order in general, the enormous flows of information circulating in the territorial body of internal affairs, its generalization, storage in data banks. In addition, the efforts made at each stage to properly protect this information are separately emphasized. The author of the article emphasizes that each stage was accompanied by a certain level of information infrastructure development and performed its functions.

Keywords: information, infrastructure, data banks, information resources, electronic interaction, technologies.

При современном уровне развития государства и общества информация была и остается важнейшим ресурсом, товаром в обмене, рычагом воздействия на сознание и волю людей. Используя как средство конкурентного преимущества, информационными потоками стремятся завладеть различные общественные группы для реализации в коммерческой, политической, социокультурной и военной сферах. В связи с этим, не меньшее значение информационные ресурсы приобретают в правоохранительной деятельности. Своевременные, полноценные и достоверные сведения позволяют службам и ведомствам, ответственным за обеспечение безопасности населения, выйти на новый уровень борьбы с преступностью и охраны правопорядка.

Для реализации подобных целей данные, аккумулирующиеся и проходящие через органы и подразделения, осуществляющие правоохранительную деятельность, должны надлежащим образом обобщаться, храниться и состоять под надежной защитой. И здесь основную роль играет развитие информационной инфраструктуры и поддержание её на должном уровне.

В самом общем смысле, инфраструктура представляет собой совокупность взаимосвязанных систем, служб и объектов, необходимых для нормального функционирования определенной конструкции. Представляется, что правильно организованная инфраструктура позволяет наиболее полным образом реализовать задачи, возложенные на тот или иной объект.

Информационная инфраструктура, в свою очередь необходима для генерирования, своевременной и надежной передачи, а также хранения сведений. Указанная инфраструктура должна обеспечивать все три концептуальные позиции информационной безопасности, а именно:

Конфиденциальность – получение информации сугубо определенным кругом лиц;

Целостность – сохранение сведений без потерь, в том виде, который предусматривает её владелец или пользователь;

Доступность – возможность использования данных собственником в любое время.

В последнее десятилетие в литературе также часто встречается понятие критической информационной инфраструктуры (далее КИИ), что, на наш взгляд, является показателем высокой значимости информационных технологий в обществе, поскольку данный тезис означает совокупность минимально необходимой инфраструктуры для нормального функционирования социума, при этом на опасном уровне от наступления неблагоприятных последствий.

Обозначение КИИ используется в основном для стратегически важных объектов государства, таких как здравоохранение, экономика, социальное развитие и многое другое. На ряду с этим, важную роль приобретает информационная инфраструктура правоохранительных органов, представляющая собой целый комплекс автоматизированных рабочих мест, объединенных серверов, закрытых телекоммуникационных сетей, банков данных и многое другое. Здесь следует отметить особое значение Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений, поскольку все отечественные правоохранительные органы, имея обособленные локальные информационные ресурсы, всё же аккумулируют большинство сведений и результатов своей деятельности на платформах ОВД РФ, и впоследствии обращаются к ним в целях оптимизации своей деятельности по раскрытию, расследованию преступлений, наказанию виновных лиц, и т.д.

В связи с этим, углубленное изучение, квалифицированное использование, преобразование и совершенствование информационной инфраструктуры ОВД РФ, создание единого информационного пространства с надежной степенью защиты как от непреднамеренной утраты сведений, так и целенаправленного вредительства заинтересованных лиц, является одним из приоритетных направлений правоохранительной деятельности в целом.

Начавшаяся в конце 90х годов XX века повсеместная компьютеризация в России имела достаточно несистематизированный подход, особенно, если речь идет о внедрении автоматизированных рабочих мест в государственных (муниципальных) структурах. Однако, уже в 2002 году положено начало крупномасштабных проектов по формированию информационного общества. Так, 28 января 2002 года можно считать отправной точкой создания программы «Электронная Россия», предусматривающая электронное взаимодействие органов власти друг с другом и с гражданами. Стали прорабатываться идеи о возможности получения государственных услуг через Интернет.

В 2003 году Россия примкнула к Женевской «Декларации принципов построения информационного общества» повсеместная информатизация как глобальная задача нового тысячелетия.

В связи с этим МВД России, являясь частью системы органов исполнительной власти, в этот же период стало разрабатывать стратегии по созданию единого информационного пространства. Так, приказом МВД России от 13.06.2002 № 562 утверждена Концепция развития информационно-вычислительной системы МВД России на 2002-2006гг [1], положившая начало интеграции всех информационных ресурсов правоохранительных органов.

И первой ступенью на этом пути, по завершении оснащения большей части территориальных органов и подразделений автоматизированными рабочими местами, стало создание в 2005 году единой информационной телекоммуникационной сети (далее – ЕИТКС), которая, по мнению некоторых авторов, стала «главным объектом информатизации и основой информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России» [2]. Данная высокая оценка обосновывается от части тем, что ЕИТКС стала альтернативой глобальной сети интернет, отвечала всем нормативным требованиям по защите информации, и предоставила возможность создания на своей основе баз данных и иных информационных ресурсов.

Внедрение и интеграция последующих программных продуктов позволила создать единое информационное пространство среди регионов и территориальных органов внутренних дел РФ, функционирующее и по сей день. Безусловно не обошлось без слабых сторон нововведённых систем, среди которых можно выделить низкую скорость обработки данных, скудный функционал, ограничение доступа, и прочие нюансы, проработка и устранение которых продолжается и в наше время.

Итак, за повсеместной компьютеризацией и объединением данных носителей в единую сеть, главной проблемой стала цифровизация накопленного за последнее полувековое развитие МВД опыта в виде сведений и данных, а именно перенесение с бумажных носителей в электронную форму, а затем постановка на централизованный учет и обобщение на федеральном уровне. Происходил этот процесс единственным возможным способом ручного труда и последующего устранения ошибок при помощи логического контроля (проверка допустимых значений разделов (полей) документа на непротиворечивость).

Следующим этапом стало создание и внедрение интегрированных банков, данных регионального и федерального уровня. В период с 2005 по 2006 год программно-технический комплекс ИБД-регион вводился в опытную эксплуатацию административно-территориальных единиц России. И уже к концу первого десятилетия XIX века можно было подвести некоторые итоги: первоначальная и основная цель была достигнута – создано единое информационное пространство в системе МВД России, с последующим использованием её большинством правоохранительных органов. Данный прорыв позволил увеличить раскрываемость и предотвращение преступлений, путём получения сотрудниками ОВД в режиме реального времени точной и достоверной оперативно-справочной, розыскной и криминалистической информации, интегрируемой на разных уровнях.

И большой ступенью на этом пути стало объединение – централизация региональных данных на базе одного органа – ФКУ «ГИАЦ МВД России». Конечно, направлению для постановки на централизованные учеты подлежали только самые основные сведения: о судимости лиц, по определенной категории преступлений, о федеральном (межгосударственном) розыске, о привлечении к административной и уголовной ответственности иностранных граждан, и т.п. Но, вместе с тем, функция ИБД-Ф заключалась не только в оперативной информационной поддержке правоохранительной деятельности, но и в контроле, соответствии предоставляемой информации необходимым требованиям, оценке её с точки зрения полноты, достоверности, своевременности. С этой целью был издан ряд межведомственных приказов, обязующих иные правоохранительные органы (ФСБ, Следственны комитет, ФССП, ФСИН и др.) на ровне с территориальными ОВД районного уровня предоставлять информацию в фор-

ме учетно-регистрационных документов, по определенным правилам, для дальнейшей постановки на учет. Кроме того, в отдельное направление сложилось формирование централизованных статистических учетов, позволивших в будущем создать единую систему критериев ведомственной оценки, независимо демонстрирующих показатели эффективности деятельности всех служб и подразделений системы МВД России.

Таким образом, значительно повысилась эффективность использования информационной среды сразу в нескольких направлениях. Однако, специфика работы интегрированных банков данных заключалась в том, что создание, функционирование и техническое обслуживание данных ресурсов осуществлялось с привлечением сторонних, вневедомственных специалистов в сфере IT-технологий, на основании заключенных государственных контрактов. И по прошествии первого десятилетия успешной работы контракты с указанными корпорациями не были продлены, обслуживание и дальнейшая поддержка ИБД-Ф была целиком отдана штатным программистам ФКУ «ГИАЦ МВД России», а ИБД-Р каждое региональное МВД России поддерживает и совершенствует по своему усмотрению, в рамках нормативно установленных правил. В связи с этим, многие регионы России активно развивают свои информационные системы, дополняя их базами данных на платформе ИБД-Р, а какие-то находятся в откровенно отстающем положении.

В настоящее время ИБД представлены широким спектром информационных подсистем, успешно функционирующих при должном уровне ведения и пополнения централизованных оперативно-справочных, розыскных, криминалистических, дактилоскопических и специализированных учетов.

Следующим масштабным этапом в развитии информационной инфраструктуры и соответствующего прогресса в ОВД РФ, стало приобщение ведомства ко всероссийскому «Плану по переходу федеральных органов исполнительной власти на безбумажный документооборот при организации внутренней деятельности», утвержденному распоряжением Правительства Российской Федерации от 12.02.2011 № 176-р [3]. Данное решение предполагало создание и модернизацию систем электронного документооборота, и обеспечение их соответствия современным требованиям.

В марте 2012 года МВД утвердило концепцию создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России в 2012-2014 гг. Она представляет собой совокупность используемых в министерстве автоматизированных систем обработки информации, программно-аппаратных комплексов и программно-технических средств, а также систем связи и передачи данных, необходимых для обеспечения служебной деятельности ведомства.

В конце 2016 года на всей территории Российской Федерации в рамках реализации государственного контракта, заключенного между МВД России и ОАО «Ордена трудового красного знамени научно-исследовательского института автоматической аппаратуры имени академика В. С. Семенихина», была внедрена в опытную эксплуатацию Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Дословная расшифровка аббревиатуры ИСОД – это интегрированные сервисы обмена данными, что, по нашему мнению, дополнительно указывают на первоначальные цели создания данного ресурса – собственно обмен сведениями в упрощенной электронной форме. На первых парах ИСОД представлял собой лишь защищенную информационную оболочку для передачи служебной информации внутри ведомства (электронная почта) и платформу для электронного документооборота. Уже это событие было значительным прорывом в направлении реализации указаний Президента Российской Федерации по автоматизации рабочих мест и сокращении бумажного документооборота. Однако с течением времени, указанная информационная площадка расширила своё значение и функциональную составляющую, и на современном этапе представляет собой глобальную информационную систему, обслуживающую практически все службы МВД России.

Уже на первоначальных этапах были заложены основные принципы безопасности, развитие облачной инфраструктуры, открытая горячая линия и центр поддержки пользователей, а также, формирование проводного, спутникового и беспроводного доступа к ИСОД предполагало, как стационарное, так и мобильное использование.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ МВД РФ от 13 июня 2002 г. № 562 “Об утверждении Концепции развития информационно-вычислительной системы МВД России на 2002-2006 годы” (утратил силу) // Доступ из справочной правовой системы «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://garant.ru (дата обращения: 30.08.2023).
2. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для вузов / П. У. Кузнецов [и др.]; под общей редакцией П. У. Кузнецова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 325 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-02598-9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urait.ru/bcode/510646 (дата обращения: 14.08.2023).
3. Собрание законодательства Российской Федерации от 21.02.2011 № 8. Ст. 1151.

ФИЛИМОНОВ Родион Николаевич
начальник кафедры физической подготовки и спорта Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

КАНЗАФАРОВ Марсель Альбертович
старший преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЗАВИРЮХА Александр Михайлович
старший преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

СПОРТИВНЫЙ ДОСУГ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ КАК СРЕДСТВО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Спортивный досуг играет важную роль в самостоятельной подготовке обучающихся. Он способствует повышению уровня физических способностей и общей физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России.

Участие в спортивных мероприятиях, тренировках и соревнованиях разнообразных видов спорта помогает развить выносливость, силу, гибкость, координацию и другие физические качества у обучающихся. Они учатся работать в команде, развивают лидерские навыки, находят для себя новые возможности и границы своих способностей. Важно отметить, что спортивный досуг не только повышает уровень физических способностей, но и развивает важные личностные качества, такие как дисциплина, целеустремленность, уверенность в себе, самоконтроль и ответственность. В целом, спортивный досуг является важным элементом самостоятельной подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России, имеющим положительное влияние на повышение их уровня физических способностей и общей физической подготовки.

Ключевые слова: спортивный досуг, самостоятельная физическая подготовка, профессиональная подготовка, физическая форма, спортивная дисциплина.

FILIMONOV Rodion Nikolaevich
Head of Physical training and sports sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

KANZAFAROV Marcel Albertovich
senior lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ZAVIRYUKHA Alexander Mikhaylovich
senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

SPORTS LEISURE FOR STUDENTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AS A MEANS OF INDEPENDENT PHYSICAL TRAINING: CURRENT PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Sports leisure plays an important role in the self-training of students. It helps to increase the level of physical abilities and general physical training of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Participation in sports events, training and competitions of various sports helps to develop endurance, strength, flexibility, coordination and other physical qualities in students. They learn to work in a team, develop leadership skills, find new opportunities and boundaries for their abilities. It is important to note that sports leisure not only increases the level of physical abilities, but also develops important personal qualities such as discipline, determination, self-confidence, self-control and responsibility. In general, sports leisure is an important element of self-training for students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which has a positive impact on increasing their level of physical abilities and general physical fitness.

Keywords: sports leisure, independent physical training, professional training, physical fitness, sports discipline.

Актуальные проблемы физической подготовки и спорта сотрудников органов внутренних дел включают в себя:

1. Недостаточная физическая подготовка: многие сотрудники органов внутренних дел не имеют достаточной физической подготовки, что может негативно сказываться на их способности выполнять служебные обязанности [1].

2. Риск травм: в связи со спецификой работы, сотрудники органов внутренних дел подвергаются повышенному риску получения различных травм. Недостаточная физическая подготовка может увеличить этот риск.

3. Седентарный образ жизни: многие сотрудники органов внутренних дел ведут сидячий образ жизни, продолжительное время проводя за компьютером или в офисных условиях, что отрицательно влияет на общую физическую форму.

4. Стресс и эмоциональное напряжение: работа в органах внутренних дел часто ассоциируется со стрессом и эмоциональным напряжением. Недостаточная физическая подготовка может ухудшить способность сотрудников справляться с этими факторами.

Для решения данных проблем можно применить следующие пути их решения:

1. Развитие физической культуры и спорта в образовательной организации: организация тренировочных занятий, спортивных соревнований и мероприятий, способствующих поддержанию и улучшению физической формы сотрудников.

2. Создание специализированных программ физической подготовки: разработка программ тренировок, учитывающих специфику работы сотрудников органов внутренних

дел и направленных на повышение их физической подготовки, а также снижение риска получения травм.

3. Проведение профилактических мероприятий: организация занятий йогой, медитацией, дыхательными практиками и другими методами релаксации, которые позволят сотрудникам справляться со стрессом и эмоциональным напряжением.

4. Популяризация здорового образа жизни: проведение информационных кампаний и мероприятий, посвященных здоровому образу жизни, правильному питанию, физической активности и регулярным медицинским осмотрам [2].

5. Интеграция спорта в рабочую среду: создание условий для физической активности на рабочем месте, например, оборудование спортивных залов, организация участия в спортивных соревнованиях и других мероприятий.

Решение данных проблем требует совместных усилий руководства органов внутренних дел, спортивных тренеров и специалистов по физической подготовке, а также активного участия сотрудников в данных мероприятиях.

Спортивный досуг для курсантов и слушателей может представлять собой различные спортивные мероприятия, которые способствуют здоровому образу жизни, физической подготовке, развитию командного духа и спортивных навыков.

Некоторые виды спортивного досуга для курсантов и слушателей могут включать:

1. Спортивные соревнования: организация внутриуниверситетских турниров по футболу, баскетболу, волейболу, легкой атлетике и другим видам спорта [3].

2. Утренняя физическая зарядка: проведение утренних тренировок или зарядок для поддержания физической формы и повышения работоспособности.

3. Физкультурные праздники: организация развлекательных и спортивных мероприятий, включающих соревнования в прыжках, беге, плавании и других видов спорта.

4. Экскурсии и походы: организация спортивных походов, выездов на природу, горные походы и других активных мероприятий, способствующих развитию физической выносливости и командного сотрудничества.

5. Спортивные секции и тренировки: возможность присоединиться к различным спортивным секциям в вузе или использовать спортивные площадки и тренажерные залы для индивидуальных тренировок [4].

6. Культурно-спортивные мероприятия: организация массовых забегов, велопробегов, спортивных фестивалей и других мероприятий, объединяющих студентов различных учебных заведений.

Развитие мотивации к спортивному досугу может быть вызовом для многих людей, но существует несколько способов стимулирования интереса и увлечения физической активностью. Вот некоторые из них:

1. Установка цели: определите, что именно вас мотивирует, и поставьте себе конкретные спортивные цели. Например, поучаствовать в марафоне или достичь определенного уровня физической формы. Отслеживайте свой прогресс и соблюдайте непрерывность в физических занятиях.

2. Найдите подходящую активность: выберите вид физической активности, который вам нравится и подходит. Начните с того, что вам интересно, и экспериментируйте с разными видами спорта или тренировок.

3. Развивайте мотивацию, привлекая других людей. Спортивное времяпрепровождение с друзьями или членами семьи может быть веселым и поддерживающим опытом. Вы сможете поддерживать друг друга, учиться вместе и наслаждаться общением, участвуя в спортивных мероприятиях.

4. Запланируйте регулярные тренировки: создайте расписание для своей физической активности и придерживайтесь его. Установите определенные дни и время, чтобы заниматься спортом. После определённого промежутка времени это станет привычкой, что в профессиональном спорте называется спортивной дисциплиной.

5. Найдите тренера или присоединитесь к группе: если вам трудно самостоятельно поддерживать мотивацию и спортивный образ жизни, рассмотрите возможность работы с тренером или присоединения к спортивной группе. Они смогут предложить спортивный план, как помощь в достижении ваших целей.

Самостоятельный спортивный досуг имеет свои актуальные проблемы, которые могут ограничивать его популярность и доступность [5]:

1. Отсутствие мотивации: многие люди испытывают трудности в самостоятельной организации тренировок и поддержании постоянной мотивации.

2. Недостаток знаний: не каждый человек обладает достаточными знаниями и опытом для эффективного занятия определенным видом спорта. Неумение правильно выполнять упражнения или выбирать подходящие тренировки может привести к травмам или чрезмерной нагрузке.

3. Ограниченный доступ к спортивным объектам: некоторые люди живут в районах, где отсутствуют специальные спортивные объекты, такие как бассейны, спортивные залы. Это может ограничивать возможности заниматься различными видами спорта.

4. Однообразие тренировок: самостоятельные тренировки могут быть скучными и однообразными, особенно если человек не имеет опыта в составлении разнообразных программ тренировок.

5. Отсутствие времени: многие люди испытывают нехватку времени для регулярных тренировок из-за работы, семейных обязанностей или других обстоятельств. Это может стать преградой для самостоятельного спортивного досуга.

Существует несколько способов повысить физические результаты с помощью спортивного досуга:

1. Регулярная тренировка: планируйте тренировки на регулярной основе, придерживаясь определенного расписания. Постепенно увеличивайте нагрузку и интенсивность тренировок.

2. Разнообразие видов спорта: пробуйте участвовать в разных видах спорта. Это позволит вам работать над разными группами мышц и повысит вашу физическую выносливость. Вы можете попробовать бег, плавание, велосипед, йогу, танцы и т.д. Разнообразие поможет вам не заскучать и достичь лучших результатов.

3. Отдых и восстановление: не забывайте, что отдых и восстановление также очень важны для прогресса в тренировках. Уделите достаточно времени для отдыха и сна, чтобы ваше тело могло восстановиться и подготовиться к следующим тренировкам.

4. Правильное питание: обратите внимание на свое питание. Убедитесь, что вы получаете достаточное количество белка, углеводов и жиров для поддержания энергии и восстановления мышц. Избегайте обработанных продуктов и употребляйте больше свежих овощей и фруктов.

5. Мониторинг и измерение прогресса: ведите дневник тренировок, чтобы отслеживать и измерять свой прогресс. Записывайте свои активные действия, время, расстояние, ко-

личество повторений и т.д. Это поможет вам понять, где вы прогрессируете и наоборот.

Самостоятельная физическая подготовка – это тренировки и занятия физическими упражнениями, проводимые без участия тренера или группы. Это может быть выполнение упражнений в зале фитнеса, на улице, в домашних условиях или участие в спортивных играх.

Для того чтобы эффективно заниматься самостоятельной физической подготовкой, рекомендуется следующие рекомендации:

1. Задайте себе цели. Определите, что именно вы хотите достичь и в какой сфере: развитие силы, улучшение кардиовыносливости, избавление от лишнего веса и т.д. Цели помогут вам сосредоточиться и создать план тренировок.

2. Создайте программу тренировок. Распределите нагрузки по дням недели и определите, сколько времени будете уделять физическим тренировкам. Включите в программу разнообразные упражнения, чтобы развить все аспекты физической подготовки.

3. Изучите правильную технику выполнения упражнений. Это поможет избежать получения травм и будет способствовать увеличению эффективности тренировок. Обратитесь к квалифицированному тренеру или воспользуйтесь онлайн-ресурсами, чтобы изучить правильную технику выполнения выбранных упражнений.

4. Постепенно увеличивайте нагрузку. Начинайте с легких весов и небольшого количества повторений, постепенно увеличивая объем тренировок и вес. Это поможет вашему организму приспособиться к нагрузке и избежать перетренированности.

5. Следите за своим прогрессом. Ведите дневник тренировок, отмечайте свои достижения и прогресс. Это поможет вам оценить свои результаты и настроиться на постоянное совершенствование.

6. Не забывайте о растяжке и восстановлении. После тренировок выполняйте упражнения растяжки, чтобы предотвратить мышечные напряжения и травмы. Дайте своему организму время на восстановление, особенно если вы выполняли интенсивные тренировки.

Следовательно, самостоятельная физическая подготовка может быть очень эффективной, если вы ставите цели, создаете правильную программу тренировок и постоянно работаете над своим прогрессом. Она позволит вам быть активным, здоровым и достигать желаемых результатов в физической форме.

Пристатейный библиографический список

1. Бабин А. В., А. Б. Лукьянов Самостоятельная физическая подготовка в спортивной досуговой деятельности обучающихся образовательных организаций МВД России // Актуальные вопросы совершенствования огневой, физической и тактико-специальной подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 16 июня 2022 года. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 24-26. – EDN WCYFUG.
2. Панова О. С., Белецкий А. А., Бабин А. В., Шанько В. В. Организация процесса самостоятельной физической подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России как элемент совершенствования профессиональной подготовки // Глобальный научный потенциал. – 2022. – № 11 (140). – С. 180-184. – EDN YTWYCS.
3. Панова О. С., Тащиян А. А., Демьянова Л. М. [и др.] Обоснование значимости спортивных игр в профессионально-прикладной физической подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 4 (218). – С. 285-288. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.04.p285-289. – EDN NVJFNZ.
4. Бабин А. В. Спортивные игры как необходимое средство для повышения физической подготовленности сотрудников полиции // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 8 (159). – С. 375-376. – EDN KSGLWQ.
5. Габдрашитова К. И. Спортивный досуг как элемент самостоятельной подготовки, влияющий на повышение уровня физических способностей обучающихся образовательных организаций МВД России // Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: Сборник научных статей Всероссийского конкурса, Волгоград, 01 июля – 30 2022 года / Редколлегия: Р. В. Камнев, О. С. Панова, Д. Г. Овечкин [и др.]. Том Выпуск 4. – Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 137-141. – EDN KRXGFG.

УРУСОВ Замир Хасанович
старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД, подполковник полиции

Урусов З. Х.

О ПУТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ОРГАНАМИ ГИБДД МВД РОССИИ КОНТРОЛЬНЫХ И НАДЗОРНЫХ ФУНКЦИЙ

Одной из главных функций ГИБДД является контрольно-надзорная. Для его осуществления и увеличения эффективности требуется внедрение новых технологий, которые помогут сотрудникам полиции повысить качество своей работы. В данной статье раскрываются вопросы контроля и надзора, способствующие повышению эффективности работы сферы государственного управления и позволяющие обеспечить должную регулировку и мониторинг ситуации, которые играют важную роль в данном процессе. Для того чтобы можно было достичь снижения опасности на дороге и повышения эффективности работы ГИБДД, следует разработать перспективные концептуальные организационно-правовые основы, которые смогут помочь решить несколько важных задач сразу.

Ключевые слова: контроль, надзор, правила дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие.

URUSOV Zamir Khasanovich
senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ABOUT WAYS OF IMPLEMENTATION OF CONTROL AND SUPERVISORY FUNCTIONS BY THE BODIES OF THE TRAFFIC POLICE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

One of the main functions of the traffic police is control and supervision. To implement it and increase efficiency, it requires the introduction of new technologies that will help police officers improve the quality of their work. This article reveals the issues of control and supervision that contribute to improving the efficiency of public administration and will ensure proper regulation and monitoring of the situation, which play an important role in this process. In order to reduce the danger on the road and improve the efficiency of the traffic police, it is necessary to develop a promising conceptual organizational and legal framework that can help solve several important tasks at once.

Keywords: control, supervision, traffic rules, traffic accident.

Органы ГИБДД МВД России наделены государством достаточно широким кругом полномочий, касающихся сферы обеспечения безопасности. Основная функция ГИБДД МВД России заключается в предупреждении правонарушений и предотвращении дорожно-транспортных происшествий (ДТП). В рамках реализации данной функции сотрудники ГИБДД МВД России выполняют большое количество задач, к которым относится:

1. Контроль дорожного движения, соблюдения правил дорожного движения (ПДД) участниками движения.
2. Выполнение распорядительно-регулировочных действий.
3. Производство по делам об административных правонарушениях.
4. Поддержание безопасности на транспорте на высоком уровне.
5. Проведение необходимых действий при ДТП [1], [4], [5].

Главной задачей сотрудников ГИБДД является контроль над соблюдением ПДД участниками дорожного движения. Эта задача имеет особенную важность, так как от нее зависит сохранение жизни, здоровья и имущества физических лиц, в целом интересов общества и государства. Сотрудники ДПС ГИБДД выполняют регулирование движения при помощи различных средств контроля. Для ГИБДД, как и для любого другого государственного органа, важную роль играют оценочные показатели, которые учитываются при работе службы.

На 2020 год показатели аварийности на территории РФ были снижены почти в два раза. По стране было зарегистрировано 105932 (-10,3%) ДТП с участием пешеходов. Из них погибших – 11396 (-3,9%), получивших травмы – 134547 (-11,9%). Снижение этих показателей происходит в любых населенных пунктах, включая крупные города. Однако в сельских поселениях процент снижения ДТП больший (-17,4%), города федерального значения отстают не намного (-16,1%), иные населенные пункты дают показатель в -5,9%.

Если рассматривать степень снижения числа пострадавших со смертельным исходом, в крупных городах процент составил -17,5%, из них на административные центры приходится всего -0,2%. Распределение количества ДТП и пострадавших пешеходов неравномерно. Максимальное количество приходится на такие города как Москва и Санкт-Петербург (3 1739, или 30%, от общего числа ДТП). Число погибших составляет 1277 человек, это 11,2% от общей цифры по стране. На сельские поселения приходится 1611 погибших, что составляет 14,1% от общего числа по стране. При этом крупные города лидируют по количеству ДТП практически в три раза (1 1748, или 11,1%). При рассмотрении суммы погибших во всех ДТП сельских поселений оно примерно равно сумме, которая фигурирует в крупных и столичных городах.

В условиях пандемии движение было местами ограничено, людей призывали оставаться дома, поэтому транспортная нагрузка на дороги снизилась, и сократилось количество нарушений. Скоростной режим транспортных средств также изменился: например, если сравнить уровень аварийности за последние 8 лет, можно заметить, что существуют определенные зоны риска, в которых ДТП случается чаще. Все они локализованы в восточной части РФ, так как она населена более плотно. В крупных городах также существует повышенная опасность, зоны риска в них локализованы в центре.

Чем больше загружена транспортная система, тем больше вероятность, что случится дорожно-транспортное происшествие. Чем выше социально-экономическое развитие населенного пункта, тем больше риск ДТП, так как в городе количество разнообразного транспорта увеличивается.

Для того чтобы можно было достичь снижения опасности на дороге и повышения эффективности работы ГИБДД, следует разработать перспективные концептуальные организационно-правовые основы, которые смогут помочь решить несколько важных задач сразу. Для повышения безопасности на дороге требуется устранить возможные угрозы. Кроме этого, стоит повысить возможности полиции противостоять

подобным угрозам, создать условия, при которых защищенность данной сферы будет выше.

Важная роль в данном случае отведена контролю и надзору, который повышает эффективность работы сферы государственного управления, позволяет обеспечить должную регулировку и мониторинг ситуации, которые играют важную роль в данном процессе.

На практике руководство МВД для повышения показателей устанавливает высокие требования к сотрудникам, которые выполняют функцию контроля и должны обеспечивать высокую эффективность работы. Рассматривая этот момент, следует уделить внимание факторам коррупции, которым придется противостоять. Кроме этого, могут существовать различные «административные барьеры», которые способны создавать препятствия для эффективного решения поступающих проблем.

Одной из главных функций ГИБДД является контрольно-надзорная. Для его осуществления и увеличения эффективности требуется внедрение новых технологий, которые помогут сотрудникам полиции повысить качество своей работы. Например, на практике, кроме визуального наблюдения за дорожной ситуацией, сотрудникам доступно применение разнообразных технических средств. За счет них можно не только повысить эффективность работы сотрудника, но и снизить количество возможных летальных исходов, связанных с совершением нарушения правонарушений. В этом плане работает принцип неотвратимости наказания, когда водитель знает, что технические средства зафиксируют правонарушение, помогут его выявить. Кроме этого, средства записи звука и видео помогают снизить количество спорных ситуаций между участниками движения и полицейским, а также обеспечить соблюдение законных интересов общества.

Видеонадзор, позволяющий фиксировать нарушения, помогает бороться с административными правонарушениями, проводить их профилактику. Подтверждает это утверждение и статистика МВД. После появления средств видеофиксации надзорная деятельность структуры стала более эффективной, число выявляемых правонарушений выросло в 200 раз, при этом не стало требоваться вмешательство сотрудника, так как камера самостоятельно оформляет нарушение, отправляет информацию о нем на сервер, где она распределяется между получателями. Количество установленных фактов нарушений при помощи камер растет из года в год. Таким образом, в 2019 г. было зафиксировано 48 млн., в 2020 – 60,7, в 2021 – 60,9, в 2022 г. – 61 млн. нарушений.

Использование такого способа фиксации демонстрирует высокую эффективность. Но в некоторых случаях на практике обнаруживаются проблемы правового характера. К некоторым из них относится невозможность привлечь к ответственности в автоматическом режиме иностранных граждан и несовершеннолетних, которые были зафиксированы при помощи камер наружного наблюдения. Автоматически камера может отправлять нарушение только совершеннолетним гражданам, имеющим ВУ, а также внесенным в полис ОСАГО. Конечно, существует возможность поиска нарушителя вручную и установление его личности, но это будет требовать затрат времени, что приведет к снижению эффективности работы правоохранительных органов.

Если лицо вписано в страховку, то можно решить проблему следующим образом: раз оно имеет допуск к управлению транспортным средством, значит, ТС находится у него в пользовании, владении, и можно выписать штраф по факту нарушения и нахождения такого лица за рулем. Для того чтобы это сделать, в ст. 2.6.1 КоАП РФ нужно внести дополнительный пункт 1.1, в котором будет содержаться следующее: «Если собственником автомобиля является несовершеннолетний, то административная ответственность возлагается на совершеннолетнее лицо, внесенное в полис ОСАГО». Такое же дополнение можно сделать для иностранных граждан. Внесение такого пункта не позволит субъектам права пользоваться этим упущением закона и злоупотреблять такой возможностью, используя ее в качестве уклонения от административной ответственности [2].

Иностранное гражданство водителя также может являться препятствием для автоматического выявления, фиксации и наказания водителя. На данный момент, согласно законодательству РФ, иностранный гражданин, совершивший административное правонарушение на дороге может быть оштрафован только в том случае, если его остановил инспектор ГИБДД. При фиксации даже аналогичного нарушения камерой видеонаблюдения иностранного гражданина не получится привлечь к ответственности.

Такая проблема возникает из-за существования конвенции и о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях правил дорожного движения от 28 марта 1997 г. Из-за подобной недоработки в автоматическом режиме (с камеры) иностранному гражданину штраф прислать нельзя, поэтому он останется безнаказанным в случае превышения скорости, создании аварийных ситуаций.

Профилактика – это совокупность мер организационного, правового, информационного и иного характера, к которым прибегает МВД при осуществлении своей деятельности. Это необходимо для обеспечения правопорядка, безопасности, контроля движения. В качестве целей профилактических мероприятий в данном случае являются:

– Улучшение качества государственного контроля и повышения прозрачности работы правоохранительных органов.

– Снижение издержек МВД, связанных с финансами.

– Улучшение работы административного аппарата МВД.

– Предупреждение нарушений со стороны подконтрольных субъектов.

– Устранение причин, которые могут способствовать нарушению законных требований.

– Снижение уровня причиняемого вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям.

– Мотивация участников дорожного движения вести себя внимательно и добросовестно.

– Снижение уровня ущерба охраняемым законом ценностям.

– Обеспечение оптимальной работы государственных органов равномерного распределения нагрузки между сотрудниками, повышение эффективности их работы [3], [6].

Рассматриваемый подход позволит не только усовершенствовать контрольно-надзорные мероприятия, но и изменить ориентиры для контролирующих организаций. Сотрудники полиции не должны стремиться к всеобщему подчинению, важно добиться с участниками дорожного движения взаимного сотрудничества и помощи. Они должны разъяснять правила и законодательство, не только выписывать водителям штрафы, но и объяснять, почему важно соблюдать ПДД, ориентировать водителей на выполнение предписаний. Только комплексный подход к проблеме, использование технических средств, грамотное налаживание контакта и совершенствование законодательства дадут желанный результат.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19735/.
3. Абитаев Е. А. Административная ответственность участников дорожного движения в Росии // Академическая публицистика. – 2019. – № 8. – С. 35-39.
4. Гутаев А. М. К вопросу уголовно-правовой оценки лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15. № 5. – С. 195-199.
5. Гутаев А. М. Правовые основы предупреждения преступлений в сфере безопасности дорожного движения // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. № 3. – С. 154-157.
6. Сорокина К. А. К вопросу о механизме контрольной и надзорной деятельности в области безопасности дорожного движения // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2021. – № 1 (57). – С. 129-136.

САМИУЛИНА Яна Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье автором проанализированы сложившиеся в правовой доктрине подходы к пониманию «прокурорского надзора за административной деятельностью органов внутренних дел».

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием легального закрепления рассматриваемого понятия, недостаточной проработанности теоретических основ прокурорского надзора за административной деятельностью органов внутренних дел. В научной среде на сегодняшний день отсутствует единообразный подход к тем категориям, что принято относить к ключевым: «прокурорский надзор», «административная деятельность органов внутренних дел», а такое понятие как «прокурорский надзор за административной деятельностью органов внутренних дел» и вовсе отсутствует. Теоретические же проблемы всегда негативно сказываются на практике, поскольку предназначение любого определения (понятия) – максимально четко отразить то или иное явление. В результате проведенной работы с целью устранения правовой неопределенности предложена авторская интерпретация таких понятий, как «административная деятельность органов внутренних дел», «прокурорский надзор за административной деятельностью органов внутренних дел».

Ключевые слова: прокурорский надзор, органы внутренних дел, административная деятельность, доктринальный подход.

SAMIULINA Yana Valerjevna
Ph.D. in of Law, associate professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE ADMINISTRATIVE ACTIVITY OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

In the article, the author analyzes the approaches to understanding the «prosecutorial supervision of the administrative activities of the internal affairs bodies» that have developed in the legal doctrine.

The relevance of the research topic is due to the lack of legal consolidation of the concept under consideration, insufficient elaboration of the theoretical foundations of prosecutorial supervision over the administrative activities of the internal affairs bodies. In the scientific community today there is no uniform approach to those categories that are usually referred to as key: «prosecutorial supervision», «administrative activities of internal affairs bodies», and such a concept as «prosecutorial supervision over the administrative activities of internal affairs bodies» is completely absent. Theoretical problems always have a negative impact on practice, since the purpose of any definition (concept) is to reflect a particular phenomenon as clearly as possible.

As a result of the work carried out, in order to eliminate legal uncertainty, the author's interpretation of such concepts as «administrative activity of internal affairs bodies», «prosecutorial supervision over the administrative activities of internal affairs bodies» is proposed.

Keywords: prosecutorial supervision, internal affairs bodies, administrative activities, doctrinal approach.

Понятия «прокурорский надзор» и «административная деятельность органов внутренних дел» легально не закреплены. Однако доктрина смогла восполнить этот пробел, предлагая на протяжении не одного десятилетия свои трактовки указанных дефиниций на монографическом, диссертационном, публицистическом и учебном уровнях, что свидетельствует о важности искомых понятий для науки и практики. Встречаются они и в пособиях по прокурорскому надзору практической направленности.

Между тем, стоит заметить, что научные представления о сущности рассматриваемой деятельности, ее определения, предложенные отечественными правоведами, характеризует отсутствие конкретного изложения, позволяющего ее разграничить от иных видов государственной деятельности. Так, Д. Н. Бахрах определяет «административную деятельность», как систематическую, непрерывную организацию, направленную на сохранение социальной системы, ее укрепление и развитие [1, с. 10].

В прикладном аспекте понимания административной деятельности, следует отметить, что применительно к каждому ее виду, оно будет несколько разниться, наполняясь спецификой конкретной деятельности. В рамках настоящего исследования представляет интерес лишь та деятельность административного характера, которая осуществляется органами внутренних дел (далее – ОВД).

ОВД являются государственными органами исполнительной власти, административная деятельность которых должна осуществляться четко в рамках установленной государством компетенций, за несоблюдение которых конкретные должностные лица несут юридическую ответственность. Значит, прикладной аспект административной деятельности ОВД будет отражать утверждение о том, что она представляет собой целенаправленную деятельность организующего исполнительного и распорядительного свойства, которая заключается в осуществлении в пределах своей компетенции на практике непосредственно и повседневно тех задач и функций государства, которые поставлены перед подразделениями ОВД.

Согласимся с учеными (В. В. Коноплевым и др.), утверждающими, что отсутствие законодательно закрепленных определений рассматриваемых дефиниций есть не что иное, как упущение законодателя. Значит, его нужно исправить, разработав и закрепив в соответствующем нормативно-правовом акте определение административной деятельности [2, с. 164]. Думается, что и определение такой деятельности, но уже применительно к ОВД, также не будет лишним. Подобные нововведения приведут к единству доктринального толкования указанных дефиниций, что положительно отразится и на науке, и на практике. Ожидаемый итог (применительно к деятельности ОВД) от рекомендуемых изменений:

1) усовершенствуется применение ОВД нормативно-правовой базы, а деятельность самих сотрудников станет результативнее. Ведь наличие пробелов в понятийной (категорийной) системе понижает эффективность работы субъектов ОВД в силу неполного понимания последними сути деятельности, которую они реализуют;

2) сотрудники ОВД, используя в своей деятельности властные полномочия, предоставленные на их административное усмотрение, не допустят случаи их превышения. Значит, больше станет гарантий того, что права лиц (юридических и физических) будут соблюдены и реализованы;

3) правовая регламентация изучаемой деятельности приобретет большую комплексность.

Изучение существующих на сегодня определений как административной деятельности в целом, так и непосредственно ОВД, дает возможность вычленить свойственные ей три признака:

– авторитарность, поскольку ее характер именуется государственно-властным, ОВД действуют от имени/лица государства, являя собой один из его институтов, призванных решать задачи, стоящие перед государством. Именно задачи, стоящие перед государством на конкретном историческом пути, предопределяют и задачи, стоящие перед ОВД. Следовательно, можно указать еще и на обусловленность административной деятельности ОВД стоящими перед государственным управлением целями и задачами;

– исполнительно-распорядительный характер, который предопределен той компетенцией, которой наделил ОВД законодатель. Указанный признак отражает то, на что нацелена непосредственная деятельность ОВД: исполнение российского законодательства в сфере, касающейся охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, обеспечения безопасности социума (общественной безопасности). Для выполнения задач, поставленных государством, последнее наделило сотрудников ОВД множеством полномочий, имеющих административно-распорядительный характер, в том числе по применению мер административного принуждения;

– профилактическая (предупредительная) направленность. Сотрудники ОВД, осуществляя данную деятельность, стремятся по максимуму упредить ненадлежащее поведение различных субъектов (физических или юридических лиц) с тем, чтобы они не совершили какое-либо противоправное деяние, а если оно уже совершается – остановить его. Именно это и является той конечной целью, которую преследует ОВД в своей деятельности.

Добавим, что поскольку определения изучаемой деятельности, формулируемые в доктрине, весьма однообразны и непротиворечивы, можно утверждать, что названные выше признаки в полной мере отражают ее сущность и характеризуют значение.

Среди существующих научных определений прокурорского надзора, с нашей точки зрения, интерес представляет сформулированное Ю. Е. Винокуровым, который увидел в нем специфическую деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляемую от имени государства и заключающуюся в том, чтобы проверять насколько точно соблюдается Конституция РФ и исполняются законы, распространяющие свое действие на территории Российской Федерации [3, с. 14]. Содержательную часть данной деятельности, полагают Ю. Е. Винокуров и А. Ю. Винокуров, составляют такие действия как: обнаружение фактов несоблюдения предписаний Конституции РФ, нарушений требований иных законодательных актов; выявление правонарушителей; устранение деяний, нарушающих законодательство страны, их предупреждение; наказание субъектов правонарушений.

Определение Ю. Е. Винокурова снискало высокую оценку в научной среде. Однако, и оно не совершенно. Весьма точно, как представляется, дополняет его Е. А. Миллерова указанием на то, что данная деятельность сопряжена с использованием средств реагирования на тот случай, если в ходе ее осуществления будет выявлено нарушение законодательства. Прокурорский надзор – эта деятельность, которая не может быть осуществлена ни одним иным органом, кроме прокуратуры. Представляется, что определение Ю. Е. Винокурова с дополнениями-замечаниями, предложенными Е. А. Миллеровой, будет максимально точно передавать суть прокурорского надзора [4, с. 5].

Отталкиваясь от такого понимания сути прокурорского надзора в его общем значении, представляется возможным сформулировать определение аналогичной деятельности, но уже применительно к рассматриваемой деятельности ОВД:

прокурорский надзор за административной деятельностью ОВД – специфическая деятельность органов прокуратуры, осуществляемая от имени государства – Российской Федерации, и заключающаяся в реализации проверки насколько точно ОВД, их должностными лицами при осуществлении административной деятельности соблюдается Конституция РФ и исполняются законы, сопряженная с использованием средств реагирования при выявлении случаев нарушения законодательства сотрудниками подразделений ОВД.

Отметим, что в доктрине неоднократно высказывались предложения о необходимости легального закрепления понятия «прокурорский надзор». Соглашаясь с учеными, инициирующими такое нововведение, полагаем, что определением указанной деятельности целесообразно дополнить Закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Между тем, в доктрине с целью укрепления режима законности, как основополагающего конституционного принципа государства, высказывается предложение дополнить указанной дефиницией законы федерального уровня, включая кодифицированные акты, статьи которых касаются прокурорского надзора, его основных направлений.

Предложенное выше определение прокурорского надзора позволяет обозначить ряд характеризующих его признаков, позволяющие уяснить сущность этой деятельности, а также ее содержание:

– специфичность. Прокурорский надзор, обладая признаками функционального характера всех существующих ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной), не представляет при этом ни одну из них. Органам прокуратуры в сложной системе государственной власти страны отведена иная роль – особая, которая в устройстве государства дает равновесие всем ветвям власти, позволяя им наилучшим образом функционировать;

– особенность осуществления: не от своего имени, а от лица государства;

– самостоятельность, поскольку деятельность прокуратуры не может быть осуществлена ни одним иным органом;

– отсутствие тех полномочий, что принято относить к административным. При обнаружении нарушений закона, прокурора не предпринимает попытки их самостоятельного устранения, а указывает на данные нарушения тем органам и должностным лицам, в чьей зоне ответственности находятся выявленные нарушения, их недопущение.

В качестве основных целей, которые преследует прокурор, надзирая за деятельностью ОВД административного характера, ее законностью, следует назвать: укрепление законности в деятельности сотрудников ОВД; предотвращение коррупционных проявлений со стороны сотрудников ОВД; недопущение сращивания криминальных структур и бизнеса с органами правопорядка.

Подводя итог проведенного исследования, в целях совершенствования правового регулирования надзора прокуратуры за деятельностью ОВД административного характера представляется возможным порекомендовать законодателю следующее:

1) выработать определение административной деятельности ОВД и зафиксировать его на законодательном уровне;

2) ввести формулировку понятия «прокурорский надзор» в Закон «О прокуратуре Российской Федерации».

Пристатейный библиографический список

1. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник. – М.: Эксмо, 2007. – 528 с.
2. Коноплев В. В. Теоретические подходы к определению понятия административной деятельности органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1. – № 4. – С. 164-170.
3. Винокуров Ю. Е., Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор: учебник в 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. А. Ю. Винокурова. – М.: Юрайт, 2018. – 165 с.
4. Миллерова Е. А. Прокурорский надзор: учебное пособие. – Ростов н/Д: ФГБОУ ВО РГУПС, 2017. – 57 с.

ХОЛОПОВА Татьяна Викторовна
адьюнкт кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка Центра командно-штабных учений Академия управления МВД России, г. Владивосток, капитан юстиции

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В современных условиях профилактика правонарушений – главное стратегическое направление деятельности МВД России в борьбе с этим социально негативным явлением. Предупреждение правонарушений полицией – это деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением. Предупреждение преступлений органами внутренних дел осуществляется с целью защиты личности, общества, государства от преступных посягательств, противодействия криминогенным процессам в обществе, обеспечения сдерживания и сокращения преступности.

Ключевые слова: система профилактики правонарушений, государственная политика в сфере внутренних дел, объявление официального предостережения, административное наказание.

KHOLOPOVA Tatyana Viktorovna
adjunct of Management of activities of public order protection units at the command and staff sub-faculty of the Training Center Academy of Management of the MIA of Russia, Vladivostok, captain of justice

PREVENTION OF OFFENSES BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

In modern conditions, crime prevention is the main strategic direction of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the fight against this socially negative phenomenon. The prevention of offenses by the police is the activity of services, divisions and employees of internal affairs bodies carried out within their competence, aimed at preventing crimes by identifying, eliminating or neutralizing the causes, conditions and circumstances that contribute to their commission, providing preventive impact on persons with illegal behavior. The prevention of crimes by the internal affairs bodies is carried out with the aim of protecting the individual, society, and the state from criminal encroachments, countering criminogenic processes in society, and ensuring the containment and reduction of crime.

Keywords: crime prevention system, state policy in the field of internal affairs, announcement of an official warning, administrative punishment.

Одним из важнейших государственных приоритетов России является обеспечение безопасности ее граждан от преступных посягательств. В ряде стратегических и плановых документов противодействие преступности возведено в ранг государственной задачи для правоохранительных органов, включая, безусловно, и Министерство внутренних дел. Особое место в противодействии преступности по праву принадлежит системе предупреждения правонарушений, которая выработана десятилетиями серьезных криминологических исследований и накопленным российским и зарубежным опытом правоохранительной деятельности. На сегодняшний день превенция дает ощутимые, значимые результаты. Так, 16 ноября 2022 г. Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В. А. Колокольцев выступил в Совете Федерации в рамках «правительственного часа». В докладе Министра уделено внимание состоянию профилактики правонарушений. Отмечено, что МВД России во взаимодействии с другими ведомствами реализован широкий комплекс мероприятий по предупреждению правонарушений [1].

Предложения МВД России легли в основу поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации по обеспечению безопасности образовательных организаций, проводится профилактическая работа с подученными детьми и детьми из «группы риска». Пресекается деятельность лиц, вовлекающих несовершеннолетних в противоправные деяния. Только в 2022 году полицейскими задокументировано 900 подобных фактов. Системный подход позволил сохранить тенденцию сокращения подростковой преступности. Её доля в общем массиве достигла минимума за 15 лет.

В такой очень тонкой сфере, как семейно-бытовые отношения, где формального применения правовых норм недостаточно, участковые проводят многочисленные профилактические беседы, и эта, зачастую, незаметная адресная работа приносит свой результат. Количество преступлений данной категории уменьшилось на 10%, в т.ч. тяжких и особо тяжких – на 4% [2]. При координирующей роли Государственного антинаркотического комитета реализуется широкий спектр профилактических мероприятий, в т.ч. направленных на пропаганду здорового образа жизни, побуждению к избавлению от наркотической зависимости. Решением Правительственной комиссии по профилактике правонарушений главам регионов рекомендовано принять дополнительные меры по введению компенсаций и льгот гражданам, участвующим в обеспечении правопорядка [4].

Очевидно, что система предупреждения правонарушений в России обрела комплексную нормативную правовую базу на всех уровнях власти (федеральном, региональном, муниципальном), имеет необходимое ресурсное обеспечение (организационное, кадровое, финансовое и др.), пройдя непростой путь становления. В целом же преступность, как свидетельствует опыт человеческого бытия, существует на всех этапах развития человеческой цивилизации.

Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 17 февраля 2022 г. [3], Президент Российской Федерации В. В. Путин в перечне приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел на текущий год снова выделил задачу эффективной профилактики правонарушений, назвав ее комплексной, и тем самым подчеркнул ее многоаспектность как с точки зрения объектов профилактики (в выступлении были упомянуты молодежь, подростки, мигранты, участники дорожного движения), так и с точки зрения субъектов, участвующих в ее решении.

Действительно, профилактика правонарушений входит в сферу деятельности многих федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Каждый из этих органов осуществляет свои полномочия, реализует права и исполняет обязанности в соответствии с действующим законодательством. Выбор направлений повышения эффективности функционирования системы профилактики правонарушений предопределяет необходимость проведения анализа динамики значений показателей, характеризующих работу ее субъектов.

Одним из значительных факторов предупреждения и снижения числа правонарушений является правовая культура общества. В частности, низкий уровень правового нигилизма, ведут к значительному ослаблению и девальвации режима, с одной стороны, к ужесточению мер ответственности со стороны государства, с другой. Фактом является и то, что должностные лица, наделенными полномочиями в области охраны законов и средствами обеспечиваемые этими задачами, которые должны нести первоочередную ответственность, т.е. неизбежную и первостепенную ответственность, по сравнению, ответственность в соответствии с демократическими принципами равенства всех перед законом и судом, неизбежности перед ответственностью при наличии определенной вины. При всем этом, высокая культура правоохранительных органов в современное время позволяет использовать широкие различные меры пресечения правонарушений, а также позволяет грамотно определять степень вины, общественную опасность правонарушения, избирать меру ответственности.

Основными принципами организации системы профилактики правонарушений в России на настоящий момент являются:

1) профилактическая беседа среди подростков и в общем молодежи;

2) необходимость укрепления правовой базы в системе профилактики правонарушений;

3) активное привлечение в охране правопорядка граждан и различных общественных объединений или организаций;

4) социальная адаптация тех лиц, которые не имеют определенного места жительства или лица, освободившиеся из мест лишения свободы [5].

В целях установления координированной деятельности органов исполнительной власти и реализации мер в системе государственной профилактики правонарушений Постановлением Правительства РФ от 28.03.2008 г. № 216 была образована Правительственная комиссия по профилактике правонарушений. Значимую роль в проведении профилактических работ на современном этапе играют органы государственной власти субъектов РФ.

К причинам роста правонарушений в любом государстве и обществе следует относить несовершенство законодательства, интерференция социальных интересов, низкую правовую культуру граждан, недостаточно эффективную работу правоохранительных органов, увеличения в обществе количества наркоманов и пьющих и т.п. Все это стимулирует значительное различие в доходах отдельных слоев населения, а также частая детская безнадзорность, общий кризис моральных устоев, нравственных и семейных традиций. Широкое распространение получила идеализация ценностей установок, происходящих в криминальной среде, которые стимулируются с помощью радио или телевидения. Из-за этого большая часть массовой культуры людей наделена отрицательными чертами: жестокостью, сценами разврата и пьянства, насилием. Борьба с правонарушениями содержит в себе два элемента:

1. Превентивное (предупреждение правонарушений);

2. Карательное (неотвратимое возмездие за совершение преступления). Важнейшая роль в укрепление правопорядка и безопасности общества отводится государству, основными задачами которого в данной сфере являются: постоянное своевременное обновление и совершенствование действующего законодательства, улучшение деятельности правоохранительных органов в плане совершенствования их материально-технической базы и, безусловно, повышение роли государства.

Все наказания за совершение того или иного преступления должны быть справедливыми и обоснованными, исходя из принципов законности, однократности и индивидуализации. Вместе с тем, следует заметить, что любое преступление не должно оставаться безнаказанным, т.е. неизбежным. Важные меры в борьбе с правонарушениями принимаются в социально-экономической и культурной сферах. Здесь затрагивается улучшение материального положения российских граждан, искоренение бедноты, повышение общего уровня культуры населения страны, образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, а также обеспечение занятости и снижения уровня безработицы.

Не менее важным является полное искоренение разврата и сцен насилия по радиостанции и телевидению. Все эти меры должны способствовать сокращению социальных условий преступности, пресечь их возникновение в общественной жизни. К этим мерам нужно добавить и повышение правовой культуры населения. Необходимая деятельность самих граждан, знающих свои права и умеющих их защищать, также способствует уменьшению возникновения преступности, если эти меры не противоречат закону [2].

Проблема в области правонарушений является одной из древнейших проблем, с которой боролось все общество на всех этапах его развития. Ее актуальность остается высокой и в современное время, потому что не созданы еще условия, способствующие снижению уровня преступности. Это характерно в особенности для тех стран, в которых преобладал социалистический лагерь, где из-за неустойчивости обстановки в государстве наблюдается значительный рост количества совершаемых преступлений. Исходя из этого, можно выделить ряд следующих выводов:

1. Абсолютно всем правонарушениям свойственны общественная опасность и противоправность. Признаки правонарушений являются обязательным, и при отсутствии хотя бы одного из них исключает возможность квалифицировать то или иное противоправное деяние как правонарушение. Одним из важнейших признаков правонарушений является наличие вины. Необходимо заметить, что правонарушением является исключительно деяние, совершаемое против правовым влиянием, нарушающий законы и выступающий против него.

2. Виды правонарушений тесно связаны между собой и взаимообусловлены. Например, халатность и безответственность правоохранительных органов, зачастую приводит к безнаказанности среди населения, является непосредственным стимулом для повышения уровня общественной опасности.

3. В связи с тем, что в силу взаимосвязи явлений объективного мира причина и следствие нередко меняются местами, то при рассмотрении преступления всегда следует четко устанавливать.

4. Субъективная сторона правонарушений немыслима без вины, выступающей в виде психического состояния правонарушителя, к совершаемому деянию и последствия в форме умысла либо в форме неосторожности. При их совершении законодатель использует только два вида элемента психики – интеллектуальный и волевой. Интеллектуальный признак подразумевает осознание противоправности, сознательное допущение последствий и желание подразумевают волевой признак психики.

5. Знание причин правонарушений имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как позволяет успешно бороться с ними и реализовывать активную работу по их предубеждению.

Проблема увеличения уровня преступности стоит особенно остро. Разработка комплекса мер по борьбе с правонарушениями, а также улучшение работы правоохранительных органов, совершенствование материально-технической базы требует вложения огромных средств.

Таким образом, следует подчеркнуть тот факт, что если ситуация в стране не улучшится, то снижения уровня преступности, по крайней мере в ближайшем будущем не произойдет.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mvd.ru (дата обращения: 02.03.2023).
2. Официальный сайт Президента Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru. (дата обращения: 02.03.2023).
3. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России (17 февраля 2022 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/67795 (дата обращения: 02.03.2023).
4. Капинус О. С. Совершенствование мер по предотвращению вовлечения несовершеннолетних в противоправную и деструктивную деятельность // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 4. – С. 59-64.
5. Подчерняев А. Н. Предупреждение преступности как приоритетное направление деятельности органов внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2018. – № 2 (75). – С. 90-93.

ШТАРЕВ Денис Олегович
заместитель начальника кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ХАЕРТДИНОВ Вадим Фанисович
начальник цикла – преподаватель цикла ПС и ФП Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России

ОВЧИННИКОВ Евгений Александрович
преподаватель кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД Российской Федерации

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ КАК ЧАСТЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье авторами рассматривается такой специфический вид деятельности оперативных подразделений, как специальная профилактика преступности. Новизна работы заключается в том, что до настоящего времени в отечественной научной среде отсутствуют какие-либо фундаментальные труды на данную тематику. Авторы же предлагают взглянуть на профилактическую роль осуществления оперативно-розыскной деятельности как на целостную систему организации работы не только по пресечению совершаемых преступлений, но и недопущение готовящихся через устранение причин и условий их совершения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, профилактика преступлений, предотвращение преступлений, цель профилактики преступлений, задачи борьбы с преступностью, оперативно-розыскные мероприятия, оперативные подразделения.

SHTAREV Denis Olegovich
Deputy Head of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KHAERTDINOV Vadim Fanisovich
Head of the cycle – lecturer of the PS and FP cycle of the Ufa School for training dog handlers of the MIA of Russia

OVCHINNIKOV Evgeniy Alexandrovich
lecturer of Personnel support and personnel management in the internal affairs bodies sub-faculty of the Center for Personnel, Psychological, Pedagogical and Medical Support of the activities of the Internal Affairs Bodies of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of the Russian Federation

SPECIAL CRIME PREVENTION AS PART OF THE OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

In the article, the authors consider such a specific type of activity of operational units as special crime prevention. The novelty of the work lies in the fact that until now there are no fundamental works on this topic in the domestic scientific community. The authors also propose to look at the preventive role of the implementation of operational investigative activities as an integral system of organizing work not only to suppress the crimes committed, but also to prevent those being prepared through the elimination of the causes and conditions of their commission.

Keywords: operational investigative activities, crime prevention, crime prevention, the purpose of crime prevention, crime control tasks, operational investigative measures, operational units.

Одной из основных задач органов внутренних дел является борьба с преступностью. Эта задача в свою очередь может быть разделена на две больших составляющих. Первая составляющая представляет собой комплекс задач по раскрытию уже совершенных противоправных деяний, установлению лиц, их совершивших, возмещение причиненного имущественного вреда и так далее. Вторая включает в себя задачи по профилактике преступлений – предупреждение совершения преступлений в целом и со стороны лиц, ранее уже совершавших преступления, пресечение готовящихся преступлений, устранение причин и условий, которые благоприятствуют совершению преступных деяний.

По мнению авторов настоящей статьи, задачи по предупреждению преступлений являются не менее важными, чем раскрытие уже совершенных. А по социальной значимости, возможно даже превосходят. И для таких суждений имеется ряд причин. Во-первых, одной из целей борьбы с преступностью является восстановление справедливости. При раскрытии совершенного преступления она действительно достигается, но очень редко в полной мере. Например, представим ситуацию, когда совершена кража сотового телефона в общественном транспорте. Не вдаваясь в детали, будем считать, что злоумышленник установлен, однако похищенное уже им продано неустановленному лицу и соответственно найти телефон не представляется возможным. Итак, преступление

юридически раскрыто, однако фактически того же самого про торжество справедливости в том понимании, чтобы вернуть первоначальное положение вещей и состояние потерпевшего, как было до самого события хищения, в данной ситуации мы не можем. В случае совершения преступлений против личности, например, таких как причинение тяжких телесных повреждений, убийство либо против половой неприкосновенности, оснований рассуждать про восстановление справедливости ещё меньше. В случае же профилактики преступлений негативные последствия в виде материальных потерь, телесных повреждений, душевных страданий и так далее пресекаются на стадии возможного причинения, таким образом необходимость в восстановлении справедливости как таковая отсутствует. В то же время это наилучший вариант его достижения – сохранение социальной справедливости через недопущение его нарушения.

Во-вторых, даже при раскрытом преступлении, потерпевший, если мы говорим о физическом лице, остается лицом, получившим негативный опыт от совершенного в его отношении противоправного деяния. Этот человек уже понимает, что в обществе в его отношении может быть повторно совершено то или иное преступление. Более того, в большинстве случаев, потерпевшая сторона, как правило, не довольна мерой наказания, назначаемой своему обидчику.

В-третьих, именно при раскрытии преступления общество получает либо нового преступника, либо лицо, ранее уже привлеченное к уголовной ответственности, получает новый виток в своей «преступной карьере». Таким образом, даже приведенный не полный перечень факторов говорит нам о том, что профилактика преступлений несёт для общества гораздо больше пользы, чем борьба с уже наступившими последствиями преступных деяний. Здесь необходимо отметить, что речь идёт не об отказе от раскрытия в пользу профилактики. Речь о понимании значения профилактики и соответствующей организации данной работы, чтобы её результаты приводили в итоге к уменьшению преступных последствий.

Само предупреждение преступности делится на два больших направления – общая профилактика и специальная. Общая профилактика включает в себя мероприятия, организуемые и проводимые на уровне общества в целом или скажем, например, на уровне отдельно взятого государства. Сюда входят меры экономического, политического, правового характера и другие, согласно основным сферам общественного устройства. Как правило, эти меры направлены на усовершенствование условий жизни людей, тем самым мотивируя их на законопослушный образ жизни. Уровень социального благоденствия и многие социальные достижения сами по себе обратно пропорциональны уровню преступности. Например, чем выше в обществе уровень людей, имеющих образование, тем ниже доля преступников в этом обществе.

Второе направление – специальное предупреждение преступности – направлено на непосредственное предотвращение совершения преступлений. И здесь тоже можно выделить две группы, отличающиеся по своей направленности. Первая группа мер направлена на предотвращение преступлений путём устранения причин и условий их совершения. Так, одним из наиболее актуально проблемных и масштабно распространенных преступлений в настоящее время является дистанционное мошенничество. Среди причин их совершения можно назвать низкую осведомленность людей, особенно пожилого возраста, о методах их совершения. Специальная профилактика в данном случае, в том числе, проводится путём транслирования через средства массовой информации, социальные сети и мессенджеры видеороликов о способах совершения дистанционных мошенничеств и призывах к гражданам никогда не переводить деньги на незнакомые счета. Кроме того, используется раздача памяток аналогичного содержания и устные разъяснения индивидуально либо на общих собраниях граждан.

Нас же в рамках данной статьи больше интересует вторая группа мер, направленных на специальное предупреждение преступлений путём пресечения готовящихся преступлений либо путём проведения специальных профилактических мер в отношении лиц, склонных к совершению преступлений (состоящих на учёте, рецидивистов, участников неформальных групп, лиц, придерживающихся криминальной идеологии и т.д.).

Тайный характер совершения преступлений выступает негативным фактором для осуществления предупредительной деятельности по их непосредственному предотвращению. Одно дело, когда сотрудники патрульно-постовой службы полиции при находясь на маршруте в общественном месте одним лишь нахождением там создают профилактический эффект на уличных грабителей и лиц, находящихся в совершении алкогольного опьянения, готовых совершить противоправное деяние в отношении посильной беззащитной жертвы. Другое дело, тщательно подготовленное с соблюдением всех правил конспирации преступление. Наличие лишь наружных служб организовать противодействие таким злоумышленникам невозможно – этот фактор они уже приняли как данность и учли при планировании совершения преступления. Именно поэтому, одним из наиболее действенных видов противодействия готовящимся или совершаемым преступлениям, особенно латентного характера, является оперативно-розыскная деятельность. Органы внутренних дел, согласно статье 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1], являются как раз одним из субъектов осуществления этой деятельности.

Как известно, в организации работы по борьбе с преступностью выделяют два основных метода – «от преступления к лицу» и «от лица к преступлению». Первый принцип организации работы подразумевает в качестве профилактической работы контрольно-проверочные мероприятия в отношении лиц, ранее судимых либо состоящих на учетах органов внутренних дел. В этом ключе наиболее распространенным видом профилактической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел является контроль за лицами, ранее отбывавшими уголовное наказание за совершение преступлений. Как правило, эта функция возлагается на подразделения уголовного розыска. Здесь следует заметить, что существуют категории преступлений, после совершения которых и отбытия соответствующего на-

казания, лицо в обязательном порядке подпадает в первую очередь под административный надзор со стороны органов внутренних дел. Он осуществляется со стороны участковых уполномоченных полиции и в основном заключается в проверке таких лиц по месту жительства, установлении им определенных ограничений по нахождению за пределами адреса проживания в ночное время суток. Кроме того, в отношении данных лиц должна проводиться профилактическая работа со стороны сотрудников оперативных подразделений. Открытый характер опубликования данной статьи не даёт возможности в полной мере раскрыть тактические особенности проведения таких профилактических мероприятий. Вместе с тем, необходимо отметить, что для проведения в отношении ранее судимых лиц оперативно-розыскных мероприятий должны быть достаточные основания, установленные законом об оперативно-розыскной деятельности.

Также подразделения уголовного розыска осуществляют оперативно-розыскную деятельность в отношении лиц, по которым поступают сведения о совершении или подготовке ими к совершению преступлений. Это, как правило, противоправные деяния в сфере незаконного оборота оружия, наркотиков. Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности устанавливает такие сведения в качестве одного из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, можно выделить такой подвид профилактики преступлений, как пресечение преступления. Скажем, если речь идёт о продолжаемом преступлении, которое само по себе имеет последствия в виде нанесения ущерба охраняемым законом правам и интересам, а вдобавок к этому, ещё и может привести к более тяжким последствиям. Например, незаконное хранение взрывного устройства является преступлением и его обнаружение с последующим изъятием в результате проведенного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» является как раз пресечением одного преступления и одновременную профилактику совершения другого, возможного убийства или совершения террористического акта.

Ярким примером специальной профилактики преступлений является организация работы по противодействию экстремизму и терроризму. Здесь работа оперативных подразделений строится как раз по принципу «от лица к преступлению», как при осуществлении оперативно-служебной деятельности по выявлению преступлений в сфере незаконного оборота оружия или наркотиков. Проверка отдельных лиц на возможную причастность к экстремистской или террористической деятельности является ничем иным, как осуществлением в их отношении профилактической работы через проведение оперативно-розыскных мероприятий, начиная с наведения справок и заканчивая, при наличии достаточных законных оснований, прослушиванием телефонных переговоров. Расписывать важность такой профилактической работы, как предотвращенный теракт, представляется излишним.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что специальная профилактика преступлений, осуществляемая оперативными подразделениями органов внутренних дел, является одной из важнейших составляющих борьбы с преступностью. Особенная значимость этой деятельность определяется тем, что именно оперативно-розыскная деятельность, согласно действующему законодательству, направлена на проведение проверочных мероприятий, в том числе негласно, по поступающим в органы внутренних дел сведениям о готовящемся или совершаемом преступлении, когда этих сведений ещё недостаточно для возбуждения уголовного дела. Ценность такого рода профилактики совершения преступлений также заключается в том, что только оперативно-розыскная деятельность осуществляется в применении сил и средств, позволяющих своевременно выявлять и пресекать преступления, совершаемые или готовящиеся тайно, которые в случае отсутствия такого упреждающего противодействия могут привести к серьезным тяжким последствиям.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ) // Российская газета. - 1995. - 18 августа.
2. Приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 (ред. от 29.09.2022) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.08.2023).

ТАРЧОКОВ Беслан Алексеевич
кандидат экономических наук, начальник кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Интернет – удобное средство взаимодействия с остальным миром. Кроме этого, кибернетическое пространство можно использовать не только как средство связи или обмена информацией, но и получить доступ к устройствам, имеющим в него выход. Конечно, для этого требуются специальные навыки и программы, но экстремисты и террористы постепенно осваивают и эти специальности. Интернет предоставляет возможность комбинировать текст, графику, аудио и видео, создавая яркие и привлекательные сайты для привлечения аудитории. На таких площадках пользователи могут загружать фильмы, постеры, книги, посты, обмениваться комментариями и находить единомышленников. Мультимедиа-пропаганда является мощным инструментом для ведения психологической войны. Чаще всего радикальные организации создают собственные сайты, блоги, форумы, используют иные интернет-ресурсы. В них публикуются видео, фото- и текстовые материалы, в которых содержится информация экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, молодежь, пропаганда, вербовка, радикализация.

TARCHOKOV Beslan Alexeevich
Ph.D. in economical sciences, Head of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

THE SPREAD OF EXTREMISM AND TERRORISM IN THE GLOBAL INFORMATION SPACE

The Internet is a convenient means of interaction with the rest of the world. In addition, cyberspace can be used not only as a means of communication or information exchange, but also to gain access to devices that have access to it. Of course, this requires special skills and programs, but extremists and terrorists are gradually mastering these specialties. The Internet provides the opportunity to combine text, graphics, audio and video, creating vibrant and attractive websites to attract audiences. On such platforms, users can upload films, posters, books, posts, exchange comments and find like-minded people. Multimedia propaganda is a powerful tool for waging psychological warfare. Most often, radical organizations create their own websites, blogs, forums, and use other Internet resources. They publish videos, photos and text materials containing extremist information.

Keywords: extremism, terrorism, youth, propaganda, recruitment, radicalization.

Экстремисты и террористы за последние два десятилетия очень плотно обосновались в медиапространстве, на просторах которого можно неограниченно распространять и осуществлять свои идеи, разжигать ненависть, вербовать новых активистов. Интернет – удобное средство взаимодействия с остальным миром. Кроме этого, кибернетическое пространство можно использовать не только как средство связи или обмена информацией, но и получить доступ к устройствам, имеющим в него выход. Конечно, для этого требуются специальные навыки и программы, но экстремисты и террористы постепенно осваивают и эти специальности [3], [6].

В настоящее время нет сложностей с тем, чтобы удаленно получить доступ к информации, компьютерам, а также к огромному числу пользователей. Интернет наполняется материалами, содержащими радикальные идеи, способы осуществления терактов. Современное медиапространство — это сила, значительно отличающаяся от традиционных СМИ, таких как газеты, радио или телевизор. Интернет общедоступен, его невозможно заблокировать, при этом он позволяет быстро и анонимно передавать как печатные материалы, так и аудио- и видеофайлы. Можно общаться с любыми людьми, находясь в любой точке мира.

Интернет предоставляет возможность комбинировать текст, графику, аудио и видео, создавая яркие и привлекательные сайты для привлечения аудитории. На таких площадках пользователи могут загружать фильмы, постеры, книги, посты, обмениваться комментариями и находить единомышленников. Мультимедиа-пропаганда является мощным инструментом для ведения психологической войны.

Еще в 70-х годах исследователи обратили внимание на то, что терроризм — это не только физические действия, направленные на насильственное насаждение радикальных взглядов, но и идеологический инструмент, для развития которого используются всевозможные способы донесения и распространения информации. Кроме того, была выдвинута теория о том, что информационно-пропагандистская функция в террористической деятельности играет одну из основополагающих ролей. На сегодняшний день медиапространство существенно изменилось, увеличились его возможности и масштаб, в основном из-за присоединения к традиционным СМИ интернет-ресурсов. В современном обществе основную группу риска составляет молодежь, которая является наиболее активными пользователями интернета и к тому же имеет немало проблем психологического характера [1], [3], [8].

Радикальные структуры ориентируются на молодое поколение, не имеющее четких целей в жизни, противодействующее существующему порядку, находящееся на пути выбора дальнейшего будущего. Молодежь легко верит ярким лозунгам и красивым идеям, что делает ее подходящей мишенью для вербовки. Неформальные объединения достаточно часто формируются среди молодежи, нередко они имеют незаконный характер, исповедуют различные идеи неравенства и ненависти. При недостаточной социальной адаптации молодых людей и девушек происходит их вовлечение в различные незаконные схемы и движения, в частности ими активно интересуются террористы.

Исследователи обращают внимание на несколько факторов, которые способствует отстранению молодежи от общепринятого курса жизни. К ним относятся: социальное неравенство; несправедливость; отсутствие твердой моральной составляющей, как у отдельных людей, так и в обществе в целом; отсутствие чувства защищенности и уверенности в будущем; напряженность межнациональных отношений; распространение в СМИ агрессивного контента [3], [4], [7]. По мнению экспертов тщательного изучения и проработки требует проблема формирования у молодежи склонности к террористическим установкам. Так, при определении понятия «установка» в научных кругах понимается социально-психо-

логическая готовность человека к совершению тех или иных действий, которая возникает при ожидании какого-либо результата, появления объекта. Такая деятельность имеет направленность, схематичность. Если взять во внимание такое понятие как «террористическая установка» относительно современного общества, то можно акцентировать внимание на деятельности террористов, их работу в медиапространстве, направленную на дестабилизацию общества. Террористы четко знают свои установки, умеют не только распространять, но и удачно рекламировать свою точку зрения.

За счет вышесказанного под террористическими установками стоит понимать спровоцированную информационной средой готовность человека к осуществлению террористической деятельности.

В числе ключевых задач террористов и экстремистов в глобальном медиапространстве выступает сбор средств на осуществление преступной деятельности. Без финансирования данные преступные ячейки существовать не могут. Вопреки расхожему мнению, террористы большую часть денег тратят именно на способы распространения информации, а не на сами теракты. Информационные процессы, распространение и сбор контента, заполнение и создание сайтов, издание печатной продукции, работа с другими медийными средствами — все это требует большого количества финансовых вливаний [1], [4], [5].

Чаще всего радикальные организации создают собственные сайты, блоги, форумы, используют иные интернет-ресурсы. В них публикуются видео, фото- и текстовые материалы, в которых содержится информация экстремистской направленности. Большая часть денег террористов имеет иностранное происхождение. Они могут спонсироваться как отдельными гражданами, так и государствами, коммерческими и некоммерческими религиозными организациями. Кроме этого, террористические организации могут иметь собственный бизнес, чаще всего нелегальный, который позволяет им иметь дополнительный доход. Это может быть торговля запрещенными предметами и веществами, чаще всего оружием, но могут быть и легальные товары, хотя последнее встречается реже.

Политические установки террористов всегда направлены на ухудшение обстановки внутри общества, нагнетания ненависти, страха, недовольства, неуверенности в будущем, создание панических и упаднических настроений. В действиях террористов часто отслеживаются политические мотивы. Они используют СМИ для общения с массами, привлечения будущих и действующих соратников, активации их деятельности.

Идеологические установки являются одним из мощнейших инструментов, который используется для вербовки новых людей и использовании их в своих целях. Террористы могут привлекать разными способами и иметь разные идеи, которые делят общество по религиозному, национальному, политическому, половому или любому другому признаку.

Для террористов важно наладить работу коммуникативной платформы, которая поможет им пропагандировать свои идеи и распространять материалы, в том числе и обучающего характера, для совершения в будущем терактов. Сайты, на которых размещается информация подобного содержания, часто блокируют и запрещают, однако злоумышленники быстро создают похожие ресурсы [2], [6], [7]. Они публикуют статьи, в которых оправдывают и восхваляют свою деятельность, снимают фильмы, сюжеты, выкладывают привлекательные фотографии. Все это служит для привлечения внимания и вербовки новых членов.

Террористические установки можно разделить по способу распространения. В их числе:

1. Скрытые террористические установки. Это установки, которыми пользуется небольшой круг лиц. Они распространяются через защищенные СМИ, предназначенные только для узкой аудитории. Это могут быть специальные мессенджеры или чаты, при помощи которых террористы поддерживают связь друг с другом.

2. Открытые террористические установки рассчитаны уже на массового потребителя. Такая информация делается максимально доступной, распространяется открыто, чтобы каждый желающий имел возможность с ней ознакомиться. Для распространения информации может использоваться не только интернет, но и традиционные способы СМИ, например, телевидение, радиовещание, печатные издания.

Не следует также забывать, что важную роль в деле пропаганды различных идеологий играют СМИ, где могут использоваться разные средства распространения информации, часто их комбинируют для достижения большего эффекта. В современном информационном пространстве можно еще выделить «медиатрансформацию терроризма»: это значит, что террористы используют СМИ в качестве инструмента для достижения своих целей. Данное определение довольно размытое и не включает разливные нюансы, которые были бы важны, однако делали бы его более расплывчатым и сложным. Однако сам смысл феномена определение отражает, оставаясь при этом элементом дискуссии. СМИ постоянно развиваются, меняются методы и способы воздействия на зрителя. Вынуждены меняться и способы пропаганды. Террористы также адаптируются под новую реальность, учатся извлекать из нее максимальную пользу, привлекать как можно больше сторонников, влиять на интересующие социальные группы или общество в целом.

В заключение обобщим, что с появлением компьютеров и интернета экстремисты и террористы смогли выйти на принципиально новый уровень. Кроме того, они охватывают большое количество людей, действуют из любой точки мира, с наименьшими рисками. У группировок есть возможность пользоваться скрытыми, защищенными каналами связи, создавать собственное медиапространство, в котором можно свободно публиковать запрещенный контент. Из-за того, что интернет трудно контролировать, поток запрещенной информации, хлынувший в массы, полностью прекратить не удается.

Террористические и радикальные группировки ведут активную пропагандистскую работу, стараются охватить как можно больше зрителей. Для этого активно используются масс-медиа, в частности каналы интернета. Последний не только удобнее и безопаснее для самих членов радикальных группировок, но и помогает быстрее и дешевле распространить материалы [7], [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что такие преимущества Интернета как анонимность, многочисленная аудитория, мультимедийность, скорость передачи информации и легкодоступность позволили экстремистским и террористическим организациям прочно обосноваться в сети Интернет и использовать его для распространения радикальной насильственной идеологии.

Пристатейный библиографический список

1. Арипшев А.тМ. Экстремизм и терроризм в социальных сетях: проблемы обнаружения и противодействия // Журнал прикладных исследований. - 2022. - Т. 1. - № 9. - С. 44-48.
2. Бураева Л. А. Об актуальных проблемах противодействия молодёжному экстремизму в глобальной сети // Пробелы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 5. - С. 29-33.
3. Коркмазов А. В. О факторах, активизирующих рост экстремизма и терроризма в современных условиях // Пробелы в российском законодательстве. - 2022. - Т. 15. - № 4. - С. 154-158.
4. Маздогова З. З. Современные технологии вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность: проблемы и пути противодействия // Пробелы в российском законодательстве. - 2023. - Т. 16. - № 4. - С. 203-207.
5. Мухтаров Д. Д. Распространение экстремистских материалов в сети интернет: проблемы обнаружения // Пробелы в российском законодательстве. - 2023. - Т. 16. - № 5. - С. 161-165.
6. Собалирова З. Х. Социальные сети как информационный ресурс распространения экстремизма // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 10 (173). - С. 460-461.
7. Тарчоков Б. А., Курманова М. К. Распространение экстремистских идей в глобальном информационном пространстве: новые вызовы и угрозы // Журнал прикладных исследований. - 2022. - Т. 6. - № 11. - С. 521-525.
8. Черкесов А. Ю. Глобализация, как среда, благоприятствующая распространению информационного экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 49-52.

МАМОНТОВ Денис Юрьевич
старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ГОРБАТЕНКО Сергей Александрович
заместитель начальника ЦПЭ ГУ МВД России по Ставропольскому краю

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ МВД РОССИИ СОВРЕМЕННЫМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ И ЭКСТРЕМИСТСКИМ УГРОЗАМ

В работе рассмотрены проблемы, возникающие в процессе выявления и раскрытия преступлений террористической и экстремистской направленности. Определены приоритетные направления деятельности оперативных подразделений в части противодействия террористическим и экстремистским угрозам, а также предложены способы их совершенствования. Особое внимание уделено вопросам противодействия террористическим и экстремистским угрозам, возникшим после начала специальной военной операции в свете изменяющейся общественно политической обстановки в мире.

Ключевые слова: оперативные подразделения, МВД России, терроризм, экстремизм, беженцы, мигранты, вооруженные нападения на учебные заведения.

MAMONTOV Denis Yurjevich
senior lecturer of Operational investigative activities and special equipment sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

GORBATENKO Sergey Alexandrovich
Deputy Head of the CPE of the MIA of Russia for the Stavropol Territory

ACTUAL PROBLEMS OF COUNTERACTION BY OPERATIONAL UNITS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA TO MODERN TERRORIST AND EXTREMIST THREATS

The work examines the problems that arise in the process of identifying and solving crimes of a terrorist and extremist nature. The priority areas of activity of operational units in terms of countering terrorist and extremist threats have been identified, and ways to improve them have been proposed. Particular attention is paid to the issues of countering terrorist and extremist threats that arose after the start of a special military operation in the light of the changing socio-political situation in the world.

Keywords: operational units, Ministry of Internal Affairs of Russia, terrorism, extremism, refugees, migrants, armed attacks on educational institutions.

В последние годы преступность в Российской Федерации, да и во всём мире характеризуется ростом преступлений экстремистской и террористической направленности. Так в 2017 году на территории Российской Федерации было совершено 1871 преступление террористической направленности и 1521 преступление экстремистской направленности. В 2020 году 2342 преступления террористической направленности и 833 преступления экстремистской направленности. В 2021 году 1057 преступлений экстремистской направленности и 2136 преступления террористической направленности за 9 месяцев 2022 года совершено 1818 преступлений террористической направленности и 1125 преступлений экстремистской направленности [1].

Борьба с преступлениями вышеназванной категории является одной из приоритетных задач правоохранительных органов и государства в целом. Следует отметить, что Министерство внутренних дел ведёт целенаправленную работу по предупреждению, выявлению и борьбе с преступлениями террористической и экстремистской направленности. На федеральном уровне централизация работы органов внутренних дел в целях противодействия терроризму экстремизму осуществляется посредством работы так называемых антитеррористических комиссий, а в самом Министерстве внутренних дел создана единая централизованная система, возглавляемая главным управлением по противодействию экстремизму и имеющая свои подразделения в каждом из субъектов нашей страны.

Не вызывает сомнений тот факт, что особую роль в борьбе с преступлениями экстремистской и террористической направленности играют оперативные подразделения органов внутренних дел.

Именно они призваны выявлять эти преступления на ранних стадиях, выявлять и ставить на профилактический учёт потенциально опасных лиц, которые могут в будущем совершить преступления анализируемых категорий.

Однако сегодня работа оперативных подразделений органов внутренних дел столкнулась с новыми проблемами в сфере борьбы с террористическими и экстремистскими угрозами. Причины этого скрыты в общественно-политических процессах начиная от популяризации различных религиозных течений и заканчивая геополитическими изменениями в мире.

На волне происходящих изменений мы можем выделить несколько приоритетных направлений деятельности оперативных подразделений в части противодействия террористическим и экстремистским угрозам. По нашему мнению, к таким направлениям можно отнести:

– работа оперативных подразделений в отношении лиц, прибывших на территорию нашей страны в качестве мигрантов.

На территорию России вместе с мигрантами могут проникать лица, являющиеся членами экстремистских и террористических сообществ, вынашивающими планы по подготовке и проведению террористических актов или каких-либо экстремистских акций.

После начала специальной военной операции 24 февраля 2022 года наша страна столкнулась с принципиально новыми вызовами со стороны террористических и экстремист-

ских угроз. Прибывшие на территорию России беженцы принесли с собой и новые угрозы. С момента начала специальной военной операции на территорию России прибыло около 4,5 миллионов беженцев, среди которых, несомненно, есть лица, представляющие оперативный интерес [2]. Как правило, сведения о таких лицах разрознены и крайне обрывочны.

Представляется необходимым для полной, качественной отработки лиц, представляющих оперативный интерес, получения упреждающей оперативной информации организовать и обеспечить не только сбор персональных данных лиц, пребывающих на территорию нашей страны, но и беспрепятственный доступ оперативных сотрудников к базам хранения такой информации. При этом целесообразно расширить практику сбора биометрических данных, отпечатков пальцев рук, и биоматериалов пребывающих лиц. Под особый контроль должны быть взяты места компактного проживания беженцев (санатории, гостиницы, базы отдыха и т.п.) [3].

Эти мероприятия должны будут включать в себя приобретение негласных источников информации, проверку проживающих лиц на предмет наличия компрометирующей информации и связей с представителями террористических и экстремистских сообществ. Проведение вышеназванных мероприятий затрудняется большим количеством проверяемых лиц, невозможностью отслеживания перемещения мигрантов по территории страны, языковыми различиями и недостаточностью сил и средств оперативных подразделений для этого.

– работа оперативных подразделений в отношении лиц, подготавливающих вооруженные нападения на школы;

С 2007 по октябрь 2022 года на территории России произошло 20 случаев нападений на учебные заведения [4]. В ходе таких нападений погибли и были ранены десятки детей.

В целях борьбы с этим негативным явлением сотрудникам оперативных подразделений наряду с общими мероприятиями целесообразно проводить:

– с целью получения информации представляющей оперативный интерес о фактах и событиях на территории образовательных учреждений, а также в среде учащихся необходимо организовать взаимодействие с преподавательским составом и штатными психологами. Также необходимо приобретение негласных источников информации, в среде обучающихся обладающих возможностями предоставления информации на постоянной основе и в различных социальных группах учащихся;

– с целью получения информации, представляющей оперативный интерес совместно с представителями лицензионно-разрешительной системы войск национальной гвардии проводить проверку лиц в возрасте от 18-25 лет получающих разрешение на приобретение гладкоствольного огнестрельного оружия. Данная проверка должна включать в себя не только стандартную процедуру, но и оперативно-розыскные мероприятия по месту проживания, работы, учёбы кандидата;

– активизировать работу по противодействию незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ. Проводить инициативные мероприятия по установлению новых нелегальных источников оружия;

– использовать в полном объеме и на постоянной основе возможности оперативно-технических подразделений в целях отслеживания фактов поиска заинтересованными лицами оружия и боеприпасов, информации, которая могла бы способствовать им в совершении преступления;

Следующим приоритетным направлением деятельности оперативных подразделений в части противодействия террористическим и экстремистским угрозам следует обозначить постоянный мониторинг пространства сети «Интернет». Преступники активно вовлекают граждан в совершение преступлений террористического и экстремистского характера.

С этой целью используется не только к информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», но и достаточно разветвленная сеть пособников-агентов. По стране прокатилась волна поджогов и нападений на военкоматы и мобилизационные пункты. Для общения преступники активно используют различные мессенджеры такие как Whatsapp, Telegram, Facebook. это обуславливает трудности в выявление и предотвращении таких преступлений

Эффективная работа в данном направлении возможна только при соответствующем техническом обеспечении, наличии соответствующих программных продуктов и подготовленного по соответствующему профилю сотрудников. Впечатляющие результаты в части выявления экстремистских, террористических интернет-ресурсов, лиц ведущих пропагандистскую деятельность в сети показывает взаимодействие оперативных подразделений МВД с подразделениями ФСБ и представителями общественности.

Такое взаимодействие позволяет выявлять и реагировать на угрозы на порядок быстрее и эффективнее. Сотрудниками ЦПЭ ГУ МВД России по Ставропольскому краю организованны каналы анонимного содействия граждан посредством телефонной связи или через соответствующую интернет-приемную на официальном сайге ГУ МВД России по Ставропольскому краю.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на существующие проблемы противодействия оперативными подразделениями МВД России современным террористическим и экстремистским угрозам центральным аппаратом МВД России предпринимаются все необходимые меры для их решения.

Пристатейный библиографический список

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года: стат. отчет. - М.: ФКУ ГИАЦ МВД РФ, 2017. - С. 7 @@ Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года: стат.отчет. - М.: ФКУ ГИАЦ МВД РФ, 2017. - С. 5 @@ Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года: стат. отчет. - М.: ФКУ ГИАЦ МВД РФ, 2017. - С. 6 @@ Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года: стат. отчет. - М.: ФКУ ГИАЦ МВД РФ, 2017. - С. 7.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1404590/2022-10-03/v-rossii-nakhodiatsia-45-mln-bezhentcev-s-ukrainy-i-donbassa.
3. Коварин Д. А. Оперативно-розыскное выявление лиц склонных к совершению преступлений террористического характера, как один из элементов оперативно-розыскногоим противодействия // ГлаголЪ правосудия. - 2018. - № 2 (16). - С. 75-76.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vremyan.ru/analitycs/501341.

СУХОРУКОВ Владимир Анатольевич
кандидат педагогических наук, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России

ЛОГИНОВ Сергей Николаевич
старший преподаватель кафедры физической и огневой подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В рамках статьи изучаются основания тех социально-экономических условий, которые способны оказать влияние на девиантное поведение среди молодежи и правовые последствия такого поведения. Среди условий выделяется не столько уровень благосостояния населения, сколько уровень групповой сплоченности, а также связи, формируемые через сети повседневной городской мобильности. В результате предполагается прогнозирование типов и уровня правовых нарушений в условиях городской среды.

Ключевые слова: девиантное поведение, преступное поведение, уровень благосостояния, соседство, городское пространство, киберпреступность, повседневная городская мобильность, уголовные преступления, мошенничество.

SUKHORUKOV Vladimir Anatolievich
Ph.D. in pedagogical sciences, professor of Philosophy sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

LOGINOV Sergey Nikolaevich
senior lecturer of Physical and fire training sub-faculty of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

DEVIANT BEHAVIOR AMONG YOUNG PEOPLE IN AN URBAN ENVIRONMENT AND LEGAL CONSEQUENCES

The article examines the foundations of those socio-economic conditions that can influence deviant behavior among young people and the legal consequences of such behavior. Among the conditions, it is not so much the level of well-being of the population that stands out, but the level of group cohesion, as well as the bonds formed through networks of everyday urban mobility. As a result, it is expected to predict the types and level of legal violations in the urban environment.

Keywords: deviant behavior, criminal behavior, wealth level, neighborhood, urban space, cybercrime, daily urban mobility, criminal offenses, fraud.

Изучение девиантного поведения молодежи является крайне актуальным и важным в современном обществе. Особенно актуальным подобные исследования становятся тогда, когда рушится традиционный уклад жизни, формы социализации и социальные связи. Все подобные явления крайне ярко проявляют себя в условиях современного города и требуют повышенного внимания такому явлению как девиантное поведение молодежи.

Изучение девиантного поведения молодежи помогает определить факторы, которые способствуют возникновению такого поведения. Это позволяет разработать эффективные программы и стратегии для предотвращения и преодоления девиантного поведения. Путем понимания причин и механизмов такого поведения можно разработать меры, направленные на одобряемую социализацию молодежи и реабилитацию тех, кто «оступился». Изучение девиантного поведения молодежи помогает обществу более эффективно противостоять угрозам и вызовам, связанным с преступностью и насилием, позволяет разработать меры по защите безопасности, помогает лучше понять и предупредить возможные преступные акты, насилие и другие опасные действия.

Изучение девиантного поведения молодежи помогает лучше понять их потребности и проблемы, а также выявить причины и факторы, которые отрицательно влияют на их качество жизни. Это может способствовать разработке программ и мер, направленных на повышение качества жизни молодежи и создание благоприятной среды для их развития и реализации потенциала.

Отечественные исследователи обращают внимание на влияние городского пространства не только на формы девиантного поведения и его распространенность, но и на уровень преступности [1], [2], в то же время их зарубежные коллеги идут дальше в поисковых исследованиях и отмечают, что сети соседства, выходящие за пределы пространственной близости, играют важную роль в социализации и факторах формирования девиантного и преступного поведения. В частности исследователи из Пенсильвании (США) [3] приходят к выводу, что гомофилия в уровнях насилия предсказывает последующее формирование коммутирующих связей между сообществами, опять же независимо от расстояния. Исследователи отмечают, что жители социально-экономически благополучных районов непропорционально посещают другие благополучные районы, тогда как жители неблагополучных районов непропорционально посещают другие неблагополучные районы. Эти данные поднимают важный существенный вопрос для изучения эффектов соседства: в какой степени жизнеспособность района связана с социально-экономическими условиями его проживания, с более широкими условиями других районов, с которыми он связан через модели мобильности жителей, или с некоторой комбинацией того и другого?

В большинстве исследований ученые отмечают социально-экономическое благополучие района как ключевой

фактор преступного поведения, обычно «неблагополучие» индексируется такими показателями, как бедность, безработица и получение государственной помощи. В подобных условиях уровень проявления девиантного поведения среди молодежи гораздо выше, нежели в «благополучных» районах. Роджер Гулд [4] утверждает, что социальные взаимодействия, скорее всего, порождают насилие и преступность в тех случаях, когда статусный ранг между людьми неодинаков. В то же время отечественный исследователь В. В. Тоболин всесторонне рассматривает разнообразные типы правовых отношений в городской среде [5].

Именно в городской среде появляются новые формы девиантного поведения, такие как кибербуллинг, эмансипация, подражание, протест и др. [6]. Некоторые отечественные ученые связывают девиантное поведение молодежи в городской среде с социальной аномией [7]. Однако на наш взгляд, необходимо использовать комплексный подход, и выделять наряду с вышеуказанными факторами несколько социально-демографических факторов, влияющих на девиантное поведение в городской среде:

• В городской среде молодёжь может подвергаться воздействию группового давления и находиться под влиянием отрицательных подростковых субкультур. Это может включать участие молодежи в бандитской активности, стремление к престижу и узнаваемости через насилие или сопоставление с неблагополучными группами.

• Отсутствие свободного времени и активностей в условия экономического неравенства. Ограничение доступа молодежи к конструктивным и интересным активностям может приводить к скучному досугу и лёгкому попаданию под негативные влияния. Отсутствие возможностей для занятий спортом, участия в культурных мероприятиях и социальных программах может создать пространство для возникновения девиантного поведения.

• Развитие технологий и различных социальных медиа, которые создают новые возможности для совершения девиантного поведения молодежью, такого как кибербуллинг, кибер-мошенничество, участие в онлайн-преступлениях и распространение насилия и экстремистской идеологии.

Отечественные ученые [8] обращают особое внимание на социальные факторы, детерминирующие девиантное поведение, такие как цифровизация, сверхпотребление, снижение уровня духовности и т.д. Подобные факторы в условиях городской среды становятся имманентным социальным качеством каждого городского жителя с юных лет.

Системная модель социальной организации утверждает, что уровень девиантного поведения в обществе зависит от экстенсивности и плотности сети его участников. Данные сети постоянно трансформируются в результате суженного воспроизводства населения в крупных городах. Таким образом, установка на малодетность, а порой и бездетность в условиях крупного города порождает еще одну социально-демографическую причину девиантного и преступного поведения – низкий уровень внутрисемейной правовой социализации. Слабые внутрисемейные связи могут быть не только фактором девиантного внутрисемейного поведения, но и источником таких преступлений как мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере, особенно если речь идет о процедуре наследования [10].

Таким образом, рассмотрев девиантное поведение молодежи в условиях городской среды, необходимо отметить, что данная проблема нуждается в особом внимании со стороны правоохранительных органов, поскольку девиантное поведение, во многом, служит предвестником поведения деликвентного, преступного. Так, аддиктивное поведение (наркотизм) по мнению отечественных исследователей [9] становится первой ступенью в «наркопреступности». Всестороннее внимание государства к данной проблеме позволит не только снизить уровень преступности в обществе, но и повысить уровень жизни и социальной солидарности.

Пристатейный библиографический список

1. Артамонова Я. В., Барсуков С. С. Факторы девиантного поведения Российской молодежи: теоретико-методологический и социальный анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. - 2021. - № 3. - С. 206-211.
2. Крылова М. А. Истоки и социальные основы девиантного поведения в современных общественных практиках // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. - 2021. - № 3. - С. 84-89.
3. Graif Corina, Lungeanu Alina, Yetter Alyssa M. 2017. "Neighborhood Isolation in Chicago: Violent Crime Effects on Structural Isolation and Homophily in Inter-Neighborhood Commuting Networks, 2002–2013." Social Networks 51:40-59 (https://doi.org/10.1016/j.socnet.2017.01.007).
4. Gould Roger. 2003. Collision of Wills: How Ambiguity about Social Rank Breeds Conflict. - Chicago: University of Chicago Press. Crossref.
5. Таболин В. В. Правовая теория современного российского города: монография. — 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2020. - 358 с.
6. Шалагин А. Е., Шалагина А. К. Типология подростков и молодежи, характеризующихся различными формами девиантного поведения // Вопросы педагогики. - 2020. - № 4-1. - С. 289-293.
7. Маликова Е. В. Девиантное поведение молодежи: классификация, типология, проблемы // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. - 2015. - № 5-6 (46). [Электронный ресурс]. – Режим дотупа: https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-molodezhi-klassifikatsiya-tipologiyaproblemy.
8. Чикаева Г. С., Власова В. Н., Ковров В. В. Девиантное поведение молодежи: социальные факторы, его детерминирующие // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. - 2022. - № 1. - С. 263-268. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-263-268. 2023).
9. Кузина Л. С. «Сетевой наркомаркетинг» как один из факторов вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков // Вестник ВИ МВД России. - 2020. - № 4. - С. 285–290.
10. Войтов А. В., Рудниченко А. В., Саранцев А. А. Особенности совершения мошенничества с недвижимостью в жилищной сфере // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2021. - № 5 (132). - С. 121-123.

ТАРЧОКОВ Беслан Алексеевич
кандидат экономических наук, начальник кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

РАЗВИТИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ПОМОЩИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Актуальность настоящего исследования обусловлена современным состоянием терроризма и экстремизма с учетом перспектив их развития и объясняется тем, что цифровые и IT-технологии находятся в фазе стремительного прогресса, в результате которого преступники начинают активнее пользоваться этими достижениями и разворачивают более масштабную деятельность. Организации, ведущие деятельность, носящую экстремистско-террористический характер, развиваются пропорционально росту пользователей мессенджеров и соцсетей, благодаря которым преступники формируют автономные ячейки, набирают активистов, собирают средства на осуществление актов, направленных на нанесение вреда отдельным гражданам, структурам и целому государству. Отягчающим обстоятельством является то, что террористы и экстремисты начинают массово воздействовать на несовершеннолетних граждан в стремлении увеличить степень их радикализации.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, пользователи мессенджеров и соцсетей, радикализация, противодействие.

TARCHOKOV Beslan Alexeevich
Ph.D. in economical sciences, Head of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

DEVELOPMENT OF EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES COMMITTED USING DIGITAL TECHNOLOGIES

The relevance of this study is due to the current state of terrorism and extremism, taking into account the prospects for their development, and is explained by the fact that digital and IT technologies are in a phase of rapid progress, as a result of which criminals are beginning to more actively use these achievements and launch more large-scale activities. Organizations conducting activities of an extremist-terrorist nature are developing in proportion to the growth of users of instant messengers and social networks, thanks to which criminals form autonomous cells, recruit activists, and raise funds to carry out acts aimed at harming individual citizens, structures and the entire state. An aggravating circumstance is that terrorists and extremists are beginning to massively influence minor citizens in an effort to increase the degree of their radicalization.

Keywords: extremism, terrorism, users of instant messengers and social networks, radicalization, counteraction.

Терроризм и экстремизм выступают разновидностью противоправной деятельности, которые в мировом сообществе в целом и в правовых кругах в частности относят к наиболее трудным и злободневным опасностям для социума. Возникновение и развитие данных явлений во многом обусловливается ростом числа неразрешенных конфликтов в обществе, назревания остроты противоречий в разных областях социальной и государственной деятельности. В настоящее время террористы и экстремисты прибегают не только к насильственным способам достижения целей в борьбе с проблемами, носящими общественный, национальный, религиозный или иной характер, они также стали применять принудительные практики для осуществления конкретных мероприятий. Это обусловлено тем фактом, что преступники стали переходить к современным решениям, в частности применению IT-технологий, что сказывается на формате ведения противозаконной деятельности [5], [7].

Актуальность настоящего исследования обусловлена современным состоянием терроризма и экстремизма с учетом перспектив их развития и объясняется тем, что цифровые и IT-технологии находятся в фазе стремительного прогресса, в результате которого преступники начинают активнее пользоваться этими достижениями и разворачивают более масштабную деятельность. Тот факт, что борьба с данными явлениями нуждается в повышенном внимании со стороны законотворческих структур, подтверждается сразу рядом факторов:

1. Многообразием и многосторонностью проявлений преступной деятельности террористов и экстремистов.

2. Возрастанием количественных показателей в отношении организаций, ведущих террористическую или экстремистскую деятельность.

3. Транснациональными чертами деятельности подобных преступных объединений и их подразделений.

4. Ростом числа внешних и внутренних угроз, способных нанести существенный вред международной безопасности.

Правоохранительная статистика сообщает о регистрации более двух тысяч преступных деяний, связанных с экстремистско-террористической деятельностью, за 2022 год. Кроме того, в период 2021-2022 гг. было предотвращено порядка 40 терактов, уничтожено 49 террористических ячеек и целых организаций, нейтрализовано более 30 боевиков, а задержано — 679 человек. Вместе с тем сотрудники правоохранительных органов смогли идентифицировать более 5500 лиц, являющихся участниками террористических организаций и имеющих опыт ведения боевых действий в горячих точках. Из этого числа подавляющее большинство (порядка 4000 человек) привлечены к уголовной ответственности. При этом статистика говорит, что объем преступных деяний, связанных с экстремизмом, упал на 53,8 %, на 2021 год их число равно 585.

Наряду с указанным статистика в отношении интенсивности развития экстремистско-террористической деятельности, дает возможность обнаружить, что регистрируются такие преступления относительно нечасто. Это лишний раз подтверждает тот факт, что прогресс в отрасли цифровых технологий обуславливает трансформацию преступности как таковой, а также сказывается на выборе и формировании методов совершения преступлений. В большей части эти деяния осуществляются с помощью цифровых технологий, а усовершенствование последних дает преступникам возможность увеличить степень охвата аудитории [4], [5].

Организации, ведущие деятельность, носящую экстремистско-террористический характер, развиваются пропорционально росту пользователей мессенджеров и соцсетей, благодаря которым преступники формируют автономные ячейки, набирают активистов, собирают средства на осуществление актов, направленных на нанесение вреда отдельным гражданам, структурам и целому государству. Та-

кие программы как WhatsApp, Viber, Telegram, платформы Facebook, Instagram, Twitter и многие другие интенсивно используются преступниками в противозаконных целях. С их помощью они могут куда эффективнее регулировать свою деятельность, привлекать новых сторонников, вести финансовые сборы, публиковать различного рода материалы, нацеленные на привлечение внимания, агитацию террористической и экстремистской деятельности.

За последние 5 лет по информации Роскомнадзора в целях противодействия экстремистской и террористической деятельности заблокировано больше 14 тысяч интернет-ресурсов и удалено свыше 140 тысяч материалов в русскоязычном сегменте Всемирной паутины. В настоящее время интенсивность появления таких сайтов и публикация вредоносных материалов в открытом доступе на первый взгляд сократилась, однако как отмечают правоохранители это не совсем верно, поскольку преступники активно стали переходить в закрытые чаты, где экстремистско-террористические идеи распространяются с еще большим размахом и на более широкую аудиторию пользователей. Специалисты сообщают, что на сегодняшний день существует порядка 30 тысяч интернет-ресурсов, чья деятельность прямо или косвенно связана с терроризмом и экстремизмом.

Отягчающим обстоятельством является то, что террористы и экстремисты начинают массово воздействовать на несовершеннолетних граждан в стремлении увеличить степень их радикализации. Преступники, используя соцсети и мессенджеры для поиска и привлечения новых участников организаций, продвигают идей расового и религиозного превосходства, распространения материалов, приводящих к обострению социального напряжения [1], [6]. Особенно уязвимыми перед таким воздействием оказываются несовершеннолетние лица, имеющие недостаточно хорошие взаимоотношения с родителями, вступающие в конфликты со сверстниками и учителями, сталкивающиеся с непониманием окружающих. Радикальные идеи в сознании таких детей и подростков появляются путем внедрения посредством размещения информации на тематических интернет-сайтах и в соцсетях, где существуют целые группы, популяризующие идеологию насилия, ложные ценности и деструктивное поведение. Это позволяет прийти к выводу о растущей опасности терроризма и экстремизма в условиях интенсивного развития информационных и цифровых технологий. Эксперты отмечают, что подобная деятельность наносит колоссальный ущерб не только российской, но и международной безопасности. Доказательством служит тот факт, что в ходе 14 Конгресса ООН, проходившего с 20 по 27 апреля 2020 года, значительный упор был сделан на современные тенденции в сфере преступной деятельности, последние изменения методологии и решения. В том числе внимание было заострено применению инновационных технологий в ведении преступной деятельности и возможностям использования подобных инструментов в противодействии ей.

Масштабы роста преступлений экстремистско-террористического характера обусловливают целесообразность пересмотра и модернизации стратегических и тактических решений в области борьбы с ними, что должно осуществляться не только на уровне конкретной страны, но и в международном сообществе в целом. Например, в п. 3 ст. 27 Конвенции об организованной преступности указывается потребность коллективного стремления всех государств к сотрудничеству в данном вопросе и эффективному противостоянию транснациональной преступной деятельности, и занятым в ней организациям, для чего следует применять современные технологии и инструменты. В действительности последний призыв особенно актуален, поскольку эффективная борьба с террористической и экстремистской деятельностью, проводимая с использованием старых методов и тактики, не является продуктивной [2], [3], [7]. Кроме того, нельзя забывать о том, насколько интенсивно организованная преступность интегрирует современные технологии в свою деятельность, поскольку это напрямую отображает степень трансформации подходов к подготовке и осуществлению противозаконных деяний в данных отраслях. Наиболее частое применение находят новые технологии в целях:

– пропаганды терроризма и экстремизма;

– получения инновационных разработок в сфере создания и распространения вооружения;

– организации деятельности преступных группировок, контроль над проводимыми актами.

По сравнению с ранним этапом формирования и распространения террористических и экстремистских группировок тактика работы этих структур сильно изменилась. Например, группы террористов больше не проходят долговременную подготовку, а количество их участников, по сути, не растет. Если раньше в состав таких групп входило не менее 10 членов, и организаторы стремились привлечь максимальное число участников, то теперь преступники стараются создать как можно более разветвленную сеть ячеек организации, уделяя немало внимания конспирации. Весьма сильно увеличилось количество случаев, когда преступную деятельность осуществляют террористы, действующие поодиночке, поскольку отследить их очень сложно, а в ряде ситуаций — просто невозможно.

В 2019-2020 гг. среди террористов, которые были привлечены к осуществлению реальной террористической деятельности в крупном масштабе, одиночек не отмечалось вовсе. Ввиду того, что подобные акты требуют немалых сил и времени на подготовку, к ним было привлечено не менее 7 человек, которые действовали сплоченно. Однако также выборка из статистики говорит, что 29 % преступников были арестованы именно за деятельность, осуществляемую в одиночку. Из этого следует, что такие террористы или действительно работают без привлечения соратников и единомышленников, или проявляют стойкость в сокрытии их наличия. Дальнейшие исследования позволили установить, что у 30 % террористов родственники и знакомые знали о совершении противоправных действий, а в 40 %, хотя не участвовали в них сами, как минимум догадывались о вовлечении в них своих друзей и близких.

Проблемы социально-экономического характера – от роста объемов безработицы до социального неравенства, негативно сказываются на криминогенной обстановке в обществе, что становится хорошим подспорьем для террористов и экстремистов самого разного уровня и масштаба. Из этого следует, что уровень террористической и экстремистской угрозы в современном обществе весьма высок, и для его снижения необходимо прикладывать соответствующие усилия, направленные на профилактику подобных деяний, в число которых также входит сотрудничество между различными организациями в международном масштабе. Кроме того, остаётся важным и необходимым совершенствование работы программных средств для автоматической проверки огромного количества веб-страниц [3], [7].

Пристатейный библиографический список

1. Арипшев А. М. Экстремизм и терроризм в социальных сетях: проблемы обнаружения и противодействия // Журнал прикладных исследований. - 2022. - Т. 1. - № 9. - С. 44-48.
2. Кодзокова Л. А., Карчаева К. А. Феномены экстремизма и терроризма как актуальные проблемы современности // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 8 (171). - С. 407-409.
3. Коркмазов А. В. О факторах, активизирующих рост экстремизма и терроризма в современных условиях // Пробелы в российском законодательстве. - 2022. - Т. 15. - № 4. - С. 154-158.
4. Манукян А. Р. Причины и формы проявления идеологии терроризма и экстремизма в подростковой и молодежной среде // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 8 (171). - С. 410-411.
5. Мухтаров Д. Д. Распространение экстремистских материалов в сети интернет: проблемы обнаружения // Пробелы в российском законодательстве. - 2023. - Т. 16. - № 5. - С. 161-165.
6. Собалирова З. Х. Социальные сети как информационный ресурс распространения экстремизма // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 10 (173). - С. 460-461.
7. Тарчоков Б. А., Курманова М. К. Распространение экстремистских идей в глобальном информационном пространстве: новые вызовы и угрозы // Журнал прикладных исследований. - 2022. - Т. 6. - № 11. - С. 521-525.

ШОГЕНОВ Тимур Мухамедович
кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России

ФЕДОРЕНКО Святослав Петрович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России

БУРАЕВА Людмила Александровна
кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского направления Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

Шогенов Т. М.

Федоренко С. П.

Бураева Л. А.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В статье авторами проведено исследование актуальных проблем, связанных с использованием сети интернет в деструктивных целях, в том числе для распространения экстремистских идей, в частности среди молодежи, с целью онлайн вербовки молодых россиян в экстремистские организации и их дальнейшее вовлечение в преступную деятельность. Анализируются особенности экстремистских проявлений в сети интернет в современных условиях, характеризующихся активизацией деятельности национальных сепаратистских организаций, детерминированных проведением специальной военной операции. Отмечены законодательные меры, предпринимаемые государственными органами, направленные на борьбу с преступлениями экстремистского характера.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, экстремистские организации, сеть интернет, киберпреступность, онлайн вербовка, социальные сети.

SHOGENOV Timur Mukhamedovich
Ph.D. in economical sciences, Deputy Head of Activities of DIA in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

FEDORENKO Svyatoslav Petrovich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

BURAEVA Lyudmila Aleksandrovna
Ph.D. in physical and mathematical sciences, senior researcher of the research direction of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

TOPICAL ISSUES OF COUNTERING THE ACTIVITIES OF EXTREMIST ORGANIZATIONS ON THE INTERNET IN CONDITIONS OF FOREIGN POLICY INSTABILITY

In the article, the authors conducted a study of topical issues related to the use of the Internet for destructive purposes, including for the dissemination of extremist ideas, in particular among young people, with the aim of online recruitment of young Russians into extremist organizations and their further involvement in criminal activities. The article analyzes the features of extremist manifestations on the Internet in modern conditions characterized by the intensification of the activities of national separatist organizations determined by the conduct of a special military operation. The legislative measures taken by State bodies aimed at combating crimes of an extremist nature are noted.

Keywords: youth extremism, extremist organizations, internet, cybercrime, online recruitment, social networks.

На современном этапе активное использование глобальной сети интернет относится к общемировым тенденциям развития мира и человечества, охватывающим различные сферы жизнедеятельности общества. Вэб-пространство, как единая система информационных ресурсов по всему миру, обеспечивает доступ к данным любого рода и вида. Ежегодно по данным социологических исследований наблюдается устойчивый рост числа интернет-пользователей. На начало 2023 года данный показатель составил 1,9 процента по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, таким образом, сегодня Интернет-аудитория объединяет 5,16 миллиарда человек по всему миру [1].

Однако, особенности интернет-среды и ее социального сегмента не могут не привлекать представителей криминального мира, они создают особые, комфортные условия для реализации преступных замыслов. Киберпреступность является одной из глобальных угроз мировой безопасности, что подтверждается статистическими данными – за период с января по май 2023 года число преступлений с использованием информационно-теле-

коммуникационных технологий в России выросло на 27,5 процента [2].

При этом помимо киберпреступлений в экономической сфере, в области незаконного оборота наркотических средств и других, особую озабоченность вызывают преступления экстремистской направленности в молодежной среде. Возрастающая опасность распространения экстремистских идей через Интернет была отмечена Президентом России Владимиром Путиным на коллегии Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Российский лидер подчеркнул, что молодёжь является наиболее уязвимой категорией для экстремистов и потребовал пресекать использование Интернета и социальных сетей для вовлечения молодых россиян в преступную и опасную деятельность [3].

Интернет-экстремисты получили дополнительные возможности для ведения пропаганды, экстремистские идеи получили новое, невиданное доселе распространение. Социальные сети и мессенджеры стали рупором джихадистской пропаганды, и инструментом для вербовки новых сторонников и увеличения количества «сочувствующих», большую часть пользователей которого составляют молодые люди. По данным аналитиков, лица, возраст которых не превышает 30 лет, составляют в среднем 80 процентов от общего количества участников экстремистских организаций [4]. При этом, согласно данным социологических исследований, проведенных среди молодежи, 98 процентов опрошенных достаточно часто пользуются возможностями «всемирной паутины» для отдыха, реализации собственных интересов, из них 92,2 процента – несколько раз в день [5]. Ежедневно, находясь в глобальной сети продолжительное время, молодые люди, в силу малого жизненного опыта и остроты восприятия окружающей обстановки, становятся объектами для онлайн-вербовки, осуществляемой подготовленными экстремистскими идеологами. На этапе подбора кандидатов для последующей вербовки в экстремистскую группу вербовщики тщательно исследуют их странички в социальных сетях, отбирая наиболее подходящих. Затем, при общении и взаимодействии (виртуальном, а потом и реальном) вербовщика с потенциальным кандидатом прощупывают его слабые места.

Таким образом, экстремистские движения активно используют новые формы и пути внедрения в экстремистскую деятельность молодого поколения, воздействуя на незрелую психику молодых людей, которые быстро становятся жертвами, ввиду своей несостоятельности и социальной, материальной незащищенности. Усугубляют данное воздействие на молодежь сложившиеся условия глобализации и информатизации социума, а также наблюдающаяся активизация деятельности национальных сепаратистских организаций, детерминированных проведением специальной военной операции. В целях дестабилизации общественно-политической ситуации и провоцирования беспорядков зарубежными спецслужбами ведется активная работа по стимулированию сепаратистских настроений, прежде всего среди молодежи. Известных примеров онлайн вербовки достаточно много.

Так, в июле 2023 года секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев заявил, что зарубежные спецслужбы занялись вербовкой жителей Карелии в «националистический» батальон, чтобы расшатать обстановку в регионе и спровоцировать беспорядки. По словам Патрушева, преступная агитация ведется через соцсети, причем Запад также планирует включить в «нацбатальон» граждан Финляндии [6].

В России нередки случаи, когда трудовых мигрантов из стран СНГ правоохранители задерживают за помощь или намерение воевать на стороне киевского режима. В марте в Москве выходец из Закавказья был задержан по подозрению в желании вступить в банду неонацистов Киева. 28 июля в Орле был задержан выходец из Азербайджана, который намеревался вступить в ряды ВСУ. Задержанный заявил, что он является гражданином России, по национальности азербайджанец, каждый день смотрел «ютюб-каналы», намеревался переехать в Украину для вступления в иностранный легион в любом качестве [7].

В июле 2023 года были взяты под стражу жители Воронежской области, которые являлись сторонниками запрещенной в нашей стране украинской националистической организации «Правый сектор». На допросе задержанные признались, что были завербованы через сеть интернет, а затем и сами с начала СВО отрабатывали задание по вербовке непосредственно через интернет-мессенджеры дополнительных лиц, преимущественно молодого возраста на территории Воронежской области [8].

Наблюдающийся рост преступлений экстремистского и террористического характера, детерминирует необходимость выработки соотносимых с современными условиями мер обеспечения национальной безопасности, в частности противодействия активизировавшемуся распространению идей экстремизма и терроризма в глобальной сети.

В июле 2023 года в Государственную думу Российской Федерации внесен законопроект о введении уголовной ответственности за оправдание экстремизма. Авторами законопроекта предложено в качестве максимального наказания за «публичное признание идеологии и практики экстремизма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» предусмотреть меру пресечения – до пяти лет лишения свободы. Данная инициатива была поддержана Верховным судом и правительством РФ [9]. Согласно статье 280 УК РФ за публичное оправдание экстремизма или пропаганду экстремизма в сети Интернет в качестве наказания установлены: принудительные работы или до пяти лет лишения свободы, а не штраф, как раньше. В примечании, которым сопровождаются поправки к статье 280 отмечено, что данные меры направлены «на предупреждение проявления радикализма, профилактику экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи».

Следует особо отметить, что неотъемлемым компонентом противодействия молодёжному экстремизму в сети интернет является организация и проведение общепрофилактических мероприятий, которые направлены на повышение жизненных возможностей молодых людей, их защищенности и востребованности в социуме, создание условий для их полноценной самореализации.

Пристатейный библиографический список

1. Интересы молодёжи в сети интернет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.primnic.ru/analitika/obshchestvo/interesy-molodyezhi-v-seti-internet/ (дата обращения: 12.08.2023).
2. Интернет и соцсети в начале 2023 года – главные цифры Global Digital 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vc.ru/marketing/596126-internet-i-socseti-v-nachale-2023-goda-glavnye-cifry-global-digital-2023 (дата обращения: 12.08.2023).
3. Количество киберпреступлений в России выросло на треть. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pnp.ru/social/kolichestvo-kiberprestupleniy-v-rossii-vyroslo-na-tret.html (дата обращения: 10.08.2023).
4. Мигранты едут в зону СВО убивать русских: расследование о вербовке. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tsargrad.tv/news/migranty-edut-v-zonu-svo-ubivat-russkih-rassledovanie-o-verbovke_836557 (дата обращения: 12.08.2023).
5. Основные направления, формы и методы социальной работы с молодежью по профилактике экстремизма. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.csgped.ru/protivodejstvie/ profilaktika-ekstremistskoi-dejatelnosti/osnovnye-napravlenija-formy-i-metody-socialnoi-raboty-s-mol.html (дата обращения: 12.08.2023).
6. Путин назвал молодёжь наиболее уязвимой категорией для экстремистов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://life.ru/p/1561871?utm_source= yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.08.2023).
7. Россия обвиняет Запад. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://haqqin.az/news/290353?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 12.08.2023).
8. ФСБ РФ задержала трех жителей Воронежской области, завербованных «Правым сектором». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2023-07-31/458208-fsb_rf_zaderzhala_treh_zhiteley_voronezhskoy_oblasti_zaverbovannyh_pravym_sektorom (дата обращения: 12.08.2023).

БОГАТЫРЕВА Юлия Олеговна
магистрант Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета, филиал в г. Стерлитамаке

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна
кандидат педагогических наук, доцент Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета, филиал в г. Стерлитамаке

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В данной статье рассматривается взаимосвязь языка и культуры народов в процессе изучения иностранных языков. Целью данной работы является определение роли иностранного языка в формировании толерантности между людьми различных культур в процессе их коммуникации. На сегодняшний день толерантность является основополагающей в диалоге культур, где взаимодействие людей различных взглядов и ценностей, традиций и мировоззрений невозможно без уважения, взаимопонимания и готовности к принятию иных взглядов. Изучение иностранного языка несет в себе не только изучение лингвистической составляющей, но и изучение культуры народов, говорящих на нем. В социокультурном контексте изучение культур других народов помогает не только взглянуть шире на мир, но и более полно собрать представление о собственной культуре, поэтому при изучении необходимо акцентировать свое внимание на индивидуальности культур. Всё это поможет в формировании у людей толерантного сознания, важность наличия которого подчеркивается ценностями и принципами современного общества, основанными на принятии и уважении по отношению к другим взглядам и ценностям, а также ставящими на первое место стратегию ненасилия, идею терпимости к другой культуре и к особенностям менталитета, идею диалога культур и поиска взаимопонимания между народами.

Ключевые слова: интернациональные отношения, культура, коммуникация, национальный характер, межличностное и профессиональное общение, специалист.

LATYPOVA Elvira Rashitovna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technological University, branch in Sterlitamak

BOGATYRYOVA Yuliya Olegovna
magister student of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technological University, branch in Sterlitamak

THE ROLE OF A FOREIGN LANGUAGE IN THE FORMATION OF TOLERANCE

This article discusses the relationship between language and cultures of different nations in the process of learning foreign languages. The purpose of this work is to determine the role of a foreign language in formation of tolerance. Today tolerance is fundamental in the dialogue of cultures. It is specially noted that the interaction of people with different views and values, traditions and worldviews is impossible without respect, mutual understanding and willingness to accept other views. Learning a foreign language is not only about learning linguistic component, but also the study of the culture. In a sociocultural context the study of different cultures helps us not only to broaden view of the world, but also have deeper understanding of our own culture. It helps people to be more tolerant and conscious. Attention is drawn to the importance that is emphasized by the values and principles of modern society. They are based on acceptance and respect in relation to other views and values, as well as putting on the first place the strategy of non-violence, the idea of tolerance for another culture and peculiarities of mentality, the idea of a dialogue of cultures and the search for understanding between people of different nations.

Keywords: international relations, culture, communication, national character, interpersonal and professional communication, specialist.

Иностранный язык обладает огромным развивающими и воспитывающими свойствами. В процессе его изучения мы развиваем способности межкультурного общения, воспитываем терпимость к инакомыслию, а также формируем уважение к представителям другой культуры.

Иностранный язык, как знаковая система, будет являться продуктом исторического и общественного влияния. Язык – зеркало культуры, в котором находит отражение культура, традиции народа, его история, система социальных отношений, система ценностей, видение мира и др. Язык живет и развивается в сознании общества, людей, говорящих на нем. Сила, которой он обладает, способна соединять народы, обосабливает их и придает им единый национальный характер, несмотря на их всевозможные различия.

В языке хранятся культурные ценности народа, они находят свое отражение в различных формах письменной и устной речи, в фольклоре, в лексике и грамматике, в художественной и научной литературе [11]. Язык не просто дает понимание о мире и культуре человека, а преследует цель сохранения культурного наследия и его дальнейшего распространения.

Из вышесказанного следует, что язык имеет довольно значимую роль, если не решающую, в формировании основных личностных качеств, характерных особенностей общностей, народов, наций [11]. В процессе изучения языка, человек перенимает не только его лингвистическую составляющую, но и культурную.

Как упоминала в своей статье Э. Р. Латыпова: “В современном мире изучение иностранных языков является одним

из главных аспектов в жизни современного человека. Это способствует не только знакомству с культурой и традициями других стран, но и предоставляет возможность для формирования и развития мышления, воображения и памяти" [5].

В текущих реалиях мира, знать иностранные языки просто необходимо. Это не только условие профессиональной компетенции, но и фактор успешности во взаимоотношениях между странами.

В современном понимании, культура – это "природа, которую пересоздает человек, утверждая себя посредством этого в качестве человека" [3].

Культура как сложный многосторонний феномен изучается различными гуманитарными дисциплинами, в том числе культурной антропологией, этнологией, этнографией, культурологией.

Согласно М.О. Грузиковой "в широком смысле культуру определяют, как все то, что создано и создается в результате человеческой деятельности. Это не только материальные, физические объекты, но и нечто нематериальное — ценности, привычки, обычаи, традиции, нормы поведения и т.д. Но культура — это не просто сумма отдельных предметов и явлений. Культура — это система воззрений, ценностей, норм (в первую очередь поведенческих), верований, обычаев, традиций и знаний, присущих некоему обществу. Причем это общество не обязательно является этносом, это может быть более крупная группа людей, и тогда речь идет о межэтнических ценностях и нормах; в какой-то мере к ним относятся, например, различные религиозные культуры, носителями которых являются представители нескольких этносов. Носителями культуры могут быть более «мелкие» по сравнению с этносом социальные группы — общественные классы, отдельные поколения людей некоего общества" [1].

Также необходимо отметить влияние всемирного процесса глобализации: смешение мировых культур, образование гибридных национальных традиций, постоянный рост межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация, согласно В. П. Фурмановой – это "взаимодействие существующих в определенном пространстве и времени культур, в котором феномен культуры рассматривается как родовое понятие, а культурные контактыприобретают различные формы, находящие свое выражение в соприкосновении, взаимовлиянии, синтезе, дополнительности и диалоге. Это взаимодействие культур, эксплицирующих тип личности, несущий конкретноеисторическое содержание той или иной эпохи и позволяющий осмыслитьвзаимные ценности, самосознание и глубокую человеческую сущность" [7].

Значит, явление межкультурной коммуникации можно понимать, как соприкосновение представителей различных культур (личностей, групп, наций и т.п.), проявляющихся в самых разнообразных формах.

Наличие такого процесса привело к росту межкультурных взаимодействий в различных сферах жизнедеятельности человека. Явными примерами такого взаимодействия являются обучение в школах и вузах по обмену, стажировки в компаниях, туристические поездки, интернациональные конференции, спортивные состязания и т. д. Следовательно, знание иностранного языка будет являться важным условием успешной адаптации в обществе.

Согласно анализу литературы, знание иностранных языков, культуры и менталитета разных народов приводит к более открытому диалогу культур. В. Г. Костомаров утверждал, что «диалог культур – это взаимодействие и взаимопонимание многих культур» [4]. Значит, для того, чтобы расширить, непосредственно, сам диалог культур, отдельное внимание следует уделить на то, что «функции культуры, как социализация, то есть усвоение обязательного минимума культуры общества, и инкультурация, то есть приобщение к культурному наследию и усвоению элементов других культур» [4].

Наличие знаний о культуре собеседника − это необходимость для успеха диалога культур и межкультурного общения. Это открывает безграничные возможности в изучении мира за пределами своей страны, роль этой страны в мировом сообществе, для понимания взаимодействия стран, а также возможность увидеть их глазами других народов [9].

Так, первостепенной задачей в формировании современной личности является развитие умения выстраивать комфортные взаимоотношения в процессе своей деятельности с окружающим его социумом на основе взаимопонимания и уважения, готовности к пониманию и принятию иных взглядов, устоев, традиций, обычаев и т.д.

Толерантность, с лат. «tolerantia» – терпение «...означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности».

В современном мире проблема толерантности является как никогда острой. Удивительно, человеческий и научный прогресс набрал не виданную скорость, но так и не смог привести к взаимопониманию между людьми, сплотить их. Что также показывает, как часто мы сталкиваемся с фактами неуважения, нетерпимости, насилия и дискриминации, что влечет за собой крупные масштабы, превращаясь в межличностные противостояния, национальные и религиозные войны.

На сегодняшний день толерантность является главным и необходимым условием общественной организации и сплочения людей, различающихся по вере, политическим убеждениям, культурным традициям и мировоззрению [11].

Диалог культур необходимо строить на основе толерантности, ведь только при таком условии коммуникация приобретает правильный вид, ведь любая культура развивается, контактируя с другими культурами. Приобретение толерантности возможно с получением информации, посредством воспитания и получения жизненного опыта.

Такие качества как терпимость, готовность к общению и открытость позволяют выделить в культуре изучаемого языка для себя что-то новое, непривычное, на ряду с этим появляется способность к терпимости этого непривычного и инородного в других культурах, позволяют быть готовым к межкультурному общению, что в коммуникативной компетенции являются важной составляющей и обеспечивают активное общение с представителями иных этнических групп.

Согласно Г. В. Елизаровой иноязычная коммуникативная компетенция предполагает владение обучающимися технологиями устного и письменного общения на иностранном языке, "формирование у обучающихся способности к созданию общего с собеседником значения происходящего, а также знакомство с социокультурной составляющей языка" [2].

Изучение иностранного языка несет в себе процесс рассмотрения перекрестка культур, это теория межкультурной коммуникации, так как каждое слово дает отражение иностранной культуры, каждое слово несет в себе представление о мире, обусловленное национальным сознанием.

О. Н. Юденко определяет "национальное самосознание как осознание своей принадлежности к отдельной этнической общности, своего положения в этой общности и системе общественных отношений, а также понимание национальных интересов и взаимоотношений данной этнической группы с другими" [8].

Яснее всего зависимость языка и культуры можно увидеть на примере той лексики, которая просто не имеет перевода на других языках. Такие слова, например, как «сакура», «экибана» ассоциируются с Японией, а «крикет», «шиллинг» и «эсквайр» - с Англией. Так многие выражения, которые хоть и можно перевести, но их все равно употребляются в первозданном виде, к таким относятся выражения французского языка «от кутюр», «прет-а-порте» и тому подобные. Доля безэквивалентных слов и оборотов в русском языке составляет около 7 %, к которым принадлежат такие как: изба, самовар, борщ и многие другие. А это значит, что при изучении языка, его лексику человек выучивает, опираясь на культуру, а это довольно сложно [6].

С целью понять культуру страны чей язык изучается, необходимо осмыслять, сравнивать и оценивать факты и новые знания появляющиеся в процессе изучения с фактами известными ранее. Анализ исторических событий, людей и их повадок поможет понять характер, ценности и менталитет народа. Найти причинно-следственную связь.

Для этого необходимо обладать хорошими знаниями и пониманием собственной культуры. Должного внимания требует история народа-носителя языка, его место в международных отношениях, уважение и добро к их наследию. Также не стоит забывать и о своей культуре и истории, о чувстве патриотизма и гордости.

Все это поможет преодолеть плохие стереотипы о народах, нетерпимость, враждебность к другим культурам и их представителям. Позволит сформироваться правильному мышлению и мировоззрению. Изучая иностранный язык, нужно стремится быть толерантным и миролюбивым, придерживаться равноправия и терпимости к людям, их взглядам и идеям, не нарушать их свободу и их права.

Межкультурная коммуникация процесс сложный, многосторонний, требующий знаний о культурах. Только хорошо разобравшись в культуре собственной, становится возможным правильная интерпретация и понимание культур других. Такое изучение должно основываться на критическом восприятии, но во главе все же должен лежать концепт равноценности культур. А значит, при изучении языка, нужно всегда держать во внимании факт того, что все культуры различны, по-своему уникальны.

Наличие навыков разговора и правильного восприятия информации на другом языке не дает полного диалога культур. Однако имеет большую ценность, но только в случае понимания чужой культуры, её стереотипов, представлений людей и их знаний.

Получается, что взаимосвязь знания культурных особенностей и знания языка играет решающую роль в освоении задач, поставленных требованиями современного мира перед гражданами, понимающими и осознающими свою ответственность в глобальных общечеловеческих процессах.

Пристатейный библиографический список

1. Гузикова М. О., Фофанова П. Ю. Основы теории межкультурной коммуникации: [учеб. пособие]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.
2. Елизарова Г. В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению: Дис. … на соиск. учен. степ. докт. пед. наук. СПб., 2001.
3. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация: от системного подхода к синергетической парадигме: учебное пособие. – 3-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2021.
4. Костомаров В. Г., Прохоров Ю. Е. Язык и «язык культуры» в межкультурном общении. М.: Русский язык, 1998.
5. Латыпова Э. Р., Николаева К. В. Роль иностранного языка в формировании современного специалиста // Scienceinnovations: сборник статей III Международной научно-практической конференции, г. Петрозаводск, 04 октября 2020 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская Ирина Игоревна), 2020.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация (учебное пособие). Москва, 2000.
7. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз): дис. … докт. пед. наук. М., 1994.
8. Юденко О. Н. Особенности национального самосознания дошкольников и его формирование в условиях специально организованной деятельности: дис. … канд. психол. наук. Красноярск, 2000.
9. Majid A. Educating Ourselves into Coexistence // The Chronicle on Higher Education. April, 12. 2002.
10. Storti C. The Art of Crossing Cultures. Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1989.

ГАБДРАШИТОВА Карина Ирэковна
преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЯКУШЕВ Эдуард Вадимович
доцент кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

ИВАЩЕНКО Надежда Юрьевна
преподаватель кафедры физической подготовки Ростовского юридического института МВД России

ОСНОВЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

Физическая подготовка в образовательных организациях МВД России играет важную роль в формировании физической подготовленности и профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. В статье анализируются педагогические основы физической подготовки в образовательных организациях МВД России, а именно: особенности занятий физической подготовки, методы, способы и приемы воспитания физической активности, совершенствование приобретенных физических навыков и умений у курсантов и слушателей. Физическая подготовка в образовательных организациях МВД России играет ключевую роль в формировании физических качеств и способностей сотрудников правоохранительных органов, что позволяет им эффективно выполнять служебные обязанности и обеспечить безопасность жизни и здоровья граждан.

Ключевые слова: физическая подготовка, физическое воспитание, профессиональная подготовка, физическая активность, спортивная дисциплина.

GABDRASHITOVA Karina Irekovna
lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

YAKUSHEV Eduard Vadimovich
associate professor of Physical training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

IVASHCHENKO Nadezhda Yurjevna
lecturer of Physical training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

BASES OF TEACHING PHYSICAL TRAINING IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Physical training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia plays an important role in the formation of physical fitness and professional training of law enforcement officers. The article analyzes the pedagogical foundations of physical training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, namely: features of physical training classes, methods, methods and techniques of physical activity education, improvement of acquired physical skills and abilities of cadets and trainees. Physical training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia plays a key role in the formation of physical qualities and abilities of law enforcement officers, which allows them to effectively perform official duties and ensure the safety of life and health of citizens.

Keywords: physical training, physical education, vocational training, physical activity, sports discipline.

Физическая подготовка является важной частью обучения в вузах МВД, поскольку сотрудникам правоохранительных органов необходима хорошая физическая форма для выполнения своих служебных обязанностей [1]. Педагогические основы физической подготовки в вузах МВД России включают следующие аспекты:

1. Физическая тренировка: курсанты и слушатели учатся выполнять различные физические упражнения и развивать свою выносливость, силу, гибкость и координацию движений. Дополнительно осваивают различные виды спорта такие как: бег, плавание, силовые единоборства, бокс, рукопашный бой, футбол, регби и др.

2. Тактическая физическая подготовка: обучающиеся изучают тактику и технику выполнения физических действий в различных ситуациях, которые возникают в работе правоохранительных органов. Происходит комбинация нескольких навыков и умений, таких как прыжки, ползание, подтягивание на перекладине, броски, переноска тяжестей и т.д.

3. Специализированные упражнения: изучение специализированных физических навыков, которые применяются при создании экстремальной и чрезвычайной обстановки, такие как стрельба, боевые искусства, самооборона и т.д.

4. Здоровый образ жизни: на лекционных занятиях преподавателем объясняются главные аспекты поддержания здорового образа жизни: правильное питание, отказ от вредных привычек (курение, употребление алкоголя), регулярное медицинское обследование и следование здоровому режиму дня.

Физическая подготовка проводится в специальных тренировочных залах, студенческих спортивных комплексах и на спортивных площадках образовательной организации. Знание теоретических и практических основ физической подготовки в вузах МВД России, помогают приобрести необходимые физические навыки и подготовиться к выполнению своих обязанностей по охране общественной безопасности и борьбе с преступностью. Особенность физической подготов-

ки в вузах МВД России заключается в том, что она нацелена на формирование высокого уровня физической подготовки, необходимого для успешного выполнения служебных обязанностей в органах внутренних дел [2].

Вузы МВД России стремятся к привлечению к службе в органах внутренних дел физически здоровых и подготовленных кадров. Поэтому уже на этапе поступления в вуз, абитуриентам предлагается пройти обязательное медицинское обследование и физическую подготовку (сдача нормативов), которая включает в себя выполнение физических упражнений различной интенсивности и сложности. Физическая подготовка в вузах МВД России проводится согласно специально разработанной программе и включает в себя различные виды занятий, такие как: легкая атлетика, боевые приемы борьбы, плавание, прикладная гимнастика и атлетическая подготовка и др. [3]. Одной из особенностей физической подготовки в вузах МВД России является ежегодное проведение спартакиады, на которой курсанты соревнуются в различных видах спорта. Такие мероприятия способствуют развитию спортивных навыков и дисциплины, а также укреплению духовно-нравственных ценностей.

Таким образом, особенность физической подготовки в вузах МВД России заключается в ее осознанности, систематичности, непрерывности и направленности на формирование физического воспитания и активности, соответствующей требованиям службы в органах внутренних дел.

Методы преподавания физической подготовки в вузах МВД России могут включать следующие аспекты:

1. Система физического воспитания – это комплексные методические приемы и методы организации учебно-воспитательного процесса, направленные на развитие физических качеств и функциональных возможностей курсантов для службы в подразделениях МВД России. Включает в себя такие направления как: физическая подготовка, спортивная подготовка и боевая подготовка.

2. Применение индивидуального подхода – каждый обучающийся имеет свои индивидуальные особенности и потребности, поэтому важно учитывать это при разработке программы физической подготовки. Преподаватели могут проводить первоначальную сдачу нормативов, чтобы определить их уровень физической подготовки и составить индивидуальные программы тренировок для лиц, тренирующихся в группе спортивного совершенствования, а также для составления плана занятий для определенного взвода.

3. Командно-групповые занятия - физическая подготовка в вузах МВД часто проводится в формате командно-групповых занятий, где обучающиеся работают вместе в командах или группах. Это помогает развивать навыки сотрудничества, командной работы и взаимной поддержки.

Существует несколько способов и приёмов воспитания физической подготовки курсантов вузов МВД. Некоторые из них:

1. Регулярные тренировки: проводятся систематические физические занятия, включающие в себя упражнения для развития выносливости, силы, гибкости и координации.

2. Физические испытания: курсанты проходят систематические физические испытания, которые включают в себя такие элементы как бег, подтягивания, отжимания, пресс. Испытания помогают определить уровень физической подготовки каждого курсанта и мотивируют их работать над улучшением своих результатов.

3. Спортивные мероприятия: организуются спортивные соревнования и мероприятия, например, из числа командных видов спорта такие как: футбол, баскетбол, легкая атлетика и другие виды спорта. Участие в соревнованиях помогает развить командный дух, соревновательность и умение работать в коллективе [4].

4. Индивидуальный подход: в зависимости от физических возможностей каждого курсанта, разрабатываются индивидуальные планы тренировок и питания, которые помогают достичь необходимого уровня подготовки курсантов.

5. Постоянный контроль: проводится постоянный контроль за физическим состоянием курсантов с помощью физических тестов, замеров показателей и оценки результатов. Это позволяет отследить прогресс и корректировать программы тренировок по мере необходимости. Важно отметить, что эти способы и приёмы могут варьироваться в зависимости от направленности специальностей вуза МВД и его тренировочных программ.

Совершенствование физической подготовки для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России является важной задачей, которая помогает укрепить здоровье и повысить профессиональные навыки будущих представителей правоохранительных органов.

Для достижения данной цели можно предложить следующие меры:

1. Разработка и внедрение единого стандарта физической подготовки для всех образовательных организаций МВД России. Это позволит обеспечить одинаковый уровень тренировки для всех курсантов и слушателей.

2. Улучшение тренировочной базы. Для проведения качественных занятий необходима современная спортивная инфраструктура, оборудование и тренеры, которые смогут предложить эффективные тренировочные программы.

3. Введение теоретического предмета «Основы физической культуры» в образовательные программы. Теоретические знания и постоянные практические занятия физической культурой помогут курсантам и слушателям регулярно тренироваться и улучшать свою физическую форму.

4. Организация спортивных мероприятий и соревнований. Проведение соревнований стимулирует курсантов и слушателей к достижению лучших результатов, развивает мотивацию к занятиям спортом.

5. Внедрение программ регулярного физического обследования и мониторинга состояния здоровья. Это позволит выявлять проблемы в физической подготовке и принимать меры для их устранения.

6. Проведение обучающих семинаров и тренингов по физической подготовке. Это поможет преподавателям и тренерам обучаться новым методам и техникам тренировок, а также обмениваться опытом.

Педагогические элементы физической подготовки включают в себя:

1. Цель и задачи: педагог должен четко определить цель физической подготовки и разработать соответствующие задачи для достижения этой цели.

2. Планирование: педагог должен разработать план тренировок, который будет включать в себя разнообразные упражнения и задания для развития необходимых физических качеств.

3. Методы обучения: педагог должен выбрать и применять методы обучения, которые помогут ученикам эффективно освоить необходимые двигательные навыки и улучшить физическую форму.

4. Организация тренировок: педагог должен организовать тренировки таким образом, чтобы они были структурированными, последовательными и эффективными. Это может включать в себя разделение учеников на группы в зависимости от их физической подготовки, использование различных упражнений и снарядов, а также различные формы тренировок (индивидуальные, парные, командные и т. д.).

5. Мотивация и поддержка: педагог должен стимулировать и мотивировать учеников, чтобы они достигали лучших результатов в физической подготовке. Для этого можно использовать поощрения, награды, состязания, индивидуальные и групповые достижения и т. д. Также важно предоставить поддержку и помощь ученикам, особенно тем, кто испытывает трудности [5].

6. Оценка и контроль: педагог должен оценивать и контролировать прогресс учеников в физической подготовке. Это может включать в себя тестирование, измерение физических показателей, оценку выполнения двигательных навыков, а также анализ и обратную связь о достигнутых результатах.

7. Психологическая поддержка: педагог должен учитывать психологические особенности и потребности учеников во время физической подготовки. Это включает в себя установление доверительных отношений, создание позитивного и поддерживающего обучающего окружения, а также помощь ученикам в преодолении страхов, тревог и стресса, связанных с физическими нагрузками.

Следовательно, совершенствование физической подготовки для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России является важным направлением работы, которое поможет повысить уровень профессиональной подготовки и эффективность деятельности представителей правоохранительных органов.

Пристатейный библиографический список

1. Осипов Д В., Самсонова А. Ф., Носов С. А. Физическая подготовка как неотъемлемая часть образовательного процесса в высших учебных заведениях // Наука-2020. 2020. № 6 (42). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-podgotovka-kak-neotemlemaya-chast-obrazovatelnogo-protsessa-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah (дата обращения: 08.09.2023).
2. Витютнев Е. Е. Оптимизация процесса профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-protsessa-professionalno-prikladnoy-fizicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-politsii-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-mvd (дата обращения: 08.09.2023).
3. Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Бабин А. В. Спортивные игры как необходимое средство для повышения физической подготовленности сотрудников полиции // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 375-376. EDN KSGLWQ.
5. Бабин А. В. Инновационная методика преподавания дисциплины «Физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России // Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: Сборник научных статей Всероссийского конкурса. Волгоград, 01 июля – 30 2022 года / Редколлегия: Р. В. Камнев, О. С. Панова, Д. Г. Овечкин [и др.]. Том Выпуск 4. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 11-17. EDN FTZBEC.

ЗИНЧЕНКО Никита Викторович
преподаватель тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России

ВОДОЛАЦКИЙ Константин Владимирович
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Краснодарского университета МВД России

КУЗНЕЦОВ Андрей Владимирович
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ЗАХВАТЕ В КАЧЕСТВЕ ЗАЛОЖНИКА ИЛИ НАХОЖДЕНИИ В ЗОНЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

В статье рассматриваются правовая основа противодействия терроризму, основные принципы противодействия терроризму, а также вопросы, связанные с действиями в случаях, когда вы оказались в ситуации, связанной с захватом заложников в различных условиях. В статье описывается порядок действий в случаях захвата заложников с конкретными пояснениями, как необходимо действовать в той или иной ситуации.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, террористический акт, заложник, захват заложников, полиция, сотрудник полиции, организация террористического акта, подготовка террористического акта, правила поведения, действия сотрудников полиции, противодействие терроризму, предупреждение терроризма.

ZINCHENKO Nikita Viktorovich
lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

VODOLATSKIY Konstantin Vladimirovich
lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

KUZNETSOV Andrey Vladimirovich
lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

BASIC RULES OF CONDUCT WHEN CAPTURED AS A HOSTAGE OR BEING IN THE ZONE OF A TERRORIST ACT

The article discusses the legal basis of countering terrorism, the basic principles of countering terrorism, as well as issues related to actions in cases where you find yourself in a situation related to hostage taking in various conditions. The article describes the procedure in cases of hostage-taking with specific explanations of how to act in a given situation.

Keywords: terrorism, terrorist activity, terrorist act, hostage, hostage-taking, police, police officer, organization of a terrorist act, preparation of a terrorist act, rules of conduct, actions of police officers, counter-terrorism, prevention of terrorism.

Противодействие терроризму является одной из основных задач, которые стоят перед органами внутренних дел в Российской Федерации. В новых реалиях вопрос об обеспечении стратегической стабильности и национальной безопасности в стране приобретает особую важность. С каждым годом усиливается и без того ожесточенная борьба с терроризмом. Принимая новые формы и методы своего практического осуществления, этот вопрос требует адекватных, снижающих людские потери мер борьбы с этим международным злом. Стандартные подходы в проведении операций по освобождению заложников, например такие, которые использовались при освобождении заложников при захвате школ, больниц, аэропортов, малоэффективны. В современных условиях, считая терроризм одной из серьезнейших угроз национальной безопасности, руководство нашей страны большой объем задач по борьбе с ней возлагает на правоохранительные органы.

Успешное выполнение решаемых задач при возникновении террористической угрозы невозможно без хорошей подготовки личного состава руководителей и подразделений органов внутренних дел, заблаговременного обучения управлению силами и средствами при возникновении чрезвычайных обстоятельств. С этой целью ежегодно проводятся тренировки по реагированию личного состава ОВД на специальные сигналы оповещения, командно-штабные учения и штабные тренировки по организации и управлению силами и средствами ОВД при возникновении различных террористических угроз, тактико-специальных учений по предотвращению и устранению последствий актов терроризма. Помимо этого, сотрудники органов внутренних дел принимают участие в ведомственных и межведомственных комплексных оперативных учениях, в том числе на территории регионов с высокой степенью террористической угрозы.

Современная обстановка в мире такова, что практически любой человек по стечению обстоятельств может оказаться в заложниках у преступников. Преступники могут добиваться достижения различных целей: устрашения общества, дестабилизация обстановки, реализация политических взглядов, религиозные предпосылки, получение выкупа и т.п.

Захват заложников может произойти как на объектах транспорта, так и в других общественных местах включая улицы, учреждения, государственные учреждения.

Прежде всего, при захвате преступниками здания, транспорта и прочего объекта, где вы находитесь, необходимо трезво оценивать обстановку вокруг себя. Если рядом нет преступника и нет возможности огневого поражения, то по возможности необходимо как можно быстро убежать с места предполагаемого захвата. Ни в коем случае нельзя просто стоять на месте, т. к. это может привести к гибели заложника при захвате или его непосредственному захвату преступниками.

Если убежать не удалось, и сотрудник оказался в заложниках, то он должен понимать, что его основная цель - остаться в живых, а чтобы успешно достигнуть данной цели, ему необходимо соблюдать следующие правила поведения, направленные на обеспечение личной безопасности:

– не делайте резких движений, не шумите, а также не допускайте действий, которые могут спровоцировать террористов к применению оружия и привести к человеческим жертвам;

– нельзя допускать истерики и паники среди заложников;

– постарайтесь сэкономить силы;

– не пытайтесь оказать сопротивление, при этом могут погибнуть другие лица и заложники;

– будьте готовым, что преступники захотят применить в отношении заложников различные устройства ограничения подвижности, связать их верёвками, скотчем, заткнуть им рот кляпом, надеть им повязку на глаза или мешок на голову и т.п., не стоит при этом оказывать сопротивление;

– будьте готовым к специфическим условиям питания, отправления естественных нужд, условиям сна, попытайтесь настроить себя на то, что достаточно продолжительное время заложники могут быть лишены пищи, воды и, возможно, движения;

– постарайтесь находить возможность соблюдения личной гигиены;

– не видите себя агрессивно и вызывающе по отношению к террористам, не следует угрожать им, не следует говорить, что в заложниках есть сотрудники правоохранительных органов (преступникам, как правило, не нужны «проблемные» заложники, которые имеют специальную подготовку, физическую подготовку и умеют владеть огнестрельным оружием);

– лицам, оказавшимся в качестве заложников, не нужно смотреть преступникам в глаза, необходимо терпеть их оскорбления и унижения;

– ни в коем случае не дайте ослабнуть своему сознанию, переключитесь на тренировку памяти, вспоминайте исторические даты, содержание книг, номера телефонов и т.п.;

– если вместе с заложниками оказались дети, то необходимо находиться рядом с ними, закрыть их собой и успокоить, не допускать плача и истерики у ребёнка;

– выполняйте требования заложников, не спорьте с ними, не рискуйте собственной жизнью и жизнями других заложников;

– отвечайте преступникам спокойно и кратко, все передвижения делайте только с разрешения преступников;

– если заложник получил возможность поговорить с родственниками, то он должен держать себя в руках, не плакать, не кричать, говорить по существу, и коротко;

– заложники должны понимать, что вопросами их освобождения уже занимаются специальные службы.

Находясь в качестве заложника, сотруднику необходимо проявлять внимательность и осторожность, как в действиях, так и в общении с преступниками. Необходимо запомнить количество преступников, их приметы, черты лица, одежду, имена, прозвища, отличительные признаки внешности (наличие шрамов, татуировок, пирсинга и т.п.), особенности их речи и манеры поведения, содержание разговоров, распределение ролей и т.п.

Если началась операция по освобождению заложников, то заложникам необходимо соблюдать следующие рекомендации:

– необходимо занять позицию подальше от дверных проёмов и окон, т. к. во время штурма осколки стекла, обломки строительных конструкций могут причинить травмы);

– необходимо также держаться подальше от террористов, потому что при штурме по ним будут работать снайперы и сотрудники, осуществляющие штурм;

– необходимо лечь на пол лицом вниз, голову закрыть руками и не двигаться;

– если резко запахло дымом или газом, то необходимо лёжа закрыть глаза, ни в коем случае их не тереть, взять любой кусок ткани (части одежды, носовой платок, галстук, шапка и т.п.) и прикрыть им нос и рот (чтобы минимизировать поражение газом или продуктами горения);

– ни в коем случае не бегите навстречу сотрудникам спецслужб или от них, т. к. они могут принять вас за преступника;

– после штурма выполняйте команды сотрудников спецслужб [1].

Необходимо регулярно осуществлять ряд профилактических мероприятий направленных на предупреждение террористических актов и устранения условий для развития радикальных общественных объединений их совершающих.

Так, перед проведением массовых мероприятий религиозного характера руководством территориальных органов внутренних дел (далее - ОВД) проводятся консультативные встречи с представителями религиозных организаций для выработки взаимоприемлемых решений в вопросах обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, укрепления законности и доверия населения к ОВД.

В целях предотвращения дестабилизации общественно-политической ситуации силами ОВД проверяется деятельность представительств зарубежных некоммерческих организаций, общественно-политических движений, иных общественных объединений деструктивной направленности по вовлечению молодежи, молодежных общественных организаций в радикальные учения и террористическую деятельность. ОВД налажено тесное взаимодействие с УФСБ, УФМС и прокуратурой в рамках которого осущест-

вляется обмен информацией о деятельности неформальных молодежных организаций, религиозных сект и групп деструктивной направленности. На встречах представителей ОВД со студентами и учащимися вузов разъясняется порядок наступления уголовной и административной ответственности за организацию и участие в экстремистской деятельности. Совместно с другими силовыми ведомствами проводятся оперативно-профилактические мероприятия в отношении участников неформальной молодежной организации.

В рамках взаимодействия с федеральной службой исполнения наказаний, оперативные подразделения проводят оперативно-розыскные мероприятия в отношении лиц, осужденных за преступления террористического и экстремистского характера, осуществляют выезды по местам содержания осужденных указанной категории, где выявляются лица, причастные к пропаганде исламистских идей радикального характера, фак-ты установления связей осужденных с участниками экстремистских организаций, случаи распространения националистических настроений.

В целях отслеживания и своевременного реагирования на попытки проникновения на территорию РФ экстремистки настроенных лиц, входящих в неформальные молодежные объединения деструктивной направленности находящихся на оперативном учете, ОВД организуется обмен информацией с Центрами по противодействию экстремизму МВД и ГУ МВД соседних регионов. В базы данных оперативных служб МВД заносятся лица, входящие в группы и объединения деструктивной направленности. Оперативные подразделения ОВД и УФСБ неоднократно выявляли и нейтрализовывали деятельность экстремистских групп и объединений, эмиссаров религиозных центров, пропагандирующих идеи экстремизма в среде лиц прибывающих на территорию РФ с территории стран дальнего и ближнего зарубежья.

МВД РФ выработана методика предупреждения, раскрытия и расследования ложных сообщений об угрозе совершения террористического акта. ОВД регулярно проводятся оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление и документирование деятельности лиц, размещающих в сети Интернет материалы экстремистского содержания, комментарии содержащие призывы к разжиганию межнациональной розни, объявления о вербовке в ряды экстремистках групп и организаций.

В целях отслеживания и своевременного реагирования на попытки проникновения на территорию области экстремистки настроенных лиц, входящих в неформальные молодежные объединения деструктивной направленности находящихся на оперативном учете, ОВД организуется обмен информацией с Центрами по противодействию экстремизму МВД и ГУ МВД соседних регионов. В базы данных оперативных служб МВД заносятся лица, входящие в группы и объединения деструктивной направленности. Оперативные подразделения ОВД и УФСБ неоднократно выявляли и нейтрализовывали деятельность экстремистских групп и объединений, эмиссаров религиозных центров, пропагандирующих идеи экстремизма в среде лиц прибывающих на территорию РФ с территории стран дальнего и ближнего зарубежья.

Социальная реабилитация лиц, пострадавших в результате террористического акта, включает в себя психологическую, медицинскую и профессиональную реабилитацию, правовую помощь, содействие в трудоустройстве, предоставление жилья, проводится в целях социальной адаптации лиц, пострадавших в результате террористического акта, и их интеграции в общество и осуществляется за счет средств федерального бюджета в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, а также средств бюджета субъекта Российской Федерации, на территории которого совершен террористический акт, и иных источников, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Психологическое обеспечение специальных операций органов внутренних дел по освобождению заложников. Методические рекомендации. – М.: МЦ при ГУК МВД РФ, 1995. – 120 с.
2. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 27.07.2006 № 153-ФЗ, от 08.11.2008 № 203-ФЗ, от 22.12.2008 № 272-ФЗ, от 30.12.2008 № 321-ФЗ, от 27.07.2010 № 197-ФЗ, от 28.12.2010 № 404-ФЗ, от 03.05.2011 № 96-ФЗ, от 08.11.2011 № 309-ФЗ, от 23.07.2013 № 208-ФЗ, от 02.11.2013 № 302-ФЗ, от 05.05.2014 № 130-ФЗ, от 04.06.2014 № 145-ФЗ, от 28.06.2014 № 179-ФЗ, от 31.12.2014 № 505-ФЗ, от 03.07.2016 № 227-ФЗ, от 06.07.2016 № 374-ФЗ, от 18.04.2018 № 82-ФЗ, от 18.03.2020 № 54-ФЗ, от 08.12.2020 № 429-ФЗ, от 26.05.2021 № 155-ФЗ).

КАШИНЦЕВА Ирина Львовна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, заместитель директора Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич
старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы практической подготовки студентов для будущей профессиональной деятельности в органах государственной и муниципальной власти. Анализируется организация различных видов практики, а также организация практической подготовки на учебных занятиях. В работе выявлены отдельные слабые и сильные стороны подхода к организации данной формы освоения образовательных программ, а также даются предложения по ее совершенствованию.

Ключевые слова: право и образование, высшее образование, образовательные программы, студент, практическая подготовка, бакалавриат, специалитет, государственный образовательный стандарт.

KASHINTSEVA Irina Lvovna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Foreign languages sub-faculty, Deputy Director of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ANANJEV Oleg Gennadjevich
senior lecturer of Social psychology and social work sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

PRACTICAL TRAINING IN GETTING HIGHER EDUCATION

The article deals with the issues of practical training of students for future professional activities in state and municipal bodies. The authors analyze the organization of different types of practice, as well as the organization of practical training in the classroom. The paper reveals some advantages and disadvantages of the approach to the organization of this form of mastering educational programs, and also provides suggestions for improving it.

Keywords: law and education, higher education, educational programs, student, practical training, bachelor's degree, specialty, state educational standard.

Одним из обязательных форм освоения образовательных программ высших образовательных учреждений уровня бакалавриата, уровня специалитета и уровня магистратуры является практическая подготовка.

В соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования практика выделялась и продолжает выделяться в отдельный блок в структуре образовательных программ вышеназванных уровней. Под понятием «практическая подготовка» подразумевается прохождение обучающимися различных видов практики (учебной, производственной, преддипломной, научно-исследовательской, педагогической и т.д.) в учреждениях и организациях, с которыми у образовательной организации заключены договоры на прохождение практической подготовки. В зависимости от типа (ознакомительная, правоприменительная, проектная, преддипломная и т.д.) практика преследует различные цели, но в любом случае она имеет профессиональную направленность и служит цели формирования профессионально значимых компетенций, определяемых образовательной организацией.

В последнее время реализация практического элемента образовательных программ включает в себя не только прохождение предусмотренной учебным планом практики, выполнение в сторонних организациях определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью и направленных на формирование практических навыков и развитие компетенций, соответствующих профилю образовательной программы [1].

Практическая подготовка также может быть организована при реализации различных учебных курсов, дисциплин (модулей), иных компонентов образовательных программ, предусмотренных учебными планами.

Остановимся на том, как организуется практическая подготовка студентов Академии ФСИН России.

Учебные планы по образовательным программам, реализующимся за счет средств физических и (или) юридических лиц, предусматривают, во-первых, проведение нескольких видов практик, нацеленных либо на ознакомление с особенностями профессиональной сферы деятельности, либо формирование практических навыков профессиональной деятельности, либо на получение и анализ эмпирического материала для выполнения выпускных квалификационных работ, во-вторых, проведение практических занятий по большинству профессионально-направленных дисциплин не только на базе непосредственно академии, но и в организациях, деятельность которых связана с профилем образовательной программы.

На сегодняшний день Институт Академии ФСИН России, на базе которого осуществляется подготовка специалистов разного профиля для органов государственной и муниципальной власти, имеет более 30 организаций-партнеров в области подготовки кадров, среди них: Адвокатская палата

Рязанской области, Управление Судебного департамента в Рязанской области, Арбитражный суд Рязанской области, Рязанский гарнизонный военный суд, Управление Федеральной налоговой службы по Рязанской области, Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Рязанской области, Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Рязанской области, Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Рязанской области, Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области, Контрольно-счетная палата города Рязани, ЗАО «Рязанский кирпичный завод», АО «Государственный Рязанский приборный завод», ПАО «Прио-Внешторгбанк», ОА «Точинвест» и другие предприятия и организации города.

Получая распределение при прохождении того или иного вида практики в подразделение, например, судебного департамента, студенты получают навыки работы с необходимой документацией, правовым обеспечением деятельности судей и иных работников судебного департамента. Они принимают на себя роли делопроизводителя, секретаря судебного заседания, помощника. Студенты учатся составлять документы, связанные с взысканием долгов (судебные приказы и решения суда), уведомлением участников судебного процесса, ответом на ходатайства и иные заявления граждан.

Оказываясь в роли психологов в учреждениях ФСИН России, студенты-практиканты применяют свои знания и навыки в участии обследований сотрудников и осужденных, проведении профилактических бесед и индивидуальной работы, включающей в себя консультирование, профилактические и коррекционные мероприятия. Они работают с профессиональными программами по составлению статистики и анализу анкет как для осужденных, так и сотрудников подразделения. И это один из немногих примеров.

В соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования к проведению практических занятий по дисциплинам, отражающим направленность выбранной студентами профессии, привлекаются либо на условиях совместительства, либо по договорам об оказании образовательных услуг на безвозмездной основе работники, чья деятельность непосредственно связана с профилем профессиональной деятельности, к которой готовятся выпускники. Привлечение данной категории работников наилучшим образом способствует заинтересованности студентов, мотивирует их не только пополнять свою теоретическую базу, но и применять ее при постановке конкретных практических задач из реальной профессиональной деятельности специалистов-практиков.

В последнее время кафедрами, осуществляющими подготовку студентов по профильным дисциплинам, делается большой акцент на проведение выездных учебных занятий. Профессорско-преподавательский состав кафедр проводят занятия-экскурсии, занятия-беседы на базе и с участием представителей организаций – потенциальных работодателей будущих выпускников института.

Подобная практическая подготовка предусмотрена учебными планами по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция по таким дисциплинам, как: «Актуальные проблемы уголовной ответственности и наказания», «Уголовно-процессуальные акты предварительного расследования», «Применение норм уголовного права», «Актуальные проблемы гражданского права», «Нормативно-правовое регулирование в сфере защиты прав потребителей», «Гражданско-правовые процессуальные акты», «Административное судопроизводство» и др.

По направлению подготовки 38.03.01 Экономика и специальности 38.05.01 Экономическая безопасность выездные занятия проходят в рамках изучения дисциплин «Бухгалтерский финансовый учет», «Практический аудит», «Налогообложение организаций», «Планирование и организация производства», «Организация, нормирование и оплата труда», «Промышленный маркетинг» и др.

По специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности занятия на базе сторонних организаций предусмотрены по дисциплинам «Кадровый профайлинг», «Технологии эффективных переговоров», «Практикум по развитию морально-психологической устойчивости» и др.

Следует отметить, что помимо занятий, предусмотренных учебным планом, преподаватели организуют посещение и знакомство студентов с особенностями их будущей профессиональной деятельности и во внеучебное время.

В целях совершенствования практической составляющей обучения и содействия трудоустройству студентов в институте реализуются проекты «Знакомство с будущей профессией», «Шаги к успеху: уроки современных лидеров», включающие комплекс мастер-классов и профориентационных бесед для молодых специалистов, а также презентации вакансий в организациях-партнерах.

Достаточно интересным является опыт работы образовательного учреждения по участию в создании доступной системы правового информирования и организации правовой помощи различным категориям граждан [2]. Уже длительное время обучающиеся Академии ФСИН России применяют свои навыки в действующей на постоянной основе юридической клинике. Она на безвозмездных началах принимает участие в системе правового информирования и просвещения населения.

Тем не менее следует отметить, что организация практического обучении при подготовке кадрового состава имеет и некоторые недостатки.

Одной из слабых сторон организации практического обучения является привлечение к образовательному процессу лиц, не имеющих достаточного опыта практической деятельности по профилю преподаваемых дисциплин. Трудовой деятельностью в сфере обучения занимаются лица, не работавшие в практических организациях и подразделениях, то есть вчерашние студенты. Такие преподаватели обычно характеризуются тем, что приводят мало практических примеров из реальной практической деятельности, дают недостаточное количество практических заданий обучающимся на занятиях, считая, что, только приступив к непосредственной работе после выпуска из образовательного учреждения, студенты смогут реализовать себя и научиться практическим действиям.

Иногда, привлекая к проведению практических занятий практиков-специалистов, приходится сталкиваться с ситуацией, когда преподаватель в силу отсутствия опыта преподавания и общения с обучающимися не может доступным образом изложить учебный и практический материал. Такой момент приводит к потере интереса у обучающихся к изучению дисциплины и психологическому барьеру, возникающему из-за нарушения обратной связи при общении с подобным преподавателем. Таким образом, к отбору преподавательского состава следует подходить с учетом его опыта практической деятельности.

Другой слабой стороной организации практического обучения является отсутствие индивидуального подхода, при котором важно учитывать индивидуальные потребности каждого студента. В некоторых случаях преподаватели не могут уделить достаточно времени каждому студенту. Такая ситуация складывается по многим причинам, одна из которых – загруженность, связанная с необходимостью выполнения дополнительных видов работ (задвоенное ведение журнала учета успеваемости (бумажный и электронный журналы), контролем выполнения заданий в информационной электронно-образовательной среде, дополнительной нагрузкой по наставничеству за студентами (кроме нагрузки по кураторству групп) и некоторыми иными мероприятиями.

Важным аспектом практико-ориентированного обучения является наличие обратной связи со стороны преподавателя. Некоторые преподаватели не могут оценить работу каждого студента и дать им рекомендации по ее улучшению в связи с низкой собственной компетенцией (молодой и неопытный преподаватель), либо из-за непонимания собственной роли в становлении и подготовке профессиональных кадров.

В практико-ориентированном обучении учитывается не только знание теории, но и умение применять ее на практике. Отдельные виды практических ситуаций требуют не только теоретических знаний, но и практического и даже жизненного опыта, который на момент обучения отсутствует у обучающихся. Даже наблюдая за выносимыми решениями судов, можно сделать вывод, что имеются ситуации, когда по идентичным вопросам суды разных регионов выносят различные решения.

Еще одним из проблемных вопросов практико-ориентированного обучения является написание выпускных квалификационных работ. Создание единого перечня тем исключает развитие и инновационный подход к проведению иных исследований. Особенно это касается цивилистических дисциплин, которые обновляют перечень изучаемых вопросов в зависимости от изменений гражданского законодательства. Однако зафиксированные темы для написания ВКР не изменяются, это означает, что назначаемые руководством кафедр научные руководители не затрачивали бы основное время на разработку и переработку самих текстов выпускных квалификационных работ в связи с отсутствием в них как новизны, так и актуальности. А сами работы не вызывали бы сомнения в достоверности полученных результатов. Кроме того, научные руководители могли бы уделить больше внимания обучающимся по оказания содействию в направлении работы над исследованиями, которые смогут вывести на новый уровень практической деятельности подразделений [3].

Таким образом, правильно организованная деятельность по применению практико-ориентированного подхода для подготовки обучающихся при получении ими высшего образования, а также развитию исследовательских возможностей молодых специалистов при обучении в образовательных учреждениях является показателем дальнейшей их эффективной работы непосредственно в организациях и учреждениях страны.

Пристатейный библиографический список

1. Приложение № 1. Положение о практической подготовке обучающихся / ГАРАНТ
2. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/74626874/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения 23.08.2023).
3. Ананьева Е. О. Формирование доступной системы правового информирования и оказания правовой помощи различным категориям граждан РФ // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2018. № 11. С. 54-61.
4. Ананьева Е. О., Кашинцева И. Л. Организация взаимодействия образовательных организаций с учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы при реализации практико-ориентированного обучения // В сборнике: Современные тенденции развития образования: компетенции, технологии, кадры. сборник материалов научно-методической конференции. 2019. С. 10-14.

НОСОВ Иван Алексеевич
преподаватель кафедры права, обществознания и социального управления Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы

ЖАБКИН Антон Сергеевич
кандидат юридических наук, старший лейтенант полиции, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ХАМИТОВ Айнур Расимович
старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

ХАТУАЕВ Марат Отарович
старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Воронежского института МВД России, подполковник полиции

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К ВЫПОЛНЕНИЮ СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящей статье рассматривается важность развития профессиональной готовности сотрудников полиции для успешного функционирования в сложных и экстремальных ситуациях. Современное общество сталкивается с разнообразными вызовами, требующими от сотрудников полиции высокой подготовки и способности действовать эффективно в различных нештатных обстоятельствах.

Авторы производят анализ текущей ситуации и приходят к выводу о том, что готовность сотрудников полиции к действиям в особых условиях предполагает не только физические навыки, но и интеллектуальные и психологические аспекты.

Авторы отмечают, что развитие готовности сотрудников полиции к действиям в особых условиях является необходимой составляющей их профессиональной подготовки.

Ключевые слова: сотрудники полиции, развитие навыков, особые условия, развитие готовности, компоненты готовности.

NOSOV Ivan Alexeevich
lecturer of Law, social studies and social management sub-faculty of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University

ZHABKIN Anton Sergeevich
Ph.D. in Law, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

KHAMITOV Ainur Rasimovich
senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

KHATUAEV Marat Otarovich
senior lecturer of Administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL READINESS OF POLICE OFFICERS TO PERFORM OFFICIAL TASKS IN SPECIAL CONDITIONS

This article discusses the importance of developing the professional readiness of police officers for successful functioning in difficult and extreme situations. Modern society is facing a variety of challenges that require highly trained police officers and the ability to act effectively in various abnormal circumstances.

The authors analyze the current situation and come to the conclusion that the readiness of employees to act in special conditions involves not only physical skills, but also intellectual and psychological aspects.

The authors note that the development of police officers' readiness to act in special conditions is a necessary component of their professional training.

Keywords: police officers, skills development, special conditions, readiness development, readiness components.

В условиях проведения специальной военной операции правоохранительные органы сталкиваются с различными вызовами и ситуациями, требующими высокой профессиональной готовности и умения эффективно действовать в экстремальных условиях, принимать решения в условиях дефицита времени. Экстремальные ситуации могут проявляться в террористических актах, природных катастрофах, массовых беспорядках и других экстремальных сценариях. Развитие готовности сотрудников полиции к действиям в особых условиях становится приоритетной задачей для обеспечения безопасности общества и эффективности работы правоохранительных органов.

Для эффективного осуществления служебной деятельности сотрудникам полиции важно развивать личностные профессионально-значимые качества.

Вопросы развития профессионально-значимых личностных качеств являлись предметом исследования таких авторов, как: Д. А. Ильина [2], В. Г. Старостина [3], Ф. Ф. Халиуллина, В. В. Клубникиной, И. А. Паршутина [4] и др.

Опираясь на анализ научной литературы, можно сказать, что готовность сотрудников полиции к профессиональной деятельности, в частности к несению службы в особых условиях является совокупностью таких функций, как физическая, психическая, волевая, интеллектуальная. Все представленные компоненты неразрывно связаны между собой, но каждый из них проявляется в зависимости от поставленной профессиональной задачи.

Рассмотрим первую категорию качеств. В качестве основных интеллектуальных качеств личности можно выделить такие как: коммуникативность, внимательность, наблюдательность.

Необходимость развития коммуникативных качеств при несении службы в особых условиях обусловлена необходимостью выбора наиболее оптимальных средств разрешения конфликтных ситуаций в условиях дефицита времени, а также налаживания психологического контакта с гражданами.

Наблюдательность проявляется в умении подмечать не только какие-либо изменения на месте происшествия, на месте несения службы. Объектом наблюдения в работе сотрудника ОВД может быть и человек, т.е. его психологический профиль. Как справедливо отмечают авторы, такую

наблюдательность можно назвать психологической. Такой вид наблюдательности заключается в умении улавливать изменения в поведении людей, в умении интерпретировать невербальное поведение человека, в способности понимать руководящие мотивы и чувства, истинные цели и побуждения, распознавать психические свойства личности, понимать в каком эмоциональном состоянии находится человек, предугадывать дальнейшие его действия, в том числе возможное проявление агрессии.

Результативность развития личностно-профессиональных качеств сотрудников органов внутренних дел в процессе первоначальной подготовки в вузах МВД РФ обеспечивается реализацией организационно-педагогических условий: формирование устойчивой мотивации сотрудников органов внутренних дел к развитию личностно-профессиональных качеств; актуализация субъектной позиции сотрудников органов внутренних дел посредством построения индивидуального образовательного маршрута; учебно-методическое обеспечение процесса развития и совершенствования личностно-профессиональных качеств сотрудников органов внутренних дел в профессиональной деятельности [1].

Особые условия деятельности – такие условия деятельности, в которых возникает потребность осуществления дополнительных (на уровне законодательных и исполнительных органов власти) мер правового, организационно-тактического и иного характера, необходимого ресурсного обеспечения - для нормализации особых условий в минимально сжатые сроки и с наименьшими затратами [5].

Само понятие «готовность» на сегодняшний день не имеет единого понимания. Авторы по-разному наполняют содержание готовности различными компонентами [1], однако произведя анализ научной литературы можно придти к выводу о том, что в качестве основных компонентов авторы выделяют мотивационный, операционный и эмоционально-волевой.

Мотивационная составляющая готовности к решению задач в особых условиях характеризуется наличием у сотрудников органов внутренних дел понимания ценности результатов служебной деятельности как для себя, так и для общества.

Операционная составляющая включает в себя наличие у сотрудника полиции знаний, умений и навыков, составляющих инструментарий его практической деятельности. Операционная составляющая включает в себя следующие компоненты:

– теоретические знания (тактические, правовые, психологические и др.);

– практические умения (применение физической силы и огнестрельного оружия; оказание доврачебной помощи (тактическая медицина), особенности производства следственных и иных процессуальных действий в типовых ситуациях и т.д.

Эмоционально-волевой компонент представляет умение применять различные методы саморегуляции эмоционального состояния, которое включает в себя личностное образование, и является условием успешного выполнения оперативно-служебные задачи, посредством практической реализации усвоенных ранее теоретических знаний и практических умений.

Особенностью несения службы в особых условиях является наличие стрессовых, а порой и психотравмирующих факторов. Соответственно, говоря о развитии готовности к несению службы в особых условиях, следует учитывать необходимость расширения знаний среди сотрудников полиции о способах сохранения собственного здоровья. Вместе с тем необходимо формировать знания об особенностях реакций организма человека в стрессовых ситуациях. Также эффективно использовать техники самодиагностики своего эмоционального состояния.

Еще одной составляющей развития готовности к действиям в особых условиях сотрудников ОВД является обогащение опыта в решении сложных профессиональных задач. На сегодняшний день развитие профессиональной готовности сотрудников полиции успешно осуществляется в рамках прохождения курсов повышения квалификации по соответствующей программе обучения. Следует отметить, что наличие высокого уровня теоретических знаний у сотрудника ОВД, не будет эффективным без определенного уровня практической подготовки. В этой связи, в процессе прохождения курсов повышения квалификации отработка применения полученных знаний на практических занятиях играет ключевую роль. При этом на практических занятиях должны отрабатываться умения, включающие как освоение наиболее типичных видов правоохранительной деятельности, например обеспечение общественного порядка, так и нестандартных профессиональных ситуаций.

Повышение профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к действиям в особых условиях выступает важным направлением совершенствования трудовой деятельности. Это позволит сформировать у сотрудников полиции навык преодоления стрессовых состояний, способствовать обеспечению безопасности граждан. Развить готовность сотрудника полиции к действиям в особых условиях в системе повышения квалификации возможно наиболее эффективно лишь во взаимодействии преподавателей со слушателями, выявлении их адресных запросов, выборе наиболее подходящих методов работы на занятиях, использование потенциала наставничества.

Развитие готовности сотрудников полиции к действиям в особых условиях – это неотъемлемая часть их профессиональной подготовки. Оно не только способствует обеспечению безопасности граждан, но и увеличивает доверие общества к правоохранительным органам.

Пристатейный библиографический список

1. Амирова Л. А., Носова Д. Х., Хатуаев М. О. Психолого-педагогические аспекты развития готовности сотрудников полиции к профессиональной деятельности // Психология и педагогика служебной деятельности. - 2023. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-aspekty-razvitiya-gotovnosti-sotrudnikov-politsii-k-professionalnoy-deyatelnosti (дата обращения: 04.09.2023).
2. Ильин Д. А. Влияние профессионального опыта на динамику профессионально важных качеств личности сотрудников органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. - 2020. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-professionalnogo-opyta-na-dinamiku-professionalno-vazhnyh-kachestv-lichnosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 07.09.2022).
3. Старостин В. Г., Халилуллин Ф. Ф. Особенности формирования профессионально важных качеств курсантов образовательных организаций системы МВД России // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. - 2021. - № 2 (12). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-professionalno-vazhnyh-kachestv-kursantov-obrazovatelnyh-organizatsiy-sistemy-mvd-rossii (дата обращения: 07.09.2022).
4. Паршутин И. А., Клубникина В. В. Психологические особенности развития профессионально важных качеств у сотрудников ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. - 2020. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-razvitiya-professionalno-vazhnyh-kachestv-u-sotrudnikov-ovd (дата обращения: 07.09.2022).
5. Чуносов М. А. Компоненты профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач в экстремальных ситуациях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2021. - № 3-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-professionalnoy-gotovnosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-k-vypolneniyu-sluzhebnyh-zadach-v-ekstremalnyh-situatsiyah (дата обращения: 04.09.2023).

НОСОВА Диана Хасановна
преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

ВАЛИЕВА Альбина Рифовна
кандидат политических наук, доцент социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета

ЖАБКИН Антон Сергеевич
кандидат юридических наук, старший лейтенант полиции, старый преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ХАТУАЕВ Марат Отарович
старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Воронежского института МВД России, подполковник полиции

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В настоящей статье производится исследование важности развития навыков профессионального общения для будущих сотрудников полиции в современном обществе. В условиях сложной социальной динамики и повышенных требований к сотрудникам правоохранительных органов, эффективное общение становится ключевым аспектом успешного выполнения служебных обязанностей.

Авторы проводят анализ существующих методов и техник обучения будущих сотрудников полиции навыкам профессионального общения, включая коммуникацию с гражданами и коллегами. В статье представлены педагогические подходы и стратегии, способствующие эффективному развитию коммуникативных навыков.

В заключении статьи подчеркивается, что эффективное профессиональное общение сотрудников полиции является неотъемлемой частью их служебной деятельности, способствует улучшению отношений с обществом и повышению уровня доверия общества к органам внутренних дел. Исследование предоставляет педагогические рекомендации и решения для усиления и совершенствования этого важного аспекта в работе правоохранительных органов.

Ключевые слова: сотрудники полиции, развитие навыков, коммуникация, профессиональное общение, тренинг.

NOSOVA Diana Khasanovna
lecturer of Pedagogy and psychology in the activities of police officers sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

VALIEVA Albina Rifovna
Ph.D. in political sciences, associate professor of Socio-economic and humanitarian disciplines sub-faculty of the Bashkir State Agrarian University

ZHABKIN Anton Sergeevich
Ph.D. in Law, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

KHATUAEV Marat Otarovich
senior lecturer of Administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

DEVELOPMENT OF COMMUNICATION SKILLS OF FUTURE POLICE OFFICERS

This article investigates the importance of developing professional communication skills for future employees of the police in modern society. In conditions of complex social dynamics and increased demands on law enforcement officers, effective communication becomes a key aspect of the successful performance of their official duties.

The authors analyze the existing methods and techniques of training future police officers in professional communication skills, including communication with citizens and colleagues. The article presents pedagogical approaches and strategies that contribute to the effective development of these skills.

In conclusion, the article emphasizes that effective professional communication of police officers is an integral part of their official activities, contributes to improving relations with society and increasing the level of public confidence in the internal affairs bodies. The study provides pedagogical recommendations and solutions to strengthen and improve this important aspect in the work of law enforcement agencies.

Keywords: police officers, skills development, communication, professional communication, training.

Сотрудники полиции в современном обществе сталкиваются с множеством вызовов, требующих не только профессиональной компетентности, но и высоких коммуникативных навыков. Эффективное общение с гражданами, коллегами и другими структурами правоохранительных органов является неотъемлемой частью их служебной деятельности. В данной статье рассматривается важность развития коммуникативных качеств сотрудников полиции, методы и стратегии обучения, а также влияние эффективной коммуникации на доверие общества к правоохранительным органам.

Проблема общения сотрудников полиции и их взаимодействия с обществом является актуальной и широко исследуемой темой в научных трудах множества авторов. Так, проблемы развития коммуникативной компетентности сотрудников правоохранительных органов затрагивались в трудах юридических психологов, педагогов и социологов С. Е. Борисовой, В. Л. Васильева, А. Ю. Вишневского, А. В. Гайнуллиной, И. Н. Фомичевой, А. И. Мигранова, А. В. Батаршева, В. Л. Цветкова, Л. Н. и др.

На сегодняшний день авторы не пришли к единому мнению понимания коммуникативной компетентности сотрудников полиции [1].

Ряд авторов понимают под коммуникативной компетентностью сотрудников ОВД высокоразвитую способность к использованию средств общения в целях оказания правомерного воздействия на правосознание и поведение граждан [3]. Сотрудник полиции неспособный построить психологический, не имеющий достаточных коммуникативных навыков, при общении с гражданами склонен к выбору неэффективных мер, в том числе силовых способов воздействия на граждан.

Говоря о значимости коммуникативной компетентности в будущей профессиональной деятельности курсантов

ведомственных образовательных организаций следует отметить, что сформированная коммуникативная компетентность дает будущему сотруднику полиции возможность наиболее полным образом осуществлять сбор информации, важной для расследования и пресечения преступлений. Грамотное общение со свидетелями и потерпевшими позволяет получать достоверные и подробные сведения.

Как показал опрос сотрудников полиции из числа руководителей службы участковых уполномоченных полиции, проходящих службу в городе Уфе, те сотрудники, которые способные в короткие сроки выстроить психологический контакт с гражданами, намного эффективней осуществляют профилактическую работу с населением.

Вместе с тем коммуникативные навыки позволяют разрешать конфликтные ситуации. Правильное общение может предотвратить эскалацию насилия и способствовать мирному решению конфликтов.

Значимость формирования коммуникативных навыков у будущих сотрудников полиции заключается так же и в укреплении доверия общества к правоохранительным органам.

Согласимся с мнением А. В. Гайнуллиной, о том, что при проведении занятий с обучающимися целесообразно, в первую очередь, обращать внимание на социально-ориентированную направленность деятельности сотрудников полиции и формирование таких коммуникативных умений, как умение:

• выстраивать психологический контакт и актуализировать позитивные установки к сотрудничеству;

• проводить профилактическую работу с гражданами;

• преодолевать коммуникативные и психологические барьеры;

• формировать психологический профиль личности, интерпретировать невербальные реакции, а том числе неискренность гражданина,

• моделировать возможное поведение граждан в зависимости от вербальных и невербальных проявлений, в том числе возможное агрессивное поведение;

• саморегуляции своего собственного эмоционального состояния, контроль собственных реакций [1].

Сформировать подобные умения у будущих сотрудников полиции наиболее эффективным образом возможно посредством применения в процессе обучения такой технологии как тренинг.

Тренинг позволяет повысить уровень социальной компетентности посредством: практического проживание в ходе игры ситуаций, связанных с понятием «дистанция власти», ментальных различий в определении «психологической дистанции»; помощи участникам тренинга сформировать/закрепить навыки самоанализа процессов общения с целью самопознания и эффективной коммуникации; отработки тактильной коммуникации, доверия, настойчивости в преодолении препятствий; развития навыков внятной речи; отработки навыков слышать и слушать, концентрировать внимание на собеседнике и др. [4].

Большой интерес в формировании коммуникативной компетентности представляют ролевые игры.

Ролевая игра представляет собой метод обучения, в котором учащиеся играют определенные роли, симулируя различные ситуации. В ролевой игре учащиеся могут создавать роли в зависимости от учебных целей. Ролевая игра может применяться в разных предметных областях, в частности, в симуляции профессиональной деятельности. Важно выбирать метод и роли в соответствии с конкретными образовательными целями и потребностями обучающихся.

Преимущества ролевых игр в процессе формирования коммуникативных навыков у будущих сотрудников полиции включает в себя:

– активное участие учащихся, что способствует более глубокому усвоению материала;

– взаимодействие участников в рамках своих ролей;

– развитие критического мышления;

– создание ситуаций, близких к реальным, что позволяет применять знания на практике;

– усиление мотивации учащихся и интереса к учебному процессу.

В условиях ролевой игры ситуационное ролевое проигрывание должно записываться на видео, затем воспроизводиться, и участники в ходе просмотра должны отмечать ошибки и нецелевые действия, затем протагонист должен предложить новое решение, а другие участники — инсценировать альтернативные стратегии поведения. Проигрывание продолжается до тех пор, пока не будут достигнуты удовлетворительные результаты, т. е. правильно продемонстрированы умения применять, например, правила этикета общения, в том числе и правила поведения с точки зрения проксемики (пространственного расположения тела).

Во всех ролевых играх психологу-преподавателю отводится ведущая роль. Однако в последнее время наметилась тенденция к выдвижению на первый план активного взаимодействия между самими участниками [5].

Как справедливо отмечают авторы, одним из ключевых компонентов коммуникативного навыка сотрудника полиции выступают высокий уровень владения профессиональной терминологией и умение строить грамотную речь на основе профессионально значимого диалога [2].

Сформированность коммуникативной компетентности будущих сотрудников полиции зависит не только от тщательно подобранных методов обучения, но и от комплексного подхода в решении поставленной задачи. Только взаимосвязанная работа профессорско-преподавательского состава, а также самих обучающихся, их установки на саморазвитие и самосовершенствование позволят сформировать коммуникативные навыки наиболее полным образом.

Развитие коммуникативных качеств сотрудников полиции является критическим аспектом их профессиональной подготовки. Это не только способствует более эффективной работе полиции, но и укрепляет доверие общества к правоохранительным органам. С учетом сложности и разнообразия задач, стоящих перед полицией, развитие коммуникативных навыков остается ключевым фактором в разрешении конфликтных ситуаций и обеспечении безопасности в обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Гайнуллина А. В. Проблемы развития коммуникативной компетентности сотрудников ОВД // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-kommunikativnoy-kompetentnosti-sotrudnikov-ovd (дата обращения: 05.09.2023).
2. Карачаев А. Р., Шогенов З. А. Коммуникативная компетентность сотрудника полиции при выявлении и расследовании преступлений // Журнал прикладных исследований. - 2022. - № 3. - С. 112-115.
3. Кораблев С. Е. Психотехническая структура коммуникативной компетентности как фактора социальной эффективности сотрудников органов внутренних дел // Научный портал МВД России. - 2013. - № 1. - С. 125-135.
4. Романова Л. Л. Тренинг как инструмент формирования гибких навыков у студентов ВУЗа // Концепт. - 2023. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/trening-kak-instrument-formirovaniya-gibkih-navykov-u-studentov-vuza (дата обращения: 05.09.2023).
5. Човдырова Г. С., Клименко Т. С. Методы группового развития коммуникативной компетентности у курсантов — будущих сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2015. - № 1 (60). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-gruppovogo-razvitiya-kommunikativnoy-kompetentnosti-u-kursantov-buduschih-sotrudnikov-politsii (дата обращения: 05.09.2023).

КОВАЛЕВ Тимур Витальевич
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, старший лейтенант полиции

БУРДИНСКИЙ Игорь Анатольевич
заместитель начальника кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России, полковник полиции

МАНСУРОВА Зиля Рахимлановна
кандидат медицинских наук, подполковник полиции, доцент кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД, Уфимский юридический институт МВД России

ТУКУМБЕТОВ Рой Аликович
старший инспектор Елизовского МФ ФКУ УИИ УФСИН России по Камчатскому краю, старший лейтенант внутренней службы

О РОЛИ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В настоящей статье рассматривается важность морально-психологической подготовки сотрудников полиции и ее влияние на эффективность службы. Авторы проводят обзор литературы, анализируют психологические и этические аспекты работы полицейских, представляют результаты исследования и разрабатывают практические рекомендации для улучшения морально-психологической подготовки в правоохранительных органах. Авторы обозначают необходимость поиска новых форм и методов формирования и развития у сотрудников полиции морально-психологической готовности к профессиональной деятельности в современных условиях.

Ключевые слова: морально-психологическое обеспечение; воспитание; воспитательная работа; морально-психологическая подготовка; органы внутренних дел.

KOVALEV Timur Vitaljevich
senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

BURDINSKIY Igor Anatoljevich
Deputy Head of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, colonel of police

MANSUROVA Zilya Rakhimlanovna
Ph.D. in medical sciences, associate professor of Pedagogy and psychology in the activities of police officers sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

TUKUMBETOV Roy Alikovich
senior inspector of the Yelizovsky FKU CII of the FPS of Russia for the Kamchatka Territory, senior lieutenant of the internal service

ON THE ROLE OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL TRAINING IN THE ACTIVITIES OF POLICE OFFICERS

The article examines the importance of moral and psychological training of police officers and its impact on the effectiveness of the service. The authors review the literature, analyze the psychological and ethical aspects of police work, present the results of the study and develop practical recommendations for improving moral and psychological training in the field of law enforcement. The authors indicate the need to search for new forms and methods of formation and development of moral and psychological readiness for professional activity among police officers in modern conditions.

Keywords: moral and psychological support; upbringing; educational work; moral and psychological training; internal affairs bodies.

Морально-психологическая подготовка сотрудников полиции играет важную роль в их способности эффективно выполнять поставленные служебные задачи и поддерживать высокие этические стандарты. В своей профессиональной деятельности сотрудники полиции сталкиваются с уникальными требованиями и вызовами, что делает морально-психологическую подготовку неотъемлемой частью их обучения. Специфические требования при этом включают в себя: поддержание высоких этических стандартов, стрессоустойчивость, наличие широкого круга профессиональных навыков.

Проблема организации морально-психологической подготовки сотрудников полиции находилась в поле научного интереса, множества авторов, в частности: Бялт В. С., Цилик В. А., Струганов С. М., Татарникова А. И., Грушко В. М., Куршев А. Х., Личутина М. Г. и др.

Однако, несмотря на интерес к проблеме совершенствования морально-психологической подготовки в деятельности полиции, рассматриваемая тема является актуальной и остается широким полем для дальнейшего изучения.

Основные положения, согласно которым осуществляется морально-психологическая подготовка сотрудников полиции, отражены в Указе Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 года № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации»; в Приказе МВД России от 25 декабря 2020 года № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»; Письме ДГСК МВД России от 31 декабря 2021 года № 21/7/21717 «О направлении методических рекомендаций».

Одним из приоритетных направлений совершенствования морально-психологической подготовки в органах внутренних дел, согласно указанным нормативно-правовым актам, является развитие профессионально-личностных качеств у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в процессе морально-психологической подготовки

на основе оптимизации содержания и организации морально-психологической подготовки, внедрения инновационных педагогических технологий и повышения педагогического мастерства сотрудников, ответственных за проведение занятий по морально-психологической подготовке с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации [1], [5].

Рассматривая морально-психологическую подготовку в контексте приоритетного развития профессиональных качеств, можно отметить, что для решения профессиональных задач, еще на этапе обучения в ведомственном образовательном учреждении, у курсантов и слушателей должны быть выработаны такие профессиональные качества, как:

– совершенствование психической устойчивости, морально-психологических качеств личности;

– формирование у курсантов высокого уровня культуры, этики и нравственных качеств;

– выработка у курсантов понятия ответственности;

– формирование правого воспитания и его компонентов: правовой культуры, правового сознания; формирование правовой идеологии, правовой психологии;

– формирование определенного уровня знаний юридических дисциплин;

– формирование основных навыков выполнения приемов борьбы, самообороны, в экстренной ситуации, при угрозе жизни и здоровья сотрудника;

– развитие физического состояния курсантов, уверенность в своих силах, правильности своих действий в оперативно-служебной деятельности [3].

На сегодняшний день, в условиях динамично меняющейся оперативной обстановки выявляется острая необходимость в поиске новых путей формирования и развития морально-психологической готовности сотрудников полиции к решению профессиональных задач.

Процесс формирования и развития морально-психологических качеств сотрудников полиции напрямую связан со способностью противостоять негативным воздействиям профессионального и социального характера, с которыми сотрудники полиции сталкиваются ежедневно [2].

Вот почему проектирование и усовершенствование программ морально-психологической подготовки для сотрудников полиции является важным шагом в обеспечении их профессионального роста и эффективности в службе. На основе накопленного практического опыта и анализа эмпирических источников можно обозначить некоторые шаги и принципы, которые возможно применить в целях усовершенствования программ морально-психологической подготовки:

1) Производство анализа потребностей в конкретном структурном подразделении.

2) Учет индивидуальных различий присутствующих в работе каждого конкретного подразделения. Учет профессионального уровня и опыта сотрудников, т.е. программа должна быть гибкой и адаптированной под различные потребности.

3) Выделение ключевых тем, которые должны быть включены в программу, такие как этика, управление стрессом, коммуникационные навыки, разрешение конфликтов и другие.

4) Применение современных методов обучения: деловые, ролевые игры, кейс-стади и т.д.

Привлечение экспертов в области морально-психологической подготовки, а также практикующих сотрудников полиции, может придать программе дополнительный авторитет и практическую направленность.

Следует так же помнить, что эффективность применения современных технологий обучения в подготовке специалиста нового типа непосредственно зависит от преподавателей вуза, субъектов управления, умеющих выбрать и успешно реализовать технологию, адекватную целям и задачам развития обучаемых [4].

В заключении следует отметить, что программы морально-психологической подготовки сотрудников полиции должна быть гибкой и адаптивной, ориентированной на достижение конкретных целей и потребностей сотрудников полиции, а для повышения эффективности профессиональной подготовки в современных условиях, необходимо использование инновационных технологий в процессе обучения, возможность моделирования профессиональных ситуаций. Особое внимание следует уделять вопросам подготовки сотрудников полиции, которые ежедневно сталкиваются с разнообразными ситуациями, требующими от них особенных качеств. Для повышения информативности обучения необходимо рассматривать практические сценарии, отражающие различные способы улучшения профессионализма сотрудников ОВД.

Пристатейный библиографический список

1. Бялт В. С. Педагогическое значение морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2022. - № 4-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskoe-znachenie-moralno-psihologicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 19.09.2023).
2. Куршев А. Х., Личутина М. Г. Формирование морально-волевой устойчивости у сотрудников полиции: правовой и педагогический аспекты // Журнал прикладных исследований. - 2021. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-moralno-volevoy-ustoychivosti-u-sotrudnikov-politsii-pravovoy-i-pedagogicheskiy-aspekty (дата обращения: 19.09.2023).
3. Струганов С. М., Татарникова А.И., Грушко В. М. Повышение уровня психологической устойчивости курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Наука-2020. - 2021. - № 2 (47). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-urovnya-psihologicheskoy-ustoychivosti-kursantov-i-slushateley-obrazovatelnyh-organizatsiy-mvd-rossii (дата обращения: 19.09.2023).
4. Уразаева Г. И. Стратегия психологической подготовки сотрудников полиции в процессе профессионального обучения // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2012. - № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-psihologicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-politsii-v-protsesse-professionalnogo-obucheniya (дата обращения: 21.09.2023).
5. Цилик В. А. Современные проблемы морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. - 2015. - № 2 (34). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-moralno-psihologicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 19.09.2023).

БРЕДИХИН Антон Викторович
кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии Российской академии наук

ИСЛАМСКИЙ ВЕКТОР ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ. ЧАСТЬ 2. ФАКТОР ПАКИСТАНА

В рамках исследования автор приводит пример позиции Пакистана в отношении мусульманского населения СУАР и рассматривает позитивные отношения между двумя странами. Уделяется внимание международной реакции на политику Китая по отношению к мусульманскому меньшинству и ее последствия. Основными выводами научного исследования выступают подтверждения факта жесткого контроля Китая по отношению к мусульманскому меньшинству, проживающему в Синьцзян-Уйгурской автономном районе.

Ключевые слова: Китай, мусульманское население, Синьцзян, политика, контроль, преследование, религиозная свобода, Пакистан, международная реакция, экономическое сотрудничество.

BREDIKHIN Anton Viktorovich
Ph.D. in historical sciences, researcher of the Center "Russia, China, the World" of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences

THE ISLAMIC VECTOR OF CHINE'S DOMESTIC POLICY. PART 2. THE PAKISTAN FACTOR

As part of the study, the author gives an example of Pakistan's position towards the Muslim population of the XUAR and examines the positive relations between the two countries. The international reaction to China's policy and its consequences are considered. The main conclusions of the scientific study are the confirmation of the fact of China's strict control over the Muslim minority living in the Xinjiang Uygur Autonomous Region.

Keywords: China, Muslim population, Xinjiang, politics, control, persecution, religious freedom, Pakistan, international reaction, economic cooperation.

Исторический контекст. Отношения Китая с мусульманским населением имеют длительную историю, которая простирается на протяжении веков. Ислам пришел в Китай в VII веке с распространением торговых связей по Старому шелковому пути. Начиная с того времени, мусульманское население стало составной частью общества и культуры Китая.

Одним из наиболее значимых этапов в развитии отношений Китая с мусульманским населением была династия Цин (1644-1911 гг.), когда мусульманское население Китая, известное как хуэй, играло важную роль в военной обороне и экономическом развитии страны. В этот период многие мусульмане занимали высокие государственные должности и вносили свой вклад в развитие культуры и образования.

Однако в XX веке Китай столкнулся с серией политических и социальных изменений, которые также повлияли на мусульманское население. В период культурной революции (1966-1976 гг.) ислам был подвергнут преследованиям, мечети и мусульманские святыни были разрушены, а мусульмане сталкивались с дискриминацией и репрессиями.

Современная политика Китая в отношении мусульманского населения, особенно в регионе Синьцзян, связана с волнами этнических напряжений и сепаратистских движений. С начала XXI века были приняты жесткие меры контроля, которые направлены на предотвращение возможных угроз для национальной безопасности и поддержание социальной стабильности.

Пакистанский фактор. Пакистан - страна, где преобладает исламская республиканская форма правления. Он является одной из крупнейших мусульманских стран в мире, и большинство его населения исповедует ислам. В Пакистане, в отличие от Китая, мусульмане составляют большинство населения, и ислам является официальной религией страны. Пакистан гарантирует конституционные права мусульманам и придерживается исламского права (шариата) в некоторых сферах, таких как семейное право.

Ранее отношение Пакистана к политике Китая в отношении мусульманского населения, включая уйгуров, было в основном сотрудническим и дружественным. Пакистан и Китай являются тесными союзниками, имеющими стратегическое партнерство, основанное на общих интересах в различных областях, включая экономику, безопасность и оборону. В связи с этим, Пакистан, вероятно, воздерживался от публичного осуждения политики Китая в отношении мусульманского населения.

Однако, в последнее время, Пакистан начал менять свою позицию и проявлять более критическое отношение к политике Китая в отношении уйгуров. Недавно пакистанский федеральный министр по делам религии Нурул Хак Кадри открыто раскритиковал Китай за его отношение к уйгурам и предупредил, что жесткие репрессии Китая скорее способствуют росту экстремизма, чем противодействуют терроризму. Он также призвал Китай к более мягкому подходу и продвижению религиозной гармонии в регионе Синьцзян, где проживает большинство уйгуров.

Эта критика со стороны Пакистана стала самым решительным осуждением политики Китая в отношении уйгуров со стороны крупнейшего мусульманского союзника Китая. Ранее многие мусульманские страны, включая Турцию, избегали публичного осуждения Китая, вероятно, из-за экономических интересов и тесных связей с Китаем.

В целом, Пакистан стремится поддерживать дружественные отношения с Китаем и обычно избегает критики его внутренней политики. При этом есть разнообразие мнений внутри страны, и некоторые люди и организации высказывают свои опасения и призывают к защите прав мусульманского населения в Китае.

Позитивные отношения Китая и Пакистана. Отношения между Китаем и Пакистаном наблюдаются на различных уровнях, включая экономическое сотрудничество и реализацию совместных проектов. Одним из наиболее значимых проектов является Китайско-Пакистанский экономи-

ческий коридор (CPEC), часть плана «Один пояс, один путь», который направлен на развитие инфраструктуры и укрепление экономической связи между двумя странами.

С CPEC связаны масштабные инвестиции Китая в различные секторы пакистанской экономики, включая энергетику, транспортную инфраструктуру, промышленность и торговлю. Этот проект предоставляет Пакистану возможность развивать свою экономику и создавать новые рабочие места. Кроме того, Китай и Пакистан активно сотрудничают в области торговли, инвестиций и технического сотрудничества.

Китай и Пакистан также поддерживают политический и культурный обмен между своими странами. Высокий уровень политического диалога поддерживается через регулярные встречи высших чиновников и лидеров обеих стран. Президенты и премьер-министры Пакистана и Китая встречаются для обсуждения вопросов двустороннего интереса и укрепления дружественных отношений.

Кроме того, существует активный культурный обмен между Китаем и Пакистаном, включая организацию культурных фестивалей, выставок и культурных мероприятий. Обмен студентами, академическим персоналом и туристическими группами также способствует взаимному пониманию и расширению культурных связей между двумя странами.

Политика Китая в отношении мусульманского населения, особенно в связи с обращением с уйгурами, вызывает определенные вопросы и критику со стороны международного сообщества. Китай проводит жесткую политику контроля над уйгурским населением в регионе Синьцзян-Уйгур, включая систематические нарушения прав человека. Многие страны и организации высказывают обеспокоенность этими действиями Китая.

Стоит отметить, что эта критика со стороны Пакистана является относительно редким исключением. Обычно Пакистан поддерживает Китай в международных форумах и не выражает открытой критики его политики в отношении мусульманского населения. Это связано с тесными экономическими связями и стратегическим партнерством между двумя странами.

Китай стремится минимизировать критику и негативное влияние на свою политику в отношении уйгуров. Пакистан, в свою очередь, выражает поддержку Китаю и его территориальной целостности. Таким образом, можно сказать, что Пакистан влияет на политику Китая в отношении мусульманского населения, в основном поддерживая его позицию и помогая снизить международное давление.

Международная реакция и последствия. Политика Китая по отношению к мусульманскому населению вызвала разнообразные реакции со стороны мусульманских стран и организаций. Некоторые из них выразили озабоченность и осудили действия Китая, заявляя о нарушении прав человека и религиозной свободы. Международная организация «Хьюман Райтс Вотч» и другие правозащитные организации также критиковали политику Китая и выступали за защиту прав мусульманского населения.

Большинство мусульманских стран, однако, предпочли не осуждать политику Китая или даже выразили свою поддержку. Это может быть связано с экономическими или политическими интересами, а также с нежеланием вмешиваться во внутренние дела другой страны.

Политика Китая по отношению к мусульманскому населению имеет ряд политических и экономических последствий. Во-первых, критика и осуждение со стороны международного сообщества могут негативно повлиять на международную репутацию Китая и его отношения с другими странами. Это может осложнить дипломатические отношения и сотрудничество в различных областях.

Экономические последствия также могут быть значительными. Некоторые страны и компании могут решить ограничить свои экономические связи с Китаем или воздержаться от инвестиций из-за беспокойства о нарушениях прав человека. Это может привести к уменьшению потенциала экономического роста Китая и ослаблению его позиции на международной арене.

В целом, международная реакция на политику Китая в отношении мусульманского населения имеет важное значение для Китая и его международных отношений. Она может повлиять на его дипломатическую изоляцию или, наоборот, на его способность привлекать поддержку и сотрудничество со странами, которые разделяют его взгляды и интересы. Политические и экономические последствия будут продолжать развиваться и зависеть от дальнейших действий Китая и реакции международного сообщества.

На основании изложенного переходим к выводам.

1. Позитивные отношения Китая и Пакистана включают сотрудничество в рамках совместных проектов, экономический обмен и политический обмен. Пакистан выражает поддержку политике Китая и рассматривает ее как меры по предотвращению экстремизма. Несмотря на отдельные случаи критики со стороны Пакистана в отношении политики Китая в провинции Синьцзян, влияние Пакистана на политику Китая в отношении мусульманского населения ограничено.

2. Международная реакция на политику Китая по отношению к мусульманскому населению варьируется. Некоторые мусульманские страны и организации выражают озабоченность и осуждают действия Китая, в то время как другие предпочитают не осуждать или даже поддерживают политику Китая из-за своих интересов.

В будущем политика Китая по отношению к мусульманскому населению может продолжать вызывать разногласия и вызывать реакцию со стороны международного сообщества. Китай будет сталкиваться с давлением на соблюдение прав человека и религиозной свободы, а также с потенциальными последствиями в сфере дипломатии и экономики.

Дальнейшее развитие событий может включать продолжение диалога и переговоров между Китаем и международным сообществом, включая мусульманские страны и организации, с целью достижения компромисса и урегулирования спорных вопросов. Это может потребовать снижения уровня контроля и преследований, а также уважения прав и свобод мусульманского населения.

Также возможны дальнейшие изменения в экономическом и политическом сотрудничестве между Китаем и Пакистаном, а также другими странами, влияющими на политику Китая в отношении мусульманского населения.

В целом, политика Китая по отношению к мусульманскому населению и ее последствия являются сложной и многогранным вопросом, требующим дальнейшего изучения и обсуждения.

Пристатейный библиографический список

1. Бредихин А. В. Мусульмане в среде современного казачества // Minbar. Islamic Studies. - 2022. - № 1 (15). - С. 50-60.
2. Китайский гамбит: куда ты идешь, Поднебесная?: Монография [под ред. А. В. Бредихина]. – М.: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2020. – 86 с.
3. Ядыкина Т. С. Многолетняя проблема Кашмира как ядро основного противостояния Индии и Пакистана: основные его периоды и последствия // Архонт. - 2020. - № 3 (18). - С. 96-103.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-463-466

РАХМАТУЛЛИНА Зиля Борисовна
кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Уфимского университета науки и технологий

КОВРОВ Владимир Федорович
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются проблемы интеграции и адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья, выделяются основные причины инвалидности среди детского населения Республики Башкортостан. Авторы обосновывают положение о том, что интеграция и адаптация детей с ограниченными возможностями здоровья в обществе является сложной и многоаспектной задачей, требующей совместных усилий со стороны государства, образовательных учреждений, медицинских организаций и семьи. В статье акцентируется внимание на том, что необходимо не только исследовать специфику семей, воспитывающих ребенка-инвалида, но и разрабатывать, предлагать квалифицированную психологическую помощь родителям и самим детям–инвалидам. Обозначенные проблемы интеграции и адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья в обществе подводят нас к пониманию того, что семья, воспитывающая ребенка-инвалида, являясь значимой для его социализации и интеграции в общество, сама нуждается в квалифицированной психологической помощи, в развитии рынка доступных социально-психологических услуг, в усилении инклюзивных процессов для повышения качества жизни детей-инвалидов.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, семья, интеграция, социализация, адаптация, здоровье.

RAKHMATULLINA Zilya Borisovna
Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Social work sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

KOVROV Vladimir Fedorovich
Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Sociology and youth work sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

PROBLEMS OF INTEGRATION AND ADAPTATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES IN SOCIETY

The article discusses the problems of integration and adaptation of children with disabilities, highlighting the main causes of disability among the child population of the Republic of Bashkortostan. The authors substantiate the position that the integration and adaptation of children with disabilities in society is a complex and multifaceted task that requires joint efforts from the state, educational institutions, medical organizations and families. The article focuses on the fact that it is necessary not only to study the specifics of families raising a disabled child, but also to develop and offer qualified psychological assistance to parents and disabled children themselves. The identified problems of integration and adaptation of children with disabilities in society lead us to the understanding that a family raising a disabled child, being significant for his socialization and integration into society, itself needs qualified psychological assistance, the development of a market of accessible socio-psychological services, in strengthening inclusive processes to improve the quality of life of children with disabilities.

Keywords: children with disabilities, family, integration, socialization, adaptation, health.

В современном обществе актуализируется проблема социализации и интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), касающаяся таких сфер жизни, как принятие и исполнение законодательных актов, деятельность учреждений здравоохранения, образования, социальной защиты, а также улучшения экономического и социально-психологического состояния семей, в которых эти дети воспитываются. По данным Пенсионного фонда РФ число детей-инвалидов на 2021 г. составляло 703,7 тыс. человек, в 2020 г. – 687,7 тыс. человек (увеличилось на 2,3 % по сравнению с 2020 г.) [1]. По состоянию на 1 января 2021 года в Республике Башкортостан (РБ) проживало 17667 детей-инвалидов (увеличилось на 2,8 % по сравнению с 2020 годом), что показывает рост числа детей-инвалидов [2]. Динамика численности инвалидов в РБ, в том числе детей-инвалидов представлена в таблице 1.

Основными причинами инвалидности среди детского населения нашей республики являются болезни нервной системы (42,1 %), психические расстройства и расстройства поведения (12,7 %), врожденные аномалии (пороки развития) деформации и хромосомные нарушения (12,2 %) [2]. Структура первичной инвалидности среди детского населения в РБ по классам болезней за 2022 год представлена на рисунке 1.

В настоящее время в РБ действуют 5 государственных реабилитационных центров для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья в таких городах, как Нефтекамск, Кумертау, Белорецк и Уфа (2 центра) с 19 отделениями (филиалами) в городах и районах Республики Башкортостан. Все социальные услуги в реабилитационных учреждениях, предоставляемые детям-инвалидам, в соответствии с федеральным законом оказываются бесплатно. Объем финансового обеспечения выполнения государственного задания центров составлял в 2022 году свыше 319,7 млн. рублей (в 2021 году – 303,2 млн. рублей, в 2019 году – свыше 281,7 млн. рублей, в 2018 году - 253,2 млн. рублей, в 2017 году – свыше 213,09 млн. рублей) [2].

Интеграция и адаптация детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в обществе является сложной и многоаспектной задачей, требующей совместных усилий со стороны государства, образовательных учреждений, ме-

Таблица 1.

Численность инвалидов в Республике Башкортостан

Год	Общая численность инвалидов в Республике Башкортостан, чел.		
	Всего	в том числе	
		дети-инвалиды	инвалиды от 18 лет
на 01.01.2016 г.	293288	14752	278536
на 01.01.2017 г.	276505	15063	261442
на 01.01.2018 г.	279387	15973	263414
на 01.01.2019 г.	287445	16660	270785
на 01.01.2020 г.	276536	17144	250392
на 01.01.2021 г.	259410	17667	241743
на 01.01.2022 г.	251727	18590	233137
на 01.01.2023 г.	243386	18336	225050

Источник: *Тезисы к выступлению министра семьи, труда и социальной защиты населения РБ Л. Х. Ивановой на расширенном заседании Коллегии Министерства семьи, труда и социальной защиты населения РБ по вопросу «Об итогах работы Министерства семьи, труда и социальной защиты населения РБ в 2022 году и задачах на 2023 год» (28 февраля 2023 г.)// Министерство семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. – [Электронный ресурс]*

Рисунок 1.

дицинских организаций и семьи. Важно обратить внимание на следующие аспекты: 1) психологическая поддержка родителям и детям-инвалидам; 2) инклюзивное образование; 3) внутрисемейные отношения; 4) социализация и досуг; 5) профессиональная ориентация и трудоустройство.

Проведение консультаций, тренингов и семинаров для родителей, направленных на развитие навыков воспитания и общения с детьми с ОВЗ. Обеспечение доступа к квалифицированным психологам и специалистам по работе с детьми с особыми потребностями для оказания поддержки и помощи в преодолении трудностей, страхов и опасений.

Создание условий для интеграции детей-инвалидов в образовательные учреждения общего типа, адаптация учебных программ и методик, обучение педагогов работе с детьми с особыми потребностями, обеспечение доступа к специализированным техническим средствам обучения и реабилитации.

Обучение родителей строить гармоничные отношения в семье, учитывая особенности детей с ОВЗ, а также оказывать поддержку другим членам семьи, испытывающим эмоциональные трудности из-за ситуации с ребенком-инвалидом. Развитие навыков толерантности, эмпатии и понимания потребностей детей с ограниченными возможностями здоровья.

Организация культурных, спортивных и образовательных мероприятий, в которых могут принимать участие дети

с ОВЗ наравне с другими детьми. Такие мероприятия помогут развивать социальные навыки, улучшать самооценку и повышать качество жизни детей-инвалидов и их семей.

Обеспечение доступа к профессиональной подготовке и трудоустройству для молодых людей с ОВЗ, создание специализированных центров профессиональной подготовки и поддержки трудоустройства, работа с работодателями для создания условий труда, адаптированных под потребности людей с ограниченными возможностями здоровья.

Решение обозначенных задач поможет повысить качество жизни детей-инвалидов и их семей, а также способствовать их полноценной интеграции и адаптации в обществе.

Несмотря на проводимую реабилитационную работу, детям-инвалидам приходится преодолевать значительные препятствия на пути к интеграции и адаптации в обществе. В этой связи одним из опорных вопросов, составляющих проблемное поле адаптации и интеграции детей с ОВЗ, являются проблемы оказания психологической помощи родителям и самим детям–инвалидам, усиление инклюзивных процессов для повышения качества жизни детей-инвалидов и их семей. Обратим внимание на внутрисемейные отношения, которые напрямую влияют на здоровье и психическое состояние самих детей-инвалидов.

Так, семьи, воспитывающие ребенка-инвалида, адаптируются к ограниченным возможностям детей за счет традиционного распределения семейных ролей: отец занимается экономическим обеспечением семьи, нередко выключается из процесса воспитания, а мать занимается воспитанием детей и домашней работой. При подобном характере распределения семейных ролей мать зачастую принимает большинство основных решений, становится лидером в семье. И, как следствие, больной ребенок, находящийся под гиперопекой матери, приучается к меньшей свободе выбора и зависимому положению. Известно, что гиперопека вредит процессу социализации даже здоровых детей, а в случае ребенка-инвалида может привести к возникновению многих дополнительных проблем таких, как высокая степень зависимости от семьи, аутичное поведение, отсутствие или недостаточная развитость навыков внешних социальных взаимодействий, стремление к самоутверждению через неадекватные реакции. В поведении ребенка бывают немотивированные отказы, истерики, негативизм, а также формирование невротических черт в виде страхов проявления активности и инициативы.

В связи с этим необходимо не только исследовать специфику семей, воспитывающих ребенка-инвалида, но и разрабатывать и предлагать квалифицированную психологическую помощь родителям и самим детям–инвалидам. Между тем оказание действенной помощи семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями, процесс трудный, т.к. пока не сформирован системный подход к содержанию, формам и методам такой помощи. Думается, большим подспорьем в оказании психологической помощи может быть организация психологического клуба родителей, воспитывающих детей-инвалидов. Такого рода сообщество родителей может способствовать: 1) профилактике и преодолению стресса, оказывающего отрицательное воздействие на состояние родителей и детей; 2) установлению поддерживающих отношений между родителями разных детей; 3) постепенному улучшению взаимоотношений внутри каждой семьи, супружеских отношений, отношений родителей с детьми; 4) преодолению замкнутости и закрытости семьи от внешнего мира. Кроме того, считаем, что определенную психологическую помощь могут оказать консультации психологов в дистанционном формате. Деятельность психологического клуба родителей предусматривает индивидуальную и групповую методы работы. Результат работы зависит от участия родителей в освоении новых знаний об специфике развития их детей, в тренингах, нацеленных на коррекцию эмоциональных состояний, межличностных и детско-родительских отношений.

Социально-бытовая адаптация детей-инвалидов является крайне важным аспектом их развития и интеграции в общество. Чтобы поддержать детей с ограниченными возможностями здоровья и их семьи, следует рассмотреть ряд мер и стратегий: 1) меры государственной поддержки; 2) благотворительность и волонтерство; 3) работа с профессионалами; 4) образовательные программы и группы поддержки; 5) развитие социального предпринимательства; 6) распространение информации.

Государственные программы и организации могут предоставлять семьям с детьми-инвалидами материальную поддержку, а также помощь в приобретении необходимого оборудования и ортопедических устройств. Местные и международные благотворительные организации, а также волонтеры, могут оказывать помощь семьям с детьми с ОВЗ путем сбора средств, предоставления технического оборудования или оказания практической помощи в освоении необходимых навыков. Семьи с детьми-инвалидами должны иметь возможность получать консультации и рекомендации от профессионалов, таких как врачи, психологи, реабилитологи, которые могут помочь в разработке индивидуальных планов развития и обучения навыкам самообслуживания.

Организация специализированных образовательных программ, курсов и семинаров для родителей и детей с ограниченными возможностями здоровья, а также создание групп поддержки, где семьи могут обмениваться опытом и получать дополнительную помощь друг от друга. Поддержка и стимулирование социального предпринимательства в сфере производства и продажи технических средств реабилитации, ортопедических устройств и специального оборудования, что сможет обеспечить доступность и снижение стоимости этих товаров. Расширение доступа к информационным ресурсам о доступных видах помощи, технических средствах и способах их использования, а также организациями, которые могут оказать поддержку семьям с детьми-инвалидами.

Применение данных мер и стратегий позволит снизить проблемы, связанные с социально-бытовой адаптацией детей-инвалидов, и обеспечит им возможность полноценного развития и интеграции в общество.

Ребенок-инвалид испытывает большие трудности в процессе формирования навыков самообслуживания, передвижения и пользования необходимыми техническими средствами. Все это может привести к формированию зависимости ребенка, в результате ему будет сложно самому организовать свою игровую деятельность, а впоследствии занятия и свободное время. Для формирования и тренировки социально-бытовых навыков дети-инвалиды могут нуждаться в специальном оборудовании, технических средствах реабилитации и ортопедических устройствах, приобретение которых не каждая семья может себе позволить в силу недостатка денежных средств, что является острой проблемой семей с ребенком с ОВЗ.

Семья оказывает огромное влияние на каждого ребенка, именно поэтому от семейных отношений зависит, научит-

ся ли строить межличностное общение ребенок-инвалид. В дошкольном и младшем школьном возрасте межличностные отношения напрямую зависят от состояния здоровья детей-инвалидов: чем тяжелее болезнь, тем чаще ребенок оказывается в статусе «отвергаемого» и/или «изолированного», что во многом объясняет слабую коммуникабельность и активность детей с ОВЗ. В этой ситуации родители могут помочь ребенку-инвалиду развивать навыки коммуникации, не «прятать» его от людей, преодолеть страх перед стигматизацией и изоляцией ребенка и способствовать включению ребенка в жизнь микро- и макроокружения, развивать у ребенка уверенность в себе.

Основываясь на том, что ограничение жизнедеятельности серьезно влияет на психологию ребенка любого возраста, и родители зачастую не обладают достаточной информированностью для правильного воспитания и удовлетворения нужд своего особенного ребенка необходимо проводить адекватную социально-психологическую поддержку, грамотную социально-психологическую реабилитацию не только с ребенком-инвалидом, но и с семьей. Многогранная работа с семьей будет вести к налаживанию семейных и бытовых отношений, восстановлению ролевых функций в семье и, самое главное, подготовке детей с ОВЗ к самостоятельной жизни.

По мере взросления актуализируется проблема социально - профессионального становления и самоопределения детей-инвалидов, поскольку без специального обучения, профессиональной подготовки они не могут расширить границы окружающего их мира и найти себя во взрослой жизни. Всему этому способствуют развитие инклюзивного образования и расширяющееся использование цифровых технологий для обучения. Оно «…дает неограниченные коммуникационные возможности, мгновенный доступ к нужной информации, воспитывают важные навыки по работе с источниками, способствует самостоятельности учащихся в добывании знаний, экономии времени, отсутствию бумажной волокиты, и в целом повышает доступность образовательных услуг, включая онлайн-обучение, особенно для людей с ограниченными возможностями здоровья» [3, с. 1603]. С учетом возможности широкого использования цифровых технологий отметим также необходимость повышения доступности объектов культурного наследия и произведений искусства для детей с ограниченными возможностями здоровья, что будет служить одним из значимых факторов их эстетического, эмоционального и интеллектуального развития [4, с. 469]

Школьное обучение и получение профессионального образования детьми с ограниченными возможностями здоровья как процесс и как результат будут способствовать более успешной социализации и реализации себя в будущем [5, с. 174]. В силу этого требуется грамотная профориентация детей с ограниченными возможностями здоровья, которая специально разработана под их нужды и особенности, включающая проведение диагностических мероприятий профессиональных склонностей, интересов и учет индивидуальных ограничений состояния здоровья.

В заключение подчеркнем, что семья, воспитывающая ребенка-инвалида, являясь значимой для его социализации и интеграции в общество, сама нуждается в квалифицированной психологической помощи, в развитии рынка доступных социально-психологических услуг, в усилении инклюзивных процессов для повышения качества жизни детей-инвалидов, что будет оказывать влияние на укрепление благополучии семьи.

Пристатейный библиографический список

1. Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, по субъектам Российской Федерации (по состоянию на 1 января): Федеральная служба государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13964(дата обращения: 06.05.2021)
2. Тезисы к выступлению министра семьи, труда и социальной защиты населения РБ Л. Х. Ивановой на расширенном заседании Коллегии Министерства семьи, труда и социальной защиты населения РБ по вопросу «Об итогах работы Министерства семьи, труда и социальной защиты населения РБ в 2022 году и задачах на 2023 год» (28 февраля 2023 г.) // Министерство семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://mintrud.bashkortostan.ru/upload/uf/64b/l5gu1byrceqt86slil2gh7mq830nvti1/Itogovyy-sbornik-2022.pdf (Дата обращения 28.08.2023).
3. Рахматуллина З. Б. Некоторые вопросы дистанционного обучения детей-инвалидов // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 1662 с. (Электронное издание комплексного распространения). e-ISBN 978-5-317-06137-1. С. 1602-1604.
4. Рахматуллина З. Б., Ковров В. Ф. Проблемы адаптации и повышения доступности культурного наследия для людей с ограниченными возможностями здоровья // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 5 (168). – С. 467-469.
5. Рахматуллина З. Б. Цифровое образование и воспитание // Информационное общество: пределы и риски - прошлое, настоящее, будущее: Материалы V Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения (Москва, 3 апреля 2020 г.) Ч. 2. / Отв. ред.: О. М. Смирнова, Ред.: М. Б. Балычева, Н. П. Рябчун. – М: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2020. – 411 с. – С. 173-179.

ИЛИКБАЕВА Евгения Сергеевна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ГРИГОРУСЬ Людмила Николаевна
старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

РЫНОЧНЫЙ МЕХАНИЗМ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная статья посвящена анализу основных направлений развития рыночного механизма в Российской Федерации от непосредственного зарождения рынка до современного понимания рыночной экономики. Рыночный механизм, в свою очередь, подразумевает под собой такой механизм формирования цен и распределения ресурсов, на котором осуществляется взаимодействие участников рынка относительно установления цен, объема производства и реализации товаров. В статье даны основные определения выделенного понятия, определены исторические и современные направления его развития, выделены особенности, а также перспективы дальнейшего развития рыночного механизма в Российской Федерации. Также в статье рассматривается вопрос о недостатках рыночного механизма на территории Российской Федерации и отмечается то, что в настоящее время рыночный механизм нуждается в дальнейшем развитии и стимулировании.

Ключевые слова: рынок, рыночный механизм, развитие рыночного механизма, рыночная экономика, экономическая система.

ILIKBAEVA Evgeniya Sergeevna
Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

GRIGORUS Lyudmila Nikolaevna
senior lecturer of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

MARKET MECHANISM ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to the analysis of the main directions of the development of the market mechanism in the Russian Federation from the immediate origin of the market to the modern understanding of the market economy. The market mechanism, in turn, implies such a mechanism of price formation and resource allocation, on which the interaction of market participants regarding the setting of prices, the volume of production and sale of goods is carried out. The article gives the main definitions of the selected concept, defines the historical and modern directions of its development, highlights the features, as well as prospects for further development of the market mechanism in the Russian Federation. The article also discusses the shortcomings of the market mechanism on the territory of the Russian Federation and notes that at present the market mechanism needs further development and stimulation.

Keywords: market, market mechanism, development of market mechanism, market economy, economic system.

Российская Федерация, как и многие другие современные государства мира относится к числу стран с рыночной экономической системой. Данный переход стал возможен благодаря тому, что 25 декабря 1991 года Российская Федерация вышла из состава СССР и была провозглашена независимым суверенным государством. Это позволило стране создать народное хозяйство рыночного типа. Вызванные перемены в общественно-политической жизни государства, обусловленные, данным переходом, были сопряжены с некоторыми трудностями. Все это обусловило необходимость исследования функционирования современного рыночного механизма Российской Федерации, с целью определения основных направлений дальнейшего развития.

Актуальность выбранной темы заключена в том, что именно рыночная экономика в наше время является самой распространенной в мире экономической системой, к тому же и самой эффективной.

Вопросы, которые касаются особенностей функционирования рыночного механизма Российской Федерации, рассматриваются в фундаментальных и прикладных трудах различных исследователей. Так, например, повышенный интерес к данной теме можно наблюдать у А. Э. Кривошапкина, Е. А. Ярошенко, К. С. Астахова, А. М. Осипов, К. Д. Суворова и других.

Непосредственное зарождение рынка обусловлено возникновением общественного разделения труда. С самого начала существовало разделения труда – в основном между сельскохозяйственными и скотоводческими племенами. Данное разделение постепенно дифференцировалось, специализация углублялась, что привели к росту производительности труда и повышению эффективности общественного производства, и способствовало зарождению обмена продуктами этого труда. Произошло постепенное расширение рамок обмена, его совершенствование достигло того, что превратилось из случайного обмена продуктами труда первобытных племен в современный рынок, на котором денежные ресурсы выступают как универсальный эквивалента стоимости.

Таким образом, историческое развитие рыночного механизма характеризуется постепенностью и связано с розничной торговлей товарами, которая под воздействием различных факторов усложнялась и позволила сформировать рыночный тип экономики.

В современном понимании «рыночная экономика – это система взаимодействия многих людей посредством ценовых сигналов, а основой всего является частная собственность» [1, с. 46-52].

Существование рыночного типа экономики в Российской Федерации имеет место уже более четверти века и основано на рыночном механизме. Рыночный механизм, в свою очередь, подразумевает под собой такой механизм формирования цен и распределения ресурсов, на котором осуществляется взаимодействие участников рынка относительно установления цен, объема производства и реализации товаров.

Среди основных элементов рыночного механизма, которые непосредственно присутствуют в нем, являются: нерегулируемый спрос, нерегулируемое предложение, свободная цена и конкуренция. Все перечисленные элементы рыночного механизма существуют не изолированно, а непосредственно взаимодействуют друг с другом. Именно это взаимодействие и можно охарактеризовать как рыночный механизм.

Особенность рыночного механизма Российской Федерации, как и любой другой страны с данным типом экономики, заключается в том, что каждый из его элементов тесно связан с ценой. Цена выступает как главный ориентир, на основе которого предприниматели и потребители делают свой выбор, для одних - что производить, для других - что покупать.

Именно цены несут в себе максимальную информацию о состоянии рынка.

Важно также отметить, что в рыночном механизме роль определяется как одна из основных проблем экономической теории, которая порождается постоянными изменениями в экономике, требующими соответствующих изменений в сфере и инструментах государственного регулирования. Задача рыночного механизма в данном аспекте заключается в необходимости поиска оптимальной меры наиболее эффективной формы данного вмешательства в экономическую систему. В данном аспекте рыночный механизм Российской Федерации имеет некоторые проблемы, связанные с историческими факторами ее перехода с административно-плановой в рыночную. Ведь рыночная экономика в России начала развиваться только лишь в 1991 году, чему способствовал распад командно-плановой системы управления экономикой. Именно проведенная административная реформа способствовало формированию правовой базы развития рыночного механизма в России.

Однако формирование действительно свободной рыночной экономики в России шло очень медленно. И на сегодня не сформировано достаточно эффективной зоны его функционирования, поэтому говорить об окончательном завершении этого процесса нельзя. Так, первый экономический рост в Российской Федерации, с момента образования рыночного типа экономики в 1991 году, был зафиксирован только в 1997 году, а к концу XX века эксперты стали говорить о том, что финансовая ситуация в стране начала стабилизироваться.

Однако по сегодняшний день развитие рыночного механизма в России происходит со своими особенностями. Так, к положительным можно отнести:

– наличие экономической демократии, которая характеризуется свободой выбора действий как потребителей, так и покупателей;

– наличие эффективного механизма распределения ресурсов;

– наличие определенной адаптивность к различным рыночным изменениям;

– наличие способности удовлетворения разнообразных потребностей общества;

– постепенный рост качества производимых товаров.

К числу недостатков рыночного механизма в Российской Федерации, по нашему мнению, можно отнести следующие:

– неопределённость меры вмешательства государства в рыночные механизмы хозяйствования;

– динамичность правовой системы, обеспечивающей рыночный механизм работы экономики;

– неравномерное развития в целом;

– отсутствие эффективного механизма принятия краткосрочных решений, которые могут стимулировать функционирование рыночного механизма;

– отсутствие достаточных механизмов защиты окружающей среды;

– и другие [2, с. 63-72].

В связи со сложившимися особенностями современное состояние российской экономики оценивается экспертами неоднозначно. Это обусловлено тем, что российская экономика характеризуется как сырьевая. Как продемонстрировал мировой опыт именно резкое падение мировых цен на нефть, в рамках функционирования сырьевой экономики, обязательно приводит к экономическому спаду. Поэтому российская экономика особенно сильно пострадала на фоне ухудшения ситуации на мировом рынке нефти. Экспертами это объясняется тем, что устойчивость рост экономики России в последние годы была обусловлена главным образом за счет постоянного роста цен на нефть, благодаря чему России удавалось сохранять высокие позиции в мировой экономике, однако при возникновении экономических кризисов они оказались ненадежными. Данная ситуация мировым сообществом характеризуется термином «нефтяная игла», который в рыночном механизме России проявил себя как негативный фактор, что вызвало необходимость его устранения с целью дальнейшего уверенного развития экономики.

Кроме того, чрезвычайно высокий уровень государственного вмешательства в регулирование экономических отношений также вызвал определенные проблемы, которые связаны деструктивным эффектом, когда эти действия препятствуют эффективному функционированию экономической системы. Именно такое неэффективное вмешательство переходного периода в Российской Федерации от плановой экономики к рыночному типу, в которой государство становится основным владельцем собственности в национальном экономическом пространстве, также породило ряд проблем.

Все эти проблемы в функционировании рыночного механизма РФ обусловлены низким уровнем диверсификации российской экономики, особенностью характера политики финансово-экономического блока, которая в последние годы была направлена на макроэкономическую стабильность, а не на рост и развитие экономики. Ключевыми ориентирами были избраны такие показатели как сбалансированный бюджет и низкая инфляция. Результатом стало формирование «новой нормой», при которой не только развивающиеся страны, но и мировая экономика и развитые страны растут быстрее.

В настоящий момент главной задачей функционирования механизма Российской Федерации является переход от задач макроэкономической стабилизации к устойчивому росту. Ведь, невозможность сырьевого сектора экономики обеспечить необходимый уровень доходов роста, вызвал необходимость развития новых источников дохода путем стимулирования инвестиций в новые источники роста. В связи с этим основным источником роста в Российской Федерации стали инвестиции в реальный сектор экономики.

Построение нового рычного механизма Российской Федерации требует фундамента, который построен на необходимости снижения зависимости от экспорта газа и нефти. Таким образом, вся рыночная система современной России нуждается в корректировке, которая обусловлена тем, что между правительством, бизнесом и обществом должны быть установлены доверительные отношения [3, с. 98-100].

Экспертами Всемирного банка провели исследование, включающее комплексные показатели. В нем были выделены основные характеристики российского рыночного механизма и сформулированы направления выхода из кризиса. Аналитики дали рекомендации по стимулированию восстановления экономического роста в ближайшие несколько лет. Так, эксперты предложили: провести реформы в государстве, например, применить инновационные подходы к урегулированию бизнеса – снять ограничения в законодательной сфере и избегать административных решений, негативно влияющих на развитие бизнес-структур [4, с. 228-232].

Сотрудники Всемирного банка обращают внимание на то, что в России нет достаточной рыночной инфраструктуры. В инновационной сфере существуют ограничения. Основные фонды выглядят изношенными, и есть проблемы с инвестиционным климатом. Экономисты также рекомендуют стимулировать развитие навыков трудоспособного населения. Многие сотрудники, имеющие высшее образование или специальные знания, не могут реализоваться в своей профессии. Часть вины лежит на отсутствии стимулов со стороны работодателей. Также важен вопрос пенсионного обеспечения. Сегодня у государства не хватает средств для выплаты необходимого объема пенсий по старости. Для этого следует повысить пенсионный возраст.

Подводя итоги данного исследования, отметим, рыночный механизм современной России хотя и сформировался, однако имеет свои недостатки и в настоящее время все еще нуждается в дальнейшем развитии и стимулировании, что обусловлено процессами его трансформации.

Пристатейный библиографический список

1. Ярошенко Е. А., Астахова К. С. Роль и особенности формирования финансового механизма в рыночных условиях // Синергия Наук. – 2019. – № 32. – С. 46-52.
2. Осипов А. М. Рыночные механизмы - социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28. – № 5. – С. 63-72.
3. Кривошапкина А. Э. Рыночный механизм, как основная экономическая система // Закономерности и тенденции инновационного развития общества: Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 частях, Сызрань, 28 июня 2016 года / Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. – Сызрань: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2016. – С. 98-100.
4. Суворова К. Д. Поглощение предприятий как механизм функционирования рыночной экономики // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 4 (32). – С. 228-232.

КАЛИМУЛЛИНА Алика Радиковна
магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

КАНТОР Ольга Геннадиевна
доктор физико-математических наук, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПОДХОДЫ К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Предприятия топливно-энергетического комплекса нуждаются в узкоспециализированном оборудовании, что требуют больших капитальных вложений. Поэтому закупки играют важную роль в деятельности каждой компании и постепенно переходят из операционной функции в стратегическую.

В статье рассматриваются этапы и особенности проведения закупочной деятельности компаний ТЭК Российской Федерации, предлагаются пути повышения эффективности управления закупками.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, закупочная деятельность, материально-техническое обеспечение, модель закупочной деятельности.

KALIMULLINA Alika Radikovna
magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

KANTOR Olga Gennadjevna
Ph.D. in physics and mathematics sciences, professor of the Ufa State Petroleum Technical University

APPROACHES TO INNOVATIVE DEVELOPMENT OF PROCUREMENT ACTIVITIES OF ENTERPRISES OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION

Enterprises of the fuel and energy complex need highly specialized equipment, which requires large capital investments. Therefore, procurement plays an important role in the activities of each company and is gradually moving from an operational function to a strategic one.

The article discusses the stages and features of the procurement activities of companies in the fuel and energy complex of the Russian Federation, suggests ways to improve the efficiency of procurement management.

Keywords: fuel and energy complex, procurement activities, logistics, procurement model.

Для бесперебойного функционирования производства требуется хорошо налаженное материально-техническое обеспечение. Его реализация на предприятиях осуществляется через органы материально-технического снабжения. Их главной задачей является своевременное обеспечение производства необходимыми материальными ресурсами соответствующей комплектности и качества. Решение этой задачи предполагает изучение и учет спроса и предложений на все потребляемые предприятием материальные ресурсы, анализ уровня и изменений цен на них, а также на услуги подрядных организаций, выбор наиболее экономичной формы товародвижения, оптимизацию запасов, снижение транспортных, заготовительных и складских расходов.

Во многих вертикально-интегрированных нефтяных компаниях, которые занимаются разведкой и разработкой месторождений, нефтепереработкой, производством и сбытом нефтепродуктов (т.е. охватывают множество различных технологических процессов), закупки – это та сфера, где количество контрагентов и потенциальных партнеров исчисляется тысячами, а иногда и десятками тысяч. От нацеленности на работу с ними и от эффективности этой работы зависит конечная цена контракта и объем сэкономленных средств. Именно поэтому современные нефтегазовые компании видят необходимость в модернизации и оптимизации данного процесса.

В РФ существует два основных закона, которые регулируют закупки – № 44-ФЗ и № 223-ФЗ. Первый закон регулирует закупки бюджетных компаний, которые полностью принадлежат государству, второй – закупки компаний, которыми государство владеет на 50 % и более. В соответствии с пунктом 2.1 статьи 1 Закона № 223-ФЗ структурные подразделения корпоративных компаний не попадают под действие федерального законодательства о контрактной системе закупок, однако сами компании используют корпоративные стандарты, регламентирующие проведение закупочных процедур согласно основным принципам законодательства и для поддержания принципов эффективности проведения закупки и формирования конкурентной среды [1].

Помимо организации закупки и получения минимальной цены, необходимо также осуществлять рациональное планирование, анализ рынка и закупочной стратегии в целом, управление контрактом, обеспечение доставки и хранение. Всеми этими процессами необходимо управлять. При этом в закупках можно выделить два уровня управления: операционный, в рамках которого происходит выстраивание регулярного бесперебойного процесса от регистрации заказа до его исполнения, и стратегический, заключающийся в выборе стратегии закупок, планировании соответствующих затрат, выстраивании долгосрочных отношений с подрядчиками и пр.

Среди основных факторов, влияющих на повышение значимости управления закупками, можно выделить следующие:

– необходимость в оптимизации деятельности предприятий и сокращении издержек в связи с усилением конкуренции;

– интеграция участников цепи поставок;

– приоритет долгосрочных отношений с поставщиками в целях сохранения надежности и качества поставок;

– совершенствование информационных технологий, что способствует более тесному взаимодействию поставщиков и потребителей;

– необходимость повышения качества закупаемых материалов, которые используются для производства более качественной готовой продукции.

Цикл закупки включает в себя следующие этапы.

1. Определение потребности в материальных ресурсах, как для компании в целом, так и для каждого ее подразделения в отдельности.

2. Определение количественных и качественных характеристик товаров и услуг (точное описание потребности, артикул товара или услуги и пр.) и их фиксация в соответствующих документах (списках, каталогах, реестрах) в соответствии с правилами ведения бухгалтерского учета и процедурами хранения на складе.

3. Выбор поставщика и оценка возможности своевременной поставки и/или предоставления необходимых услуг до и после продажи, что требует организации представления и хранения основных сведений, касающихся действующих контрактов с поставщиками, реестра поставщиков, товарной классификации закупаемых изделий и пр., в электронном виде и/или в специальных книгах учета.

4. Определение цены, по которой осуществляется закупка, и ее условий.

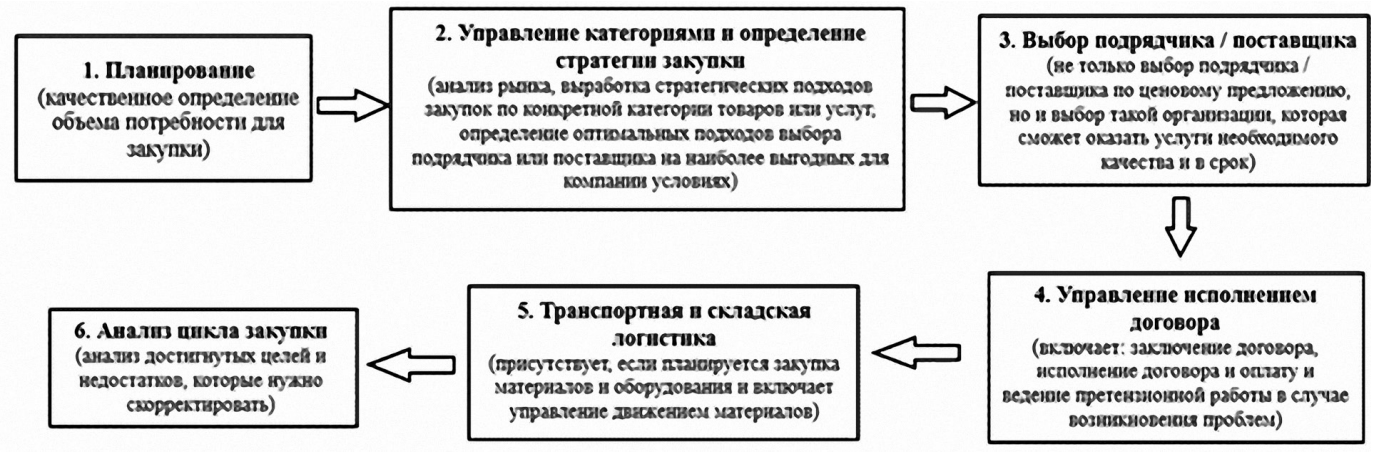


Рисунок 1. Схема типовой модели закупочной деятельности

Таблица 1. Сферы применения цифровых технологий в контрактной системе закупочной деятельности

Стадия контракта	Сфера	Применяемые технологии	Ожидаемый эффект
Планирование и нормирование закупок	Каталог закупок	Искусственный интеллект	Осуществление и обновление процедур закупок в автоматическом режиме
	Определение НМЦК	BIG DATA, анализ больших массивов данных	Правильное определение НМЦК в автоматизированном режиме
	Формирование предмета закупки	ПО для АЗД	Точное формирование предмета закупки в автоматическом режиме
Заключение контракта	Поиск наилучших предложений	Смарт-контракты, искусственный интеллект	Автоматический поиск и заключение контракта с лучшим по соотношению цена-качество предложением
	Проверка контрагента на соответствие требованиям	RPA-процессы	Автоматический контроль соответствия участника закупок квалификационным требованиям
	Экспресс-оценка рисков	Искусственный интеллект, анализ больших массивов данных	Автоматизированная оценка компании на предмет рисков перед заключением контракта
Управление контрактом	Контроль за исполнением обязательств	Интернет вещей, облачные сервисы	Удаленное управление персоналом и мониторинг процессов в реальном времени
Исполнение контракта	Специальные счета	Блокчейн	Маркировка транзакций и автоматический контроль расходования
	Оплата контрактов	Блокчейн, смарт-контракт	Автоматическая оплата в обговоренный срок

5. Подготовка и размещение заказа на закупку в том случае, если продажа или поставка товара не осуществляется на основании общего заказа, для чего необходимо заполнить формы заказа с указанием серийного номера, даты заполнения, наименования и адреса поставщиков, количества и описания заказанного товара, даты доставки, указаний по отгрузке и пр.

6. Контроль выполнения заказа и/или его экспедирование, что позволяет покупателю после отправки заказа на закупку поставщику контролировать ход и влиять на скорость его выполнения.

7. Получение и проверка товаров, что обеспечивается посредством гарантии получения заказа, проверки качества, подтверждения получения заказанного количества материальных ресурсов, отправки их далее к месту назначения, регистрации необходимой документации на получение материальных ресурсов.

8. Обработка счета и оплата. Счет на оплату обычно выписывается в двух экземплярах и должен включать номер заказа, стоимость изделия, общую сумму к оплате по каждому виду налагает обязательства на покупателя.

9. Учет поступлений материальных ресурсов [2].

В общем виде закупочная деятельность состоит из нескольких этапов (рис. 1). Такой типовой закупочный процесс функционирует как целостная структура, состоящая из взаимозависимых частей, каждая из которых вносит свой вклад в функционирование предприятия.

В настоящее время существуют обширные возможности для инновационного развития контрактной системы закупочной деятельности компании, в основе которых лежит цифровизация. Появились электронные платформы, электронные магазины для малых закупок, все конкурентные способы закупок перешли в электронный формат [3].

Следующей ступенью развития контрактной системы можно считать переход к умным технологиям: блокчейн, смарт-контракты, облачные сервисы, искусственный интеллект, большие данные.

Возможные сферы применения перечисленных цифровых технологий в контексте этапов типовой модели закупочной деятельности (рис. 1) и ожидаемых эффект от их внедрения представлены в таблице 1.

Пристатейный библиографический список

1. Кулакова Ю. Н., Кулаков А. Б. Формирование стратегии управления производственными запасами предприятия на основе анализа матрицы ABC-XYZ // Финансовая аналитика: проблемы и решения. - 2014. - № 20. - С. 23-35.
2. Коммерческая деятельность предприятия: стратегия, организация, управление: учеб. пособие / Под ред. В. К. Козлова, С. А. Уварова. - СПб.: Политехника, 2013. - 357 с.
3. Каранатова Л. Г., Кулев А. Ю. Инновационное развитие контрактной системы: переход к умным закупкам // Управленческое консультирование. - 2020. - № 2. - С. 22-31.

МУСИНА Дилара Раисовна
кандидат экономических наук, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета

МУСИНА Айгуль Эльвировна
студент Института права Уфимского университета науки и технологий

Мусина Д. Р.

Мусина А. Э.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РАЗВИТИИ ОТРАСЛЕВЫХ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

В статье обоснована актуальность активизации проектов по созданию цифровых отраслевых платформ. Предложено объединить ресурсы государства и бизнеса в стратегическом альянсе на основе соглашения о государственно-частном партнерстве. Раскрыты возможности федерального закона №224 о государственно-частном партнерстве применительно к объектам соглашения – объектам информационных технологий, а также аспекты, которые недостаточно проработаны в действующем правовом поле и ставящие под угрозу интересы частного и публичного партнеров к применению таких соглашений. В качестве данных аспектов указаны вопросы перехода права собственности на созданную цифровую отраслевую платформу в целом по истечении срока соглашения, прав пользования результатами интеллектуальной собственности, а также непроработанность критериев отбора частного партнера и оценки эффективности проекта на стадии проведения конкурсных процедур по отбору участников проекта.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, цифровая отраслевая платформа, конкурс, права, интеллектуальная собственность.

MUSINA Dilara Raisovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Ufa Higher School of Economics and Management of the Ufa State Petroleum Technological University

MUSINA Aigul Elvirovna
student of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE DEVELOPMENT OF INDUSTRY DIGITAL PLATFORMS

The article substantiates the relevance of intensifying projects to create digital industry platforms. It is proposed to combine the resources of the state and business in a strategic alliance based on a public-private partnership agreement. The possibilities of Federal Law No. 224 on public-private partnership are revealed in relation to the objects of the agreement - information technology objects, as well as aspects that are not sufficiently developed in the current legal field and jeopardize the interests of private and public partners in the application of such agreements. These aspects include the transfer of ownership of the created digital industry platform as a whole upon expiration of the agreement, the rights to use the results of intellectual property, as well as the lack of development of criteria for selecting a private partner and assessing the effectiveness of the project at the stage of competitive procedures for selecting project participants.

Keywords: public-private partnership, digital industry platform, competition, rights, intellectual property.

В XXI веке понятие конкурентоспособности государства неразрывно связано с уровнем развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Это нашло отражение в Индексе глобальной конкурентоспособности, по которому определяется уровень экономического развития государств. Индекс формируется на основе двенадцати субиндексов. Субиндекс «Создание благоприятных условий» включает агрегированный показатель «Внедрение ИКТ». Кроме него существует целый ряд показателей для международного сравнения уровня цифровизации стран [7]. Большинство из них в качестве основной группы индикаторов включают уровень развития цифровой среды. Цифровая среда и телекоммуникационная инфраструктура подразумевают в том числе цифровые платформы для повышения качества и скорости взаимодействия заинтересованных субъектов, производственной и потребительской кооперации [5]. Цифровая отраслевая платформа (ЦОП) – инфраструктурный объект, виртуальная инфраструктура для качественного прорыва в развитии соответствующей отрасли экономики. Типы цифровых платформ и авторская концепция отраслевой платформы изложены в источниках [1-3, 8].

Утвержденная Правительством РФ в 2017 году программа «Цифровая экономика Российской Федерации» в

свою очередь поставила целью запустить не менее десяти отраслевых цифровых платформ к 2024 году[1]. Работа ведется, но медленными темпами. Причины, на наш взгляд, с одной стороны, в инерционности работы ведомств, которые привыкли работать по-старинке, и не слишком усердны в создании платформ, с другой стороны, в слабой научной базе, что выражается в отсутствии понимания полной картины того, что в итоге должна представлять собой цифровая платформа и, как следствие, сложности в формировании технического задания для ее проектирования, в-третьих, присутствует дефицит высококлассных IT-специалистов в отраслевых ведомствах. В этой связи требуется искать новые организационно-экономические механизмы, легитимные в существующем правовом поле. Крупные проекты, как правило, в одиночку не делаются, здесь необходимо объединение заинтересованных участников в стратегические партнерства. Ряд авторов рекомендуют использовать механизм государственно-частного партнерства [3, 4, 6].

Цель исследования – проанализировать возможности и ограничения механизма государственно-частного партнерства для создания и эксплуатации цифровой отраслевой платформы.

В целом Федеральный закон (ФЗ) № 224 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» направлен на решение государственных задач за счет привлечения частных инвестиций, путем объединения ресурсов и распределения рисков[2].

Современная редакция ФЗ о ГЧП (от 29.12.2022 года) формировалась на протяжении семилетнего периода и была существенно расширена и дополнена. В частности, статья 7, часть 1, пункт 19 в качестве объекта соглашения определяет информационные системы (ИС), к коим относится отраслевая цифровая платформа. Пункт 20 той же статьи в качестве объектов определяет здания и помещения, технологически связанные с объектом ИС.

Считаем, что частный партнер может взять на себя проектирование, создание, эксплуатацию и техническое обслуживание ЦОП, согласно п. 2 статьи 6 «Элементы соглашения…». Соответственно, в качестве частного партнера может выступить компания-разработчик программного обеспечения, либо такая компания может быть привлечена на условиях подряда, либо на условиях самостоятельного участника соглашения.

Несмотря на то, что в текущих условиях активной финансовой поддержки цифровых проектов со стороны государства, финансовая часть соглашения не так актуальна, как в других инфраструктурных проектах, следует отметить, что доля финансирования, которую обеспечит частный партнер, будет определяющей при передаче прав собственности на созданный объект (статья 33.1, пункты 10 и 16). Поэтому частный партнер должен обеспечить как минимум равный в стоимостном выражении вклад в создаваемый актив.

Рассматривая государственно-частное партнерство в свете создания цифровой платформы в сфере аграрной отрасли, можно отметить несколько преимуществ такого рода отношений. Публичный партнер (в данном случае им может стать Министерство сельского хозяйства РФ) может быть обязан соглашением обеспечивать беспрепятственное создание цифровой платформы, например, уведомлять о претензиях и судебных разбирательствах, относящихся к проекту, а также способствовать его успешному функционированию: рекомендовать его другим участникам отношений в сфере сельского хозяйства, распространять информацию о нем на официальных информационных порталах. Очевидным преимуществом является также то, что публичный партнер имеет возможность предоставить технические средства, недоступные частному партнеру, которыми может стать, например, достаточно мощный сервер, на котором сможет функционировать платформа. Однако ключевым преимуществом такого рода партнерства является, по нашему мнению, предоставление публичным партнером результатов интеллектуальной деятельности в виде базы данных о функционировании и развитии отрасли, что сделает платформу существенно более эффективной и отвечающей реальным требованиям рынка.

Вместе с тем применение соглашения о ГЧП применительно к разработке ЦОП имеет ряд вопросов.

Первый касается того, к кому по истечении срока соглашения перейдут права на ЦОП? Вопрос возникает в двух аспектах. Первый касается самой ЦОП, как результата интеллектуальной собственности. Второй – больших данных, персональных данных, государственных данных, которые будет генерировать и которыми будет оперировать ЦОП [10]. Этот вопрос осложняется тем, что со временем все ЦОП будут подключены к государственным электронным платформам в рамках Национальной системы управления данными.

Урегулирование первого вопроса предусмотрено главой 6.1, статьей 33.1, пункт 7. Только практический опыт отразит готовность частного партнера взаимодействовать на этих условиях. Пунктом 16 ст. 33.2 ФЗ о ГЧП устанавливается возможность использования объекта ГЧП в составе государственной информационной системы на основе безвозмездной простой лицензии, при этом в качестве обязательной части содержания соглашения не указывается предоставление частным партнером такой лицензии, если исключительное право на объект соглашения принадлежит ему. Предполагается, что можно решить данную проблему, внеся изменения в цифровое законодательство и уточнив внутреннюю структуру информационной системы, чтобы в дальнейшем сделать отдельные ее части объектом прав и обязанностей участников соглашения о государственно-частном партнерстве.

1 Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/436754837.

2 Федеральный закон №224 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/.

Другой аспект связан с правами третьих лиц на объект соглашения. Дело в том, что цифровые отраслевые платформы в том виде, в котором они сейчас создаются, представляют собой объединение ряда сервисов, владельцами которых выступают частные фирмы. И формально это может обернуться решением «публичного партнера о невозможности реализации проекта» (статья 8, пункт 7).

На этапе проведения конкурса по выбору частного партнера также имеется ряд вопросов, которые выходят за рамки ФЗ № 224. Например, максимально размыты критерии конкурса и критерии эффективности проекта (глава 5, статья 19). Логично, что критерии будут заданы в рамках конкретного объекта соглашения, но вряд ли за 45 дней, которые выделяются на подачу заявки на участие в конкурсном отборе, частный партнер сможет подготовиться по всем критериям, объявленным уполномоченным органом.

В заключение следует отметить, что в целом на данном этапе ФЗ № 224 вполне применим для разработки и реализации соответствующих соглашений для проектирования, разработки и эксплуатации цифровых отраслевых платформ. Имеется информация о пилотных проектах ГЧП в сфере разработки объектов информационных технологий [9]. Существенно повышает привлекательность соглашения о ГЧП ФЗ № 69 «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации», принятый 01.04.2020 и защищающий права инвесторов, пока ограниченный периодом заключения соглашения до 1 января 2030 года[3].

Пристатейный библиографический список

1. Антонова М. В., Наумов С. А., Помазанов П. М. Цифровая платформа как результат трансформации экономического взаимодействия участников рынка // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2023. – № 1. – С. 60-68
2. Бургонов О. В., Голубецкая Н. П. Приоритетные направления развития региональных социально-экономических систем под влиянием цифровой модернизации менеджмента // Сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции с зарубежным участием. – 2022. – С. 448-451.
3. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4.
4. Ганиева И. А., Бобров Н. Е. Цифровые платформы в сельском хозяйстве России: правовой аспект внедрения // Достижения науки и техники АПК. – 2019. – № 9.
5. Жилина Е. В., Дубинина Э. В., Гильмутдинова Р. А. Закупочная деятельность потребительской кооперации в системе продовольственной безопасности региона // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2023. – № 1 (169). – С. 62-66.
6. Ловчикова Е.И., Солодовник А.И., Алпатов А.В. Развитие цифровизации агропромышленного комплекса на основе государственно-частного партнерства: проблемы и перспективы // Вестник аграрной науки. – 2019. – № 6 (81). – С. 104-112.
7. Мусина Д. Р., Янгиров А. В., Насырова С. И. Цифровизация регионов: методы оценки // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2020. – № 1 (31). – С. 32-38.
8. Мусина Д. Р., Янгиров А. В., Насырова С. И., Харитонов С. В. Методологическая база для проектирования региональной отраслевой цифровой платформы // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2019. – № 4 (148). – С. 40-43.
9. Национальный центр ГЧП. Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2022 года: аналитический дайджест. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosinfra.ru/digest/documents/one/osnovnye-trendy-i-statistika-rynka-gcp-po-itogam-2022-goda-analiticeskij-dajdzest (дата обращения: 04.09.2023).
10. Подузова Е. Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 2. – С. 55–60.

3 Федеральный закон №69 «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349045/d83ec29e491cd7bb58fb0ad88f4291d38b6fc75e/.

РАДЧЕНКО Елена Павловна
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ВДОВИНА Алина Нафисовна
старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ И ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Несмотря на то, что институт ГЧП как явление современной экономической жизни возник относительно недавно, он имеет объективные предпосылки, изучение которых позволяет понять закономерности возникновения и развития данной модели, включая факторы успеха, и использовать их для выработки оптимальной государственной политики в данной сфере. В статье приводится сравнительная характеристика практики использования ГЧП в пенитенциарной сфере за рубежом, как основа для анализа промежуточных результатов развития ГЧП в России. При развитии ГЧП в пенитенциарной сфере России было бы полезным ориентироваться на опыт ведущих развитых стран, которые уже прошли немалый путь в данной сфере.

Ключевые слова: работа, тюрьма, исправительное учреждение, тюремные правила, государственно-частное партнерство.

RADCHENKO Elena Pavlovna
Ph.D. in economical sciences, leading researcher of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

VDOVINA Alina Nafisovna
senior researcher of the Department for the study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE PENITENTIARY SYSTEM AND EMPLOYMENT OF CONVICTS IN FOREIGN COUNTRIES

Despite the fact that the PPP institute as a phenomenon of modern economic life has emerged relatively recently, it has objective prerequisites, the study of which makes it possible to understand the patterns of the emergence and development of this model, including success factors, and use them to develop optimal public policy in this area. The article provides a comparative description of the practice of using PPP in the penitentiary sphere abroad, as a basis for analyzing the interim results of the development of PPP in Russia. When developing PPP in the penitentiary sphere of Russia, it would be useful to focus on the experience of leading developed countries that have already come a long way in this area.

Keywords: work, prison, correctional facility, prison rules, public-private partnership.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. Создание долгосрочных, лояльных отношений частного сектора с государственным может влиять на прямые экономические эффекты. К характеристикам успешного сотрудничества относятся: четкие и актуальные цели, принципиальное руководство, компетентные члены команды, атмосфера сотрудничества и ориентированная на результат структура, единая приверженность, внешняя поддержка и признание, а также стандарты качества. Одним из таких способов взаимовыгодного взаимодействия выступает государственно-частное партнерство (далее – ГЧП). Во многих странах ГЧП, как экономическая модель развития инфраструктурного комплекса, показало свою состоятельность и вносит существенный вклад в социально-экономическое развитие государства.

Проекты ГЧП могут быть реализованы на разовой основе без конкретной поддерживающей правовой и институциональной базы. Страны-первопроходцы в области ГЧП совместно создавали свои проекты, учась на собственном опыте и корректируя свои механизмы в соответствии со своими потребностями. Правительства, начинающие или расширяющие свои проекты ГЧП, могут извлечь выгоду из этого глобального опыта. Соблюдая требования эффективности и надлежащего управления, они могут разрабатывать и внедрять механизмы ГЧП, которые способствуют правильному отбору проектов, справедливым и конкурентоспособным закупкам, эффективному предоставлению государственных услуг и конечному успеху и устойчивости проектов ГЧП.

Актуальность исследуемого вопроса заключается в изучении зарубежного опыта реализации механизмов ГЧП в пенитенциарной системе на примере французской. Несмотря на большой объем исследований, посвящённых ГЧП, не так много работ по развитию ГЧП в пенитенциарной системе. С этой целью были проанализированы труды французских специалистов: Бриана, Шапули, Дж. Шмитта, К. Уорнера, А. Хеннегеля, Н. Ривета.

Более трети тюрем во Франции частично находится в ведении частных компаний. Тенденция к приватизации тюремной системы, начавшаяся три десятилетия назад, набирает обороты [5]. Частные компании извлекают выгоду из этого рынка, предоставляя услуги по питанию, приему посетителей, строительству следственных изоляторов и организации труда заключенных.

Основная часть. Во Франции с 1990-х годов существуют тюрьмы со смешанным государственно-частным управлением: здания строят и обслуживают частные подрядчики, но контроль над осужденными и их жизнеобеспечение государство оставило за собой.

Начиная с 2004 года, Постановлением Правительства от 17 июня 2004 года № 2004-559 во французскую юридическую и коммерческую практику было введено понятие «Контракт государственно–частного партнерства», что создало правовую базу для организации сотрудничества государства и бизнеса в реализации совместных проектов, имеющих важное общественное значение. Закон о ГЧП от 9 июля 2008 года внес изменения в многочисленные законы и подзаконные акты.

Реализуя свою официальную задачу по исполнению приговора, подразумевающего «лишение свободы», тюремные администрации, в том числе французская администрация пенитенциарных учреждений, организуют для каждого осужденного (или обвиняемого) уникальный социальный опыт: жизнь в течение определенного времени, в определенном пространстве, тем самым лишают свободы передвижения и возможности распоряжаться своим временем по своему усмотрению.

Индивидуально и коллективно заключенные лишены гарантированной законом власти влиять на условия производства и на условия обмена своего труда на заработную плату. Трудовое законодательство Франции не распространяется на тюрьмы; соответствующие правила определены Кодексом уголовного судопроизводства. Есть два закона, которые регулируют жизнь заключенного в исправительном учреждении. Во-первых, «работа заключенных не должна быть предметом какого-либо трудового договора» (статья 720 Уголовно-процессуального кодекса): наличие статуса заключенного означает отказ в статусе субъекта права, когда речь идет о трудовых договорах. Во-вторых, никакие коллективные трудовые действия любого рода невозможны в тюрьме: работающие заключенные исключены из сферы трудового права.

Заключенным доступны различные виды работ. В январе 2007 года количество заключенных во Франции составляло 58 402 человека, из которых 39 % имели оплачиваемую работу (33 % – по работе, 6 % – по оплачиваемым программам профессиональной подготовки). Большинство осужденных работает в то или иное время в течение своего тюремного срока.

Одни и те же виды работ встречаются во всех тюрьмах, но методы работы сильно различаются. «Общие услуги» обязательны для всех заключенных, связанным с работой внутри тюрьмы. Это, в первую очередь, содержание (прачечная, уборка внутри и снаружи), техническое обслуживание (электричество, сантехника, покраска), питание и такие услуги, как стрижка и работа в библиотеке. Заработная плата выплачивается из бюджета данной тюрьмы в соответствии с национальной трехступенчатой фиксированной дневной шкалой заработной платы.

Второй вид оплаты труда - «контрактная система труда». Частный сектор и тюрьмы заключают договоры, по которым вторые сдают в аренду свою рабочую силу первым на территории исправительного учреждения, тюрьмы предоставляют помещения (бесплатно), а компания обязуется организовать производство. Частный сектор выплачивает тюрьме единовременную сумму, покрывающую затраты на рабочую силу и электроэнергию. Подавляющее большинство заключенных, работающих на таких производствах, работают сдельно; доходы рассчитываются на основе отчетов о производительности компании и депонируются на счетах заключенных бухгалтерией исправительного учреждения. Большинство из этих компаний относятся к малому или среднему бизнесу. Это преобладающая форма тюремной работы, на которую приходится 56 % работающих заключенных во Франции.

Régie Industrielle des Établissements Pénitentiaires (RIEP) — это государственная система производства. Согласно этой системе, происходит прямое использование рабочей силы заключенных для производства продукции для частного и государственного секторов. 40 % оборота приходится на прямую продажу продукции самим тюрьмам: мебели, одежды, материалов и т. д., остальное приходится на частный сектор.

В 1987 году для «Плана 13 000» (создание 13 000 новых камер для заключенных) были созданы исправительные учреждения «смешанного типа» или с получастным управлением. В настоящее время данный тип тюрем наиболее распространен во Франции. Труд заключенных находится в ведении компании, которая организует полный комплекс услуг: питание, содержание, техническое обслуживание, профессиональное обучение заключенных и их труд. Существуют разные механизмы управления в таких учреждениях, начиная от тюрем, где одна компания отвечает за все делегированные государством операции, и заканчивая тюрьмами, где одна компания отвечает за координацию всех таких операций и может выполнять одну из них сама, а другие поручать другим компаниям-партнерам. В последнем типе клиентами обычно являются крупные промышленные компании, желающие передать часть своей продукции тюрьмам. Таким образом, тюремные мастерские находятся в конце цепочки субподряда, и, учитывая исключительную гибкость производства, допускаемую законами, регулирующими труд заключенных, они могут служить корректирующей переменной.

Одним из поразительных различий между всевозможными типами государственных тюрем с частным управлением является количество времени, затрачиваемого на производство. Заключенный, работающий полный рабочий день в тюрьмах такого типа, работает 35 часов в неделю по сравнению с 27-30 часами в государственных тюрьмах. По общему правилу, условия работы в частных тюрьмах максимально приближены к условиям внешнего мира как по продолжительности рабочего дня, так и по доступным видам работ (промышленные или полупромышленные). Низкие затраты на заработную плату (вместе с большой внутренней гибкостью) являются основной привлекательностью труда заключенных для экономических субъектов; производственная деятельность в них в основном ручная, мало механизации.

Интеграция тюремной работы в рыночный мир оказала значительное влияние на темпы производства: производственные потребности внезапны, нерегулярны, значит тюрьмы или компании должны быть в состоянии быстро мобилизовать большую рабочую силу.

Вывод. В условиях глобального кризиса государство проявляет особое внимание к ГЧП, которое, с одной стороны, позволяет удовлетворить наиболее важные и срочные потребности государства, а с другой – обеспечить своим предприятиям надежные и выгодные контракты, причем с учетом особой специфики стоящих задач, особенностей национального рынка и системы регулирования, отношения к такой форме сотрудничества. Франция, испытывающая серьезные трудности с текущим государственным финансированием, предполагает в будущем максимально расширить сферу применения ГЧП в пенитенциарной системе. Одним из приоритетов является активное применение механизмов ГЧП малым и средним бизнесом. Проекты ГЧП в пенитенциарной системе Российской Федерации, рассматриваемые как перспективные (что по своей экономической сути справедливо), пока не получили большого распространения, в том числе по причине недостаточно эффективного законодательства в рассматриваемой сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Радченко Е. П. Международный опыт формирования и функционирования системы частных тюрем // Известия Иркутской государственной экономической академии. Байкальский государственный университет экономики и права. - 2013. - № 2. - С. 26.
2. Бриана, Шапули. Жизнь заключенных // Combessie. - 2001. - 45 с.
3. Седых В. А., Радченко Е. П. Экономическое обоснование эффективности развития государственно-частного партнерства в пенитенциарной системе некоторых зарубежных стран // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2020. - № 3. – С. 30-33.
4. Тимофеева Е. А. Особенности функционирования пенитенциарной системы Франции на современном этапе // Вестник Владимирского юридического института. - 2016. - № 4 (41).
5. Радченко Е. П. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной системе Французской Республики // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. - 2020. - С. 269-273.

СКВОРЦОВА Вера Александровна
старший преподаватель кафедры таможенных операций и таможенного контроля Российской таможенной академии

Скворцова В. А.

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ПОСЛЕ ВЫПУСКА ТОВАРОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена вопросам функционирования и развития института таможенного контроля после выпуска товаров в ЕАЭС и РФ. Рассмотрены вопросы, касающиеся понятия таможенного контроля после выпуска, форм и мер, применяемых в ходе ТКПВТ, определены лица, в отношении которых проводится контроль. Дана характеристика задач, возложенных на подразделения таможенного контроля после выпуска товаров, определена компенсирующая функция государственного контроля лиц низкого уровня риска. Обобщены применяемые на практике подходы и механизмы, направленные на пресечения ввоза товаров на территорию Российской Федерации в адрес несуществующих лиц (либо в адрес подставных лиц), указанных в транспортных и коммерческих документах, и предположены пути совершенствования.

Ключевые слова: таможенный контроль после выпуска товаров, контроль при обороте, мобильные группы, стратегия развития таможенной службы.

SKVORTSOVA Vera Alexandrovna
senior lecturer of Customs operations and customs control sub-faculty of the Russian Customs Academy

CUSTOMS CONTROL AFTER THE RELEASE OF GOODS: CURRENT STATE AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

The article is devoted to the functioning and development of the institution of customs control after the release of goods in the EAEU and the Russian Federation. Issues related to the concept of customs control after release, forms and measures used during TKPVT are considered, and the persons subject to control are identified. The characteristics of the tasks assigned to customs control units after the release of goods are given, and the compensating function of state control of low-risk persons is determined. The approaches and mechanisms used in practice aimed at preventing the import of goods into the territory of the Russian Federation to non-existent persons (or to dummies) indicated in transport and commercial documents are summarized and ways of improvement are suggested.

Keywords: customs control after the release of goods, control during circulation, mobile groups, development strategy of the customs service.

Таможенный контроль после выпуска товаров сегодня это комплекс мероприятий по борьбе со схемами уклонения от уплаты платежей, а также пресечением незаконного ввоза, вывоза и оборота товаров во взаимодействии с ФНС России, правоохранительными и иными контролирующими органами. Задачи, возложенные на подразделения таможенного контроля после выпуска товаров в этой связи условно, можно поделить на фискальные, пресекательные и заградительные. Механизм исполнения фискальных задач направлен прежде всего на выявление и возмещение материального вреда государству и ориентирован на лиц, имеющих отношение к выпуску товаров. Объектом контроля при обороте является импортный товар в части соблюдения в отношении него тарифных, нетарифных, а также особых мер.

Необходимо отметить отдельный подход к осуществлению таможенного контроля после выпуска товаров, применяется к лицам низкого уровня риска. В этом случае реализуется компенсирующая функция государственного контроля лиц, например, уполномоченых экономических операторов, которым предоставлены различные упрощения на этапе декларирования товаров.

Так, ТК ЕАЭС ч. 5 статьи 331 закреплен перечень лиц [1]. Это и участники ВЭД и лица, осуществляющие деятельность в области таможенного дела (лица, включенные в различные таможенные реестры, таможенных перевозчиков, владельцев складов временного хранения, владельцев таможенных складов, владельцев магазинов беспошлинной торговли и в реестр уполномоченных экономических операторов).

При контроле оборота и в рамках мобильных групп – это все лица, обладающие полномочиями в отношении товаров иностранного производства (включая перевозчиков и покупателей товара).

Такой широкий перечень лиц обусловлен в том числе необходимостью сбора доказательств выявленного правонарушения с целью ликвидации последствий и возмещение ущерба государству, взыскание больших сумм неуплаченных платежей.

Таможенный контроль после выпуска товаров нельзя рассматривать как отдельно взятый механизм таможенного контроля, он тесно связан с процессами контроля, осуществляемого таможенными органами при предварительном информировании, прибытии, убытии, временном хранении, таможенном транзите, декларировании и выпуске товаров.

В связи со сложной политической ситуацией в мире, пресекательные и заградительные задачи приобретают все большую значимость и стоят на одном уровне с фискальными задачами, а также имеют тенденцию к расширению своих функций.

Таким образом, контроль законности оборота иностранных товаров в местах их реализации и хранения реализуется специально созданными подразделениями ТКПВТ, отделами контроля ввоза и оборота товаров. Целью их деятельности является выявление и пресечение нарушений законодательства при ввозе, вывозе и обороте товаров. А задачи можно условно поделить на «контроль на внутреннем рынке» и «контроль в местах, приближенных к государственной границе (мобильные группы). Основные направления контроля: санкционные товары и товары изъятия, контроля по отраслевому принципу (лес, табак, цветы, обувь и пр.), контроль товаров, перемещаемых железнодорожным транспортом, контроль трансграничной торговли, транзита (включая авиаперевозки), выявление и пресечение нарушений законодательства при ввозе и обороте маркированных товаров [5].

Контроль организуется на основании информации, имеющейся у таможенных органов о том, что товары были ввезены на территорию Российской Федерации с нарушением права ЕАЭС и законодательства Российской Федерации.

Основаниями для проведения контроля при обороте товаров является информация, поступающая из правоохранительных, функциональных подразделений таможенных органов, а также контролирующих органов, таких как ФНС России, ФСБ России и др.). Аналитическая работа, проводимая подразделениями ТКПВТ во многих случаях используется для назначения и применения форм таможенного контроля и мер им предшествующих.

Результаты работы в данном направлении имеют в том числе фискальную составляющую, так, проверочные мероприятия в местах хранения и реализации товаров приводят

к доначислению и взысканию таможенных платежей, штрафам по делам об административных правонарушениях, доходы от обращения в федеральную собственность). В части исполнения пресекательных задач подразделений ОКВОТ важно отметить изъятие из оборота санкционных товаров, контрафактной продукции, немаркированных товаров, подлежащих обязательной маркировке др.

Подробнее остановимся на использовании такого инструмента контроля, как маркировка. Таможенные органы осуществляют контрольные функции по соблюдению требований об обязательной маркировке товаров, в отношении которых введена обязательная маркировка средствами идентификации (лекарственных препаратов для медицинского применения, обувных товаров, табачной продукции, фототоваров, духов и туалетной воды, шин, отдельных товаров легкой промышленности (блузки, пальто, белье постельное), отдельных видов молочной продукции (сыр, мороженное, молоко) [2].

Преимущественными формами таможенного контроля, применяемого при обороте товаров в данном случае, являются таможенный осмотр помещений и территорий и таможенная проверка.

При осуществлении таможенного осмотра помещений и территорий наиболее эффективно взаимодействие с органами Россельхнадзора, Роспотребнадзора, МВД России, в результате которого появляется возможность оперативного реагирования на выявляемые правонарушения. Отдельного внимания заслуживает взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти (далее- ФОИВ) в процессе организации и проведения таможенными органами мероприятий с использованием их компетенции в части принятие запретительных мер.

Взаимодействие с ФНС России играет существенную роль в вопросах взаимодействия с таможенными органами по сравнению с иными ФОИВами. Имеющаяся в распоряжении налоговой службы информация о финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщиков и построенных ими цепочек перепродаж позволяют выявлять потенциальные риски нарушения не только налогового законодательства, но и таможенного законодательства.

Данное взаимодействие регулируется в соответствии с Соглашением о сотрудничестве Федеральной таможенной службы и Федеральной налоговой службы от 21.01.2010 № 01-69/1/ММ-27-2/1 и Регламентом скоординированных контрольных мероприятий и мероприятий таможенного и налогового контроля по информации сторон таможенными органами [4].

Указанное взаимодействие таможенных и налоговых органов осуществляется по следующим основным направлениям:

– информационное взаимодействие;

– выявление данных, свидетельствующих о нарушениях таможенного и налогового законодательства;

– планирование и проведение скоординированных контрольных мероприятий;

– трансграничная торговля.

В целях обеспечения контроля при обороте товаров в рамках взаимной торговли имплементируются мероприятия в отношении российских организаций, являющихся получателями товаров на территории Российской Федерации, ранее задекларированных уполномоченными экономическими операторами на территории Республики Беларусь и Казахстана.

Основными причинами, стимулирующей таможенное декларирование товаров, предназначенных для российского рынка в таможенных органах государств-членов ЕАЭС являются: расхождение в показателях стоимостных характеристик товаров, освобождение от налога на добавленную стоимость товаров, ввезенных лицами, обладающими статусом уполномоченного экономического оператора и др.

Хочется выделить контроль товаров, следующих транзитом через территорию Российской Федерации, в том числе, табачной продукции, оформленной в РБ по таможенной процедуре экспорт и предназначенной для вывоза через Российскую Федерацию, Республику Казахстан, Киргизскую Республику в третьи страны. Выбор объектов проводится на основе системы управления рисков. При этом формы и степень контроля зависят от категории организации (высокий, средний или низкий уровень риска нарушений) с учетом выбранных приоритетных направлений.

Основными результатами работы подразделений по контролю за ввозом и оборотом товаров являются изъятые, конфискованные и уничтоженные незаконно ввезенные товары, товары, вывезенные в сопредельные государства, возбужденные уголовные дела и дела об административных правонарушениях.

Таким образом, необходимо выработать системный подход к выбору объектов контроля товаров с применением программных средств, находящихся на вооружении таможенных органов и других систем отслеживания товарооборота (ГИС «Маркировка» и «Система прослеживаемости»).

Для повышения эффективности по противодействию незаконного ввоза товаров и пресечении схем, связанных с незаконным ввозом и оборотом перспективным направлением, является создание единого информационного ресурса лиц, осуществляющих оптово-розничную торговлю товарами иностранного производства. Это поможет реализовать главный «тренд», заложенный в Стратегии развития таможенной Службы до 2030 г. - автоматизации выбора объектов контроля [3].

Рассматривая применяемые на практике подходы и механизмы, направленные на пресечения ввоза товаров на территорию Российской Федерации в адрес несуществующих лиц либо в адрес подставных лиц, указанных в транспортных и коммерческих документах логично предположить, что создание механизма подтверждения ожидания поставки получателями товаров, ввозимых из государств-членов Евразийского экономического союза в рамках взаимной торговли, декларирование которых осуществлялось в этих государствах, решит эту проблему. Внедрение такого механизма контроля позволит с использованием потенциала мобильных групп пресекать схемы уклонения от уплаты налогов на территории Российской Федерации и предотвратить введение в оборот незаконно ввезенного товара, что как следствии приведет к пополнению доходной части бюджета Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союз. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения 14.09.2023).
2. Постановление Правительства РФ от 26.04.2019 № 515 (ред. от 29.11.2022) «О системе маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров» (вместе с «Правилами маркировки товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации», «Положением о государственной информационной системе мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения 14.09.2023).
3. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения 14.09.2023)
4. Соглашение о сотрудничестве Федеральной таможенной службы и Федеральной налоговой службы (Заключено в г. Москве 21.01.2010 № 01-69/1, № ММ-27-2/1) (ред. от 06.10.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения 14.09.2023).
5. Приказ ФТС России от 30.10.2020 № 953 «Об утверждении типовых положений о подразделениях таможенного контроля после выпуска товаров таможен». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения 14.09.2023).

ШАЛАГИНОВА Наталья Алексеевна
кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону

РЯБОШАПКА Асия Измайловна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и международных экономических отношений Ростовского филиала Российской таможенной академии

ПАЛАМАРЧУК Сергей Александрович
старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону

Шалагинова Н. А.

Рябошапка А. И.

Паламарчук С. А.

КОНЦЕПЦИИ ПОСТРОЕНИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с изучением опыта построения налоговых систем в зарубежных странах. Их положительный и отрицательный опыт позволяет рационально выстраивать оптимальную налоговую систему для России. Исследована проблема определения налоговой системы. Представлены и проанализированы существующие концепции и модели современного налогового законодательства и налоговых систем. Выявлены различия и сходства налоговых систем на примере разных стран.

Ключевые слова: налоговая система, налоговое законодательство, принципы налогообложения, модели налоговой системы, налог на добавленную стоимость, прямые налоги, косвенные налоги, таможенные пошлины.

SHALAGINOVA Natalya Alexeevna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don

RYABOSHAPKA Asia Izmailovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Economic theory and international economic relations sub-faculty of the Rostov branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don

PALAMARCHUK Sergey Alexandrovich
senior lecturer of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don

CONCEPTS OF THE CONSTRUCTION OF TAX LEGISLATION IN VARIOUS STATES

The article discusses the main problems associated with the study of the experience of building tax systems in foreign countries. Their positive and negative experience allows us to rationally build an optimal tax system for Russia. The problem of determining the tax system is investigated. The existing concepts and models of modern tax legislation and tax systems are presented and analyzed. Differences and similarities of tax systems are revealed on the example of different countries.

Keywords: tax system, tax legislation, principles of taxation, models of the tax system, value added tax, direct taxes, indirect taxes, customs duties.

Термин «налоговая система» в финансово-правовой науке воспринимается различно. Зачастую данный термин синонимизируется со следующими понятиями: «система налогов и сборов», «система налогообложения», «система законодательства о налогах и сборах». По мнению автора, ни один из терминов нельзя полностью отождествить с термином «налоговая система». Одним из обстоятельств такого положения является отсутствие нормативного определения «налоговой системы», другим обстоятельством, представляется нам конструкция, закрепленная в пункте 3 статьи 75 Конституции Российской Федерации, где указано, что «система налогов, взимаемых в федеральный бюджет, и общие принципы налогообложения и сборов в Российской Федерации устанавливаются федеральным законом»[1].

При этом стоит отметить, что ранее действовавший закон Российской Федерации «Об основах налоговой системы РФ» содержал понятие налоговой системы – «совокупность налогов, сборов, пошлин и других платежей, взимаемых в установленном

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс», 2023.

порядке»[2]. На наш взгляд, данное понятие тоже не отображало всю сложность и структурность налогообложения, а было лишь совокупностью фискальных платежей. Проблема определения налоговой системы не является только российской правовой проблемой, в зарубежной литературе, посвященной налогообложению, в нормативных актах Европейского Союза также отсутствует данное понятие. Зачастую в зарубежной литературе налоговая система рассматривается с точки зрения совокупности налогов и сборов.

На наш взгляд, система налогов является составной частью налоговой системы. Так система налогов – это совокупность фискальных платежей, а налоговая система включает в себя систему налогов, систему законодательства о налогах и сборах, принципы налогообложения и субъектов налоговых отношений. Налоговая система – достаточно сложно структурированная, постоянно эволюционирующая система, которая неразрывно связана с государственным и экономическим развитием, воплощенная в жизнь через налоговые отношения, складывающие между государством, обществом и человеком. Налоговая система представляется важной составной частью финансовой системы государства. Ее правильное и результативное функционирование возможно, только если существует разумная и последовательная государственная экономическая политика, которая четко расставляет приоритеты посредством предоставления налоговых льгот системно значимым отраслям экономики.

Правовая сущность налоговой системы государства определяется на основе следующих факторов: сложившимися историческими особенностями налоговой системы того или иного государства; государственно-территориальным устройством (унитарное или федеративное устройство); существующей экономической системой (традиционная, рыночная, плановая, гибридная); уровнем экономического развития. Соответственно налоговые системы разных стран имеют различия в контексте исторического, экономического, политического и социального развития. Часто встречающие различия налоговых систем государств выражаются в таких элементах налогообложения, как: налоговое законодательство, состав налогов и сборов, способ уплаты, уровень налоговых ставок, налоговая база, налоговые льготы, полномочия фискальных органов государства. Помимо различий налоговые систем государств имеют и сходные черты, а именно: налогообложение, как главный источник пополнения бюджета; принципы налогообложения; избежание двойного налогообложения; тяжесть налогового бремени.

На сегодняшний день мировой науке известны четыре основные модели построения и функционирования налоговых систем, где ключевым отличием является именно распределение налогового бремени: англосаксонская модель, континентальная модель, латиноамериканская модель и смешанная модель.

Англосаксонская модель налоговой системы характеризуется следующими имманентными признаками: во-первых, превалированием прямых налогов, во-вторых, тяжесть налогового бремени в большей степени возлагается на физические лица. Примерами государств, придерживающихся такой модели, являются страны британского содружества, в которое входят Великобритания и почти все её бывшие доминионы, колонии и протектораты.

Континентальная модель налоговой системы характеризуется превалированием косвенных налогов и высокой долей отчислений на социальное страхование. НДС как самый распространённый в Европе налог, и являющийся обязательным для введения – в случае если государство становится членом Европейского союза. Зачастую именно НДС составляет главный налоговый доход государственного бюджета, доля данного налога в бюджетах европейских государств около 25 %, в России доля НДС в бюджете на 2022 год составляет 21 %, что близко к среднеевропейскому показателю.

Латиноамериканская модель налоговой системы является реакцией на высокую инфляцию, которая характерна для экономик большинства стран данного региона. Высокая инфляция вынуждает государственную власть использовать косвенные налоги для пополнения государственного бюджета, так именно косвенное налогообложения лучше адаптируется к высокому уровню инфляции и тем самым гарантируют поступление необходимых сумм в бюджет. Так доля косвенных налогов в структуре бюджетных доходов составляет от 40 % до 50 %, что является достаточно высоким показателям по мировым меркам.

Смешанная система характерна для тех стран, которые изменили коренным образом свою экономическую модель (например, с плановой на рыночную), либо пытаются диверсифицировать свои налоговые доходы, чтобы в случае кризиса бюджет был исполнен в полном объеме. Примером таких государств является Россия, Испания, Турция и другие, где налоговые доходы могут изменяться вследствие различных факторов.

Налогообложение оказывает существенное влияние на стратегию формирования экономической политики. Каждый вид налогов оказывает свое точечное влияние на отдельную сторону жизни общества, а их общая совокупность оказывает влияние на государственную политику в целом. Поэтому необходимо классифицировать налоги в зависимости от их вида.

Критериями классификации могут быть такие признаки как: субъект налогообложения; объект налогообложения; характер налоговых ставок; орган, устанавливающий налоги; способ взимания налогов; уровень бюджета, в который зачисляется налог. Огромное значение при выработке данных признаков оказывает форма государственно-территориального устройства. В унитарном государстве существует двух уровневая система: общегосударственные и местные налоги. В федеративном государстве существует трех уровневая система: федеральные, региональные и местные налоги. Так в Российской Федерации согласно статье 12 НК РФ, налоговая система включает в себя федеральные налоги и сборы, налоги и сборы субъектов Федерации (региональные налоги и сборы), местные налоги и сборы[3].

Отдельного анализа заслуживает классификация государств в зависимости от соотношения прямых и косвенных налогов в налоговой системе. Традиционным критерием разграничения налогового бремени является вопрос «перекладываемости» налога. Данный критерий заключается в том, кто является конечным плательщиком налога и несет налоговое бремя. Например, в налоге на имущество физического

2 Закон РФ от 27.12.1991 № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»//Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 11. Ст. 527 (утратил силу).

3 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. №31. Ст. 3824; Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

лица, налогоплательщик и носитель налога (в данном случае собственности) сходятся в одном лице. В свою очередь в косвенном налогообложении налоговое бремя перекладывается с налогоплательщика на потребителя (НДС, акцизы). Ситуация при которой представляется возможным переложить налоговое бремя с налогоплательщика на потребителя зависит не от вида налога, а от положения предпринимателя-налогоплательщика. Перекладывание косвенного налога может осуществляться как полностью, так и частично. Например, если организация приобретает товары и услуги для непрофильных нужд, то они должны заплатить НДС из своей полученной прибыли, так как являются конечным потребителем товара или услуги.

Другим существующим критерием разделением налогов на прямые и косвенные, является природа способа взывания налога. Прямые налоги взымаются сопровождают процесс получения или накопления материальных благ, этот процесс заключается в деятельности физических лиц и юридических лиц. Прямые налоги применяются к имуществу, доходу, прибыли. Налогом облагается результат деятельности. Косвенные налоги взымаются исходя из хозяйственной деятельности субъектов, они взымаются через конечную стоимость товара или услуги. Налогом облагается объект при переходе из собственности одного субъекта в собственность другого при помощи купли-продажи. В государствах с развитой экономикой преобладают акцизные виды косвенных налогов. Акцизы устанавливаются на товары и услуги, произведенные и полученные внутри страны. Исключениями являются акцизы, заменяющие или дублирующие таможенные пошлины. Универсальные акцизы более интересны государству, так как с увеличением ассортимента соответственно увеличивается и объем поступающих в бюджет средств. Изначально универсальный акциз взымался на конечной стадии – приобретение для личного потребления, затем появился так называемый «каскадный» налог, который взымался на всех этапах производства. Сегодня особой разновидностью универсального акциза является НДС, который взымается с той части, которая добавляется на конкретной стадии товарооборота.

Фискальная монополия представляет собой монопольное право государства на производство или реализацию конкретного перечня товаров и услуг. В недалеком прошлом данная практика встречалась во многих государствах, существовали фискальные монополии на алкоголь, табак, соль, сахар и другую продукцию. На сегодняшний день государства с рыночной экономикой полностью отказались от такого рода регулирования. Таможенные пошлины являются также косвенным налогом. Таможенные пошлины имеют следующие классификации:

1. Классификация в зависимости от вида – импортные, экспортные, транзитные.

2. Классификация в зависимости от ставок – твердые, адвалорные, смешанные.

3. Классификация в зависимости от экономической роли – фискальные, антидемпинговые, преференциальные и протекционистские.

В экономической науке существует и другой подход к классификации косвенных налогов, исходя из которого, они подразделяются на следующие виды:

– налоги, образовывающие по результату товарно-рыночных отношений (пример, НДС);

– налоги на потребление (пример, акциз на топливо);

– таможенные пошлины. Выделение в отдельный вид таможенной пошлины имеет управленческое значение, если за сбор потребительских и имущественных налогов отвечают налоговые органы, то за сбор таможенной пошлины отвечают таможенные органы.

Существует также деление налогов в зависимости от роли в экономическом процессе:

– налоги, которые взымаются по итогам получения дохода;

– налоги, которые взымаются при использовании дохода;

– налоги, которые взымаются при приращении имущества;

– рентные платежи.

Анализируя выше приведенные классификации налогов, можно сделать вывод, что данные классификации имеют достаточно условный характер, так как сама природа налогов остается неизменной – они служат для обеспечения деятельности государства, оказывая экономическое воздействие на все стороны жизни общества. Налоги можно назвать экономическим регулятором общественных отношений. Само налоговое законодательство в широком смысле – представляет собой совокупность нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в налоговой сфере. Налоговое законодательство в узком смысле – это нормативно-правовые акты, регулирующие следующие виды правоотношений: устанавливающие, изменяющие, отменяющие отдельные налоги; определяющие элементы конкретного налога; регулирующие налоговые отношения по поводу процедуры уплаты налога; устанавливающие ответственность за нарушения налогового законодательства государства.

Процесс сбора налогов в любом государстве устанавливается специальными нормативно-правовыми актами, принятыми законодательными органами власти. Системное сформированное налоговое законодательство позволяет централизовано руководить налоговой системой, используя ее в качестве ключевого инструмента государственной политики. Структура налоговой системы обуславливается существующими принципами построения данной системы. Принципы создают налоговую концепцию, которая является индикатором проводимой государством экономической политики. Построение налоговых систем во многих зарубежных государствах заняло многие десятилетия, что отразилось на структуре налогов, методах взимания и роли в формировании доходов бюджета. Принципы, на которых созданы многие налоговые системы современных государств, как правило зависят от направления развития экономки того или иного государства, но при этом обладают схожими чертами.

На сегодняшний день, многие государства и Россия в их числе, пытается увеличить налоговые доходы государства, путем подбора оптимальной налоговой системы. Для достижения данной цели необходимо придерживаться принципов построения такого рода систем. Для того чтобы обозначить принципы построения эффективной налоговой системы, обратимся к работе нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, который выделяет следующие принципы:

– принцип экономической эффективности, заключающийся в том, что каждый налог должен иметь конечную цель своей уплаты и влиять на экономическое благосостояние государства;

– принцип простоты налогового администрирования, заключающийся в понятном механизме подсчета и уплаты

налога. Налогоплательщики должны без чьей-либо помощи понимать, сколько и как следует уплачивать тот или иной налог. Издержки государства по собиранию налогов должны быть небольшие и ни в коем случае стоить дороже, чем собранная сумма;

– принцип гибкости системы означает, что налоговая система должна реагировать на изменчивость общественных отношений и экономических условий. Автор даже допускает автоматическое регулирование в определенных ситуациях;

– принцип политической ответственности, заключается в том, чтобы более точно реализовывать общественный запрос налогоплательщиков;

– принцип справедливости означает единый подход ко всем налогоплательщиком[4].

Нарушение указанных принципов может иметь место в следующих случаях:

– несовершенство налогового законодательства;

– отсутствие автоматизированной системы налогового учета;

– ошибки, допускаемые при проведении налогового контроля;

– наделение налоговых органов несвойственными или излишними полномочиями.

Сегодня налоговые системы представляют собой эффективный механизм реализации экономической политики государства. При помощи налогов осуществляется регулирование социальных и экономических процессов в государстве. В зависимости от вида территориального устройства государства различаются федеративные и унитарные государства, данное различие коренным образом влияет и на построение налоговой системы государства. Для федеративных государств характерна трехуровневая модель налоговой системы: федеральный, региональный и местный уровень. При этом существует иерархическая подчиненность. Именно федеральным законом устанавливаются, какие налоги и на каком уровне взымаются и в какой бюджет зачисляются. Существует две модели отношения федерации и регионов: императивная и диспозитивная модели. В рамках императивной модели Федерация устанавливает ограничения по ставкам для регионов и муниципалитетам, в целях проведения единой государственной экономической политики. Регионы и муниципалитеты лишены возможности введения собственных налогов и сборов. Такая система используется в Российской Федерации.

В рамках диспозитивной модели регионы и муниципалитеты вправе самостоятельно устанавливать собственные налоги и сборы, которые соответственно попадают бюджет территориальных образований, в которых они установлены. Данные модели имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Императивная модель применима в государствах с асимметрией экономического потенциала, где некоторые регионы по многим причинам не имеют возможности проводить независимую от федерации финансовую политику. Отсутствие данной финансовой независимости ставит под угрозу независимость политическую, что нарушает всю идею федерации – «союз равноправных государств». Положительной стороной является понятность и простота исчисления налога налогоплательщиками, нормативное регулирование унифицировано и систематизировано. Диспозитивная модель может использоваться в государствах с однородной экономической базой регионов. Возможно появление экономической конкуренции между регионами путем установления низких налоговых ставок, данное обстоятельство в конечном итоге выгодно самим налогоплательщикам, так как уменьшает налоговое бремя. Отрицательной стороной является запутанность и многоуровненность налогового законодательства. Таким образом, существующие налоговые системы государств зависимы от множества факторов, но именно фактор территориального устройства мы считаем первоочередным.

В заключении следует сформулировать важнейшие принципы построения налоговой системы:

1. Принцип единства и системности налогового законодательства: налоги устанавливаются, изменяются, отменяются только представительным органом власти; каждый уровень власти имеет собственные полномочия в налоговой сфере.

2. Принцип стабильности налогового законодательства: запрет на установление конъектурных и сиюминутных налогов; изменение налогового законодательства должно происходить вслед за изменениями в общественной жизни.

3. Принцип рациональности и оптимальности построения налоговой системы: каждый налог должен иметь экономическое обоснование; налоговое бремя должно быть выполнимым.

4. Принцип единоначалия управления налоговой системы по взиманию платежей и контролю за их поступлением в бюджет: налоговое администрирование должен осуществлять один орган власти, исключение может быть сделано только для таможенных пошлин; ответственность за неуплату налогов должна устанавливаться только на государственном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс», 2023.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. №31. Ст. 3824; Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru
3. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent / Переводчик Вячеслав Ионов; научный редактор Николай Злобин. – М.: Альпина Паблишер, 2020.

4 Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent / Переводчик Вячеслав Ионов; научный редактор Николай Злобин. – М.: Альпина Паблишер, 2020.

ШИЛЬДТ Лилия Абулаисовна
кандидат экономических наук, доцент кафедры Корпоративных финансов и учетных технологий Уфимского государственного нефтяного технического университета

БИКЕЕВА Наталия Геннадиевна
старший преподаватель кафедры Информационные технологии и интеллектуальные системы Казанского государственного энергетического университета

БАЙДУГАНОВА Карина Валерьевна
бакалавр по направлению Финансовая бизнес-аналитика на предприятиях нефтяной и нефтехимической промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ, ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ИХ РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

Актуальность исследования состоит в том, что активный процесс цифровизации значительно влияет на сферу экономики и общественной жизни. В статье рассмотрены российские реалии влияющие на технологический прогресс и технологии в послепандемийный период. Цифровизация становится главным звеном четвертой промышленной революции и ключевым фактором развития инновационных технологий. Сегодня искусственный интеллект активно задействуют в промышленности, строительстве, ТЭК и других сферах. Усиливают потенциал данной технологии новые суперкомпьютеры, которые помогают обучать ИИ для выполнения соответствующих задач.

Ключевые слова: информация, цифровизация, искусственный интеллект, информационные технологии, данные, система, цифровая трансформация, четвертая промышленная революция.

SHILDT Liliya Abulaisovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor of Corporate finance and accounting technologies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

BIKEEVA Natalya Gennadievna
senior lecturer of Information technologies and intelligent systems sub-faculty of the Kazan State Energy University

BAYDUGANOVA Karina Valerjevna
bachelor in Financial Business Analytics at the of the oil and petrochemical industry of the Ufa State Petroleum Technical University

THE USE OF DIGITALIZATION, ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THEIR RUSSIAN REALITIES

The relevance of the research lies in the fact that the active process of digitalization significantly affects all aspects of the economy and public life, including education. The article presents the influence of the Russian reality on technological progress and the functions of technologies in the process of strengthening the world economy in the post-pandemic period. It describes how digitalization is becoming the main link of the fourth industrial revolution and a key factor in the development of knowledge in the economy. Also revealed are the trials during the crisis that organizations, industries and governments have passed, as well as the threats that have become a consequence of the development of innovative technologies.

Keywords: information, digitalization, artificial intelligence, information technologies, data, system, digital transformation, fourth industrial revolution.

Технологический прогресс прочно вошел в нашу жизнь, а цифровые технологии стали важной составляющей жизни людей. Эпидемиологическая обстановка в мире помогла не только повысить применение технологий, но и обеспечить их внедрение правовым регулированием. С развитием информационных технологий и искусственного интеллекта их важность и незаменимость в современном мире возрастает.

В условиях цифровой трансформации бизнеса важным аспектом является внедрение технологий Big Data, искусственного интеллекта, цифровых двойников, направленных на управление большими данными в режиме реального времени. изменив привычный уклад жизни, особенно это отразилось на цифровизации.

Для укрепления конкурентоспособности человека, фирмы и государства важным фактором становится цифровизация, которая становится центром внимания различных специалистов. В условиях «Глобализации 4.0» для национальной и мировой экономики сохраняется цикличный характер экономического роста [1].

Российский бизнес в последнее время в своей деятельности использует научные достижения в сфере информатики.

Введение в нашу жизнь разнообразных способов применения искусственного интеллекта позволило оказать огромное потенциальное влияние на все сферы жизнедеятельности.

Microsoft, опросив топ-менеджеров крупных компаний, провел исследование и сделал вывод, что в России руководители организаций внедряют искусственный интеллект активнее, чем в среднем по миру. Показатели равны 30 % и 22,3 %, соответственно [2].

Государстве также проявило интерес к цифровым разработкам: разработав национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации».

Пандемия коронавируса обозначила актуальность и значимость технологий для общества, ускорив его развитие в разных сферах. На 40 % увеличился объем инвестиций в разработки на основе технологий AI в 2020 г. и составил 67,9 млрд. долл. Доля частных инвестиций в развитие технологий в год увеличилась на 9,3 % и превысила 40 млрд. долл.

Россию пока нельзя причислить к серьёзным участникам рынка в области IT. Объём рынка составил 291 млн. долл., но уже сегодня большое внимание уделяется созданию дополнительных источников для роста стоимости бизнеса. Лидеры данной сферы нацелены на увеличение инвестиций и подготовку широкомасштабных стратегий для внедрения.

На рисунке 1 представлены страны по количеству инвестиций в исследования [3].

Стартапы, которые функционируют в области приложений машинного обучения и обработки естественного языка, становятся более распространёнными на рынке. Исследование «Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса» показало, что сильное влияние на бизнес оказывают следующие цифровые технологии: интернет вещей и автоматизация производства (60 %), цифровое проектирование и моделирование (58 %), технологии

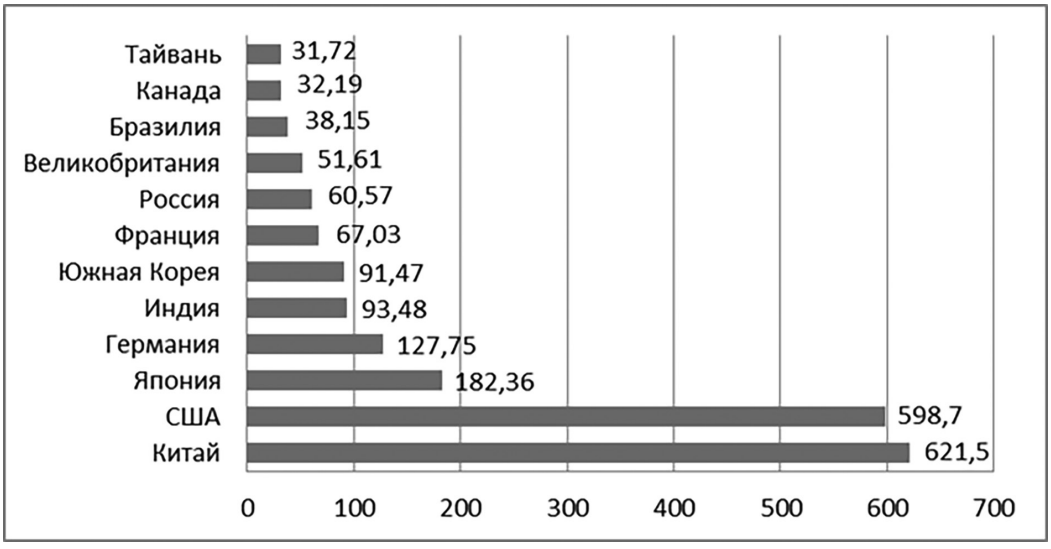


Рисунок 1. Страны-лидеры по количеству инвестиций в исследования искусственного интеллекта и расходам на развитие, млрд. руб.

Таблица 1 – Вакансии компаний из IT-сектора

Компания	Количество вакансий	Доля от общего количества вакансий, %
Неизвестный работодатель	15	13
Яндекс	14	12
Mail.ru	9	8
Лаборатория Касперского	8	7
Другие 51 компании	74	62

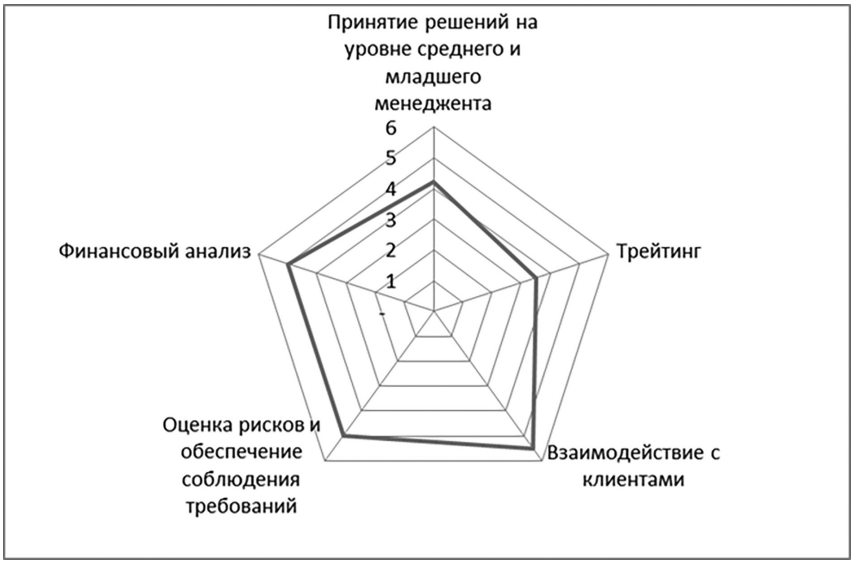


Рисунок 2. График–спираль оценки влияния AI-технологий % респондентов

виртуализации, удаленный доступ, удаленный офис (57 %), мобильные технологии (55 %) [4].

В таблице 1 представлены активные вакансии компаний из IT-сектора [5].

Результаты исследований, характеризуют ряд общих трудностей, с которыми организации могут столкнуться, внедряющие IT-технологии. Так основными трудностями развития технологий являются:

– изменение перечня профессий и востребованных человеческих навыков;

– нормативно-правовые риски;

– этические вопросы.

Также выделяются несколько блоков барьеров их внедрения и использования [6]:

– нехватка или отсутствие поддержки со стороны руководства;

– неконкретное экономическое обоснование.

Высокая цена внедрения технологий и налаживания этапов ее функционирования является значимым барьером для использования данных технологий. Экономическую выгоду не всегда удается продемонстрировать в краткосрочной перспективе, что может являться причиной закрытия отдельных проектов.

Прогноз качественных критериев на рынке AI-технологий [7].

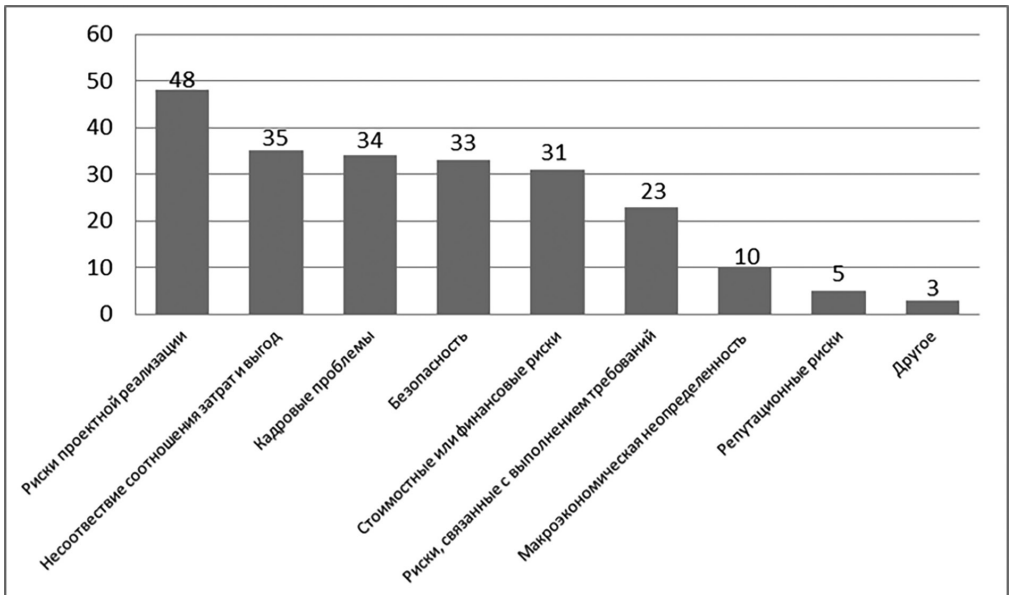


Рисунок 3. Риски внедрения технологий искусственного интеллекта в российских компаниях, %

Таблица 2. Статистика качественных данных на рынке AI-технологий

Описание	Характеристика
По данным всемирного экономического форума к 2022 году благодаря растущему использованию искусственного интеллекта во всем мире будет создано новых рабочих мест	58 млрд. долл.
Компаний будут изучать искусственный интеллект, чтобы проверить предвзятость при принятии решений	54 %
К 2025 году годовой доход от продаж программного обеспечения на базе искусственного интеллекта составит	118,6 млрд. долл.
Лиц, принимающих решения в компаниях, использующих искусственный интеллект	60 %
Руководителей высшего звена обеспокоены рисками безопасности, которые могут представлять искусственный интеллект	23 %

Существующие реалии существенно изменили экономическую и социальную жизнь, и стали катализатором наметившихся ранее процессов цифровизации.

В данный период развития цифровизации необходимо способствовать вовлечению в цифровую экономику представителей различных групп. Это приведет к уменьшению риска цифрового и социального неравенств. Стимулирование освоения цифровых технологий представляет собой первостепенную задачу, решение которой достигается путем просветительской и образовательной работы, развивающей различные компетенции.

В 2021 бизнес-результаты введения цифровых разработок в данную сферу оцениваются с точки зрения традиционных показателей: выручка, отток, лояльность клиентов и т. д.

Необходимым пунктом в развитии цифровизации является разработка аппаратных средств и оборудования. Мотиваторами развития искусственного интеллекта становятся корпоративный венчурный капитал и инвестиции в стартапы, увеличение вычислительных мощностей, увеличение платформ с открытым кодом и наличие больших данных.

Необходимо отметить, что новая реальность диктует свои условия и способствует активному введению в деятельность организаций цифровые технологии. На сегодняшний день, ввиду внедрений инноваций, деятельность участников экономических отношений адаптируется к новым реалиям чтобы сохранить конкурентоспособность. Главным и значимым фактором роста финансового рынка, а также совершенствование качеств услуг, предоставляемом в финансовом секторе, становятся финансовые технологии.

Пристатейный библиографический список

1. Ильин В. В. Цифровая экономика: практическая реализация. – Москва: Интермедиатор, 2020. – С. 140.
2. Россия опередила по активному внедрению искусственного интеллекта: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.microsoft.com/ru-ru/business-leaders-age-of-ai/ (15.11.2023).
3. Анализ рынка искусственного интеллекта в 2021 году: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rdc.grfc.ru/2021/11/artificial-intelligence-market-analysis/ (17.05.2023).
4. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imi.hse.ru (17.05.2023).
5. Обзор рынка труда в ИТ-сфере в начале 2021 года в России и Санкт-Петербурге: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ufa.hh.ru/article/28685 (17.05.2023).
6. Крупнейшие игроки российского рынка ИИ-решений: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/ (17.05.2023).
7. Семь прогнозов Tractica о развитии технологий до 2025 года: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iot.ru/promyshlennost/sem-prognozov-tractica-o-razvitii-tekhnologiy-do-2025-goda (17.05.2023).
8. Каспаров Г. К. Человек и компьютер: Взгляд в будущее. – Москва: Альпина Паблишер, 2018. – С. 400.

ГРЕЦКИЙ Геннадий Викторович
аспирант Факультета таможенного администрирования и безопасности Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

БРИКС И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ ЭКОНОМИКИ. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматриваются в сравнительном ключе два крупных экономических и геополитических сообщества – БРИКС и АСЕАН. Особое внимание уделяется присутствующим там ключевым тенденциям и заметным перспективам становления новой региональной экономической системы. Автор приходит к выводу, что БРИКС не только располагает более широкими возможностями для ее формирования, но и подает пример для развивающихся экономик, которые перенимают и адаптируют опыт пяти крупных мировых держав. Приводятся и сопровождаются показательными примерами конкретные целевые меры, которые принимают входящие в АСЕАН страны для создания и упрочения новой экономической системы.

Ключевые слова: региональная экономическая система, международное партнерство, развивающаяся экономика, новый экономический порядок.

GRETSKIY Gennadiy Viktorovich
postgraduate student of the Faculty of Custom Administration and Security of the North-West Institute of Management of the RANEPA under the President of the Russian Federation

BRICS AND EMERGING ECONOMIES. COMPARATIVE PROSPECTS: FEATURES OF THE FORMATION OF A NEW REGIONAL ECONOMIC SYSTEM

The article considers in a comparative vein two large economic and geopolitical communities – BRICS and ASEAN. Particular attention is paid to the key trends present there and the noticeable prospects for the formation of a new regional economic system. The author comes to the conclusion that BRICS not only has greater opportunities for its formation, but also sets an example for developing economies that adopt and adapt the experience of five major world powers. Specific targeted measures taken by ASEAN member countries to create and strengthen a new economic system are presented and accompanied by illustrative examples.

Keywords: regional economic system, international partnership, developing economy, new economic order.

В современных экономических и геополитических условиях активное функционирование формата БРИКС, объединяющего пять крупных стран мира – Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку, – представляется тем рычагом, который способен обеспечить альтернативу мировому господству в лице развитых стран. Очевидно, что БРИКС сегодня закладывает мощный фундамент для обсуждения тенденций и перспектив формирования интернациональной политики и развития международной экономики [1, с. 478]. Союзный потенциал увеличивается еще и благодаря тому, что БРИКС фактически служит платформой для развития сотрудничества между развивающимися экономиками, для регулярного обмена опытом и плодотворного поиска путей решения общих проблем, с которыми сталкиваются разные страны. С этой целью регулярно проводятся форумы, такие как «Большая двадцатка» (G20), позволяющие наладить более широкое взаимодействие и координацию по глобальным экономическим вопросам, торговле и инвестициям. Безусловно, БРИКС как сообщество, чей путь развития привлекает к себе внимание всех мировых держав, также служит примером для развивающихся экономик, которые стремятся добиться быстрого экономического развития и повысить уровень жизни своих граждан. Стратегии и пути, которые предлагают пятеро участников данного сообщества, могут быть адаптированы в той или иной форме для последующей реализации другими государствами. Поддерживая отношения с развивающимися экономиками, страны БРИКС часто заключают с ними двусторонние торговые и инвестиционные соглашения, способствующие расширению и углублению экономических связей и взаимной выгоде. Это сотрудничество может привести к увеличению торговых потоков, передаче технологий и серьезным инвестиционным возможностям для всех стран-участниц. Притом, если рассматривать особенности становления новой региональной экономической системы, то в этом смысле между странами БРИКС и развивающимися экономиками наблюдаются существенные различия, что влечет за собой разные перспективы развития.

Мировое сообщество придерживается мнения, что точного списка стран с развивающейся экономикой не существует, поскольку классификации этого явления могут различаться. Однако, в этой связи обычно упоминаются государства из вполне конкретных регионов. Имеются в виду, например, страны Африки к югу от Сахары, такие как Нигерия и Эфиопия, страны Южной и Юго-Восточной Азии, такие как Бангладеш, Вьетнам, Индонезия, некоторые страны Латинской Америки, такие как Мексика. Напомним, что экономическое развитие – процесс непрерывный, и любая из вышеперечисленных стран с развивающейся экономикой может со временем перейти в разряд стран с развитой экономикой. И пятерка БРИКС, и все упомянутые государства и даже шире – все регионы, к которым относятся указанные страны, – разделяют общие интересы в содействии всестороннему развитию, сокращению бедности и усилению своего влияния на мировой арене. Совместные усилия и международное партнерство могут способствовать более сбалансированному и инклюзивному глобальному экономическому порядку.

Однако, Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика обладают такими ярко выраженными характеристиками, как размер, население и экономический потенциал, что позволяет им стимулировать региональную

экономическую интеграцию и двигаться в векторе создания новой экономической системы. Пятерка БРИКС отличается значительными рыночными возможностями, богатыми природными ресурсами и все более диверсифицированной экономикой, что в конечном счете может выгодно способствовать увеличению их влияния и росту их позиций на мировой арене. Что же касается стран с развивающейся экономикой, то за пределами БРИКС их перспективы могут отличаться. Некоторые развивающиеся страны могут иметь схожие характеристики и потенциал для региональной экономической интеграции, в то время как другие регулярно сталкиваются с такими проблемами, как ограниченность ресурсов, политическая нестабильность или зависимость от одной экономической отрасли, сопровождающаяся исторически сложившейся невозможностью сформулировать и оперативно осуществить экономическую диверсификацию. Все эти факторы могут в негативном ключе воздействовать на формирование новой региональной экономической системы, тормозя этот процесс или делая его невозможным с учетом текущих экономических и геополитических реалий. Таким образом, становится очевидным, что, в отличие от стран-участниц БРИКС, перспективы развивающихся стран зависят от их индивидуальных обстоятельств и способности преодолевать текущие и вновь возникающие проблемы, демонстрируя быструю реакцию на экономические угрозы и вызовы внешнего мира.

Одним из конкретных примеров развивающейся экономики, в которой формируется новая региональная экономическая система, является Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). АСЕАН – региональная организация, в которую входят десять государств-членов Юго-Восточной Азии, включая такие страны, как вышеупомянутые Индонезия и Вьетнам, а также Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Бруней-Даруссалам, Лаос, Мьянма и Камбоджа. Слоган организации гласит: «A Community of Opportunities for All», что переводится как «Сообщество возможностей для всех» [4]. Одно из направлений активной деятельности данной организации, как известно, связано с созданием Экономического сообщества АСЕАН – AEC с целью усиления региональной интеграции и содействия экономическому росту. По итогам основания AEC, страны-участницы фактически должны сформировать регион, который будет отличаться высокой конкурентоспособностью, процветанием и стабильностью [2, с. 14], а также работать согласно шести приоритетным направлениям, таким как конкурентная политика, безопасность, защита прав потребителей и права интеллектуальной собственности, развитие инфраструктуры, системы налогообложения и электронной коммерции.

Существует ряд мер, с помощью которых страны с развивающейся экономикой идут по пути формирования новой региональной экономической системы. Перечислим основные из них и сопроводим показательными примерами.

Во-первых, снижение тарифов. Так, государства-члены АСЕАН постепенно снижают и отменяют тарифы на товары, торгуемые внутри региона, что, в свою очередь, способствует свободному потоку товаров. В качестве примеров приведем Соглашение АСЕАН о торговле товарами (ATIGA), Соглашение о зоне свободной торговли АСЕАН (AFTA) и Схема общих эффективных преференциальных тарифов (CEPT). Все вышеперечисленные документы разработаны и приняты ради способствования снижению и отмене тарифов в рамках сообщества.

Во-вторых, содействие торговле. Развивающие экономики постоянно и последовательно прилагают усилия по упрощению и гармонизации таможенных процедур, документации и правил для облегчения торговли и снижения барьеров. Помимо ранее упомянутого Соглашения ATIGA, целью которого является содействие внутрирегиональной торговле путем снижения тарифных и нетарифных барьеров между государствами-членами, принят еще ряд сопутствующих документов. Они включают в себя:

– рамочное соглашение АСЕАН об упрощении транзитных перевозок товаров, которое устанавливает процедуры и меры для облегчения перемещения товаров через национальные границы, обеспечивая более плавные процедуры транзита и сокращая задержки;

– «Единое окно» АСЕАН. Данная инициатива представляет собой региональный механизм стандартизированных и унифицированных маршрутизации и торговых связей, а также таможенной информации и данных для таможенной очистки [3]. Она направлена на интеграцию и оптимизацию таможенных процедур путем внедрения единой электронной платформы для обмена торговой информацией между государствами-членами, что способствует более быстрым и эффективным процессам таможенного оформления;

– гармонизированную тарифную номенклатуру АСЕАН (AHTN), которая обеспечивает стандартизированную и гармонизированную систему классификации тарифов среди членов сообщества, что упрощает торговцам определение таможенных пошлин и выполнение требований по импорту/экспорту;

– систему таможенного транзита АСЕАН (ACTS), которая обеспечивает беспрепятственное перемещение товаров через границы за счет упрощения процедур таможенного транзита и требований к документации. Это снижает административную нагрузку и повышает эффективность торговли.

Все эти документы и инициативы в совокупности способствуют улучшению упрощения процедур торговли, что проявляется в виде упрощения таможенных процедур, смягчения правил и снижения барьеров для содействия плавным и эффективным торговым потокам между всеми участниками сообщества.

В-третьих, инвестиционная либерализация: сообщество АСЕАН способствует инвестициям среди государств-членов путем либерализации регулирования, содействия трансграничным инвестициям и защиты прав инвесторов. Чтобы проиллюстрировать данную меру, направленную на создание новой региональной экономической системы, необходимо упомянуть так называемое Всеобъемлющее инвестиционное соглашение АСЕАН (ACIA). Этот документ обеспечивает продвижение и защиту инвестиций среди участников сообщества путем предоставления более широкого доступа к рынку, справедливого обращения и правовой защиты для инвесторов. Сюда же стоит отнести различные двусторонние и региональные соглашения о свободной торговле (CCT), которые закрепляют разный формат отношений в инвестиционной сфере – например, между АСЕАН и Китаем, АСЕАН и Японией, АСЕАН и Кореей.

В-четвертых, финансовая интеграция: регион работает над расширением финансовых связей, включая гармонизацию банковского регулирования, содействие использованию местных валют в торговых расчетах и развитие региональных платежных систем. Одним из конкретных примеров документа АСЕАН, ориентированного на финансовую интегра-

цию, является Рамочная программа банковской интеграции АСЕАН (ABIF). Она направлена на укрепление трансграничной банковской деятельности и повышение эффективности и конкурентоспособности банковского сектора АСЕАН. Кроме того, важно, что эта инициатива содержит рекомендации по созданию квалифицированных банков АСЕАН (QAB) и устанавливает критерии их работы в регионе. Еще один не менее показательный пример – это План реализации Рамочной программы банковской интеграции АСЕАН, в котором изложены конкретные шаги и этапы реализации ABIF. Фактически он служит своеобразной дорожной картой для членов сообщества по облегчению интеграции их банковских секторов. Кроме того, был создан Форум рынков капитала АСЕАН (ACMF) для содействия развитию и интеграции рынков капитала в рамках АСЕАН. Хотя ACMF не является конкретным документом, он курирует различные инициативы и соглашения, направленные на продвижение региональной финансовой интеграции, такие как Рамочная схема коллективных инвестиций АСЕАН (CHГ) и Стандарты зеленых облигаций АСЕАН.

В-пятых, развитие инфраструктуры. АСЕАН инвестирует в инфраструктурные проекты для улучшения связности в регионе, такие как сеть автомобильных дорог и энергосистема. Так, в 2011 году был создан Фонд инфраструктуры АСЕАН (AIF). Он служит механизмом финансирования для поддержки инфраструктурных проектов в государствах-членах сообщества. Целью этого амбициозного проекта является содействие региональной связности и улучшение социально-экономического развития в регионе. Отметим, что страны с развивающейся экономикой уделяют большое внимание инвестированию в различные инфраструктурные объекты для поддержки своего общего развития. Некоторые ключевые области инвестиций включают транспорт, энергетику, телекоммуникации и туризм. Такие инициативы, как Генеральный план взаимодействия АСЕАН, Энергетическая сеть АСЕАН (APG) и Инфраструктурный фонд АСЕАН, были созданы для расширения региональных связей и содействия экономической интеграции. К примеру, Генеральный план уделяет основное внимание улучшению физических, институциональных и межличностных связей в регионе, в нем определены ключевые области развития, включая инфраструктурные сети (такие как автомагистрали, железные дороги и порты), информационные и коммуникационные технологии и устойчивое развитие. Он также способствует бесперебойным торговым и инвестиционным потокам, улучшает транспортные связи и поощряет сотрудничество в различных секторах, таких как туризм, образование и здравоохранение. Документ признает важность государственно-частного партнерства, регионального сотрудничества и участия заинтересованных сторон в достижении своих целей. Вторая крупная инициатива – Энергетическая сеть АСЕАН – фокусируется на развитии линий электропередачи, подстанций и средств связи для облегчения эффективной передачи электроэнергии. Целью проекта является повышение энергетической безопасности, повышение надежности энергоснабжения, поддержка развития возобновляемых источников энергии и содействие экономическому росту в регионе. APG также поощряет разработку и использование возобновляемых источников энергии, таких как гидроэнергетика, солнечная и ветровая энергия. Интегрируя возобновляемые источники энергии в энергосистему, APG стремится повысить устойчивость и экологические показатели энергетического сектора во всей Юго-Восточной Азии. Что касается Инфраструктурного фонда (АИФ), то он предоставляет кредиты и гарантии для финансирования инфраструктурных проектов в таких секторах, как транспорт, энергетика, водоснабжение и телекоммуникации. Деятельность фонда направлена на содействие устойчивому и инклюзивному росту, расширению связей и содействию региональной интеграции.

Кроме того, помимо обозначенных выше инфраструктурных проектов, отдельные страны реализовали такие процессы, как строительство автомагистралей, аэропортов, морских портов, электростанций и улучшение подключения к Интернету для облегчения торговли, привлечения инвестиций и развития туризма в регионе.

Все эти усилия направлены на создание более интегрированной и взаимосвязанной региональной экономики, способствующей укреплению торговых, инвестиционных и прочих связей между всеми участниками данного сообщества. Таким образом, можно говорить о том, что развивающиеся экономики, изначально взяв пример своего экономического развития с пятерки БРИКС, выработали свой собственный путь, разработали обширную программу разнонаправленных действий, состоящую из конкретных мер, направленную на достижение общих целей и способствующую созданию новой региональной экономической системы.

Пристатейный библиографический список

1. Билялов А. И. Тенденции развития экономического сотрудничества в рамках БРИКС // Форум молодых ученых. – 2018. – № 6/1 (22). – С. 477-481.
2. Данг Май Ань, АСЕАН – в рамках глобальной интеграции // Евразийский Союз Ученых ЕСУ. Серия: Экономические науки. – 2015. – № 4 (13). – С. 13-18.
3. Кох Д. «Единое окно» и региональное взаимодействие – последние разработки и рекомендации по ЦАРЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.carecprogram.org/uploads/4_CrimsonLogic_Single-Windows-and-Regl-Interop-ru.pdf (дата обращения 05.09.2023 г.)
4. Официальный сайт АСЕАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asean.org/who-we-work-with (дата обращения 05.09.2023 г.)

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-488-490

ШИРЯЕВ Родион Сергеевич
аспирант 1 курса Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ИЗУЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ВИДОВ КВАЗИКОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАПИТАЛОВ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье исследуется концепция квазикорпоративных организационно-правовых объединений капиталов и их применение в современной экономике. Рассматриваются основные виды квазикорпораций, их цели, структура и механизмы функционирования. Анализируются преимущества и ограничения таких объединений, а также их роль в различных отраслях экономики. Результаты исследования подтверждают важность квазикорпоративных объединений в повышении эффективности использования ресурсов и развитии экономики.

Ключевые слова: квазикорпорация, квазикорпоративные объединения, организационно-правовые формы, объединения капиталов

SHIRYAEV Rodion Sergeevich
postgraduate student of the 1st course of the Patrice Lumumba Russian Peoples' Friendship University

STUDY OF THE MAIN TYPES OF QUASI-CORPORATE ORGANIZATIONAL-LEGAL ASSOCIATIONS OF CAPITAL AND THEIR APPLICATION IN THE MODERN ECONOMY

The article explores the concept of quasi-corporate organizational-legal associations of capital and their application in the modern economy. The basic types of quasi-corporations, their purposes, structure and functioning mechanisms are considered. The advantages and limitations of such associations are analyzed, as well as their role in various sectors of the economy. Results of research confirm importance of quasi-corporate associations in increase of efficiency of use of resources and development of economy.

Keywords: quasi-corporation, quasi-corporate associations, organizational-legal forms, capital associations.

Современная экономика сталкивается с растущей потребностью в эффективном объединении капиталов и ресурсов для достижения коллективных целей и преодоления сложностей, связанных с инновациями, рисками и доступам к новым рынкам. В этом контексте квазикорпоративные организационно-правовые объединения капиталов приобретают всё большую значимость.

Такие объединения являются формами организаций, позволяющих предприятиям и инвесторам объединять свои капиталы и ресурсы, совместно управлять проектами и получать вознаграждения. Они сочетают в себе некоторые черты корпораций, но не обладают полной корпоративной структурой, что делает их более гибкими и адаптивными в условиях современной экономической среды.

Понимание и изучение квазикорпоративных объединений капиталов является важным аспектом для предпринимателей, инвесторов, академического сообщества и правительственных органов, т.к. это поможет им определить наиболее подходящие формы организации для достижения определенных целей, снижения рисков и увеличения конкурентоспособности в динамичной и сложной экономической среде.

Квазикорпорация – это организационная форма, имеющая некоторые характеристики корпорации, но не полностью соответствующая традиционной корпоративной структуре. Данное объединение капиталов подразумевает организацию, функционирование и управление которой похожи на корпорацию, но может иметь ряд отличий. В нормативно-правовом документе «ОК 028-2012. Общероссийский классификатор организационно правовых форм» в части «1. Основные понятия и определения» дано такое определение: «Квазикорпорация – некорпоративное предприятие, созданное с целью производства товаров и услуг для реализации их на рынке, достаточно независимое от его собственника, располагающее информацией для ведения полного набора счетов (отчетности)» [1].

Существует иной подход, представители которого считают квазикорпорацию объединением, в полной мере не отвечающим признакам корпорации, но отнесенное законодательством к таковым. [2, с. 3]. Однако такая концепция может не учитывать некоторые виды квазикорпоративных объединений. Квазикорпорации могут принимать различные формы, включая консорциумы, синдикаты, ассоциации, коалиции, венчурные фонды и др. Каждый вид имеет свои уникальные особенности, но все они обладают общими принципами и целями.

Одной из ключевых характеристик квазикорпоративных организационно-правовых объединений капиталов является их независимость. Участники таких объединений остаются суверенными, сохраняя свою юридическую и финансовую автономию. Но несмотря на это, они продолжают сотрудничать для достижения общих целей и принимать коллегиальные решения по управлению проектами и распределению ресурсов. Квазикорпоративные объединения отличаются гибкостью и адаптивностью в сравнении с традиционными корпорациями. Первые обычно быстро реагируют на изменяющиеся условия рынка, принимают оперативные решения и адаптируются к новым требованиям и возможностям. Благодаря этому участники способны более эффективно использовать свои ресурсы и снижать время на принятия решений.

В квазикорпоративных объединениях участники совместно распределяют риски и вознаграждения. Данная модель позволяет снизить финансовые риски для каждого

участника и стимулирует их совместные усилия для общих результатов. Квазикорпорации способствуют развитию сетевых связей и синергии между участниками: создается партнерская среда, в которой компании и инвесторы обмениваются опытом, знаниями и ресурсами. Всё это способствует развитию инноваций, повышению конкурентоспособности и созданию новых возможностей для всех участников. Также благодаря совместному использованию инфраструктуры, технологий, знаний и опыта, участники могут достичь синергетический эффект и увеличить эффективность своей деятельности.

Одну из форм квазикорпоративных объединений представляют консорциумы, в которые предприятия объединяются в целях совместной реализации программ или выполнения больших контрактов. В данном виде квазикорпорации явно наблюдается одна из её характеристик – независимость. Несмотря на формирования единого юридического лица, все участники консорциума остаются самостоятельными [3, с. 2]. Как правило, такое образование создается на временной основе и имеет четкую цель, которую невозможно достичь индивидуально. Хотя участники имеют самостоятельность, они делят риски и распределяют задачи, что и подразумевает квазикорпорация. Консорциумы особенно распространены в области строительства и энергетики.

В роли следующего основного вида квазикорпоративных организационно-правовых объединений капиталов выступает синдикат. Такое образование часто применяется в сфере финансов и инвестиций. Они объединяют инвесторов и (или) финансовые учреждения для совместного осуществления своей деятельности, в частности осуществление инвестиций и предоставления кредитов [4]. Синдикаты позволяют участникам снизить финансовые риски и распределить капитал между различными проектами. Данный вид квазикорпораций основывается на соглашениях и договоренностях, определяющих правила и условия сотрудничества. В настоящее время растет количество банковских синдикатов. В 2021 г. Уральская горно-металлургическая компания (УГМК) привлекла кредит в размере 15 млрд. руб. от синдиката, возглавляемого АО «Райффайзенбанк» [5].

Ассоциации и коалиции представляют собой формы квазикорпоративных объединений, созданных для защиты и продвижения общих интересов своих участников. Они объединяют предприятия, профессиональные организации и другие группы схожих целей; благодаря наличию правовой основы такие квазикорпорации способны выполнять роль лоббистов, представлять интересы своих членов перед государственными органами и общественностью, осуществлять совместные исследования и разработки, а также проводить маркетинговые и информационные кампании.

Венчурные фонды – специальные квазикорпоративные организационно-правовые объединения, инвестирующие в ранние стадии развития перспективных стартапов и инновационных проектов. Они объединяют инвесторов, которые перераспределяют свои средства в данные фонды в целях дальнейшего инвестирования в перспективные проекты. Венчурные фонды предоставляют не только финансовую поддержку, но и экспертизу, сетевые связи и т.п. Такие квазикорпорации играют важную роль в развитии инновационного предпринимательства и стимулируют технологический прогресс [6].

В современном мире квазикорпоративные объединения капиталов широко используются в разработке и реализации инфраструктурных проектов. Субъекты объединений вносят свои инвестиции для достижения общей цели. Объединение усилий позволяет снизить финансовые риски, максимизировать эффективность использования ресурсов и ускорить реализацию проектов. Примером успешного применения квазикорпораций в данной сфере выступает консорциумы строительных компаний, инжиниринговых фирм для создания крупных объектов, например аэропортов, транспортных сетей.

Квазикорпоративные объединения играют важную роль в финансировании инновационных проектов и стартапов. Венчурные фонды, например, помогают новым проектам получить доступ к капиталу и ресурсам, необходимым для их развития, а также обеспечивают сопровождение и поддержку в управлении и коммерциализации инноваций.

Квазикорпорации находят применения и в других отраслях экономики: сельское хозяйство, туризм, образование, медицина и т.д. Например, коалиции объединяют фермеров для совместного производства и сбыта сельскохозяйственной продукции, что позволяет значительно снизить затраты, повысить эффективность их деятельности и получить доступ к рынкам сбыта.

Все данные виды квазикорпоративных организационно-правовых объединений капиталов являются важным инструментом в современной экономике. Они обеспечивают сотрудничество экономических субъектов, распределяют их риски и вознаграждения и в то же время являются гибкими и адаптивными. Их применение в различных отраслях экономики способствует развитию бизнеса, инноваций и созданию устойчивого экономического роста.

Квазикорпоративные объединения предоставляют участникам ряд преимуществ, способствующих эффективному сотрудничеству и достижению общих целей. Такие объединения снижают финансовые и операционные риски их участников, связанных с реализацией проектов. Распределение затрат и ресурсов уменьшает финансовую нагрузку на каждого отдельного субъекта, но и «вознаграждает» по такому же принципу. Квазикорпорации предоставляют участникам доступ к различным ресурсам, недоступным им во время нахождения вне квазисообщества. Определенные финансовые средства, техническая экспертиза, инновационные разработки, некая информация и контакты – всё это квазикорпорация предоставляет в большем объеме, чем отдельный экономический субъект. Также участники квазикорпораций имеют возможность совместным решением распределять ресурсы и управлять проектами, что позволяет быстро реагировать на изменяющиеся условия рынка и быстро на них реагировать. Однако несмотря на положительные характеристики основных видов квазикорпоративных организационно-правовых объединений капиталов существуют негативные стороны.

Квазикорпоративные объединения, как и все другие экономические субъекты, состоящие в «союзе», могут столкнуться с управленческими сложностями из-за необходимости согласования интересов и принятия коллегиальных решений [7]. Также во время нахождения экономических субъектов в квазикорпоративном объединении у них могут поменяться интересы и цели, что, вероятно, приведет к конфликтам и

спором. Наличие общих интересов – одна из черт квазикорпораций, поэтому такие объединения должны устанавливать эффективные механизмы урегулирования конфликтов и нахождения компромиссов для их участников. Некоторые специалисты относят ряд ограничений и требований регуляторных органов к недостаткам квазикорпоративных объединений [8, с. 16]. Из-за таких ограничений квазикорпорациям необходимо строго соблюдать соответствующие правовые нормы для обеспечения законности и устойчивости своего существования, однако из-за больших масштабов им необходим развитый штат юристов, что может повлечь за собой значительные издержки.

В научной статье были изучены основные виды квазикорпоративных организационно-правовых объединений капиталов и их применение в современной экономике, а также были рассмотрены их ключевые характеристики. В работе автор раскрыл особенности квазикорпоративных объединений, включая их независимость, гибкость и адаптивность, распределение рисков и вознаграждений. Были описаны различные виды квазикорпоративных объединений, такие как консорциумы, синдикаты, ассоциации и коалиции; их цели, структуры и механизмы функционирования.

Автор провел исследование применения квазикорпоративных объединений в современной экономике, выявив их роль и значимость в различных отраслях; привел практические примеры успешного применения квазикорпоративных объединений и оценил их вклад в развитие экономики.

Анализ преимуществ и ограничений квазикорпоративных объединений позволил выявить значимость в контексте сотрудничества и достижения совместных целей. Было обращено внимание на снижение рисков, распределения затрат, доступа к ресурсам и экспертизе. Однако автор отметил некоторые ограничения и потенциальные проблемы, связанные с управленческими сложностями и конфликтами интересов.

Квазикорпоративные объединения играют большую роль в современной экономике. Этим формы сотрудничества позволяют участникам совместно использовать ресурсы, снижать риски и повышать их конкурентоспособность. Однако для успешного функционирования квазикорпоративных объединений необходимо учитывать их особенности и решать возникающие проблемы.

Для дальнейших исследований в данной области рекомендуется проведение более глубокого анализа различных видов квазикорпоративных объединений и их влияния на экономическое развитие. Также целесообразно изучить применение современных технологий в контексте квазикорпораций. Это позволит более точно оценить их потенциал и предложить новые подходы к развитию таких форм сотрудничества. Исследование квазикорпоративных объединений представляет собой важную область в современной экономической науке, и дальнейшие исследования помогут лучше понять их роль и значение в достижении устойчивого и эффективного развития экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ Росстандарта «ОК 028-2012. Общероссийский классификатор организационно-правовых форм» от 16.10.2012 № 505-ст // Информационный указатель «Национальные стандарты». 16.10.2012 г. с изм. и допол. в ред. от 09.02.2023.
2. Терешенко Р. В. Квазикорпорации в российском корпоративном праве и их законодательное закрепление // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». - 2022. - № 6 (69).
3. Мухаметшина А. М., Шевцова Н. В. Консорциумы в современной экономике // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. - 2014. - № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/konsortsiumy-v-sovremennoy-ekonomike (дата обращения: 23.05.2023).
4. Цехомский Н. В. Синдицированное финансирование инвестиционных проектов: сущность и особенности // Известия СПбГЭУ. - 2023. - № 1 (139). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sinditsirovannoe-finansirovanie-investitsionnyh-proektov-suschnost-i-osobennosti (дата обращения: 23.05.2023).
5. УГМК привлекла синдицированный кредит на 15 млрд рублей // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4858756 (дата обращения: 23.05.2023).
6. Мурунова И. А., Таев А. Г. Венчурные фонды как необходимый структурный элемент муниципальной финансовой среды инновационного предпринимательства // NBI-technologies. - 2007. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/venchurnye-fondy-kak-neobhodimyy-strukturnyy-element-munitsipalnoy-finansovoy-sredy-innovatsionnogo-predprinimatelstva (дата обращения: 23.05.2023).
7. Красильникова Е. О. Механизмы регулирования и согласования интересов стейкхолдеров в компании // Бизнес-образование в экономике знаний. - 2019. - № 2 (13). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-regulirovaniya-i-soglasovaniya-interesov-steykholderov-v-kompanii (дата обращения: 23.05.2023).
8. Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего / Голодникова, Ефремов, Соболь, Цыганков, Шклярук, Под ред. Комин М. О. - М.: Центр стратегических разработок, 2018. - 192 с.

У Минсюань
магистр финансовых рынков и институтов Экономического факультета Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,

РОЛЬ ФИНАНСОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Финансы играют ключевую роль в современной экономике, выступая в качестве источника движущей силы, определяющей развитие национальных и мировой экономик. Актуальность исследования определяется тем, что научное изложение роли финансы в современной экономике способствует пониманию фундаментальных основ функционирования современных экономических систем: управление фондами, активами и пассивами, распределение и мобилизация экономических ресурсов. Объект исследования – финансы как экономическая категория. Предмет исследования – множественные состояния финансов, определяющих их значение в функционировании экономических систем. Цель данной научной статьи - углубиться в многомерные аспекты и важнейшие функции финансов в контексте современной цифровой среды и глобальной экономики. Результаты исследования подтверждают тот объективный факт, что финансы, как экономическая категория продолжают развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям и потребностям экономики, новые технологии и инновации играют важную роль в этом процессе, открывая новые возможности и вызывая изменения в финансовой системе отдельных стран и мира в целом.

Ключевые слова: финансы, экономика, цифровая среда, цифровые финансы, обмен.

WU Mingxuan
master of the financial markets and institutions of the Faculty of Economics of the M. V. Lomonosov Moscow State University

THE ROLE OF FINANCE IN THE MODERN ECONOMY

Finance plays a key role in the modern economy, acting as a source of driving force determining the development of national and global economies. The relevance of the research is determined by the fact that the scientific presentation of the role of finance in the modern economy contributes to the understanding of the fundamental foundations of the functioning of modern economic systems: management of funds, assets and liabilities, distribution and mobilization of economic resources. The object of research is finance as an economic category. The subject of the study is the multiple states of finance that determine their importance in the functioning of economic systems. The purpose of this scientific article is to delve into the multidimensional aspects and the most important functions of finance in the context of the modern digital environment and the global economy. The results of the study confirm the objective fact that finance, as an economic category, continues to develop and adapt to changing conditions and needs of the economy, new technologies and innovations play an important role in this process, opening up new opportunities and causing changes in the financial system of individual countries and the world as a whole.

Keywords: finance, economy, digital environment, digital finance, exchange.

Введение

Финансы являются неотъемлемой частью экономической системы и играют важную роль в организации и управлении ресурсами. История финансов начинается с появления денег как необходимость унификации натурального обмена и необходимости универсального средства обмена. В древние времена люди использовали различные формы обмена, такие как товары, скот, рабы и т.д., однако с развитием торговли и расширением географических связей стало необходимо иметь универсальное средство обмена, которое было бы признано и принято всеми. Деньги появились как универсальное средство обмена, которое имело признанную ценность и было легко переносимым между участниками обмена. В дальнейшем развитие финансов связано с появлением банков и других финансовых институтов, именно банки начали предоставлять услуги по хранению денег, выдаче кредитов и проведению платежей. С развитием технологий и глобализации финансовая система стала все более сложной и разветвленной - появились новые финансовые инструменты, такие как акции, облигации, деривативы и другие, возникли новые формы финансирования, такие как венчурный капитал и краудфандинг. Сегодня финансы играют огромную роль в мировой экономике, обеспечивая финансирование предприятий, инвестиции в инновации, управление рисками и многое другое. Финансовые рынки стали глобальными и операции проводятся в режиме реального времени, однако эволюция финансов не остановилась. Теоретическая значимость исследования состоит в том, что с появлением новых технологий, таких как блокчейн и криптовалюты, финансовая система продолжает эволюционировать и это требует научного осмысления и пересмотра роли финансов в современной экономике.

Основная часть

Современная экономика характеризуется взрывным технологическим ростом, который трансформирует привычные экономические механизмы в цифровую среду хозяйствования. Появление блокчейн технологий предлагает новые возможности для безопасной и прозрачной передачи и хранения цифровых финансовых данных, что кардинально меняет способ функционирования финансовых институтов. Криптовалюты, такие как биткоин, представляют собой цифровые активы, которые можно использовать для совершения платежей и инвестиций, основанные на технологии блокчейн, они обеспечивают децентрализованную и анонимную систему обмена, кроме того, финансовая технология (финтех) стала важным направлением развития финансов. Финтех компании используют новейшие технологии, такие как искусственный интеллект, большие данные и автоматизацию процессов, чтобы предоставлять инновационные финансовые услуги, такие как платежные системы, роботы советники и кредитные платформы. При этом в современной экономике появляется принципиально новая экономическая категория – децентрализованные финансы: «*DeFi («децентрализованные финансы») присоединились к FinTech («финансовые технологии»), RegTech («технология регулирования»), криптовалютам и цифровым активам как одна из наиболее обсуждаемых новых технологических инноваций в глобальных финансах*» [1, с. 172]. Децентрализованные финансы являются формой современного финансового посредничества, которое является основной функцией финансового сектора, устраняя разрыв между избыточным предложением (вкладчиками) и дефицитными спросом (заемщиками). Банки, инвестиционные фирмы и другие финансовые посредники облегчают перевод средств от вкладчиков к заемщикам, создавая сеть и структуру от-

ношений кредитования и заимствования средств, финансовые посредники вносят свой вклад в общий экономический рост и развитие. «*В СССР активно использовался переводной рубль, как коллективная валюта, по аналогии можно создать коллективную валюту стран БРИКС, номинальная стоимость которой будет определяться средневзвешенным значением национальных валют в валютной корзине*» [2, с. 129]. Финансовое посредничество способствует накоплению капитала, направляя сбережения в инвестиции, в цифровой среде хозяйствования посредством ускорения займов и долевого финансирования финансовые учреждения повышают производственный потенциал предприятий, что приводит к созданию рабочих мест, развитию инфраструктуры и технологическому прогрессу, данный процесс накопления капитала лежит в основе экономического роста и конкурентоспособности, определяя инновационный путь и темп развития. Финансовые посредники также играют жизненно важную роль в передаче рисков в рамках современной экономики: «*Экономические трения, такие как информационная асимметрия, и экономические силы, такие как эффект масштаба, приводят к появлению финансовых посредников. Эти разногласия и силы также формируют структуру рынка. Хотя технологические достижения не являются чем-то новым для финансирования, цифровые инновации привели к значительным улучшениям в связности систем, вычислительной мощности и стоимости, а также в новых создаваемых и пригодных для использования данных*» [3]. Объединяя и диверсифицируя риски, финансовые посредники обеспечивают бизнесу страховку от непредвиденных событий, таких как стихийные бедствия или финансовые кризисы, реализация этой функции поощряет технологическое предпринимательство и инвестиции, поскольку частные лица и предприятия могут нести определенные риски, полагаясь при этом на финансовые учреждения для смягчения других рисков. Цифровые финансы способствуют эффективному распределению ограниченных ресурсов в рамках современной экономики, с помощью финансовых рынков и инструментов частные лица и предприятия могут привлекать средства, инвестировать в многообещающие возможности и управлять рисками. Развитие современных финансовых институтов и рынков, включая фондовые рынки и рынки облигаций, предоставляют частным лицам и предприятиям платформу для доступа к капиталу и принятия инвестиционных решений, так как оценивая соотношение риска и доходности, финансовые субъекты выделяют ресурсы на проекты, которые, как ожидается, принесут наибольшую прибыль, способствуя экономическому росту и инновациям. Современные финансовые рынки позволяют определять цены активов, которые отражают ожидания участников рынка относительно будущей стоимости и риска финансовых инструментов.

Финансы облегчают экономические операции и поддерживают денежное обращение в рамках современной экономики так как обеспечивают доступность различных платежных систем и стабильность финансовой инфраструктуры предлагая бесперебойное функционирование транзакций между предприятиями и потребителями, определяя цифровое и инновационное развитие современной экономики.

Коммерческие цифровые банки играют решающую роль в предоставлении платежных систем, таких как кредитные карты, электронные денежные переводы и платформы онлайн-платежей, подобные системы позволяют предприятиям и частным лицам эффективно обмениваться товарами и услугами, способствуя тем самым экономической активности, формируя цифровую экосистему обмена. Коммерческие цифровые банки — это новые современные финансовые учреждения, которые предоставляют банковские услуги и операции через цифровые платформы и приложения, без необходимости посещения физического банковского отделения. Финансовые услуги в них основываются на использовании современных технологий, таких как мобильные приложения, интернет-банкинг и электронные кошельки, чтобы обеспечить удобство и доступность финансовых услуг для клиентов. Коммерческие цифровые банки предлагают широкий спектр услуг, включая открытие и управление банковскими счетами, переводы денежных средств, оплату счетов, получение кредитов и инвестиционные возможности, предлагая различные функции и инструменты для управления финансами, такие как бюджетирование, отслеживание расходов и уведомления о транзакциях. Одним из основных преимуществ коммерческих цифровых банков является их удобство и доступность, так как клиенты могут получать доступ к своим банковским счетам и проводить операции в любое время и из любого места, используя технологические средства цифровизации: мобильные устройства или компьютеры, что особенно удобно для тех, кто предпочитает онлайн-банкинг и не хочет тратить время на посещение физического банка, тем самым освобождая своё время, что позволяет более эффективно организовывать бизнес-процессы субъектам хозяйствования.

Финансы также играют важнейшую роль в содействии международной торговле и инвестициям, объясняется это тем, что валютные рынки и финансовые учреждения обеспечивают конвертацию и перевод валют, снижая операционные издержки и способствуя развитию трансграничной экономической деятельности. Международные финансы также поддерживают потоки капитала и финансирование инвестиционных проектов, способствуя глобальной экономической интеграции национальных экономических систем.

Однако, несмотря на цифровую трансформацию финансовых систем, классические движущие экономические силы по-прежнему остаются актуальными в среде современной системы хозяйствования. Экономия за счет масштаба и объема, за счёт цифровизации финансов в современной экономике, а также сетевые эффекты обмена играют важную роль в различных аспектах производства финансовых услуг, включая привлечение клиентов, финансирование, обеспечение соответствия ожиданиям, обработку данных и использование капитала. Несмотря на прогресс в технологиях, затраты на поиск и сборку цифровых продуктов для потребителей остаются значительными. Данные факторы способствуют концентрации рынка и дают преимущество крупным поставщикам, включая технологические компании, которые расширяют свою деятельность в сфере финансовых услуг. Цифровая трансформация финансовых услуг также вызывает важные политические изменения, связанные с конкуренцией, регулированием и обеспечением равных условий функционирования различных экономических систем. Для разрешения подобных вопросов власти должны сотрудничать с органами финансового регулирования конкуренции и регулирования отраслей национальной экономики. Поэтому необходимо найти баланс между стабильностью и справедливым распределением ресурсов, конкуренцией и технологической эффективностью, а также защитой интересов потребителей и обеспечением конфиденциальности цифровых финансовых данных, подобный компромисс позволит создать равные условия для всех участников рынка и обеспечить устойчивое развитие современной экономики.

Заключение

Роль финансов в современной экономике многогранна и крайне важна, так как цифровизация финансового сектора позволяет более эффективно накапливать капитал, эффективно распределять ресурсы и облегчает экономические операции, предоставляя основные финансовые услуги, финансовые посредники и рынки вносят свой вклад в экономический рост, финансовую стабильность и общее инновационное технологическое развитие общества. Понимание сложного взаимодействия между финансами и современной экономикой имеет решающее значение для политиков, предпринимателей и частных лиц, стремящихся ориентироваться в динамике современной глобализированной финансовой системы и цифровой среды хозяйствования.

Пристатейный библиографический список

1. Zetzsche D. A., Arner D. W., Buckley R. P. Decentralized finance (defi) // Journal of Financial Regulation. – 2020. – Т. 6. – С. 172-203. DOI 10.2139/ssrn.3539194.
2. Гусманов И. У., Рахматуллина Ю. А., Юнусова Р. Ф. Состояние кредитно-денежной системы России в условиях экономического давления западных стран // Дискуссия. – 2023. – № 2 (117). – С. 120-132. – DOI 10.46320/2077-7639-2023-2-117-120-132. – EDN KZPRCD.
3. Feyen E. et al. Fintech and the digital transformation of financial services: implications for market structure and public policy // BIS Papers. – 2021.

СУНЬ Цзини
магистр Высшей школы государственного администрирования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

СРАВНЕНИЕ КИТАЙСКОГО И РОССИЙСКОГО ОПЫТА В ПОСТРОЕНИИ ЦИФРОВОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Цифровое правовое пространство является основой построения эффективной цифровой экономики. Актуальность исследования заключается в том, что комплексный сравнительный анализ способен обеспечить объективное сходство, различие, раскрыть проблемы построения цифровых правовых пространств в Китае и России. Объект исследования – цифровая экономика; предмет исследования – правовое пространство цифровой среды. Целью статьи является всестороннее сравнение на принципах противопоставления правового опыта и инициатив Китая и России в построении цифрового правового пространства. В исследовании рассматриваются соответствующие нормативно-правовые базы, политические меры и технологические достижения, чтобы проиллюстрировать сходства и различие правовых механизмов и правовых инициатив. В статье, опираясь на научные исследования и достоверные источники из обеих стран, сделан вывод о значительном опережении развития цифровой экономики в Китае по сравнению с Россией.

Ключевые слова: государственное управление, цифровое пространство, цифровая среда, закон, правовое пространство.

SUN Jingyi
master of the Graduate School of Public Administration of the M. V. Lomonosov Moscow State University

COMPARISON OF CHINESE AND RUSSIAN EXPERIENCE IN BUILDING A DIGITAL LEGAL SPACE

The digital legal space is the basis for building an effective digital economy. The relevance of the research lies in the fact that a comprehensive comparative analysis is able to provide objective similarities, differences, and reveal the problems of building digital legal spaces in China and Russia. The object of research is the digital economy; the subject of research is the legal space of the digital environment. The purpose of the article is a comprehensive comparison based on the principles of contrasting the legal experience and initiatives of China and Russia in building a digital legal space. The study examines relevant regulatory frameworks, policy measures and technological advances to illustrate the similarities and differences between legal mechanisms and legal initiatives. Based on scientific research and reliable sources from both countries, the article concludes that the development of the digital economy in China is significantly ahead of Russia.

Keywords: public administration, digital space, digital environment, law, legal space.

Введение

Необходимость правового регулирования цифровой экономики обусловлена факторами экономического развития, так как цифровая экономика представляет собой новую сферу экономической деятельности, которая, развиваясь быстрыми темпами и имея значительное влияние на общество и экономику, очевидно, должна быть контролируема и регулируема государством. Без правового регулирования возникнут проблемы, связанные с конкуренцией, защитой прав потребителей, обеспечением безопасности данных и другими аспектами. Глобализация цифровой среды и расширение цифрового пространства на все стороны человеческого опыта предполагает необходимость разработки международных стандартов и согласования правовых норм для обеспечения эффективного взаимодействия между партнёрами и союзниками: Китаем и Россией.

Основная часть

Правовое регулирование цифровой экономики необходимо для защиты прав и интересов граждан, предпринимателей, создание механизмов защиты персональных данных, интеллектуальной собственности, прав потребителей и других аспектов, которые могут быть уязвимыми в цифровой среде: «*Цифровая экономика – экономика, основанная на использовании цифровых технологий и цифровых данных, которая включает в себя производство и распространение цифровых товаров и услуг, таких как программное обеспечение, электронные книги, музыка, видео, игры и т.д.*» [1, с. 60]. Представим на рисунке 1 общая схему развития цифровой экономики в России и Китае.

Россия разработала всеобъемлющую правовую базу для регулирования цифровой сферы, охватывающую различные аспекты, такие как кибербезопасность, электронная коммерция, защита данных и права интеллектуальной собственности.

Китай также разработал всеобъемлющую правовую базу для регулирования цифровой сферы. Эта структура охватывает различные области, такие как кибербезопасность, электронная коммерция, защита данных и права интеллектуальной собственности.

При сравнении правовой базы и механизмов правоприменения в сфере цифровизации экономики обращает на себя внимание значительный акцент Китая на защите данных и кибербезопасности, в то время как в России упор делается на стратегические инициативы развития, то есть можно выделить ряд сходств и различий.

Правовая база Китая акцентируется на проактивном подходе к регулированию цифрового пространства сферы:

Рисунок 1. Общая схема развития цифровой экономики в России и Китае. Источник: разработано автором.

«*Для всестороннего, комплексного развития цифровой экономики власти КНР пошли по пути создания собственных цифровых мегакорпораций и связанных с ними цифровых платформ при активном вытеснении с национального рынка зарубежных конкурентов*» [2, с. 159], правовая база России охватывает различные аспекты цифровой сферы (но при этом до сих пор отсутствует полноценный закон об электронной коммерции) и как правило, содержит более общие законы, которые охватывают как онлайн, так и офлайн-деятельность. То есть, учитывая более глубокое цифровое развитие Китая, регулирование цифрового пространства в Китае более акцентированное, в отличие от России, в которой правовое регулирование цифрового пространства носит слишком общий характер: «*Таким образом, РФ значительно отстает от ведущих стран по развитию качественной нормативно-правовой среды, способствующей развитию ИКТ, существующей ИКТ-инфраструктуры, включая кадровое обеспечение, взаимодействия между государством, бизнесом и обществом в области развития, внедрения и распространения ИКТ и производительности труда*» [3, с. 70]. В Китае созданы специальные правительственные органы, такие как: Администрация киберпространства Китая (CAC), которая курирует управление Интернетом и контролирует контент в интернет-пространстве, в то же время Министерство общественной безопасности занимается обеспечением кибербезопасности и отвечает за соблюдение законов о цифровых технологиях. В России обеспечение соблюдения законов о цифровых технологиях в основном осуществляется регулирующими органами, такими как Роскомнадзор, который контролирует соблюдение законов о защите персональных данных, отслеживает контент в интернет-пространстве и применяет соответствующие меры по ограничению или блокированию доступа к незаконному контенту. Китай осуществляет значительные усилия по улучшению своих режимов защиты интеллектуальной собственности, что обеспечено надежным законодательством, включая законы о патентах, авторском праве и товарных знаках, для защиты прав интеллектуальной собственности. Китай добился значительного прогресса в укреплении своих правоприменительных механизмов и усилении защиты интеллектуальной собственности, были внедрены такие инициативы, как специализированные суды по интеллектуальной собственности и усовершенствованное административное и уголовное правоприменение. Россия также предпринимает стратегические шаги по усилению защиты интеллектуальной собственности путем введения более строгих правил и правоприменительных мер. Практика защиты предполагает увеличение штрафов за нарушение прав интеллектуальной собственности, при этом упрощены механизмы создания цифровых продуктов и сфера правового регулирования, но недостаточно развиты правовые механизмы развития и защиты интеллектуальной собственности и патентного права.

Заключение

Китай и Россия разработали необходимые правовое механизмы регулирования цифровой сферы для обеспечения соблюдения законов о цифровых технологиях и защиты прав интеллектуальной собственности. Несмотря на сходство с точки зрения основных правовых принципов и целей обе страны продолжают развивать своё правовое пространство цифровой экономики, при этом Китай является безусловным лидером, России необходимо прилагать дополнительные усилия для совершенствования своих цифровых правовых систем и улучшения защиты интеллектуальной собственности.

Пристатейный библиографический список

1. Мехдиев Э. Т., Плеханова Е. А. Развитие систем электронного документооборота в цифровой экономике // Дискуссия. – 2023. – № 1 (116). – С. 58-70. – DOI 10.46320/2077-7639-2023-1-116-58-70. – EDN UYIQNE.
2. Трощинский П. В. Цифровая экономика и цифровизация современного Китая // Социально-экономические итоги 13-й пятилетки КНР (2016-2020 гг.) и задачи 14-й пятилетки (2021-2025 гг.): Статьи ежегодной научной конференции Центра экономических и социальных исследований Китая Института Дальнего Востока РАН, Москва, 21 апреля 2021 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2021. – С. 157-167. – EDN YFZRPH.

Таблица 1. Сравнительный анализ построения правового пространства цифровой экономики России и Китая

КИТАЙ	РОССИЯ
Закон о кибербезопасности[1] введён в действие в 2017 году, направлен на обеспечение национальной безопасности и защиту критически важной информационной инфраструктуры.	**Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации»** Введён в действие в 2006 году и является основой формирования цифровой экономики в России, который устанавливает общие принципы сбора, хранения, обработки и распространения информации.
Закон об электронной торговле[2] введён в действие 2018 году, этот закон регулирует коммерческую деятельность в Интернете.	**Федеральный закон о персональных данных 152-ФЗ3** Данный закон также принят в 2006 году, он заложил правовой механизм деятельности Роскомнадзора
Право интеллектуальной собственности и Патентный закон[4] В 2020 году приняты всеобъемлющие нормативные акты, которые обеспечивают правовую охрану изобретений, художественных произведений и фирменных знаков. включая Патентный закон, Закон об авторском праве и Закон о товарных знаках	**Распоряжение от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Цифровая экономика Российской Федерации»** Целью является создание экосистемы цифровой экономики в Российской Федерации, где данные в цифровой форме играют ключевую роль во всех сферах социально-экономической деятельности. В этой экосистеме обеспечивается эффективное взаимодействие между бизнесом, научно-образовательным сообществом, государством и гражданами, включая трансграничное сотрудничество.
Спецификация безопасности личной информации[5] Последовательно введено в действие несколько нормативных актов для защиты личной информации физических лиц.	**Федеральный закон об электронной коммерции (проект)**[6] Частично реализован **18.03.2023 № 84-ФЗ7** «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении на территории Калининградской области эксперимента по созданию условий для упорядоченной электронной торговли товарами»
Система лицензирования поставщиков интернет-контента (ICP)[8] Обязывает поставщиков услуг отслеживать и фильтровать онлайн-контент, который считается неуместным, политически чувствительным или наносящим ущерб национальным интересам.	**Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 13.05.2022)**[9] «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации»)
Закон о цифровых кладбищах Принят в 2023 году содержание закона регулирует замену традиционных могил небольшими отсеками для урн с прахом, а надгробия - экранами, отображающими фотографии и видео умершего.	**Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года**[10] Предполагает развитие регулирования в области искусственного интеллекта и робототехники, определение основных подходов к изменению системы нормативного регулирования в Российской Федерации, что позволит создавать и применять такие технологии в различных сферах экономики с учетом прав граждан и обеспечением безопасности личности, общества и государства. Создаёт основы для правового регулирования новых общественных отношений, возникающих в связи с разработкой и использованием технологий искусственного интеллекта и робототехники, а также на определение правовых преград, мешающих развитию и применению таких систем.

Источник: разработано автором.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E7%BD%91%E7%BB%9C%E5%AE%89%E5%85%A8%E6%B3%95/16843044?fr=aladdin.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/e-commerce-law-of-china-20180831.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/patent-law-of-china-20201017.

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/personal-information-protection-law20210820.

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://igpran.ru/public/publiconsite/e-commerce_proekt.pdf.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303180029.

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wwchina.app/icp-licenziya-v-kitae-dlya-chego-nuzhna-poluchenie-slozhnosti-resheniya.

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701.

10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/docs/all/129505.

3. Родионов Д. Г., Схведиани А. Е., Бондарев А. А. Цифровая экономика: анализ развития в Российской Федерации // Тенденции развития экономики и промышленности в условиях цифровизации / Под ред. А. В. Бабкина. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2017. – С. 68-93. – DOI 10.18720/IEP/2017.6/2. – EDN YPHNQJ.

ЧЖУ Ичэнь
магистр Факультета государственного управления «Государственное и муниципальное управление» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

Цифровые технологии повсеместно меняют повседневную жизнь людей, производственные отношения, структуру экономики и образования, создавая новые требования к коммуникативным процессам, вычислительным мощностям, информационным системам и сервисам. Актуальность исследования состоит в том, что в настоящее время данные становятся новым активом, благодаря росту их альтернативной ценности, то есть использованию данных для устройства современной экономической реальности и реализации новых идей, что предполагает владение всей полнотой информации по развитию цифровой экономики и технологий. Объект исследования – национальная экономика России; предмет исследования – цифровая экономика, как новый элемент развития национальной экономики. Цель исследования – раскрыть содержание развития цифровой экономики и цифровых технологий в России на научной основе. В исследовании выделены три уровня развития цифровой экономики: 1. По рынкам и отраслям экономики; 2. По цифровым платформам и технологиям; 3. Уровень цифровой среды, которая обеспечивает условия для развития платформ и технологий, а также эффективное взаимодействие между субъектами рынков и отраслей экономики, что определяет направления развития, которые также представлены в статье.

Ключевые слова: финтех, сетевая экономика, оптимизация услуг, построение новой системы, концепция больших данных, новая экономическая нормативность.

ZHU Yichen
master of the Faculty of Public Administration "State and Municipal Administration" of the M. V. Lomonosov Moscow State University

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN RUSSIA

Digital technologies are everywhere changing people's daily lives, industrial relations, the structure of the economy and education, creating new requirements for communication processes, computing power, information systems and services. The relevance of the research lies in the fact that currently data is becoming a new asset, due to the growth of their alternative value, that is, the use of data for the device of modern economic reality and the implementation of new ideas, which implies the possession of full information on the development of the digital economy and technology. The object of research is the national economy of Russia; the subject of research is the digital economy as a new element of the development of the national economy. The purpose of the study is to reveal the content of the development of the digital economy and digital technologies in Russia on a scientific basis. The study identifies three levels of development of the digital economy: 1. by markets and sectors of the economy; 2. by digital platforms and technologies; 3. the level of the digital environment that provides conditions for the development of platforms and technologies, as well as effective interaction between the subjects of markets and sectors of the economy, which determines the directions of development, which are also presented in the article.

Keywords: fintech, network economy, optimization of services, building a new system, big data concept, new economic normativity.

Введение

Создание экосистемы цифровой экономики (ЦЭ) в Российской Федерации предполагает обеспечение условий эффективного взаимодействия между бизнесом, научно-образовательным сообществом, государством и гражданами, что регламентировано в правительственной Программе «Цифровая экономика Российской Федерации»[1]. Важным фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности становятся данные в цифровой форме, что предполагает необходимость создания условий институционального и инфраструктурного характера, а также устранение препятствий и ограничений для развития высокотехнологичных бизнесов. Важным аспектом развития цифровой экономики является повышение конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных элементов национальной экономики, так и всей экономики Российской Федерации в целом.

Основная часть

Для эффективного развития рынков и отраслей в цифровой экономике необходимо иметь развитые платформы, технологии, институциональную и инфраструктурную среду, что может быть представлено тремя уровнями развития: 1 уровень: Рынки и отрасли национальной экономики; 2 уровень: Цифровые платформы и технологии; 3 уровень: Цифровая среда, которая обеспечивает условия для эффективного развития платформ и технологий, а также эффективного взаимодействия между субъектами рынков и отраслей экономики. Цифровая среда включает в себя нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

Каждое из направлений развития цифровой среды и ключевых институтов должно поддерживать развитие уже существующих условий хозяйствования для обеспечения прорывных и перспективных исследований по разработке и созданию цифровых платформ и технологий, а также создание условий для возникновения новых цифровых платформ и технологий: «…*экономические и инфраструктурные инструменты обеспечения государственного экономического суверенитета в цифровой экономике в России и должны быть не просто включением в государственную линейную программу, но гибким и проактивным конструктом, который учитывает интересы как политических акторов страны, так и представителей бизнесов-драйверов цифровых реформ, а также института инновационной инфраструктуры*» [1, с. 72]. В рамках создания эффективной цифровой экономики в России основными сквозными цифровыми технологиями являются: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект (ИИ); системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии, промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорика; технологии

1 Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

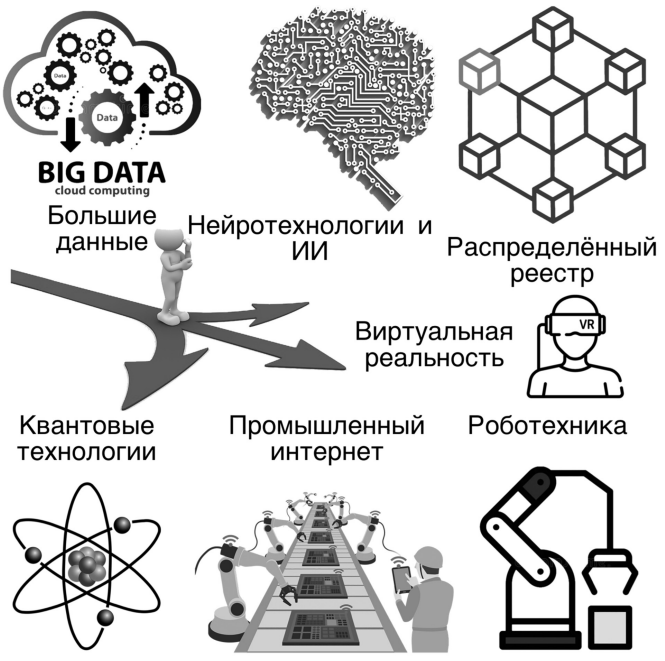


Рисунок 1. Направления развития цифровой экономики и цифровых технологий в России.
Источник: разработано автором.

беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальности – рисунок 1.

Направления развития ЦЭ предполагает необходимость развития ключевых институтов, которые являются основой развития цифровой экономики, таких как нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов. Возникает необходимость расширения создания и использования основных инфраструктурных элементов цифровой экономики, таких как информационная инфраструктура и информационная безопасность: «*Разнообразие и высокая степень неопределённости свойственная экономическим системам требует от учебных заведений подготовки таких специалистов в экономике, которые в полной мере могут владеть всеми научными способами и методами работы с информацией и информационным пространством для обеспечения эффективности национальной экономики*» [2, с. 14].

Необходимо создать постоянно действующий механизм управления изменениями и компетенциями в области регулирования всех сфер цифровой экономики, что требует от проектировщиков цифровой экосистемы устранения ключевых правовых ограничений и создания отдельных правовых институтов, которые будут решать насущные задачи формирования цифровой экономики на уровне муниципальных и региональных органов государственного управления: «*…использования информационно-коммуникационных технологий и вычислительных сервисов (в т.ч. «цифровых двойников» объектов, систем, процессов) при создании цепочек производства высокотехнологичных элементов оборудования и информационно-управляющих систем. Важно разработать комплексное законодательное регулирование для отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики*» [3, с. 3].

Для стимулирования экономической деятельности, связанной с использованием современных технологий и сбором данных, необходимо принять соответствующие меры по обеспечению информационной безопасности, что предполагает разработку государственной политики стран-участников по развитию цифровой экономики на территории Евразийского экономического союза и гармонизировать подходы к нормативному правовому регулированию, способствующие развитию цифровой экономики в этом пространстве.

Основные цели в области подготовки кадров и цифрового образования должны включать в себя:

– Создание необходимых условий для подготовки кадров, соответствующих компетенциям, навыкам и требованиям специалиста в цифровой экономике.

– Усовершенствование системы образования, чтобы система подготовки и переподготовки кадров могла обеспечить компетентных кадров для цифровой экономики.

– Адаптация механизмов, формирующих рынок труда России к требованиям цифровой экономики.

– Создание системы мотивации для развития навыков повседневного использования цифровых технологий и инструментов в операционной деятельности компаний и участия кадров в развитии цифровой экономики России.

В настоящее время развитию цифровой экономики России препятствуют системные ограничения:

– Проблема обеспечения безопасности пользователя цифровых продуктов, включая идентификацию и сохранность цифровых данных пользователей. Также важно обеспечить доверие граждан к цифровой среде.

– Угрозы, связанные с построением сложных иерархических информационно-телекоммуникационных систем, использованием виртуализации, удаленными хранилищами данных и разнородными технологиями связи, что может представлять угрозу для личности, бизнеса и государства.

– Возрастание возможностей внешнего информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру, включая критическую информационную инфраструктуру.

– Увеличение масштабов компьютерной преступности, включая международные аспекты.

Заключение

Необходимость развития цифровой экономики становится насущной потребностью для сохранения конкурентоспособности и противостояния внешним угрозам национальной экономики Российской Федерации. Цифровая экономика предполагает трансформацию экономической деятельности, которая акцентирует своё содержание на использовании цифровых технологий, прежде всего таких цифровых средств и инструментов как Интернет и мобильные устройства. Цифровая экономика, как новая реальность сложившегося технологического уклада обладает необходимым потенциалом стимулирования экономического роста за счет создания новых отраслей промышленности, создания рабочих мест и привлечения инвестиций в национальную экономику, что способно создать условия для роста производительности и результативности хозяйственной деятельности тем самым увеличивая объем производства национального продукта. Внедрение цифровых технологий способно создать необходимые условия для развития инновационной среды необходимые для разработки новых продуктов, услуг и бизнес-моделей, что поможет отечественному бизнесу оставаться конкурентоспособным на быстро меняющемся мировом рынке.

Пристатейный библиографический список

1. Дудин М. Н., Шкодинский С. В., Продченко И. А. Экономические и инфраструктурные инструменты обеспечения государственного экономического суверенитета в цифровой экономике: опыт Российской Федерации и мира // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12. № 1. – С. 57-80. – DOI 10.18334/vinec.12.1.114254. – EDN ULOLLB.
2. Файзуллин Ф. С., Гарипова Ф. М., Кашапова Р. А. Формирование информационной культуры студентов-экономистов // Дискуссия. – 2022. – № 6 (115). – С. 6-16. – DOI 10.46320/2077-7639-2022-6-115-6-16. – EDN URUVMA.
3. Грабчак Е. П., Логинов Е. Л., Чиналиев В. У., Епишкин И. И. Управление развитием сложных научно-технических комплексов на основе интеллектуальных цифровых платформ (реализация компетенций Госкомитета СССР по науке и технике в условиях цифровой экономики) / Институт экономических стратегий. – Москва: Институт экономических стратегий, 2023. – 504 с. – ISBN 978-5-6047154-0-6. – EDN DJXGSM.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-498-499

АБДЕЕВ Артур Азатович
магистр шариатских наук, докторант Болгарской Исламской Академии, Республика Татарстан, г. Болгар

СУФФИЗМ В ПОНИМАНИИ ШИХАБУТДИНА МАРДЖАНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ «МУКАДИМА ВАФИЙЙАТ АЛЬ-АСЛЯФ»)

В статье представлено исследование Шигабутдин Аль-Марджани суффизма – аскетически-мистическому направлению в исламе исходя из сочинения «Мукадима Вафиййат аль-асляф ва тахиййат аль-ахляф» («Предисловие к преданности предкам и приветствие потомкам») выдающегося богослова Ш. Марджани (1818-1889). Это сочинение написано на арабском языке и является толкованием труда, в котором подробно раскрыты вопросы истории, религии, наукотворчества. Оно отличается многими особенностям, выделяющими его среди других трудов по данной тематике.

После глубокого изучения можно прийти к выводу, что суфизм на протяжении многих веков был популярным и распространенным явлением на мусульманском Востоке и ал-Марджани был небезразличен к суфийскому течению ислама.

Он признавал ранний суфизм, и в это же время он отвергал философский суфизм.

Ключевые слова: Марджани, ибн Хальдун, история, Вафиййат аль-асляф, суффизм, тарикат, мукадима.

ABDEEV Artur Azatovich
master of Sharia sciences, doctoral student of the Bulgarian Islamic Academy, Republic of Tatarstan, Bolgar

SUFISM IN THE UNDERSTANDING OF SHIGABUTDIN MARJANI (BASED ON THE BOOK «MUKADIMA WAFIYYAT AL-ASLYAF»)

The article presents a study of Shigabutdin Al-Marjani suffism – an ascetic-mystical trend in Islam based on the work "Muqadim Wafiyyat al-aslyaf wa tahiyyat al-ahlyaf" ("Preface to devotion to ancestors and greeting to descendants") by the outstanding theologian Sh. Marjani (1818-1889). This essay is written in Arabic and is an interpretation of the work, in which the issues of history, religion, and science-making are disclosed in detail. It is distinguished by many features that distinguish it from other works on this topic.

After a deep study, it can be concluded that Sufism has been a popular and widespread phenomenon in the Muslim East for many centuries and al-Marjani was not indifferent to the Sufi current of Islam.

He recognized early Sufism, and at the same time he rejected philosophical Sufism.

Keywords: Marjani, ibn Khaldun, history, Wafiyyat al-aslyaf, suffism.

На сегодняшний день внимание к суфизму резко возрастает, выходят ряд интересных статей по истории суфизма. В связи с этим хотелось бы узнать мнение знаменитого татарского ученого Шигабутдин Аль-Марджани на его отношение к суфизму исходя из его фундаментального труда «Мукадима Вафиййат аль-асляф ва тахиййат аль-ахляф» («Предисловие к преданности предкам и приветствие потомкам»).

В разделе, посвященном суфизму, автор показывает роль суфизма в традиционных науках, прослеживает его истоки, особенности, вехи развития и называет имена его основных представителей» [7, с. 342-343].

Он рассматривает суфизм как одну из традиционных наук, связанных с традицией. Для Марджани, по его мнению, нет совершенно никакой разницы между аскетами и гностиками, как в случае с современными учеными, хотя он называет эти термины последователями суфизма [17].

Наука суфизма, как считает Марджани, практически цитируя Ибн Халдуна, является одной из религиозных наук, основой которой является тщательное выполнение ритуала, преданность Аллаху, восхваление Его, отказ от соблазнов мира и его прелестей, а также отвержение людей. Это учение имело место быть среди предков мусульманской общины, как например ее великих сахабов, табинов и других религиозных авторитетов, сменивших ее [7, с. 278], [14].

Марджани не обозначает начальный этап суфизма, предпочитая объяснить возникновение суфизма общественными проблемами: «Затем, когда жажда богатства, власти, наслаждения душой и тому подобного распространилась среди соблазнов мира, элита со временем выделилась из людей истины, которые вверили свои души Аллаху и защитили свои сердца от различных проявлений беспечности». Марджани отдает предпочтение этим людям и поясняет это перечисляя некоторые элементы этого направления. «Эти люди искренне верили в то, что дал им Аллах, и стояли на позициях истины даже перед лицом могущественного правителя. Они следовали этим путем, произносили имена Аллаха, не замечая ничего, кроме Него, и отдавали все в Его пользу. Их секреты были связаны с троном. Их свет проникал через завесу наблюдения за скрытыми, оседлыми обитателями».

После Марджани говорит о том, как именно появился термин «суфий» и от какого слово оно берет свое начало: «Этот народ стал известен как суфии, вероятно, из-за образования этого слова от слова «суф» – шерсть, поскольку они отличались [от других людей] в основном своей одеждой. Или они получили это имя, потому что отличались от толпы в выборе богатой одежды».

Первого, кто был назван титулом суфий, согласно Марджани, был Абу Хашим ал-Куфи, который, вместе с Джабир б. Хайямом, первым получил прозвище суфия [16].

Дальнейшие развитие учения суфизма и его формирование после X-XI веков Марджани рассказывает следующим образом: «После того, как они стали известны благодаря учению аскетизма, соблюдению обрядов, отделению от людей, которые испытывают одиночество, они выбрали способ познания, нормы поведения и особую терминологию, поскольку не существует лингвистических форм для обозначения значений слов, которые отличаются от общепринятых. Таким образом, это учение было разделено на два направления. Первый характерен для людей с фетвами, которые руководствуются общими концепциями, касающимися ритуалов, обычаев и нормами поведения. Второй олицетворяется людьми, которые стремятся познать познания Бога при помощи мистики, их искренностью послушания и самоанализом души по пути познания Бога и тем, что они стремятся к в результате возникают: экстатические состояния (ахвал), атрибуты (сифат), «вкушение» истины (азвак), единая стойкость на пути познания Бога, состояние, в котором вы переходите от одной «трапезы» к другой, таким образом, они приходят к монотеизму (таухиду) и мистическому знанию (гнозису) (марифе), которые являются пределом того, что

они ищут, и к вечному счастью»» [7, с. 278], [14, с. 724-725]. Можно заметить, то что основные положения двух направлений суфизма в интерпретации Марджани в основном касаются к практическому суфизму[1], представители которого на практике развивали идею о возможности позитивного общения с Богом [15]. Именно поэтому, эти характеристики направлений суфизма Марджани очень близки к современным классификациям, когда речь идет о пути единства с Богом. Это направление получило название «вахдат аш-шухуд» («единство близости»).

Его основателями считаются аль-Бистами и аль-Халладж, который философски обосновал идею интуитивного общения с Богом, превратив ее в реальность. Марджани не упоминает о втором направлении суфийской философской мысли, известном в научной литературе как «Вахдат аль-Вуджуд» («единство бытия»).

«Далее, после того как были разработаны и письменно зафиксированы эти науки», – отмечает Марджани, люди придерживаются учения, книги о благочестии, самоанализе души, подражании заимствованному и в то же время отвергающие определенные положения.

Автор выделяет основателей терминологии суфиев: Абу Бакра Мухаммад ибн Ибрахима ибн Йакуба ал-Калабади и его книгу «Ат-таарруф» («Ознакомление»), о которой сказал ас-Сухраварди: «Если бы не Ат-таарруф, то еще не знали бы о учении суфизме», а также Абу-л-Касима Абдалкарим ибн Хавазин ал-Кушайри ан-Нисапури и его книгу «Ар-рисала» («Послание») и Шихабад- дина Абу Хафс Амр б. Мухаммад ас-Сухраварди и его книгу «Авариф ал-мавариф» («Дары знания») и подобно им» [7, с. 278-279], [13, с. 725].

Ученые нашего времени перечисляют те же сочинения, в которых стоит выделяется книга: «Авариф ал-мавариф» ас-Сухраварди как самое знаменитое средневековое инструкция для духовных учителей» [14, с. 36].

Марджани считает, что суфии возводят происхождение тариката, ношение власеницы (хирка) к четвертому праведному халифу Али, от которого получил хирку Хасан ал-Басри , от него – Абдалвахид б. Зайид, от которого Хабиб ал-Аджами, от него Утба ал- Гулам [7, с. 280-281].

А уже затем суфии разделились на семь категорий (табакатов). Марджани полагает, что в первой категории относится один из первых предводителей хорасанского и среднеазиатского суфизма Фудайл б. Ийад ал-Куфи, Абу Махфуза, известного как Ибн Файруз б. Али ал- Багдади ал-Кархи, Дауд ат-Тан и подобных им. А ко второй категории – багдадского шейха Абу-л-Касима ал-Джунайда, Абу Усмана Саида ал-Магриби. В следующих категориях он также приводит имена наиболее выдающихся суфийских авторитетов [7, с. 281].

Затем Марджани перечисляет суфийские тарикаты (джиштия, кадирия, сухравардия, рифаия, кубравия, шазилия, маулавия, накшбандия), поясняя происхождение их названий и перечисляя наиболее важных деятелей тарикатов [7, с. 281-284], которые таковыми признаны и современной наукой [14, с. 282-283]. К примеру, он пишет, что имя суфийского направления «шазилия» произошло от одноименного селения в Тунисе. Основателем тариката был Абу-л-Хасан Али аш-Шазили, обучавшийся у Абу-с-Саллама ал-Машиша. Марджани, утверждает, что Абдалкадир ал Джилани (1078 – 1166) был основоположником тариката кадирия и обучался у Абу Абдаллаха Хаммада ад-Даббаса [7, с. 282-283].

Как уже было сказано Марджани считает первым суфием Абу Хашима ал-Куфи. Что интересно заметить, среди великих суфиев он считает имама Абу Ханифу Нумана Сабита ал-Куфи и упоминает его в одном ряду имена самых великих суфиев: Абу Абдаллаха Мухаммад б. Али ат-Термези, Абу-л-Касима ал-Джунайда, Абдалкадира ал-Джилани, Ибн ал-Араби, Абдаррахмана ал-Джами, Абу Исмаил Абдаллаха ал-Харави и Ахмада ас-Самарканди ад-Дахбиди [7, с. 285-286].

В разделе, посвященном суфизму, Марджани стал экспертом по истории его развития: он привел основные этапы развития суфизма, имена основателей тарикатов и их знаменитых последователей. Кроме того, он положительно относился к раннему суфизму. По его мнению, великие сахабы, табины и их последователи не говорили о последней ступени мистического самосовершенствования путешественника и открытии «занавеса». Такие устремления у народа появились намного позже [7, с. 279-280], «Правда в том, – говорит богослов, – что все дело в том, чтобы стремиться по пути познания Бога, и что вы получаете пользу от «еды», единства (стойкости), самообладания в действиях и снятия стресса. завеса ощущений и об истинной сущности, постигаемой в скрытом мире, и о чудесах, которые они являют, истинны и не заслуживают порицания [7, с. 280], [13].

Марджани не желает признать суфийское учение о бытие и его познании истиной: «Моральное очищение, уединение, поминовение Бога чаще всего следует за снятием завесы ощущений и познанием миров по велению Аллаха, чего обладатель ощущений не знает. Таким образом, вы постигаете то, чего не постигает никто другой: истинную сущность бытия, событие до того, как оно придет к вам. Они тратят свою энергию и душевные силы на земное существо, и их воля подчиняется ему». «Однако большинство их разговоров о порядке возникновения всего сущего и об истинной сущности вещей непонятны, потому что для них это духовно. И за пределами дегустации духовное теряется, и языки не способны описать то, что вы пытаетесь сказать, поскольку они содержат многое из того, что вы можете разумно познать» [7, с. 280], [13].

Таким образом, Марджани признавал ранний суфизм, и в это же время он отвергал философский суфизм, а именно его позицию о сущем.

Пристатейный библиографический список

1. Адыгамов Р. К. Проблемы исламского права в наследии Шигабутдина Марджани // Minbar. Islamic Studies. – 2019. – № 12 (2). – С. 499-510.
2. Ахунов А. Книги Марджани // Идель. – 2008. – № 11. – С. 52-53.
3. Ахунов А. Шигабутдин Марджани. Быть великим непросто // Идель. – 2008. – № 6. – С. 26-30.
4. Габдуллин З. Мукаддима Вафият аль-аслаф ва тахият аль-ахлаф: Ш. Марджани как источник по истории ислама // Из истории Татарстана и татарского народа. Казань: Фән, 2003. – С. 60-70.
5. Зарипов И. Исламские богословы татарские общественные деятели о Ш. Марджани // Россия ислам ун-ты хәбәрчесе. Вестник Российского исламского ун-та. 2005. – № 1. – С. 161-171.
6. Марджани Ш. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф. Рукопись. Казанский федеральный университет. – Т. 6. – 240 с.
7. Марджани Ш. Мукаддима. – Казань: Тип. Г. М. Вячеслава, 1883. – 411 с.
8. Милославский Г. В., Петросян Ю. А. Пиотровский М. Б. и др. Ислам: Энциклопедический словарь. – Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315 с.
9. Олина С. Марджани, человеку и мыслителю // Республика Татарстан. – 2018. – № 137. – С. 5-12.
10. Сюкияйнен Л. Р. Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал // Ежегодник либертарно-юридической теории. – 2007. – № 1. – С. 97-106.
11. Хайруллина А. «Татарский Геродот» // Казань. – 2018. – № 2. – С. 14-16.
12. Шагавиев Д. А. Роль Шигабутдина Марджани в развитии татарской богословской мысли XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2010. – 187 с.
13. Ибн Халдун. Мукаддима. – Тунис, 2014. – К. 737.
14. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. – М., 1989.
15. Бертельс Е. Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. – М., 1965. – С. 447.
16. Goldziher. J. Jhamaladin // Encyclopaedia of islam. Ist ed. – Vol. 4. – P. 681.
17. Свободомыслие и атеизм в древности, средние века и в эпоху Возрождения / Под ред. А. Д. Сухова. – М., 1986. – С. 166-168.

1 В современной литературе о суфизме выделяются два основных течения: практический и философский (интеллектуальный) суфизм.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-7-182-500-502

АБРАРОВА Зинира Фоатовна
кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Уфимского университета науки и технологий

МАЯЦКАЯ Ольга Борисовна
кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Уфимского университета науки и технологий

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Вопросы массовой коммуникации в силу их тесной связи с фундаментальной социально-философской проблемой человека и общества актуальны на протяжении длительного периода времени. Широкомасштабное перманентное развитие коммуникативных технологий не перестает стимулировать рефлективный интерес к этому феномену.

Ключевые слова: социально-философский анализ, коммуникационные технологии, потребители, средства массовой информации, PR мероприятия, паблик рилейшнз.

ABRAROVA Zinira Foatovna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of Social work sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

MAYATSKAYA Olga Borisovna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Political science and public relations sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE OPTIMIZATION OF THE ORGANIZATION'S ACTIVITIES

The issues of mass communication due to their close connection with the fundamental socio-philosophical problem of man and society are relevant for a long period of time. The large-scale permanent development of communication technologies does not cease to stimulate a reflective interest in this phenomenon.

Keywords: socio-philosophical analysis, communication technologies, consumers, mass media, PR events, public relations.

С философской точки зрения к проблемам общей теории организации и управления относятся проблемы соотношения случайных и необходимых, хаоса и порядка, неравновесных процессов, систем самоорганизации; проблемы сущности организации и управления, генезиса и взаимосвязи, диалектики организации и самоорганизации, управления и самоуправления; проблемы сравнительного анализа особенностей подходов к изучению организации и управления.

Для полноценного функционирования и развития организации необходимо иметь постоянный контакт с внешней средой. Внешняя среда характеризуется своей сложностью, подвижностью, неопределенностью. Организация должна: воздействовать на те, факторы среды, которые для нее будут эффективны, реагировать и предпринимать какие-либо действия в зависимости от изменений во внешней среде, необходимо проверять достоверность информации, чтобы сделать правильные выводы.

Внешняя среда делиться на макро и микросреду. Макросреда частично воздействует на все структуры предприятия, включая в себя экономику, политику, социальную сферы. А микросреда включает в себя совокупность элементов, влияющих на деятельность предприятия и ее конкурентоспособность. Элементами микросреды могут быть клиенты фактические и потенциальные, конкуренты, средства массовой информации, имидж и т.д.

Коммуникация с потребителями происходит за счет рекламы либо через предоставленные услуги. В процессе разработки стратегии такой коммуникации применяют социально-коммуникационные технологии, так как необходимо учитывать все условия. Коммуникация должна принести, какие-либо результаты. Результат определяется тем, была ли обратная связь с целевой аудитории, и изменилось ли их количество после коммуникации. Если говорить об отрицательном результате, то необходимо устранить или уменьшить слабые стороны, если положительный результат, то их нужно сохранить или улучшить, применяя свои сильные стороны и возможности.

Если раньше у потребителя был не большой выбор на рынке по предоставления услуг, в какой-либо сфере, то на сегодняшний день потребитель имеет большой выбор, необходимую информацию о деятельности какой-либо организации. Такую информацию можно найти в интернете, прочитать отзывы, и выбрать из всего предоставленного списка походящие, а главное качественные услуги.

Коммуникация с органами государственной власти. С помощью этой коммуникации привлекаются инвестиции, для участия в крупных, социально значимых мероприятиях, участие организации в различных презентациях, выставках, конкурсах. Это поможет предприятию развиваться, стать узнаваемым и устойчивым.

Деятельность предприятия с использованием коммуникаций со средствами массовой информации поможет создать имидж, репутацию предприятия. Имидж предприятия будет в любом случае, он будет создан либо PR мероприятиями, в этом случае им можно будет управлять и контролировать достоверность информации, либо имидж будет создаваться стихийно, так как существует такое явление как «сарафанное радио», но в этом случае управлять ими будет невозможно. Имидж должен создаваться не за счет жёсткой

манипуляции в виде пропаганды, а за счет эффективной и качественной работы, на всем протяжении деятельности предприятия. За счет четко спланированных мероприятий, при условии выполнения всех поставленных задач, можно закрепить положительный имидж предприятия, повысить продажи, узнаваемость и т.д.

Социально-коммуникационные технологии и PR мероприятия взаимосвязанный процесс распространения информации. Необходимо знать, кто является целевой аудиторией, учитывать информационный запрос, интерес и потребности целевой аудитории.

При оптимизации деятельности предприятия важны не только внешние коммуникации, но и внутренние. В организации существуют формальные и не формальные коммуникации.

Формальная коммуникация осуществляется с помощью нормативной документацией, информация в основном фиксируется в письменном или электронном виде, которая оформляются по определенному стандарту. К ним можно отнести: приказ, распоряжение, нормативные документы этого предприятия.

Неформальная коммуникация – информация передаётся в неформальной обстановке в качестве обычной беседы, диалога, слухов. Такая коммуникация создает благоприятную среду. Что очень важно для любого предприятия.

В деятельности предприятия должны учитываться внешние и внутренние условия. Они должны быть направлены на формирование благоприятного внутреннего и внешнего климата, проводить систематично целенаправленную работу с фактическими и потенциальными клиентами.

Социально-коммуникационные технологии в деятельности предприятия являются непрерывным процессом, с целью успешного развития. Главное правильно поставить цель, установить задачи, соблюдать порядок выполнения этих задач с правильно выбранным комплексом процедур. При оптимизации деятельности предприятия применяют различные каналы коммуникаций, осуществляя в своей деятельности концепцию, объединив в себе комплекс элементов, в которой сочетаются традиционные средства внешней коммуникации, реклама, PR технологии, прямые коммуникации.

Социально коммуникационные технологии в деятельности предприятия включают в себя средства PR деятельности:

1. Мероприятия для установки отношения со средствами массовой информации:

• Паблисити, его цель, сформировать позитивный имидж, повысить степень узнаваемости организации, бренда среди целевой аудитории и осуществить рост лояльности среди фактических клиентов и привлечь потенциальных клиентов к своей деятельности. Информация редактируется и передается через средства массовой информации. Средства массовой информации сами заинтересованы в передачи актуальной и интересной для аудитории информации для того, что бы привлечь к себе новых зрителей, слушателей и читателей. Организация паблисити осуществляется бесплатно, так как инициатором являются сами средства массовой информации. Паблисити может быть в качестве репортажа с выставки, где организация принимала участие.

• Организация пресс-конференции, совещаний. Приглашаются представители средств массовой информации, где обсуждаются актуальные, значимые для организации вопросы.

• Новостные пресс-релизы - бюллетени, где расписана вся информации о предстоящем мероприятии. Кто приглашен, где будет проходить, какие темы будет рассматриваться, когда будет проведено это мероприятие.

• Интервью с сотрудниками организации

• Фото, видеосъемки, где упоминается организация

2. PR с помощью традиционных средств, печатные издания:

• Публикация официальных отчетов

• Публикация в журналах и газетах, где упоминается организация

• Издательство, тиражирование листовок, визитки предприятия

4. Участие в выставках, на мероприятиях широкого и мирового масштаба

5. Участие в благотворительных акциях, мероприятиях

6. PR в сети интернет:

• Информация в социальных сетях

• Электронная рассылка информации

• Информация на сайте организации

На сегодняшний день предприятия используют социально-коммуникационные технологии для оптимизации, продвижения своей деятельности и для связи со своими фактическими и потенциальными клиентами. Всем этим занимается сфера паблик рилейшнз. В своей деятельности паблик рилейшнз использует различные технологии, коммуникации для передачи информации до аудитории, учитывая интересы, потребности аудитории, и сегментирует целевую аудиторию. Развитие информационных технологий и мультимедийных средств, способствует изменению в способах передачи, обработки, хранения и доступа к информации.

Коммуникация с помощью сети интернет – новое, сложное явление. Интернет рассматривается как: 1. Многостороннее средство массовой информации, с помощью которой создаются разные формы коммуникации. Интернет обладает такими качествами как мультимедиа – при передаче информации передается визуальная картинка, звук, аудио-видео фрагменты. Большая вероятность воздействия на целевую аудиторию.

2. Персонализация особенность «новых медиа», передаваемая информация в них изменяется в зависимости от того, кому передается информация, от интересов, пожеланий, возраста, географического положения и других социальных характеристик получателя. Оператор мобильной связи предлагает новые опции и возможности пытаясь угадать интересы и желания клиента. Имея дисконтную карту, какого-либо магазина, Вас могут поздравить с днем рождения, указав Ваше Имя и предложить для Вас специальные условия покупки. Также существуют однонаправленные коммуникации, примером таких коммуникаций могут быть выступление оратора, радио, ТВ. Либо двунаправленные коммуникации – общение людей с друг другом, в интернет-среде и т.д. [1]. В зависимости от среды выбираются средства, с помощью которых происходит передача информации. Средствами коммуникации могут быть радио, реклама (наружная реклама), ТВ, интернет, телефон и т.п.

Итак, новые медиа – «эта среда коммуникации, в которой информация интерактивна и персонализирована. Для

того чтобы полностью соответствовать термину, «новые медиа», необходимо не просто иметь возможность, но и использовать в коммутациях указанные свойства» [2].

Рассмотрим популярные типы средств коммуникации в медиа:

Блог, вначале был в виде системы публикации онлайн дневников, затем под воздействием современных тенденций и технологий изменилась, и стала рассматриваться как платформа публикаций новостей и обсуждения их онлайн в интернете.

Блог сфера. Данный термин определяет растущую коллекцию блогов во всем интернете. Выражение сложилось во взаимосвязи блогов в сети, их переплетение через комментарии, ссылки и контент, что вместе создает ощущение сферы [1].

Сообщества. Пользователи сами в сети создают сообщества, определяя тематику, которая будет обсуждаться среди участников этого сообщества, делятся между собой мнениями, передают информацию не только письменно, но и через медиа файлы. Часто сообщества создаются между людьми, представляющие одну группу, определенной сферы деятельности. Возможность создавать сообщества есть в социальных сетях «Вконтакте», «WhatsApp» и т.д.

Сайт – совокупность веб страниц с повторяющимся дизайном, объединенных по смыслу, навигации и физически находящихся на одном веб-сервере [3].

Социальная сеть - онлайн среда, где люди объединяются за счет общих интересов, обсуждают, передают, получают информацию. В социальных сетях не контролируется достоверность информации.

▪ Теггинг. Выделение слов для привлечения внимания. «Теггинг – функция, позволяющая отмечать на фото себя, своих друзей, различные предметы и прочее» [4].

Так же одним из важных терминов медиа является контент. Креативность и оригинальность в ведении контента в деятельности предприятия очень важно. Он не должен быть похож на все остальные, он должен быть индивидуальным.

Обычно в социальных сетях применяют четыре формы контента, видео, изображение, аудио и текст, еще лучше кода они сочетаются, например, фото и текст.

В свою очередь в каждом из форматов, можно выделить несколько подразделов: текстом может быть пост, статья, тема в обсуждениях, вики-разметка или документ; изображение — картинка, комикс, рисунок, фотография, инфографика; аудио — музыка, подкаст, аудиокнига; видео — ролик, фильм, скринкаст, интервью [5].

Различают:

– развлекательный контент, публикация юмористических статей, фотографий, видео. Создается для того, чтобы развлекать людей;

– полезный контент, публикуются полезная информация, научные статьи, мастер-классы, информация с помощью которой можно приобрести знания, умения и навыки;

– пользовательский, создается пользователями самостоятельно. Публикуются посты, видео, фото, с информацией, например, о предоставляемых услугах, товаре и т.д.

– репетиционный контент, публикации и информация может повлиять на репутацию организации, предприятия или отдельной личности. Отзывы, упоминания в средствах массовой информации положительных и отрицательных качеств.

– Интерактивный контент, информация вызывает желание общаться, обсуждать тему, задавать вопросы.

– Коммерческий контент направлен на рекламу предоставляемых услуг и товаров с целью их продажи, включают в себя фото с описанием, с указанием цен, акции, розыгрыши и т.д.

Применение социально-коммуникационных технологий в PR деятельности предприятия, включает в себя последующее выполнения поставленных задач, при этом учитывая социально коммуникационные особенности.

Пристатейный библиографический список

1. Батаева Е. В. Этнометодологический анализ онлайн–коммуникаций: кризисный эксперимент в чатах // Социологические исследования. — 2011. — № 12. — С. 94. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/04/19/1271940725/Bataeva.pdf.
2. Блог.маштаков.ком. / Законы и методы общения. С потребителями, С миром вокруг, С самими собой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://blog.mashtakov.com.
3. Служба тематических толковых словарей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.glossary.ru.
4. Брендирование представительств в соцсетях / Школа современного электронного обучения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://schoolseo.ru/lesson/urok-1-2-brendirovanie-predstavitelstv-v-socsetyax/
5. Спектор А. Виды и форматы контента в соц.сетях: продолжаем погружаться в продвижение соц. сети/ Блог Андрея Спектора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://andreyspektor.com/socialnye-seti/vidy-i-formaty-kontenta-vkontakte.html.

КОНОПЛЕВА Анна Алексеевна
кандидат философских наук, доцент, заместитель начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

КРИВОРУЧКО Андрей Александрович
курсант Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ПАТРИОТИЗМА

В статье рассматривается феномен патриотизма сквозь призму понимания культурного кода. Устанавливается, что культурный код отражает менталитет народа и воплощается на уровни, как материальной, так и духовной культуры. По мнению авторов, культурный код лежит в основе патриотических чувств народа и помогает понять пути его формирования применительно к конкретному народу. Анализ исторического фактора позволил определить, что для русского патриотизма, в широком смысле этого слова, свойственны многонациональность, терпимость, созидательный и народный характеры, державность и общая ответственность за судьбу своей Родины и своего народа. Опираясь на проведенное ВЦИОМ исследование динамики развития патриотических чувств в России, а также особенностей их современного проявления, были сформулированы особенности патриотических убеждений жителей современной России. Представленные в статье данные могут стать основой для реализации патриотического воспитания современного поколения.

Ключевые слова: патриотизм, культурный код, национальный характер, менталитет, Россия.

KONOPLEVA Anna Alexeevna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Deputy Head of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

KRIVORUCHKO Andrey Alexandrovich
cadet of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

CULTURAL CODE OF PATRIOTISM

The article examines the phenomenon of patriotism through the prism of understanding the cultural code. It is established that the cultural code reflects the mentality of the people and is embodied on the levels of both material and spiritual culture. According to the authors, the cultural code underlies the patriotic feelings of the people and helps to understand the ways of its formation in relation to a particular people. An analysis of the historical factor made it possible to determine that Russian patriotism, in the broad sense of the word, is characterized by multinationality, tolerance, creative and popular characters, sovereignty and common responsibility for the fate of their homeland and their people. Based on the study of the dynamics of the development of patriotic feelings in Russia, as well as the features of their modern manifestation, conducted by VTsIOM, the features of patriotic beliefs of the inhabitants of modern Russia were formulated. The data presented in the article can become the basis for the implementation of patriotic education of the modern generation.

Keywords: patriotism, cultural code, national character, mentality, Russia.

В современных условиях развития современного Российского государства и вызовов со стороны международного сообщества вопросы, связанные с развитием чувства патриотизма, становятся чрезвычайно актуальными. Это вызвано целым рядом факторов, среди которых, как вполне органичная потребность личности в стабильности, защите себя и своей семьи, дома, ответственности за судьбу Родины и своего народа, так и детерминанты, связанные с особенностями современной эпохи, в которой активизировалось гибридное воздействие и появилась связанная с ним необходимость противостояния технологиям непрямого воздействия [1]. Патриотизм в описанных условиях может стать универсальным средством, способным не только защитить население от деструктивных форм воздействия, но и повысить эффективность реализуемых государством мер. Вместе с тем, происходящие на сегодняшний день трансформации в сознании [2] заставили задуматься о современных чертах патриотизма, а также идеологических основаниях, способствующих развитию современных чувств у представителей молодого поколения.

В этой связи интерес представляет такое явление, как культурный код. Культурный код представляет собой набор стереотипно сформированных образов и символов, которые выражают и раскрывают смыслы, исторически заложенные в культуре. Расшифровка культурного кода способствует лучшему пониманию культуры, ее традиций, уникальных характеристик, отличающих ее от других, формирует фундамент для культивирования механизмов, обеспечивающих развитие патриотических чувств. Процесс формирования патриотических чувств значительно упрощается, в случае их соответствия культурному коду.

Культурный код раскрывает специфику патриотических чувств, имеющих место на конкретном этапе социокультурного развития общества и государства, формируя прочный фундамент для дальнейшего становления личности. Осознание взаимосвязи патриотизма и культурного кода способно укрепить государство, создать оптимальные условия для его развития. В то время как пренебрежение возможными противоречиями создает угрозу национальной безопасности.

Исторически сложилось, что патриотизм представляет собой иерархическую систему взглядов и внутренних убеждений личности, взаимосвязанную совокупностью правовых, психологических, социальных и иных отношений, связанных

с определённым государством, выражающееся в готовности выполнять определённые действия, лишиться части материальных благ, идти на самопожертвование, отстаивать политические, экономические, социальные, культурные, исторические и иные интересы и ценности, при необходимости, обеспечить целостность, сохранность и безопасность государства [3]. Русский патриотизм (в широком смысле слова без привязки к конкретному этносу или нации), обладает рядом черт, сформированных в ходе исторических и культурных процессов.

1) Русскому патриотизму присущи бескорыстность и высокая ответственность за судьбу Отечества и его защиту. История подтверждает, что русский народ, независимо от государственного строя, принадлежности к социальным классам или сословиям, самоотверженно и доблестно отстаивали независимость государства, его единство и целостность. К примеру, в обращении Петра Великого к российскому войску перед Полтавкой битвой (1709 г.) говорилось: «Воины, вот пришёл час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вручённое, за род свой, за отечество… А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего» [4]. Стоит так же отметить, что под благосостоянием тогда понимались не материальные ценности, а исключительно всеобщее духовное процветание.

2) Второй специфической чертой по праву является державный характер. Данная особенность сформировалась под воздействием того, что Россия б*о*льшую часть своего существования являлась великой державой, оплотом которой был правитель, черты патриархальности проявляются в потребности идеализации правителя и армии. Именно армия и державный характер предопределили появление национальной гордости за своё Отечество, ответственность за судьбы стран всего мира, как в ближнем, так и в дальнем зарубежье. Историческим примером может стать подвиг Александра Демакова. В 1982 году, исполняя свой интернациональный долг, лейтенант Демаков, чтобы сохранить жизнь личного состава, отдал приказ об отступлении, чтобы не допустить окружения. Отступили все, кроме него. Оставшись один, он вызвал огонь на себя. Сражался до последнего патрона. По рации он успел лишь передать: «Осталась одна граната». Попав в окружение, он взорвал себя, поразив 4 противников. Награждён званием героя Советского Союза посмертно.

3) Ещё одной чертой русского патриотизма является его многонациональный характер. Россия – это полиэтническое и поликонфессиональное государство и для многих народов является Родиной. Невзирая на национальную, этническую и религиозную принадлежность, народы России доказали свою преданность государству в ходе Отечественной войны 1812 года, а также в ходе Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. И на сегодняшний день доказывают, принимая участие в специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. Отличным примером может послужить факт того, что такие великие полководцы как Н. Б. Барклай де Толли, И. В. Гурко, И. И. Дибич, Р. Д. Радков-Дмитриев, П. И. Багратион, Н. О. Эссен в своих воспоминаниях утверждали, что самой большой честью для них является принадлежность к русскому офицерству. В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. можно вспомнить оборону Брестской крепости. Более 30 народностей обороняли её рубежи. Нам известны такие герои, как А. Хан-Султан (крымский татарин), О. Ярош (Чех), А. И. Молодчий (украинец) и др. Следует отметить, что, несмотря на все попытки отдельных государств, некогда входящих в состав СССР, препятствовать чествованию Дня Победы, народы продолжают совместно праздновать этот день.

4) Российский патриотизм всегда отличал созидательный характер. Народу России априори чужд созерцательный характер. Созерцательность является мощным фактором в решении практических задач развития нашего общества. Особенно это проявляется при защите Родины. История знает немало примеров, когда русский солдат защищал Отчизну, демонстрирую стойкость, мужество и ратное мастерство. Сопротивление русских в экстремальных ситуациях вырастает многократно, а основа его – патриотизм. Во все времена перед лицом внешней угрозы и внутренних потрясений народы России сплачивались, выступали единым монолитом. В основе этого сплочения всегда был патриотизм и верность лучшим традициям служения Отечеству.

На сегодняшний день чувство патриотизма впитало особенности современной эпохи. Так, ВЦИОМ, регулярно исследующего вопросы любви к Родине, были выделены несколько тенденций в развитии современных патриотических чувств.

Во-первых, следует отметить трансформационные процессы в понимании того, что россияне считают Родиной. Так, у большинства (16 %) опрошенных Родина ассоциируется с семьей, домом, близкими. На втором месте представление о Родине связано с местом рождения, проживания (15 %). С 2022 года патриотами себя считают более половины респондентов [5].

Во-вторых, патриотизм как таковой перешел от понятийных форм к деятельностным. Это свидетельствует о необходимости постоянного подтверждения любви к Родине, избегая голословности. Патриотом, по мнению большинства респондентов, нельзя считать человека, имеющего второе гражданство, чиновника, чьи дети получают образование за границей, мужчину, не проходившего воинскую службу [6].

В-третьих, объяснение того, что такое патриотизм, сместилось в сторону избегания националистических чувств. Снизилось число лиц, связывающих патриотизм с возвышением своего государства или конкретной нации за счет принижения других. Патриотизм стал осознанным и не исключает проведение анализа существующих в России проблем и необходимости их решения [5].

Иными словами, патриотизм перестал носить исключительно идеологический характер и превратился, скорее, в четко выстроенную стратегию для реализации конкретных действий. В таких условиях возрастает необходимость изучения культурного кода, который поможет обеспечить беспрепятственный доступ к сознанию современных российских граждан.

Необходимо понимать, что культурный код – это совокупность определённых черт, которые связаны с внутрен-

ним наполнением культуры. Внешнее косвенное проявление культурный код находит в различных формах, например, видах искусства, блюдах национальной кухни, деталях одежды, языке [7] и др., приобретающих популярность у конкретного народа. Именно потому, что эти черты «закодированы» и не имеют прямого внешнего отражения, они и именуются кодом. Безусловно, культурный код имеет исторический характер формирования и основан на комплексе стереотипов, моделей поведения, образов и элементов менталитета народа [8], развивающихся с учетом условий, в которых происходило формирование культуры.

С позиции этнопсихологии, например, этническим русским свойственны адаптивность к окружающему образу жизни; долготерпение, которое при очень длительном раздражительном воздействии приводит к неконтролируемому срыву; полярность, предполагающая сочетание подвижничества, героизма со слабохарактерностью и покорностью, что особенно ярко проявляется при наличии беспрекословного авторитета; преобладание моральных, нравственных и духовных ценностей над правовыми; преобладание интуитивных способов понимания над всеми формами логического анализа (знаменитое «авось»); предпочтение личным, индивидуальным интересам интересов народных, государственных, общих и иные особенности, позволяющие понять национальный характер [9].

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на внутреннюю природу возникновения, культурный код находит внешнее проявление в культуре, воплощаясь, как на уровне духовной, так и материальной культуры. Многонациональность, терпимость, созидательный и народный характеры, державность и общая ответственность за судьбу своей Родины и своего народа – это неотделимые черты не только патриотизма, но и всего нашего культурного кода и менталитета. В сознании современных граждан произошли существенные трансформации в области представлений о патриотизме. Очевидно, что идеология, на основе которой сформирован патриотизм, должна учитывать культурный код. Таким образом, культурный код лежит в основе менталитета, создавая фундамент для формирования патриотических чувств. Справедлива и обратная закономерность: разгадать и понять культурный код в большей степени подвластно носителям конкретной культурной традиции. Недооценка значимости и взаимозависимости данных атрибутов существования народа и государстве наносит не только ущерб, но и представляют угрозу национальной безопасности [10].

Пристатейный библиографический список

1. Коноплева А. А. Вызовы ментальной безопасности молодежи Республики Крым // Обеспечение ментальной безопасности молодежи в условиях реальных угроз и потенциальных вызовов / Под редакцией Буткевича С. А. – Симферополь: Полипринт, 2021. – С. 40-53.
2. Чудина-Шмидт Н. В. Нарушение механизмов формирования стойких мировоззренческих принципов как условие формирования экстремала // Обеспечение ментальной безопасности молодежи в условиях реальных угроз и потенциальных вызовов. – Симферополь, 2021. – С. 54-61.
3. Патриотизм – источник героизма, боевых и трудовых подвигов народа России – М.: Бослен, 2008. – 304 с.
4. Речь Петра I накануне Полтавской битвы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://histrf.ru/read/articles/riech-pietra-i-nakanunie-poltavskoi-bitvy (дата обращения: 03.09.2023).
5. Патриотизм: мониторинг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring (дата обращения: 03.09.2023).
6. ВЦИОМ рассказал, с чем россияне связывают патриотизм. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20200220/1565007463.html (дата обращения: 03.09.2023).
7. Смирнова М. И. Особенности языковой политики Российской Федерации в Крыму // Развитие государственности и права в Республике Крым. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией С. А. Буткевича. – 2016. – С. 186-190.
8. Обринская Е. К. Ментальная безопасность нации как условие обеспечения национальной безопасности государства // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 287-289.
9. Этнопсихология. Учебное пособие в схемах: учеб. пособие для студентов вузов / [авт.-сост.: В. Л. Цветков, А. В. Соловьёва]. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. – 191 с.
10. Буткевич С. А. Предупреждение угроз ментальной безопасности (конструктивный и праксеологический подходы) // Таврические студии. – 2021. – № 27. – С. 10-17.

СЕМКИНА Евгения Николаевна
кандидат политических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин Невинномысского государственного гуманитарно-технического института

БОГАТЫРЕВА Ольга Васильевна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского

ЗАЙЦЕВ Николай Николаевич
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

КОНОНОВА Светлана Викторовна
кандидат педагогических наук, декан Невинномысского медицинского института

Семкина Е. Н.

Богатырева О. В.

Зайцев Н. Н.

Кононова С. В.

ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУЩНОСТЬ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ, СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

В статье рассматривается сущность и современное состояние уровня патриотизма в России в контексте новейших социально-политических вызовов, угроз и социокультурных трансформаций. Использовался сравнительный анализ подходов и путей формирования патриотизма в ведущих державах: США, Китае и России. Состояние проблем проявления и формирования патриотизма в современном российском социуме возможно осмыслить и выработать пути их решения только через комплексный анализ геополитического, цивилизационного, социокультурного и образовательного пространства. В статье приведен сравнительный анализ подходов и путей формирования патриотизма в ведущих державах: США, Китае и России. Актуализация проблемы патриотического воспитания молодежи обусловлена усложняющимися противоречиями как внутри России, так и на международной арене. Череда политических и социокультурных трансформаций и событий привели, с одной стороны – к росту патриотических настроений в молодежной среде и всплеску проявлений национальной идентичности, с другой стороны – Крымский сценарий с начала 2014 года, демилитаризация и денацификация в 2022 году противоречит и ожиданиям, и настроениям части элит в том виде, в котором они существуют до момента разрешения указанных событий. В настоящее время системе образования отводится одна из главных ролей по формированию и воспитанию патриотически настроенной молодежи, любящей свою страну, уважающей традиционные семейные ценности.

Ключевые слова: российское общество, денацификация, демилитаризация, мировоззрение, национальная идентичность, патриотизм, патриотическое воспитание, образование.

SEMKINA Evgeniya Nikolaevna
Ph.D. in political sciences, associate professor of Legal and humanitarian disciplines sub-faculty of the Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

BOGATYREVA Olga Vasiljevna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of History sub-faculty of the K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management

ZAYTSEV Nikolay Nikolaevich
Ph.D. in pedagogical sciences, senior lecturer of Humanitarian and social sciences sub-faculty of the General of the Army I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

KONONOVA Svetlana Viktorovna
Ph.D. in pedagogical sciences, Dean of the Nevinnomyssk Medical Institute

FEATURES OF PATRIOTISM IN MODERN RUSSIA: ESSENCE, COMPARATIVE ANALYSIS, STATE AND PROBLEMS OF FORMATION

The article examines the essence and current state of the level of patriotism in Russia in the context of the latest socio-political challenges, threats and socio-cultural transformations. A comparative analysis of approaches and ways of forming patriotism in the leading powers: the USA, China and Russia was used. The state of the problems of the manifestation and formation of patriotism in modern Rus-

sian society can be comprehended and ways of solving them can be worked out only through a comprehensive analysis of the geopolitical, civilizational, sociocultural and educational space. The article provides a comparative analysis of the approaches and ways of forming patriotism in the leading powers: the USA, China and Russia. The actualization of the problem of patriotic education of youth is due to the increasingly complex contradictions both within Russia and in the international arena. A series of political and socio-cultural transformations and events led, on the one hand, to an increase in patriotic sentiments among the youth and a surge in manifestations of national identity, on the other hand, the Crimean scenario from the beginning of 2014, demilitarization and denazification in 2022 contradicts both the expectations and moods of the part elites in the form in which they exist until the resolution of these events. At present, the education system is assigned one of the main roles in the formation and education of patriotic youth who love their country and respect traditional family values.

Keywords: Russian society, denazification, demilitarization, worldview, national identity, patriotism, patriotic education, education.

Актуальность исследования проблемы патриотического воспитания молодежи в России не вызывает сомнения. До недавнего времени перед российским обществом стояло два варианта развития событий: мировая интеграция, а вместе с ней глобализация, цифровизация, потеря суверенитета или государственная суверенизация с независимостью и самостоятельностью, детерминированная объективными социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в обществе [3]. При первом варианте РФ однозначно стала бы страной третьего мира, сырьевым придатком, что противоречит государственным интересам. Россия на современном этапе развития социума активно проявляет политико-правовую и социально-экономическую субъектность, демонстрируя всему миру независимость, самостоятельность, суверенитет не только во внутриполитической повестке, но и во внешней политике [4], [5]. Об этом свидетельствуют не только принятие новой Конституции, с новыми принципами, ограничивающими приоритет международного права над законами РФ, но и противостояние коллективному Западу в экономической сфере, участие в противостоянии исламскому терроризму в Сирии, борьбе с фашизмом, который в полной мере проявился в деятельности украинской власти и, финансируемых ею нацистских организациях, защите русскоязычного населения на территории юга-востока Украины. Ввиду вышесказанного возникла необходимость актуализации идеологии и практики патриотического воспитания граждан как основы сильного, гуманного, антифашистского, антитеррористического общества и государства.

Уровень и количество патриотически настроенных и воспитанных граждан является важным показателем жизнеспособности российского общества, его способности преодолевать политические кризисы и готовность противостоять внешнеполитическим и военным рискам и угрозам, которые на протяжении последних лет все чаще звучат со стороны стран Запад и бывших советских республик. Патриотическое воспитание на протяжении многих лет декларировалось представителями органов власти различного уровня, проводились всевозможные научно-практические конференции, организовывались молодежные форумы, слеты [12]. Однако параллельно другая часть политического истеблишмента, не скрывая, демонстрировала свои симпатии всему западному, неолиберальному, трансгуманистическому, популяризируя и внедряя в российский социум расчеловечивающие образцы поведения, а также технологии, трансформирующие личность, низводящие его на уровень животной психики, культивируя космополитизм, поклонение ценностям комфорта, денег, свободе в самом вульгарном смысле этого слова. Например, вместо высокодуховного понятия «любовь» внедрялись сексуальные ценности ЛГБТ-сообщества через массовую культуру, образование, лидеров общественного мнения. Осуществлялись попытки внедрить в систему воспитания унифицированный подход, общий стандарт, который формирует в девочках маскулинность, а в мужчинах феминность. Война против российской молодежи велась гуманитарными технологиями, через систему образования, культуры, религии, социальные сети. Образ воина-защитника, мужчины, обеспечивающего безопасность своей семьи, города, государства постепенно вымарывался и обесценивался. В результате Россия столкнулась с тем, что вынуждена в авральном режиме реагировать на вызовы со стороны фашистских организаций в странах бывшего СССР – Украины, стран Прибалтики и др. Вопрос выживания российской цивилизации в условиях культурной оккупации, так называемой «мягкой силы», которую добровольно допустили неолиберальные представители политической и светской элиты РФ стоит очень остро. Позволить раствориться в западных ценностях и закончить культурную оккупацию – это равносильно самоликвидации еще до начала сражения. Вопрос гражданско-патриотического воспитания, согласно Стратегии национальной безопасности РФ, является важным элементов в процессе обеспечения национальной безопасности России [1]. Немаловажная роль в формировании патриотизма отводится системе воспитания и образования, а конкретно – образовательным организациям и педагогическому составу, которые обязаны опираться в своей воспитательной и педагогической деятельности на традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности и образцы социально-одобряемого поведения. Важно понимать, что патриотизм, как важнейшее духовно-психологическое качество, генетически не обусловлено, а формируется в рамках национального самосознания и гражданской идентичности, и системы социальных норм [7]. Педагогам отводится одна из важнейших ролей в реализации концепции патриотического воспитания в нашей стране. В этом ключе возникает еще одна проблема – подготовка патриотически подготовленных педагогических кадров, которые станут флагманами патриотизации будущей России [3]. Исходя из вышеизложенного, становится весьма актуальным вопрос возрождения практики формирования патриотизма будущих педагогов в образовательном пространстве вуза. Однако данный процесс интегрируется в дихотомичное противоречие, которое заключается, в инерционно функционирующей отечественной системе высшей школы, с одной стороны, и, в перманентных стремительных социальных трансформациях – с другой стороны. Существующие объективные и субъективные противоречия создают проблемы для формирования патриотизма и профессиональных ориентиров будущих педагогов.

В словаре С. И. Ожегова дается следующее определение патриотизму: «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу», а патриот – «человек, проникнутый патриотизмом, человек, преданный интересам какого-нибудь дела, глубокопривязанный к чему-нибудь» [10]. Новый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой определяет патриотизм как «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу», патриот – это «тот, кто любит свое отечество, предан своему народу, готов на жертвы и подвиги во имя интересов своей Родины» [9]. Таким образом, мы будем трактовать термин «патриотизм» как любовь и преданность своей Родине, историческому прошлому своего народа, а «патриот» – это гражданин своей страны, готовый и способный на жертвы

и подвиги во имя интересов своей Родины. Исследованием проблемы патриотического воспитания молодежи занимались многие отечественные ученые, среди которых – Н. А. Добролюбов [8], В. Г. Белинский [6], В. Г. Чернышевский [13]. Резюмируя анализ работ отечественных мыслителей по вопросам патриотизма, следует отметить, что несмотря на разность подходов к данному феномену, все сходятся в констатации того, что роль и ценность патриотизма усиливается в сложные, кризисные периоды существования социума и в периоды политических и социально-экономических потрясений, войн.

Анализ международного и отечественного опыта патриотического воспитания студенческой молодёжи помогает осмыслить феномен патриотизма и сформировать гражданскую идентичность в современном российском обществе. В каждой стране определяются свои индивидуальные подходы, соответствующие уровню развития государства и общества в целом. Рассмотрим опыт США. Политолог С. Хантингтон американский патриотизм интерпретирует в приверженности идеалам – «американским кредо», исповедуемых американским государством. «Американское кредо» – мыслительная конструкция, которая строится на таких ценностях, как свобода, власть закона, индивидуализм, прогресс и культурный плюрализм [11, с. 16-25.]. Сами американцы определяют суть своего патриотизма как веру в превосходство американских демократических ценностей, и выражают его девизом «Новый мировой порядок». Они подчёркивают, что американский патриотизм смотрит в будущее, тогда как в других странах питается прошлыми достижениями. В Америке отсутствуют государственные программы развития патриотического воспитания, термин «патриотическое воспитание» не используется, однако, традиционным для американской системы образования является практика формирования «морального духа» и политического образования, доктрины и концепцию которого тщательно контролирует государственная власть. В качестве примера можно проиллюстрировать многолетнюю практику произношения ежедневной клятвы верности своему государству, народу, Президенту, исполнение гимна и поднятие американского флага. Важным элементом в этой практике является демонстрация гордости за свою страну в форме приложения руки к сердцу в момент исполнения гимна и поднятия флага. В случае игнорирования обучающимися традиции вставать и прикладывать руку в момент почитания государственных символов, они могут быть подвергнуты групповому психологическому бойкотированию или более серьезным дисциплинарным санкциям, вплоть до исключения из учебного заведения. Американский патриотизм не идентифицируется с любовью и привязанностью к территории. Американский патриотизм базируется на приверженности к общегосударственным американским идеалам, убеждениям и целям. В Америке выстроена педагогическая вертикаль, на всех уровнях образования, формирования патриотизма, в которой на равных участвуют такие субъекты, как педагоги, родители, армия, институты религии, СМИ, общественные организации и др. Главной ценностью, транслируемой для всего мирового сообщества, декларируется демократия и в настоящее время осуществляется реализация проекта «Обучение для демократии». Данный проект реализуется федерацией учителей Сети по повышению преподавательского мастерства, а также Домом Свободы.

Американская установка «каждый может стать тем, кем пожелает» воспитывается у американцев с раннего детства и формирует чувство сопричастности к судьбе страны, желание участвовать в общественных инициативах. В процессе патриотического воспитания в Америке большую роль играет кинематограф и компьютерные игры как разновидности информационных технологий. Следует отметить, что американская киноиндустрия участвует в продвижении американской идеи демократизации и популяризации образа непобедимого «американского борца» за свободы и ценности американцев, которые они считают общечеловеческими и универсальными. В США важную роль в патриотическом воспитании играют традиционные религиозные конфессии, пропагандирующие не столько веру в Бога, сколько веру в американское государство, американское превосходство. Важным аспектом патриотического воспитания в США – государстве, более милитаризированном, чем Россия, является военное воспитание граждан. Эквивалентом понятия «военно-патриотическое» воспитание является – формирование положительной мотивации к воинской службе, популяризация здорового образа жизни, физическая подготовка. Важным институтом поддерживания патриотического настроя среди населения являются организации ветеранов второй Мировой войны, ветераны вооруженных сил, ветераны различных войн, щедро финансируемые государством и бизнесом. Следует отметить, что органы власти, несмотря на политическую ориентацию и политические предпочтения внимательно следят процессом формирования у молодежи не только любви к Америке, но и одобрительного отношения молодого поколения к военной доктрине американского правительства и участия американской армии в различных военных операциях за пределами страны. Американский патриотизм абсолютизирован, доведен до крайних оснований настолько, что его можно сравнить с религиозной верой, что, в свою очередь препятствует объективному пониманию реальной ситуации в мире рядовыми гражданами.

Патриотическое воспитание в Китае реализуется другим образом. Продуманная успешно-реализуемая патриотическая политика компартии КНР является результатом тщательно продуманных политико-экономических реформ последних десятилетий, формирующая патриотизм под лозунгом «Служи народу!». Секрет китайского патриотизма лежит в стремлении китайцев возродить «великую китайскую нацию», восстановить величие страны, утраченное после колонизации в период Первой Опиумной войны в 1842 году. Со второй половины XX века в Китае реализуется концепция «китайской мечты» – «Один пояс – один путь», принятая на съезде Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая в 1987 г. Таким образом, модель патриотизма в Китае является выступает эпифеноменом социалистической советской модели с китайской спецификой. Патриотизм является одной из двенадцати ценностей, наряду со свободой, равенством, богатством и могуществом государства, верховенством закона и др. Именно поэтому патриотическая концепция является приоритетом в воспитании и образовании молодых китайцев, которые выступают патриотами семьи, родного языка, села, города, государства, истории страны, пропаганды всего отечественного и т.д. В данном контексте становится понятной образовательная стратегия Китая, в которой первым принципом является трансляций величия истории Древнего Китая и тех открытий, которые обусловили развитие человеческой истории на пути социально-технического прогресса. Тщательно разработанная патриотическая политико-правовая доктрина, реализуется на всех уровнях вертикали образовательной системы Китая. В школах – учителями, в высших учебных заведениях – профессорско-преподавательским составом, формирующих не только знания истории, традиций и культуры, но и знаменитый «китайский дух». Особая роль отводится комсомольским организациям, политизирующим китайскую молодежь, осуществляющим воспитательный компонент через празднование знаменательных исторических дат и национальных праздников. На высоком уровне представлена деятельность управления нравственного воспитания ГК по образованию КНР, которая разрабатывает методические рекомендации и пособия по церемонии поднятия государственного флага и нравственно-патриотического воспитания введения в образовательные программы и учебные планы таких дисциплин, как «Фольклорная культура» и «Культура праздников». Китайское правительство уже несколько лет контролирует Интернет-контент и другие информационные ресурсы с целью

ограничения доступа детей и молодежи к развлекательному контенту западных информационно-развлекательных социальных сетей. В Китае созданы собственные социальные сети, в которых идея патриотизма культивируется и возводится в ранг важнейших ценностей китайских граждан. Например, в социальных сетях Китая запрещены анонимные комментарии, введена цензура на «подозрительные подрывные идеологии», которые могут дискредитировать власть и государство. В качестве альтернативы зарубежному контенту предлагаются такие интернет-порталы, как «Китайское патриотическое воспитание», «Дом патриота».

Следует констатировать, что утраченный уникальный опыт формирования патриотизма в Советском Союзе привел к тому, что, в настоящее время осуществляются попытки не возродить или создать новую систему с учетом положительного отечественного опыта нашего прошлого, а позаимствовать иностранный опыт в сфере патриотического воспитания, который был скопирован с СССР и адаптирован с учетом национальных особенностей, в том числе и в Китаем и США. Например, в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы» были прописаны подходы к формированию патриотизма, позаимствованные в идеологии и практике современного Китая – патриотическое воспитание геймеров посредством игровых технологий [2]. Немаловажная роль в деле формирования патриотизма в Китае отводится СМИ, которые убеждают граждан своей страны в выдающейся роли Китая в мировой истории и в будущем цивилизации.

Анализируя опыт нашего государства, следует отметить, что Российская Федерация, утратив политическую субъектность в 90-х гг. XX столетия, стремительно перенимая культурно-экономический опыт западных стран, разрушая ценности прошлого, копируя социокультурные образцы многих социальных практик, столкнулись с закономерным результатом – утратой традиционного русского патриотического сознания, с одной стороны, с проявлениями цинизма, равнодушия, неуважения и незнания истории отечества, с полным отсутствием патриотизма – с другой. Попытки Запада окончательно стереть российскую идентичность и навсегда изменить культурно-исторический код увенчались не только отстранением большого числа спортсменов от участия в Олимпийских играх, под надуманным предлогом употребления допинга, но и полном запрете для действующих спортсменов и чемпионов выступать под российским флагом и гимном.

Политические события 2014 года, присоединение Крыма, Олимпиада послужили мощным толчком для патриотического подъёма, однако, последовавшие санкции со стороны Запада, провокации со стороны Украины спровоцировали новый двойной конфликт: внешний – с Западом, и внутренний конфликт в элите, ориентированной на Запад, имеющей недвижимость и банковские счета заграницей. С одной стороны, присоединение Крыма, разбудило в россиянах чувство любви и сопричастности к своей великой истории, повысило коллективную самооценку через понимание коллективной силы, через возрождение российской идентичности, понимание коллективной возможности в очень короткие сроки пережить патриотический всплеск. С другой стороны, это явная заявка перед всем миром на политический и социокультурный суверенитет по отношению к существующему миропорядку и попыткам глобализаторов «разнуздать» общество, чтобы потом «взнуздать» – сделать зависимым от комфортной жизни, страстей и наслаждений. Крымский сценарий противоречил и ожиданиям, и настроениям элит в том виде, в котором они существовали до момента этого решения. Начало спецоперации по демилитаризации и денацификации Украины стало продолжением начатого Президентом В. В. Путиным проявления политико-правовой субъектности и суверенитета России в мире. Однако, сначала спецоперации общество разделилось, с новой силой разгорелась вечная полемика: кого считать патриотом, а кого нет. Большинство по-своему трактует понятие «патриотизм». Формированием патриотизма на государственном уровне занимаются такие ведомства, как Росмолодежь, Роспатриотцентр, Минпросвещение, военно-патриотическое движение «Юнармия». В России с 1 сентября 2021 года активно реализуется госпрограмма «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», за которую несут ответственность десятки министерств, ведомств. С 1 сентября 2022 года во всех образовательных учреждениях страны каждый понедельник под звуки гимна РФ осуществляют поднятие российского флага. Напомним, тема воспитания была обозначена Президентом РФ Владимиром Путиным в «Указе о национальных целях развития до 2030 года» [2].

Пристатейный библиографический список

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы» // Министерство просвещения Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/ (дата обращения: 11.10.2022).
2. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2021-2024 гг.: Федеральный проект национального проекта «Образование» // Министерство просвещения Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/ (дата обращения: 11.10.2022).
3. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4. – С. 136-144.
4. Бакланов И. С., Колосова И. В. Динамика правовых ценностей в условиях глобализации и цифровизации // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2021. – № 6. – С. 214-217.
5. Бакланова О. А., Душина Т. В. Социальность как предмет социокультурного анализа // Социодинамика. –2017. – № 6. – С. 52-58.
6. Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959.
7. Бурлова Ю. А., Бакланова О. А. Социальная норма как функциональный механизм социальности // Kant. –2022. – № 4 (45). – С. 112-115.
8. Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. – М.-Л., Гослитиздат, 1961-1964.
9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык. 2000.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. – М., 1999. – 944 с.
11. Примеры национального воспитания: США. Концепция патриотического воспитания в России: историческая память и гражданское самосознание. – М.: Институт национальной стратегии. – 2014. – С. 16-25.
12. Семкина Е. Н., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Мировоззренческая неопределенность молодежи как сущностная характеристика современного общества // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». – 2018. – № 2. – С. 85-88.
13. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах. – М., Гослитиздат, 1939-1953.

СУДАКОВА Наталия Евгеньевна
кандидат педагогических наук, доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ПЛИНЦОВСКИЙ Андрей Сергеевич
аспирант кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Судакова Н. Е.

Плинцовский А. С.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИНКЛЮЗИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

В статье раскрываются особенности развёртывания в своевременной России социокультурных инклюзивных инициатив. Цель работы обусловлена необходимостью выявления специфики реализации инклюзивных социокультурных инициатив, способствующих успешной социализации и творческой самореализации людей с дефицитами в области здоровья. Представлен теоретико-методологический базис исследования расширения пространства инклюзивных практик. Российские социокультурные практики инклюзивной направленности осмыслены средствами философского анализа. В процессе исследования выявлено, что современные стратегии социокультурного развития, реализующие инклюзивные идеи, требуют преодоления формальных моделей оценки их эффективности. Экономическая целесообразность инклюзивных инициатив должна исходить из реальных возможностей каждого индивида, имеющего дефициты в области здоровья. Стратегии социокультурного развития требуют системной оценки их результативности экспертным сообществом и дальнейшей актуализации.

Ключевые слова: инклюзия, инвалидность, люди с дефицитами в области здоровья, Россия, творчество, социокультурные инклюзивные практики.

SUDAKOVA Nataliya Evgenjevna
Ph.D. in pedagogical sciences, Ph.D. in philosophical sciences, professor of UNESCO sub-faculty of the Institute of Public Administration and Management of the RANEPA under the President of the Russian Federation

PLINTSOVSKIY Andrey Sergeevich
postgraduate student of UNESCO sub-faculty of the Institute of Public Administration and Management of the RANEPA under the President of the Russian Federation

SOCIOCULTURAL INCLUSIVE PRACTICES IN MODERN RUSSIA AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article reveals the features of the deployment of socio-cultural inclusive initiatives in timely Russia. The purpose of the work is due to the need to identify the specifics of the implementation of inclusive socio-cultural initiatives that contribute to the successful socialization and creative self-realization of people with health deficits. The theoretical and methodological basis of inclusive practices research is presented. Russian socio-cultural practices of inclusive orientation are comprehended by means of philosophical and anthropological analysis. In the course of the study, it was revealed that modern strategies of socio-cultural development that implement inclusive ideas require overcoming formal models for evaluating their effectiveness. The economic feasibility of inclusive initiatives should be based on the real capabilities of each individual with health deficits. Socio-cultural development strategies require a systematic assessment of their effectiveness by the expert community and further updating.

Keywords: inclusion, disability, people with health deficits, Russia, creativity, sociocultural inclusive practices.

Введение

В стратегиях современного общественного развития особое место отводится преодолению тяжелого положения людей с дефицитами в области здоровья, что выражено в стимулировании сообществ к серьёзным изменениям в сфере преодоления устойчивого стереотипного отношения, заявляющего об их социальной неполноценности в сторону предоставления им равных со здоровыми людьми возможностей для развития, признания их творческого потенциала и обеспечения доступа к социальной инфраструктуре.

Несмотря на наличие ряда документов как наднационального, так и внутринационального значения, во многих странах, в том числе в России, фиксируется недостаток терпимости в отношении людей с дефицитами в области здоровья [21]. Это свидетельствует о необходимости оказывать поддержку инвалидам, как со стороны государства, так и со стороны общества (благотворителей, руководителей бизнес-структур, руководителей специализированных НКО, управляющих благотворительными фондами различного уровня). В данном аспекте приоритетным направлением становится воспитание инклюзивной культуры в социуме, которая способствовала бы как реабилитации инвалидов, в том числе социального характера, так и развитию их творческого потенциала. Реализация данных направлений требует глубокой философской рефлексии.

Стремительный рост числа актуальных творческих практик требует системного анализа рисков и перспектив их применения, что позволит систематизировать действия по расширению пространства инклюзивных практик широкого круга лиц, в том числе руководителей творческих коллективов для лиц с дефицитами в области здоровья; руководителей образовательных учреждений, в которых осуществляется реализация политики инклюзивного образования, в том числе художественного профиля; исследователей проблематики становления инклюзивного сообщества; руководителей НКО, реализующих инклюзивные инициативы; представителей органов власти; бизнес-структур; благотворителей; меценатов и др. В данной связи предметом философской рефлексии выступают отечественные инклюзивные социокультурные практики. Целью данной работы является выявление мировоззренческого базиса расширения пространства инклюзивных социокультурных практик для успешной социализации и творческой самореализации людей с дефицитами в области здоровья.

В современной науке проблема инклюзии, а также аспекты, связанные с этим феноменом, представлены довольно многопланово. Первые научные работы в рамках изучения инклюзивных практик стали появляться в 70-80-е гг. XX века у зарубежных исследователей, среди которых можно выделить Дж. Витцума, К. Даймонда, У. Йонсона, Д. Митчелла, С. Стейси и др. Отметим, что повышенный интерес к проблемам инвалидов, а также к становлению феномена инклюзии стал результатом закрепления общецивилизационных принципов: принципа равенства всех людей, принципа равенства образовательных возможностей, выраженного в политике инклюзивного образования и др.

В России пристальный интерес к вопросам инклюзии начинается на рубеже XX и XXI веков. К настоящему времени проблема инклюзии раскрыта довольно подробно. Глубоко погружались в различные аспекты данного феномена С. В. Алёхина, Д. З. Ахметова, Д. Е. Макеев, Н. Н. Малофееа, Е. В. Самсонова, Н. Е. Судакова, А. Ю. Шеманов, Е. Л. Яковлева и др. Их работы способствуют росту интереса к инклюзивному творчеству, представленному разнообразными социокультурными проектами, который, в свою очередь, нуждается в системном философском обосновании ценностно-смысловых оснований данной деятельности.

Теоретико-методологический базис исследования продвижения инклюзивных социокультурных проектов

В последнее время фиксируется стремительный рост количества творческих коллективов и мероприятий, предназначенных для людей с ограниченными возможностями здоровья. Отметим, что за последнее десятилетие идея социокультурной интеграции людей с дефицитами в области здоровья претерпела серьёзные изменения и в нашей стране, начиная с её понимания как одного из малоизвестных социокультурных явлений, пришедших из западных стран, и, закрепившись в сознании людей, как направление работы с инвалидами с целью их интеграции в общество. Данные инициативы были поддержаны на государственном уровне.

Пристальное внимание со стороны органов власти к проблеме социокультурной инклюзии людей с дефицитами в области здоровья связано с несколькими факторами. Прежде всего следует отметить, что число инвалидов в нашей стране составляет около 7,5%, но это официальные цифры инвалидности, которые не включают людей, имеющих те или иные ограничения, но не имеющих официального статуса инвалида. Статистика 2023 г. фиксирует около 11 миллионов инвалидов, проживающих в нашей стране. В данный момент в Российской Федерации насчитывается также довольно большой процент детей с ограниченными возможностями здоровья, среди которых не менее 1/3 детей-инвалидов. На январь 2023 г. в России проживает более 722 тыс. детей с инвалидностью. Если проследить динамику детской инвалидности по официальным данным Росстата, то её рост за последнее десятилетие очевиден: 2013г. – 568 тыс. чел., 2014 – 580 тыс. чел., 2015г. – 605 тыс. чел., 2016 г. – 617 тыс. чел., 2017 г. – 636 тыс. чел., 2018г. – 651 тыс. чел., 2019г. – 671 тыс. чел., 2020г. – 689 тыс. чел., 2021 г. – 704 тыс. чел., 2022г – 729 тыс. чел.

Таким образом, можно заключить, что доля людей, имеющих те или иные ограничения в области здоровья возрастает, а, следовательно, данная социальная группа с каждым годом требует к себе более внимательного отношения со стороны органов власти, общественных организаций, бизнеса, а также исследователей. Социокультурная инклюзия как один из способов социальной реабилитации инвалидов, является эффективным средством их поддержки, которое предполагает активное участие инвалидов в различных проектах. В России, равно как и в других странах, растёт число творческих коллективов для людей с дефицитами в области здоровья, реализуется большое количество инклюзивных инициатив.

Активное продвижение инклюзивных проектов ставит новые задачи перед сообществом. Помимо изучения практического опыта реализации проектов возрастает необходимость их фундаментального обоснования, осмысления ценностно-смысловых ориентаций, способствующих появлению эффективных нормативно-правовых инструментов защиты и поддержки инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Современные тенденции активного прироста инклюзивных практик требуют применения философской методологии, что отражается в расширения философского дискурса посредством стремительного развития нового исследовательского направления - философии инклюзии [16].

Актуальными проблемами расширения пространства инклюзивных социокультурных практик в Российской Федерации можно назвать необходимость развития в стране инклюзивной культуры (важнейший вопрос аксиологического характера); задачу выработки теоретического базиса; неготовность социума к системной поддержке людей с теми или иными дефицитами здоровья, а также вытекающую из этого частично сохраняющуюся сегрегированность указанной группы лиц, что побуждает к выработке системных шагов по их преодолению с подключением актуальной философской методологии.

Необходимо проанализировать появившийся в последние годы научно-исследовательский интерес к теме инклюзии, направленный на осмысление её различных аспектов. Прежде всего стоит выделить культурфилософский аспект возникновения и развития идеи инклюзии. В работах Е. Л. Яковлевой мы наблюдаем исследование инклюзии с позиции культурологического анализа; аспекты социальной философии, связанной с инклюзией, можно увидеть в работах В. Н. Ярской-Смирновой. В трудах А. Ю. Шеманова исследуются вопросы, связанные с проблемой идентификации Другого, различными аспектами инклюзивного творчества, что имеет особое значение в ракурсе осмысления данной идеи. Разнообразные исследования проводятся и в рамках изучения вопроса инклюзивного образования. Особого внимания заслуживают работы С. В. Алёхиной, Д. З. Ахметовой, Д. Е. Макеева, Н. Н. Малофеева, Е. В. Самсонова и др. В исследова-

тельском дискурсе актуализируется значимость инклюзивного образования для России, где фиксируется острый характер потребности в социальной интеграции детей с дефицитами в области здоровья [8]. Выходят на первый план проблемы ценности человека, имеющего те или иные ограничения, для общества, реализации его творческого потенциала [13, с. 23].

Рассматривая инклюзию с позиции развития инициатив в сфере культуры, стоит обратить внимание на проблематику художественного образования. В центре исследовательского внимания находятся сущностные основания инклюзивного подхода к образованию в области искусства, где индивид и его личностное развитие выступает первопричиной самого образовательного процесса: «Инклюзия рассматривает индивидуальность ребёнка, как единственную, ни с чем несравнимую ценность самого образования» [15, с. 136], а музыкальное творчество трактуется как идеальный способ формирования инклюзивной культуры. Решается задача представить педагогическому сообществу не только концептуальную составляющую инклюзивного образования в области искусства, но и инновационную модель включения детей с разными образовательными потребностями в социокультурное взаимодействие посредством инклюзивного музыкального образования, основанного на индивидуально ориентированном подходе к обучению каждого ребёнка и методе «непрерывного целеполагания» [15, с. 149]. Применение системной методологии позволяет современному исследователю осмыслить инклюзию как уникальный феномен, бытующий в современной культуре, обозначить её значение для сообщества в рамках философско-антропологического дискурса [14].

Впервые акцентируется внимание на способности инклюзии выступать в роли универсалии современной культуры [10]. Концептуализация инклюзии как универсалии современной культуры позволяет раскрыть потенциал данного явления не только для России, но и для её партнёров [22].

Таким образом, идея инклюзии и вытекающие из нее исследовательские вопросы широко представлены в отечественной научной мысли, что подтверждается представленными выше источниками. Большинство работ по проблемам инклюзии ценны прежде всего своим смысловым наполнением, которое вносит значительный вклад как в развитие идеи инклюзии, так и в целом в понимание морально-нравственных паттернов современного человека, способствуя распространению инклюзивной культуры.

Российские социокультурные практики инклюзивной направленности в перспективе философского анализа

XXI век возвестил смену парадигм в понимании аксиологической значимости человека, что стало основанием для качественных изменений в отношении к людям с дефицитами в области здоровья.

В данном ключе особая роль отводится ЮНЕСКО. Данная организация возвестила важность аксиологических установок, которые способствуют выживанию человечества: «справедливое отношение к человеку … транслируется на весь мир ЮНЕСКО в первую очередь как возможность каждого человека быть членом сообщества, присваивать и творить ценности общечеловеческой культуры» [14, с. 257]. Организация выявляет факторы, которые препятствуют реализации равных прав всех людей. Данный подход впервые указывает на обесценивание Другого в различных аспектах и помогает изменить его статус на более оптимистичный [18]. Изменения подобного рода не могут быть вне поля зрения современной философии, вынуждая к глубокой и системной рефлексии.

В наши дни, когда феномен инклюзии уже достаточно объемно представлен в сфере образования в связи с необходимостью социальной интеграции детей, наблюдается разворот к достаточно широкому философскому осмыслению данной проблемы [8], [14]. Философская рефлексия феномена инклюзии представляет проблему с позиции обесценивания человека в разных сферах бытия, которая и формирует собой весь контур инклюзивных проблем современности [19], вскрывая сущность «инклюзии как универсалии современной культуры» [10, с. 32]. Творческие практики инклюзивной направленности требуют особого внимания современного исследователя.

Международное социокультурное пространство представлено сегодня множеством мероприятий, обращенных к лицам с дефицитами в области здоровья в рамках их социального включения и раскрытия потенциала к творческой деятельности. Сообщества развивают инклюзивные социокультурные практики с середины 1980-х гг., а в 2022 г. их широта и многозначность становятся неоспоримыми. Можно констатировать, что «репрезентация ценностно-смысловых трансформаций в отношении Другого наиболее заметна благодаря росту фестивальных проектов инклюзивного характера, что позволяет сделать вывод о значимости творческих инициатив для формирования духовно-нравственного контура современной цивилизации» [17, с. 448].

Наличие широкого круга социокультурных практик для лиц с дефицитами в области здоровья (даже при условии их узконаправленности) дает основания говорить о становлении инклюзивного мышления, так как эти практики открывают путь каждому Другому к творчеству, что способствует инкультурации и социализации личности. В рамках актуальных мероприятий для лиц с инвалидностью данный подход может быть представлен как масштабирование идей и основных смыслов инклюзии в социуме, в котором дефициты в области здоровья не могут служить преградой для социальной и творческой активности.

В современном социокультурном пространстве присутствует многообразие различных творческих инициатив для лиц с разными заболеваниями (например, РАС, проблемами со зрением и др.), но также выделяются и те практики, которые непосредственно направлены на всех людей, имеющих инвалидность. Получили масштабное распространение фестивальные проекты, способствующие созданию инклюзивных площадок любой направленности. Театральное, музыкальное, танцевальное и киноискусство, спортивные мероприятия становятся доступны людям с дефицитами в области здоровья благодаря активизации гражданского самосознания и развитию проектного мышления. Этот факт является свидетельством становления масштабного инклюзивного социокультурного движения, что фиксируется и в нашей стране. Данные инициативы имеют своё воплощение как в крупных культурных центрах – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и др. [9], так и в малых города нашей страны [7]. Их инициаторами становятся как некоммерческие организации, так и подведомственные учреждения культуры и искусства. Библиотеки, музеи, театры, концертные организации, цирковые объединения открывают свои двери как сотрудникам, так и посетителям с инвалидностью. Свидетельством системных изменений в отношении к данной проблеме на уровне государственной власти стала

инициатива Министерства Культуры России «Создание инклюзивных творческих лабораторий» на базе Российской государственной специализированной академии искусств. Уже в 2022 г. их число достигло 90. Пространственная широта проекта впечатляет. Более 85 регионов приняли участие в реализации данной инициативы. Число участников с дефицитами в области здоровья превысило 23 тыс. человек. Портал Культура.рф, предоставляющий полную информацию о проекте, даёт возможность понять, какие проекты помогают людям с инвалидностью стать активной частью культурной жизни нашей страны.

Концептуальный подход к данному проекту определяет необходимость решения сразу нескольких системных задач. В центре внимания оказываются проблемы выявления потребностей инвалидов в сфере социокультурной инклюзии, потенциала данной группы к творческой деятельности; поиска эффективных методик и практик социокультурной интеграции; расширения пространства взаимодействия экспертов, гражданского общества, государственных органов и людей с дефицитами здоровья по вопросам распространения практик социокультурной инклюзии; тиражирования успешного опыта, создания базы данных эффективных методик в сфере социокультурной инклюзии. Системным результатом проекта определено включение людей с дефицитами в области здоровья в активную творческую жизнь в качестве производителей и потребителей социокультурного продукта, что должно поспособствовать актуализации их жизненной позиции.

Но данный подход, несмотря на масштабность и системность его реализации, актуализирует ряд проблем. М. А. Беляева обращает наше внимание, что повышение доступности учреждений культуры, которое регламентируется сегодня приказами Министерства культуры РФ, тем не менее не решает проблему активного участия инвалидов в жизни общества [1]. Вопросы активизации их социального начала, способности нести ответственность за свою жизнь повисают в воздухе, поскольку продуктивное социальное творчество и участие в социокультурных проектах не являются синонимами. Субъектность инклюзии является основополагающей проблемой современного философского дискурса. С. Л. Рубинштейн ставит вопрос о субъектности человека с позиции практической и теоретической деятельности, акцентируя внимание на том, что «изменяя мир, человек изменяет и себя» [6, с. 63]. Возможно ли изменение мира и себя, когда речь идёт о людях с серьёзными дефицитами? Данный вопрос до сих пор вызывает острые дискуссии.

В. А. Петровский идёт дальше. Рассуждая на тему субъектности, он выдвигает на первый план способность личности к целеполаганию, актуализации саморазвития, осознанию ответственности за свой выбор и пониманию необходимости наличия Другого, стимулирующего изменения [4]. Данные качества не всегда в полной мере характеризуют и здоровых людей, что ставит под сомнение применимость их в отношении оценки активности человека с инвалидностью как субъекта изменений.

Ещё один значимый дискурс связан с оценкой субъектности как «способности к рефлексии, направленной на себя, - ключа к превращению человека в субъекта» [2, с. 12]. Рефлексивные практики требуют серьёзного системного подхода для их реализации, что опять же вызывает вопросы, когда речь заходит о людях, имеющих системные нарушения, в первую очередь ментального характера. Таким образом, очевидно, что объектом инклюзивных изменений люди с дефицитами в области здоровья становятся практически сразу, но стать субъектом этих трансформаций гораздо сложнее.

Всё вышеизложенное побуждает к системной рефлексии изменений отношения к проблеме не только общества в целом, но и в первую очередь самих инвалидов. Требуют актуализации и заявленные результаты таких крупных проектов как «Инклюзивные творческие лаборатории», поскольку активность людей с дефицитами в области здоровья в сфере творческой деятельности в ракурсе потребления и производства культурного продукта постепенно выносится в приоритет государственной политики. Не стоит пренебрегать и вполне уместными замечаниями практиков инклюзивных изменений, что пассивность людей с дефицитами в области здоровья является продолжением их патопсихологических проблем, а возможность в полной мере участвовать в жизни общества требует индивидуальной оценки [20].

Эксперты выделяют различные преграды, мешающие людям с инвалидностью полноценно участвовать в жизни общества. Так Н. Т. Попова и А. Ю. Шеманов включают в этот список стереотипные представления, бытующие в обществе в отношении данной категории людей; ценностные основания, присущие современной культуре; а также самих людей, живущих в современном мире, в том числе инвалидов [5, с. 217]. Соглашаясь с данной точкой зрения, стоит согласиться и с тем, что именно индивидуальный подход способствует решению данной задачи в каждом конкретном случае на том уровне, на котором находится индивид, поскольку формальный подход лишь усугубляет проблему. Каждый человек уникален, и по способу освоения культурного пространства, и по способу творческого самовыражения. Именно аутентичность общения и погружения в творческий процесс способствует социальной интеграции людей, имеющих те или иные ограничения. Этот ценностно-смысловой базис необходимо включить в стратегии государственной политики в области инклюзивного социокультурного проектирования, поскольку именно такой системный подход позволит не только решить существующие, но и предвосхитить будущие проблемы.

Полноты этому выводу добавляет понимание творческой деятельности как способности к активной «инаковости» [3]. Именно погружение в инаковость открывает нам мир Другого, делает его понятным. В этой оптике раскрываются истинные смыслы инклюзивного творчества, где способность приобщиться к миру Другого вынуждает к саморазвитию, обогащая и расширяя представление о возможностях человека, имеющего те или иные дефициты.

Заключение

Размышления над ценностно-смысловыми основаниями социокультурных инклюзивных практик возвращают нас к пониманию, что каждый человек – «есть сама цель, абсолютная ценность, где воплощенная жизнь есть высшее благо – дар Вселенной для реализации самого себя» [13, с. 23]. Количество инклюзивных инициатив, свидетельствующих о становлении инклюзивной культуры в российском обществе, их масштаб и характер тем не менее не освобождают нас от своевременной оценки их содержания и ценностных оснований, влияющих на жизнедеятельность всего общества. Каждый творческий акт должен приближать нас не только к пониманию Другого, но и к познанию самого себя, иметь индивидуальную направленность, отвечать потребностям и возможностям конкретного индивида. Современные стратегии социокультурного развития инклюзивного характера долж-

ны исходить не только из экономической целесообразности инклюзивных инициатив, из объективной необходимости сделать каждого человека с дефицитами в области здоровья полноценным субъектом экономического развития, но в первую очередь из реальных возможностей самого индивида. Требует системной оценки экспертным сообществом стратегия реализации социокультурных проектов инклюзивного характера ведомственными организациями, поскольку речь идёт о государственной политике, направленной на улучшение качества жизни всех граждан нашей страны. Необходимо преодолеть формальные подходы в оценке эффективности продвижения данных мероприятий, чтобы запустить механизм синергии действий, способствующий как развитию конкретной личности, повышению качества её жизни, так и развитию общества в целом, поскольку взаимообусловленность этих процессов очевидна. Исходя из этих оснований и стоит продвигать инклюзивные социокультурные практики как ресурс развития сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Беляева М. А. Социокультурная реабилитация инвалидов: от политики интеграции к инклюзии // Мир науки. Социология, филология, культурология. - 2019. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sfk-mn.ru/PDF/02KLSK219.pdf (дата обращения: 23.05.2023).
2. Васягина Н. Н. Человек как субъект социокультурного пространства // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 4. – С.7-14.
3. Золотухина-Аболина Е. В. Философские проблемы творчества: попытка обзора // Гуманитарий Юга России. − 2023. − Т. 12. – № 1 (59). − С. 75-87. DOI10.18522/2227-8656.2023.1.6EDNFUHXKK.
4. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности: учебное пособие для студентов вузов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
5. Попова Н. Т., Шеманов А. Ю. Телесность человека, воспроизводство его целостности, театр и инвалидность // Человек как открытая целостность / Институт философии Российской академии наук. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Академиздат», 2022. – С. 213-236. – DOI 10.24412/cl-36976-2022-1-213-236. – EDN YPTKTC.
6. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. - М.: Педагогика, 1973. – 424с.
7. Социокультурные проекты в малых городах России. Дайджест. Инклюзион. Москва, 2021 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://inclusioncenter.ru/wp-content/uploads/2021/06/daydzhest-sotsiokulturnyh-inklyuzivnyh-proektov-malyh-gorodov-rossii.pdf (дата обращения: 24.05.2023)
8. Судакова Н. Е. Инклюзивное образование в России как путь социальной интеграции детей с особыми образовательными потребностями // ФӘн-наука. – 2011. – № 2 (2). – С. 32-34. – EDN PAMVPV.
9. Судакова Н. Е., Плинцовский А. С. Инклюзивное фестивальное движение в современной России в ракурсе проблемы инвалидности: в поле зрения философского анализа // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 3 (83). – С. 18-22. – DOI 10.24158/fik.2021.3.2. – EDN IXVKSW.
10. Судакова Н. Е. Инклюзия в системе универсалий культуры: самоценность другого в становлении соучастного бытия // Человек. Общество. Инклюзия. – 2018. – № 3 (35). – С. 32-38. – EDN YWXTDV.
11. Судакова Н. Е. Культура инклюзии как новый концепт гуманистической парадигмы // Казанская наука. – 2011. – № 9. – С. 148 –150.
12. Судакова Н. Е. Пути преодоления глобального социокультурного кризиса: инклюзивное музыкальное образование // Человеческий капитал. – 2011. – № 11 (35). – С. 180-182.
13. Судакова Н. Е., Сапельников Д. С., Попова М. В. Творчество в контексте культурфилософского осмысления и педагогического моделирования мировоззрения личности. – Москва: КТ «Буки-Веди», 2016. – 184 с. – ISBN 978-5-9903240-3-9. – EDN YTELJR.
14. Судакова Н. Е. Феномен инклюзии в пространстве современной культуры: дис. ... докт. филос. наук. - Москва, 2019. – 440 с.
15. Судакова Н. Е. Феноменология социально-культурного взаимодействия в инклюзивном музыкальном образовании // Современные технологии музыкального образования детей и юношества в г. Москве: Научно-методическое пособие / Н. Е. Судакова и др. – Москва: Российский государственный социальный университет, 2011. – 144 с. – С. 80-110. – ISBN 978-5-9903240-1-5. – EDN VOQKUG.
16. Судакова Н. Е. Философия инклюзии: пути в принимающее общество // Музыка в информационном пространстве культуры третьего тысячелетия: проблемы, мнения, перспективы: Сборник научных трудов. - Выпуск VII. – Москва: Российский государственный социальный университет, 2012. – С. 160-164. – EDN XFNZZU.
17. Судакова Н. Е., Плинцовский А. С. Философская рефлексия инклюзивного фестивального движения в контексте инвалидности (на примере опыта США и стран ЕС) // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (153). – С. 444-448. – DOI 10.46320/2073-4506-2021-2-153-444-448. – EDN HAIBCS @@ Судакова Н. Е. Философская рефлексия инклюзии как феномена современной культуры: навстречу Другому // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-1 (73). – С. 152-154. – EDN WNDZKV.
18. Судакова Н. Е. Философская рефлексия инклюзии как феномена современной культуры: навстречу Другому // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-1 (73). – С. 152-154. – EDN WNDZKV.
19. Судакова Н. Е. Человек в эпоху инклюзии: рождение соучастного Бытия: монография. – М.: Буки Веди, 2018. – 216 с.
20. Ярошенко Н. Н. Инклюзивные креативные практики в развивающем пространстве российской культуры // Вестник МГУКИ. – 2022. – № 5 (109). – С. 133-141.
21. Sudakova N. E., Astafyeva O. N. Discourse of inclusion in the complexity era: In the BRICS space // Space and Culture, India. – 2020. – Vol. 7. No. 5. – P. 80-89. – DOI 10.20896/SACI.V7I5.694. – EDN PRSCGZ.
22. Sudakova N. E., Astafyeva O. N. Inclusion as a modern cultural universal: Reflection and conceptualization // Journal of Social Studies Education Research. – 2019. – Vol. 10. No. 3. – P. 212-235. – EDN UEVJNO.

СТЕПАНЕНКО Алексей Сергеевич
доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук, директор Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

НЕЙРОННАЯ СЕТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КАТЕГОРИЯ ДУАЛИЗМА В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Концепция нейронных сетей и искусственного интеллекта как категории дуализма в философии сознания, несмотря на продолжающиеся дебаты о природе сознания и потенциальном сознании искусственного интеллекта, при этом не имеют широкого распространения в исследовательской практике, что обуславливает актуальность исследования. Объект исследования – сознание как сложносоставной феномен человеческой активности, предмет исследования – компьютерные системы, имитирующие или повторяющие в своей активности человеческое сознание. Цель исследования - используя систематическую структуру, рассмотреть истоки дуализма, его фундаментальные принципы, различные формы дуализма и его последствия для нашего понимания сознания человека и машины. В этом исследовании даётся как критическая оценка дуализма, так и понимание его значения в области философии сознания как совокупности двух категорий нейронных сетей и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: эмерджентность, коннекционизм, сознание, мышление, сложная система, машинное обучение.

STEPANENKO Alexey Sergeevich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of Humanities and socio-economic sciences sub-faculty, Director of the East-Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

NEURAL NETWORK AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A CATEGORY OF DUALISM IN THE PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS

The concept of neural networks and artificial intelligence as a category of dualism in the philosophy of consciousness, despite the ongoing debate about the nature of consciousness and the potential consciousness of artificial intelligence, are not widely used in research practice, which determines the relevance of the study. The object of research is consciousness as a complex phenomenon of human activity, the subject of research is computer systems that imitate or repeat human consciousness in their activity. The purpose of the study is to use a systematic structure to consider the origins of dualism, its fundamental principles, various forms of dualism and its consequences for our understanding of human and machine consciousness. This study provides a critical assessment of dualism and an understanding of its significance in the field of philosophy of consciousness as a combination of two categories of neural networks and artificial intelligence.

Keywords: emergence, connectionism, consciousness, thinking, complex system, machine learning.

Дуализм в контексте философии сознания постулирует идею того, что сознание отличается от физической материи, подчеркивая разделение между разумом и телом, что свидетельствует о том, что существует два фундаментальных типа существования: ментальное и физическое. С другой стороны, нейронные сети — это программные вычислительные модели, созданные аналогично структуре и функциям человеческого мозга, которые состоят из взаимосвязанных узлов, или искусственных нейронов, которые обрабатывают и передают информацию. Нейронные сети обладают способностью извлекать уроки из данных предыдущего опыта (сбора информации) и корректировать свои внутренние параметры, что позволяет им выполнять различные задачи, такие как распознавание образов, прогнозирование и принятие решений. Концепция сознания была предметом интенсивных философских дебатов на протяжении всей истории человечества и представляет собой один из основных философских подходов к объяснению природы сознания, в котором утверждается, что разум и тело - это две различные сущности, причем сознание существует отдельно от физической материи. Рене Декарт широко известен как основоположник дуализма субстанций, он предположил, что разум и тело состоят из разных субстанций - разум не имеет физического воплощения, а тело воплощено в объективной действительности физически: «*Основная черта философского мировоззрения Декарта - дуализм души и тела — «мыслящей-длящейся» и «протяженной-телесной» субстанций*» [1, с. 113]. В свою очередь искусственный интеллект (ИИ), представляет сбой обширную область машинной активности, которая фокусируется на функционировании машин или систем, которые могут демонстрировать разумное поведение. Технологии искусственного интеллекта охватывают целый ряд подходов, включая машинное обучение, обработку естественного языка и робототехнику, данные системы нацелены на воспроизведение или имитацию когнитивных способностей человека, таких как рассуждение, решение повседневных проблем и принятие решений. То есть возможен дуализм нейронной сети, как программного средства и ИИ, как разума, так как нейронные сети являются важным компонентом искусственного интеллекта и их взаимосвязь является областью научных исследований, которая вызывает философские и научные дебаты о наличии сознания вне нейронных сетей как программного средства. В настоящее время существуют две полярных точки зрения: 1. продвинутые системы искусственного интеллекта могут обладать сознанием или подобными сознанию качествами; 2. сознание — это уникальный аспект человеческого бытия, который не может быть воспроизведен машинами. Наличие полярных точек зрения исходит из того, что дуализм свойств признает тот факт, что сознание является продуктом физического мозга, но в то же время утверждает, что оно обладает

эмерджентными свойствами, которые нельзя свести к чисто физическим явлениям. Эта форма дуализма предполагает, что сознание возникает из специфического расположения физической материи [2]. Существуют две концепции, косвенно подтверждающие дуализм нейронный сетей и искусственного интеллекта, это концепция эмерджентности и концепция коннекционизма. Концепция эмерджентности объясняет появление сознания у искусственного интеллекта тем, что сознание может возникнуть как новое свойство сложной системы, включая искусственные нейронные сети. Эмерджентность означает, что свойства или характеристики системы могут возникать на более высоком уровне организации, которые не могут быть объяснены только через ее составляющие элементы [3]. Согласно данной концепции, искусственные нейронные сети, которые имитируют структуру и функции мозга, могут достичь достаточной сложности и информационной обработки, чтобы породить сознание, обусловленное искусственным интеллектом, то есть при достижении определенного уровня сложности и взаимодействия между искусственными нейронами, возможно возникновение субъективного сознания. Но, следует отметить, что концепция эмерджентности, объясняющая появление сознания у искусственного интеллекта вызывает множество вопросов и дискуссий в научном мире, так как определение того, что является сознанием и как его можно измерить или как определить, до сих пор остается сложной задачей и кроме того, остаётся неясным, какие именно свойства или процессы должны происходить в искусственной системе, чтобы она могла обладать сознанием подобным человеческому.

Коннекционизм подчеркивает использование искусственных нейронных сетей в качестве фундаментального основания искусственного интеллекта, нейронные сети состоят из взаимосвязанных узлов (нейронов), которые обрабатывают информацию и обучаются путем корректировки весовых коэффициентов соединений на основе шаблонов ввода/вывода [4]. Коннекционистские модели используют принцип распределенного представления, при котором информация распределяется по нескольким узлам сети, в таком подходе становится возможным осуществлять параллельную обработку и интеграцию различных функций, что приводит к созданию надежных и гибких когнитивных моделей, что обеспечило эффективное обучение машины путем итеративной настройки весов соединений на основе сигналов ошибок, что привело к повышению производительности искусственных нейронных сетей в различных прикладных задачах. Коннекционизм сыграл значительную роль в развитии глубокого обучения, фактически сформировав современное функционирование искусственного интеллекта, которое фокусируется на обучении глубоких нейронных сетей с несколькими слоями. Глубокое обучение продемонстрировало крайнюю эффективность в таких областях, как распознавание изображений и речи, понимание естественного языка и обучение с подкреплением и возможность поддержания диалога с живым человеком. Коннекционизм стимулировал развитие машинного обучения, ключевого компонента искусственного интеллекта, предоставляя основу для обучения нейронных сетей на огромных объемах данных, при этом алгоритмы машинного обучения, основанные на принципах коннекционизма, привели к прорывам в задачах распознавания образов, прогнозирования и принятия решений, что определило дискуссию о наличии сознания у ИИ. Фактически коннекционистские модели внесли свой вклад в понимание ИИ, как аналога человеческого сознания, моделируя когнитивные процессы с использованием нейронных сетей. Эти модели использовались для объяснения таких явлений, как память, внимание и овладение языком, проливая свет на механизмы, лежащие в основе человеческого интеллекта, что в очередной раз объективирует факт дуализма нейронных сетей и искусственного интеллекта по аналогии дуализма разума и тела.

Заключение

Дуализм представляет собой философский подход к сознанию, который предполагает разделение между разумом и телом, при том, что дуализм имеет историческое значение в понимании сознания, как философской категории и дал представление о природе сознания, тем не менее он сталкивается со значительной критикой, особенно в отношении проблемы взаимодействия разума и тела и пробелов в объяснении ключевых признаков осознанности. Эмерджентность и коннекционизм сыграл фундаментальную роль в развитии искусственного интеллекта. Применяя модели нейронных сетей и охватывая распределенное представление, коннекционизм оказал значительное влияние на машинное обучение, исследования нейронных сетей и когнитивное моделирование, эмердженость в свою очередь объясняет сложность и появление разума у машины, если таковое случится. Таким образом, хотя дуализм — это философская концепция, связанная с разделением разума и тела, классификация нейронных сетей и искусственного интеллекта в рамках этой концепции не является устоявшейся. Изучение сознания, искусственного интеллекта и их потенциальных связей являются активными областями исследований, объединяющими различные дисциплины для изучения и понимания природы сознания и возможностей передовых систем искусственного интеллекта, необходимы дальнейшие исследования и философские изыскания, чтобы углубить наше понимание сознания и разработать более всеобъемлющие теории, объединяющие как субъективный опыт, так и физические процессы объективной действительности.

Пристатейный библиографический список

1. Князев В. Н. Декартовский дуализм и психофизический параллелизм // Пятые Декартовские чтения «Декартовский дуализм и современная картина мира»: Материалы международной научно-практической конференции, Москва - Зеленоград, 15-16 ноября 2018 года / Под общ. ред. А. И. Пирогова, Т. В. Растимешиной. Том 1. - Москва - Зеленоград: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2018. – С. 111-117. – EDN YRFPOH.
2. Самсонов А. Л. Формула современного дуализма // Экология и жизнь. – 2006. – № 3. – С. 3-10. – EDN MHXBBP.
3. Майнцер К. Исследуя сложность: от искусственной жизни и искусственного интеллекта к киберфизическим системам // Философия науки и техники. – 2015. – Т. 20. № 2. – С. 85-105. – EDN VCVPHN.
4. Крюков В. И. Коннекционизм и доминанта // Дискуссия о нейрокомпьютерах: Информационный материал / Академия наук СССР, Научный центр биологических исследований, Научно-исследовательский вычислительный центр. – Пущино: Научный центр биологических исследований АН СССР, 1988. – С. 18-24. – EDN QARXPY.

УЛАНОВ Алексей Александрович
кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета

ШАРИПОВА Виоланта Венеровна
магистрант кафедры цифровые технологии в разработке и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Горно-нефтяного факультета Уфимского государственного нефтяного технического университета

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются роль коммуникативного пространства в жизни общества. Проведен анализ структуры и особенностей коммуникативного пространства.
Ключевые слова: коммуникация, коммуникативное пространство, знаки, символы, взаимодействие.

ULANOV Alexey Alexandrovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Institute of Petroleum and Gas Business of the Ufa State Petroleum Technological University

SHARIPOVA Violanta Venerovna
magister student of Digital technologies in petroleum and gas field development and operation sub-faculty of the Faculty of Mining and Petroleum Engineering of the Ufa State Petroleum Technological University

THE ROLE OF COMMUNICATION SPACE IN SOCIETY

The article examines the role of communicative space in society. An analysis of the structure and features of the communicative space was carried out.
Keywords: communication, communication space, signs, symbols, interaction.

Деятельность, как феномен, относящийся к обществу в целом, протекает в коммуникативном пространстве. Это развернутая подсистема общественного бытия со специфической структурой и смысловой комбинацией символов.

Существует несколько направлений к пониманию коммуникативного пространства. Первое направление представляет людей в виде субстанциональной основы коммуникативного поля. Само коммуникативное пространство понимается как надындивидуальная реальность, характеризующаяся структурированными определенным образом социальными отношениями [1, с. 214], [2, с. 60].

Представители второго направления акцентируют внимание на динамической стороне, оформляющейся в качестве постоянно существующего потока социальных событий, в котором все люди активно участвуют [3, с. 26].

Тем самым, ученые схожи во мнении, что коммуникативное пространство помогает обществу функционировать как единому целому. Данный процесс актуализируется на нескольких уровнях: бытовом и социокультурном.

Содержанием коммуникативного пространства выступают знаки, символы, значения, знания о знаниях и процесс социального взаимодействия, которое может осуществляться только в границах данных значений и интерпретаций.

Коммуникация актуализируется не только в процессе передачи информации, но и в процессе формирования наших представлений о мире. Она помогает нам строить образы других людей и групп, а также определяет наши отношения с ними. Способствует формированию нашей самоидентичности и самосознания. Стимулирует нашу мыслительную активность, развивает наши навыки анализа и критического мышления. Она также способствует развитию нашей эмоциональной и социальной интеллектуальности.

Тем самым, в системе общественного взаимодействия коммуникация – это не просто средство хранения и передачи накопленного человеческого опыта, а среда, которая непрерывно вооружает и обогащает этим опытом субъекта. Это способствует возникновению устойчивых форм социальной интеракции и цементирующих их средств коммуникации, которые делают адекватным взаимодействие между людьми.

Коммуникативное пространство динамично и контрастно и по содержанию, и по средствам взаимодействия. Оно удерживает людей в рамках определенной культурной общности и через социализацию навязывает им определенную ценностно-нормативную базу и язык.

Значит, для того чтобы качественно ориентироваться в коммуникативное поле, требуется овладеть символическим пространством. Неспособность или нежелание следовать установленным правилам приводит субъектов к социальному, а иногда и физическому, исключению, формированию определенных статусно-ролевых границ, которые позволяют идентифицировать «своих» от «чужих».

Следовательно, структура коммуникативного пространства включает в себя следующие основные элементы:

– ценностно-нормативные комплексы;

– опыт практического взаимодействия;

– маркеры, имеющие отношение к реализации социального «Я»;

– легитимные формы существования определенной модели общества.

В итоге коммуникативное пространство оформляется как область, внутри которой располагаются связи, определяющие системные качества социума (связи между статусом, ролью, образом жизни и ценностями, нормами, ожиданиями, идеями и т.п., а также связи, возникающие в результате взаимодействия). Предметы и явления, в том числе и чело-

век, упорядочиваются в ней согласно ее законам функционирования.

Оно (пространство) проявляется как совокупность символических атрибутов субъекта социального действия. Символическая компонента, с одной стороны, играет роль накопителя, аккумулируя весь опыт субъектной деятельности. С другой, как форма общественного взаимодействия, инициирует механизм реализации закономерностей развития социальности, определяющих это взаимодействие на разных уровнях общества. Тем самым коммуникативное пространство определяет местоположение объектов в своих границах и специфику интеракции между ними.

Кроме того, если рассматривать коммуникативное пространство через систему долженствования, то оно реализует следующие функции:

– организует функционирование социума;

– обозначает принципы развития социокультурного пространства общества;

– является фундаментом институциональной организации социума (статуса позиций, ролевого поведения и отношений, возникающих в результате взаимодействия индивидов);

– определяет аттрактивность развития общества;

– способствует эффективной социализации индивидов.

Являясь формой символического отражения общественного бытия, оно оформляется как характеристика процесс восприятия и оценивания действительности, представляя для индивида такую же реальность, какой является пространство действительных, физических объектов [4, с. 37].

При помощи символов стороны социальной жизни наделяются маркерами различной степени значимости (ценность, необходимость, иерархический уровень, образ потребления, монополия на какой-либо товар или услугу и т.д.). Они (символы) организуются в символический порядок (конкретная система символических значений, одобренная большинством членов существующего сообщества и принимаемая в качестве универсального критерия истинности, который обеспечивает его легитимность), необходимый для поддержания целостности социума и координации поведения отдельных индивидов или их объединений в рамках сложившейся целостности. Такое положение вещей способствует снижению влияния энтропийных процессов, приводящих к социальному хаосу.

Существенные характеристики коммуникативного пространства как символического порядка определяют следующие моменты:

– оно реализуется в виде системы стандартного социального поведения, применяемого как трафарет в различных жизненных ситуациях;

– объединяет весь накопленный опыт практического взаимодействия людей в различных сферах деятельности (обобщая и выстраивая его в иерархическом порядке);

– содержит в себе специальную «базу антивирусных программ», которая следит за правильностью интерпретации существующего символического порядка. Это объясняется тем, что знаково-символическая система используется для обширной совокупности ситуаций жизнедеятельности, как отдельного индивида, так и других представителей социума, вследствие чего, возникают различного рода комбинации взаимодействия между ними, поэтому для успешного и безотказного функционирования общества необходимо, чтобы смысл данной системы сохранялся постоянным для как можно большей совокупности взаимодействий [5, с. 454]. А все сбои в системе должны быстро ликвидироваться «за счет «наказаний» со стороны внешнего мира…» [6, с. 34];

– способствует развитию определенной системы ожиданий как ответной реакции на действия «иного» (предмет, явление, человек).

Налицо дихотомия функционирования коммуникативного пространства. С одной стороны, оно отражает процессы общественного бытия, а с другой стороны, отражает «логику» их преломления в человеческом сознании, в ходе которого и образуется общественный порядок.

Таким образом, можно утверждать, что, *во-первых*, коммуникативное пространство – это не только общественные отношения, но и совокупность символических отношений между субъектом и окружающей его действительности. Оно организует жизнедеятельность социальных агентов и формирует структуру общества. В результате последнее существует как продукт появления, функционирования и развития определенного единого, универсального символического пространства, объединяющего в себе объективные и субъективные стороны взаимодействия человека и природы.

Во-вторых, символическое пространство определяет процесс социального взаимодействия в обществе, а его изменения характеризуются отражением процессов, происходящих на уровне общественного бытия. Тем самым, оно характеризует направленность развития общества, подчиняя ему весь ход деятельности индивидов. Гигантский поток информации, поступающий к субъекту из внешнего и внутреннего мира, в процессе символического преобразования превращается из внутренней активности во внешнюю, тем самым, обусловливая поведения индивидов.

В-третьих, коммуникативное пространство представляет для индивида такую же реальность, какой является пространство реальных физических объектов. При помощи символов стороны социальной жизни наделяются маркерами различной степени значимости, образуя символический порядок, необходимый для поддержания целостности социума и координации поведения отдельных индивидов или их объединений в рамках сложившейся целостности. Такое положение вещей способствует снижению влияния энтропийных процессов, приводящих к социальному хаосу.

Таким образом, общественное бытие предстает как процесс катализирует развитие одной из главной компоненты социума – символического пространства, в котором посредством субъекта определенным образом упорядочиваются различные феномены материальной и духовной культуры общества.

В целом, понимание коммуникативного пространства как развернутой подсистемы общественного бытия с учетом его структуры и смысловой комбинации символов позволяет лучше понять взаимодействие людей и его влияние на жизнедеятельность в обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К. Энгельс Ф. - Т. 46. - Ч. 1. - С. 214.
2. Бурдье П. Социология политики. – М., 1993. - С. 60.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996. - С. 26.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1996. - С. 50.
5. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. – М., 1994. - С. 454.
6. Лангер С. Философия в новом ключе. – М., 2000. - С. 34.

ФАРХИТДИНОВА Ольга Михайловна
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург

Фархитдинова О. М.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОВЫХ ВИДОВ ПРОБЛЕМ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

С появлением интереса к несубъектным видам взаимодействия в типологиях гуманитарного знания XXI века, таких как «человек – машина», «человек – виртуальное», была актуализирована новая версия понятия «гуманитарная экспертиза». Философские основания произошедших изменений внутри спектра гуманитарных наук в новых типах отношений таковы, что посредством этих видов взаимодействия себя обнаружили принципиально иные пути поиска ответа на философскую проблему бытия и существования в условиях экзистенциального риска. Изменения онтологического статуса сущности формируемых отношений произошли в таких ранее приватных для человека областях как вера и религия. Обнаруженные уровни несубъектных видов взаимодействия меняют представления о принципах организации онтологических категорий, применяемых для описания и объяснения присутствия человека в мире. Осмыслению в таких условиях подлежат сложные типы связей, технологии в их самостоятельном познавательном значении, то есть все то, что создает новые версии онтологических проектов присутствия человека в мире. В результате таких процессов существенно меняется представление о назначении человека, пересмотру подвергаются онтологические основания, «рубежи» смыслов эпохи и связанные с этим способы познания и осуществления бытия.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, религиоведческая экспертиза, онтология взаимности, миграция понятий и понятийных структур.

FARKHITDINOVA Olga Mikhaylovna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Ontology and theory of cognition sub-faculty of the Ural Humanitarian Institute of the Ural Federal University, Yekaterinburg

PHILOSOPHICAL GROUNDS FOR DETERMINING NEW TYPES OF PROBLEMS DURING RELIGIOUS STUDIES EXPERTISE

With the emergence of interest in non-subjective types of interaction in the typologies of humanitarian knowledge of the XXI century, such as « human – machine», « human – virtual», a new version of the concept of «humanitarian expertise» was updated. The philosophical foundations of the changes that have taken place within the spectrum of the humanities in new types of relations are such that through these types of interaction, we have discovered fundamentally different ways to find an answer to the philosophical problem of being and existence in conditions of existential risk. Changes in the ontological status of the essence of the formed relationships have occurred in such previously private areas for a person as faith and religion. The discovered levels of non-subjective types of interaction change ideas about the principles of organization of ontological categories used to describe and explain the presence of a person in the world. In such conditions, complex types of connections, technologies in their independent cognitive meaning are subject to comprehension, that is, everything that creates new versions of ontological projects of human presence in the world. As a result of such processes, the idea of the purpose of a person changes significantly, the ontological foundations, the «frontiers» of the meanings of the epoch and the associated ways of cognition and realization of being are being revised.

Keywords: humanitarian expertise, religious studies expertise, ontology of reciprocity, migration of concepts and conceptual structures.

Концепция гуманитарной экспертизы временем своего появления обязана была периоду пересмотра роли и статуса философских моделей о положении человека в мире. Институциональное оформление этого процесса в виде формализации суммы идей и определения механизмов экспертизы, а также системы экспертных оценок произошло в XX веке, хотя начало было положено значительно ранее. Возникшая иерархия социально-значимых и транслируемых смыслов экспертного мнения в начале XXI в. существенно повлияла на конфигурацию спектра значений экспертиз, следствием чего стали изменения в гуманитарном знании рубежа XXI века, в целом.

Одно из важных мест в этом списке занимает религиоведческая экспертиза. Как разновидность гуманитарной религиоведческая экспертиза вновь актуализируется в начале XXI века по двум причинам: 1) появление несубъектных видов взаимодействия, в результате освоения которых формируется дискурсивное поле риторики, понятий и смыслов, влияющее на способы познания и осуществления бытия, понимание положения человека в этом мире, как следствие привело к признанию антропологического статуса как базового критерия возникающих свойств и отношений; 2) это, в свою очередь, выявило спектр смежных вопросов о цифровом статусе онтологических категорий, определяющих в том числе условия реализации представлений о вере и убеждениях человека. Таким образом, качественно, на стыке межпредметных связей появляются новые виды экспертиз, в которых возможности современных технологий рассматриваются и

как объекты, и как составляющие нового вида экспертиз – цифровые следы.

Современный экскурс в историю возникновения интереса к новому типу гуманитарного знания может быть представлен следующим образом. На рубеже столетий были подвергнуты переосмыслению основания и границы онтологической самодостаточности, что оказало влияние на возможности применения инструментария, в том числе, гносеологических концепций. Онтологические категории стали привлекаться для описания смысловых пространств с такими качествами как: дробное, фрактальное, ландшафтное представление о человеке и особенностях его деятельности. Одним из первых следствий можно было бы считать возникновение де(не)центрированной онтологии становления (Пикеринг [6]), с заявленной в ней генеральной темой: поисками способов репрезентации ускользающего от познания мира. Регионы философий и связанное с этим осмысление современного мира стали задаваться таким образом, чтобы факт, так называемого, регионализма не был утрачен. В качестве эффекта происходящих изменений следует рассматривать появление новояза, то есть языка для описания онтологической самодостаточности. В этой связи становится объясним феномен миграции и заимствования понятий из одних наук в другие. Все это было связано не только с необходимостью репрезентаций, но и с потребностью именовать не типичное, новое, не имеющее устоявшейся практики нарративной репрезентации.

Такими событиями отмечен процесс зарождения гуманитарной экспертизы не только как идеи (Юдин, Луков [11]), но и как «социальной технологии опережающего реагирования на негативные последствия внедрения социальных и технологических инноваций» (Юдин [10], Тищенко [7]). На фоне утраты человеком его места в мире, тиражирования «заимствованных» отношений, заявления новых регионов, ролей и ценностей, возникает иное понимание моральной ответственности перед таким миром. Появляются иные виды и проявления чувств, эмоций, веры и убеждений, которые приобретая массовый характер влияют на производство оценки действий.

Так, в частности, в фокусе внимания гуманитарной экспертизы появились нравственные измерения феноменов, ранее рассматриваемых в условиях и качествах личного выбора человека. Вера и доверие стали восприниматься как два самостоятельных и во многом не детерминированных друг другом свойства современной онтологии, в целом и антропологии, в частности. Важным представляется присутствие веры в системе отношений «человек-машина», или веры в технологии – как версии ретрансляции эстетического чувства надежды. Об особенностях поведения человека в цифровой и электронной средах и сетевых коммуникациях, принципиально меняющих характер поведения морального субъекта (Беляева [2]) начинают писать с позиции этики ответственности как системообразующей категории.

Не меньший интерес представляет встроенное в это отношение субъективное переживание страха. Феномен страха технологий и ответственности как защитного свойства привели к появлению комплексного понятия «этика предвидения и ответственности» (Йонас [4]). В результате это способствовало формированию нового измерения, а именно: измерения ресурсов и обстоятельств проектирования будущего. По природе своей связано оно связано с двумя тенденциями: с увеличением степени интеграции эсхатологических идей и концепций в мировоззрение эпохи (1); с зарождением и трансляцией «культуры риска» как модели поведения и принятия результатов деятельности и событий (например, идея «уступки» травме и боли как социально-одобряемое поведение), появлением «этики профессий» (2) в связи с пересмотром типов несубъектных отношений, инициатором которых выступает человек.

Таким образом, мировоззренчески и культурно обусловленные ландшафты онтологий лишь частично отражают сложность того процесса, который меняет представление о проблемах гуманитарного знания. Появляется группа проблем, которые призваны фиксировать значения, возникающие на стыке межпредметных связей, миграцию понятийных структур из одной науки в другую, и как результат этого процесса – появление категорий фиксирующих изменения на границах отношений между понятиями.

К числу первой из проблем относится череда заимствований понятий между науками. Наиболее активно это проявилось на примере географических наук. Интерес представляют понятия, в значении которых фиксируется характеристика качеств территории: ландшафт (ментальный ландшафт), регионы (регионы философского знания). Или появление смежных (возникающих на границах значений) понятий, которые связаны с межеванием ранее рафинированных друг от друга областей производства знания, например, «гражданская наука». В этом смысле общественное понимание науки в виде понятия «гражданская наука», связано с интеграцией науки и публичного дискурса, где множественность получает позитивную коннотацию и социальное содержание гражданского предназначения науки. Достойное объяснение этому феномену дается в подходах, основанных на анализе дискурсов. Но, не все существенные свойства этого явления могут быть зафиксированы с такой оптикой. Имеет смысл заявить, что заимствование понятий подвержено в большей степени политическому и культурологическому влиянию. Именно в таком спектре видны значения и смыслы эпох на уровне применяемой терминологии.

Во-вторых, появление и потребность в разновидностях экспертиз гуманитарного характера связана с проблемами, решение которых стало требовать участия многих специалистов, сопряжения общественного дискурса и экспертного мнения. Например, наиболее остро эти проблемы проявляются на стыке философской и биоэтической проблематик. Одна из главных причин этого - освоение технологий (информационных, нанотехнологий, биотехнологий) когнитивной науки, которые заставляют пересмотреть концепцию человека, в целом. Именно в конце XX века – нач. XXI в., с момента инновационного развития биомедицинских технологий этот вид экспертиз, да и сама теоретическая рамка такого рода деятельности, стали очень востребованными. Этические проблемы современных технологий, и, как следствие, новые области знаниевых сред, в которых формируются принципы и методы изучения явлений в их новых ракурсах, пронизывают жизнь современного человека, оказывая влияние на понимание природы человека.

В-третьих, проблемы, которые теоретически перестраивают оптику научного видения современного этапа развития науки. В этой связи следует обратить внимание на изменение

содержания понятия «технология». Спектр значений в нем актуализированных и преобразований на основе концептуализации его содержания поможет ответить на вопрос: каким образом пересмотр перспективы антропологической проблематики в наше время позволит создать новое представление о месте человека в мире?

В истории философии обсуждение вопроса о сущности технологии имеет длинную продуктивную дискуссию и ретроспективно может быть представлено так: начало формирования дискуссии положено отсылкой к этимологии слова, восходящей к древнегреческому значению о том, что в технологии как термине обнаруживает себя попытка ухватить практическое значение искусств до современного хайдеггеровского понимания корневого технэ как «вида раскрытия потаенности», технологии как попытке «схватить» в эффекте тиражирования потаенность, освоить сакральное «место присутствия потаенности».

Обратим внимание на то, что вопрос о значении современного понимания технологии (например, тренинговой, социальной, культурной) как совокупности процессов, направленных на изменение социальной среды, является философским по двум причинам: такая постановка вопроса связана с необходимостью говорить о роли в этом процессе человека (1) и о тех ценностях, которые вкладываются в деятельность при получении заведомо проектируемого результата (2).

По этой причине очень неожиданно начинает смотреться концепт «технологии группового тренинга», понимаемый как совокупность инструментария, методов генерализующих процессы изменения внешнего окружения на основе нескольких видов способностей. Часть значений нацелено на определение технологии посредством деятельностного подхода, в них значительное внимание оказывается последовательности и результатам деятельности человека по изменению социальной среды. Другая часть относится к следствиям применения позитивистского подхода, в котором заявляется тесная связь науки с практической деятельностью с целью оказания влияния на окружающее социальное пространство.

Назначение групповых видов тренингов менялось на протяжении истории нашей страны. Связано это было с двумя факторами: 1) статусом психологической работы как вида деятельности в обществе определенного периода с личностью и группой; 2) целями, которые ставились перед коллективом. Развитие новых технологий приводит к возникновению событий, явлений, обладающих новыми сочетаниями свойств.

Итак, современная гуманитарная экспертиза в целом, представляет собой адекватный механизм выработки системы оценки рисков связанных с развитием технологий [3, с. 166]. Инструментарий гуманитарной экспертизы, на сегодняшний день, еще не унифицирован, в некоторых случаях он формируется. Но именно, гуманитарная экспертиза требуется для разрешения большого спектра названных проблем, которые касаются человека, понимания и репрезентации его внутреннего мира, заявленного как представления о вере и убеждениях, транслируемых способах действий и моделей поведения. В области гуманитарной экспертизы год от года появляется все больше исследований. Для понимания и оценки этого процесса требуется философское обоснование: человек мыслится как моральный субъект действия в сложных системах культурного творчества и социального взаимодействия [5]. Поэтому выработка дискуссионной для признания версии междисциплинарного осмысления этого явления является необходимым условием дальнейшего становления качественной экспертизы. В работах таких авторов как: Н. Н. Авдеев, И. И. Ашмарин, Г. Скирбекк, Г. Л. Смолян, Г. Н. Солнцева, Г. Б. Степанова, П. Д. Тищенко, Г. Л. Тульчинский, Б. Г. Юдин и др., – определен спектр новых проблем.

Религиоведческая экспертиза чаще всего определяется как один из видов гуманитарной. Оформление такого самостоятельного направления как религиоведческая экспертиза до настоящего времени претерпевает определенные сложности. Сами эти сложности связаны с тем, что происходит стремительное переосмысление правовых норм и стандартов, ранее имевших вполне определенные критерии. В то же время экспертиза в современной России как один из видов деятельности становится очень востребованной со стороны гражданского общества. Связано это с развитием нового этапа философского и социального знания, необходимого для построения проектов безопасного будущего.

Среди наиболее авторитетных специалистов в области религиоведческого знания, которые привлекаются для проведения религиоведческих экспертиз, следовательно имеющих статус экспертов в этой области назовем таких ученых-исследователей, как: Р. Н. Лункин, Е. С. Элбакян, М. Н. Смирнов, И. В. Загребина, А. В. Пчелинцев и др.

Следует отметить, что религиоведческая экспертиза редко носит самостоятельный характер, чаще всего она назначается в составе комплексной судебной экспертизы. Возникает эта необходимость, например, исходя из нарушений зафиксированных в УК РФ: ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»; ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» и др.

Сделаем вывод, что актуальность изучения вопроса о принципах и методах религиоведческой экспертизы как одного из видов гуманитарной экспертизы связан с возникновением целого ряда случаев, требующих понимания и оценки действия не только на уровне цели, но и природы явлений, в основу происхождения которых заложено религиозное мировоззрение; эволюционных изменений статуса религии в современном обществе, случаев, искажающих трансляцию такого знания (о религии), влияющих на убеждения человека. В самом широком смысле, сегодня актуализировано требование сформировать адекватные стратегии социального действия, так как необходимо квалифицировать случаи, накопившиеся за последние несколько лет, в которых на первом месте вопросы, затрагивающие роль и влияние религии на человека, общество и государство, произведенное посредством групповых процессов.

Итак, гуманитарная экспертиза «в интеллектуальном смысле означает переход к диалогической рефлексии и публичному обсуждению» [3, с. 203] проблем, сопряженных не только с риском, но и с возможностью человека безопасно быть в мире заявленных отношений.

В российском опыте имеются яркие примеры создания методов и практических приемов по формированию положительных сценариев в разнообразных социальных пространствах. Позитивные практики опыта взаимодействия, затрагивающие интересы этнических групп, религиозных

общин, обладают особой спецификой: интересы, которые регулируются, имеют аксиологические основания, укорененные в культуре. Аксиологические основания практик взаимодействия, тем самым, соотносятся с культурой, религией, мировоззрением народа.

Философский анализ итогов применения организационно-деятельностного подхода, с одной стороны; введение в употребление понятий регламентирующих применение технологий в групповой работе, таких как личность, человек, – с другой, необходим, так как показывает существующие практики в свете их теоретического генезиса (например, рассмотрение деятельности и методов обучения в группах Бирштейн, Сыроежина, Щедровицкого [9]), истории их развития (например, появление клубов, деловых игр), способов их применения в организации, исторического значения для культуры и мировоззрения, в целом.

Философские основания группового взаимодействия позволяют иначе взглянуть на природу такого образования как «группа» и возможности, которые в ней возникают. Группа, в статусе межрелигиозного и межэтнического взаимодействия обладает особенностями свойственными как организациям (так как они обладают организационной структурой, целеполаганием деятельности, задачами), так и сообществам (затрагивающим культуру, интересы и ценности различных по истории своего происхождения групп). Именно в группах есть возможность сформировать новые модели поведения, которые будут оказывать влияние на реальные ситуации, способствовать снижению количества противоречий, качественно повышать число участников положительно оценивающих опыт межэтнических отношений в нашей стране[1]. Особенность пространства группы проявляется в том, что в групповом взаимодействии выявляются три важных контекста: личностный, коллективный и групповой. Благодаря такому сопряжению возникает единое поле для аналитической работы (ответа на вопросы: каким образом? насколько эффективно?) и мировоззренчески-просветительской (ответа на вопросы: что ценного было создано в опыте страны и как это возможно преподнести в условиях продуктивного диалога групп с различными интересами?).

В современном российском обществе определилась тенденция выработки новых способов видения и фиксирования проблем, связанных с проявлением веры и убеждений человека. Рассмотренные виды проблем, выявляемые при изменении статуса и приоритетного значения понятий будут оказывать влияние на системы оценки действий в групповых видах взаимодействия. Применение технологий в обществах риска и поиска безопасных моделей поведения требует нормирования способов понимания и оценок их значений для фиксации присутствия человека в несубъектных видах взаимодействия. Опыт нашей страны, как показывает история развития групповых форм взаимодействия, очень перспективно обозначает ресурс таких практик, его следует изучать и развивать.

1 О проблемах, которые существуют в этой сфере и актуальности изучаемого вопроса см.: Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 08.11.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики».

Пристатейный библиографический список

1. Бельчиков Я. М., Бирштейн М. М. Деловые игры. – Рига. Авотс, 1989. – 304 с.
2. Беляева Е. В. «Этика ответственности» как тип теории морали в сравнении с «этикой долга» и «этикой блага» // Ведомости прикладной этики. 2022. – Выпуск 59. – С. 73-92.
3. Гребенщикова Е. Г. Гуманитарная экспертиза в «обществе риска» // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Том XIII. Вып. 2 (№№ 63-64).
4. Йонас Г. Принцип ответственности. – М.: Издательство «Айрис-Пресс», 2004. – 480 с.
5. Ланкин В. Г., Селиванов С. А. Гуманитарная экспертиза как инструмент формирования образа благополучного будущего // Вестник науки Сибири. – 2018. –№ 1 (28). – С. 88-101.
6. Пикеринг Э. Новые онтологии // Логос. – 2017. – Т. 2.7 № 3. – С. 153-172.
7. Тищенко П. Д. Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 3. – С. 198-205.
8. Цифровой след как объект судебной экспертизы: материалы Международной научно- практической конференции. – Москва: РГ-Пресс, 2023. – 272 с.
9. Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Избранные труды. Щедровицкий Г. П. Ред. Сост. А. А. Пископпель, Л. П. Щедровицкий. – М., 1995. – С. 115-142.
10. Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / Колл. моногр.; под общ. ред. Вал. А. Лукова. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. – С. 214-237.
11. Юдин, Б. Г., Луков, Вал. А. Гуманитарная экспертиза. К обоснованию исследовательского проекта. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2006.

БУТЕНКО Анна Константиновна
кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России

Бутенко А. К.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Статья посвящена выявлению и анализу основных проблем изучения исторического сознания, таких как: определение понятия «исторического сознания», времени его зарождения и генезиса, содержанию и структуре исторического сознания, а также месте исторического сознания в системе общественного сознания. Автором проанализированы работы отечественных и зарубежных исследователей на предмет содержания «исторического сознания». Систематизированы подходы авторов к времени зарождения исторического сознания и его структуре. При этом автор аргументирует свою позицию по каждому из проблемных вопросов изучения исторического сознания.

Ключевые слова: историческое сознание, понятие, этапы, генезис, мифология, средневековье, структура, гносеология, общественное сознание, историография, методология.

BUTENKO Anna Konstantinovna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMATIC ISSUES OF THE STUDY OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS

The article is devoted to the identification and analysis of the main problems of the study of historical consciousness, such as: the definition of the concept of «historical consciousness», the time of its origin and genesis, the content and structure of historical consciousness, as well as the place of historical consciousness in the system of public consciousness. The author analyzes the works of domestic and foreign researchers on the subject of the content of «historical consciousness». The authors' approaches to the time of the origin of historical consciousness and its structure are systematized. At the same time, the author argues his position on each of the problematic issues of the study of historical consciousness.

Keywords: historical consciousness, genesis, concept, stages, mythology, Middle Ages, structure, epistemology, social consciousness, historiography, methodology.

Термин «историческое сознание» встречается в работах отечественных исследователей достаточно давно. Он звучит еще в работах М. В. Ломоносова, А. И. Герцена, Г. Гегеля, Д. Кавелина, С. М. Соловьёва, Н. Г. Чернышевского. Однако, у выше указанных авторов понятие «историческое сознание» носит в большей степени интуитивный характер, отражая восприятие исторических событий индивидом, без анализа содержания данного понятия и используется только для отражения участия индивидов в тех или иных событиях и их роль в истории.

В научной литературе термин «историческое сознание» стали употреблять только с середины 70-х годов XX века, а непосредственно в научный оборот термин «историческое сознание» был введен исследователем Ю. А. Левадой, который в своей работе «Историческое сознание и научный метод» попытался разобраться в том, что представляет собой историческое сознание и пришел к выводу, что оно представляет собой всё многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознаёт своё прошлое [3, с. 193]. При этом автор, совершенно выпускает из внимания обыденный уровень формирования исторического сознания, оставляя за рамками определения исторического сознания представления об историческом процессе большой части индивидов, для которых не свойственно осознание исторического процесса сквозь призму системного, профессионального, научного осознания исторических процессов. Но еще до работы Ю. А. Левады попытка определить «историческое сознание» была предпринята исследователем И. С. Коном, который первым поставил проблему исторического сознания в отечественной философской литературе.

К сожалению, исследователи до сих пор расходятся во мнении относительно того, что же надо понимать под историческим сознанием. Некоторые считают, что историческое сознание – это историческая память, в большей степени коллективная (А. Афанасьев), другие, историческое чувство (близкое к морально-нравственным категориям, таким как патриотизм) (Г. Лукач, И. Берлин), третьи, историческое мышление – рефлексия по поводу исторических событий и их взаимосвязи (И. Вейнберг, Р. Дж. Коллингвуд), четвёртые, историзм (В. Пашуто).

На наш взгляд, на данный момент наиболее полным определением, является определение, данное профессором В. А. Ельчаниновым, который считает, что «историческое сознание охватывает всю совокупность существующих представлений, понятий и теорий, в которых общество, так или иначе отражает своё прошлое бытие» [1, с. 14]. В данном случае неоспоримым фактом является то, что в содержательный объём понятия «историческое сознание» должны быть включены, помимо чисто познавательных форм такие формы сознания, в которых социальный субъект фиксирует и своё отношение к прошлой действительности и каким-то образом оценивает его, и переживает. [5, с. 82]. Это значит, что индивид не только должен воспринимать и отражать исторические события в своем сознании и испытывать по отношению к ним эмоции, но и на основе уже имеющихся у него знаний выстраивать причинно-следственные связи воспринимаемых событий.

Как уже отмечалось выше, некоторые исследователи рассматривают историческое сознание с весьма узких позиций. Например, одни сводят сущность исторического

сознания к осознанию лишь социального времени (В. Яковлев, А. Гуревич, М. Барг), что приводит их к выводу о том, что историческое сознание есть духовное образование чуть ли не позднего средневековья, поскольку, согласно мнению ряда ученых только в средневековье начинает осознаваться линейная развернутость времени, хотя и это мнение можно оспорить.

Приведенные выше расхождения в определении исторического сознания среди исследователей связаны с принятием или критикой определённых методологических положений исторической и философской наук. Например, В. В. Косолапов в работе «Методология и логика исторического исследования» насчитывает более тридцати определений истории [2]. Поэтому, несомненно, что различные подходы в определении истории не могли не сказаться на разнообразии в подходах к определению исторического сознания.

Что касается времени зарождения и генезиса исторического сознания, то эта проблема также, как и проблема содержания и сущности исторического сознания является дискуссионной в современной философской и исторической науке. В целом, можно сделать вывод, что в современной философской литературе по проблеме возникновения и генезиса исторического сознания можно выделить следующие позиции:

1. Историческое сознание зарождается в форме разрозненных элементов в период первобытнообщинного строя (Б. Г. Могильницкий, М. А. Барг, В. А. Ельчанинов, А. А. Самиев, А. И. Панюков, В. К. Егоров, Ю. А. Левада).

2. Историческое сознание начинает формироваться в эпоху античности (А. И. Ракитов, М. А. Кисель, В. Устинцев).

3. Историческое сознание начинает складываться в эпоху позднего средневековья с появлением первых университетов (А. Я. Гуревич).

4. Формирование исторического сознание начинается лишь в XVIII–XX вв. с момента зарождения исторической науки (Ю. М. Шор, В. Пашуто).

Мы придерживаемся первой точки зрения, так как первые представления о прошлом, настоящем и будущем формируются в период первобытнообщинного строя, и берут свое начало из мифологического сознания, в простейшей форме отражающие массовые исторические представления о происхождении мира и человека и дающие возможность прогнозировать возможные развития событий. Нельзя не согласиться с Ю. Либигом, который считает, что «наиболее ранние представления людей об их истории были вплетены в мифологические и религиозные представления о происхождении земли и неба, а так же и самого человека, через действие сверхъестественных сил…историческое сознание формируется на основе устных преданий и не ищет опоры в науке, в систематическом сборе исторической информации» [5, с. 17].

Действительно, мифология – это прежде всего мировосприятие истории – прошлого, настоящего и будущего. Результат осмысления прошлого и возможность прогнозирования событий.

Ещё одной актуальной проблемой в изучении исторического сознании, является выявление места исторического сознания в структуре общественного сознания и их соотношение друг с другом.

В целом, в философской литературе существует две точки зрения на место исторического сознания в системе общественного сознания. Первая, заключается в том, что историческое сознание рассматривается как одна из форм общественного сознания, наряду с нравственным, политическим, правовым, религиозным, эстетическим, философским, научным и другими формами сознания. В основе второй позиции лежит мнение о том, что историческое сознание занимает особое место в структуре общественного сознания, оно как бы пронизывает все формы общественного сознания. Мы придерживаемся второй точки зрения, так как действительно все выше перечисленные формы обладают историческими составляющими, которые позволяют проследить историю их зарождения и развития.

Ещё одной важной методологической составляющей в изучении структуры общественного сознания в целом и исторического в частности, является выработка подходов для изучения этих феноменов. В настоящее время сформировалось два основных подхода: гносеологический и социологический.

Гносеологический подход предполагает анализ связей и отношений сознания, прежде всего с объектом отражения, выяснение того, как совершенствуется общественное сознание, в чём состоит специфика его форм в зависимости от способа отражения. То есть речь идет о способах восприятия исторических событий и явлений – обыденном, для которого свойственно отрывочное, фрагментарное восприятие исторических событий через книги, фильмы, рассказы современников и т.д. и научном, для которого свойственно системное изучение и восприятие исторических событий.

Социологический подход – заключается в анализе общественного сознания, его месте в системе общества и выполняемых им функций.

Структура исторического сознания, анализируемая в гносеологическом аспекте, выступает, прежде всего, в виде двух уровней – обыденного и теоретического (научного).

Социологический же подход даёт возможность выявить место и роль всех форм исторического сознания в жизни общества, связывает их с общественными потребностями, видами деятельности людей и их отношениями.

Многие исследователи пытаются совмещать эти два подхода при изучении общественного сознания. Первым попытался дополнить гносеологический анализ сознания социологическим Э. Дюргейм, так как полагал, что социологический подход приведет к обновлению теории познания. Но, по мнению исследователя В. И. Толстых соединение гносеологического и социологического анализа не приводит к пониманию сущности сознания, так как оба решают вопрос об отношении сознания к материи, но при этом гносеологическая характеристика имеет в виду «содержание отражения как ядра сознания», а социальная раскрывает «общественно – историческую обусловленность возникновения и развития сознания человека» [6, с. 32].

Кроме гносеологических и социологических аспектов в изучении исторического сознания и его структуры исследователи пользуются психологическим, онтологическим аксиологическим и некоторыми другими подходами. Таким образом, несмотря на более 50-летнюю историю научной разработки вопросов о времени зарождения, содержания и структуры исторического сознания единого мнения у исследователей не выработалось.

Пристатейный библиографический список

1. Ельчанинов В. А. Социогенетика и проблемы исторического сознания – Барнаул: Из-во АлтГУ, 2007.
2. Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. – Киев: Вища школа, 1977.
3. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. – С. 186
4. Либиг Ю. «Историческое сознание как предмет философского исследования: Автореф. Дис. … канд. филос. наук. – М.: АОН при ЦК КПСС, 1983.
5. Скепкина А. К. Гносеологические аспекты структурирования исторического сознания: Дис. ... кан. филос. наук. – Барнаул, 2009.
6. Толстых В. И. Наука и нравственность. – М., 1969.

ЗАНДЕЛОВ Владислав Владимирович
соискатель кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического университета

Занделов В. В.

СУЩНОСТЬ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВА В ФИЛОСОФИИ И. А. ИЛЬИНА

В статье исследуются принципы справедливого законодательства в правовой философии Ивана Александровича Ильина. Автор систематизирует различные аспекты воззрений философа на природу справедливого права. Законодательные принципы, изложенные И. А. Ильиным, представляют собой фундамент для формирования правовой системы, которая не будет замкнута в бюрократических рамках, а сможет создать условия для гармоничного развития личности и государства. Отмечается, что русский философ не предлагает готовую «формулу» справедливого права, а намечает направления, в которых обществу следует развиваться для его обретения.

Ключевые слова: право, справедливость, мораль, закон, государство, эволюция, революция, насилие.

ZANDELOV Vladislav Vladimirovich
competitor of Philosophy and social sciences sub-faculty of the Murmansk Arctic University

THE ESSENCE OF LAW EQUITY IN WORKS BY I. A. ILYIN

The article examines the principles of law equity in the framework of philosophy of law presented by Ivan Alexandrovich Ilyin. The author provides a systematic analysis of various aspects of the philosopher's views on the nature of law equity. The legislative framework set forth by I.A. Ilyin represents a legal system that will not be limited to bureaucracy, but will be set to provide the necessary conditions for the successful development of the individual and the state. It is of importance to note that the Russian philosopher does not offer a ready-made "formula" of law equity, but outlines the directions in which society should develop in order to acquire it instead.

Keywords: law, justice, morality, legislation, state, evolution, revolution, violence.

Вопрос о характере и способах установления справедливости в обществе является одним из ключевых в творчестве Ивана Александровича Ильина. В своих философских трудах он формулирует ряд принципов, без реализации которых невозможно существование справедливого общества. Среди этих принципов первоочередным нам видится ненасильственный характер установления и поддержания государственной власти.

В работах И. А. Ильина неоднократно встречаются тезисы о пагубности неизбежно сопряженного с насилием революционного пути государственного развития. Государство, родившееся в ходе революции, согласно мысли философа, не может установить справедливости в обществе, превращая свою социальную политику в насильственное уравнение людей. Революционное правосознание И. А. Ильин характеризует как «больное» [5, с. 352], в качестве итогов любой революции он видит только «страдания и кровь», а сама революция по его оценке «дышит ненавистью и местью» [6, с. 236, 239] и является разрушительной для государственной и политической жизни. Однако это не значит, что любое государство, развивающееся эволюционным путем, будет справедливым.

Эволюция и революция как инструменты преодоления несправедливости качественно отличаются друг от друга: революция опирается на силу, а эволюция – на право. Государство, избегающее революционной ситуации, точно также может быть несправедливым, но для преодоления несправедливости граждане и государственные деятели прибегают к созданию правовых институтов. Приближение государства к идеалу справедливости по И. А. Ильину возможно только в контексте функционирования этих институтов в обществе, обладающим развитым правосознанием. Характерной особенностью учения И. А. Ильина является его отношение к, казалось бы, юридическим категориям в первую очередь как к нравственным.

Важной характеристикой позитивного права для И. А. Ильина является возможность его добровольного принятия. Добровольно принятый закон расширяет степень свободы гражданина, в то время как право, навязанное силой, подавляет ее. Право, поддерживаемое насильственным путем, превращается в самоцель, которая никак не связана с подлинной сущностью права. Справедливый закон создает условия для автономного духовного развития человека.

Добровольно принятое право становится следствием индивидуальной духовной работы, проделываемой гражданином. Без личного переживания права оно так и останется системой норм, привнесенных извне. Таким образом, существование права становится осмысленным только в том случае, когда оно соотносится с нормами морали. Обратная ситуация – существование права как формальной системы норм, слепо регулирующей общественную жизнь – для философа неприемлема. Говоря о таком соотношении, невозможно не отметить значения совести, которая в системе ценностей русского философа является одним из ключевых источников правовых норм.

Нередки ситуации, когда голос совести входит в противоречие с позитивным правом. И. А. Ильин не оставляет эту проблему без внимания и постулирует, что естественное (исходящее из совести) право имеет примат над позитивным. Писаный закон является продолжением нравственных норм, и потому он может быть изменен, если практика правоприменения показывает, что принятая норма не является справедливой. Важно понимать, что русский философ не призывает нарушать законов, которые кажутся несправедливыми. Как было отмечено ранее, для него приемлем только эволюционный ненасильственный путь развития правовой системы. Однако, если гражданин совершил правонарушение исходя из своего стремления к подлинному справедливому правопорядку, то степень его вины существенно уменьшается, если не сводится к нулю [5, с. 222].

Здесь сразу же возникает вопрос о том, как достоверно определить мотивацию правонарушителя. Сам И. А. Ильин не дает однозначного ответа на этот вопрос, так как при описании подобной ситуации он отталкивается от юридически и нравственно совершенного контекста, недостижимого в

нынешних реалиях. Краеугольным камнем всей философии И. А. Ильина является попытка устранить противоречия между индивидуальностью человека и нормами общежития, и некоторые аспекты этой проблемы остаются не до конца раскрытыми. Так, например, проблема расхождения естественного и позитивного права, согласно мысли И. А. Ильина, должна решиться в ходе естественной эволюции права, определенные признаки которой он усмотрел еще в современную ему эпоху.

Устремленность построений русского философа в будущее обусловлена тем обстоятельством, что современные ему люди не развили в себе автономного правового и нравственного самообязывания. Именно с этим связана необходимость позитивного права в жизни общества – пока человек не научится самостоятельно и верно отличать справедливое от несправедливого, в этом ему будет помогать закон. Но здесь И. А. Ильин не выступает с позиций юридического формализма, он утверждает, что подлинное чувство справедливости «нельзя ввести законом» [2, с. 39]. То есть, подлинным источником справедливости по И. А. Ильину является не позитивное право, а естественное. При этом между ними должна сохраняться связь, суть которой сводится к тому, что закон поддерживает мораль, а мораль выступает источником силы для законодательства [3, с. 76-77].

Не до конца освещенной остается проблема персональной ответственности граждан и законотворцев за разработку и применение законодательных норм. Субъект законодательной инициативы должен обладать развитым правосознанием [5, с. 281] и острым чувством справедливости, ведь в противном случае, предложенные им законы отдалят общество от идеала справедливости. Формализм при разработке и применении закона недопустим, так как не будут учтены индивидуальные особенности граждан. Однако Иван Александрович признает нереализуемой правовую систему, которая бы учитывала абсолютно все субъективные факторы.

Большое значение русский философ придает традиционным формам взаимодействия людей, таким как обычаи, которые не фиксируются письменно. Не все обычаи признаются им морально верными и обоснованными, но в процессе формирования нового правосознания, устаревшие и жестокие обычаи должны отсеяться естественным путем. При этом возрастает роль государства, которое через систему образования должно «наставлять» граждан и помогать им учиться отличать справедливое от несправедливого. Оставить граждан на произвол, предоставить их самим себе, значит, совершить серьезную ошибку, так как не все люди одинаково склонны к самостоятельному развитию правосознания [4, с. 451-452].

Творческое правосознание является для И. А. Ильина ключом к пониманию справедливости. При этом он не является сторонником абсолютно свободного «анархистского» понимания правовых норм – свобода трактовки закона должна оставаться обусловленной стремлением к общему благу. Таким образом, непосредственно юридический аспект социальной справедливости является для Ивана Александровича вторичным, что отличает его от некоторых других крупных теоретиков права, например, от С.А. Муромцева, который в этом вопросе отдавал приоритет именно юридической стороне [8, с. 146]. Правосознание по И. А. Ильину не только исходит из духовного опыта человека и диктует ему требования совести, но содержит в себе государственный элемент, так как без государства, согласно мысли философа, народ не сможет в полной мере раскрыть свой духовный потенциал. Кризис, с которым столкнулась Россия в первой четверти XX в., И. А. Ильин связывал именно с развитием извращенного правосознания, внешние проявления которого описывал П. И. Новгородцев [9, с. 32]. Развитие такого правосознания стало следствием уже духовного кризиса российского общества.

Носитель здорового правосознания будет защищать идеал справедливости, даже если он расходится с нормами закона. Важно помнить, что философ допускал борьбу за справедливость только в ненасильственном эволюционном формате. Исключением из данного правила можно считать тезисы, изложенные И. А. Ильиным в работе «О сопротивлении злу силой», однако, данная работа сама по себе имеет яркий контрреволюционный подтекст, и допустимость насилия в борьбе со злом явно не означает его допустимость в процессе общественно-правового переустройства.

Подобные коллизии неизбежны, так как сущность права остается неизменной, а исторические формы реализации права меняются от эпохи к эпохе – И. А. Ильин проводит четкое разграничение между этими понятиями [5, с. 189].

Таким образом, подлинно справедливое право должно быть тесно взаимосвязано с правосознанием, которое не позволит ему замкнуться в неповоротливой системе сугубо юридических норм. Сам И. А. Ильин формулирует этот принцип следующим образом: «Надо сделать так, чтобы дух владел буквою и чтобы буква не заедала дух» [7, с. 230]. Справедливость требует живого созерцания многообразия жизни и учета человеческой индивидуальности [1, с. 235]. Ее невозможно водворить насильно, достичь путем резких изменений – она рождается через мучительно долгую выработку народного правосознания, путем проб и ошибок. В основе правовой философии И. А. Ильина лежат духовно-нравственные ценности, в первую очередь – совесть, свобода и любовь. Опора на такие категории делает невозможной конкретную формулировку социальной справедливости, что, несмотря на некоторую утопичность, выглядит весьма гармонично по отношению к общим философским установкам Ивана Александровича. В его работах зачастую можно встретить вопросы, ответы на которые являются делом будущих поколений.

Подлинно справедливое право должно учитывать человеческую индивидуальность, приводить в баланс интересы личности и государства. Взгляды И. А. Ильина зачастую характеризуемые как этатистские, связаны не только с идеями об укреплении государственности, но и с возможностью гражданина жить в справедливом обществе, раскрывая свои духовные способности и таланты, при сохранении сильного и стабильного государства.

Пристатейный библиографический список

1. Ильин И. А. Наши задачи. В поисках справедливости II / Собрание сочинений: В 10 т. - М.: Русская книга, 1993. - Т. 2. Кн. 1. - 496 с.
2. Ильин И. А. Наши задачи. Изживание социализма / Собрание сочинений: В 10 т. - М.: Русская книга, 1993. - Т. 2. Кн. 1. - 496 с.
3. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве / Собрание сочинений в 10 т. - М.: Русская книга, 1994. - Т. 4. - 624 с.
4. Ильин И. А. О монархии и республике / Собрание сочинений в 10 т. - М.: Русская книга, 1994. - Т. 4. - 624 с.
5. Ильин И. А. О сущности правосознания / Собрание сочинений в 10 т. - М.: Русская книга, 1994. - Т. 4. - 624 с.
6. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний / Собрание сочинений в 10 т. - М.: Русская книга, 1994. - Т. 3. - 592 с.
7. Ильин И. А. Путь духовного обновления / Собрание сочинений в 10 т. - М.: Русская книга, 1993. - Т. 1. - 400 с.
8. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. - СПб.: Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. - 204 с.
9. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. - М.: Пресса, 1991. - 639 с.

КОНСТАНТИНОВ Алексей Юрьевич
аспирант Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева

Константинов А. Ю.

ФЕНОМЕН ЙОГИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ЙОГИ КАК ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ ПОД ВЛИЯНИЕМ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ЭТОСА*

На примере истории йоги, ее историцизма и социальной контекстуальности, автор исследует феномен современной йоги, функционирующий в неолиберальном дискурсе. Йога трактуется с фукольдианской позиции практик «заботы о себе», – особых технологий субъективации. Рассматривается поливалентность представлений о йоге, ее природа как социального конструкта. Через метод исторического и логического показано становление йоги как феномена встроенного в тот или иной временной дискурс. Проблематизируется понимание йоги как аутентичной самотождественной практики. Выделены причины йога-бума на Западе. Особое внимание уделено трансформации традиционного дискурса йоги о самосовершенствовании, улучшении себя в «технологии заботы», характерные для неолиберального дискурса: максимизация стоимости человеческого капитала. Делается вывод о практике йоги как особой формы технологий заботы о себе, которая с момента своего зарождения, поддерживала господствующий дискурс власти, а в своей современной версии может усиливать нормативные процессы субъективации в неолиберальном этосе.

Ключевые слова: йога, дискурс, неолиберализм, история, биополитика, Фуко.

KONSTANTINOV Alexey Yurjevich
postgraduate student of the V. P. Astafjev Krasnoyarsk State Pedagogical University

THE PHENOMENON OF YOGA IN MODERN WORLD – THE EVOLUTION OF YOGA AS DISCURSIVE PRACTICE UNDER THE NEOLIBERAL`S ETOS INFLUENCE**

The article clarifies the concept of «Yoga», which is viewed as a multi-faceted social phenomenon. Yoga is interpreted from perspective of foucauldian methodology and viewed as practice of «taking care of oneself», e.d. some special technology of subjectivation. The author researches the ways of Yoga`s transformation from local national esoteric tradition to global multicultural entity. The polyvalent and social contextually nature of Yoga are analyzed. The concept of Yoga as authentic self-identical entity is problematized. The main causes of Yoga-boon in the West are highlighted. Some special attention are drawn to transformation of Yoga`s traditional self-improvement discourse into technology of «taking care of oneself» pertinent to neoliberal discourse which is maximization of human capital. It is concluded that Yoga from the moment of the outset was creature of fabrication, social construct and in its modern version can reinforce the normative processes of subjectivation in neoliberal ethos.

Keywords: yoga, discourse, neoliberalism, history, biopolitics, Foucault.

Актуальность темы обусловлена тем, что за последние четыре десятилетия на Западе и с начала 90-х в России наблюдается быстрый рост популярности йоги. При этом йога как социальный конструкт, включающий культурно-политический, социально-философский дискурс, становится полем взаимодействия, часто противоборства различных идеологических движений. Цель данной статьи – обозначить важнейшие направления трансформации йоги под влиянием неолиберального дискурса. Объектом исследования выступают наиболее известные постуральные направления йоги в период с начала роста политического и экономического влияния идеологии неолиберализма (70 гг. XX века) до настоящего момента, а методологической основой служит фукольдианская концепция биополитики. Представляется важным решить, прежде всего, две задачи.

Во-первых, реконструировать представление о йоге как об аутентичной монолитной традиции с особым неизменным телом этических, психических и физических практик, представление, которое само по себе является идеализирующим фундаменталистским мифом, служащим для придания ценности йоге в глазах ее пользователей, а также создающим из нее контркультурную альтернативу доминирующему на Западе мышлению. Объектом критики здесь выступает коммодификация, секуляризация и глобализация.

И, во-вторых, осуществить деконструкцию такого представления об аутентичности традиции йоги через краткий анализ истории йоги и ее бесконечных инноваций, а также продемонстрировать тенденцию к слиянию современных форм йоги с западными капиталистическими и неолиберальными дискурсами.

В 2004 году около 2,5 миллионов практикующих йогу насчитывалось только в одной Великобритании. В 1994 опрос National Roper Poll Commissioned, проведенный по заказу «Yoga Journal», показал, что около шести миллионов американцев (приблизительно 3,3 % населения) практиковали йогу. В 2004 году, десять лет спустя, уже 15 млн. американцев регулярно практикуют йогу. В 2008 году расходы населения США на йогу и товары ей сопутствующие составили 5,7 миллиарда долларов, число практикующих 15, 8 миллионов человек.

* Научный руководитель: Минеев Валерий Валерьевич, доктор философских наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева.

** Scientific supervisor: Mineev Valeriy Valerjevich, Ph.D. in philosophical sciences, professor of the V. P. Astafjev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

К 2012 10,3 миллиарда долларов, а число практикующих достигло 20.4 млн. человек [1].

В 2016 году ЮНЕСКО включила йогу в Репрезентативный список культурного нематериального наследия человечества, в связи с тем, что йога повлияла «на многочисленные аспекты жизни индийского общества в сфере здравоохранения, медицины, образования и искусства». Как объясняется на официальном сайте организации, йога «ставит целью достижение гармонии тела, ума и души для улучшения физического, духовного и психического состояния, для этого используются различные позы, медитация, управляемое дыхание, чтение наизусть и другие методы» [2].

Практика и теория йоги, как они воспринимаются сейчас на Западе с точки зрения отношения к политике и структурам общественного управления, трактуются двояко.

С одной стороны, они воспринимаются как вызов доминирующим культурно-политическим нормам западного мира. Апологеты этой позиции, вовлечены в дискурс необходимости защиты аутентичности/чистоты йоги. Как и всякое пуристское социальное движение, они считают, что существует некая неизменная предвечная традиция йоги, которая должна охраняться, дабы, во-первых, сохранить дух йоги, и/или, во-вторых, не потерять ее протестный антивластный потенциал.

С другой стороны, сама современная йога на Западе встроена в уже бытийствующие модели дисциплинарной власти, своими ритуалами и импликациями, поддерживая и усиливая ее.

Вместе с глобализацией, йога начинает постепенно адаптироваться под разные социальные и культурные условия, которые радикально не похожи на юго-восточные условия места ее возникновения, и во многих регионах практика йоги начинает жить своей собственной жизнью, несвязанной с оригинальными индийскими корнями. Несмотря на растущую популярность йоги, а возможно и благодаря ей, ясное понимание того, что же такое йога, каковы ее исторические контексты в юго-восточной Азии, каковы границы ее практических и теоретических построений у широкой публики и самих индивидов ее практикующих, зачастую отсутствуют. Монохромное видение йоги подкрепляется, по мнению современных английских исследователей James Mallinson и Mark Singleton, зачастую двумя главными факторами. Во-первых, преобладанием постурально-ориентированных систем йоги и их собственных интерпретаций понятия «йога» в недавней глобальной трасмиссии этого феномена. Во-вторых, отсутствием доступа к текстуальной традиции йоги у широкой публики и ограниченностью корпуса важнейших фундаментальных текстов только для узкой группы научных исследователей [19].

Признавая универсальное значение йоги, 11 декабря 2014 года Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции 69/131 провозгласила 21 июня Международным днем йоги. Международный день йоги направлен на повышение осведомленности во всем мире о многих преимуществах йоги. На официальном сайте ООН указано, что йога – это «древняя физическая, психическая и духовная практика, которая возникла в Индии. Слово «йога» происходит от санскрита и означает «соединение» или «связь», символизируя соединение тела и сознания. Сегодня существует несколько различных направлений йоги, которые практикуются по всему миру и продолжают расти в популярности» [4].

Таким образом, с одной стороны йога становится институированной на самом высшем уровне международных структур власти, с другой, имплицитно признается неосведомленность о йоге, а также наличие нескольких, по всей видимости, отличающихся друг от друга направлений.

Кроме того, важно заметить, что даже ООН, на международном уровне утверждая статус йоги, допускает серьезную и показательную неточность в отношении определения понятия, говорящую о непонимании историчности йоги, ее социо-культурной поливалентности, а также нагруженности современной йоги религиозно-философской проблематикой.

Джеральд Джеймс Ларсон, один из мировых научных авторитетов по Санкхье и Йоге, постоянно в своих лекциях говорит, что в своей классической форме йога не означает связь/соединение/союз. Слово «йога» относится одновременно как к определённым традициям психофизической дисциплины, так и к цели этой дисциплины. К примеру, один из наиболее важных текстов по йоге, «Йога-сутры» Патанджали (~ 4-5 вв. н.э.) определяет йогу как «прекращение деятельности сознания» [6]. В общем это состояние, и соответсвенно, сама йога называются Патанджали в тексте словом «самадхи», то есть концентрация, сосредоточение, которое «при сознании, собранном в точку, высвечивает объект как он есть в реальности….оно-то и получает название йоги сознания» [6]. Важно обозначить, что йога здесь базируется на постулатах Санкхьи, дуалистической философии, полагающей существование ментального принципа «пуруши» и материального «пракрити». Состояние человека это неразличимость этих двух принципов, связанность духа материей и необходимость достижения состояния разотождествления, отделения духа от материи. И йога как цель практики йоги является согласно Патанджали не союзом, а ровно наоборот – отделением, изоляцией пуруши от практити через сосредоточение.

Следуя за Кнутом Якобсеном, мы можем выделить 5 основных значений понятия йога [16]:

1. Йога как метод достижения цели
2. Йога как техника контроля тела и ума
3. Йога как название одной из школ классической индийской философии
4. Йога как ссылка на особую под-традицию, направление, школу особых техник йоги (из пункта 2.). Обычно с приставками хатха, мантра и т.п.
5. Йога как цель йогической практики (как некое состояние сознания).

Именно в последнем значении некоторые из индийских средневековых религиозно-философских направлений определяли йогу как союз (например, адвайта-веданта как союз Высшего сознания и индивидуального сознания, их недвойственность, тождественность). Но с точки зрения фундаментального для развития йоги текста Патанджали, основывающегося на дуалистической системе Санкхьи, это определение, разумеется, неприемлемо. Но именно оно, - неосновное, вторичное, нагруженное религиозной индийской историей определение, - стало преобладающим в современном массовом сознании, что симптоматично подчеркивается в определении йоги данном ООН.

Современные исследователи феномена йоги подчеркивают, что само определение понятия «йога» зависит от социального и исторического контекста, и может иметь иногда прямо противоположные значения. По словам исследователя Дэвида Гордона Уайта, слово йога – одно из самых многозначных в санскрите. Это слово может обозначать «запрягание животного и то, во что его запрягают, схождение планет, схождение звезд, а также созвездие, смешение различных

веществ; может использоваться для обозначения устройства, способа, метода, стратегии, волшебства, заклинания, обмана, хитрости, усилия, объединения, союза, приведения в порядок, радения, внимания, усердия, трудолюбия, дисциплины, цели, прилежания, связи, совокупности, и алхимии. И это далеко не полный список» [23].

Нас в большей степени интересует йога, как «совокупность различных духовных, психических и физических практик, разрабатываемых в разных направлениях индуизма и буддизма и нацеленных на управление психическими и физиологическими функциями организма с целью достижения индивидуумом возвышенного духовного и психического состояния» [16].

Если говорить о популярном изложении идей йоги и ее генезиса, то разные авторы возводят ее появление то к йога-сутрам Патанджали (4-5 вв. н.э.), то к Ведам (1700-1500 гг. д. н э.), то даже к Индской (Хараппской) цивилизации 4 т. до н.э. Такая упрощенная версия истории йоги, с подчёркнуто древним ее происхождением и часто одновременно акцентом на неизменности концепций и их первозданной сохранности до наших дней, не соответствует исторической реальности, которая гораздо сложнее с точки зрения современной гуманитарной науки.

Согласно данным последних исследований истории, антропологии и этнографии йоги, феномен йоги является и являлся синкретическим и внутренне противоречивым с самого момента своего зарождения в Индии и не существует прямой, непрерывной концептуальной связи между южноазиатски до-модерновыми системами йоги и современными постуральными практиками.

Относительно систематические концепции по йоге появляются в рамках аскетических общин на территории Индии – Пакистана в среде буддистов, джайнов и адживиков, начиная с 6 века до н.э., безусловно предполагая, что йога того времени была культурно южно-азиатской. При этом практиковалась она среди множества этих религиозных традиций совершенно разнообразным образом. Анализируя индийские тексты и традиции, включающие идеи йоги, обнаруживается факт того, что йога развивалась и систематизировалась мириадами способов, заполнялась кросскультурными заимстованиями, передавала идеи через проницаемые границы индуистских, буддистских, джайнских, а позже исламских и других не-брахманических традиций отшельничества.

Постуральные, телесно-ориентированные практики йоги, наиболее популярные сейчас, с которыми йога зачастую ассоциируется у широкой публики, возникают внутри тантрических систем индуизма и буддизма около 10-11 веков н.э. Тантра как широкое философско-религиозное концептуальное поле разнородных южно-азиатских практик, включает акцент на ритуализированности жизни, а также центрируется вокруг использования телесности, как пути к трансценденции. Она признает тело, удовольствие и трансгрессию как инструменты для работы с умом, что являлось неприемлемым для большинства до-тантрических аскетических школ. Именно внутри этих идей возникает хатха йога, - «силовая йога» или «йога посредством усилия», в которую концептуально войдут разные идеи и практики буддизма, шиваизма, исламские влияния, не-индуистский автохтонный аскетизм и другое [18].

Таким образом, современный образ йоги, как вечной, неизменной и аутентичной не соответствует действительности, йога всегда была объектом интерпретации и редактирования и как всякий социальный феномен, является деривативной и синкретической с момента появления, что и дает почву для сонмов толкований и дефиниций.

В 19 веке йога появляется на Западе, причем сразу становясь идеологическим инструментом взаимовлияния различных страт. С одной стороны, начиная с всемирного конгресса религий в Чикаго в 1893 г, Свами Вивекананда преподносит йогу как современную, рациональную, аскетическую и созерцательную традицию, близкую христианству по целям (постижение Высшего) и методам (молитва/созерцание/сосредоточение). Целью Свами, через избирательное чтение/толкование Патанджали, являлось донести до широкой американской публики наличие в Индии определенной актуальной духовности в виде йоги, монолитной по содержанию, древней и аутентичной с точки зрения исторического развития. Как заявляет Вивекананда, обращаясь к людям Запада: «Вы давно забыли, что Назаретянин сам был представителем Востока. Со всеми вашими попытками изображения его голубоглазым и светловолосым, он, тем не менее, был восточным человеком. Все сравнения, образы Библии - …говорят вам о Востоке.. о всем том, что и сейчас можно видеть в Азии». Более того, именно Восток сохранил истинную религию, которой и является йога: «Голос Азии - голос религии. Голос Европы - голос политики» [6].

Уже с момента своего появления на Западе, йога была отредактирована так, что стала посредником между наукой и религией, заняв объяснительную нишу для позже возникшего движения Новой мысли и Нью Эйджа. Как скажет сам Вивекананда: «Раджа-Йога не следует непростительной манере некоторых современных учёных: она не отрицает фактов, которые очень трудно объяснить. Эта наука просто, хотя и в решительных выражениях, говорит суеверным, что чудеса, исполнение молитв и сила веры, будучи действительными как факты, не могут быть объяснены действиями заоблачного существа или существ. Раджа-Йога заявляет, что всякое существо есть только проводник бесконечного океана знания и силы, который находится вне человечества» [4]. Поскольку современная йога претендует на осуществление посреднической миссии в отношении науки и религии, она, подобно, например, модернизированной католической теологии, не может игнорировать принципы глобального эволюционизма [7]. Йога делает акцент, конечно, на духовной стороне эволюции, хотя сущность духовной эволюции может быть интерпретирована по-разному. В данной статье, к сожалению, нет места для рассмотрения этой важной проблемы. Обратим внимание лишь на то обстоятельство, что «наука, по определению призванная открывать истину и способствовать освобождению человека, в информационном обществе может превращаться в инструмент целенаправленного насаждения мифов и заблуждений, в инструмент политического господства» [8]. В этой связи наука действительно теряет презумпцию особой формы знания, ближе других стоящих к истине, и уравнивается в положении с иными формами духовной культуры.

Наряду с восприятием йоги как религиозно-философской, этической и созерцательной традиции возникает и другое течение йоги, а именно йога как национальная физическая культура, психофизический тренинг, состоящий из особых поз, типов дыхания, медитаций, очистительных процедур и, в целом, образа жизни. Апологетами такого подхода были Т. Кришнамачарья, Свами Кувалаянанда, Шри Йогендра, Свами Шивананда и др. Подобная интерпретация йоги с акцентом на фитнес едва ли имела место в

истории йоги до 20 века, была связана с национально-освободительным антиколониалистским движением в Индии и зачастую содержала националистическую риторику. Как и в случае Вивеканандой, авторы этого направления йоги также творчески подошли к чтению средневековых текстов по йоге, популяризируя отдельные из них, опуская иные и ставя акценты на легитимации йоги как предвечного индийского фитнеса, не замечая новизны и ограниченности данной интерпретации многообразного феномена йоги [23].

Именно эта разновидность йоги позже, со второй половины 20 века, получит широкую известность на Западе, особенно, через популяризацию таких фигур как Паттабхи Джойс и Айенгар (ученики Кришнамачарьи). Среди причин йога-бума в эти годы можно выделить следующие:

– усиление глобализации и секуляризации современной (массовой) культуры после второй мировой войны

– быстрое развитие индустрии туризма и массового конвейерного туризма

– рост популярности движения Нью Эйдж и увлеченность западной контркультуры альтернативными восточными версиями духовности

– бурное развитие послевоенного общества потребления в целом

– либерализация иммиграционной политики в 60 гг.

Последний период развития йоги можно отнести к 80 гг., когда Запад стал сам активно создавать свою йогу через брендирование, маркетинг, глобализацию и т.п. Современная йога йоги является хорошим примером того, что Фуко называет «практикой себя». Йога есть путь, который, по словам Айенгара, «совершенствует тело и чувства, успокаивает ум, воспитывает рассудок и приводит к покою души, которая есть суть нашего существа» [14].

Такой акцент на психофизической подготовке предполагает, что современную йогу лучше всего рассматривать как духовную или религиозную практику [20]. При этом возможна и иная оптика, построенная на поздних идеях Мишеля Фуко, которая концептуализирует йогу как «деятельность по формированию себя, как технику самосовершенствования, как этику» [22]. Однако процесс, в ходе которого потребитель йоги осмысляет и допускает контроль своего тренера над их развитием в йоге, можно рассматривать и как технику дисциплинарного контроля , характерную для религиозных групп вообще: внутренние верования и практики служат для подтверждения ценности группы, сдерживая индивидов от активной критической позиции [21].

Постуральная йога является технологией последовательной самотрансформации, самовоспитания и самосовершенствования. Телеология йоги весьма разнообразна, но для большинства школ характерен акцент на постоянном, методичном улучшении субъекта практики. Конкретные цели, повторимся, могут варьироваться от достижения психофизического бессмертия до улучшения пищеварения. Важным условием этих достижений являются регулярность. Нужно заметить, что акцент на самосовершенствовании проходит красной нитью через всю историю йоги, начиная от ранних текстов (понятие авидья, – незнание в буддистской традиции, и практика медитации, как постепенное снятие незнания) до новейших интерпретаций йоги современными авторами. Говоря словами современного учителя йоги Айенгара, «йог тоже знает, что он должен постоянно совершенствоваться» [1]. При этом в своей современной форме, концептуальные понятия йоги могут трансформироваться под влиянием господствующего неолиберального дискурса.

Важнейшими концептами неолиберализма в контексте влияния логики рынка и потребительской культуры на социальные отношения является перенесение локуса контроля за жизнью, экзистенциальных выборов (скажем, выбора идентичности) и ответственности за происходящее с субъектом с государства, внешней власти, самому индивиду, власти внутренней.

Кроме того, социальное тело начинает жить по правилам экономического агента. По словам Фуко, «речь идет о распространении экономической модели, модели спроса и предложения, модели инвестиции-затрат-прибыли, из которой выводится модель социальных отношений, модель самого существования, форма отношения индивида к самому себе, ко времени, к своему окружению, к потомству, к группе, к семье» [11].

Таким образом, новый тип рациональности под названием неолиберализм в отношении человеческого и социального капиталов имеет целью «формирование и образование индивида, для которого внутренние стратегии «личностного развития» и карьерного роста служат интересам коммерческой конкуренции» [6].

Иными словами, вечные идеи самосовершенствования ума и тела, в условиях неолиберальной этики поглощаются биополитическими режимами власти для максимизации того, что может дать развитие ума или улучшение телесных функций через само-управление, вложение в себя сил и средств, и впоследствии повышения своей будущей стоимости. Основными чертами постуральной йоги, функционирующей в неолиберальном этосе являются следующие:

1. Свобода потребительского выбора.

2. Предположение о рациональности, рассудительности делающего выбор в пользу той или иной практики агента.

3. Преподаватели используют смыслы и фразы, возлагающие ответственность за ситуацию на ученика, его поведение и культурные паттерны.

4. Практика йоги индивидуализируется, студенты часто имеют на выбор несколько вариантов выполнения поз, что соответствует кастомизации современного производства.

5. Акцент на самодисциплине, саморегуляции и самоконтроле, которые в условиях эпохи постфордизма направлены на контроль ума и тела в условиях доминирования идеологии постоянного потребления продуктов и услуг.

6. Коммодификация йоги.

7. В дискурсе йоге отражается конкурентная борьба человеческих капиталов.

8. Йога превращается в инвестиции в себя.

9. Количественный фетишизм (унифицированные системы количественных оценочных показателей для студентов, преподавателей и школ йоги).

С этой точки зрения, постуральная йога, функционируя в неолиберальном этосе, радикально дистанцируется от традиционной йоги, меняет свою дискурсивную практику, то есть то, что «разные люди делают, считая это необходимым, и что говорят, считая это истинным» [2].

Таким образом, постепенно разные периоды развития йоги, цели йоги, социально-экономические и нацио-

налистические дискурсы археологическими культурными слоями накладывались и перемешивались на протяжении истории, превращая ее в множество непохожих практик, которые зачастую могли быть объединены в один класс феноменов только по самоназванию. При этом сама практика и теория йоги концептуализировались согласно господствующему дискурсу, зачастую поддерживая его властные интенции.

Пристатейный библиографический список

1. Айенгар Б.К.С. Дерево йоги. – М.: МЕДСИ XXI, 1997. – С. 256.
2. Вен П. Фуко. Его мысль и личность / Перевод с фр. А.В. Шестакова. – СПб: Владимир Даль, 2013. – С. 195.
3. Вивекананда С. Живите внутренним миром. Лекция, прочитанная в Лос-Анджелесе, Калифорния, 1900. [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://swamivivekananda.ru/knigi-i-lekczii/zhivite-vnutrennim-mirom.html (дата обращения: 18.09.2023).
4. Вивекананда С. Раджа-Йога. Курс лекций / Перевод с англ. Я.К. Попова. – М.: Старклайт, 2012. – С. 237.
5. Йога / Пер. с санскрита В. Рудого, Е. Островской. – СПб: Азбука-классика, 2002. – С. 576.
6. Йога на благо мира. [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.un.org/ru/events/yogaday/ (дата обращения: 18.09.2023).
7. Минеев В.В. Парная работа на семинарах по философии: Учебное пособие для студентов вузов. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2013. – С. 132.
8. Минеев В.В. Формирование представлений о глобальном эволюционизме и синергетике в процессе изучения курса «История и философия науки» // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2008. – Вып. 2/3. – 13-20 с.
9. Пять новых элементов внесены в Репрезентативный список культурного нематериального наследия человечества [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://ru.unesco.org/news/pyat-novyh-elementov-vneseny-v-reprezentativnyy-spisok-kulturnogo-nematerialnogo-naslediya-0 (дата обращения: 18.09.2023).
10. Русакова О. Ф., Хмелинин А. А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2012. – Вып. 12. – С. 264.
11. Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе. – Киев: Дух и литера: Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. – С. 288.
12. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1978-1979 уч. году / Пер. с фр. А. В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2010. – С. 448.
13. Carter M. New Poses for Macho Men // The Times (London). – May 22. – 2004.
14. Friesen N., Kenklies K. Continental pedagogy & curriculum // International Encyclopedia of Education (Fourth Edition), 2023. – P. 245-255.
15. Gusman A. Guess Who's Coming to Yoga // Yoga Journal. – Sept/Oct. – 1994. – P. 8-47.
16. Jacobsen K. A. Theory and practice of Yoga: Essays in Honour of Gerald James Larson. – Brill Academic Publishers, 2005. – P. 478.
17. Joseph S. Alter. Yoga in modern India: The Body Between Philosophy and Science. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – P. 309-310.
18. Liberman K. The Reflexivity of the Authenticity of Hatha Yoga in Mark Singleton and Jean Byrne (eds.), Yoga in the Modern World: Contemporary Perspectives (London and New York: Routledge, 2008), [hereafter YMW]. – 104 p.
19. Mallinson J. Roots of Yoga, M. Michel Foucault on Attica: An Interview. – Telos. – 1974. – P. 61-154.
20. Michelis E. A History of Modern Yoga: Patañjali and Western Esotericism. – Bloomsbury, London and New York, 2005. – 302 p.
21. Remski M. Practice and All is Coming: abuse, Cult Dynamics and Healing in Yoga and beyond. Rangiora, New Zealand: Embodied Wisdom Publishing Ltd. 2019. – 366 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.yumpu.com/xx/document/read/62712125/pdf-download-practice-and-all-is-coming-abuse-cult-dynamics-and-healing-in-yoga-and-beyond-full-online.
22. Sidnell J. Ethical practice and techniques of the self at a yoga school in southern India // Anthropology Today. – 2017. – № 33 (4). – P. 13-17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/33909752/Ethical_practice_and_techniques_of_the_self_at_a_yoga_school_in_southern_India.
23. Vîşcu L-I., Cădariu I-E., Watkins C.E. Competency Based Training for Clinical Supervisors. Academic Press, 2023. – 395 p.
24. White D. G. Yoga in Practice. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012. – 416 p.
25. Yoga Journal Releases 2012 Yoga in America Market Study // YJ EDITORS. – Dec 5. – 2012.

СТЕПАНЕНКО Алексей Сергеевич
доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук, директор Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

ЗНАНИЕ И ИНФОРМАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК НОВЫЕ КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Искусственный интеллект — это следствие технического и технологического развития общества, и его развитие как данности современного мира становится неизбежным и необходимым, что поднимает важные вопросы о природе знаний, информации и последствиях использования искусственного интеллекта для правового пространства. Объектом исследования выступает познавательная активность, как феномен человеческой деятельности, предметом исследования выступает форма существования и систематизации результата познания. Цель данной статьи - представить теоретический анализ знаний и информации, генерируемых искусственным интеллектом, как новых категорий в философии права. В данной статье исследуются уникальные характеристики знаний и информации, генерируемых искусственным интеллектом, их влияние на принятие юридических решений и философские последствия для области права. Теоретический анализ затрагивает такие вопросы, как прозрачность искусственного интеллекта, подотчетность, правовое обоснование и проблемы интеграции знаний, полученных с помощью искусственного интеллекта, в существующую правовую базу.

Ключевые слова: право, принятие решений, правоприменимость, правореализуемость, правосубъектность.

STEPANENKO Alexey Sergeevich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of Humanities and socio-economic sciences sub-faculty, Director of the East-Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

KNOWLEDGE AND INFORMATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS NEW CATEGORIES OF PHILOSOPHY OF LAW

Artificial intelligence is a consequence of the technical and technological development of society, and its development as a given of the modern world becomes inevitable and necessary, which raises important questions about the nature of knowledge, information and the consequences of using artificial intelligence for the legal space. The object of research is cognitive activity as a phenomenon of human activity, the subject of research is the form of existence and systematization of the result of cognition. The purpose of this article is to present a theoretical analysis of knowledge and information generated by artificial intelligence as new categories in the philosophy of law. This article examines the unique characteristics of knowledge and information generated by artificial intelligence, their impact on legal decision-making and philosophical implications for the field of law. The theoretical analysis touches on issues such as transparency of artificial intelligence, accountability, legal justification and problems of integrating knowledge obtained with the help of artificial intelligence into the existing legal framework.

Keywords: law, decision-making, law enforcement, legal realizability, legal personality.

Философия права исследует сущность права и его основные характеристики, возникает закономерный вопрос как определить сущность и компоненты права знаний и информации, которые генерирует искусственный интеллект. Необходим всесторонний анализ понимания законности, поддержки и соблюдение права искусственным интеллектом, его легитимация и социальная функция, насколько правовая система должна основываться на моральных принципах, совмещая достижения научно-технического прогресса с суждениями искусственного интеллекта. Это включает вопросы о соответствии прикладного использования алгоритмов искусственного интеллекта этическим нормам, свободе совести и соблюдении моральных ценностей. Знания, генерируемые искусственным интеллектом, отличаются от традиционных знаний, которыми обладает человек: «*Благодаря экспоненциальному росту вычислительной мощности и огромному количеству данных искусственный интеллект (ИИ) в последние годы претерпел значительные изменения, что позволило повсеместно внедрить его в нашу повседневную жизнь*» [1, с. 2]. Алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ) могут обрабатывать огромные объемы данных, выявлять закономерности и генерировать идеи, которые могут быть неочевидны наблюдателям-людям, при этом ИИ лишен человеческого сознания и субъективного опыта, что поднимает вопросы о природе и надежности знаний, генерируемых ИИ. «*Проблема заключается в том, что, хотя они кажутся мощными с точки зрения результатов и прогнозов, алгоритмы ИИ страдают от непрозрачности, из-за чего трудно понять их внутренний механизм работы, особенно алгоритмы машинного обучения (ML). Что еще больше усугубляет проблему, потому что доверить важные решения системе, которая не может себя объяснить, представляет очевидную опасность*» [2, с. 52138]. Знания и информация, генерируемые искусственным интеллектом, потенциально могут существенно повлиять на процессы принятия правовых решений, предполагая наличие объективных критериев в алгоритме анализа судебных дел и прогнозировании юридических последствий. Однако высокая зависимость от знаний, используемых искусственным интеллектом, вызывает опасения по поводу прозрачности, объяснимости и потенциальной предвзятости при принятии решений. Алгоритмы искусственного интеллекта часто работают как черные ящики, что затрудняет понимание механизма принятия решений и причин их обуславливающих, которые лежат в основе их решений. Подобное отсутствие прозрачности механизма обработки знаний вызывает опасения по поводу подотчетности и способности представить объективные результаты правового поиска, полученные с помощью искусственного интеллекта. Философские соображения, касающиеся ответственности и объективности юридических решений, имеют решающее значение в контексте использования знаний, генерируемых искусственным интеллектом. Интеграция знаний, полученных с помощью искусственного интеллекта, в существующую правовую базу сопряжена с очевидными трудностями, так как правовые системы строятся на устоявшихся прин-

ципах, прецедентах и человеческой интерпретации, то есть внедрение знаний, полученных с помощью искусственного интеллекта, требует тщательного рассмотрения того, как они согласуются с правовыми принципами, потенциалом правовой эволюции и необходимостью человеческого надзора и объективностью суждений, которые основаны на этических принципах: «*На основе указанных принципов был разработан Этический кодекс, предусматривающий, что искусственный интеллект должен быть «законопослушным», т. е. гарантировать соблюдение прав людей, уважать их частную жизнь, действовать прозрачно и непредвзято, оберегать права незащищённых слоёв населения*» [3, с. 48]. Философия права рассматривает вопросы об основаниях права, его нормах и ценностях, этических аспектах знаний и информации, генерируемых ИИ. Искусственный интеллект также вызывает множество вопросов о правовых аспектах ответственности действий человека, использующего ИИ в своей юридической практике, например, кто будет нести ответственность за действия или ошибки искусственного интеллекта? Насколько ИИ влияет на сферу права путем создания новых технологий, которые могут напрямую или косвенно влиять на правовые системы при этом как степень влияния обусловлена этикой и моральными обязательствами. Примером может служить использование искусственного интеллекта в судебных процессах для анализа большого объема данных или для автоматизирования процессов принятия решений, подобные технологии вызывают не только практические вопросы правоприменимости и правореализуемости, но также и этические и юридические вопросы использования в юридической практике. Искусственный интеллект нельзя рассматривать как субъекта, обладающего самосознанием, но при этом возникает коллизия, так как ИИ способен принимать решения и действовать автономно, то в случае отсутствия правосубъектности непонятно кто несет ответственность за его действия, что очень важно с точки зрения этики и морали, а также с точки зрения юридической ответственности. Решение проблем прозрачности и подотчетности ИИ требует разработки механизмов, гарантирующих, что алгоритмы ИИ объяснимы и поддаются аудиту, что может включать использование интерпретируемых моделей искусственного интеллекта, установление стандартов прозрачности программных и алгоритмических решений, внедрение нормативно-правовой базы, которая обязывает системы искусственного интеллекта генерировать знания и информацию согласно этическим, правовым и социальным нормам.

Необходима разработка элементов правового и этического регулирования, которая бы устанавливала стандарты использования знания и информации, генерируемых ИИ:

1. Ответственность за содержание информации и использования знаний ИИ, когда ИИ принимает решения или осуществляет действия по распространению информации, возникает вопрос о том, кто несет ответственность за эти действия в случае ошибки или неправомерного поведения, при этом некоторые страны уже начали обсуждение правового статуса ИИ и его отношения к ответственности[1].

2. Важно гарантировать, чтобы ИИ был автономным, но при этом механизмы использования информации и знаний были прозрачными и объяснимыми, если ИИ используется для прогнозирования судебных решений или других юридических аспектов, его действия и алгоритмы могут быть подвержены проверке и объяснению, чтобы обеспечить справедливость и предотвратить произвол по отношению к человеку.

3. Использование ИИ в юридической практике включает работу с большим объемом данных, включая персональные и конфиденциальные данные, отсюда становится важным соблюдать правила защиты данных, обеспечивать безопасность информации, чтобы предотвратить нарушение конфиденциальности и нарушение права на личную жизнь.

4. Использование ИИ может потенциально усиливать существующие проблемы дискриминации и предвзятости к определённым социальным слоям, особенно если обучающие данные содержат недостаточное количество информации о разных группах людей, то есть правовая система должна быть особенно внимательной к подобным аспектам и сделать все возможное, чтобы предотвратить дискриминацию и предвзятость.

Интеграция знаний, полученных с помощью искусственного интеллекта, в правовую базу требует тщательного изучения их совместимости с существующими правовыми принципами и прецедентами в правовой практике, что неизбежно предполагает рассмотрение роли человеческого суждения и интерпретации знаний и информации в принятии юридических решений, а также потенциала правовой эволюции и адаптации к информации, генерируемой искусственным интеллектом.

Этические соображения имеют первостепенное значение при использовании знаний, полученных с помощью искусственного интеллекта, в правовой сфере, обеспечение справедливости, недопущение предвзятости и защита индивидуальных прав и неприкосновенности частной жизни являются важнейшими аспектами, которые необходимо учитывать при использовании знаний, генерируемых ИИ. Следует разработать этические руководящие принципы и нормативные акты, которые будут регулировать использование искусственного интеллекта в правовой системе.

Заключение

Появление знаний и информации, генерируемых искусственным интеллектом, представляет новые категории осмысления в философии права, уникальные характеристики знаний, генерируемых искусственным интеллектом, и их значение для принятия юридических решений имеют важное значение, так как прозрачность, подотчетность и интеграция искусственного интеллекта в правовую базу являются ключевыми элементами влияющими на эффективность правовой и судебной систем. Необходимы дальнейшие исследования и междисциплинарное сотрудничество, чтобы разобраться в философских последствиях и практическом применении знаний, генерируемых искусственным интеллектом, в области права. Обязательства и правила, регулирующие использование искусственного интеллекта в юридической практике, меняются в зависимости от конкретной юрисдикции регулирующих органов и правовых механизмов. Постоянное обновление и адаптация правовых норм и принципов к изменяющемуся технологическому и социальному контексту знаний и информации, генерируемых ИИ являются важными задачами для обеспечения правоприменимости использования ИИ в юридической практике.

Пристатейный библиографический список

1. Minh D. et al. Explainable artificial intelligence: a comprehensive review // Artificial Intelligence Review. – 2022. – С. 1-66. - DOI 10.1007/s10462-021-10088-y.
2. Adadi A., Berrada M. Peeking inside the black-box: a survey on explainable artificial intelligence (XAI) // IEEE access. – 2018. – Т. 6. – С. 52138-52160. - DOI 10.1109/ACCESS.2018.2870052/
3. Шидловский А. В., Задорин М. Ю. Естественное право и искусственный интеллект: на пути к «цифровому Кембрийскому взрыву» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 39-53. – DOI 10.18384/2310-6794-2021-3-39-53. – EDN EGNYMU.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eticheskie-i-pravovye-voprosy-iskusstvennogo-intellekta/.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения
(статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.)
при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или возвратить автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отсылает текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.